ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ XXIII

1886

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2

1886

№ 1140

СОДЕРЖАНІЕ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

(ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ).

всѣхъ привиллегій.—Борьба лорда Чёрчиля съ Чемберленомъ по рабочему вопросу.—Побѣда лорда Чёрчиля надъ Чемберленомъ; Брайтъ убѣгаетъ; Гладстонъ опечаленный сидитъ на вѣточкѣ.— Лордъ Гартингтонъ—представитель умѣреннаго либерализма и Чемберленъ—радикалъ рвутъ на части либеральную политику къ ужасу главы ея Гладстона. — Вначалѣ выборовъ побѣда была на сторонѣ консерваторовъ, и потому Салисбюри превозносится, а Гладстонъ падаетъ. — Побѣда либераловъ; впереди Гладстонъ, сзади его товарищи по кабинету; всѣ въ министерскихъ мундирахъ. — Восходящее свѣтило радикаловъ Чемберленъ совершаетъ затмѣніе надъ блескомъ Гладстона. — Леди везетъ къ мѣсту выборовъ избирателей ея мужа. — Джонъ Буль и его близнецы.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ:

Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ, издаваемые съ высочайшаго соизволенія П. Н. Батюшковымъ. Выпускъ восьмой. Холмская Русь. (Люблинская и Сѣдлецкая губернія). Спб. 1885. **М. И. Городецкаго.** — Сочиненія А. С. Грибоѣдова. Съ портретомъ автора. Изданіе Шамова. Москва. 1886. **А. К.** — Характеръ отношеній Россіи къ православному Востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Н. Каптерева. М. 1885. **А. К. Бороздина.** — Очеркъ юридическаго быта мордвы. Отвѣты на программу императорскаго русскаго географическаго Общества. Владиміра Майнова. Спб. 1885. **С. Ш.** — Закавказскія воспоминанія. Мингрелія и Сванетія съ 1854 по 1861 годъ. К. А. Бороздина. Спб. 1885. **Ѳ. Б.** — Систематическій указатель статей, помѣщенныхъ въ періодическихъ изданіяхъ съ 1830 по 1884 годъ. Составилъ фл.-адъют. полковникъ Поповъ. Спб. 1886. **М. Г-каго.** — Исторія с.-петербургской православной духовной семинаріи, съ обзоромъ общихъ узаконеній и мѣропріятій по части семинарскаго устройства. 1809—1884. Составилъ Александръ Надеждинъ. Спб. 1885. **Б. А.** — Свѣдѣнія о мишаряхъ. Этнографическій очеркъ. Протоіерея Е. А. Малова. Казань. 1885. **С. И. С—кова.** — Острожская типографія и ея изданія. Историческая монографія А. К. Сѣлецкаго. Въ 2-хъ частяхъ. Почаевъ. 1886. **Б. А.** — Холмскій народный календарь. Годъ второй—1886. Кіевъ. 1885. **М. Г.** — К. Бестужевъ-Рюминъ. Русская исторія. Томъ II. Выпускъ первый. Спб. 1885. **И. Р.** — Сборникъ статей, разъясняющихъ польское дѣло по отношенію къ Западной Россіи. Составилъ и издалъ С. Шолковичъ. Выпускъ I. Вильна. 1885. **М. И. Городецкаго.** — Отчетъ императорской публичной библіотеки за 1883 годъ. Спб. 1886. **И. Б—а.** — Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи. Эдуарда Гиббона. Перевелъ съ англійскаго В. Н. Невѣдомскій. Спб. 1885. Томъ VI. **В. З.** — Отроческіе годы Пушкина. Біографическая повѣсть В. П. Авенаріуса. Спб. 1886. **В. З.** — Георгъ Веберъ. Всеобщая исторія. Переводъ со втораго изданія, пересмотрѣннаго и переработаннаго при содѣйствіи спеціалистовъ. Томъ первый. Перевелъ Андреевъ. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1885. **А. К.** — Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Томъ X. 1853—1878 гг. Спб. 1886. **В. З.** — Краткій очеркъ исторіи харьковскаго дворянства. Д. В. Иллятевича. Харьковъ. 1885. **П. У.** — Монографіи по исторіи Западной и Юго-Западной Россіи. В. В. Антоновича. Томъ I. Кіевъ. 1885. **А. Б—ина.** — Т. Моммсенъ. Римская исторія. Томъ пятый. Провинція отъ временъ Цезаря до временъ Діоклетіана. Переводъ В. Н. Невѣдомскаго. Изд. Солдатенкова. Москва. 1885. **А. К.** — Обзоръ дѣятельности учрежденной по высочайшему повелѣнію постоянной коммиссіи по устройству народныхъ чтеній въ С.-Петербургѣ и его окрестно-

О ПОДПИСКѢ

НА

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ"

въ 1886 году.

(СЕДЬМОЙ ГОДЪ).

«Историческій Вѣстникъ» будетъ издаваться въ **1886 году** на тѣхъ же условіяхъ и по той же программѣ какъ и въ предшествовавшія шесть лѣтъ (1880—1885).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) **десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.**

Съ январской книжки **«Историческаго Вѣстника»** начнется печатаніе историко-бытовой повѣсти **графа Е. А. Саліаса**, подъ заглавіемъ **«Свадебный бунтъ»**.

Кромѣ того, изъ обширнаго собранія матеріаловъ, находящихся въ распоряженіи редакціи, въ первыхъ книжкахъ **«Историческаго Вѣстника» 1886 года**, будутъ помѣщены, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Отрывокъ изъ семейной хроники. **Н. А. Бороздина.** — Алазанская долина. Изъ кавказскихъ воспоминаній. **Его же.** — Прошлое и настоящее «свободныхъ художествъ» въ Россіи. **Ѳ. И. Булгакова.** — Воспоминанія артиста объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ. **Ѳ. А. Бурдина.** — Нашъ солдатъ въ пѣсняхъ, поговоркахъ и сказаніяхъ. **И. Д. Бѣлова.** — Русскій казакъ въ Лондонѣ. **Н. А. Бѣлозерской.** — Баронъ Исай Петровичъ Шафировъ. **Ѳ. А. Бычкова.** — Шевченко въ Оренбургѣ. (По новымъ документамъ). **Е. М. Гаршина.** — Тамбовская украина въ XVII столѣтіи. **И. И. Дубасова.** — Амазонская рота при Екатеринѣ II. **Г. В. Есипова.** — Записки **Раф. Мих. Зотова.** — Представитель русскаго романтизма. **В. Р. Зотова.** — Общественная жизнь въ Англіи въ концѣ прошлаго столѣтія. **Его же.** — Свѣтлыя минуты императора Павла. **П. П. Каратыгина.** —

Бѣлая дама. Историческій разсказъ. **Е. П. Карновича.** — Кургановъ и его письмовникъ. **А. И. Кирпичникова.** — Княгиня Н. Б. Долгорукая. **Д. А. Корсакова.** — Н. А. Кудрявцевъ и его потомство. **Его же.** — Отрывокъ изъ воспоминаній. **Н. В. Кукольника.** — Архіерейское нареченіе и хиротонія. **Н. С. Лѣскова.** — Эпизодъ изъ жизни И. И. Введенскаго. **А. П. Милюкова.** — Генералъ-губернаторство графа Н. Н. Муравьева въ Сибири въ 1859 и 1860 годахъ. **Б. А. Милютина.** — Дѣдъ Пушкина. **В. О. Михневича.** — Плѣнные англичане въ Россіи. **А. Н. Молчанова.** — Вѣчевой колоколъ. **Д. Л. Мордовцева.** — Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху. **А. И. Незеленова.** — А. Ѳ. Писемскій по его собственнымъ автобіографическимъ замѣткамъ. **П. Н. Полеваго.** — Полубарскія затѣи. (Театры и крѣпостные актеры). **М. И. Пыляева.** — Е. И. Семенова. Очеркъ изъ исторіи русскаго театра. **А. Н. Сиротинина.** — Городъ Гродно и Гродненская губернія во время послѣдняго польскаго мятежа. **С. Т. Славутинскаго.** — Воспоминанія **графа В. А. Соллогуба.** — Въ горахъ и долинахъ русскаго Тянь-Шаня. **Н. В. Сорокина.** — Природа и человѣкъ въ Средней Азіи. **Его же.** — Воспоминанія стараго литератора. **А. В. Старчевскаго.** — Горицкій монастырь въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ и два іерарха русской церкви XVIII столѣтія. **А. А. Титова.** — Среди скитницъ. **П. С. Усова,** и др.

Большая часть названныхъ статей будетъ иллюстрирована рисунками, объясняющими текстъ и воспроизведенными съ наиболѣе достовѣрныхъ оригиналовъ.

Въ приложеніи къ первымъ тремъ книжкамъ **«Историческаго Вѣстника»** 1886 года будетъ напечатана оригинальная драма изъ древне-римской жизни **В. П. Буренина,** подъ заглавіемъ **«Смерть Агриппины».** Обѣщанное для приложенія въ 1885 году, но не помѣщенное по недостатку мѣста, сочиненіе Сильвіо Пелико **«Мои темницы»** въ новомъ переводѣ **А. Н. Дьяконова и съ иллюстраціями,** будетъ непремѣнно напечатано въ 1886 году. Кромѣ того, для приложенія приготовленъ переводъ живыхъ и талантливыхъ очерковъ **Перваноглу** подъ заглавіемъ **«Историческія картины Византійскаго государства».**

Главная контора **«Историческаго Вѣстника»,** въ **Петербургѣ,** при книжномъ магазинѣ **«Новаго Времени»,** Невскій проспектъ, № 38. Отдѣленіе конторы въ **Москвѣ,** при московскомъ книжномъ магазинѣ **«Новаго Времени»,** Кузнецкій мостъ, д. Третьякова.

ВѢЧЕВОЙ КОЛОКОЛЪ.

ВЪ РЯДУ историческихъ именъ и историческихъ реликвій, которыя оставила потомству исторія Русской земли, на долю двухъ изъ нихъ, далеко не крупныхъ, какъ имени, такъ и реликвіи, безспорно, выпала довольно крупная извѣстность.

Кто не знаетъ того имени и той реликвіи, которыя я разумѣю?— Имя это — Мароа Борецкая, вдова одного изъ бывшихъ новгородскихъ посадниковъ, извѣстная болѣе подъ именемъ Мароы-посадницы, а реликвія—вѣчевой колоколъ.

Какія же были особенныя причины, вслѣдствіе которыхъ на этихъ двухъ, далеко не крупныхъ, историческихъ величинахъ отразилось, почти одинаково и нераздѣльно, историческое безсмертіе? Почему эти величины такъ ярко врѣзались въ общую нашу память?

Событія, съ которыми связаны эти историческія величины, принадлежатъ къ XV-му столѣтію, очень отдаленному отъ насъ и далеко не яркому въ исторіи Русской земли. Все это столѣтіе было довольно безцвѣтное, безъ историческихъ рельефовъ, за которые легко зацѣпляется человѣческая память и несетъ ихъ съ собою къ безсмертію; XIV-е столѣтіе дало намъ болѣе выдающіеся историческіе рельефы; XVI-е тоже, и даже очень яркіе. Въ XIV-мъ столѣтіи ярко выступаютъ такія историческія событія, какъ Куликовская битва, нашествіе Тохтамыша, Тамерлана. Въ XVI-мъ столѣтіи рельефно выдѣляются на общемъ фонѣ исторіи Русской земли: покореніе Астраханскаго царства, взятіе Казани—этихъ послѣднихъ свидѣтелей господства надъ Русскою землею татарскаго ига, появленіе на Русской землѣ типографскаго станка, легендарное покореніе Сибирскаго царства такими же легендарными историческими дѣятелями (Ермакъ, Кольцо).

Ничего подобнаго, повидимому, не представляетъ XV-й вѣкъ, столь громкій въ исторіи всего міра (мученичество Гуса, сожженіе Іоанны д'Аркъ, начало печатнаго дѣла, открытіе Америки, морской путь Васко-де-Гамы; а сколько яркихъ именъ!). Въ исторіи Русской земли этотъ вѣкъ — полная безцвѣтность.

Но изъ этой безцвѣтности ярко выступаетъ одно только событіе — покореніе Новгорода, и въ фокусѣ этого событія стоятъ, какъ яркія точки, тѣ двѣ историческія величины, которыя я назвалъ выше. Едва ли кто станетъ оспоривать, что эти двѣ, сравнительно мелкія, даже ничтожныя, величины въ воображеніи нашемъ заслоняютъ собою такую, безспорно, очень крупную въ въ исторіи Русской земли величину, какъ московскій великій князь Иванъ Васильевичъ III, покоритель Новгорода, выдвинувшій на высоту историческаго безсмертія и эту самую Мареу, и этотъ ничтожный колоколъ, который бы нынѣ казался жалкимъ въ любомъ русскомъ селѣ.

Но все же для насъ до сихъ поръ остается неясною причина этой яркости. Въ чемъ она? Она въ нашемъ воображеніи, въ нашихъ историческихъ рефлексахъ. Но почему воображеніе наше не останавливается надъ покореніемъ Пскова? Вѣдь судьба его была не менѣе трагична, какъ и судьба Господина Великаго Новгорода. Развѣ не глубоко-трогателенъ этотъ плачъ лѣтописца о гибели своего города? — «О славнѣйшій граде Пскове Великій! Почто убо сѣтуеши и плачеши? И отвѣща прекрасный градъ Псковъ: како ми не сѣтовати, како ми не плакати и не скорбѣти своего опустѣнія? Прилетѣлъ бо на мя многокрыльный орелъ, исполнь крылѣ львовыхъ ногтей и взятъ отъ мене три кедра Ливанова — и красоту мою, и богачество, и чада моя восхити, Богу попустившу за грѣхи наша, и землю пусту сотвориша, и градъ нашъ разориша, и люди моя плѣниша, и торжища моя раскопаша, а иныя торжища коне-

вымъ каломъ заметаша, а отецъ и братію нашу разведоша, гдѣ не бывали отцы и дѣды и прадѣды наша, и тамо отцы и братію нашу и други наша заведоша, и матери и сестры наша въ поруганіе даша. А иные во градѣ многи постригахуся въ чернцы, а жены въ черницы, и въ монастыри поидоша, не хотяще въ полонъ поити отъ своего града во иные грады» (Псков. лѣт. I, 287).

И, между тѣмъ, этотъ трагическій моментъ остается въ туманѣ, а такой же моментъ въ жизни Новгорода влечетъ къ себѣ и наше воображеніе, и наши симпатіи.

Почему именно надъ послѣднимъ останавливается воображеніе художника, и карандашъ его рисуетъ эту сѣдую Мареу, жалкую старуху, и этотъ жалкій колоколъ, везомый на дровняхъ? Почему кисть художника не воспроизводитъ суроваго образа самого тріумфатора, въ побѣдномъ шествіи котораго, въ хвостѣ этого торжественнаго шествія, волокли и эту сѣдую старуху, и этотъ опальный колоколъ, превращенный въ позорное сидѣнье московскаго возницы?

Я не ошибусь, мнѣ кажется, если позволю себѣ утверждать, что въ ранней юности всѣ мы плакали и надъ участью этой бѣдной старухи, и этого опозореннаго колокола, а если не плакали, то глубоко сочувствовали, всетаки, имъ.

Кто въ свое время не читалъ «Мареы-посадницы» Карамзина?— Вотъ гдѣ, по нашему мнѣнію, источникъ популярности и несчастной посадницы, и колокола — «вѣчнаго колокола», какъ его называетъ лѣтописецъ.

Бесспорно, въ обширныхъ, монументальныхъ познаніяхъ въ исторіи Русской земли и ея исторически-бытоваго колорита никто не посмѣетъ отказать Карамзину. Кто вынесъ изъ мрака архивовъ на свѣтъ божій все наше историческое прошлое, кто десятки лѣтъ имѣлъ своими собесѣдниками вылинявшіе отъ времени листы лѣтописей и архивные свитки, тотъ не могъ не проникнуться духомъ той отдаленной жизни и не впитать въ себя ея живую, для насъ мертвую, рѣчь.

И, между тѣмъ, онъ заставляетъ Мареу-посадницу говорить такое ораторское слово:

«Скоро ударитъ послѣдній часъ нашей вольности, и вѣчевый колоколъ, древній гласъ ея, падетъ съ башни Ярославовой и навсегда умолкнетъ!.. Тогда, тогда мы позавидуемъ счастію народовъ, которые никогда не знали свободы. Ея грозная тѣнь будетъ являться намъ, подобно мертвецу блѣдному, и терзать сердце наше безполезнымъ раскаяніемъ!.. Но знай, о Новгородъ! что съ утратою вольности изсохнетъ и самый источникъ твоего богатства: она оживляетъ трудолюбіе, изощряетъ серпы и златитъ нивы; она привлекаетъ иностранцевъ въ наши стѣны съ сокровищами торговли; она же окриляетъ суда новгородскія, когда они съ богатымъ гру-

зомъ по волнамъ несутся... Бѣдность, бѣдность накажетъ недостойныхъ гражданъ, не умѣвшихъ сохранить наслѣдіе отцевъ своихъ! Померкнетъ слава твоя, градъ Великій, опустѣютъ многолюдные концы твои; широкія улицы заростутъ травою, и великолѣпіе твое, исчезнувъ навѣки, будетъ баснею народовъ. Напрасно любопытный странникъ среди печальныхъ развалинъ захочетъ искать того мѣста, гдѣ собиралось вѣче, гдѣ стоялъ домъ Ярославовъ и мраморный образъ Вадима: никто ему не укажетъ ихъ. Онъ задумается горестно и скажетъ только: здѣсь былъ Новгородъ»!..

Въ другомъ мѣстѣ, во время похоронъ новгородцевъ, павшихъ въ Шелонской битвѣ, Карамзинъ влагаетъ въ уста Мароы-посадницы такую витіеватую рѣчь:

«Честь и слава храбрымъ! стыдъ и поношеніе робкимъ! Здѣсь лежатъ знаменитые витязи; совершились ихъ подвиги; они успокоились въ могилѣ и ничѣмъ уже не должны отечеству, но отечество должно имъ вѣчною благодарностью. О воины новгородскіе! кто изъ васъ не позавидуетъ сему жребію? Храбрые и малодушные умираютъ; блаженъ, о комъ жалѣютъ вѣрные сограждане и чьею смертію они гордятся! Взгляните на сего старца, родителя Михаилова: согбенный лѣтами и болѣзнями, безчадный при концѣ жизни, онъ благодаритъ небо, ибо Новгородъ погребаетъ великаго сына его. Взгляните на сію вдовицу юную: брачное пѣніе соединилось для нея съ гимнами смерти; но она тверда и великодушна, ибо ея супругъ умеръ за отечество... Народъ! естьли Всевышнему угодно сохранить бытіе твое; естьли грозная туча разсѣется надъ нами и солнце озаритъ еще торжество свободы въ Новгородѣ, то сіе мѣсто да будетъ для тебя священно! Жены знаменитыя да украшаютъ его цвѣтами, какъ я теперь украшаю ими могилу любезнѣйшаго изъ сыновъ моихъ... (Мароа разсыпаетъ цвѣты)... и витязя храбраго, нѣкогда врага Борецкихъ; но тѣнь его примирилась со мною: мы оба любили отечество!.. Старцы, мужи и юноши да славятъ здѣсь кончину героевъ и да клянутъ память измѣнника Димитрія»!..

Какъ ни сентиментально все это и какъ ни фальшиво, въ смыслѣ колорита времени, въ которое совершалось описываемое, однако, быть можетъ, вслѣдствіе этого именно, и рѣчи Мароы-посадницы, отдающія романтизмомъ, и трагическая судьба вѣчеваго колокола неизгладимо врѣзывались въ душу юныхъ читателей, и оттого Мароа-посадница и вѣчевой колоколъ сдѣлались, можно сказать, достояніемъ общественныхъ симпатій болѣе, быть можетъ, чѣмъ историческія событія и лица гораздо высшаго разряда.

Я считаю лишнимъ вызывать въ памяти читателя всѣ перипетіи трагической борьбы Новгорода за свою автономію. Я напомню только исходъ этой борьбы.

Конечная цѣль желаній великаго князя Ивана Васильевича III, «собирателя Русской земли», была—уничтоженіе послѣднихъ остатковъ мѣстныхъ автономій, которыя въ то время держались еще въ Новгородѣ и Псковѣ. И онъ ловко повелъ это дѣло. Воспользовавшись личной враждой двухъ знатныхъ новгородцевъ, Захара Овинова и подвойскаго Назара, пріѣзжавшихъ въ Москву судиться, Иванъ Васильевичъ показалъ видъ, что считаетъ ихъ послами отъ всего Новгорода. Новгородъ протестовалъ. Тогда великій князь выслалъ противъ него войско, но, чтобы не быть заподозрѣннымъ въ насиліи, въ нарушеніи вѣковѣчныхъ правъ могущественной республики,—онъ ловко вынудилъ у Новгорода то, чего хотѣлъ.

Думая, что повинная отвлечетъ отъ нихъ грозу, новгородцы вину Назара и Захара перенесли на весь Новгородъ.

— Мы винимся въ томъ, — говорили новгородскіе послы съ владыкою Ѳеофиломъ во главѣ:—что посылали Назара да Захара.

— А коли вы, владыка и вся отчина моя Великій Новгородъ, предъ нами, великими князьями, виноватыми сказались,—отвѣчалъ Иванъ Васильевичъ:—и сами на себя теперь свидѣтельствуете, и спрашиваете: какого государства мы хотимъ, то мы хотимъ такого государства въ нашей отчинѣ Великомъ Новгородѣ, какъ у насъ въ Москвѣ.

Ни о какомъ государствѣ новгородцы не спрашивали!

Вѣче посылаетъ новое посольство—умилостивить великаго князя усиленной данью. Но Ивану Васильевичу не того нужно: дань отъ него не уйдетъ. А ему нужно, чтобъ новгородцы назвали его государемъ своимъ, вмѣсто господина, какъ они титуловали его доселѣ.

— Я сказалъ вамъ, — повторилъ онъ новому посольству: — что хотимъ такого государства, какое въ нашей низовской землѣ—на Москвѣ.

Новгородцы все еще не хотѣли понять, чего отъ нихъ требуютъ. Тогда Иванъ Васильевичъ заговорилъ уже прямо.

— Вы мнѣ бьете челомъ, чтобъ я вамъ явилъ, какъ нашему государству быть въ нашей отчинѣ (т. е. въ Новгородѣ). Такъ знайте! — наше государство таково: вѣчу и колоколу въ Новгородѣ не быть! посаднику—не быть! и земли, что за вами,—отдать намъ, чтобъ все это наше было.

Тогда въ Новгородѣ раздался послѣдній крикъ отчаянія.

— Идемъ биться! Умремъ за святую Софью!

Но было уже поздно. Истомленный голодомъ и осадою, Новгородъ сдался. 15-го января 1478 года, новгородцы присягали великому князю, а скоро начались аресты болѣе видныхъ представителей новгородскаго общества. Всѣ они въ оковахъ отвозились въ Москву.

Вѣчевой колоколъ былъ снятъ съ вѣчевой башни, а скоро взята была и Мареа-посадница.

На прилагаемыхъ здѣсь рисункахъ художника А. П. Рябушкина изображены: на заглавной виньеткѣ — снятіе съ башни колокола, и на отдѣльномъ листѣ—поѣздъ колокола и Мареы Борецкой, увозимыхъ, по снѣжной дорогѣ, въ Москву.

Что особенно поражаетъ въ этомъ событіи, это — необыкновенно суровый тонъ, съ которымъ современники-москвичи относились къ Новгороду и къ его безсильнымъ попыткамъ удержать хотя слабую тѣнь прежней автономіи. Читая Новгородскія и Софійскія лѣтописи, замѣнявшія тогда собою общественное мнѣніе и печать, тогда еще не существовавшую,—лѣтописи, страницы которыхъ такъ и пестрятъ безпощаднымъ обвиненіемъ новгородцевъ въ «измѣнѣ», въ «латынствѣ», въ «безбожіи»,—не вѣришь, чтобъ это писали благочестивые иноки, и невольно удивляешься — зачѣмъ эти желчныя филиппики названы «Новгородскими» и «Софійскими» лѣтописями. По всему тону видно, что перомъ лѣтописца водили и московская рука, и московское сердце. Кое-гдѣ только въ московскій текстъ лѣтописей какъ бы нечаянно попадали робкія вставки изъ лѣтописей, дѣйствительно писанныхъ въ Новгородѣ, и писанныхъ не желчью, подобно московскимъ, а слезами. Въ одномъ мѣстѣ Софійской I-й лѣтописи эти слезы какъ бы невольно вылились изъ глазъ новгородца и только по недосмотру московскаго лѣтописца оставлены не стертыми: «И поѣха (великій князь) прочь, и поималъ новгородскихъ бояръ съ собою, и Мареу Исакову (это—Мареу-посадницу) со внукомъ ея повелъ на Москву, и плѣни Новгородскую землю... а иное бы что писалъ, и не имѣю что писати отъ многія жалобы» (Софійск. I, 19).

Безсмертный Карамзинъ, изучая лѣтописи для своего безсмертнаго труда, чутьемъ художника угадалъ, на чьей сторонѣ правда,— и потому всѣ свои симпатіи отдалъ Новгороду въ своей тоже безсмертной повѣсти — «Мареа-посадница».

Въ сущности, въ чемъ же тогда обвиняли москвичи Новгородъ вообще и Мареу Борецкую въ частности? Если мы переведемъ лѣтописный языкъ на современный, то окажется, что Москва обвиняла тогда Новгородъ въ томъ, въ чемъ теперь обвиняетъ она Кіевъ—въ сепаратизмѣ. Но если это и было въ дѣйствительности, то безпристрастіе обязываетъ утверждать, что Новгородъ вынужденъ былъ къ этому именно Москвою, и притомъ съ нескрываемымъ, хотя и замаскированнымъ ею, умысломъ. Что московскія обвиненія были неискренни, это гораздо раньше Карамзина было высказано людьми, почти современниками событій, о которыхъ идетъ рѣчь,—людьми, для которыхъ не было никакого разсчета ни льстить Новгороду, давно уже переставшему существовать политически, ни клеветать на Москву и на ея народъ, съ которымъ

они лично и обстоятельно ознакомились. Въ этомъ случаѣ свидѣтельство Герберштейна получаетъ значеніе исторической важности крупнаго размѣра. Онъ говоритъ: «Novagardia gentem quoque humanissimam ac honestam habebat; sed quae nunc, procul dubio peste moscovitica, quam eo commeantes mosci secum invexerunt, corruptissima est». «Московская зараза, которую москвичи внесли въ Новгородскую землю, превратила этотъ гуманнѣйшій и честнѣйшій народъ въ самый развращенный»,—это очень сильно сказано.

Повторяю, — какъ ни много трагизма въ исторіи послѣднихъ лѣтъ существованія вѣчеваго Новгорода, однако эти трагическіе годы, безъ сомнѣнія, остались бы одною темною, безцвѣтною страницею въ исторіи собиранія Русской земли, если бы не художественный геній Карамзина.

Въ самомъ дѣлѣ, что̀ намъ даютъ лѣтописи объ этихъ годахъ агоніи одной изъ блестящихъ республикъ славянскаго сѣвера? — Очень немного, особенно мѣстныя лѣтописи. Въ нихъ сама Мареа Борецкая является личностью совершенно безцвѣтною. Объ ней какъ будто боятся говорить, или же, если не боятся, то мало говорятъ, потому что считали излишнимъ говорить о личности, слишкомъ хорошо всѣмъ извѣстной. Такъ о самомъ плѣненіи знаменитой новгородской гражданки лѣтописцы говорятъ какъ бы вскользь. Одинъ: ....«и Мареу Исакову со внукомъ ея повелъ (великій князь) на Москву». Это говоритъ I-я Софійская лѣтопись. Лѣтописецъ II-й Софійскій обмолвился немногимъ больше: «Того же дни (2-го февраля), въ понедѣльникъ, въ Новѣгородѣ князь великій велѣлъ поимати боярыню новугородскую Мареу Исакову» (II Соф., 220). Точно опредѣленъ былъ только день ареста Борецкой—понедѣльникъ; истинно тяжелъ былъ этотъ понедѣльникъ для Мареы.

За то московскій обличитель не пожалѣлъ красокъ, чтобъ очернить несчастную женщину, въ борьбѣ за священныя права родины потерявшую двухъ взрослыхъ сыновей-героевъ и оставшуюся съ однимъ только внучкомъ. Онъ относитъ къ ея лицу самые бранные эпитеты: по его словамъ, это была бѣсъ-баба, которая будто бы вертѣла всѣмъ Новгородомъ, ему на пагубу, а бѣсу (вѣроятно, московскому) на утѣху, которая будто бы склоняла всѣхъ къ латинству, мало того — хотѣла выйдти замужъ — старуха-то! — за князя Михаила Олельковича, чтобы княжить въ Новгородѣ и въ Кіевѣ разомъ, такъ какъ послѣ смерти кіевскаго князя Симеона Олельковича кіевскій престолъ доставался брату его, Михаилу.

Слѣдовательно, лѣтописи даютъ намъ только отрицательную, или, скорѣе, порицательную оцѣнку знаменитой русской женщины. И, не смотря на всѣ филиппики московскаго Демосеена, личность Мареы перешла въ память потомства самою симпатичною; даже больше—она одна скрасила собою непригляднныя страницы исторіи XV-го вѣка Русской земли.

О вѣчевомъ колоколѣ лѣтописцы также говорятъ немного, но въ этомъ немногомъ такъ было много трогательнаго.

...и велѣ (великій князь), — говоритъ одинъ лѣтописецъ, — колоколъ вѣчный спустити и вѣче разорити»... (Соф. I, 33).

...«не быти въ Новѣгородѣ, — говоритъ другой лѣтописецъ,—ни посадникомъ, ни тысецкимъ, ни вѣчю, и вѣчной колоколъ сняли доловь и на Москву свезоша»... (Соф. I, 19).

Но особенно трогательно упоминаніе о дальнѣйшей участи этой святыни Господина Великаго Новгорода:

...«и привезенъ бысть (это—колоколъ) на Москву, и вознесоша его на колокольницу, на площади, съ прочими колоколы звонити»...

«Съ прочими колоколы!» — Да вѣдь такихъ «прочихъ колоколовъ» много было и въ Новгородѣ; но ихъ не взяли и не съ ними повѣсили звонить вѣчевой колоколъ, а съ московскими. Вотъ надъ чѣмъ кровью обливается новгородское сердце, и за слезами лѣтописецъ писать не можетъ —«отъ многія жалобы».

Надѣюсь, что теперь болѣе доказательною становится мысль, высказанная мною выше,—мысль, что упроченію въ нашей общественной памяти историческихъ событій и лицъ очень помогаетъ не одна исторія, но и ея «незаконное дитя» —историческій романъ.

Даровитѣйшій изъ русскихъ историковъ Карамзинъ блистательно доказалъ это своею «Мареою-посадницею» и неразлучнымъ съ ея именемъ вѣчевымъ колоколомъ. Оно и неудивительно: «незаконное дитя исторіи» есть дитя любви прекрасной Кліо.

Д. Мордовцевъ.

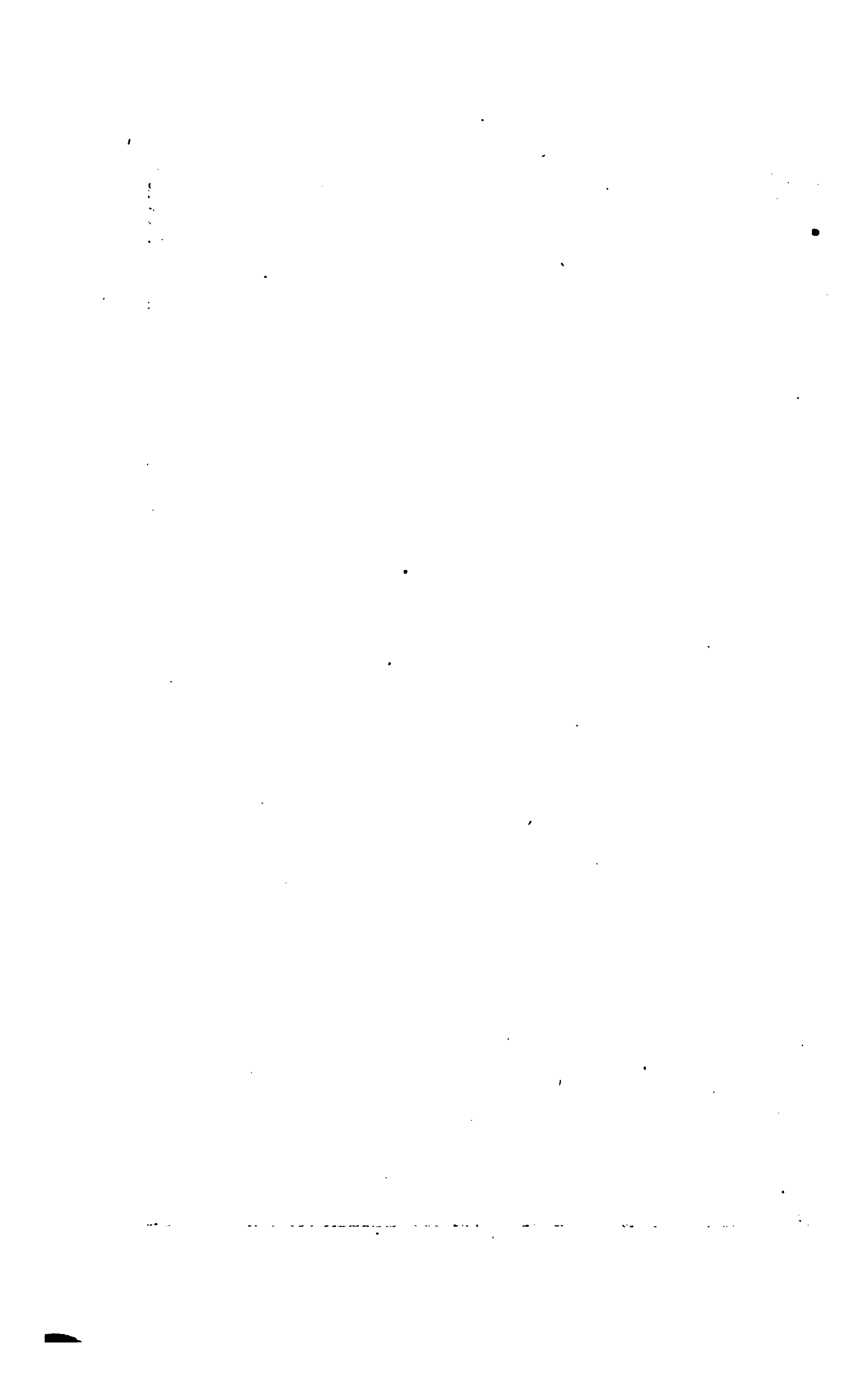

ПОѢЗДЪ МАРФЫ ПОСАДНИЦЫ И ВѢЧЕВАГО КОЛОКОЛА.

Картина художника А. П. Рябушкина.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ 19 декабря 1885 г.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ СЕДЬМОЙ

ТОМЪ XXIII

СВАДЕБНЫЙ БУНТЪ.

Историческая повѣсть.

(1705 г.).

I.

АМЪ, ГДѢ пустыня соприкасается съ моремъ, степные пески съ морскими волнами, — стояли тихіе и душные дни мая мѣсяца, и солнечный зной игомъ легъ на окрестность...

Пустынная, голая, почти одичалая, равнина горитъ въ прямыхъ лучахъ полдневнаго солнца, и прокаленная огнемъ вся пышетъ и будто мерцаетъ въ блёсткахъ. Словно тяжелое горячее облако распластàлось по землѣ и давитъ свинцовой пеленой всю окрестность. Все замерло, придавленное этимъ игомъ. Всякій кустъ и листокъ, малѣйшая травка, медленно прожигаемые солнечнымъ пòлымемъ, уныло недвижны, каждый камень раскаленъ насквозь...

Кой-гдѣ только мелкая тварь, букашки и козявки, еле-еле движутся, тихо переползаютъ камушекъ или листокъ, ищутъ не корма, а тѣни, прохлады, спасенья отъ небеснаго пòлымя. Южное солнце стоитъ середи голубаго купола неба безъ единаго облачка въ выси и съ бѣлесовато-туманнымъ мерцаніемъ ближе къ землѣ, которое кругомъ кольцемъ облегло весь горизонтъ, окаймляя желтовато-сѣрую пустыню. Только въ одной сторонѣ кольцо порвалось, и небо будто сливается съ землей. Здѣсь за сѣрой пустыней началась дру-

гая равнина, однообразно бѣлая, безъ единой отмѣтины, ярко сіяющая и чѣмъ дальше съ глазъ, то шире разверзающаяся, уходя въ безконечную даль...

Эта равнина — море, тоже будто мертво уснувшее на безвѣтріи, безлюдное, одичалое. Порою и часто просыпается оно, поднимается и злобно реветъ, грозно опрокидываясь на свою сосѣдку песчаную равнину.

Между сѣроватой унылой степью безъ растительности и этой бѣлой и блестящей равниной спящихъ водъ, будто гранью между обѣими, виднѣется что-то темное, круглое... Будто муравьиная кучка иль будто чье гнѣздо! Да, почти тоже... Только глянувъ ближе, надо назвать иначе, — это людское гнѣздо.

Это городъ съ домами и улицами, гдѣ копошатся большіе муравьи — люди-человѣки.

Въ самый полдень, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ этого города, тащился верхомъ на изморенной лошаденкѣ, молодой парень, лѣтъ 25-ти, одѣтый опрятно, по рубахѣ и кафтану — простолюдинъ, по шапкѣ — посадскій человѣкъ горожанинъ, а не мужикъ. За поясомъ съ насѣчками заткнутъ турецкій пистолетъ, а съ боку виситъ большой кинжалъ, чуть не шашка. Оружіе при немъ — не по званію воина, а лишь примѣта, что онъ путникъ издалека.

Всадникъ еще до разсвѣта выѣхалъ съ постоялаго двора, гдѣ ночевалъ, и тихо, то рысью, то шагомъ, двигался по безлюдной и мертвой степи. Давно уже увидѣлъ онъ вдали на горизонтѣ эту голую бѣлую равнину, что̀ сливается съ небосклономъ, и зная, что это—море, обрадовался. Стало быть, и до города недалеко. Но много прошло времени, съ тѣхъ поръ много онъ проѣхалъ, а водная равнина все бѣлѣлась на горизонтѣ, будто уходила отъ него, какъ заколдованная.

— Ѣдешь, ѣдешь, а все будто на одномъ мѣстѣ стоишь, ворчалъ онъ, погоняя лошаденку. — Все та же степь, та же мертвечина окрестъ тебя. Поганый край. Не будь здѣсь моей любушки дорогой, во вѣки не заглянулъ бы я въ эту землю треклятую.

Изрѣдка попадались всаднику встрѣчные изъ города. Шли пѣшеходы, двигались обозы, громыхали телѣги, скрипѣли арбы; то плелась съ телѣгой въ дугѣ и оглобляхъ худая сивка или гнѣдко, то волы, наклонивъ будто злобно и упрямо свои рогатые лбы, лѣниво шагали съ возомъ, мѣрно качая на шеяхъ деревянное ярмо... То важно, съ глуповатой гордостью, выступали горбатые верблюды съ длинными изогнутыми шеями, съ отвислыми губами, съ выпуклыми и добрыми глазами, а за ними нестерпимо визжала, будто завывая на всю степь, немазаная арба. Изрѣдка попадались всадники, то казаки въ лохматыхъ шапкахъ, то персы въ остроконечныхъ колпакахъ изъ черной мерлушки, то калмыки или башкиры. Иногда встрѣчалась длинная крытая фура, тройкой и четверкой,

и въ ней сидѣла цѣлая семья путниковъ, родомъ армянъ или родомъ грековъ. По всѣмъ этимъ встрѣчнымъ трудно было бы рѣшить, въ какихъ предѣлахъ міра находишься—въ Азіи, или въ Европѣ, въ православной землѣ, въ магометовой, или въ иной какой...

— Ишь сторона какая... Диковина сторона. Пестрая!—бормоталъ верховой молодецъ и прибавилъ шутливо:—конецъ свѣту здѣсь!

Вскорѣ, въ глазахъ молодаго малаго зачернѣлось что-то вдали и стало рости и расширяться... Это и былъ городъ, въ который онъ ѣхалъ, и изъ котораго все двигались ему навстрѣчу и персы, и русскіе, и татарва. За этимъ городомъ чернѣли, какъ громадный частоколъ, ряды мачтъ корабельныхъ и разстилалось, далеко расходясь во всѣ края, свѣтлое и ровное, зеркаломъ лежащее море, на которомъ сіяли разсѣянные по синевѣ бѣлые паруса... Наконецъ, глазъ могъ уже различать слободы, прилегающія къ каменному городу, его высокую зубчатую стѣну, на подобіе Московскаго кремля, а за ней куполы и кресты храмовъ Божьихъ. Но около тяжелыхъ колоколенъ съ золотыми крестами тянулись и тонкіе, высокіе минареты съ серпами мечетей мусульманскихъ.

Черезъ часъ всадникъ въѣзжалъ уже въ городъ, и на улицахъ встрѣтила его еще пущая пестрота одеждъ и лицъ, а кругомъ раздавался говоръ на всѣхъ, казалось, языкахъ, какіе только существуютъ на свѣтѣ.

Дѣйствительно, направо и налѣво, верхомъ и пѣшкомъ, въ телѣгахъ и арбахъ, въ фурахъ и на дрогахъ, сновали и громко говорили всѣ языцы земные—русскіе, персы, турки, калмыки, хивинцы, греки, ногайцы, нѣмцы, армяне... Пестрота и разнообразіе одежды обывателей производили еще болѣе странное впечатлѣніе, чѣмъ ихъ говоръ. Рѣчь инородцевъ звучала еще для русскаго слуха болѣе или менѣе одинаково, но одежды тѣхъ же инородцевъ разнились между собой совершенно.

Пріѣзжій молодецъ оглядывался и ухмылялся. Онъ былъ здѣсь не новый человѣкъ и ворочался въ знакомый край. Это была—Астрахань.

Городъ явился ему все такимъ же, что̀ и мѣсяца два назадъ... Пыльный, душный, зловонный и крикливый. Вѣки вѣчные на улицахъ этого города былъ не простой говоръ, какъ на Москвѣ, а будто крикъ, не бесѣдованье, а галдѣнье. Быть можетъ, оно казалось такъ потому, что на одно слово русское приходилось услыхать десятокъ всякихъ басурманскихъ словъ, самыхъ диковинныхъ и разнокалиберныхъ.

— Все на томъ же мѣстѣ,—шутилъ парень самъ съ собой, проѣзжая и оглядываясь... Все также, будто по звѣриному, галдятъ и голосятъ всякіе азіаты.

Онъ выѣхалъ на большую базарную площадь, и здѣсь, среди пестрой толпы, стономъ стоялъ говоръ, визгъ немазаныхъ колесъ,

лай безчисленныхъ бродячихъ псовъ, завыванье и блѣянье всякой скотины, лошадей, воловъ, верблюдовъ, барановъ.

Наконецъ, и пріѣзжаго молодца призналъ кто-то изъ прохожихъ.

— Провъ?.. Куликовъ?.. Какими судьбами? Откуда?

— Съ Москвы! — самодовольно отозвался молодецъ.

— Зачѣмъ же вернулъ?!.. Аль на свѣтѣ тѣсно, что въ нашъ острогъ захотѣлъ!

— Небось... тряхнулъ головой пріѣзжій, двигаясь далѣе.

Не успѣлъ онъ проѣхать мимо базарной площади, какъ цѣлая гурьба народа остановила его... Крики, вопли и сумятица посреди толпы ясно говорили, что тутъ приключилось вдругъ нѣчто обычное въ городѣ—драка двухъ чужеземцевъ, а то и побоище «стѣнкой на стѣнку» между двумя разными національностями—армянъ съ турками, персовъ съ хивинцами, калмыковъ съ башкирами. Одни греки никогда ни съ кѣмъ не дрались. Чаще же всего сражались, конечно, свои православные съ кѣмъ либо изъ чужеземцевъ, или инородцевъ.

На этотъ разъ пріѣзжій молодецъ различилъ въ толпѣ какого-то рослаго и красиваго парня въ русскомъ платьѣ, который, злобно налѣзая на перса, нещадно ударялъ его, такъ что тотъ каждый разъ шлепался объ землю. Одежда его, бешметъ, шальвары, двойные рукава, висѣвшіе за плечами,—все было въ клочьяхъ.

Всадникъ завернулъ въ переулокъ и въѣхалъ на постоялый дворъ.

— А Провъ... Какъ бишь тебя... Иванычъ—что ль? Здорово,— встрѣтилъ гостя сѣдобородый мѣщанинъ, хозяинъ двора, признавъ тотчасъ всадника.—Зачѣмъ пожаловалъ?

— Соскучился по васъ!.. усмѣхнулся молодецъ, останавливая лошадь и слѣзая долой.

— Балуй! Соскучился. Вѣдь тебя, парень, какъ признàетъ у меня иль на улицѣ какой судейской ярышка, то мигомъ въ веревочку запряжетъ, и прямо тебя на бечевѣ въ воеводское правленіе и доставитъ, чтобъ посадить въ колодку и въ яму съ арестантами. Намъ сказывали, ты отъ плетей въ бѣгахъ у крымскаго хана на службѣ. А то сказывали, ты на греческомъ суднѣ за море хватилъ въ Персію... А ты — вотъ онъ?

— Былъ я, почитай, въ бѣгахъ, но не въ Персіи, а на Москвѣ. Меня вашъ воевода выгналъ изъ города.

— Ну, а нонѣ?

— А нонѣ паки вернулъ. Покуда къ тебѣ постòемъ, а тамъ видно будетъ—чтò дѣлать.

— Такъ укрывайся, смотри, а то долго ль до бѣды, налетишь и на самогò вòеводу... Мы-то не выдадимъ. Намъ чтò!..

— Я къ нему самомỳ и пойду сейчасъ напрямикъ... усмѣхнулся пріѣзжій.

— Къ кому?—удивился мѣщанинъ.

— Къ воеводѣ, въ кремль.

— Вотъ нà!.. За прощеньемъ, съ повинной?!

— Въ чемъ мнѣ виниться? Я не злодѣй.

— А какъ же сказывали, ты, Провъ Иванычъ, купца вишь Ананьева ограбилъ.

— Ладно. Провъ Куликовъ никого не ограблялъ... А хоть бы онъ чего и натворилъ, такъ то не моя забота. Я его знать не знаю.

— Кого?

— Прова-то Куликова твоего.

Мѣщанинъ удивленными глазами уперся въ лице молодца и ротъ розинулъ.

— Себя самого, стало быть, признавать не хочешь! Ловко, парень.

— Я не Провъ Куликовъ, меня звать Степаномъ, а по прозвищу Барчуковымъ.

— Во какъ... Да. То ино дѣло... Понятно. Понятно. Только вотъ что, милый человѣкъ,—усмѣхнулся мѣщанинъ:—какъ ты ни зовися теперь вновѣ... да рожа у тебя старая осталась. Потому и полагательно, что Провомъ ли, Степаномъ ли, а сидѣть тебѣ къ вечернямъ въ острогѣ.

Пріѣзжій разсмѣялся весело и пошелъ ставить лошадь въ конюшню.

II.

Воеводское правленіе помѣщалось въ кремлѣ, около собора, на площади. Когда Барчуковъ приблизился къ казенному зданію, то невольно ахнулъ и замоталъ головой. Ему, очевидно, приходилось потерять тутъ немало времени, и между тѣмъ хотѣлось поскорѣе навести справки и имѣть свѣжія вѣсти о своемъ сердечномъ дѣлѣ.

У подъѣзда воеводскаго правленія стояла густая кучка народа, а войдя на крыльцо и съ трудомъ протолкавшись въ прихожую, Барчуковъ нашелъ еще человѣкъ съ тридцать разнохарактерныхъ просителей, ожидавшихъ своей очереди по своему дѣлу до начальства.

Если бы Барчуковъ явился сюда въ первый разъ въ жизни, то, конечно, подивился бы тому, что онъ здѣсь увидалъ. Какъ въ городѣ, такъ и здѣсь, въ прихожей воеводы, собрался самый разнокалиберный народъ. Здѣсь были тѣ же образчики со всего міра Божьяго. Тутъ были, конечно, русскіе люди — купцы, посадскіе, стрѣльцы, мелькіе подьячіе, но вмѣстѣ съ ними и не въ меньшемъ количествѣ всякая татарва, калмыки, бухарцы, хивинцы, киргизы, а вмѣстѣ съ ними и азіаты, извѣстные подъ общимъ

именемъ индѣйцевъ. И вдобавокъ здѣсь въ углу сидѣли на лавкѣ молча и угрюмо три армянина, а рядомъ съ ними громко тараторили между собой два красивые грека, которыхъ было немало въ городѣ. Въ прихожей раздавалось, по крайней мѣрѣ, шесть, а то и восемь разныхъ языковъ и нарѣчій.

Когда Барчуковъ вошелъ въ прихожую и помѣстился на свободномъ краѣ огромнаго ларя, то въ горницѣ шумѣли больше всего въ одномъ углѣ, гдѣ два стрѣльца помѣстили приведеннаго ими съ базара буяна, связаннаго веревками по рукамъ. Тутъ же около нихъ сидѣлъ одинъ персъ въ своемъ національномъ костюмѣ, сильно изорванномъ.

Человѣкъ съ десятокъ подьячихъ перешептывались между собой и съ своими просителями, за которыхъ они взялись ходатайствовать у воеводы. Въ просторной прихожей гулъ многихъ голосовъ не прерывался. Изрѣдка появлялся въ дверяхъ изъ сосѣдней горницы старикъ въ длиннополомъ сизомъ кафтанѣ, съ длиннымъ перомъ за ухомъ и вскрикивалъ на галдѣвшую толпу, унимая ее. Голоса притихали на нѣсколько минутъ, но потомъ снова начинался прежній гамъ.

Въ то же время за три горницы отъ прихожей, въ чистой и свѣтлой комнатѣ, сидѣлъ за большимъ столомъ пожилой человѣкъ, воевода Ржевскій, поражавшій прежде всего своей тучностью, короткой красной шеей, опухшимъ, тоже краснымъ лицомъ, съ маленькими сѣрыми глазами. Совершенно сѣдые, не по лѣтамъ бѣлые волосы не были подстрижены, а падали длинными прядями на плечи, завиваясь въ локоны, и воевода прической своей походилъ скорѣе на духовное лицо. Въ этой особѣ олицетворялась высшая власть всего края на сотни верстъ кругомъ — власть военная и гражданская, судейская и полицейская.

Воеводское правленіе состояло изъ нѣсколькихъ разныхъ отдѣленій съ многочисленнымъ штатомъ всякихъ дьяковъ, подьячихъ, приказныхъ и повытчиковъ, и въ ихъ распоряженіи было до сотни стрѣльцовъ для исполненія всякаго рода порученій.

Но главный начальникъ всего, съ неограниченной властью и отвѣтственный лишь передъ дальней Москвой, — былъ воевода. Ржевскій уже давно правилъ должность и былъ хорошо извѣстенъ во всемъ краю. Его дѣятельность привела къ тому, что обыватели за него Бога молили. Онъ явился послѣ многихъ воеводъ свирѣпыхъ, жестокихъ до дикости или лихоимцевъ и пьяницъ, которые терзали и раззоряли Астрахань. А Ржевскій былъ человѣкъ справедливый, кроткій, безусловно честный, и хотя вспыльчивый, но добрый и ласковый съ «подлымъ» народомъ.

У воеводы были только двѣ слабости, двѣ страсти, два занятія. Онъ любилъ до безумія птицу всякаго рода. У него были мѣстные красные гуси, которые ловились на Эмбѣ, сизыя чапуры, неклейки

и другія дикія птицы, а равно сотни жаворонковъ, канареекъ и соловьевъ. Помимо разведенія домашнихъ и пѣвчихъ птицъ, воевода обожалъ пѣтушиные бои и владѣлъ десяткомъ такихъ пѣтуховъ, которые забивали всѣхъ. Однажды знакомый воеводѣ купецъ выписалъ даже пѣтуха изъ Сызрана, бился съ воеводой объ закладъ и проигралъ. Лихой боецъ воеводы, большой пѣтухъ, съ прозвищемъ «Мурза», побѣдилъ, конечно, и пріѣзжаго сызранскаго противника.

Страсть эта, хотя невинная, разумѣется, отражалась на управленіи Астраханскимъ краемъ. Такъ, когда зашла рѣчь о выписываніи изъ Сызрани пѣтуха для боя и все время, что длилась эта хлопотливая затѣя путушествія, а потомъ отдыха бойца съ дороги и, наконецъ, сраженія, т. е. болѣе мѣсяца времени, воевода ни въ какія дѣла положительно входить не могъ отъ тревоги самолюбія. Все управленіе, судъ и расправа какъ бы замерли на протяженіи сотенъ квадратныхъ верстъ.

Другая слабость, или склонность, воеводы былъ сонъ. Воевода любилъ «отдыхать», и ему случалось спать сподрядъ до четырнадцати и шестнадцати часовъ. Если прибавить закуски, утренникъ, полдникъ, обѣдъ и ужинъ, занимавшіе время, то на дѣла оставалось уже мало свободныхъ минутъ.

А между тѣмъ, дѣла шли какъ по маслу, и весь Астраханскій край былъ доволенъ, и очень любилъ своего воеводу. При немъ совершалось менѣе беззаконій, воеводское правленіе менѣе тѣснило и обижало обывателей, а подьячіе менѣе привязывались ради лихоимства къ пріѣзжимъ гостямъ и купцамъ, которыхъ бывало постоянно очень много въ городѣ, со всѣхъ концовъ свѣта, какъ изъ Персіи, или Бухары, или Крыма, такъ и изъ Греціи, Англіи и Голландіи.

За нѣсколько лѣтъ управленія Ржевскій не воспользовался ни рублемъ, тогда какъ лихоимствомъ могъ бы нажить громадныя деньги. Астрахань была единственнымъ торговымъ центромъ всего юга Россіи, гдѣ купецъ-голландецъ сталкивался на одномъ базарѣ съ купцомъ-бухарцемъ.

Въ это утро Ржевскій былъ въ особенно добродушномъ настроеніи духа. У него случилось особенно пріятное происшествіе въ домѣ. Диковинный даже для Астрахани пестрый чапуръ, насѣдка, вывела и уже гуляла въ клѣти съ дюжиной такихъ же какъ и мать красноватыхъ чапурятъ. Два года не давалась воеводѣ эта затѣя, и всѣ пріятели убѣждали его, что неслыханное дѣло вывести дома какъ простую птицу выводокъ такихъ чапурятъ.

Воевода толстый, полусонный на видъ, разсѣлся теперь грузно въ большомъ креслѣ, вытянувъ толстыя ноги и положивъ толстыя красноватыя руки на колѣни. Передъ нимъ стоялъ посадскій человѣкъ, хорошо ему знакомый астраханецъ, Носовъ. Воевода давно

зналъ Носова и изрѣдка, раза два въ годъ, бесѣдовалъ съ нимъ, когда у Носова было какое дѣло до правленія и ему приходилось являться. Но каждый разъ послѣ этихъ бесѣдъ нѣкоторое раздумье нападало на лѣниваго и сонливаго воеводу.

— Чудной человѣкъ,—думалъ онъ и шепталъ по уходѣ Носова.

Воевода былъ правъ.

Посадскій Носовъ, съ прозвищемъ «Грохъ», смыслъ котораго былъ никому неизвѣстенъ, безъ сомнѣнія, былъ человѣкъ странный, или «чудной», какъ говоритъ народъ.

Носовъ былъ уроженецъ астраханскаго пригорода. Когда ему было двадцать лѣтъ, онъ лишился отца, остался одинъ въ небольшомъ домишкѣ и продолжалъ мастерство своего «тяти», строилъ лодки, ладейки и душегубки, но относился къ этому дѣлу холодно и равнодушно. Скоро онъ бросилъ отцово мастерство и пошелъ въ наймы къ богатому рыботорговцу Тихону Лошкареву, у котораго на рыбномъ промыслѣ было болѣе полуторы тысячи рабочихъ и громадный денежный оборотъ. Всѣмъ было извѣстно, что у Лошкарева денегъ куры не клюютъ. Послѣ двухъ, трехъ лѣтъ службы у богатаго рыботорговца Носовъ исчезъ изъ Астрахани, но, вернувшись снова лѣтъ черезъ пять, купилъ землю и уже въ самомъ городѣ, въ Шипиловой слободѣ, выстроилъ себѣ большой домъ и приписался въ посадскіе люди. Вскорѣ послѣ того женился онъ на дочери армянскаго купца и зажилъ мирно и богато, сталъ сразу человѣкомъ всюду знаемымъ. Всего было у новаго посадскаго Носова вдоволь. Никакимъ дѣломъ, никакимъ мастерствомъ или торговлей онъ не занимался, а тратилъ много; очевидно, онъ владѣлъ капиталомъ и работать не хотѣлъ. Красавица жена его обожала, двое дѣтей съ мамушками жили какъ боярскія дѣти. Половину дня Носовъ читалъ книги и почти половину посвящалъ на игры съ дѣтьми или на заботы о нихъ. Говорили, что деньги Носова «отъ своихъ» согласниковъ явились. Носовъ былъ старовѣръ.

Но за послѣднее время, съ самаго возращенія въ Астрахань и затѣмъ женитьбы, Носовъ будто перемѣнился нравомъ. Бѣдъ у него никакихъ не было, и долженъ бы онъ считать себя счастливымъ человѣкомъ, Богомъ взысканнымъ. А между тѣмъ Носовъ всегда, почти ежедневно, ходилъ сумрачный, угрюмый, темнѣе ночи, точно будто невѣсть какая бѣда стряслась надъ нимъ вчера или должна завтра стрястись. Будто онъ ждетъ горя какого, или, того проще, есть на совѣсти у него страшное дѣло.

Довольно долгое время астраханцы такъ и думали, такъ и рѣшили, что когда Носовъ безвѣстно пропадалъ, то совершилъ какое нибудь злодѣяніе, убійство, этимъ самымъ душегубствомъ разжился и явился строить себѣ домину въ городѣ.

Но это мнѣніе недолго держалось. Всѣми уважаемый въ городѣ старикъ, раскольничій протопопъ, къ которому аккуратно два

раза въ годъ являлся на исповѣдь Носовъ, ручался всѣмъ и каждому, что не только у Носова нѣтъ на совѣсти ничего чернаго или худаго, но давай Богъ всякому быть такимъ христіаниномъ, таковымъ гражданиномъ и семьяниномъ, да и къ тому же такимъ умницей, какъ этотъ сумрачный «Грохъ».

Не зная, какъ объяснить эту вѣчную угрюмость человѣка хорошаго, порядливаго и даже радушнаго у себя со всякимъ гостемъ, готоваго всегда услужить всякому въ маломъ дѣлѣ, астраханцы опредѣлили себѣ нравъ и поведеніе Носова словами «чуденъ человѣкъ» и на этомъ успокоились, будто все объяснили.

Часто, однако, въ городѣ говорили обыватели другъ дружкѣ:

— Что ты насупился, какъ Носовъ, пригорюнился? Чего изъподлобья смотришь, будто Грохъ? Смотри-ка, темнѣе ночи. Подумаешь — самъ Грохъ.

Даже молодая жена Носова, которую онъ любилъ и никогда ни разу пальцемъ не тронулъ, а баловалъ всячески, знала лишь отчасти источникъ мужниной тоски. Она знала, что, когда Носовъ отсутствовалъ изъ Астрахани, то много странствовалъ по Россіи и долго пробылъ въ Петербургѣ, выжидая случая повидать царскаго любимца Александра Даниловича Меньшикова. Онъ достигъ своей цѣли, видѣлся съ новоиспеченнымъ вельможей и бесѣдовалъ съ нимъ... Зачѣмъ астраханецъ Грохъ полѣзъ къ Меньшикову и о чемъ бесѣдовалъ,—осталось тайной Гроха. Но изъ пріемной вельможи вышелъ и вернулся въ родной городъ уже другой человѣкъ, угрюмый, мрачный, озлобленный...

Теперь Носову было тридцать лѣтъ. Онъ былъ довольно моложавъ на видъ, съ неправильными чертами лица, но, всетаки, казался красивымъ, благодаря смѣлому, острому какъ ножъ взгляду карихъ глазъ, подъ мохнатыми черными бровями. Одѣвался Носовъ всегда не только опрятно, но даже щегольски, былъ вѣчно спокоенъ и въ движеньяхъ, и въ рѣчи, и въ походкѣ. Даже въ пріемѣ говорить и бесѣдовать онъ былъ особенно, будто умышленно, сдержанъ, тихъ и сосредоточенъ. Собой онъ владѣлъ, какъ будто въ невидимые кандалы самъ себя заковалъ. Какая либо страшная нечаянность, заставлявшая всѣхъ перепугаться, приводившая и умныхъ да твердыхъ въ переполохъ, на Носова будто не дѣйствовала. Онъ оставался спокоенъ, и ни одна черта въ лицѣ его не двинется, когда, случалось, самые смѣлые потеряются и зашвыряются...

Только въ одномъ случаѣ Носовъ оживлялся, начиналъ быстрѣе двигать руками, возвышалъ голосъ, а на блѣдномъ лицѣ выступалъ румянецъ. Бывало это только во время бесѣды съ властями, когда его собесѣдникъ будто затрогивалъ больное мѣсто души этого загадочнаго человѣка. Такъ бывало съ Носовымъ всегда при появленіи его у воеводы по какому либо дѣлу. Каждый разъ Ржевскій заговоритъ съ Носовымъ о чемъ нибудь, помимо домашнѣй птицы,

передастъ какой нибудь слухъ или указъ изъ далекой столицы и захочетъ узнать, какъ умница Носовъ отнесется къ дѣлу. Каждый разъ начинались между ними бесѣды. Въ споръ они перейдти не могли, потому что воевода больше поучалъ будто заранѣе сложенными рѣчами или сидѣлъ сонливо, моргая глазами и, повидимому, какъ бы даже не слушая, когда ему говорили.

III.

На этотъ разъ Носовъ тоже явился вслѣдствіе нужды къ воеводѣ, изложилъ свое дѣло и попросилъ помощи.

Дѣло было простое. Носовъ собрался снова покинуть Астрахань вмѣстѣ съ семьей и уже запродалъ свой домъ другому посадскому человѣку. Недоразумѣніе, происшедшее съ покупщикомъ, и привело его въ воеводское правленіе.

Ржевскій рѣшилъ дѣло скоро, обѣщалъ вызвать покупщика и заставить его или уплатить всю условленную сумму, или отказаться отъ покупки.

— Спасибо тебѣ, Тимоѳей Ивановичъ, — отвѣчалъ на это обѣщаніе Носовъ также тихо, скромно и глухимъ голосомъ, какъ говорилъ онъ почти всегда.

Носовъ хотѣлъ двинуться, кланяясь, къ дверямъ, но воевода остановилъ его.

— Ну, а ты самъ какъ поживаешь?—обратился къ нему воевода.

— Да что намъ. Слава Богу. Все то же.

— А слышалъ ты новую выдумку, что пущена въ народъ о царѣ-государѣ?

Носовъ дернулъ плечомъ, что̀ бывало съ нимъ рѣдко и ясно свидѣтельствовало, что бесѣда, которая могла произойдти сейчасъ съ воеводой, именно изъ тѣхъ, которыя затрогивали его за живое. Вопросомъ своимъ воевода какъ нарочно попалъ сразу въ больное мѣсто посадскаго человѣка.

— О царѣ? Что въ заморскія земли уѣхалъ? Слышалъ!—отозвался Носовъ.

— Да нѣтъ, не то. Уѣхать-то онъ, можетъ, и впрямь уѣхалъ. Вѣдь у него теперь свейская война на рукахъ. На Москвѣ сидѣть царю нельзя, надо самолично войсками распоряжать. Я не про то. А слыхалъ ли ты, что царь по себѣ намѣстникомъ всея Россіи Александра Даниловича Меньшикова оставилъ и что будто ему приказъ отъ царя подѣлить матушку Россію на четыре части и поставить отъ себя уже четырехъ намѣстниковъ изъ иноземцевъ?

— Слыхалъ, —однозвучно произнесъ Грохъ.

— Ну, а объ раздѣленіи года слыхалъ? На двадцать четыре мѣсяца?

— Слыхалъ,—повторилъ Носовъ.

— Имена даже дурашныя этимъ мѣсяцамъ пущены. Дуракъ придумалъ и дуракъ дураку пересказываетъ,—слегка усмѣхнулся воевода.

Смѣяться усиленно и громко при своей тучности онъ боялся, да и не могъ. На это требовалось такое усиліе тѣла, на какое онъ былъ уже неспособенъ. Только губы его вытягивались, изображая улыбку, но за то будто передали свою способность улыбаться или смѣяться сѣрымъ глазамъ. Если воевода не хохочетъ, то по глазамъ его видно тотчасъ, что на него смѣхъ напалъ, тамъ будто, внутри, сокрытый отъ глазъ, но видно великій смѣхъ, веселый, забористый.

— Вѣдь вотъ ты, Грохъ, умница. И не одинъ ты такой въ Астрахани. Можно васъ умныхъ головъ съ дюжину набрать. Чтобы вамъ промежъ себя сговориться, всѣ эти пересуды, слухи и измышленія опровергать. Что хорошаго? Зря народъ болтаетъ, малоумныхъ людей смущаетъ, безпорядокъ въ государствѣ творитъ. Что это за законъ такой особенный, астраханскій, что ни день, то новый слухъ и одинъ-то глупѣе другаго. То изъ Крыма, иль изъ Турціи глупость какая прибѣжитъ, то изъ Бухары. Но это еще пускай! А то вотъ изъ Москвы то и дѣло такія вѣсти приходятъ, что просто плюнь да перекрестись. Я такого другаго города и не знаю. Помнишь, мѣсяца съ три тому назадъ всѣ толковали, что царь самъ будетъ къ намъ и всѣхъ въ нѣмецкую вѣру крестить учнетъ. Вѣдь повѣрили. Вы бы вотъ, умные люди, на себя благое дѣло взяли—усовѣщевать болтуновъ.

— Зачѣмъ? Не наше дѣло, мы не правители,—сухо произнесъ Носовъ.—Что мнѣ, когда народъ болтаетъ. Да и какъ пойду я противу слуха какого, когда я не знаю—кривду, аль правду разносятъ.

— Что ты, что ты! Какую правду. Умный человѣкъ сейчасъ отличитъ правду отъ пустоты. Ну, вотъ теперь этотъ самый дѣлежъ всего царства Россійскаго иль дѣлежъ года. Нѣшто смѣкалка твоя тутъ не причемъ? Нѣшто ты можешь повѣрить эдакой глупости?

— Что жъ?!—странно выговорилъ Носовъ.

— Вѣдь ты понимаешь, что это выдумка дурацкая, не можетъ сего быть. Слѣдовательно, ты прямо можешь такому слуху перечить и малоумныхъ людей на истинный путь направить.

— Нѣтъ, Тимоѳей Ивановичъ, это дѣло не наше, да и дѣло мудреное. Позволь тебѣ правду сказать, какъ я понимаю, по чистой совѣсти, безъ какого умысла.

— Говори, не въ первый разъ. Я тебя слушать люблю.

— Вспомни, Тимоѳей Ивановичъ,—не далекое то былье,—ходилъ по Астрахани, да и по всему краю, да и по всей Россійской землѣ, слухъ диковинный, которому никто не вѣрилъ. И ты, вое-

вода, смѣялся и не вѣрилъ, а всѣхъ повѣрившихъ дураками обзывалъ. Слухъ былъ о томъ, что Москва будетъ стоять пустая, якобы какой другой городъ. А столицей ей не бывать, столицу царь будетъ новую строить въ чухонской землѣ. Въ православной-то, вишь, мало мѣста. Былъ ли такой слухъ?

— Былъ, — удивленно произнесъ Ржевскій.

— Глупство ль оказалось?! Другой носился въ Астрахани слухъ, что всѣхъ бояръ, сановитыхъ людей царь обрѣетъ и раздѣнетъ. И вѣрить никто не хотѣлъ. А вышло что?! Не одѣлся онъ самъ и не одѣлъ всѣхъ своихъ приближенныхъ бояръ и князей, да и столичное именитое купечество въ иноземные кафтаны? Развѣ не обритые всѣ ходятъ они тамъ теперь?

— Да вѣдь говорили то, Грохъ, не такъ. Сказывали, что царь раздѣнетъ всѣхъ и заставитъ нагишомъ ходить, а что брить будутъ и бороду, и голову, какъ крымцы.

— Вѣрно, Тимоѳей Ивановичъ. Но народъ не можетъ тебѣ новую какую затѣю цареву точію пересказать такъ, какъ царь ее замыслилъ. Народъ свое добавитъ. Приведу тебѣ примѣръ: когда человѣкъ ночью испугается чего, малой собаченки, что ли, какой, то она ему съ перепугу двухсаженной покажется. У страха глаза велики, — пословица говорится. Собирался царь у всѣхъ бороды сбрить и всѣмъ нѣмецкій кафтанъ надѣть, а народъ, вѣстимо, сталъ говорить, что всѣ нагишомъ по улицѣ пойдутъ съ бритой головой. Такъ и теперь скажу. Ты называешь слухъ о дѣлежѣ государства на четыре части дурацкимъ слухомъ. А гляди, Тимоѳей Ивановичъ, не окончилось бы дѣло это правдой какой, не на четыре, такъ на двѣ подѣлятъ.

— Полно брехать, Грохъ, враки какія. А еще умницей въ городѣ почитаешься. Ты и двадцати четыремъ мѣсяцамъ этакъ повѣришь!

— Спорить не стану, Тимоѳей Ивановичъ, и дѣлежу года на 24 мѣсяца тоже повѣрю, когда всего-то пять лѣтъ тому — новый годъ переставили съ осени къ крещенскимъ морозамъ. Шутка ли! А ты вотъ вызываешь противъ какой нибудь народной молвы орудовать, когда эдакіе слухи диковинные, совсѣмъ негодные, въ концѣ концовъ потрафлялись правдой.

— Да не его это дѣло, подлаго народа, въ государскія мѣропріятія рыло совать! — воскликнулъ Ржевскій, оборачивая вопросъ.

— Не его, вѣстимо дѣло! — ухмыльнулся Носовъ. — Подлый народъ уши востритъ на такіе слухи и дѣла потому, что жить ему мудренѣе... Это ты и самъ, хоть и воевода, а признаешь. Наше время — стало мудреное время. А здѣсь въ Астрахани еще мудренѣе стало жить, чѣмъ гдѣ либо на Руси. Вотъ что я тебѣ скажу.

— Почему же такъ! Законы и на Москвѣ, и въ Астрахани — тѣ же.

— А потому, что мы больно далеко отъ царя да отъ Москвы. Мы вотъ, гляди, окружены татариномъ, кругомъ насъ только и есть что мухамедовой вѣры инородцы. Намъ до персидовъ или до турки рукой подать. Коли жалобу какую приносить, такъ персидъ, или крымецъ, или турка скорѣе своему шаху или султану жалобу подастъ и дѣло свое справитъ, чѣмъ мы, православные, свое на Москвѣ. Мы, русскіе люди, христіане, здѣсь будто на чужой сторонѣ, а не у себя. Да и много ль насъ здѣсь истинныхъ христіанъ? Тьма тьмущая здѣсь такихъ пéрекрестей православныхъ, которые ходятъ для одной видимости въ храмы Божьи и крестятъ будто дѣтей по-нашему, а гляди тамъ у себя, въ домахъ, втайнѣ всѣ, чуть ли не на прежній ладъ, по своей вѣрѣ мухамедовой разные обряды справляютъ. Которая насъ, россіянъ, малость есть, и то басурманится отъ татарина. Спасибо еще, что смертная казнь полагается всякому инородцу мухамедова закона за совращеніе православнаго въ его вѣру. А то бы, прямо тебѣ говорю, Тимоѳей Ивановичъ, за полста лѣтъ ни одного истинно православнаго человѣка тутъ въ Астрахани не оставалось бы.

Носовъ замолчалъ и стоялъ. Воевода о чемъ-то раздумывалъ.

— Да, дѣла, дѣла, — вздохнулъ Ржевскій, но вздохнулъ и выговорилъ эти слова добродушно и почти безучастно, какъ бы говоря: ну, вотъ побесѣдовали, поболтали языкомъ, и довольно.

Воевода отпустилъ посадскаго человѣка, снова обѣщавшись заняться его дѣломъ. Затѣмъ онъ позвалъ къ себѣ старика поддьяка, по имени Копылова, и спросилъ:

— Народу много?

— Много, Тимоѳей Ивановичъ, я вотъ сейчасъ разспрошу, и кто съ пустяками, разгоню. Некогда мнѣ было, писалъ. Надо тебѣ доложить въ вечеру дѣла красноярскія.

— Ну, начинай, чисти народъ... да скорѣе...

Поддьякъ вышелъ.

Ржевскій остался въ своемъ креслѣ раздумывать объ удачливомъ днѣ, т. е. о выводкѣ чапурятъ красныхъ, и, внутренно улыбнувшись нѣсколько разъ, тотчасъ же сталъ дремать. Скоро ли вернулся Копыловъ, или нѣтъ, Ржевскій даже не зналъ, когда открылъ глаза и увидалъ передъ собой старика подьячаго.

— Много народу осталось, Тимоѳей Ивановичъ. Этимъ дѣйствительно нужда до тебя. Выйди.

Воевода, кряхтя, съ трудомъ поднялся съ своего кресла и пошелъ тяжелой походкой тучнаго человѣка.

IV.

Вся разношерстная толпа въ прихожей стихла сразу при появленіи воеводы, и всѣ поклонились въ поясъ.

Всѣ почтительно поглядывали на властителя отъ усатаго перса въ остроконечной шапкѣ бараньей, до круглолицаго съ крошечными щелками вмѣсто глазъ бухарца въ длинномъ халатѣ, отъ старика грека-матроса, или молодаго стрѣльца, до послѣдней бабы-мѣщанки слободской, также пришедшей по своему дѣлу.

— Ну, выкладай! — произнесъ Ржевскій, обращаясь къ ближайшему.

Начался допросъ. Каждый разсказалъ свое дѣло по заранѣе извѣстному приказанію говорить какъ можно короче. Къ этому Ржевскій уже пріучилъ всѣхъ астраханцевъ и пріучилъ довольно просто. Когда кто начиналъ разсказывать и болтать при объясненіи своего дѣла, воевода вмѣсто всякаго суда и отвѣта обыкновенно приказывалъ тотчасъ же гнать вонъ въ шею. И въ какой нибудь годъ воевода такъ обучилъ обывателей своего округа, что всякій, даже глупый, умѣлъ вкратцѣ изложить свою жалобу или свою нужду, а при полной неспособности на это бралъ себѣ въ ходатаи какого нибудь приказнаго. А этотъ народъ уже, конечно, лихо наловчился въ нѣсколькихъ словахъ выяснять самую суть, чтобы тотчасъ же получить и рѣшеніе.

— Чѣмъ скорѣе объяснишь все, тѣмъ скорѣе и я рѣшу!—обѣщался Ржевскій.

Не прошло теперь получасу, какъ передъ толстымъ воеводой, который тяжело дышалъ, стоя на ростопыренныхъ ногахъ, перебывало человѣкъ болѣе дюжины, и каждый успѣлъ сказать свое кратко, но толково.

Дѣло дошло до связаннаго молодца и перса въ изорванной одеждѣ. Оба придвинулись къ воеводѣ, а два стрѣльца, арестовавшихъ буяна, стали позади ихъ.

— А?—протянулъ Ржевскій:—опять ты!.. Ахъ ты, Лучка, Лучка! Что же это, братецъ ты мой! И не надоѣстъ это тебѣ?—благодушно произнесъ Ржевскій, обращаясь къ связанному по рукамъ молодцу.

— Ну, говори,—прибавилъ воевода, обращаясь къ персу. Персъ заболталъ что-то языкомъ, но, очевидно, по-своему, и, размахнувъ руками, сдѣлалъ выразительный жестъ, говорящій, что онъ самъ объяснить своего дѣла не можетъ. Стрѣльцы, свидѣтели всего происшествія, должны были замѣнить его.

Связанный по рукамъ молодецъ разинулъ было ротъ и хотѣлъ объясняться.

— Молчи, щенокъ, — произнесъ также добродушно воевода. — Знаю я, какъ ты распишешь. Коротко, красно, толково, вразумительно и пречудесно. Да только все то будетъ одно вранье.

— Помилуй меня, Тимоѳей Ивановичъ, на сей нонѣшній разъ. Вотъ тебѣ Христосъ и Божья Матерь,—началъ связанный по рукамъ.

Но воевода поднялъ и поднесъ свой толстый кулакъ прямо къ его лицу.

— Еще слово, убью, — произнесъ Ржевскій.

Но воевода произнесъ это такимъ голосомъ, да и кулакъ свой приставилъ къ лицу связаннаго парня такимъ особеннымъ добродушнымъ образомъ, что и онъ самъ, и буянъ, и стрѣльцы, и вся публика усмѣхнулась. Всякому было давно и хорошо извѣстно, что гдѣ же это видано и слыхано, чтобы Тимоѳей Ивановичъ кого нибудь не только убилъ, а пальцемъ тронулъ.

— Говори ты, — обратился воевода къ старшему стрѣльцу.

Стрѣлецъ разсказалъ тоже коротко и дѣльно все, т. е. отчаянное побоище на базарѣ изъ-за самой пустой причины. Дѣло было такое, которое арестованный, по имени Лукьянъ Партановъ, дѣлывалъ почти по два раза въ недѣлю.

Партановъ былъ на столько извѣстенъ всему городу своимъ буйствомъ и всякаго рода шалостями, что, когда виновникъ какого нибудь буянства не былъ розысканъ, то прямо брались за Лукьяна, или, какъ звали его, за Лучку Партанова, въ убѣжденіи, что онъ, конечно, неизвѣстный затѣйникъ всего. Партанова брали, засаживали въ холодную, пороли розгами, иногда очень сильно. Онъ, случалось, хворалъ, но отлеживался и, снова выпущенный на волю, производилъ новое буянство. Одно было удивительно, что Лучка никогда не попадался въ воровствѣ или убійствѣ. Но нашумѣть, набуянить, своимъ буянствомъ или простой шалостью хоть даже раззорить человѣка, или же иной разъ исколотить до смерти въ дракѣ — на это Лучка былъ мастеръ.

Выслушавъ разсказъ о новомъ буянствѣ Лучки, хорошо знакомомъ воеводѣ, Ржевскій задумался и довольно долго молчалъ. Это было такъ необычно, что виновный немножко пригорюнился. Ему стало страшно, ибо никогда таковаго не случалось. Бывало рѣшеніе всегда одно:

— «Бери, веди въ холодную».

Или другое рѣшеніе:

— «Дать ему четвертку розогъ!»

Ни холодной, ни розогъ Лучка не боялся, дѣло было самое обыкновенное, привычное, а теперь, очевидно, воевода что-то такое надумать хочетъ.

Помолчавъ нѣсколько мгновеній, Ржевскій поднялъ голову, елееле медленно развелъ руками и произнесъ:

— Ну, Лучка, что же, братецъ ты мой! Вѣдь я тебя изъ города выгоню.

Партановъ тотчасъ же кинулся въ ноги.

— Ни-же-ни, и не проси. Этимъ, братецъ ты мой, меня не возьмешь, — заговорилъ воевода. — Если вашего брата, всякаго, кто валяется въ ногахъ прощать, то это всю свою жизнь въ однихъ

прощеньяхъ проведешь. А ты вотъ что, Лучка, — и воевода нагнулся немного надъ стоящимъ на колѣняхъ молодцомъ: — ты слушай. Сегодня тебя засадятъ въ холодную, просидишь ты тамъ у меня, покуда не выпущу, долго, да, кромѣ того, велю я тебѣ дать двѣ четверти розогъ. Не стоитъ его одежда персидская этой полсотни, да дѣлать нечего. Тебя надо пробрать. Будь у тебя деньги ему заплатить, я бы сей приговоръ съ тебя снялъ.

— Есть, Тимоѳей Ивановичъ, есть! 65 алтынъ есть, всѣ отдамъ.

— Мало, братецъ ты мой!

— Ну, вотъ какъ, Тимоѳей Ивановичъ, будь отецъ родной. Четвертку розогъ и 65 алтынъ персиду.

— Ладно, — согласился воевода: — изволь. Развязать его.

Малаго развязали, и онъ, довольно бойко поглядывая, слазилъ въ карманъ, досталъ цѣлую кучку мѣдныхъ и серебряныхъ денегъ и передалъ персу.

Персъ, повидимому, остался доволенъ, а самъ Лучка тоже былъ доволенъ, такъ какъ четвертка, пропорція въ двадцать пять розогъ, была для него вещь знакомая и простая, а полсотни заразъ нѣсколько смущали. По его разсчету, за эти лишнія розги 65 алтынъ, доставшихся ему, вдобавокъ, даромъ, заплатить было можно. Отпуская Лучку, воевода, всетаки, прибавилъ и пригрозилъ вновь:

— Если ты еще три раза у меня въ чемъ попадешься, помни, я тебя изъ Астрахани выгоню. Живи, гдѣ хочешь, по разнымъ приписнымъ городамъ. Надоѣлъ ты мнѣ.

Затѣмъ еще съ полчаса продолжался допросъ, и въ числѣ прочихъ придвинулся къ воеводѣ и вновь прибывшій въ городъ молодецъ.

— А здорово, — узналъ его воевода. — Съ Москвы?

— Точно такъ-съ, ваше высокорожденіе. Ѣздилъ по вашему приказанію исправлять себѣ письменность, — отвѣчалъ Барчуковъ бойко и весело.

— Исправилъ.

— Точно такъ-съ. Вотъ она.

Барчуковъ слазилъ въ карманъ и подалъ бумагу.

Воевода прочелъ вслухъ. Въ видѣ значилось, что предъявитель сего, московскій уроженецъ, стрѣлецкій сынъ Степанъ Барчуковъ, 24 лѣтъ, отправляется въ Астрахань.

— Ну, вотъ это дѣло. А то какъ же можно жить съ подложнымъ видомъ! За это, братецъ ты мой, вашего брата не то что выпороть, а и въ острогъ засаживать полагается. А захочу, такъ и казнить смертью мóгу. А вотъ теперь живи себѣ. Ну, что, какъ на Москвѣ?

— Ничего, — выговорилъ Барчуковъ.

— Въ Кремлѣ былъ?

— Какже-съ, былъ, — промычалъ молодой малый.

— Скажи, братецъ ты мой, Ивана Великаго поправили, аль нѣтъ еще?

Барчуковъ хотѣлъ что-то сказать, но замялся и видимо смутился.

— Не понимаешь? Я спрашиваю тебя—колокольню Ивана Великаго поправили, аль нѣтъ? Видѣлъ, былъ ты въ Кремлѣ? Ивана Великаго видѣлъ?—добивался воевода вразумительно.

— Видѣлъ, — произнесъ Барчуковъ довольно бойко, такъ какъ дѣйствительно, въ бытность свою въ Москвѣ, онъ видалъ колокольню сотни разовъ.

— Ну, вотъ я и спрашиваю—поправили, али въ томъ же еще видѣ? Вѣдь это, сказывали, еще постомъ покосило на сторону, падать, вишь, задумалъ. Ну, теперь-то какъ? Прямо паки стоитъ, или все еще на боку?

Яркій румянецъ заигралъ на лицѣ Барчукова. Чистосердечный и прямой малый сильно смутился. Другой давно бухнулъ бы что нибудь въ отвѣтъ, сообразивъ, что «пойди, молъ, справляйся въ Москвѣ, какъ тамъ—на боку, или нѣтъ». Но Барчуковъ былъ слишкомъ прямодушенъ, чтобы соврать хоть въ пустомъ случаѣ.

— Вотъ оказія, — подумалъ онъ и, наконецъ, чрезъ силу пробурчалъ, кое-какъ шевеля языкомъ:

— Прямо, то есть какъ быть слѣдуетъ.

— Стало быть, поправили, поставили на мѣсто? — произнесъ воевода.

— Такъ точно, стало быть, на мѣстѣ, какъ слѣдуетъ.

— Ну, вотъ и слава Богу. А признаться, мнѣ частенько оно приходило на умъ. Обида какая! Эдакій, значитъ, монаментъ древній и священный, и вдругъ это на боку. Совсѣмъ нехорошо.

Воевода говорилъ о случаѣ всѣмъ извѣстномъ.

Вѣсть о томъ, что Иванъ Великій покосился на сторону вслѣдствіе того, что царь будто хочетъ всю православную землю полатынить и въ нѣмецкую вѣру обратить, упорно держалась въ Астрахани, какъ и на многихъ окраинахъ. Но въ данномъ случаѣ воевода и не догадывался, что онъ, укорявшій астраханцевъ за вѣру во всякіе дурацкіе слухи и убѣждавшій Носова воевать съ этими слухами, на этотъ разъ по поводу самаго нелѣпаго слуха о покосившемся Иванѣ Великомъ—самъ попался въ просакъ.

Когда Барчуковъ вышелъ изъ воеводскаго правленія, то встрѣтилъ на улицѣ тѣхъ же двухъ стрѣльцовъ съ Лучкой впереди. Малаго уже высѣкли и вели въ холодную.

Барчуковъ зналъ Партанова въ лицо, видалъ не разъ его буйства въ городѣ, но съ нимъ лично ему никогда не приходилось сталкиваться и говорить. На этотъ разъ Партановъ, знавшій Барчукова и въ лицо, и по имени, вдругъ остановился, обернулся къ нему и произнесъ веселымъ, но и дерзкимъ голосомъ:

— Барчуковъ, слышь-ко, парень, что я скажу, удивлю я тебя.

Просьба къ тебѣ будетъ. Уважишь—ладно. Не уважишь—наплевать. Уважишь, помни, и крѣпко помни, постоитъ за тебя при случаѣ горой, какъ за брата роднаго, Лучка Партановъ. Не уважишь просьбы, помни и крѣпко помни, въ случаѣ чего, себя не жалѣя, нагадитъ тебѣ въ какомъ дѣлѣ Лучка Партановъ такъ, что небо съ овчинку покажется. Слушай, парень, дай ты мнѣ вотъ сейчасъ изъ руки въ руку, вотъ на ладонь клади десять алтынъ.

Барчуковъ остановился, слушая рѣчь заарестованнаго, и когда онъ кончилъ, молчалъ и раздумывалъ:

— Чудно было все сказано. Хочешь—дай, не хочешь—не давай. Дашь—я тебѣ услужу, не дашь—гадость какую сдѣлаю. Десять алтынъ деньги не большія, а все же деньги. А положеніе Барчукова теперь такое, что эдакой пройдоха, буянъ и головорѣзъ, какъ Лучка, можетъ, пожалуй, пригодиться.

Барчуковъ разсмѣялся, слазилъ въ карманъ, досталъ мошну, вытрясъ оттуда десять алтынъ и весело шлепнулъ ихъ въ ладонь буяна-парня.

Лучка поглядѣлъ на деньги, пригнувъ голову на бокъ, какъ лягавая собака смотритъ на ползущую муху, потомъ молча положилъ ихъ въ карманъ и произнесъ тихонько, будто тайну какую:

— Ну, Барчуковъ, помни, братецъ ты мой, помни. Увидишь. Черезъ недѣлю, или черезъ мѣсяцъ, или черезъ годъ—это все едино, а будетъ тебѣ нужда въ Лучкѣ, найди ты его въ городѣ и прикажи. Что укажешь, все то онъ сдѣлаетъ. Вотъ тебѣ Христосъ Богъ.

И арестованный началъ креститься. Затѣмъ онъ быстро двинулся въ сопровожденіи стрѣльцовъ и, конечно, по направленію въ ближайшій кабакъ.

Барчуковъ тихо пошелъ своей дорогой и думалъ:

— А что, какъ и въ самомъ дѣлѣ этотъ буянъ, да при случаѣ поможетъ мнѣ въ чемъ. Вѣдь вотъ не знаю, какъ и рукъ приложить къ своему дѣлу, какъ развязать все. Пойдти прямо къ Ананьеву тотчасъ, опять прогонитъ. Нѣтъ, надо прежде вѣсти собрать, какъ у нихъ и что? Да надо какое ни на есть себѣ мѣсто найдти, а болтаться зря, безъ дѣла, тоска возьметъ.

Черезъ минуту молодецъ остановился какъ вкопанный и вздохнулъ.

— Ну, вдругъ... А?! Вдругъ узнаю, что Варюша замужемъ. Охъ, даже въ потъ бросило!—проговорилъ онъ.

И Барчуковъ сталъ мысленно разсуждать, что дѣвицы всѣ перемѣнчивы... Клятвы свои легко даютъ и легко забываютъ. А Варюша Ананьева еще и балованная, и богатая приданница, и лакомый всякому кусъ.

— Охъ, ей-богу, страшно!—вздыхалъ парень.

V.

Посадскій Носовъ, или Грохъ, послѣ бесѣды съ Ржевскимъ медленно, задумчиво, ровной и степенной походкой вышелъ изъ Кремля чрезъ Пречистенскія ворота. Всегда бывалъ у него мрачный видъ, а теперь онъ былъ воистинну темнѣе ночи. Послѣ посѣщенія воеводскаго правленія или инаго присутственнаго мѣста, вообще какого либо городскаго начальства, на посадскаго неизмѣнно еще пуще нападала тоска, пріятелямъ его непонятная и необъяснимая, и затѣмъ продолжалась иногда три, четыре дня. Казалось, соприкосновеніе съ властями и сильными міра сего какъ будто прямо растревоживало скрываемую Грохомъ душевную язву.

Оно такъ и было въ дѣйствительности.

Теперь Носовъ, медленно выйдя изъ Кремля въ слободу, разсуждалъ про себя:

— Воевода! Судья! Всякихъ дѣлъ рѣшитель! Главный начальникъ надъ всякой живой тварью на тысячу верстъ! А что̀ у человѣка на умѣ? Птицы да спанье! Добрый человѣкъ, слова нѣтъ, но малоумный, лѣнивый. Его не только никакой купецъ въ приказчики къ себѣ не взялъ бы, даже рыбакъ въ подручники не возьметъ. Развѣ ему только поручить лодки да челноки конопатить да смолить, или ямы для просола рыбы копать. А онъ судья, царскій воевода. Что же это такое? Какъ это уразумѣть? Опять и самъ царь все пуще дурачествуетъ, басурманится: столицу, вишь, изъ православной земли къ чухонцамъ перетащить хочетъ. Что же, развѣ онъ весь Кремль, всѣ святые соборы, потащитъ на подводахъ? День деньской, сказываютъ, пьянствуетъ, дерется, жену прогналъ, хоть и царица, въ монастырь заперъ, а себѣ нѣмку подъискалъ. Царь онъ русскій!? Какъ опять это уразумѣть? А этотъ Александра Меньшиковъ, сильный человѣкъ, первый совѣтникъ и заправитель царскій, изъ простыхъ же людей, да не изъ такихъ, какъ я, а похуже. Вотъ тутъ и разсуди. Да и самое дѣленіе это людское чудно. Тутъ бояре, а тамъ мѣщане, или подлый народъ. Тутъ тебѣ русскій человѣкъ, а тамъ киргизъ, индѣецъ. Что тутъ поймешь? Иной разъ бываетъ какъ будто свѣтло въ головѣ, будто что-то уразумѣлъ, а инъ бываетъ—заволокетъ разумъ тьма тьмущая. И все это раскидываніе твое мыслями вдругъ лютымъ грѣхомъ тебѣ обернется. А какой же грѣхъ? Повиненъ ли я, что мысли мои—волчьи мысли, и какъ волки въ головѣ рыщутъ. Вотъ хоть бы это. Я понимаю, что есть на свѣтѣ русскій православный народъ и есть, къ примѣру, персидскій народъ съ своимъ царемъ и съ своимъ богомъ. Но они у персида, и царь, и богъ, какъ бы не настоящіе, а самодѣльные. Ѳманъ и соблазнъ только. А вотъ этихъ своихъ русскихъ приключеній не могу осилить. Хоть бы воевода

нашъ, разныя власти царскія, наши правители? Глупцы, или пьяницы, или кровопійцы. Одни сони непробудные, а другіе съ живаго и съ мертваго люты кожу драть, малаго ребенка—и того не пожалѣютъ. Что же это, не грѣхъ? Что же это за законъ? По какому же закону—по человѣческому, или по Божьему, или по иному какому? Ничего вотъ тутъ я и не уразумѣю. Какъ же такимъ властямъ да будто указываетъ Господь праведный повиноваться? Не вѣрю...

И Носовъ нѣсколько разъ тяжело вздохнулъ.

— Эхъ, было бы можно,—произнесъ онъ вслухъ:—сейчасъ бы я всѣ эти мысли бросилъ. Попадись мнѣ умный человѣкъ, поясни онъ все, докажи мнѣ толково, что я какъ дурень съ писаной торбой вожусь, — все брошу, начну хоть рыбой торговать, что ли. А то нѣтъ во всей Астрахани ни единаго такого умницы. Никто еще меня не осилилъ и не переспорилъ и не уговорилъ. Вотъ хоть бы Колосъ, или отецъ Василій,—люди неглупые, а начнешь съ ними толковать,—вмѣсто того, чтобы усовѣстить тебя, они только слушаютъ да поддакиваютъ. Ну, стало, правда на моей сторонѣ. А повстрѣчай я человѣка, который меня заговорилъ бы, меня осилилъ, пояснилъ бы мнѣ, что я балуюсь, озорничаю. Вотъ, ей-богу, все брошу, начну бѣлужиной, аль икрой торговать. А то затянусь тогда въ петлѣ на чердакѣ. Это-то, пожалуй, вѣрнѣе, да по мнѣ и лучше, чѣмъ въ торгаши лѣзть.

И, помолчавъ, Носовъ уже произнесъ раздражительно:

— Да, въ петлю куда лучше. Такому человѣку, какимъ я уродился, рыбы не ловить, земли не пахать, огородовъ не городить. Дай мнѣ иное дѣло въ руки. А коли не хочетъ кривая побаловать, такъ одна дорога—въ петлю, либо въ воду.

И Носовъ, будто озлившись на себя или на свои мысли, быстро зашагалъ по улицѣ.

Почти на каждомъ шагу и русскіе обыватели, и разношерстная татарва, которой была переполнена Астрахань, при встрѣчѣ съ Носовымъ привѣтливо и ласково кланялись ему, нѣкоторые опрашивали его. Но посадскій не отвѣчалъ ни слова и проходилъ, почти не замѣчая встрѣчныхъ и поклоновъ.

Выйдя въ Шипилову слободу, онъ увидалъ не вдалекѣ, на другой сторонѣ улицы, свой домъ и остановился. Поглядѣлъ онъ на окна, на крышу, на заборы и понурился. Все это было имъ продано, или почти продано купцу Зарубину. Это гнѣздо, которое онъ свилъ и въ которомъ думалъ вѣкъ свѣковать, онъ вдругъ рѣшился продать безъ всякой нужды и уѣхать навсегда изъ Астрахани.

А куда?—онъ и самъ еще не рѣшилъ. Въ Москву? Пожалуй. Но зачѣмъ? Въ Кіевъ, въ Казань, во Владиміръ, хоть бы даже въ Сибирь—не все ли равно?

Почему собственно рѣшилъ посадскій уѣзжать, онъ, конечно, зналъ, но жена его почти не знала, а въ городѣ всѣ пріятели и знакомые окончательно не понимали и недоумѣвали, пожимая плечами. Одни усмѣхались насмѣшливо, другіе, пригорюнившись и жалѣя, головой качали.

Одни полагали, что у Носова умъ за разумъ зашелъ, другіе утверждали, что у Носова были темные торговые обороты, что онъ вдругъ прогорѣлъ и, продавши домъ, долженъ по міру идти.—«Отъ стыда онъ и бѣжитъ,—говорили иные:—чтобы на чужой сторонѣ простымъ батракомъ въ чью нибудь рыболовную ватагу наняться».

Носовъ простоялъ минуты двѣ, глядя на свой домъ, и въ душѣ его будто шевельнулся вопросъ: «Зачѣмъ ты все это творишь? Куда ты, человѣкъ, пойдешь, и не хуже ли будетъ въ чужихъ людяхъ? Что здѣсь въ Астрахани, что тамъ въ Москвѣ или Кіевѣ— вѣдь все же ты будешь тотъ же посадскій человѣкъ, а не бояринъ какой или князь. Борову конемъ, кукушкѣ соловьемъ не бывать. Вѣдь такъ тебѣ, стало быть, на роду написано!»

Но на это разсужденіе тотчасъ же шевельнулся на душѣ посадскаго и отвѣтъ. Онъ вдругъ громко выговорилъ:

— Написано? Кѣмъ? Зачѣмъ? Человѣкъ самъ себя можетъ и соколомъ, и псомъ поставить.

И быстрой, даже сердитой походкой двинулся, чуть не побѣжалъ Носовъ по улицѣ, но не къ воротамъ своего дома, а прочь отъ него... За рогатку, въ поле, размыкать тоску и думы докучливыя.

Пробродивъ болѣе часу за плетнями огородовъ, Носовъ вернулъ въ слободу и, полууныло, полузлобно усмѣхаясь, направился неожиданно для себя самого къ дому одного астраханца, котораго почти ненавидѣлъ. Если это не былъ его злѣйшій врагъ, то былъ, всетаки, человѣкъ, присутствіе котораго Носовъ съ трудомъ выносилъ. Онъ ничего, кромѣ добра и ласки, не видалъ отъ этого человѣка, а иногда при одномъ его имени кулаки Носова злобно сжимались...

— Убилъ бы... думалось ему.

Зачѣмъ же вдругъ теперь угрюмый посадскій двинулся въ гости именно къ этому человѣку? Онъ самъ не зналъ. Будто на зло себѣ самому.

— Пойду... Пускай онъ мнѣ все нутро переворочаетъ своими рѣчами,—бормоталъ себѣ подъ носъ посадскій. — Чѣмъ больше я его рѣчи слушаю, тѣмъ больше у меня на душѣ закипаетъ. А чѣмъ больше накипитъ, тѣмъ скорѣе я себя рѣшу, что либо конечное надумаю... Хоть въ петлю, что ль?

Этотъ ненавистный человѣкъ для Носова былъ тоже уроженецъ города, богатый и хорошо извѣстный всѣмъ на тысячу верстъ кругомъ посадскій, по имени Кисельниковъ. Этого посадскаго ни-

кто не могъ въ чемъ либо упрекнуть. Онъ былъ безупречной честности, и единственно надъ чѣмъ подшучивали заглазно его пріятели и близкіе—было его честолюбіе относительно дочери, некрасивой и глуповатой. Кисельникову и воснѣ, и наяву, мерещилось выдать свою дочь за дворянина и офицера.

И, помимо Носова, всѣ любили и уважали Кисельникова. Одинъ лишь Носовъ всегда бранилъ его первому другу своему, посадскому Колосу.

— И Богу, и сатанѣ заразъ служитъ, и самъ того не вѣдаетъ!— говорилъ про него Носовъ.

Посадскій Кисельниковъ, человѣкъ лѣтъ почти пятидесяти, пользовался наибольшимъ уваженіемъ даже въ средѣ дворянъ Астрахани. Онъ торговалъ почти съ юношества арбузами и дынями, которые закупалъ всюду тысячами, а затѣмъ караванами отправлялъ въ разные далекіе предѣлы и сухимъ путемъ, и на корабляхъ по Каспію. Онъ былъ теперь человѣкъ очень богатый, извѣстный своей торговой честностью и добропорядочностью въ обыденныхъ сношеніяхъ. Вдобавокъ, въ городѣ, гдѣ онъ былъ знаемъ всякому и русскому, и инородцу, его полу-шутя, полу-серьёзно звали законникомъ. Прозвище это «законникъ» не потому было дано Кисельникову, что онъ могъ какъ подьячій хорошо пояснить кому нибудь «уложённую грамоту», или указы какіе царскіе, или какой «регламентъ», или «наказъ»... Въ законахъ, напротивъ, онъ мало смыслилъ, какъ и всякій другой посадскій или торговый обыватель.

Кисельникова прозвали законникомъ потому, что онъ часто упоминалъ слова: «законъ Божій, законъ людской». Онъ постоянно читалъ всѣмъ нравоученія, какъ себя должно вести праведно и смиренно предъ Богомъ и царемъ. Усовѣщивая или осуждая всякаго человѣка отъ мала до велика, научая законно жить на свѣтѣ, Кисельниковъ, конечно, болѣе или менѣе самъ подавалъ примѣръ подобнаго житія.

Предложеніе, которое сдѣлалъ воевода Носову, усовѣщивать болтуновъ и прекращать глупую молву народную, показалось ему дѣломъ неподходящимъ и непокладнымъ. А Кисельниковъ уже давно и собственной охотой горячо взялся за это дѣло и дѣйствовалъ съ успѣхомъ.

И дома, и въ гостяхъ, и на улицѣ, на базарныхъ площадяхъ, на мѣновыхъ дворахъ и каравансараяхъ, среди православныхъ и среди инородцевъ,—Кисельниковъ равно являлся проповѣдникомъ-борцемъ и врагомъ всякой «дури», какъ выражался онъ.

Носовъ и Колосъ втайнѣ хоть и не любили, но поневолѣ уважали пожилаго Кисельникова. Для нихъ обоихъ, въ особенности для Носова, была, однако, въ Кисельниковѣ одна совершенно непонятная черта.

Умный Кисельниковъ тупо мирился со всякой новостью, со всякимъ новымъ указомъ изъ столицы и считалъ его законнымъ и умнымъ. Покуда какая нибудь удивительная вѣсть или совершенно несообразная молва бѣгала по улицамъ и базарамъ, Кисельниковъ орудовалъ противъ нея, обзывая ее дурью, глупствомъ. Но затѣмъ, когда черезъ нѣсколько времени оказывалось, что извѣстіе подтверждается, объявлено изъ воеводскаго правленія и молвь сразу стала закономъ, въ силу указа изъ столицы, Кисельниковъ сразу принимался расхваливать новое положеніе и доказывать его разумность и пользу и даже богоугодность.

Если бы посадскій притворялся, или лгалъ, или былъ глупый отъ природы человѣкъ, то дѣло было бы просто для Носова. Но онъ видѣлъ ясно и зналъ, что Кисельниковъ дѣйствуетъ совершенно искренно, съ чистой совѣстью. И умный Носовъ уразумѣть этой черты въ нравѣ умнаго Кисельникова никакъ не могъ.

Когда еще недавно пронесся слухъ о томъ, что будетъ указъ брить бороды, Кисельниковъ повсюду кричалъ и спорилъ чуть не до слезъ, обзывая антихристами и дьяволами всякаго, кто такую «дурью дурь» разноситъ въ народъ.

— Вспомните, — восклицалъ Кисельниковъ: — не токмо наши бояре, а даже цари русскіе, даже всѣ патріархи, даже угодники святые и апостолы Христовы—и тѣ ходили въ бородахъ. Вспомните, что врага человѣчьяго, дьявола, испоконъ-вѣка изображаютъ съ махонькой бородкой. Ну, статочное ли дѣло, чтобы былъ эдакій указъ съ Москвы. Выдрать, а то и казнить, головы бы слѣдъ отрубить всѣмъ болтунамъ и озорникамъ, которые такую пустоту разносятъ и народъ смущаютъ.

Когда же въ Астрахань явился, наконецъ, съ Москвы указъ о бритьѣ бородъ, Кисельниковъ на цѣлую недѣлю заперся и не показывался изъ дома. Что съ нимъ было, никто не зналъ. Хворалъ онъ, что ли, случайно? По всей вѣроятности, онъ былъ на столько смущенъ, что боялся показаться въ люди. Когда онъ снова появился на улицѣ, то при встрѣчѣ съ знакомыми и пріятелями, въ томъ числѣ и съ Носовымъ, онъ, всетаки, началъ защищать новый указъ и доказывать его правоту и разумность, но, однако, дѣлалъ это вздыхая и будто робко. И, быть можетъ, въ первый разъ отъ роду у Кисельникова на совѣсти случился маленькій разладъ. Говорилъ онъ одно, а чувствовалъ, всетаки, иное.

«Борода человѣчья, наподобіе какъ и у святыхъ угодниковъ, да вдругъ бритье ея по царскому велѣнью?!» Это былъ вопросъ, конечно, въ тысячу разъ важнѣе, нежели указъ о какомъ нибудь новомъ налогѣ, новомъ взиманіи какого нибудь ясака, дани или подати.

Незадолго до появленія этого указа былъ другой о томъ, чтобы привозныхъ татарокъ и татарчатъ не продавать подспудно и тайно,

а выводить на базаръ и продавать на народѣ, вписывая ихъ имена предварительно въ особой вѣдомости у воеводы.

Много народу въ Астрахани изъ торговцевъ живымъ товаромъ всполошилось, чуть не взбунтовалось. За сотни лѣтъ привыкли многіе купцы инородческіе и свои вывозить татарокъ, молодыхъ и красивыхъ, или татарчатъ, и продавать, какъ кому и куда имъ вздумается. Такая торговля, обставленная тайной, была не въ примѣръ выгоднѣе. Иногда торговцы наживали очень большія деньги. Продажа на базарѣ воочію у всѣхъ была большой помѣхой. Были такіе зажиточные люди, которые до сихъ поръ постоянно ежегодно скупали за большую цѣну подобный товаръ, когда торгъ шелъ съ глазу на глазъ и все дѣло совершалось втайнѣ. Теперь же выходить на базаръ и покупать товаръ этотъ при всемъ народѣ тѣ же самые люди наотрѣзъ отказывались.

Поэтому указъ надѣлалъ такого шума въ Астрахани, какъ если бы велѣно было у каждаго торговаго человѣка палецъ на рукѣ отрубить.

А между тѣмъ, Кисельниковъ тогда по цѣлымъ днямъ краснорѣчиво оправдывалъ указъ, разъяснялъ все дѣло, зазорность, грѣхъ и неправоту уничтожаемаго обычая. И въ данномъ случаѣ Кисельниковъ чувствовалъ, что совѣсть его, душа его, радуются новому указу, что въ немъ поднимается хорошее чувство, которое развязываетъ еще шибче его языкъ.

Второй же пришедшій послѣ этого указъ о брадобритіи произвелъ совсѣмъ не то дѣйствіе на Кисельникова, хотя онъ и началъ снова разглагольствовать, оправдывая царское повелѣніе. Но на душѣ было смутно, на совѣсти было нечисто.

Къ этому-то человѣку направился вдругъ теперь Носовъ. Предполагая отпраздновать продажу дома своего и созвать гостей на прощанье, будто на смѣхъ себѣ и на зло многимъ знакомымъ, Носовъ рѣшилъ идти звать и Кисельникова.

— Озлится, что не слушаю его уговоровъ! Ну, и злися,—думалъ Носовъ, входя во дворъ дома посадскаго.

VI.

Вновь пріѣзжій въ городъ молодецъ, побывавшій у воеводы, былъ очень красивый парень, съ чистымъ и добродушнымъ лицомъ, слегка пробивающейся русой бородкой и маленькими усами. На вопросъ, кто онъ, ему было прежде мудрено отвѣчать. Въ городахъ, гдѣ ему приходилось за послѣдніе года останавливаться, его приписывали въ третій разрядъ, подъ рубрикой «гулящіе, вольные люди». Собственно, по сказу народному, онъ былъ просто шатунъ безписьменный! Парень этотъ былъ москвичъ по рожде-

нію, а по происхожденію, стрѣлецкій сынъ, по имени Степанъ Барчуковъ. Еще не такъ давно, лѣтъ восемь тому назадъ, когда онъ былъ только семнадцатилѣтнимъ юношей, — онъ жилъ на Москвѣ, въ Стрѣлецкой улицѣ, въ большомъ и свѣтломъ деревянномъ домѣ, среди большой зажиточной семьи. Отецъ его былъ стрѣлецкимъ пятидесятникомъ. Страшный 1698 годъ, стрѣлецкій мятежъ, затѣмъ судъ и расправа молодаго царя съ бунтовщиками, приверженцами царевны Софьи, многое на Москвѣ перемѣнили и поставили вверхъ дномъ.

Красная площадь, зубцы кремлевскихъ стѣнъ, многія базарныя площади и заставы покрылись изуродованными и обезглавленными трупами. Казалось, вся Москва была въ крови, а смрадъ отъ гніющихъ тѣлъ, не только не убранныхъ, но «нарочито» разбросанныхъ по городу, въ устрашеніе жителей, наводилъ ужасъ и трепетъ на самаго мирнаго москвича. Сотни стрѣльцовъ были казнены, дома ихъ описаны, отобраны и раздарены любимцамъ царя, а жены, дѣти и домочадцы казненныхъ пошли по міру, на всѣ четыре стороны.

Много теперь бродило по Россіи, на самыхъ даже дальнихъ окраинахъ, такихъ молодцовъ, какъ Барчуковъ, и повсюду, до самыхъ дальнихъ предѣловъ Русской земли, въ Литву, въ Сибирь, въ Архангельскъ и въ Астрахань разносились вѣсти, передаваемыя очевидцами, о новыхъ порядкахъ, наступающихъ съ новымъ молодымъ царемъ.

И добродушный людъ православный изъ края въ край всей земли Россійской не винилъ царя.

«Царь тутъ, почитай, не причемъ. Конецъ свѣта настаетъ и свѣта преставленіе не нынче—завтра будетъ. Вотъ въ чемъ вся причина»!

А многіе богобоязные люди смиренно вѣрили, что и царь этотъ Петръ Алексѣевичъ—не царь, а самъ Антихристъ, принявшій царскую личину. Вольнодумныя головы хитро сообразили, рѣшили и громко говорили, что царь Петръ Алексѣевичъ «обмѣнный» царь, подмѣненный басурманомъ, чтобы «полатынить» всю Русскую землю.

Степанъ Барчуковъ, послѣ казни отца, дяди и брата, уцѣлѣлъ только потому, что не успѣлъ еще какъ подростокъ надѣть стрѣлецкій кафтанъ. Будь онъ на годъ, на два старше, то былъ бы теперь тоже въ числѣ казненныхъ. Тюрьмы онъ, конечно, не избѣжалъ и, просидѣвъ три мѣсяца въ числѣ другихъ сотенъ безвинныхъ преступниковъ, онъ точно также, какъ и многіе другіе, освободился тайнымъ бѣгствомъ. Это было и нетрудно. Московскіе правители сами не знали, что́ дѣлать съ цѣлой оравой заключенныхъ по острогамъ, ямамъ и даже подваламъ частныхъ домовъ. Бѣгство этихъ заключенныхъ было имъ на руку.

Въ темную ночь Барчуковъ бѣжалъ изъ подвала одной кремлевской башни вмѣстѣ съ цѣлой дюжиной другихъ молодцевъ. Послѣ двухъ, трехъ дней поисковъ по Москвѣ онъ нашелъ мать, но едва живую послѣ всего пережитаго. Женщина, потерявшая въ одинъ день мужа, брата и старшаго сына, была почти помѣшана. Свидѣвшись съ своимъ любимцемъ Степаномъ, стрѣльчиха немного ожила, и они вмѣстѣ рѣшили тотчасъ же уходить изъ Москвы къ одному родственнику, въ Коломну, который былъ человѣкъ зажиточный, старовѣръ, извѣстный своей начитанностью и сношеніями своими по всей Руси.

Родственникъ — купецъ принялъ вдову съ сыномъ ласково, но надломленная горемъ женщина прожила только два мѣсяца. А юнаго Степана тоска взяла въ Коломнѣ послѣ Москвы. Ему было будто тѣсно и душно, и невольно приходило на умъ, что если родное гнѣздо на Москвѣ раззорено, то, стало быть, судьба ему быть вольнымъ шатуномъ по всему Божьему міру. Но что дѣлать ему — вотъ задача?

Думалъ онъ съ дѣтства быть такимъ же стрѣльцомъ, какъ отецъ и вся родня, а теперь и войска такого, сказываютъ, на Москвѣ не будетъ. Какое же дѣло себѣ надумать? Дѣло навязывалось само собой, мысль о немъ копошилась въ головѣ, щемила сердце, волновала душу. Только одно дѣло и можетъ у него быть — отомстить правителямъ и палачамъ за смерть отца и брата.

Вотъ чтó стало постояннымъ помысломъ и неизмѣннымъ желаніемъ молодаго Барчукова, какъ и многихъ сотенъ иныхъ молодцевъ въ его положеніи. Не онъ одинъ на Руси былъ приведенъ судьбой къ такому рѣшенію.

Умный старовѣръ-начетчикъ, побесѣдовавъ съ родственникомъ нѣсколько разовъ, только утвердилъ его въ этихъ мысляхъ и намѣреніяхъ. Коломенскій раскольникъ оказался на столько знающимъ и важнымъ человѣкомъ, что могъ лучше чѣмъ кто либо помочь Степану и направить его... Онъ тотчасъ же состряпалъ и выдалъ Барчукову двѣ грамотки. Первая была проѣзжее письмо, или видъ, конечно, «воровской», то есть поддѣльный, вторая же — возмутительное «письмо», въ которомъ было прописано, что государя на Москвѣ нѣтъ, что онъ опять отъѣхалъ въ басурманскую землю, а на Руси оставилъ править за себя Александра Меньшикова, и что первымъ дѣломъ, порученнымъ ему уѣхавшимъ царемъ, будетъ раззореніе храмовъ Божьихъ, указъ кланяться «болванамъ» и избіеніе новокрещенныхъ похристіански младенцевъ.

Письмо это Степанъ долженъ былъ повсюду путемъ — дорогой читать и давать списывать грамотнымъ для распространенія.

Молодой малый съ своимъ подложнымъ видомъ изъѣздилъ немало городовъ, побывалъ и на Волгѣ, вездѣ кое-какъ перебиваясь, нанимаясь, то работникомъ, то приказчикомъ къ боярамъ и куп-

цамъ. Прошло года три, и мысль объ отомщеніи была давно уже забыта имъ, бунтовщицкая грамотка коломенскаго дяди была давнымъ давно заброшена въ рѣчку, и на умѣ у молодца явилось совсѣмъ иное желаніе: пристроиться гдѣ-нибудь и зажить мирно и счастливо.

Будучи на Волгѣ, не разъ попадалъ онъ съ купцами и товарами въ руки разбойниковъ. Хозяина его, конечно, вѣшали или топили, самъ же онъ въ числѣ другихъ приказчиковъ и батраковъ оставался всегда цѣлъ, такъ какъ, по обычаю, имъ всегда предлагали идти въ шайку, гулять на свободѣ съ топоромъ или ножемъ, а въ случаѣ отказа отпускали на всѣ четыре стороны. Барчуковъ только разъ почему-то соблазнился и чуть не сдѣлался разбойникомъ; но двѣ недѣли пребыванія въ шайкѣ убѣдили его, что эта жизнь не по немъ, и онъ бросилъ новаго чуднаго своего хозяина, воровскаго атамана.

И послѣ этого болѣе чѣмъ когда либо началъ Барчуковъ мечтать кончить свое мытарство «наймита» по городамъ и весямъ и устроиться такъ или иначе.

Съ годъ назадъ Степанъ явился въ Астрахань и нанялся опять-таки батракомъ въ ватагу купца, торговца рыбой, богатаго человѣка, но очень глуповатаго. Съ этого новаго мѣста Барчуковъ уходить уже не собирался. Напротивъ, ему казалось, что судьба давно толкала его все странствовать, чтобы въ концѣ концовъ привести въ Астрахань, къ этому купцу Климу Ананьеву.

Приходилось теперь своимъ разумомъ и ловкостью только довершить то, что давалось въ руки, и что было просто и трудно въ одно и то же время.

Изъ батраковъ въ ватагѣ купца для поѣздокъ на корабляхъ по Волгѣ и по Каспію онъ съумѣлъ попасть въ приказчики, въ довѣренные люди Ананьева. Вскорѣ онъ заправлялъ всѣми дѣлами глуповатаго рыботорговца.

Но слѣпая судьба толкнула его лѣзть въ зятья этого купца, въ мужья его единственной дочери и наслѣдницы, красивой Варюши. И порѣшилъ было Барчуковъ поступить прямо и смѣло, да видно перехитрилъ, и все пошло прахомъ.

Барчуковъ, влюбленный въ молодую Ананьеву и любимый ею, сознался сразу хозяину, что онъ не Провъ Куликовъ, крестьянинъ Коломенскаго уѣзда, какъ гласитъ его подложный видъ, а стрѣлецкій сынъ Степанъ Барчуковъ, котораго вся родня московская бывали пятидесятниками и сотниками въ царскомъ стрѣлецкомъ войскѣ. Одновременно Степанъ послалъ и сваху къ хозяину. Купецъ Ананьевъ выгналъ изъ дома «безписьменнаго» стрѣлецкаго сына и тотчасъ донесъ на него въ воеводское правленіе. Призванный туда, Барчуковъ напрасно объяснялся, винился и просилъ прощеніе.

Такъ какъ вины отца, брата и дяди его, казни стрѣльцовъ и все это государское дѣло было почти забыто, то теперь онъ дѣйствительно могъ, не боясь, явиться въ Москву и выправить себѣ законное письмо. Но воевода всему этому хотя и повѣрилъ, однако рѣшилъ, чтобы Барчуковъ отправился самъ въ Москву справлять этотъ видъ, а съ подложнымъ видомъ въ Астрахани не оставался ни единаго дня. И черезъ нѣсколько часовъ прямо отъ воеводы молодецъ очутился пѣшкомъ въ степи за нѣсколько верстъ отъ Астрахани въ числѣ другихъ вольныхъ и невольныхъ странниковъ, выѣхавшихъ или выгнанныхъ изъ города.

На счастье Барчукова, у него были скоплены деньги, къ тому же прежнія скитанія его втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ по Россіи, конечно, сдѣлали изъ него смѣтливаго парня. Онъ былъ уже малый не-промахъ, далеко не таковъ, какимъ явился когда-то къ родственнику, въ Коломну.

Степанъ злился на себя, какъ могъ такъ неосторожно и глупо поступить, смаху признавшись Ананьеву и посватавшись за его дочь. Поклявшись исправить свою ошибку, онъ взялся за свое дѣло горячо. Въ первомъ же посадѣ онъ тотчасъ купилъ себѣ лошадь, а чрезъ двѣ недѣли уже хлопоталъ въ Царицынѣ. Умные люди послали молодца далѣе въ Саратовъ. Здѣсь, пробывъ у хорошо извѣстнаго въ городѣ раскольника цѣлый мѣсяцъ, какъ у Христа за пазухой, онъ справилъ все. Заплативъ, по его совѣту, десять рублей одному подьячему, Барчуковъ, счастливый и гордый, выѣхалъ обратно изъ Саратова съ видомъ въ карманѣ, справленнымъ якобы въ самой столицѣ, и въ немъ числился московскимъ стрѣлецкимъ сыномъ Степаномъ Барчуковымъ.

Однако, приходилось поневолѣ гдѣ нибудь по дорогѣ прожить еще мѣсяцъ, чтобы въ Астрахани повѣрили его путешествію въ Москву. А то ужъ очень скоро съѣздилъ!

Застрявъ добровольно по дорогѣ, молодецъ явился снова въ этой Астрахани, гдѣ ждала его встрѣча съ любимой дѣвушкой. Онъ далъ себѣ теперь клятву или жениться на Варварѣ Ананьевой, или уходить къ персидамъ, продаться басурманамъ, или хоть просто утопиться въ Каспіи.

Ловко обдѣлать мудреное дѣло, чтобы купецъ согласился добровольно выдать за наймита свою дочь и породниться съ обнищалымъ стрѣлецкимъ сыномъ,—было теперь его задачей, и немалой!...

— Авось, Богъ дастъ! Только рукъ не покладай, только упрямся и все переупрямишь!—думалъ Степанъ, выйдя отъ воеводы и бодро шагая по знакомымъ улицамъ Астрахани.

Графъ Е. Саліасъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ ГРАФА В. А. СОЛЛОГУБА.

I.

Родители и родственники. — Оригинальная система воспитанія. — Печальная исторія Вани Посникова. — Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ. — Анекдотъ о Гнѣдичѣ. — Семейство Архаровыхъ. — Характеристика отца и матери. — Переѣздъ въ Петербургъ. — Мое рожденіе, мнимая смерть и необычайное оживленіе. — Поѣздка за границу. — Жизнь въ Парижѣ. — Убійство герцога Беррійскаго. — Людовикъ XVIII. — Возвращеніе въ Петербургъ. — Князь А. И. Барятинскій. — Воспитаніе въ домѣ родителей. — Протоіерей Кочетовъ. — П. А. Плетневъ. — Нарышкинская дача въ Павловскѣ. — Посѣщеніе императоромъ Александромъ I моей матушки. — Царскія прогулки. — Князь И. В. Васильчиковъ. — Разсказъ его о заговорѣ декабристовъ. — Высшее общество въ концѣ царствованія Александра I. — Д. М. Кологривовъ и его выходки. — Силачъ Лукинъ. — Князь А. Н. Голицынъ. — Оберъ-гофмаршалъ К. А. Нарышкинъ. — Оберъ-егермейстеръ Д. Л. Нарышкинъ. — Софья Нарышкина. — Народные маскерады во дворцѣ. — Придворный праздникъ въ честь великой княгини Маріи Павловны. — Наводненіе 7-го ноября 1824 года. — Кончина императора Александра I.

ВОСЬМАГО августа 1813 года, случилось въ Петербургѣ, у Симеоновскаго моста на Фонтанкѣ, происшествіе, надѣлавшее мнѣ впослѣдствіи много хлопотъ. Домъ Мижуева, понынѣ, кажется, существующій, былъ свидѣтелемъ моего рожденія и крещенія въ православную вѣру.

Скажу сперва нѣсколько словъ о моихъ родителяхъ. Отецъ мой, графъ Александръ Ивановичъ Соллогубъ, происходилъ отъ знатнаго литовскаго рода, обладавшаго огромными помѣстьями въ Литвѣ и въ Польшѣ. Въ запискахъ принца де-Линя (de Ligne) упоминается о пріѣздѣ ко двору императрицы Екатерины II трехъ польскихъ магнатовъ: Любомірскаго, Сапѣги

и Сологуба. Послѣдній, графъ Иванъ Антоновичъ, женился на дочери извѣстнаго Льва Александровича Нарышкина, фрейлинѣ Натальѣ Львовнѣ. Но бракъ ихъ, какъ кажется, не былъ счастливъ. При старости они жили врознь. Иванъ Антоновичъ скончался въ Дрезденѣ, гдѣ я не могъ отыскать его могилы. Наталья Львовна скончалась въ Петербургѣ и погребена въ Александро-Невской лаврѣ. Отъ ихъ брака осталось трое дѣтей. Полковникъ графъ Левъ Ивановичъ, женившійся на княжнѣ Аннѣ Михайловнѣ Горчаковой, сестрѣ знаменитаго канцлера, и раззорившійся отъ неудачныхъ спекуляцій; отецъ мой, графъ Александръ Ивановичъ, и дочь Наталья Ивановна, вышедшая за князя Григорія Сергѣевича Голицына, родоначальница цѣлаго поколѣнія Голицыныхъ. Отецъ мой женился на Софьѣ Ивановнѣ Архаровой, дочери московскаго военнаго губернатора Ивана Петровича Архарова, шефа полка своего имени. Иванъ Петровичъ былъ женатъ два раза; сперва—на Щепотьевой, отъ которой прижилъ двухъ дочерей: Марью, бывшую замужемъ за сенаторомъ Захаромъ Николаевичемъ Посниковымъ, и Варвару, вышедшую замужъ за Кокошкина, директора московскаго театра и классическаго переводчика Мольеровскаго «Мизантропа», впрочемъ, имъ весьма тяжело переведеннаго. И Посниковъ, и Кокошкинъ были большіе оригиналы. Я ихъ живо помню. Первый былъ тучный, плохо выбритый, съ отвислой губой, чиновникъ, кажется, изъ малороссіянъ, слылъ законникомъ и докой, но въ обращеніи былъ циникъ и грубоватъ, такъ что за обѣдомъ снималъ иногда съ головы накладку и въ видѣ шутки кидалъ ее на полъ. Жена его, Марья Ивановна, отличалась необыкновенно плоскимъ и широкимъ лицомъ, большою живостью и классическою начитанностью. Разговоръ свой она обыкновенно перемѣшивала цитатами изъ Корнеля, Расина и Вольтера. Жизнь свою она посвятила воспитанію и обожанію своего единственнаго сына, Ивана Захаровича, болѣе извѣстнаго подъ именемъ Вани. Ваня былъ роста исполинскаго, а лицомъ и добросердіемъ похожъ на мать. Къ образованію его придумывались разныя диковинныя средства. Между прочимъ, въ большой залѣ ихъ московскаго, на Смоленскомъ рынкѣ, дома стоялъ театръ маріонетокъ, изображавшихъ для нагляднаго обученія важнѣйшія миѳологическія и историческія событія. Помню, что однажды во время нашего проѣзда черезъ Москву, гдѣ мы всегда останавливались у тетки, состоялся великолѣпнѣйшій спектакль «Гибель Трои». Въ вечеръ представленія все началось благополучно. Видъ Трои, историческій конь, извергавшій воиновъ, безпощадное сраженіе—все приводило зрителей въ восторгъ; но, когда злополучный городъ долженствовалъ запылать со всѣхъ концовъ для завершенія сценическаго эффекта, никакого пожара не воспослѣдовало. Въ этотъ вечеръ Троя не погибла. Оказалось, что мастеровой Зуровъ, соединявшій въ себѣ должности декоратора, машиниста и ре-

жиссера, имѣлъ еще спеціальность горькаго пьяницы и лежалъ безъ чувствъ, выпивъ до послѣдней капли приготовленный для пламени спиртъ. Вечеръ кончился безъ гомерической катастрофы. Это мнѣ служило указаніемъ, до какой степени доходитъ въ Россіи слабость къ крѣпкимъ напиткамъ. Отъ этой слабости не уберегся впослѣдствіи и самъ Ваня. Впрочемъ, онъ пользовался и другими наставленіями. Къ нему даже былъ приставленъ молодой преподаватель, впослѣдствіи призванный къ широкой дѣятельности на полѣ русской журналистики, а именно Андрей Александровичъ Краевскій. Когда Ваня подросъ и принялъ видъ гигантскій, Посниковы переѣхали въ Петербургъ, и Ваня поступилъ въ университетъ. Въ Петербургѣ Краевскій ихъ оставилъ и началъ готовиться къ занятіямъ, составившимъ его карьеру. Бѣдный Ваня скоро остался одинъ. Отецъ и мать его скончались. Самъ онъ былъ подготовленъ къ жизни маріонетками и слѣпымъ обожаніемъ матери, не чающей въ немъ души. Бываютъ случаи, впрочемъ, рѣдкіе, что женщины, нрава твердаго и разсудка зрѣлаго, успѣваютъ справиться съ воспитаніемъ сыновей своихъ и подготовленіемъ ихъ къ жизненной борьбѣ. Но, большею частью, такіе опыты не удаются. Материнская нѣжность заурядъ увлекается снисходительностью, безсознательно потворствуетъ природнымъ порокамъ сынковъ и губитъ ихъ будущность, оставляя ихъ безъ защиты противъ искушеній. Бѣдный Иванъ Захаровичъ служилъ тому примѣромъ. Сложеніемъ — колоссъ, душою и голосомъ—ребенокъ, не то юродивый, не то человѣкъ образованный, безъ воли и цѣли печально надъ собою подшучивающій, ни къ чему не примкнувшій, ни къ чему не стремившійся, онъ стоялъ въ жизни какъ растерянный; нѣкоторое время состоялъ на службѣ въ Одессѣ, гдѣ прозябалъ робко, безъ самодостоинства, и служилъ, увы! потѣхою для одесскихъ богатыхъ кутилъ. Извѣстный графъ Самойловъ забавлялся имъ какъ шутомъ, хотя между ними было нѣкоторое сходство. Одинъ доходилъ до безобразія отъ избытка силы, другой отъ крайняго безсилія. Оба могли бы быть превосходными типами для романа. Подъ конецъ я имѣлъ случай пристыдить Посникова. Онъ образумился, пріобрѣлъ друзей истинныхъ, привлеченныхъ его безконечнымъ добродушіемъ. Онъ даже имѣлъ счастье найдти заботливую жену, радѣвшую сердечно о немъ, и сдѣлался хорошимъ акварелистомъ. Среда, цѣль, занятія, спокойствіе, самосознаніе были найдены... Но, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно. Болѣзнь скрутила могучую природу. Иванъ Захаровичъ умеръ въ Москвѣ. Миръ его праху. Добрый, тихій, даровитый и жалкій былъ онъ человѣкъ.

Отъ перваго брака дѣда моего, Ивана Петровича, родилась еще другая дочь, Варвара. По портретамъ видно, что она была красива собою. Она скончалась въ молодости, чуть ли не послѣ родовъ, оставивъ мужу своему Кокошкину единственную дочь Марью (впо-

слѣдствіи Козлову). Ѳедора Ѳедоровича Кокошкина я отлично помню, такъ какъ фигура его отличалась необыкновенною оригинальностью. Онъ былъ малаго роста, въ рыжемъ парикѣ, съ большой головой и нарумяненными щеками. Носилъ онъ длинные чулки въ башмакахъ съ пряжками и атласную culotte courte чернаго, а иногда розоваго, цвѣта. Онъ казался олицетвореніемъ важности, паѳоса и самодовольствія. Переводъ «Мизантропа» предоставлялъ ему видное мѣсто въ русской драматической литературѣ, и ему-то онъ былъ обязанъ своимъ званіемъ директора императорскаго театра. Онъ, впрочемъ, заботился добросовѣстно своею должностью. Имъ поощрены были дебюты Мочалова, М. С. Щепкина и В. И. Живокини, которые всегда относились къ нему съ благодарностью. При немъ процвѣтала актриса Сандунова. Репертуаръ состоялъ преимущественно изъ пьесъ переводныхъ, трагедій Озерова, оперетокъ князя Шаховскаго и драмъ Полеваго. Большія надежды возлагались на молодаго Писарева, слишкомъ рано похищеннаго смертью.

Писаревъ ѣздилъ къ теткѣ Посниковой, большой охотницѣ до литературы. Онъ былъ человѣкъ ловкій и пріятной наружности. Я глядѣлъ на него съ благоговѣніемъ.

По величавости рѣчи и пріемовъ, Кокошкинъ напоминалъ Н. И. Гнѣдича, который, кажется, и думалъ гекзаметрами и относился ко всему съ вершины Геликона. Приведу къ слову случай довольно характеристическій. Когда Гнѣдичъ получилъ мѣсто библіотекаря при императорской публичной библіотекѣ, онъ переѣхалъ на казенную квартиру. Къ нему явился Гоголь поздравить съ новосельемъ.

— Ахъ, какая у васъ славная квартира, — воскликнулъ онъ съ свойственной ему ужимкою.

— Да, — отвѣчалъ высокомѣрно Гнѣдичъ: — посмотри на стѣнахъ краска-то какая! Не простая краска! Чистый голубецъ!

Подивившись чудной краскѣ, Гоголь отправился къ Пушкину и разсказалъ ему о великолѣпіи голубца. Пушкинъ разсмѣялся своимъ дѣтскимъ, звонкимъ смѣхомъ, и съ того времени, когда хвалилъ какую нибудь вещь, нерѣдко приговаривалъ: — «Да, эта вещь не простая, чистый голубецъ!»

Вообще, наши писатели двадцатыхъ годовъ, большею частью, держали себя слишкомъ надменно, какъ священнослужители или сановники. И самъ Пушкинъ не былъ чуждъ этой слабости: не смѣшивался съ презрѣнною толпой, давая ей чувствовать, что онъ личность исключительная, сосудъ вдохновенія небеснаго.

По кончинѣ первой своей жены, Иванъ Петровичъ Архаровъ женился на Екатеринѣ Александровнѣ Римской-Корсаковой, дѣвушкѣ не молодой, не образованной, ускользнувшей отъ вліянія Екатерининскаго двора, но чрезвычайно замѣчательной по своему добросердечію, твердости характера и коренной русской типичности. Къ ней относятся преимущественно воспоминанія моего дѣтства.

Отъ нея родились двѣ дочери: старшая Софья, вышедшая за графа А. И. Сологуба, моя мать, и вторая — Александра, вышедшая за А. В. Васильчикова.

Иванъ Петровичъ занималъ, какъ выше сказано, важную должность въ царствованіе императора Павла I, но, тѣмъ не менѣе, впалъ въ немилость. Онъ былъ сосланъ на жительство въ Тулу, куда немедленно направился со всѣмъ своимъ семействомъ. Любопытнымъ эпизодомъ этого событія было то, что вся Москва ихъ провожала за заставу. Благодарные горожане выражали смѣло свое сочувствіе, кто какъ могъ. Иной привезъ конфекты, другой пироги на трудную и дальнюю поѣздку. Одинъ молодой литераторъ привезъ даже цѣлую кипу учебныхъ книгъ для дѣтей. Этотъ литераторъ былъ Николай Михайловичъ Карамзинъ. Разсказы объ этихъ проводахъ я часто слышалъ въ семейномъ кругу, и къ нему всегда обращались охотно, какъ къ свидѣтельству о почетѣ и общественномъ уваженіи, которыми пользовались Архаровы въ первопрестольной столицѣ. Въ Тулѣ они оставались, впрочемъ, недолго. Какой-то непрошенный гость явился вдругъ къ бабушкѣ и объявилъ ей шопотомъ, что государь скончался. Бабушка тотчасъ приказала выгнать его вонъ и запереть ворота на запоръ. Но извѣстіе подтвердилось. Опала миновала, и Архаровы возвратились въ Москву. Тутъ возобновилась жизнь радушная, привѣтливая, полная широкой ласки и неугомоннаго хлѣбосольства. То не была жизнь магнатовъ-вельможъ Потемкиныхъ, Орловыхъ, Нарышкиныхъ, ослѣплявшая блескомъ и давящая роскошью. По дошедшимъ до меня преданіямъ, это была жизнь просторная, русская, барскипомѣщичья, напоминавшая времена допетровскія. Столъ всѣмъ знакомымъ открытый безъ зова, милости просимъ, чѣмъ Богъ послалъ. Вечеромъ съѣздъ разъ навсегда. Молодежь танцуетъ или рѣзвится, старики играютъ въ карты. Такъ проходила зима. Лѣтомъ Архаровы переѣзжали въ подмосковную, Звенигородскаго уѣзда, село Иславское, куда съѣзжались сосѣди и москвичи погостить. Игры и смѣхи не прекращались. Я видѣлъ впослѣдствіи его пространные сады, развалины деревни, флигеля для пріѣзжавшихъ и самый помѣщичій домъ, сохранившій легендарное значеніе. Иславское наслѣдовалъ Иванъ Захаровичъ. Теперь оно перешло въ родъ Васильчиковыхъ. Отличительною чертою Екатерины Александровны была семейственность. Съ дочерьми своими она не разставалась до самой смерти. Отношенія свои къ родственникамъ, даже самымъ отдаленнымъ, она поддерживала какъ святыню и считала себя родственницею не только рода Римскихъ-Корсаковыхъ и Архаровыхъ, но и Щепотьевыхъ, потому что Иванъ Петровичъ сперва женатъ былъ на Щепотьевой, а что Иванъ Петровичъ, что она — не все ли это было равно. Между тѣмъ, дочери отъ втораго брака подростали. Первой вышла замужъ Софья Ивановна.

Отецъ мой принадлежалъ не къ стихіи старо-московской, такъ сказать, Архаровской, а къ стихіи ново-петербургской, такъ сказать, Нарышкинской. Внукъ извѣстнаго царедворца Льва Александровича, считавшагося въ родствѣ съ императорскимъ домомъ по Натальѣ Кирилловнѣ, родительницѣ Петра Великаго, племянникъ еще болѣе извѣстнаго остряка Александра Львовича и Дмитрія Львовича, мужа знаменитой красавицы Марьи Антоновны,— отецъ мой, хотя крещенный въ католическомъ вѣроисповѣданіи и говорившій немного попольски, вскорѣ совершенно обрусѣлъ. На воспитаніе онъ былъ отданъ въ пансіонъ аббата Николя, основанный іезуитами, очевидно, для католической пропаганды въ средѣ петербургской аристократической молодежи. Само собой разумѣется, что о русскомъ элементѣ тутъ и рѣчи не было, такъ что бѣдный отецъ мой отъ одного берега отсталъ, а къ другому не присталъ. Чуждый надеждамъ, скорбямъ, недостаткамъ и доблестямъ новой своей родины, не связанный ни съ почвою, ни съ преданіями, создающими гражданство, онъ невольно увлекся жизнью поверхностною, свѣтскою, безцѣльною. Онъ съ молодыхъ лѣтъ славился необыкновеннымъ, образцовымъ щегольствомъ, какъ Бруммель въ Лондонѣ, пѣлъ пріятно въ салонахъ и такъ превосходно танцовалъ мазурку, что зрители сбѣгались имъ любоваться. Между тѣмъ онъ далеко не былъ пустымъ человѣкомъ; онъ родился, чтобъ быть меценатомъ, а не труженикомъ. Тому способствовали и близость къ Нарышкинымъ, и сологубовское богатство. Я слышалъ, что у дѣда моего было до 80,000 душъ. На сколько это справедливо,—не знаю. Чванства въ отцѣ моемъ не проявлялось никакого. Онъ былъ со всѣми обходителенъ и простъ, веселъ и любезенъ, щедръ и благотворителенъ, добрый товарищъ, пріятный собесѣдникъ, отличный разсказчикъ, всегда готовый на доброе дѣло и рѣзкій, остроумный отвѣтъ. Такъ, напримѣръ, прогуливаясь однажды въ Лѣтнемъ саду съ своей племянницей, дѣвушкой красоты поразительной, онъ повстрѣчался съ однимъ знакомымъ, весьма самоувѣреннымъ и необыкновенно глупымъ.

— Скажи, пожалуйста,—воскликнулъ этотъ знакомый:—какъ это случилось? Ты никогда красавцемъ не былъ, а дочь у тебя какая красавица!

— Это бываетъ,—отвѣчалъ немедленно отецъ.—Попробуй-ка, женись! У тебя, можетъ быть, будутъ очень умныя дѣти.

Любопытствующій остался очень доволенъ отвѣтомъ и продолжалъ путь, охорашиваясь.

Серьёзными качествами отца моего были: глубокая религіозность, такъ что до смерти своей онъ проводилъ часть утра въ душеспасительныхъ чтеніяхъ, и неистощимое добросердіе, всегда готовое помочь ближнему. Онъ находился въ Москвѣ во время вторженія французовъ. Домъ его сгорѣлъ. Онъ лишился богатой движимости,

утвари, цѣнной библіотеки. Въ карманѣ у него осталось только двѣсти рублей съ небольшимъ; но, встрѣтивъ пріятеля, бѣдствующаго безъ копейки, онъ тотчасъ отдалъ ему половину своихъ денегъ. Но главное его достоинство, достоинство, образующее вѣнецъ христіанской добродѣтели, было смиреніе, для него тяжелое и долго ему непривычное. Баловень роскоши и свѣтскихъ успѣховъ, онъ вдругъ понялъ, что своимъ образомъ жизни доведетъ насъ до совершенной нищеты. Тогда онъ вдругъ образумился, отказался отъ своего состоянія, ограничился скудными издержками и до самой смерти приносилъ себя постоянно въ жертву, не смотря на то, что терпѣлъ тяжкія для его самолюбія лишенія. Благодаря ему, я понялъ, сколько надо энергіи, чтобъ принудить себя къ смиренію, и не разъ память о немъ приходила мнѣ на умъ, когда духъ мой начиналъ роптать и возмущаться. Не знаю, по какому поводу отецъ мой пріѣхалъ въ Москву, гдѣ былъ очарованъ радушіемъ и простотой архаровскаго гостепріимства. Сердечность семейной жизни послѣ искусственности петербургскихъ модныхъ нравовъ приковала его окончательно къ русской національности. Въ то же время онъ оцѣнилъ великія достоинства и замѣчательный умъ старшей дочери Екатерины Александровны, Софьи, и просилъ ея руки. Онъ былъ уже камеръ-юнкеромъ, что̀ въ тѣ времена составляло рѣдкое отличіе, тѣмъ болѣе, что онъ женился двадцати одного года.

Матушка моя была дѣйствительно ума необыкновеннаго. Родись она мужчиной, она была бы человѣкомъ государственнымъ. Никто лучше ея не проницалъ и не опредѣлялъ истины, какъ бы она ни запутывалась. Всегда находила она мѣткое выраженіе, то блестящее остроуміемъ, то поражающее глубиною. Твердость ея характера согласовалась съ твердостью ея разсудка. Природа ея была сосредоточенная, логическая, неумолимо-послѣдовательная. Сердце ея было сознательно-горячее; но пріемы ея были холодные. Женской приторности, увлекающихъ нѣжничаній, мгновенныхъ энтузіазмовъ, она не вѣдала. Дѣтьми своими она не восторгалась и никогда не ласкала ихъ, но безпристрастно и вѣрно цѣнила ихъ хорошія и дурныя стороны, какъ и вообще во всемъ въ жизни. Говоря нынѣшнимъ слогомъ, можно сказать, что натура ея была субъективная, между тѣмъ какъ натура отца моего была объективная. Отъ ихъ смѣшенія опредѣлилась впослѣдствіи и моя природа. Отъ отца моего я наслѣдовалъ впечатлительность, причинившую мнѣ много горя, отъ матери — чутье истины, создавшее мнѣ много враговъ. Отъ того въ моей литературной карьерѣ всегда перепутывались двѣ несовмѣстимыя стихіи. Иначе я могъ бы сдѣлаться или хорошимъ поэтомъ, или хорошимъ юмористическимъ писателемъ. Родители мои предполагали основаться въ Москвѣ и, какъ выше сказано, пріобрѣли домъ. Отецъ умѣлъ устроивать изящно и уютно свои мѣстопребыванія, былъ докой въ организа-

ціи праздниковъ, домашнихъ спектаклей, концертовъ, обѣдовъ и разныхъ увеселеній. Эту способность я наслѣдовалъ, и она сдѣлалась едва ли не главною чертою моей художественности. Я слышалъ, что московскій домъ моихъ родителей былъ игрушкой. Но эта игрушка вскорѣ погибла отъ страшной игры Наполеонскаго честолюбія. 18-го мая 1812 года, родился мой старшій братъ Левъ[1]). Годъ былъ страшный, тревожный, годъ нашествія двунадесяти языковъ. Безсчетные обозы потянулись изъ Москвы къ востоку, спасая кое-какіе пожитки. Архаровы и матушка съ новорожденнымъ переѣхали въ Ярославль. Отецъ остался въ Москвѣ, поступилъ въ милицію и находился даже нѣкоторое время на ординарцахъ при генералъ-губернаторѣ графѣ Ростопчинѣ. Онъ былъ свидѣтелемъ смерти Верещагина, растерзаннаго народомъ на дворѣ генералъ-губернаторскаго дома. Онъ видѣлъ всѣ ужасы московскаго пожара, этой до сего времени неразрѣшенной загадки, кто сжегъ Москву. Но возвращаться на черное пепелище не было возможности. Архаровы и мои родители переѣхали на жительство въ Петербургъ, гдѣ на слѣдующій годъ я узрѣлъ свѣтъ Божій. Первымъ эпизодомъ моей жизни было то, что я умеръ. Со мной приключилась какая-то жестокая дѣтская болѣзнь, кажется, крупъ. Послѣ сильныхъ конвульсій, я вдругъ успокоился, вытянулся и окоченѣлъ. Родители меня оплакали. Затѣмъ меня, какъ слѣдуетъ, обмыли, одѣли, скрестили мнѣ руки и покрыли съ головы до ногъ простыней. Я лежалъ холодный, неподвижный. Въ комнатѣ оставалась проживавшая у бабушки старушка, полковница Александра Николаевна Шлейнъ, женщина умная, тучная, въ очкахъ, всегда вязавшая чулокъ. Вдругъ ей пришла въ голову мысль посреди вязанія попытаться, не живъ ли я еще, можетъ быть. Затѣмъ она сбросила съ меня простыньку и стала растирать мое оледенѣвшее тѣло. Мало-по-малу тѣло начало согрѣваться, и я ожилъ. Отъ этого необычайнаго событія мнѣ часто было и досадно, и совѣстно. Сколько хлопотъ, разочарованій и треволненій могъ бы я избѣгнуть и затѣмъ если бы изъ меня вышелъ человѣкъ необыкновенный, то вторичное мое появленіе на жизненное поприще могло бы быть знаменательнымъ, а то случай изъ ряда вонъ исключительный вовсе не оправдывалъ его послѣдствій. Первое мое воспоминаніе обрисовываетъ мнѣ угловую лавку, гдѣ продавались пряники и лакомства. Подлѣ лавки были ворота съ въѣздомъ на пространный дворъ. Между дворомъ и садомъ, какъ строились всегда барскія палаты, стоялъ каменный домъ, впрочемъ, небольшой, въ одинъ этажъ. Этотъ домъ принадлежалъ бабушкѣ, графинѣ Натальѣ Львовнѣ. Живо помню, какъ насъ привезли однажды къ ней. Она была небольшая, весьма дородная и немолодая женщина, одѣта

[1]) Прежде его родилась еще сестра.

въ чемъ-то красномъ, кажется, что въ шали. Эта лавка была лавка Смурова, называвшаяся тогда Сологубовской, она существуетъ понынѣ на углу Большой Морской и Гороховой. Только садъ, дворъ и домъ на дворѣ давнымъ-давно исчезли. Почему я именно помню это и ничего другаго отъ этого времени не помню, почему обстоятельство ничтожное фотографировалось въ дѣтской памяти, тогда какъ случаи болѣе важные не оставили никакого слѣда... — это относится къ психологическому необъяснимому капризу памяти, вызывающему отдѣльныя блестящія точки въ общемъ туманѣ прошедшаго. Привозили насъ къ Натальѣ Львовнѣ прощаться, такъ какъ мы уѣзжали за границу. Въ Парижѣ отецъ получилъ извѣстіе, что она скончалась. Мнѣ было 5 лѣтъ. Съ этого времени я уже начинаю находить связь въ событіяхъ. Мы ѣхали въ грузныхъ экипажахъ, останавливались на ночлеги и по нѣсколько дней въ городахъ значительныхъ. Не только о желѣзныхъ дорогахъ, но и о шоссейныхъ путяхъ тогда и помина не было. Сперва проѣхали мы черезъ Дерптъ, который долженъ былъ играть впослѣдствіи важную роль въ моей жизни. Тогда онъ былъ ничтожный городишко. Въ Ригѣ я заболѣлъ и задержалъ шествіе. Въ Брюсселѣ я заболѣлъ опять и очень опасно скарлатиной, чувствовалъ даже, что умираю, но смерть снова отказалась отъ меня. Наконецъ, мы доѣхали до Парижа, гдѣ заняли весь первый этажъ гостинницы «Hôtel des ils Britanniques», на улицѣ «Мира». Роскошныхъ гостинницъ въ то время не знали, но, тѣмъ не менѣе, обстановка наша была относительно великолѣпная. У отца было тогда много денегъ. Онъ любилъ жить роскошно и открыто. Не бывъ художникомъ, онъ, тѣмъ не менѣе, страстно любилъ живопись и музыку. Въ Парижѣ онъ пріобрѣлъ много цѣнныхъ картинъ. Часть этихъ картинъ уцѣлѣла. Матушка пожаловала эту картинную галлерею моему старшему брату. Теперь она составляетъ собственность моего племянника. Въ музыкѣ, особенно въ пѣніи, отецъ мой былъ хорошимъ диллетантомъ. Онъ бралъ уроки у сестры извѣстнаго композитора Bertin. По вечерамъ составлялись у насъ нерѣдко концерты, причемъ особенно отличался знаменитый въ то время пѣвецъ Savat. Я ко всему этому прислушивался и сталъ припѣвать дискантикомъ все, что слышалъ. Но первымъ моимъ профессоромъ въ искусствахъ вокальномъ и декламаціонномъ былъ уличный пѣвецъ, извѣстный тогда всему Парижу, подъ названіемъ Маркиза, le Marquis. Онъ дѣйствительно былъ наряженъ къ кафтанъ временъ Людовика XV. Длинная, сухая его фигура, подъ напудреннымъ парикомъ, была очень типична, и я имъ восторгался. Онъ пѣлъ разные романсы и куплеты, аккомпанируя себѣ на маленькой скрипкѣ съ большими претензіями и уморительными кривляніями. Почти каждый день приходилъ онъ во дворъ, гдѣ была наша дѣтская, услаждалъ нашъ слухъ и наше

4*

зрѣніе, завертывалъ мѣдную монету въ листикъ съ напечатаннымъ нумеромъ его репертуара, мѣтко кидалъ ее въ наше открытое окно. Таковъ былъ его способъ просить милостыню. Любопытно, что наоборотъ Россіи, гдѣ ничто не помнится, въ Парижѣ ничто не забывается. Болѣе 50-ти лѣтъ послѣ моихъ первыхъ артистическихъ восторговъ, я прочиталъ въ одной парижской газетѣ цѣлую статью о моемъ незабвенномъ Маркизѣ. Даже уличный гаеръ удостоился общественной оцѣнки. Какъ бы то ни было, но я, ходившій тогда въ красной рубашенкѣ и въ свѣтло-бѣлокурыхъ вьющихся кудряхъ, сталъ передразнивать Маркиза, какъ говорили, очень забавно. Мнѣ подарили дѣтскую скрипку, и послѣ обѣда я давалъ представленія на половинѣ моихъ родителей. Отъ этого возгорѣлось мое самолюбіе, и я сталъ нѣсколько высокомѣренъ. Каждый день насъ, то есть меня и брата моего, который отличался скромностью, водили гулять то въ Тюльерійскій садъ, то по бульварамъ. Намъ сопутствовали: нянька Наталья Өедоровна и ливрейный лакей Доминикъ, повѣса большой руки. На бульварахъ нами любовались торговки, особенно торговки игрушками, и меня даже прозвали le joli petit Jesus de cire. Это окончательно развило мою гордость и, внявъ коварнымъ совѣтамъ Доминика, я сталъ забирать игрушки въ долгъ, приказывалъ приносить ихъ ко мнѣ въ гостинницу и сообщалъ свой адресъ. Но скоро херувимчикъ долженъ былъ убѣдиться, что онъ не изъ воска: батюшка, узнавъ о моихъ проказахъ, хотѣлъ меня высѣчь, но по добротѣ своей умилостивился, о чемъ я впослѣдствіи часто жалѣлъ. Игрушечная лавка, меня искусившая, существуетъ и донынѣ. Точно также существуетъ уличный парижскій Петрушка, любимый дѣтьми театръ маріонетокъ, Guignol, на Елисейскихъ поляхъ. Это едва ли не самое прочное учрежденіе во Франціи. Существуютъ также колясочки, запряженныя козами, и продажа приторнаго кваса, именуемаго коко, который даже пользуется особымъ почетомъ и не только въ ходу на улицахъ, но перешелъ въ самые щегольскіе клубы для утоленія жажды первостатейныхъ франтовъ; наконецъ, какъ въ старину, такъ и теперь въ большомъ употребленіи у дѣтей тонкія, хрупкія, круглыя вафли, по названію plaisirs. Всѣ виды правительства измѣняются во Франціи, политическимъ преступленіямъ и счетъ потерянъ. Вафли непоколебимы. Это я понялъ съ младенчества. Однажды, отецъ мой вернулся изъ большой оперы совершенно смущенный. Онъ былъ свидѣтелемъ убійства герцога Беррійскаго, наслѣдника престола. На другой день на улицахъ суматоха была страшная. Со всѣхъ сторонъ толпился народъ и двигались войска. Живо помню, какъ передъ нашимъ домомъ прошелъ пѣхотный полкъ. Солдаты были въ бѣлыхъ мундирахъ съ красными опушками и длинныхъ черныхъ штиблетахъ. На головахъ торчали круглые, уродливые кивера. Болѣе всѣхъ поразилъ меня какой-то офицеръ, должно быть,

капитанъ, важно выступавшій передъ взводомъ, въ очкахъ и съ огромнымъ животомъ. Черезъ нѣсколько часовъ весь Парижъ запрудился реляціями, плачевными брошюрами и печатными пѣснями, въ особенности же литографіями. Одна изображала сѣни большой оперы въ тотъ моментъ, когда врачи осматривали рану злополучнаго герцога, другая—минуту его кончины, третья—портретъ умиравшаго съ надписью: «Pauvre France! Malheureuse patrie!», четвертая—портретъ убійцы Лувеля съ рисункомъ кинжала, послужившаго къ убійству и т. д. Парижская неугомонная спекуляція взбудоражилась. Въ виду наживы она не знаетъ ни совѣсти, ни даже приличія.

Съ впечатлѣніемъ о смерти герцога Беррійскаго слилось въ моей памяти впечатлѣніе совершенно другаго рода. Мы бѣгали и играли по обычаю въ Тюльерійскомъ саду. У средняго балкона дворца, нынѣ разрушеннаго, толпилась масса народа, чего-то ожидавшая. Вдругъ дверь на балконъ широко распахнулась и выступилъ передъ народомъ, переваливаясь, человѣкъ слонообразный, о которомъ одинъ только Лабланшъ могъ впослѣдствіи дать понятіе. Бѣлые, какъ кажется, напудренные, его волосы были зачесаны къ затылку. Лице его было широкое, съ большимъ римскимъ носомъ и бритымъ подбородкомъ. Кругомъ его толпились царедворцы въ мундирахъ. Самъ онъ былъ въ свѣтлосинемъ разстегнутомъ мундирѣ съ отвислыми по плечамъ эполетами. Камзолъ и исподнее платье были бѣлые. При его появленіи народъ разразился громкимъ крикомъ: Vive le roi!—То былъ Людовикъ XVIII. Король поклонился и сталъ шевелить губами. Только недавно узналъ я, что онъ объявлялъ своимъ подданнымъ о рожденіи наслѣдника престола, герцога Бордосскаго, нынѣ графа Шамбора, или Генриха V. Крикъ поднялся оглушающій, и я, увлеченный общимъ энтузіазмомъ, сталъ кричать: Vive le roi!

На обратномъ пути въ Россію я снова осрамился необдуманностью. Около Кенигсберга путь лежалъ у самаго взморья. На бѣду мы ѣхали ночью, и была страшная гроза. Безпрестанныя молніи, раскаты грома, черныя волны съ бѣлой пѣной, подкатывавшіяся, какъ мнѣ казалось, подъ нашу карету, привели меня въ такой ужасъ, что со мной сдѣлались конвульсіи, и я лишился чувствъ, тогда какъ братъ мой сидѣлъ тихо. Различіе характеровъ уже опредѣлялось. Очнулся я только въ Кенигсбергѣ послѣ долгаго сна. Наконецъ, мы пріѣхали въ Петербургъ, и насъ тотчасъ повезли къ бабушкѣ Архаровой. Съ этой минуты я ее хорошо помню. Иванъ Петровичъ уже скончался. Бабушка жила на двухъ половинахъ со своею дочерью, Александрою Ивановной, вышедшею замужъ за Алексѣя Васильевича Васильчикова, брата супруги Виктора Павловича Кочубея, впослѣдствіи князя и канцлера. Онѣ занимали на Литейной домъ, принадлежащій нынѣ князю

Васильчикову. Бабушка насъ обласкала и была очень довольна. Узнавъ, что я мастеръ передразнивать парижскаго уличнаго Маркиза, она требовала, чтобъ я ей выказалъ свои таланты. Но я сробѣлъ и объявилъ, что безъ скрипки ничего не могу сдѣлать. За скрипкой было послано, но и скрипка не помогла. Я былъ ребенокъ чрезвычайно нервный. На меня нашелъ столбнякъ, и съ того времени до самыхъ зрѣлыхъ лѣтъ я мучился застѣнчивостью, что̀, конечно, всегда тщательно скрывалъ, переходя даже нервно отъ внутренняго волненія къ неестественной самоувѣренности. Такая характеристическая черта встрѣчается, впрочемъ, зауряд. Великій князь Михаилъ Павловичъ, передъ которымъ трепетала вся гвардія, былъ застѣнчивъ; фельдмаршалъ князь А. И. Барятѣнскій, невозмутимый подъ пулями, увлекательный въ бесѣдахъ интимныхъ, конфузился и терялся, когда ему приходилось говорить оффиціально. Когда онъ жилъ въ Деревенькѣ, имѣніи, наслѣдованномъ имъ отъ графа Толстаго, я посѣтилъ его, и, по обыкновенію, онъ продержалъ меня до глубокой ночи, читалъ мнѣ свои письма и статьи о государственныхъ дѣлахъ. Все его интересовало. Обо всемъ онъ имѣлъ твердое мнѣніе. — «Позвольте спросить,—замѣтилъ я:—отчего же вы не живете въ Петербургѣ и не присутствуете въ государственномъ совѣтѣ?» — «Оттого, — отвѣчалъ печально князь: — что я застѣнчивъ, не могу говорить», — и говоря это, онъ запнулся, какъ будто видя себя въ засѣданіи. Застѣнчивые люди встрѣчаются на бѣломъ свѣтѣ гораздо чаще, чѣмъ вообще предполагается.

На углу Дворцовой набережной и Мошкова переулка находится понынѣ небольшой домъ, примыкающій къ дворцу великаго князя Михаила Николаевича. Я не могъ до сихъ поръ проѣхать мимо этого дома безъ сердечнаго содроганія. Мнѣ все кажется, что онъ мнѣ улыбается и подмигиваетъ, какъ будто упрекаетъ, что я ему не кланяюсь, и шепчетъ: «А вѣдь, кажется, родня, кажется, дружно жили! Только ты уже устарѣлъ и разрушился... а вотъ я еще все стою молодцомъ, и ничего мнѣ не дѣлается». Въ этомъ домѣ я провелъ годы уже сознательные моего дѣтства. Онъ принадлежалъ моему отцу и былъ отдѣланъ какъ игрушка. Теперь онъ маленькій. Тогда онъ казался большой. Нижній этажъ занимался отцомъ, верхній пріемными и половиною матушки. Далѣе слѣдовали комнаты для дѣтей. Жизнь наша шла отдѣльно отъ жизни родителей. Насъ водили здороваться и прощаться, благодарить за обѣдъ, причемъ мы цѣловали руки родителей, держались почтительно и никогда не смѣли говорить «ты» ни отцу, ни матери. Въ то время любви къ дѣтямъ не пересаливали. Они держались въ духѣ подобострастья, чуть ли не крѣпостнаго права, и чувствовали, что они созданы для родителей, а не родители для нихъ. Я видѣлъ впослѣдствіи другую систему, при которой дѣти

считали себя владыками въ домѣ, а въ родителяхъ своихъ видѣли не только товарищей, но чуть ли не подчиненныхъ, иногда даже и слугъ. Такому сумасбродству послужило поводомъ воспитаніе въ Англіи. Но, такъ какъ русскій размахъ всегда шагаетъ черезъ край, то и тутъ нужная заботливость перешла къ безпредѣльному баловству.

Не могу не выразить глубокой благодарности памяти моихъ родителей за то, что, не увлекаясь вредными для дѣтей нѣжностями, они положили серьёзную основу нашему воспитанію. Законоучителемъ былъ приглашенъ къ намъ протоіерей Кочетовъ. Съ того времени прошло болѣе 60 лѣтъ, а мнѣ кажется, что я до сего времени слышу его мѣрную рѣчь. Онъ служилъ священникомъ при церкви Смоленскаго кладбища, что̀ мнѣ казалось очень страшнымъ, но въ словахъ его ничего страшнаго не было. Напротивъ, они дышали кротостью, вѣрою и тихимъ краснорѣчіемъ. Близость къ земному тлѣнію не поколебала въ немъ упованія на жизнь загробную, какъ это часто бываетъ у врачей и лицъ духовнаго званія. Онъ не докучалъ намъ вопросами догматическими, но объяснялъ подвиги Спасителя и евангельскія истины. Онъ призывалъ насъ къ молитвѣ и ласково, вкрадчиво, любезно передавалъ намъ не заученныя фразы, а задушевныя свои чувства. Уроковъ Кочетова мы ожидали съ нетерпѣніемъ. Ему я многимъ обязанъ. Другой нашъ преподаватель, и преподаватель тоже весьма симпатичный, былъ нашъ учитель русскаго языка Плетневъ, впослѣдствіи ректоръ Петербургскаго университета и издатель «Современника». Петръ Александровичъ былъ человѣкъ высокаго роста, крѣпко сложенный и пріятной наружности. Онъ былъ другомъ Жуковскаго и пріятелемъ Пушкина. Этимъ различіемъ и опредѣляется характеръ Плетнева. Тихая мечтательность творца Свѣтланы была ближе къ его природѣ, чѣмъ страстность величайшаго нашего поэта. Плетневъ говорилъ тихо, какъ будто бы стыдливо. Жуковскій былъ самоувѣреннѣе и по своей тогдашней знаменитости литературной, и по своему положенію при дворѣ. Но душа Жуковскаго, какъ и душа Плетнева, были, такъ сказать, прозрачныя, хрустальныя. Отъ нихъ какъ будто вѣяло чѣмъ-то дѣвственнымъ, непорочнымъ. Впослѣдствіи я встрѣтилъ такое свойство еще въ третьемъ человѣкѣ, а именно въ Одоевскомъ. Плетневъ не обладалъ большимъ талантомъ, но изъ таланта своего сдѣлалъ все, что могъ. Онъ былъ писатель работящій, но безъ воображенія, знатокъ языка и словесности; труды его были честные, какъ и самъ онъ былъ человѣкъ безукоризненный. Мы его тоже любили, и впослѣдствіи я находился съ нимъ въ самыхъ пріятныхъ отношеніяхъ.

Между тѣмъ, жизнь наша стала вращаться около жизни старушки Архаровой, всегда неизмѣнной въ своихъ привычкахъ. Отъ нихъ она отказалась, какъ выше сказано, только два раза: когда

Иванъ Петровичъ былъ сосланъ и когда Наполеонъ занялъ Москву. Оправданія были болѣе чѣмъ удовлетворительныя. Прежде она проводила зиму въ Москвѣ, а лѣто въ Иславскомъ, теперь для зимы былъ назначенъ Петербургъ, для лѣта избранъ Павловскъ. Въ прежніе годы постоянная осѣдлость образовала потребность. У каждаго семейства былъ свой приходъ, свой неизмѣнный кругъ родныхъ, друзей и знакомыхъ, свои преданія, свой обиходъ, своя завѣтная мебель, свои нажитыя привычки. Желѣзныя дороги все это измѣнили. Теперь никому дома уже не сидится. Жизнь не привинчивается уже болѣе къ почвѣ, а шмыгаетъ, какъ угорѣлая изъ угла въ уголъ. Семейственность раздробляется и кочуетъ по постоялымъ дворамъ. Можетъ быть, это имѣетъ свою хорошую сторону относительно общаго рода просвѣщенія, но мы, старожилы, не можемъ не пожалѣть объ условіяхъ прежняго тѣснаго семейнаго быта. И въ Павловскѣ, какъ и въ Петербургѣ, Архарова жила со своею дочерью Васильчиковой.

Для зимы у насъ былъ свой домъ, для лѣта нанималась дача въ Павловскомъ, отъ котораго мнѣ осталось много воспоминаній. На первое лѣто послѣ нашего возвращенія изъ Парижа мы заняли Нарышкинскій домикъ подлѣ Константиновскаго дворца. Я уже былъ бойкій мальчикъ, любилъ болтать и лазить по сосѣдямъ черезъ заборы съ дѣтьми князя Гагарина. Въ то время пріѣхалъ однажды рано утромъ на нашу дачу камердинеръ государя, съ объявленіемъ, что его величество посѣтитъ нашу матушку черезъ нѣсколько часовъ. Матушка была женщина болѣзненная, не разъ уже готовилась даже къ смерти, причемъ насъ приводили, плакавшихъ, принять ея предсмертное благословеніе. Болѣзнь ея была преимущественно нервная, и нервную раздражительность я отъ нея наслѣдовалъ. Пользовалъ ее и въ Парижѣ, и въ Петербургѣ знаменитый въ то время докторъ Рейманъ. Я уже сказалъ, что матушка была ума необыкновеннаго, соединявшаго оригинальность мысли и выраженія съ мѣткостью неумолимой логики. Государь любилъ съ нею бесѣдовать повсюду, гдѣ ее встрѣчалъ, а иногда писалъ ей письма или навѣщалъ ее лично.

Когда государь пріѣзжалъ въ нашъ домъ, онъ всегда объ этомъ предвѣщалъ. Матушка его ожидала, и мы, дѣти, оставались при ней. Отецъ же удалялся. Таковъ былъ заведенный порядокъ. Нарышкинская дача не отличалась ни объемомъ, ни убранствомъ. Въ скромной гостиной висѣла на стѣнѣ большая литографія съ изображеніемъ императора и надписью пофранцузски: «Alexandre I Autocrate de toutes les Russies».

Когда, въ день, о которомъ я разсказываю, государь прибылъ, матушка сѣла на диванчикъ подъ портретъ, государь занялъ кресло подлѣ нея, и разговоръ начался. Бесѣда продолжалась долго, и мнѣ стало скучно. Съ одной стороны я обидѣлся, что на меня не обра-

щалось никакого вниманія, съ другой стороны — мнѣ вздумалось блеснуть своею любознательностью: я вдругъ, весьма некстати, вмѣшался въ разговоръ и, указавъ на подпись портрета, спросилъ, что значитъ слово autocrate. Государь, бывшій нѣсколько тугъ на ухо, не разслышалъ, но настоятельно требовалъ, чтобы матушка повторила ему мои слова. Пришлось повторить. Государь улыбнулся и промолвилъ:

— Видно, что онъ пріѣхалъ изъ Парижа. Тамъ этому слову его не научили[1]).

Въ Павловскѣ мы рѣдко видѣли императора, но въ Петербургѣ встрѣчали его почти каждый день. Въ часъ по полудни, онъ выходилъ изъ Зимняго дворца, слѣдовалъ по Дворцовой набережной, у Прачешнаго моста поворачивалъ по Фонтанкѣ до Аничковскаго моста, въ то время узкаго, съ гранитными павильонами, какъ мосты Симеоновскій, Чернышевъ и другіе. Затѣмъ, государь возвращался къ себѣ Невскимъ проспектомъ. Прогулка повторялась каждый день и называлась le tour impérial. Какая бы ни была погода, государь шелъ въ одномъ сюртукѣ съ серебряными эполетами и въ трехъугольной шляпѣ, съ султаномъ, надѣтой на бекрень. Эти шляпы, нынѣ замѣненныя киверами и фуражками, были вполнѣ неудобны и некрасивы. Онѣ въ холодномъ климатѣ не защищали ни ушей, ни затылка, а ихъ слѣдовало наклонять на лѣвый глазъ, иначе онѣ становились безобразны. Государь былъ сутуловатъ и близорукъ. Округляя плечи, онъ постоянно прикладывалъ къ глазу золотой лорнетъ, привѣшенный на правой рукѣ. Въ глазахъ его свѣтлѣло нѣчто чарующее. Высокій, нѣсколько обнаженный, лобъ сіялъ величіемъ, тогда какъ въ голубыхъ глазахъ отражалась грусть, задумчивость и покорность волѣ Провидѣнія. Должно быть, его измученной душѣ видъ дѣтей былъ пріятенъ. По крайней мѣрѣ, каждый разъ, когда мы гуляли съ гувернеромъ и встрѣчались съ нимъ, онъ останавливался съ улыбкой и говорилъ намъ нѣсколько словъ. Иногда спрашивалъ онъ про здоровье матушки, иногда шутилъ со мною, припоминая мой неумѣстный вопросъ о самодержавіи. Мы смотрѣли на него, какъ на полубога, и чрезвычайно любили. Но

[1]) Александръ Павловичъ Башуцкій разсказывалъ о подобномъ случаѣ, приключившемся съ нимъ. По званію своему камеръ-пажа, онъ въ дни своей молодости часто дежурилъ въ Зимнемъ дворцѣ. Однажды, онъ находился съ товарищами въ огромной Георгіевской залѣ. Молодежь расходилась, начала прыгать и дурачиться. Башуцкій забылся до того, что вбѣжалъ на бархатный амвонъ подъ балдахиномъ и сѣлъ на императорскій тронъ, на которомъ сталъ кривляться и отдавать приказанія. Вдругъ онъ почувствовалъ, что кто-то беретъ его за ухо и сводитъ съ ступеней престола. Башуцкій обмеръ. Его выпроваживалъ самъ государь, молча и грозно глядѣвшій. Но должно быть, что обезображенное испугомъ лицо молодаго человѣка его обезоружило. Когда все пришло въ должный порядокъ, императоръ улыбнулся и промолвилъ: — «Повѣрь мнѣ! совсѣмъ не такъ весело сидѣть тутъ, какъ ты думаешь».

тайна его печали не могла намъ быть понятна; только послѣ многихъ лѣтъ я уразумѣлъ одну изъ затаенныхъ его скорбей.

Я былъ уже юношей и находился у тетки своей Васильчиковой. Въ это время къ ней пріѣхалъ ея родственникъ и соименникъ по мужу, Илларіонъ Васильевичъ, впослѣдствіи князь и предсѣдатель государственнаго совѣта. Мужъ чести и правды, бойкій кавалеристъ, гусаръ, витязь битвъ съ Наполеономъ, онъ пользовался такимъ уваженіемъ, что былъ удостоенъ однимъ изъ высшихъ въ государствѣ званій. Вотъ какъ онъ къ этому отнесся. Матушка встрѣтила его у М. А. Нарышкиной и поздравила съ назначеніемъ.

— Вамъ-то хорошо,—отвѣчалъ онъ печально:—а мнѣ-то каково. Всю ночь я не могъ заснуть ни минуты. Боже мой! до чего мы дожили, что на такую должность лучше меня никого не нашли.

Во время посѣщенія, о которомъ я упоминаю, разговоръ завязался о царствованіи императора Александра I, и вотъ разсказъ, мною слышанный. Однажды,—говорилъ Илларіонъ Васильевичъ,—ко мнѣ явился человѣкъ, не объявившій своего имени. Онъ передалъ мнѣ шопотомъ о существованіи заговора противъ спокойствія государства и жизни государя. Я не люблю анонимныхъ доносовъ и принялъ посѣтителя довольно сухо, тѣмъ не менѣе, сообщеніе было необыкновенной важности, и я потребовалъ доказательствъ. Тогда незнакомый подалъ мнѣ списокъ болѣе или менѣе извѣстнымъ лицамъ. Всѣ эти лица должны были съѣхаться осенью изъ разныхъ концовъ Россіи въ Москву для совѣщанія по своему преступному замыслу. День съѣзда былъ назначенъ. Объ этомъ случаѣ я государю не доложилъ. Но, такъ какъ московскій генералъ-губернаторъ, князь Димитрій Владиміровичъ Голицынъ, женатый на моей сестрѣ, былъ мнѣ и по душѣ близкимъ человѣкомъ, въ которомъ я былъ вполнѣ увѣренъ, я препроводилъ къ нему секретно полученный мною списокъ, съ просьбой провѣрить показанія незнакомца. Черезъ нѣсколько времени Димитрій Владиміровичъ отвѣчалъ мнѣ, что всѣ лица, въ спискѣ поименованныя, дѣйствительно съѣхались въ Москву къ опредѣленному дню. Такимъ образомъ, обвиненіе было вѣрно, и я поспѣшилъ довести объ этомъ до свѣдѣнія его величества, но государь зналъ уже о заговорѣ и не желалъ приступать къ мѣрамъ строгости. Когда гвардія была направлена въ литовскія губерніи, я командовалъ оставшимися въ Петербургѣ войсками и имѣлъ счастье постоянно видѣть государя. Однажды онъ ко мнѣ заѣхалъ и посадилъ въ свои сани. Случай былъ удобный. Я осмѣлился выразить, что зло надо пресѣчь въ основаніи, чтобъ не дать ему развиться и довести до важныхъ, прискорбныхъ послѣдствій. Государь выслушалъ молча и потомъ промолвилъ:

— Если бы я былъ Васильчиковъ, я бы говорилъ точно также; но, по совѣсти, я долженъ сказать, что если всѣ эти мысли такъ распространились, то я первый тому причиной.

Будущій біографъ, призванный по завѣщанію графа Аракчеева къ жизнеописанію великаго монарха, врядъ ли уловитъ всѣ оттѣнки его душевныхъ страданій. И онъ, какъ простой смертный, стремился къ пользѣ общественной, къ самоотверженію, къ подвигамъ благотворительности. Но желая добра, но дѣлая добро, онъ создавалъ для себя разочарованія, для другихъ неблагодарность. Отъ того и черты лица его свѣтились отблескомъ смиреннаго мученичества. Самое его воцареніе, потомъ его союзъ и борьба съ Наполеономъ, были для него тяжелыми испытаніями. Онъ хотѣлъ благоденствія Польши, но слабость русской администраціи и запальчивость польской мечтательности измѣнили его ожиданіямъ. Такъ и для блага собственной родины всякія стремленія смѣшивались съ вынужденными колебаніями. Не доставало почвы и орудій для лучшихъ предначертаній. Проектъ уничтоженія крѣпостнаго права былъ разработанъ и по неисполнимости отложенъ. Вліяніе энциклопедистовъ на дворъ Екатерины II миновалось, уступивъ мѣсто разнаго рода попыткамъ. Жизнь обще-русская не имѣла ничего общаго съ жизнью свѣтскою, петербургскою, гдѣ рѣдко кто бывалъ сыномъ своего номинальнаго отца, а нѣкоторыя дамы даже не говорили вовсе порусски. Я многихъ такихъ видѣлъ. Онѣ чрезвычайно жеманились и подпрыгивали на стульяхъ, шевеля передъ лицемъ указательнымъ пальцемъ. Такова была мода, вмѣстѣ съ ношеніемъ короткихъ талій и огромныхъ тюрбановъ. Но въ то же время возникли идеологи, мыслители, искатели соціальной правды и даже философскаго камня, что̀, впрочемъ, одно и то же.

Съ трудомъ вѣрится, чтобы цѣлое поколѣніе умовъ отборныхъ могло углубляться не только въ изученіе халдейской премудрости и формулъ умозрительной символистики, но еще серьёзно занимались алхимическими препаратами, основанными на меркуріи и имѣющими создать золото.

Послѣ тестя моего, графа Михаила Юрьевича Віельгорскаго, о которомъ мнѣ придется говорить еще немало, осталось нѣсколько тысячъ книгъ герметическаго содержанія. Большая часть этой драгоцѣнной библіотеки поступила въ императорскую публичную библіотеку, гдѣ, разсыпавшись по отдѣленіямъ, утратила свою цѣнность. Нѣкоторую часть я имѣлъ случай отыскать въ амбарѣ Курскаго имѣнія вмѣстѣ съ разными кабалистическими латинскими рукописями и частными письмами массонскаго содержанія. Это собраніе, по возможности, приведенное въ порядокъ, пополняется сочиненіями теологическими и указываетъ на переходъ герметизма къ иллюминизму, къ мистицизму, къ піетизму, а впослѣдствіи довели къ скептицизму, къ либерализму, къ гегелизму, къ коммунизму и къ нигилизму, уже мечтающему о терроризмѣ. Любопытно было бы прослѣдить, какъ каждый новый токъ мышленія возбуждалъ восторгъ и казался послѣднимъ словомъ отвлеченной мудро-

сти. Нельзя тоже не замѣтить, что всѣ эти теоріи относились только до умственныхъ дѣяній нѣкоторыхъ партій, или кастъ, но никогда не касались общей народной жизни, свято дорожащей своими преданіями и совершенно равнодушной къ очереднымъ моднымъ толкамъ. Нельзя не обратить тоже вниманія на тотъ фактъ, что либеральныя мѣропріятія, имѣвшіяся въ виду русской верховной власти, часто тормозились отъ запальчивости самихъ либераловъ, забывавшихъ, что просвѣщеніе воспитывается, а не импровизируется. Такъ, напримѣръ, заговоръ, отравившій послѣдніе годы царствованія царя Благословеннаго, отбросилъ на нѣсколько десятковъ лѣтъ великій историческій подвигъ освобожденія крестьянъ. Императоръ Александръ I покровительствовалъ сперва католическимъ священникамъ, какъ хорошимъ педагогамъ, и массонскимъ обществамъ, распространявшимъ начала нравственности, а, между тѣмъ, былъ вынужденъ изгнать іезуитовъ и закрыть всѣ русскія массонскія ложи.

Вліяніе Аракчеева замѣнило надежды на общее благоденствіе, на дары священнаго союза. Дворъ былъ суровъ. Главную роль игралъ при дворѣ князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, министръ просвѣщенія, председатель императорскаго тюремнаго общества и главноначальствующій надъ почтовымъ департаментомъ. Онъ былъ человѣкомъ набожнымъ и мистикомъ, и ловко подлаживался подъ общее придворное уныніе. Но подлѣ него звенѣла нота безумно веселая въ его родномъ братѣ отъ другаго отца, Димитріѣ Михайловичѣ Кологривовѣ. Кологривовъ, хотя дослужился до званія оберъ-церемоніймейстера, дурачился, какъ школьникъ. Ѣдутъ оба брата въ каретѣ. Голицынъ возводитъ очи горѣ и вдохновенно поетъ канту: «О Творецъ! о Творецъ!». Кологривовъ слушаетъ и вдругъ затягиваетъ плясовую, припѣвая: «А мы ѣдемъ во дворецъ, во дворецъ».

Однажды, Татьянѣ Борисовнѣ Потемкиной, столь извѣстной своею богомольностью и благотворительностью, доложили, что къ ней пришли двѣ монахини просить подаянія на монастырь. Монахини были немедленно впущены. Войдя въ пріемную, онѣ кинулись на полъ, стали творить земные поклоны и вопить, умоляя о подаяніи. Растроганная Татьяна Борисовна пошла въ спальню за деньгами, но, вернувшись, остолбенѣла отъ ужаса. Монашеньки неистово плясали въ присядку. То были Кологривовъ и другой проказникъ.

Я слышалъ еще разсказъ о томъ, что однажды государь готовился осматривать кавалерійскій полкъ на гатчинской эспланадѣ. Вдругъ передъ развернутымъ фронтомъ пронеслась маршъ-маршомъ неожиданная кавалькада. Впереди скакала во весь опоръ необыкновенно толстая дама, въ зеленой амазонкѣ и шляпѣ съ перьями. Рядомъ съ ней на рысяхъ разсыпался въ любезностяхъ отчаянный

щеголь. За ними еще слѣдовала небольшая свита. Неумѣстный маскерадъ былъ тотчасъ же остановленъ. Дамою нарядился тучный князь Ѳедоръ Сергѣевичъ Голицынъ. Любезнымъ кавалеромъ оказался Кологривовъ. Объ остальныхъ не припомню. Шалунамъ былъ объявленъ выговоръ, но карьера ихъ не пострадала. Страсть Кологривова къ уличнымъ маскерадамъ дошла до того, что, не смотря на свое званіе, онъ иногда наряжался старою нищею-чухонкою и мелъ тротуары. Завидѣвъ знакомаго, онъ тотчасъ кидался къ нему, требовалъ милостыни и, въ случаѣ отказа, бранился почухонски и даже грозилъ метлою. Тогда только его узнавали и начинался хохотъ. Онъ дошелъ до того, что становился въ Казанскомъ соборѣ среди нищихъ и заводилъ съ ними ссоры. Сварливую чухонку отвели даже разъ на Съѣзжую, гдѣ она сбросила свой нарядъ, и передъ ней же извинились. Онъ былъ очень друженъ съ моимъ отцомъ, который тѣшился его шалостями и сдѣлался, однажды, его жертвою. Отецъ, первый столичный щеголь своего времени, выдумывалъ разные костюмы. Между прочимъ, онъ изобрѣлъ необыкновенный въ то время синій плащъ, съ длинными широкими рукавами. И плащъ, и рукава были подбиты малиновымъ бархатомъ. Въ такомъ плащѣ пріѣхалъ онъ во французскій театръ и сѣлъ въ первомъ ряду креселъ. Кологривовъ сѣлъ съ нимъ рядомъ и, восхищаясь плащемъ, сталъ незамѣтно всовывать въ широкіе рукава заготовленные мѣдные пятаки. Когда отецъ поднялся въ антрактѣ съ креселъ, пятаки покатились во всѣ стороны, а Кологривовъ началъ ихъ подбирать и подавать отцу съ такими ужимками и прибаутками, что отецъ первый расхохотался. Но не все проходило даромъ. Въ другой разъ, въ этомъ же французскомъ театрѣ, Кологривовъ замѣтилъ изъ ложи какого-то зрителя, который, какъ ему показалось, ничего въ представленіи не понималъ. Жертва была найдена. Кологривовъ спустился въ партеръ и началъ съ ней разговоръ.

— Вы понимаете пофранцузски?

Незнакомецъ взглянулъ на него и отвѣчалъ отрывисто:

— Нѣтъ!

— Такъ не угодно ли, чтобъ я объяснялъ вамъ, что происходитъ на сценѣ?

— Сдѣлайте одолженіе.

Кологривовъ началъ объяснять и понесъ галиматью страшную. Сосѣди прислушивались и фыркали. Въ ложахъ смѣялись. Вдругъ незнающій французскаго языка спросилъ пофранцузски:

— А теперь объясните мнѣ, зачѣмъ вы говорите такой вздоръ?

Кологривовъ сконфузился.

— Я не думалъ, я не зналъ!

— Вы не знали, что я одной рукой могу васъ поднять за ши-

воротъ и бросить въ ложу къ этимъ дамамъ, съ которыми вы перемигивались.

— Извините!

— Знаете вы, кто я?

— Нѣтъ, не знаю!

— Я — Лукинъ.

Кологривовъ обмеръ.

Лукинъ былъ силачъ легендарный. Подвиги его богатырства невѣроятны, и до сего времени идутъ о немъ разсказы въ морскомъ вѣдомствѣ, къ которому онъ принадлежалъ. Вотъ на кого наткнулся Кологривовъ.

Лукинъ всталъ.

— Встаньте, — сказалъ онъ.

Кологривовъ всталъ.

— Идите за мной!

Кологривовъ пошелъ.

Они отправились къ буфету. Лукинъ заказалъ два стакана пунша. Пуншъ подали. Лукинъ подалъ стаканъ Кологривову:

— Пейте!

— Не могу, не пью.

— Это не мое дѣло. Пейте!

Кологривовъ, захлебываясь, опорожнилъ свой стаканъ. Лукинъ залпомъ опорожнилъ свой и снова скомандовалъ два стакана пунша. Напрасно Кологривовъ отнѣкивался и просилъ пощады; оба стакана были выпиты, а потомъ еще и еще. На каждаго пришлось по восьми стакановъ. Только Лукинъ, какъ ни въ чемъ не бывало, возвратился на свое кресло, а Кологривова мертво-пьянаго отвезли домой.

Наконецъ, случай, о которомъ я тоже слышалъ въ дѣтствѣ, положилъ, какъ кажется, конецъ мистификаціямъ. Кологривовъ былъ приглашенъ на большой обѣдъ. Въ то время, какъ садились за столъ, изъ-подъ одного дипломата выдернули стулъ. Дипломатъ растянулся, но тотчасъ вскочилъ на ноги и громко провозгласилъ:

— Я надѣюсь, что негодяй, позволившій со мною дерзость, объявитъ свое имя.

На эти слова отвѣта не воспослѣдовало. Впрочемъ, отвѣтъ былъ немыслимъ и по званію обиженнаго, и по непростительному свойству поступка.

Кологривовъ былъ такъ же малъ ростомъ, какъ и братъ его, но другаго типа — черноглазый, черноволосый. Его любили не только какъ забавника, но и какъ человѣка. Ума онъ былъ блестящаго и, если бы не страсть къ шутовству, онъ могъ бы сдѣлать завидную карьеру. Впрочемъ, не слѣдуетъ думать, чтобъ между нимъ и его братомъ не было сходства по юмору и веселости. Будучи еще камеръ-пажемъ, Голицынъ держалъ дерзновенное пари, что тронетъ

императора Павла I за волосы. Пари онъ выигралъ, и вотъ какимъ образомъ. Подавая императору тарелки за обѣдомъ, онъ слегка дернулъ напудренную косу его величества. Товарищи Голицына обомлѣли.

— Что это?—спросилъ государь.

— Ваше величество,—отвѣтилъ камеръ-пажъ:—коса ваша покривилась, я ее поправилъ.

— Спасибо!—промолвилъ императоръ.

Этотъ разсказъ я слышалъ отъ самого князя. Не смотря на то, что онъ славился своею суровою, почти монашескою жизнью,— онъ любилъ ѣздить къ дамамъ съ визитами. Онъ пріѣзжалъ въ сѣромъ фракѣ съ орденами и въ гусарскихъ сапожкахъ [1]) и охотно разсказывалъ о старомъ времени, особенно о дворѣ Екатерины II. Я часто его слушалъ и замѣтилъ, что, когда онъ находился въ присутствіи хозяекъ, крайне строгихъ относительно приличія, сѣрые его глаза искрились шаловливостью, и онъ припоминалъ анекдоты до того скоромные, что слушательницы уже не знали, сердиться ли имъ, или смѣяться.

Кологривовъ скончался въ Петербургѣ, послѣ долгаго пребыванія въ Парижѣ. Онъ умеръ отъ тяжкой болѣзни. Я навѣщалъ его и по его желанію читалъ ему не знаю что, кажется, мои произведенія, бывшія тогда въ модѣ. О прежнихъ шуткахъ и помина уже не было. Онъ сидѣлъ блѣдный, едва дышащій, окутанный въ шелковомъ балахончикѣ, что̀ французы называютъ une douillete. Однажды я пришелъ къ нему. Онъ лежалъ уже на столѣ.

Князь Голицынъ дожилъ до глубокой старости и скончался въ своемъ имѣніи, на крымскомъ берегу. Прахъ его покоится въ Георгіевскомъ монастырѣ. У нихъ была сестра Елизавета Михайловна, немногимъ извѣстная. Ростомъ она была крошечная отъ двухъ горбовъ, но чрезвычайно живая и веселая, всегда звонко смѣявшаяся и какъ-то подпрыгивающая. Она не скорбѣла ни о своемъ тѣлосложеніи, ни о своемъ безбрачіи. Жила она долго при монастыряхъ, въ Кіевѣ, гдѣ мы ее съ матушкой посѣтили. Но когда и по какому случаю, я никакъ не могу сообразить въ своихъ воспоминаніяхъ. Помню только ея рѣзкій, дѣтскій смѣхъ, помню какую-то большую площадь съ низкими домишками, помню открытыя гробницы угодниковъ, въ темныхъ проходахъ подземелья. Какъ мы туда попали,—не знаю. Въ памяти иногда встрѣчаются безсвязныя, самостоятельныя точки.

Отецъ мой былъ церемоніймейстеръ и приходился двоюроднымъ братомъ оберъ-гофмаршалу Кириллу Александровичу Нарышкину, вельможѣ большой руки, наружности барской, по уму и остроумію

[1]) Портретъ его, написанный Брюловымъ, поразителенъ по сходству и мастерству кисти.

замѣчательному, но вспыльчивому до крайности. Жена его Марья Яковлевна, рожденная княжна Лобанова-Ростовская, была женщина болѣзненная, но весьма симпатичная и всѣми уважаемая. Они жили въ Зимнемъ дворцѣ на существующей понынѣ оберъ-гофмаршальской квартирѣ. Такъ какъ въ это время родственныя связи были связями, насъ возили часто къ Нарышкинымъ, и тутъ я имѣлъ случай видѣть и слушать всѣхъ вліятельныхъ людей той эпохи. Лѣтомъ Кириллъ Александровичъ жилъ за Ораніенбаумомъ на своей дачѣ Сергіевскомъ, впослѣдствіи загородномъ пребываніи великой княгини Марьи Николаевны. Тутъ стоялъ помѣщичій домъ среди разныхъ деревянныхъ павильончиковъ, гдѣ проживали лѣтніе гости. О придворной жизни не было рѣчи. Въ Сергіевскомъ, Нарышкинъ былъ самъ большой, имѣлъ свой собственный дворикъ. Жили у него постоянно піита Ераковъ, писатель поэмъ во вкусѣ Тредьяковскаго, послѣдній остатокъ исчезавшей литературы; толстый и лысый драматическій писатель князь Шаховской, творецъ цѣлаго репертуара, нынѣ забытаго, армянинъ Мансуредзи и разные другіе нахлѣбники. Въ Сергіевскѣ доживали остатки барства. Ими Нарышкинъ тѣшился. У себя былъ гостепріименъ и веселъ, впрочемъ, жилъ нероскошно, но въ свое удовольствіе и любилъ разсказывать анекдоты о старинѣ. Не такъ жилъ его дѣдъ, Дмитрій Львовичъ, оберъ-егермейстеръ, андреевскій кавалеръ и мужъ знаменитой красавицы Марьи Антоновны. Дмитрій Львовичъ былъ уже старикъ, но наружности величавой, хотя лицо его поминутно дергалось нервными судорогами. До глубокой старости онъ оставался поклонникомъ прекраснаго пола, что̀ чуть ли не относилось къ обязательствамъ аристократизма... Я слышалъ, что, когда князь Куракинъ собирался въ Парижъ посломъ, для него были приготовлены богатые покои, роскошные экипажи и метресса, которую онъ, кажется, никогда не видалъ, хотя карета посла обязывалась стоять у ея крыльца по два часа въ день. Дмитрій Львовичъ казался герцогомъ вѣка Людовика XV. Напудренный, высоко державшій голову, какъ бы ни подпрыгивали черты его лица, сановито-привѣтливый, онъ былъ однимъ изъ послѣднихъ типовъ исчезавшаго барства.

Лѣтомъ онъ жилъ на Крестовскомъ островѣ, и насъ иногда возили къ нему, какъ къ дѣдушкѣ и моему крестному отцу... За столомъ служили цѣлыя толпы раззолоченныхъ араповъ, блестящихъ егерей и разныхъ оффиціантовъ. Въ саду играла знаменитая роговая музыка, оркестръ звучности очаровательной, но мыслимый только при крѣпостномъ правѣ. Онъ состоялъ изъ 40 мѣдныхъ инструментовъ разныхъ объемовъ. Каждый инструментъ издавалъ только одинъ звукъ. Сорокъ звуковъ разнородныхъ по трехъ-октавной лѣстницѣ съ полутонами, какъ фортопіанныя клавиши, допускали модуляціи во всѣхъ тонахъ и духовыя, какъ бы воздушныя, гармоніи. Такая живая шарманка съ ея эоловыми дуновеніями

внушала восторгъ. Но какова же была участь музыканта, имѣвшаго по разсчету свистѣть въ неизмѣнную дырку неизмѣнную нотку. Разсказываютъ, что два члена этого диковиннаго оркестра попались однажды въ полицію. На вопросъ, кто они такіе, одинъ отвѣчалъ: «я нарышкинскій Ц.»; а другой отвѣчалъ: «я нарышкинскій Фисъ».

Зимой Дмитрій Львовичъ жилъ въ Петербургѣ, гдѣ выстроилъ на Фонтанкѣ домъ, или, правильнѣе, дворецъ, принадлежащій нынѣ графинѣ Шуваловой. Тутъ я видѣлъ еще сверкавшую красотою Марью Антоновну и ея миловидную дочь, семнадцатилѣтнюю Софью. Ея дѣтское, какъ бы прозрачное личико, большіе, голубые дѣтскіе глаза, свѣтло-бѣлокурыя, вьющіяся кудри придавали ей отблескъ неземной. Она была помолвлена за графа А. П. Шувалова, только-что пріѣхавшаго тогда изъ Парижа вмѣстѣ съ своимъ братомъ Григоріемъ. Но свадьба не состоялась. Невѣста была не отъ міра сего. Она скончалась тихо и неожиданно, и смерть ея отозвалась новымъ уныніемъ въ столичной жизни [1]). Ни императоръ, ни императрица не любили шумныхъ удовольствій. Отъ этого времени я припоминаю только заурядные публичные маскерады въ Зимнемъ дворцѣ.

Народный маскерадъ въ царскихъ чертогахъ повторялся, согласно преданію, каждое 1-е января. Къ опредѣленному часу весь дворецъ освѣщался, всѣ двери отпирались. Милости просимъ, кому угодно! Перваго вошедшаго гостя и послѣдняго вышедшаго записывали на память. Другаго церемоніала не было. Посѣтителей всѣхъ видовъ и сословій собиралось болѣе 30,000. О полиціи и помина не было. Народныя массы волновались по сверкавшимъ покоямъ чинно, скромно, благоговѣйно, безъ толкотни и давки. Къ буфетамъ рѣдко кто подходилъ. Праздникъ былъ вообще трогательный, торжественный, семейный, полный глубокаго смысла. Царь и народъ сходились въ общемъ ликованіи. Когда залы переполнялись, раздавалось громовое польское и государь съ дворомъ выступалъ изъ внутреннихъ покоевъ. На мужчинахъ были накинуты сверхъ мундировъ легкія венеціанскія эпанчи. Дамы были въ кокошникахъ и русскихъ платьяхъ. Общее впечатлѣніе было великолѣпно, а видъ придворнаго ужина былъ даже волшебенъ. Польскій шествовалъ сперва по освѣщеннымъ картиннымъ галлереямъ и доходилъ до замыкающаго Эрмитажъ театра. Театръ былъ превращенъ въ сверкавшій бриллiантовый шатеръ изъ граненыхъ стеклушекъ, между собою плотно связанныхъ и освѣщенныхъ сзади. Магиче-

[1]) Графъ А. П. Шуваловъ женился на вдовѣ фельдмаршала князя Зубова и долгое время былъ оберъ-гофмаршаломъ высочайшаго двора. Братъ его женился не княжнѣ Салтыковой. Овдовѣвъ, онъ перешелъ въ католическую вѣру и скончался католическимъ монахомъ.

скій свѣтъ разливался по амфитеатру. Если я не ошибаюсь, эта декорація была придумана при императрицѣ Екатеринѣ II. Во время ужина играла музыка. Насъ водили внутренними лѣстницами изъ половины оберъ-гофмаршала въ зимній садъ Эрмитажа, откуда уже было удобно ходить любоваться красивѣйшими моментами вечера. Вообще, придворные праздники того времени повторялись рѣдко, но отличались художественностью. Праздникъ, устроенный въ честь пріѣзда великой княгини Маріи Павловны, герцогини саксенъ-веймарской, ознаменовался даже изяществомъ невиданнымъ. Нѣкоторыя залы Зимняго дворца обратились въ галлереи живыхъ картинъ. Въ Бѣлой залѣ (нынѣ Золотой), между колоннами, поставлены были золотыя рамы, въ которыхъ первыя великосвѣтскія красавицы изображали произведенія великихъ живописцевъ. Въ другой залѣ сверкала во всю стѣну «Семья Дарія» Лебрена, въ третьей очаровывала прелестная картина Грёза «Швеи». Все это заимствовано изъ сокровищъ Эрмитажа, такъ что живыя копіи могли соперничать съ безсмертными оригиналами. Мысль дѣйствительно глубоко художественная. Наконецъ, въ одной залѣ былъ поставленъ театръ, на которомъ исполнялись музыкальныя сцены, романсы въ лицахъ и большая шарада. Мы присутствовали на большой репетиціи—живо ее помню. Но еще живѣе помню, что въ этотъ вечеръ я испыталъ первый ударъ моему самолюбію, первое мое разочарованіе, первое внушеніе, что въ жизни надо смиряться. Я долженъ былъ исполнить на сценѣ роль амура, и эту роль у меня отняли. Декорація представляла опочивальню Анакреона. Анакреонъ спалъ. Съ-бока стоялъ трубадуръ и стихами, сочиненными Жуковскими, объяснялъ публикѣ:

Ночною темнотою
Покрылись небеса.
Анакреонъ къ покою
Сомкнулъ уже глаза.

Тогда входилъ купидонъ, и начиналась сцена. Роль Анакреона исполнялъ князь Ѳедоръ Сергѣевичъ Голицынъ, а купидономъ былъ, увы! не я, какъ мнѣ было объявлено, а его сынъ Саша, нынѣ все еще красивый, но уже маститый старецъ, отставной генералъ-лейтенантъ Александръ Ѳедоровичъ Голицынъ-Прозоровскій. Я смутно понялъ, что я сдѣлался жертвою деспотизма и придворныхъ интригъ, хотя такихъ мудреныхъ словъ я еще и не зналъ. Въ особенности меня оскорбляла несправедливость: я обладалъ и голосомъ, и слухомъ, и драматическою смѣтливостью, а Голицынъ и до сего времени не въ состояніи спѣть простаго романса. Впрочемъ, я скоро успокоился. Голицынъ былъ замѣчательно красивъ и ловокъ, что̀ для купидона—условіе первой важности. Я же по своей нервности могъ оробѣть, сконфузиться и сдѣлать какую нибудь глупость. Слѣдовательно, все было къ лучшему. Пріязнь моя съ Голицынымъ

не нарушилась и, благодаря Бога, продолжается уже около 60 лѣтъ. Отъ праздника осталось печатное описаніе съ литографіями.

Императрица Елисавета Алексѣевна вела жизнь уединенную по нездоровью. Объ ней почти не было слышно. Придворное оживленіе проявлялось только въ Павловскѣ, лѣтнемъ мѣстопребываніи вдовствующей императрицы Марьи Ѳедоровны. Государь былъ задумчивъ и мраченъ. Ему суждено было испытать вскорѣ еще новую скорбь отъ тяжкаго бѣдствія, постигшаго его сѣверную столицу. Я уже сказалъ, что мы жили на углу Дворцовой набережной и Мошкова переулка. Въ нашей жизни Нева играла, слѣдовательно, большую роль, и день нашъ располагался по ея норову. То развернется она бѣлою сахарною степью, и по ней играютъ лучи зимняго солнца. Это обозначало: дѣти, идите гулять. То вдругъ прозрачная лазуревая высь начинаетъ туманиться быстро бѣгающими сизыми валунами, разрывающимися въ лохмотья. Вѣтеръ стучится въ окна и воетъ въ печныя трубы. Бѣлыми бархатными пауками спускается на бѣлую равнину густая разсыпчатая занавѣсь. Вдругъ все завертѣлось, закружилось сверху внизъ, снизу вверхъ. На Невѣ розыгралась метель. Дѣти, сидите дома! За то въ свѣтлыя, какъ день, весеннія ночи какимъ очарованіемъ дышала Нева! Влажное и неподвижное ея зеркало, широко обрамленное дремлящими и въ водѣ отражающимися зданіями, далеко и спокойно тянулось къ заливу, сливаясь съ сонно-безмолвнымъ и гладко-ровнымъ небосклономъ. Много видалъ я впослѣдствіи и рѣкъ, и морей, и горъ бѣловершинныхъ, и степей безпредѣльныхъ. Ничто никогда не внушало мнѣ такого привольнаго чувства, какъ затишье Невы въ весеннюю ночь. И теперь не могу глядѣть на него безъ задумчиваго наслажденія.

Не даромъ русскій человѣкъ называетъ рѣку, къ которой онъ приселенъ и матушкой, и кормилицей. Онъ ее любитъ, какъ любитъ свое поле, свой скотъ, свое семейство. Часто приходитъ мнѣ на умъ Нева, дремлющая въ огненныхъ отливахъ солнечнаго заката. Еще чаще вижу я ее сизо-сѣрую какъ сталь, подернутую зыбью подъ сѣрыми тучами, между гранитомъ набережныхъ и суровыхъ стѣнъ Петропавловской крѣпости. И съ ужасомъ припоминаю я, какъ однажды рѣка перестала быть рѣкою и обратилась въ море бѣшеное, разъяренное, смывающее Петербургъ съ лица земли.

Это было 7-го ноября 1824 года.

Не разъ случалось намъ просыпаться ночью отъ пушечныхъ выстрѣловъ. Намъ объясняли, что, когда вода подымается, съ крѣпости даются сигналы для предостереженія жителей. Чѣмъ чаще повторяются выстрѣлы, тѣмъ болѣе и болѣе усиливается опасность. Въ ночь съ 6-го на 7-ое ноября канонада почти не умолкала. Къ утру въ домѣ началась бѣготня. Всѣ подвалы были уже залиты.

На дворѣ выступала вода. Мы наскоро одѣлись и побѣжали въ пріемныя, выходившія окнами на набережную. Ничего страшнѣе я никогда не видывалъ. Это былъ какой-то сѣрый хаосъ, за которымъ туманно очерчивалась крѣпость. Дождь косо разносился порывами бѣшенно завывающаго вѣтра. Въ гранитную набережную били черные валы, съ брызгами бѣлой пѣны—и все били сильнѣй и сильнѣй, и все вздымались выше и выше. Нельзя было различить, гдѣ была рѣка, гдѣ было небо... И вдругъ въ глазахъ нашихъ набережная исчезла. Отъ крѣпости до нашего дома забурлило, заклокотало одно сплошное судорожное море и хлынуло потокомъ въ переулокъ. Положеніе наше становилось опаснымъ. Спереди заливъ кидался на насъ приступомъ. Сзади спасеніе тоже не предвидѣлось. Испуганные слуги прибѣжали съ вѣстью, что Мойка выступила изъ береговъ и что Конюшенный мостъ, тогда деревянный, уже изломанъ. Къ счастью, наши родители не смутились духомъ, и мы слушали ихъ разсужденія. Вопросъ заключался въ томъ: будетъ ли продолжаться морской вѣтеръ съ настоящей его силой болѣе 24 часовъ? Случай былъ возможный, хотя невѣроятный. Послѣ сутокъ буря обыкновенно прекращается, и вѣтеръ мѣняетъ направленіе. Надо было ожидать измѣненія погоды; но, если погода и не измѣнится, то наводненіе, все болѣе и болѣе распространяемое на окрестности, будетъ разливаться медленно и неглубоко, такъ что мѣры спасенія будутъ придуманы и подплывающія суда станутъ подбирать утопающихъ, перебравшихся на чердаки и крыши. Такимъ образомъ паническаго страха въ домѣ у насъ не было, и мы глядѣли съ тревожнымъ любопытствомъ на все происходившее. Особенно занимало насъ теченіе воды по Мошкову переулку. Оно неслось стремительно, волнообразно, мутно и по немъ плыли самые разнообразные предметы, возбуждавшіе наше дѣтское вниманіе. Дѣти во всемъ найдутъ себѣ игрушку. Плыли ведра, ушаты, бочки, мебель, гробы и простые надробные кресты, смытые со Смоленскаго кладбища. На другой день разсказывали, что передъ Зимнемъ дворцомъ плыла будка и что въ будкѣ находился часовой. Увидавъ стоящаго у окна государя, часовой сдѣлалъ будто бы на-караулъ и былъ спасенъ. На сколько такой разсказъ справедливъ, не знаю, но что государь лично заботился о погибавшихъ, въ томъ нѣтъ сомнѣнія, и я былъ тому свидѣтелемъ. Кто-то изъ слугъ нашихъ крикнулъ, что на Невѣ тонутъ суда. Мы бросились къ окнамъ на Неву и увидали страшное зрѣлище. Передъ ожесточеннымъ натискомъ бури неслись въ туманномъ коловоротѣ разваливавшіяся барки съ сѣномъ. Вѣтеръ разметывалъ сѣно во всѣ стороны цѣлыми глыбами, барки разламывались въ куски, и мы ясно видѣли, какъ посреди крушенія какія-то тѣни стояли на колѣнахъ и подымали руки къ небу. И видя это, мы тоже почувствовали ужасъ, и тоже стали на колѣна, и тоже

начали молиться. Спасеніе казалось невозможнымъ. Вдругъ слѣва, по направленію отъ дворца къ погибавшимъ, показались два разсѣкавшіе волны, казенные катера. У кормы перваго сидѣлъ окутанный въ сѣрую шинель генералъ[1]). Спасеніе посылалъ государь. Съ другой стороны, подоспѣвала порожняя барка, на которую царскій гонецъ пересаживалъ ожидавшихъ смерти, въ то время, когда ихъ исковерканныя суда распадались на части.

Между тѣмъ непогода не утихала. Наводненіе подымалось хотя медленно, но все выше и выше. Вода брызгала уже въ уровень нижняго этажа, гдѣ, на отцовской половинѣ, находилось много драгоцѣнностей, особенно картинъ. Кое-какія вещи начали перетаскивать на верхъ, но безъ суеты и торопливости. Отецъ, уже потерявшій хладнокровно домъ на московскомъ пожарѣ, и тутъ равнодушно смотрѣлъ на матеріальный ущербъ. Предположеніе его впрочемъ, оправдалось. Буря началась наканунѣ въ 4 часа по полудни. Слѣдовало ожидать, чтобъ прошли сутки. Смерклось. Вскорѣ, такъ какъ всѣ фонари были перебиты, наступила кругомъ темнота гробовая. Но четыре часа пробило. Сутки прошли. Вода стала медленно убывать. Вѣтеръ измѣнился. Петербургъ былъ спасенъ. Существуетъ предсказаніе, что онъ когда нибудь погибнетъ отъ воды, и что море его зальетъ. Лермонтовъ, одаренный большими самородными способностями къ живописи, какъ и къ поэзіи, любилъ чертить перомъ и даже кистью видъ разъяреннаго моря, изъ-за котораго подымалась оконечность Александровской колонны съ вѣнчающимъ ее ангеломъ. Въ такомъ изображеніи отзывалась его безотрадная, жаждавшая горя фантазія.

Послѣ наводненія 7-го ноября, на Петербургъ легло томящее, свинцовое, все поглощающее уныніе. Другихъ рѣчей; другихъ заботъ не было какъ о кварталахъ приморскихъ, наиболѣе пострадавшихъ. Цѣлыя улицы представляли груды развалинъ и труповъ, надъ которыми раздавались вопли оставшихся безъ пищи и безъ пристанища. Широкая русская благотворительность нашла себѣ занятіе. Частныя подаянія, филантропическіе комитеты, оффиціальныя мѣропріятія усердствовали неусыпно. Инженеры чертили проекты огромныхъ обводныхъ каналовъ и стоковъ для преграды новымъ бѣдствіямъ. Надъ этимъ общимъ порывомъ господствовало верховное сердоболіе все болѣе и болѣе опечаленнаго монарха. Дворъ и столица скорбѣли. Петербургъ былъ мраченъ. Здоровье государя внушало опасеніе. Лѣтомъ онъ выѣхалъ на югъ.

Живо помню, какъ однажды, когда мы пошли утромъ здороваться съ родителями, мы были свидѣтелями трогательной сцены. Отецъ громко рыдалъ. Мать занемогла и лежала въ постели, заливаясь слезами. Получено было извѣстіе, что государь скончался.

---

[1]) Генералъ-адъютантъ графъ А. Х. Бенкендорфъ.

Мы тоже начали плакать, не вѣря, чтобъ такой свѣтлый, ласковый взглядъ могъ померкнуть, такая привѣтливая улыбка помертвѣть. Въ годы дѣтства смерть кажется и несправедливостью, и невозможностью, да и послѣ дѣтства много нужно передумать надъ ежечасно отверзающимися могилами, чтобъ убѣдиться въ неминуемости исчезновенія жизни. Роковое письмо, полученное императрицею Елисаветой Алексѣевной отъ императрицы Маріи Өедоровны, начиналось словами: «Notre ange est au ciel». (Нашъ ангелъ на небесахъ). Эти слова облетѣли мгновенно всю Россію. Они печатались въ некрологахъ, гравировались подъ портретами Благословеннаго и вырѣзывались на траурныхъ кольцахъ и медальонахъ съ изображеніями опочившаго. Прахъ императора слѣдовалъ изъ Таганрога въ Москву, гдѣ оставался нѣсколько дней, и прибылъ въ Чесму, откуда двинулся уже торжественнымъ погребальнымъ шествіемъ въ Петропавловскую крѣпость. Отецъ мой участвовалъ въ распоряженіяхъ погребенія, совершавшагося въ холодный снѣжный день. За нимъ послѣдовало вскорѣ другое погребеніе. Кроткая, почти въ уединеніи жившая, императрица Елисавета Алексѣевна, сраженная горемъ, тихо отошла въ вѣчность за своимъ супругомъ.

Недолго пережила ихъ и вдовствовавшая императрица Марія Өедоровна.

Графъ В. Соллогубъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

АМАЗОНСКАЯ РОТА ПРИ ЕКАТЕРИНѢ II.

ВЪ СЕНТЯБРѢ мѣсяцѣ 1848 года, бывшій намѣстникъ кавказскій князь М. С. Воронцовъ сообщилъ министру императорскаго двора, князю Волконскому, что онъ получилъ письмо изъ Симферополя отъ вдовы титулярнаго совѣтника Елены Шидянской, въ которомъ она объясняетъ, «что, командуя еще въ царствованіе императрицы Екатерины II-й ротою амазонокъ и имѣвъ счастіе представить роту ея величеству, была осыпана ея милостями, что, достигнувъ теперь 90 лѣтъ, лишась зрѣнія, она хотя съ того времени и не безпокоила царствовавшихъ августѣйшихъ монарховъ просьбами объ оказаніи ей пособія, но, находясь въ крайней бѣдности, проситъ объ исходатайствованіи ей отъ щедротъ его императорскаго величества единовременнаго пособія».

Князь Воронцовъ, имѣя въ виду засвидѣтельствованіе таврическаго предводителя дворянства, что все вышеупомянутое справедливо и что, по старости и крайне бѣдному положенію Шидянской, она заслуживаетъ благодѣтельнаго вниманія государя императора, просилъ князя Волконскаго повергнуть всѣ эти обстоятельства на благоусмотрѣніе его величества.

По высочайшему повелѣнію было препровождено къ князю Воронцову 29-го сентября 1848 года 300 руб. сер. изъ кабинета его величества для Шидянской и притомъ приказано прислать свѣдѣнія, когда была составлена рота амазонокъ, гдѣ, изъ какого званія?

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1848 года, князь Воронцовъ доставилъ слѣдующія свѣдѣнія, сообщенныя самою Шидянской.

Амазонская рота была составлена по ордеру свѣтлѣйшаго князя Потемкина-Таврическаго, послѣдовавшему на имя командира Балаклавскаго полка, премьеръ-маіора Чапони, и составлена изъ благородныхъ женъ и дочерей балаклавскихъ грековъ, въ числѣ 100 особъ, въ мартѣ и апрѣлѣ мѣсяцахъ 1787 года, ко времени пріѣзда императрицы Екатерины II въ Крымъ.

Елена Ивановна Шидянская.

(Начальница роты амазонокъ въ 1787 г.).

Капитанъ Сарандовъ былъ въ сказанномъ полку старшимъ офицеромъ; это послужило поводомъ избрать его жену Елену Иванову Сарандову, впослѣдствіи Шидянскую, командиромъ амазонской роты.

Нарядъ амазонокъ состоялъ изъ юбокъ малиноваго бархата, отороченныхъ золотымъ галуномъ и такою же бахрамой; курточекъ или спенсеровъ зеленаго бархата, также обшитыхъ золотымъ галуномъ; головной уборъ состоялъ въ бѣлыхъ тюрбанахъ съ золотыми блестками и страусовымъ перомъ. Всѣ амазонки были вооружены ружьями при трехъ патронахъ пороху.

Встрѣтить императрицу положено было близъ Балаклавы у деревни Кадыковки, и рота, подъ начальствомъ Елены Ивановой, была построена въ концѣ аллеи, уставленной апельсинными, лимонными и лавровыми деревьями, простиравшейся на четыре версты въ длину и усѣянной лаврами.

Костюмъ амазонки въ 1787 году

Прежде пріѣхалъ австрійскій императоръ Іосифъ II верхомъ осмотрѣть Балаклавскую бухту и развалины древней крѣпости. Увидѣвъ амазонокъ, онъ подъѣхалъ къ командиру роты, г-жѣ Сарандовой, и поцѣловалъ ее въ губы, что̀ произвело волненіе въ ротѣ. Но командиръ успокоилъ своихъ подчиненныхъ словами: «Смирно! Чего испугались? Вѣдь вы видите, что императоръ не отнялъ у меня губъ и не оставилъ мнѣ своихъ». Слово «импера-

Встрѣча Екатерины II ротой амазонокъ въ 1787 году.

Съ старинной литографіи.

торъ» подѣйствовало на амазонокъ, которыя не знали, кто былъ подъѣхавшій. Осмотрѣвъ бухту и крѣпость вѣнценосный путешественникъ возвратился къ императрицѣ и уже пріѣхалъ во второй разъ къ Кадыковкѣ съ ея величествомъ и княземъ Потемкинымъ въ ея каретѣ. У Кадыковки императрица была встрѣчена протоіереемъ Балаклавскаго полка о. Ананіемъ, ожидавшимъ ея величество въ нарочно приготовленной палаткѣ съ евангеліемъ, крестомъ, хлѣбомъ и солью.

Не выходя изъ кареты, государыня подозвала Елену Иванову къ себѣ, подала руку, поцѣловала въ губы и, потрепавъ по плечу, изволила сказать: «Поздравляю васъ, амазонскій капитанъ! Ваша рота исправна. Я ею очень довольна».

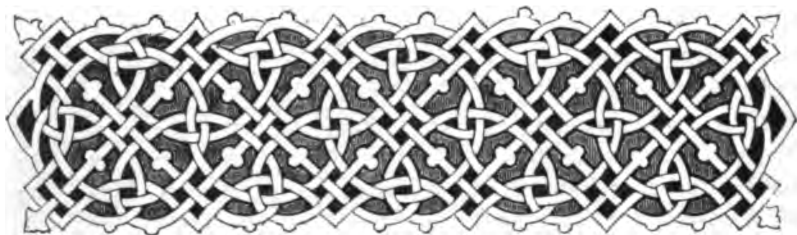
Изъ Кадыковки императрица изволила отправиться въ Бахчисарай, куда послѣдовала и Елена Иванова Сарандова, желая еще разъ взглянуть на великую монархиню, и имѣла счастіе еще разъ представляться ея величеству. Государыня узнала капитана амазонокъ, допустила къ рукѣ и потрепала по плечу.

Изъ Симферополя, куда отправилась императрица, былъ присланъ г-жѣ Сарандовой (Шидянской) всемилостивѣйшій подарокъ— бриліантовый перстень, цѣною въ 1,800 руб. асс., а на всю роту государыня изволила пожаловать единовременно 10,000 руб. асс. Вслѣдъ за тѣмъ рота была распущена.

Вмѣстѣ съ этими свѣдѣніями, Елена Шидянская представила рисунокъ одежды амазонки и портретъ свой, которые сохранились при дѣлѣ, находящемся въ архивѣ министерства императорскаго двора, и воспроизводятся здѣсь въ точной копіи.

Г. Есиповъ.

ВОЗСТАНОВЛЕНІЕ ДРЕВНЯГО ХРАМА ВЪ РОСТОВѢ.

ОСТОВСКІЙ Успенскій соборъ—одинъ изъ немногихъ оставшихся архитектурныхъ памятниковъ XIII вѣка. Построенный первоначально епископомъ Ѳеодоромъ въ 990 году, соборъ былъ дубовый и, простоявъ 168 лѣтъ, въ 1160 году сгорѣлъ. «Погорѣ,—отмѣчаетъ лѣтописецъ,—градъ Ростовъ мало не весь, и соборная церковь сгорѣла, и бѣ чудна зѣло и преудивленна, яко же не была, и не вѣмы, будетъ ли» [1]). При великомъ князѣ Андреѣ и ростовскомъ епископѣ Несторѣ, 12-го мая 1164 года, соборъ былъ заложенъ каменный, и когда при копаніи рвовъ, 23-го мая, обрѣтены были мощи ростовскихъ епископовъ Леонтія († 1073 г.) и Исаія († 1089 г.), то князь Андрей Боголюбскій для мощей св. Леонтія прислалъ и каменную гробницу.

Епископъ ростовскій Лука, въ 1185—1189 годахъ, расписалъ стѣны собора и сдѣлалъ многія украшенія, но чрезъ 15 лѣтъ, въ 1204 году, при епископѣ Іоаннѣ, своды храма и часть стѣнъ упали, и 25-го апрѣля 1213 года, князь Константинъ Всеволодовичъ заложилъ вновь церковь «на мѣстѣ падшія».

Въ 1230 году, сыномъ этого князя, блаженнымъ Василькомъ (убитымъ впослѣдствіи (1238 г.) татарами на р. Сити), храмъ былъ достроенъ, и 25-го февраля, въ первую недѣлю великаго поста, въ присутствіи князя, освященъ архимандритомъ владимірскаго Рождественскаго монастыря Кирилломъ, который, сдѣлавшись вскорѣ

---

[1]) Никон. лѣт., II, стр. 191.

ростовскимъ епископомъ, приложилъ немало стараній къ этому храму. «Украси церковь Богородицы,—говоритъ Кирилловская лѣтопись,—иконами многоцѣнными, ихже нѣсть мощи и сказати, и съ предпольі, рекше пелены; учини же и кивота два многоцѣнна, и индитью на святой трапезѣ, сосуды же, и рипиды, и двери церковныя прекрасны, яже нарѝчутся златыя на полуденной странѣ;

Успенскій соборъ въ Ростовѣ со стороны придѣла св. Леонтія.

паче же внесе во святую церковь кресты честные и многи мощи святыхъ въ ракахъ прекрасныхъ въ заступленіе и покровъ граду Ростову».

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1237 года, татары, раззоряя Ростовско-Суздальскую область, не пощадили и соборнаго храма. Какъ велики были поврежденія,—лѣтописей о томъ не сохранилось, но, вѣроятно, въ тяжелое время татарскаго ига Ростовскій соборъ подвергался внутреннимъ раззореніямъ неоднократно. Въ 1280 году,

епископъ ростовскій Исаія (святой) покрылъ соборную церковь оловомъ, а полъ сдѣлалъ изъ краснаго мрамора[1]). Въ 1408 году, при архіепископѣ Григоріи, въ Ростовѣ случилось страшное бѣдствіе, равносильное татарскому погрому: «Погорѣ градъ Ростовъ, и церковь каменная соборная святыя Богородицы падеся, и колоколы разлишася; и иныхъ церквей погорѣ 14, и людіи многи истопе, іюня 24»[2]).

Въ «Лѣтописцѣ о ростовскихъ архіереяхъ», составленномъ, по преданію, св. Димитріемъ, говорится, что 21-го іюня, при архіепископѣ Григоріи, былъ въ Ростовѣ великій пожаръ и соборъ погорѣлъ со всѣмъ украшеніемъ: иконы, книги и многіе старинные сосуды златые и серебряные, каменья драгоцѣнные, жемчуги и священныя облаченія. Кровля церковная растопилась, верхъ и своды упали внутрь; кромѣ того, сгорѣли многія церкви, дворъ княжескій, боярскіе дворы и людскіе и ряды со всѣми товарами, потому что тогда была «суша велія и вихрь», и людей сгорѣло болѣе тысячи. Пожаръ начался въ день Всѣхъ Святыхъ съ церкви великомученицы Варвары, находившейся среди центра города, окруженной скученными постройками. Въ память этого печальнаго событія Варваринская церковь была переименована во имя Всѣхъ Святыхъ; она существуетъ (конечно, нѣсколько разъ послѣ того перестроенная) до настоящаго времени.

Архіепископъ Григорій возобновилъ погорѣвшую соборную церковь, не пощадивъ всего своего имѣнія: «помостилъ церковь дсками каменными[3]) и свинцовыми лобъ и комары большія покры», и освятилъ храмъ 1-го октября 1411 года. Послѣ этого до 1608 года соборъ, очевидно, не терпѣлъ никакихъ поврежденій. Но въ Смутное время междуцарствія Ростовъ былъ раззоренъ поляками, которые, соединясь съ переяславцами, ворвались въ городъ, безпощадно предавая все огню и мечу. Въ то время ростовскій митрополитъ Филаретъ Никитичъ Романовъ затворился съ ростовцами въ соборной церкви, но враги выбили двери и, потерявъ всякое уваженіе къ святынѣ, безчинствовали въ самомъ храмѣ. Защитники были побиты и церковныя сокровища разграблены; не уцѣлѣла и драгоцѣнная рака св. Леонтія. Переяславцы,—говоритъ историкъ,—пресытившись злодѣяніями, возвратились въ свои домы, оставя Ростовъ выжженнымъ, разграбленнымъ и заваленнымъ трупами его обитателей. Изъ добычи, захваченной въ Ростовскомъ соборѣ, Сапѣга прислалъ Маринѣ Мнишекъ образъ св. Леонтія, снятый съ гроба сего угодника, весь изъ чистаго золота, вѣсомъ въ 5 пуд.[4]).

---

[1]) Этотъ полъ, будто бы, впослѣдствіи былъ увезенъ въ Москву и находится въ Благовѣщенскомъ соборѣ.

[2]) Лаврент. лѣт., стр. 511.

[3]) Часть этого пола была найдена при раскопкахъ въ соборѣ въ 1884 году.

[4]) Дневникъ Сапѣги.

Придѣлъ св. Леонтія въ Ростовскомъ Успенскомъ соборѣ, послѣ раскопки. (Видъ алтаря и каменнаго престола).

Митрополитъ Кириллъ въ 1619 и Варлаамъ въ 1652 году возстановили соборъ и снабдили его утварью. Особенно много сдѣлалъ для собора митрополитъ Іона Сысоевичъ. Кромѣ постройки огромной колокольни съ знаменитѣйшимъ по всей Россіи звономъ, имъ построено множество митръ и другихъ облаченій; онъ также расписалъ соборный храмъ альфресковою живописью. Преемникъ его, митрополитъ Іоасафъ Лазаревичъ, сталъ украшать соборъ въ совершенно другомъ вкусѣ. Прежній каменный иконостасъ онъ замѣнилъ рѣзнымъ деревяннымъ съ позолотою и такіе же иконостасы сдѣлалъ вокругъ четырехъ каменныхъ столповъ; написалъ новыя иконы и пробилъ для большаго свѣта 9 широкихъ оконъ, чѣмъ совершенно обезобразилъ прежнюю величественную архитектуру храма. Въ самой внутренности собора, съ правой стороны алтаря, вѣроятно, этимъ же митрополитомъ сдѣлана каменная прикладка, значительно сократившая размѣры этого алтаря. Въ прикладкѣ сдѣлана лѣстница въ сѣверо-восточную главу и тамъ устроено нѣчто вродѣ палатки; подъ сводомъ этой главы, половина которой была закрыта каменнымъ столпомъ, на уцѣлѣвшей половинѣ оказалось прекрасно сохранившееся фресковое изображеніе апостола; живопись эта, по заявленію художниковъ, относится къ XIII вѣку, т. е. современна постройкѣ собора.

Въ 1730 году, внутренность соборнаго храма обгорѣла и архіепископами Георгіемъ Дашковымъ и Іоакимомъ въ 1731—1735 годахъ была возстановлена. Вновь построены главы желѣзныя, полуженыя оловомъ по рѣшеткѣ; кровля покрыта желѣзомъ [1]); сдѣланъ новый до сего времени существующій иконостасъ, а также и въ придѣлѣ св. Леонтія; въ главномъ же иконостасѣ многіе образа написаны вновь.

Въ 1780 году, архіепископъ Самуилъ (впослѣдствіи митрополитъ Кіевскій) возобновилъ стѣнное альфресковое письмо въ соборѣ. Эта художественная работа была въ 1841—1843 годахъ замазана крайне непригладною масляною живописью.

Въ это печальное для собора время, тогдашній отецъ протоіерей, втеченіе своего долгаго служенія, немало потщился къ благоукрашенію собора въ новѣйшемъ вкусѣ, и кромѣ многихъ древнихъ кремлевскихъ зданій сломалъ безъ надобности прекрасную часовую башню, построенную въ 1699 году митрополитомъ Іоасафомъ; другіе отцы протоіереи и купцы-старосты тоже немало приложили стараній къ подобному благоукрашенію древняго отечественнаго памятника.

---

[1]) Очевидно, въ это время и уничтожены кокошники и другія украшенія на соборной крышѣ. Что такія украшенія были, то это видно на стѣнной живописи XVII вѣка въ холодной церкви Вознесенія въ Ростовѣ. На стѣнѣ изображены два событія изъ жизни праведнаго Исидора ростовскаго, причемъ виденъ Ростовскій соборъ съ кокошниками на крышѣ, колокольня и три нынѣ существующія церкви.

Придѣлъ св. Леонтія въ Ростовскомъ Успенскомъ соборѣ, по возобновленіи (сѣверная сторона придѣла).

Благодаря такимъ передѣлкамъ, Успенскій соборъ мало-по-малу утрачивалъ свои древнія формы, а внутри его осталось мало памятниковъ не только XIII, но и XVII вѣка.

Въ 1884 году, причтомъ собора передѣлывался старый чугунный полъ. Войдя случайно въ придѣлъ св. Леонтія, мы увидали на стѣнѣ, подъ снятыми плитами, слѣды фресокъ; руками стали выбирать мусоръ на томъ мѣстѣ, и фрески являлись все яснѣе и яснѣе. Тогда мы, не надѣясь на сочувствіе соборнаго причта, рѣшились обратиться къ г. начальнику губерніи, В. Д. Левшину, который и употребилъ всѣ усилія, чтобы сдѣлать надлежащія изслѣдованія въ этой части собора, тѣмъ болѣе, что тутъ предполагалось отыскать склепъ, или усыпальницу, съ гробами ростовскихъ князей, погребенныхъ, согласно лѣтописи, подъ соборными сводами; о существованіи же придѣла и гроба св. Леонтія никто изъ насъ и не подозрѣвалъ, да и записей о томъ никакихъ не сохранилось [1]).

Съ благословенія преосвященнѣйшаго Іонаѳана было дозволено расчистить находившійся подъ поломъ мусоръ и сдѣлать выемку наваленной тамъ земли и кирпича. Вслѣдствіе этого оказались на лѣвой сторонѣ, при входѣ въ придѣлъ, на глубинѣ 3 аршинъ, фрески съ изображеніемъ св. Игнатія и возлѣ этого изображенія отъ главнаго алтаря спускалась на 3½ аршина каменная лѣстница. При дальнѣйшихъ раскопкахъ, на той же глубинѣ 3—3½ аршина, открылся каменный полъ, обсидъ алтаря съ кирпичнымъ престоломъ и, наконецъ, на правой сторонѣ, подъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ наверху стояла серебряная рака св. Леонтія, почти наравнѣ съ поломъ оказалась каменная гробница, которую прислалъ князь Андрей Боголюбскій для новооткрытыхъ мощей святителя. «Заваленная,—по выраженію Е. В. Барсова,—новыми людьми щебнемъ и засыпанная мусоромъ» [2]), она, тѣмъ не менѣе, скрывала священные останки того, къ кому втеченіе восьми вѣковъ вѣрующая Русь обращалась какъ къ «сопричастнику апостоловъ». Надъ гробницей оказались слѣды такого же свода, вродѣ ниши, какъ и на противоположной сторонѣ; на стѣнѣ превосходно сохранилось изображеніе св. Леонтія и часть тропаря угоднику. Живопись и буквы должно отнести, несомнѣнно, къ XVII вѣку; очевидно, она была сдѣлана при Іонѣ Сысоевичѣ.

Въ виду существовавшаго преданія, что подъ соборомъ, кромѣ придѣла, находится еще склепъ, въ которомъ погребены ростовскіе князья и іерархи, были произведены и дальнѣйшія раскопки

---

[1]) Какъ соборный архивъ, такъ равно и замѣчательный архивъ бывшаго духовнаго правленія, помѣщающіеся въ соборныхъ палаткахъ, недоступны для лицъ несоборнаго вѣдомства; архивы эти ревниво оберегаются.

[2]) Протоколъ собранія 28-го октября 1885 года въ Бѣлой палатѣ Ростова Великаго, стр. 19.

Иконостасъ въ придѣлѣ св. Леонтія въ Ростовскомъ Успенскомъ соборѣ, по возобновленіи.

въ разныхъ частяхъ собора; но при довольно тщательныхъ розыскахъ, на сколько это было позволено, усыпальницы ростовскихъ князей не оказалось, и только обнаружилось, что ростовскіе владыки, погребенные на сѣверной и южной сторонахъ собора, лежатъ въ самомъ грунтѣ подъ соборнымъ поломъ, причемъ нѣкоторые гроба задѣланы небольшими сводиками. Впрочемъ, часть главнаго алтаря, находящаяся между престоломъ и царскими вратами, по святости мѣста, осталась неизслѣдованною [1]). Тѣмъ не менѣе, эти изслѣдованія показали, что весь соборный полъ поднятъ не только послѣ первоначальнаго своего построенія, но и послѣ XVII в. на значительную высоту.

Уничтоженіе Леонтьевскаго придѣла въ нижней части собора и поднятіе его на 3—3½ аршина, вѣроятно, было сдѣлано при архіепископѣ Іоакимѣ, послѣ пожара, бывшаго въ Ростовѣ въ 1730 году, когда,—какъ выше уже сказано,—внутренность собора сгорѣла. Это мнѣніе отчасти подтверждаетъ и надпись на иконѣ Тихвинской Божіей Матери, находившейся въ Леонтьевскомъ придѣлѣ. Очевидно, сильный пожаръ вызвалъ капитальныя передѣлки, и полъ придѣла для удобства богослуженія былъ сравненъ съ поломъ главнаго алтаря и всего соборнаго храма.

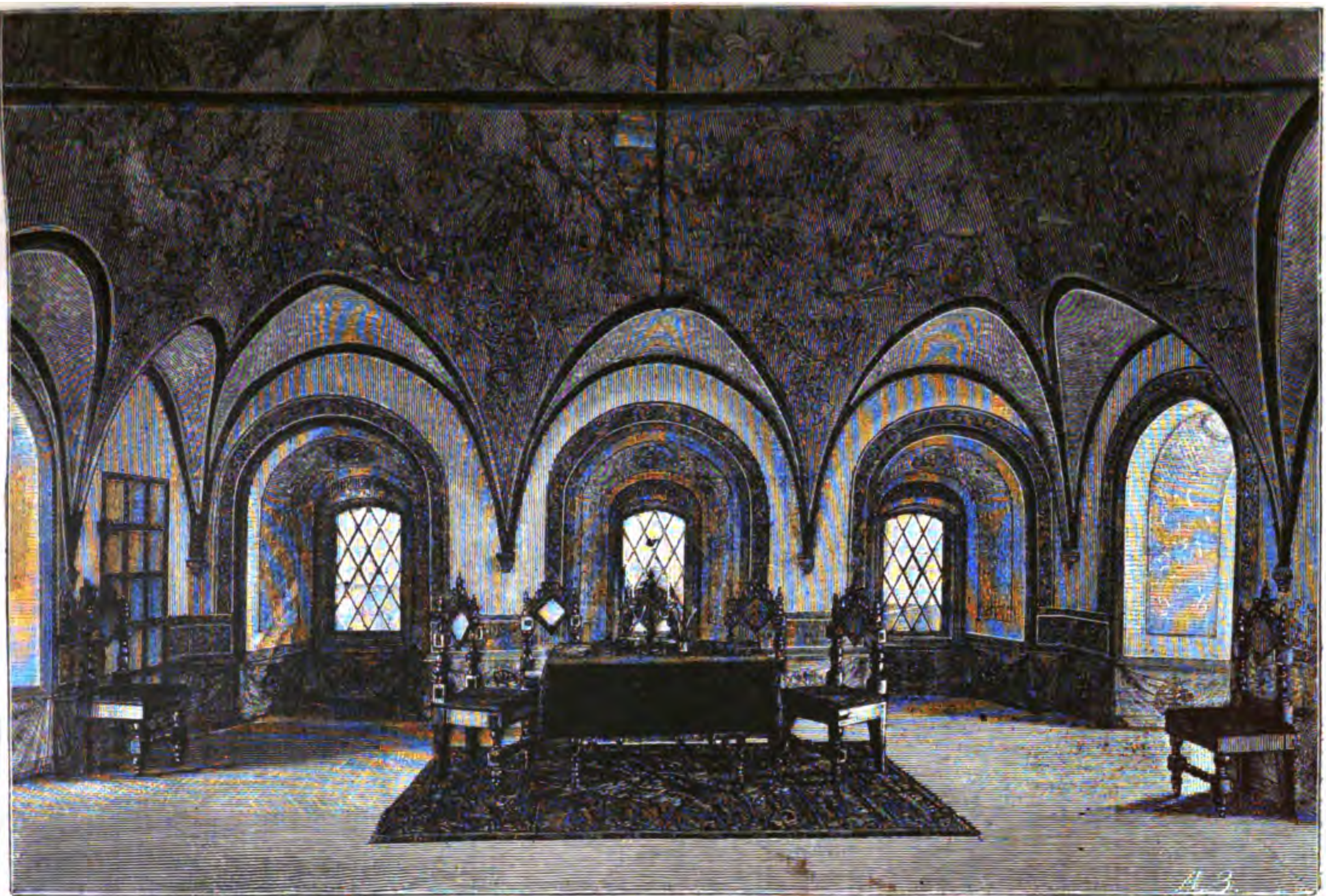
Возстановленіе придѣла св. Леонтія было произведено по проекту предсѣдателя московскаго архитектураго Общества Н. И. Никитина особою коммиссіею подъ предсѣдательствомъ дѣйствительнаго члена императорскаго московскаго археологическаго Общества, ярославскаго губернатора В. Д. Левшина [2]). Первоначально открытый гробъ святителя предполагалось обложить бѣлымъ итальянскимъ мраморомъ, а верхнюю доску съ изображеніемъ святителя сдѣлать на петляхъ, дабы было возможно открывать и видѣть даръ Андрея Боголюбскаго со священными останками, но проектъ этотъ, по нѣкоторымъ независящимъ отъ коммиссіи причинамъ, не исполненъ въ точности. Вмѣсто мраморной облицовки гробницы поставлена прежде бывшая серебряная рака, сооруженная въ 1800 году; самый же гробъ обложенъ дубовымъ футляромъ и составляетъ какъ бы подножіе серебряной раки; сбоку этого футляра выдвигается доска для желающихъ видѣть древній каменный гробъ святителя. Это измѣненіе проекта значительно повредило художественной части исполненія, предполагавшагося въ стилѣ того времени.

Уцѣлѣвшее на стѣнѣ фресковое изображеніе св. Леонтія осталось въ томъ же видѣ и даже не потребовало поновленія: такъ

---

[1]) Въ этомъ мѣстѣ, по записямъ, погребенъ строитель собора князь Василій Константиновичъ святой, убитый татарами на р. Сити.

[2]) Въ составъ коммиссіи вошли, кромѣ преосвящен. Іонаѳана, архіеп. ярославскаго и ростовскаго, члены московскаго археологическаго Общества: И. А. Вахрамѣевъ, Д. А. Булатовъ, о. В. И. Мансветовъ, И. А. Шляковъ и А. А. Титовъ.

Внутренній видъ «Садовой» башни въ Ростовѣ (по возобновленіи, въ 1884 году).

хорошо сохранилась живопись. Противоположная же сторона, хотя и была украшена такою же живописью, но вслѣдствіе небрежнаго обращенія рабочихъ, которые, по желанію причта собора, намѣревались было заложить эту часть каменной стѣной, живопись эта не могла быть сохранена и, снятая на кальку, она воспроизведена вновь художникомъ Софоновымъ, исполнившимъ подобнаго рода живопись во Владимірскомъ и Московскомъ Благовѣщенскомъ соборахъ. Ниша надъ этою живописью нѣсколько разнится отъ ниши надъ гробомъ св. Леонтія. Судя по изображенію св. Игнатія и тропарю этому угоднику, тутъ, вѣроятно, прежде стояла его рака, перенесенная при перестройкѣ придѣла на другую сторону собора.

Иконостасъ въ придѣлѣ сдѣланъ такъ, какъ онъ былъ первоначально и въ главномъ алтарѣ собора, каменный; царскія врата скопированы съ древнихъ царскихъ вратъ Введенской церкви города Переяславля-Залѣсскаго; лампады у мѣстныхъ образовъ есть копіи съ такихъ же находящихся въ музеѣ Бѣлой Палаты, а священныя изображенія на алтарной стѣнѣ взяты съ знаменитыхъ кремлевскихъ церквей, построенныхъ митрополитомъ Іоною Сысоевичемъ.

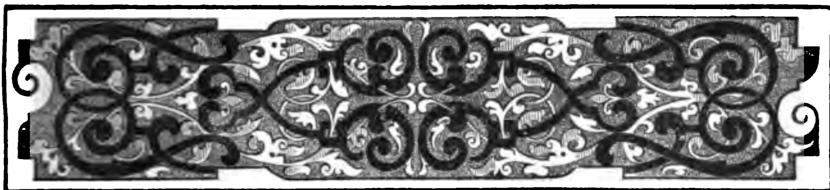
Реставрацію придѣла св. Леонтія нельзя, однако, считать законченною. Пробитыя Іоасафомъ Лазаревичемъ окна нарушаютъ общую гармонію и являются контрастомъ съ остальными деталями древняго зодчества; оставленная же на верхнихъ частяхъ стѣнъ придѣла масляная живопись, работы 1841 года, совершенно не соотвѣтствуетъ остаткамъ возстановленной фресковой живописи, покрывавшей нѣкогда стѣны собора.

Главнымъ распорядителемъ всѣхъ работъ по реставраціи придѣла святаго Леонтія былъ строитель княжихъ теремовъ членъ-корреспондентъ московскаго археологическаго Общества И. А. Шляковъ, работавшій неустанно втеченіе цѣлаго года. Во время производства работъ въ придѣлѣ св. Леонтія, 4-го іюня, Ростовъ удостоился посѣщенія великаго князя Владиміра Александровича. Обозрѣвая возобновляемый коммиссію древній храмъ св. Леонтія и осмотрѣвъ съ полнымъ вниманіемъ каменный престолъ, старинную живопись надъ гробницей святителя и остатки другихъ памятниковъ священной старины въ придѣлѣ, его высочество изволилъ высказать: «Мало такихъ древнихъ памятниковъ на Руси!».

Совмѣстно съ реставраціею Леонтьевскаго придѣла была возобновлена полуразрушенная такъ называемая «Садовая» башня, построенная митрополитомъ Іоною. Она предназначена для библіотеки и читальни при ростовскомъ музеѣ церковныхъ древностей.

Возстановленный древній пещерный храмъ св. Леонтія торжественно освященъ 29-го сентября 1885 года.

А. Титовъ.

ДѢДЪ ПУШКИНА.

(Траги-комедія конца прошлаго столѣтія).

I.

Семейный fatum.

ВЪ СУДЬБѢ иныхъ родовъ, отъ поколѣнія къ поколѣнію, проходитъ иногда одна какая нибудь особенная, роковая черта. Такая именно черта красной ниткою пронизываетъ семейную исторію рода нашего великаго поэта, съ материнской стороны, и на немъ лично обрывается трагической развязкой. Тутъ, конечно, ничего нѣтъ таинственнаго и сверхъестественнаго, а семейный fatum лежитъ, въ сущности, въ свойствахъ темперамента и характера даннаго рода, потомственно передаваемыхъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, и также, разумѣется, въ нравственно-бытовыхъ условіяхъ среды.

Предокъ Пушкина, по матери, Абрамъ Петровичъ Ганнибалъ, былъ, по словамъ его біографа, человѣкъ «нрава горячаго и ревниваго». Онъ былъ суровъ и неумолимъ, какъ удостовѣряетъ самъ поэтъ, приводя такой примѣръ его крутости: когда одинъ изъ сыновей Ганнибала женился противъ воли отца и потомъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, пріѣхалъ на колѣняхъ молить прощенія, то отъ одного гнѣвнаго взгляда стараго арапа молодая невѣстка упала

въ обморокъ. Однородными чертами отличался и характеръ дѣда Пушкина—Осипа Абрамовича Ганнибала, который, по замѣчанію его внука, былъ «человѣкъ пылкій и жестокій». Та же южная пылкость и страстность лежала и въ личности нашего поэта.

И несомнѣнно, благодаря главнымъ образомъ этой, заключавшейся въ крови, родовой чертѣ, предки Пушкина и онъ самъ были болѣе или менѣе несчастливы въ своей семейной жизни, иногда до трагизма, какъ, напримѣръ, въ судьбѣ поэта. Отсюда обстоятельство это является чѣмъ-то роковымъ для всего рода, какимъ-то, словно бы, проклятіемъ его, на что̀ намекаетъ и самъ поэтъ, когда говоритъ о своихъ предкахъ (см., напримѣръ, томъ V «Сочиненій», стр. 104, изд. Анненкова).

Пушкинъ погибъ изъ-за жены, но извѣстно, съ какой горячностью уже на одрѣ смерти старался онъ предупредить и разсѣять всякую компрометирующую ея тѣнь, съ какимъ искреннимъ чувствомъ засвидѣтельствовалъ ея супружескую вѣрность и невинность! Тѣмъ не менѣе, подчиняясь своему темпераменту, онъ мучительно ревновалъ жену, терзался мрачными подозрѣніями и, ослѣпленный ими, погибъ, какъ жертва семейнаго несчастья. Въ этомъ и заключался fatum, тѣмъ болѣе поразительный въ своемъ какъ бы фамильномъ предопредѣленіи, что аналогичныя семейныя драмы, только безъ романизма, въ грубой формѣ и съ иными эпилогами, но изъ-за тѣхъ же отчасти мотивовъ, пережили прадѣдъ и дѣдъ поэта по матери! Оба они были снѣдаемы ревностью къ своимъ женамъ, точно также не всегда основательною, оба мучили и себя и ихъ жестокой подозрительностью, и оба кончали тѣмъ, что превращали свой семейный очагъ въ очагъ несчастья, раздора и скандала.

Замѣчательно въ самомъ дѣлѣ, что, неудачливые въ своихъ брачныхъ союзахъ, предки Пушкина, А. П. и О. А. Ганнибалы, равно ославились разводами, одинаково неряшливыми и скандалезными, сопровождавшимися во многомъ одними и тѣми же проявленіями со стороны супруговъ чисто-африканской дикости, своенравія и страстности. Сходство ихъ судьбы въ этомъ отношеніи разительное: оба они, напримѣръ, какимъ-то роковымъ стеченіемъ обстоятельствъ, отличились тѣмъ, что отъ живыхъ, не разведенныхъ еще женъ формально поженились вторично и учинились оба виновными въ двоебрачіи!

Есть, впрочемъ, нѣкоторая разница въ мотивахъ такого поведенія между отцомъ и сыномъ, въ пользу перваго. Въ то время, какъ А. П. Ганнибалъ имѣлъ несомнѣнныя основанія заподозрѣть жену въ невѣрности и, въ силу этого, разорвать съ нею, блюдя святость семейнаго начала и свое супружеское достоинство, О. А. Ганнибалъ едва ли имѣлъ причину подозрѣвать жену свою и, самъ явившись нарушителемъ брачнаго обѣта, дошелъ въ этомъ

пунктѣ до крайней, безоглядной разнузданности. Абрамъ Петровичъ, хотя былъ человѣкъ дикій, неукротимый и запальчивый, но—натура цѣльная, не развращенная. Сынъ же его, Осипъ Абрамовичъ, будучи по характеру и темпераменту такимъ же, въ сущности, африканцемъ, воспитался вдобавокъ въ повѣсничествѣ и куртизанствѣ русскихъ столичныхъ баричей второй половины прошлаго столѣтія. Получилась амальгама чего-то очень нелѣпаго, распутнаго и до цинизма безшабашнаго.

О бракоразводныхъ дѣлахъ Ганнибаловъ давно извѣстно въ литературѣ, но извѣстно еще не все, особенно о разводѣ Осипа Абрамовича, дѣда нашего поэта. О разводѣ Абрама Петровича долго ходила, съ легкой руки поэта, романическая небылица, пока не явилось въ «Русской Старинѣ» за 1877 годъ (т. XVIII) обстоятельное изложеніе этого дѣла, по подлиннымъ архивнымъ документамъ, С. И. Опатовича. Романическая оболочка разсѣялась, и читателямъ представилась одна изъ тѣхъ, вопіющихъ по своей жестокости и ґрубому произволу, тяжебъ сильнаго со слабымъ, которыми полна юридическая хроника минувшаго вѣка. Дальше мы возстановимъ это дѣло въ главныхъ чертахъ для полноты нашего разсказа.

Легкомысленное и предосудительное поведеніе въ матримоніальномъ пунктѣ О. А. Ганнибала, разрѣшившееся бракоразводнымъ процессомъ, въ свое время было сказкой всего общества, обратило на себя вниманіе властей и впослѣдствіи сдѣлалось достояніемъ исторіи, особенно съ того момента, когда, волею неисповѣдимой судьбы, одинъ изъ внуковъ А. О., происшедшихъ въ прямомъ колѣнѣ отъ его несчастливаго брака, пріобрѣлъ міровую безсмертную славу и сталъ гордостью русскаго имени. Однако жъ, дѣло это, хотя о немъ часто упоминалось и разсказывалось въ печати болѣе или менѣе поверхностно и невѣрно, до сихъ поръ не было полно и обстоятельно опубликовано по достовѣрнымъ архивнымъ документамъ. Въ настоящее время оно сообщено намъ редакціей «Историческаго Вѣстника» и служитъ главнымъ матеріаломъ для предлагаемаго очерка. Оно представляетъ собою объемистую тетрадь изъ послѣдовательно подшитыхъ въ порядкѣ канцелярскаго производства 111-ти листовъ, подъ общимъ заголовкомъ: «Дѣло капитана Ганнибала съ первою его женою Пушкиною», и заключаетъ почти всю сполна переписку, возбужденную этой тяжбой.

По своему характеру, дѣло это можетъ быть причислено къ такъ называвшимся въ былое время «казуснымъ» судебнымъ процессамъ, и интересно не только съ исторической, но и съ юридической стороны. Въ процессуальномъ отношеніи оно несложно и вполнѣ ясно,—«казусность» его заключается собственно въ исключительности прецедента тяжбы передъ лицомъ нашего законодательства, всегда отличавшагося крайней несговорчивостью при раз-

рѣшеніи брачныхъ разводовъ вообще. Этимъ обясняется отчасти то, что оно тянулось довольно долго — около пяти лѣтъ, а, впрочемъ, если вспомнить медлительность и неуклюжесть тогдашняго нашего судопроизводства, то указанный срокъ можно считать, сравнительно, еще не очень продолжительнымъ. У истицы была протекція, которая содѣйствовала скорѣйшему разрѣшенію ея иска.

II.

Отелло на русской почвѣ.

Пушкинъ, какъ извѣстно, питалъ слабость къ аристократизму и очень ревниво относился къ славѣ своего рода. Малѣйшее со стороны сомнѣніе въ аристократичности его предковъ и его самого болѣзненно бередило самолюбіе поэта, какъ это сказалось, напримѣръ, въ его язвительномъ отвѣтѣ Булгарину:

«Видокъ Фигляринъ, сидя дома,
Рѣшилъ, что дѣдъ мой Ганнибалъ
Былъ купленъ за бутылку рома», и т. д.

Изъ этихъ побужденій, онъ такъ часто, при всякомъ болѣе или менѣе удобномъ случаѣ, подчеркиваетъ въ своихъ сочиненіяхъ древность и знатность своего рода, заслуги и доблесть своихъ предковъ, принимается писать свою родословную, гдѣ, между прочимъ, старается, что касалось его предковъ по матери, Ганнибаловъ, всячески удостовѣрить, что они тоже были истинные аристократы — и по происхожденію, и по характерамъ, и по поведенію.

Безъ имени, непомнящій родства негритенокъ, рабомъ вывезенный въ Россію и взятый ко двору для «куріоза», какъ своего рода «монстръ», до каковыхъ Петръ былъ такой охотникъ, у Пушкина оказывается чистокровнымъ патриціемъ — потомкомъ какого-то невѣдомаго африканскаго владѣтельнаго князя. Далѣе у поэта идетъ такая же идеализація и личности, и карьеры, и всей судьбы и даже наружности «арапа Петра Великаго». Онъ у него «высокій, стройный», породистый денди, обладавшій «прелестью обращенія», и «не одна красавица заглядывалась на него съ чувствомъ болѣе лестнымъ, нежели простое любопытство». Петръ въ немъ души не слышалъ, «посреди обширныхъ своихъ трудовъ, не переставалъ освѣдомляться о своемъ любимцѣ» во время его ученія за границей, «снисходительствовалъ его просьбамъ» и, «крайне бережливый въ собственныхъ своихъ расходахъ, не жалѣлъ для него своей казны». Счастливецъ имѣлъ, поэтому, возможность жить баричемъ и сибаритомъ въ Парижѣ: «не пропускалъ ни одного бала, ни одного праздника, ни одного представленія, и предавался общему вихрю»... «Наружность, образованность и природный умъ Ибра-

гима (онъ тогда былъ уже Абрамомъ, но, вѣдь, Ибрагимъ звучитъ несравненно аристократичнѣе!) возбудили въ Парижѣ общее вниманіе. Всѣ дамы желали видѣть у себя le negre de Czar, ловили наперехватъ; регентъ приглашалъ его не разъ на свои веселые вечера»... Въ довершеніе блестящихъ успѣховъ и отличій плѣнительнаго Ибрагима на всѣхъ поприщахъ, поэтъ дѣлаетъ его счастливымъ героемъ очаровательнаго романа: въ него влюбляется безъ памяти великосвѣтская дама, домъ которой «былъ самый модный» и «у нея соединялось лучшее парижское общество». Это была графиня... «графиня L....» (Авторъ скроменъ: онъ знаетъ имя графини и даетъ понять, что она—лицо историческое, но онъ щадитъ ея добрую славу).

Вотъ въ какомъ поэтическомъ ореолѣ выставилъ своего прадѣда Пушкинъ, сдѣлавъ это, отчасти, разумѣется, по чувству художественной красоты, но несомнѣнно также и изъ родовой гордости, въ желаніи возвысить своего предка и сообщить ему блестящія черты подлиннаго аристократа во всѣхъ отношеніяхъ! Теперь ореолъ этотъ ощутительно тускнѣетъ передъ опубликованными достовѣрными біографическими свѣдѣніями о Ганнибалѣ. Читая, напримѣръ, разсказъ поэта о томъ, какъ Петръ, будто бы, «не жалѣлъ казны своей» для роскошной, расточительной жизни Ганнибала, и какъ послѣдній, будто бы, блисталъ въ Парижѣ, вращаясь въ высшемъ свѣтскомъ обществѣ, теперь приходится невольно улыбаться въ виду подлинныхъ писемъ Ганнибала объ этой эпохѣ его жизни. Изъ этихъ писемъ узнаемъ, что Петръ совсѣмъ забывалъ часто о существованіи своего «арапа» и назначилъ ему до крайности скудное содержаніе—всего двѣсти сорокъ французскихъ ефимковъ въ годъ, да и тѣ не всегда выплачивались аккуратно. Напрасно Ганнибалъ слезно умолялъ о прибавкѣ, «истиннымъ Богомъ» свидѣтельствуясь, что на такую мизерную сумму «въ сихъ странахъ не можно прожить». Въ Парижѣ не только сибаритствовать и блистать, но даже кормиться онъ не всегда имѣлъ возможность досыта. Въ своихъ письмахъ онъ постоянно жалуется на крайнюю «бѣдность» и проситъ «не учинить его отчаяннымъ» и не дать «пропасть въ нищетѣ». У Пушкина Ибрагимъ возвращается въ Россію «съ быстротою вѣтра», и самъ государь выѣзжаетъ встрѣчать его за 28 верстъ отъ Петербурга. На самомъ же дѣлѣ, его изъ Парижа «выгоняли» въ Россію, «какъ собаку, безъ денегъ», по его выраженію, и онъ былъ въ такомъ безпомощномъ положеніи, что собирался идти пѣшкомъ и, «ежели не достанетъ жалованья, то милостину просить дорогою». Возвратился онъ въ свитѣ князя В. Л. Долгорукаго, который очень имъ тяготился и не хотѣлъ кормить дорогою, такъ что Ганнибалъ выражалъ опасеніе, какъ бы ему «съ голоду не помереть»...

У Пушкина, въ «Арапѣ Петра Великаго», царь сватаетъ Ганнибалу знатную боярскую дочь—Наталью Гавриловну Р. Ничего этого не было, но поэтъ художественно предугадалъ въ своемъ разсказѣ дѣйствительную судьбу перваго сватовства и брака Абрама Петровича, какъ увидимъ ниже. Въ своей родословной, на основаніи семейныхъ преданій, Пушкинъ разсказываетъ другую повѣсть о первомъ бракѣ своего прадѣда. Ганнибалъ влюбился въ красавицу-гречанку и женился на ней, но, когда она родила ему бѣлую дочь, онъ воспылалъ страшной ревностью, развелся съ женою и заставилъ ее постричься въ Тихвинскомъ монастырѣ. Дочь, названную Поликсеной, онъ оставилъ при себѣ, далъ ей блестящее воспитаніе и хорошее приданое, но никогда не пускалъ къ себѣ на глаза. Повѣсть эта уже нѣсколько приближается къ правдѣ, но и въ ней много подпущено романической прикраски для приданія герою выгоднаго и интереснаго освѣщенія. Передъ нами, въ рисовкѣ Пушкина, не вульгарный рогоносецъ и ревнивецъ, а трагическая фигура огненнаго, гордаго, благородно-чувствующаго Отелло, неумолимо-мстительнаго, но и въ то же время великодушнаго.

Теперь, на основаніи документальныхъ свѣдѣній, можно признать, что Абрамъ Петровичъ въ драматической исторіи своего перваго брака точно явился истымъ мавромъ, но только не венеціанскимъ, а скорѣе замоскворѣцкимъ, изъ комедіи Островскаго. Сходствуя со своимъ землякомъ, шекспировскимъ Отелло, породою, внѣшностью и темпераментомъ, Ганнибалъ во многомъ напоминаетъ его также своей судьбой, своимъ несчастнымъ бракомъ и отношеніемъ къ женѣ: онъ точно также ревниво заподозрѣлъ жену въ невѣрности, съ такимъ же бѣшенствомъ возненавидѣлъ ее и свирѣпо отомстилъ ей за свою обиду; но за то есть между ними и коренное различіе, какъ между типомъ и его каррикатурой. Ничего демоническаго и львинаго, ничего сильнаго и трагическаго, чѣмъ отличается благородный образъ шекспировскаго мавра, мы не встрѣчаемъ въ нашемъ «арапѣ». Если онъ и Отелло, то Отелло мелкій, пошлый, циничный и малодушный въ своей безжалостной жестокости. Такіе тираны для своихъ женъ встрѣчаются среди такъ называемыхъ «самодуровъ» въ низшей купеческой и крестьянской средѣ.

У Пушкина, въ его романѣ, боярская дочь, которую насильно сватаютъ Ганнибалу, не хочетъ идти за него и питаетъ отвращеніе къ нему и къ его эѳіопскому виду; она втайнѣ любитъ другаго. И это такъ было на самомъ дѣлѣ, только съ другой героиней, чего Пушкинъ не могъ знать, такъ какъ исторія сватовства его прадѣда стала извѣстна только въ наши дни. Дѣло происходило такимъ порядкомъ.

Въ 1730 году, въ моментъ возвращенія Ганнибала изъ Сибири, жилъ въ Петербургѣ капитанъ галернаго флота Андрей Діоперъ,

судя по фамиліи, грекъ, человѣкъ незначительный и небогатый. У него были двѣ взрослыя дочери—одна замужемъ, другая дѣвица, Евдокія, которая въ это время находилась въ нѣжныхъ отношеніяхъ съ флотскимъ поручикомъ Кайсаровымъ. Ганнибалъ познакомился съ Діоперомъ и, увидѣвъ Евдокію, тотчасъ же воспылалъ къ ней страстью и сталъ просить ея руки. Молодая дѣвушка отвергла его исканіе, «понеже,—какъ говорила она,—арапъ и не нашей породы», да къ тому же сердце ея принадлежало уже другому; но ни отецъ, ни женихъ не посмотрѣли на это. Первому Ганнибалъ казался очень выгодной партіей, а самъ Ганнибалъ, очевидно, смотрѣлъ на этотъ деликатный вопросъ съ чисто-африканской точки зрѣнія. Ему дѣвица понравилась, а нравился ли онъ ей — стоило ли на это обращать вниманіе?

Насильственный бракъ состоялся въ началѣ 1731 года, но Евдокія взяла таки свое, чѣмъ могла: она до брака отдалась своему возлюбленному, Кайсарову, и тѣмъ вознаградила и себя и его за учиненное надъ ихъ сердцами тиранство. Впрочемъ, эта щекотливая подробность описываемаго романа стала извѣстна Ганнибалу только впослѣдствіи, какъ надо думать.

По этой романической подробности и по самому характеру брака, семейная драма нашего героя начинается нѣсколько иначе, чѣмъ у венеціанскаго мавра, но за то дальше между ними много сходства. Какъ и у Шекспира, нашъ Отелло сейчасъ же послѣ брака получаетъ служебное назначеніе въ другое мѣсто, куда и отправляется немедленно вмѣстѣ со своей молодой Дездемоной. Переѣхали они въ Перновъ. Кассіо съ ними не было, не было и Яго, но они скоро нашлись среди туземцевъ.

Скука маленькаго провинціальнаго городка и жизнь съ нелюбимымъ мужемъ заставили молодую женщину искать развлеченій и отвѣта своему сиротливому сердцу. Вскорѣ она остановила свое вниманіе на одномъ изъ подчиненныхъ и учениковъ своего мужа — на молодомъ кондукторѣ Шишковѣ, который слылъ перновскимъ сердцеѣдомъ. Случилось имъ разъ въ одномъ домѣ съиграть въ «короли», и начавшаяся при этомъ между ними сердечная игра вскорѣ дошла до интимнаго «любленія». «Любленіе» нашихъ Дездемоны и Кассіо, вовсе не предусмотрѣнное у Шекспира, благополучно продолжалось около года, о чемъ знала почти вся перновская публика, но не зналъ, какъ водится, самъ Отелло. Можетъ быть, онъ и дальше оставался бы въ полномъ на этотъ счетъ невѣдѣніи, если бы не нашелся коварный Яго, въ лицѣ кондуктора Кузьминскаго, раскрывшаго глаза обманутому мужу, да еще съ оговоромъ любовниковъ въ намѣреніи «окормить» его ядомъ.

Въ Абрамѣ Петровичѣ проснулся неистовый Отелло, но съ оглядкой, въ предѣлахъ формальной законности. Пылая местью къ своей Дездемонѣ и ея Кассіо, онъ началъ съ того, что подалъ на

нихъ доносъ въ перновскую канцелярію въ покушеніи на его жизнь и прелюбодѣяніи. Одновременно пустилъ онъ въ ходъ, по отношенію къ грѣшной женѣ, и домашнія мѣры на основаніи широкой супружеской власти. Плохо пришлось бѣдной Дездемонѣ! Ганнибалъ устроилъ для нея у себя въ домѣ тюрьму и держалъ взаперти, подъ крѣпкимъ карауломъ. Затѣмъ, время отъ времени, бралъ къ себѣ въ покои, гдѣ молодую женщину ждалъ домашній застѣнокъ. Въ одной изъ комнатъ были ввинчены въ стѣну желѣзныя кольца, въ которыя продѣвались руки пытаемой; ее вздергивали веревками, и она повисала всѣмъ тѣломъ, какъ на дыбѣ. Тутъ же были заготовлены и другія орудія пытки: батоги, плети, розги. Вообще, Абрамъ Петровичъ, въ своей свирѣпости, оказался очень изобрѣтательнымъ и явился для жены заправскимъ заплечнымъ мастеромъ. Онъ «билъ и мучилъ несчастную смертельными побоями необычно», въ тѣхъ видахъ, между прочимъ, чтобы принудить ее показать на судѣ, будто она, дѣйствительно, «съ кондукторомъ Шишковымъ хотѣла его, Ганнибала, отравить», ну, и—ужъ само собой разумѣется—«блудъ чинила». Если же она всего этого не покажетъ, то «грозилъ ее, Евдокію, убить». Это была уже чисто московская крючкотворная изысканость мести: заставить ненавистную жену самой, своими же руками, наложить мертвую петлю себѣ и своему любовнику на шею, оговоромъ передъ судомъ въ покушеніи на отравленіе, за что̀ слѣдовала, по тогдашнему закону, смертная казнь. И злосчастная, истерзанная перновская Дездемона, дѣйствительно, вначалѣ наклепала на себя и на Шишкова, при допросахъ въ канцеляріи, все, что только требовалъ отъ нея жестокій мужъ.

Неистовствовалъ нашъ Отелло надъ женою у себя дома слишкомъ мѣсяцъ. Наскучила ли ему роль палача, или онъ считалъ, что достигъ цѣли, т. е. погибели своихъ обидчиковъ, только на дальнѣйшее время, «пока суды кончались», несчастная женщина была заключена въ перновскую городскую тюрьму, гдѣ и просидѣла пять лѣтъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, Ганнибалъ упряталъ ее туда, чтобы развязать себѣ руки и не имѣть дома обузы и лишняго рта (онъ отличался «чрезмѣрной скупостію», по словамъ его біографа), а вовсе не оттого, чтобы онъ остылъ въ своей свирѣпой мести къ женѣ. Напротивъ, онъ нарочно оттягивалъ развязку процесса, чтобы подолѣе протомить жену въ тюрьмѣ, и морилъ ее голодомъ. Тогда казна часто не давала заключеннымъ никакого отъ себя пропитанія, предоставляя имъ кормиться, какъ сами знаютъ. Этотъ порядокъ практиковался въ перновской тюрьмѣ, и сидѣвшая въ ней Евдокія Андреевна существовала милостыней отъ доброхотныхъ дателей, а когда подачекъ не было, жестоко голодала; мужъ ни гроша не давалъ на ея содержаніе.

Въ Перновѣ Ганнибалъ былъ вліятельнымъ человѣкомъ, и потому мѣстныя судебно-административныя власти, въ рѣшеніи его дѣла съ женою, подобострастно сообразжались съ его желаніями. Хотѣлъ онъ, чтобы дѣло оттягивалось, въ безжалостномъ намѣреніи «сгноить» бѣдную женщину въ тюрмѣ,—дѣло лежало подъ сукномъ; захотѣлъ онъ поскорѣе кончить его, когда ему стало это нужно,—перновская юстиція мигомъ распорядилась, безъ проволочекъ. Въ 1736 году, она издала такую ужасную «сентенцію» въ духѣ петровскаго суроваго законодательства, но и не безъ наддачи нарочитой жестокости, надо думать, по злобному внушенію неумолимаго Ганнибала:

«Прелюбодѣицѣ (т. е. Евдокіи Андреевнѣ) учинить наказаніе—гонять по городу лозами, а, прогнавши, отослать въ Прядильный дворъ на работу вѣчно; а Ганнибалу, какъ невинному, за руками всѣхъ присутствующихъ, выдать аттестатъ».

Дѣло въ томъ, что въ это время у Абрама Петровича завелась уже другая любовь, которую онъ хотѣлъ освятить законнымъ бракомъ. На этотъ предметъ ему понадобилось порѣшить съ первой женою и имѣть въ рукахъ аттестатъ для полученія развода и свободы жениться вновь; но тутъ уже пришлось ему самому испытать тягость тогдашней «волокиты». Перновская скорая «сентенція», прежде приведенія ея въ исполненіе, пошла на утвержденіе петербургской высшей судебной власти. Евдокія Андреевна нашла случай повернуть этотъ переносъ ея дѣла въ свою пользу. По крайней мѣрѣ, добилась того, что ее избавили отъ непосредственнаго мстительнаго давленія на ея судьбу мужа. По ея ходатайству, ее перевели въ Петербургъ, гдѣ у нея были свои люди, которые могли за нее, по мѣрѣ силъ, заступиться и помочь ей. Тутъ она успѣла подать въ синодъ челобитную противъ перновскаго приговора, въ которой отвергала свои прежнія покаянныя показанія, какъ вынужденныя угрозами мужа, и выпросила себѣ даже свободу—ее отпустили на поруки.

Дѣло затянулось въ долгій ящикъ, къ великой досадѣ Ганнибала, и еще Богъ вѣсть, чѣмъ бы оно кончилось, если бы наша Дездемона поостереглась, по выходѣ изъ тюрьмы, затѣять новый романъ, имѣвшій для нея роковыя послѣдствія. Процессъ осложнился, къ невыгодѣ Абрама Петровича, тѣмъ, что онъ, не дожидаясь развода, заключилъ новый бракъ съ дочерью капитана Христиною Шебергъ и, слѣдственно, учинился двоеженомъ. Подлежащія власти не могли ему этого спустить, не смотря на то, что онъ, со вступленіемъ на престолъ Елисаветы Петровны, сильно пошелъ въ гору и сталъ важной персоной. Началось слѣдствіе объ его двоебрачіи, крайне ему непріятное; но въ это время Евдокія Андреевна изобличалась вновь и слишкомъ ужъ наглядно въ прелюбодѣяніи. Связавшись съ нѣкіимъ подмастерьемъ академіи Абумо-

вымъ, она родила дочь Агрипину (а не Поликсену, о которой говоритъ Пушкинъ по преданію, совершенно, притомъ, извратившему время и обстоятельства рожденія этого ребенка). Ганнибалъ, зорко слѣдившій за ея поведеніемъ, ухватился за эту крикливую улику и, подкрѣпивъ ею свой искъ, подвинулъ дѣло къ развязкѣ.

Въ 1753 году состоялось окончательное рѣшеніе этой тяжбы, тянувшейся, значитъ, слишкомъ двадцать лѣтъ. Консисторія присудила развести Ганнибала съ Евдокіей Андреевной, а ее, какъ виновную въ оскверненіи брачнаго ложа, подвергнуть эпитиміи и заключенію въ монастырѣ. Въ 1754 году она была отвезена въ новгородскую епархію, посажена въ женскій монастырь, гдѣ невдолгѣ и кончила свою несчастливую, испорченную насильственнымъ бракомъ, жизнь.

III.

О. А. Ганнибалъ и его первая женитьба.

Дѣвица Шебергъ или Шельбергъ (у Пушкина она названа фонъ-Шеберхъ и, по всѣмъ вѣроятіямъ, фонъ подбавлено самимъ поэтомъ) была плѣнена Абрамомъ Петровичемъ Ганнибаломъ вскорѣ послѣ того, какъ онъ открылъ невѣрность своей первой жены и засадилъ ее въ тюрьму. Христина была сирота, и невѣдомо, какъ и чѣмъ существовала въ Перновѣ. По сердечному ли влеченію къ Ганнибалу, не взирая на его эфіопскій видъ, или изъ какихъ нибудь разсчетовъ, если не просто такъ, что весьма нерѣдко бываетъ съ прекраснымъ поломъ, отдалась она Ганнибалу,—мы не знаемъ; только оказалась она, видно, очень добронравной, домовитой и обстоятельной подругой жизни, какими зачастую бываютъ честныя нѣмки. Объ этомъ можно заключить изъ того, что Абрамъ Петровичъ, проживъ съ нею нѣсколько лѣтъ, счелъ за благо скрѣпить съ нею связь законнымъ бракомъ, и такъ настойчиво, что не задумался даже пойдти противъ закона и учиниться виновнымъ въ двоебрачіи. Разумѣется, онъ не сдѣлалъ бы этого, если бы не питалъ горячей привязанности къ Христинѣ и не дорожилъ союзомъ съ нею, въ которомъ находилъ семейное счастье.

Они повѣнчались въ Ревелѣ въ 1736 году, но бракъ этотъ, признававшійся незаконнымъ, былъ утвержденъ только въ 1753 году, къ тому же, съ наложеніемъ эпитиміи и денежнаго штрафа на Ганнибала за преждевременность его заключенія. Къ этому времени Христина народила Абраму Петровичу «множество черныхъ дѣтей обоего пола»,—какъ говоритъ Пушкинъ. Дѣйствительно, уже въ 1746 году у нихъ было пять человѣкъ дѣтей и впослѣдствіи, вѣроятно, число ихъ прибавилось. Свѣдѣнія имѣются о шестерыхъ дѣтяхъ Ганнибала: четырехъ сыновьяхъ и двухъ дочеряхъ. Всѣ

сыновья пережили отца, скончавшагося въ глубокой старости. Изъ нихъ наиболѣе извѣстенъ старшій, Иванъ (род. 1735 г.), чесменскій герой, позднѣе командиръ черноморскаго флота, строитель Херсона, генералъ-лейтенантъ, пользовавшійся благоволеніемъ Екатерины.

Что касается нашего героя, Осипа Абрамовича, то онъ былъ въ семьѣ третьимъ по старшинству. Родился онъ въ 1742 году и, какъ разсказываетъ Пушкинъ, былъ названъ первоначально Януаріемъ, но мать «не согласилась звать его этимъ именемъ, труднымъ для ея нѣмецкаго произношенія», и его переименовали въ Осипа. Гдѣ получилъ онъ воспитаніе,—неизвѣстно, но, судя по тому, что онъ былъ артиллеристомъ, слѣдуетъ полагать, что ему дано было спеціальное военное образованіе, вѣроятно, подъ непосредственнымъ руководствомъ отца, компетентнаго по этой части педагога. Службу началъ Осипъ Абрамовичъ рано и успѣшно, благодаря протекціямъ отца, конечно. Въ двадцать лѣтъ онъ уже былъ поручикомъ, но въ то время, какъ старшіе братья его дослужились до высокихъ генеральскихъ чиновъ, онъ кончилъ капитаномъ втораго ранга. Хмыровъ говоритъ, что онъ сперва служилъ «недолго въ артиллеріи, потомъ во флотѣ». Изъ находящихся же въ нашихъ рукахъ документовъ видно, что Ганнибалъ числился и въ концѣ своей служебной карьеры по морской артиллеріи; слѣдовательно, Хмыровъ или ошибается, говоря о перемѣнѣ «рода оружія» въ службѣ нашего героя, или разумѣетъ только переходъ его изъ сухопутной службы въ морскую, но такъ ли это было, — невѣдомо.

Есть основанія думать, что Осипъ Абрамовичъ смолоду, поддаваясь своему пылкому, безпокойному темпераменту, не отличался степенностью и велъ бурную жизнь среди всякихъ увлеченій и излишествъ, не всегда извинительныхъ. Намъ извѣстно, что суровый, требовательный и скупой отецъ его былъ недоволенъ образомъ его жизни и донималъ родительскими репрессаліями. Пушкинъ говоритъ, что дѣдъ его попалъ въ опалу у своего отца за женитьбу противъ родительской воли; это же утверждалъ и самъ Осипъ Абрамовичъ во время своей тяжбы съ женою, въ отпоръ на ея показаніе, что онъ не пользовался доброй репутаціей у отца; но, кажется, это было не совсѣмъ такъ.

Жена Ганнибала, Марья Алексѣевна, урожденная Пушкина, въ своей жалобѣ на мужа писала, что онъ за «невоздержность» (то есть расточительность) и «за худое поведеніе находился подъ гнѣвомъ у отца своего, который не токмо, чтобъ давать ему на содержаніе,—запретилъ ему себя видѣть». Она даетъ понять, что такія непріятныя отношенія между отцомъ и сыномъ существовали еще до выхода ея замужъ за послѣдняго, о чемъ она узнала, и очевидно — съ неудовольствіемъ, только послѣ свадьбы.

«Правда,— возражалъ на это Осипъ Абрамовичъ, —что отецъ мой на меня гнѣвался, но единственно за то, что я, будучи въ отдаленіи, безъ воли его женился, и какъ скоро узналъ о неудачной женитьбѣ моей, то гнѣвъ его премѣнился въ сродное отцу о несчастномъ сынѣ сожалѣніе, какъ то явствуетъ изъ того, что онъ и прежде и послѣ отставки моей дозволилъ мнѣ жить у себя вмѣстѣ съ женою, чего бы ему никакъ дозволять не слѣдовало, если бы показаніе противниковъ (т. е. жены и ея сторонниковъ) было справедливо».

Аргументація неособенно сильная со стороны логики, съ которой Осипъ Абрамовичъ, какъ увидимъ, вообще обращался весьма непринужденно въ своемъ процессѣ. съ женою. Мы имѣемъ основанія какъ здѣсь, такъ и въ другихъ случаяхъ больше довѣрять Марьѣ Алексѣевнѣ, особенно въ виду того вѣскаго обстоятельства, что въ ея распрѣ съ мужемъ старшій братъ послѣдняго, Иванъ Абрамовичъ, человѣкъ авторитетный и пользовавшійся общимъ уваженіемъ, рѣшительно принялъ сторону невѣстки. Въ нашемъ матеріалѣ есть его письма, прямо и косвенно подтверждающія указанія Марьи Алексѣевны на безпорядочность и неразсудительность ея мужа. Послѣ долгихъ и тщетныхъ, родственныхъ и «дружескихъ» стараній убѣдить Осипа Абрамовича покончить безобидно дѣло съ женою, Иванъ Абрамовичъ «съ огорченіемъ» вынужденъ былъ сознаться въ письмѣ къ Турчанинову, что никакъ не могъ привести брата «на мысль означающаго человѣка здраваго и безпристрастнаго разсудка». Далѣе онъ выражаетъ опасеніе, какъ бы братъ его, въ «ослѣпленіи», не пришелъ къ «пущему раззоренію», и взываетъ къ закону, чтобы онъ оградилъ безумца отъ такого несчастья. Что Осипъ Абрамовичъ, дѣйствительно, былъ неразсчетливый мотъ, доказывается тѣмъ еще, что онъ въ первый же годъ, послѣ женитьбы на Пушкиной, растранжирилъ ея приданое, да, повидимому, такъ же распорядился и съ приданымъ своей второй жены, судя по ея показаніямъ во время процесса, и сверхъ того, получивъ наслѣдство отъ отца, очень скоро заложилъ его въ банкѣ.

Уже одного этого качества въ молодомъ человѣкѣ было довольно, чтобы попасть въ немилость у такого скупаго и крутаго отца, какимъ былъ старикъ Ганнибалъ. Расточительность же, по естественному порядку, сама по себѣ, въ большинствѣ случаевъ есть несомнѣнный признакъ «худаго поведенія». Эти данныя заставляютъ думать, что Осипъ Абрамовичъ попалъ подъ гнѣвъ отца независимо отъ своей женитьбы и что старикъ Ганнибалъ перемѣнилъ гнѣвъ на милость вовсе не потому, что женитьба сына оказалась неудачной. Напротивъ, скорѣе слѣдуетъ предположить, что женитьба-то и послужила къ ихъ примиренію, хотя и не весьма прочному.

И въ самомъ дѣлѣ, если Абрамъ Петровичъ, по первому извѣстію о бракѣ сына безъ его родительскаго благословенія, могъ, зная его взбалмошность, почувствовать неудовольствіе и счесть шагъ сына безразсуднымъ, то впослѣдствіи, узнавъ, кто его невѣстка, какого дома и положенія, долженъ былъ признать этотъ бракъ вполнѣ удачнымъ. Марья Алексѣевна Пушкина, представительница стариннаго дворянскаго рода, дочь воеводы, дѣвушка воспитанная, съ безупречной репутаціей и съ хорошимъ приданымъ, могла считаться очень приличной и выгодной партіей на самыя взыскательныя требованія. Если бы шла рѣчь, при ея бракѣ съ Осипомъ Абрамовичемъ, кто кому — Ганнибалы ли Пушкинымъ, или обратно — дѣлаютъ честь заключеніемъ между собою родства, то нѣтъ сомнѣнія, что на вѣсахъ родовой почетности преимущество Пушкиныхъ перевѣсило бы.

Пушкинъ въ своей «родословной» разсказываетъ, что, спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ брака, неугоднаго будто бы старому Ганнибалу, Осипъ Абрамовичъ и Марья Алексѣевна явились къ нему «на колѣняхъ просить прощенія», причемъ старикъ очень черство отнесся къ молодой невѣсткѣ. Самъ Осипъ Абрамовичъ впослѣдствіи утверждалъ, что онъ, якобы, желая исправить поведеніе своей жены, «едва могъ уговорить ее ѣхать жить въ мызу Суйду», къ отцу его, и «предварительно просилъ письмомъ» послѣдняго «о родительскомъ ея принятіи въ свое благоволеніе». Самъ же онъ прибылъ туда вслѣдъ за нею только черезъ три мѣсяца. Марья Алексѣевна же разсказываетъ объ этой поѣздкѣ совершенно иначе: послѣ замужества, она одна ѣздила къ старику Ганнибалу, съ цѣлью помирить его съ сыномъ, попавшимъ подъ отцовскій гнѣвъ, но не за женитьбу, а лишь за «худое поведеніе». И ходатайство молодой женщины увѣнчалось полнымъ успѣхомъ, чего могло бы не случиться, если бъ старикъ былъ предубѣжденъ противъ нея и противъ ея союза съ сыномъ. «Я, — пишетъ она, — испросила у отца мужа моего ему прощеніе и позволеніе къ нему пріѣхать».

Осипъ Абрамовичъ не замедлилъ воспользоваться этимъ прощеніемъ изъ чувства сыновней любви, а еще болѣе, можетъ быть, изъ разсчета—получить отъ отца «содержаніе», котораго онъ былъ лишенъ и которое было ему необходимо, такъ какъ въ это время онъ нуждался въ средствахъ и, «по невоздержности» своей, имѣлъ долги. Молодые пріѣхали къ старому Ганнибалу и поселились у него на мызѣ Суйдѣ, близь Петербурга, но миръ и любовь длились между отцомъ и сыномъ недолго. Въ нарушеніи ихъ Марья Алексѣевна безусловно обвиняетъ мужа, котораго она считала, повидимому, неисправимымъ, и едва ли не съ первыхъ дней замужества чувствовала недовольство имъ, на что̀, какъ увидимъ, имѣла свои основанія. Правда, и онъ, съ своей стороны, жестоко на нее

жаловался, но неубѣдительно, съ явными натяжками, внушенными, очевидно, озлобленіемъ въ пылу сутяжнической борьбы.

Поселившись у строгаго и взыскательнаго родителя, Осипъ Абрамовичъ присмирѣлъ, но,—со скорбію повѣствуетъ его жена,— «недолгое время жилъ онъ въ порядкѣ». Темпераментъ и привычки къ разсѣянной, разгульной жизни, видно, взяли свое. Соскучившись деревенской идилліей на глазахъ у ворчливаго отца, сталъ онъ, «слѣдуя дурнымъ своимъ склонностямъ», — продолжаетъ Марья Алексѣевна, — «заслуживать гнѣвъ родительской и, чтобъ онаго избавиться, бѣжалъ изъ дому, оставя къ отцу своему письмо, что онъ навѣки отъ него скрылся»...

Мелодраматическій моментъ этотъ былъ началомъ скандалёзнаго супружескаго разлада между Осипомъ Абрамовичемъ и Марьей Алексѣевной, который, какъ надо думать, давно уже тлѣлъ между ними и окончательно назрѣлъ подъ родительской кровлей, среди тоски и пустоты деревенскаго житья.

Мы не знаемъ, гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ они встрѣтились и какъ начался ихъ романъ, столь несчастливо потомъ окончившійся? Слѣдуетъ, впрочемъ, полагать, что браку ихъ предшествовала любовь—та легкая, быстро воспламеняющаяся и такъ же быстро остывающая паркетная любовь, возникшая втеченіе котильона, которая въ тѣ веселыя и беззаботныя времена считалась вполнѣ достаточной для безотлагательнаго заключенія «вѣчнаго» союза, если къ тому не представлялось стороннихъ препятствій.

Осипъ Абрамовичъ въ моментъ первой своей женитьбы былъ еще человѣкъ молодой. Ему тогда могло быть около тридцати лѣтъ и, надо думать, онъ обладалъ нѣкоторой внѣшней привлекательностью столичнаго щеголя и любезника, въ извѣстной степени неотразимою, особенно для провинціальной дѣвицы, какою была Пушкина. Что Ганнибалъ, дѣйствительно, могъ нравиться женщинамъ и даже привязывать ихъ къ себѣ, видно, между прочимъ, изъ отношеній къ нему второй его, незаконной жены, о чемъ скажемъ ниже. Да и первая его жена вначалѣ, несомнѣнно, питала къ нему горячую привязанность, какъ можно заключить изъ того, что она не задумалась отдать въ полное его распоряженіе свое приданное имѣніе и согласилась даже на продажу его для покрытія долговъ мужа.

Бракъ Осипа Абрамовича съ Марьей Алексѣевной состоялся въ 1772 году гдѣ-то въ провинціи, можетъ быть, въ Тамбовѣ, такъ какъ она была дочь тамбовскаго воеводы, и отецъ ея въ это время еще былъ живъ. Впрочемъ, вскорѣ послѣ свадьбы они пребывали въ Муромѣ. Какая надобность — служебная или частная — привела Ганнибала въ эти края, гдѣ ему суждено было жениться,— неизвѣстно.

Въ своей жалобѣ, впослѣдствіи, Марья Алексѣевна сообщала, что она, «будучи съ мужемъ въ Муромѣ», «принужденною нашлась» для погашенія его долговъ «продать приданную свою деревню въ Ярославскомъ уѣздѣ», въ которой считалось тридцать семь душъ. Потомъ, во время разлада съ мужемъ, Марья Алексѣевна требовала съ него возмездія за эту потерю, но безуспѣшно, не вслѣдствіе, впрочемъ, возраженій Осипа Абрамовича, будто бы она сама, «по неблагоразсудному произволенію», начала «расточать» свое имѣніе на личныя «прихоти». Причина тутъ была процессуальная.

Прожили супруги, если неособенно ладно, то, по крайней мѣрѣ, безъ явнаго и рѣшительнаго разрыва, большею частью, вмѣстѣ, около четырехъ лѣтъ. По вычисленію Осипа Абрамовича, жена прожила съ нимъ со свадьбы «добропорядочно» всего годъ и пять мѣсяцевъ. Марья Алексѣевна, съ своей стороны, не дала на этотъ счетъ свѣдѣній, сколько именно времени была она счастлива замужемъ. Втеченіе ихъ совмѣстнаго сожительства у нихъ родилась дочь, Надежда, будущая мать великаго русскаго поэта. Неизвѣстно, гдѣ она родилась, но она была уже на свѣтѣ, когда ея родители переѣхали въ Петербургъ и жили въ Суйдѣ, въ домѣ Абрама Петровича.

IV.

Разъѣхались!

Разводъ и двоеженство О. А. Ганнибала имѣютъ, кромѣ частнаго, эпизодическаго, еще общее значеніе для характеристики нравовъ второй половины прошлаго столѣтія. Извѣстно, что нравы у насъ въ тѣ времена далеко не отличались строгостью и чистотой, особенно, что касалось супружескихъ и семейныхъ отношеній. Обѣтъ вѣрности нарушался сплошь и рядомъ свѣтскими мужьями и женами безъ всякаго зазрѣнія совѣсти. Напротивъ, адюльтеромъ тщеславились; не только мужчины, но и дамы, по словамъ наблюдательнаго Белькура, «старались оглашать свои любовныя похожденія», и всѣ говорили открыто, что такая-то живетъ съ такимъ-то, а такой-то съ такою-то. Это было въ модѣ. Свѣтскіе супруги, не сговариваясь, усердно поддерживали, какъ говоритъ Державинъ, «искусство давать другъ другу свободу», т. е. свободу развратничать, и это никого не возмущало.

Благодаря такой распутной легкости нравовъ, семейное начало пришло въ крайній упадокъ. Бракъ не уважался, и налагаемыя имъ обязательства считались пустой внѣшней формальностью, которую никто не стѣснялся нарушать по первому капризу. Вслѣдствіе этого,—какъ говоритъ Болотовъ,—«самовольные разводы, браки на близкихъ родственницахъ, также отъ живыхъ мужей и женъ

были весьма обыкновенны». Еще болѣе обыкновенны были случаи, что неполадившіе супруги «разъѣзжались», предоставляя другъ другу жить какъ и съ кѣмъ угодно. Скандалёзная хроника екатерининскаго общества чрезвычайно богата подобными фактами. Такъ называемые», «соломенные» вдовцы и вдовы отъ живыхъ женъ и мужей встрѣчались во множествѣ среди избраннаго, великосвѣтскаго общества. Это была естественная реакція суровому допетровскому супружескому режиму, обусловленному рабствомъ и теремнымъ затворничествомъ женщины, а вмѣстѣ съ тѣмъ стѣсненіемъ свободнаго выбора, по сердцу, суженыхъ при заключеніи браковъ.

Какъ легко и беззаботно относились свѣтскіе супруги того времени къ связывавшимъ ихъ брачнымъ узамъ, можетъ служить примѣромъ исторія разлуки нашихъ героевъ.

О. А. Ганнибалъ, какъ мы видѣли, не поладивъ съ отцомъ, внезапно бѣжалъ изъ Суйды и написалъ ему, что «навѣки отъ него скрылся». «Скрылся» онъ, при этомъ, и отъ жены и отъ единоутробной дочки, и ужъ, дѣйствительно, скрылся навѣки для нихъ. Марья Алексѣевна, повидимому, вовсе не была предупреждена на этотъ счетъ со стороны мужа и долго не знала, куда онъ бѣжалъ и съ какими намѣреніями. Такъ, по крайней мѣрѣ, увѣряла она впослѣдствіи; да едва ли и самъ Осипъ Абрамовичъ имѣлъ тогда какой нибудь опредѣленный, основанный на твердомъ рѣшеніи, планъ относительно этого предмета. Ему просто наскучила уединенная и монотонная жизнь на мызѣ, въ обществѣ со взыскательнымъ, ворчливымъ отцомъ и съ постылой женою. Пылкій и легкомысленный, онъ, вѣроятно, послѣ какой нибудь непріятной домашней сцены, въ конецъ истощившей его терпѣніе, взялъ шапку и — былъ таковъ. При этомъ, ему захотѣлось розыграть роль несчастной жертвы гоненія, оправдать свое бѣгство и возбудить въ родительскомъ сердцѣ отца чувство жалости къ себѣ и раскаянія за жестокость. Отсюда этотъ мелодраматическій тонъ письма, это, исполненное отчаянія, «послѣднее прости», съ выраженіемъ рѣшимости «навѣки скрыться», которую можно, вѣдь, и такъ понять, что несчастливецъ, чего добраго, наложитъ на себя руки и скроется въ нѣдрахъ сырой земли.

На самомъ дѣлѣ, Осипъ Абрамовичъ вовсе не былъ такъ трагически настроенъ. «Скрылся» онъ очень недалеко, и не съ тѣмъ, чтобы укоротить свое злополучное существованіе, да, кажется, слишкомъ тщательно заметать за собой слѣды; въ опасеніи погони и поисковъ встревоженныхъ его бѣгствомъ отца и жены, ему не настояло надобности, если бы даже онъ и серьёзно рѣшился «навѣки скрыться». Никто за нимъ не гнался, никто не сожалѣлъ особенно объ его скоропостижномъ исчезновеніи изъ-подъ роднаго крова. Правда, Марья Алексѣевна утверждала потомъ, будто бы

она «употребляла всѣ способы узнать, куда скрылся» ея мужъ, а, узнавши, наконецъ, писала ему, «чтобы онъ взялъ ее къ себѣ», но такъ ли это было, — очень сомнительно. Говорилось это уже въ оффиціальной жалобѣ и въ видахъ просительницы было елико возможно усугубить доводы въ свою пользу и въ обвиненіе мужа для оправданія состоявшагося расторженія ихъ брака. Есть основанія думать напротивъ, что Марья Алексѣевна очень мало была опечалена бѣгствомъ мужа и неособенно хлопотала о возвращеніи его въ свои объятія.

Начать съ того, что вовсе не настояло надобности ни въ какихъ чрезвычайныхъ «способахъ» для его отысканія. Влекомый, якобы, трагическимъ рѣшеніемъ «скрыться навѣки», Ганнибалъ бѣжалъ не далѣе, какъ въ Красное Село, гдѣ и нашелъ гостепріимное убѣжище у пріятеля своего и зятя, тамошняго управителя, маіора Маза. За всѣмъ тѣмъ, онъ категорически отрицалъ самый фактъ бѣгства своего и укрывательства и, сознаваясь, что, точно, отлучился изъ родительской мызы, оставивъ тамъ жену, утверждалъ, что вовсе не дѣлалъ изъ этого тайны. По его увѣренію, все это произошло совсѣмъ наоборотъ: не онъ де разлучился съ женою и уклонился отъ сожительства съ нею, а она его бросила. Ему это нужно было доказывать для оправданія и себя въ этой исторіи, какъ несчастнаго, обманутаго и оставленнаго распутной женою мужа, и своего втораго брака, происшедшаго потому, будто бы, что первая его жена не только безъ вѣсти пропала, но и прослыла де умершей. Все это, безъ сомнѣнія, была крючкотворная натяжка сутяжническаго изобрѣтенія, но, во всякомъ случаѣ, очень трудно теперь добраться въ этомъ дѣлѣ полной ясности и истины. Вѣроятно, кое-что было и не лишенное, хотя бы отдаленнаго, основанія въ ябедахъ Ганнибала на жену.

А ябеды эти отличались безпощадной рѣзкостью и грубостью. Вотъ, напримѣръ, въ какихъ краскахъ изображалъ Осипъ Абрамовичъ личность своей жены и ея поведеніе въ аппеляціонной челобитной въ святѣйшій синодъ.

«Женившись, — писалъ онъ, — уговорилъ я мою жену ѣхать въ Суйду къ отцу моему, желая чрезъ то пресѣчь начатые ею, спустя нарочитое время послѣ свадьбы, развратные поступки, куда и самъ потомъ прибылъ. Здѣсь, нашедъ ее еще въ худшемъ противъ меня расположеніи, уѣхалъ съ нею жить въ Петербургъ, избавляя престарѣлыхъ родителей моихъ отъ безпокойнаго ея нраву. Въ Петербургѣ слюбилась она съ артиллеріи поручикомъ Карломъ Трансеемъ, котораго я самъ заставалъ съ нею наединѣ въ спальнѣ, въ одной только рубашкѣ. Закрывая оное безчестіе для фамиліи моей, взялъ я отставку и поѣхалъ паки съ нею (т. е. съ женою) жить въ Суйду, надѣяся, что она, удаленная отъ городскихъ прелестей, исправится, имѣя примѣръ и наставленіе почтенныхъ моихъ ро-

дителей, на которые она, однако, отвѣтствовала имъ несказанной грубостью, а мнѣ дѣлала безпрестанно несносныя досады, отчего, напослѣдокъ, занемогши, за неимѣніемъ лекаря въ Суйдѣ, поѣхалъ въ Красное Село для излеченія, сказавъ о томъ прежде родителямъ и женѣ моей. Она же, на другой день, выпросивъ у отца моего денегъ и взявъ свое и мое имѣніе, кромѣ одной малолѣтней дочери, жить въ Петербургъ уѣхала».

Далѣе онъ разсказывалъ, что жена прислала ему изъ Петербурга, засвидѣтельствованный ея братомъ, «отзывъ, что она жить съ нимъ болѣе не желаетъ и разстается навѣки (sic!), не требуя ничего на свое содержаніе». По словамъ Ганнибала, Марья Алексѣевна прожила въ Петербургѣ, послѣ разъѣзда съ мужемъ, три мѣсяца, а потомъ, вдругъ, «скрылась неизвѣстно куда». Онъ ее не искалъ и не звалъ къ себѣ,—это вполнѣ достовѣрно. Во время процесса оправдывался онъ тѣмъ, что все это время былъ, будто бы, боленъ, да, къ тому же, «крайній сей жены моей поступокъ,—какъ выразился онъ во всеподданнѣйшемъ прошеніи,—не обѣщалъ мнѣ никакой надежды на ея поправленіе». «По выздоровленіи своемъ, уѣхалъ я,—продолжаетъ онъ,—во Псковъ къ должности своей, которую исправлялъ болѣе трехъ годовъ, не имѣя никакого извѣстія о женѣ моей».

Совсѣмъ иначе описывала этотъ моментъ своего несчастливаго супружества Марья Алексѣевна.

Разсказавъ о томъ, какъ мужъ ее бросилъ и отказался взять къ себѣ, она продолжаетъ свою жалобу въ такихъ выраженіяхъ: «Издержавъ для заплаты долговъ мужа моего все мое движимое и недвижимое имѣніе, будучи я такъ нагло покинута съ малолѣтнею дочерью и оставшись безъ всякаго пропитанія, принуждена была ѣхать въ деревню къ родителю моему, который, увидѣвъ меня въ такомъ бѣдственномъ состояніи, получилъ параличъ, отъ которой болѣзни и скончался»...

Такимъ образомъ, обѣ стороны истощались во взаимныхъ обвиненіяхъ, относительно ихъ семейнаго разстройства, и ни одна не хотѣла признать за собою хотя часть вины въ этомъ грѣхѣ. Обѣ сводили это разстройство къ одной и той же главной, якобы, причинѣ, что противная сторона, внезапно оставя семейный очагъ, «навѣки» сбѣжала невѣдомо куда и тѣмъ самымъ, естественно, нарушила священныя брачныя узы. Выходило такъ, по объясненіямъ разъѣхавшихся супруговъ, что, если бы не произошло этихъ отлучекъ, то бракъ ихъ, хотя и омрачаемый съ обѣихъ сторонъ «развратными поступками» и «худымъ поведеніемъ», остался бы неразорваннымъ. Мужъ утверждалъ, что, какъ ни распутна и ни строптива жена его, но онъ бы и не подумалъ разрывать съ нею, если бы она сама не устранилась отъ исполненія брачныхъ обязанностей; жена, въ свою очередь, утверждала то же самое о мужѣ.

Несомнѣнно, что въ данномъ случаѣ это была обоюдная ложь, пущенная въ ходъ передъ лицомъ суда, во вниманіе къ суровому требованію закона, не допускающаго развода на томъ только основаніи, что данный бракъ оказался неудачнымъ и супругамъ взаимно стало не въ моготу жить вмѣстѣ, въ мирѣ и любви. Но въ разбираемомъ нами дѣлѣ есть документы, откровенно, безъ казуистики, констатирующіе сознательное рѣшеніе нашихъ героевъ разъѣхаться и объясняющіе отчасти истинные поводы такого рѣшенія.

Рѣчь идетъ о заключительныхъ письмахъ супруговъ, въ которыхъ они, съ горечью и ѣдкостью людей, другъ въ другѣ жестоко разочарованныхъ, взаимно освобождаютъ одинъ другаго отъ всякихъ обязательствъ. Начало было сдѣлано Марьей Алексѣевной, и это имѣло для нея невыгодныя послѣдствія. Она первая послала мужу, — какъ онъ называетъ этотъ документъ въ своей челобитной, — «отзывъ» въ указанномъ смыслѣ и, надо думать, не разъ потомъ раскаявалась въ поспѣшности и необдуманности этого шага, сдѣланнаго ею по чужому и, можетъ быть, недоброжелательному совѣту. Хотя Осипъ Абрамовичъ отвѣтилъ женѣ равнозначущимъ документомъ, тѣмъ не менѣе, когда у него началась съ нею тяжба, онъ мастерски воспользовался ея «отзывомъ», какъ оружіемъ для защиты и нападенія. Положимъ, онъ его не защитилъ и не оправдалъ, но за то, благодаря этой предательской бумажкѣ, прямо изобличавшей Марью Алексѣевну въ иниціативѣ внѣзаконнаго расторженія брака и оставленіи брачнаго ложа, она выиграла свой искъ только на половину.

«Государь мой Осипъ Абрамовичъ! — писала она. — Несчастливыя какъ мои, такъ и ваши обстоятельствы принудили меня симъ съ вами изъясниться: когда уже нелюбовь ваша ко мнѣ такъ увеличилась, что вы жить со мною не желаете, то уже я рѣшилась болѣе вамъ своею особою тягости вамъ не дѣлать, а разстаться навѣкъ и васъ оставить отъ моихъ претензій во всемъ свободна, только съ тѣмъ, чтобы дочь наша мнѣ отдана была, дабы воспитаніе сего младенца было подъ присмотромъ моимъ. Что жъ касается до содержанія какъ для нашей дочери, такъ и для меня — отъ васъ и отъ наслѣдниковъ вашихъ ничего никакъ требовать не буду, и съ тѣмъ остаюсь съ достойнымъ для васъ почтеніемъ ваша, государь мой, покорная услужница Марья Ганнибалова».

Ниже документъ засвидѣтельствованъ и скрѣпленъ такою помѣткой:

«Во увѣреніе сего и что оное письмо подписано рукою сестры моей родной—подписуюсь ординскаго кирасирскаго полку подполковникъ Михайло Пушкинъ».

Нетрудно понять, какое серьёзное, въ процессуальномъ отношеніи, значеніе должно было получить это письмо въ рукахъ Ганнибала во время его тяжбы съ женою. Здѣсь было на-лицо, во-пер-

выхъ, «оказательство» желанія развода со стороны Марьи Алексѣевны и, во-вторыхъ, категорическій отказъ ея заранѣе отъ всякаго матеріальнаго возмездія, какое ей могло бы слѣдовать отъ мужа и отца ея дочери, по закону, начиная съ возврата ея приданаго. Такъ, въ значительной части, и оцѣнилъ судъ этотъ документъ при разборѣ тяжбы нашихъ героевъ, благодаря, главнымъ образомъ, настойчивой ссылкѣ на него Осипа Абрамовича, тогда какъ Марья Алексѣевна, понятно, совершенно обходила его въ своихъ прошеніяхъ и очень рада была бы, если бы онъ и вовсе не существовалъ. При дознаніи, чѣмъ руководилась она, посылая мужу свой «отзывъ», она отвѣтила такъ:

Когда на просьбу, чтобы мужъ ее взялъ къ себѣ, она «въ отвѣтъ отъ него получила письмо ругательное, въ которомъ, именно, запрещаетъ ей къ себѣ пріѣзжать и что онъ съ нею жить навѣки не хочетъ, то она, по совѣту зятя его, Ганнибала, г. генералъ-маіора Неелова, таковое письмо къ нему, Ганнибалу, написала, что она отъ всѣхъ претензій его освобождаетъ», и т. д.

Объясненіе явно неудовлетворительное и со стороны логики, и съ юридической стороны. Вѣрнѣе допустить, что Марья Алексѣевна, разочаровавшись въ мужѣ и совершенно охладѣвъ къ нему, вовсе не желала, чтобы онъ взялъ ее къ себѣ, а, напротивъ, рада была отвязаться отъ него и спѣшила воспользоваться удобнымъ для того случаемъ. Молодой женщинѣ, мало еще пожившей, хотѣлось, очевидно, имѣть полную свободу и, чтобы оградить себя на этотъ счетъ отъ какихъ нибудь тираннических покушеній взбалмошнаго мужа, она старалась подкупить его заранѣе отказомъ отъ всякихъ правъ на имущественное возмездіе съ его стороны. — «Пользуйся, молъ, моимъ добромъ, да только отвяжись!» — какъ бы хотѣла она сказать въ своемъ письмѣ, очень легкомысленномъ съ дѣловой, практической точки зрѣнія. Такъ могла написать сгоряча женщина молодая и неопытная, и это вполнѣ понятно; но, если точно письмо было написано съ совѣта генерала Неелова, человѣка зрѣлаго и, вѣроятно, знавшаго значеніе написаннаго перомъ въ данномъ случаѣ, то, имѣя въ виду его родство съ Ганнибалами, является подозрѣніе, не крылось ли въ его совѣтѣ дальновидное коварство порадѣть родному человѣчку на счетъ простодушія соломенной вдовы? Впрочемъ, подозрѣніе это значительно ослабляется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ этомъ дѣлѣ равное участіе принималъ, вѣдь, и родной братъ нашей героини, подполковникъ Пушкинъ, удостовѣрившій ея «отзывъ» своей подписью: не могъ же и онъ сознательно вредить сестрѣ?

Кажется, мы имѣемъ право видѣть въ этихъ взаимныхъ супружескихъ «отпускныхъ» и освобожденіяхъ отъ брачныхъ обязательствъ утвердившійся въ то время среди интеллигенціи общепринятый обычай внѣзаконнаго развода, по обоюдному письменному

договору, въ случаяхъ, когда у супруговъ происходилъ совершенный разладъ. Обычай этотъ могъ естественно возникнуть, вслѣдствіе распространившихся въ тѣ дни — на что̀ мы указывали — легкости нравовъ, ослабленія семейныхъ узъ, эмансипаціи женщинъ и, въ результатѣ всего этого, открытыхъ нарушеній брачнаго договора. Договоръ этотъ былъ попранъ въ принципѣ, всѣми пренебрегался, сплошь и рядомъ мужья и жены разлучались тайно и явно, и это стало въ такой степени повседневнымъ явленіемъ, что житейская практика должна была выработать для этого какую нибудь формулу въ духѣ обычнаго права. Формула такая была необходима, такъ какъ дѣйствующее законодательство отрицало свободный разводъ и, допуская его въ видѣ исключеній, дѣлало его чрезвычайно труднымъ. И вотъ, въ обходъ несговорчиваго закона, разъѣзжающіеся супруги стали совершать партикулярный разводъ, на основаніи взаимныхъ письменныхъ «отпускныхъ», въ чертѣ домашняго договора.

Этимъ-то, по всѣмъ вѣроятіямъ, и слѣдуетъ объяснить иниціативу и появленіе «отзыва» Марьи Алексѣевны. Она это сдѣлала потому, что такъ поступали въ ея положеніи другіе, что это было «принято», и въ такомъ смыслѣ ей давали совѣты люди опытные. Оставалось, для заключенія частнаго развода по всей формѣ, получить и отъ мужа соотвѣтствующаго содержанія «отпускную». Осипъ Абрамовичъ не заставилъ себя долго ждать.

Марья Алексѣевна послала ему свой «отзывъ» 18-го мая; онъ отвѣтилъ ей 29-го мая. Дѣло происходило въ 1776 году.

Несомнѣнно, обрадованный безкорыстіемъ жены и ея непретенціозностью во всѣхъ отношеніяхъ, Ганнибалъ въ своемъ отвѣтѣ сперва повторяетъ понравившіяся ему мѣста ея письма, какъ бы подчеркивая ихъ («помни де, что ты сказала!»), а затѣмъ уже даетъ и ей, съ своей стороны, отпускъ въ такой формѣ: «Я издавна уже оное ваше желаніе и нелюбовь ко мнѣ чувствительно предвидѣлъ, и увеличившіеся ваши, въ досажденіе мое, несносные для меня поступки и понынѣ отъ васъ носилъ съ крайнимъ оскорбленіемъ, а затѣмъ нынѣ и я во всемъ по предписанному вашему требованію со стороны моей согласуюсь, и, въ ваше удовольствіе, какъ себѣ отъ васъ пріемлю, такъ и вамъ оставляю отъ меня свободу навѣки, а дочь ваша (sic!) Надежда препоручена отъ меня въ Красномъ Селѣ моему пріятелю, господину маэору и управителю Александру Осиповичу Мазу, для отдачи вамъ, которую и можете отъ него получить благопристойно, а кормилица при ней, какъ не собственная моя, такъ я и власти не имѣю оставить (ее) вамъ при дитяти, и за тѣмъ желаю пользоваться вамъ златою вольностію, а я въ послѣднія называюсь мужъ вашъ Іосифъ Ганнибалъ».

Все это можно было сказать короче, а главное — деликатнѣе, безъ запоздалыхъ, ненужныхъ попрековъ и уколовъ, безъ гримасъ

угнетенной невинности, и, сравнивая въ этомъ отношеніи цитированныя здѣсь письма супруговъ, мы получаемъ новую привѣску для невыгоднаго заключенія о личности Ганнибала въ его распрѣ съ женою, которая такъ превосходитъ его въ данной перепискѣ и сдержанностью выраженій, и приличіемъ тона и даже великодушіемъ!

V.

Второй романъ О. А. Ганнибала.

Прошло около четырехъ лѣтъ. Разъѣхавшіеся супруги невозмутимо наслаждались «златою вольностію», обоюдно предоставленной ими другъ другу. Мы не знаемъ въ точности, какимъ образомъ и въ какой степени пользовалась втеченіе этого времени своей свободой Марья Алексѣевна, и замѣстилъ ли въ ея сиротливомъ сердцѣ кто нибудь упраздненнаго мужа? По всѣмъ вѣроятіямъ, свое соломенное вдовство проводила она не въ затворничествѣ и не безъ утѣшителей, какъ дочь легкомысленнаго вѣка, когда аскетизмъ и цѣломудріе не въ авантажѣ обрѣтались. За то вполнѣ достовѣрно, что Осипъ Абрамовичъ не терялъ даромъ времени и воспользовался, въ данномъ отношеніи, «златою вольностью» очень широко, свыше мѣры, допускаемой благоразуміемъ и оглядкой на существующія законоположенія.

Давъ другъ другу свободу «навѣки», супруги разъѣхались въ разныя стороны и уже не встрѣчались, кажется, до конца жизни. Марья Алексѣевна уѣхала въ деревню, къ отцу, котораго похоронила въ этотъ промежутокъ времени. Впрочемъ, большую часть этихъ четырехъ лѣтъ и потомъ она, кажется, провела въ столицахъ—преимущественно въ Петербургѣ, гдѣ у нея были родня и связи.

Осипъ Абрамовичъ, разлучившись съ женою, отправился въ Псковъ «къ своей должности», какъ онъ говоритъ въ своихъ челобитныхъ, не поименовывая, въ чемъ именно она состояла. Есть на этотъ счетъ только косвенныя указанія, на основаніи которыхъ узнаемъ, что Ганнибалъ, оставя передъ тѣмъ военную службу, перешелъ въ это время въ гражданскую и служилъ въ псковскомъ намѣстничествѣ по выборамъ. Въ обозрѣваемомъ дѣлѣ находится рекомендательное о Ганнибалѣ письмо извѣстнаго Якова Ефимовича Сиверса къ архіепископу псковскому, въ которомъ говорится, что псковское дворянство, по большинству голосовъ, выбрало Осипа Абрамовича въ первые засѣдатели совѣстнаго суда, и онъ исполнялъ эту должность. Потомъ, въ одной изъ своихъ позднѣйшихъ челобитныхъ, по тяжбѣ съ женою, онъ жалуется, что, вслѣдствіе «совершеннаго оцѣпененія или разслабленія», причиненнаго «непра-

веднымя консисторіи притѣсненіями», не воспользовался онъ высочайше утвержденнымъ выборомъ его въ совѣтники петербургскаго губернскаго правленія. Передъ этимъ же онъ, повидимому, состоялъ уже совѣтникомъ Псковскаго намѣстничества. Подъ этимъ титуломъ онъ поименованъ въ нѣкоторыхъ изъ находящихся въ дѣлѣ бумагъ и самъ подъ таковымъ расписывался въ оффиціальныхъ случаяхъ. Въ своихъ же челобитныхъ, по тяжбѣ съ женою, онъ вездѣ писался своимъ военно-флотскимъ чиномъ.

Въ Псковъ Осипъ Абрамовичъ переселился, очевидно, потому, что тамъ находилась значительнѣйшая часть, доставшагося ему по наслѣдству отъ отца, имѣнія. Въ Псковскомъ намѣстничествѣ, въ Опочецкомъ уѣздѣ за нимъ считалось, ставшее впослѣдствіи знаменитымъ, село Михайловское (прежде Устье) съ деревнями, въ количествѣ 213 душъ крестьянъ. Всего же у него было тогда, по раздѣлѣ отцовскаго наслѣдства съ братьями, 323 души—состояніе довольно значительное по тогдашнему масштабу.

Отправляясь въ Псковъ, Ганнибалъ, надо полагать, разсчитывалъ водвориться тамъ осѣдло и прочно. Послѣ нужды, скитаній и треволненій, онъ намѣревался теперь воспользоваться благопріятными условіями для составленія себѣ спокойнаго обезпеченнаго и виднаго положенія среди мѣстнаго провинціальнаго общества. Онъ, какъ говорится, остепенился и, покончивъ съ неудачной женитьбой, хотѣлъ начать новую жизнь, солидную и счастливую. Повидимому, онъ въ этомъ успѣлъ. По крайней мѣрѣ, изъ вышеупомянутаго письма Сиверса (отъ 1781 г.) видно, что, втеченіе трехъ съ половиною лѣтъ своего пребыванія въ Псковѣ, Осипъ Абрамовичъ пріобрѣлъ тамъ много друзей, «всемѣстно заслуживалъ одобреніе» и очень хорошо стоялъ въ мнѣніи самого Сиверса, признававшаго въ немъ «честнѣйшій характеръ и отмѣнныя достоинства души». Популярность его доказывалась выборомъ его на общественную службу и дружнымъ сочувствіемъ «всего намѣстничества» къ его «несчастію», причиненному искомъ Марьи Алексѣевны. Сочувствіе это выразилось въ данномъ ему, во время его тяжбы и въ видахъ ея выигрыша, «аттестатѣ» отъ «цѣлаго намѣстническаго общества[1]), а также въ цитированномъ здѣсь покровительственномъ письмѣ вліятельнаго Сиверса.

Пріобрѣлъ, видно, Осипъ Абрамовичъ благосклонность и у псковскихъ дамъ. Онъ могъ быть у нихъ на счету отличнаго кавалера и завиднаго жениха. Въ описываемый моментъ (1779 г.) ему исполнилось всего тридцать пять лѣтъ; онъ былъ человѣкъ столичный, богатъ, со связями и съ почетнымъ положеніемъ въ мѣстномъ об-

[1]) Къ сожалѣнію, «аттестата» этого, весьма бы цѣннаго, какъ намъ кажется, для исторіи нашего общественнаго мнѣнія, нѣтъ въ дѣлѣ. На него только ссылается Сиверсъ въ своемъ письмѣ къ петербургскому митрополиту.

 committee ществѣ. И дѣйствительно, вращаясь среди псковскихъ дамъ, онъ вскорѣ потерялъ свою «златую вольность», съ отличавшей его пылкостью отдавшись въ плѣнъ одной изъ нихъ и, съ своей стороны, побѣдоносно завоевавъ ея сердце.

Это была вдова капитана Устинья Ермолаевна Толстыхъ, новоржевская помѣщица, барыня состоятельная, хорошей фамиліи, принадлежавшая къ лучшему мѣстному обществу, «благородно воспитанная», какъ она сама себя аттестовала, хотя она и не умѣла, какъ оказывается, правильно написать даже свою фамилію. На своихъ всеподданнѣйшихъ прошеніяхъ она подписывается Тальстая или Талъстая. Сказать кстати, и имѣющіяся въ обозрѣваемомъ дѣлѣ подлинныя подписи бабки нашего поэта, Марьи Алексѣевны, также весьма грѣшатъ противъ орѳографіи. По самому каллиграфическому строенію подписей обѣихъ женъ Ганнибала видно, что изображавшіе ихъ дамскіе пальчики совсѣмъ не обыкли обращаться съ перомъ. Нынче такъ подписываются развѣ полуграмотныя мѣщанки.

Устинья Ермолаевна вдовѣла семь лѣтъ. Имѣя въ виду, что тогда у насъ дѣвушки очень рано выдавались замужъ, псковская вдовушка въ моментъ встрѣчи съ Ганнибаломъ была, надо думать, въ расцвѣтѣ молодости и красоты, каковою, по всѣмъ вѣроятіямъ, обладала, по крайней мѣрѣ, на вкусъ своего страстнаго поклонника. Они влюбились другъ въ друга нѣжно, пламенно и глубоко до безотложной необходимости неразрывно связать свои сердца въ сладкомъ сожительствѣ. О силѣ этой любви свидѣтельствуетъ отчасти самый процессъ Ганнибала съ его первой женою, который онъ велъ съ упорствомъ и энергіей, а также, конечно, и съ большими матеріальными жертвами «на хожденіе» и взятки, ради того главнымъ образомъ, чтобы воспрепятствовать расторженію его союза съ Толстою. Съ своей стороны, и сія послѣдняя употребляла всѣ зависящія отъ нея средства для сохраненія за собою дорогаго ей права называть Осипа Абрамовича своимъ, ибо,—какъ говоритъ она въ своей всеподданнѣйшей челобитной,— «давая ему обѣтъ вѣчной любви» и «имѣя особливую къ нему привязанность», «мнила она, что единая токмо смерть можетъ расторгнуть» ея союзъ съ нимъ. Но мы забѣжали немного впередъ...

Впрочемъ, мы очень мало знаемъ о прологѣ этого втораго и также несчастливаго романа нашего героя. Въ разбираемомъ «дѣлѣ» объ этомъ нѣтъ свѣдѣній, какъ равно скудны они и относительно прошлаго героини этого романа. Тутъ остается только дѣлать догадки. Слѣдуетъ думать, что Толстая, не смотря на «особливую привязанность» къ Ганнибалу, поставила непремѣннымъ условіемъ счастья обладать ею законный бракъ, а на обольстительный адюльтеръ не шла, дорожа своей вдовьей честью. Это могло быть цѣломудріе добродѣтельной вдовы, а могъ быть—и всего скорѣе—

разсчетъ женщины уже зрѣлой, опытной и разсудительной. Хотя тогда и царила легкость нравовъ и легкость понятій о морали, но провинція все же была, разумѣется, гораздо сдержаннѣе и строже на этотъ счетъ столицы, да и сравнительно съ послѣдней — провинція всегда представляетъ мало удобствъ и пропасть мелкихъ, досадныхъ препонъ для маскированнаго распутства и нарушенія нравственныхъ требованій безъ огласки и скандала. Псковская вдовушка должна была это отлично знать, и ей тѣмъ тверже хотѣлось противостоять искушенію, что въ Псковѣ она, вѣроятно, занимала видное и почетное положеніе, имѣла родню и знакомыхъ, и за ея поведеніемъ слѣдила сотня ревнивыхъ, проницательныхъ глазъ.

Но было ли въ этомъ родѣ искушеніе? — Нѣтъ сомнѣнія, что должно было быть. Зная пылкость полуафриканскаго темперамента Осипа Абрамовича, его холостецкое въ эту пору положеніе и «златую вольность» его сердца, мы легко поймемъ страстность его новой привязанности, въ которой, конечно, было очень мало платонизма, вообще чуждаго людямъ XVIII-го столѣтія — болѣе, чѣмъ всякаго другаго. Вожделѣніе овладѣть плѣнительной вдовою могло быть въ немъ тѣмъ сильнѣе, что она отвѣчала взаимностью на его страсть; но какъ овладѣть?—Законнаго брака онъ ей не могъ же предложить, даже при искреннемъ желаніи соединиться съ нею навѣки. Суровымъ закономъ онъ уже былъ связанъ съ другою женщиной этой неразрывной цѣпью. Исходъ былъ одинъ — классическій, къ которому, въ подобныхъ обстоятельствахъ, обращается всякій мужчина, и не столь горячей крови, какая текла въ жилахъ нашего героя, и болѣе его благонравный...

Можно догадываться, что совлечь съ пути добродѣтели обольстительную вдову во внѣзаконное сожительство влюбленному Ганнибалу не удалось, не взирая на всѣ искушенія. Въ этомъ убѣждаетъ насъ тотъ безумно-отчаянный шагъ, на который онъ рѣшился изъ-за блаженства назвать ее своей женою. Онъ рѣшился на преступленіе, которое грозило ему жестокой карой почти неминуемой — изъ ста вѣроятностей девяносто.

Осипъ Абрамовичъ рискнулъ вступить во второй законный бракъ отъ живой жены. Это былъ очень легкомысленный рискъ, потому что, при его связяхъ и положеніи, ему было очень трудно, почти невозможно скрыть свое двоеженство и сдѣлать его безнаказаннымъ. И хотя, быть можетъ, шагъ этотъ не стоилъ ему большой внутренней борьбы, по присущимъ его характеру своенравію, взбалмошности и «невоздержности», тѣмъ не менѣе онъ, конечно, не рѣшился бы на него, если бы не былъ ослѣпленъ страстью къ Устиньѣ Ермолаевнѣ и если бы эта страсть была уже раздѣлена до предѣла, за которымъ влюбленному не остается больше ничего желать. Впрочемъ, на любовь закона нѣтъ. Могло статься

и такъ, что Осипъ Абрамовичъ, уже пользуясь безгранично благосклонностью очаровательной вдовы, опьяненный ея ласками и дополна счастливый связью съ нею, уступилъ ея просьбѣ или самъ пожелалъ, не взирая ни на что, освятить эту связь въ глазахъ мѣстнаго общества, хотя бы ужъ для того, чтобы оградить любимую женщину отъ ложнаго, скандалёзнаго и невыгоднаго положенія... Это бываетъ; могло быть и въ данномъ случаѣ.

Такъ или иначе, уже въ 1779 году, т. е. спустя около четырехъ лѣтъ послѣ разлуки съ первой женою, Осипъ Абрамовичъ обвѣнчался съ Толстою и наслаждался вновь медовыми днями счастливаго супружества, но наслаждался безъ помѣхъ, какъ увидимъ, недолго. Само собой разумѣется, если была жива первая, неразведенная жена и это было извѣстно, то описываемое вѣнчанье, какъ незаконное, могло совершиться или путемъ обмана со стороны жениха остальныхъ дѣйствующихъ лицъ этого религіознаго акта, или же съ общаго ихъ сговора—завѣдомо идти всѣмъ на такое беззаконіе. Ганнибалъ впослѣдствіи, когда его потянули къ отвѣту, всѣми способами старался увѣрить судъ, что онъ, въ моментъ своего брака съ Толстою, былъ увѣдомленъ о смерти, будто бы, своей первой жены, искренно былъ убѣжденъ, что она дѣйствительно умерла, и, слѣдовательно, шелъ подъ вѣнецъ вторично безъ опасенія взять на душу тяжкій грѣхъ. Однако жъ, аргументація его по этому пункту оказалась вполнѣ несостоятельной, какъ будетъ разсказано дальше. Одно изъ двухъ—или онъ зналъ, что Марья Алексѣевна и не думала умирать, или поддался на этотъ счетъ глубокому заблужденію, съ неправдоподобнымъ легкомысліемъ увѣровавъ въ подозрительной достовѣрности извѣстіе. Даже въ послѣднемъ случаѣ, если бы такое извѣстіе было, что̀ весьма сомнительно, то и тогда простое благоразуміе и собственная выгода требовали его провѣрить, но это не было сдѣлано.

Тщательно изучивъ лежащее передъ нами «дѣло», мы вывели твердое заключеніе, что Ганнибалъ, совершая двоеженство, очень хорошо зналъ, что̀ онъ дѣлалъ, зналъ, что его первая жена живетъ и здравствуетъ. Зналъ это, по всѣмъ вѣроятіямъ, не онъ одинъ, но также и Устинья Ермолаевна, а, можетъ быть, отчасти и свидѣтели ихъ бракосочетанія. Не зналъ только священникъ, совершавшій послѣднее, и, хотя догадывался смутно, что дѣло здѣсь не совсѣмъ чистое, сомнительное, но тогдашній смирный деревенскій попъ, зависѣвшій во всемъ отъ своихъ прихожанъ-помѣщиковъ, съ ихъ желанія и въ угоду имъ легко поступался законными формальностями церковнаго устава.

Въ нашемъ заключеніи утверждаетъ насъ уже то, какъ, въ какой обстановкѣ былъ совершенъ этотъ бракъ. Вмѣсто церемоніальности и праздничной торжественности, которыя были тогда въ большой модѣ и которыя подобали бы бракосочетанію виднаго

въ губерніи лица, богатаго помѣщика,—наши герои повѣнчались какъ бы украдкой, въ деревенской глуши, чуть не ночью, безъ гостей и родныхъ, безъ всякаго свадебнаго парада и ликованія. Все говорило, что бракосочетавшіеся хотѣли сдѣлать изъ своей свадьбы глубокую тайну и какъ бы боялись чьей нибудь со стороны помѣхи. Просто и безхитростно, съ сердечнымъ сокрушеніемъ, повѣдалъ объ этой романической свадьбѣ, совершавшій ее на свое горе, священникъ... Бѣдный, онъ потомъ поплатился за свою покладистость въ данномъ случаѣ потерею прихода и полугодовымъ заточеніемъ въ монастырѣ, «на крылосное послушаніе», безъ права священнослуженія!

Звали этого священника Василіемъ Михайловымъ; онъ былъ настоятелемъ прихода Апросьевскаго погоста Іоанно-Предтеченской церкви, въ Новоржевскомъ уѣздѣ.

«9 генваря 1779-го года, позванъ я былъ,—показывалъ попъ Василій въ консисторіи,—передъ разсвѣтомъ, съ причетниками, въ домъ къ прихожанкѣ моей, капитанской вдовѣ, Устиньѣ Ермолаевой Толстой, для служенія всенощнаго бдѣнія и молебна Казанской Богоматери, которую службу и справили. Послѣ того, госпожа Устинья Ермолаевна объявила мнѣ и причетникамъ, что она де сыскала себѣ жениха, совѣтника Псковскаго намѣстничества, Іосифа Абрамовича Ганнибала, съ которымъ желаетъ того жъ дня законнымъ бракомъ сочетаться, и просила меня, чтобы ее съ показаннымъ женихомъ повѣнчать, на что̀ я съ причетниками и согласился. Усмотря, затѣмъ, жениха въ домѣ ея, требовалъ я отъ нихъ подписки, что тотъ ея женихъ не имѣетъ у себя другой законной жены въ живыхъ, а госпожу Устинью Ермолаевну я зналъ, что она подлинно вдова, понеже—моя прихожанка. Тогда жъ въ домѣ, до бракосочетанія, показанной женихъ, послѣ отправленія службы, далъ мнѣ своеручное письмо [1]) въ томъ, что онъ подлинно вдовый... И по тому письму я, съ дьячкомъ Васильемъ Ивановымъ («который—добавлено консисторіей въ выноскѣ—за извѣстную винность вовсе изъ церковнаго причта исключенъ и отправленъ для положенія въ подушной окладъ») и пономаремъ Иваномъ Евстратовымъ, въ своей приходской Іоанно-Предтеченской церкви, по церковному чинопложенію, подлинно ихъ повѣнчалъ, причемъ вѣнчальными отцами были—отъ жениха Новоржевскаго уѣзда помѣщикъ Назаръ Ивановъ Румянцовъ, а отъ невѣсты моего приходу помѣщикъ же Иванъ Захарьевъ Яхонтовъ, а вѣнчальныхъ

[1]) Вотъ это письмо: «Я, нижеподписавшійся, находился вдовъ, а нынѣ, въ 1779 году, генваря 9-го дня, женился на вдовѣ же, госпожѣ капитаншѣ Устиньѣ Ермолаевнѣ Толстой, и сію подписку далъ во увѣреніе въ погостѣ Апросьевѣ священнику Василію Михайлову. Псковскаго намѣстничества совѣтникъ Іосифъ Аврамовъ сынъ Ганнибалъ подписуюсь».

матерей ни съ которой стороны и поѣзжаней никого не было, и дьяконъ же при томъ вѣнчаніи не былъ».

Такъ же простодушно и правдиво объяснилъ попъ Василій консисторскимъ законникамъ, почему онъ, при означенномъ бракосочетаніи, не соблюлъ нѣкоторыхъ установленныхъ формальностей.

«А я съ причетниками, — показывалъ онъ, — объ означенныхъ женихѣ и невѣстѣ, по силѣ правилъ св. отецъ и указовъ, повальнаго обыска и подписки съ вѣнчальныхъ отцовъ не взяли, и къ присягѣ ихъ не привели, потому что увѣрились на бракосочетающихся и вѣнчальныхъ отцовъ совѣсти и на словесное ихъ показаніе, что онъ, Ганнибалъ, подлинно находится вдовъ».

Это несомнѣнно такъ и было. Легко себѣ представить, что смиренный деревенскій священникъ не посмѣлъ, конечно, придираться, о соблюденіи формальностей, къ такимъ привиллегированнымъ, благороднымъ господамъ и долженъ былъ безпрекословно положиться на ихъ совѣсть, если бы даже внутренно и сомнѣвался въ ея прямотѣ. Уже личность одного жениха, какъ совѣтника намѣстническаго правленія, губернскаго сановника, должна была совершенно подавить его своимъ чиновнымъ авторитетомъ. И очевидно, попъ Василій потому именно и былъ выбранъ нашими героями для совершенія ихъ бракосочетанія, что они положились на его покорность и приниженность, и не ждали отъ него придирокъ и препятствій. Очевидно также, что имъ нужна была такая сговорчивость со стороны священника, и они нарочно, по заранѣе обдуманному плану, постарались обставить свою свадьбу такими условіями, которыя были потребны и удобны для отвода недреманнаго ока закона и для укрывательства отъ лицъ, отъ молвы, могшихъ помѣшать совершенію ихъ брака.

Помѣха была одна—существованіе первой живой жены Ганнибала, о чемъ въ Псковѣ могли знать многіе. Ради обхода этой-то помѣхи и не для чего другаго, безъ сомнѣнія, бракосочетаніе было обставлено такими предосторожностями и такой таинственностью. Но если мѣры эти были приняты по инціативѣ Ганнибала, знавшаго, что его первая жена жива еще, то могла ли не знать и Устинья Ермолаевна, съ какой цѣлью свадьба ея выходитъ точно краденной, «не полюдски», какъ говорится? Женихъ этого пожелалъ?—но для чего, на какой конецъ?.. Женщину въ такихъ дѣлахъ очень трудно провести и убаюкать ея подозрительность любезностями и фразами. Почти съ увѣренностью можно сказать, что интересная вдовушка была посвящена въ тайну своего жениха и сознательно шла подъ вѣнецъ съ женатымъ. Что она не была ни похищена, ни привлечена силой или обманомъ передъ алтарь, какъ это бываетъ въ жестокихъ, преимущественно гусарскихъ романахъ, видно изъ того, что дѣло происходило въ ея же домѣ, степенно, истово и полюбовно, и что она сама всѣмъ распоряжалась,

первая заявила намѣреніе вѣнчаться, сама повела жениха подъ вѣнецъ и, вообще, розыграла на своей свадьбѣ роль настоящей, дѣятельной сватьи.

Словомъ, тутъ ни женихъ, ни невѣста, по всѣмъ вѣроятіямъ, нисколько не обманывались на счетъ беззаконности своего бракосочетанія и шли на него съ обоюднаго вѣдома и согласія; но они не могли не знать, что дѣлаютъ очень рискованный для своего дальнѣйшаго благополучія шагъ. Рѣшимость на такой шагъ могла быть вызвана сильной, всепоглощающей страстью, и мы уже предложили выше нѣсколько на этотъ счетъ догадокъ; сдѣлаемъ здѣсь еще одну: возможно, имѣя въ виду распущенность и вѣтрянность тогдашнихъ нравовъ, что герои наши въ данномъ случаѣ руководились не какими нибудь роковыми движеніями кипучей, титанической страсти, а просто необузданнымъ капризомъ сластолюбія и легкомысліемъ. Это на нихъ похоже тѣмъ болѣе, что, по всѣмъ признакамъ, мы имѣемъ въ нихъ передъ собою характеры мелкіе, пошлые и дюжинные.

Можетъ быть, въ Устиньѣ Ермолаевнѣ не хватило твердости ни охранить свою вдовью добродѣтель, ни, потерявъ ее, вынести неавантажное положеніе «любовницы» въ придирчиво-фарисейскомъ мнѣніи окружающаго общества. Она пожелала покрыть свой стыдъ вѣнцомъ во что бы ни стало, а податливый и легкомысленный Ганнибалъ не сталъ очень сопротивляться. И, недолго думая, рѣшились они повѣнчаться «на авось, да небось», которыя на Руси такъ часто дивнымъ образомъ служатъ безподобную службу всемогущаго провидѣнія! «Авось»—сойдетъ безнаказанно, какъ сходитъ людямъ много всякихъ беззаконій; «авось»—ни Марья Алексѣевна, ни ея близкіе никогда не узнаютъ о таинственно-романическомъ событіи, освященномъ попомъ Василіемъ; да ежели Марья Алексѣевна и узнаетъ — такъ, «небось», не станетъ претендовать и обвинять, потому что, вѣдь, она сама отреклась отъ мужа и дала ему «златую вольность навѣки»... Мало ли благополучныхъ вѣроятій безнаказанности умѣютъ изобрѣтать люди, искушенные грѣхопаденіемъ?

VI.

Скандальная исторія.

На этотъ разъ «авоська да небоська» не вывезли.

Умѣли Осипъ Абрамовичъ и Устинья Ермолаевна совершить въ возможной тайнѣ обрядъ своего бракосочетанія, но не умѣли, да и не могли бы скрыть свой союзъ отъ любопытнаго до чужихъ секретовъ губернскаго свѣта. Притомъ же, могъ бояться огласки одинъ Ганнибалъ, а его молодая супруга, уже изъ одного женскаго

тщеславія, едва ли остерегалась похваляться передъ знакомыми своимъ новымъ интереснымъ и почетнымъ положеніемъ, хотя бы и знала, что слишкомъ громкая молва объ ея счастьѣ ненарокомъ можетъ его испортить... Такъ и случилось...

Женитьба Ганнибала, безъ сомнѣнія, скоро огласилась въ Псковѣ, гдѣ онъ былъ на виду, и его очень многіе знали, и куда онъ, какъ служащій въ намѣстничествѣ, долженъ былъ прибыть, послѣ вѣнчанья, съ молодой женою на жительство. Какъ водится въ провинціальныхъ обществахъ, женитьба его должна была сдѣлаться событіемъ дня въ Псковѣ. Пошли поздравленія молодыхъ, встрѣчи, выѣзды, пирушки; пошли при этомъ, толки, пересуды и сплетни губернскихъ кумушекъ. Нашлись свѣдущіе люди, которые знали или думали, что знаютъ о первой женитьбѣ Ганнибала и о томъ, что его первая жена еще въ живыхъ... Событіе превращалось въ скандалъ, и—«пошла писать губернія»!

Отъ Пскова до Петербурга и въ то время, безъ желѣзныхъ дорогъ, путь былъ не дальній, особенно для дурныхъ вѣстей. Скоро и въ Петербургѣ распространилась молва о псковской исторіи среди родныхъ и знакомыхъ ея дѣйствующихъ лицъ. Марья Алексѣевна на ту пору, какъ можно судить по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, находилась въ Москвѣ. Ея петербургская родня, повидимому, весьма возбужденная извѣстіемъ изъ Пскова, не замедлила сообщить его нашей соломенной вдовѣ и подстрекнуть ее ѣхать въ Петербургъ начинать дѣло. Это видно изъ того, что доносъ псковскому владыкѣ на Ганнибала, изобличавшій его въ двоеженствѣ, былъ посланъ, извѣстнымъ уже намъ, братомъ Марьи Алексѣевны, полковникомъ Михайломъ Пушкинымъ, вѣроятно, еще до пріѣзда ея въ Петербургъ, вскорѣ послѣдовавшаго.

Мудрено понять женское сердце. Негодованіе ли за попранный законъ, мстительное ли чувство за прошлыя огорченія, за испорченные годы молодости, или же ревность, та странная женская ревность, которая не допускаетъ совмѣстительства въ правѣ даже на отверженнаго, постылаго мужа или любовника,— невѣдомо, какія ощущенія возбудила въ Марьѣ Алексѣевнѣ псковская недобрая вѣсточка, но только несомнѣнно, что она очень близко приняла ее къ сердцу. Она забыла или не хотѣла въ эти минуты вспомнить, что добровольно, четыре года тому назадъ, отреклась отъ мужа, порвала съ нимъ супружескій союзъ безъ сожалѣнія и, предоставивъ ему полную свободу, получила отъ него таковую же и была тогда ей очень рада. Теперь въ ней проснулось и всецѣло овладѣло ею сознаніе своего права, права попраннаго и оскорбленнаго законной жены и матери. Пусть мужъ не милъ ей, и она отреклась отъ него, но ее возмущали и оскорбляли грубость и наглость, съ которыми онъ пренебрегъ ея ненарушимымъ юридическимъ правомъ на него, презрительно игнорировалъ ея волю, самое существованіе ея и до-

чери, распорядившись собою и своимъ имѣніемъ такъ, какъ будто ихъ и на свѣтѣ не было... Такъ пускай же онъ узнаетъ, что онѣ живы и не дадутъ себя въ обиду!

Мстительное чувство къ мужу могли разжигать и поддерживать въ Марьѣ Алексѣевнѣ и ея родные, которые должны были видѣть въ поступкѣ Ганнибала обиду для всей своей фамиліи. Въ ней приняли участіе, какъ увидимъ, даже нѣкоторые родственники самого Осипа Абрамовича. Затѣмъ, тутъ замѣшался и всесильный матеріальный интересъ. Второй женитьбой Ганнибала подрывалось законное наслѣдственное право первой его жены и дочери на его имѣніе, или, во всякомъ случаѣ, праву этому угрожала опасность: онъ могъ растратить имѣніе съ своей незаконной женой, передать его ей, завѣщать или продать. Было изъ-за чего встревожиться и вопіять къ правосудію, тѣмъ болѣе, что само имѣніе представляло лакомый кусокъ!

Правда, Марья Алексѣевна въ своемъ памятномъ «отзывѣ» отрекалась и отъ этого права за себя и за дочь, но — мало ли чего не говорится сгоряча, необдуманно?.. Вообще, въ этомъ случаѣ довольно ярко сказались тотъ разладъ между словомъ и дѣломъ и та двойственность, которыя попреимуществу характеризовали русскихъ интеллигентныхъ людей XVIII столѣтія. Поиграть въ эмансипацію и либеральную толерантность на словахъ и на бумагѣ, что касалось брачныхъ узъ ветхозавѣтнаго порядка, — это было въ модѣ и легко дѣлалось всѣми, но когда въ этомъ пунктѣ задѣвались личные эгоистическіе интересы, когда либерализмъ почему либо оказывался намъ невыгоднымъ, — россійскіе вольтеріанцы и вольтеріанки вдругъ, по первому движенію, не задумываясь, обращались въ консерваторовъ, необыкновенно крѣпкихъ Домострою. Такъ и Марья Алексѣевна, давъ, очевидно, подъ вліяніемъ модныхъ либеральныхъ вѣяній, свободу мужу «навѣки» и отказавшись отъ всякихъ къ нему претензій, мгновенно, при извѣстіи, что тотъ воспользовался этой свободой, перевернулась въ неукротимую консерваторку и возопіяла о нарушеніи тѣхъ самыхъ своихъ правъ, отъ которыхъ она передъ тѣмъ добровольно сама же отреклась. И ее нисколько, повидимому, не смущали ни рѣзкое противорѣчіе въ ея поведеніи по данному пункту, ни измѣна самой себѣ и своимъ убѣжденіямъ, ни открытое нарушеніе, заключеннаго на честномъ словѣ, домашняго договора въ либеральномъ духѣ. Теперь въ ней проснулись, дремавшіе дотолѣ, бабьи инстинкты и понятія традиціоннаго склада, и—моментально вольнодумная, легко трактующая старые «предразсудки», дама преобразилась въ замоскворѣцкую Медею, исповѣдующую святость и неразрывность брачнаго союза.

Эта рѣзкая перемѣна во взглядахъ Марьи Алексѣевны, въ указанномъ пунктѣ, быть можетъ, обусловливалась еще какими нибудь несбывшимися ея надеждами и разочарованіями, или же перемѣ-

ной къ худшему ея матеріальнаго положенія. По крайней мѣрѣ, въ своей челобитной на мужа, она жалуется, что осталась «безъ всякаго пропитанія», и проситъ, чтобы дворянская опека «вошла въ призрѣніе бѣдственнаго ея и дочери состоянія», хотя, конечно, это могло говориться только для краснаго слова, въ видахъ возбужденія вящаго сердоболія въ судьяхъ.

Не смотря на «бѣдственное состояніе» или же благодаря ему, Марья Алексѣевна очень дѣятельно и энергично начала преслѣдованіе легкомысленнаго и легковѣрнаго мужа за то, что онъ, положившись на ея слово, очень ужъ серьёзно воспользовался предоставленной ему «златою вольностью навѣки». Въ Петербургѣ былъ отысканъ мастеръ сихъ дѣлъ, ходатай, нѣкто коллежскій совѣтникъ Александръ Гавриловичъ Окуневъ, и Марья Алексѣевна дала ему полную довѣренность на веденіе дѣла. Былъ найденъ и другой подручный ходокъ — стряпчій въ Псковѣ, ассессоръ Смурыгинъ. Нужно было платить имъ гонораръ, нужно было, само собой разумѣется, подмазывать и скрыпучія колеса громоздской машины правосудія. Все это и тогда недешево стоило. Надо полагать, что Марья Алексѣевна не стѣснялась издержками, ибо пущенная ею въ ходъ машина правосудія завертѣлась и отработала искомый результатъ съ такими рѣшительностью и поспѣшностью, съ какими она дѣйствовала только въ экстренныхъ случаяхъ, движимая сильной рукою.

9-го января 1779 года, Осипъ Абрамовичъ повѣнчался съ Толстой, а 6-го мая того же года, въ силу «заявленія» брата Марьи Алексѣевны, полковника Пушкина, что она жива, молодые супруги были уже разлучены псковскимъ архіереемъ, «для соблюденія въ непорочности совѣсти своей и чести и во избѣжаніе соблазна», и «жили бы другъ отъ друга сколько можно въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ», впредь «до полнаго изслѣдованія — подлинно ли первая жена Ганнибала въ живыхъ находится, или умре?»

И того, значитъ, благополучныхъ медовыхъ дней въ житіи молодыхъ было всего три мѣсяца и двадцать семь дней. Дальше начались жесточайшія огорченія и треволненія, и имъ не было конца... Принявъ во вниманіе, что Осипъ Абрамовичъ былъ въ Псковѣ свой человѣкъ, имѣлъ вліяніе и связи, которыя онъ, безъ сомнѣнія, напрягалъ до послѣдней крайности, чтобы замять и елико можно оттянуть, если не потушить, скандалёзное и непріятное дѣло, слѣдуетъ подивиться быстротѣ и успѣшности ходатайства Марьи Алексѣевны. Можетъ быть, этимъ она была больше всего обязана тогдашнему псковскому архіерею Иннокентію, его строгости и благочестивой ревности въ исполненія правилъ св. отецъ и законовъ въ предѣлахъ его епархіи, безъ поблажки для кого бы ни было.

Легко представить себѣ огорченіе новобрачныхъ, когда ихъ заставили разлучиться и жить «другъ отъ друга сколько можно въ

отдаленнѣйшихъ мѣстахъ», и ту шумную, скандалёзную сенсацію, какую произвело это соблазнительное событіе въ псковской публикѣ, вообще, и, въ особенности, среди мѣстныхъ «просто пріятныхъ» и «пріятныхъ во всѣхъ отношеніяхъ» дамъ!

Исторія выходила рѣдкая, чрезвычайная, дававшая богатый и пикантный матеріалъ для чесанія словоохотливыхъ языковъ губернскихъ сплетниковъ и сплетницъ! Къ тому же, она не только не сокращалась и не гасла съ теченіемъ времени, а, напротивъ, все росла и принимала все болѣе острый характеръ.

На первыхъ порахъ, когда консисторія распорядилась о разлученіи молодыхъ супруговъ до «изслѣдованія», Ганнибалъ старался позировать передъ псковскими властями и публикой въ роли невинной жертвы какого-то роковаго недоразумѣнія и жестокаго произвола мѣстнаго архипастыря. Онъ пожималъ плечами съ удрученнымъ видомъ и жаловался всѣмъ и каждому, что никакъ «не можетъ понять причины, для которой его преосвященство безъ суда велѣлъ разлучить его съ женою, въ противность такимъ-то законамъ, вслѣдствіе лишь партикулярнаго письма Пушкина, что первая де жена его, Ганнибала, жива»... Впослѣдствіи, жаловался онъ на это синоду и государынѣ.

«Изслѣдованіе», между тѣмъ, подвигалось впередъ и — къ большой невыгодѣ для новобрачныхъ. 2-го августа того же года, поступила въ псковскую консисторію, обличительная на Осипа Абрамовича, челобитная отъ Марьи Алексѣевны. Его позвали въ присутствіе къ отвѣту. Онъ старался оправдаться путемъ грязныхъ обвиненій своей первой жены въ невѣрности и ссылкою, во-первыхъ, на ея «отзывъ», намъ уже извѣстный, и, во-вторыхъ, на подозрительной достовѣрности документъ, извѣщавшій его, будто бы, объ ея смерти. На оправданіе это не замедлило послѣдовать возраженіе противной стороны, присланное изъ Петербурга повѣреннымъ истицы, Окуневымъ, чрезъ его крѣпостнаго человѣка — обстоятельство, которое Ганнибалъ презрительно подчеркивалъ впослѣдствіи и старался изъ него выжать что нибудь въ пику своимъ противникамъ, но старался вотще.

Возраженіе было сильное и убѣдительное, да и безъ него провинность Осипа Абрамовича была сама собой очевидна. На этомъ основаніи, 19-го января 1781 года, преосвященный Иннокентій закончилъ дѣло слѣдующей резолюціей: «1-е, бракъ сей г. Ганнибала съ г-жей Толстою, какъ противный слову Божію, правиламъ св. отецъ и государственнымъ узаконеніямъ, а потому и беззаконный, расторгнуть вовсе и въ бракъ не почитать. И чтобы онъ, Ганнибалъ, ее, г-жу Толстую, своею женою, а она его мужемъ не именовали и незаконнаго сожитія не имѣли, въ томъ обоихъ ихъ обязать подписками, о чемъ какъ въ Псковское намѣстничество, такъ и законной женѣ его, Ганнибала, дать знать понадлежащему;

2-е, ему, Ганнибалу, если законная жена его сожитіе имѣть съ нимъ паки пожелаетъ, быть въ супружествѣ съ нею попрежнему, въ чемъ и поручить кому слѣдуетъ сдѣлать имъ увѣщаніе. А буде она непреклонною къ тому окажется, то ему, Ганнибалу, яко въ явномъ прелюбодѣяніи обличенному, быть по смерть свою или жены его безбрачну; 3-е, сей же его, Ганнибала, женѣ, если жить съ нимъ не согласится, равно, какъ второй незаконной, какъ невиннымъ лицамъ, когда вступить пожелаютъ въ другія законныя супружества—дозволить; 4-е, на него, Ганнибала, за сіе законопреступленіе, въ силу св. отецъ правилъ, наложить церковную седьмилѣтнюю эпитимью, а именно: годъ содержаться ему въ монастырѣ, чего ради и истребовать его по командѣ откуда подлежательно, гдѣ, будучи, приходить ему на всякое церковное пѣніе и просить со умиленіемъ отъ Бога прощенія въ своемъ согрѣшеніи, въ келіи же упражняться въ чтеніи духовныхъ книгъ и молитвѣ, что̀ наблюдать самому настоятелю или кому отъ него поручено будетъ; притомъ, во всѣ четыре поста поститься и исповѣдываться, а до святаго причастія, какъ въ сей, такъ и въ прочія шесть лѣтъ, кромѣ смертнаго случая, не допущать. По прошествіи года, если окажетъ плоды достойные покаянія, отъ монастырскаго подначалія освободить, а отправлять ему оную эпитимью подъ присмотромъ отца его духовнаго [1]). 5-е, если законная жена его, Ганнибала, и онъ жить паки вмѣстѣ согласятся—доложить, почему и объ уменьшеніи возлагаемой эпитимьи будетъ разсмотрѣніе».

Было отчего пылкому и впечатлительному Осипу Абрамовичу прійдти въ уныніе, или, какъ онъ выражался, впасть «въ совершенное оцѣпененіе и разслабленіе!» Только-что онъ въ новомъ «супружествѣ началъ, по его словамъ, забывать горестныя напечатлѣнія перваго брака и уже спокойствіе духа совсѣмъ къ нему возвратилось», какъ вдругъ, «неправедными фамиліи Пушкиныхъ происками», строгая и несправедливая, какъ онъ увѣрялъ, псковская церковная власть разлучаетъ его съ новобрачной и «чинитъ ихъ злосчастными прелюбодѣями» передъ глазами свѣта. Можно ему повѣрить отчасти, что эти «мучительныя обстоятельства» причинили ему болѣзнь, если, можетъ быть, и не очень «тяжкую» (горячку, по его словамъ), то непритворную. Кромѣ уже испытанныхъ моральныхъ «претерпѣній», онъ «паче опасался отъ строгой эпитиміи еще опаснѣйшихъ слѣдствій для своего здоровья». Потрясеніемъ и болѣзнью онъ, по крайней мѣрѣ, объяснялъ впослѣдствіи выдачу имъ подписки консисторіи, потребованной отъ него въ силу

---

[1]) Эпитимія была опредѣлена на точномъ смыслѣ 77-го соборнаго правила Василія Великаго, которое гласитъ: «Иже жену свою оставилъ и другую поялъ,—прелюбодѣй сый, седмь лѣтъ запрещеніе да пріиметъ: лѣто едино да плачется, два лѣта послушая Божественныхъ писаній, три лѣта припадая и седьмое стоя, съ вѣрными безъ общенія, и потомъ да причастится св. даровъ».

архіерейской резолюціи. Онъ жаловался, что консисторія исполняла эту резолюцію крайне настойчиво и строго, между прочимъ, потребовала его чрезъ губернское правленіе для заключенія въ монастырь, не смотря де на то, что онъ дворянинъ и штабъ-офицеръ, вопреки, будто бы, такихъ-то и такихъ-то пунктовъ узаконеній...

Не менѣе грустно и непріятно чувствовала себя и Устинья Ермолаевна, въ виду скандалёзнаго расторженія ея брака съ Ганнибаломъ. Естественно предположить, что, если бы она въ данномъ случаѣ была обманута своимъ суженымъ, т. е. если бы онъ скрылъ отъ нея фактъ существованія своей первой жены, то теперь, когда обманъ обнаружился и она дѣлалась его жертвой,—въ ней должно было бы проснуться чувство обиды и негодованія къ обманщику. Но ничего этого не случилось, какъ можно судить по документамъ. Напротивъ, Устинья Ермолаевна тутъ-то и обнаруживаетъ неутолимую нѣжность и преданность къ Осипу Абрамовичу. Слѣдовательно, одно изъ двухъ: либо онъ съумѣлъ внушить ей слѣпую, ничѣмъ непреоборимую, безотчетную страсть къ себѣ, либо для псковской вдовушки ничего не было слишкомъ неожиданнаго во встрѣтившемся препятствіи ея супружескому счастью, такъ какъ, отправляясь подъ вѣнецъ съ Ганнибаломъ, она заранѣе знала рискованность этого шага, но отважилась на него по легкомыслію ли, или изъ разсчета и, значитъ, была уже не жертвой, а прямой сообщницей беззаконія мужа. Она и въ самомъ дѣлѣ, во все время процесса дѣйствовала, именно, какъ преданнѣйшая сообщница своего эксъ-супруга, выставляя себя постоянно жертвою «коварныхъ ухищреній» своей соперницы, а его—только «несчастливымъ, но невиновнымъ».

Когда и ее консисторія обязала подпискою не жить болѣе вмѣстѣ съ Ганнибаломъ, она пишетъ, въ жалобѣ на высочайшее имя, что «сей ужасный ударъ привелъ мысли ея въ совершенную разстройку», и она теперь «не понимаетъ: какъ могутъ ей приказывать не жить съ тѣмъ, съ которымъ она сопряжена» не только закономъ, но «и особливою привязанностію, и идти за другаго, называя ее незаконной женою, чѣмъ чести ея во всей публикѣ наносится несносное посрамленіе?»

Исторія, дѣйствительно, выходила пренесносная: кромѣ «посрамленія» въ публикѣ, она причиняла «совершенную разстройку» не только въ мысляхъ, но и въ домашнемъ бытѣ, въ дѣлахъ героевъ нашей траги-комедіи, а за всѣмъ тѣмъ очень чувствительно била ихъ по карману.

VII.

Тяжба.

Начавъ энергическое преслѣдованіе Осипа Абрамовича за двоеженство, Марья Алексѣевна, конечно, вовсе не имѣла въ предметѣ заставить его силою закона возобновить супружеское сожительство съ нею. Мы уже сказали выше, что мудрено теперь разобрать, какія ощущенія и движенія волновали ее въ первыя минуты по полученіи экстравагантнаго извѣстія о второй женитьбѣ мужа. У женскаго сердца на это своя логика. Тѣмъ не менѣе, съ достовѣрностью можно сказать, что никакой, вновь проснувшейся, какъ это иногда бываетъ, привязанности къ мужу и никакого сожалѣнія о разлукѣ съ нимъ она не почувствовала, и вовсе не это толкнуло ее опротестовать его незаконный бракъ. Ею руководилъ, если не исключительно, то главнымъ образомъ матеріальный разсчетъ—желаніе взять изъ имѣнія мужа все, что предоставлялъ ей законъ.

Въ своихъ челобитныхъ, вызванныхъ расторженіемъ втораго брака Ганнибала, Марья Алексѣевна не только не требуетъ возстановленія своего съ нимъ брака, но, напротивъ, старательно отмѣчаетъ опредѣленіе консисторіи, что она де теперь въ этомъ пунктѣ свободна и имѣетъ право, «какъ невинная, вступить по желанію въ другое законное супружество». Она и категорически отказалась возвратиться къ сожительству съ Ганнибаломъ, когда онъ, съ своей стороны, выразилъ было на то согласіе. Согласіе это, сказать кстати, было моментомъ малодушнаго «оцѣпенѣнія и разслабленія» Осипа Абрамовича, какъ онъ самъ утверждалъ потомъ, но было также и плодомъ нѣкотораго разсчета.

По всему видно, что его жестоко напугала эпитимія, назначенная псковскимъ архіереемъ, отъ которой онъ могъ, по смыслу резолюціи послѣдняго, избавиться, если не вполнѣ, то въ большей части только однимъ путемъ—возстановленіемъ брачнаго союза съ первою женою. Это было поставлено въ условіи: или возобнови законный бракъ, или ступай въ монастырь на постъ и послушаніе!... Подъ первымъ впечатлѣніемъ, прижатый къ стѣнѣ этимъ крутымъ ультиматумомъ, Осипъ Абрамовичъ смалодушествовалъ и далъ подписку въ согласіи начать снова жить въ законѣ съ первой женою. Потомъ онъ отъ нея отперся, какъ отъ документа, вынужденнаго, даннаго въ болѣзненномъ состояніи и, слѣдовательно, недѣйствительнаго... Вѣрный Устиньѣ Ермолаевнѣ, онъ сталъ опасаться, чтобы подписка его не возымѣла обязательной силы; но опасеніе такое было напрасное:—Марья Алексѣевна и не подумала воспользоваться опиской своего бывшаго супруга, да и не имѣла

въ томъ надобности. Ненавидѣли они другъ друга прочно, обоюдно и съ одинаковымъ ожесточеніемъ.

Процессъ эксъ-супруговъ съ той поры, какъ двоеженство Ганнибала было изобличено и по этому предмету состоялось рѣшеніе духовнаго суда первой инстанціи, заключался въ слѣдующемъ: со стороны Марьи Алексѣевны производился искъ о выдѣленіи изъ имѣнія мужа законной части ея и дочери, а со стороны Осипа Абрамовича шла отчаянная защита противъ обвиненія его въ преступленіи двоебрачія, съ тою цѣлью, чтобы, во-первыхъ, избавиться отъ наложенной на него духовной властью суровой кары и, во-вторыхъ, исходатайствовать узаконеніе своего втораго брака съ Толстою. Что касается имущественной претензіи своей первой жены, то Ганнибалъ сперва ея не оспаривалъ, соглашаясь добровольно выдѣлить, впрочемъ, одну лишь долю дочери, и то съ тѣмъ, «дабы только,— какъ выразился онъ во всеподданнѣйшей челобитной, — оставленъ былъ онъ въ покоѣ со второю женою своею». Потомъ пошли тутъ обычныя тяжебныя отговорки, уклоненія, крючки и задоринки, въ разсчетѣ, если не начисто отыграться отъ требованія закона, то хоть выторговать у него что нибудь.

Дѣло Осипа Абрамовича, съ перваго же взгляда, даже не искушеннаго въ юриспруденціи, не имѣло ни малѣйшаго шанса на выигрышъ. Въ задачу его входило ни мало, ни много, какъ переспорить очевидные факты и существующіе россійскіе основные законы, обмануть наивными вымыслами подлежащіе органы правосудія, разжалобить ихъ своимъ напускнымъ трагизмомъ и выклянчить желанное для себя рѣшеніе, противное здравому смыслу и юридическому праву. Задача мудреная, почти сумасбродная! Но, съ исторической точки зрѣнія, самая возможность подобныхъ притязаній и опытовъ весьма любопытна и поучительна.

Прежде всего фактъ этотъ хорошо освѣщаетъ личность самого Ганнибала. Чтобы начать такое ходатайство, явно безнадежное, и упорно вести его нѣсколько лѣтъ, терпя «волокиту и чувствительные убытки», по сознанію самого Осипа Абрамовича,—безъ сомнѣнія, нужна была энергія, но энергія не характера, а своенравнаго безразсудства. И дѣйствительно, на всѣхъ челобитныхъ и докладныхъ запискахъ Ганнибала, писанныхъ если не имъ самимъ, то, конечно, по его внушенію и руководству, лежитъ печать какого-то ребячески-раздражительнаго каприза, какой-то безпардонности, импонирующей и очевидной правдѣ, и законамъ и приличіямъ; но всего лучше здѣсь наивное самообольщеніе, что эти хитро сплетенныя розсказни подѣйствуютъ въ желанномъ направленіи на тѣхъ, кому онѣ адрессованы. Все это, какъ засвидѣтельствовалъ Иванъ Осиповичъ Ганнибалъ, «не означало» въ нашемъ героѣ «человѣка здраваго и безпристрастнаго разсудка». Впрочемъ, если бы онъ не былъ таковымъ, тогда, разумѣется, не случилось бы съ нимъ и всей этой

бѣды, возникшей изъ-за его легкомысленнаго втораго брака. Теперь же онъ оставался только послѣдовательнымъ въ своемъ сумасбродствѣ, да къ тому же, быть можетъ, въ своей отчаянной защитѣ онъ руководился не только своенравнымъ задоромъ поставить на своемъ, не только страхомъ покаянной эпитиміи, но также искренней привязанностью къ Устиньѣ Ермолаевнѣ и рыцарскимъ желаніемъ спасти ее отъ «несноснаго посрамленія». Это, вѣроятно, такъ было, а если было, то этимъ герой нашъ, безспорно, пріобрѣтаетъ нѣкоторое право на участіе къ его траги-комическому положенію.

За всѣмъ тѣмъ, опытъ Ганнибала, при всей его субъективности, показываетъ, что были же, значитъ, въ то время какія нибудь общія условія, создавшія возможность такихъ опытовъ, возможность вѣры въ торжество неправаго эгоистическаго интереса надъ закономъ и правосудіемъ. Безъ сомнѣнія, Осипъ Абрамовичъ, начавъ свое дѣло и продолжая его, до конца надѣялся на выигрышъ и, безъ сомнѣнія, были люди, которые поддерживали въ немъ такую надежду и усердно помогали достигнуть цѣли. Дѣло было завѣдомо неправое, и его положительное рѣшеніе противорѣчило бы законамъ, но—что̀ нужды?—Законы и правду можно объѣхать, были бы только друзья и покровители, достаточно сильные, чтобы помочь это сдѣлать. Назидательно, что во всѣхъ своихъ жалобахъ и аппелляціяхъ Ганнибалъ настойчиво приписываетъ свои процессуальныя пораженія «проискамъ» и «ухищреніямъ» своихъ «враговъ», которые де склонили вѣсы правосудія на свою сторону не потому, чтобы дѣло ихъ ихъ было правѣе, а только потому, что они сильнѣе связями, вліятельнѣе. И онъ всячески старается переспорить ихъ на этомъ полѣ, мало заботясь о логикѣ и законности самихъ своихъ ходатайствъ.

Такое отношеніе къ суду и закону было не случайное, не субъективное; оно вытекало изъ коренившагося въ тогдашнихъ нравахъ и надъ всѣмъ господствовавшаго безграничнаго непотизма. Въ судѣ и всюду, гдѣ сталкивались частные интересы, былъ правъ не тотъ, кто былъ правъ, а тотъ, кто былъ или самъ силенъ, или опирался на сильную руку. Это было краеугольнымъ камнемъ ходячихъ юридическихъ понятій тогдашней толпы. Поэтому судебныя тяжбы того времени въ большинствѣ случаевъ представляли собою не что иное, какъ борьбу на почвѣ непотизма: кто кого одолѣетъ связями, покровительствомъ сильныхъ міра сего, тѣмъ или инымъ путемъ подкупленныхъ?

Обвиненный въ двоеженствѣ и подъ угрозой очень печальныхъ для себя послѣдствій отъ этого обвиненія, Ганнибалъ началъ оправдываться путемъ далеко неблестящимъ. Прежде всего онъ во всемъ обвинилъ свою первую жену, стараясь вмѣнить ей всецѣло нарушеніе ихъ брачнаго союза, а, затѣмъ, въ оправданіе своей второй женитьбы, сочинилъ довольно не искусную сказку.

Марью Алексѣевну онъ обвинялъ въ развратѣ и въ томъ, что она сама его бросила и безъ вѣсти пропала. Намъ уже знакомы нѣсколько эти обвиненія и, вообще, обстоятельства семейнаго разлада нашихъ героевъ. По увѣренію Осипа Абрамовича, первая жена его, проживъ со свадьбы «добропорядочно» всего годъ и пять мѣсяцевъ, вдругъ охладѣла къ нему и повела «своевольную и соблазнительную жизнь», пока, наконецъ, не покинула его совсѣмъ «для удобнѣйшаго продолженія своего непотребства». Въ доказательство своихъ инсинуацій, онъ разсказывалъ такой, якобы, фактъ. Когда они, незадолго до разлуки, жили въ Петербургѣ, Марья Алексѣевна, «влюбяся въ артиллеріи поручика Карла Транзея, коего въ домъ свой онъ, Ганнибалъ, пущать запрещалъ людямъ неоднократно, чинила нарушеніе супружеской должности, чего онъ, мужъ, къ крайнему сердца своего поражению, очевиднымъ былъ свидѣтелемъ, заставая Транзея неоднократно въ спальнѣ наединѣ съ нею въ непристойномъ обращеніи въ одной токмо рубашкѣ»... Какъ же поступилъ столь нагло обманутый мужъ?—Онъ «рѣшился скрыть свое и своей фамиліи безчестіе», увезъ невѣрную жену къ родителямъ и, оставаясь при ней, «надѣялся успѣть въ ея исправленіи», но, увы, «въ надеждѣ этой весьма обманулся»! Зараженная «развратной вольностію», жена, при первой удобной оказіи, обратилась въ бѣгство и пропала безъ слѣда. Это тяжкое обвиненіе противъ жены Ганнибалъ довелъ позднѣе до выраженія сомнѣнія—точно ли Надежда Осиповна, рожденная Марьей Алексѣевной въ бракѣ съ нимъ, его законная дочь? Въ одномъ изъ своихъ всеподданѣйшихъ прошеній онъ выразилъ это сомнѣніе въ слѣдующемъ витіеватомъ намекѣ: «Всевышній Возмездникъ видитъ совѣсть мою, знаетъ также произведеніе дочери моей»,—въ томъ смыслѣ, конечно, чтобы бросить тѣнь на законность ея зачатія женою, «во всемъ уличенной», будто бы, что касалось ея невѣрности. Намекъ этотъ Ганнибалъ повторялъ нѣсколько разъ, едва ли вѣря самъ въ его резонность. Ему просто нужно было елико возможно очернить жену, ради собственнаго оправданія, и онъ въ этомъ стремленіи не останавливался ни передъ какими кляузами и подозрѣніями.

Далѣе онъ разсказывалъ, что, не имѣя втеченіе трехъ лѣтъ никакихъ свѣдѣній о женѣ, заблагоразсудилъ онъ ѣхать въ Петербургъ просить у псковскаго архіепископа о разводѣ, «который де и увѣрилъ въ рѣшеніи по его желанію». Остановка случилась только за праздниками Рождества Христова. Въ ожиданіи разрѣшенія развода, ѣхалъ однажды Осипъ Абрамовичъ изъ Краснаго Села и тутъ «на дорогѣ подано ему было отъ неизвѣстно какого-то солдата письмо изъ Москвы съ почты, чернымъ сургучемъ запечатанное». «По бывшей тогда темнотѣ», онъ не читалъ его тотчасъ же по полученіи, а распечаталъ только на ночлегѣ въ деревнѣ Пановой; распечатавъ же, «увидѣлъ, что оное подписано рукою роднаго жены его брата,

отставнаго полковника Пушкина». Въ письмѣ этомъ Пушкинъ писалъ:

«Хотя у васъ съ сестрою моею, а вашею женою несогласно было, однако, я не могъ того преминуть, чтобъ не увѣдомить васъ, что сего 1778 года ноября 3 дня, жена ваша, живучи въ Москвѣ, скончалась; дочь же вашу я взялъ съ собою въ извѣстныя вамъ деревни въ Воронежской губерніи. Прошу насъ увѣдомить—у насъ ли дозволите ей жить, или къ себѣ возьмете? На оное ожидать буду отъ васъ отвѣта»...

Получивъ такимъ страннымъ образомъ это посланіе и «повѣря оному», Осипъ Абрамовичъ «за ненужное почелъ утруждать письменною просьбою упомянутаго господина преосвященнаго (о разводѣ), вслѣдствіе чего, не заѣзжая въ Петербургъ, прямо изъ Краснаго Села возвратился въ Псковъ, гдѣ, спустя нѣсколько времени, вступилъ во второй бракъ»... Далѣе произошли извѣстныя уже намъ непріятныя и скандалёзныя событія.

Такова была замысловатая исторія, которою Ганнибалъ аргументировалъ свою защиту, и настойчиво повторялъ ее во всѣхъ своихъ челобитныхъ, съ непостижимымъ авторскимъ самомнѣніемъ воображая, что сочиненію его должны всѣ повѣрить. Когда ему не вѣрили въ одной инстанціи и доказывали, что исторія его есть довольно нескладная и ни къ чему не ведущая благоглупость, онъ не смущался, шелъ въ высшую инстанцію и опять, съ утомительной обстоятельностью, твердилъ то же самое. Такъ онъ дошелъ до государыни, и, разумѣется, во всѣхъ инстанціяхъ сказка его потерпѣла фіаско.

Вначалѣ раскритиковала въ лоскъ аргументацію Ганнибала противная сторона, въ лицѣ Окунева, повѣреннаго Марьи Алексѣевны. Слѣдуя боевому правилу око за око и зубъ за зубъ, Окуневъ, въ отвѣтъ на обвиненія своей вѣрительницы въ развратѣ и супружеской невѣрности, расплатился тою же монетою. Завязалась полемика крайне нецеремонная и неопрятная, плохо рекомендующая равно обѣ стороны.

Марья Алексѣевна совершенно отрицала исторію ея связи съ Транзеемъ. Чрезъ своего повѣреннаго она утверждала, что Транзей былъ пріятелемъ не ея, а ея мужа, что до пріѣзда въ Петербургъ она его вовсе не знала, а по отъѣздѣ никогда потомъ съ нимъ не встрѣчалась, что, само собой разумѣется, мужъ никогда не заставалъ ее съ нимъ «въ непристойномъ обращеніи въ спальнѣ», и доказать этого не можетъ, такъ какъ самой связи у нея съ Транзеемъ не было, въ чемъ она ссылалась на свидѣтельство сего послѣдняго и выражала готовность идти подъ присягу. Да и странно: если бы что нибудь похожее и было, то какъ же мужъ терпѣлъ невѣрность жены, допускалъ въ домъ ея любовника, не заявилъ объ этомъ ни своимъ родителямъ, ни подлежащей духовной власти, и

только спустя нѣсколько лѣтъ разрѣшился на этотъ счетъ громогласнымъ обличеніемъ? Какъ это объяснить? А вотъ что касается поведенія его самого, такъ жена имѣетъ честь необлыжно доложить суду, что онъ, точно, велъ себя въ супружествѣ весьма «невоздержно», а именно: «имѣлъ связь съ крѣпостною жены своей дѣвкою и обращался въ непотребныхъ домахъ, а чрезъ сіе первый подалъ причину» къ семейному разстройству. Есть и свидѣтель его «обращенія въ непотребныхъ домахъ»—капитанъ артиллеріи Муравьевъ. Мало этого. Будучи совершенно невинной, жена терпѣла не только невѣрность со стороны мужа, но и тиранство: онъ билъ ее и, когда разъ отъ нанесенныхъ имъ побоевъ она лежала въ постели, тесть имѣлъ жестокость выслать ее вонъ изъ дома... Что жъ ей оставалось дѣлать? Она увидѣла невозможность жить долѣе съ мужемъ, тѣмъ не менѣе не переставала стараться помириться съ нимъ, а если послала ему извѣстный «отзывъ», то единственно ради полученія на свои руки возлюбленной дочери своей.

Ганнибалъ не оставилъ этого отвѣта безъ возраженій, многоглаголивыхъ, бранчивыхъ, уснащенныхъ новыми кляузами, но нисколько не подкрѣпившихъ ни его обвиненія, ни его защиты. Главное, что ничего этого не нужно было даже съ чисто процессуальной точки зрѣнія. Весь этотъ совокупными усиліями супруговъ вынесенный изъ избы грязный соръ не нуженъ былъ ни для одной изъ сторонъ, въ интересѣ выигрыша дѣла, и такъ безполезнымъ соромъ въ процессѣ и остался, какъ увидимъ дальше. Онъ мало прибавляетъ и для освѣщенія личности нашихъ героевъ, такъ какъ выбалтывался сгоряча, въ пылу сутяжнической полемики и, вѣроятно, былъ плодомъ раздраженнаго воображенія въ значительной доли.

Гораздо существеннѣе для исхода процесса былъ вопросъ, точно ли Ганнибалъ получилъ отъ полковника Пушкина вышеупомянутое письмо о смерти Марьи Алексѣевны? Этимъ вопросомъ и заинтересовалась псковская консисторія и на основаніи его рѣшенія изрекла свой приговоръ относительно двоебрачія подсудимаго. Письмо, дѣйствительно, существовало и было предъявлено суду (въ дѣлѣ имѣется его копія), но доказать его подлинность Ганнибалу не удалось. Призванный въ 1780 году по этому предмету въ псковскую консисторію, М. А. Пушкинъ заявилъ наотрѣзъ, что никогда никакого письма въ этомъ родѣ онъ не писалъ, а, обозрѣвъ предъявленное Ганнибаломъ, далъ такое показаніе:

«По объявленіи мнѣ сего письма, по совѣсти и присяжной должности и по чести моей увѣряю, что оное писано и подписано подлинно не моею рукою, въ томъ и подписуюсь своеручно»... Къ этому онъ добавилъ поясненіе, что «изъ всего де ясно видно, что не токмо ему, Ганнибалу, невозможно было принять сіе письмо за подлинное его, Пушкина, но что и все сіе ощутительно ложно, и

вѣроятнѣе, что онъ, Ганнибалъ, сдѣлавъ такое беззаконіе (отъ живой жены женился) и изыскивая способъ къ своему оправданію, сочинилъ самъ сіе подложное письмо. Да хотя бы и такъ, какъ онъ объявляетъ, что оное письмо принялъ за подлинное его, Пушкина, то можно ли вообразить, чтобы человѣкъ съ здравымъ разсудкомъ, не освѣдомясь нигдѣ о смерти жены своей и имѣя способъ вѣрно узнать это въ домѣ тетки ея родной, генералъ-маіорши Квашниной-Самариной, которой домъ ему очень извѣстенъ и неподалеку отъ дома отца его,—на такомъ сомнительномъ письмѣ основался и приступилъ къ такому важному преступленію»?

Взаключеніе Пушкинъ заявилъ, что, если бы всѣхъ этихъ «ясныхъ изобличеній» не довольно было, то онъ «безъ всякаго угрызенія совѣсти клятвенно утверждать будетъ, что того письма о смерти сестры своей не писывалъ, и что оно точно подложное. А ему, Ганнибалу, на присягу отдать, въ силѣ законовъ, не должно, ибо, вступивъ въ беззаконный второй бракъ, сдѣлался онъ явнымъ клятвопреступникомъ и прелюбодѣемъ». Пушкинъ при этомъ просилъ съ означеннымъ подложнымъ письмомъ «учинить въ силѣ законовъ о пасквильныхъ письмахъ».

Отрицать подложность письма не было возможности, но Осипъ Абрамовичъ не сдался и не растерялся. Онъ поднялся на уловку, отчаянная смѣлость которой была ребячески-наивна и просто забавна. Сперва онъ пытался оспоривать Пушкина, искалъ «хотя малое сходство» между почерками его и тѣмъ, которымъ было написано сомнительное письмо, старался поймать его на противорѣчіи, жаловался, что онъ, «яко самовластный судія, прежде суда и резолюціи дерзаетъ называть его, Ганнибала, явнымъ клятвопреступникомъ и прелюбодѣемъ», но потомъ, признавъ письмо подложнымъ, сталъ увѣрять, что какъ оно, такъ и слухъ о смерти Марьи Алексѣевны, были сфабрикованы и пущены въ обращеніе не кѣмъ инымъ, какъ ею же самою и ея братомъ!

«Нѣтъ въ томъ ни малѣйшаго спора, ни сомнѣнія,—писалъ онъ въ прошеніи императрицѣ,—что первая жена моя жива и что, посему, означенное письмо подложно, но все дѣло состоитъ въ томъ, точно ли первая жена моя объявлена была умершею въ публикѣ [1]) и писалъ ли мнѣ о смерти ея родной ея братъ, Пушкинъ? А сіе все въ моей челобитнѣ (въ синодъ) неоспоримымъ доказано образомъ»...

---

[1]) Въ подтвержденіе существованія «въ публикѣ» слуха о смерти жены, Осипъ Абрамовичъ ссылался на письмо къ нему изъ Херсона брата его, И. А. Ганнибала, писавшаго ему, будто бы: «Марья Алексѣевна приказала вамъ долго жить, и дѣйствительно недавно умерла въ Москвѣ, а сказывала о томъ родня ея князю Мещерскому». Было ли такое письмо—неизвѣстно; въ дѣлѣ нѣтъ ни его подлинника, ни копіи; о немъ только мелькомъ упоминается въ запискѣ о дѣлѣ. Судъ не входилъ въ разсмотрѣніе этого обстоятельства, какъ вовсе не существеннаго.

Позднѣе, въ другомъ прошеніи, съ такою же основательностью утверждая, что «сіе все», будто бы, уже «доказано», онъ категорически обвиняетъ жену и ея брата въ коварномъ сочиненіи подложнаго письма и распространеніи слуха о ея смерти съ адскимъ умысломъ повредить ему.

«Сіе странное явленіе (т. е. фактъ, что Марья Алексѣевна не пожелала умереть) поразило меня крайне,—писалъ Осипъ Абрамовичъ,—и купно открыло, что Михайло Пушкинъ съ сестрою своею, зная о моей просьбѣ (къ архіерею) и чувствуя, что мнѣ по разводѣ и при жизни ея вторично жениться можно будетъ, умыслили прислать ко мнѣ упомянутое письмо на тотъ конецъ, что, если я, положась на извѣстіе его, Пушкина, просьбу (о разводѣ), какъ уже тогда ненужную, оставлю и женюсь вторично, какъ то и самою вещію случилось,—чрезъ то неправому ихъ дѣлу дамъ видъ вѣроятности и запутаю свое. Сей умыселъ ихъ тѣмъ болѣе оказался, что Пушкинъ отъ письма того, рукою его писаннаго (?), отрекся да и дерзнулъ еще упрекать меня въ сочиненіи того, чего я дѣлать ни малѣйшей не имѣлъ надобности, ибо бракъ мой съ сестрою его Пушкиной, въ силу вашего императорскаго величества законовъ, долженъ былъ упраздниться, такъ какъ упомянутый преосвященный въ томъ меня и увѣрилъ»...

Это были очень «затѣйныя доказательства», какъ охарактеризовали ихъ въ синодѣ, но крайне натянутыя, вполнѣ голословныя и потому неубѣдительныя. Самое основаніе ихъ никуда не годилось. Ганнибалъ утверждалъ, что архіепископъ Иннокентій «увѣрилъ» его обѣщаніемъ дать ему разводъ, о чемъ де узнали Пушкины и, опасаясь такого исхода, подстроили хитрую механику съ подложнымъ письмомъ. Не говоря уже о томъ, какъ могли бы свѣдать Пушкины объ устномъ объясненіи по этому предмету Ганнибала съ архіереемъ, да и было ли самое-то объясненіе,—совершенно неизвѣстно, съ чего «увѣрился» Осипъ Абрамовичъ, что Иннокентій такъ сейчасъ и дастъ ему разводъ по первому желанію? Дать его онъ могъ обѣщать, если окажутся для того достаточныя данныя; но, судя по строгости, съ какою отнесся псковскій владыка къ двоеженству нашего героя, совсѣмъ на него не похоже, чтобы онъ склоненъ былъ допускать въ этихъ дѣлахъ поблажки.

Немного нужно было проницательности и сообразительности для суда, чтобы разобраться въ жалкой защитѣ Ганнибала и прійдти къ безошибочной, справедливой оцѣнкѣ всего дѣла. На это вполнѣ хватило компетентности уже у псковской консисторіи, и ея слѣдствіе, выдержавъ провѣрку синода и генералъ-рекетмейстера, осталось неприкосновеннымъ, какъ вполнѣ согласное съ фактами, и послужило основаніемъ для окончательнаго рѣшенія дѣла.

Что касается взаимныхъ обвиненій супруговъ въ развратѣ и прелюбодѣяніи, то консисторія нашла ихъ, во-первыхъ, совершенно

бездоказательными и, помимо того, неумѣстными по отношенію къ дѣлу; во-вторыхъ, она обратила вниманіе на то, что Ганнибалъ «началъ показывать» на невѣрность жены «въ самое то время, когда уже самъ отъ нея, чрезъ вступленіе его въ незаконный бракъ, въ явномъ прелюбодѣяніи уличенъ; до того жъ времени, за симъ якобы виннословіемъ о разводѣ съ нею, формальной просьбы не имѣлъ»... «Сверхъ сего, по одному подозрѣнію, хотя бъ и доказано было, безъ явнаго въ прелюбодѣяніи обличенія, по слову Божію и законамъ, разводу чинить не слѣдовало».

Ганнибалъ ссылался, между прочимъ, на извѣстный намъ «отзывъ» жены, въ которомъ она давала ему и себѣ «златую вольность». Консисторія взглянула на это обстоятельство такъ: «Письма, представленныя отъ г. Ганнибала и жены его, увольняющія ихъ отъ брачнаго сожитія, какъ слову Божію и законамъ государственнымъ противныя, не могутъ быть сильны къ расторженію законнаго ихъ супружества».

Совсѣмъ не повезло также и «затѣйной» уловкѣ съ подложнымъ письмомъ Пушкина. Консисторія провалила ее съ слѣдственнымъ остроуміемъ и весьма оконфузила Осипа Абрамовича. Онъ заявилъ, что письмо было съ почты, что онъ получилъ его передъ праздникомъ Рождества Христова и что распечаталъ и прочиталъ его въ тотъ же день на ночлегѣ между Петербургомъ и Краснымъ Селомъ. Консисторія указала, что на письмѣ нѣтъ печати, которой не могло бы не быть, если бы письмо шло по почтѣ; потомъ, что на письмѣ рукою самого Ганнибала помѣчено: «получено декабря 30 дня 1778 г.»,—какъ же онъ утверждаетъ, что получилъ его до рождественскихъ праздниковъ? Наконецъ, въ довершеніе конфуза подсудимаго, консисторія доказала, что читать письмо на указанномъ имъ ночлегѣ онъ не могъ никоимъ образомъ по той простой причинѣ, что «никакого ночлега по близости отъ Петербурга до Краснаго Села и быть не могло» за отсутствіемъ на пути между ними селенія. Далѣе, изъ сличенія почерка Пушкина съ тѣмъ, которымъ написано было письмо, консисторія убѣдилась въ полномъ ихъ несходствѣ и признала письмо подложнымъ. Но, хотя бы письмо и было писано Пушкинымъ, то и тогда, по разсужденію консисторіи, Ганнибалу слѣдовало, прежде чѣмъ вступать во второй бракъ, добыть формальное подтвержденіе извѣстія о смерти своей первой жены. Теперь же, во всякомъ случаѣ, «бракъ, учиненный имъ съ г-жей Толстою, яко при живой законной женѣ, не можетъ быть оставленъ безъ расторженія», со всѣми вытекающими отсюда послѣдствіями.

Все это было вполнѣ логично и согласно съ существующими узаконеніями; но Осипъ Абрамовичъ не склонялъ повинной головы и упорно продолжалъ ходатайствовать, кланяться, спорить и наскучать моленіями и жалобами.

VIII.

Эпилогъ.

Когда состоялось рѣшеніе дѣла въ псковской консисторіи, по резолюціи преосвященнаго Иннокентія, Ганнибалъ обратился первоначально за покровительствомъ къ мѣстному генералъ-губернатору Я. Е. Сиверсу. Это былъ сильный, вліятельный человѣкъ, и Осипъ Абрамовичъ находился у него, какъ надо думать, въ фаворѣ.

Сиверсъ хорошо зналъ дѣло своего протеже, слѣдовательно, зналъ, что оно не можетъ быть выиграно безъ нарушенія законовъ, и тѣмъ не менѣе нашелъ умѣстнымъ вмѣшаться въ него, въ намѣреніи склонить давленіемъ своего авторитета вѣсы правосудія на сторону Ганнибала. Впрочемъ, Яковъ Ефимовичъ сдѣлалъ это очень осторожно и неопредѣленно хлопоталъ только объ «облегченіи» участи своего фаворита.

19 января 1781 года, архіепископъ псковскій постановилъ извѣстную намъ резолюцію по дѣлу Осипа Абрамовича, а 29 того же января Сиверсъ послалъ ему слѣдующее заступническое письмо:

«Высокопреосвященнѣйшій владыко,

«милостивѣйшій государь!

«Чрезъ мѣру несчастное положеніе Іосифа Авраамовича Ганнибала не могло бъ, конечно, быть имъ перенесено, если бъ не оставалось ему надежды на великодушіе вашего преосвященства. Безъ всякаго прекословія пріемлетъ онъ долю ему рѣшеніемъ пагубнаго его дѣла назначенную, но, признавая оное справедливымъ, зритъ единую надежду въ томъ, что вашему преосвященству свѣдомъ не былъ ни честнѣйшій характеръ его, ни отмѣнныя достоинства его души, доказательныя всего болѣе тѣмъ, что онъ, единогласно почти будучи признанъ обществомъ достойнѣе всѣхъ прочихъ, выбранъ по большинству голосовъ въ первые засѣдатели совѣстнаго суда. Онъ возьметъ смѣлость прибѣгнуть къ вамъ, милостивый государь, съ покорнѣйшею просьбою о облегченіи несчастнаго его жребія, коль скоро консисторіею объявлено ему будетъ назначенное съ нимъ поступленіе, и смѣетъ уповать, что сострадательный несчастнымъ духъ вашего преосвященства не отринетъ его моленіе. Вы уважите, конечно, милостивый государь, и сравните аттестатъ цѣлаго намѣстническаго общества съ проступкомъ, имѣющимъ причиною несчастіе, нанесенное ему первою (женою), и нѣжную любовь ко второй его женѣ, сопровожденныя ложнымъ письмомъ, къ несчастію его, о смерти первой жены, къ нему дошедшимъ. Къ сему еще прибавить я могу, по личному свѣдѣнію,

что онъ, по бытности его близь полтретья года въ намѣстничествѣ, всемѣстно заслуживалъ самое то жъ одобреніе, впрочемъ имѣю честь быть» и т. д. (Письмо помѣчено Псковомъ).

Это лестное для псковской репутаціи Ганнибала письмо не оказало, повидимому, никакого дѣйствія на дальнѣйшій ходъ дѣла, хотя Осипъ Абрамовичъ часто на него ссылался въ своихъ челобитныхъ. Къ тому же, Сиверсъ ходатайствовалъ только объ «облегченіи» и смягченіи «справедливаго» приговора консисторіи, а Ганнибалъ, во-первыхъ, не хотѣлъ признавать его справедливымъ и, во-вторыхъ, хлопоталъ объ узаконеніи его втораго брака, т. е. о ниспроверженіи для его удовольствія всѣхъ существующихъ на этотъ предметъ законовъ и правилъ св. отецъ. Иннокентій, разумѣется, не могъ допустить этого даже и по просьбѣ Сиверса. Тогда Осипъ Абрамовичъ бросился добиваться своего и жаловаться на «притѣсненія» и «несправедливости» консисторіи и архіерея въ синодъ; но здѣсь оказалось, что онъ пропустилъ срокъ для аппеляціи и потерялъ на нее право, не опротестовавъ своевременно опредѣленія консисторіи. Впрочемъ, синодъ вошелъ въ разсмотрѣніе дѣла и нашелъ его рѣшеніе псковскою епархіальною властью совершенно правильнымъ, а желаніе Ганнибала сохранить неприкосновеннымъ его второй бракъ—вещью «отнюдь невозможной», величайшимъ «соблазномъ, какой въ церкви терпимъ быть не можетъ».

Осѣкшись въ синодѣ, Осипъ Абрамовичъ началъ «со слезами прибѣгать къ престолу, на немъ же предсѣдаютъ милость и правосудіе», умоляя государыню «освободить изнемогшую уже невинность отъ рукъ Пушкиныхъ, преуспѣвающихъ хитростію и пролазами», и отъ «притѣсненій со стороны духовнаго правительства».

Въ дѣлѣ имѣется нѣсколько его прошеній на высочайшее имя, длинныхъ и сокращенныхъ, поданныхъ втеченіе пяти лѣтъ, съ 1781 по 1786 годъ. Всѣ они написаны очень витіевато, но, въ сущности, повторяютъ одно другое и никакихъ новыхъ доводовъ и обстоятельствъ не заключаютъ. Вотъ суть этихъ моленій, какъ они выражены въ одной изъ челобитныхъ:

«Всечеловѣколюбивѣйшая мать отечества! — пишетъ Ганнибалъ. — Вся строгость законовъ устремлена на меня одного и жену мою, нимало не касаясь виновниковъ того прегрѣшенія (т. е. Пушкиныхъ), коего мы, жена моя безъ наименьшей вины, а я уловленъ обманомъ, учинилися участниками. Воззрите чадолюбивымъ окомъ на понесенныя нами чрезъ толико лѣтъ безпокойствія, убытки и поношенія, и повелите, по данной вамъ отъ Бога власти, утвердить второй мой бракъ и освободить меня отъ положенной эпитиміи! Такое матернее благодѣяніе возстановитъ гиблющую честь жены моей и приведетъ въ забвеніе всѣ мои претерпѣнія, наполня сердца наши вѣчнымъ благоговѣніемъ къ божественной особѣ!»...

Чтобы моленія были громче, убѣдительнѣе и скорѣе дошли по назначенію, въ нихъ вскорѣ приняла участіе и Устинья Ермолаевна, очень, какъ видно, заинтересованная, да это и понятно, исходомъ дѣла. Въ дѣлѣ находится нѣсколько ея всеподданнѣйшихъ прошеній, въ такомъ родѣ:

«Ваше императорское величество, нося на себѣ образъ всевышняго отца и обладателя, всюду изливаете милость и правосудіе, которыхъ плоды, переходя предѣлы свышеданнаго вамъ правленія, распространяются и до отдаленнѣйшихъ земли областей,— удостойте и меня, всеподданнѣйшую рабу вашу, матерняго вашего вниманія! Уже тому три года, какъ несу я тяжкое иго разлученія отъ мужа моего, питаяся надеждой, что законъ, который мнѣ далъ онаго, паки мнѣ возвратитъ его; но сія надежда пресѣклась рѣшеніемъ святѣйшаго синода, который первую жену мужа моего, преступившую въ сожитіи съ нимъ всѣ правила благоразумія и пристойности, нарушившую святость брака... призналъ законною женою или оправданною и далъ ей свободу... напротивъ того меня, которая вступила въ супружество законнымъ порядкомъ, объявилъ незаконной женою и съ нимъ разведенною безъ всякой вины моей, чрезъ что̀ честь благороднаго воспитанія женщины, главное ея украшеніе, въ публикѣ отъемлется»... Далѣе просительница «ласкаетъ себя надеждою», что «милосердая мать отечества возстановитъ спокойствіе отчаяннаго духа ея возвращеніемъ ей мужа», тѣмъ паче, что, «кромѣ Іосифа Ганнибала, она ни съ кѣмъ жить не желаетъ», тогда де какъ первая жена «и слышать о томъ не хочетъ»...

Безъ сомнѣнія, прошенія Толстой писались свѣдома и по внушенію Ганнибала, такъ какъ въ нихъ та же аргументація, что̀ и въ его собственныхъ ходатайствахъ, тѣ же жалобы на несправедливость и кривосудіе «низшихъ правительствъ», тѣ же голословныя, желчныя и несовсѣмъ приличныя кляузы на Марью Алексѣевну и Пушкиныхъ, вообще, и тѣ же неосуществимыя вожделѣнія, свидѣтельствующія прочную и нѣжную любовь между незаконными супругами. Конечно, любовь такая имѣла тогда, какъ и всегда, свои права и, съ абстрактно-либеральной точки зрѣнія, стремленіе въ данномъ случаѣ закона расторгнуть живой сердечный союзъ во имя мертваго и самого̀ собой разрушившагося, ради соблюденія буквы установленій, было безплоднымъ, прямолинейнымъ и, къ тому же, однимъ лишь формальнымъ насиліемъ, такъ какъ, въ результатѣ, искореняемое имъ, якобы, прелюбодѣяніе, безъ сомнѣнія, вовсе здѣсь не прекращалось, а, напротивъ, являлось естественнымъ исходомъ. Но въ настоящемъ случаѣ вопросъ не ставился и не могъ ставиться такъ широко, герои наши не ратовали о свободѣ любви и свободѣ развода; они старались отстоять свой союзъ на почвѣ дѣйствующаго законодательства, и — тогда нельзя

не подивиться, какъ могли они хотя одну минуту обольщаться, что предержащая власть санкціонируетъ ихъ противозаконный бракъ? Даже надѣяться на царскую милость было дерзостью, ибо проявленіе милости въ этомъ случаѣ, въ мѣру желаній просителей, сопровождалось бы нарушеніемъ основныхъ законовъ и правилъ церкви. Нужно, поэтому, предположить, что — была ли, или не была у Ганнибала и его подруги такого рода надежда, но былъ несомнѣнно разсчетъ, и очень вѣрный, многократнымъ опытомъ на Руси оправданный, — затянуть дѣло до послѣдней возможности и тѣмъ отсрочить тяжелую и непріятную его развязку!

А, между тѣмъ, пока Осипъ Абрамовичъ и Устинья Ермолаевна тянули дѣло, истощаясь въ сочиненіи и подачѣ краснорѣчиво-жалобныхъ прошеній, Марья Алексѣевна, съ своей стороны, торопилась получить изъ имѣнія своего эксъ-супруга предписываемую закономъ часть. Этотъ вопросъ тоже разрѣшился нескоро, благодаря, главнымъ образомъ, противодѣйствію Ганнибала. Хотя онъ неоднократно повторялъ во всеподданнѣйшихъ прошеніяхъ, что онъ, «къ отвращенію всякаго первой своей жены неудовольствія, и не будучи обязанъ, отдаетъ ей, вкупѣ съ малолѣтнею дочерью, четвертую часть своего отцовскаго имѣнія», но, когда увидѣлъ, что такимъ великодушіемъ съ его стороны не подкупается власть въ пользу узаконенія втораго его брака, то пустился ставить всяческія препоны и затрудненія удовлетворенію претензіи Марьи Алексѣевны.

Искъ Марьи Алексѣевны производился въ верхнемъ земскомъ судѣ и былъ рѣшенъ въ ея пользу, благодаря, между прочимъ, протекціи А. Ланскаго и содѣйствію ея шурина, Ивана Абрамовича Ганнибала. Ланской лично просилъ императрицу за Марью Алексѣевну и, какъ онъ пишетъ въ письмѣ къ генералъ-рекетмейстеру, Аркадію Ивановичу Терскому, отъ 14-го февраля 1783 года, «получилъ всемилостивѣйше соизволеніе, чтобы отнестись» съ ея челобитной къ нему, Терскому, который, вслѣдствіе этого, уже 18-го того же февраля, сдѣлалъ по этому дѣлу докладъ государынѣ и получилъ приказаніе «собрать всѣ слѣдующія къ нему обстоятельства».

При такомъ вліяніи, дѣло повернулось мигомъ. По порученію Терскаго, разрыты были архивы и оттуда извлечены всѣ нужныя свѣдѣнія объ имѣніяхъ Ганнибаловъ. Извлечена была, между прочимъ, жалованная отъ 1742 года грамота императрицы Елисаветы Абраму Петровичу Ганнибалу на псковскія имѣнія — пригородъ Вороничъ, съ деревнями, въ количествѣ 569 душъ, который принадлежалъ царевнѣ Екатеринѣ Ивановнѣ, а по ея смерти былъ приписанъ «ко двору». Въ данную же минуту, по генеральной переписи, за Ганнибалами числилось въ Псковской и Петербургской губерніяхъ слишкомъ 1,200 душъ, изъ коихъ, «по полюбовному раз-

дѣлу съ братьями», на долю Осипа Абрамовича приходилось 323 души.

По докладѣ этихъ справокъ государынѣ Терскимъ, она положила (въ мартѣ того же 1783 года) такую резолюцію: «Какъ изъ дѣла значится, что Ганнибалъ въ поданномъ его величеству прошеніи упоминалъ, что онъ отдаетъ женѣ его четвертую часть изъ своего наслѣдства, для того бригадиру Турчанинову отобрать свѣдѣніе — въ какихъ, именно, деревняхъ та, назначенная отъ Ганнибала, часть состоять должна, и что покажетъ — доложить».

Очевидно, императрица заинтересовалась этимъ дѣломъ, вслѣдствіе чего исполнители ея воли не давали ему залеживаться. Къ тому же, Турчаниновъ, повидимому, и безъ того принималъ близкое участіе въ этомъ дѣлѣ, въ интересѣ Марьи Алексѣевны, и велъ о немъ частную переписку съ Иваномъ Абрамовичемъ Ганнибаломъ, находившимся тогда въ Херсонѣ. Можно такъ заключить, за неимѣніемъ болѣе обстоятельнаго слѣда этихъ особыхъ отношеній, по слѣдующему письму къ Турчанинову И. А. Ганнибала, отъ 19-го февраля 1782 года, которое указываетъ также на роль послѣдняго въ распрѣ супруговъ.

«Милостивый государь мой Петръ Ивановичъ! — пишетъ Ганнибалъ. — Нерѣшимость моя еще въ домашнихъ моихъ обстоятельствахъ причиною моего молчанія на полученное отъ васъ письмо, а нынѣ какъ я намѣреніе принялъ вступить въ раздѣлъ съ братьями, то за должность почелъ васъ о семъ извѣстить. Увѣдомляю притомъ васъ, что соединеніе невѣстки моей съ братомъ, сколько моего старанія ни было, оказывается быть дѣломъ невозможнымъ и принужденіе сіе (къ сему?), кажется, съ обѣихъ сторонъ будетъ безполезно; но я, не опровергая ничѣмъ справедливое ея требованіе, въ разсужденіе дочери брата моего, которая, конечно, по непримиримому несогласію родителей своихъ, безвинно пострадать можетъ, вхожу въ такое жалостное состояніе и даю мой совѣтъ: первое, просить правленіе (правительство) доставшееся на часть брата моего послѣ отца недвижимое имѣніе запретить ему продавать и закладывать; потомъ, такъ какъ ему достаются деревни и усадьбы въ двухъ мѣстахъ, то, чтобы одно было отдано ему, а другое невѣсткѣ съ дочерью на содержаніе, какъ единственной наслѣдницѣ и всего имѣнія. Изъ сего видите безпристрастіе, съ которымъ я о семъ дѣлѣ сужу, не входя въ подробность причины ихъ ссоры, которыя мнѣ истинно неизвѣстны, а желая единственно, чтобы симъ спокойствіе обѣихъ сторонъ, сколько въ таковыхъ худыхъ обстоятельствахъ возможно, доставлено было. Я жъ, препоручая себя въ вашу дружбу и благосклонность, съ должнымъ почтеніемъ честь имѣю быть» и т. д.

Письмо это очень важно. Оно прекрасно характеризуетъ благородную и миролюбивую личность Ивана Абрамовича, какою она и

сохранилась въ памяти у исторіи. Потомъ, изъ него мы узнаемъ, что были попытки со стороны родни разведенныхъ супруговъ— помирить ихъ и опять свести, попытки безплодныя, въ которыхъ особенно дѣятельное участіе принималъ Иванъ Абрамовичъ. Далѣе, что до 1783 года Ганнибалы не подѣлились еще окончательно доставшимся имъ послѣ отца наслѣдствомъ, и этимъ объясняется отчасти переписка Турчанинова съ Иваномъ Абрамовичемъ по предмету удовлетворенія претензіи Марьи Алексѣевны. Миротворное вмѣшательство послѣдняго въ это дѣло, какъ старшаго брата— главы семейства, являлось естественнымъ и понятнымъ. Вѣроятно, объ этомъ просила его и Марья Алексѣевна, которой онъ держалъ руку; но сладиться съ Осипомъ Абрамовичемъ и согласить его на добровольную сдѣлку съ разведенной женою не было возможности. Онъ ломался и ставилъ всяческія затрудненія достиженію окончательной развязки. Дѣло дошло, какъ мы видѣли, до государыни, которая поручила оформить его Турчанинову.

Получивъ это порученіе, Турчаниновъ опять обратился къ посредничеству Ивана Абрамовича Ганнибала, случившагося на тотъ разъ въ Петербургѣ, и «наконецъ, — какъ онъ пишетъ Терскому въ ноябрѣ 1783 года, — И. А. доставилъ ему отзывъ, заключающій въ себѣ рѣшительное средство къ безобидному обѣихъ тяжущихся сторонъ окончанію дѣла ихъ». Препровождая этотъ «отзывъ», Турчаниновъ извѣщалъ Терскаго, что императрица знаетъ о немъ и желаетъ, чтобы Терскій не замедлилъ представить ей полный докладъ обо всемъ дѣлѣ Ганнибала вообще.

«Отзывъ» И. А. Ганнибала заключался въ письмѣ къ Турчанинову слѣдующаго содержанія:

«М. г. Согласенъ будучи съ предложеніемъ вашимъ, касающимся до дѣлъ брата моего съ бывшей его женою, старался я, сколько возможности моей было, преклонить его къ рѣшительному съ нею положенію, но съ огорченіемъ моимъ долженъ теперь вамъ сознаться, что тщетны были на сей случай всѣ мои дружескіе совѣты и что не могъ его никакъ привести на мысль означающаго человѣка здраваго и безпристрастнаго разсудка. Потерявъ тогда всю надежду предуспѣть въ моемъ желаніи къ прекращенію всего и недопущенію фамильныхъ нашихъ дѣлъ къ обремененному важнѣйшими дѣлами престолу ея величества, нахожу еще единственно сіе средство — полагая изъ доставшагося мнѣ одному послѣ отца нашего капитала выдать на содержаніе ея (невѣстки) и воспитаніе малолѣтней дочери брата моего десять тысячъ рублей. Уповаю, м. г. мой Петръ Ивановичъ, что рѣшеніе мое по справедливости должно бы почитаться безобиднымъ для обѣихъ сторонъ. Что жъ касается до недвижимаго имѣнія брата моего, которое, по нынѣшнему его ослѣпленію и пущему его раззоренію, можетъ быть имъ расточено, то я увѣренъ, что въ святѣйшихъ законахъ премудрой

нашей монархини найдется средство отвратить и не допустить его до неминуемаго сего несчастья. Я, прося покорнѣйше вашего въ томъ посредства, съ истиннымъ моимъ почтеніемъ имѣю честь» и т. д. (Письмо помѣчено 8-мъ ноября 1783 года).

Какъ можно судить по этому письму, Иванъ Абрамовичъ въ ту минуту былъ раздраженъ на брата за его упрямство, строптивое безразсудство и «ослѣпленіе», т. е., очевидно, «ослѣпленіе» привязанностью къ Устиньѣ Ермолаевнѣ. Намекъ этотъ довольно прозрачный и дающій понять, что вторая жена Осипа Абрамовича и его союзъ съ нею не были пріятны Ганнибаламъ, тѣмъ болѣе, что опасеніе Ивана Абрамовича на счетъ того, какъ бы «ослѣпленіе» брата не разрѣшилось расточеніемъ его имѣнія въ угоду и въ пользу Толстой, имѣло свои основанія. Съ своей стороны, и Осипъ Абрамовичъ не могъ быть доволенъ вмѣшательствомъ въ его тяжбу старшаго брата, миротворные «дружескіе совѣты» котораго, клонившіеся къ «безобидному» для обѣихъ сторонъ соглашенію, были ему не по вкусу, казались ему не родственными, а враждебными и только пуще раздражали его неугомонный, эгоистически-капризный нравъ. Вдобавокъ, какъ потомъ оказалось, Осипъ Абрамовичъ былъ недоволенъ и раздѣломъ отцовскаго наслѣдства, считалъ себя обиженнымъ старшимъ братомъ, и въ такой степени, что жаловался на него за это императрицѣ косвеннымъ путемъ. Вообще, тяжба супруговъ отразилась и на родственныхъ отношеніяхъ братьевъ, посѣявъ между ними остуду и непріязнь.

«Рѣшительное средство» для развязки тяжбы, предложенное Иваномъ Абрамовичемъ, не было вполнѣ принято, но несомнѣнно, письмо его Турчанинову повліяло на рѣшеніе дѣла и на скорость самаго рѣшенія. Тогда онъ былъ уже генералъ-поручикомъ, былъ лично извѣстенъ государынѣ и пользовался ея благоволеніемъ, какъ дѣятельный, заслуженный воинъ и администраторъ. Понятно, что голосъ такого человѣка, поданный въ пользу иска невѣстки, долженъ былъ оказать вѣское дѣйствіе на исходъ послѣдняго.

Въ январѣ 1784 года, Терскій, исполняя волю императрицы, подалъ ей подробный докладъ о дѣлѣ, а 17-го того же января состоялся уже высочайшій указъ съ окончательной резолюціей, положенной государынею.

«Ея императорское величество высочайше указать соизволила,— говорится въ этой резолюціи,—1) Марью Пушкину Осипу Ганнибалу почитать законною женою; 2) учиненный имъ второй бракъ съ Толстою — уничтоженнымъ и ее за законную ему не признавать; 3) за учиненное Ганнибаломъ преступленіе вступленіе во второй бракъ при живой женѣ, вмѣсто наложенной на него церковной эпитиміи, послать его на корабляхъ въ Средиземное море, дабы онъ тамъ службою съ раскаяніемъ своимъ содѣланное имъ преступленіе заслужить могъ; 4) что принадлежитъ до прошенія Ганниба-

ловой жены, по отцѣ Марьи Пушкиной, о доставленіи ей на прожитокъ изъ мужняго имѣнія, то, какъ она, въ письмѣ своемъ къ мужу, отъ 18-го мая 1776 года, за свидѣтельствомъ брата ея, написала, что она отъ него и отъ наслѣдниковъ его на содержаніе свое ничего требовать не будетъ, то затѣмъ и нынѣ ей, при живомъ ея мужѣ, какъ на то и закону нѣтъ, изъ имѣнія его ничего опредѣлять не слѣдуетъ; 5) назначенную самимъ Ганнибаломъ въ подданномъ ея величеству прошеніи четвертую часть его недвижимаго имѣнія отдать въ вѣдомство дворянской опеки, дабы оная употреблена была въ пользу и на содержаніе малолѣтней Осипа Ганнибала дочери».

Резолюція эта во многомъ существенно разнится отъ консисторской и синодской. Прежде всего императрица, какъ видно, не признала расторженія брака Осипа Абрамовича съ Марьей Алексѣевной, хотя оно и было уже совершившимся на законномъ основаніи фактомъ, и ни одна изъ сторонъ этому не противилась; напротивъ, обѣ были очень рады разводу. Любопытно, что Екатерина въ данномъ случаѣ превзошла даже духовную власть строгостью консерватизма въ соблюденіи закона о ненарушимости брака. Такимъ образомъ супружество нашихъ героевъ по конецъ ихъ жизни и оставалось de jure нерасторженнымъ.

Замѣчательно также, что императрица, не придавъ никакого значенія домашнему письменному договору супруговъ о разводѣ, разрѣшенномъ впослѣдствіи и законнымъ порядкомъ, тотъ же договоръ въ пунктѣ ихъ имущественныхъ отношеній сочла дѣйствительнымъ и приняла его за основаніе въ рѣшеніи ихъ тяжбы, не смотря даже на то, что ни одна изъ сторонъ на признаніи этого документа и принятіи его къ руководству въ данномъ случаѣ не настаивала. Мы говоримъ о резолюціи императрицы по предмету удовлетворенія матеріальнаго иска Марьи Алексѣевны, въ чемъ неожиданно возымѣлъ теперь силу извѣстный намъ поспѣшный «отзывъ» послѣдней, которымъ она въ горячую минуту отказывалась отъ права на полученіе своей доли изъ имѣнія мужа. Для Марьи Алексѣевны, отрекшейся потомъ отъ этого обязательства и желавшей, чтобы судъ его игнорировалъ, какъ не имѣющую силы бумажку, рѣшеніе императрицы могло показаться тѣмъ болѣе неожиданнымъ и неблагосклоннымъ, что, вѣдь, самъ мужъ соглашался во всеподданнѣйшихъ челобитныхъ добровольно удовлетворить ея претензію! Соглашался на это, какъ мы знаемъ, и братъ его...

Впрочемъ, рѣшеніе это было бы вполнѣ послѣдовательно, какъ вытекающее изъ признанія брака супруговъ нерасторженнымъ и дѣйствительнымъ, если бы ему не противорѣчило постановленіе о выдѣлѣ изъ имѣнія отца четвертой части «на содержаніе» дочери. Если было отказано выдѣлить жену на томъ, между прочимъ, основаніи, что бракъ ея съ мужемъ признавался въ силѣ, и предпо-

лагалось, слѣдовательно, что они станутъ жить вмѣстѣ и блюсти относительно другъ друга всѣ супружескія обязательства, то—на какой же конецъ и съ какого резона выдѣлялась несовершеннолѣтняя дочь, ея содержаніе поручалось опекѣ и, вообще, она какъ бы отнималась отъ родителей? Юридически и логически это была несообразность, но, такъ какъ государыня, конечно, не вѣрила въ дѣйствительное возстановленіе брака супруговъ по указу и желала оградить интересы и «пользу» малолѣтней ихъ дочери, то ея рѣшеніе, при всей его непослѣдовательности, имѣло практическій, реальный смыслъ и достигало цѣли правительственнаго «призрѣнія».

Очень своеобразно наложенное государыней наказаніе на Ганнибала за двоебрачіе! Намъ теперь трудно понять совмѣщеніе въ путешествіи «на корабляхъ въ Средиземное море», съ одной стороны, добровольной и почетной службы царской за честь и славу, и, съ другой — покаяннаго униженія и неволи въ наказаніе за уголовное преступленіе. Наказаніе полагалось, именно, въ самой службѣ, въ самомъ путешествіи, такъ какъ никакими другими правовыми лишеніями и ограниченіями для Ганнибала оно не сопровождалось; при всемъ томъ назначеніе приходилось ему вполнѣ по плечу, такъ какъ онъ былъ опытный, старый морякъ по ремеслу. Впрочемъ, для Ганнибала это было, дѣйствительно, наказаніе, во-первыхъ, какъ всякое принужденіе, какъ служба за неволю, а, во-вторыхъ,—его насильно разлучали, и на этотъ разъ уже не формально только, съ любимой женщиной, нѣжный союзъ съ которой былъ такъ ему дорогъ и такъ горячо имъ отстаивался. Излишне говорить, что до этой поры, не взирая на строгій запретъ церковной власти, Осипъ Абрамовичъ продолжалъ непрерывно жить вкупѣ съ Устиньей Ермолаевной, какъ законные мужъ и жена, каковыми они себя упорно выдавали. Только уже послѣ рѣшенія дѣла императрицей, Устинья Ермолаевна, вѣроятно, по энергическому внушенію сверху, перестаетъ оффиціально именовать себя прямой женою Ганнибала и его—своимъ законнымъ мужемъ, но прибавляетъ: «бывшая жена», «бывшій мой мужъ, котораго я съ прискорбіемъ бывшимъ именую»... Жили они во время производства дѣла въ мызѣ Руновѣ, близь Петербурга; но теперь должны были разстаться.

По справедливости, Осипъ Абрамовичъ долженъ былъ бы счесть резолюцію императрицы очень для себя милостивой: она избавляла его отъ суровой церковной семилѣтней эпитиміи, отъ заключенія въ монастырѣ, и сверхъ того, освобождала отъ обязанности выдѣлить часть имѣнія на удовлетвореніе иска первой жены. Большаго снисхожденія нельзя было желать; но Ганнибалъ остался недоволенъ и продолжалъ тяжбу еще нѣсколько лѣтъ съ неутомимой энергіей. Разумѣется, онъ не смѣлъ оспаривать высочайшую резолюцію, но нашелъ окольные пути еще, сколько можно было, по-

тягаться съ противной стороной, на этотъ разъ только уже относительно одного матеріальнаго пункта дѣла. Онъ прицѣпился къ выдѣлу изъ его имѣнія четвертой доли для дочери, находя его неправильнымъ, и обжаловалъ его.

Выдѣлъ этотъ былъ произведенъ, въ исполненіе высочайшаго указа, верхнимъ земскимъ судомъ въ апрѣлѣ 1784 года. У Ганнибала была отобрана въ опеку для его дочери деревня Кобрина со всѣми угодьями, въ Софійскомъ уѣздѣ, а опекунами назначены генералъ-маіоръ Петръ Абрамовичъ Ганнибалъ и статскій совѣтникъ (бывшій подполковникъ) Михаилъ Алексѣевичъ Пушкинъ. Въ октябрѣ того же года Осипъ Абрамовичъ обжаловалъ этотъ выдѣлъ въ палатѣ гражданскаго суда, требуя, во-первыхъ, возвращенія ему движимаго имущества изъ выдѣленной дочерней части и, во-вторыхъ, оспаривая правильность выдѣла недвижимаго имѣнія. Претензія его совершенно казуистическая и опиралась на крючкотворной игрѣ словами. Онъ доказывалъ, толкуя текстъ высочайшаго указа, что тамъ нѣтъ рѣчи объ отчужденіи движимости и что, опредѣленіемъ: «отдать въ вѣдомство дворянской опеки четвертую часть недвижимаго его, Ганнибала, имѣнія, состоящую близь С.-Петербурга изъ деревни Кобриной»,—императрица назначала, будто бы, на содержаніе Надежды Осиповны четвертую часть только лишь этой деревни, а не всего его имѣнія. Палата гражданскаго суда безъ труда опровергла это натянутое толкованіе, тѣмъ не менѣе, признала за Ганнибаломъ право на возвратъ ему мызы Руновой и нѣкоторой части деревни Кобриной, взятыхъ въ опеку цѣликомъ, такъ какъ онѣ, въ сложности, превосходили четвертую долю его имѣнія. Въ нихъ числилось 110 душъ крестьянъ; по разсчету же всего числа душъ, имѣвшихся у Ганнибала, четвертая часть ихъ составляла лишь 75 душъ, которыя, съ соотвѣтствующимъ количествомъ земли, и должны были, по опредѣленію палаты, перейдти въ дворянскую опеку на содержаніе Надежды Осиповны.

Рѣшеніе палаты не удовлетворило Осипа Абрамовича, но въ это время онъ, въ исполненіе высочайшей воли, долженъ былъ отправиться путешествовать въ Средиземное море и не могъ поэтому лично продолжать тяжбы. За него и, конечно, по его внушенію, стала вести ее Устинья Ермолаевна. Она подала на высочайшее имя два прошенія — одно въ ноябрѣ 1785 года, а другое въ августѣ 1786 года, очевидно, въ отсутствіе Осипа Абрамовича. Прошенія эти повторяютъ одно другое. Въ нихъ она, съ витіеватыми моленіями и воплями на «непріязненный ковъ, вымышленный врагами къ погубленію» ея и ея «бывшаго» мужа, жалуется на то, что опредѣленіе палаты гражданскаго суда, относительно размѣра выдѣла, осталось неисполненнымъ и что съ содѣйствія опекуновъ Надежды Осиповны, мать ея, хотя и «изъяснявшая многажды свое

отвращеніе» отъ сожительства съ Осипомъ Абрамовичемъ, тѣмъ не менѣе, «пользуется его имѣніемъ и титломъ», овладѣла всѣмъ Кобринымъ и имѣетъ въ немъ свое пребываніе. «Сверхъ сего, — продолжаетъ челобитчица, — братъ мужа моего, генералъ-поручикъ Иванъ Ганнибалъ, взялъ къ себѣ отданный въ ломбардъ отцомъ ихъ капиталъ въ 60,000 рублей, пять лѣтъ пользуется онымъ самъ и, хотя, наконецъ, двумъ своимъ братьямъ выдалъ изъ онаго по 10 тысячъ, но бывшему моему мужу, по многократнымъ требованіямъ и употребленнымъ въ присутственныхъ мѣстахъ просьбамъ (sic!), ничего изъ тѣхъ денегъ не отдаетъ и, однимъ словомъ, всемилостивѣйшая государя, втеченіе двухъ лѣтъ не могъ онъ (т. е. Осипъ Абрамовичъ) сыскать нигдѣ правосудія, къ которому затворенъ ему путь врагами, ищущими конечной его погибели»...

Такъ ли все это было, — неизвѣстно и сомнительно. Очевидно, Устинья Ермолаевна, выставляя эти обстоятельства односторонне, въ интересѣ лишь своего иска, проходила молчаніемъ истинные ихъ мотивы или завѣдомо ихъ искажала. Трудно объяснить, какъ и почему опекуны Надежды Осиповны стали бы самопроизвольно нарушать опредѣленіе палаты и захватывать беззаконно то, что ей не принадлежало? Тѣмъ труднѣе допустить это, что одинъ изъ нихъ былъ родной братъ Осипа Абрамовича... Или же сей послѣдній точно былъ такимъ, кругомъ обиженнымъ несчастливцемъ, что даже родные братья непрестанно замышляли «непріязненный ковъ» противъ него? Устинья Ермолаевна, какъ видно, категорически это утверждаетъ относительно Ивана Абрамовича, который де хищнически присвоилъ часть брата изъ отцовскаго капитала. Но и въ этомъ случаѣ достовѣрно лишь то, что у братьевъ, дѣйствительно, было объ этомъ пререканіе и,—очень любопытное указаніе,—дѣло доходило у нихъ до присутственныхъ мѣстъ, до формальной междоусобной тяжбы. По какому разсчету братья должны были подѣлить между собою отцовскій наслѣдственный капиталъ,—неизвѣстно, но изъ того обстоятельства, что на произведенное старшимъ братомъ распоряженіе по этому пункту изъ трехъ остальныхъ братьевъ жаловался одинъ лишь Осипъ Абрамовичъ, можно заключить, что дѣлежъ былъ сдѣланъ правильно. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Иванъ Абрамовичъ вовсе не имѣлъ намѣренія присвоить себѣ часть капитала, принадлежавшую Осипу Абрамовичу, но, вѣроятно, онъ не хотѣлъ отдавать ему ее на руки вначалѣ, потому что думалъ этими деньгами удовольствовать невѣстку и ея дочь, а потомъ изъ родственнаго опасенія, что взбалмошный братъ въ своемъ «ослѣпленіи» безъ пути растратитъ свой капиталъ. Что это было именно такъ, въ томъ убѣждаютъ насъ вышеприведенныя письма И. А. Ганнибала къ Турчанинову. Жалобы же Устиньи Ермолаевны подтверждаютъ только лишній разъ сложившееся у насъ представленіе о ея «бывшемъ» мужѣ, что онъ былъ человѣкъ безпокойный,

неуживчивый и со всѣми близкими разсорившійся во время процесса съ женою.

Устиньѣ Ермолаевнѣ нужно было, однако, обосновать свои челобитныя по дѣлу, съ юридической точки зрѣнія ей постороннему, и найдти новое подкрѣпленіе обоюднымъ ея съ Осипомъ Абрамовичемъ вожделѣніямъ.

«Я бы не осмѣлилась, — оговаривается она на этотъ счетъ въ своей просьбѣ, — изобразить здѣсь всѣ пріемы непріятелей бывшаго мужа моего къ отнятію его достоянія, если бы не сама отъ того погибала. Охотно бы отдалъ онъ мнѣ полученное за мною по рядной приданое, состоящее слишкомъ въ 27,000 руб., но исполнить того не въ состояніи, ибо за отнятіемъ мызы и движимаго состоянія и за неотдачею братомъ слѣдующаго капитала, не остается ему, кромѣ самой малой части раззоренныхъ псковскихъ деревень, но и тѣ, по случаю хлопотливыхъ и безплодныхъ исканій, обременены долгомъ и состоятъ въ закладѣ въ дворянскомъ банкѣ»... «Впрочемъ, — продолжаетъ она далѣе, — я не желаю раззорять его до основанія, не хочу уподобиться въ томъ врагамъ его, а потому и не прошу, чтобы на мое за приданое удовлетвореніе было употреблено послѣднее его малое имѣніе, безъ чего онъ останется вовсе безъ пропитанія». Она великодушна и проситъ только императрицу «принять ихъ обоихъ въ милосердое защищеніе», повелѣть возвратить ему принадлежащее и тѣмъ дать ему средства ее «удовольствовать».

«Кромѣ сего, — заключаетъ она, — не вижу я средства ко спасенію, безъ сего единымъ жребіемъ мнѣ будутъ посрамленіе и нищета, но, нѣтъ! Въ монаршемъ твоемъ сердцѣ, щедротами изобилующемъ, конечно, останется еще способъ къ нашему спасенію, а, можетъ быть, виды коварныхъ ухищреній, которые отъ прозорливости премудрой монархини сокрыться не могутъ, подвигнутъ божественное твое милосердіе на позволеніе мнѣ, только несчастной, но безвинной, пользуясь именемъ моего мужа, проводить остатокъ дней моихъ съ нимъ, который, равно мнѣ, болѣе несчастливъ, нежели виновенъ».

Крѣпка, видно, была любовь Устиньи Ермолаевны съ Осипомъ Абрамовичемъ, но, увы! ея упованіе на «щедроты» и «милосердіе» государыни потерпѣло полную неудачу. Челобитныя ея, по разсмотрѣніи, были начисто отвергнуты, какъ поданныя не по адресу. Два раза она прибѣгала къ монаршимъ стопамъ, и оба раза, по представленію Терскаго, ей было сказано, что жалобы ея «до разсмотрѣнія ея величества» не слѣдуютъ, такъ какъ, во-первыхъ, что касалось имущественныхъ претензій Ганнибала, то «не она, а онъ просить долженъ» на опекуновъ и брата, и, во-вторыхъ, что если она, Толстая, имѣетъ личную претензію о приданомъ, то

должно ей, «во отысканіи оной, просить въ нижнихъ правительствахъ, до коихъ сіе принадлежитъ».

Въ дѣлѣ есть, приведенныя для этого случая, выписки изъ узаконеній, воспрещающихъ утруждать государя просьбами не въ порядкѣ инстанцій, подъ страхомъ довольно суровыхъ взысканій. Кажется, эти взысканія миновали Устинью Ермолаевну, не взирая на сугубость и настойчивость ея обращеній къ императрицѣ. Получивъ отказъ на первую челобитную, она подаетъ другую, оговариваясь, что будто бы оставалась «неизвѣстна» о судьбѣ своей первой просьбы и заключила, что «гласъ ея моленія не дошелъ до монаршаго слуха». По всѣмъ вѣроятіямъ, это была смѣлая уловка, внушенная какимъ нибудь крючкотворомъ-дѣльцомъ. Въ предупрежденіе ея повторенія, Терскій распорядился, чтобы высочайшая резолюція на второе прошеніе Толстой была ей объявлена лично петербургскимъ губернаторомъ Коновницынымъ, который 21-го сентября 1786 года это и исполнилъ.

Мы исчерпали все, бывшее въ нашемъ распоряженіи, дѣло, и на этомъ кончается изображенная нами здѣсь траги-комедія. Больше мы ничего не знаемъ объ ея герояхъ и ея дальнѣйшихъ перипетіяхъ, только въ концѣ ея, какъ всепримиряющій эпилогъ всѣхъ житейскихъ драмъ, передъ нами высятся двѣ смежныя могилы. Эпитафіей къ нимъ служатъ слѣдующія строки нашего поэта:

«Дѣдъ мой умеръ въ 1707 году (это ошибка — въ 1806 году) въ своей псковской деревнѣ. Одиннадцать лѣтъ послѣ того, бабушка скончалась въ той же деревнѣ. Смерть соединила ихъ. Они покоятся другъ подлѣ друга въ Святогорскомъ монастырѣ».

Пушкинъ прибавилъ, что О. А. Ганнибалъ умеръ преждевременно «отъ слѣдствій невоздержной жизни».

Вл. Михневичъ.

ВОСПОМИНАНІЯ АРТИСТА ОБЪ ИМПЕРАТОРѢ НИКОЛАѢ ПАВЛОВИЧѢ.

ОСУДАРЬ Николай Павловичъ страстно любилъ театръ. По обилію талантовъ русскій театръ тогда былъ въ блестящемъ состояніи. Каратыгины, Сосницкіе, Брянскіе, Рязанцевъ, Дюръ, Мартыновъ, Самойловы, Максимовъ, Асенкова, не говоря уже о второстепенныхъ артистахъ, могли быть украшеніемъ любой европейской сцены.

Вотъ что мнѣ разсказывалъ извѣстный французскій актеръ Верне о русскихъ артистахъ того времени.

«Когда мы пріѣхали,—говорилъ Верне,—въ Петербургъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ, намъ сказали, что на русской сценѣ играютъ «Свадьбу Фигаро»; намъ это показалось забавнымъ, и мы, ради курьёза, пошли посмотрѣть.

«Посмотрѣли да и ахнули: такое прекрасное исполненіе произведенія Бомарше сдѣлало бы честь французской комедіи. Каратыгины, Рязанцевъ, Сосницкая и Асенкова были безукоризненны, но болѣе всѣхъ насъ поразилъ Сосницкій въ роли Фигаро. Это было олицетвореніе живаго, плутоватаго испанца; какая ловкость, какая мимика! «Онъ былъ легче пуха и неуловимѣй вѣтра»,—выразился Верне. Почти сконфуженные мы вышли изъ театра, видя, что не учить варваровъ, а самимъ намъ можно было у нихъ поучиться».

Вотъ въ какомъ положеніи была тогда русская труппа, по словамъ чужеземнаго спеціалиста.

Этому блестящему состоянію русскаго театра, кромѣ высочайшаго вниманія, искусство было обязано также извѣстнымъ люби-

телямъ сцены: князю Шаховскому, Грибоѣдову, Катенину, Гнѣдичу, Кокошкину, которые сердечно относились къ артистамъ, давали имъ возможность развиваться въ своемъ кружкѣ и въ то же время писали для сцены.

Балетъ тоже отличался блескомъ, имѣя во главѣ первоклассныхъ европейскихъ балеринъ: Тальони, Фанни Эльслеръ, Черито, Карлоту Гризи и друг. [1]), а французскій театръ по своему составу могъ соперничать съ Comedie Française; довольно назвать супруговъ Алланъ, Брессана, Дюфура, Плесси, Вольнисъ, Мейеръ, Бертонъ, Руже, Готи, Верне, позднѣе Леменилъ и другіе.

Очень понятно, какую пользу могли извлекать русскіе артисты, видя такіе примѣры.

Русская опера только-что зарождалась, не имѣя еще родныхъ композиторовъ до появленія Глинки, хотя и въ ней были выходящіе изъ ряда таланты, какъ, напримѣръ, Петровъ и его жена. Петровъ какъ пѣвецъ и актеръ исполнялъ Бертрама въ «Робертѣ» въ такомъ совершенствѣ, до котораго, по мнѣнію знатоковъ, не достигалъ никто изъ иностранныхъ артистовъ, появлявшихся на петербургской сценѣ.

Театръ былъ любимымъ удовольствіемъ государя Николая Павловича, и онъ на всѣ его отрасли обращалъ одинаковое вниманіе; скабрезныхъ пьесъ и фарсовъ не терпѣлъ, прекрасно понималъ искусство и особенно любилъ haute comedie, а русскими любимыми пьесами были: «Горе отъ ума» и «Ревизоръ».

Пьесы ставились тщательно, какъ того требовало достоинство императорскаго театра, на декораціи и костюмы денегъ не жалѣли, чѣмъ и пользовались чиновники, наживая большія состоянія; постановка балетовъ, по ихъ смѣтѣ, обходилась отъ 30 до 40 тысячъ.

За малѣйшій безпорядокъ государь взыскивалъ съ распорядителей строго и однажды приказалъ посадить подъ арестъ на три дня извѣстнаго декоратора и машиниста Роллера за то, что, при перемѣнѣ, одна декорація запуталась за другую.

Онъ былъ не повиненъ въ цензурныхъ безобразіяхъ того времени, гдѣ чиновники, стараясь выказать свое усердіе, были les royalistes plus que le roi. Лучшимъ доказательствомъ тому служитъ, что онъ лично пропустилъ для сцены «Горе отъ ума» и «Ревизора».

Вотъ какъ былъ пропущенъ «Ревизоръ». Жуковскій, покровительствовавшій Гоголю, однажды сообщилъ государю, что молодой талантливый писатель Гоголь написалъ замѣчательную комедію, въ которой съ безпощаднымъ юморомъ клеймитъ провинціальную администрацію и съ рѣдкой правдой и комизмомъ рисуетъ провинціальные нравы и общество. Государь заинтересовался.

---

[1]) Изъ русскихъ Андреянова, Смирнова и Шлефохтъ.

— Если вашему величеству въ минуты досуга будетъ угодно ее прослушать, то я ее прочелъ бы вамъ.

Государь охотно согласился. Съ удовольствіемъ выслушалъ комедію, смѣялся отъ души и приказалъ поставить на сценѣ. Впослѣдствіи онъ говаривалъ: «Въ этой пьесѣ досталось всѣмъ, а мнѣ въ особенности». Разсказъ этотъ я слышалъ неоднократно отъ М. С. Щепкина, которому, въ свою очередь, онъ былъ переданъ самимъ Гоголемъ.

Во вниманіе къ таланту В. А. Каратыгина, онъ ему дозволилъ исключительно одинъ разъ въ свой бенефисъ дать «Вильгельма Телля», такъ какъ Каратыгинъ страстно желалъ сыграть эту роль.

Какъ онъ здраво и глубоко понималъ искусство, можетъ служить примѣромъ слѣдующій разсказъ. Въ Москвѣ, въ 1851 году, съ огромнымъ успѣхомъ была сыграна въ первый разъ комедія Островскаго «Не въ свои сани не садись». Простотой, безъискусственностью, глубокой любовью къ русскому человѣку, она поразила всѣхъ и произвела потрясающее впечатлѣніе. Появленіе этой пьесы было событіемъ въ русскомъ театрѣ. Вслѣдствіе огромнаго успѣха въ Москвѣ, въ томъ же году, въ концѣ сезона ее поставили въ Петербургѣ.

Государь, страстно любя театръ, смотрѣлъ каждую оригинальную пьесу, хотя бы она была въ одномъ дѣйствіи. Зная это, при постановкѣ комедіи Островскаго, чиновники ужасно перетрусились. «Что скажетъ государь,—говорили они,—увидя на сценѣ безнравственнаго дворянина и рядомъ съ нимъ честнаго купчишку!... Всѣмъ—и намъ, и автору, и цензору, будетъ бѣда!»... Въ виду этого хотѣли положить комедію подъ сукно, но говоръ о пьесѣ въ обществѣ усиливался болѣе и болѣе, и дирекція, предавши себя на волю Божью, рѣшилась поставить ее.

Комедія имѣла громадный успѣхъ. На второе представленіе пріѣхалъ государь. Начальство трепетало... Просмотрѣвъ комедію, государь остался отмѣнно доволенъ и соизволилъ такъ выразиться: «Очень мало пьесъ, которыя бы мнѣ доставляли такое удовольствіе, какъ эта. Ce n'est pas une pièce, c'est une leçon!» Въ слѣдующее же представленіе опять пріѣхалъ смотрѣть пьесу и привезъ съ собой всю августѣйшую семью: государыню и наслѣдника цесаревича съ супругой, и потомъ пріѣзжалъ еще разъ смотрѣть ее весной послѣ Святой недѣли, а между тѣмъ усердные чиновники въ то же время держали автора, А. Н. Островскаго, подъ надзоромъ полиціи за его комедію «Свои люди—сочтемся».

Впрочемъ, тогда подобныя аномаліи у насъ были не рѣдкость. Государь Александръ Николаевичъ соизволилъ пожаловать А. Н. Островскому брилліантовый перстень за пьесу «Мининъ», гдѣ авторъ такъ сильно выразилъ народное патріотическое чувство, а цензура

въ то же время запретила эту пьесу, находя ея представленіе несвоевременнымъ.

Безумно было бы обвинять монарха стомилліоннаго народа за то, что онъ не знаетъ мелкихъ злоупотребленій чиновника.

Государь желалъ успѣха русской драматической литературѣ, поощрялъ литераторовъ; доказательствомъ тому служатъ неоднократныя пособія Гоголю, драгоцѣнные подарки всѣмъ авторамъ, писавшимъ тогда для сцены: Кукольнику, Полевому, Каратыгину, Григорьеву, а Полевому онъ, въ виду его стѣсненнаго положенія, пожаловалъ пенсію.

Государь, очень часто приходившій во время представленій на сцену, удостоивалъ милостивой бесѣды артистовъ и однажды, встрѣтивъ Каратыгина и Григорьева, поклонился имъ въ поясъ, сказавши: «Напишите, пожалуйста, что нибудь порядочное» [1]).

Его милости къ артистамъ были не исчерпаемы. Во время болѣзни Дюра онъ прислалъ къ нему своего доктора. Узнавъ о плохомъ здоровьѣ Максимова, приказалъ его отправить лѣчиться на счетъ дирекціи за границу.

Въ Красномъ Селѣ спектакли были четыре раза въ недѣлю, и онъ приказалъ выстроить дачи для артистовъ, чтобы меньше затруднять ихъ переѣздомъ.

Сосницкому по интригамъ отказали въ заключеніи съ нимъ контракта, и онъ вышелъ въ отставку. Государь не зналъ объ этомъ. Однажды, съ нимъ встрѣтившись, онъ спросилъ его: «Отчего я тебя давно не видалъ на сценѣ?».

— Я въ отставкѣ, ваше величество,—отвѣчалъ Сосницкій.

— Это отчего?

— Вѣроятно, находятъ, что я уже старъ и не могу работать, поэтому со мной не возобновили контракта.

— Что за вздоръ,—я хочу, чтобы ты служилъ! Передай директору, что я лично ему приказываю немедленно принять тебя на службу.

Разумѣется, Сосницкій былъ принятъ, и не только директору, но и министру двора [2]) было выражено сильное неудовольствіе государя.

Любовь артистовъ къ государю доходила до обожанія. Трудно передать тотъ восторгъ, который онъ вселялъ своимъ ласковымъ словомъ, въ которомъ равно выражалась и привѣтливость, и величіе.

Послѣ представленія каждой новой пьесы, имѣвшей мало-мальски порядочный успѣхъ, всѣ главные исполнители получали подарки и были лично обласканы государемъ.

---

[1]) Слышалъ отъ П. И. Григорьева.

[2]) Передано мнѣ самимъ И. И. Сосницкимъ.

Послѣ красносельскихъ лагерей государь со всѣмъ семействомъ переѣзжалъ на жительство въ Царское Село, гдѣ и оставался до 8-го ноября, дня именинъ великаго князя Михаила Павловича.

Во время пребыванія въ Царскомъ Селѣ, при дворѣ, постоянно были два раза въ недѣлю спектакли, состоявшіе изъ одной русской и изъ одной французской пьесы.

Артисты пріѣзжали съ утра, завтракали во дворцѣ, обѣдали, послѣ обѣда, если кому угодно, катались по парку въ придворныхъ линейкахъ, предоставленныхъ имъ по приказанію государя; послѣ спектакля ужинали и возвращались въ Петербургъ; за эти спектакли всѣ артисты были награждаемы высочайшими подарками.

Желая возвысить званіе артиста въ обществѣ, государь императоръ предоставилъ актерамъ перваго разряда, по прослуженіи десяти лѣтъ, званіе личнаго почетнаго гражданина, а по прослуженіи 15-ти — потомственнаго.

А. М. Максимовъ разсказывалъ мнѣ, до какой степени онъ сочувствовалъ молодымъ артистамъ. «Я всегда волнуюсь и робѣю за молодаго человѣка, — говорилъ императоръ, — безпрестанно боюсь, чтобъ онъ не сдѣлалъ какой нибудь неловкости или промаха, и только смотря на опытныхъ артистовъ, не испытываю этого чувства; за тебя я всегда спокоенъ!»

Государь Николай Павловичъ такъ хорошо былъ знакомъ съ составомъ труппы, что безъ афиши зналъ фамилію каждаго маленькаго актера.

Что же мудренаго, что при такой любви и вниманіи къ театру могущественнаго монарха, передъ которымъ трепетали распорядители, зная, что малѣйшая небрежность и упущеніе не пройдутъ безнаказанно, — театръ стоялъ такъ высоко.

Подобное блестящее положеніе искусства не возобновится.

Проведите параллель между артистами того и нынѣшняго времени, и будетъ видно, далеко ли ушла русская сцена.

Одно слишкомъ высокопоставленное лицо, въ семидесятыхъ гогахъ, спросило меня:

— Отчего такъ мало хорошихъ русскихъ пьесъ?

— Оттого, что вы рѣдко насъ посѣщаете, — отвѣчалъ я.

— Но я таланта сдѣлать не могу.

— Это вѣрно, ваше ...ство, но, когда увидятъ, что вы интересуетесь нашимъ дѣломъ, тогда тѣ, которые управляютъ имъ, чтобы угодить вамъ, приложатъ всѣ старанія къ русской сценѣ, чтобы пріохотить авторовъ трудиться для театра, — а кому же охота работать теперь, встрѣчая затрудненія въ цензурѣ, въ постановкѣ и получая за всѣ непріятности грошевое вознагражденіе.

Взаключеніе разскажу нѣсколько характерныхъ случаевъ, бывшихъ при встрѣчѣ государя съ артистами.

Государь очень жаловалъ французскаго актера Верне, который

былъ очень остроуменъ. Однажды, государь, гуляя пѣшкомъ, встрѣтилъ его въ Большой Морской, остановилъ и нѣсколько минутъ съ нимъ разговаривалъ. Едва государь удалился, какъ будто изъ-подъ земли выросъ квартальный и потребовалъ у Верне объясненія, что̀ ему говорилъ государь. Верне, не зная порусски, не могъ ему отвѣтить; квартальный арестовалъ его и доставилъ въ канцелярію оберъ-полицеймейстера, которымъ тогда былъ Кокошкинъ. Кокошкина въ то время не было дома; когда онъ возвратился, то, разумѣется, Верне былъ освобожденъ съ извиненіемъ.

Вскорѣ послѣ этого, государь, бывши въ Михайловскомъ театрѣ, пришелъ на сцену и, увидя Верне, подозвалъ его къ себѣ. Верне, вмѣсто отвѣта, замахалъ руками и опрометью бросился бѣжать... Это удивило государя. Когда по его приказанію явился къ нему Верне, онъ спросилъ его:

— Что это значитъ, вы отъ меня бѣгаете и не хотите со мной разговаривать?

— Разговаривать съ вами, государь, честь слишкомъ велика, но и опасна — это значитъ отправляться въ полицію; за разговоры съ вами, я уже просидѣлъ полдня подъ арестомъ!

— Какимъ образомъ?

Верне разсказалъ, какъ это случилось.

Государь очень смѣялся, но Кокошкину досталось.

П. А. Каратыгинъ отличался необыкновенной находчивостью и остроуміемъ. Однажды, лѣтомъ, въ Петергофѣ былъ спектакль. За неимѣніемъ мѣста, пріѣхавшіе для спектакля артисты были помѣщены тамъ, гдѣ моютъ бѣлье. Государь, встрѣтивъ Каратыгина, спросилъ его: всѣмъ ли они довольны?

— Всѣмъ, ваше величество; насъ хотѣли полaскать и помѣстили въ прачешной.

Однажды, государь пришелъ на сцену съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ. Великій князь былъ въ очень веселомъ расположеніи духа и острилъ безпрерывно. Государь, обратясь къ Каратыгину, сказалъ:

— У тебя братъ отбиваетъ хлѣбъ!

— У меня останется соль, ваше величество, — отвѣчалъ Каратыгинъ.

Актеръ Григорьевъ 2-й, играя апраксинскаго купца въ пьесѣ «Ложа 3-го яруса на бенефисъ Тальони», разсказывая о представленіи балета, позволилъ себѣ въ присутствіи государя остроумную импровизацію, не находящуюся въ пьесѣ.

Государю эта выходка очень понравилась, и онъ разрѣшилъ Григорьеву говорить въ этой пьескѣ все, что онъ захочетъ. Григорьевъ, будучи человѣкомъ талантливымъ и острымъ, очень ловко этимъ воспользовался. Онъ говорилъ въ шуточной формѣ обо всемъ, что тогда интересовало петербургское общество. Вся столица сбѣ-

галась слушать остроты Григорьева, успѣхъ былъ громадный, и на эту маленькую пьеску съ трудомъ доставали билеты.

Въ особенности отъ Григорьева доставалось Гречу и Булгарину. Тогда Гречъ читалъ публичныя лекціи русскаго языка, а Григорьевъ говорилъ на сценѣ, что нѣмецъ въ Большой Мѣщанской (гдѣ читалъ Гречъ) русскимъ языкъ показываетъ.

Булгаринъ написалъ пьесу «Шкуна Нюкарлеби».

Григорьева спрашиваютъ на сценѣ, что такое «Шкуна Нюкарлеби?»

— Шкуна? это судно, — отвѣчаетъ онъ.

— А Нюкарлеби?

— А это то, что въ суднѣ!

Булгаринъ и Гречъ выходили изъ себя, ѣздили жаловаться къ директору А. М. Гедеонову, просили, чтобы онъ запретилъ Григорьеву глумиться надъ ними... но Гедеоновъ отвѣчалъ, что не имѣетъ на это права, а пусть обратятся къ государю императору, который дозволилъ шутить Григорьеву.

В. А. Каратыгинъ былъ очень большаго роста. Однажды, государь сказалъ ему:

— Однако, ты выше меня, Каратыгинъ!

— Длиннѣе, ваше величество, — отвѣчалъ ему знаменитый трагикъ.

Государь очень любилъ Максимова и часто удостоивалъ съ нимъ бесѣдовать. Однажды, пользуясь благосклоннымъ разговоромъ государя, Максимовъ спросилъ его: можно ли на сценѣ надѣвать настоящую военную форму? Государь отвѣтилъ:

— Если ты играешь честнаго офицера, то, конечно, можно; представляя же человѣка порочнаго, ты порочишь и мундиръ, и тогда этого нельзя!

Максимова уже давно соблазнялъ гвардейскій мундиръ; воспользовавшись дозволеніемъ государя, онъ на свой счетъ сдѣлалъ себѣ гвардейскую конно-піонерную форму и надѣлъ ее, играя офицера въ водевилѣ «Путаница». Какъ нарочно въ это представленіе пріѣхалъ государь.

Въ антрактѣ передъ началомъ водевиля, выходя изъ ложи на сцену, онъ увидѣлъ въ полуосвѣщенной кулисѣ Максимова и принялъ его за настоящаго офицера.

— Зачѣмъ вы здѣсь? — строго спросилъ его императоръ.

Максимовъ оробѣлъ и не отвѣчалъ ни слова.

— Зачѣмъ вы здѣсь? — еще строже повторилъ государь.

Максимовъ, за нѣсколько времени передъ этимъ кутившій, не являлся къ исполненію своихъ обязанностей. Ему показалось, что за это государь гнѣвается, и растерялся окончательно.

— Зачѣмъ вы здѣсь? Кто вы такой? Какъ ваша фамилія? — и, взявъ его за рукавъ, подвелъ къ лампѣ, посмотрѣлъ въ лице и увидалъ, что это Максимовъ.

— Фу, братецъ, я тебя совсѣмъ не узналъ въ этомъ мундирѣ.

У Максимова отлегло отъ сердца. Послѣ онъ говорилъ, что натерпѣлся такого страха, что не только бы оберъ-офицерскій мундиръ не надѣлъ, а даже и фельдмаршальскій!

Государь очень интересовался постановкой балета «Возстаніе въ сералѣ», гдѣ женщины должны были представлять различныя военныя эволюціи. Для обученія всѣмъ пріемамъ были присланы хорошіе гвардейскіе унтеръ-офицеры. Сначала это занимало танцовщицъ, а потомъ надоѣло, и онѣ стали лѣниться. Узнавъ объ этомъ, государь пріѣхалъ на репетицію и строго объявилъ театральнымъ амазонкамъ: «Если онѣ не будутъ заниматься какъ слѣдуетъ, то онъ прикажетъ поставить ихъ на два часа на морозъ съ ружьями, въ танцовальныхъ башмачкахъ». Надобно было видѣть, съ какимъ жаромъ перепуганные рекруты въ юбкахъ принялись за дѣло; успѣхъ превзошелъ ожиданія, и балетъ произвелъ фуроръ.

Однажды, присутствуя на представленіи оперы «Жизнь за царя», государь остался особенно доволенъ игрой О. А. Петрова и, придя на сцену, сказалъ ему: «Ты такъ хорошо, такъ горячо выразилъ любовь къ отечеству, что у меня на головѣ приподнялась накладка!». Продолжая съ нимъ милостиво разговаривать, онъ выразилъ свое удовольствіе, что русская опера дѣлаетъ большіе успѣхи.

Восхищенный Петровъ сказалъ ему: — Вотъ, ваше величество, если бы намъ пріобрѣсти тенора Иванова, тогда бы опера поднялась еще выше.

Государь сердито взглянулъ на Петрова и быстро отъ него отвернулся.

Наступила мертвая тишина. Петровъ растерялся, начальство тоже смотрѣло испуганно на государя, который стоялъ нахмурившись. Такъ прошли двѣ-три минуты, лице государя прояснилось, онъ подошелъ къ Петрову, положилъ ему руку на плечо и сказалъ: «Любезный Петровъ, какими бы достоинствами человѣкъ ни обладалъ, но если онъ измѣнилъ своему отечеству, онъ въ моихъ глазахъ не имѣетъ никакой цѣны. Иванову никогда не бывать въ Россіи»! Это мнѣ передано О. А. Петровымъ.

Скажу нѣсколько словъ объ Ивановѣ. Онъ былъ придворнымъ пѣвчимъ. Чтобы обработать прекрасный голосъ, онъ былъ отправленъ на казенный счетъ за границу. Зная ограниченные оклады русскихъ артистовъ, по окончаніи ученія онъ остался за границей, имѣя громадный успѣхъ на сценѣ и получая большія деньги. Государь потребовалъ, чтобы онъ возвратился. Ивановъ пѣлъ тогда въ Неаполѣ; боясь, что его выдадутъ, онъ сѣлъ на англійскій пароходъ и тихонько уѣхалъ. Впослѣдствіи онъ принялъ иностранное подданство и умеръ за границей. Онъ былъ большой любимецъ Россини, а Донизетти написалъ для него оперу: «Elisir d'a-

more». Онъ пѣлъ съ громаднымъ успѣхомъ въ Италіи, въ Лондонѣ и Парижѣ вмѣстѣ съ знаменитымъ Рубини.

М. С. Щепкинъ передалъ мнѣ слѣдующій любопытный разсказъ изъ его жизни. Когда онъ уже былъ въ преклонныхъ лѣтахъ, то въ одинъ изъ своихъ отпусковъ пріѣхалъ въ Кіевъ. Тогда генералъ-губернаторомъ былъ извѣстный своимъ крутымъ характеромъ и мѣрами Бибиковъ. Узнавъ о пріѣздѣ Щепкина, онъ прислалъ къ нему своего адъютанта съ просьбою играть въ тотъ же день. Старикъ отказался вслѣдствіе усталости съ дороги, а какія дороги были въ то время,—извѣстно всѣмъ. Бибиковъ оскорбился его отказомъ. Вскорѣ послѣ этого, Бибиковъ пригласилъ къ себѣ Щепкина на обѣдъ, гдѣ собралось все высшее кіевское общество.

Желая кольнуть Щепкина, за обѣдомъ Бибиковъ сказалъ, что наши артисты очень много о себѣ думаютъ, поэтому очень часто забываются даже передъ высокопоставленными лицами и отвѣчаютъ дерзкими отказами, если ихъ удостоиваютъ какой нибудь ничтожной просьбой.

— Это имъ чести не дѣлаетъ, не правда ли, г. Щепкинъ?

— Вы, в. п., строги и несправедливы къ артистамъ,—отвѣчалъ ему Михаилъ Семеновичъ:—проживши съ ними весь вѣкъ, я знаю моихъ товарищей и не думаю, чтобы кто нибудь изъ нихъ могъ поступить такъ грубо и невѣжливо. Если же кто либо рѣшился отказать вашему превосходительству въ исполненіи вашего желанія, то онъ, вѣроятно, на это имѣлъ уважительныя причины. Нашъ всемилостивѣйшій государь смотритъ на артистовъ снисходительнѣе: однажды я имѣлъ счастіе получить приглашеніе къ государю императору на маленькій семейный вечеръ, на которомъ читалъ драматическія сцены и мои разсказы; особенно эти разсказы понравились маленькимъ великимъ князьямъ, они забрались ко мнѣ на колѣни и говорили:

— Дядя, разскажи еще что нибудь!

— Не безпокойте его,—строго сказалъ имъ государь:—вы видите, онъ усталъ, дайте же ему отдохнуть!

— Такъ если самъ государь такъ относится къ артистамъ, то другіе-то уже, я полагаю, не имѣютъ права заявлять невозможныя требованія.

Бибиковъ нахмурился и не отвѣтилъ ни слова.

Нигдѣ такъ не выразилась снисходительность и любовь къ артистамъ государя, какъ въ слѣдующемъ происшествіи. Однажды, послѣ спектакля во дворцѣ въ Царскомъ Селѣ, во время ужина два маленькихъ артиста Годуновъ и Беккеръ выпили лишнее и

поссорились между собою. Ссора дошла до того, что Годуновъ пустилъ въ Беккера бутылкой; бутылка пролетѣла мимо, разбилась объ стѣну и попортила ее. Ужинали въ янтарной залѣ; отъ удара бутылки отскочилъ отъ стѣны кусокъ янтаря. Всѣ страшно перепугались; узнавъ это, въ страхѣ прибѣжали: директоръ, министръ двора князь Волконскій; всѣ ужасались при мысли, что̀ будетъ, когда государь узнаетъ объ этомъ. Ни поправить скоро, ни скрыть этого нельзя. Государь, проходя ежедневно по этой залѣ, долженъ былъ непремѣнно увидѣть попорченную стѣну. Виновныхъ посадили подъ арестъ, но это не исправляло дѣла, и министръ и директоръ ожидали грозы. Такой проступокъ не могъ пройдти безнаказанно и не у такого строгаго государя. Министръ боялся рѣзкаго выговора, директоръ—отставки, а виновнымъ всѣ предсказывали красную шапку.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней государь, увидя испорченную стѣну, спросилъ у князя Волконскаго: «что это значитъ?». Министръ со страхомъ отвѣтилъ ему, что это испортили артисты, выпивши лишній стаканъ вина.

— Такъ на будущее время давай имъ больше воды,—сказалъ государь; тѣмъ дѣло и кончилось.

Да будетъ благословенна память незабвеннаго монарха, покровителя роднаго искусства и артистовъ.

Ѳ. А. Бурдинъ.

ШЕВЧЕНКО ВЪ ССЫЛКѢ.

(1847 — 1857).

ЕСЯТЬ ЛѢТЪ своей жизни малорусскій поэтъ, о которомъ одинъ энтузіастъ-критикъ писалъ въ журналѣ братьевъ Достоевскихъ, что это «послѣдній кобзарь и первый величайшій поэтъ новой великой литературы славянскаго міра» (Время, 1861, апрѣль), — десять лѣтъ Шевченко провелъ въ ссылкѣ. Какъ мотивы, побудившіе правительство подвергнуть молодаго поэта-художника такой тяжелой карѣ, такъ и обстоятельства, при которыхъ онъ былъ сосланъ, до самаго недавняго времени были мало извѣстны, и біографы Шевченка передавали ихъ невѣрно и крайне необстоятельно, или же многаго не досказывали. Только въ прошломъ году, когда, послѣ смерти Н. И. Костомарова, опубликована была его автобіографія (Русская Мысль, 1885, апрѣль и май), и мы узнали, въ чемъ состояло преступленіе Шевченка; теперь же мы имѣемъ возможность сообщить совершенно новыя данныя для біографіи Шевченка, относящіяся къ періоду его ссылки. Эти данныя извлечены изъ оренбургскихъ архивовъ и представляютъ собою слѣдующіе документы: 1) оффиціальную переписку между военнымъ министромъ, начальникомъ III Отдѣленія собственной его имп. вел. канцеляріи и начальникомъ отдѣльнаго оренбургскаго корпуса В. А. Обручевымъ; 2) вопросные и отвѣтные пункты по особому обвиненію, возбужденному противъ Шевченка во время пребыванія его въ ссылкѣ.

Сопоставляя эти данныя съ печатными матеріалами, мы получаемъ, по возможности, полную картину жизни поэта въ пе-

ріодъ его ссылки, причемъ самая личность его получаетъ совершенно иное освѣщеніе.

По окончаніи въ 1844 году курса ученія въ академіи художествъ со степенью свободнаго художника, Т. Гр. Шевченко возвратился въ родную ему Малороссію. Встрѣченный съ распростертыми объятіями своими родными земляками въ средѣ деревенской, молодой поэтъ и художникъ нашелъ не менѣе радушный пріемъ въ средѣ интеллигентныхъ малороссовъ, сплотившихся въ немногочисленный, но тѣсный кружокъ. Это были молодые кіевскіе ученые и просвѣщенные люди, изъ числа которыхъ достаточно назвать слѣдующихъ лицъ: Н. И. Костомарова, только-что начавшаго, въ январѣ 1846 года, читать въ Кіевскомъ университетѣ лекціи по русской исторіи; В. М. Бѣлозерскаго, впослѣдствіи издателя малорусскаго журнала «Основа», Гулакъ-Артемовскаго, Маркевича, жена котораго пріобрѣла впослѣдствіи такую извѣстность въ русской литературѣ подъ именемъ Марко-Вовчка, Пильщикова, Ал. Навроцкаго и др. Въ кружкѣ этихъ лицъ возникла мысль создать общество, которое имѣло бы своей цѣлью распространеніе идеи славянской взаимности и будущей федераціи славянскихъ народовъ, на основаніи полной свободы и автономіи народностей. Въ число членовъ возникшаго Общества принимались только люди, вполнѣ подготовленные и серьёзно проникшіеся убѣжденіями, проводить которыя въ жизнь и общественное сознаніе они ставили своею задачею. Идеи Общества быстро пошли въ ходъ, благодаря тому, что распространителями ихъ явились такіе талантливые фанатики, какъ, напр., Н. И. Костомаровъ, который, по собственному признанію, распространялъ эти идеи вездѣ, гдѣ могъ: съ каѳедры между студентами, въ частныхъ разговорахъ между профессорами университета и даже въ духовной академіи. Въ ознаменованіе начала Общества, по мысли Бѣлозерскаго, заказаны были для членовъ Общества кольца съ надписью: «Кириллъ и Меѳодій, янв. 1846», почему впослѣдствіи этому Обществу и было извнѣ присвоено имя славянскихъ первоучителей. Кромѣ того, была установлена печать съ надписью изъ Евангелія отъ Іоанна: «Разумѣйте истину, и истина освободитъ вы».

Къ тому же 1846 году относится знакомство Костомарова съ Т. Гр. Шевченкомъ, совершившееся такъ быстро, что на другой же день послѣ встрѣчи они уже говорили другъ другу «ты». Узнавъ отъ Костомарова о существованіи Общества, Шевченко тотчасъ же примкнулъ къ нему, но, по словамъ Костомарова, отличался задоромъ и крайнею нетерпимостью по отношенію къ идеямъ Общества, чтò послужило поводомъ ко многимъ спорамъ между новыми пріятелями. Тутъ видимо сказалась черта характера Шевченка, отмѣченная тѣмъ же Костомаровымъ въ иномъ

мѣстѣ, въ его «Воспоминаніяхъ» о малорусскомъ поэтѣ, гдѣ читаемъ слѣдующее: «На первый разъ въ немъ (Шевченкѣ) не показывалось ничего привлекательнаго, ничего теплаго; напротивъ, онъ былъ холоденъ, сухъ, хотя простъ и нецеремоненъ. Онъ измѣрялъ мои слова и движенія съ недовѣрчивостью: онъ поступалъ, какъ часто поступаетъ очень честный и добрый малороссіянинъ, встрѣчая незнакомое лице, и чѣмъ это лицо навязчивѣе старается вызвать его на откровенность, тѣмъ онъ становится осторожнѣе». Въ этомъ, по словамъ Костомарова, сказывалась «своенародная» черта малорусскаго поэта, навсегда сохранившаго въ своемъ обликѣ типъ умнаго малоросса-простолюдина. Какъ бы то ни было, Костомаровъ и Шевченко очень скоро завязали между собою самую тѣсную дружбу, видѣлись почти каждый вечеръ, причемъ велись нескончаемые разговоры и споры, часто затягивавшіеся далеко за полночь. Шевченко читалъ Костомарову еще неизданныя свои произведенія; особенное впечатлѣніе произвела въ то время на Костомарова антицензурная поэма Шевченка «Сонъ», которую Костомаровъ читалъ и перечитывалъ.

Зимою того же года, съѣхались въ Кіевъ всѣ члены Общества и постоянно собирались то у того, то у другаго. Въ декабрѣ пріѣхалъ туда же Савичъ (братъ покойнаго астронома, профессора Петербургскаго университета), собиравшійся ѣхать въ Парижъ; но Костомаровъ, познакомившись съ нимъ, завербовалъ его въ Общество, и Савичъ до такой степени увлекся идеями Кирилло-Меѳодіевскаго кружка, что, вмѣсто Парижа, порѣшилъ ѣхать въ славянскія земли, для распространенія идей Общества.

25 декабря 1846 года, весь кружокъ, въ томъ числѣ и отъѣзжавшій Савичъ, собрался у Гулакъ-Артемовскаго, жившаго, повидимому, въ какихъ-то меблированныхъ комнатахъ или въ гостинницѣ. Больше всѣхъ горячились Костомаровъ и Шевченко, развивая свои мечты о широкомъ будущемъ ихъ Общества, причемъ, какъ говоритъ Костомаровъ, «Шевченко, по своему обыкновенію, выражался не совсѣмъ цензурно о существующемъ порядкѣ». Между тѣмъ, за стѣною сидѣлъ нѣкто Петровъ, впослѣдствіи всѣми уважаемый въ своей округѣ малороссійскій помѣщикъ, и записывалъ все, что говорилось. Этотъ Петровъ не замедлилъ затѣмъ сблизиться съ Гулакомъ, вкрался въ его довѣріе и, узнавъ во всѣхъ подробностяхъ планы Общества, написалъ доносъ въ III-е Отдѣленіе. Послѣдствія этого доноса обнаружились для Костомарова и его единомышленниковъ только черезъ три мѣсяца, Шевченко же въ февралѣ или въ мартѣ 1847 года уѣхалъ въ городъ Борзну Черниговской губерніи, къ своему пріятелю В. Н. Забѣллѣ и проживалъ тамъ въ самомъ благодушномъ настроеніи, о чемъ можно судить по слѣдующему письму его къ Костомарову, отъ 1-го февраля 1847 года:

«Друже мій великий Миколаэ!

«Я оце й досі въ Борзні и не роблю ничогісенько, лежу собі та й годи; у Киевъ страхъ іхать не хочеться, а треба; коли бъ то вы були такі трудящі й добрі, щобъ распитали въ універсітеті (хочъ у Глушановського, вінъ усі діла зна), чи я утвержденний при універсітеті, чи ні; та й напишить до мене у славний городъ Борзну, на имья Виктора Миколаевича Забѣлы зъ передачею мені. Та ще ось що: пошлить Хому до мого товарища, нехай винъ возьме у ёго портфель, ящикъ, або скриньку съ красками й Шекспіра, та ще й брилі й все сее сохраніте у себе, бо товаришъ мій хоче іхать изъ Киева. Якъ побачите Ювефовича, то поклониться одъ мене. О братстві не пишу, бо нічого й писать, якъ зійдемось, то поплачемъ. Кулишъ блаженствуе, а Василь Білозеръ поіхавъ у Полтаву одкгеддькуваться (отдѣлываться) одъ учительства. А я и кругомъ мене діэтся не зле, ні добре, подвизаюсь потроху коло чарочокъ, то що; коли бъ то Богъ давъ мені притулиться до універсітету, дуже добре булобъ; напишить, будьте ласкові, якъ що добре почуете. Свої композиціи зъ грішми або самъ привезу, або пришлю зъ Чернігова. Оставайтесь здорові. Не забувайте жъ щирого брата

«Т. Шевченка».

По поводу этого письма, надо замѣтить, что Шевченко хлопоталъ тогда о мѣстѣ преподавателя рисованія при Кіевскомъ университетѣ и былъ уже назначенъ на эту должность, но ему не суждено было ее занять.

Его арестовали на Днѣпровскомъ паромѣ, уже на возвратномъ пути въ Кіевъ, куда онъ ѣхалъ на свадьбу Костомарова, и по этому случаю былъ во фракѣ и въ бѣломъ галстухѣ. Тогдашній кіевскій губернаторъ Фундуклей, увидя его въ такомъ парадѣ, засмѣялся и спросилъ о причинѣ столь блестящаго костюма.

— Я бояриномъ на свадьбѣ у Костомарова,—отвѣчалъ Шевченко.

— Ну, куда жениха, туда и бояръ повезутъ,—пошутилъ Фундуклей.

Шевченко разсказывалъ потомъ, что въ отвѣтъ на эту шутку, онъ подумалъ про себя: «добре весилля»!

По дорогѣ изъ Кіева въ Петербургъ, куда его отправили въ сопровожденіи полицейскаго чиновника, Шевченко былъ чрезвычайно веселъ, безпрестанно шутилъ, хохоталъ, пѣлъ пѣсни и вообще такъ держалъ себя, что, на одной почтовой станціи, смотритель, записывая подорожную, въ которой значился чиновникъ съ арестованнымъ лицомъ, сдѣлалъ замѣчаніе, что по виду трудно узнать, кто изъ ѣдущихъ арестантъ, а кто везетъ его.

Мы не станемъ пересказывать подробности Кирилло-Меѳодіевскаго дѣла, сообщенныя такъ недавно въ автобіографіи Н. И. Костомарова (Русская Мысль, 1885, май). Достаточно сказать, что по доставленіи всѣхъ обвиняемыхъ въ Петербургъ, въ III-е Отдѣленіе, явилось обычное во всѣхъ политическихъ процессахъ взаимное недоумѣніе между обвинителями и обвиняемыми. Костомарову предложено было изложить письменно все, что̀ ему извѣстно о скрытыхъ цѣляхъ Общества и вообще о славянствѣ. Въ отвѣтъ на это, онъ написалъ цѣлую диссертацію о славянахъ, съ цитатами изъ Шафарика и другихъ славянскихъ ученыхъ. Начальникъ III Отдѣленія Л. В. Дубельтъ остался очень недоволенъ этимъ показаніемъ въ видѣ трактата, или, наоборотъ — трактата въ видѣ показанія, и сказалъ Костомарову:

— Зачѣмъ вы это написали? Это годится для ученыхъ, а не для насъ. Это, мой добрый другъ, все поэзія, а васъ надобно отправить на всю жизнь въ крѣпость.

Если такъ говорили съ профессоромъ Костомаровымъ, то легко себѣ представить, какъ разговаривали съ Шевченкомъ!

15 мая, какъ передаетъ Костомаровъ, всѣхъ обвиняемыхъ привели въ одну залу. Шевченко былъ веселъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Какой-то жандармскій офицеръ сказалъ ему: «Богъ милостивъ, Тарасъ Григорьевичъ: вы оправдаетесь, и вотъ тогда-то запоетъ ваша муза»!

— Та якій же чортъ занісъ мене сюды, якъ не ся проклята муза!—отвѣчалъ Шевченко.

Надо замѣтить, что главный пунктъ обвиненія противъ Шевченка составляло сочиненіе имъ вышеупомянутой поэмы «Сонъ», такъ что и въ приговорѣ по его дѣлу, какъ это мы видимъ изъ оффиціальныхъ документовъ, значится, что онъ сосланъ «за сочиненіе возмутительныхъ стиховъ», или, какъ сказано въ другой бумагѣ (письмо графа Орлова къ генералу Обручеву), «за сочиненіе на малороссійскомъ языкѣ стиховъ возмутительнаго и самаго дерзкаго содержанія».

Дубельтъ, какъ видно, относился къ Шевченку съ большимъ презрѣніемъ, потому что говорилъ: «Какое же можетъ быть хорошее Общество, въ которомъ былъ Шевченко»!

Доносчикъ Петровъ, очевидно, не понимая, въ чемъ можно обвинить выданныхъ имъ лицъ по существу, прибѣгъ ко лжи, показывая, что Костомаровъ, Гулакъ, Савичъ и Шевченко, говоря дерзкія слова противъ государя, затѣвали народный бунтъ и т. п.

«30 мая,—разсказываетъ Костомаровъ,—мы, заключенные, видѣли изъ окна, какъ вывели на дворъ Шевченка въ солдатской шинели. Онъ улыбался, прощаясь съ друзьями. Я заплакалъ, глядя на него, а онъ не переставалъ улыбаться, снялъ картузъ, садясь на телѣгу, а лицо было такое спокойное, твердое».

Десять дней спустя, Шевченко, «подъ присмотромъ» фельдъегеря Виддера, прибылъ въ Оренбургъ, 9 іюня, въ 11 часовъ по полудни, какъ это отмѣчено въ секретномъ отношеніи отъ инспекторскаго департамента военнаго министерства, за подписями военнаго министра Адлерберга и дежурнаго генерала Игнатьева къ командиру отдѣльнаго оренбургскаго корпуса, В. А. Обручеву.

Въ той же бумагѣ значилось, что, по высочайшему повелѣнію, бывшій художникъ С.-Петербургской императорской академіи художествъ Тарасъ Шевченко опредѣляется «въ отдѣльный оренбургскій корпусъ рядовымъ съ правомъ выслуги, подъ строжайшій надзоръ, съ воспрещеніемъ писать и рисовать, и чтобы отъ него ни подъ какимъ видомъ не могло выходить возмутительныхъ и пасквильныхъ сочиненій».

Редакція приговора не вполнѣ ясна, что впослѣдствіи и было причиною большихъ недоразумѣній, о которыхъ мы скажемъ ниже. Должно ли видѣть здѣсь формальное запрещеніе писать и рисовать вообще, или же приговоръ имѣлъ въ виду лишь пресѣченіе Шевченкѣ способовъ къ распространенію возмутительнаго содержанія сочиненій и рисунковъ. Какъ мы увидимъ изъ дальнѣйшаго, самъ Шевченко понималъ, или, по крайней мѣрѣ, склоненъ былъ понимать приговоръ именно въ послѣднемъ смыслѣ, тѣмъ болѣе, что, передъ отправленіемъ въ Оренбургъ, онъ даже просилъ о возвращеніи ему ящика съ красками и рисунковъ, оставшихся въ Кіевѣ у гражданскаго губернатора, во время ареста Шевченка. Кромѣ того, по прибытіи въ мѣсто ссылки, какъ это видно изъ собственныхъ словъ Шевченка, сказанныхъ имъ во время допроса по дѣлу, о которомъ мы скажемъ потомъ, онъ относительно запрещенія писать «разумѣлъ, что это запрещеніе относится къ сочиненіямъ или разсужденіямъ, не дозволеннымъ закономъ». На этомъ основаніи,—говоритъ Шевченко,—«въ 1847 году писалъ я изъ Орской крѣпости къ начальнику штаба шефа корпуса жандармовъ, осмѣливаясь покорнѣйше просить его превосходительство оказать мнѣ милость ходатайствовать о дозволеніи мнѣ рисовать портреты и пейзажи». Какъ эта просьба, такъ и предъидущая оставлены были безъ послѣдствій, а именно изъ отношенія шефа жандармовъ графа Орлова, отъ 15 іюля того же 1847 года, за № 1,194, мы видимъ, что графъ Орловъ въ означенной бумагѣ пишетъ: «По таковой просьбѣ я входилъ въ сношеніе съ кѣмъ слѣдуетъ, и нынѣ кіевскій военный губернаторъ доставилъ ко мнѣ упомянутый ящикъ и краски, но какъ предметы сіи оказались совершенно незначительными и не заслуживающими пересылки, то я приказалъ оные оставить при дѣлахъ III Отдѣленія собств. е. и. в. канцеляріи». Объ этомъ, согласно отношенію графа Орлова, было сообщено Шевченку, по мѣсту его служенія въ Орской крѣпости, въ 5-й оренбургскій

линейный баталіонъ, изъ чего мы видимъ, что, въ іюлѣ мѣсяцѣ 1847 года, Шевченко находился уже въ Орской крѣпости и слѣдовательно пробылъ передъ этимъ въ Оренбургѣ самое короткое время. Одинъ изъ біографовъ Шевченка (Масловъ) пишетъ, что «симпатичный поэтъ-художникъ, попавшій въ солдатскую шинель, сразу пріобрѣлъ себѣ общее сочувствіе окружающихъ. Товарищи любили его и помогали ему чѣмъ могли; начальники оказывали ему снисхожденіе и, по возможности, старались облегчить его участь». Здѣсь, конечно, идетъ рѣчь о мѣстѣ служенія Шевченка, т. е. объ Орской крѣпости, но и въ Оренбургѣ у Шевченка нашлись друзья и даже земляки, а именно Лазаревскій, служившій чиновникомъ особыхъ порученій при предсѣдателѣ оренбургской пограничной коммиссіи, и Левицкій, чиновникъ той же коммиссіи, а черезъ нихъ Шевченко познакомился и съ другими лицами изъ оренбургскаго общества.

Но какъ ни снисходительны были отношенія къ Шевченку той среды, куда онъ теперь попалъ, однако скоро обнаружилось, что приговоръ примѣняется къ нему въ буквальномъ смыслѣ и что онъ оказывается лишеннымъ права писать и рисовать что бы то ни было безусловно, и не далѣе какъ въ томъ же году Шевченко, какъ уже сказано выше, послалъ прошеніе на имя начальника штаба шефа корпуса жандармовъ, въ которомъ просилъ о разрѣшеніи ему рисовать портреты и пейзажи. Дѣлу былъ данъ обычный ходъ, т. е., не входя тотчасъ же въ разсмотрѣніе дѣла по существу, III Отдѣленіе не замедлило наведеніемъ справокъ, а именно графъ Орловъ, въ письмѣ къ генералу Обручеву, отъ 30 января 1848 года, за № 165, просилъ послѣдняго увѣдомить о томъ, «въ какомъ полку рядовой Шевченко состоитъ на службѣ, такъ равно объ усердіи, поведеніи и образѣ мыслей его, съ вашимъ заключеніемъ, заслуживаетъ ли онъ ходатайства о дозволеніи ему заниматься рисованьемъ».

По полученіи этой бумаги въ Оренбургѣ, 12 февраля того же года, сдѣланъ былъ надлежащій запросъ начальнику части, гдѣ служилъ Шевченко, и 10 марта 1848 года командиръ 5-го линейнаго оренбургскаго баталіона доносилъ по начальству, что, «рядовой Тарасъ Шевченко ведетъ себя хорошо, службою занимается усердно, образъ мыслей его не подаетъ никакого повода къ чему либо предосудительному, и, судя по этому, онъ заслуживаетъ ходатайства о дозволеніи ему заниматься рисованьемъ, какимъ высшее начальство сочтетъ за возможное».

Донесеніе непосредственнаго начальника Шевченка было въ подлинникѣ отправлено въ III Отдѣленіе, но затѣмъ, втеченіе восьми мѣсяцевъ, дѣло о разрѣшеніи Шевченку рисовать было забыто, и только личное обращеніе генерала Обручева къ графу Орлову, отношеніемъ отъ 20 ноября 1849 года, за № 55, коимъ онъ, генералъ Обручевъ, просилъ увѣдомить его—возможно ли дозво-

лить Шевченку заниматься рисованьемъ, подъ наблюденіемъ высшаго начальства,—вызвало нижеслѣдующій отвѣтъ графа Орлова, отъ 12 декабря 1849 года, за № 2955:

«Вслѣдствіе отношенія вашего превосходительства, за № 55, я входилъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ къ государю императору о дозволеніи рядовому Шевченку заниматься рисованіемъ, но высочайшаго соизволенія на таковое мое представленіе не послѣдовало».

Около этого времени въ жизни Шевченка случился эпизодъ, значительно измѣнившій его положеніе,—именно участіе въ экспедиціи на Аральскомъ морѣ подъ начальствомъ капитанъ-лейтенанта Бутакова. Этотъ эпизодъ біографы Шевченка довольно справедливо выставляютъ всегда какъ свѣтлую полосу въ ссыльной жизни Шевченка и разсказываютъ дѣло такъ, что Бутаковъ, въ началѣ 1848 года, отправляясь въ экспедицію для описанія Аральскаго моря, проѣзжалъ черезъ Оренбургъ; узнавъ о Шевченкѣ и желая воспользоваться его талантомъ для цѣлей экспедиціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ хотя временно облегчить его положеніе, онъ обратился къ ближайшему начальству Шевченка съ просьбою позволить ему отправиться въ экспедицію, для снятія береговыхъ видовъ Аральскаго моря. «Просьба Бутакова,—говоритъ Масловъ,—была уважена, и поэтъ на время покинулъ орскія казармы и солдатскія обязанности». Упомянутому біографу, очевидно, неизвѣстно, что Шевченко, какъ это оказывается теперь изъ данныхъ, представляемыхъ оффиціальными источниками, находился въ Орскѣ лишь до мая 1848 года, а затѣмъ, 11-го мая, въ числѣ другихъ нижнихъ чиновъ, былъ командированъ для прикрытія транспорта, слѣдовавшаго, подъ начальствомъ генерала Шрейбера, изъ крѣпости Орской къ Раимскому укрѣпленію, по прибытіи же туда, поступилъ въ составъ экипажа двухъ шкунъ «Николай» и «Константинъ», назначенныхъ для плаванія по Аральскому морю, подъ начальствомъ капитанъ-лейтенанта Бутакова.

Представлялось ли Шевченку это степное путешествіе особенно отрадной перспективой? На этотъ вопросъ можетъ отчасти отвѣчать то обстоятельство, что въ одномъ изъ семи писемъ нѣкоего Лизогуба, писанныхъ этимъ послѣднимъ къ Шевченку именно въ описываемое время, Лизогубъ совѣтуетъ Шевченку не унывать, отправляясь въ степь. Изъ этого можно заключить, что, въ глазахъ Шевченка и его друзей, отправленіе его въ Раимское укрѣпленіе не обѣщало само по себѣ особенно привлекательной перспективы. Между тѣмъ, у вышесказаннаго біографа, дѣло описывается такимъ образомъ: «Весь походъ отъ мѣста пребыванія (т. е. отъ Орска) до самаго Аральскаго моря былъ сдѣланъ Шевченкомъ пѣшкомъ, отдѣльно отъ роты, въ качествѣ художника-волонтера. Общество образованныхъ людей, которые обходились съ

нимъ какъ съ равнымъ и оказывали нѣкоторыя услуги, кочевая жизнь, полная для поэта-художника особеннаго интереса, новизна впечатлѣній и привѣтливое обращеніе начальника экспедиціи—возвратили Шевченку прежнее душевное спокойствіе и заставили забыть настоящее. Раздолье степей, по которымъ шла экспедиція, напоминало ему родныя украинскія степи. Однажды онъ былъ пораженъ великолѣпною картиною выжиганія травы киргизами, и тутъ же нарисовалъ ее».

О томъ же переходѣ изъ Орской крѣпости въ Раимское укрѣпленіе сохранились болѣе обстоятельныя свѣдѣнія въ разсказѣ штабсъ-капитана М—ва, приведенномъ въ книгѣ Чалаго «Жизнь и произведенія Тараса Шевченка» (Кіевъ, 1882). М—въ на первомъ же переходѣ познакомился съ Шевченкомъ и предложилъ ему ночевать у него, М—ва, въ кибиткѣ и пользоваться его столомъ, на что̀ Шевченко согласился съ радостью. Весь походъ онъ сдѣлалъ пѣшкомъ, отдѣльно отъ роты, въ статскомъ плохенькомъ пальтишкѣ, такъ какъ въ степи соблюденія формы не требовалось. Онъ былъ веселъ и, повидимому, очень доволенъ раздольемъ степей и перемѣною своего положенія, а походная обстановка его нисколько не тяготила. Когда, послѣ продолжительнаго перехода, отрядъ заходилъ въ попутное укрѣпленіе, гдѣ представлялась возможность замѣнить сухари и воду свѣжимъ хлѣбомъ и хорошимъ квасомъ, Шевченко шутливо обращался къ деньщику М—ва со словами:—«Дай, братецъ, квасу со льдомъ, ты знаешь, я не такъ воспитанъ, чтобъ пить голую воду!» Шевченко много разсказывалъ своимъ спутникамъ о своихъ похожденіяхъ, но при этомъ никогда не касался причины постигшаго его тяжкаго наказанія. Кромѣ библіи, съ нимъ не было никакихъ книгъ, читалъ онъ мало и никогда не писалъ. Далѣе М—въ подтверждаетъ вышеупомянутое свѣдѣніе, что Шевченко видѣлъ выжиганіе степи, говоря объ этомъ слѣдующее: «На другой день послѣ нашего выступленія (разсказываетъ М—въ) мы видѣли вдали палъ, т. е. огонь, пущенный киргизами по степи, чтобы сжечь старый изсохшій ковыль и дать возможность безпрепятственно рости свѣжему, и долго любовались, какъ отдѣльные сначала огоньки постепенно сливались въ непрерывныя нити, сопровождаемыя сильнымъ заревомъ. По просьбѣ генерала Шрейбера, Шевченко нарисовалъ акварелью эту импровизированную иллюминацію и подарилъ ему свой рисунокъ. 19-го іюня, экспедиція достигла Раимскаго укрѣпленія на Сыръ-Дарьѣ».

Вмѣстѣ съ товарищами, Шевченко былъ назначенъ въ команду шхуны «Константинъ» и, въ ожиданіи ея снаряженія, жилъ въ Раимѣ, такъ же, какъ и во время похода, въ кибиткѣ М—ва и рисовалъ съ него портретъ акварелью.

Плаваніе по Аральскому морю началось 25-го іюля, когда шхуна вышла изъ устья Сыръ-Дарьи, продолжалось два мѣсяца и было

сопряжено съ большими опасностями и крайними лишеніями. На шкунѣ находилось 27 человѣкъ, и въ томъ числѣ четыре офицера, которые помѣщались въ маленькой офицерской каютѣ, гдѣ было, сверхъ того, еще три человѣка, между прочимъ, Шевченко. Во время плаванія онъ ничѣмъ не былъ занятъ, кромѣ рисованія береговыхъ видовъ. 23-го сентября, шкуна бросила якорь въ устьяхъ Сыръ-Дарьи, и отрядъ остался зимовать въ Косъ-Аральскомъ фортѣ. Втеченіе этихъ четырехъ мѣсяцевъ, Шевченко, по словамъ М—ва, былъ очень бодръ и веселъ, жизнь велъ трезвую, хотя любилъ выпить.

Въ командѣ упомянутыхъ судовъ Бутаковъ нашелъ не одного Шевченко, но еще одного ссыльнаго поляка, какого-то Вернера, и вотъ что объ нихъ обоихъ пишетъ самъ Бутаковъ, отъ 22-го апрѣля 1849 года, въ донесеніи къ генералу Толмачеву, временно заступавшему тогда генерала Обручева: «Въ командѣ ввѣренныхъ мнѣ судовъ находятся 4-го линейнаго баталіона: унтеръ-офицеръ Ѳома Вернеръ и рядовой 5-го баталіона Тарасъ Шевченко. Первый былъ мною взятъ въ прошлогоднее плаваніе, по предложенію г. подполковника Матвѣева (командира баталіона, гдѣ служилъ Вернеръ), для изслѣдованія каменнаго угля, котораго признаки были найдены на сѣверо-западномъ берегу Аральскаго моря и для геологическихъ и ботаническихъ наблюденій, причемъ онъ (Вернеръ), оказался очень полезнымъ, ибо честь открытія пласта каменнаго угля принадлежитъ ему; а послѣдній, т. е. Шевченко, былъ назначенъ г. корпуснымъ командиромъ для снимапія видовъ въ степи и на берегахъ Аральскаго моря». Оригинально, что командировка Шевченка послѣдовала какъ разъ въ то время, когда шла оффиціальная, такъ неудачно кончившаяся, переписка о разрѣшеніи ему рисовать. Въ томъ же донесеніи Бутаковъ заявляетъ, что по возвращеніи его въ Оренбургъ, при приведеніи въ порядокъ результатовъ экспедиціи, ему понадобятся какъ Вернеръ, такъ и Шевченко: послѣдній «для окончательной отдѣлки живописныхъ видовъ, чего въ морѣ сдѣлать невозможно, и для перенесенія гидрографическихъ видовъ на карту, послѣ того, какъ она будетъ сдѣлана въ Оренбургѣ».

Согласно этой просьбѣ Бутакова, генералъ Обручевъ, 12 мая 1849 года, разрѣшилъ Вернеру и Шевченку возвратиться временно на линію, т. е. въ Орскъ, и затѣмъ въ Оренбургъ, съ тѣмъ, чтобы, по окончаніи своихъ занятій при Бутаковѣ, они немедленно возвратились въ то же Раимское укрѣпленіе, изъ чего явствуетъ, что Шевченко совершилъ вышесказанный переходъ съ транспортомъ не ради поступленія въ составъ экспедиціи, а прослѣдовалъ къ мѣсту своего назначенія на болѣе продолжительный срокъ.

Какъ бы то ни было, согласно разрѣшенію генерала Обручева, Шевченко былъ отправленъ въ Оренбургъ, куда прибылъ въ ноябрѣ

1849 года и поступилъ въ распоряженіе Бутакова для окончанія работъ по описи береговъ Аральскаго моря. Бутаковъ торопился, и Шевченко никакъ не могъ исполнить всѣ рисунки къ сроку представленія ихъ военному министру, а потому, узнавъ, что во 2-мъ баталіонѣ есть рядовой Брониславъ Залѣсскій, умѣющій хорошо рисовать, Бутаковъ просилъ о назначеніи его въ помощь Шевченку. Генералъ Обручевъ изъявилъ на это свое согласіе, но съ тѣмъ, чтобы Бутаковъ самъ наблюдалъ за находившимися въ его распоряженіи нижними чинами (Шевченко, Вернеръ, Залѣсскій) и представилъ бы не только подробный отчетъ о занятіяхъ каждаго изъ нихъ, но и самыя произведенныя ими работы. И дѣйствительно, какъ мы видимъ изъ дѣла, Бутаковъ представилъ Обручеву: 1) гидрографическіе виды береговъ Аральскаго моря, рисованные Шевченкомъ; 2) геологическое описаніе тѣхъ же береговъ, составленное Вернеромъ; 3) 7 ящиковъ съ 150 геологическими образцами для отправленія въ Горный институтъ и 4) 2 ящика съ 75-ю экземплярами ботаническихъ образцовъ для отправленія въ императорскій Ботаническій садъ.

Какъ говоритъ г. Чалый, авторъ вышеупомянутой книги (стр. 79), Обручевъ, довольный результатами экспедиціи, принялъ во вниманіе полезное въ ней участіе Шевченка, сдѣлалъ о немъ представленіе, но изъ Петербурга ему выразили неудовольствіе относительно того, что Шевченку дозволено было рисовать, вопреки высочайшему повелѣнію, а Бутаковъ подвергся негласному надзору тайной полиціи.

Какъ бы то ни было, всю зиму 1849—1850 года Шевченко прожилъ при такой своеобразной, благопріятной для него обстановкѣ. Самъ корпусный командиръ, генералъ Обручевъ, очевидно, подъ вліяніемъ удачныхъ результатовъ экспедиціи Бутакова, нашелъ нужнымъ дать Вернеру и Шевченку новую интересную командировку и въ предписаніи на имя начальника 23-й пѣхотной дивизіи, отъ 22 января 1850 года, писалъ слѣдующее: «Для точнаго изслѣдованія пріисковъ каменнаго угля, найденнаго на сѣверо-западномъ берегу Аральскаго моря, я вошелъ въ сношеніе съ начальникомъ уральскихъ горныхъ заводовъ о назначеніи опытнаго штейгера, коего, по окончаніи опытовъ надъ симъ углемъ въ Раимскомъ укрѣпленіи, я намѣренъ въ будущемъ лѣтѣ отправить въ Ново-Петровское укрѣпленіе, на Каспійское море, для таковаго же изслѣдованія каменнаго угля, открытаго еще въ 1847 году на Мангишлакскомъ полуостровѣ, при горахъ Кара-Тау, отстоящихъ отъ укрѣпленія въ 120 верстахъ. Предположивъ придать въ помощь упомянутому штейгеру при семъ послѣднемъ изслѣдованіи каменнаго угля, участвовавшихъ уже въ морскихъ экспедиціяхъ по Аральскому морю, унтеръ-офицера Вернера и рядоваго Шевченка, прошу ваше превосходительство препроводить сихъ нижнихъ чиновъ въ Ново-Петровское укрѣпленіе».

Затѣмъ послѣдовало приказаніе прислать Шевченка въ корпусный штабъ ко 2-му мая, но еще раньше этого срока генералъ Обручевъ приказалъ отмѣнить вышесказанную его командировку, зачислить попрежнему на службу въ линейный баталіонъ, расположенный въ Орскѣ, и немедленно арестовать его на главной гауптвахтѣ.

Дѣло было въ томъ, что до Обручева дошли слухи, будто Шевченко ходитъ въ партикулярномъ платьѣ, занимается рисованьемъ и сочиняетъ стихи. Такъ объ этомъ доноситъ самъ Обручевъ въ рапортѣ къ графу Орлову. Кромѣ того, какъ говоритъ Чалый. прапорщикъ И—въ, негодовавшій на Шевченка за то, что тотъ помѣшалъ ему въ какой-то любовной интрижкѣ, сдѣлалъ доносъ, что Шевченко снимаетъ портреты съ высокопоставленныхъ лицъ, вслѣдствіе чего будто бы Обручевъ, получивъ вторично непріятную бумагу изъ Петербурга, принялъ относительно Шевченка болѣе строгій образъ дѣйствій.

Относительно того, соблюдалъ ли Шевченко правила формы и военной дисциплины, приводитъ со словъ его интересный разсказъ В. Г. Шевченко, не обозначая, однако, съ точностью, гдѣ именно имѣло мѣсто слѣдующее, сообщенное имъ происшествіе. Однажды, Тарасъ Григорьевичъ встрѣтилъ казачьяго офицера изъ уральскихъ казаковъ, который, судя по тому, что Шевченко отпустилъ себѣ большую бороду, принялъ его за раскольничьяго попа, сталъ просить у него благословенія, предлагая при этомъ 25 рублей на молитву, и хотя Шевченко не взялъ денегъ и не далъ благословенія, но офицеръ-раскольникъ остался въ убѣжденіи, что передъ нимъ былъ сосланный правительствомъ раскольничій попъ. Съ другой стороны, изъ данныхъ возбужденнаго противъ него судебнаго слѣдствія, обнаружилось, что Шевченко, проживая въ Оренбургѣ и квартируя въ домѣ штабсъ-капитана генеральнаго штаба, Карла Ивановича Герна, дѣйствительно имѣлъ у себя партикулярное платье, но никуда и ни въ какое время въ немъ не выходилъ. По прибытіи же его въ Орскъ, платье это было отъ Шевченка отобрано и хранилось въ цейхгаузѣ: это было ластиковое, темновишневаго цвѣта, пальто и таковое же драдедамовое, гороховаго цвѣта, и одни брюки. Что касается личности Герна, у котораго одно время проживалъ Шевченко, то мы можемъ сообщить, что это былъ человѣкъ очень добрый и симпатичный, одинъ изъ благорасположенныхъ къ Шевченку лицъ, какъ это видно изъ письма къ Тарасу Григорьевичу Сергѣя Левицкаго.

Относительно писанія Шевченкомъ во время ссылки стиховъ припомнимъ разсказъ Тургенева, по словамъ котораго Шевченко показывалъ ему «крошечную книжечку, переплетенную въ простой дегтярный товаръ, въ которую онъ заносилъ свои стихотворенія и которую пряталъ въ голенище сапога, такъ какъ ему запрещено было заниматься писаніемъ».

Очевидно одно, что въ Оренбургѣ возникла рѣчь о нарушеніи Шевченкомъ дисциплины и высочайшей воли. Помимо ареста, Обручевъ приказалъ сдѣлать въ его квартирѣ обыскъ, о результатахъ котораго сообщилъ въ вышеупомянутомъ донесеніи отъ 23 мая, а именно найдены были: старый, поношенный, широкій партикулярный сюртукъ, письма отъ разныхъ лицъ, преимущественно на малороссійскомъ языкѣ, два альбома со стихами и пѣснями на томъ же языкѣ и разными фигурами, рисованными карандашемъ; кромѣ того, при арестѣ, у него были отобраны: деревянный неокрашенный ящикъ съ кистями, красками, бумагами и ключикомъ, Библія, книга «О подражаніи Христу», двѣ части сочиненій Шекспира, двѣ части полнаго собранія сочиненій русскихъ авторовъ (?), сочиненія Лермонтова, Евгеній Онѣгинъ Пушкина и два портфеля для бумагъ; всѣ эти послѣдніе предметы, по истеченіи 15 дней, проведенныхъ Шевченкомъ на оренбургской гауптвахтѣ, 12 мая были отправлены вслѣдъ за нимъ въ Орскъ, для выдачи ему ихъ по принадлежности. Шевченко былъ отправленъ этапнымъ порядкомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ Обручевъ предписывалъ командиру 5-го линейнаго баталіона, маіору Матвѣеву, слѣдить затѣмъ, чтобы къ Шевченку отнюдь не могли прямо доходить письма и отъ него пересылаться къ другимъ лицамъ, «ибо,—писалъ Обручевъ,— всѣ таковыя письма должны поступать на предварительное мое разсмотрѣніе; за рядовымъ же Шевченкомъ, сверхъ баталіоннаго и ротнаго командировъ, имѣть въ ротѣ надзоръ благонадежнымъ унтеръ-офицеру и ефрейтору, которые должны строжайше наблюдать за всѣми его дѣйствіями, и ежели что либо замѣтятъ предосудительнаго или неповиновеніе, то доводили бы о томъ въ тотъ же часъ до свѣдѣнія баталіоннаго командира, который обязанъ немедленно мнѣ донести, подписывая на конвертѣ «секретно и въ собственныя руки».

Отправивъ Шевченка въ Орскъ, Обручевъ писалъ къ графу Орлову: «Пріемлю честь почтительнѣйше представить на благоусмотрѣніе вашей свѣтлости отобранныя отъ рядоваго Шевченка бумаги, съ раздѣленіемъ писемъ, заслуживающихъ особаго вниманія и какія, по мнѣнію моему, не заслуживаютъ таковаго, присовокупляя, что я подтвердилъ кому слѣдуетъ имѣть самый бдительный надзоръ за упомянутымъ рядовымъ и что съ виновными въ неисполненіи сего будетъ поступлено по всей строгости законовъ».

Такимъ образомъ, компрометирующія Шевченка письма отправились въ Петербургъ, а между тѣмъ столичные друзья его начинали хлопотать объ улучшеніи его участи. Какъ узнаемъ мы изъ взятаго при обыскѣ письма къ Шевченку на малорусскомъ языкѣ (сообщеннаго при рапортѣ въ переводѣ), отъ чиновника оренбургской пограничной канцеляріи Сергѣя Левицкаго изъ Петербурга, Бутаковъ говорилъ ему, что «дѣло начато», что онъ «дви-

нулъ» за Шевченка «всѣхъ дамъ, чтобы говорили кому слѣдуетъ, но не знаетъ еще—будетъ ли успѣхъ». Въ томъ же письмѣ, Левицкій сообщаетъ Шевченку, что въ Петербургѣ есть много лицъ, которыя о немъ вспоминаютъ. Видно такъ же, что съ этимъ Левицкимъ Шевченко отправилъ письмо академику Остроградскому, художнику Чернышову, княжнѣ Рѣпниной (въ Москвѣ) и Бодянскому. Кстати здѣсь привести это письмо (напечатанное г. Титовымъ въ «Русской Старинѣ», 1883 г., сентябрь), рисующее жизнь и душевное настроеніе Шевченка въ данное время; приводимъ это письмо дословно:

«Оренбургъ, генваря 3-го, 1850 г.

«Поздоровляю тебе зъ цимъ новимъ рокомъ, друже мій единый! Нехай съ тобою діеця же чого ты у Бога благаешъ; давно, давно мы не бачилысь, та не знаю, чи и побачемося швыдко, а може вже и николе. Крый маты Господня! а думаю, що такъ, бо мене дуже далеко заправтора моя погана доля, та добріи люде! Я оце вже третій рокъ якъ пропадаю въ неволи, въ цимъ Богомъ забутемъ краи! Тяжко мени друже! дуже тяжко! та що маю робить? Перейшовъ я пишки двичи всю Киргызскую степъ ажъ до Оральского моря, плававъ по йому два лита. Господы, яке погане! ажъ бридко згадувать! не те що разсказувать добрымъ людямъ. Ось бачъ якъ зо мною диялось; поихавъ я тоди въ Киевъ изъ Петербурга, тоди якъ мы зъ тобою въ Москви бачилысь, и думавъ уже въ Киеви оженыцця, тай жить на свити, якъ добри люде живуть, уже було и подружіе найшлось. Та Господь не благословывъ моей доброй доли! Не давъ мени доконцить вику короткого на нашій любій Украині; тяжко! ажъ слйозы капають якъ згадаю якъ тяжко! Мене зъ Киева загналы ажъ сюды, и за що? за вирши! и заказалы писать ихъ, а що найгорше... рисовать! И оттеперь бачимъ якъ я отутъ пропадаю, живу у казармахъ міжъ солдатами, нискимъ слово промолвить, и нема чого прочитать—нудьга! нудьга така, что вона мене не забаромъ вжене у домовину! Не знаю чи каравсь ще хто на симъ свити такъ, якъ я теперь караюсь? И не знаю за що? Отцей, что привезе тоби листъ мій, нашъ землякъ Левицкій. Привитай його, друже мій добрый, добра щира душа! винъ мени въ великій ставъ пригоди на чужини! дай йому мою Тризну и Гамалія, колы воны ще живи, а мени, колы буде твоя ласка, пришлы Кониского, добрее зробишъ дило, нехай я хоть читатему про нашу безталанную Украину, бо я вже іи николы не побачу! Такъ шось сердце вищуе!

«Пришли и напиши, колы буде ласка (по адресу: въ Оренбургъ, Карлу Ивановичу Герну, въ генеральный штабъ), а мене на адреси не поминай, цуръ йому, винъ знатеме по штемпелю. Оставайся здоровъ, друже мій единый! Нехай тоби Богъ посылае, чого ты въ його просышъ. Згадуй инколе безталанного Т. Шевченка.

«А щобъ не оставалося гулящого паперу, то на тоби виржъ съ десятокъ своій работы:

«Якъ маю я журытыся
Докучиты людямъ,
Пиду соби свитъ за очи
Що буде, те й буде.
Найду долю — одружуся,
Не найду — втоплюся,
А не продамъ себе людямъ,
Въ наймы не наймуся.
Пишовъ соби свитъ за очи
Доля не спиткалась...
А воленьку добри люде
И не торгували,
А безъ торгу закинули
Въ далеку неволю,
Щобъ не було свободнаго
На нашому полю!»

Левицкій видѣлся съ Бодянскимъ и такъ описываетъ свое свиданіе съ нимъ: «Съ трудомъ я могъ достучаться; за то, какъ я сказалъ, что отъ васъ и имѣю письмо, то онъ такъ обрадовался, какъ бы я говорилъ ему о братѣ или о самомъ близкомъ его сердцу человѣкѣ; долго говорили объ Оренбургѣ, какова тамъ жизнь вообще, а особенно для васъ. Жалѣли и горевали о васъ вмѣстѣ и, наговорившись, разошлись какъ родные». Вѣроятно, не желая оставаться безучастнымъ къ судьбѣ Шевченка, Бодянскій далъ Левицкому записку къ Рѣдкину, который тогда въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ при Перовскомъ замѣстилъ извѣстнаго Даля. Рѣдкинъ принялъ Левицкаго очень ласково, и тоже разспрашивалъ о томъ, какъ живетъ Шевченко, но, должно быть, не подалъ никакихъ надеждъ на улучшеніе участи злополучнаго поэта и не вызвался хлопотать за него; по крайней мѣрѣ, Левицкій прибавляетъ: «Мнѣ кажется, что этотъ не то, что Бодянскій: видно, что онъ боится чего-то, или, быть можетъ, проникнутъ тѣмъ сквернымъ духомъ петербургскимъ».

Но вмѣсто услуги, какъ мы ниже увидимъ, этотъ Левицкій подалъ наибольшій поводъ къ возникшимъ противъ Шевченка обвиненіямъ.

Въ отвѣтъ на вышеприведенное отношеніе генерала Обручева, дежурный генералъ главнаго штаба, генералъ-адъютантъ Игнатьевъ, написалъ ему слѣдующее:

«Государь императоръ по всеподданнѣйшему докладу отношенія вашего высокопревосходительства и содержанія препровожденныхъ при ономъ бумагъ, отобранныхъ отъ рядоваго 5 оренбургскаго линейнаго баталіона Тараса Шевченка, высочайше повелѣть соизволилъ: рядоваго Шевченка, не исполнившаго воспрещенія писать и рисовать, подвергнуть немедленно строжайшему аресту и содержать подъ онымъ до изслѣдованія о виновности допустившихъ его вести переписку и заниматься рисованіемъ. При изслѣдованіи имѣть въ виду, что командиръ 5 оренбургскаго баталіона и всѣ ближайшіе начальники подлежать должны законному взысканію за допущеніе предосудительныхъ послабленій относительно этого преступника, предшествовавшая вина коего была имъ извѣстна».

Снова, какъ мы видимъ, III Отдѣленіе не вникло въ существо дѣла, а дало ему обычный формальный ходъ и даже придало особенно серьёзный характеръ наряженному слѣдствію. На послѣднее повліяло еще то обстоятельство, что генералъ Обручевъ, посылая отношеніе въ III Отдѣленіе, съ неменьшей обстоятельностью изложилъ все дѣло тогдашнему государственному канцлеру графу Карлу Васильевичу Нессельроде. Очевидно, считая такое дѣйствіе Обручева не вполнѣ умѣстнымъ, графъ Орловъ написалъ ему, отъ 10 іюня 1850 года, слѣдующее письмо:

«Ваше высокопревосходительство изволили сообщить г. государственному канцлеру о распоряженіяхъ, сдѣланныхъ правительствомъ на счетъ назначеннаго по высочайшему повелѣнію во ввѣренный вамъ корпусъ рядоваго Шевченка и о бумагахъ, найденныхъ у него при обыскѣ. Имѣя въ виду, что переписка о рядовомъ Шевченкѣ ведена была мною секретнымъ образомъ только съ военнымъ министромъ и вами, я пріемлю честь покорнѣйше просить васъ, милостивый государь, не изволите ли вы почтить меня увѣдомленіемъ, по какому поводу вы сочли нужнымъ сообщить содержаніе сей переписки г. дѣйствительному тайному совѣтнику графу Нессельроде и не изволили ли ваше высокопревосходительство имѣть къ тому особыя причины»?

Обручевъ, однако, съумѣлъ выйдти изъ неловкаго положенія и въ отвѣтномъ письмѣ къ графу Орлову представилъ слѣдующія «особыя причины», побудившія его войдти въ сношенія съ государственнымъ канцлеромъ: «Получивъ почтеннѣйшее письмо вашего сіятельства, по предмету сообщенія моего г. канцлеру свѣдѣній о рядовомъ Шевченкѣ, я имѣю честь увѣдомить васъ, что не задолго до исполненія сего поступило ко мнѣ представленіе предсѣдателя оренбургской пограничной коммиссіи, генералъ-маіора Лодыженскаго, объ увольненіи отъ должности совѣтника той коммиссіи Бакшаева и о допущеніи къ исправленію этой должности состоящаго при немъ по особымъ порученіямъ чиновника Лазаревскаго, а какъ изъ отобранныхъ бумагъ отъ рядоваго Шевченка обнаружилась переписка съ нимъ, кромѣ другихъ лицъ, и чиновника Лазаревскаго, которая по содержанію своему заслуживаетъ особаго вниманія, то, признавая неудобнымъ по этимъ причинамъ допустить къ должности совѣтника Лазаревскаго, оглашеннаго въ связяхъ и перепискѣ съ рядовымъ Шевченкомъ, состоящимъ подъ строгимъ надзоромъ начальства, я, не объясняя подробностей сего обстоятельства впредь до приведенія въ извѣстность содержанія переписки, сообщилъ графу Нессельроде мнѣніе мое объ опредѣленіи, вмѣсто Лазаревскаго, совѣтникомъ чиновника Костромитинова; въ заключеніе же присовокупилъ, что о подробностяхъ этого дѣла не оставлю увѣдомить особо. Когда же, по разборѣ бумагъ, отобранныхъ у Шевченка, я донесъ объ открывшемся военному

министру, то почелъ долгомъ сообщить о томъ и государственному канцлеру, вслѣдствіе помянутаго отношенія моего, дабы чиновникъ Лазаревскій не могъ быть перемѣщенъ къ высшей должности въ пограничной коммиссіи, состоящей въ управленіи министерства иностранныхъ дѣлъ».

Въ силу вышеприведеннаго высочайшаго повелѣнія, надъ Шевченкомъ наряжено было слѣдствіе, и на другой же день, 24 іюня, было отправлено въ Орскъ предписаніе командиру баталіона немедленно арестовать Шевченка на гауптвахтѣ Орской крѣпости, а въ случаѣ, если слѣдователь потребуетъ его въ Оренбургъ, то немедленно же отправить его подъ строжайшимъ карауломъ, назначая отъ станицы до станицы одного унтеръ-офицера и не менѣе трехъ рядовыхъ изъ мѣстной инвалидной стражи.

Производство слѣдствія возложено было на командира 2-го оренбургскаго баталіона, подполковника Чигиры, который самъ отправился въ Орскъ и снялъ показанія съ Шевченка; въ рукахъ у насъ находится копія съ собственноручныхъ отвѣтовъ его, писанныхъ на предъявленномъ ему вопросномъ листѣ, скрѣпленномъ фразою: «къ симъ отвѣтнымъ пунктамъ рядовой линейнаго оренбургскаго баталіона № 5 Тарасъ Шевченко руку приложилъ».

Первый изъ этихъ пунктовъ представляетъ обычную формулу: «какъ тебя зовутъ? чей ты сынъ?» и т. д. и заключаетъ въ себѣ только два интересныхъ отвѣта: во-первыхъ, Шевченко отвѣчалъ, что ему отъ роду 40 лѣтъ, между тѣмъ какъ впослѣдствіи, въ своей автобіографіи, написанной имъ по просьбѣ редакціи журнала «Народное Чтеніе», онъ точно опредѣлилъ день своего рожденія — 25 февраля 1814 года, а слѣдовательно, во время описываемаго допроса, т. е. въ іюнѣ 1850 года, ему должно было бы быть 35 лѣтъ 4 мѣсяца. Во-вторыхъ, достойно замѣчанія, что, попавъ въ военную службу въ силу конфирмаціи, онъ «на вѣрность службы его императорскому величеству не присягалъ».

Слѣдующій затѣмъ пунктъ вопросовъ ведетъ исключительно рѣчь о перепискѣ Шевченка съ разными лицами. Изъ описи, приложенной къ донесенію объ обыскѣ, видно, что всего отобрано было 11 русскихъ писемъ: два отъ княжны Варвары Рѣпниной, два отъ Чернышова, одно отъ неизвѣстной Александры, пять отъ Лазаревскаго и одно никѣмъ не подписанное; малороссійскихъ же писемъ было тоже 11: изъ нихъ семь отъ Лизогуба, одно отъ неизвѣстнаго и одно отъ Сергѣя Левицкаго. Сверхъ того, были найдены стихи на малорусскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ «Святая вода».

Изъ отвѣтовъ Шевченка выяснилось, что, за время пребыванія его въ Орской крѣпости, онъ, дѣйствительно, получалъ письма отъ Варвары Рѣпниной, проживавшей въ то время въ Одессѣ, а, какъ мы видѣли выше, письмо къ ней въ Москву Шевченко переслалъ

черезъ С. Левицкаго; фамилію неизвѣстной корреспондентки, подписавшейся именемъ Александры, онъ назвалъ: это была Александра Псёлъ, проживавшая Полтавской губерніи въ Переяславскомъ уѣздѣ, въ селѣ, названія котораго Шевченко не запомнилъ. Она же и авторъ стихотворенія «Святая вода», присланнаго Шевченку, во время пребыванія его въ крѣпости Орской въ 1847 году, при письмѣ, на которое онъ, Шевченко, не отвѣчалъ. По отзыву, заключающемуся въ рапортѣ генерала Обручева, въ этомъ стихотвореніи нѣтъ ничего предосудительнаго.

Относительно семи писемъ Лизогуба, Шевченко объяснилъ, что лицо это—Андрей Лизогубъ, помѣщикъ Черниговской губерніи и уѣзда; что письма отъ него, во время пребыванія своего въ Орской крѣпости, онъ получалъ обыкновеннымъ порядкомъ черезъ орскую почтовую станцію, «чему,—говоритъ Шевченко,—можетъ быть свидѣтелемъ подъ присягой орской почтовой станціи смотритель». «Отвѣчалъ же, дѣйствительно, двумъ лицамъ,—говоритъ далѣе Шевченко,—княжнѣ Варварѣ Рѣпниной и Андрею Лизогубу; прочія же письма оставлялъ безъ отвѣта. Отвѣты посылалъ черезъ почтовую станцію отъ своего имени».

Изъ частныхъ же лицъ, доставлявшихъ Шевченку письма, онъ указалъ лишь на Бутакова, который привезъ ему въ Раимское укрѣпленіе письма отъ Ѳедора Лазаревскаго, служившаго въ то время въ Оренбургѣ и, быть можетъ, просившаго Бутакова обратить вниманіе на участь Шевченка. Изъ заключеній же генерала Обручева, высказанныхъ въ его рапортѣ и сдѣланныхъ имъ на основаніи находившейся въ его рукахъ всей коллекціи писемъ, видно, что нѣкоторыя письма пересылались черезъ братьевъ Лазаревскихъ и чиновника оренбургской пограничной канцеляріи Александровскаго.

Настоятельный вопросъ относительно переписки былъ поставленъ Шевченку и за время пребыванія его въ Оренбургѣ, въ распоряженіи Бутакова, равно какъ и по отъѣздѣ послѣдняго въ Петербургъ. За это время Шевченко получилъ всего одно письмо отъ вышеупомянутаго Андрея Лизогуба и одно, уже въ 1850 году, отъ художника Чернышова, находившагося, по словамъ Шевченка, при императорской академіи художествъ. Въ Орскѣ же, въ 1847 году, Шевченко получилъ письмо отъ Чернышова, «служащаго, какъ показалъ Шевченко, въ оренбургскомъ казачьемъ войскѣ урядникомъ»; но на это письмо, какъ и выше было сказано относительно писемъ, полученныхъ Шевченкомъ въ Орскѣ, онъ также не отвѣчалъ. Въ тотъ же періодъ времени, т. е. въ 1850 году, Шевченко получилъ письмо отъ Сергѣя Левицкаго, о которомъ мы уже не разъ говорили выше. Письму этому высшее начальство придало особое значеніе, что̀ и повело къ чрезвычайнымъ недоразумѣніямъ и дало дѣлу особенно худой поворотъ.

«Изъ отобранныхъ бумагъ,—доноситъ военному министру Обручевъ, — въ особенности замѣчательно письмо на малороссійскомъ языкѣ изъ Петербурга, отъ 6 марта настоящаго (1850) года, отъ служащаго въ пограничной коммиссіи и нынѣ находящагося въ отпуску въ Петербургѣ, коллежскаго секретаря Левицкаго. Письмо это въ переводѣ прилагаю при рапортѣ».

Мы сдѣлали уже значительныя извлеченія изъ этого письма, имѣющія для біографа Шевченка фактическую цѣнность. Теперь же, ради уясненія дѣла, намъ приходится привести цѣликомъ разсужденія и сообщенія г. Левицкаго, нисколько, какъ это будетъ видно ниже, до Шевченка не относящіяся.

«Много есть тутъ нашихъ,—описываетъ Левицкій свои петербургскія впечатлѣнія,—но, кажется, они такіе люди, что промѣняли бы на нѣмца, а не только на христіанина; впрочемъ, есть и между ними. Пока знаю одного: это Николай Алексѣевичъ Головко, магистръ математическихъ наукъ изъ Харькова; онъ очень хорошій человѣкъ, и какъ только мы сойдемся съ нимъ, то первое слово объ васъ; онъ сотрудникъ нѣкоторыхъ журналовъ и очень умный молодой человѣкъ; жаль только, если онъ своею справедливостью надѣлаетъ того, что его сошлютъ куда нибудь, потому что и теперь онъ подъ надзоромъ полиціи; онъ часто бываетъ у Остроградскаго, и я когда нибудь пойду съ нимъ туда же. Много здѣсь есть такихъ, которые вспоминаютъ васъ, а Головко говоритъ, что хотя васъ не стало, но на ваше мѣсто есть до тысячи человѣкъ, готовыхъ стоять за все то, что́ вы говорили и что́ говорятъ люди, для которыхъ правда такъ важна»...

Въ началѣ нашего очерка мы подробно остановились на уясненіи дѣла, за которое Шевченко попалъ въ солдаты; читателямъ нашимъ хорошо извѣстно, что Шевченко и его товарищи по несчастію, такіе, какъ Н. И. Костомаровъ, не были конспираторами, революціонерами въ общепринятомъ смыслѣ слова; что же касается стихотворенія Шевченка «Сонъ», то мы позволяемъ себѣ замѣтить, что возмутительнаго характера стихотворенія молодыхъ поэтовъ не даютъ еще повода дѣлать изъ авторовъ ихъ проскриптовъ революціи, чему примѣромъ служитъ Пушкинъ, написавшій стихотвореній такого рода болѣе чѣмъ кто либо другой и, однако, оставшійся навсегда внѣ революціонныхъ стремленій своихъ современниковъ.

Между тѣмъ, письмо Левицкаго служитъ характернымъ отзвукомъ мнѣній людей своего времени, желавшихъ рядить въ революціонную мантію несчастныхъ, пострадавшихъ изъ-за недоразумѣнія...

Шевченко на вышеприведенное письмо не отвѣчалъ и при допросѣ объяснилъ, что «не отвѣчалъ по нелѣпому его содержанію». «Но я остаюсь увѣреннымъ,—прибавляетъ далѣе Шевченко,—что г. Левицкій по чистой правдѣ при спросахъ долженъ показать, что

на безсмысленныя его фразы и общій смыслъ письма я никогда ничѣмъ не подавалъ ни причины, ни права».

Какъ увидимъ ниже, и въ Петербургѣ не признали нужнымъ входить въ глубь вещей и не стали доискиваться состава особыхъ преступленій со стороны Шевченка; все же обвиненіе противъ него сводилось къ тому, что онъ «дозволилъ себѣ писать и рисовать, и ходилъ иногда въ партикулярномъ платьѣ». Самъ Шевченко, заключая свои показанія, говоритъ:

«Показавъ все по истинной справедливости, осмѣливаюсь покорнѣйше просить начальство принять въ милостивое разсмотрѣніе, что высочайшая воля, воспрещавшая мнѣ писать и рисовать, мною не нарушена, какъ въ отвѣтахъ я показалъ; нѣсколько гидрографическихъ рисунковъ нарисованы мною по приказанію капитанъ-лейтенанта Бутакова для картъ, составленныхъ при описаніи Аральскаго моря». Ссылаясь далѣе на вышеприведенный нами фактъ обращенія своего въ III-е Отдѣленіе съ просьбою о разрѣшеніи ему рисовать портреты и пейзажи, Шевченко говоритъ: «Письмо это служитъ доказательствомъ незнанія моего о запрещеніи писать къ роднымъ и знакомымъ обыкновенныя письма; во всѣхъ письмахъ, писанныхъ мною съ 1847 года по настоящее время (1850 годъ), которыя могутъ быть вытребованы на разсмотрѣніе, начальство изволитъ усмотрѣть, что не содержится въ нихъ ни одного выраженія, подающаго сомнѣніе къ нарушенію извѣстной мнѣ высочайшей воли, которая, со дня объявленія мнѣ конфирмаціи и по сей день—призываю во свидѣтели Бога, видящаго чистоту моихъ помышленій—свято была мною сохраняема».

На вопросъ: «Получалъ ли отъ кого позволеніе писать отвѣты и не было ли при семъ свидѣтелей»?—Шевченко отвѣчалъ: «О перепискѣ моей начальству я не объявлялъ, полагая, что писать и получать письма обыкновенныя мнѣ не воспрещено, что̀ мнѣ и объявилъ словесно начальникъ штаба корпуса жандармовъ при объявленіи конфирмаціи».

Мы извлекли изъ вопросныхъ и отвѣтныхъ пунктовъ все, что сколько нибудь освѣщаетъ дѣло и можетъ послужить цѣннымъ матеріаломъ для біографіи Шевченка. Прибавимъ еще, что допросъ заключенъ былъ двумя подписями: производилъ допросъ полковникъ Чигиры, увѣщевалъ обвиняемаго священникъ Петръ Тимашевъ. Этимъ допросомъ и ограничилось все слѣдствіе, а 30-го іюня 1850 года, т. е. именно въ тѣ дни, когда происходилъ этотъ допросъ, дежурный генералъ главнаго штаба Игнатьевъ, въ рапортѣ на имя Обручева, писалъ слѣдующее:

«7-го іюня, я имѣлъ честь довести до свѣдѣнія вашего высокопревосходительства высочайшую волю государя императора относительно изслѣдованія о виновныхъ, допустившихъ рядоваго Шевченка вести переписку и заниматься рисованіемъ.

«Нынѣ генералъ-адъютантъ графъ Орловъ сообщилъ военному министру, что по произведенному изслѣдованію на счетъ бумагъ, найденныхъ у Шевченка, оказалось: рядовой сей виновенъ въ томъ, что, не смотря на высочайшее воспрещеніе, дозволялъ себѣ писать и рисовать и ходилъ иногда въ партикулярномъ платьѣ. Стихи и рисунки, помѣщенные въ отобранныхъ у него двухъ альбомахъ, не заключаютъ въ себѣ ничего преступнаго, кромѣ того только, что на нѣкоторыхъ рисункахъ изображены неблагопристойныя сцены. Равнымъ образомъ, найденныя у него письма отъ разныхъ лицъ, исключая письма коллежскаго секретаря Левицкаго, содержатъ въ себѣ одно изъявленіе дружескихъ чувствъ и желаніе ходатайствовать объ облегченіи его участи. Вообще бумаги эти не обнаруживаютъ, чтобы Шевченко продолжалъ прежній образъ мыслей или писалъ и рисовалъ какіе нибудь пасквили. Если по изслѣдованію, произведенному военнымъ начальствомъ, болѣе ничего не будетъ обнаружено, то достаточно рядовому Шевченку вмѣнить въ наказаніе содержаніе подъ арестомъ, строго внушивъ ему, чтобы онъ ни подъ какимъ видомъ не осмѣливался нарушать высочайшее повелѣніе, коимъ воспрещено ему писать и рисовать, а ближайшему начальству поставить въ обязанность имѣть за исполненіемъ этого и вообще за Шевченкомъ самое бдительное наблюденіе.

«Государь императоръ, утвердивъ это мнѣніе графа Орлова, соизволилъ положить собственноручную резолюцію на докладѣ, противъ словъ: «и ходилъ иногда въ партикулярномъ платьѣ», въ этомъ болѣе виновно его начальство, что допустило до сего, о чемъ сообщить для должнаго взысканія съ виновныхъ.

«Высочайшую волю сію, по порученію г. военнаго министра, имѣю честь довести до свѣдѣнія вашего высокопревосходительства къ должному исполненію и донесенію князю Александру Ивановичу. О послѣдующемъ его свѣтлость ожидаетъ свѣдѣній по сему предмету въ скорѣйшемъ по возможности времени для всеподданнѣйшаго доклада».

Началось новое слѣдствіе. Оказалось, что Шевченко, квартируя въ домѣ штабсъ-капитана генеральнаго штаба Герна, дѣйствительно, имѣлъ у себя партикулярное платье, но носилъ его только въ квартирѣ и никуда, никогда и ни въ какое время въ немъ не выходилъ. По прибытіи же въ Орскъ, платье это было отъ Шевченка отобрано и хранилось въ цейхгаузѣ. Слѣдствіе это было представлено военному министру, и Обручевъ, 9-го августа 1850 года, получилъ слѣдующее отношеніе отъ дежурнаго генерала:

«Г. военный министръ, усматривая изъ отзыва вашего, что по произведенному слѣдствію ничего новаго не обнаружено къ обвиненію Тараса Шевченка, поручилъ мнѣ просить ваше высокопревосходительство въ исполненіе высочайшей воли:

«1) Вмѣнить Шевченку въ наказаніе содержаніе его на гаупт-

вахтѣ и, освободивъ его изъ-подъ ареста, строго внушить ему, чтобы ни подъ какимъ видомъ не осмѣливался нарушать высочайшаго повелѣнія, коимъ воспрещено ему писать и рисовать.

«2) Перевесть его изъ 5-го въ другой отдаленнѣйшій оренбургскій баталіонъ, предписавъ ближайшему начальству имѣть за нимъ и за исполненіемъ упомянутыхъ высочайшихъ воспрещеній, самое бдительное наблюденіе.

«3) Съ начальниковъ, допустившихъ Шевченка ходить иногда въ партикулярномъ платьѣ и не передавшихъ о немъ кому слѣдовало надлежащихъ свѣдѣній, при отправленіи его въ командировку, сдѣлать взысканіе по вашему усмотрѣнію».

Вслѣдствіе этого, Обручевъ предписалъ начальнику 23-й пѣхотной дивизіи:

«1) Освободивъ рядоваго Шевченка изъ-подъ ареста, перевесть на службу подъ строгій надзоръ ротнаго командира въ одну изъ ротъ 1-го оренбургскаго линейнаго баталіона, расположеннаго на Каспійскомъ морѣ въ Ново-Петровскомъ укрѣпленіи, отправивъ его туда немедленно подъ присмотромъ благонадежнаго унтеръ-офицера.

«2) Командующему 5-мъ оренбургскимъ линейнымъ баталіономъ маіору Мѣшкову за несообщеніе имъ въ 4-й баталіонъ при командированіи Шевченка въ Раимское укрѣпленіе высочайшей конфирмаціи надъ нимъ, что̀ было поводомъ къ тому, что этотъ рядовой продолжалъ вести переписку въ бытность его въ означенномъ укрѣпленіи,—сдѣлать строгій выговоръ, и

«3) Прогонныя деньги, употребленныя по этому дѣлу въ количествѣ 23 р. 67 к., взыскать съ него же, маіора Мѣшкова.

«Относительно допущенія рядоваго Шевченка ходить иногда въ партикулярномъ платьѣ, то вся вина въ этомъ должна быть отнесена на капитанъ-лейтенанта Бутакова, о чемъ и сообщить по мѣсту его служенія въ 9-мъ флотскомъ экипажѣ».

Когда именно Шевченко прибылъ въ Гурьевъ-городокъ,—свѣдѣній нѣтъ, но о времени отправленія его въ Ново-Петровское укрѣпленіе имѣется слѣдующее донесеніе оренбургскому военному губернатору начальника Гурьева-городка.

«12-го октября, 1850 года, изъ Ново-Петровскаго укрѣпленія въ Гурьевъ-городокъ прибыла почтовая лодка съ хорунжимъ Ерыклинцевымъ съ почтою, а 13-го отправилась обратно въ укрѣпленіе съ почтою же и политическимъ преступникомъ рядовымъ 1-го оренбургскаго линейнаго баталіона Тарасомъ Шевченкомъ». Рапортъ помѣченъ 22-го октября 1850 года и подписанъ есауломъ Назаровымъ.

Изъ короткаго увѣдомленія командира 1-го баталіона видно, что Шевченко, по прибытіи въ Ново-Петровское укрѣпленіе, назначенъ въ 4-ю роту, подъ строгій присмотръ штабсъ-капитана Потапова.

Здѣсь начинается новый періодъ ссыльной жизни Шевченка, смутно извѣстный намъ по сбивчивымъ свѣдѣніямъ изъ печатныхъ воспоминаній разныхъ лицъ. Предоставимъ, лучше всего, слово самому Шевченку и приведемъ слѣдующее его письмо къ Бодянскому, относящееся къ этому періоду ссыльной жизни поэта:

«Ново-Петровское укрѣпленіе, 1852 г. ноября 15-го.

«Витаю тебе, мій добрый, мій единый друже! Лучше всего молчать бы, ежели нечего сказать добраго, но, увы! человѣку необходимо исповѣдовать свое горе, а мое горе великое! и кому какъ не тебѣ его я исповѣдую? Шестой годъ уже, какъ я обезволенъ и шестой годъ, какъ не пишу никому ни слова, та, правду сказать, и писать некому, въ добрѣ та щастіи бывало на собаку кинешь, а влучишь друга, або великаго пріятеля; не даромъ Мерзляковъ сказалъ: всѣ други, всѣ пріятели до чернаго лишь дня; а покойный Данте говоритъ, что въ нашей жизни нѣтъ горшаго горя, какъ въ нещастіи вспоминать о прошломъ щастіи. Правду сказалъ покойный флорентинецъ, я это на себѣ теперь каждый день испытываю. Хоть тоже правду сказать, въ моей прошлой жизни немного было радостей, по крайней мѣрѣ, всетаки, было похоже немного на свободу, а одна тѣнь свободы человѣка возвышаетъ. Прежде бывало хоть посмотришь на радости людей, а теперь и чужого щастья не видишъ. Кругомъ горе, пустыня, а въ пустынѣ казармы, а въ казармахъ солдаты, а солдатамъ какая радость къ лицу! Въ такой-то сферѣ, друже мой, я теперь прозябаю и долго ли еще продлится это тяжкое испытаніе!

«Не жаль было бы, если бъ терпѣлъ, да зналъ за что? а то ей-Богу не знаю; напр., мнѣ запрещено рисовать, а я во всю жизнь мою одной черты не провелъ предосудительной, а не давать заниматься человѣку тѣмъ искусствомъ, для котораго онъ всю жизнь свою посвятилъ, это ужаснѣйшая кара! Кромѣ душевныхъ мученій, которыя я теперь терплю, я не имѣю, наконецъ, кромѣ солдатской порціи, ничего лишняго, не имѣю, наконецъ, бѣднаго рубля денегъ, чтобы хотя святцы выписать, не говорю уже о журналѣ, вотъ какое горе одолѣло! просить стыдно, а красть грѣхъ, что тутъ дѣлать? я думалъ, думалъ, да и выдумалъ вотъ что: поиздержись немного узника ради и пришли мнѣ лѣтопись Кониская, или Величка, великое скажу тебѣ спасибо.

«Со времени моего изгнанія я ни одной буквы не прочиталъ о нашей бѣдной Малороссіи, а что зналъ о ея минувшемъ прежде, то и малое быстро забываю и твой подарокъ будетъ для меня истинной радостью. Послалъ бы я тебѣ денегъ на эту книгу, такъ же ей-Богу нѣтъ; во всемъ укрѣпленіи только одинъ лекарь выписываетъ кой-что литературное, а прочіе какъ будто и грамоти не

знаютъ; такъ у него, у лекаря, когда выпросишь что нибудь, такъ только и прочитаешь, а то хоть сядь та и плачь.

«Нынѣшнюю осень посѣтилъ наше укрѣпленіе нѣкто г. Головачевъ, кандидатъ Московскаго университета, товарищъ извѣстнаго Корелина и членъ Общества московскаго естествоиспытателей; я съ нимъ провелъ одинъ только вечеръ, т. е. нѣсколько часовъ, самыхъ прекрасныхъ часовъ, какихъ я уже давно не знаю. Мы съ нимъ говорили, говорили, и, Боже мой, о чемъ мы съ нимъ не переговорили! Онъ сообщилъ мнѣ все, что есть новаго и хорошаго въ литературѣ, на сценѣ и вообще въ искусствѣ. О тебѣ вспомнилъ я, и Головачевъ, какъ ученикъ и почитатель твой, говорилъ о тебѣ съ восторгомъ. Въ 9 часовъ вечера мы съ нимъ росталились (по пробитіи зари мнѣ, кромѣ казармъ, нигдѣ быть нельзя). Я не могъ съ нимъ написать тебѣ и нѣсколько словъ, просилъ его тебѣ нызенько поклониться та й годи. Въ тотъ самый день, какъ я встрѣтился съ Г., т. е. 1-го октября, получилъ я письмо отъ твоего товарища, а отъ моего добраго пріятеля Андрея Козачковскаго, изъ г. Переяслава; благодарю его, онъ одинъ меня не забываетъ въ напасти.

«Когда получишь мое посланіе, то раздери его на двое и одну половину отдай А. Филиповичу Головачеву, ты его, вѣроятно, нерѣдко видишь.

«Прощай, мій друже Богу милый! Желаю тебѣ радости въ благоугодныхъ трудахъ твоихъ, не пишу тебѣ много потому, что и это немногое такъ печально, что, можетъ быть, ты и читать не захочешь.

«Оставайся здоровъ, не забывай безталаннаго Т. Шевченка».

Одинъ изъ біографовъ Шевченка, г. Масловъ, такъ описываетъ его жизнь въ это время: «Здѣсь суждено было нашему поэту провести еще семь лѣтъ ссылки. Скучная, глухая крѣпость въ киргизскихъ степяхъ, скудная обстановка солдатскаго быта, строгость служебной дисциплины, недостатокъ образованнаго общества и средствъ съ пользою пріятно провести время, были условіями, способными сломить не одну сильную натуру и поколебать самый развитой умъ. Но Шевченко устоялъ». Съ этимъ утѣшительнымъ утвержденіемъ, что «Шевченко устоялъ», не мѣшаетъ сопоставить сообщеніе Тургенева, по словамъ котораго Шевченко разсказалъ ему свои комическія отношенія съ двумя-тремя женами киргизовъ, бродившихъ около мѣста его заключенія, и сознался въ вынесенномъ имъ оттуда пристрастіи къ крѣпкимъ напиткамъ, отъ которыхъ онъ потомъ до самой смерти отвыкнуть не могъ».

О томъ же періодѣ ссылки въ Ново-Петровское укрѣпленіе, если вѣрить В. Г. Шевченку, Тарасъ Григорьевичъ разсказывалъ ему про себя такой случай: «Иду, говоритъ, по улицѣ, встрѣчаю офи-

цера, надо шапку снять (т. е. отдать честь), а я что-то задумался, да и снялъ шапку не той рукой, какъ предписано уставомъ. За это меня, раба Божьяго, подъ арестъ на недѣлю».

Такъ прожилъ Шевченко 7 лѣтъ, безъ всякихъ перемѣнъ въ хорошую или дурную сторону. Развъ только, въ этотъ періодъ ссыльной жизни его, какъ разсказывалъ И. С. Тургеневъ, какой-то черезчуръ исполнительный генералъ (?), узнавъ, что Шевченко, не смотря на запрещеніе, написалъ два-три эскиза, почелъ за долгъ донести о томъ Перовскому (преемнику Обручева) въ одинъ изъ его пріемныхъ дней; но тотъ, грозно взглянувъ на усерднаго доносителя, значительнымъ тономъ промолвилъ: «Генералъ, я на это ухо тугъ, потрудитесь повторить мнѣ съ другой стороны то, что вы сказали». Генералъ понялъ намекъ и, перейдя къ другому уху Перовскаго, сказалъ что-то, вовсе не касавшееся Шевченка».

Однако, такое сообщеніе Тургенева не вяжется съ другими свѣдѣніями о томъ, какъ Перовскій относился къ Шевченку. Вскорѣ послѣ назначенія Перовскаго оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ, на его письменный столъ положили однажды одинъ изъ наиболѣе удачныхъ рисунковъ Шевченка, въ надеждѣ, что Перовскій обратитъ на него вниманіе, и такимъ образомъ явится возможность ходатайствовать за поэта. Но Перовскій сразу догадался, чей это рисунокъ, бросилъ его на полъ и сказалъ, чтобы ему не смѣли напоминать объ «этомъ негодяѣ». Тотъ же Перовскій, по словамъ Бартенева, ударилъ Шевченка по лицу, о чемъ говоритъ и Лѣсковъ, со словъ самого поэта (Истор. Вѣст., 4 кн., 1882).

Наконецъ, друзьямъ и благопріятелямъ поэта и особенно графу Ѳ. П. Толстому и его женѣ удалось выхлопотать Шевченку прощеніе и возвращеніе изъ ссылки. Объ этомъ онъ узналъ еще весною 1857 года, но оффиціальное разрѣшеніе оставить мѣсто заключенія получено было въ Ново-Петровскомъ укрѣпленіи лишь 21-го іюля того же года.

Впрочемъ, еще до прощенія, Шевченку предоставили нѣкоторыя облегченія: ему разрѣшено было получать книги и рисовать. Друзья надѣляли его всѣмъ необходимымъ, присылая ему книги, рисовальныя принадлежности, деньги. Но, всетаки, ожиданіе свободы, когда она была уже такъ близка, было чрезвычайно томительно. Шевченко не могъ ни рисовать, ни писать: до того онъ былъ поглощенъ мыслію ожиданья. Для сокращенія времени онъ началъ писать дневникъ, который продолжалъ и послѣ увольненія, до 13 го іюля, 1858 года; вѣроятно, этотъ самый дневникъ, который видѣлъ Тургеневъ, веденный, по словамъ его, на русскомъ языкѣ, «что немало, говоритъ Тургеневъ, удивляло и даже огорчало его соотчичей».

Здѣсь мы разстанемся съ освобожденнымъ поэтомъ. Мы старались сгрупировать новые архивные матеріалы для его біографіи и сопоставить ихъ съ тѣмъ, что до сихъ поръ было напечатано, но,

конечно, все это въ результатѣ не дало безусловно полной картины печальныхъ десяти лѣтъ изъ жизни малорусскаго поэта.

Въ настоящей статьѣ выступаютъ многія, до сихъ поръ неизвѣстныя, имена лицъ, игравшихъ роль въ жизни Шевченка; изъ этихъ лицъ нѣкоторыя, должно быть, живы, а умершіе, быть можетъ, оставили какія либо относящіяся къ дѣлу замѣтки. Точно также можно почти съ увѣренностью сказать, основываясь на самомъ фактѣ существованія приводимыхъ нами документовъ, что гдѣ нибудь въ архивахъ таятся и другіе подобные этимъ документы, которые могли бы значительно пополнить пробѣлы въ біографіи Шевченка. Будемъ надѣяться, что статья наша, прочтенная кѣмъ нибудь изъ лицъ, до сихъ поръ хранившихъ молчаніе, послужитъ поводомъ къ обогащенію матеріаловъ для біографіи Шевченка.

Евгеній Гаршинъ.

ПЛѢННЫЕ АНГЛИЧАНЕ ВЪ РОССІИ.

РІѢХАВЪ въ Лондонъ въ одинъ изъ самыхъ горячихъ моментовъ нашего спора съ Англіей, я обратился къ всемірно извѣстной библіотекѣ «Mudie's select library» съ вопросомъ: «На какія книги русско-афганской споръ и опасность войны увеличили спросъ англичанъ»? Не безъ удивленія я услышалъ слѣдующій отвѣтъ: «Изъ всѣхъ книгъ, сэръ, касающихся Россіи, наибольшій спросъ въ послѣдніе мѣсяцы былъ на двѣ — одна изъ нихъ озаглавлена: «A prisoner of war in Russia, by Coope», другая: «The english prisoner in Russia by Royer». Библіотека «Mudie» считаетъ своихъ абонентовъ десятками тысячъ, и потому ея указаніе на вышеназванныя книги для насъ небезъинтересно — оно какъ бы говоритъ, что въ тѣ дни, когда воинственные консерваторы Великобританіи—Салисбюри и Чёрчилль—собирались побѣждать Россію, англійское общество задавалось несравненно болѣе скромнымъ вопросомъ — «каково живется въ плѣну у Россіи?» — и читало записки своихъ компатріотовъ, побывавшихъ въ русскомъ плѣну. Я, конечно, не могъ отказать себѣ въ интересѣ просмотра названныхъ книгъ; читая ихъ порой съ любопытствомъ, изрѣдка со смѣхомъ надъ заблужденіемъ иностранца, а минутой — и со злобой на явное недоброжелательство и неуваженіе къ намъ англичанина-автора, я рѣшаюсь вкратцѣ передать читателямъ «Историческаго Вѣстника» содержаніе названныхъ книжекъ. Въ нихъ, вопервыхъ, есть кой-какія данныя и факты для будущаго историка, и, во-вторыхъ, имѣется въ этихъ книгахъ еще особый спеціаль-

ный интересъ: одна изъ нихъ — «The english prisoner in Russia» — написана англичаниномъ, бывшимъ въ плѣну у насъ во время Крымской кампаніи; другая книга—«A prisoner of war in Russia»—принадлежитъ перу британскаго офицера, попавшагося къ намъ въ плѣнъ при Телишѣ; теперь весьма любопытно сравнить отношеніе обоихъ англійскихъ офицеровъ къ Россіи и отношенія къ нимъ русскихъ. Это сравненіе можетъ нѣсколько отвѣтить на вопросы—ростетъ ли въ Англіи симпатія къ Россіи и на сколько измѣнилась сама Русь въ промежутокъ двухъ великихъ восточныхъ войнъ?

I.

Альфредъ Ройеръ служилъ старшимъ офицеромъ на англійскомъ военномъ суднѣ «Тигръ», собиравшемся бомбардировать Одессу и попавшемъ къ намъ въ плѣнъ со всѣмъ своимъ экипажемъ. Первое, что удивило лейтенанта-автора цитируемой книги на Русской землѣ, — это безстрашіе русскихъ женщинъ. Цѣлая толпа ихъ любовалась на агонію перестрѣлки адскихъ бастіоновъ съ утопающимъ «Тигромъ», стоя на совершенно открытой мѣстности; на скатѣ же городской горы къ морю, прямо противъ пушекъ «Тигра», въ садикѣ одного изъ домовъ находились двѣ молодыя дамы, преспокойно созерцая столь близкую кровавую драму. Офицеры англійскаго корабля были столь изумлены хладнокровіемъ русскихъ «леди», что дали приказъ командѣ избѣгать выстрѣловъ, могущихъ повредить красотѣ храбрыхъ зрительницъ. Второе удивленіе британцевъ послѣдовало при первой встрѣчѣ съ командиромъ одесскихъ войскъ, барономъ Остенъ-Сакеномъ, когда между сдающимися въ плѣнъ и генераломъ встали два карантинныхъ стража съ пистолетами въ рукахъ для недопущенія соприкосновенія. Въ тотъ годъ, какъ извѣстно, на востокѣ была холера, и по закону полагался карантинъ. Туда и препроводили немедленно всѣхъ плѣнныхъ. Съ той поры для автора воспоминаній начинается безостановочный рядъ пріятныхъ впечатлѣній о Россіи и о русскихъ. Самыми симпатичными изъ русскихъ г. Ройеру показались — баронъ Остенъ-Сакенъ, Крузенштернъ, Рольсбергъ, Медемъ и Гротъ. Первый изъ нихъ, въ качествѣ главнаго начальства, удостоивалъ плѣнныхъ почти ежедневнымъ визитомъ, выказывая словомъ и дѣломъ симпатію къ «цивилизованной націи»; его супруга гостепріимно угощала плѣнниковъ и доказала имъ свою любовь сердечнымъ участіемъ въ похоронахъ плѣннаго британскаго юнги Ѳомы Гуда, на могилѣ котораго баронесса на собственный счетъ устроила металлическую рѣшетку и посадила въ ней деревья. Похороны же умершаго отъ ранъ капитана «Тигра» были совершены въ Одессѣ съ

великой помпой и съ отдачей покойному всѣхъ воинскихъ почестей, т. е. съ музыкой и стрѣльбой. Главную благодарность плѣнныхъ заслужили мѣстныя власти за вполнѣ либеральное отношеніе ихъ къ желанію англичанъ переписываться съ своей родиной. Англичане, правда, были подъ двойнымъ замкомъ — въ плѣну и въ карантинѣ, но за то и почтовое сообщеніе съ ихъ отечествомъ имѣло вполнѣ экстраординарный видъ. Сначала два англійскихъ судна пришли на одесскій рейдъ и пострѣляли въ городъ, проливъ, разумѣется, кровь и разрушивъ жилища мирныхъ гражданъ, а потомъ одинъ изъ бомбардировавшихъ фрегатовъ «Везувій» въ компаніи съ другимъ — «Furpous» подошли поближе, полюбовались на плоды своей мѣткости въ стрѣльбѣ, выкинули мирный фрагъ и передали для плѣнныхъ цѣлый пукъ британскихъ поздравленій и сожалѣній. Русскія власти любезно приняли пукъ и спокойно отпустили почтовыхъ бомбардировъ. Вся же почта, разумѣется, была немедленно передана плѣннымъ. Баронъ Медемъ являлся къ нимъ всякій разъ, когда на горизонтѣ виднѣлись англійскіе корабли, и предлагалъ отъ имени барона Остенъ-Сакена писать письма къ родителямъ, которыя и доставлялись русскими солдатиками на лодкахъ къ подходившей британской эскадрѣ. Одесскій-австрійскій консулъ Сечени принялъ живое участіе въ плѣнныхъ, снабдилъ ихъ деньгами и устроилъ имъ выписку изъ-за границы разныхъ предметовъ необходимости и роскоши. По окончаніи карантиннаго испытанія баронъ Рольсбергъ взялъ въ свою коляску плѣннаго англичанина и повезъ его выбирать квартиру. У англичанина вкусъ былъ недуренъ — онъ выбралъ себѣ прекрасное и обширное помѣщеніе въ домѣ Муиджи Моки, гдѣ нашелъ для себя сочетаніе простора вида на море и зелени кругомъ... Сообщеніе плѣнныхъ съ Англіей совершалось регулярно и всегда исправно, и всѣ посылаемыя изъ непріятельской страны и арміи, какъ письма, такъ и посылки аккуратно доставлялись плѣннымъ. Цензура была въ этомъ случаѣ такъ покладиста, что не конфисковала даже оружія, присланнаго британскими патріотами для плѣнныхъ, очевидно предназначеннаго для освобожденія. Только газеты, иллюстраціи и книги подвергались строжайшему гоненію одесскаго начальства. Библіотека «Тигра» уѣхала немедленно въ цензурный комитетъ, въ С.-Петербургъ, и болѣе не возвращалась; всѣ кусочки стараго Times'а, въ которые были завернуты вещи плѣнныхъ, тщательно отобраны; осторожность съ печатнымъ словомъ была такъ велика, что русская цензура вырѣзала даже изъ «Illustrated London News» видъ города Севастополя...

Авторъ воспоминаній, выражая крайнее сожалѣніе, что домъ «великаго друга Англіи» князя Воронцова получилъ не менѣе тридцати ударовъ англійскихъ бомбъ, нашелъ, что русское высшее дворянство, усвоивъ обычай брать къ своимъ дѣтямъ англійскихъ нянекъ,

тѣмъ самымъ впитало въ свое сердце съ ранняго и нѣжнаго дѣтства любовь и уваженіе «къ великой націи», а потому это дворянство теперь крайне сожалѣетъ о ссорѣ и войнѣ. Одобряя это высшее дворянство, г. Ройеръ весьма порицаетъ русскую торговлю и русскій народъ. Про первую онъ замѣчаетъ, напримѣръ: «Русскіе заводчики умѣютъ дѣлать хорошее оружіе и обыкновенно представляютъ прекрасные образчики правительству; но вслѣдствіе хищничества, въѣвшагося во многія части государственнаго управленія, несравненно худшее оружіе раздается войскамъ. Такъ, однажды я видѣлъ въ Россіи офицерскую саблю, которую можно было сгибать и разгибать, словно она сдѣлана изъ жести или олова». Русскому же народу достается отъ англичанина за слово «сейчасъ». «Что ни спроси и куда ни повернись, — пишетъ онъ,— вездѣ въ Россіи услышишь «Sei-chas»!—слово, которое слѣдуетъ, однако, понимать всегда въ обратномъ смыслѣ, ибо русскій народъ невообразимо мѣшкотенъ въ своихъ дѣйствіяхъ».

Пришло наконецъ въ Одессу рѣшеніе верховной власти объ участи плѣнныхъ британцевъ. Императоръ Николай приказалъ автора воспоминаній, какъ старшаго по чину въ плѣнной командѣ, доставить въ Петербургъ; двухъ англійскихъ гардемариновъ — въ Москву, гдѣ сдать ихъ ректору Московскаго университета, остальныхъ плѣнныхъ свезти въ Рязань. Это приказаніе было исполнено лишь въ частности, такъ какъ многіе изъ плѣнныхъ были отданы обратно Англіи въ обмѣнъ на русскихъ, захваченныхъ въ Черномъ морѣ. Г. Ройеръ пустился въ длинный путь на почтовыхъ до Москвы. По пути онъ замѣтилъ весьма немного — грязь, дождь и добрую порцію ударовъ кнута, розданныхъ ямщикомъ его встрѣчнымъ крестьянамъ съ возами. Въ началѣ плѣна англичане ужасно боялись русскихъ воровъ и зашивали деньги въ самыя укромныя части своего туалета, но потомъ съ удовольствіемъ убѣдились, что въ Россіи не только мало воровъ, но нѣтъ даже просящихъ «бакшиша»... Въ Тулѣ проѣзжающаго лейтенанта посѣтилъ англичанинъ, состоящій на русской службѣ по оружейному дѣлу, сорокъ лѣтъ живущій въ Россіи и женатый на русской; на Николаевской желѣзной дорогѣ г. Ройеръ встрѣтилъ еще двухъ соотечественниковъ, которымъ русское правительство посовѣтовало перенести ихъ подозрительную резиденцію изъ Петербурга въ Москву. Эти джентльмены сказали лейтенанту нѣсколько утѣшительныхъ фразъ о великомъ уваженіи русскихъ къ европейцу.

Привезли, наконецъ, г. Ройера въ Петербургъ, конечно, на казенный счетъ, въ сопровожденіи почетнаго конвоя и прислуги, въ покойномъ экипажѣ и первомъ классѣ вагона. Въ Петербургѣ ему отвели рядъ комнатъ въ гостинницѣ «Демутъ». Немедленно состоялось представленіе военному министру, князю Долгорукому, который взявъ руку плѣннаго и не выпуская ея, сказалъ: «Господинъ

лейтенантъ, судьба войны поставила насъ въ положеніе друзей; я надѣюсь, что во всѣхъ будущихъ нашихъ сношеніяхъ, мы станемъ уважать другъ друга, какъ надлежитъ истиннымъ джентльменамъ. Государь императоръ приказалъ помѣстить васъ въ отелѣ и рекомендовалъ моему вниманію полный комфортъ вашей обстановки»!

Вскорѣ въ гостинницу явился полковникъ Монтандръ (Montandre) и сообщилъ плѣнному слѣдующія условія, предписанныя императоромъ Николаемъ: 1) г. лейтенантъ Ройеръ можетъ имѣть сколько угодно книгъ и бумаги, но письма, получаемыя имъ и посылаемыя, должны подвергаться цензурѣ военнаго начальства; 2) плѣнный офицеръ имѣетъ полную свободу ѣздить и ходить по городу, но въ сопровожденіи назначеннаго для сего чина, и 3) г. Ройеръ можетъ посѣщать и принимать кого угодно, но изъ англичанъ ему дозволяется видѣть лишь г. Лау (Law), капелана британскаго посольства, остававшагося въ Петербургѣ все время войны. Полковникъ, сообщившій эти правила, передалъ плѣнному и портфель съ бумагой, перьями и чернилами—презентъ русской власти. Подобная любезность,—замѣчаетъ авторъ воспоминаній,—оказывалась всѣмъ чиновнымъ плѣннымъ, и одинъ турецкій паша, осмотрѣвъ Эрмитажъ, написалъ въ Константинополь, что онъ видѣлъ прекрасную картинную галерею, гдѣ его глаза были особенно поражены необыкновенно живо нарисованными курицей и пѣтухомъ....

23-го іюня, тотъ же полковникъ сообщилъ Ройеру, что императоръ приглашаетъ его въ свою лѣтнюю резиденцію, въ Петергофъ. Не смотря на злую лихорадку, авторъ немедленно одѣлся въ свой убогій старенькій мундирчикъ, сѣлъ на пароходъ и поплылъ. На пристани его встрѣтила придворная карета, а въ петергофскомъ дворцѣ плѣнному отвели цѣлый аппартаментъ, рядомъ съ помѣщеніемъ военнаго министра. Князь Долгорукій тотчасъ повидался съ гостемъ и, предупредивъ, что придется, пожалуй, прогостить во дворцѣ нѣсколько дней, послалъ курьера въ Петербургъ за вещами и слугой англичанина, британскимъ матросомъ, тоже съ плѣннаго «Тигра». Прошло двое сутокъ въ тщетномъ ожиданіи царскаго пріема, и, наконецъ, 25-го іюня, г. Ройера пригласили поѣхать въ коляскѣ къ великому князю генералъ-адміралу Константину Николаевичу, въ Стрѣльну. Путешествуя по дворцамъ, авторъ тоже замѣтилъ весьма немного, во-первыхъ, ордена, массѣ которыхъ онъ искренно дивился; во-вторыхъ, красоту финокъ, и больше ничего, не говоря о повтореніи разныхъ любезностей высшему русскому дворянству, столь прекрасно знающему англійскій языкъ и столь дружески расположенному къ вражеской странѣ... Стрѣльненскій дворецъ очень понравился Ройеру, и въ особенности плѣннаго англичанина очаровала любезность его высочества и его супруги. Великая княгиня угостила плѣннаго чаемъ и новыми англійскими газетами; ихъ высочества заботливо разспрашивали о здоровьѣ Рой-

ера, и аудіенція окончилась длинной бесѣдой за чаемъ, виномъ и сигарой въ кабинетѣ генералъ-адмирала, припоминавшаго общихъ знакомыхъ въ англійскомъ флотѣ, разспрашивавшаго подробно о сдачѣ «Тигра», выразившаго уваженіе храбрости врага-британца, но крайне не одобрившаго обычай англійскаго флота подходить къ финляндскимъ берегамъ подъ русскимъ флагомъ и, надувъ такимъ образомъ непріятеля, начинать бомбардировку... Плѣнный защищалъ подлость компатріотовъ массой подобныхъ прецедентовъ въ исторіи войнъ и народовъ... Лишь въ половинѣ двѣнадцатаго ночью, г. Ройеръ разстался съ великимъ княземъ и опять въ придворной каретѣ помчался обратно на свою квартиру въ петергофскомъ дворцѣ. Подъѣзжая къ нему, авторъ замѣтилъ при лунномъ свѣтѣ дрожки и величественную фигуру Николая Павловича, который, какъ передавали Ройеру, имѣлъ привычку кататься въ эти часы и потомъ принимать съ докладомъ высшихъ сановниковъ. Плѣнный лейтенантъ увидѣлъ затѣмъ, пріѣхавшихъ къ царю, петербургскаго оберъ-полицеймейстера и военнаго министра...

На другой день, Ройеру была назначена аудіенція. Хотя отъ его крыльца до крыльца императора было меньше ста шаговъ, однако, его усадили въ карету, чѣмъ немало изумили, конечно, англичанина, и повезли. Въ пріемной залѣ плѣнный лейтенантъ сдѣлался тотчасъ центромъ всеобщаго интереса и вниманія. Многіе изъ сановниковъ и офицеровъ подходили къ нему, представлялись, жали руки и справлялись о его здоровьѣ. Тутъ же г. Ройеръ удостоился знакомства съ великими князьями Михаиломъ Николаевичемъ и Николаемъ Николаевичемъ, а также и съ принцемъ Лихтенбергскимъ.

Въ полдень, князь Долгорукій пригласилъ Ройера слѣдовать за нимъ изъ пріемной въ дальнѣйшіе аппартаменты дворца, привелъ его въ маленькую комнату, раскланялся и ушелъ. Въ этой комнатѣ, по рединѣ ея, стоялъ русскій императоръ, одѣтый въ темносиній мундиръ съ бѣлымъ эмальированнымъ крестомъ на шеѣ. «Я былъ приготовленъ увидѣть человѣка очень высокаго роста, но, всетаки, былъ пораженъ необыкновенной величиной русскаго царя... Онъ казался не старше 50-ти лѣтъ... Лицо правильное, безъ признаковъ особеннаго утомленія, глаза чрезвычайно выразительные и ласковые, вполнѣ соотвѣтствовавшіе добрымъ словамъ императора». Плѣнный британецъ уже прожилъ въ Россіи болѣе мѣсяца, успѣлъ слѣдовательно испортиться и достаточно возмечтать о себѣ, и потому неудивительно, что онъ ожидалъ обращенія къ нему императора на «родномъ англійскомъ» языкѣ; однако, царь, хотя и говорилъ поанглійски превосходно, но «по неизвѣстной причинѣ» обратился къ плѣнному пофранцузски, назвавъ «Monsieur le lieutenant!» Государь милостиво освѣдомился о здоровьѣ англичанина, разспрашивалъ, гдѣ захватилъ онъ лихорадку, и потомъ перешелъ къ подробному допросу о причинахъ и условіяхъ гибели «Тигра».

— Почему вы не причалили судна къ берегу, который былъ такъ близокъ къ вамъ?—спросилъ императоръ.

Плѣнный отвѣтилъ, что густой туманъ не позволялъ что либо видѣть командѣ даже на самомъ маломъ разстояніи.

Освѣдомившись затѣмъ, женатъ ли Ройеръ, государь съ интересомъ спрашивалъ о величинѣ семейства умершаго капитана «Тигра« и прибавилъ:

— Жена его, m-me Giffard, проѣхала изъ Англіи въ Одессу, еще не зная о смерти ея мужа... Я хотѣлъ дать свободу вашему капитану, но за смертью его, дарую ее вамъ, какъ старшему послѣ него офицеру... Какимъ путемъ вы предпочитаете уѣхать изъ Россіи?

Какъ ни привыкъ Ройеръ къ русской любезности, но такое великодушіе русскаго царя застало его въ расплохъ. Онъ былъ убѣжденъ, что послѣ аудіенціи придется ѣхать въ унылую Рязань и, какъ истый британецъ, растерялся отъ сюрприза, отвѣтивъ государю, что онъ не ожидалъ, не сообразилъ еще, не надѣялся и т. д.

— Allez donc, pensez-y,—добродушно посовѣтовалъ ему монархъ:—сегодня вечеромъ черезъ военнаго министра сообщите мнѣ ваше рѣшеніе...

Государь подалъ руку англичанину, и аудіенція кончилась. Въ пріемной г. Ройеръ ощутилъ удовольствіе отъ града и грома радостныхъ поздравленій. Поздравилъ его и военный министръ съ свободой, прибавивъ:

— Мы надѣемся, что вы не будете теперь служить противъ Россіи?

29-го іюня, г. Ройеръ выѣхалъ за границу черезъ Варшаву, вполнѣ убѣжденный, что врагъ Россія «цивилизованнѣе» союзника Турціи и что русское образованное общество искренній другъ Англіи.

II.

Занятіе охотой на дичь и ловлей рыбы, уходъ за лошадью и собакой, въ Англіи составляютъ привиллегію офицерства, и потому здѣсь слово «офицеръ» почти синонимъ «спортсмена». А всякій спортъ въ Великобританіи требуетъ огромныхъ расходовъ: птичка, убитая на охотѣ, стоитъ охотнику не менѣе фунта стерланговъ; каждый заяцъ — рубликовъ двадцать пять, каждый ершикъ, попавшійся на любительскую удочку, обходится рыбаку не дешевле кроны—двухъ рублей. Изъ сихъ соображеній вытекаютъ два результата—первый, что англійскіе офицеры быстро проматываютъ свои состоянія; второй—что они съ великой охотой поступаютъ въ ряды всяческихъ авантюристовъ. Великобританскія безпрестанныя войны, завоеванія и политическіе споры отчасти суть послѣдствія

особенной структуры британскаго офицерства, состоящаго въ родствѣ съ преставителями всѣхъ перствъ и требующаго постоянно отъ отечества денегъ и приключеній. Когда же родина не удовлетворяетъ потребностей, офицерство Великобританіи весьма дешево пріобрѣтается разными странами Востока, въ томъ числѣ и Турціей, на политическомъ рынкѣ которой англійскій капитанъ обходится всегда дешевле французскаго капрала и нѣмецкаго поручика. Къ числу такихъ капитановъ принадлежалъ и г. Купъ (Coope), авторъ воспоминаній, вышедшихъ въ Лондонѣ, подъ заглавіемъ: «A prisoner of war Russia». За сорокъ турецкихъ лиръ въ мѣсяцъ и съ производствомъ въ чинъ полковника, Купъ поступилъ въ ряды турецкой арміи. Турція держитъ иностранцевъ-офицеровъ и чиновниковъ собственно для успокоенія Европы; эти иностранцы получаютъ жалованье, ничего не дѣлаютъ, но доносятъ въ свои отечества о быстромъ прогрессѣ Турціи по пути цивилизаціи. Г. Купъ тоже пріобрѣлъ постъ инспектора той жандармеріи, которую Порта еще не успѣла организовать. Аккуратно получая жалованье, г. Купъ осмотрѣлъ всѣ достопримѣчательности Царьграда и соскучился. Его соотечественникъ и сослуживецъ, командиръ несуществующей жандармеріи, Бекеръ-паша, получилъ бригаду, т. е. двойное жалованье; поѣхалъ и Купъ на театръ военныхъ дѣйствій между Россіей и Турціей, въ 1877 году. По дорогѣ къ Шибкѣ, онъ увидѣлъ массу бѣженцевъ и еще болѣе труповъ; узналъ, что турецкихъ женщинъ очень часто зовутъ Фатьмами; встрѣтился съ необыкновенно-храбрымъ раненымъ Фацуелемъ-пашей, который послѣ ампутаціи у него руки и ноги будто бы закричалъ: — «Теперь я состою изъ половины моего тѣла и желаю, чтобы эта половина, также какъ первая, нынѣ отрѣзанная, умерла бы почетной смертью въ бою съ врагомъ!», а на Шибкѣ онъ нашелъ цѣлую англійскую колонію: при арміи Сулеймана состояли: англичанинъ капитанъ Фейфъ — военный атташе, племянникъ и однофамилецъ бывшаго тогда британскаго посла Лайярда (тутъ же и убитый), два англичанина-полковника Блюнтъ и Нартонъ, да англичанинъ Бимбаши-Кембель. Всѣ компатріоты отлично пообѣдали и затѣмъ совершили сообща рекогносцировку, усмотрѣвъ великое количество русскихъ обезглавленныхъ тѣлъ. Затѣмъ Купъ занялся начальствомъ надъ лазаретомъ. 27-го числа, онъ съ двумя своими сотоварищами находился и пріятно завтракалъ въ Телишѣ, какъ вдругъ начали летать бомбы, проскакала мимо турецкая кавалерія, крича: «Паша сдался, бѣжимъ!». Г. Купъ, однако, былъ уже достаточно знакомъ съ турецкими порядками, ибо даже трехъ своихъ тѣлохранителей, турецкихъ заптіевъ, называлъ разбойниками нумеръ первый, второй и третій. А потому британецъ заблагоразсудилъ подождать лучше русскихъ, моля Бога, чтобъ только не прискакали первыми казаки, которыхъ авторъ воспоминаній не долюбливаетъ и называетъ «волками во образѣ человѣка».

Къ полному удовольствію г. Купа явилась русская гвардія, съ генераломъ Гуркой во главѣ. Г. Купъ сейчасъ къ генералу съ просьбой дать людей для уборки раненыхъ; генералъ любезно предложилъ тридцать солдатъ. Г. Купъ розыскалъ съ ними двухъ своихъ подчиненныхъ, а самъ пошелъ полюбоваться на результаты стрѣльбы и убѣдился, что русская артиллерія стрѣляетъ недурно. Возвращаясь съ прогулки, г. Купъ съ изумленіемъ увидѣлъ, что его сотоварищи арестованы; подошелъ, и вдругъ новая непріятность—явился какой-то русскій штатскій, начавшій ругать англичанъ и обратившій вниманіе стражи на г. Купа. Авторъ только что собирался освободить своихъ товарищей, но пришлось и самому попасть подъ арестъ. Но вотъ генералъ Гурко возвращается; г. Купъ кричитъ ему свою просьбу объ освобожденіи изъ-подъ ареста, ибо онъ служитель «Красной Луны». Генералъ опять очень любезно объявляетъ, что г. Купъ и его товарищи будутъ отосланы въ Рахово къ туркамъ, гдѣ и получатъ свободу. Приставили къ англичанину офицера, говорящаго пофранцузски, и повезли въ Дубнякъ, гдѣ князь Церетелевъ пригласилъ его обѣдать въ штабъ-квартиру. Тутъ вотъ и случилось то несчастіе, которое повлекло за собой визитъ г. Купа въ Россію: за штабнымъ обѣдомъ англичанинъ похвастался своимъ полковническимъ чиномъ и званіемъ инспектора турецкой жандармеріи. Князь Церетелевъ остановилъ его.

— Мы не дозволимъ Турціи разводить жандармерію, — сказалъ онъ.

— По какому же праву, — замѣтилъ обидѣвшійся англичанинъ: — вы будете вмѣшиваться во внутреннюю администрацію свободнаго государства?

— По праву побѣдителя, — коротко отвѣтилъ князь.

Похвальба чиномъ и званіемъ привезла г. Купа въ Боготъ и заставила его чуть-чуть не замерзнуть предъ квартирой великаго князя главнокомандующаго. Наконецъ, его допустили и поставили у стола, за которымъ сидѣлъ великій князь, имѣя по правую руку Тотлебена, по лѣвую — г. Нелидова. Великій князь взглянулъ на англичанина неособенно милостиво и началъ говорить пофранцузски; г. Купъ, желая дать вполнѣ ясные отвѣты, попросилъ было переводчика, но тогда его высочество обратился къ плѣнному на англійскомъ языкѣ.

— Вы принадлежите къ жандармеріи, организованной полковникомъ Бекеромъ? — спросилъ главнокомандующій.

— Да, ваше императорское высочество, — отвѣчалъ г. Купъ.

— Какимъ образомъ вы очутились на службѣ госпиталя?

— Такъ какъ жандармерія существуетъ лишь на бумагѣ и я желалъ какой нибудь работы, то Лайярдъ послалъ меня помогать бѣглымъ турецкимъ и болгарскимъ женщинамъ въ окрестностяхъ Филиппополя... Госпиталь № 5 «Краснаго Полумѣсяца» проходилъ че-

резъ Филиппополь какъ разъ въ то время, когда я кончилъ свою первую миссію. Тогда я предложилъ свои услуги этому госпиталю и былъ прикомандированъ къ нему въ качествѣ chef de brancardiers...

— Есть у васъ письменное удостовѣреніе?—спросилъ великій князь.

— Нѣтъ. Мой паспортъ потерянъ въ Казанлыкѣ.

— Вы, всетаки, полковникъ турецкой службы?

— Нѣтъ, — отказался на этотъ разъ англичанинъ отъ своего почетнаго чина и званія: — нѣтъ, я статскій. Я заключилъ лишь контрактъ съ министромъ полиціи, но не былъ на дѣйствительной службѣ.

— Это все равно,—притомъ же вы потеряли паспортъ. Вашъ шефъ Бекеръ-паша командуетъ турецкой кавалеріей и причиняетъ намъ большое безпокойство...

— Но, ваше высочество, вы можете освѣдомиться у г. Ляйарда, нашего посланника въ Константинополѣ,—онъ завѣритъ васъ, что я не подымалъ оружія противъ Россіи.

— Я не имѣю нужды наводить справки, — отвѣтилъ главнокомандующій. — Я вѣрю, что вы говорите правду, тѣмъ болѣе, что показаніе Гаки-паши подтверждаетъ ваше. Но у васъ нѣтъ письменнаго удостовѣренія, и потому мы имѣемъ право видѣть въ васъ лишь турецкаго офицера. Вы были взяты въ статскомъ платьѣ съ повязкой женевской конвенціи, которую вы не имѣли права носить. И вдругъ, вы оказываетесь полковникомъ турецкой арміи. Тутъ, очевидно, можетъ быть лишь одна догадка, — сказалъ великій князь, пристально всматриваясь въ плѣннаго.

Г. Купъ понялъ намекъ — въ немъ заподозрѣли шпіона; вспомнились жена и дѣти; представилась страшная картина наведенныхъ русскихъ ружей, готовыхъ къ разстрѣлу соглядатая... Двѣ минуты главнокомандующій молчалъ, не спуская глазъ съ автора воспоминаній, и затѣмъ продолжалъ допросъ:

— Вы служили въ англійской арміи?

— Да, ваше высочество.

— Были въ сраженіяхъ?

— Да.

— Гдѣ?

— Въ Крыму, предъ Севастополемъ.

— Гдѣ стоялъ тогда вашъ полкъ?

— На Каскартовомъ холмѣ.

— Вы хотите сказать на Зеленомъ холмѣ?

— Да, ваше высочество.

— И въ турецкой арміи теперь масса британскихъ ех-офицеровъ?

— Не умѣю вамъ сказать, не знаю...

— Вы отправитесь въ качествѣ плѣннаго въ Россію,— рѣшилъ великій князь:—гдѣ и пробудите до конца войны. Снимите прочь женевскую повязку.

— Могу ли я видѣться съ полковникомъ Вольслеемъ?—спросилъ г. Купъ [1]).

— Нѣтъ, — отвѣтилъ главнокомандующій.

Дежурный офицеръ помогъ развязать повязку и передалъ ее великому князю.

Г. Купа подъ конвоемъ отвели въ палатку, гдѣ на сырой соломѣ, въ компаніи съ четырьмя солдатами, онъ провелъ «самую худшую ночь въ жизни». Тутъ произошла маленькая сцена, надѣлавшая потомъ много шума въ англійской журналистикѣ. Корреспондентъ Times'a, г. Гавелокъ, подошелъ къ плѣнному, хотѣлъ заговорить съ нимъ, но былъ прерванъ стражей. Г. Купъ обвинилъ корреспондента за то, что онъ не попробовалъ иныхъ способовъ сообщенія и не употребилъ своего вліянія на русскаго главнокомандующаго. Казалось бы, что г. Гавелоку очень легко было защититься, объявивъ, что пробовать разныя незаконныя средства сообщенія съ плѣннымъ онъ не могъ, ибо допущеніе его въ ряды русской арміи, конечно, означало довѣріе, которое не слѣдовало обращать во зло, и, во-вторыхъ, что иностранный корреспондентъ въ русскомъ штабѣ не могъ пользоваться такимъ вліяніемъ, чтобъ освобождать плѣнныхъ. Но г. Гавелокъ даже не упомянулъ о такихъ оправданіяхъ... На другой день г. Купъ началъ длинное путешествіе пѣшкомъ по направленію къ Россіи въ компаніи съ плѣнными турками. Ноги англичанина очень скоро устали и попортились такъ, что пришлось посадить его на высокую арбу, запряженную парой буйволовъ. На такой тріумфальной колесницѣ г. Купъ въѣхалъ въ Систово, и болгары этого городка оказали ему самую патетическую встрѣчу. Они не смогли простить англичанину службы Портѣ и забросали его грязью, устроивъ настоящую демонстрацію, во время которой г. Купъ выслушалъ цѣлый лексиконъ брани и убѣдился, что болгары обладають порядочной мускульной силой. Замѣчательно, что народъ не обидѣлъ въ то же время ни словомъ, ни взглядомъ товарищей г. Купа по путешествію—плѣнныхъ турокъ. Это происшествіе внушаетъ автору воспоминаній убѣжденіе, что болгары весьма непріятный народъ, и что филиппопольская рѣзня, вызвавшая войну, была устроена интригами и агентами Россіи... Въ Зимницѣ г. Купъ встрѣтилъ балаклавскаго еврея, заявившаго, что дни Крымской кампаніи были «прекрасной жатвой», и разговорился съ русскимъ морскимъ офицеромъ. «Я еще не встрѣчалъ русскаго моряка,—замѣчаетъ по этому поводу г. Купъ,—ко-

---

[1]) Полковникъ Вольслей былъ британскимъ военнымъ агентомъ при русской арміи.

торый бы не говорилъ поанглійски. Изученіе французскаго и англійскаго языковъ, очевидно, обязательно для нихъ. Британскіе офицеры, при встрѣчѣ съ офицерами русскаго флота, должны конфузиться отъ лингвистическаго превосходства послѣднихъ». Этотъ морякъ выразилъ англичанину удивленіе, отчего онъ пошелъ служить «Красному Полумѣсяцу», а не «Красному Кресту». «Онъ обошелся со мной,—разсказываетъ авторъ,—какъ съ врагомъ, заслуживающимъ, однако, уваженія». Въ Зимницѣ двадцать плѣнныхъ—солдатъ и офицеровъ—помѣстили въ одной маленькой комнатѣ. Англичанинъ тотчасъ принялся сочинять протесты на имя коменданта. На первый протестъ отвѣта не послѣдовало, на второй комендантъ прислалъ сказать: «Англичане должны быть довольны своимъ помѣщеніемъ; мы, русскіе, сами были бы счастливы, если бъ имѣли здѣсь такія же удобства, какими пользуются у насъ плѣнные». Жалобы г. Купа вынудили дежурнаго офицера употребить даже усиленныя мѣры строгости, прекративъ всякія сношенія плѣнныхъ съ улицей и торговлей. Три дня промучился г. Купъ въ такомъ положеніи, и никто изъ русскихъ особъ не догадался явиться къ нему съ визитомъ. Очевидно, что съ 1854 по 1877 годъ воды утекло немало... Изъ Фратешти плѣнныхъ офицеровъ повезли по желѣзной дорогѣ во второмъ классѣ и подъ стражей унтеръ-офицера съ тремя солдатами. Въ Бухарестѣ авторъ прочелъ въ «Kölnische Zeitung'ѣ», что Турція и британскій посолъ въ Константинополѣ употребляютъ всѣ усилія для освобожденія якобы неправильно взятыхъ въ плѣнъ трехъ представителей «Краснаго Полумѣсяца». Убѣдившись изъ этого извѣстія, что о немъ уже хлопочатъ, г. Купъ съ удовольствіемъ прочелъ еще нѣсколько румынскихъ газетъ, нападающихъ на Россію и разсказывающихъ о невѣроятномъ хищничествѣ русскаго интендантства. Но тутъ опять случилась маленькая непріятность: комендантъ станціи, разумѣется, русскій офицеръ, давъ плѣннымъ покушать въ желѣзно-дорожномъ ресторанѣ, отвелъ ихъ въ вагонъ, заперъ и унесъ ключъ домой. Г. Купъ чуть не умеръ взаперти. Въ Паскани, гдѣ скрещиваются румынскія дороги, г. Купъ совѣтуетъ товарищу по плѣну, турецкому юзбаши, бѣжать, но стража оказалась весьма бдительной, и не удалось даже покуситься на бѣгство. Въ Яссѣ поѣздъ простоялъ цѣлую ночь, а плѣнныхъ изъ вагона не выпустили. На другой день въ вокзалѣ г. Купа окружили русскіе офицеры, и начался слѣдующій разговоръ.

— Зачѣмъ Англія помогаетъ Турціи деньгами?—спрашиваютъ офицеры.

— Кромѣ помощи раненымъ и бѣженцамъ, Англія не присылала Турціи ни одного шиллинга,—отвѣчаетъ Купъ.

— Но она даетъ оружіе... Мы находимъ массу ружей съ англійскими клеймами!

— Это старое оружіе, уже давно проданное Турціи частными антрепренерами,—объясняетъ плѣнный.

— Не правда,—заявляютъ офицеры:—турки подъ Плевной вооружены прекрасными мартинками... Вы не можете же отрицать, что это ружья англійской пѣхоты, и т. д.

Офицеры высказывали г. Купу предположеніе, что у Османа-паши британскіе инженеры, и вообще авторъ тутъ выслушалъ немало упрековъ и порицаній своей родинѣ. На русской границѣ плѣнные пересѣли въ вагоны третьяго класса и немедленно убѣдились, что въ Россіи «золото и серебро» предметы необыкновенно рѣдкіе. Въ Кишиневѣ плѣнныхъ встрѣтилъ только писарь изъ комендантскаго управленія, который отвелъ имъ квартиры. Тутъ г. Купъ получилъ право гулять въ сопровожденіи солдата и познакомился съ мѣстнымъ врачемъ Бернштейномъ, выхлопотавшимъ автору цѣлый мѣсяцъ спокойной стоянки. Авторъ восхваляетъ до небесъ гостепріимство доктора и говоритъ, что только патріотизмъ г. Бернштейна стоялъ барьеромъ ихъ взаимной дружбѣ. Но за то въ Кишиневѣ и въ дальнѣйшей дорогѣ по Россіи г. Купъ убѣдился, что въ нашемъ отечествѣ, будто бы, есть значительная «англійская партія».—«Это русскіе либералы, — пишетъ онъ, — не имѣющіе ничего общаго съ нигилистами или соціалистами, видящіе въ Англіи поборника свободы для всего міра и дивящіеся величію англійской конституціи... Либеральная партія чисто русская и желаетъ побѣды русскому оружію, но полное паденіе Турціи, однако, не идеалъ ея, ибо въ Турціи уже есть парламентъ... Эти русскіе никакъ не могутъ понять,—замѣчаетъ г. Купъ,—какимъ образомъ свободная пресса Англіи приняла сторону русскихъ властей».

13-го декабря 1877 года, къ г. Купу явился унтеръ-офицеръ и объявилъ: «Pasha w Novgorod!». Автору назначили резиденціей этотъ старинный городокъ. По дорогѣ г. Купъ не разъ просилъ отдыха и спокойнаго ночлега, но получалъ постоянный отказъ. Заговаривали съ нимъ только тѣ, которымъ очень нравилась оттоманская конституція, прочіе пассажиры лишь поглядывали на плѣннаго молча и неособенно дружелюбно. Въ Москвѣ, на станціи желѣзной дороги авторъ воспоминаній увидѣлся съ мѣстнымъ британскимъ вице-консуломъ, г. Лесли, который тотчасъ сообщилъ англійскому послу въ Петербургѣ, лорду Лофтусу, о проѣздѣ г. Купа и телеграфировалъ женѣ автора въ Лондонъ, успокоивая ее извѣстіемъ о добромъ здоровьѣ ея супруга, и тутъ же подарилъ г. Купу связку газеты «Times» и бутылку хорошаго «бранди». Въ Новгородѣ была масса плѣнныхъ турокъ; паши жили свободно въ частныхъ домахъ, младшіе офицеры—въ общей квартирѣ, а солдаты — въ казармахъ. Одинъ изъ плѣнныхъ Ахмедъ-паша предложилъ было г. Купу помѣщеніе въ своемъ домѣ, но власти отправили сначала его въ общую квартиру турецкихъ офицеровъ;

не найдя тамъ свободнаго помѣщенія для англійскаго полковника, повели его въ казарму, гдѣ и помѣстили въ полутемной комнатѣ вмѣстѣ съ пулутороста плѣнными турецкими солдатами. Спертый воздухъ, невыносимый запахъ и тѣснота заставили г. Купа разразиться массами жалобъ и протестовъ. Увы, имъ никто не внималъ, и только дежурный офицеръ сжалился и посовѣтовалъ г. Купу попроситься въ госпиталь.

31-го декабря, въ Новгородъ является г. Эджертонъ, секретарь британскаго посольства, получившій съ разрѣшенія русскаго правительства спеціальную миссію повидаться съ плѣннымъ. Новгородскій комендантъ немедленно потребовалъ г. Купа въ свою квартиру, гдѣ и позволилъ ему разговаривать съ г. Эджертономъ, причемъ жена коменданта переводила своему супругу и содержаніе разговора. Секретарь посольства привезъ плѣнному пачку англійскихъ газетъ и новый романъ миссъ Брадэнъ, присланныя лордомъ Лофтусомъ съ успокоительной надеждой на скорое освобожденіе. Эджертонъ постарался за родича, и г. Купу послѣ этого свиданія дозволили перебраться изъ казармы на квартиру Ахмеда-паши. Тутъ авторъ воспоминаній повѣствуетъ намъ, какіе русскіе удостоивали плѣнныхъ своей особенной симпатіей—это были ссыльные поляки и евреи. Одинъ изъ послѣднихъ убѣдилъ бѣднаго автора, что онъ пробылъ 14 лѣтъ въ Сибири, изъ которыхъ шесть лѣтъ провелъ скованный и прикованный, былъ даже приговоренъ къ смертной казни лишь за то, что ударилъ въ лицо одного русскаго барина. Черезъ три дня послѣ визита Эджертона къ г. Купу впервые является комендантъ и, протягивая руку, поздравляетъ: «Полковникъ, нашъ великодушный монархъ возвращаетъ вамъ свободу»! Затѣмъ авторъ получаетъ депешу отъ лорда Лофтуса: «Я счастливъ извѣстить, что императоръ сегодня утромъ далъ приказъ освободить васъ». 6-го января, г. Купъ былъ въ Петербургѣ. Секретарь посольства немедленно перетащилъ его изъ гостинницы къ себѣ на квартиру, а относительно любезности посла авторъ говоритъ: «Послѣ полудня я имѣлъ свиданіе съ лордомъ Августомъ Лофтусомъ и никогда не забуду не только всего, что сдѣлалъ для меня лордъ въ качествѣ посла, но и той любезности, которую онъ выказалъ мнѣ вплоть до отправки по собственной инициативѣ телеграммы моей женѣ о моемъ освобожденіи, любезности, проявившейся до самыхъ мелочей какъ со стороны лорда, такъ и его супруги». Эти строки, полагаю, весьма поучительны для русскихъ дипломатовъ...

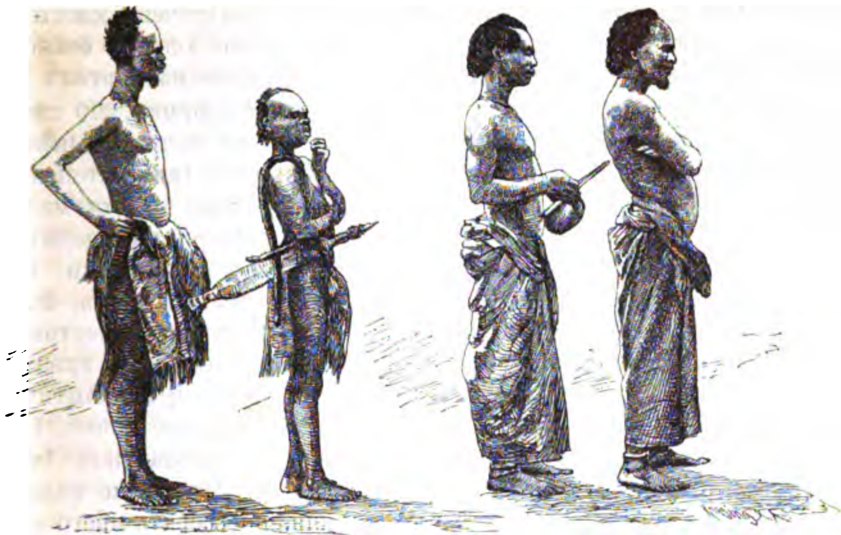
Взаключеніе своихъ воспоминаній, г. Купъ хвалитъ только самоваръ въ Россіи, находя все прочее никуда негоднымъ. Народъ, по его мнѣнію, не имѣетъ понятія о религіи, довольствуясь обрядами; русская интеллигенція состоитъ изъ атеистовъ. Всѣ въ Россіи крайне лицемѣрны и не держатъ даннаго слова; кушанья

ѣдятъ такія, до которыхъ г. Купъ никогда «не смѣлъ даже дотронуться». Особенно достается отъ англійскаго плѣннаго русской арміи. «Чтобъ дать читателямъ,—пишетъ онъ,—полное представленіе о русскихъ войскахъ, скажу, что я не струсилъ бы съ 50 тысячъ британцевъ встрѣтить въ открытомъ полѣ 100 тысячъ русскихъ, а за укрѣпленіями я съумѣлъ бы легко удержаться и съ 25 тысячами англійскаго войска противъ 100 тысячъ русскихъ... Русскіе убѣждали меня, будто они забрали въ плѣнъ 200 британскихъ офицеровъ. О, если бъ во главѣ турецкой арміи было хоть полдюжины англичанъ! — я сомнѣваюсь, — заключаетъ авторъ, — существовало ли бы до сей поры Русское государство»...

Черезъ нѣсколько дней, безъ всякихъ церемоній, представленій и пріемовъ, никѣмъ не узнанный и не замѣченный, г. Купъ уѣхалъ изъ Петербурга на родину, оставшись въ милліонъ разъ менѣе довольнымъ русскимъ пріемомъ въ 1877 году, чѣмъ его компатріотъ Ройеръ въ 1854 году...

А. Молчановъ.

Жители государства Лунда.

ГОСУДАРСТВО ЛУНДА.

I.

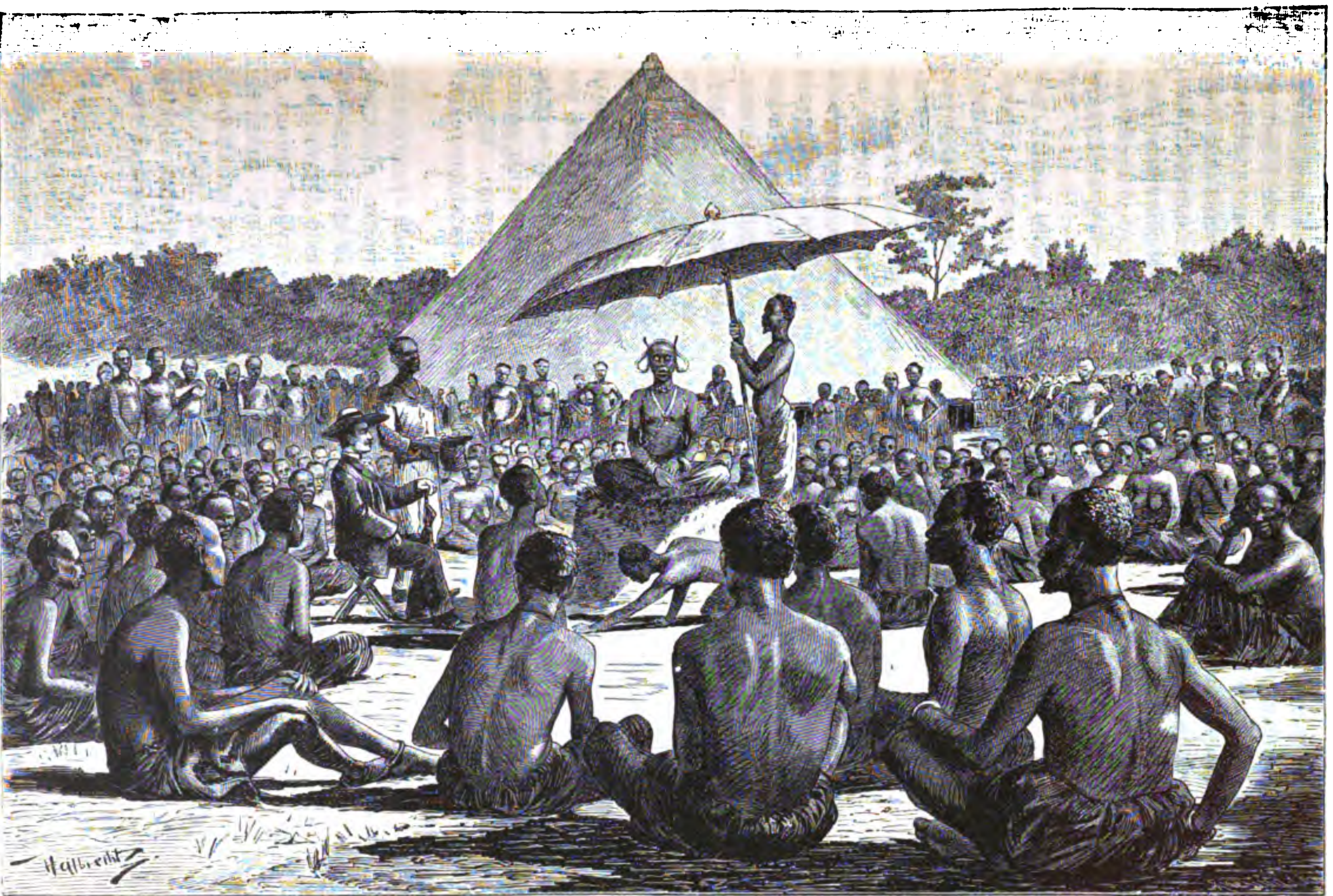
ЕНТРАЛЬНАЯ, или такъ называемая внутренняя, средняя и экваторіальная Африка, сравнительно, весьма недавно обратила на себя вниманіе европейскихъ путешественниковъ и ученыхъ, въ особенности англичанъ, а въ новѣйшее время нѣмцевъ, которые стали довольно часто посѣщать ее. Сдѣланныя ими открытія немало способствовали усиленной дѣятельности западно-европейскихъ державъ въ области колоніальной политики послѣднихъ двадцати лѣтъ. Хотя устье Конго было открыто однимъ португальскимъ офицеромъ въ концѣ XV вѣка, но, всетаки, первыя болѣе или менѣе вѣрныя свѣдѣнія о центральной Африкѣ относятся къ XVII вѣку. Эти свѣдѣнія были сообщены тремя португальскими миссіонерами: Помбейросъ, Педро Жоанъ Баптисто и Анастасіо Жозѐ, которые, въ числѣ другихъ извѣстій, упоминали въ своихъ отчетахъ о существованіи въ центральной Африкѣ развитой системы рѣкъ и большихъ озеръ. Но открытія португальскихъ миссіонеровъ прошли безслѣдно, при жалкомъ состояніи тогдашней

науки землевѣдѣнія; потому позднѣйшіе географы втеченіе многихъ десятковъ лѣтъ продолжали считать центральную Африку безводной и безлюдной пустыней и изображали ее такою на картахъ.

Такимъ образомъ свѣдѣнія объ экваторіальной Африкѣ, 200 лѣтъ тому назадъ, были ближе къ истинѣ, нежели въ началѣ нынѣшняго столѣтія, пока изслѣдованія ея водяныхъ путей Ливингстономъ, Кулеемъ (Cooley), Буртономъ и др., не пролили свѣта на эти малоизвѣстныя страны. Сверхъ того, предпринятъ былъ рядъ экспедицій и путешествій съ различными цѣлями: 1) съ чисто научными, напримѣръ, Швейнфурта, Барта, Нахтигаля, Рольфса, Бастіана, Флегеля, Гюссфельдта, Дю-Шалью, и проч.; 2) для прекращенія торговли неграми и изысканія средствъ къ введенію навигаціи въ экваторіальныхъ озерахъ и подготовкѣ путей для торговой и политической эксплоатаціи страны, какъ Беккера [1]), Камерона, Погге, Висмана и друг., и 3) для отысканія Ливингстона, пропавшаго безъ вѣсти, какъ, напримѣръ, Стэнли. Послѣднему удалось не только достигнуть главной цѣли своего путешествія, но собрать много любопытныхъ подробностей о малоизвѣстныхъ странахъ и нѣкоторыхъ совершенно неизвѣстныхъ народахъ, разсѣянныхъ на пространствѣ между Индійскимъ океаномъ и восточнымъ берегомъ озера Танганійки, или Танганайки («смѣшанное» озеро, между 4 и 8° ю. ш. и 46 и 44° в. д.).

Озеро Танганійка съ своими живописными берегами, сплошь покрытыми арабскими и негритянскими селеніями, обратило на себя особенное вниманіе европейскихъ путешественниковъ. Помимо богатаго научнаго матеріала, оно представляло для нихъ живой интересъ по своему географическому положенію и множеству соединенныхъ съ нимъ рѣкъ, что̀ давало надежду открыть болѣе легкій путь въ центральную Африку. Тѣмъ не менѣе, весьма немногіе изъ вышеупомянутыхъ путешественниковъ доходили до земель, лежащихъ къ юго-западу отъ озера Танганійки, гдѣ находится малоизвѣстное въ Европѣ негритянское государство Лунда, Лоандо, или Улунда, которое для туземцевъ центральной Африки, а равно и для торговцевъ португальской области Ангола представляетъ собой олицетвореніе высшаго могущества и блеска. Мѣстные торговцы, совершая далекія путешествія въ глубь страны, для пріобрѣтенія невольниковъ, каучука и слоновой кости, почти ежегодно проходятъ черезъ владѣнія знаменитаго короля Лунды, называемаго наслѣдственнымъ титуломъ «Муата Ямво», или «Муатимво» (т. е. верховный глава — «Mata Jafa» туземцевъ), и равнаго по ихъ понятіямъ одному «Muëne Put», баснословному повелителю всѣхъ европейцевъ.

[1]) Ismailia. A narrative of the expedition to central Africa for the suppression of the slave trade etc. in two volumes by sir S. W. Baker. London. 1874.

Пріемъ у Муата Ямво.

Государство Лунда (между 6—12° ю. ш. и 17—24 в. д.) занимаетъ приблизительно, по величинѣ, пространство равное Германіи и имѣетъ около двухъ милліоновъ жителей. Оно покрыто дѣвственными лѣсами, которые прерываются преріями или саваннами съ безчисленнымъ множествомъ болѣе или менѣе значительныхъ рѣкъ, текущихъ къ сѣверу. На западъ отъ него тянется обширная низменность, по которой проходитъ водораздѣлъ между бассейнами Конго и Замбези. Столица Муссумба находится на сѣверѣ государства Лунда.

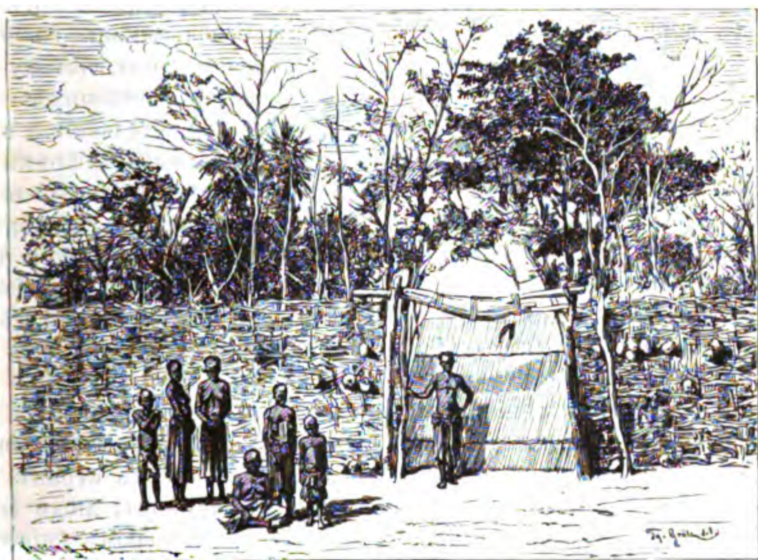
Власть Муата Ямво простирается на большую часть земель, лежащихъ между португальской областью Ангола и озеромъ Ніасса. Ему подчинено множество предводителей болѣе или менѣе сильныхъ племенъ, не исключая и другаго крупнаго властелина Казембо, государство котораго лежитъ къ сѣверу отъ Лунды. Зависимость эта заключается въ платежѣ дани, которую, равнымъ образомъ, добровольно платятъ нѣкоторыя изъ сосѣднихъ племенъ, во избѣжаніе столкновеній съ Муата Ямво. Того же способа дѣйствій держится и португальское правительство, которое для обезпеченія своихъ владѣній, время отъ времени, посылаетъ подарки повелителю Лунда и старается поддержать съ нимъ дружескія отношенія.

Образъ правленія въ Лундѣ патріархальный, какъ и въ другихъ государствахъ центральной Африки; каждая деревня имѣетъ отдѣльнаго вождя, и вожди, въ свою очередь, подчинены главнѣйшему изъ нихъ, Муата Ямво. На всѣхъ подданныхъ лежитъ обязанность содержать властелина, доставлять ему женъ, съѣстные и другіе запасы, напитки и проч. Сверхъ того, Муата Ямво, въ непосредственно управляемой имъ области, какъ и всякому вождю въ его округѣ, принадлежитъ часть каждой добытой дичины, одинъ клыкъ убитаго слона и всѣ шкуры убитыхъ леопардовъ, потому что простые смертные не могутъ сидѣть на нихъ, а слѣдовательно и владѣть ими.

Въ мирное время Муата Ямво живетъ въ своей резиденціи Муссумба, которая не имѣетъ ничего общаго съ нашимъ представленіемъ о городѣ. Это огромная деревня, состоящая изъ массы однообразныхъ низкихъ хижинъ, отъ которыхъ жилище Муата Ямво отличается только величиной. Кровля образуетъ тупой шпицъ и опускается отвѣсно къ землѣ, но не упирается въ нее, такъ что небольшой свѣтъ проникаетъ снизу. Круглый входъ въ хижину, принадлежитъ ли она богатому или бѣдному человѣку, на столько малъ, что приходится вползать въ нее. Болѣе достаточные люди и вожди обыкновенно окружаютъ свои жилища плетнемъ, между тѣмъ какъ хижины бѣдняковъ ничѣмъ не огорожены.

Муата Ямво пользуется неограниченной властью надъ жизнью и имуществомъ подданныхъ. Это своего рода богъ, который считается неприкосновеннымъ и безгрѣшнымъ. Никто изъ подданныхъ

не смѣетъ убить его и даже не можетъ сдѣлать это, по мнѣнію чернокожихъ. Кромѣ естественнной смерти, только совпаденіе особенныхъ условій, какъ, напримѣръ, дворцовый переворотъ (если удобно употребить здѣсь такое выраженіе), можетъ привести къ смѣнѣ одного Муата Ямво другимъ. Но, если который либо изъ нихъ позволяетъ себѣ слишкомъ большія безчинства, то подданные избавляются отъ него слѣдующимъ способомъ: лунда начинаютъ войну съ уанда или какимъ либо другимъ сосѣднимъ племенемъ, въ томъ разсчетѣ, что Муата Ямво, по старому обычаю, долженъ неизбѣжно находиться какъ при охотѣ, такъ и на полѣ битвы. Когда лунда

Ворота череповъ въ Муссумбѣ.

очутятся въ виду непріятеля, то по данному знаку, условленному заранѣе, обращаются въ бѣгство и оставляютъ повелителя одного, сидящимъ на престолѣ, который такимъ образомъ становится жертвой враговъ и падаетъ подъ ихъ ударами.

У лунда женщины сопровождаютъ мужей на войну и иногда принимаютъ участіе въ битвѣ. Онѣ также играютъ видную роль въ правленіи. Въ Муссумбѣ на ряду съ Муата Ямво царствуетъ посторонняя ему особа, королева Лукокесса, которая имѣетъ особыхъ подчиненныхъ ей вождей. Обѣ власти дѣйствуютъ совмѣстно, и даже нерѣдко одна противъ другой, что̀, разумѣется, не представляетъ особенныхъ удобствъ для подданныхъ. Въ настоящее время Лукокесса, сравнительно съ Муата Ямво, сохранила только тѣнь прежняго величія; но, тѣмъ не менѣе, власть ея до сихъ поръ довольно значительна.

Вся политика центральной Африки обращена на торговлю съ берегомъ. Муата Ямво такой же торговецъ, какъ и другіе негритянскіе властелины,—только одинъ изъ наиболѣе значительныхъ; его заботы и стремленія, какъ и всѣхъ ихъ, преимущественно обращены на возможно большій сборъ дани и выгодный обмѣнъ ея на различные товары. Поэтому каждый путешествующій въ центральной Африкѣ можетъ только въ томъ случаѣ разсчитывать на хорошій пріемъ и остаться болѣе или менѣе долгое время въ той или другой мѣстности, если явится сюда въ роли торговца, или, по крайней мѣрѣ, присоединится къ торговому каравану. Туземцы даже не могутъ себѣ представить, чтобы кто нибудь рѣшился пріѣхать въ ихъ землю иначе, какъ для покупки невольниковъ, слоновой кости и каучука. Такой взглядъ сложился издавна, потому что втеченіе многихъ десятковъ лѣтъ, до прибытія новѣйшихъ европейскихъ путешественниковъ, только мѣстные португальскіе и арабскіе торговцы посѣщали далекія страны центральной Африки.

Въ настоящее время торгъ невольниками, уничтоженный на берегахъ, существуетъ внутри страны почти въ тѣхъ же размѣрахъ, какъ и прежде, не только въ видѣ обыкновенной продажи, т. е. обмѣна на другіе товары, но и охоты за людьми, которой преимущественно занимаются арабскіе торговцы и даже съ этой цѣлью нападаютъ на мирныя селенія [2]). Не подлежитъ сомнѣнію, что помимо огромныхъ выгодъ, извлекаемыхъ торговцами изъ ихъ живаго товара, пріобрѣтеніе невольниковъ составляетъ для нихъ извѣстнаго рода необходимость, обусловленную ихъ ролью странствующихъ купцовъ и самымъ способомъ путешествія въ странѣ, гдѣ вслѣдствіе отсутствія дорогъ, а нерѣдко и тропинокъ, люди замѣняютъ вьючныхъ животныхъ. При каждомъ подобномъ переходѣ невольники гибнутъ десятками отъ непосильной ноши, палящаго зноя въ безводныхъ долинахъ и въ чащахъ колючаго кустарника, переплетеннаго льянами, при переправѣ черезъ рѣки, также отъ лихорадокъ и другихъ болѣзней въ болотистыхъ мѣстностяхъ, не говоря о ядовитыхъ насѣкомыхъ, а подчасъ змѣй и крокодиловъ. Но рабовладѣльцы неособенно смущаются этимъ, потому что всегда имѣютъ возможность пополнить понесенную ими убыль. Въ Ангола и другихъ португальскихъ владѣніяхъ (между Биге, Уруа и Катанго) съ 1845 года, благодаря бдительному надзору англичанъ, торгъ невольниками значительно уменьшился, но на чернокожихъ наложено было новое обязательство: они должны доставлять носильщиковъ, набираемыхъ изъ туземцевъ; купцы вносятъ за нихъ извѣстную сумму властямъ, а самимъ носильщикамъ платятъ бездѣлицу, по своему усмотрѣнію.

---

[1]) Horace Waller. Letzte Reise von David Livingstone in Zentral-Afrika. Hambourg. 1875. Bd. I, S. 78.

Такимъ образомъ, не смотря на старанія англійскаго правительства и усиленную дѣятельность миссіонеровъ, подобныхъ Ливингстону, который, помимо научныхъ изслѣдованій, посвятилъ 27 лѣтъ своей жизни на распространеніе христіанства между африканскими дикарями и прекращеніе невольничества,—торгъ людьми продолжается до сихъ поръ, и врядъ ли можно скоро ожидать его окончательнаго уничтоженія. Также нельзя разсчитывать на особенно блестящіе результаты отъ постановленія берлинской конференціи 1884 года, въ силу котораго всѣ державы, имѣющія какія либо

Группа туземцевъ изъ Муссумбы.

владѣнія въ южной Африкѣ, между прочимъ, обязываются прекратить всѣми зависящими отъ нихъ мѣрами невольничество и торгъ невольниками.

Ливингстонъ дважды посѣтилъ государство Лунда. Въ 1858 году, онъ впервые вступилъ во владѣнія Муата Ямво, но не могъ долго оставаться тутъ, вслѣдствіе различныхъ притѣсненій со стороны мѣстныхъ властей. Искать правосудія у повелителя страны было немыслимо, потому что, по разсказамъ туземцевъ, царствовавшій въ это время Муата Ямво самъ подавалъ примѣръ безправія. Такъ, между прочимъ, его чернокожее величество, считая собственноручное отсѣченіе головъ удовольствіемъ, вполнѣ соотвѣтствующимъ его сану, расхаживалъ по городу и рубилъ головы прохожимъ, пока у него не составилась большая груда череповъ. При этомъ онъ мотивировалъ свои дѣйствія тѣмъ, что «подданные его слишкомъ многочисленны, и поэтому необходимо уничтожать ихъ»... Затѣмъ

Ливингстонъ еще разъ посѣтилъ Лунду во время своего послѣдняго путешествія, начатаго въ 1866 году, съ цѣлью изслѣдованія рѣки Луалабы. На его счастье, незадолго передъ этимъ, на престолъ вступилъ новый Муата Ямво, человѣкъ болѣе кроткаго нрава, который, по слухамъ, даже намѣревался наказать вождей за ихъ дурное обращеніе съ англійскимъ путешественникомъ. Во всякомъ случаѣ, послѣдніе обошлись теперь несравненно привѣтливѣе съ Ливингстономъ и безпрепятственно пропустили его въ государство сосѣдняго властелина Казембо.

Между тѣмъ, по свидѣтельству послѣдующаго путешественника Камерона (въ 1873—1875 годахъ), повелители Лунды, изъ ревности къ своему могущественному сосѣду, дѣлаютъ всевозможныя затрудненія, чтобы не допустить до него путешественниковъ, и намѣренно распускаютъ слухи, что ихъ земли раздѣляетъ сорокадневная пустыня. Такимъ образомъ Камеронъ [1]) при переходѣ черезъ владѣнія Муата Ямво съ юга, Висманъ [2]) и Погге [3]) съ сѣвера—должны были сдѣлать большой обходъ, чтобы пройдти въ государство Казембо.

Время, выбранное Камерономъ для посѣщенія Лунды, было не совсѣмъ благопріятное, потому что отъ недавнихъ дождей и разлитія рѣкъ въ низменныхъ мѣстахъ образовались болота. Кромѣ того, сопровождавшіе его люди, въ виду незнанія мѣстности и затрудненій, встрѣчаемыхъ при добываніи съѣстныхъ припасовъ, отказались слѣдовать за нимъ въ глубь страны. Это обстоятельство заставило его присоединиться къ каравану одного торговца невольниками, такъ что ему часто приходилось быть свидѣтелемъ глубоко возмущавшихъ его сценъ; и онъ не разъ выражаетъ свое удовольствіе по поводу бѣгства того или другаго невольника во во время пути. Въ Ніангвѣ (торговомъ поселеніи у р. Луалабы) онъ разспрашивалъ мѣстныхъ жителей о дорогѣ въ Муссумба, столицу Муата Ямво, о которой онъ слышалъ столько чудесъ, такъ какъ хотѣлъ лично побывать въ ней. Но туземцы отговаривали его отъ этого намѣренія и, между прочимъ, сообщили ему, что послѣдній бѣлый человѣкъ, посѣтившій резиденцію черноко-

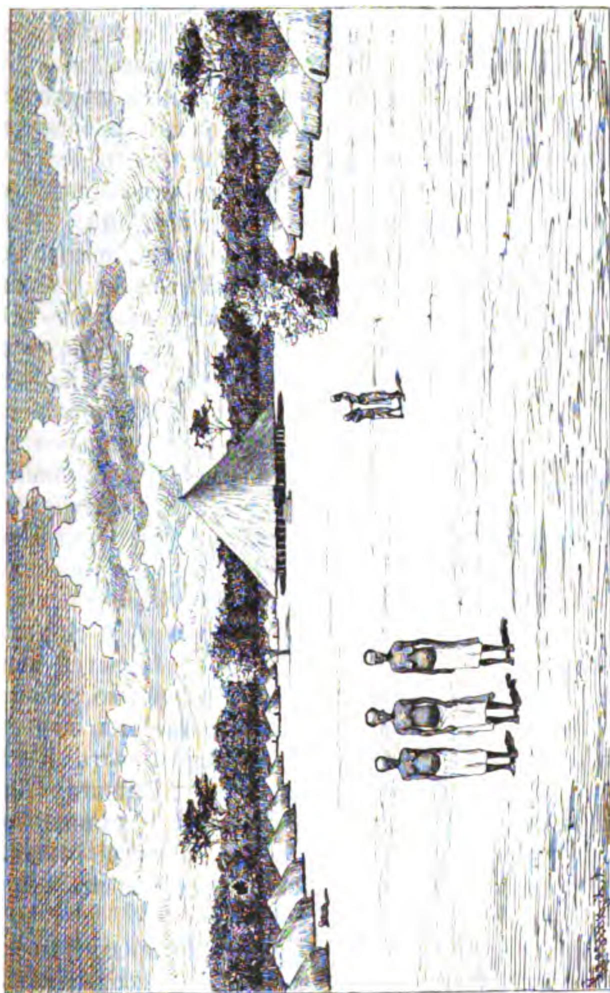
---

[1]) Quer durch Afrika von Lovett Cameron in zwei Theilen. Leipzig. 1877.

[2]) Globus, Bd. XLIII.

[3]) Dr. Paul Pogge. Im Reiche des Muata Jamvo. Tagebuch meiner im Auftrage der Deutschen Gesellschaft zur Erforschung Aequatorial-Afrikas in die Lundastaaten unternommenen Reise. Berlin. 1880. Почти одновременно съ появленіемъ въ свѣтъ этого сочиненія (въ ноябрѣ 1880 года), д-ръ Погге вторично отправился въ изслѣдованныя имъ страны Центральной Африки по порученію берлинскаго географическаго Общества, которое, выбравъ его въ начальники экспедиціи, назначило ему въ помощники, въ качествѣ географа-спеціалиста, лейтенанта Висмана. На этотъ разъ ученыя задачи были дѣломъ второстепеннымъ, такъ какъ, согласно новѣйшимъ колонизаціоннымъ стремленіямъ нѣмецкаго торговаго и правительственнаго міра, цѣль экспедиціи была попреимуществу практическая.

жаго властелина, долженъ былъ противъ воли остаться тамъ, чтобы обучать народъ военному искусству, и черезъ четыре года умеръ. Этотъ разсказъ не произвелъ особеннаго впечатлѣнія на Камерона, но, тѣмъ не менѣе, по прибытіи въ Лунду, онъ принужденъ былъ поневолѣ отказаться отъ посѣщенія столицы, вслѣдствіе происхов-

Резиденція Муата Ямво.

шихъ въ ней смутъ по поводу сверженія съ престола Муата Ямво. Послѣдній такъ усердно рѣзалъ уши, носы и губы у подданныхъ и такъ безчеловѣчно обращался съ окружающими, что его сестра и главная жена, изъ чувства самосохраненія, составили заговоръ и рѣшились напасть ночью на его хижину и убить. Но онъ узналъ во время о грозившей ему опасности и обратился въ бѣгство, а на престолъ возведенъ былъ одинъ изъ его братьевъ.

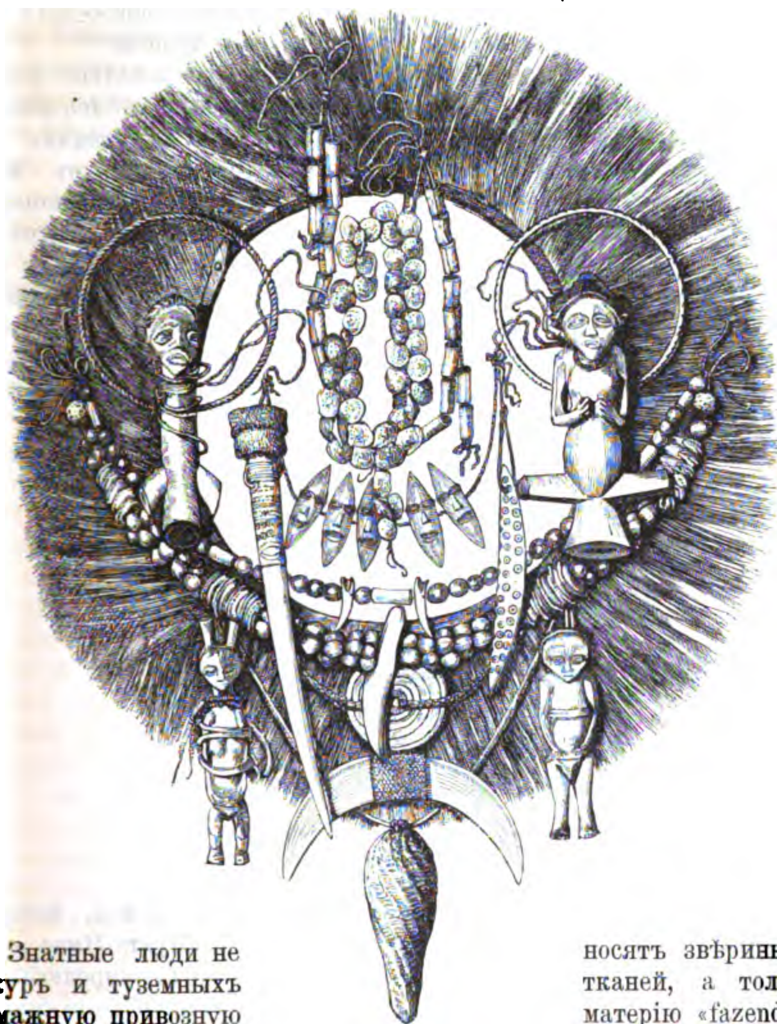
Камеронъ во время своего непродолжительнаго пребыванія въ Лундѣ не могъ составить полнаго понятія о странѣ, тѣмъ болѣе, что познакомился только съ южной ея частью, которая, по его словамъ, менѣе населена, нежели сѣверная, и жители вообще отличаются крайнею бѣдностью.

Наиболѣе подробныя свѣдѣнія о государствѣ Лунда, образѣ правленія, нравахъ и обычаяхъ жителей, сообщены докторомъ Погге [1]). Его описаніе, въ правдивости котораго мы не имѣемъ повода сомнѣваться, совершенно противорѣчитъ преувеличеннымъ разсказамъ мѣстныхъ жителей о могуществѣ и богатствѣ Муата Ямво и только служитъ доказательствомъ, какъ долго держится однажды составленная репутація. Государство Лунда, созданное, какъ и всѣ другія, путемъ захвата и завоеваній, до сихъ поръ въ такомъ же почетѣ у сосѣдей, какъ и встарину, хотя нѣтъ и слѣда благопріятныхъ условій, способствовавшихъ его усиленію. Въ настоящее время оно заключаетъ въ себѣ всѣ задатки быстраго разложенія; и можно удивляться, какъ оно существуетъ даже въ своемъ настоящемъ видѣ, при отсутствіи какой бы то ни было внутренней связи между властелиномъ и правителями отдѣльныхъ областей съ одной стороны и подданными съ другой, при полномъ господствѣ произвола и безправія, крайней бѣдности страны, слабомъ развитіи промышленности и земледѣлія. Хотя племена, живущія въ близкомъ сосѣдствѣ съ «калунда» (общее названіе жителей Лунды; въ Муссумбѣ и окрестностяхъ они носятъ имя «молуа»), достигли значительной степени искусства въ обработкѣ металловъ, въ издѣліяхъ изъ дерева и глины, въ изготовленіи тканей и т. п., но въ Лундѣ все остается попрежнему. Всѣ мелкіе и крупные продукты, большею частью, добываются рабами, и въ такомъ незначительномъ количествѣ, что ихъ не достаетъ для мѣстнаго потребленія. Промышленность почти исключительно ограничивается изготовленіемъ небольшихъ плетеныхъ корзинъ, рѣзныхъ вещей въ видѣ идоловъ и талисмановъ и, наконецъ, всевозможныхъ украшеній изъ слоновой кости, желѣза, латунной проволоки, раковинъ, камней и длинныхъ волосъ, отрѣзанныхъ у невольниковъ.

Равнымъ образомъ калунда — плохіе охотники и рыболовы; кузнечество и искусственное пчеловодство не составляетъ у нихъ особаго промысла, какъ у сосѣдняго племени кіоко; они умѣютъ только добывать каучукъ. Торговля — ихъ главное занятіе; но они преимущественно ведутъ ее, чтобы имѣть предметы, которые служатъ для украшенія тѣла.

---

[1]) Фр. Гельвальдъ, «Естественная исторія племенъ и народовъ». Выпускъ тридцатый, Спб., изд. А. С. Суворина, 1884, стр. 130—135. См. также статью «Нѣмцы въ Африкѣ и отзывы ихъ о ней». Русская Мысль, 1884, октябрь и декабрь.

Украшенія жителей Лунды.

Знатные люди не носятъ звѣриныхъ шкуръ и туземныхъ тканей, а только бумажную привозную матерію «fazenda». Мужчины привязываютъ ее вокругъ тальи такимъ способомъ, чтобы она покрывала ноги ниже икръ, между тѣмъ какъ одежда женщинъ, большею частью, выше колѣнъ. Богатыя дамы иногда обвиваютъ талью такой длинной полосой матеріи, что конецъ ея тянется по землѣ въ видѣ шлейфа, или же его несетъ сзади невольница. Бѣдняки обоего пола довольствуются туземными плетеными тканями и звѣриными шкурами или прикрываютъ себя вѣтками кустарника. У женщинъ въ модѣ подпиливаніе верхнихъ рѣзцовъ и выламываніе нижнихъ, а равно и татуировка на груди, рукахъ и животѣ. Завивка волосъ исключительно въ употребленіи у знатныхъ мужчинъ; кромѣ того, всѣ они выбриваютъ переднюю часть го-

ловы, такъ что надъ лбомъ образуется широкая обнаженная полоса. Женщины и рабы коротко стригутъ свои волосы.

Что касается оружія жителей Лунды, то оно довольно разнообразно. Только знатные люди владѣютъ ружьями, привозимыми съ морскаго берега; ихъ заряжаютъ каменьями, кусочками желѣза и первобытными пулями, которыя изготовляются въ Муссумбѣ. Для войны и охоты служатъ: длинныя желѣзныя копья и легкія деревянныя съ желѣзными наконечниками, лукъ, стрѣлы, намазанныя ядомъ, и мечъ, который спрятанъ въ ножнахъ и виситъ на веревкѣ. Кромѣ того, въ употребленіи небольшой ножъ съ деревянной рукояткой.

Типъ молуа.

Однако, не смотря на эти различные виды оружія, которое можно встрѣтить почти у каждаго изъ подданныхъ Муата Ямво, они, по всѣмъ отзывамъ, весьма добродушны, общительны и миролюбивы. Но тѣ изъ нихъ, которые живутъ въ непосредственной близости съ караванными путями и много сносились съ торговцами, сдѣлались попрошайками, лгунами и обманщиками. При этомъ они въ высшей степени недовѣрчивы, чтó, по замѣчанію Погге, можно приписать тому обстоятельству, что они много разъ были обмануты торговцами.

Таковъ также въ общихъ чертахъ характеръ нынѣшняго Муата Ямво, судя по описанію послѣдняго изъ путешественниковъ, посѣтившаго государство Лунда, а именно члена берлинскаго географическаго Общества Макса Бухнера [1]), который вслѣдствіе этого долженъ

[1]) Max Buchner, см. Vom Fels zum Meer, «Spemans Illustrierte Zeitschrift» etc., 1884, November, Heft 2. Бухнеръ былъ также въ числѣ спутниковъ д-ра Нахтигаля во время его путешествія по Африкѣ.

былъ, противъ своего желанія, остаться шесть мѣсяцевъ въ Мусумбѣ, столицѣ государства. Сверхъ того, при постоянныхъ непосредственныхъ сношеніяхъ съ властелиномъ Лунды, онъ имѣлъ полную возможность убѣдиться, на сколько фиктивенъ ореолъ величія и могущества, связанный съ его именемъ.

II.

Бухнеръ подробно разсказываетъ исторію своихъ сношеній съ Муата Ямво, которыя съ каждымъ днемъ становились для него невыносимѣе, при ненасытномъ корыстолюбіи и нагломъ попрошайничествѣ его чернокожаго величества. Такъ, напримѣръ, во все

Оружіе жителей Лунды.

время пребыванія путешественника въ столицѣ Лунды, Муата Ямво настойчиво хотѣлъ видѣть въ немъ торговца и, соотвѣтственно съ этимъ, заявлялъ все новыя и новыя требованія. Бухнеръ, съ своей стороны, упорно отказывался отъ навязанной ему роли, но, тѣмъ не менѣе, въ виду своего сомнительнаго положенія, долженъ былъ сдѣлать рядъ уступокъ и, между прочимъ, заявить

свое согласіе на взносъ положенной дани. «Каждый изъ насъ, — говоритъ онъ по этому поводу, — не довѣрялъ другъ другу и въ то же время боялся нарушить мнимыя дружескія отношенія, такъ какъ намъ обоимъ не доставало мужества поступать рѣшительно и открыто»... При этихъ условіяхъ путешественникъ долженъ былъ скоро удостовѣриться, что его пребываніе въ Муссумбѣ будетъ довольно продолжительно, и вслѣдствіе этого велѣлъ своимъ людямъ приступить къ постройкѣ дома изъ древесныхъ стволовъ, глины и соломы. Но работа подвигалась крайне медленно, какъ по причинѣ дурной погоды, такъ и нежеланія строителей. Между тѣмъ Муата Ямво выказывалъ все бо̀льшее нетерпѣніе и безпрестанно посылалъ спрашивать Бухнера: скоро ли его величество можетъ сдѣлать ему торжественное посѣщеніе, послѣ котораго должна была слѣдовать передача «imbolanza».

«Imbolanza» (неправильное выраженіе, передѣланное изъ слова «importancia») означаетъ все наличное количество товаровъ, привезенныхъ купцомъ для обмѣна на невольниковъ и слоновую кость, и которое, по понятіямъ туземцевъ, должно неизбѣжно перейдти въ руки Муата Ямбо. Еще по дорогѣ въ Муссумба, чернокожіе, разглядывая съ удивленіемъ множество боченковъ пороха, мѣшки съ бусами, ящики и тюки, принадлежащіе Бухнеру, всякій разъ говорили при этомъ: «И все это для Муата Ямво! Какъ разбогатѣетъ теперь Муата Ямво!».

Переводчикъ Педро держался того же взгляда, и по прибытіи въ Муссумбу употреблялъ всѣ усилія, чтобы узнать, какъ думаетъ Бухнеръ распорядиться съ привезенными вещами. «Не безъ умысла,—говоритъ авторъ,—передавалъ онъ мнѣ милостивый отзывъ его величества о моей особѣ и въ особенности распространялся о томъ, что весь дворъ въ восхищеніи, что я пріѣхалъ съ такимъ богатымъ караваномъ. Въ томъ же смыслѣ объяснилъ Педро и необыкновенно щедрую присылку съѣстныхъ припасовъ и пива въ день нашего прибытія»...

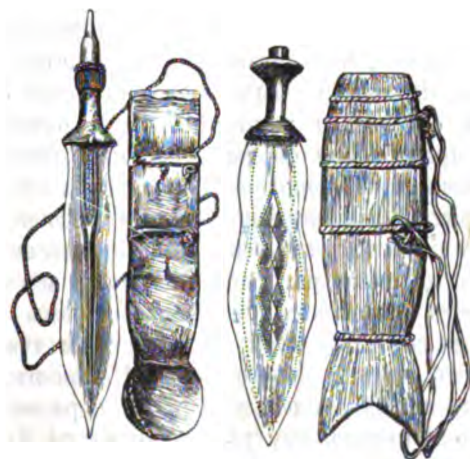
Муата Ямво также не оставался въ бездѣйствіи и, въ ожиданіи окончанія постройки дома, ежедневно выпрашивалъ у своего гостя различныя подачки подъ болѣе или менѣе благовидными предлогами. Наконецъ, 10-го января 1880 года, Бухнеръ велѣлъ доложить, что онъ готовъ принять его величество. На это немедленно послѣдовалъ отвѣтъ, что Муата Ямво явится на слѣдующій день съ королевой Лукокессой, «Soanamulund» (особа женскаго пола, занимающая высокую должность при дворѣ) и своими двумя женами: Моари и Теменой. Вмѣстѣ съ тѣмъ Бухнеру данъ былъ конфиденціально дружескій совѣтъ, чтобы онъ не показывалъ всѣхъ своихъ товаровъ во время пріема и ограничился небольшими подарками, потому что его величество посѣтитъ его одинъ въ другой разъ съ небольшой свитой и получитъ отъ него «imbolanza».

Муата Ямво считалъ также долгомъ предупредить путешественника, чтобы онъ не былъ особенно щедръ относительно Лукокессы, потому что она «отвратительная женщина и на столько бѣдна, что не въ состояніи отблагодарить его».

Оружіе.

«Такимъ образомъ,—пишетъ Бухнеръ,—10 января, рано утромъ, я приготовился къ пріему высокихъ посѣтителей, которые довольно долго заставили ждать себя. Причиной этого замедленія, какъ я

Оружіе.

узналъ впослѣдствіи, былъ споръ объ этикетѣ между Муата Ямво и Лукокессой, которая хотѣла занять въ шествіи первое мѣсто послѣ него, вмѣсто его главной жены Моари.

«На площади передъ моимъ домомъ собралась праздная толпа, состоящая изъ носильщиковъ, упаковщиковъ (чернокожихъ уроженцевъ Анголы) и мѣстныхъ жителей; но втеченіе двухъ часовъ всѣ ожиданія оказывались напрасными. Наконецъ, Педро доложилъ мнѣ, что шествіе приближается.

«Дѣйствительно вдали виднѣлся темный рой чернокожихъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ, которые медленно двигались между низкими хижинами Муссумбы, затѣмъ исчезли въ глубинѣ долинѣ и черезъ десять минутъ снова появились на склонѣ холма, на которомъ стоялъ мой домъ. Я тотчасъ узналъ Муата Ямво; онъ улыбнулся мнѣ своей обычной милостивой улыбкой. Фигура его красовалась на высокихъ носилкахъ, окруженныхъ головами чернокожей свиты; за нимъ на такихъ же плоскихъ носилкахъ слѣдовали Моари и Темена и немного далѣе Лукокесса и «Soanamulund»...

Шествіе остановилось по знаку Муата Ямво. Сопровождавшая его свита мужчинъ и женщинъ, вооруженная самымъ разнообразнымъ образомъ, шумно разступилась по обѣимъ сторонамъ дороги въ двѣ широкія колонны. Носилки Муата Ямво и четырехъ высокихъ посѣтительницъ выстроились въ видѣ прямой линіи, передъ входомъ дома, среди толпы праздныхъ зрителей, которыхъ усердно разгонялъ придворный полицеймейстеръ Кабила ударами кнута. Время отъ времени, въ видѣ короткихъ сигналовъ, раздавались звуки двухъ маримбъ (музыкальныхъ инструментовъ) и нѣсколькихъ барабановъ. Вся сцена была довольно эффектна и, по замѣчанію Бухнера, казалась особенно величественной при крайнемъ однообразіи общественной жизни въ Муссумбѣ. Муата Ямво выдѣлялся среди толпы своей живописной одеждой, равно и Моари, лицо которой имѣло злое выраженіе, вслѣдствіе сильно выступающей челюсти; но въ ея обращеніи видѣнъ былъ умъ и чувство собственнаго достоинства. Три остальныя женщины были одѣты менѣе пестро. Темена имѣла правильныя черты лица, напоминающія еврейскій типъ, между тѣмъ какъ королева Лукокесса и «Soanamulund» производили непріятное впечатлѣніе своими безобразными и тупоумными физіономіями и грязнымъ неряшливымъ видомъ. Лукокесса была въ самомъ дурномъ расположеніи духа и съ заплаканными глазами. Бухнеръ оставался пока безучастнымъ зрителемъ происходившей передъ нимъ суеты, и стоялъ молча съ сигарой во рту у открытыхъ дверей своего дома. Наконецъ, когда всѣ заняли свои мѣста и водворился извѣстный порядокъ, онъ подошелъ къ Муата Ямво и подалъ ему руку, затѣмъ къ Лукокессѣ и, пригласивъ высокихъ посѣтителей войдти въ домъ, удалился въ надеждѣ, что они послѣдуютъ его приглашенію.

Между тѣмъ никто не двигался съ мѣста; тогда Бухнеръ, черезъ своего переводчика Педро, послалъ повторить приглашеніе. Въ толпѣ придворныхъ произошло смятеніе; Муата Ямво, повидимому,

спрашивалъ совѣта у высшихъ сановниковъ; Лукокесса угрюмо вмѣшивалась въ разговоръ и кричала не меньше другихъ. Оказалось, что они вовсе не имѣли намѣренія входить въ домъ и ждали только подарковъ, чтобы удалиться, но, уступая убѣжденіямъ Педро, рѣшились принять приглашеніе подъ условіемъ, что чужестранецъ поднесетъ имъ въ видѣ привѣтствія нѣсколько нитокъ бусъ и красивыхъ браслетовъ. Бухнеръ изъявилъ согласіе и послѣ предварительнаго совѣщанія съ Музумбу, однимъ изъ приближенныхъ Муата Ямво, поднесъ его величеству три браслета изъ желтой мѣди, такой же браслетъ королевѣ Лукокессѣ, а тремъ остальнымъ женщинамъ по ниткѣ бусъ. Чернокожій король немедленно надѣлъ мѣдные обручи на верхнюю часть руки и радовался, какъ ребенокъ, любуясь ихъ блескомъ на солнцѣ, но Лукокесса осталась недовольна подаркомъ и громко бранилась.

Муата Ямво.

Пятеро носилокъ были одновременно опущены на землю, но сидѣвшіе на нихъ знатные особы не двигались съ своихъ мѣстъ и только послѣ долгихъ переговоровъ рѣшились войдти въ домъ чужестранца. Придворные въ это время униженно ползали по землѣ, чтобы приблизиться къ Муата Ямво; одинъ Педро сохранилъ чувство собственнаго достоинства и стоялъ передъ нимъ, держа шляпу обѣими руками.

Муата Ямво поднялся съ носилокъ прежде другихъ и направился къ дому при звукахъ внезапно раздавшейся музыки. Бухнеръ хотѣлъ уступить ему дорогу, но это противорѣчило этикету, и онъ пошелъ впередъ, не обращая больше вниманія на своихъ

гостей. За нимъ слѣдовалъ Муконга, одинъ изъ важнѣйшихъ сановниковъ государства, который почтительно пятился назадъ, съ лицемъ, обращеннымъ къ его величеству.

При входѣ въ пріемную, всѣ заняли свои мѣста. Муата Ямво сѣлъ на большой жестяной ящикъ; Моари помѣстилась рядомъ съ нимъ на другомъ ящикѣ, приготовленномъ для королевы Лукокессы; Темена скромно заняла мѣсто на разостланной циновкѣ, между тѣмъ какъ Лукокесса и «Soanamulund» усѣлись вдвоемъ на ящикѣ, стоявшемъ въ углу комнаты.

Здѣсь Бухнеръ впервые замѣтилъ незнакомую особу женскаго пола, сидѣвшую на земляномъ полу, рядомъ съ жестянымъ трономъ Муата Ямво. Хотя ея наружность не представляла ничего привлекательнаго, но она видимо пользовалась особенной милостью его величества, потому что онъ много разговаривалъ съ ней и безпрестанно смѣялся, а она все время не сводила влюбленныхъ глазъ съ его некрасивой физіономіи и выражала почтительный восторгъ при каждомъ, несомнѣнно остроумномъ, замѣчаніи высочайшей особы. Моари съ недовольной миной разсматривала хозяина дома, который сѣлъ у окна, чтобы удобнѣе наблюдать за своими гостями. Хорошенькая Темена видимо старалась обратить на себя его вниманіе и кокетливо прикрывалась своимъ набедреннымъ «panno».

Педро, по приказанію своего господина, разложилъ приготовленные подарки: великолѣпную одежду для его величества, прекрасно вычищенное ружье съ штыкомъ и тридцатью патронами, револьверъ и различныя украшенія для дамъ. Между тѣмъ роскошная одежда поглотила все вниманіе Муата Ямво; онъ выразилъ желаніе немедленно примѣрить ее; но такъ какъ съ его волосъ буквально струился жиръ, то онъ выпросилъ носовой платокъ и велѣлъ своему лейбъ-камердинеру вытереть ему голову. Этотъ такъ неловко принялся за непривычное для него дѣло, что его величество пришелъ въ нервное раздраженіе и разразился бранью, что̀, разумѣется, не придавало ему особенно величественнаго вида. Красивый шелковый кафтанъ, купленный у Герсона въ Берлинѣ, едва доходилъ ему до колѣнъ, и, слѣдовательно, былъ слишкомъ коротокъ. Но это нисколько не помѣшало полному восторгу его величества. Ни одна молодая дѣвушка, одѣвшая свой первый бальный нарядъ, не вертится такъ передъ зеркаломъ, какъ вертѣлся безъ зеркала прославленный властелинъ Лунды въ своемъ новомъ кафтанѣ. Дамы, наоборотъ, остались недовольны полученными подарками и угрюмо вырывали изъ рукъ Педро блестящія, подносимыя имъ, украшенія. Ихъ неудовольствіе еще больше усилилось, когда Муконга (который передъ этимъ пересчиталъ бусы) объявилъ во всеуслышаніе, что вмѣсто ста бусъ на каждой ниткѣ не болѣе девяноста. На это Муата Ямво замѣтилъ, что неприлично такъ рѣзко критиковать подарки друга; все, что даетъ другъ, хо-

Муссумба.

рошо и нужно принимать съ благодарностью. «Къ несчастью,— замѣчаетъ Бухнеръ,—это былъ единственный проблескъ деликатности со стороны Муата Ямво, которую онъ не считалъ нужнымъ проявлять при нашихъ дальнѣйшихъ сношеніяхъ»...

Затѣмъ, его величество пожелалъ осмотрѣть револьверъ, о которомъ онъ не имѣлъ никакого понятія, и ему даже удалось нѣсколько разъ сряду спустить курокъ одной рукой. Равнымъ образомъ, только одинъ Муата Ямво былъ въ состояніи поднять ружье правой рукой и держать его отвѣсно, какъ пистолетъ, чего не могъ сдѣлать ни одинъ изъ придворныхъ, даже коренастый Муконга, не смотря на всѣ гримасы. Дамы съ своей стороны пробовали спустить курокъ револьвера, но безуспѣшно, а Лукокесса, которая особенно интересовалась этимъ, попросила Бухнера научить ее. Но едва онъ прикоснулся къ рукѣ королевы и слегка нажалъ ея указательный палецъ, какъ она пронзительно вскрикнула, точно онъ ей причинилъ сильнѣйшую боль.

Послѣ этого принесены были другія рѣдкости: шведскія спички, зажигательное стекло, каучуковая лодка и подзорная труба. Бухнеръ велѣлъ надуть передъ домомъ лодку и привинтилъ къ столбу подзорную трубу, но тутъ вниманіе его было отвлечено бѣготней по корридору и рѣзкимъ голосомъ Лукокессы, который слышался со стороны двора. Оказалось, что королева требовала, въ видѣ шутки, чтобы онъ пришелъ къ ней съ зажигательнымъ стекломъ и поджегъ плечо невольницы, которую она держала обѣими руками. Между тѣмъ, Моари сдвинула съ мѣста подзорную трубу и просила чужестранца привести ее въ прежнее положеніе, а Муата Ямво съ своей стороны хотѣлъ видѣть, какъ онъ сядетъ въ лодку и будетъ управлять веслами. Въ это же самое время къ Бухнеру подвели двухъ рослыхъ субъектовъ, которые заявили ему черезъ переводчика, что не могутъ войдти въ его домъ, пока не получатъ ожидаемыхъ подарковъ. То же повторяли въ одинъ голосъ сорокъ носильщиковъ пяти носилокъ, такъ что пришлось раздѣлить между ними нѣсколько кусковъ ткани.

Наконецъ, Муата Ямво протянулъ руку Бухнеру въ видѣ прощанья и сѣлъ на носилки, лежащія на землѣ. Восемь носильщиковъ подняли его на свои плечи и двинулись въ обратный путь послѣ небольшой перебранки, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ встали спиной другъ къ другу, и стоило немало труда, чтобы убѣдить ихъ принять надлежащее положеніе. Вслѣдъ за Муата Ямво постепенно удалилась остальная толпа, и наступила полная тишина, ничѣмъ не нарушенная въ этотъ день.

Поздно вечеромъ, Педро призвали въ резиденцію для переговоровъ съ его величествомъ. Муата Ямво поручилъ ему передать чужестранцу, что Лукокесса сильно бранила его, такъ какъ сравнительно получила мало подарковъ. Но, по мнѣнію его величества,

онъ поступилъ совершенно справедливо, потому что королева издавна дѣлаетъ долги и никому не платитъ. Вообще, чужестранецъ долженъ быть на-сторожѣ съ нею и во всѣхъ дѣлахъ обращаться къ самому Муата Ямво, который ничего не забываетъ, все записываетъ и щедро расплачивается съ своими должниками слоновой костью. Послѣзавтра онъ придетъ одинъ къ своему другу съ немногими довѣренными лицами, чтобы получить отъ него «imbolanza». Ему собственно хотѣлось бы прійдти завтра, но его задерживаетъ посѣвъ сорго.

Это извѣстіе заранѣе привело Бухнера въ дурное расположеніе духа, но, тѣмъ не менѣе, онъ долженъ былъ покориться своей участи. «13-го января, въ шесть часовъ утра, — пишетъ онъ, — я еще лежалъ въ постели, когда поваръ сообщилъ мнѣ, что прибылъ Муата Ямво и ждетъ у крыльца. Хотя я велѣлъ немедленно открыть дверь, но его величество оставался на улицѣ до тѣхъ поръ, пока я самъ не попросилъ его войдти въ домъ. Сначала мы усѣлись въ пріемной, но, такъ какъ въ ней было темно и сыро, то, не смотря на утренній туманъ, я предложилъ устроить засѣданіе на дворѣ, на чтò немедленно послѣдовало согласіе.

«Свита Муата Ямво состояла изъ 50 лицъ, включая его двухъ женъ: Моаря и Темены, которыя должны были присутствовать при передачѣ «imbolanza». Костюмъ высочайшихъ особъ представлялъ полнѣйшій утренній «negligé», кромѣ прически волосъ, которая сохраняла свою обычную форму, изъ чего можно было заключить, что ее тщательно берегутъ во время сна. Тѣло короля было прикрыто грязнымъ сѣрымъ одѣяломъ, сшитымъ изъ лоскутковъ.

«Чтобы отвлечь вниманіе дорогихъ гостей, пока мои люди будутъ выносить вещи изъ кладовой, я поднесъ его величеству двѣ каски и шелковую полосатую куртку бѣлую съ чернымъ, но не добился ожидаемаго эффекта. Одинъ Муата Ямво старался принудить свое заспанное лицо къ милостивой улыбкѣ и, отчасти изъ вѣжливости, принялся считать позолоченныя пуговицы куртки.

«Между тѣмъ изъ кладовой были вынесены вещи, приготовленныя для настоящаго случая, а именно: 12 боченковъ пороха, 3 одежды, 12 кусковъ тончайшей полосатой холстинки бѣлой съ голубымъ, 2 куска бѣлаго каленкора, 3 одѣяла и нѣсколько связокъ различныхъ бусъ. Дѣйствительно, все это далеко не имѣло внушительнаго вида. Муата Ямво угрюмо смотрѣлъ на разложенныя вещи; дрожь въ лѣвой ногѣ, которая касалась земли, ясно показывала его нервное раздраженіе. Придворные упорно молчали; всѣ были, видимо, удивлены, что я рѣшился предложить такую ничтожную дань повелителю Лунды. Наконецъ, Муата Ямво сказалъ какую-то фразу Музумбу, а этотъ передалъ слова его величества Педро, который былъ видимо смущенъ и даже не осмѣлился перевести ихъ. Но, чтобы выйдти изъ неловкаго положенія, онъ началъ перебрани-

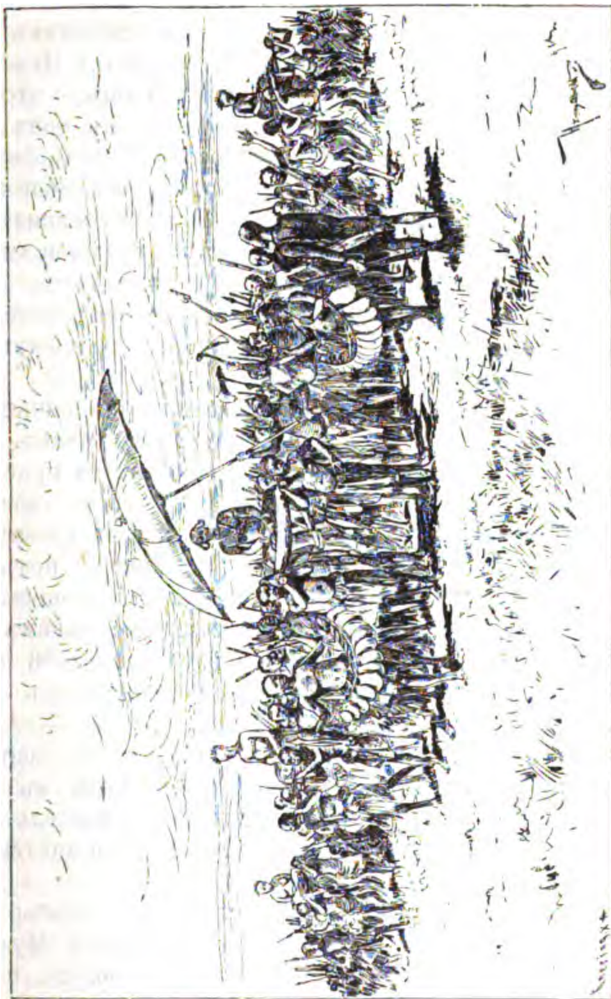
ваться съ Музумбу и Маконгой, упрекая ихъ въ томъ, что они не извѣстили во время о посѣщеніи его величества.

«Наконецъ, мнѣ объявили, что Муата Ямво находитъ «imbolanza» недостаточной, что вообще слишкомъ мало бусъ, а двухъ сортовъ совершенно не достаетъ. Я отвѣтилъ, что представлю оба сорта требуемыхъ бусъ, но пока еще не успѣлъ распаковать всѣхъ вещей, такъ какъ не ожидалъ, что ворвутся въ мой домъ въ такой ранній часъ утра. Затѣмъ наступила довольно продолжительная пауза. Я сдѣлалъ попытку перемѣнить тему разговора, и велѣлъ передать его величеству, что не имѣю никакого желанія, чтобы меня считали купцомъ, и что на моей родинѣ безъ того столько рабовъ, что они составляютъ тягость, тѣмъ болѣе, что у насъ все обрабатываютъ огнемъ и желѣзомъ; слоновая кость также не имѣетъ особенной цѣны. Взаключеніе я добавилъ, что пріѣхалъ собственно въ Лунду, чтобы посмотрѣть на великаго короля Муата Ямво и его страну и поискать золота, цѣлительныхъ травъ и камней. Если мнѣ удастся найдти ихъ, то за мной послѣдуетъ множество бѣлыхъ; они построятъ желѣзную дорогу, на которой его величество, въ три дня доѣдетъ до Лоанды, потому что по такой дорогѣ ѣдутъ такъ быстро, что деревья какъ будто летятъ мимо. Бѣлые желали бы прійдти въ Муссумбу не только со стороны Лоанды, но и съ другой, такъ какъ ихъ корабли съ нѣкотораго времени ходятъ къ восточному берегу, гдѣ находится городъ, несравненно больше Лоанды, въ которомъ живутъ мои друзья, они также хотѣли бы посѣтить Муата Ямво, но не знаютъ дороги и послали меня впередъ, чтобы я могъ встрѣтить ихъ...

«Однако, всѣ мои прекрасныя рѣчи (которыя врядъ ли были переведены моимъ Педро, потому что онъ самъ не понималъ ихъ) не имѣли ни малѣйшаго успѣха... Муата Ямво слушалъ меня съ любезной, но недовѣрчивой улыбкой, а дѣло не подвигалось впередъ; взглядъ его былъ упорно устремленъ на скудную «imbolanza»; онъ повторялъ одну и ту же фразу, «что ему слѣдуетъ получить гораздо больше».

«Но я рѣшился выказать такое же упорство и объявилъ наотрѣзъ, что на этотъ разъ не намѣренъ сдѣлать ни малѣйшей прибавки къ «imbolanza». Наступила минута тягостнаго молчанія. Мрачныя тучи набѣжали на чело его величества, хотя онъ дѣлалъ видимыя усилія, чтобы придать чертамъ своего лица привѣтливое выраженіе. Наконецъ, онъ овладѣлъ своей досадой и, внезапно поднявшись съ мѣста, милостиво протянулъ мнѣ руку и удалился. «Imbolanza» осталась нетронутой среди двора. Педро былъ на столько огорченъ, что даже собирался читать мнѣ наставленія, но я прогналъ его за ворота, равно и другихъ чернокожихъ, которые прокрались вслѣдъ за свитой короля, чтобы быть свидѣтелями моего униженія. Но теперь ихъ веселыя лица пріуныли и казались озабоченными.

«Четверть часа спустя, — продолжаетъ Бухнеръ, — мнѣ сообщили, что явилась Лукокесса и ждетъ у дверей, чтобы, въ свою очередь, получить «imbolanza». Но я былъ радъ сорвать на ней мое желчное расположеніе духа и, не обращая вниманія на ея высокій санъ, отказался принять ее. Не смотря на это оскорбленіе, благородная женщина сочла приличнымъ обратиться ко мнѣ съ покорной просьбой дать ей, по крайней мѣрѣ, нѣсколько пачекъ табаку. Но, когда я выслалъ ей требуемую подачку, она сердито повернула спину и отправилась въ обратный путь. Я долго смотрѣлъ ей вслѣдъ въ подзорную трубу. Она шла пѣшкомъ. Высокій ростъ и размашистая походка придавали ей сходство съ мужчиной, такъ что только по одеждѣ ее можно было отличить отъ ея провожатыхъ»...

Посѣщеніе Муата Ямво.

Послѣ этого впродолженіе четырехъ дней не было рѣчи объ «imbolanza». Муата Ямво, попрежнему, посылалъ путешественнику куръ и пальмовое вино и за это всякій разъ выпрашивалъ у него немного ткани и бусъ, такъ что, по внѣшности, отношенія нисколько не измѣнились.

Только, 17-го января, снова возобновились переговоры, но при болѣе торжественной обстановкѣ. Къ Бухнеру явилось оффиціальное посольство, состоящее изъ пятерыхъ важнѣйшихъ сановниковъ государства: Музумбу, Канапумба (дворецкаго), Нгуффа (главнѣйшаго вождя), Муконга Капенда и Муана Гашъ,—чтобы объяснить ему странность его поведенія и убѣдить въ томъ, что онъ слишкомъ легко относится къ высокой особѣ Муата Ямво. Когда Музумбу и Канапумба окончили свои рѣчи, вызвавшія громкія одобренія со стороны ихъ товарищей, то Бухнеръ заявилъ имъ черезъ переводчика, что согласенъ прибавить къ прежней «imbolanza» немного ткани, пороха и недостающихъ сортовъ бусъ, но пусть Муата Ямво довольствуется этимъ, потому что безъ того получилъ отъ него слишкомъ много, и онъ считаетъ его величество своимъ должникомъ, а самъ ничего не долженъ ему.

Этотъ отвѣтъ, повидимому, удовлетворилъ посланныхъ. Канапумба объявилъ, что чужестранецъ совершенно правъ, и Муата Ямво не думаетъ отказываться отъ своего долга, и прислалъ ихъ не съ пустыми руками, а велѣлъ передать ему отъ своего имени невольника и немного слоновой кости. Съ этими словами Канапумба указалъ на чернокожаго юношу, стоявшаго подъ охраной провожатыхъ, около котораго лежалъ небольшой слоновый клыкъ. Такъ кончилась оффиціальная часть посольства; затѣмъ знатные господа начали частнымъ образомъ выпрашивать себѣ подарковъ у Бухнера, вслѣдствіе чего получили отъ него кусокъ полосатой холстинки и нѣсколько горстей бусъ.

На другой день съ разсвѣтомъ началась гроза, сопровождаемая дождемъ; поэтому путешественника оставили въ покоѣ и только поздно вечеромъ, когда онъ лежалъ въ постели, къ нему пришелъ Муконга съ извѣстіемъ, что Муата Ямво явится къ нему рано утромъ.

19-го января, Бухнеръ всталъ съ разсвѣтомъ, чтобы приготовиться къ пріему его величества. Въ шесть часовъ Муата Ямво уже стоялъ передъ дверью его дома и скромно, не покоролевски, терпѣливо ждалъ приглашенія войдти. Свита состояла всего изъ 50 человѣкъ; засѣданіе и на этотъ разъ происходило на дворѣ. Моари, по разсѣянности, сѣла на большой ящикъ, приготовленный для Муата Ямво; но онъ грубо столкнулъ ее и занялъ свое мѣсто. Его величество, казалось, не выспался, такъ какъ онъ безпрестанно зѣвалъ и потягивался, поднимая вверхъ то правую, то лѣвую руку.

Бухнеръ велѣлъ выложить то же количество товаровъ, что и въ предъидущій разъ, но добавилъ 8 кусковъ холстинки, 14 саженей красной фланели, 20 голубой, 3 боченка пороху, 7 связокъ бусъ кассонга, 4 фунта мѣдной проволоки, 3 глиняныхъ кувшина, а также нѣсколько фунтовъ недостававшихъ прежде сортовъ бусъ.

Муата Ямво и его окружающіе нѣкоторое время смотрѣли молча на подарки. Затѣмъ началось выпрашиваніе: тканей оказалось достаточно, но всѣ находили, что слишкомъ мало пороху. Муконга, чтобы выказать свое усердіе, нахально рылся въ мѣшкахъ съ бусами, пересчитывалъ куски тканей и откупорилъ два боченка съ порохомъ, но прочіе оставилъ нетронутыми, по желанію Муата Ямво. Нѣкоторыя бусы совсѣмъ не понравились, и Бухнеру сдѣлано было замѣчаніе, что «не стоило подносить ихъ королю и что они могутъ быть убраны, если у него нѣтъ лучшихъ». Педро, по приказанію своего господина, унесъ бусы въ кладовую[1]).

Тѣмъ не менѣе, общее настроеніе было довольно миролюбивое. Муата Ямво видимо старался быть умѣреннымъ въ своихъ требованіяхъ и рѣдко вмѣшивался въ разговоръ. Бухнеръ, съ своей стороны, хотѣлъ выказать нѣкоторую уступчивость и, не колеблясь, подарилъ три зонтика, которые выпросили у него, въ видѣ прибавки къ «imbolanza». Но, когда ему замѣтили, что зонтики очень грязны и пострадали отъ дороги, то онъ только пожалъ плечами и добродушно замѣтилъ, что не имѣетъ лучшихъ.

Послѣ этого торгъ продолжался еще около часу. Придворные придумывали то одно, то другое, что, по ихъ мнѣнію, долженъ былъ имѣть Муата Ямво. Если Бухнеръ отвѣчалъ отказомъ, то они полушутя, полусерьёзно, хоромъ бранили его за скупость и острили по поводу часто повторяемой имъ фразы: «Eme kakuétip» (у меня нѣтъ!), «Boat» (отрицаніе на языкѣ лунда) и т. п. Но всѣхъ неприличнѣе и назойливѣе велъ себя любимецъ короля, Моана Гашъ, и за это нѣсколько разъ удостоился милостивой улыбки его величества.

Но, такъ какъ послѣдовало согласіе относительно главныхъ пунктовъ, то новыя и сравнительно невинныя просьбы не встрѣтили болѣе такого рѣзкаго отпора со стороны Бухнера. Онъ прибавилъ къ поднесенной имъ дани еще двѣ тарелки соли, шесть маленькихъ зеркалъ, пачку шведскихъ спичекъ, пакетъ обойныхъ гвоздей, немного тонкой мѣдной проволоки для дамъ, а также нитокъ и иголокъ. При этомъ Муата Ямво шутя выразилъ желаніе побывать когда нибудь въ кладовой чужестранца, чтобы пересмотрѣть его товары, на что Бухнеръ отвѣтилъ въ томъ же тонѣ своимъ обычнымъ «Boat!».

---

[1]) Черезъ день Муата Ямво снова вытребовалъ ихъ черезъ одного изъ придворныхъ.

Затѣмъ Бухнеръ, пользуясь благодушнымъ настроеніемъ чернокожаго властелина, намѣренно заговорилъ съ нимъ о планахъ своего будущаго путешествія. Онъ заявилъ, между прочимъ, что ему достовѣрно извѣстно, что на сѣверо-востокѣ у Коссонго есть различныя вещи, какія онъ ищетъ, а именно: золото, цѣлебныя травы отъ всѣхъ болѣзней и драгоцѣнные камни, изъ которыхъ дѣлаются бусы, красивѣе всѣхъ видѣнныхъ имъ до сихъ поръ. Но Муата Ямво въ эту минуту могъ думать только о полученныхъ товарахъ и тѣхъ, которые еще надѣялся получить отъ чужестранца, и сообразно съ этимъ далъ слѣдующій отвѣтъ: «Не забывай, что я величайшій король и что въ мірѣ только два государя, которые могутъ сравниться со мной: это «Muёne Put» (португальскій король, мнимый повелитель всѣхъ европейцевъ) и Нголла (миѳическое лицо, существующее только въ преданіи). Что тебѣ дѣлать въ землѣ Коссонго? Тамъ внизу ничего нѣтъ, кромѣ голода и злыхъ чаръ, ты погибнешь тамъ, и тогда бѣлые скажутъ, что я убилъ тебя. Это безуміе! Даже я, великій Муата Ямво, не рѣшаюсь отправиться туда. Оставайся здѣсь, дай мнѣ вдоволь тканей и бусъ, пороха и мѣдной проволоки, и ты получишь столько невольниковъ и слоновой кости, сколько захочешь!» Вся свита повторила хоромъ въ томъ же тонѣ: «Это безуміе, оставайся здѣсь; нѣтъ короля могущественнѣе Муата Ямво!». Даже слуги Бухнера и случайно прокравшіеся зрители, которыхъ было около двадцати человѣкъ, многозначительно покачивали головами и шептали другъ другу: «Да, это безуміе!»

На это Бухнеръ отвѣтилъ съ раздраженіемъ, что напрасно думаютъ задержать его, такъ какъ онъ никого не боится, и не какой нибудь несчастный купецъ, и вовсе не нуждается въ невольникахъ и слоновой кости. Пусть великій Муата Ямво не считаетъ себя сильнѣе его, потому что ему никогда не удастся перехитрить бѣлаго! Но чернокожій властелинъ не обратилъ никакого вниманія на эту рѣчь и повторилъ тѣмъ же невозмутимо спокойнымъ голосомъ: «Дай мнѣ вдоволь тканей и бусъ, пороха и мѣдной проволоки, и ты получишь столько невольниковъ и слоновой кости, сколько захочешь!»

«Къ счастью,—пишетъ Бухнеръ,—безполезные переговоры подконецъ наскучили королевской свитѣ и самому королю. Вся «imbolanza» безъ дальнѣйшихъ придирокъ была пересчитана еще разъ, затѣмъ ее уложили въ принесенныя съ этой цѣлью корзины и унесли. Муата Ямво поднялся съ мѣста, подалъ мнѣ руку съ своей неизмѣнной улыбкой и молча удалился. Пройдя нѣсколько шаговъ, онъ сѣлъ верхомъ на плечи одного изъ слугъ и, сопровождаемый свитой, отправился въ свою резиденцію.

«Полчаса спустя, ко мнѣ явились Канапумба и Муконга съ заявленіемъ, что я забылъ подать счетъ королю, который желаетъ

знать, сколько онъ приблизительно долженъ мнѣ, потому что намѣренъ честно расплатиться со мной за всѣ полученныя вещи. Я не хотѣлъ показать моей безпомощности въ подобномъ дѣлѣ и, зная, что Педро только налгалъ бы въ угоду моему противнику, отвѣтилъ наугадъ, что, если считать все по самымъ дешевымъ цѣнамъ, то Муата Ямво получилъ отъ меня со дня пріѣзда различныхъ товаровъ на сумму, равную стоимости ста невольниковъ. Изъ нихъ за десятерыхъ выдано мнѣ слоновой костью, такъ что выплачена только незначительная часть долга.

«Въ слѣдующее утро,—продолжаетъ Бухнеръ,—меня посѣтила Лукокесса, въ сопровожденіи шести женщинъ и своего племянника Муёнэ Дембо. Она была въ своемъ обычномъ неряшливомъ костюмѣ и вошла довольно робко, такъ какъ, въ виду неудачи своего прежняго визита, не разсчитывала, что ея требованія относительно «imbolanza» будутъ удовлетворены надлежащимъ образомъ. Старая дѣва была некрасивѣе, чѣмъ когда либо; къ тому же холодный утренній воздухъ вызвалъ у ней почти безпрерывный мокротный кашель. Я велѣлъ своимъ людямъ принести назначенныя для нея вещи: 10 кусковъ холстинки, 5 саженей красной фланели, 10 голубой, 10 боченковъ пороху, 2 одѣяла, 6 связокъ бусъ кассонга, 4 фунта мѣдной проволоки, 2 глиняныхъ кувшина съ солью, 10 фунтовъ еще одного сорта бусъ и 10 фунтовъ другаго, 2 маленькихъ зонтика, 6 зеркалъ, 2 тарелки, 2 куска бѣлаго каленкора и 1 пакетъ обойныхъ гвоздей.

«Эта дань, сравнительно съ тѣмъ, что получилъ Муата Ямво, была очень незначительна. Лукокесса осыпала меня горькими упреками по поводу такой несправедливости, но, такъ какъ я не удостоилъ ея слова ни малѣйшимъ вниманіемъ, то она обратилась съ жалобами къ моей прислугѣ.

«Четверть часа спустя, она неожиданно поднялась съ мѣста и вышла за ворота, въ сопровожденіи шести женщинъ, оставивъ при вещахъ Муёнэ Дембо. Я былъ убѣжденъ, что она отправилась домой, чтобы выразить свое неудовольствіе, какъ это сдѣлалъ въ первый разъ Муата Ямво, и велѣлъ унести разложенныя вещи обратно въ кладовую. Но, къ моему удивленію, королева скоро вернулась, такъ какъ выходила на улицу только для того, чтобы привести въ порядокъ свой туалетъ. Вслѣдствіе такого недоразумѣнія, она увидѣла себя вынужденной смиренно просить меня о выдачѣ «imbolanza». Хотя она передъ этимъ отнеслась къ ней съ видимымъ пренебреженіемъ, но теперь объявила, что всѣмъ останется довольна, если ея просьба будетъ исполнена.

«Но едва успѣлъ я удовлетворить главныя требованія высшихъ властей, какъ второстепенные вожди одинъ за другимъ стали заявлять различныя притязанія. Въ то же время униженное выма-

ливаніе подарковъ со стороны Муата Ямво и Лукокессы продолжалось попрежнему и приняло почти хроническій характеръ».

Этими словами Бухнеръ кончаетъ свою статью «Дань Муата Ямво», въ которой онъ до мельчайшихъ подробностей описываетъ свои сношенія съ властелиномъ Лунды и, въ противоположность своимъ предшественникамъ, совершенно умалчиваетъ объ этнографическихъ условіяхъ страны. Тѣмъ не менѣе Бухнеръ въ своемъ описаніи даетъ наиболѣе наглядное понятіе о порядкахъ, господствующихъ до сихъ поръ въ землѣ Муата Ямво, которые должны неизбѣжно подвергнуться существеннымъ измѣненіямъ и, даже быть можетъ, въ весьма непродолжительномъ времени. Важныя гарантіи, созданныя берлинской конференціей для свободы торговыхъ оборотовъ на всемъ протяженіи обширнаго бассейна рѣки Конго, равно и учрежденіе новаго государства Конго изъ владѣній бывшаго «международнаго африканскаго общества» не замедлятъ оказать извѣстное цивилизующее вліяніе на сосѣднія страны, какъ бы ни было кратковременно существованіе этого государства, въ виду убійственнаго для бѣлыхъ людей климата и вѣроятнаго охлажденія европейскихъ державъ къ колонизаціи.

Н. А. В.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ, издаваемые съ высочайшаго соизволенія П. Н. Батюшковымъ. Выпускъ восьмой. Холмская Русь. (Люблинская и Сѣдлецкая губерніи). Спб. 1885.

Е ПРОШЛО еще года со времени выхода въ свѣтъ VII выпуска «Памятниковъ русской старины въ западныхъ губерніяхъ», о которомъ мы дали отзывъ въ апрѣльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1885 годъ, какъ появился VIII выпускъ «Памятниковъ». Этотъ слишкомъ незначительный для такого монументальнаго изданія промежутокъ времени показываетъ, съ какою энергіей достоуважаемый издатель выполняетъ принятую на себя задачу.

Новый выпускъ «Памятниковъ» отличается еще бо́льшимъ богатствомъ историческихъ матеріаловъ и не меньшею роскошью рисунковъ и гравюръ, сравнительно съ предшествовавшимъ выпускомъ.

Предъ читателемъ открывается исторія доселѣ мало извѣстнаго и лишь въ послѣднее время обратившаго на себя вниманіе Холмскаго края, надъ которымъ втеченіе пяти столѣтій тяготѣлъ польскій гнетъ. Исторія эта проходитъ въ цѣломъ рядѣ статей общаго и частнаго содержанія. Обширная статья члена виленской археографической коммиссіи С. В. Шолковича представляетъ обозрѣніе границъ между короной польской и великимъ литовско-русскимъ княжествомъ, произведенное авторомъ по граничнымъ журналамъ 1546 года; приложенная къ этому кропотливому труду карта границъ: Володиміро-Галицкаго княжества, лѣтописной, до и послѣ Люблинской политической уніи, служитъ нагляднымъ пособіемъ для изученія историческихъ предѣловъ Литвы и Польши въ разное время. Въ очеркѣ состоянія Холмской Руси въ религіозномъ отношеніи со времени введенія христіанства до церковной уніи на Брестскомъ соборѣ неизвѣстный авторъ описываетъ положеніе православной

церкви въ этомъ краѣ и мѣры, предпринимавшіяся католическимъ духовенствомъ и польскою шляхтою къ искорененію «безбожнаго русскаго обряда» (какимъ онъ казался латинянамъ), въ то время, когда іезуиты еще не додумались до созданія пресловутой уніи. Далѣе слѣдуютъ монографіи профессоровъ: И. И. Малышевскаго—«Люблинскій съѣздъ 1569 года», и М. О. Кояловича—«Присоединеніе Подлясья къ Польшѣ на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года», служащія дополненіемъ къ существующимъ уже изслѣдованіямъ политическаго соединенія Польши съ Литвой; описаніе Кормчей люблинскаго священника Василія, начала XVII вѣка (А. Павлова); памятники русской старины въ городѣ Люблинѣ—А. В. Лонгинова, который приложилъ къ своему труду карту Люблинской земли въ половинѣ XIII вѣка, составленную имъ по новымъ источникамъ.

Исторія Холмскаго края—это попреимуществу исторія уніи. Говоря объ исторической судьбѣ Холмщины, нельзя обойтись безъ того, чтобы бо́льшей части труда не посвятить описанію событій, предшествовавшихъ уніи и сопровождавшихъ ея введеніе въ западно-русской церкви вообще. Понятно поэтому, что въ сборникѣ, посвященномъ исторической жизни Холмщины, нельзя было строго ограничиваться, при выборѣ матеріаловъ, рамками географическихъ границъ избранной мѣстности, и такимъ образомъ въ текстѣ VIII выпуска мы встрѣчаемъ такія статьи, какъ, напримѣръ: о львовскомъ епископѣ Гедеонѣ Балабанѣ, который въ началѣ склонялся къ уніи, но потомъ сдѣлался ревнителемъ православія (профессора Н. И. Петрова); объ извѣстныхъ творцахъ уніи—луцкомъ епископѣ Кириллѣ Терлецкомъ и кіевскомъ митрополитѣ Ипатіи Поцѣѣ (Ор. И. Левицкаго); о брестскомъ игуменѣ Аѳанасіи Филипповичѣ, замученномъ поляками за преданность православной вѣрѣ (А. Станкевича). Дѣятельность этихъ лицъ—однихъ какъ гонителей православія, другихъ какъ ревнителей и поборниковъ русской вѣры—въ общемъ историческомъ ходѣ церковныхъ событій Западной Россіи, не оставалась, такъ или иначе, безъ вліянія и на Забужную Русь, находившуюся въ данную эпоху подъ владычествомъ одного и того же польскаго правительства, которое одинаково стремилось къ искорененію православія во всѣхъ подвластныхъ ему русскихъ земляхъ. Наконецъ, помѣщеніе въ изданіи, относящемся къ Холмскому краю, статьи, касающейся лже-мученика Іосафата Кунцевича (профессора Н. И. Петрова), объясняется тѣмъ, что мнимыя мощи этого гонителя православія находились въ городѣ Бѣлѣ, Сѣдлецкой губерніи.

Приведенный рядъ статей историческаго содержанія заканчивается монографіей одного изъ непосредственныхъ, хотя кратковременныхъ дѣятелей Холмскаго края, послѣдняго уніатскаго епископа, Михаила Куземскаго, составленной по неизданнымъ еще источникамъ и служащей матеріаломъ къ характеристикѣ дѣятельности этой далеко не дюжинной, но не разгаданной еще личности, бывшей достойнымъ поборникомъ русскихъ народныхъ правъ въ Галиціи, а потомъ сдѣлавшейся непонятнымъ защитникомъ польско-латинскихъ обычаевъ въ русской уніатской церкви Холмщины.

Въ обозрѣваемомъ нами выпускѣ «Памятниковъ» нашлось мѣсто и для этнографіи. Одинъ изъ мѣстныхъ дѣятелей, протоіерей Н. И. Страшкевичъ, представилъ весьма интересное изслѣдованіе этого рода. Здѣсь, въ краснорѣчивомъ и живомъ изложеніи, авторъ описываетъ значеніе борьбы русской національности съ польскою въ исторіи языка холмско-подлясскаго народа,

предѣлы русской поэзіи въ Польшѣ, обиліе пѣсенъ въ Забужной Руси, внѣшнія и внутреннія художественныя достоинства ихъ, особенности народнаго говора въ этомъ краѣ и т. д. При крайней незначительности изслѣдованій народной словесности Холмскаго края, трудъ отца Страшкевича дѣлается драгоцѣннымъ.

Обширный сборникъ текста, доходящій до 34-хъ печатныхъ листовъ (не считая двухъ указателей личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ VII и VIII выпускахъ), украшенъ нѣсколькими рисунками и многими портретами. Томъ текста открывается искусно составленнымъ листомъ, на которомъ красиво сгруппированы гербы Лодомеріи и Галиціи, Володиміро-Галицкаго княжества, Литовской Руси и т. д., включительно до гербовъ нынѣшнихъ Сѣдлецкой и Люблинской губерній; значеніе этихъ гербовъ объяснено въ особой замѣткѣ Я. Г. Изъ числа портретовъ обращаютъ на себя особое вниманіе портреты: Гедеона Балабана, царей Михаила Ѳедоровича и Алексѣя Михайловича, лже-мученика Іосафата Кунцевича. Все это снимки съ рѣдкихъ портретовъ.

Большой альбомъ, приложенный къ VIII выпуску, составляетъ прекрасное и вмѣстѣ съ тѣмъ полезное въ историческомъ и палеографическомъ отношеніяхъ украшеніе. Первый листъ альбома, посвященный памяти трехъ возсоединеній уніатовъ съ православною церковью: въ 1795, 1839 и 1875 году, заключаетъ въ себѣ портреты: царственныхъ особъ, при которыхъ совершились эти церковныя событія, митрополита Іосифа Сѣмашко и уніатскихъ депутатовъ, представлявшихся государю императору 25-го марта 1875 года. Далѣе слѣдуютъ рисунки точно воспроизведенныхъ древнихъ евангелій и другихъ рукописей, старинныхъ крестовъ, чашъ, священническихъ ризъ и т. п. Художественно исполненный видъ города Люблина даетъ понятіе о красивой мѣстности одного изъ центровъ Холмскаго края; рисунокъ этотъ дополняется особымъ листомъ, на которомъ изображены: планъ Люблина, замокъ Данiила Галицкаго, домъ Собѣсскихъ, гдѣ останавливался Петръ Великій, и другіе памятники древности города Люблина; древняя же святыня его, православная икона Божіей Матери, точно воспроизведена на особомъ листѣ. Наконецъ, въ альбомѣ находимъ прекрасные рисунки древнѣйшихъ церквей: Витулинской, построенной за 23 года до введенія уніи, Спасской близь города Холма, сооруженной, при самомъ введеніи христіанства, на мѣстѣ языческаго капища, и набросокъ православной исторической церкви св. Николая въ городѣ Брестѣ-Литовскомъ, въ которой была провозглашена унія 1596 года; этотъ интересный памятникъ старины не сохранился до нашего времени, самое же мѣсто, гдѣ находилась эта церковь, отошло подъ одинъ изъ бастіоновъ Брестской крѣпости.

Мы подробно перечислили статьи и рисунки, составляющіе VIII выпускъ «Памятниковъ», для того, чтобы показать, съ какимъ умѣньемъ и знаніемъ дѣла составлено находящееся предъ нами изданіе. Благодаря трудамъ и энергіи П. Н. Батюшкова, русская наука и литература отнынѣ пріобрѣтаютъ монументальное, роскошное изданіе, въ которомъ находится истинное освѣщеніе историческихъ судебъ Холмщины и Подлясья. Предъ нами изъ глубины вѣковъ возрождается несомнѣнно русскій край, съ многочисленными краснорѣчивыми памятниками древняго православія, съ сохранившимися русскими народными обычаями, съ остатками древнихъ былинъ и общеславян-

скихъ преданій, среди которыхъ могуче выступаетъ звучная русская пѣсня, доходящая почти до самой Вислы.

Издатель располагаетъ, судя по замѣткамъ его къ нѣкоторымъ статьямъ, богатымъ матеріаломъ для послѣдующаго выпуска «Памятниковъ»; не можемъ не пожелать ему полнѣйшаго успѣха къ продолженію столь полезнаго изданія.

М. Городецкій.

Сочиненія А. С. Грибоѣдова. Съ портретомъ автора. Изданіе Шамова. Москва. 1886.

Приходится начинать рецензію съ избитой фразы о нашей неблагодарности къ нашимъ великимъ писателямъ,—что же дѣлать, если она такъ часто даетъ себя чувствовать! Вотъ поэтъ, не только имѣющій огромное историческое значеніе, но и до сихъ поръ непосредственно дѣйствующій на развитіе, складъ ума подростающихъ и давно подросшихъ поколѣній, имя котораго извѣстно изъ края въ край земли Русской всѣмъ грамотнымъ людямъ, —поэтъ, комедія котораго имѣла у насъ несравненно большее значеніе, нежели «Свадьба Фигаро» во Франціи, отдѣльные стихи, изрѣченія котораго у насъ въ интеллигентномъ обществѣ почти также популярны, какъ изрѣченія изъ Гомера въ Аѳинахъ. Что же сдѣлано у насъ для его изученія? Въ то время, какъ въ Англіи существуютъ цѣлыя ученыя общества для возстановленія и толкованія текста Чосера, въ Германіи издаются спеціальные журналы для изученія Гёте и даже чуждаго нѣмцамъ Мольера, въ то время, какъ изъ сочиненій по Рабле можно составить цѣлую библіотеку, которая едва умѣстится въ большую залу, вся библіографія Грибоѣдова, — а ему, по словамъ Галахова, особенно посчастливилось за послѣднее время, — со включеніемъ мелкихъ статей и замѣтокъ, съ большимъ удобствомъ упишется на одномъ листѣ неособенно убористымъ шрифтомъ. Была сдѣлана только единственная попытка дать критическое изданіе его знаменитой комедіи (г. Гарусовымъ), да и ту далеко нельзя назвать удовлетворительной; опытовъ біографіи существуетъ нѣсколько, но удачнымъ можно счесть развѣ статью Алексѣя Н. Веселовскаго, предпосланную пятому тому «Русской библіотеки». Мало того, до сихъ поръ нѣтъ изданія сочиненій Грибоѣдова!

Увидавъ въ окнѣ магазина книгу, изданную «иждивеніемъ» г. Шамова,—книгу довольно почтенныхъ размѣровъ, мы вообразили, что этотъ невѣроятный пробѣлъ наконецъ пополненъ, и поспѣшили пріобрѣсти ее, не смотря на то, что странная скромность издателя, не заикнувшагося о редакціи, внушала намъ нѣкоторое сомнѣніе. Увы! мы жестоко ошиблись: плодъ любви г. Шамова къ русской литературѣ вовсе не представляетъ полнаго собранія сочиненій Грибоѣдова, такъ какъ въ немъ нѣтъ и третьей доли писемъ Грибоѣдова и нѣтъ «Притворной невѣрности», не говоря уже про вещи, менѣе извѣстныя. Вообще трудно подыскать какой нибудь raison d'être для этой книги, если только не прійдти къ петербургско-тенденціозному выводу, что злопамятная Москва хотѣла еще разъ огорчить Чацкаго, отдавши его родителя въ руки г. Шамова и его анонимнаго помощника. Судите сами.

За портретомъ (довольно несхожимъ и фантастичнымъ) слѣдуетъ оглавленіе, а за оглавленіемъ немедленно статья «О кавалерійскихъ резервахъ», а къ ней подъ звѣздочкой примѣчаніе:

«Мы получили эту статью изъ Брестъ-Литовска при слѣдующемъ письмѣ: «Прошу васъ покорно, милостивый государь, помѣстить слѣдующую статью въ вашемъ журналѣ» и т. д., и т. д. Подписано: Грибоѣдовъ.

Почтенный, хотя и неизвѣстный, редакторъ ни однимъ словомъ не проговаривается, что вовсе не онъ получилъ эту статью изъ Брестъ-Литовска; не объясняетъ, о какомъ журналѣ идетъ рѣчь въ письмѣ, наконецъ ни въ началѣ, ни въ концѣ статьи не ставитъ года написанія статьи.

Если книга, изданная г. Шамовымъ, попадется въ руки гимназисту, купцу не изъ самыхъ просвѣщенныхъ, барынѣ, забывшей школьныя тетрадки, не въ правѣ ли они предположить, что Грибоѣдовъ живъ до сихъ поръ, и г. Шамовъ только-что получилъ его статью «О кавалерійскихъ резервахъ».

Или, напр., на стр. 45 оказывается, что Грибоѣдовъ, переводя прологъ къ Фаусту, вложилъ Весельчаку (Lustige Person) слова:

> Ахъ! это ли имѣть художнику въ виду!
> Обречь себя въ вѣкахъ укорамъ и стыду! и т. д.

Внимательно перелистовавши всю книгу, мы усмотрѣли только въ одномъ мѣстѣ редакторскій трудъ, а именно на стр. 89 неизвѣстный редакторъ дѣлаетъ чрезвычайно остроумный домыслъ, что вмѣсто ее взоръ слѣдуетъ читать ея взоръ. Редакторъ не только скроменъ, но и до-нельзя остороженъ: не довѣряя себѣ, онъ ставитъ послѣ этой поправки вопросительный знакъ! Берите, гг. петербургскіе редакторы, примѣръ съ скромнаго москвича.

Только неопытность и крайнее легковѣріе (и мы повинны въ немъ!) можетъ заставить заплатить 2 рубля за книгу, изданную Шамовымъ, когда въ «Русской Библіотекѣ» за 75 коп. онъ, кромѣ лучшаго текста «Горя отъ ума» и столь же почти полнаго выбора изъ сочиненій и писемъ Грибоѣдова, получитъ статью Бѣлинскаго и хорошо составленную г. Веселовскимъ біографію Грибоѣдова.

Пользуемся случаемъ, чтобы исправить одинъ недосмотръ въ этой біографіи. На стр. XXVII г. Веселовскій говоритъ, что Грибоѣдовъ въ своей статьѣ, написанной въ защиту «Ольги» Катенина, «принимая на себя роль рецензента, начинаетъ въ подражаніе Гнѣдичу придираться къ различнымъ мелочамъ въ Катенинскомъ переводѣ; пародія выходитъ часто довольно удачная». Грибоѣдовъ придирается не къ Катенинской передѣлкѣ, а къ знаменитой Людмилѣ Жуковскаго, придирается очень ѣдко и зло и выступаетъ изъ скромныхъ рамокъ пародіи. Статья эта гораздо важнѣе, нежели представляется съ перваго взгляда; она прекрасно объясняетъ, почему трезвому и реальному уму Грибоѣдова не нравился модный тогда романтизмъ, какъ его понимали у насъ на Руси, особенно въ школѣ Жуковскаго. «Богъ съ ними, съ мечтаніями!—говоритъ Грибоѣдовъ:—нынѣ въ какую книжку ни заглянешь, что ни прочтешь — пѣснь, посланіе, вездѣ мечтанія, а натуры ни на волосъ».

А. К.

Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Н. Каптерева. М. 1885.

Отношенія Россіи къ востоку еще очень мало изучены у насъ; единственное, спеціальное по этому предмету, сочиненіе А. Н. Муравьева сильно устарѣло, и появленіе труда г. Каптерева имѣетъ весьма важное научное значеніе. Въ XV вѣкѣ произошли два событія, кореннымъ и рѣшительнымъ образомъ измѣнившія отношенія русскихъ къ грекамъ: Флорентійская унія 1449 года, на которой греки отреклись отъ православія, и взятіе Константинополя турками. Теперь уже не могло быть рѣчи о томъ духовномъ вліяніи и опекѣ грековъ, которому подчинились русскіе съ принятіемъ христіанства; черезъ унію съ латинами греки уже потеряли свое право на первенство и руководящее значеніе въ православномъ мірѣ; паденіе Константинополя, представляясь какъ бы карою за отступничество, еще болѣе умаляло авторитетъ грековъ. Но кто же займетъ въ православномъ мірѣ ихъ мѣсто? Единственнымъ самостоятельнымъ, сильнымъ православнымъ государствомъ было Московское царство, и оно должно было наслѣдовать роль Византіи: Константинополь былъ вторымъ Римомъ, Москва становится третьимъ. Внѣшніе признаки, такъ сказать, инсигніи державства новаго Рима передаются Москвѣ: великій князь провозглашается кесаремъ-царемъ, русскій митрополитъ возводится на степень патріарха, причемъ высказывается притязаніе на занятіе имъ перваго мѣста среди всѣхъ патріарховъ, — мѣста, которое занималъ до раздѣленія церквей римскій папа; въ Москву со всѣхъ концовъ востока собирается святыня: мощи, чудотворныя иконы и др. священные предметы. Въ качествѣ наслѣдника византійскихъ императоровъ, русскій царь становился опорой и покровителемъ всего вселенскаго православія, долженъ былъ заботиться о сохраненіи и процвѣтаніи православія не только у себя на Руси, но и на всемъ православномъ востокѣ, чтобы не дать ему тамъ погибнуть подъ тяжкимъ гнетомъ невѣрныхъ. На первое время это покровительство, по необходимости, должно было ограничиваться одной благотворительностью, щедрой раздачей милостыни разнымъ просителямъ съ востока. За милостыней являлись въ Москву патріархи, митрополиты, епископы, черное и бѣлое низшее духовенство, міряне; они получали милостыню два раза: «на пріѣздѣ» и на «отъѣздѣ», ихъ тутъ содержали на счетъ казны, что̀ иногда обходилось очень дорого; давалось, кромѣ этого, много денегъ и вещей, для такъ называемой «заздравной» и «заупокойной» милостыни; наконецъ, греки привозили съ собой часто русскихъ плѣнниковъ, которыхъ выкупали у татаръ и турокъ, и за нихъ получали значительное вознагражденіе отъ казны и частныхъ лицъ. На милостыню грекамъ ежегодно расходовались громадныя суммы, опредѣлявшіяся количествомъ просителей: чѣмъ больше ихъ пріѣзжало, тѣмъ болѣе раздавалось. Правительство весьма мало интересовалось знать, куда идутъ эти деньги, не контролировало гречанъ. Эта щедрость и отсутствіе контроля породили массу различныхъ злоупотребленій: къ намъ очень нерѣдко являлись за милостыней разные самозванцы, поддѣлывавшіе патріаршія подписи и печати, запрещенные и даже совсѣмъ лишенные сана архіереи, выдававшіе себя за дѣйствительныхъ; всѣ вообще просители дозволяли себѣ прибѣгать къ самымъ предосудительнымъ и даже преступнымъ средствамъ для полученія большей милостыни. Они дѣйствовали очень дружно въ своемъ обирательствѣ, прикрывали другъ

друга, и только дѣлежъ полученной милостыни подавалъ поводъ къ ссорамъ и взаимнымъ доносамъ просителей. Обыкновенно какой нибудь архіерей, отправляясь въ Москву, подбиралъ себѣ свиту изъ всякаго случайнаго сброда (этихъ людей онъ называлъ потомъ въ Москвѣ архимандритами, игуменами и т. п.), заключалъ съ ними условіе, иногда даже письменное, какъ они подѣлятъ милостыню, — но въ Москвѣ они постоянно ссорились и, донося другъ на друга правительству, раскрывали свои продѣлки. Но правительство обыкновенно до XVII вѣка неособенно настойчиво вело разслѣдованіе этихъ обмановъ, не желая грязнить этимъ высокое дѣло благотворительности.

Кромѣ просителей милостыни, въ Россію пріѣзжали съ востока разныя лица, остававшіяся въ ней на вѣчное житье, но такихъ было меньше; къ нимъ относились уже нѣсколько иначе, ихъ считали нужнымъ испытывать, «исправлять» въ вѣрѣ, пускали не всѣхъ, да и сами они боялись суроваго аскетическаго склада тогдашней московской жизни. Павелъ, архидіаконъ алеппскій, жаловался, что «въ Московской землѣ никто не можетъ себя чувствовать спокойно и весело, кромѣ развѣ туземцевъ, и всякій изъ грековъ, сдѣлайся онъ даже обладателемъ всей этой страны, всетаки, продолжалъ бы тосковать и не былъ бы счастливъ». Изъ остававшихся въ Москвѣ грековъ нѣкоторые пользовались весьма большимъ почетомъ и вліяніемъ, таковы, напримѣръ, новоспасскій келарь Іоанникій, веррійскій митрополитъ Аверкій, знаменитые Паисій Лигаридъ и Арсеній Грекъ, архимандритъ Діонисій. Г. Каптеревъ весьма подробно характеризуетъ этихъ лицъ. Это также были авантюристы и должны были производить на русскихъ людей очень непріятное впечатлѣніе. Паисій Лигаридъ, лишенный сана и каѳедры іерусалимскимъ патріархомъ, долгое время, благодаря подложнымъ грамотамъ, разыгрывалъ въ Москвѣ роль газскаго митрополита и выпрашивалъ у царя значительныя суммы на уплату долговъ своей несуществующей епархіи, выдавалъ себя за экзарха константинопольскаго патріарха, хотя въ дѣйствительности тамъ его считали латынникомъ, но ему вѣрили, онъ принималъ участіе въ дѣлѣ Никона, достигъ на мягкаго царя почти такого же вліянія, какое имѣлъ Никонъ. Въ нравственномъ отношеніи ему не уступаетъ Арсеній Грекъ: Арсеній учился въ Венеціи, въ іезуитской коллегіи, нѣсколько разъ мѣнялъ свою вѣру, сперва былъ католикомъ, въ Царьградѣ принялъ православіе, принималъ разъ магометанство, въ Молдавіи опять перешелъ въ православіе, въ Польшѣ былъ уніатомъ. Въ Москву онъ попалъ въ свитѣ іерусалимскаго патріарха Паисія, остался въ качествѣ учителя, но Паисій, уже уѣхавъ изъ Москвы, прислалъ сказать, что онъ сомнѣвается въ православіи Арсенія. Слѣдственная коммиссія раскрыла незавидное прошлое Арсенія; онъ былъ отправленъ для исправленія въ Соловецкій монастырь. Здѣсь этотъ изворотливый и лукавый человѣкъ до того умѣло притворялся, крестился двумя перстами, хвалилъ мѣстные обряды (которые впослѣдствіи сталъ исправлять), говорилъ монахамъ: «воистину, братія, у насъ (т. е. у грековъ), и половины вѣры нѣтъ», такъ ихъ расположилъ къ себѣ, что они дали о немъ патріарху Никону очень хорошій отзывъ; — и такого-то человѣка Никонъ поставилъ во главѣ исправленія книгъ. При этомъ интересно отмѣтить, что запрещеніе церковное не было съ него снято, такъ что исправителемъ являлся человѣкъ, котораго самого слѣдовало исправлять.

Злоупотребленія милостыни оскорбляли нравственное чувство русскихъ, противъ нихъ съ XVII вѣка принимаются мѣры; выходцы изъ гречанъ, селившіеся на Руси, приносили болѣе вреда, чѣмъ пользы, и ихъ авторитетъ къ концу XVII вѣка падаетъ, но греки были полезны Россіи въ политическомъ отношеніи, какъ тайные ея агенты въ Турціи. Они получаютъ такое значеніе со времени пріѣзда въ Москву при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ константинопольскаго патріарха Іереміи. Наши константинопольскіе послы правительственными инструкціями ставились въ зависимость отъ восточныхъ патріарховъ, которые помогали имъ своими связями, совѣтами, свѣдѣніями, руководили ими въ затруднительныхъ случаяхъ и сообщали объ ихъ дѣятельности тѣ или другіе отзывы нашему правительству. Патріархи посылали на Русь и особыя отписки отъ себя съ разными политическими вѣстями относительно важнѣйшихъ внѣшнихъ и внутреннихъ событій Турціи, Крыма, Польши, Малороссіи, Молдавіи и Валахіи, славянскихъ провинцій Австріи. Въ своей политической службѣ русскому правительству, патріархи и другіе агенты изъ грековъ подвергались немалымъ опасностямъ: одинъ патріархъ былъ повѣшенъ турками, но ихъ привлекали къ этой службѣ жалованье и политическіе разсчеты освободиться отъ турокъ. Греки были убѣждены, что русскіе должны овладѣть Константинополемъ, и съ самаго начала своихъ сношеній съ Москвой при Іоаннѣ Грозномъ старались передать это убѣжденіе нашимъ царямъ. Но Россія сама была слаба, и не могла рѣшиться на борьбу съ турками. Особенно сильно греки пропагандировали свою идею объ освобожденіи отъ турокъ во время возстанія Хмельницкаго, они убѣждали царя не ограничиваться одной Малороссіей, но обстоятельства показали и на этотъ разъ неисполнимость ихъ надеждъ. Но въ концѣ XVII вѣка русское правительство при царевнѣ Софьѣ и при Петрѣ открыто принимаетъ на себя обязанность — освободить православные народы отъ турецкаго ига.

Кромѣ этихъ внѣшнихъ политическихъ отношеній, русскіе соприкасались съ греками въ своей внутренней религіозной жизни. Послѣ Флорентійской уніи и паденія Константинополя, среди русскихъ широко распространилось убѣжденіе, что греки потеряли истинное благочестіе: на Стоглавомъ соборѣ оно получило окончательную санкцію. Въ первой половинѣ XVII вѣка этотъ взглядъ сталъ общимъ всѣмъ русскимъ, не исключая и правительства. Русское благочестіе было признано высшимъ и совершеннѣйшимъ въ цѣломъ мірѣ. Это воззрѣніе наиболѣе полно и систематически было выражено въ преніяхъ съ греками о вѣрѣ старца Арсенія Суханова. Низкое мнѣніе русскихъ о грекахъ находило себѣ подтвержденіе въ тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя имѣли русскіе о состояніи православія у грековъ: они знали, что греки получаютъ образованіе въ латинскихъ школахъ въ Италіи, что книги ихъ печатаются въ латинскихъ городахъ и портятся тамошними издателями, — сами греки сообщали все это. Но въ половинѣ XVII вѣка долженъ былъ произойти переворотъ въ этихъ воззрѣніяхъ. Греки не хотѣли признать надъ собой первенства русскихъ, нашли себѣ защитника въ лицѣ патріарха Никона. Вопросъ былъ поставленъ относительно обрядовыхъ разностей русскихъ съ греками — чьи церковные обряды истинны: греческіе или русскіе? Церковная реформа Никона была открытымъ признаніемъ несостоятельности предшествующей русской церковной жизни и превосходства грековъ въ дѣлахъ вѣры и благочестія надъ русскими. Признаніе рус-

скою церковью на соборѣ 1667 года законности церковной реформы Никона было, вмѣстѣ съ тѣмъ, торжественнымъ и окончательнымъ отреченіемъ русскихъ отъ всѣхъ тѣхъ представленій о своемъ исключительномъ религіозномъ призваніи и назначеніи, какія возникли у нихъ послѣ Флорентійской уніи и паденія Константинополя, но единичныя обнаруженія среди православныхъ этихъ представленій и послѣ реформы Никона доказываютъ ихъ живучесть и широкое распространеніе во всѣхъ слояхъ русскаго общества. Греки одержали побѣду въ культурной сферѣ, но торжество ихъ было недолговременно, эти учители вскорѣ были вытѣснены другими. Петровская реформа избавила Россію отъ опекунскихъ притязаній и эксплоататорскихъ стремленій восточныхъ выходцевъ.

Таковы выводы, къ которымъ приводитъ замѣчательная книга г. Каптерева, богатая фактами, почерпнутыми изъ дѣлъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

А. Бороздинъ.

Очеркъ юридическаго быта Мордвы. Отвѣты на программу императорскаго русскаго географическаго Общества. Владиміра Майнова. Спб. 1885.

Въ 1877 году, императорское русское географическое Общество ассигновало нѣкоторую сумму на экспедицію для изученія мордовскаго народа и поручило это дѣло своему члену В. Н. Майнову, который, передъ отправленіемъ въ экспедицію, втеченіе цѣлаго года, изучалъ какъ эрзянское, такъ и мокшанское нарѣчіе мордовскаго языка. Возможность объясняться съ мордвой на ея родномъ языкѣ значительно облегчила г. Майнову исполненіе его трудной задачи, и ему удалось собрать громадное количество матеріала по антропологіи, этнографіи, юридическому быту, религіи, языку и психологіи мордовскаго народа. Такъ какъ средства для этой поѣздки были даны географическимъ Обществомъ и при томъ только оно одно можетъ принять на себя значительные расходы по изданію трудовъ мордовской экспедиціи г. Майнова, то, понятно, что появленіе ихъ въ свѣтъ зависитъ исключительно отъ Общества. Три года тому назадъ, имъ была напечатана первая часть изслѣдованій г. Майнова, именно: «Антропологическія изслѣдованія среди мордвы-эрзи»; теперь издана вторая часть, подъ заглавіемъ: «Очеркъ юридическаго быта мордвы». Затѣмъ остаются въ рукописи: «Антропологическія изслѣдованія среди мордвы-мокши», «Очеркъ быта мордвы въ моментъ встрѣчи ея съ русскими», «Остатки язычества у мордвы» и «Народная психологія мордвы».

Лежащій передъ нами «Очеркъ юридическаго быта мордвы» заключаетъ въ себѣ слѣдующіе отдѣлы: родственный союзъ по понятіямъ мордвы, бракъ, семья, какъ союзъ родителей и дѣтей, семья въ широкомъ значеніи слова, опека и попечительство, раздѣлъ и наслѣдство, вещное право, договоры. При собираніи своего богатаго матеріала, авторъ основательно держался правила, чтобы почти каждый обычай былъ подтвержденъ сохранившеюся у народа пословицей или поговоркой, которыхъ приведена въ книгѣ цѣлая масса. Кромѣ того, трудъ г. Майнова представляетъ собою довольно полный сборникъ языческихъ молитвъ и заклинаній, особенно обильныхъ

въ отдѣлѣ, посвященномъ браку. Авторъ не упускалъ изъ виду ни одной мелочи, казавшейся ему пригодной для его задачи, и, напр., по поводу метанія жребія приводитъ крайне интересную миеическую пѣсню, сдѣлавшуюся нынѣ уже достояніемъ играющихъ дѣтей. Научная оцѣнка изслѣдованія г. Майнова можетъ быть сдѣлана только спеціалистами, и она, по нашему мнѣнію, уже выразилась какъ изданіемъ его трудовъ нашимъ географическимъ Обществомъ, такъ и переводомъ ихъ на финскій языкъ, предпринятымъ финскимъ литературнымъ Обществомъ.

С. Ш.

Закавказскія воспоминанія. Мингрелія и Сванетія съ 1854 по 1861 годъ. К. А. Бороздина. Спб. 1885.

Авторъ этихъ «Воспоминаній» стоялъ близко къ дѣлу русскаго управленія Закавказьемъ, былъ воспитателемъ сыновей княгини Е. А Дадіанъ и окружнымъ начальникомъ Мингреліи. По своему положенію, онъ имѣлъ полную возможность наблюдать закулисную сторону намѣреній и дѣйствій правительницы и ея двора. Время наблюденій его относится къ семилѣтнему періоду начала дѣйствительнаго сліянія Мингреліи и Сванетіи съ Россіей. По свидѣтельству г. Бороздина, это сліяніе имѣло рѣшительное вліяніе на окончательную переработку феодальнаго строя въ крайне своеобразномъ краѣ и отмѣчено цѣлымъ рядомъ интереснѣйшихъ событій. Г. Бороздинъ задумалъ поближе ознакомить русскихъ читателей со всѣмъ этимъ. Задача весьма почтенная, и авторъ справляется съ ней на столько удачно, что поддерживаетъ интересъ читателя вплоть до конца книги, производящей впечатлѣніе занимательной бесѣды наблюдательнаго человѣка.

«Закавказскія воспоминанія» составились изъ связанныхъ между собою двухъ отрывковъ воспоминаній о Закавказьѣ, напечатанныхъ отчасти въ «Военномъ Сборникѣ», 1873 года, подъ заглавіемъ «Омеръ-паша въ Мингреліи», и большею частью въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Читатели нашего журнала не забыли, вѣроятно, статей, помѣщавшихся въ «Историческомъ Вѣстникѣ» подъ заглавіемъ «Упраздненіе двухъ автономій». Онѣ цѣликомъ вошли въ эту книгу. Пять портретовъ какъ бы завершаютъ живую характеристику лицъ, описанныхъ въ «Воспоминаніяхъ».

Мингрелія и Имеретія, эти южныя красавицы, еще въ 1638 и 1658 гг. просили Россію принять ихъ въ свое подданство и избавить отъ ненавистнаго турецкаго ига, выражавшагося въ дани отроками и отроковицами. Переговоры длились цѣлое столѣтіе, и только съ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, т. е. съ 1774 года, Имеретія и Мингрелія съ Гуріей и Абхазіей получили автономію и политическую независимость отъ Турціи и Россіи. Имеретія имѣла своего царя, остальныя области—каждая своего владѣтеля. Внутренняя анархія не дала упрочиться въ этихъ областяхъ продолжительной самостоятельности. Въ 1803 году, въ правленіе Дадіана Григорія, Мингрелія приняла подданство Россіи, и русскія войска явились охранять ее отъ безпокойныхъ сосѣдей. Авторъ «Воспоминаній» взялся воспитывать правнуковъ Григорія. Его подробный разсказъ ведется со времени вдовства Ек. Ал. Дадіанъ, сестры Н. А. Грибоѣдовой. Е. А. Дадіанъ была назначена государемъ правительницей Мингреліи до совершеннолѣтія ея сына.

Неопытная въ дѣлѣ управленія, усложненнаго военнымъ временемъ, способная подлежать различнымъ вліяніямъ, не смотря на свою доброту и доступность, она принесла много бѣдъ и рѣшительнаго раззоренія своему народу и приготовила своему сыну такой хаосъ, что онъ и до сихъ поръ никакъ не распутаетъ его. Изъ лицъ, описанныхъ въ «Воспоминаніяхъ» того періода, особенно выдается личность и дѣятельность Н. П. Колюбакина, кутаисскаго губернатора. Своимъ разумнымъ, рѣшительнымъ и справедливымъ образомъ дѣйствій, своей находчивостью и знаніемъ дѣла, онъ оказывалъ не разъ дѣйствительныя услуги въ затруднительныхъ случаяхъ управленія этимъ почти дикимъ краемъ. Г. Бороздинъ съ очевидною любовью дѣлаетъ очеркъ дѣятельности этого безстрашнаго и безпристрастнаго человѣка.

Главнымъ источникомъ безпрерывной смуты (нѣчто въ родѣ французской жакеріи) являлась крайняя ненормальность въ отношеніяхъ между князьями и подданными, иначе сказать, между помѣщиками и крестьянами. Владѣтели и князья перекочевывали изъ одного поселенія въ другое, оставаясь тамъ до тѣхъ поръ, пока не съѣдали всѣхъ запасовъ поселянъ. Зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ была чисто личная, не смотря на свободу личности, обѣщанную обычнымъ правомъ. Безчеловѣчное насиліе, продажа членовъ семьи въ разныя руки, сажаніе на цѣпь въ подземельяхъ— все это заурядныя явленія, проходившія безнаказанно. Надо было много труда и энергіи, чтобы добиться введенія общаго царскаго управленія при подобныхъ условіяхъ. Однимъ изъ симпатичнѣйшихъ дѣятелей въ этомъ краѣ былъ кн. А. И. Гагаринъ, жертва кровавой драмы, бывшей въ Кутаисѣ въ 1857 году, когда А. И. Гагаринъ такъ безвременно и безвинно погибъ отъ руки владѣтельнаго князя Константина Дадешкиліани.

Среди массы фактическихъ данныхъ интересной бесѣды г. Бороздина попадается немало прекрасныхъ описаній страны, быта и характеристикъ этого любопытнаго люда. Нельзя не пожалѣть только о томъ, что авторъ поскупился на такія же подробности въ статьѣ «Мингрелія, современная Крымской войнѣ», а въ главахъ объ Омеръ-пашѣ не избѣжалъ сухости реляцій. Эти же главы помѣщены въ числѣ первыхъ и нѣсколько невыгодно настраиваютъ читателя. За то терпѣливый читатель, который не поддастся такому настроенію, будетъ вознагражденъ сторицею дальнѣйшею, болѣе обширною частью текста «Закавказскихъ воспоминаній».

Ѳ. В.

Систематическій указатель статей, помѣщенныхъ въ періодическихъ изданіяхъ съ 1830 по 1884 годъ Составилъ фл.-адъют. полковникъ Поповъ. Спб. 1886.

Если признаются полезными и необходимыми справочные указатели къ періодическимъ изданіямъ, то, конечно, только такіе указатели, которые отвѣчаютъ своей цѣли; но для того, чтобы имѣла такое значеніе подобная справочная книга, еще недостаточно назвать ее «Систематическимъ указателемъ». Между тѣмъ, трудъ г. Попова только по своему названію относится къ разряду такихъ книгъ.

Избравъ 12 русскихъ періодическихъ изданій и два иностранныхъ за время 1830 — 1884 годовъ, составитель выбралъ изъ нихъ всѣ статьи, раз-

билъ ихъ на 14 особыхъ отдѣловъ и помѣстилъ въ этихъ отдѣлахъ названія журнальныхъ статей въ томъ послѣдовательномъ порядкѣ, какъ онѣ появлялись въ каждомъ журналѣ; затѣмъ, обозначивъ эти статьи общей нумераціей (всего 12,302 номера) и приложивъ къ книгѣ азбучный указатель именъ авторовъ статей, г. Поповъ назвалъ все это «Систематическимъ указателемъ», который въ сущности составляетъ перепечатку изъ журналовъ оглавленія статей, разбитыхъ по отдѣламъ. Въ этой перепечаткѣ, занявшей болѣе 15 листовъ и десятки тысячъ номеровъ, которыми обозначены статьи, едва ли кто встрѣтитъ надобность, такъ какъ въ ней трудно сразу разобраться и нелегко отыскать нужную справку. Требуется, напримѣръ, узнать, гдѣ помѣщены библіографическіе отзывы о какомъ либо сочиненіи. Въ именномъ указателѣ составитель выставилъ лишь имена авторовъ статей, напечатанныхъ въ журналахъ, и вы легко найдете въ немъ ненужное вамъ въ данномъ случаѣ имя библіографа, требуемую же справку о самомъ сочиненіи, подвергшемся разбору, или имя автора этого сочиненія вы должны искать въ подлежащемъ отдѣлѣ среди статей, помѣщенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ, и для этого просмотрѣть цѣлыя сотни номеровъ. Или: нужно знать, что̀ появлялось въ исторической литературѣ, положимъ, объ Аракчеевѣ, и для этого нужно просмотрѣть 2,670 статей! Такой сборникъ удовлетворяетъ только одной цѣли, именно наведенію справки: какіе и въ какомъ періодическомъ изданіи помѣщалъ свои труды извѣстный писатель; но для этого вовсе не нужно перепечатывать изъ журналовъ названія помѣщавшихся въ нихъ статей и достаточно одного указателя именъ авторовъ.

М. Г — кій.

Исторія с.-петербургской православной духовной семинаріи, съ обзоромъ общихъ узаконеній и мѣропріятій по части семинарскаго устройства. 1809—1884. Составилъ Александръ Надеждинъ. Спб. 1885.

Поводомъ къ изданію настоящей книги послужило исполненіе въ 1884 году 75-лѣтія со времени открытія с.-петербургской духовной семинаріи на началахъ реформы 1808 года; вмѣстѣ съ тѣмъ исполнилось 75 лѣтъ и самой этой реформѣ, состоящей въ раздѣленіи нашей смѣшанной и неупорядоченной дотолѣ духовной школы на три отдѣльныхъ вида: академію, семинарію и низшее духовное училище. Реформа началась съ Петербурга, и всѣ дальнѣйшія перемѣны и нововведенія собственно въ семинарскомъ устройствѣ, въ примѣненіи своемъ къ петербургской семинаріи, происходили, такъ сказать, на глазахъ высшаго духовно-учебнаго начальства и даже подъ непосредственнымъ руководствомъ тѣхъ или другихъ его представителей. Въ виду этого, исторія петербургской семинаріи получаетъ особое значеніе и болѣе или менѣе общій интересъ. Исторію ея г. Надеждинъ дѣлитъ на три періода, которые вообще прошло наше семинарское образованіе: первый съ 1808 года до вступленія въ должность оберъ-прокурора св. синода графа Протасова, второй при графѣ Протасовѣ, третій со введенія устава 1867 года. Въ каждомъ періодѣ исторія семинаріи располагается по слѣдующимъ рубрикамъ: высшее управленіе, должностныя лица, обученіе, воспитаніе,

экономія, воспитанники (ихъ составъ, количество и т. п.), отношеніе семинаріи къ духовнымъ училищамъ, дѣлопроизводство и архивъ семинарскаго правленія. Г. Надеждинъ не ограничиваетъ своей задачи изображеніемъ лишь внутреннихъ перемѣнъ и особенностей въ состояніи петербургской семинаріи, но разсматриваетъ ихъ въ связи съ общими узаконеніями и мѣропріятіями по части семинарскаго устройства, не упуская изъ вниманія и тѣхъ идей и вѣяній, подъ вліяніемъ которыхъ они происходили. При составленіи своей книги, кромѣ печатныхъ источниковъ, г. Надеждинъ пользовался обильнымъ матеріаломъ, находящимся въ архивахъ петербургской семинаріи, академіи, Александроневскаго училища, духовной консисторіи, св. синода и др. При такомъ обиліи матеріала, трудъ вышелъ очень почтенный, хотя мѣстами сухой, причину чего слѣдуетъ отнести къ самому свойству предмета, но мѣстами очень интересный и живой, особенно, гдѣ идетъ рѣчь объ общихъ мѣропріятіяхъ правительства по духовно-учебной части, о мотивахъ, вызывавшихъ разныя преобразованія въ этой сферѣ

В. А.

Свѣдѣнія о мишаряхъ. Этнографическій очеркъ. Протоіерея Е. А. Малова. Казань. 1885.

Инородческій міръ, съ его своеобразнымъ міросозерцаніемъ, нравами, обычаями, образомъ жизни, представляетъ собою непочатую область для серьёзнаго изученія. Инородцы и до сихъ поръ находятся почти въ періодѣ младенческаго состоянія и, только благодаря развивающейся въ послѣдніе годы миссіонерской дѣятельности, начинаютъ мало-по-малу западать въ это «темное царство» лучи духовнаго свѣта. Наши этнографы, по непонятнымъ причинамъ, слишкомъ лѣниво проникаютъ въ этотъ малоизслѣдованный міръ, и потому даже въ образованныхъ слояхъ общества имѣются совершенно ложныя понятія объ инородцахъ, обитающихъ главнымъ образомъ въ сѣверо-восточной полосѣ Европейской Россіи. Поэтому нельзя не привѣтствовать всякій мало-мальски серьёзный трудъ, освѣщающій съ той или съ другой стороны этотъ утопающій въ мракѣ и невѣжествѣ людъ. Очеркъ о. Малова имѣетъ тѣмъ большую цѣну, что онъ до нѣкоторой степени выясняетъ, что за народъ мишари, такъ какъ до сихъ поръ точно неизвѣстно, откуда явились въ русской исторіи мещеряки, или мишари, какого они племени, какова была ихъ исторія? Изъ добытыхъ о. Маловымъ данныхъ открывается, что мещера, или мишари жили, прежде, какъ особое племя, на рѣкѣ Окѣ, въ сосѣдствѣ съ муромцами, мордвою и черемисою, что у каждаго изъ этихъ племенъ былъ свой особый языкъ; что мишари были давно крещеными, потомъ нѣкоторые изъ нихъ, особенно поселившіеся среди татаръ Казанской губерніи, омусульманились, причемъ, однако, мухамеданство внутренно мало ихъ сближаетъ съ татарами-мухамеданами; что до сихъ поръ у нихъ сохраняются еще остатки своего языка, костюма и обычаевъ; что если бы татары-мухамедане не дѣйствовали на мишарей подавляющимъ образомъ, то, по всей вѣроятности, мишари скорѣе бы слились съ русскими, чѣмъ съ татарами-мухамеданами. Собственно же о происхожденіи мишаръ никакихъ историческихъ данныхъ не имѣется, а между татарами казанскими сохранилось преданіе, что въ эпоху Грознаго пришли изъ Стамбула турки, которые приняли подданство русское и, женившись на русскихъ женщинахъ, смѣшались и образо-

вали племя мишаръ. Возможность, или вѣроятность такого происхожденія до нѣкоторой степени подтверждается тѣмъ, что въ языкѣ мишаръ замѣтно сильное вліяніе языка русскаго. Между мишарями и татарами-мухамеданами существуетъ какой-то исконный антагонизмъ. Татары надъ мишарями постоянно смѣются и говорятъ объ нихъ унизительно; они сложили о мишаряхъ множество анекдотовъ, представляющихъ мишарей въ какомъ-то жалкомъ видѣ, хотя на самомъ-то дѣлѣ мишари гораздо умнѣе татаръ-мухамеданъ.

Дальнѣйшія изслѣдованія о мишаряхъ, какъ мы слышали, нынѣ составляютъ задачу мѣстнаго Общества археологіи, исторіи и этнографіи.

С. И. С—ковъ.

Острожская типографія и ея изданія. Историческая монографія А. К. Сѣлецкаго. Въ 2-хъ частяхъ. Почаевъ. 1885.

Заглавіе изслѣдованія г. Сѣлецкаго далеко не соотвѣтствуетъ его содержанію: вмѣсто исторіи одной Острожской типографіи, мы находимъ въ немъ весьма подробный обзоръ религіозныхъ смутъ, волновавшихъ Западную Россію въ XVI вѣкѣ. Вся первая часть сочиненія посвящена исключительно исторіи распространенія въ Польшѣ, Литвѣ и Западной Россіи протестанства и нѣкоторыхъ еретическихъ сектъ, социніанъ, антитринитаріевъ, и борьбы съ ними польскаго правительства и католическаго духовенства, изъ среды котораго особенно выдвигаются впередъ въ роли defensorum fidei іезуиты, вызванные въ Литву во второй половинѣ XVI вѣка, послѣ Люблинской уніи. Опредѣляя отношеніе послѣдователей новыхъ ученій къ православію, авторъ указываетъ, что нѣкоторые изъ нихъ (Христофоръ Филалетъ Бронскій) являлись его защитниками противъ общаго врага, католицизма, хотя, по своей сущности, эти ученія, конечно, были ему враждебны. Переходя къ дѣятельности Острожской типографіи, г. Сѣлецкій останавливается на личности извѣстнаго защитника православія, князя Константина Острожскаго, опровергаетъ оригинальный, но крайне поверхностный и пристрастный о немъ отзывъ П. А. Кулиша. Далѣе авторъ весьма подробно излагаетъ содержаніе важнѣйшихъ полемическихъ сочиненій противъ католиковъ, изданныхъ Острожскою типографіей: «Апокрисиса», «Ключа царствія небеснаго», книги клирика Василія «О единой истинной вѣрѣ» и др., причемъ указываетъ на обстоятельства, вызывавшія появленіе того либо другаго произведенія. Таково содержаніе книги Сѣлецкаго; нельзя не замѣтить, что его слѣдовало бы значительно съузить: исторія протестантскихъ движеній въ Польшѣ могла бы быть изложена гораздо короче, и книга отъ этого значительно бы выиграла, не имѣла бы столь компилятивнаго характера,—теперь же вся первая часть, почти половина книги, есть чистая компиляція. Затѣмъ было бы весьма интересно, если бы г. Сѣлецкій не ограничился простымъ изложеніемъ содержанія изданій Острожской типографіи, а постарался бы указать ихъ генетическую связь съ предъидущими полемическими произведеніями православныхъ противъ латинъ; тогда бы можно было судить, на сколько труды западно-русскіе были оригинальны, что въ нихъ новаго, и на сколько въ нихъ сказались рутинные пріемы византійскіе; такое изслѣдованіе весьма желательно, оно весьма важно для опредѣленія

степени тогдашней образованности Западной Руси, а эта сторона очень поверхностно затрогивается въ изслѣдованіи г. Сѣлецкаго. Вваключеніе, однако, слѣдуетъ сказать, что и то, что сдѣлано г. Сѣлецкимъ въ его изслѣдованіи, имѣетъ извѣстное научное значеніе, безспорно полезно, какъ полный обзоръ дѣятельности Острожской типографіи.

В. А.

Холмскій народный календарь. Годъ второй — 1886. Кіевъ. 1885.

При обзорѣ «Холмскаго народнаго календаря» за первый (1885) годъ, мы говорили о несомнѣнной пользѣ этого изданія, какъ сборника историческихъ статей, ознакомляющаго мѣстное населеніе съ его исторіей и преданіями. Второй выпускъ календаря на предстоящій годъ составленъ въ томъ же направленіи и столь же интересно.

Мы не знаемъ, на сколько успѣшно расходится въ народѣ Холмщины это изданіе,—знаемъ лишь, что среди этого народа немало такихъ, которые, подъ вліяніемъ польско-ксендзовскихъ наущеній, чуждаются всего русскаго, православнаго; но мѣстный грамотѣй, уже отрезвившійся отъ такихъ козней, найдетъ въ календарѣ успокоеніе своей совѣсти. Въ статьяхъ: «Романъ, волыно-галицкій князь», «Послѣднія времена Холмскаго княжества и покореніе его Польшею», «Насильственное введеніе уніи въ Холмской Руси и преслѣдованіе народа за непринятіе уніи», «Наша родная исторія»— онъ прочтетъ правдивую исторію своей родины и узнаетъ о лжи и навѣтахъ, которые разсѣваютъ ксендзы и ихъ клевреты, считая свою вѣру единой непогрѣшимой и признавая Забужный край «Польшей». Работа идетъ въ тихомолку, но твердо и неустанно. Эта тайная пропаганда даетъ, однако, явные результаты: есть приходы, въ которыхъ часть прихожанъ вовсе не исполняетъ религіозныхъ обязанностей; есть семьи, въ которыхъ хозяинъ и его сыновья ходятъ въ церковь, а жена и дочери — въ костелъ. Только школа и разумно составленная книга могутъ быть полезнымъ пособіемъ миссіонерской дѣятельности православныхъ священниковъ, и Холмскій календарь, нужно надѣяться, сослужитъ должную службу на пользу народа. Независимо отъ статей, относящихся къ мѣстной исторіи, въ томъ же направленіи является «Повѣсть о нашествіи папистовъ на св. гору Аѳонскую», гдѣ въ XIII столѣтіи католики мечемъ и огнемъ — этимъ обычнымъ орудіемъ своимъ — опустошили православныя обители, замучивъ 26 иноковъ Зографскихъ, не приставшихъ къ латинской ереси.

Немалый интересъ представляетъ статья «Русскій депутатъ въ Варшавскомъ сеймѣ 1589 года», въ которой выставленъ смоленскій каштелянъ Иванъ Мелешко, явившійся на сеймъ съ жалобой, что «для Руси и Литвы нѣтъ мѣста въ королевско-польскомъ сердцѣ». Изъ разсказа смѣлаго защитника русскихъ народныхъ правъ мы можемъ видѣть, къ чему привела Западную Русь Люблинская политическая унія въ первыя же 20 лѣтъ соединенія съ Польшею.

Въ статьѣ «Набожность народа по южно-русскимъ и галицкимъ пѣснямъ» разсмотрѣны пѣсни, въ которыхъ выражается религіозное настроеніе народа и его преданность православной вѣрѣ. Здѣсь радость и горе, довольство и лишенія изливаются одинаково въ поэтическихъ воззваніяхъ къ Богу.

Къ календарю приложена гравюра чудотворной иконы Холмской Божіей Матери; но для чего это сдѣлано — мы не знаемъ. Гравюра эта, во-первыхъ, была уже приложена къ календарю за предшествовавшій годъ и повтореніе ея въ слѣдующемъ году ничѣмъ не объясняется; а затѣмъ, послѣ выхода въ свѣтъ извѣстнаго изданія П. Н. Батюшкова: «Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ», вып. VII, въ альбомѣ котораго находится прекрасная копія холмской иконы, мы убѣдились, что гравюра Холмскаго календаря воспроизведена далеко неточно. Наконецъ, не можемъ не посовѣтовать достойнымъ дѣятелямъ по изданію календаря обратить вниманіе и на другія чтимыя народомъ святыни холмскаго края, какъ, напримѣръ, иконы Божіей Матери: Лѣснянскую, Люблинскую, Коденьскую, Годышевскую и т. п., копіи съ которыхъ могли бы составлять ежегодныя приложенія къ календарю.

М. Г.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Французскій критикъ, разбирающій «Анну Каренину» и мистическія произведенія графа Л. Н. Толстаго.—Людовикъ XVIII въ Митавѣ, по книгѣ Доде.—Нѣмецкій маіоръ, удивляющійся смѣлости русскихъ военныхъ писателей.—Леруа-Болье о Болгаріи. — Исторія торизма. — Мемуары англійской королевы Маріи. — Южно-африканская имперія.—Паденіе Константинополя.—Англійскій классицизмъ. — Американецъ въ джонгляхъ и въ Лондонѣ.—Англичанинъ въ Китаѣ. — Воспоминанія Арсена Гуссе.—Маршалъ Даву.—Дипломатическая исторія Европы.— Книги Тиссо о Германіи. — Житіе святой, переложенное въ романъ.

ОССІЯ продолжаетъ попрежнему интересовать нашихъ западныхъ сосѣдей, усердно изучающихъ нашу прошедшую и настоящую, внутреннюю и политическую жизнь, нашихъ писателей и общественныхъ дѣятелей После замѣчательныхъ критическихъ статей о Львѣ Николаевичѣ Толстомъ графа Вогюэ и нѣмецкихъ критиковъ, одинъ изъ даровитыхъ французскихъ рецензентовъ Альфредъ Баринъ написалъ заслуживающій вниманія этюдъ «Графъ Левъ Толстой, по поводу Анны Карениной» (Le comte Leon Tolstoï à propos d'«Anna Karenine»). Переводъ этого романа недавно появился въ Парижѣ въ двухъ частяхъ, въ одно время съ книгою того же автора «Ma réligion», не разрѣшенною на русскомъ языкѣ. Успѣхъ романа «Война и миръ» этого «величайшаго изъ писателей XIX вѣка», какъ Вогюэ называетъ Толстого, заставилъ перевести на французскій языкъ и другія его произведенія, встрѣченныя въ Парижѣ съ неменьшимъ энтузіазмомъ. Вогюэ сказалъ только нѣсколько словъ о «Карениной», и поэтому Баринъ считаетъ умѣстнымъ поговорить объ этомъ романѣ теперь, когда «великій умъ окончательно погрязъ въ своихъ мистическихъ мечтаніяхъ». Сужденія французскаго критика о нашемъ романистѣ любопытны во многихъ отношеніяхъ, и мы приведемъ главные выводы Барина о произведеніи, созданномъ въ полномъ развитіи таланта автора, хотя

вторая половина его романа, съ ея смутными, мистическими тенденціями, не понравилась даже друзьямъ автора, а Тургеневъ прямо назвалъ ее скучною. Романъ былъ, очевидно, оконченъ подъ вліяніемъ моральнаго кризиса, въ которомъ Толстой думалъ найдти успокоеніе своимъ тревожнымъ думамъ, но который окончательно убилъ его литературную дѣятельность. Въ исторіи Левина авторъ разсказываетъ исторію своихъ собственныхъ идей, сомнѣній и исканій. Любовь Левина къ Китти стоитъ не на первомъ планѣ въ характеристикѣ этого втораго героя романа. Здѣсь всего важнѣе его идеи, стремленія къ рѣшенію загадки жизни; здѣсь видѣнъ самъ авторъ, какъ видѣнъ онъ въ «Дѣтствѣ», Отрочествѣ» и «Юности», въ Оленинѣ («Казаки»), отчасти въ Безуховѣ («Война и миръ»). Но Левинъ, какъ самъ Толстой, былъ нигилистомъ отъ 20-ти до 34-хъ лѣтъ; онъ изслѣдовалъ задачу жизни и смерти, и «жизнь показалась ему ужаснѣе смерти». Отъ самоубійства его удержало убѣжденіе, что простые сердцемъ лучше понимаютъ эту загадку, отъ которой онъ сходилъ съума. Въ томъ, что такіе люди живутъ, страдаютъ и умираютъ совершенно спокойно, авторъ видитъ не пассивное состояніе людей, ни о чемъ не думающихъ, не понимающихъ даже, что объ этомъ можно разсуждать, а убѣжденіе, что имъ открыта цѣль существованія. Левинъ не потому узналъ цѣль жизни, что изслѣдовалъ ее, учился,—нѣтъ, онъ узналъ ее своимъ сердцемъ. Избавившись отъ сомнѣній, авторъ обратился уже къ чисто религіознымъ сочиненіямъ: «Моя исповѣдь», «Моя религія», «Комментаріи на евангеліе». Онъ является уже не писателемъ, а толкователемъ евангельскаго ученія, которое, по его мнѣнію, искажено и измѣнено другими комментаторами. Въ этомъ ученіи онъ видитъ необходимость раздать свое имущество бѣднымъ, не сопротивляться злымъ, не имѣть ни полиціи, ни судовъ, ни тюремъ, ни армій. Онъ серьёзно доказываетъ возможность существованія общества безъ всѣхъ этихъ учрежденій, но живя, какъ бѣднякъ, работая сапоги и кося сѣно, онъ не роздалъ, однако, своего имущества бѣднякамъ, не считая себя вправѣ лишать своихъ дѣтей родоваго достоянія. Это, по крайней мѣрѣ, логично. Но, сожалѣя о другихъ нелогичныхъ выводахъ Толстаго, французскій критикъ считаетъ его умершимъ для литературы, въ которой уже были примѣры подобнаго нервнаго разстройства сильныхъ талантовъ, но слабыхъ умовъ, не выдержавшихъ нравственныхъ потрясеній послѣдняго времени. Въ заключеніе своего этюда, Бэринъ дѣлаетъ замѣчаніе, что въ Россіи литература тѣсно соединена съ политикой, и лучшихъ русскихъ писателей можно сравнить съ предводителями партій, излагающими въ своихъ произведеніяхъ программы и планы политическихъ кампаній.

— Въ концѣ прошлаго года въ «Revue des deux mondes» печатались отрывки изъ сочиненій Эрнеста Доде «Бурбоны и Россія во время эмиграціи» (Les Bourbons et la Russie pendant l'émigration), обратившіе на себя общее вниманіе. Авторъ, братъ извѣстнаго романиста Альфонса Доде, самъ начавшій свое литературное поприще съ романовъ, въ послѣднее время занялся историческими трудами. Въ 1881 году, французская академія выдала ему награду за «Исторію роялистскихъ заговоровъ во время революціи». Матеріалы для своего новаго труда о Бурбонахъ, вышедшаго теперь отдѣльно, авторъ заимствовалъ изъ нашего московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, открытаго для всѣхъ серьёзныхъ изслѣдователей. Въ послѣднее время въ немъ работали: изъ французскихъ писателей Альфредъ Рамбо, Турнё и Легреллъ, переводившій Карамзина, Пушкина, Грибоѣдова,

Островскаго; профессоръ Лундскаго университета Гіэрнъ, Упсальскаго — Одперъ, издавшіе на шведскомъ языкѣ нѣсколько сочиненій объ исторіи сѣверныхъ государствъ, члены Будапештской академіи наукъ Супала и Гересси и профессоръ Талочи, занимавшіеся изученіемъ сношеній Венгріи съ Россіею и Польшею. Эрнестъ Доде еще четыре года тому назадъ обратился черезъ нашего посла въ Парижѣ въ московскій архивъ, прося сообщить копіи съ хранящихся тамъ документовъ о пребываніи Людовика XVIII въ Митавѣ. Управляющій архивомъ баронъ Ѳ. А. Бюлеръ послалъ къ Доде до 500 копій съ пояснительными комментаріями, за что авторъ и заявляетъ свою благодарность. Другіе матеріалы архивовъ: нашего государственнаго, парижскаго берлинскаго и стокгольмскаго, пополнили этотъ важный трудъ, также какъ неизданные мемуары маркиза Карамана и свѣдѣнія, доставленныя автору курляндскимъ губернаторомъ и однимъ русскимъ сенаторомъ, сосланнымъ Павломъ I въ Митаву. Картина жизни въ Митавѣ французскаго короля in partibus полна любопытныхъ подробностей. Тамъ былъ настоящій центръ эмиграціи, сносившейся съ Кобленцомъ и составлявшей планы и заговоры для низверженія республики. Въ старомъ замкѣ Кетлера и курляндскихъ герцоговъ, Людовикъ, окруженный принцами, велъ почти такую же жизнь, какъ въ Версали, строго соблюдая тотъ же придворный этикетъ. У короля были три раздавателя милостыни, кромѣ собственнаго духовника, аббата Эджеворта. Здѣсь Людовикъ принималъ донесенія своихъ пословъ, акредитованныхъ при всѣхъ европейскихъ дворахъ; у него были свои министры, своя гвардія; онъ давалъ и аудіенціи великому князю Константину, Суворову. Въ Митавѣ выдалъ онъ принцессу Елисавету за герцога Ангулемскаго и брачный контрактъ ихъ передалъ, съ разрѣшенія Павла I, въ сенатъ для храненія. Содержаніе двора и отправляемыя имъ пособія въ армію Конде стоили недешево русскому правительству, но Людовикъ постоянно нуждался въ деньгахъ и, чтобы получить ихъ, продавалъ ордена и титулы. Такъ, въ награду за денежныя приношенія онъ сдѣлалъ графами Франціи и Навары русскаго камергера Лаваля и барона Кёнигсфельда. Въ письмахъ къ Павлу I Людовикъ постоянно проситъ пособій и увѣряетъ въ своемъ пламенномъ желаніи стать во главѣ роялистской арміи, которую принцы его дома поведутъ во Францію. А въ то время, какъ король и принцы собирались въ походъ, роялисты гибли тысячами въ Вандеѣ и на югѣ Франціи, не имѣя предводителей и лицъ, которыя руководили бы возстаніемъ. Король называлъ Павла I своимъ благодѣтелемъ, своимъ провидѣніемъ, но политика русскаго императора вдругъ измѣнилась, и недовольный двуличными поступками Австріи, морскимъ деспотизмомъ Англіи, онъ вышелъ изъ коалиціи и сблизился съ первымъ консуломъ, приприславшимъ къ нему нѣсколько сотъ русскихъ солдатъ, взятыхъ въ плѣнъ, одѣтыми въ новые мундиры и со знаменемъ. Эта выходка, больше чѣмъ интрига при дворѣ, которую вела актриса Шевалье, любовница фаворита Кутайсова, содѣйствовала сближенію съ новымъ французскимъ правительствомъ, и хотя Павелъ самъ пригласилъ короля въ Россію, самъ предложилъ Людовику учредить постъ посланника при русскомъ дворѣ, но когда въ Петербургъ прибылъ изъ Митавы этотъ посолъ, выбранный съ согласія императора, Павелъ отказался принять его и посовѣтовалъ «графу Прованскому» оставить Россію. Людовику пришлось уѣхать изъ Митавы и черезъ Мемель удалиться въ Варшаву. Отъѣздъ совершился зимою по ужаснымъ дорогамъ. Однажды, при переѣздѣ черезъ рѣку, тяжелая карета опрокинулась и старый,

тучный король-подагрикъ долженъ былъ нѣсколько времени пробираться по глубокому снѣгу. Павелъ I былъ такъ недоволенъ Людовикомъ, что губернаторъ Арсеньевъ, ссудившій короля суммою въ 6,000 рублей, необходимою для отъѣзда, не смѣлъ признаться въ этомъ императору и пополнилъ ее изъ своихъ денегъ. А король такъ и не отдалъ этого долга, за то въ 1814 году, пригласивъ на обѣдъ Александра I, пошелъ впереди его въ столовую, гдѣ русскій императоръ сидѣлъ на простомъ стулѣ, въ то время, какъ его величество разсѣлся въ удобное кресло. Все это вполнѣ подтверждаетъ слова Талейрана о Бурбонахъ, что они ничему не научились въ изгнаніи и все позабыли, вернувшись изъ него.

— Подъ названіемъ «Критическій разборъ русско-турецкой войны 1877—1878 годовъ» (Kritische Rückblicke auf den Russisch-Türkischen Krieg), прусскій маіоръ генеральнаго штаба Крамеръ издалъ извлеченіе изъ сочиненія генерала Куропаткина «Ловча и Плевна». Передавая вполнѣ отчетливо главныя части русскаго сочиненія, нѣмецкій переводчикъ болѣе всего удивляется откровенному разбору дѣйствій не только русскихъ войскъ, но и ихъ начальниковъ. Въ этомъ разборѣ переводчикъ видитъ доказательство силы русской арміи, особенно, если вспомнить, какъ стараются въ арміяхъ и въ литературѣ другихъ народовъ скрывать военныя ошибки, сдѣланныя хотя бы полвѣка назадъ. А въ Россіи генералъ, состоящій на дѣйствительной службѣ и еще недавно произведенный, смѣло и честно указываетъ дѣятелямъ войны на ихъ промахи и подкрѣпляетъ свои выводы фактическими доказательствами. «И онъ дѣлаетъ это откровенно какъ бывшій начальникъ штаба Скобелева. Дѣйствительно крѣпка духомъ и непоколебимо увѣрена въ себѣ та армія, которой можно говорить прямо то, что ей говоритъ Куропаткинъ. И надо сознаться, что свобода критики приноситъ русской арміи громадную пользу».

— Извѣстный публицистъ и знатокъ Россіи и славянства Леруа-Болье высказалъ свое мнѣніе о балканскихъ дѣлахъ въ этюдѣ «Болгарія и послѣднія событія на Востокѣ» (La Bulgarie et les derniers événements d'Orient). Причины ихъ онъ видитъ въ развитіи принципа національности, родившагося на западѣ отъ революціонныхъ идей и новаго догмата верховнаго главенства народа. Принципъ этотъ, вытѣснившій метерниховско-династическія фикціи и въ силу котораго объединились Италія и Германія, нашелъ особенное примѣненіе на Востокѣ, гдѣ изъ странъ, постепенно отторгнутыхъ отъ Турціи, образовались Греція, Сербія, Румынія, Болгарія. События въ послѣдней странѣ произошли отъ того, что маленькое новосозданное государство семь лѣтъ мирилось съ невозможными условіями, поставленными для его существованія Берлинскимъ трактатомъ, но, наконецъ, потеряло терпѣніе и соединилось съ своими забалканскими братьями, оставшимися подъ властью Турціи. Филиппопольскій переворотъ долженъ успокоить тѣхъ, кто еще вѣритъ въ панславизмъ. Князь, обязанный своимъ трономъ исключительно Россіи, обманулъ ее, оказался неблагодарнымъ. Но народы дѣлаются неблагодарными потому, что прежде всего заботятся о собственныхъ интересахъ. Эгоизмъ дѣлается для нихъ существенною необходимостью. Болгары подумали о себѣ прежде, чѣмъ о своихъ освободителяхъ, но большинство населенія, всетаки, предано русскимъ, и только вожди разныхъ партій жаловались на тяжелую, будто бы, опеку Россіи, тогда какъ они считали уже себя совершеннолѣтними и, въ этомъ званіи, хотѣли сами распоряжаться своею

судьбою. Въ словахъ ихъ, что Болгарія должна принадлежать болгарамъ, заключался уже не патріотизмъ, а вопросъ о мѣстахъ, о власти, объ общественномъ пирогѣ. Леруа-Болье не видитъ ничего особеннаго въ нападеніи сербовъ на болгаръ. Они и прежде не разъ дрались за преобладаніе на полуостровѣ, переходившее то къ нимъ, то къ грекамъ. Рознь и вражда всегда господствовали между славянскими племенами, никогда не стремившимися къ объединенію, не желавшими слиться въ одномъ общемъ морѣ. «Мы—болгары прежде, чѣмъ славяне»,—говорилъ недавно Каравеловъ, первый министръ Болгаріи, котораго совершенно напрасно иные считаютъ славянскимъ Кавуромъ, мечтающимъ о соединеніи южно-славянскихъ племенъ. И Сербія, и Болгарія стремятся не къ слитію, даже не къ союзу, а къ гегемоніи. Двумъ царствамъ: Душана и Симеона,—нѣтъ въ одно и то же время мѣста на полуостровѣ, и Австріи не зачѣмъ было очень горячо убѣждать сербовъ броситься на братьевъ славянъ: племенная антипатія увлекала ихъ сцѣпиться съ сосѣдями. Потери подъ Сливницею и разбитіе сербской арміи нисколько не отрезвили безсердечнаго Милана, и Австрія можетъ безъ труда направить его и впередъ на любое славянское племя. Этотъ герой, распоряжавшійся ходомъ сраженій въ благоразумномъ отдаленіи отъ нихъ, не заслуживаетъ ничего, кромѣ презрѣнія. Но съ другой стороны и правители Болгаріи прямо заявляютъ, что пусть Македонія останется навсегда у турокъ или перейдетъ подъ власть австрійцевъ, лишь бы въ ней не господствовали сербы или греки. Вообще нашимъ политикамъ не мѣшаетъ ознакомиться съ мнѣніями такого компетентнаго судьи, какъ Леруа-Болье.

— Самою современною книгою на англійскомъ языкѣ, затрогивающею еще не вполнѣ выяснившуюся злобу дня, является «Исторія торизма отъ вступленія въ управленіе Питта до смерти лорда Биконсфильда» (A history of toryism from the accession of M-r Pitt to power in 1783 to the death of lord Beaconsfield in 1881). Цѣль книги—«отдать должную справедливость партіи, не вполнѣ оцѣненной даже ея приверженцами»; стало быть, авторъ ея принадлежитъ самъ къ партіи тори, и это обстоятельство помѣшало ему быть безпристрастнымъ, а книга его изъ исторіи превратилась въ памфлетъ. Но въ ней, всетаки, переданы рельефно подробности управленія Англіею семью вождями партіи: Питтомъ, Ливерпулемъ, Каннингомъ, Веллингтономъ, Пилемъ, Дерби и Биконсфильдомъ. По мнѣнію автора, эти дѣятели спасли Англію отъ погибели въ концѣ прошлаго столѣтія, а въ нынѣшнемъ—отъ раззоренія. Съ этимъ не можетъ согласиться безпристрастная исторія. Они то успѣшно боролись съ королевскою властью, присвоивавшею себѣ по временамъ права, издавна отвоеванныя аристократіею, то обуздывали лордовъ-аристократовъ, пытавшихся захватить въ свои руки неограниченную власть. О странѣ, о народѣ—изъ вождей партіи тори никто и не думалъ, а о демократіи, о народномъ самоуправленіи въ первую половину нынѣшняго столѣтія не думалъ и никто изъ виговъ. Лучше всего въ книгѣ характеристика Пиля и Биконсфильда. Послѣдняго во время его молодости звали радикаломъ, но радикализмъ его состоялъ въ стремленіи сдѣлать консервативнымъ рабочее сословіе, а симпатіей среднихъ классовъ онъ никогда не пользовался; демократизмъ его проявлялся только въ плебейскихъ манерахъ. Но Биконсфильда авторъ ставитъ наравнѣ съ Питтомъ и выше всѣхъ остальныхъ вождей партіи тори.

— Нѣсколько лѣтъ тому назадъ графиня Бентинкъ издала дневникъ королевы Маріи, веденный ею въ 1688 году. Теперь д-ръ Дебнеръ напечаталъ «Ме-

муары Маріи, королевы Англіи, съ ея письмами» (Memoirs of Mary, queen of England, 1689—1693, with letters). Мемуары писаны рукою королевы, и хотя не заключаютъ въ себѣ никакихъ интересныхъ историческихъ фактовъ, но любопытны для характеристики женщины, которую Маколей хвалитъ за ея «нѣжную женственную твердость». Сама она говоритъ, что, перейдя изъ строго-уединенной, почти монашеской жизни въ «шумный свѣтъ, полный тщеславія, политическихъ интригъ и религіозныхъ распрей», она должна была каждый день бояться за жизнь своего мужа. Ее упрекаютъ за слишкомъ строгое отношеніе къ католикамъ и за то, что она была на сторонѣ своего мужа, когда онъ лишилъ престола ея отца. Но выданная пятнадцати лѣтъ замужъ за принца Оранскаго (Вильгельма III), призваннаго на тронъ Англіи, послѣ Іакова II, изгнаннаго за его деспотизмъ и пристрастіе къ католицизму, могла ли она предпочесть своего отца страстно любимому мужу? И потомъ Вильгельмъ призвалъ ее въ Лондонъ, только въ 1689 году, послѣ окончательнаго утвержденія парламентомъ билля о низверженіи Іакова и изгнаніи Стюартовъ. Письма королевы, умершей на 34-мъ году, отличаются простотою и задушевностью, но чрезмѣрною набожностью.

— Въ двухъ томахъ, посвященныхъ исторіи южно-африканскихъ колоній Англіи, подъ названіемъ «Наша южно-африканская имперія» (Our South African-Empire), Вильямъ Гресвелль представляетъ подробную картину этихъ англійскихъ владѣній, отъ основанія ихъ до нашего времени. Колоніи эти авторъ считаетъ чрезвычайно важными, потому что онѣ рѣшаютъ задачу слитія двухъ колонизаторскихъ расъ — англійской и голландской, съ третьею, туземною расою. Болѣе всего авторъ занимается изслѣдованіемъ современнаго положенія страны. Книга посвящена памяти Бартля Фрера и горячо отстаиваетъ политику этого энергичнаго правителя колоній, который, если и не всегда имѣлъ успѣхъ, то потому, что посылаемые къ нему англійскіе генералы не отличались военными способностями, а министры метрополіи только тормозили успѣхи колонизаціи. Политика Бартля Фрера состояла въ устройствѣ конфедераціи изъ южно-африканскихъ колоній, которыя, представляя твердую точку опоры для владычества Англіи въ этой части свѣта, содѣйствовали бы его распространенію и въ другихъ странахъ. Для этого Бартль Фреръ составилъ планъ присоединенія къ англійскимъ владѣніямъ земель кафровъ, зулусовъ, Дамара и Намака. Присоединеніе Трансвааля не входило въ этотъ планъ, и принадлежитъ Биконсфильду, не имѣвшему понятія о положеніи южной Африки; не удалось оно по причинѣ нерѣшительности правительства метрополіи, за то сокрушеніе власти Сетивайо и зулусовъ принесло большую пользу. Авторъ описываетъ также войны съ басутосами, бечуанами, боерами, утверждаетъ, что голандскіе поселенцы нисколько не расположены къ своему отечеству, всегда угнетавшему ихъ и высасывавшему изъ колоніи ея жизненныя силы. Поэтому они не сопротивляются преобладанію англичанъ.

— Эдвинъ Пирсъ разсказываетъ «Исторію паденія Константинополя во время четвертаго крестоваго похода» (The fall of Constantinople being the story of the fourth crusade); послѣ сочиненій Гиббона и Финлея, это едва ли не первый трудъ на англійскомъ языкѣ по исторіи Византіи, которую такъ успѣшно разработывали Краузе, Гопфъ и другіе историки, между которыми меньше всего встрѣчается русскихъ, хотя имъ ближе, чѣмъ другимъ, была Византія, давшая Россіи религію, цивилизацію, многія культурныя черты обрядовой, придворной жизни, даже національнаго характера

грековъ. Книга Пирса замѣчательна по многимъ выводамъ, на которые историкамъ слѣдуетъ обратить вниманіе. Такъ онъ утверждаетъ, что завоеваніе Константинополя въ 1204 году крестоносцами латинской расы было причиною паденія Восточной имперіи, подъ ударами мусульманъ въ 1563 году. Другое, высказываемое имъ мнѣніе, также ново: безъ постояннаго прилива свѣжихъ силъ съ запада, Византія перестала бы существовать гораздо раньше. Но вторженіе европейскаго элемента въ Азію, занятую мусульманами, заставило ихъ, въ свою очередь, броситься на Европу, гдѣ однимъ изъ первыхъ этаповъ была Византія, — и она не могла устоять противъ напора свѣжихъ силъ фанатизированныхъ ордъ, поклонниковъ Магомета. Много и другихъ любопытныхъ выводовъ встрѣчается въ книгѣ Пирса: объ отношеніяхъ Венеціи къ Византіи, о неспособности къ военной службѣ грековъ, нанимавшихъ полки варваровъ, для защиты византійскихъ владѣній, объ интригахъ венеціанскаго дожа Дандоло и папы Иннокентія III, увѣрявшаго, что завоеваніе крестоносцами Греціи облегчитъ покореніе Святой земли и.пр.

— По исторіи литературы, интересенъ сборникъ лекцій Эдмунда Госсе, читанныхъ имъ въ Кембриджѣ и въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ: «Отъ Шекспира до Попе: изслѣдованіе причинъ и явленій возникновенія классической поэзіи въ Англіи» (From Schakespeare to Pope: an inquiry into the causes and phenomena of the rise of the classical poetry in England). Въ своихъ лекціяхъ, авторъ упорно и весьма искусно защищаетъ парадоксъ, что переходъ отъ романтическихъ произведеній Шекспира къ классическимъ — послѣдующей эпохи составлялъ шагъ впередъ въ области прогресса и, во всякомъ случаѣ, англійскій классицизмъ былъ явленіемъ національнымъ, самобытнымъ, безсознательнымъ (inconscious), а не заимствованнымъ, былъ абсолютною необходимостью въ литературѣ. Не смотря на всю парадоксальность общаго вывода книги, ея частности и, въ особенности, характеристика писателей, заслуживаютъ полнаго вниманія.

— По отдѣлу путешествій, живую, увлекательную картину рисуетъ книга американца Горнеди «Два года въ джонгляхъ, наблюденія охотника и натуралиста въ Индіи, Цейлонѣ, на Малайскомъ полуостровѣ и Борнео» (Two years in the jungle: the experience of a hunter and naturalist in India, Ceylon, the Malay peninsula and Borneo). Авторъ даетъ болѣе того, что обѣщаетъ заглавіе его книги: кромѣ названныхъ имъ странъ, онъ описываетъ еще и Англію, которую посѣтилъ на обратномъ пути въ свое отечество. Но, привыкнувъ къ бродячей жизни въ странахъ, не пользующихся благами европейской цивилизаціи, онъ сознается, что тамъ чувствовалъ себя гораздо лучше, чѣмъ въ Лондонѣ, «этой обширной, негостепріимной пустынѣ изъ кирпича, блестящей, но не привлекательной, гдѣ однообразную линію зданій, наводящихъ скуку, прерываютъ только музеи, библіотеки, зоологическіе и ботаническіе сады». Въ густыхъ джонгляхъ дикихъ странъ, между слонами, крокодилами, тиграми, бизонами, американецъ чувствовалъ себя гораздо лучше, чѣмъ въ городѣ, гдѣ четырехмилліонное населеніе говорило роднымъ ему языкомъ. Среди всѣхъ чудесъ цивилизаціи, Горнеди съ сожалѣніемъ вспоминаетъ о Борнео, гдѣ онъ объяснялся пантомимами съ даяками и китайцами. Вообще, книга Горнеди доказываетъ, что американцы умѣютъ путешествовать съ пользою для себя и для другихъ.

— Совершенно противоположное убѣжденіе извлекаемъ мы изъ книги писателя того же племени, но съ болѣе древнею цивилизаціею. Англійскій

маіоръ Ноллисъ описываетъ «Англійскую жизнь въ Китаѣ» (English life in China). Это сочиненіе вполнѣ объясняетъ намъ, почему англичане такъ непопулярны въ странахъ, подчиненныхъ ихъ матеріальной силѣ. Китай, конечно, страна не особенно привлекательная по своимъ учрежденіямъ, обычаямъ, понятіямъ; но ее, всетаки, слѣдуетъ изучить, прежде чѣмъ подвергать въ ней все повальному осужденію. Но англійскій маіоръ, не зная ни языка, ни нравовъ страны, отзывается объ ней съ глубокимъ презрѣніемъ: города ея — клоаки, народъ — безсмысленные скоты, языкъ — невозможный, религія и философія — нелѣпа. (Слыхалъ ли когда нибудь этотъ маіоръ о Конфуціи и Лао-цзы?). Подобныя сужденія, доказывающія скорѣе храбрость, чѣмъ здравомысліе автора, — не требуютъ опроверженій.

— Къ числу любопытныхъ записокъ принадлежатъ «Признанія» Арсена Гуссе, обнимающія собою полстолѣтія (Les Confessions. Souvenirs d'un demi siècle, 1830—1880). Четыре тома этихъ «Воспоминаній» представляютъ картину культурной Франціи, въ самый интересный періодъ ея литературной, художественной и общественной жизни. Авторъ самъ принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ дѣятелей этой эпохи, съ которыми находился въ близкихъ сношеніяхъ, и поэтому подробно изобразилъ ее въ своихъ мемуарахъ. Вѣрно ли?—это другой вопросъ, на который нелегко отвѣчать, зная, какую важную роль въ сужденіяхъ писателей о своихъ собратахъ играютъ личныя отношенія. Во всякомъ случаѣ, эти томы даютъ такой огромный, разнообразный и интересный матеріалъ для изученія роли Франціи въ наше время, преимущественно въ отношеніи къ ея литературѣ, искусствамъ, нравамъ общества, что знакомство съ мемуарами Гуссе дѣлается совершенно необходимо для всякаго, кто посвятилъ себя изслѣдованію современной эпохи.

— Въ четырехъ объемистыхъ томахъ издана также «Корреспонденція маршала Даву, принца Экмюльскаго» (Correspondance du maréchal Davout, prince d'Eckmuhl. Jes commandements, son ministère, 1801—1815). Между сподвижниками Наполеона, этими «Ахиллами Иліады, какую не сочинить и Гомеру», какъ говоритъ Беранже, маршалъ Даву извѣстенъ въ исторіи не только военными подвигами, но суровымъ и нечестнымъ отношеніемъ къ солдатамъ и къ жителямъ завоеванныхъ французами городовъ. Такимъ представляютъ его Тьеръ, Сегюръ, Монтегю, не говоря уже объ историкахъ, враждебныхъ наполеоновской эпопеѣ, выставлявшихъ въ болѣе рѣзкомъ свѣтѣ непривлекательныя черты его характера. Такимъ выведенъ онъ и въ романѣ Толстаго «Война и Миръ». Но разнымъ родственникамъ и наслѣдникамъ героевъ обыкновенно не нравится, когда въ ихъ «герояхъ» находятъ общечеловѣческія, неприглядныя черты, — и они всѣми силами стараются ихъ обѣлять и идеализировать. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, маркиза Блоквиль, послѣдняя дочь Даву, издала съ этой цѣлью четыре тома біографіи и писемъ маршала къ своему семейству. Теперь на подмогу дочернему панегирику является сборникъ въ 2,200 страницъ, изданный академикомъ Мазадомъ. Для насъ тутъ интересны больше всего письма, относящіяся къ войнѣ 1812—1813 года. Но изъ всѣхъ этихъ документовъ видно только, что Даву былъ ничѣмъ не лучше другихъ маршаловъ, Бертье и Мюрата, съ которыми онъ постоянно ссорился, или двуличнаго Бернадота, но о самомъ принцѣ Экмюльскомъ мнѣніе нисколько не измѣняется и по прочтеніи этихъ томовъ. Наполеонъ не любилъ его не только какъ соперника его военной славы, но и какъ человѣка.

— Графъ Барраль давно уже издаетъ «Этюды дипломатической исторіи Европы» (Etude sur l'histoire diplomatique de l'Europe). Первый томъ, обнимающій собою исторію международныхъ сношеній отъ окончанія Тридцатилѣтней войны до созванія генеральныхъ штатовъ во Франціи, появился уже нѣсколько времени тому назадъ. Теперь вышло начало другой части этого труда, въ которую должна войдти исторія дипломатіи отъ 1789 по 1815 годъ. Второй томъ заканчивается Кампоформійскимъ трактатомъ 1797 года, и представляетъ поучительную картину розни и нерѣшительной политики европейскихъ державъ, которыя могли бы положить конецъ французской революціи, въ самомъ ея началѣ, если бы дѣйствовали твердо и единодушно. Книга Барраля представляетъ весьма полезное дополненіе къ извѣстной «Дипломатической исторіи Европы» Франсуа Бургоэна.

— Викторъ Тиссо, извѣстный пруссофобъ, представившій въ своемъ «Путешествіи въ страну мильярдовъ» злой памфлетъ, не достигающій своей цѣли, потому что многія непригладныя стороны нѣмецкой жизни являются въ преувеличенной карикатурѣ, — въ новомъ трудѣ своемъ старается представить Германію въ настоящемъ свѣтѣ. Два тома изданныхъ имъ «Рѣдкостей сѣверной Германіи (Curiosités de l'Allemagne du Nord) и «Рѣдкостей Германіи южной» (Curiosités de l'Allemagne du Sud) взаимно пополняютъ другъ друга и представляютъ, дѣйствительно, довольно вѣрную и полную картину культурной жизни побѣдителей Франціи, которыхъ такъ усердно изучаютъ побѣжденные, въ видахъ неизбѣжнаго возмездія. Вѣдь ждала же сколько лѣтъ и Пруссія своего реванша за Іену, почему же не готовиться къ нему и французамъ? Тиссо представляетъ своимъ соотечественникамъ картину воинственной и патріотической Германіи, желая возбудить въ нихъ, если не такое же настроеніе, то по крайней мѣрѣ—соревнованіе. Въ первомъ сочиненіи хороши картины Берлина, сѣверныхъ гаваней Пруссіи, Саксоніи, Лейпцигской битвы; во второмъ—Кёльнъ, Майнцъ, Франкфуртъ, Мюнхенъ, Виртембергъ. Въ обѣихъ книгахъ прекрасныя иллюстраціи.

— Изъ историческихъ романовъ, въ католической Германіи успѣхъ имѣетъ новый трудъ Пауля Ланга «Регисвинда, религіозная исторія изъ Каролингскихъ временъ» (Regiswindis, eine heiligen Geschichte aus der Karolinen Zeit). Романистъ, изображавшій въ прежнихъ своихъ произведеніяхъ историческія событія XV столѣтія, Швабіи и эпохи Гогенштауфеновъ (лучшій романъ его «Мехтильда Гогенбургская»), переноситъ теперь читателя въ IX столѣтіе, въ царствованіе наслѣдника Карла Великаго, Людовика Германскаго. Героиня романа—католическая святая, легенда о которой была найдена въ 1645 году, въ августинскомъ монастырѣ, однимъ іезуитомъ и напечатана въ сборникѣ болландистовъ «Acta Sanctorum». Сынъ императора, воспитывающійся у нордгаускаго маркграфа на Неккарѣ, въ нынѣшней Баваріи, любилъ дочь маркграфа, малолѣтнюю Регисвинду. Ее убиваетъ одна изъ служанокъ въ отомщеніе за казнь своего сына. Дѣвочку потомъ канонизируютъ, у гробницы ея вѣрующіе получаютъ исцѣленіе, однимъ словомъ, все происходитъ какъ во всѣхъ подобныхъ легендахъ. Но все это очень мало интересно, хотя авторъ вѣрно воспроизводитъ колоритъ мѣста и эпохи, рисуя портреты многихъ историческихъ лицъ, епископовъ, придворныхъ, монаховъ, вассаловъ, короля Кардомана и др. Вообще перенесеніе житія святыхъ въ историческій романъ нельзя назвать удачнымъ изобрѣтеніемъ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Неизданное стихотвореніе императрицы Екатерины II.

МПЕРАТРИЦА Екатерина II не имѣла совсѣмъ ни поэтическаго, ни музыкальнаго дарованія. Она хорошо писала прозой, но стихи ей не удавались, и ко всякимъ музыкальнымъ произведеніямъ она относилась съ полнымъ равнодушіемъ. Въ этомъ отношеніи мы имѣемъ любопытное свидѣтельство французскаго посла графа Сегюра, который, описывая въ своихъ «Запискахъ» путешествіе, совершенное имъ по Россіи въ 1787 году въ свитѣ императрицы, между прочимъ, говоритъ слѣдующее:

«Вечера мы проводили у нея (т. е. у Екатерины). Въ это время она не терпѣла принужденія и этикета; мы видѣли не императрицу, а любезную женщину. На этихъ вечерахъ разсказывали, играли въ билліардъ, разсуждали о литературѣ. Однажды, государынѣ вздумалось учиться писать стихи. Цѣлые восемь дней я объяснялъ ей правила стихосложенія. Но когда дошло до дѣла, то мы замѣтили, что совершенно напрасно теряли время. Нѣтъ, я думаю, слуха, столько нечувствительнаго къ созвучію стиха. Умъ ея, обширный въ политикѣ, не находилъ образцовъ для воплощенія мечты. Онъ не выдерживалъ утомительнаго труда прилаживать рифмы и стихи. Она увѣряла, что попытки ея въ этомъ родѣ будутъ также неудачны, какъ попытки славнаго Малебранша, который говорилъ, что сколько ни старался,— не могъ сочинить болѣе двухъ стиховъ:

«Il fait le plus beau temps du monde
«Pour aller à cheval, sur la terre et sur l'onde. [1])

---

[1]) «Теперь отличная погода, чтобы ѣздить верхомъ по землѣ и по водѣ.

«Безуспѣшность этихъ опытовъ, казалось, раздосадовала государыню. Фицгербертъ (англійскій посолъ) сказалъ ей: «Что же дѣлать! Нельзя же въ одно время достигнуть всѣхъ родовъ славы, и вамъ должно довольствоваться вашимъ двустишіемъ, посвященнымъ вашей собачкѣ и вашему доктору:

«Ci—gît la duchesse Anderson
«Qui mordit monsieur Rogerson. [1])

«Итакъ я отказался отъ этихъ уроковъ поэзіи и объявилъ моей августѣйшей ученицѣ, что ей надо ограничиться одною прозою».

Какъ бы въ подтвержденіе свидѣтельства Сегюра, Г. В. Есиповъ нашелъ въ Государственномъ Архивѣ, въ бумагахъ Екатерины II (кн. XVII, листъ 213) стихотвореніе ея, писанное во время того же путешествія 1787 года, изъ Бахчисарая, къ князю Потемкину. Приводимъ это стихотвореніе, обязательно сообщенное намъ г. Есиповымъ, съ буквальной точностью.

«Лежала я вечоръ въ бесѣдкѣ ханской
«Въ срединѣ бусурманъ и вѣры мусульманской.
«Противъ бесѣдки той построена мечеть,
«Куда всякъ день пять разъ иманъ народъ влечетъ.
«Я думала заснуть, и лишь закрылись очи,
«Какъ, уши онъ заткнувъ, взревѣлъ изо всей мочи.
«Въ тотъ мигъ мой сонъ изчезъ; иманъ иль быкъ мычитъ?
«Спросила я вскоча. Нѣтъ, съ башни тамъ мулла кричитъ,
«Татаринъ отвѣчалъ, изо рта вынувъ трубку;
«Дымъ лѣзетъ съ низу вверхъ, какъ будто грецку губку
«Наполнила вода, равно табашна вонь;
«И изъ бесѣдки той поспѣшно гонитъ вонъ,
«Вельми досадно мнѣ, что дымъ былъ чрезвычайный,
«Ищу причины я, случай необычайный!
«Татаринъ не одинъ, лежитъ ихъ много тутъ,
«Они вокругъ меня какъ пчелы къ меду льнутъ.
«Вокругъ бесѣдки той орда ихъ кочевала
«И изъ любви ко мнѣ тутъ близко ночевала.
«О Божьи чудеса! изъ предковъ кто моихъ
«Спокойно почивалъ отъ ордъ и хановъ ихъ?
«А мнѣ мѣшаетъ спать среди Бакчисарая
«Табашный дымъ и крикъ; но, впрочемъ, мѣсто рая;
«Иль не помнитъ кто нашествій ихъ на Русь,
«Какъ разоряли все, какъ наводили трусь?
«Хвалю тебя, мой другъ, занявши здѣшній край,
«Ты бдѣніемъ своимъ все вяще укрѣпляй».

Сообщено Г. В. Есиповымъ.

[1]) «Здѣсь похоронена герцогиня Андерсонъ (такъ называлась любимая собачка императрицы), укусившая господина Рожерсона (придворнаго лейбъ-медика)

СМѢСЬ.

РХЕОЛОГИЧЕСКОЕ Общество. Въ послѣднемъ засѣданіи Общества, подъ предсѣдательствомъ А. Ѳ. Бычкова, онъ заявилъ о тяжкой утратѣ, понесенной Обществомъ въ лицѣ двухъ скончавшихся сочленовъ — профессора И. И. Захарова и академика Н. В. Калачова, причемъ помянулъ послѣдняго глубоко прочувствованнымъ словомъ, посвященнымъ жизни и ученой дѣятельности покойнаго. Членъ Общества А. В. Праховъ сообщилъ собранію о своихъ открытіяхъ, въ іюлѣ прошлаго года, въ Кіево-Софійскомъ соборѣ. Подъ толстымъ наслоеніемъ нѣсколькихъ масляныхъ грунтовъ, покрытыхъ послѣдовательно тремя слоями масляной живописи, открыта была въ днѣ главнаго купола мозаика, представляющая Іисуса Христа по-поясъ, съ евангеліемъ въ шуйцѣ и съ благословляющей десницей; изображеніе заключено въ кругъ радуги. Типъ лица строгій, характерный для эпохи. Ниже Христа, въ воронкѣ купола, открыто великолѣпное изображеніе ангела въ стихарѣ и омофорѣ съ державою и рипидою въ рукахъ; послѣдней придана форма византійскаго императорскаго лабара (штандарта), но вмѣсто герба помѣщены слова: святъ, святъ, святъ (погречески); мозаика эта — верхъ изящества. Ниже, между окнами барабана, были помѣщены 12 апостоловъ; изъ нихъ уцѣлѣлъ одинъ ап. Павелъ. Въ главномъ алтарѣ удалось, подъ новою живописью, открыть поражающаго своими красками мозаичнаго Аарона, въ облаченіи первосвященника. Директоръ Эрмитажа доставилъ въ собраніе кладъ, найденный въ Кіевѣ и поступившій въ археологическую коммиссію. На мѣстѣ, гдѣ по преданію находился Ярославовъ дворъ, близъ ограды Софійскаго собора, въ усадьбѣ г. Есикорскаго, весною прошлаго года, сдѣланы цѣнныя находки. Кромѣ посуды, древнихъ кирпичей, кахлей съ выпуклыми узорами и т. п., найденъ горшокъ, въ которомъ оказалась богатая коллекція золотыхъ съ эмалью и серебряныхъ вещей, принадлежности женскаго наряда и древнія деньги — 9 кіевскихъ гривенъ. Самыми интересными среди этихъ вещей являются двѣ великолѣпныя золотыя серьги съ эмалевыми изображеніями сиренъ и византійскими

орнаментами. Кромѣ того, обращають на себя вниманіе остатки, повидимому, кокошника, серебряные перстни, серебряныя запястья, шейная гривна и т. п. По предположенію А. В. Прахова, вещи зарыты во время одного изъ кіевскихъ погромовъ и не позднѣе Батыева нашествія 1240 г.; къ этому выводу привели его нѣкоторые предметы, относящіеся къ XIII в., хотя другіе (напр., серьги съ сиренами) несомнѣнно относятся къ IX—X вѣкамъ. Въ заключеніе докладчикъ объяснилъ собранію выставленные имъ архитектурные и живописные проекты для строющагося въ Кіевѣ Владимірскаго собора, внутренняя отдѣлка котораго производится подъ его руководствомъ. Эскизы В. М. Васнецова: изображенія пророковъ, св. кн. Владиміръ и кн. Ольга, Богоматерь съ Младенцемъ, идущая на облакахъ на фонѣ утренней зари, обратили на себя вниманіе. П. Н. Петровъ сообщилъ о найденномъ имъ росписаніи годовыхъ государственныхъ расходовъ въ Московскомъ государствѣ 1697 года. Референтъ обратилъ вниманіе на обширность тогдашняго денежнаго бюджета и вопреки установившемуся мнѣнію, будто бюджетъ до 1700 года не доходилъ до милліона рублей, доказывалъ, что размѣры его можно предполагать не менѣе двухъ милліоновъ рублей, въ томъ числѣ на неокладныя статьи 1.185,849 руб. и на окладныя болѣе 760,000 руб. Указавъ на общіе итоги окладныхъ расходовъ семи приказовъ, г. Петровъ счелъ нужнымъ прочитать нѣсколько статей неокладныхъ 1697—1698 годовъ, указывающихъ уже на несомнѣнное расширеніе государственныхъ средствъ въ то время; но при этомъ замѣтилъ, что имъ не найдено доходной смѣты, и выразилъ сомнѣніе относительно возможности болѣе или менѣе точнаго составленія ея. Графъ А. А. Бобринскій сообщилъ о раскопкѣ кургановъ близь Смѣлы (Кіевской губ.). Изъ цѣлой группы 400 кургановъ, находящихся близь села Гуляй-города, референтъ обслѣдовалъ 21 курганъ. Большая часть ихъ носитъ явные слѣды разграбленія; въ курганныхъ насыпяхъ попадались мѣдные наконечники стрѣлъ, горшки и человѣческіе остовы; но главныя могилы находятся подъ насыпью въ глиняномъ материковомъ слоѣ, имѣютъ форму ямъ, иногда продолговатыхъ, иногда круглыхъ, глубиною отъ ½ аршина до 3-хъ аршинъ, и обдѣланы, въ большинствѣ случаевъ, деревомъ, въ видѣ массивныхъ деревянныхъ склеповъ. Одинъ изъ такихъ склеповъ заслуживаетъ особеннаго вниманія: онъ раздѣленъ массивною деревянною перегородкою на два этажа и заключаетъ въ себѣ 8 костяковъ, по-четыре въ каждомъ этажѣ. Найденные въ этихъ курганахъ предметы обнаруживаютъ высокую степень культурнаго развитія древнихъ обитателей этой мѣстности, когда человѣкъ уже не ограничивался удовлетвореніемъ потребностей первой необходимости, но понималъ значеніе искусства и старался сообщить своимъ издѣліямъ художественную форму. Онъ имѣлъ уже бронзовое зеркало, не уступающее по достоинству металлическимъ зеркаламъ современной Японіи, и украшалъ ручку его изображеніемъ бараньей головки; онъ имѣлъ бронзовые браслеты, серьги, кольца и фибулы, бронзовыя и костяныя принадлежности конской сбруи, украшенныя изображеніями лошадиныхъ, слоновыхъ и волчьихъ головокъ, мѣдныя стрѣлы разныхъ типовъ, приготовлялъ румяна и бѣлила, носилъ превосходныя ожерелья изъ крупныхъ цѣнныхъ камней и даже имѣлъ бездѣлушки, образецъ которыхъ представляетъ костяная фигурка въ видѣ зайца. Важнѣйшіе изъ этихъ предметовъ были представлены референтомъ на разсмотрѣніе членовъ собранія. Вмѣстѣ съ тѣмъ референтъ указалъ на открытые имъ въ той же мѣстности слѣды стоянки человѣка каменнаго періода и мастерской каменныхъ орудій: орудія эти, въ видѣ отбивныхъ кремневыхъ ножей, стрѣлъ, скребковъ и ядрищъ, составляютъ большую коллекцію. Наконецъ, графъ Бобринскій представилъ свѣдѣнія о нѣкоторыхъ случайныхъ находкахъ, сдѣланныхъ крестьянами близь Смѣлы, въ числѣ которыхъ обращаютъ на себя вниманіе: каменные полированные молоты, каменное долото и кремневый ножъ, нѣсколько бронзовыхъ топоровъ, два желѣзныхъ меча и

дротики, желѣзная маска съ небольшими щелеобразными отверстіями для глазъ и рта, большая глиняная амфора, напоминающая этрусскія вазы, и проч. Совокупность находокъ графа Бобринскаго доставитъ солидный матеріалъ будущему историку края. Въ томъ же засѣданіи Л. Н. Майковъ сообщилъ о найденныхъ Альбеномъ Вади въ люттихской лѣтописи извѣстіяхъ, касающихся времени пребыванія Петра Великаго въ Спа. Лѣтописецъ описываетъ наружность русскаго монарха, свиту его и сообщаетъ два разсказа о томъ, какъ Петръ Великій наградилъ щедро одного крестьянина, предоставившаго ему свою лошадь для переѣзда изъ Спа въ Люттихъ, и одного канатнаго плясуна. Ю. В. Иверсенъ сообщилъ о русскихъ жетонахъ, присоединивъ историческія справки о первоначальномъ появленіи ихъ въ Западной Европѣ и Россіи.

Историческій уголокъ. Въ Краснинскомъ уѣздѣ (Смоленской губерніи), на границѣ съ Могилевскою, есть замѣчательная мѣстность въ историческомъ и археологическомъ отношеніи—это село Сырокоренье съ окружающими его деревнями. Оно расположено на берегу Днѣпра. Начало этого села теряется въ глубокой древности. До временъ Алексѣя Михайловича здѣсь проходила польская граница. Село было окружено дремучими лѣсами, а по Днѣпру ходили барки съ товарами; состояло оно изъ нѣсколькихъ дворовъ. Въ лѣсахъ жили разные бродяги—литовцы, поляки, русскіе и малороссы, единственное занятіе которыхъ было—останавливать и грабить мимоидущія суда; впослѣдствіи, съ присоединеніемъ за-Днѣпровскаго края къ Россіи, эти лѣсные жители начали селиться въ Сырокореньѣ и образовали обширное село; и теперь среди крестьянъ встрѣчается много польскихъ, литовскихъ и малорусскихъ фамилій. Много военныхъ бурь въ старину пронеслось надъ этою мѣстностью, на поляхъ часто находятъ обломки оружія разныхъ эпохъ, а однажды были найдены остатки сѣдла, украшеннаго золотыми и серебряными бляхами. Въ 1812 году тутъ переправлялись французы и бросили весь свой обозъ. И теперь еще у крестьянъ можно встрѣтить котлы, рундучки, обитые желѣзомъ, и другія орудія, оставшіяся отъ непріятелей. Здѣсь же французы опустили въ Днѣпръ двѣ бочки золота. Въ 1830-хъ годахъ пріѣзжалъ въ Сырокоренье смоленскій губернаторъ Апраксинъ съ спеціальною цѣлью заняться отысканіемъ этихъ бочекъ въ Днѣпрѣ; но, не смотря на всѣ старанія, ихъ не нашли: по всей вѣроятности, онѣ занесены пескомъ. Особеннаго вниманія заслуживаютъ здѣсь курганы, стоящіе съ незапамятныхъ временъ. Замѣчательно, что они расположены на низинахъ, на берегу рѣчекъ, среди вырубленныхъ теперь лѣсовъ. Это даетъ полную возможность заключать, что курганы относятся ко временамъ идолопоклонства, потому что наши предки устраивали свои жертвенники на курганахъ въ дремучихъ лѣсахъ, вблизи рѣкъ. Въ сельцѣ Мерлинѣ на курганѣ устроено кладбище, и когда начинаютъ рыть могилы, то находятъ сженый хлѣбъ, сженый ячмень, сженыя кости разныхъ животныхъ и множество углей; съ полною увѣренностію можно полагать, что тутъ въ старину приносились языческія жертвы. Въ деревнѣ Смиловѣ курганъ довольно обширный, въ немъ тоже находятъ разный сженый хлѣбъ и угли; между крестьянами сохранилось преданіе, что здѣсь была церковь, и они еще до сихъ поръ не рѣшаются его пахать. а лишь косятъ на немъ траву. Въ деревнѣ Варышкахъ, по берегамъ рѣчки Ульянки, попадаются человѣческія кости, отличающіяся большими размѣрами; много находятъ также костей, принадлежавшихъ, по всей вѣроятности, животнымъ, водившимся въ былое время въ литовскихъ лѣсахъ. И эта — исключительная мѣстность, гдѣ еще сохранилась языческая поговорка: «чтобъ тебя Перунъ убилъ».

Рязанская архивная коммиссія. Въ журналѣ послѣдняго въ прошломъ году засѣданія этой коммиссіи напечатано, въ приложеніи, нѣсколько любопытныхъ документовъ изъ собранія автографовъ, принадлежащаго Е. Н. Муромцовой, въ с. Баловневѣ, Данковскаго уѣзда. Тутъ находятся секретные рес-

крипты и письма императора Павла, императора Александра I, П. Обольянинова и князя П. Лопухина къ владимірскому губернатору П. С. Руничу. Павелъ I предписываетъ учредить секретный надзоръ за княземъ Платономъ и графомъ Николаемъ Зубовыми, доносить объ нихъ каждую недѣлю и не позволять имъ выѣзжать изъ деревни. Александръ I, тотчасъ же по вступленіи на престолъ, приказываетъ не притѣснять раскольниковъ по Иргизу, Уралу и въ Узеняхъ. Далѣе въ приложеніи помѣщены: нѣсколько писемъ царевича Алексѣя, духовное завѣщаніе князя Дм. Михайл. Голицына, вирши о походѣ Петра I подъ Азовъ, извѣстія о курганныхъ раскопкахъ, некрологъ Калачева и пр. Вообще дѣятельность рязанской коммиссіи заслуживаетъ вниманія любителей русской старины.

Царь-пушка. Въ нынѣшнемъ году исполнится 50 лѣтъ со времени постановки знаменитой кремлевской Царь-пушки на громадный лафетъ, отдѣланный подъ бронзу, въ старинномъ стилѣ. Тогда же окончены и работы по поднятію изъ земли и установкѣ на пьедесталъ Царь-колокола. Эти историческіе предметы весьма популярны въ Москвѣ, и интересъ къ Царь-пушкѣ долженъ увеличиться еще болѣе, когда исполнится 300-лѣтняя годовщина этого страшилища фузилернаго дѣла. Царь-пушка, какъ извѣстно, отлита по повелѣнію царя и великаго князя Ѳеодора Іоанновича въ царствующемъ градѣ въ лѣто 7094 (1586 г.) и въ третье его государство, при царицѣ и великой княгинѣ Иринѣ, пушечнымъ литейщикомъ Андреемъ Чоховымъ. Царь-пушка, вѣроятно, и въ прежніе годы стояла гдѣ нибудь на видномъ мѣстѣ, пока ее завалили гдѣ-то въ арсеналѣ во время войны 1812 года. Въ воображеніи народа она казалась страшною. Народная молва, чтобы дать понятіе объ ужасѣ выстрѣла изъ нея, объяснила, что пушка эта была отлита царемъ Иваномъ Грознымъ, и что когда выстрѣлили изъ нея, то Москва-рѣка выхлынула изъ береговъ, а въ Грановитой палатѣ и во всѣхъ многочисленныхъ кремлевскихъ домахъ, и въ Китай-городѣ полопались стекла. Царь де прогнѣвался за это на Царь-пушку и велѣлъ ее казнить, и когда ее, бѣдную, разложили на мѣстѣ преступленія и больно сѣкли, то изъ нея сочилась кровь. Достовѣрно, однако, что первая пальба изъ Царь-пушки была столь неискусна, что поплатились за нее. Что подобная гигантская пушка была нужна, чтобы испугать татаръ, дѣлавшихъ набѣги на Москву еще при Алексѣѣ Михайловичѣ, доказать имъ превосходство русской силы, — въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. Если же пушка не была простою царскою прихотью и въ свое время сослужила свою службу, то справедливость требовала бы почтить 300-лѣтнее ея существованіе какимъ нибудь скромнымъ праздникомъ, такъ какъ въ ней выражается состояніе одного изъ важнѣйшихъ техническихъ искусствъ за 300 лѣтъ назадъ.

Музей г. Мазараки. Роменскій уѣздъ изобилуетъ множествомъ могильныхъ кургановъ. Часть ихъ была изслѣдована профессорами Самоквасовымъ и Антоновичемъ. Но никому изъ нихъ не удалось добыть такой большой и такой разнообразной коллекціи древностей, какая собрана, втеченіе лѣта 1884 года любителемъ археологической науки, сыномъ мѣстнаго помѣщика С. А. Мазараки. Одна изъ комнатъ деревенскаго его дома вся установлена витринами и шкафами съ вырытыми имъ рѣдкостями, и представляетъ цѣлый маленькій музей. Всѣхъ предметовъ болѣе тысячи двухсотъ. Между ними обращаютъ вниманіе множество урнъ съ слѣдами черной глазури; амфоры до аршина вышины съ слѣдами желтой и красной покраски; чашки изъ терракоты съ узорами; бронзовая ваза, до 1 пуда вѣсу; всевозможное вооруженіе: стрѣлы на древкахъ въ кожаныхъ колчанахъ, съ вытисненными на нихъ узорами, топоры и копья разнообразныхъ формъ и размѣровъ; брони желѣзная и костяная; принадлежности конскихъ уборовъ—удила и бляхи, украшенныя изображеніемъ животныхъ и птицъ; различные золотые предметы: мечъ съ золотою рукояткой, золотая доска отъ колчана съ изображеніемъ лежащаго

оленя, рога котораго оканчиваются грифонами, золотыя пластинки въ видѣ человѣческихъ масокъ и розетокъ; далѣе, разныя принадлежности дамскаго туалета: золотые и бронзовые шейные обручи, браслеты, бусы изъ разныхъ матеріаловъ, простыя и съ арабесками круглыя зеркала, серьги, кольца и привѣски, краски и множество другихъ мелкихъ вещей, перечислять которыя было бы слишкомъ долго. Коллекція отличается замѣчательной полнотой и имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что вещи, ее составляющія, добывались съ соблюденіемъ всѣхъ научныхъ требованій: при разрытіи каждаго кургана велся подробный протоколъ, описывалось устройство могилы, положеніе въ ней вещей и проч. При коллекціи имѣется и модель кургана въ разрѣзѣ. Большинство разрытыхъ могилъ расположено по берегу рѣки Сулы и господствующій обрядъ погребенія въ нихъ характеризуется трупосожиганіемъ. Замѣчательно, что г. Мазараки въ его изслѣдованіяхъ удалось напасть на могилы, очевидно, принадлежащія финнамъ, присутствіе которыхъ здѣсь трудно было ожидать. Было бы весьма желательно, чтобы спеціалисты обратили вниманіе на собранную г. Мазараки, коллекцію и поэтому нельзя не пожалѣть, что она зарыта въ деревенской глуши, а не составляетъ достоянія какого либо изъ нашихъ музеевъ, гдѣ она была бы доступна настоящимъ цѣнителямъ и гдѣ, быть можетъ, въ рукахъ знатоковъ, она сослужила бы добрую службу археологической наукѣ.

Дворецъ Тиверія. Недавно на островѣ Капри открыты остатки дворца Тиверія. Эта интересная находка произвела сильную сенсацію между учеными и археологами. Открытіе сдѣлано въ общинѣ, называемой Фрагора, гдѣ, какъ полагаютъ, лежала одна изъ 12-ти виллъ Тиверія, о которыхъ говорится въ «Лѣтописяхъ Тацита» и о которыхъ упоминалъ археологъ Гадрава, производившій раскопки въ Капри, въ 1700 году. Одинъ крестьянинъ, роя канаву для ирригаціи своихъ полей, открылъ нѣсколько комнатъ, построенныхъ на срединѣ отлогости холма. Строеніе — изъ камня и кирпича эпохи цезарей. Стѣны, вышиною въ два метра, оштукатуренныя и покрытыя цвѣтною обмазкою, — въ весьма плохомъ состояніи. Найдены остатки мостовой изъ бѣлой мозаики. Одинъ изъ такихъ обломковъ, длиною въ 4 метра 60 сантиметровъ и шириною въ 4 метра 20 сантиметровъ, купленъ правительствомъ и помѣщенъ въ Неаполитанскомъ музеѣ древностей. Въ одномъ углу комнаты, которая еще не расчищена и имѣетъ форму ниши, найдены обломки бѣлаго мрамора и карнизовъ. Въ архивахъ дирекціи раскопокъ Неаполитанскаго округа найдены записи, свидѣтельствующія, что въ октябрѣ 1831 года, въ этомъ же самомъ мѣстѣ найдено около ста килограммовъ (6 пудовъ) свинцовыхъ трубъ, что̀ подтверждаетъ мысль, что постройки въ общинѣ Фрагорѣ—термы. Дирекція раскопокъ продолжаетъ изысканія.

Храмъ Эскулапа. Недавнія раскопки, произведенныя въ Эпидаврѣ, обнаружили большую часть древняго храма эскулаповъ. Найдены остатки терапевтическихъ учрежденій, бань и источниковъ. За священною рощею возвышалось зданіе, назначенное для умиравшихъ и молодыхъ матерей. Большая часть хорошо сохранившихся развалинъ свидѣтельствуетъ объ объемѣ этого учрежденія. Въ одной круглой залѣ изъ бѣлаго мрамора найдены остатки колоннъ, на которыхъ написаны названія болѣзней, отъ которыхъ вылечивались удивительнымъ образомъ любимцы Эскулапа. Между леченіями, которыхъ осталось описаніе, есть одно, свидѣтельствующее, что тещи и въ древности не имѣли лучшей репутаціи, нежели теперь. Одинъ бѣдняга проглотилъ піявку. Ему приснилось, будто бы божество разрѣзало ему животъ ножемъ и вынуло оттуда піявку. Проснувшись, больной увидалъ, что у него въ рукѣ дѣйствительно піявка. Надпись на колоннѣ разсказываетъ, что его болѣзнь приписываютъ низкому поступку его тещи, которая положила піявку въ приготовленный для него напитокъ изъ вина и меда.

† Въ ноябрѣ прошлаго года, въ Петербургѣ **Дмитрій Егоровичъ Минъ.** Онъ родился въ Рязанской губерніи, въ 1818 году. Высшее образованіе получилъ въ коммерческой академіи въ Москвѣ, затѣмъ, въ тамошней медико-хирургической академіи, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1839 году лекаремъ съ золотою медалью. Въ 1849 году, получивъ степень доктора медицины, состоялъ ординаторомъ въ Екатерининской больницѣ и въ 1856 году избранъ Московскимъ университетомъ сначала адъюнктомъ гигіены, которую преподавалъ втеченіе 2-хъ лѣтъ, а затѣмъ, профессоромъ на каѳедру судебной медицины, которую и занималъ съ 1858 по 1878 годъ. Всѣмъ ученикамъ покойнаго памятны не только его лекціи гигіены и судебной медицины, блиставшія не краснорѣчіемъ, а сущностію дѣла, но и вся его дѣятельность, направленная къ примѣненію научныхъ данныхъ, проповѣдуемыхъ съ каѳедры этими доктринами. Первымъ его научнымъ трудомъ былъ переводъ руководства патологической анатоміи Рокитанскаго. Кромѣ того, Минъ принималъ постоянное участіе въ качествѣ соредактора въ издававшемся въ Москвѣ профессоромъ Полунинымъ «Врачебномъ Журналѣ». Его лекціи судебной медицины, изданныя только какъ литографированныя записки, считаются между его слушателями и до сихъ поръ лучшею настольною книгою врача-эксперта. Онъ обладалъ поэтической душой, не удовлетворявшейся однимъ скептицизмомъ познанія, а искавшей запаса новыхъ силъ въ сферѣ, которую даютъ намъ Данте, Шекспиръ, Тассо, Шиллеръ, Байронъ. Ознакомившись съ языками ихъ (покойный, кромѣ латинскаго и греческаго, прекрасно владѣлъ языками французскимъ, нѣмецкимъ, англійскимъ и итальянскимъ), онъ перевелъ на русскій языкъ много лучшихъ произведеній ихъ. Такъ имъ переведены, размѣромъ подлинника, съ комментаріями, всѣ 3 части «Божественной комедіи» Данте, «Освобожденный Іерусалимъ» Тассо, «Король Іоаннъ» Шекспира, «Донъ Жуанъ» Байрона, «Колоколъ» Шиллера и мн. др. Даже въ послѣднія предсмертныя минуты Д. Е. не оставлялъ этихъ занятій. Среди тяжкаго недуга, задыхающимся голосомъ, онъ просилъ дать ему «Божественную комедію».

† 7-го ноября, въ Тифлисѣ, Николай Яковлевичъ **Данилевскій**, членъ совѣта министерства государственныхъ имуществъ. Въ цѣломъ рядѣ ученыхъ экспедицій онъ изслѣдовалъ рыболовные промыслы во всей Европейской Россіи и составилъ для нихъ нынѣ дѣйствующія постановленія. Послѣдній трудъ этого рода была поѣздка на озеро Гокчай, въ октябрѣ 1885 года. Вернувшись изъ этой поѣздки въ Тифлисъ, Николай Яковлевичъ неожиданно подвергся смертельному припадку болѣзни сердца. Въ послѣдніе годы имъ были выполнены, сверхъ того, два важныхъ служебныхъ дѣла — составленіе правилъ для владѣнія водами въ Крыму и истребленіе филоксеры, заразившей тамъ виноградники. Въ литературѣ Данилевскій имѣетъ имя, какъ одинъ изъ крупныхъ славянофиловъ, какъ авторъ книги «Россія и Европа», содержащей самобытный взглядъ на всемірную исторію и кодексъ славянофильскаго ученія. Петербургское Славянское Благотворительное Общество сдѣлало его своимъ почетнымъ членомъ. Кромѣ того, ему принадлежатъ другіе замѣчательные труды по части геологіи, политической экономіи, изученія народнаго быта и проч. Какъ натуралистъ, онъ хотѣлъ завершить свою дѣятельность обширнымъ трудомъ подъ заглавіемъ «Дарвинизмъ»; скоро выйдутъ два тома этого сочиненія, которому суждено остаться неоконченнымъ.

† 10-го ноября 1885 года, писатель **Александръ Ивановичъ Пальмъ**, долгое время работавшій на литературномъ поприщѣ, какъ драматургъ и беллетристъ. Онъ родился въ 1822 году и, по окончаніи курса въ корпусѣ, выпущенъ въ егерскій полкъ. Живя въ петербургскомъ свѣтѣ, Пальмъ часть своихъ досуговъ посвящалъ литературнымъ занятіямъ и написалъ нѣсколько разсказовъ и стихотвореній, напечатанныхъ въ «Литературной Газетѣ». Въ то же время онъ сблизился съ кружкомъ молодыхъ литераторовъ того времени: Ѳ. М. Достоевскимъ, А. Н. Плещеевымъ, Толемъ и друг. Всѣ они были

сосланы по дѣлу Петрашевскаго, и Пальму только въ новое царствованіе исходатайствовано прощеніе, возвращены права и разрѣшено жить въ столицахъ. Онъ переѣхалъ сперва въ Одессу, а потомъ въ Петербургъ, гдѣ и жилъ до своей смерти, уѣзжая иногда на лѣто на Кавказъ. Пальмъ былъ по наружности совершенно бодръ до перваго нервнаго удара, постигшаго его въ 1884 году по возвращеніи съ Кавказа. Второй нервный ударъ свелъ его въ могилу. Театральная дѣятельность Пальма началась въ концѣ пятидесятыхъ годовъ. Первой пьесой, написанной имъ, была комедія «Благодѣтель», напечатанная въ «Отечественныхъ Запискахъ». Тамъ же была помѣщена и комедія «Старый баринъ», пользующаяся большою популярностью въ обществѣ. Потомъ онъ написалъ комедіи: «И крылья есть, да летѣть некуда», «Нашъ другъ Неклюжевъ», «Гражданка» (доброволецъ Соладаевъ), «Милочка», «Господа избиратели», «Очертя голову», драму «Грѣшница» и одноактный фарсъ «Въ Асхабадъ». Всѣ эти пьесы имѣли успѣхъ на сценѣ. Пальмъ былъ страстнымъ любителемъ театра и посвящалъ ему большую часть своей дѣятельности не только какъ драматургъ, но какъ и исполнитель. Живя въ Одессѣ, онъ былъ дѣятельнымъ участникомъ любительскихъ спектаклей. Въ Тифлисѣ, во время антрепризы его сына, онъ игралъ и на сценѣ городскаго театра. Въ 1878 году онъ игралъ на сценѣ псковскаго театра, куда былъ приглашенъ на гастроли. Петербургская публика знакома съ игрой Пальма, появлявшагося, впрочемъ, рѣдко, на сценахъ лучшихъ клубовъ. Страсть къ театру А. И. Пальма перешла и къ его семейству. Жена его считается и въ настоящее время одной изъ лучшихъ комическихъ старухъ въ провинціи. Оба сына его извѣстны какъ артисты и какъ антрепренеры, и подвизались на петербургскихъ сценахъ. Одинъ изъ нихъ, подъ псевдонимомъ Арбенина, въ настоящее время антрепренерствуетъ въ петербургскомъ Маломъ театрѣ. Литературная дѣятельность покойнаго началась еще въ сороковыхъ годахъ, и первымъ крупнымъ его произведеніемъ былъ романъ «Жакъ Вичовкинъ», напечатанный въ «Отечественныхъ Запискахъ» въ 1849 году. Затѣмъ, втеченіе десяти лѣтъ его имя не встрѣчалось въ литературѣ, и только въ 1859 году появляется его романъ «Алексѣй Слободинъ», въ «Вѣстникѣ Европы», подъ псевдонимомъ Альминскаго, принадлежащій къ лучшимъ произведеніямъ покойнаго. Кромѣ того, были написаны имъ двѣ большія повѣсти «Конецъ стараго романа» и «Пропащіе годы», сначала также печатавшіеся въ журналахъ, а потомъ (въ 1881 г.) изданные отдѣльно книгопродавцемъ Гартье, подъ общей рубрикой «Больные люди». Въ послѣдніе годы Пальмъ напечаталъ романъ «Петербургская саранча» и нѣсколько небольшихъ разсказовъ въ газетѣ «Новое Время». Между послѣдними, особенное вниманіе публики обратилъ на себя симпатичный разсказъ «Анкудинова дача», гдѣ есть нѣсколько лицъ мастерски обрисованныхъ. Преимущественно удались въ немъ автору женскія лица. Онъ издавалъ также нѣкоторое время еженедѣльную газету «Театръ», и хотя велъ ее очень добросовѣстно, но публика не поддержала этого предпріятія и оно прекратилось, просуществовавъ не болѣе полугода. А. И. Пальмъ не принадлежалъ къ первоклассным талантамъ, но все имъ написанное носило на себѣ отпечатокъ литературнаго вкуса, добросовѣстнаго труда и обличало въ авторѣ значительную наблюдательность. Въ самый день его смерти, появился въ 3-й книжкѣ журнала «Сѣверный Вѣстникъ» разсказъ его «Фрося», написанный имъ весной нынѣшняго года.

† Въ концѣ прошлаго года калишскій вице-губернаторъ **Павелъ Николаевичъ Рыбниковъ**. Онъ родился въ Москвѣ, въ 1832 году, отъ небогатыхъ родителей купеческаго званія. Одиннадцати лѣтъ, почувствовавъ непреодолимое влеченіе къ образованію, онъ, вопреки желанію отца, добился опредѣленія въ гимназію, гдѣ, окончивъ первымъ курсъ, поступилъ въ Московскій университетъ на историко-филологическій факультетъ, по окончаніи котораго въ 1857 году получилъ золотую медаль. Желая всецѣло посвятить себя раз-

работкѣ древней русской эпопеи, столь важной для изученія быта тѣхъ временъ, Рыбниковъ отправился въ Черниговскую губернію, гдѣ разсчитывалъ между раскольниками найдти богатые матеріалы. Около двухъ лѣтъ записывалъ онъ былины, слушая сказанія каликъ-перехожихъ, и уже думалъ вернуться въ Москву для изданія сборника; но тутъ постигла молодаго собирателя одна изъ тѣхъ непріятностей, которымъ подвергались многіе русскіе литераторы въ тѣ времена. Полиція заподозрѣла Рыбникова въ сношеніяхъ съ раскольниками, арестовала его и привезла въ Петербургъ, гдѣ, послѣ полугодоваго предварительнаго заключенія, ему пришлось отправиться на неопредѣленное время на жительство въ Петрозаводскъ. Наконецъ, въ 1860 году, но неиначе какъ подъ редакціей Безсонова, ему удалось издать I томъ своего «Сборника былинъ и побывальщинъ». Появленіе этой книги произвело сильное впечатлѣніе даже въ ученомъ мірѣ: Рыбникову была выдана премія высшаго размѣра (2,000 руб.) отъ русскаго географическаго Общества, и онъ былъ избранъ членомъ Общества. Вслѣдъ за тѣмъ, по ходатайству тогдашняго олонецкаго губернатора Арсеньева, сына извѣстнаго географа, Рыбникову разрѣшено было вступить въ государственную службу, которую онъ и началъ въ 1861 году, съ должности секретаря губернскаго статистическаго комитета. Въ это время, пользуясь полнымъ довѣріемъ и дружбою губернатора, онъ продолжалъ на сѣверѣ начатое въ Черниговской губерніи дѣло, и результатомъ его трудовъ явились еще два тома сборника, но уже собственнаго его изданія. Географическое Общество присудило ему золотую медаль, а археологическое избрало членомъ-сотрудникомъ; наконецъ министерство народнаго просвѣщенія, въ виду неоспоримыхъ достоинствъ трудовъ Рыбникова, обязало всѣхъ студентовъ историко-филологическаго факультета пріобрѣсти его сборникъ. Въ изысканіяхъ своихъ Рыбниковъ не ограничивался собираніемъ однихъ только текстовъ былинъ, но записывалъ также и напѣвы ихъ. Покойный А. Н. Сѣровъ хотѣлъ воспользоваться этими мотивами для созданія чисто старо-русской оперы и просилъ Рыбникова взяться за ея либретто, избравъ эпохою дѣйствія времена Игоря. Рыбниковъ почти окончилъ порученное ему дѣло, когда смерть постигла Сѣрова. Постепенно повышаясь на службѣ, Рыбниковъ въ 1866 году былъ назначенъ въ Калишъ на должность вице-губернатора, и занималъ ее до своей смерти. Онъ былъ всесторонне образованъ, основательно зналъ древніе языки и былъ въ теоретическомъ отношеніи замѣчательнымъ лингвистомъ по новѣйшимъ языкамъ. До послѣдняго времени онъ выписывалъ всѣ лучшія сочиненія и оставилъ богатую библіотеку. Обладая большими научными свѣдѣніями, онъ былъ чуждъ какого бы то ни было педантизма; его направленіе и характеръ вызывали къ нему особенную симпатію.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Четырехсотлѣтіе цензуры.

4-го января 1886 года, совершится четырехсотлѣтіе съ перваго дня, какъ учреждена цензура въ Европѣ. Древнѣйшее узаконеніе о цензурѣ послѣдовало 4-го января 1486 года въ Майнцѣ, по мысли и по настоянію тамошняго духовенства, собственно въ цѣляхъ охраны книгъ св. писанія, но при этомъ оно сразу же обняло собою и всѣ другіе предметы.

Любопытно видѣть простоту пріема, съ которой все это было сдѣлано.

Въ ознаменованіе протекшаго четырехсотлѣтія цензуры, у насъ, повидимому, нельзя теперь ожидать никакихъ обстоятельныхъ историческихъ изслѣдованій. По крайней мѣрѣ, мы не знаемъ никого, кто бы занимался

уясненіемъ истиннаго значенія цензурнаго учрежденія въ общей исторіи культуры и въ судьбахъ тѣхъ государствъ, которыя сохранили цензуру, и тѣхъ, которыя нашли удобнѣйшимъ разстаться съ этимъ способомъ воспитанія общественной мысли и охраны общественныхъ нравовъ, а также охраны авторитета, существовавшихъ формъ правленія, вездѣ почти съ тѣхъ поръ сильно измѣнившихся. Изслѣдованіе историческаго значенія цензуры могло бы быть не только интересно, но и очень важно и полезно, и теперь это было бы какъ нельзя болѣе кстати, но, сколько мы знаемъ, ничего подобнаго въ русской литературѣ не предполагается и даже не ожидается. А потому, чтобы не остаться совсѣмъ невнимательными къ событію, пережившему четыреста лѣтъ, приведемъ на память современникамъ хоть тотъ первый документъ, которымъ въ Европѣ учреждалась цензура, и въ которомъ выражены ея основанія.

Вотъ онъ: «Бертольдъ, божіею милостію святый, майнитскія епархіи архіепископъ, въ Германіи архи-канцлеръ и курфирстъ. Хотя для пріобрѣтенія человѣческаго ученія, черезъ божественное искусство печатанія, возможно съ изобиліемъ получать книги до разныхъ наукъ касающіяся, но до свѣдѣнія нашего дошло, что нѣкоторые люди, побуждаемые желаніемъ суетной славы, или желаніемъ прибытка, — употребляютъ это желаніе во зло, и данное для пользы обращаютъ въ пагубу. Мы видѣли книги, до священныхъ должностей и обрядовъ касающіяся, переведенныя съ латинскаго языка на нѣмецкій и теперь обращающіяся въ рукахъ простаго народа, что неблагопристойно для св. писанія. Да вѣщаютъ намъ таковые издавцы: удобенъ ли нѣмецкій языкъ къ переложенію на оный того, что греческіе и латинскіе изящные писатели о вышнихъ размышленіяхъ писали? Признаться надлежитъ, что языкъ нашъ (нѣмецкій) несказанно недостаточенъ для того, чтобы на немъ сооружать имена неизвѣстнымъ вещамъ, а если употреблять древнія, то они испортятъ истинный смыслъ, чего наипаче опасаемся въ сочиненіяхъ духовныхъ, въ разсужденіи ихъ важности, ибо, ежели такія книги попадутся въ руки людей грубыхъ или женскому полу, то кто покажетъ имъ истинный смыслъ? Понеже начало славнаго печатнаго искусства явилось въ нашемъ славномъ городѣ Майнцѣ, и нынѣ въ ономъ исправлено и обогащено, то справедливо, чтобы мы приняли подъ нашу защиту важность сего искусства, и наложили узду всѣмъ и каждому въ церковной и свѣтской нашей области, и внѣ предѣловъ оныя торгующимъ. Симъ повелѣваемъ, чтобы никакое сочиненіе, по какой бы наукѣ, художеству или знанію ни было, — съ греческаго, латинскаго или другаго языка переводимо не было. А кои переведены, — тѣ не были бы раздаваемы или продаваемы ими до печатанія, или послѣ печати, если до изданія въ свѣтъ не будутъ имѣть открытаго дозволенія отъ любезныхъ намъ свѣтлѣйшихъ и благородныхъ докторовъ и магистровъ, а именно отъ Іоганна Бертрама Наумбурга въ касающемся богословія, отъ Александра Дидриха въ законознаніи, отъ Ѳеодорика де Мешеда во врачебной наукѣ, отъ Андрея Эллера въ словесности. Если же кто сіе наше попечительное постановленіе презритъ или противъ него подастъ совѣтъ, помощь и благопріятство, то тѣмъ подвергаетъ себя проклятію, да сверхъ того, лишенъ будетъ тѣхъ книгъ и заплатитъ сто золотыхъ гульденовъ пени въ нашу казну. Дано въ замкѣ св. Мартына, въ градѣ Майнцѣ, мѣсяца януарія въ четвертый день 1486 года».

Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ самомъ первоначальномъ учрежденіи цензурнаго досмотра, мотивъ для этого учрежденія былъ охрана св. писанія, но вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлано обобщеніе, взявшее подъ это «попечительное попеченіе» и все прочее книжное издательство. Цензура, какъ видимъ изъ этого любопытнаго указа, съ самаго своего начала, имѣла двойственный характеръ, т. е. она была и предварительная, и послѣдовательная, сочиненія, назначаемыя къ печати, можно было подавать на разсмотрѣніе

«свѣтлѣйшихъ и благородныхъ докторовъ и магистровъ» въ рукописяхъ, и можно было напечатать книги безъ просмотра рукописей, а потомъ представить ихъ къ просмотру.

Равно тогда же сразу твердою рукою майнцскаго архіепископа были установлены и спеціальныя цензуры, съ существованіемъ которыхъ до введенія нынѣ дѣйствующихъ въ Россіи правилъ о печати, была знакома печать и въ нашемъ отечествѣ. У насъ была цензура театральная, военная, полицейская, цензура академіи художествъ, цензура почтовая, коммиссаріатская, врачебная, путейская, конноваводская и т. п., и цензора эти не всегда назначались изъ «докторовъ и магистровъ». Нынѣ изъ всѣхъ многочисленныхъ спеціальныхъ цензуръ прошлаго времени остается въ дѣйствіи только одна духовная цензура, кругъ дѣятельности которой, казалось, будто бы очерченъ не совсѣмъ ясно, но въ нынѣшнее время это пояснено: и теперь отъ духовной цензуры зависитъ разрѣшеніе къ печати всѣхъ статей, не только трактующихъ о вѣрѣ, но даже и такихъ, гдѣ излагаются и разсматриваются вопросы церковно-историческіе.

Не менѣе перваго, любопытенъ второй документъ, касающійся того же предмета. Это документъ, которымъ установленное учрежденіе цензуры поручалось первымъ цензорамъ «Бертраму богословія, Дидриху законознанія де-Мешеда врачеванія и Эллеру словесности». На имя этихъ «ученѣйшихъ и боголюбезныхъ» особъ 10-го января 1486 года, дана была архіепископомъ слѣдующая грамота: «Лѣта 1486, Бертольдъ и прочее, почтеннѣйшимъ, ученѣйшимъ и любезнѣйшимъ намъ во Христѣ I. Бертраму богословія, Дидриху законознанія, Ѳ. де-Мешеда врачеванія докторамъ, и Эллеру словесности магистру — здравіе и къ нижеписанному прилежаніе. Извѣстившись о соблазнахъ и подлогахъ, отъ нѣкоторыхъ въ наукахъ переводчиковъ и книгопечатниковъ происшедшихъ и желая онымъ предварить и загладить путь, повелѣваемъ да никто не дерзаетъ въ епархіи и области нашей переводить книги на нѣмецкій языкъ, печатать или печатаныя раздавать, доколѣ таковыя сочиненія или книги не будутъ разсмотрѣны вами и для продажи вами утверждены».

«Надѣясь твердо на ваше благоразуміе и осторожность, мы вамъ поручаемъ: когда назначенныя къ переводу книги къ вамъ принесены будутъ, то вы разсмотрите ихъ содержаніе, и если могутъ возродиться заблужденія и соблазны, или оскорбить цѣломудріе, то вы оныя книги отвергнете. Тѣ же, которымъ выходъ въ свѣтъ на свободу дадите и отпустите,—вы подпишите своеручно, каждую книгу вдвоемъ, въ концѣ ея, дабы всѣмъ видно было, что тѣ, книги вами смотрѣны. Такъ Богу нашему и государству любезную должность отправляйте. Дано въ замкѣ св. Мартына 10-го января 1486 года».

Такая инструкція показываетъ, что цензурованіе въ началѣ было установлено только для книгъ, выходившихъ на языкѣ народномъ, ибо до книгъ латинскихъ и греческихъ, которыми могли пользоваться духовные,— цензура не касалась. Читавшіе книги, напечатанныя полатыни и погречески, были оставлены въ жертву «заблужденій, соблазновъ и оскорбленія цѣломудрія» въ чемъ многіе латинскіе авторы, какъ извѣстно, показывали немалое искусство. А потому «Богу и государству любезную должность» цензорскую не всѣ почли одинаковымъ уваженіемъ, и не всѣ признавали ее на самомъ дѣлѣ «Богу и государству любезною». Напротивъ, мысли, стѣсненныя въ печатномъ ихъ выраженіи, окрылились и образовалось такое мнѣніе, что новая «Богу и государству любезная должность» какъ будто установлена вовсе не съ тѣмъ, дабы охранить непогрѣшимость нравовъ, а съ тѣмъ, чтобы возможное по тогдашнему времени просвѣщеніе сдѣлать доступнымъ однимъ духовнымъ, читавшимъ полатыни и погречески, а народъ, чтобы «почиталъ науки, какъ имѣющія божественное происхожденіе и потому превышающія понятія людей обыкновеннаго происхожденія». Такое мнѣніе быстро

распространилось и послужило къ тому, что «Богу и государству любезная должность» вовсе не почиталась за таковую, какъ наименовалъ ее Бертольдъ, архіепископъ майнцскій. У насъ цензура встрѣчаетъ нѣсколько иныя отношенія. Наши грамотѣи, за весьма рѣдкими исключеніями, не помышляли о наукахъ столь высоко, чтобы приписывать имъ божественное происхожденіе. У насъ, наоборотъ, ученость долго отожествляли съ чернокнижіемъ и дьявольщиною, а подпись цензора на книгѣ довольно многіе и до сихъ поръ еще принимаютъ, какъ ученое утвержденіе въ томъ, что предлагаемый литературный трудъ очищенъ отъ всѣхъ пороковъ и имѣетъ требуемыя законами совершенства. Цензоръ и теперь во мнѣніи нѣкоторыхъ грамотѣевъ есть какъ бы справщикъ, который обязанъ исправить всѣ кривизны, всѣ западины и раскосы, и послѣ его обработки книжка выходитъ въ такомъ видѣ, что ей вполнѣ можно вѣрить и во всемъ на нее полагаться. Этотъ взглядъ безъ сомнѣнія имѣетъ свои очень интересныя стороны: онъ свидѣтельствуетъ о большой склонности людей извѣстнаго уровня образованности дѣлать оффиціальныхъ лицъ отвѣтственными за доброкачественность печатныхъ произведеній, на коихъ значится ихъ подпись, но онъ имѣетъ и нѣкоторыя невыгоды. Невыгоды заключаются въ томъ, что, по мнѣнію людей этого сорта, цензура будто бы удостовѣряетъ все то, что она въ сущности только дозволяетъ. Иногда это бываетъ неудобно, какъ, напримѣръ, случилось недавно съ пошлою московскою книжечкою о «Разбойникѣ Чуркинѣ», разсказъ о которомъ грамотѣи принимали за истину. Настоящее же пониманіе задачъ и значенія цензуры въ Россіи, пока, еще темно и слабо.

Н. Лѣсковъ.

Разъясненіе недоразумѣнія.

«Милостивый государь,

«Господинъ редакторъ!

«Своей телеграммой въ сто семь словъ и двумя письмами, по листу большаго формата каждое, я достаточно оправдался лично предъ вами и доказалъ, что безчестныхъ дѣяній со стороны моей не было, при передачѣ въ ваше распоряженіе небольшой статейки: «Духовная карьера». Теперь, съ позволенія вашего, нижеслѣдующимъ объясненіемъ я хотѣлъ бы снять съ себя тотъ позоръ, то ужасное пятно, которое наложено на меня замѣткой «Литературный обманъ», напечатанной въ декабрской книжкѣ вашего почтеннаго журнала. Объясняю слѣдующее.

«Статья «Духовная карьера» написана была мною года три тому назадъ и предназначалась для мѣстнаго епархіальнаго изданія, получила разрѣшеніе цензуры, но не могла быть напечатана по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ и возвращена редакціею мнѣ. Тогда эту статью я передалъ въ «Русскую Старину», редакція которой объяснила мнѣ, что разсказъ неудобенъ для этого изданія, такъ какъ онъ написанъ въ формѣ беллетристической.

«Такъ я и оставилъ у себя мой разсказъ до поры до времени. Затѣмъ, кажется, около года тому назадъ, нѣсколько исправивъ разсказъ и давъ ему названіе: «По окончаніи курса», я послалъ его въ извѣстный журналъ «Вѣстникъ Европы», написавъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ редакцію, на всякій случай, просьбу о томъ, что, въ случаѣ неудобства помѣщенія статьи въ журналѣ, передали бы ее въ журналъ «Странникъ». Журнала этого я не получаю, и одобрительный отзывъ о немъ слышалъ со стороны. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, но я ни отъ редакціи «Вѣстника Европы» (которой, разумѣется, и отвѣчать было нечего), ни отъ редакціи «Странника» ника-

кого отвѣта не получилъ. Предположивъ, что статья моя затерялась, что со мною случалось не разъ, я тогда уже передалъ статью подъ заглавіемъ: «Духовная карьера» въ редакцію «Историческаго Вѣстника», гдѣ статью и пристроилъ.

«О томъ, что статья: «По окончаніи курса», имѣющая однородное содержаніе со статьей «Духовная Карьера», помѣщена въ сентябрской книжкѣ «Странника», я рѣшительно не зналъ, и получилъ свѣдѣніе объ этомъ только 12-го ноября, когда уже статья была напечатана въ ноябрской книжкѣ «Историческаго Вѣстника». Нимало не медля, я написалъ въ редакцію журнала «Странникъ» и 21-го ноября отъ редактора этого журнала г. Пономарева получилъ слѣдующій отвѣтъ: «Рукопись ваша, напечатанная въ сентябрской книгѣ «Странника» подъ заглавіемъ: «По окончаніи курса», была получена нами изъ редакціи «Вѣстника Европы» съ письмомъ о передачѣ ея намъ; но безъ обозначенія условій и точнаго адреса. По этой причинѣ мы не могли входить въ переписку съ вами и выслать деньги по отпечатаніи статьи. Теперь посылаемъ вамъ деньги за статью». Получивъ деньги отъ «Странника» за статью «По окончаніи курса», мнѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ возвратить редакціи «Историческаго Вѣстника» деньги, полученныя мною за статью «Духовная карьера» (которыя я получилъ въ первыхъ числахъ ноября). Но, къ крайнему прискорбію моему, это было уже поздно, ибо вы, г. редакторъ, получивъ свѣдѣніе о томъ, что моя статья, помѣщенная въ ноябрской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», была напечатана въ «Странникѣ» еще въ сентябрѣ мѣсяцѣ, напечатали замѣтку «Литературный обманъ», которую, не смотря на объясненіе мое, нельзя было уничтожить, такъ какъ декабрская книжка «Историческаго Вѣстника» уже была отпечатана и вышла съ замѣткой, ужасной для меня. Во всякомъ случаѣ, я еще 30-го ноября возвратилъ обратно тѣ 56 рублей, о которыхъ говорится въ замѣткѣ «Литературный обманъ».

«Вотъ что значитъ иногда недоразумѣніе, и вотъ въ какое иногда можно поставить себя положеніе въ силу вещей, не отъ насъ зависящихъ! Этимъ я кончаю свое объясненіе и прошу читателей «Историческаго Вѣстника» измѣнить обо мнѣ мнѣніе, а почтенную редакцію прошу извинить меня въ томъ, что я надѣлалъ ей столько хлопотъ и непріятностей, хотя во всей исторіи со статьей «Духовная карьера» съ моей стороны нѣтъ не только безчестности, или шантажа, но и простаго легкомыслія, а одно только недоразумѣніе и маленькое невниманіе столичныхъ литераторовъ къ намъ, «невѣдомымъ» деревенскимъ писателямъ!

«Декабря 6-го 1885 года. **«Ник. Ив. Соловьевъ».**

Печатая «разъясненіе» г. Соловьева на замѣтку нашу «Литературный обманъ», считаемъ необходимымъ сказать отъ себя по этому поводу нѣсколько словъ. Г. Соловьевъ дѣйствительно возвратилъ въ нашу контору (по почтѣ, 4-го декабря) полученные имъ 56 рублей гонорара за статью «Духовная карьера», и мы, охотно вѣря его объясненіямъ, съ удовольствіемъ снимаемъ съ него обвиненіе въ предумышленномъ обманѣ, но не можемъ извинить его легкомыслія, благодаря которому онъ поставилъ въ крайне неловкое и непріятное положеніе сперва редакцію «Историческаго Вѣстника», а потомъ и самого себя. Г. Соловьевъ говоритъ, что, не получая нѣсколько мѣсяцевъ, никакого отвѣта, отъ редакціи «Странника» о судьбѣ переданной туда изъ «Вѣстника Европы» статьи своей «По окончаніи курса», онъ предположилъ, что статья затеряна, и послалъ её въ редакцію «Историческаго Вѣстника», но уже подъ измѣненнымъ заглавіемъ «Духовная карьера». Намъ, кажется, что вмѣсто предположенія, г. Со-

ловьеву слѣдовало бы обратиться въ редакцію «Странника» за точнымъ разъясненіемъ, что̀ сталось съ его статьей? За тѣмъ, получивъ отъ насъ 8-го іюля увѣдомленіе, что статья «Духовная карьера» принята въ «Историческій Вѣстникъ» и будетъ напечатана въ концѣ года, г. Соловьевъ имѣлъ до ноября четыре мѣсяца, втеченіе которыхъ могъ бы увѣдомить редакцію «Странника», гдѣ находился дубликатъ его статьи, о томъ, что означенная статья переслана имъ подъ измѣненнымъ заглавіемъ въ другой журналъ и принята послѣднимъ для напечатанія. Наконецъ, допустивъ даже, что редакція «Странника» почему либо и не отвѣтила г. Соловьеву, ему слѣдовало бы предупредить редакцію «Историческаго Вѣстника», что второй экземпляръ рукописи былъ имъ посланъ раньше въ «Странникъ», откуда не возвращенъ, и просить насъ истребовать эту рукопись изъ редакціи названнаго журнала. При соблюденіи этихъ условій, разумѣется, не могло бы произойдти никакихъ недоразумѣній, и г. Соловьеву не пришлось бы читать непріятныхъ для него обвиненій и оправдываться въ нихъ. Такимъ образомъ, во всемъ этомъ дѣлѣ, оказывается виноватымъ не «невниманіе столичныхъ литераторовъ къ невѣдомымъ деревенскимъ писателямъ», какъ выражается г. Соловьевъ, а легкомысленное отношеніе къ литературнымъ обычаямъ и правиламъ самихъ г.г. деревенскихъ литераторовъ. Ред.

Цензоръ Тумaнскій.

Въ статьѣ «Павловская цензура», напечатанной въ октябрской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» 1885 г., выражено нѣкоторое сомнѣніе относительно того, гдѣ именно окончилъ свои дни бывшій рижскій цензоръ Ѳ. О. Туманскій.

Въ моихъ рукахъ находится документъ, изъ котораго видно, что Туманскій-отецъ, оставивъ службу какъ цензоръ, служилъ по выборамъ въ Глуховскомъ уѣздѣ. Такъ, я имѣю на листѣ копію своего фамильнаго герба, съ подробнымъ его описаніемъ, подъ которымъ находится подпись: «Маршалъ Глуховскаго повѣта Николай Романовскій и статскій совѣтникъ Ѳедоръ Туманскій», съ приложеніемъ гербовой печати послѣдняго, гдѣ на гладкомъ щитѣ, увѣнчанномъ дворянской короной, изображенъ крестъ и дата: годъ 1802-й, мая 15-го дня. Слѣдовательно, этотъ документъ можетъ служить подтвержденіемъ того, что грозный цензоръ, оставивъ службу, дѣйствительно жилъ на родинѣ въ Глуховскомъ уѣздѣ, откуда и переселился въ тѣ страны, гдѣ нѣтъ цензуры.

Н. О. Уманецъ.

ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА АРХАРОВА.

Съ портрета писаннаго Боровиковскимъ и принадлежащаго А. А. Васильчикову.

Дозв. ценз. спб. 22 января 1886 г.

КНЯГИНЯ НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА ДОЛГОРУКАЯ.

«Съ несчастнымъ страшною разлукой
Печальной жизни цвѣтъ убитъ;
Одинъ ударъ ихъ двухъ мертвитъ:
И слезъ Натальи Долгорукой
Никто ничѣмъ не усладитъ»...

Козловъ. Поэма «Кн. Н. Б. Долгорукая».

«Во всѣхъ злополучіяхъ я была своему мужу товарищъ, и теперь скажу самую правду, что, будучи во всѣхъ бѣдахъ, никогда не раскаивалась, для чего я за него пошла и не дала въ томъ безумія Богу. (Кн. Іова, гл. 2, ст. 10)».

«Записки» кн. Н. Б. Долгорукой.

Ъ ТѢХЪ поръ, какъ русскіе люди начали знакомиться съ недавно-прошлымъ родной земли, съ начала XIX вѣка и до нашихъ дней, они невольно обращали вниманіе на въ высшей степени симпатичную личность княгини Натальи Борисовны Долгорукой, какъ на образецъ глубоко и искренно любящей жены и матери. Начиная С. Н. Глинкой и Рылѣевымъ и кончая г-жею Толычевой и Д. Л. Мордовцевымъ, тянется цѣлый рядъ очерковъ въ прозѣ и въ стихахъ, излагающихъ ея жизнь [1]).

[1]) Русская исторія Глинки печаталась въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1812 года (1-е изд.), а потомъ въ отд. изданіяхъ: 2-е, М., 1817—1819, въ 10 част.; 3-е изд. 1823—1825 г. въ 14 частяхъ.—«Дума» Рылѣева «Наталья Долгорукова» появилась впервые въ «Новостяхъ литературы» 1823 г., ч. V, № 30; затѣмъ перепечатана въ отдѣльн. изд. его «Думъ», 1825 г., и въ собраніи сочиненій Рылѣева (Лейпцигское изд. 1861 г. и Петербургское 1872 г.). «Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая», поэма Козлова, была посвящена Жуковскому и появилась въ 1828 г.

При общеизвѣстности печальной жизненной повѣсти княгини Натальи Борисовны Долгорукой, невозможно сказать о ней что либо новое, но необходимо напоминать почаще извѣстное о ней. Послѣднія по времени монографіи, посвященныя ея скорбной жизни, появились одиннадцать лѣтъ тому назадъ, и, быть можетъ, многимъ изъ читателей «Историческаго Вѣстника» не попадались подъ руку ни книга г. Мордовцева, ни брошюра г-жи Толычевой.

Вотъ на основаніи какихъ побужденій я позволяю себя вести бесѣду о княгинѣ Натальѣ Борисовнѣ Долгорукой.

Наталья Борисовна была дочь извѣстнаго фельдмаршала и любимца Петра Великаго, графа Бориса Петровича Шереметева и второй его супруги, вдовы роднаго дяди царя Петра, боярина Льва Кирилловича Нарышкина, Анны Петровны, рожденной Салтыковой. Фельдмаршалу, когда онъ, по волѣ царя Петра, вступилъ во второй бракъ, шелъ 61-й годъ; онъ вдовѣлъ уже болѣе 30 лѣтъ и меньшая его дочь отъ перваго брака была въ то время женщиной немолодой, почти 40 лѣтъ. У него уже были въ то время взрослые внуки. Между старымъ фельдмаршаломъ и молодой Нарышкиной существовала громадная разница въ годахъ: ей шелъ всего 25-й годъ, слѣдовательно она была на 35 лѣтъ моложе фельдмаршала и на 15 лѣтъ моложе меньшой его дочери. Отъ перваго брака

отдѣльнымъ изданіемъ; перепечатана въ стихотвореніяхъ Козлова, изд. Смирдинымъ въ его коллекціи «Полн. собр. сочин. русск. авторовъ», Спб., 1855 г. О кн. Натальѣ Борисовнѣ Долгорукой говорится во всѣхъ монографіяхъ, посвященныхъ судьбѣ князей Долгорукихъ въ царствованіе Анны Іоанновны и въ особенности въ біографіяхъ мужа кн. Натальи Борисовны князя Ивана Алексѣевича Долгорукаго. Всего интереснѣе указанія о ней, находящіяся въ «Запискахъ» ея внука, кн. И. М. Долгорукаго («Р. Арх.», 1867 г.), и въ «Memoires du pr. Pierre Dolgorukow», t. I, Genéve, 1867 (p. 331—376). Изъ отдѣльныхъ монографій о кн. Н. Б. Долгорукой мнѣ извѣстны слѣдующія. Въ 1857 г. появилась въ Лондонѣ книга Джемса Гирда: «The life and times of Nathalia Borissovna, princ. Dolgoroukow»; на основаніи этой монографіи и др. источниковъ появилось изслѣдованіе о Н. Б. Долгорукой неизвѣстнаго автора въ «От. Зап.», 1858 г., т. CXVI, I, с. 275—300. Популярно-изложенные біографическіе очерки кн. Н. Б. Долгорукой помѣщены: въ «Ежемѣсячномъ календарѣ» на 1869 г., № 6, въ «Виленскомъ Вѣстн.», 1870 г., №№ 31—35 (Н. Новоселова) и въ книгѣ Д. Л. Мордовцева, «Русскія женщины новаго времени», Спб., 1874 г. Изъ біографій для дѣтскаго чтенія самыми замѣчательными являются: Е. В., въ «Семейныхъ Вечерахъ» (старш. возрастъ), 1869 г., № 12; В. Острогорскаго, «Дѣтское Чт.», 1870 г., № 3; Н. Покровскаго, «Дѣло и отдыхъ», 1871 г., № 11, и Т. Толычевой (псевдонимъ), отд. брош., изд. Общ. распростр. полезн. книгъ, М., 1874 г. Почти исключительнымъ источникомъ для всѣхъ этихъ біографическихъ очерковъ кн. Нат. Борис. послужили ея интересныя «Записки», писанныя ею въ 1767 году, 53 лѣтъ отъ роду. Въ нихъ она трогательно вспоминаетъ всѣ злоключенія своей жизни. Въ первый разъ онѣ были изданы въ журналѣ «Другъ Юношества», 1810 г., № 1; затѣмъ въ «Сказаніяхъ о родѣ князей Долгоруковыхъ» князя П. В. Долгорукаго, Спб., 1840 г. Оба изданія не полны и съ поправками въ языкѣ. Лучшее изданіе въ «Русскомъ Архивѣ» П. И. Бартенева за 1867 г. Французскій переводъ «Записокъ» находится въ приведенныхъ выше «Memoires du prince P. Dolgoroukow».

(съ Авд. Ив. Чириковой) у графа Б. П. Шереметева было трое дѣтей: Софья Борисовна, умершая еще въ 1694 году, Анна Борисовна замужемъ за графомъ Ив. Ѳед. Головинымъ, и Михаилъ Борисовичъ, ровестникъ царю Петру, служилъ генералъ-маіоромъ, былъ женатъ также на Нарышкиной, Авд. Григ., дальней родственницѣ второй жены фельдмаршала. Молодая мачиха вступала въ семью Шереметева также не одна. Отъ Льва Кирилловича Нарышкина у нея были двѣ дѣвочки погодки: Маша—девяти и Анюта—восьми лѣтъ.

Первенцомъ у Анны Петровны отъ брака съ Бор. Петр. Шереметевымъ былъ сынъ Петръ, родившійся въ 1713 году. Наталья Борисовна была вторымъ ребенкомъ и родилась 17-го января 1714 года. За нею слѣдовали: Сергѣй (р. 1715 г.), Вѣра (р. 1716 г.) и Екатерина (р. 1718 г.). 17-го февраля скончался фельдмаршалъ Шереметевъ, 67 лѣтъ отъ роду.

Наталья Борисовна была всего 5-ти лѣтъ, когда умеръ ея отецъ. Она не могла ощущать горя и даже плохо помнила его смерть; но горе отъ потери матери повергло ее въ страшное отчаяніе. Графиня Анна Петровна Шереметева скончалась 22-го іюля 1728 года, когда Натальѣ Борисовнѣ шелъ 14-й годъ. «Сколько я ни плакала,—говоритъ сама Наталья Борисовна въ своихъ «Запискахъ»:—только все еще не доставало, кажется, противъ любви ея ко мнѣ; однако, ни слезами, ни рыданіемъ не воротила». Анна Петровна Шереметева очень любила свою Наташу, пригожую, живую, понятливую и разсудительную дѣвочку. «Я ей была дорога,—говоритъ сама Наталья Борисовна.—Льстилась мною веселиться; представляла себѣ, когда приду въ совершенныя лѣты, буду добрый товарищъ во всякихъ случаяхъ, и въ печали, и въ радости; и такъ меня содержала, какъ должно благородной дѣвушкѣ быть; пребезмѣрно меня любила». Мать старалась о воспитаніи дочери, о ея солидномъ обученіи и образованіи. Къ ней была приставлена гувернантка, «мамзель», по терминологіи того времени, нѣмка Марія Штауденъ, которая привязалась къ своей воспитанницѣ и сохраняла къ ней впослѣдствіи самую искреннюю дружбу.

Привольно катилась жизнь Натальи Борисовны при матери. Она жила у нея съ старшимъ братомъ своимъ Петромъ Борисовичемъ, меньшимъ братомъ Сергѣемъ, двумя сестрами и двумя же сестрами Нарышкиными. Веселый нравъ матери, богатство, широкій кругъ знатнаго родства—все это располагало Наталью Борисовну въ дѣтствѣ къ веселой и разсѣянной жизни: она очень любила удовольствія. Смерть матери все измѣнила. Нарышкиныхъ взяли къ себѣ ихъ родственники, и Наталья Борисовна очутилась подъ властію своего брата Петра Борисовича Шереметева (самый старшій братъ, отъ перваго брака фельдмаршала, графъ Михаилъ Борисовичъ Шереметевъ, умеръ въ годъ рожденья Натальи Бори-

совны), который не долюбливалъ ее, какъ любимицу матери, и недружелюбно къ ней относился. Наталья Борисовна стала грустить, хандрить, плакала, преувеличивая свои невзгоды. Жизнь ея пошла одиноко, она заключилась въ самой себѣ и выработала ту серьёзность воззрѣній, ту стойкость воли, которыя помогли ей такъ геройски перенести дѣйствительныя несчастія, охватившія ее въ недалекомъ будущемъ. «Пришло на меня высокоуміе, — говоритъ она: — вздумала я себя сохранять отъ излишняго гулянья, чтобъ мнѣ чего не понести, какого поноснаго слова: тогда очень наблюдали честь. Я свою молодость плѣнила разумомъ, удерживала на время свои желанія, въ разсужденіи томъ, что еще будетъ время къ моему удовольствію: заранѣ пріучала себя къ скукѣ».

Такой жизнью прожила Наталья Борисовна два года. Наконецъ, молодость взяла свое: ей снова захотѣлось повеселиться, и 15-ти лѣтъ она появилась въ свѣтъ. Молодые люди знатныхъ фамилій наперерывъ стали ухаживать за богатой, красивой, симпатичной дѣвушкой и на перебой дѣлали ей предложенія; но она была холодна ко всѣмъ: сердце ея не заговорило.

Наконецъ, она приняла предложеніе самаго выдающагося изъ всѣхъ тогдашнихъ московскихъ жениховъ. То былъ 22-хъ лѣтній красавецъ, оберъ-камергеръ и фаворитъ императора Петра II, князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукой. Долго искалъ онъ подходящей себѣ «партіи», и, наконецъ, выборъ его остановился на Натальѣ Борисовнѣ. Фамилія князей Долгорукихъ была въ то время на зенитѣ своего величія: она находилась въ полномъ фаворѣ, какъ тогда выражались. Отецъ фаворита, князь Алексѣй Григорьевичъ, человѣкъ по природѣ ничтожный и алчный къ наживѣ, былъ оберъ-гофмейстеромъ и воспитателемъ юнаго императора, а его дочь, сестра Ивана Алексѣевича, княжна Екатерина, была объявленной невѣстой Петра II. Но не одинъ фаворъ при дворѣ привлекъ Наталью Борисовну къ ея жениху, что̀ доказала она впослѣдствіи; князь Иванъ Долгорукой заронилъ въ сердцѣ юной Шереметевой искру серьёзнаго чувства. Суетный и легкомысленный князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукой былъ надѣленъ живымъ и гибкимъ умомъ, и прекраснымъ сердцемъ. Онъ утомился въ 22 года своей шумной и порочной жизнью и нашелъ исцѣленіе отъ ея ранъ въ безграничной любви Натальи Борисовны. Занимала ее, впрочемъ, и знатность ея жениха. «Казалось, ни въ чемъ нѣтъ недостатка; милый человѣкъ въ глазахъ, въ разсужденіи томъ, что этотъ союзъ любви будетъ до смерти неразрывный, а притомъ природныя чести, богатство, отъ всѣхъ людей почтеніе: всякой ищетъ милости, рекомендуется подъ мою протекцію; подумайте, будучи дѣвкѣ въ пятнадцать лѣтъ, такъ обрадованной! Я не иное что воображала, какъ вся сфера небесная надо мною перемѣнилась». Всѣ и родные,

и знакомые съ завистью смотрѣли на Наталью Борисовну и всѣ въ одинъ голосъ говорили: «Ахъ, какъ она счастлива»!

30-го ноября 1729 года, произошло въ Москвѣ торжественное обрученіе императора Петра II съ княжною Екатериною Долгорукою, а черезъ три недѣли послѣ того, наканунѣ Рождества, послѣдовало обрученіе ея брата князя Ивана съ Натальею Борисовною

Княгиня Н. Б. Долгорукая.

Съ портрета, принадлежащаго князю Д. И. Долгорукову, по акварели А. Д. Соколова, находящейся у г. Фельтена.

также въ Москвѣ, въ старинномъ Шереметевскомъ домѣ, на Воздвиженкѣ. На обрученіи присутствовалъ императоръ съ великими княжнами, весь дворъ, иностранные посланники, генералитетъ и многочисленная, высокопоставленная родня князей Долгорукихъ и графовъ Шереметевыхъ. Обручальный перстень жениха стоилъ 12 тысячъ рублей, обручальный перстень невѣсты 6 тысячъ. Драгоцѣнные подарки такъ щедро сыпались въ руки невѣсты князя

Долгорукаго, что она не успѣвала принимать ихъ. Братъ Натальи Борисовны, Петръ Борисовичъ, также дарилъ жениха: шестью пудами серебра въ слиткахъ, золочеными старинными кубками и стопами. Наталья Борисовна была на седьмомъ небѣ отъ блаженства и счастія. Горящія смоляныя бочки освѣщали дворъ передъ домомъ Шереметевыхъ и улицу, наполненную народомъ до того, что по ней нельзя было ни пройдти, ни проѣхать. Толпа глазѣла на иллюминацію и стеченіе на праздникъ «большихъ господъ» и, какъ говорили тогда въ Москвѣ, привѣтствовала Наталью Борисовну радостными кликами: «Слава Богу, что отца нашего дочь идетъ замужъ за великаго человѣка, возставитъ родъ свой и возведетъ братьевъ своихъ на степень отцову!» За обрученіемъ слѣдовалъ цѣлый рядъ пышныхъ торжествъ въ честь обрученныхъ и при дворѣ, и у Долгорукихъ, и у Шереметевыхъ, и у ихъ многочисленныхъ родственниковъ. Но среди этихъ торжествъ нежданно-негаданно произошла катастрофа, совершенно измѣнившая всѣ «конъюнктуры» тогдашнихъ дворскихъ и дипломатическихъ кружковъ и пагубно повліявшая на судьбу князей Долгорукихъ и Натальи Борисовны Шереметевой.

Въ ночь съ 18-го на 19-е января 1730 года, скончался юный императоръ Петръ II. Съ нимъ пресѣкалось мужское потомство Петра Великаго; въ Москвѣ появилось знаменательное движеніе среди верховниковъ и шляхетства для рѣшенія вопроса: кому быть государемъ на Руси? Основываясь на законѣ Петра Великаго о правѣ царствующаго государя назначать себѣ преемника и на толкованіи этого закона «Правдѣ воли монаршей», Верховный Тайный Совѣтъ какъ высшее въ имперіи учрежденіе, въ виду того обстоятельства, что Петръ II никого не назначилъ себѣ въ преемники, призналъ себя въ правѣ избрать главу Россійскаго государства съ ограниченіемъ самодержавной власти. Выборъ, какъ извѣстно, палъ на Анну Іоанновну, вдовствующую герцогиню курляндскую, племянницу Петра Великаго.

15-го февраля, Анна Іоанновна прибыла въ Москву, а 25-го торжественно разорвала подписанныя ею въ Митавѣ «кондиціи». Тогда опала самодержавной императрицы прежде всего постигла князей Долгорукихъ, составлявшихъ большинство Верховнаго Тайнаго Совѣта и игравшихъ столь выдающуюся роль при дворѣ императора Петра II.

Здѣсь не мѣсто останавливаться на подробностяхъ этой опалы. Достаточно лишь напомнить читателямъ, что князья Долгорукіе унизились до составленія подложнаго духовнаго завѣщанія отъ имени Петра II о воцареніи по его кончинѣ его невѣсты, княжны Екатерины Алексѣевны Долгорукой. Но тогда, кромѣ самихъ авторовъ подложнаго документа, никто не зналъ въ точности, какъ происходило его составленіе. Подробности объ этомъ всплыли го-

раздо позднѣе, а при воцареніи Анны Іоанновны носились лишь темные слухи, что, по кончинѣ Петра II, князья Долгорукіе хотѣли провозгласить императрицей невѣсту императора, княжну Екатерину Алексѣевну Долгорукую, а за невозможностью исполнить этотъ замыселъ явились иниціаторами въ дѣлѣ ограниченія самодержавной власти Анны Іоанновны. Въ дѣйствительности, они далеко не были иниціаторами этого дѣла, но таково было въ то время общее убѣжденіе, а дѣйствительный иниціаторъ «кондицій», князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, само собою считалъ нужнымъ скрывать истину. Справедливость слуховъ о роли Долгорукихъ при воцареніи Анны Іоанновны старались укоренить въ ея сознаніи враги Долгорукихъ, во главѣ которыхъ стояли главные дѣятели провозглашенія новой императрицы самодержицей: князь А. М. Черкасскій, канцлеръ графъ Головкинъ, Ягужинскій, Ѳеофанъ Прокоповичъ и Остерманъ. Но эти враги такъ ловко скрывались за другими, что не только современники, но и позднѣйшіе историки того времени приписывали несчастія Долгорукихъ Бирону, который въ 1730 году не имѣлъ еще никакого политическаго значенія.

Дни съ 19-го января по 25-е февраля были скорбными днями для всѣхъ Долгорукихъ, и въ особенности для князя Ивана Алексѣевича и его невѣсты. Князь Иванъ былъ чрезвычайно пораженъ смертію дѣйствительно любимаго имъ отрока-императора и чуялъ, что ему, какъ фавориту Петра II, не сдобровать при новомъ правительствѣ, каково бы оно ни было. Онъ «не путался» (по выраженію того времени) въ политическія совѣщанія шляхетства, а грустный, убитый горемъ, упрекая себя въ душѣ за свое легкомысленное участіе въ составленіи подложнаго завѣщанія Петра II, таилъ въ себѣ это участіе, не говорилъ о немъ никому, даже своей невѣстѣ, и только съ ней одной выплакивалъ свое горе [1]). «Куда дѣвались искатели и друзья?—восклицаетъ въ своихъ запискахъ Наталья Борисовна.—Всѣ спрятались, и ближніе отдалече меня сташа, всѣ меня оставили въ угодность новымъ фаворитамъ; всѣ стали уже меня бояться, чтобъ я встрѣчу съ кѣмъ не попалась, всѣмъ подозрительна»!

Въ самый день кончины Петра II Иванъ Алексѣевичъ провелъ вечеръ у Натальи Борисовны, разсказывая подробности о кончинѣ юноши-императора. Женихъ съ невѣстой заливались горючими слезами. Въ этотъ памятный для нихъ обоихъ вечеръ поклялись они другъ другу никогда не разлучаться, и эту клятву Наталья Борисовна исполнила свято, нарушивъ ее лишь черезъ девять лѣтъ помимо своей воли.

---

[1]) Подробности объ участіи князя И. А. Долгорукаго въ составленіи подложной духовной императора Петра II см. въ составленномъ мною біографическомъ очеркѣ кн. Ивана въ «Древ. и Нов. Россіи», 1879 года, кн. 1, стр. 31—52.

Бѣда за бѣдой обрушивались на Наталью Борисовну. Она, 15-тилѣтняя дѣвушка, привыкшая къ привольной жизни, была въ горестное для нея время предоставлена самой себѣ. Въ это время умерла ея бабушка Марья Ивановна Салтыкова, старшій братъ ея, Петръ Борисовичъ, лежалъ больной въ оспѣ; меньшой, Сергѣй, былъ отдѣленъ отъ брата, чтобы не заразиться оспой, которой боялись какъ чумы, потому что предохранительная прививка ея не была извѣстна.

Наталья Борисовна, зная, какъ она сама выражается, «обыкновеніе своего государства, что всѣ фавориты послѣ своихъ государей пропадаютъ», и будучи свидѣтельницей недавнихъ опалъ Девіера, Толстаго, всей семьи Меньшиковыхъ,—предавалась страшному отчаянію. Она пришла въ безсознательное состояніе, услыхавъ вѣсть о кончинѣ Петра II. Когда опомнилась, твердила только одно: «Ахъ, пропала! пропала!» — и безутѣшно плакала. Она ожидала, что князь Иванъ Долгорукой будетъ удаленъ отъ двора, но на столько была увѣрена въ его невинности, что никакъ не предвидѣла той печальной участи, которая ожидала въ недалекомъ будущемъ и его, и ее. Родственники Натальи Борисовны потеряли голову, не зная, чѣмъ ее утѣшить. Они, не понимая честности и твердости характера молоденькой Шереметевой, остановились на лучшемъ, по ихъ мнѣнію, средствѣ: стали ее уговаривать отказать князю Ивану и пойдти замужъ за другаго, который въ то время сильно домогался ея руки.— «Ты человѣкъ молодой, не сокрушай себя такъ безразсудно, — говорили они ей.—Князю Ивану, когда ему будетъ худо, можно отказать; будутъ другіе женихи, не хуже его достоинствомъ, развѣ только не такіе великіе чины будутъ имѣть». Наталья Борисовна была глубоко оскорблена такими совѣтами. Вотъ что говоритъ она сама: «Это предложеніе такъ мнѣ тяжело было, что ничего имъ не могла на то отвѣтствовать. Войдите въ разсужденіе, какое это мнѣ утѣшеніе и честна ли эта совѣсть, когда онъ былъ великъ, такъ я съ радостью за него шла, а когда онъ сталъ несчастливъ, отказать ему? Я такому безсовѣстному совѣту согласиться не могла; а такъ положила свое намѣреніе, когда сердце одному отдавъ, жить или умереть вмѣстѣ, а другому уже нѣтъ участія въ моей любви. Я не имѣла такой привычки, чтобъ сегодня любить одного, а завтра другаго; въ нынѣшній вѣкъ такая мода [1]), а я доказала свѣту, что я въ любви вѣрна».

Весьма естественно, что въ 15 лѣтъ и при томъ исключительномъ положеніи, въ какомъ находилась Наталья Борисовна въ то время, бурныя событія воцаренія Анны Іоанновны и всѣ люди, дѣлавшіе тогдашнюю исторію, приходили въ сознаніе Шереметевой черезъ призму ея субъективныхъ, сердечныхъ чувствъ. Тайныя нити

[1]) Писано въ 1767 году.

политическихъ «конъюнктуръ» были сокрыты отъ нея, да и не интересовали ее вовсе. Тѣмъ болѣе любопытны ея отзывы, ея краткія замѣтки, брошенныя мимоходомъ въ «Запискахъ» почти 40 лѣтъ спустя, о времени воцаренія императрицы Анны Іоанновны.

Погребеніе Петра II произвело сильное впечатлѣніе на Наталью Борисовну главнымъ образомъ потому, что въ печальной церемо-

Князь И. А. Долгорукій.

Съ портрета, находившагося на «Исторической выставкѣ» 1870 года. (№ 138).

ніи принималъ участіе ея женихъ; она смотрѣла на церемонію изъ оконъ своего дома. По отношеніямъ Петра II къ князю Ивану Долгорукому, Наталья Борисовна идеализируетъ «отрока-императора». При видѣ печальнаго, грустнаго лица жениха въ траурной одеждѣ Наталья Борисовна «обезпамятовала» и отъ слабости не могла сидѣть и упала на окошко; при взглядѣ на гробъ Петра II, она лишилась чувствъ и затѣмъ дала волю слезамъ: «Оставя всѣ

церемоніи, плакала, сколько ей сердце дозволяло, разсуждая мыслію своею, какое это сокровище земля принимаетъ, на которое, кажется, и солнце со удивленіемъ сіяло!» Наталья Борисовна такъ характеризуетъ Петра II: «Умъ сопряженъ былъ съ мужественною красотою; природное милосердіе, любовь къ подданнымъ нелицемѣрная». «О, Боже! — восклицаетъ Наталья Борисовна: — дай великодушно понести сію напасть, лишеніе сего милостиваго монарха».

Совершенно въ противоположномъ свѣтѣ представляется Натальѣ Борисовнѣ императрица Анна Іоанновна. Она убѣждена, что герцогиня курляндская не имѣла никакого права на наслѣдіе россійскаго престола и, смотря изъ оконъ дворца на торжественный въѣздъ Анны Іоанновны въ Москву, въ такихъ выраженіяхъ описываетъ ея наружность: «Престрашнаго была взору. Отвратное лице имѣла; такъ была велика, когда между кавалерами идетъ. всѣхъ головою выше и чрезвычайно толста». Кондиціямъ, предложеннымъ Аннѣ Іоанновнѣ, Наталья Борисовна сочувствуетъ; она рѣзко осуждаетъ людей, дѣйствовавшихъ противъ кондицій... «Злодѣи многіе, недоброжелатели своему отечеству, всѣ пункты перемѣнили и дали ей (Аннѣ Іоанновнѣ) во всемъ волю и все народное желаніе уничтожили», — говоритъ она въ своихъ «Запискахъ».

Биронъ, котораго Наталья Борисовна считаетъ единственнымъ виновникомъ злоключеній Долгорукихъ, представляется ей совершеннымъ извергомъ, и она, простосердечно вѣря всѣмъ ходившимъ въ то время росказнямъ о его плебейскомъ будто бы происхожденіи, преувеличиваетъ ихъ, увѣряя, что Биронъ былъ башмачникомъ и шилъ на ея дядю сапоги. — «Сказываютъ, мастеръ превеликій былъ», — замѣчаетъ Наталья Борисовна.

Всѣ дни воцаренія Анны Іоанновны представляются Натальѣ Борисовнѣ «злымъ временемъ». По ея мнѣнію, и при антихристѣ «не тошнѣе того будетъ». «Кажется въ тѣ дни и солнце не свѣтило», — говоритъ она.

Наталья Борисовна, твердо рѣшившаяся связать свою судьбу съ княземъ Иваномъ Долгорукимъ, вступала въ его семью большую, но недружную и сварливую. Отецъ князя Ивана, князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукой, не любилъ своего старшаго сына, жениха Натальи Борисовны, завидуя его фавору у Петра II; сестры князя Ивана, въ особенности «разрушенная государыня-невѣста», отличались напыщенностью и мелочнымъ чванствомъ. Наталья Борисовна все это отлично видѣла, но торопила со свадьбой. Ея «товарищъ», какъ она называетъ въ своихъ запискахъ жениха, ея ненаглядный «Иванушка» — былъ для нея дороже всего на свѣтѣ. Свадьба Натальи Борисовны произошла въ началѣ апрѣля 1730 года, въ знаменитой подмосковной князя Алексѣя Григорьевича, селѣ Горенкахъ, гдѣ подолгу живалъ Петръ II и куда, послѣ его

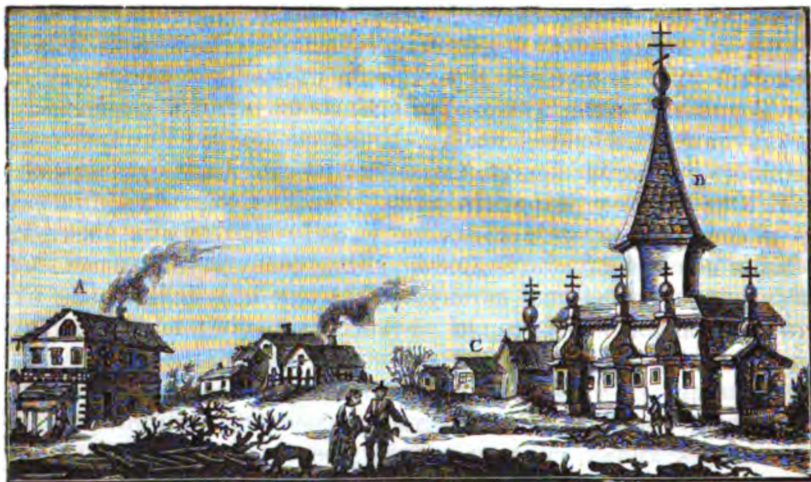
кончины, удалился князь Алексѣй со всей семьей. Самое названіе села какъ бы предвѣщало горькую долю новобрачнымъ. Свадьба была весьма печальна, представляя совершенную противоположность бывшему съ небольшимъ три мѣсяца тому назадъ обрученію. «Бракъ нашъ больше плачу достоенъ, а не веселія», — замѣчаетъ Наталья Борисовна. Она пріѣхала въ Горенки въ каретѣ съ двумя старушками, вдовами, — родные не рѣшились сопровождать ее къ опальному семейству князей Долгорукихъ. «Самъ Богъ давалъ меня замужъ, больше никто», — замѣчаетъ она въ своихъ «Запискахъ».

На третій день послѣ грустной свадьбы, Наталья Борисовна тѣмъ не менѣе собралась съ мужемъ дѣлать визиты по его роднымъ; но въ то время, какъ уже все было готово къ отъѣзду новобрачныхъ изъ Горенокъ въ Москву, явился сенатскій секретарь и объявилъ Алексѣю Григорьевичу со всѣмъ семействомъ указъ, ссылающій ихъ въ дальнія деревни, но въ какія неизвѣстно. Наталья Борисовна положительно отказывалась вѣрить возможности на дѣлѣ такой несправедливости. По ея «молодоумію и смѣлости», она никакъ не могла понять, какъ это можно безъ суда ссылать людей! Она стала уговаривать мужа и свекра ѣхать къ императрицѣ и оправдаться, и настояла на дѣланіи свадебныхъ визитовъ. Объѣзжая по очереди всѣхъ Долгорукихъ, она удостовѣрилась, что безъ суда ссылать можно, потому что всѣ они получили указы или ѣхать въ дальнія деревни, или на губернаторскія и воеводскія мѣста въ дальнія провинціи. Она увидала во-очію, что «на это дѣло нѣту починки», и тутъ только поняла весь смыслъ «искорененія ихъ фамиліи», что̀ она съ горестью называетъ своими «свадебными конфектами». «У насъ такое время, когда къ несчастію, то нѣтъ уже никакого оправданія, не лучше турковъ: когда бъ прислали петлю, должны бъ удавиться!» — съ горечью замѣчаетъ Наталья Борисовна.

Князья Долгорукіе должны были черезъ три дня выѣхать изъ Горенокъ, и молоденькая новобрачная торопилась съ дорожными сборами. Ея мужъ, не привыкшій къ мелочной заботливости, все предоставилъ ей, а свекровь и золовки думали лишь о себѣ, наполняя карманы «бриллiантами и разными галантереями». Но Наталья Борисовна очень боялась, чтобы ея мужъ, подъ вліяніемъ постигшаго его горя, что нибудь не сдѣлалъ надъ собой, и всюду слѣдовала за нимъ. По молодости лѣтъ она была крайне непрактична, и все объ одномъ думала, что ихъ скоро простятъ и вернутъ опять ко двору. Она взяла только самое необходимое въ дорогу и въ ограниченномъ количествѣ. Братъ Петръ Борисовичъ прислалъ ей на дорогу 1,000 рублей. Она оставила себѣ лишь 400, а 600 отослала назадъ; она не знала, что ей приведется ѣхать на свой собственный счетъ. Никто изъ родныхъ не явился даже проводить въ изгнаніе несчастную новобрачную; лишь ея гувернантка,

Марія Штауденъ, да крѣпостная горничная отправились раздѣлить ея участь въ ссылкѣ. Въ весеннюю распутицу, въ началѣ апрѣля двинулись Долгорукіе по рязанской дорогѣ, узнавъ только на пути, что имъ предназначено жить въ ихъ родовой касимовской вотчинѣ, селѣ Семицѣ. Но недолго привелось имъ пробыть тамъ. 20-го іюня явился въ Семицу капитанъ Макшеевъ съ отрядомъ солдатъ и препроводилъ кн. Алексѣя Григорьевича со всей семьей въ Тобольскъ.

Я не стану останавливаться на подробностяхъ этихъ невольныхъ продолжительныхъ странствій князей Долгорукихъ, столь задушевно описанныхъ Натальей Борисовной въ ея «Запискахъ». Много бѣдъ перенесла она въ четыре мѣсяца, совершая переѣзды

Видъ Березова въ XVIII столѣтіи.

Съ гравюры прошлаго вѣка.

А. Казенный домъ. В. Спасская церковь. С. Мѣсто, гдѣ погребенъ князь А. Г. Долгорукій.

то въ водополье по проселочнымъ дорогамъ, то на особо построенномъ для Долгорукихъ карбасѣ по Окѣ, Волгѣ и Камѣ, то мчась на почтовыхъ по пріуральскимъ горнымъ дорогамъ. Кто желаетъ познакомиться съ этими подробностями, пускай обратится къ самимъ «Запискамъ», изъ которыхъ я и безъ того уже представилъ много выдержекъ [1]).

24-го августа, прибыли изгнанники въ Тобольскъ. Въ тотъ же день они были препровождены въ Березовъ на старомъ и очень плохомъ досчаникѣ подъ надзоромъ Шарыгина, тобольскаго гар-

[1]) Кромѣ того, о пути князей Долгорукихъ отъ Горенокъ до Тобольска по документамъ госуд. архива см. въ моей статьѣ: «Князь И. А. Долгорукой», Древн. и Нов. Россія, 1879 года, № 1, с. 40—43.

низоннаго офицера изъ солдатъ, смѣнившаго капитана Макшеева. Не могу не остановиться на его характеристикѣ, набросанной Натальей Борисовной: «Какой этотъ глупый офицеръ былъ: изъ крестьянъ да заслужилъ чинъ капитанскій; онъ думалъ о себѣ, что онъ очень великій человѣкъ и, сколько можно, надобно насъ жестоко содержать, яко преступниковъ. Ему казалось подло съ нами и говорить; однако, со всею своею спѣсью ходилъ къ намъ обѣдать. Изобразите это одно, сходственно ли съ умнымъ человѣкомъ, въ чемъ онъ хаживалъ: епанча солдатская на одну рубашку, да туфли на босу ногу, и такъ съ нами сидитъ? Я была всѣхъ моложе и невоздержна; не могу терпѣть, чтобъ не смѣяться, видя такую смѣшную позитуру; онъ, это видя, что я ему смѣюсь, или то удалось ему примѣтить, говоритъ, смѣяся: «Теперь счастлива ты, что у меня книги сгорѣли, а то бы съ тобою сговорилъ!» Какъ мнѣ ни горько было, только я старалась его больше ввести въ разговоръ; только больше онъ мнѣ ничего не сказалъ».

Въ Березовѣ начинается для Натальи Борисовны новый, самый тяжкій періодъ ея жизни. Безжалостная судьба жестоко ее преслѣдовала и насильно заставляла испивать чашу горестей. Вскорѣ по пріѣздѣ Долгорукихъ въ Березовъ умерла жена князя Алексѣя Григорьевича, княгиня Прасковья Юрьевна, простудившаяся въ дорогѣ. Черезъ четыре года послѣдовалъ за ней и самъ Алексѣй Григорьевичъ, схватившій въ Березовѣ горячку. Главой семьи остался князь Иванъ, окончательно сломленный ссылкой и начавшій съ горя пить. «Разрушенная государыня-невѣста», княжна Екатерина Алексѣевна, озлобилась въ несчастьѣ: и безъ того несимпатичныя стороны ея характера становились совершенно невыносимыми. Всѣ хлопоты и заботы по дому и хозяйственныя, и нравственныя выпали на долю Натальи Борисовны, которая въ то время была уже матерью: у нея родился сынъ Михаилъ 2-го апрѣля 1731 года. Долгорукіе были заперты въ острогѣ съ запрещеніемъ выходить изъ него куда либо, за исключеніемъ церкви. Строгій надзоръ за ними продолжался, однако, не все время ихъ пребыванія въ Березовѣ. Маіоръ Петровъ, смѣнившій капитана Шарыгина, сталъ обходиться съ Долгорукими весьма мягко и даже дружески. Въ близкія отношенія съ ними сталъ и березовскій воевода, добрый и благодушный старикъ Бобровскій, познакомившій съ несчастными ссыльными и свою семью. Долгорукіе свободно выходили изъ острога, посѣщали дома Петрова, Бобровскаго и разныхъ березовскихъ жителей, принимали гостей у себя. Но не на радость Натальѣ Борисовнѣ послужила эта «ослаба». Князь Иванъ Долгорукій подружился съ морскимъ офицеромъ Овцынымъ и закутилъ съ нимъ напропалую. Слова, неосторожно произносимыя имъ подъ вліяніемъ винныхъ паровъ въ бесѣдѣ съ Овцынымъ, послужили поводомъ къ доносамъ на Долгорукихъ со стороны раз-

ныхъ ихъ знакомыхъ, въ числѣ которыхъ оказался особенно гибельнымъ для Долгорукихъ доносъ подьячаго Тишина въ 1737 году. «Записки» Натальи Борисовны прерываются, къ сожалѣнію, на пріѣздѣ ея въ Березовъ, и вся березовская жизнь князей Долгорукихъ была уже мною разсказана подробно [1]), а потому я остановлюсь здѣсь только на тѣхъ фактахъ этой жизни, которые касаются исключительно Натальи Борисовны.

Доносъ Тишина не сразу далъ себя почувствовать, но обрушился на Долгорукихъ нежданно-негаданно. Въ маѣ 1738 года, прибылъ въ Березовъ капитанъ Ушаковъ, родственникъ извѣстнаго въ то время начальника тайной канцеляріи Андрея Ивановича Ушакова. Пріѣхалъ онъ не подъ видомъ оффиціальнаго сыщика, а тайнымъ шпіономъ. Онъ познакомился съ Долгорукими, сталъ водить хлѣбъ-соль съ березовцами и подъ рукой провѣрялъ доносъ Тишина. Долгорукимъ Ушаковъ разсказывалъ, что онъ присланъ отъ императрицы разузнать о ихъ житьѣ-бытьѣ и улучшить ихъ положеніе. Пробывъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Берёзовѣ, Ушаковъ уѣхалъ, сопровождаемый со стороны Долгорукихъ разными благопожеланіями; но вслѣдъ за отъѣздомъ Ушакова присланъ изъ Тобольска грозный указъ отдѣлить князя Ивана Алексѣевича отъ жены, братьевъ и сестеръ. Наталья Борисовна такъ записала въ одной изъ своихъ записныхъ книжекъ этотъ ужасный въ ея жизни моментъ: «Отняли у меня жизнь мою, безпримѣрнаго моего милостиваго отца и мужа, съ кѣмъ я хотѣла свой вѣкъ окончить, и въ тюрьмѣ ему была товарищъ; эта черная изба, въ которой я съ нимъ жила, казалась мнѣ веселѣе царскихъ палатъ; но попущеніемъ Божіимъ за грѣхи мои и злодѣйствомъ сестры его родной и брата его лишилась».

Князь Иванъ Алексѣевичъ былъ заключенъ въ тѣсную землянку; пища давалась ему весьма скудная въ небольшое отверстіе землянки. Маіоръ Петровъ разрѣшилъ Натальѣ Борисовнѣ ночью на нѣсколько минутъ подходить къ этому отверстію и носить пищу, которую она передавала черезъ часоваго. Но еще бо́льшія горести ждали Наталью Борисовну впереди.

Преданіе, доселѣ живущее въ Березовѣ, разсказываетъ, какъ въ глухую полночь, въ концѣ августа 1738 года, среди проливнаго дождя и вѣтра, были вывезены изъ Березова тайно отъ всѣхъ на баркасѣ князь Иванъ, Бобровскій, Петровъ, Овцынъ и нѣсколько человѣкъ изъ березовскихъ жителей и духовенства, бывшихъ въ близкихъ отношеніяхъ съ княземъ Иваномъ. Нетрудно представить себѣ отчаяніе и ужасъ Натальи Борисовны, но пусть сама она передастъ намъ о своемъ состояніи: «Я не знала, что его уже нѣтъ; мнѣ сказываютъ, что его де увезли. Что я дѣлала? — кричала,

[1]) Въ біографіи князя И. А. Долгорукаго. въ «Др. и Нов. Россіи».

Свиданіе княгини Н. Б. Долгорукой съ мужемъ въ Березовѣ.
(Рисунокъ художника А. П. Рябушкина).

билась, волосы на себѣ драла; кто ни попадетъ встрѣчу, всѣмъ валяюсь въ ноги, прошу со слезами: помилуйте, когда вы христіане, дайте только взглянуть на него и проститься. Не было милосерднаго человѣка, не словомъ меня кто утѣшилъ, а только взяли меня и посадили въ темницѣ и часоваго, примкнувши штыкъ, поставили». Черезъ два мѣсяца послѣ тайнаго увоза князя Ивана, у Натальи Борисовны родился второй сынъ Димитрій. Онъ страдалъ впослѣдствіи нервнымъ разстройствомъ, что̀, быть можетъ, объясняется страшнымъ нравственнымъ потрясеніемъ его матери, испытаннымъ ею во время увоза въ Тобольскъ его отца.

Арестантовъ доставили въ Тобольскъ, гдѣ они были встрѣчены капитаномъ Ушаковымъ, и тутъ только для князя Ивана стала ясна настоящая роль ихъ непрошеннаго знакомца въ Березовѣ. Началось одно изъ безчисленныхъ въ XVIII в. политическихъ дѣлъ съ обычными въ то время аттрибутами правосудія: застѣнкомъ, плетью и дыбою. Въ Тобольскѣ была образована слѣдственная коммиссія, во главѣ которой поставлены все тотъ же капитанъ Ушаковъ и поручикъ Василій Суворовъ (кажется, отецъ знаменитаго князя Италійскаго, Александра Васильевича Суворова). Изъ Тобольска князь Иванъ Алексѣевичъ вмѣстѣ съ оговоренными имъ лицами препровожденъ въ Шлюссельбургъ, а 8 ноября 1739 года онъ и многіе другіе князья Долгорукіе (князь Василій Лукичъ и родные дяди князя Ивана, князья Сергѣй и Иванъ Григорьевичи) были преданы смертной казни въ Новгородѣ. Всѣ они погибли не за болтовню князя Ивана Алексѣевича въ Березовѣ, а за «вредительные замыслы» при составленіи подложной духовной Петра II и за намѣреніе ограничить самодержавную власть императрицы Анны Іоанновны. Только въ этомъ процессѣ князей Долгорукихъ выяснились ихъ политическія вины, совершенныя ими девять лѣтъ назадъ.

Долго не знала Наталья Борисовна о судьбѣ мужа. Въ концѣ 1739 года, она подала «доношеніе» императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ съ просьбой, что если ея мужъ живъ, то не разлучать ее съ нимъ, а если не живъ, то постричь ее. Только изъ отвѣта на это доношеніе узнала Наталья Борисовна, что ея Иванушки нѣтъ болѣе на свѣтѣ. Ей позволено было вернуться къ братьямъ, и Наталья Борисовна пустилась въ дальній путь изъ Березова 17-го іюня 1740 года съ двумя сыновьями, изъ которыхъ старшему было 8 лѣтъ, а меньшему полтора года. По странному стеченію обстоятельствъ, она прибыла въ Москву 17-го октября, въ тотъ самый день, когда скончалась гонительница ея мужа и его родичей, императрица Анна Іоанновна. Сначала Наталья Борисовна не имѣла пристанища и три года скиталась по чужимъ домамъ. У старшаго брата Петра Борисовича она не хотѣла жить: она была недовольна, что онъ изъ всѣхъ отцовскихъ богатствъ удѣлилъ ей

всего 500 душъ въ трехъ деревняхъ: селѣ Волынскомъ (въ 6-ти верстахъ отъ Москвы), Левоновѣ и Рязановѣ.

Внукъ Натальи Борисовны, князь Иванъ Михайловичъ Долгорукой, винитъ Петра Борисовича Шереметева, «богатаго Лазаря», какъ онъ его называетъ, въ томъ, что тотъ обдѣлилъ Наталью Борисовну, явившись наслѣдникомъ всего громаднаго состоянія своего отца; но П. И. Бартеневъ, приводя отрывки изъ «Записокъ» князя И. М. Долгорукаго о Натальѣ Борисовнѣ, справедливо признаетъ эти обвиненія преувеличеніемъ, потому что главное свое состояніе Петръ Борисовичъ Шереметевъ получилъ гораздо позже, въ 1743 году, по своей женѣ, и неизвѣстно который изъ сыновей Бориса Петровича Шереметева унаслѣдовалъ его имѣнія. Борисъ Петровичъ умеръ въ то время, когда дѣйствовалъ законъ Петра Великаго о единонаслѣдіи (изданъ въ 1714 году), по которому отецъ могъ передавать имѣніе одному изъ сыновей по своему выбору [1]). Фельдмаршалъ Шереметевъ оставилъ духовное завѣщаніе, возбудившее много споровъ, но какъ распредѣлялось въ немъ наслѣдованіе большимъ состояніемъ Бориса Петровича,—неизвѣстно. Завѣщаніе его до сихъ поръ не издано. Въ 1722 году, Петръ Великій указалъ сенату разсмотрѣть это завѣщаніе и разрѣшить вопросъ о наслѣдствѣ дѣтей фельдмаршала, согласно указамъ. Законъ о единонаслѣдіи былъ отмѣненъ въ декабрѣ 1730 года, но долго ли разсматривалъ сенатъ духовное завѣщаніе Бориса Петровича Шереметева и чѣмъ онъ рѣшилъ его,—неизвѣстно. Если рѣшеніе послѣдовало послѣ уничтоженія закона о единонаслѣдіи, то оно могло раздѣлить состояніе фельдмаршала между его двумя сыновьями отъ втораго брака и дѣтьми старшаго сына отъ перваго брака,—и тогда Петръ Борисовичъ Шереметевъ являлся далеко не «богатымъ Лазаремъ». Во всякомъ случаѣ, до выясненія вопроса о судьбѣ духовнаго завѣщанія Бориса Петровича Шереметева обвиненіе Петра Борисовича въ обдѣленіи наслѣдствомъ Натальи Борисовны преждевременно.

Прибывъ въ Москву, Наталья Борисовна оставила свое прежнее намѣреніе немедленно постричься въ монахини. Послѣ перваго порыва отчаянія, обязанности матери пересилили любовь жены. У нея на рукахъ остались два сына, которымъ нужно было дать воспитаніе, и до окончанія его она рѣшилась всецѣло посвятить себя дѣтямъ, оставаясь чуждою зрительницею перемѣнъ въ правительствѣ и въ обществѣ, которыя происходили вокругъ нея. А перемѣны эти были быстры.

Враги князей Долгорукихъ одинъ за другимъ сходили не только съ политическаго, но и съ жизненнаго поприща. Ѳеофанъ Прокоповичъ, графъ Головкинъ и Ягужинскій умерли еще до возвра-

---

[1]) Р. Арх., 1867 г., 1-е изд., с. 61—62.

щенія Натальи Борисовны въ Москву, незадолго передъ тѣмъ сложилъ на плахѣ голову Волынскій; въ то время какъ Наталья Борисовна жила въ Москвѣ, былъ низложенъ злѣйшій «вредитель» Долгорукихъ, по ея мнѣнію, герцогъ Биронъ; за нимъ послѣдовали Остерманъ и сынъ канцлера графа Головкина, вице-канцлеръ Михаилъ Гавриловичъ Головкинъ. Въ отдаленную ссылку вмѣстѣ съ графомъ Головкинымъ, въ пустынное зимовье за Якутскомъ Германгъ, самое мѣстоположеніе котораго съ точностью не было извѣстно,—отправилась добровольно его жена графиня Екатерина Ивановна Головкина, записавшая свое имя въ исторіи Россіи на ряду съ именемъ Натальи Борисовны въ числѣ образцовыхъ, самоотверженныхъ женъ. Императрица Елисавета Петровна сказала графинѣ Головкиной, что она, какъ непричастная винѣ мужа, сохраняетъ за собой свое состояніе и придворное званіе (она была статсъ-дамой). «На что мнѣ почести и богатство, когда не могу ихъ раздѣлить съ другомъ моимъ,—отвѣчала императрицѣ графиня Головкина.—Любила мужа въ счастіи, люблю его и въ несчастіи, и одной милости прошу, чтобы съ нимъ быть неразлучно». Нѣмецкое правительство, десять лѣтъ стоявшее во главѣ Россіи, было низложено, и на россійскомъ престолѣ находилась дочь Петра Великаго, Елисавета Петровна, крестница одного изъ князей Долгорукихъ. Наталья Борисовна имѣла все основаніе ожидать улучшенія участи родичей своего мужа, что̀ дѣйствительно и не замедлило исполниться. Елисавета Петровна помиловала всѣхъ опальныхъ лицъ царствованія Анны Іоанновны, и въ томъ числѣ всѣхъ Долгорукихъ, остававшихся въ живыхъ. Изъ Сибири возвращены были братья и сестры князя Ивана Алексѣевича Долгорукаго и многіе изъ нихъ приближены ко двору: въ 1745 году, княжна Екатерина Алексѣевна Долгорукая, бывшая невѣста Петра II, выдана императрицей замужъ за графа Я. А. Брюса, но она умерла вскорѣ послѣ брака. За два года до ея свадьбы, въ 1743 году, женился старшій братъ Натальи Борисовны, графъ Петръ Борисовичъ Шереметевъ, на единственной дочери князя Алексѣя Михайловича Черкасскаго — княжнѣ Варварѣ Алексѣевнѣ, наслѣдницѣ громаднаго состоянія въ 60,000 крѣпостныхъ крестьянскихъ душъ, составившаго основаніе богатства Шереметевыхъ. Только послѣ этого брака Наталья Борисовна рѣшилась перейдти на житье въ домъ брата: она была однихъ лѣтъ съ Варварой Алексѣевной и, какъ кажется, находилась съ ней въ близкихъ отношеніяхъ. Внукъ Натальи Борисовны, князь Иванъ Михайловичъ Долгорукой, утверждаетъ, что Петръ Борисовичъ Шереметевъ очень дурно обращался съ сестрой и съ ея дѣтьми. По его словамъ, Петръ Борисовичъ нерѣдко допускалъ старшаго ея сына, Михаила Ивановича Долгорукаго, ходить безъ обуви и выпрашивать сапоги у глупаго Ше-

реметевскаго библіотекаря Вороблевскаго [1]). Но на сколько справедливы слова князя Ивана Михайловича Долгорукаго, — мы не имѣемъ средствъ повѣрить и оставляемъ ихъ на его отвѣтственности.

Старшій сынъ Натальи Борисовны кое-какъ учился, меньшой былъ болѣзненный и слабый. Старшаго сына Наталья Борисовна пристроила въ военную службу, а затѣмъ женила на княжнѣ Голицыной; онъ вскорѣ овдовѣлъ, и тогда она пріискала ему вторую жену, баронессу Анну Николаевну Строганову. Устроивъ вслѣдъ затѣмъ кое-какъ свои имущественныя дѣла, при помощи втораго своего брата, Сергѣя Борисовича, Наталья Борисовна рѣшилась, наконецъ, исполнить свое давнишнее желаніе — принять монашество. Въ 1758 году, вмѣстѣ съ меньшимъ больнымъ сыномъ уѣхала она въ Кіевъ, гдѣ въ Фроловомъ женскомъ монастырѣ постриглась съ именемъ Нектаріи. Изъ тиши своей монастырской келіи она привѣтствовала воцарившуюся въ 1762 году Екатерину II и получила въ отвѣтъ слѣдующій рескриптъ: «Честная мать! Письмо ваше отъ 12 іюня я получила, за которое и за присланную при томъ икону Пресвятыя Богоматери, также за усердныя желанія ваши, много вамъ благодарна. О сыновьяхъ вашихъ будьте увѣрены, что по справедливости милостію и покровительствомъ моимъ оставлены не будутъ. Впрочемъ, поручаю себя молитвамъ вашимъ и пребуду вамъ всегда благосклонна» [2]).

То было послѣднимъ отношеніемъ Натальи Борисовны къ оффиціальному міру. Вспоминая свою горестную жизнь, она вся предалась молитвѣ, взывая съ отчаяніемъ: «Кто дастъ главѣ моей воду и глазамъ моимъ слезы? Не достаетъ силъ ни плакать, ни вздыхать». Въ январѣ 1767 года, она написала свои «Записки», а въ мартѣ того же года приняла схиму и писала къ старшему своему сыну Михаилу и къ невѣсткѣ: «Господь совершилъ всѣ мои намѣренія — сподобилась и схиму принять; теперь только осталось ожидать повелѣнія Господня, когда душѣ выйдти изъ тѣла и стать предъ Судьей къ отвѣту». Но смерть еще щадила ее, отнимая у нея дорогихъ сердцу. Въ 1768 году, потеряла Наталья Борисовна любимаго брата, графа Сергѣя Борисовича, «брата, отца и друга», какъ она называетъ его, а въ 1769 году умеръ на ея рукахъ меньшой ея сынъ Димитрій, впавшій въ совершенное душевное разстройство, близкое къ помѣшательству. За нѣсколько лѣтъ до смерти онъ предался мистицизму и поступилъ послушникомъ въ одинъ изъ кіевскихъ монастырей, а незадолго передъ смертію принялъ тайно постриженіе. Въ одной изъ своихъ записныхъ книжекъ Наталья Борисовна записала слѣдующія скорбныя строки: «Оставшіе по смерти моей пролейте слезы, вспомня мою бѣдственную жизнь;

[1]) Р. Арх., 1867 г., с. 61.
[2]) Сказ. о родѣ князей Долгорукихъ, с. 157—158.

всякаго христіанина прошу сказать, вспомня меня: слава Богу, что окончилась ея жизнь, не льются уже токи слезъ и не воздыхаетъ сердце ея. Я васъ (сына Михаила и невѣстку) Богу вручаю; онъ васъ наградитъ за всѣ ваши успокоенія въ моемъ странствіи и усугубитъ васъ небесныхъ и земныхъ благъ. Отецъ мой милосердный помилуетъ и доведетъ меня къ тихому пристанищу».

Наталья Борисовна скончалась 3 іюля 1771 года. Погребена она въ Кіево-Печерской лаврѣ, рядомъ съ меньшимъ сыномъ, при входѣ въ Соборную церковь.

Тихо и скорбно закончила свою многострадальную жизнь княгиня Наталья Борисовна Долгорукая, проведя лучшіе годы въ добровольной ссылкѣ съ Сибири и найдя тихое пристанище подъ конецъ жизни въ монастырской келіи. Но память о княгинѣ Долгорукой навсегда будетъ жить въ русскомъ народѣ, какъ объ одномъ изъ сильныхъ и симпатичныхъ характеровъ, которыхъ такъ много среди русскихъ женщинъ...

Д. Корсаковъ.

СВАДЕБНЫЙ БУНТЪ [1].

Историческая повѣсть.

(1705 г.).

VII.

СТРАХАНЬ еще недавно, всего-то лѣтъ полтораста назадъ, была столицей царя-нехристя, мирно правившаго невеликимъ царствомъ своимъ, вѣруя крѣпко въ Аллаха и пророка его Магомета, безстрастно полагаясь во всемъ и завсегда на предначертанную искони на небесахъ судьбу свою, ея же не преминешь и не избѣгнешь.

А въ книгѣ небесъ сихъ было, знать, начертано царству татарскому быть сокрушеннымъ другимъ царствомъ православнымъ. Москвѣ поработить Астрахань!

Столица этого мирнаго ханства стала теперь простымъ городомъ на окраинѣ великаго и могучаго царства... Недалеко, рядомъ, сосѣди единовѣрцы еще держатся, еще борятся за свое существованіе съ Бѣлымъ царемъ. Крымскій ханъ еще силенъ и дерзокъ. Великій падишахъ, султанъ, его не выдаетъ, и грозныя силы надвигаются порою изъ Босфора, чтобы заступить и оградить Бахчисарай и его Гирея отъ московцевъ и Бѣлаго царя.

---

[1] Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXIII, стр. 15.

Большой городъ невдалекѣ отъ богатыря Каспія, окруженный безотрадной песчаной равниной, голой, желтой и знойной—лѣтомъ, голой, бѣлой и ледяной—зимою, насчитываетъ себѣ уже сотни лѣтъ. А кругомъ него по кучамъ да розсыпямъ песку или по глыбамъ да сугробамъ снѣга равно не живетъ и не движется ничто, равно мертва окрестность.

Рѣдко, рѣдко пройдутъ вереницей верблюды или татарскія арбы проскрыпятъ обозомъ, тихо, будто нехотя, выползая изъ воротъ городскихъ. Калмыки-обозники шагаютъ молча, лѣниво, уныло, будто осужденные, будто высланы они изъ города сгинуть на вѣки тамъ, за краемъ этого горячаго песчанаго моря. А во слѣдъ за караваномъ стоитъ долго на безвѣтріи близь дороги острый и ѣдкій запахъ рыбы соленой и копченой... Не будь этого добра, не быть бы здѣсь и гнѣзду людскому—богатому торговому городу, не быть бы и караванамъ верблюдовъ и кораблямъ по обоимъ морямъ—песчаному и водяному.

Городъ Астрахань совсѣмъ русскій городъ, посреди него кремль съ церквями и палатами. Митрополитъ съ духовенствомъ и воевода съ подьячими живутъ въ немъ и правятъ всѣмъ краемъ, всѣмъ прежнимъ татарскимъ царствомъ. Но есть въ кремлѣ и одна мечеть, еще уцѣлѣвшая отъ иныхъ временъ. А въ городѣ нѣсколько мечетей и много еще богатыхъ дворовъ, гдѣ исповѣдуютъ Магомета.

Только за послѣднія полста лѣтъ, все чаще и чаще цѣлыя семьи крестятся въ православье, бросаютъ мечети, ходятъ въ русскія церкви... Но дома, въ обиходѣ все идетъ постарому, на прежній дѣдовъ и отцовъ ладъ. Съ православнымъ людомъ перекрести сживаются легко, кумятся, роднятся... Да и мало различія между ними, потому что правовѣрный, принявъ ученіе Христа, остался тотъ же въ нравахъ и въ привычкахъ своихъ, въ семьѣ и въ гостяхъ, а православный, сокрушивъ татарина, будто принесъ и отстоялъ только вѣру Христову, а все остальное, свое, бросилъ, утерялъ, позабылъ и все у новаго побратима-татарина перенимаетъ.

Да и много ли было ему, что позабывать и терять? Давно ли тѣ же астраханцы только подъ другимъ званьемъ и сколько вѣковъ подъ рядъ приходили за данью къ нему, на Москву, и на свой ладъ все гнули. Баскаки сказывали, ворочаясь къ себѣ, въ орду, что тамъ, на Москвѣ, живется «какъ дома».

И за эти полтораста лѣтъ, что сокрушилось Астраханское ханство, ученіе Христово и держава царя московскаго будто не принесли свѣта въ дикій край и не дали мира... Невѣрность астраханцевъ всегда тревожила Москву. Много иноземцевъ и инородцевъ стекалось сюда вѣки-вѣчные отвсюду, могли бы они смягчить «нравы звѣриные», занеся сюда хоть малую толику всесвѣтнаго разума и людской «знаемости» всякой, а на дѣлѣ этого не было и въ поминѣ. Только дикія вѣсти да слухи заносились въ городъ

и расходились по обывательскимъ домамъ изъ каравансераевъ или съ базарныхъ площадей. И не разъ эти слухи рождали и смуты.

Астраханскій край подъ державой Москвы былъ гнѣздомъ всякой «шатости народной и смущенія государскаго», и изъ него уже какъ зараза шло «колебаніе умовъ» въ сосѣдніе округи и распросранялось къ Яику, на Донъ, на Гребени, на Запорожье. Иногда и до калмыцкихъ улусовъ смута добиралась, и тамошніе ханскіе порядки въ «шатость» приводила.

Теперь ходилъ слухъ, что государь и царь Петръ Алексѣевичъ, не любившій мирволить буянству и празднословію смутительному, пообѣщался уже въ свободное отъ своихъ государскихъ заботъ время прійдти и раззорить Астрахань, срыть, разнести и смести ее съ лица земли, а рядомъ на самомъ Каспіи новый городъ построить съ басурманскимъ прозвищемъ въ честь любимца Меньшикова — «Александерсбургъ»...

И астраханцы вѣрили слуху, и ждали царя въ гости для этого генеральнаго раззоренья.

Управители судебъ россійскихъ на Москвѣ со временъ еще Грознаго считали причиной частыхъ смутъ на Каспійской окраинѣ «звѣриные нравы», или дикость обитателей его, но въ дѣйствительности не одна дикость, а многіе другіе невидимые двигатели колебали и подымали чернь православную и инородческую на всякія вѣроломныя и разбойныя дѣла.

Въ Астрахани сталкивались вмѣстѣ западъ и востокъ, христіанство и исламъ, а къ нимъ въ придачу и узаконенное идолопоклонство. И на этомъ рубежѣ двухъ враждебныхъ міровъ мира быть не могло.

Хозяинъ и владыко края предполагался русскій человѣкъ и православный — «руссъ» или «московъ». А на дѣлѣ онъ былъ задавленъ тьмой-тьмущей всякой татарвы всѣхъ именованій и исповѣданій отъ магометанина до брамина, отъ суннита до шіита, отъ идоло- и до огнепоклонника. Этой Москвою, распоряжавшейся здѣсь изъ-за тридевять земель, установился порядокъ диковинный, «ни такой, ни сякой». Эта повелительница, заправлявшая всѣмъ, казалась чудовищемъ, зломъ...

Что такое это Москва?.. Воевода кровопійца и его подьячій и повытчикъ, иль приказный ярыжка! Воры, крючки и сутяги! Волокита судейская, дыба и застѣнокъ, колодка, конекъ и кандалы! Плаха, клеймы и кнутъ палачевы! А еще что? Указы и наказы, одинъ другаго мудренѣе и не подходящіе къ норовамъ уроженцевъ.

И разсуждаютъ астраханцы:

«Рядомъ, по сосѣдству всякія государства, гдѣ много лучше живется. Вотъ хоть бы въ Персіи, а то въ Крыму, а то въ Киргизіи. Тамъ воля полная, законовъ снѣснительныхъ нѣтъ. И всѣ эти царства — богатыя, сильныя... Вонъ даже калмыцкіе ханы, какъ съ

Москвой поговариваютъ иной разъ. Того гляди, войной на нее двинутся...

«Православный въ мохамедовъ законъ перейдетъ, его выморятъ въ судной избѣ, даже безъ пристрастья и пытки, да и отпустятъ на всѣ четыре стороны, не розыскивая, кто его совратилъ къ Мохамеду, хотя законъ московскій на это строгъ и прямо велитъ татарина-совратителя казнить. Да воеводы, знать, не смѣютъ законъ предъявлять, опасаясь за себя. А калмыцкіе и крымскіе ханы не такъ дѣйствуютъ. Много всякихъ татаръ крестится въ православіе постоянно... А заикнется кто изъ новыхъ пѐрекрестей, хоть съ дуру, хоть съ пьяну, хоть съ разсчета по лукавости, что его насильно «московъ» крестилъ, и что кается онъ и жалобится ханамъ, защиты ихъ проситъ... И что тогда за шумъ и за гамонъ поднимутъ ханы и вся татарва. Зашумятъ такъ, какъ если бы всю ихъ страну огнемъ и мечемъ прошли... Иной разъ сдается, что воевода готовъ тотчасъ поповъ, крестившихъ этого татарина, или его крестныхъ и воспріемниковъ, какъ совратителей человѣка съ пути истиннаго головой ханамъ выдать. Только замолчи, азіатъ! Сдѣлай милость, не горлань какъ палёный боровъ на всѣ свои азіатскіе предѣлы.

«Да... Была Астрахань магометова и ханская теперь у Москвы подъ державой; но, гляди, скоро опять ее татаринъ возьметъ обратно. Недаромъ, сказываютъ, въ соборѣ кремлевскомъ, когда хочешь — и днемъ, и ночью, всегда въ окна луна свѣтитъ».

Такъ сказываетъ громко всякая татарва, а «московъ», сюда затесавшійся, молчитъ и не споритъ...

VIII.

У Носова въ домѣ былъ шумъ, раздавались веселые голоса и смѣхъ. Въ горницахъ было человѣкъ десять гостей. Носовъ созвалъ ихъ праздновать полученье задатка за проданный домъ...

Тутъ были и друзья хозяина, и знакомые, такіе же посадскіе, какъ и онъ, но, кромѣ того, одинъ родственникъ жены его — армянинъ, одинъ раскольничій попъ, его тайный духовный отецъ, по имени Алтаевъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ тутъ же и соборный протопопъ Василій Холмогоровъ, пріятель Носова и сомнительный православный.

Только одинъ гость былъ мало знакомый Носову, приказный изъ судной палаты, Рожкинъ, котораго привелъ съ собой первый другъ хозяина посадскій Колосъ. Съ этимъ человѣкомъ Носовъ жилъ душа въ душу издавна.

Колосъ былъ не такъ уменъ, какъ его другъ Грохъ, немного проще, болтливѣе и веселѣе. Однако, и у него на душѣ творилось

то же, что и у Носова, и во многомъ, если не во всемъ, они мыслили и чувствовали одинаково.

Тутъ же были въ числѣ гостей посадскій Кисельниковъ и непремѣнный членъ всякихъ пированій — прасолъ купецъ Санкинъ.

Закусивъ и выпивъ немного, гости сразу заговорили о томъ, что всѣхъ наиболѣе занимало и отчасти смущало.

Всѣ стали усовѣщевать Гроха возвратить задатокъ и не покидать Астрахани, Носовъ отшучивался.

— Вѣдь сказываютъ, что ты раззорился, — вымолвилъ, наконецъ, на-прямки Санкинъ: — что ты хочешь продажей долги уплатить и, не хотя срамиться на родной сторонѣ, пойдешь христарадничать на чужой сторонѣ.

Носовъ насмѣшливо ухмыльнулся.

— Вѣрно, доложу, Яковъ Матвѣевичъ, — вступился судейскій Рожкинъ: — и я такъ слышалъ. Не знаетъ никто, какими ты торговыми дѣлами заправлялъ, только зажитокъ видѣнъ былъ. Ну, вотъ теперь и сомнительно.

— Враки все, — спокойно отрѣзалъ Носовъ. — Вотъ они все знаютъ — и Колосъ, и отецъ Василій.

— Какія торговыя дѣла! — усмѣхнулся Холмогоровъ. — Весь оборотъ его такой — сундукъ отперъ, деньги досталъ и заперъ... А вотъ покидать родную сторону... это, я скажу, грѣхъ.

— Народъ не увѣришь! — вымолвилъ одинъ посадскій. — Болтаютъ скверно про твой уѣздъ. Сказать даже нельзя въ глаза.

— Что жъ, я скажу. Надо ему знать, — заговорилъ армянинъ. — Болтаютъ, Яковъ Матвѣевичъ, что раззорилъ тебя нежданый указъ объ явной продажѣ татарвы на базарѣ, что будто ты главный сбытчикъ подспудный и былъ.

Носовъ вспыхнулъ, выпрямился на стулѣ и сверкнувшимъ взглядомъ смѣрилъ армянина съ головы до пятъ. Голосъ его дрогнулъ отъ вспышки.

— Посадскій Яковъ Носовъ такой торговлей рукъ не маралъ никогда! — произнесъ онъ. — Ни явно, ни тайно, никому я татарокъ и татарчатъ не продавалъ и самъ не покупалъ.

— Плевать на клеветниковъ, дѣло не въ этомъ! — рѣшилъ молчавшій до сихъ поръ Кисельниковъ.

Хозяинъ, будто устыдясь, что разсердился на вздорныя рѣчи, сталъ смѣяться и тотчасъ перевелъ бесѣду на другой предметъ.

Въ сумерки гости одинъ за другимъ стали собираться и расходиться. Наконецъ, остались у Носова только трое: духовникъ его — старовѣръ, другъ Колосъ и ненавистный Кисельниковъ. Когда они были вчетверомъ, Кисельниковъ сразу объяснилъ хозяину, что нарочно пересидѣлъ всѣхъ чужихъ, чтобы усовѣстить его отдать задатокъ назадъ, дома не продавать и не уѣзжать изъ Астрахани.

Носовъ отзывался односложно. Ему начинало прискучивать, что всѣ мѣшаются въ его дѣло, которое онъ рѣшилъ. Еще за нѣсколько минутъ до этого въ немъ было сомнѣніе, поступать ли такъ. Но теперь, когда всѣ кругомъ усовѣщевали его и уговаривали не дѣлать того, что ему казалось самому нелѣпымъ, онъ какъ и многіе, будто изъ упрямства, рѣшилъ мысленно привести намѣреніе свое въ исполненіе и какъ можно скорѣе.

Кисельниковъ приступилъ къ дѣлу круче и, предполагая раззореніе, сталъ прямо предлагать Носову деньги, чтобы поправиться. Это предложеніе удивило равно всѣхъ трехъ, и въ особенности Носова. Онъ не имѣлъ причины не уважать Кисельникова и лишь не любилъ его за то, что тотъ, по его выраженію, согласникъ на всякое глупство, коли оно судейской печатью помѣчено.

Носовъ всегда думалъ, что Кисельниковъ относится къ нему также, если не совсѣмъ враждебно, то отчасти непріязненно.

Неожиданное предложеніе «законника», искренно и участливо, большой суммы денегъ на поправку обстоятельствъ въ преполагаемомъ раззореніи сильно поразило Носова. Онъ всталъ, подошелъ къ Кисельникову, обнялъ его и расцѣловался съ нимъ трижды.

— Что же, ладно, берешь? — произнесъ Кисельниковъ, обрадовавшись.

— Нѣту, добрый человѣкъ, спасибо тебѣ. И это тебѣ сочтется на томъ свѣтѣ. Хорошо хотѣлъ ты поступить, но я не возьму, и потому не возьму, что, вотъ тебѣ Господь Богъ, я никѣмъ и ничѣмъ не раззоренъ. Коли желаешь, я тебѣ это докажу. А зачѣмъ я продаю имущество и хочу изъ роднаго города ѣхать на чужую сторону, самъ не зная куда, хоть бы въ Кіевъ, что ли, или на Москву, то дѣло иное, дѣло, которое я пояснить не могу, не хочу. Теперь не могу, тамъ, послѣ видно будетъ, пожалуй, скажусь всѣмъ.

Кисельниковъ сталъ горячо доказывать, что законъ Божій велитъ человѣку жить тамъ, гдѣ онъ родился, и заниматься тѣмъ дѣломъ, которое Богъ ему судилъ, а еще того лучше дѣло, которымъ отецъ и дѣдъ занимались. Законъ людской таковъ, что всякій, живущій въ своемъ родномъ гнѣздѣ, для всѣхъ человѣкъ знаемый. Коли человѣкъ хорошій, то и живется ему лучше, всѣ его уважаютъ и любятъ. Онъ всѣмъ видѣнъ. Идетъ онъ по улицѣ, и всякъ шапку ломаетъ. Бѣда какая приключилась — помощь найдется. Довелось кого потерять — придутъ всѣ хоронить и поплакать вмѣстѣ. Празднество ли какое, именины, крестины, тоже народъ придетъ вмѣстѣ повеселиться и посмѣяться. Самъ человѣкъ умретъ, его придутъ похоронить и помянуть потомъ въ молитвѣ. Померъ онъ, а живетъ въ памяти у близкихъ: таковы земные законы. Стало быть, Носовъ хочетъ идти противъ закона Божьяго и людскаго.

Трое слушавшихъ Кисельникова знали напередъ и наизусть все, что «законникъ» скажетъ. Все, что онъ говорилъ въ этихъ

случаяхъ, было всегда разумно, просто. Для глупыхъ людей ново, хитро и любопытно, а для умныхъ уже очень извѣстно и скучно.

На рѣшительный отказъ Носова взять деньги, а равно на отказъ возвратить задатокъ покупателю, Кисельниковъ ушелъ недовольный. Не удалось ему спасти человѣка.

Оставшіеся втроемъ, хозяинъ, его духовный отецъ Алтаевъ и близкій другъ Колосъ хотя и были давно близко знакомы, однако бесѣда между ними тремя, искренняя, на-распашку, часто прерывалась.

То Колосъ взглядывалъ въ глаза друга Носова, какъ бы говоря: «При Алтаевѣ этого не сказывай». Или Носовъ глядѣлъ на духовнаго отца, какъ бы говоря: «Нечего Колосу это сказывать, онъ не пойметъ». Или Колосъ глядѣлъ на друга, не доканчивалъ начатую рѣчь, и Носовъ понималъ, что тотъ думаетъ. Съ нимъ наединѣ Колосъ выпалилъ бы все, не боясь чьихъ ушей или наушничества, а при его духовномъ отцѣ не хочетъ, потому что тотъ вскипятится и журить начнетъ.

А вмѣстѣ съ тѣмъ эти три человѣка были въ Астрахани единственными, которые на душѣ порицали всѣ новые порядки на Руси, поведеніе молодаго царя, всѣ его указы и нововведенья. Они же всякому нелѣпому слуху тотчасъ вѣрили, такъ какъ были готовы на всякое безобразное и грѣховное распоряженіе изъ Москвы. Когда слухъ бѣгалъ черезчуръ нелѣпъ, то всѣ трое, и въ особенности двое посадскихъ, радовались. Всякая клевета на Москву и на новые порядки имъ была масломъ по душѣ.

— Ну, что, былъ ты надысь у воеводы?—спросилъ теперь раскольничій священникъ.—Что тамъ? Что нашъ Тимоѳей Ивановичъ? Давно я его не видалъ.

— Что ему!—отвѣчалъ Носовъ насмѣшливо.—Раздуло его во всѣ стороны, зажирѣлъ, такъ что очумѣлъ. Глаза совсѣмъ не смотрятъ, спятъ. И только у него одна забота.

— Чапурята?—произнесъ Колосъ.—Слышалъ, слышалъ. Праздновать будетъ, говорили, свой чапуровъ выводокъ.

— Да, вотъ какіе у насъ правители,—произнесъ Носовъ, слегка качнувъ головой.—Не ходилъ бы я туда никогда. Побываешь въ этихъ приказныхъ палатахъ, поглядишь на всѣ ихъ порядки, пуще тебя засосетъ тутъ подъ ложкой.

— Да, это вѣрно,—выговорилъ Колосъ.—И я тоже, выйдя, инъ бываетъ, оттуда, такъ бы прямо за топоръ.

И онъ смолкъ вдругъ.

Алтаевъ оглянулся на него и закачалъ головой.

— Вона! За топоръ... Онъ, чтó и палка,—о двухъ концахъ. Хоть бы ты научился, вотъ, да примѣръ взялъ съ своего пріятеля, Якова Матвѣевича. Не глупъ ты человѣкъ, а не можешь удержать языка. Топоръ! Вѣдь это такъ сказывается. Во многихъ

дѣлахъ я съ тобой въ согласіи, якобы ты былъ тоже сынъ мой духовный. Многое мы одинако понимаемъ, и случится разсудить, и разсудишь. Но Яковъ Матвѣичъ никогда эдакъ не выпалитъ. Топоръ! Что же, ты на смертоубійства пойдешь? Кого же? Властей, Богомъ поставленныхъ? Полно, голубчикъ, самъ на себя клевещешь.

— Богомъ ли?.. незамѣтно ухмыльнувшись, тихо произнесъ Носовъ.

— Ну, голубчикъ Яша,—отозвался старовѣръ тихо и укоризненно:—объ этомъ мы съ тобой много разъ бесѣдовали. Самъ ты знаешь, какъ я это понимаю. Да, Господомъ Богомъ.

— А сказывается, единъ Богъ безъ грѣха,—также произнесъ Носовъ.—Стало быть, отъ Бога грѣха нѣтъ. А установленіе такихъ вотъ властей, какъ на Москвѣ и здѣсь,—развѣ правильно и праведно?

— Да, праведно. Установлены онѣ въ наказаніе грѣшнымъ людямъ.

— Не одни грѣшные отъ нихъ терпятъ. И праведникамъ отъ нихъ плохо,—отозвался посадскій.

И, какъ часто бывало, раскольничій попъ только вздохнулъ, не зная, что отвѣчать Носову.

— Ничего подѣлать нельзя,—заговорилъ онъ послѣ минутнаго молчанія.—Такъ, стало быть, нужно, таковъ законъ, что всѣ люди должны...

— Ну, вотъ тебѣ и Алтаевъ,—разсмѣялся Колосъ:—какъ Кисельниковъ заговорилъ. И у него законъ пошелъ Божій, да людской, А еще старой вѣры... А заступникъ властей.

— Нѣтъ, я не то,—отозвался раскольникъ.—Я хочу сказать, что дѣлать нечего. Хоть новые порядки и тяжелы и подчасъ кажутся грѣховными, а живи тихо и мирно. Что тутъ подѣлаешь! Есть пословица: одинъ въ полѣ не воинъ, рать нужна. А гдѣ тутъ рать? Что вотъ мы трое сойдемся—вы, двое посадскихъ, да я, духовное лицо, да побесѣдуемъ. Ну, что же! А дѣлать, нешто, можно что? Что жъ—мы трое-то?

— Вотъ это пуще всего,—пылко заговорилъ Носовъ:—меня и мутитъ и гложетъ. Вѣдь, почитай, больше половины народа въ Астрахани своихъ и инородцевъ, куда недовольны всякими указами. Нынче бороды обрить, завтра, глядишь, велятъ уши отрывать всякому. Такъ и ждать? Многіе пуще насъ кричатъ, пуще насъ злобствуютъ, а сидятъ всѣ, пальцемъ не двинутъ. А захоти мы всѣ дѣйствовать, такъ не только что воеводское правленіе, весь кремль по камешку разнести бы могли и по вѣтру пустить.

— Это вѣрно,—произнесъ Колосъ.—Только начни, только крикни кто первый! Да гляди, Яковъ, недалеко времечко, гляди, будетъ такое, немало у насъ бывало смуты и опять, смотри, будетъ. И въ ней мы съ тобой будемъ не послѣдніе. Такъ ли?

— И погубите себя, и на томъ свѣтѣ отвѣтъ дадите. Кабы вы шли за истинную старую вѣру Христову,—иное дѣло. Тогда погубленіе ваше есть спасеніе души, и на томъ свѣтѣ взыщутся всѣ ваши муки.

— Мы за вѣру и пойдемъ,—произнесъ Носовъ.—Если захотятъ всѣхъ насъ полатынить, въ басурманскую вѣру перекрестить да вездѣ разныхъ мечетей нѣмецкихъ настроить, или велятъ деревяннымъ да каменнымъ болванамъ кланяться, такъ, нешто, можно на это смотрѣть, сложа руки? А коли мы не дадимъ этому дѣлу совершиться, такъ какъ же по-твоему, развѣ то не за вѣру значитъ идти голову класть, не за вѣру пострадать?

— Въ такомъ случаѣ вѣстимо. Въ такомъ случаѣ больше скажу. И я съ вами буду. Да. Что же? Я прямо сказываю: съ вами буду, благословлю васъ, а самъ крестъ и евангеліе возьму и тоже пойду.

— Такъ вѣдь воеводское правленіе при эфтомъ случаѣ прямо разносить по камешку придется,—произнесъ Колосъ, смѣясь.

Старовѣръ молчалъ.

— Что же, нешто, не придется? Вѣдь въ такомъ случаѣ тотъ же топоръ въ руки брать надо. Вѣдь воевода и разные приказные изъ палатъ развѣ позволятъ тебѣ противничать? По неволѣ придется ихъ прежде похерить.

— Ну, тамъ видно будетъ. Объ этихъ дѣлахъ разсуждать мудрено. Только все это рѣчи пустыя. Ничего такого не будетъ, да и не давай Богъ. Вотъ что я вамъ скажу, а теперь прощайте.

Алтаевъ всталъ. Посадскіе поднялись съ мѣстъ тоже. Духовникъ благословилъ Носова, и провожаемый обоими вышелъ на крыльцо.

Два друга вернулись въ горницу, сѣли у окошка и долго молчали. Имъ не о чемъ было говорить, все было давно переговорено, и всякій изъ нихъ зналъ, что у другаго на душѣ и на умѣ, не только вообще, но даже теперь, въ данную минуту, Колосъ зналъ, что думаетъ Носовъ о рѣчахъ своего духовнаго отца и что думаетъ о сказанномъ сейчасъ имъ Колосомъ.

Носовъ тоже зналъ, что въ случаѣ подобной смуты въ городѣ Колосъ будетъ первый человѣкъ и первый голову сложитъ. За это онъ и любилъ Колоса, даже уважалъ и ставилъ выше себя. У него всегда являлось заранѣе чувство самосохраненія, мечта избѣжать, всетаки, кару за смѣлый поступокъ, тогда какъ въ другѣ Колосѣ ему чудилась беззавѣтная отвага, неустрашимость, готовность сейчасъ же голову положить подъ топоръ палача.

— Что же, братъ, отрѣзано, что ли? — проговорилъ, наконецъ, Колосъ. Хозяинъ понялъ о чемъ рѣчь.

— Кто его знаетъ, — произнесъ Носовъ. — Задатокъ далъ, объ уплатѣ теперь канитель завелъ. Пожалуй, откажется, придется другаго искать.

— Нѣтъ, братъ Яковъ, вотъ что я тебѣ сказалъ бы. Если Зарубинъ не купитъ, стало—не суждено. Не продавай и не уѣзжай.

— Ни за что, — отозвался Носовъ.

— Говорю, оставайся. Посмотри, пройдетъ годъ, два, будетъ на нашей улицѣ праздникъ, погуляемъ и мы. Сущая это правда, что у насъ во всей округѣ накипѣло много. Такъ вотъ и сдается, что не нынче, завтра набатъ услышишь и бѣги на кремлевскую площадь, да захвати съ собой коли не топоръ, такъ ножъ или вилы.

— Все пустое, ничего не будетъ. Будемъ сидѣть, глядѣть и досидимся до того, что всѣмъ и впрямь будутъ ноздри и уши рѣзать, какъ душегубамъ и сибирнымъ.

— Нѣтъ, Яша, нѣтъ. Чуетъ мое сердце...

— Эхъ, братъ, давно оно чуетъ. И мое чуяло, да перестало.

— Нѣтъ, Яша, повторяю и сто разъ скажу, коли Зарубинъ домъ не купитъ, стало, не судьба. Не продавай, оставайся, ну, хоть на годикъ, на два. У насъ, гляди...

— Ничего не будетъ у васъ.

— Ну, тогда уходи. А вѣдь самъ мы разсуди, вѣдь вездѣ, гдѣ ты ни останешься на жительство, вездѣ тоже будетъ. Вѣдь не въ Турцію или въ Персію ты уйдешь, вѣдь на Руси будешь жить. Въ томъ же Кіевѣ или Саратовѣ все то же. Тѣ же указы, тѣ же порядки, та же жисть.

— Это вѣрно, — произнесъ Носовъ, вздохнувъ.

— Такъ зачѣмъ же мѣнять родное гнѣздо на чужое?

— Самъ не знаю, Колосъ. Тянетъ меня опять второй разъ уйдти изъ Астрахани и на просторѣ погулять по свѣту, поболтаться, поглядѣть, да послушать, чего въ другихъ предѣлахъ россійскихъ умные люди ждутъ. Здѣсь не съ кѣмъ душу отвести. Съ тобой вотъ иной разъ побесѣдуешь, съ отцомъ Василіемъ, а болѣе не съ кѣмъ. Въ Кіевѣ аль въ Москвѣ я найду себѣ такихъ людей, которые, можетъ быть, и меня уму-разуму научатъ. Можетъ, говорю прямо, миръ въ душу вложатъ, примирятъ со многими дьявольскими навѣтами. Будетъ во мнѣ, можетъ, и примиреніе со всѣми этими порядками. А теперь ни то, ни сё. Порядки новые меня гложутъ, злобу поднимаютъ, а, инъ бываетъ, мысли мои самыя кажутся мнѣ наущеніемъ врага человѣческаго, что̀ толкаетъ меня на худое, губительное дѣло. Авось я, нашатавшись по людямъ, миръ себѣ найду, покой душевный. Смирюсь или дьяволу душу продамъ. Смирюсь, вернусь, пожалуй, и заживу здѣсь тихо и первый буду московскіе указы исполнять и съ Кисельниковымъ красно ихъ расписывать и пояснять. Не смирюсь, тогда, какъ ты сказываешь, за топоръ, хоть одного или двухъ властителей пришибить, да прямо голову на плаху. А эдакъ вотъ, Колосъ, эдакъ, какъ теперь, не могу я жить. Все равно, долго не протянешь. Тамъ

казнятъ, а тутъ истомитъ, изгложетъ, исковыряетъ тебѣ все нутро, и тоже живо въ могилу сойдешь.

— Такъ обожди хоть малость, ну, мѣсяцъ, два.

— Да это само собой будетъ. И чую, что Зарубинъ потянетъ канитель. Онъ мнѣ, смотри, въ полгода денегъ не выплатитъ, а то и совсѣмъ откажется. Тогда скоро ли я новаго покупателя выищу! Кто же въ Астрахани можетъ мой домъ купить? Инородческій развѣ купецъ какой, хивинецъ, бухарецъ, что ли? Такъ ему въ нашей слободѣ и поселиться не позволятъ. Иди въ свою татарскую. А изъ нашихъ православныхъ кто купитъ? Сказали мнѣ — новокрещенный Затылъ Иванычъ домъ себѣ подъискиваетъ. Такъ мой ему не по деньгамъ. А уступить я тоже не могу.

— Нѣтъ, Яша, Затылъ Ивановичъ купить можетъ, только не сейчасъ, а черезъ полгода купитъ.

— Почему же такъ?

— А онъ, видишь ли, сказывали мнѣ, долженъ жениться на Варварѣ Ананьевой. Женится, такъ не только твой домъ, три такихъ купить можетъ. А коли крещенный, такъ можетъ и въ этой слободѣ селиться. Только, говорю, обожди. Окромя Зарубина или Затыла, тебѣ и продать некому. Вотъ поэтому я и сказываю, что теперь тебѣ не суждено уходить, а надо обождать. Почемъ знать! Чему быть, того не миновать. А быть, братецъ ты мой, и быть въ Астрахани смутѣ. Вотъ тебѣ мое послѣднее слово. Сказываютъ, что на татарской слободѣ одна гадалка колдуетъ, что не пройдти это значитъ еще десяти недѣль, будетъ явленіе, по коему...

— А, ну, тебя къ шуту, дуракъ! — всталъ и разсмѣялся Носовъ. — Все говорилъ дѣло, а тутъ вдругъ у него гадалка...

Друзья весело простились, и Носовъ, оставшись одинъ, пошелъ на другую половину дома, къ женѣ и дѣтямъ.

Жена посадскаго была изъ армянской семьи, давно поселившейся въ Астрахани и перешедшей въ православіе. Женщина эта была очень красива, но очень простовата, такъ что даже не могла заниматься обыденными хозяйскими заботами, и всѣмъ въ домѣ завѣдывала дальняя родственница. Сама же Носова сидѣла по цѣлымъ днямъ, сложа руки, чаще у окна... У нея была одна страсть — смотрѣться въ зеркало... И бывала она озабочена только тогда, когда вдругъ находила на лицѣ своемъ прыщикъ или пятнышко... Впрочемъ, на случай такой бѣды у нея были еще отъ матери переданныя ей средства, притиранья и примочки. За то она была чрезвычайно красива своимъ блестящимъ цвѣтомъ лица, оттѣнявшимъ большіе черные глаза.

Одна особенность была у красавицы-армянки. Она вѣки-вѣчные всѣмъ и на все всегда улыбалась. Эта улыбка не сходила съ ея красивыхъ губъ даже и вснѣ... Носовъ обожалъ жену именно за красоту, но никогда не говорилъ съ ней ни о чемъ по душѣ.

— Не женино то дѣло! — думалъ онъ про себя.

IX.

Барчуковъ времени не терялъ... Быстро выйдя изъ кремля Пречистенскими воротами, онъ пошелъ въ самую дальную часть города, которая была пустыннѣе, но гдѣ высились самые просторные и красивые каменные дома богатыхъ астраханцевъ изъ купцовъ. Дворянскій кварталъ, т. е. одна улица съ двумя десятками домовъ помѣщиковъ былъ въ противоположной сторонѣ. Самые важные бояре и знатные люди жили въ самомъ кремлѣ, но ихъ было всего семьи три, четыре.

Кварталъ, въ который вступилъ Барчуковъ, отличался отъ другихъ большими пустырями и огородами, которыми отдѣлялись купеческіе дома одинъ отъ другаго.

Скоро предъ глазами молодаго москвича появился тотъ домъ, который въ мысляхъ ни на минуту не покидалъ его, во время странствованія за письменнымъ видомъ. Большой, бѣлый двухъ-этажный домъ купца Ананьева стоялъ въ глубинѣ пустыря полу-двора, полу-луговины, огороженный кругомъ бревенчатымъ заборомъ изъ барочнаго лѣса.

На счастье, будучи уже саженяхъ въ пятидесяти отъ дома, онъ вдругъ увидѣлъ, что кухарка купца Ананьева, его хорошая пріятельница, стоитъ за воротами.

Барчуковъ бросился бѣжать къ ней, боясь, чтобы она не вошла и не заперла за собой калитки.

Это обидное обстоятельство едва не случилось. Баба Настасья, постоявъ за воротами, уже собиралась идти домой, когда увидѣла бѣгущаго къ ней молодца, который въ добавокъ машетъ ей рукой.

Улица была пустынна, и Настасья, хотя и была туга на мысли, сообразила, что невѣдомый человѣкъ бѣжитъ къ ней.

Она обождала, приглядѣлась и ахнула.

— Степанъ Васильичъ! Батюшки-свѣты! — вскрикнула она и оторопѣла.

Барчуковъ приблизился къ женщинѣ, радостный отъ нечаянной встрѣчи, и, запыхавшись, вымолвилъ:

— Настасья... Здорово... Вотъ удача-то!

— Господи Іисусе! Степанъ Васильичъ! Откуда? Какъ же сказывали намъ всѣ, что ты не вернешься, а пропалъ безъ вѣсти, провалился?..

— Типунъ на языкъ тому, кто сказывалъ. Провалиться этому брехуну самому.

— Такъ ты живъ-живехонекъ! Скажи на милость!

И Настасья, разводя руками, закачала головой.

— Говори, говори, что—Варюша? Что у васъ? Какъ дѣла? Все... Говори, не таи... Замужъ она не... Охъ, боюсь спросить!

— Слава Богу, родной мой. Слава Богу... Варвара, то-ись, Климовна въ добромъ здоровьѣ. На чердакѣ запертая высидѣла мѣсяцъ, на хлѣбѣ и водѣ. Похудала, захворала.

— Не замужемъ!?

— Какое тебѣ замужество! Ни въ одномъ глазу нѣту... Она чуть не померла, плакучи по васъ и по батюшкѣ родителю...

— А что онъ... хозяинъ? Климъ Егорычъ?..

— Что ему? Здоровъ, слава Богу. Покудово дочку запертую держалъ въ устрашеньѣ, на чердакѣ,—самъ темнѣе ночи ходилъ и все жалился. Подъ дышкой у его сосало... Говорилъ, помереть долженъ... отъ тебя, то-ись, и отъ грубостевъ дочери. Ну, ходилъ, ходилъ, маялся, и свалился, и ноги протянулъ.

— Померъ! — заоралъ Барчуковъ, какъ подстрѣленный.

— Что ты, родной! Тьфу, какое померъ! Слава Богу, въ добромъ здоровьѣ. А былъ, то-ись, очинно не хорошъ и теперь не хорошъ. Ротъ соскочилъ... И теперь, стало быть, около уха приходится. А глазъ одинъ спитъ все, безъ просыпу... Да... А все это отъ потопленія Варюшки приключилось ему.

— Что? Что?.. Что ты путаешь?..

— Зачѣмъ путать. Правду говорю. Самъ увидишь. Отъ ея утопа хворость пришла. Такое бываетъ. У меня кумъ былъ такой-то... Даже языкъ совсѣмъ отшибло куму... Вотъ и Климъ нашъ Егорычъ тоже... Худорѣчивъ сталъ. Я понимаю и Варюша понимаетъ, а изъ батраковъ не всѣ понимаютъ. Теперь, одначе, много лучше... Слава Богу, Отцу Небесному.

И на вопросы Барчукова кухарка объяснила подробнѣе все происшедшее въ домѣ Ананьева за отсутствіе молодца. А произошло многое...

Послѣ смѣлаго сватовства Барчукова, его изгнанія изъ дома, Варя много горевала и плакала безъ конца. Ананьевъ бранился, грозился всю Астрахань разрушить и такое сотворить съ дочерью, что «чертямъ въ аду тошнота приключится»; затѣмъ, купецъ, не говоря худаго слова, просваталъ дочь за новокрещеннаго въ православье татарина, хорошо извѣстнаго Барчукову и именуемаго въ Астрахани Затыломъ Иванычемъ, хотя при крещеніи имя, нарѣченное ему, было Макаръ.

Барчуковъ, еще живя въ приказчикахъ у Ананьева и видая часто у хозяина новаго пѐрекрестя, подозрѣвалъ, что Затылъ Иванычъ, 45-тилѣтній татаринъ, неравнодушенъ къ красивой Варюшѣ. Часто онъ иногда сомнѣвался въ своихъ подозрѣніяхъ и объяснялъ себѣ свою загадку простой ревностью влюбленнаго.

Теперь оказывалось, что онъ былъ правъ.

Настасья, продолжая разсказъ, передала Барчукову диковинную вѣсть—и страшную, и пріятную вмѣстѣ... Варюша бѣгала топиться

въ рѣчку Кутумовку, и не подоспѣй два татарина, пожалуй, была бы теперь на днѣ рѣки или на погостѣ.

— Господи! Какъ? Почему? — вскрикнулъ парень.

— А какъ ее хозяинъ просваталъ Затылъ Иванычу да ей брякнулъ, она, недолго думая, въ тотъ же вечеръ убѣжала, да въ рѣчку...

— Ну?...

— Ну, говорю... Татаринъ Сеидъ да калмыкъ Кулимычъ вытащили и принесли ее не въ своемъ чувствѣ, будто мертвеца.

По словамъ Настасьи тутъ съ хозяиномъ бѣда и приключилась. Дочь-то онъ заперъ на чердакъ, а самъ сталъ ходить... Ходилъ три дня. Все по дому ходилъ, а не по улицѣ....

— Да вдругъ это разъ,—продолжала женщина:—поутру, ранымъ рано, пришелъ ко мнѣ, да и показываетъ себѣ на рожу пальцемъ, да спрашиваетъ... «Что-й-то, молъ, мнѣ рыло будто перекосило?». Гляжу, и впрямь все съѣхало!

Всѣ свои вѣсти и весь разсказъ Настасья заключила, однако, увѣреніемъ, что теперь въ домѣ «все слава Богу».

Барчуковъ передалъ женщинѣ вкратцѣ всѣ свои приключенія въ пути и упросилъ передать Варюшѣ отъ его имени, что онъ ее попрежнему любитъ, помираетъ отъ желанія ее видѣть и этой же ночью будетъ у нея въ горницѣ.

— Что ты, родной?!—ахнула Настасья.

— Не твое дѣло! Предупреди только. А то Варюша перепугается и весь домъ всполошитъ. Скажешь ей?..

Настасья сказать обѣщалась, но прибавила:

— Вѣдь хозяинъ тебя убьетъ... Изъ своихъ рукъ убьетъ.

— Ладно. Не твоя забота! — весело отозвался Барчуковъ. — Ты только скажи: нынѣ, молъ, въ ночь жди къ себѣ Степку и не бойся.

— Да какъ ты попадешь къ ней, парень?

— Это мое дѣло, Настасьюшка.

— Не хорошо это, парень, къ дѣвицамъ ночнымъ дѣломъ лазать.

— Напротивъ того, очень хорошо, разкрасавица ты моя!—весело и шутливо воскликнулъ Барчуковъ. — Поди, и ты рада была бы, коли бъ какой парень, не глядючи на твое рыло и годы, полѣзъ къ тебѣ ночнымъ-то дѣломъ? Ну, прости родная моя. Упреди Варюшу, не забудь!

Барчуковъ ласково треснулъ женщину по плечу и, бодро, весело, напѣвая и чуть не припрыгивая отъ довольства, пошелъ на свой постоялый дворъ.

Богатый купецъ Климъ Ананьевъ былъ «ватажникъ», или владѣлъ учугами на Волгѣ, т. е. занимался рыбнымъ промысломъ и отпускной торговлей рыбой во всѣ края, и въ Русь, и за Каспій.

На уловѣ и на торговлѣ рыбой держалась вся Астрахань. Въ этомъ состояло все ея богатство, и ради этого промысла городъ сталъ центромъ оживленнаго обмѣна всякихъ товаровъ съ Русью и съ со-

сѣдями татарами, персами, армянами и турками. Если бы не рыба въ изобиліи и не цѣлые караваны ея, отправлявшіеся сухимъ путемъ и моремъ, то не было бы въ городѣ и трехъ каравансераевъ, не было бы сотенъ всякихъ купцовъ съ разнымъ товаромъ, какъ изъ Хивы, или изъ Тегерана, такъ и изъ нѣкоторыхъ христіанскихъ государствъ Европы.

— Рыбой Астрахань богата, но рыбой и жива, — говорили умные люди.—Засни вся рыба на Волгѣ, и запустуетъ Астрахань.

Въ Астрахани было не болѣе двадцати ватажниковъ, владѣтелей рыбныхъ промысловъ, и поэтому всѣ они были наперечетъ, всѣ богаты, уважаемы и всѣ пользовались всякими льготами отъ властей. Двое изъ ватажниковъ, купцы Лошкаревъ и Кобяковъ, были далеко извѣстны за предѣлами Астраханской округи, такъ какъ у нихъ у каждаго ватаги рабочихъ батраковъ доходили до цифры въ полторы тысячи человѣкъ, что давало понятіе и о количествѣ ихъ учуговъ. Обороты всѣхъ ватажниковъ были огромные, и милліоны пудовъ соленой рыбы расходились изъ Астрахани по всему свѣту. Существовала басня-шутка, доказывавшая значеніе этого торговаго центра. Присказка говорила такъ:

«Пришла ватага на рѣчку... Берегъ отъ берега не видать... Что та за рѣчка? Догадай, умный человѣкъ? Поймала ватага рыбы столько, сколько звѣздъ на небѣ, просолила и разослала отъ себя... Одну рыбку съѣлъ царь на Москвѣ, одну шахъ персидскій, одну султанъ турецкій, одну ханъ хивинскій, одну ханъ крымскій, одну армянскій патріархъ, одну греческій, десять рыбокъ съѣли христіанскіе короли и королевичи, двумя рыбами подавились калмыкъ и ногай. Изъ какого города рыбки тѣ были, умный человѣкъ, догадай?».

Разумѣется, и глупый человѣкъ не только зналъ, что рѣчка та — Волга, а городъ тотъ—Астрахань, но зналъ даже, почему всѣ рыбу ѣли благополучно, а калмыкъ съ ногаемъ рыбой подавились.

Присказка шутила насчетъ калмыковъ и ногайскихъ татаръ въ отмщеніе за вѣковую борьбу съ ними изъ-за промысла на Волгѣ, берега которой принадлежали обѣимъ сторонамъ. Ссоры и драки эти иногда переходили въ настоящія сраженія.

Не разъ случалось православному войску выходить въ походъ сражаться, подъ начальствомъ воеводы, съ калмыцкими и ногайскими ордами изъ-за учуговъ ватажниковъ. Русь всегда побѣждала татарву. И если разныя злоупотребленія и преступленія татаръ на Волгѣ, по отношенію къ ватажнымъ рабочимъ, на время прекращались, то драки шли своимъ чередомъ, ежедневно, изо дня въ день, изъ года въ годъ, даже изъ вѣка въ вѣкъ.

Ватажники были рыботорговцами по наслѣдству отъ дѣда и отца къ сыну, изъ рода въ родъ.

Ватажникъ Лошкаревъ считалъ, что его учуги принадлежатъ роду Лошкаревыхъ со временъ покоренія Астрахани, когда Грозный «сюда русскихъ людей насадилъ».

— Первая бѣлуженка, что̀ скушалъ царь Грозный на Москвѣ, была Лошкаревская! — говорилъ, хвастаясь, богачъ-ватажникъ.

Дѣдъ Клима, Антонъ Ананьевъ, первый разбогатѣлъ и увеличилъ свою ватагу до двухъ сотъ человѣкъ. При отцѣ Клима учуговъ было уже больше, а самъ Климъ довелъ свою ватагу до полтысячи человѣкъ рабочихъ и гордился этимъ.

Ватажниками и ихъ дѣлами интересовалась вся Астрахань, и поэтому теперь многія семьи поглядывали на дворъ и домъ Ананьева съ намѣреніями особаго рода.

У Клима не была сына, было одно время лишь три дочери, изъ которыхъ осталась въ живыхъ одна... Жениться Климу, вдовцу, вторично было уже поздно, да и хворать онъ уже началъ. Слѣдовательно, единственной наслѣдницей и владѣтельницей многихъ учуговъ на Волгѣ и всего торговаго оборота, представительницей торговаго промысла и почетнаго положенія въ городѣ, будетъ одна Варвара Климовна, одна Варюша.

А она къ тому же еще и красавица собой писанная, не хуже иной царевны-красоты, о которой въ сказкѣ сказывается... Кто же станетъ для нея Иванушкой счастливымъ? Кого же судьба угораздитъ ее плѣнить или отца умаслить, чтобы Ананьевскіе учуги въ другой купеческій или посадскій родъ перешли.

Немало объ этомъ толковали и заботились многіе родители, у которыхъ были сыновья, Варюшѣ въ женихи подходящіе.

Немало свахъ и сватовъ засылали къ Климу купеческіе и посадскіе сыны — и недоросли, и вдовые, и молодые, и пожилые.

Климъ сначала гонялъ всѣхъ, такъ какъ его единственному дитяткѣ, Варюшѣ, не было еще полныхъ пятнадцати лѣтъ. Ананьевъ не хотѣлъ выдавать дочь замужъ ранѣе 17-ти, хотя оно и не было въ обычаѣ такъ долго ждать. Климъ твердо былъ увѣренъ, что и его покойница жена померла раньше времени оттого, что раньше времени выдана была за него замужъ, всего 14-ти лѣтъ. Такъ ему бывшій архіерей Самсонъ смерть его жены объяснилъ, а онъ, умница, и возсѣдаетъ уже нынѣ астраханскимъ митрополитомъ.

X.

Подросла, наконецъ, красавица, но относилась ко всѣмъ сватамъ и свахамъ равнодушно. У нея только и было заботы какъ бы побѣгать по отцовскимъ баштанамъ и чаирамъ да фруктовъ поѣсть въ волю, дынь или винограду. Кромѣ того, она любила воду до страсти, но не ради питья ея, а ради катанья по ней. Вырваться

изъ дому, сѣсть въ лодку и махнуть далеко, хоть на самый Каспій, раздольный и безконечный, и покачаться на его волнахъ—было ея единственной страстью. Часто охала и сожалѣла дѣвица, еще дѣвочкой, зачѣмъ она не уродилась парнемъ, пошла бы въ ватагу рыбу ловить на Волгѣ. А еще того лучше—не ловить, а возить по Каспійскому морю къ персидамъ.

— Да, будь я парень, была бы я матроцъ! — говорила и хвасталась Варя своей мамушкѣ: — И какой бы я была матроцъ! Не хуже хваленыхъ грецкихъ матроцовъ. Одна бы съ кораблемъ управилась. Ей-Богу!..

— Да, обида, дитятко, — шутила ея мамка Матрена, теперь умершая, — что матроцы есть, а матрочихъ нѣту. Будь на свѣтѣ матрочихи, мы съ тобой убѣжали бы изъ родительскаго дома, да на какой грузинскій, аль армянскій корабль нанялись... То-то бы чудесно было. Всякій-то день насъ съ тобой стягали бы да драли кнутьями корабельными.

Но, когда Варюша мечтала быть матросомъ и жалѣла, что на корабляхъ не служатъ по найму «матрочихи», она была еще дѣвочкой глупой. Дѣвицей она попрежнему продолжала любить море и катанье и качанье по волнамъ морскимъ, но въ воображеніи своемъ дѣвичьемъ она каталась уже не одна. Она странствовала по Каспію, на большомъ и красивомъ кораблѣ, вдвоемъ. Она управлялась съ парусами и съ рулемъ уже не одна, какъ въ дѣтствѣ, а при помощи другаго существа, которое путешествовало съ ней... Это былъ красавецъ-стрѣлецъ, похожій на одного видѣннаго ею въ кремлѣ, только много краше его и въ золотомъ кафтанѣ, какихъ стрѣльцы и не носятъ, а развѣ царевичи на Москвѣ иль королевичи въ заморскихъ земляхъ.

Когда минуло Варюшѣ уже полныхъ 17 лѣтъ, отецъ ея еще пуще сталъ гонять сватовъ со двора; однако, онъ сталъ поговаривать съ дочерью чаще, что пора ей и замужъ, пора ему имѣть помощника и подсобителя въ управленіи ватагой и всѣмъ торговымъ дѣломъ.

— Найдите жениха. Я пойду... Я не противлюсь, — говорила избалованная отцомъ Варюша и смѣялась, зная, что отецъ давно перетрясъ мысленно всю Астрахань, даже Черный и Красный Яры вывернулъ на изнанку и нигдѣ парня, достойнаго быть его зятемъ, не выискалъ. А отчего?

У одного была семья велика... Напустишь въ домъ араву сродственниковъ, а Климъ привыкъ жить тихо, одинъ, съ единственной дочерью.

У другаго было имя или отчество не казистыя. У третьяго рожа ему не нравилась... Четвертый былъ слишкомъ худороденъ, хоть посадскій, а бѣденъ, а пятый былъ слишкомъ богатъ и знатенъ. Станетъ похваляться, корить тестя своимъ купечествомъ.

Шестой не нравился Ананьеву просто такъ... Не нравится! А почему? Невѣдомо самому.

— Офицера, боярина — дѣло не подходящее. Какой онъ будетъ ватажникъ! — говорилъ Климъ Егорычъ и себѣ, и дочери, и Настасьѣ. Изъ купцовъ, одни ужъ бѣдны, а другіе сказываются богаче насъ. А изъ равныхъ намъ по иждивенію и имуществу—все не подходящіе. Изъ посадскихъ людей кого найдти мудрено, да и что за прибыль, что за похвала. Изъ простыхъ батраковъ выискать молодца-парня—совсѣмъ зазорно предъ людьми. Одна дочь, приданница, да за мужика выдавать... Нѣту, нѣту, просто нѣту жениха. Надо обождать.

И Ананьевъ ждалъ, но искалъ, выбиралъ, хаялъ, браковалъ, опять искалъ и опять браковалъ и все ждалъ...

Но Варюша покуда не ждала. Вотъ бѣда и приключилась! Покуда отецъ все гонялъ сватовъ со двора и все выискивалъ подходящаго себѣ зятя, дочь нашла себѣ если не жениха, то любаго человѣка, котораго, сама не зная какъ и когда и за что, полюбила всей душой. Былъ онъ не красавецъ, неособенно прытокъ и рѣчистъ, не ходилъ въ золотомъ кафтанѣ, не былъ даже посадскимъ, а былъ сначала простымъ рабочимъ въ ватагѣ отца, а потомъ съумѣлъ сдѣлаться главнымъ приказчикомъ при дѣлахъ Ананьева.

Это былъ стрѣлецкій сынъ Степанъ Барчуковъ, жившій въ домѣ подъ чужимъ видомъ и прозвищемъ Прова Куликова.

Почему Барчуковъ полюбилъ Варю Ананьеву, дочь хозяина и богатаго ватажника, было понятно. Она была и красавица, и приданница.

Но какъ Варюша бросила мечты о миломъ въ золотомъ кафтанѣ и примирилась съ мыслью любить стрѣлецкаго сына и безписьменнаго шатуна, — было дѣло мудреное, если со стороны посудить.

Если же поглядѣть да понять, каково было богатой невѣстѣ дѣвицѣ жить въ домѣ отца, вѣкъ одной одинёхонькой у себя въ горницѣ, съ окнами на далекій Каспій, то побѣда надъ ея сердцемъ стрѣлецкаго сына съ Москвы оказывалась дѣломъ обыкновеннымъ. Варюша уже болѣе года умирала съ тоски, томилась, какъ въ неволѣ, не лучше, какъ плѣну въ арыкѣ, у киргизовъ, или на цѣпи, у ногайцевъ. А тутъ вдругъ появился въ домѣ малый тихій, скромный, добрый и ласковый, не дуренъ собой. Къ тому же, онъ сталъ заглядывать ей въ глаза, какъ никто еще никогда не заглядывалъ, потому что она близко и не видѣла еще никого. А съ нимъ она видѣлась часто! А когда онъ вскорѣ вышелъ въ главные приказчики отца, то и еще чаще, потому что онъ получилъ горницу въ ихъ домѣ...

И однажды отъ его горницы, совсѣмъ внизу, до ея горницы, совсѣмъ наверху, оказалось только рукой подать!

Варюша и Барчуковъ шибко полюбились и, конечно, поклялись въ вѣчной любви, будь что будетъ... Степанъ за себя, конечно, ручаться могъ, но въ постоянствѣ возлюбленной сомнѣвался.

Онъ зналъ и видѣлъ, что Ананьевъ обожалъ по-своему свою единственную дочь, избаловалъ ее тоже на свой ладъ. Онъ не пускалъ ее въ гости къ знакомымъ, противился тому, чтобы она заводила пріятельницъ-подругъ, самъ рѣдко принималъ знакомыхъ и еще рѣже допускалъ гостей въ горницы дочери. Но въ ежедневныхъ мелочахъ дочь дѣлала, что хотѣла. Кататься и гулять, и на лошадяхъ и въ лодкѣ, она могла сколько хотѣла въ сопровожденіи своей мамки. Когда же мамка умерла, то Варя проводила время съ другой женщиной, Улитой, вновь взятой въ домъ по найму, которая была хотя и православная, но сильно смахивала на армянку.

Барчуковъ думалъ, что если дочь упрется въ своемъ рѣшеніи выйдти замужъ за него, то Климъ Егорычъ долженъ будетъ уступить. Лишь бы она сама-то не измѣнила ему вдругъ! Степанъ надѣялся и на то, что быстро съумѣлъ расположить Ананьева въ свою пользу и такъ влѣзть ему въ душу, что онъ въ домѣ и во всѣхъ дѣлахъ ватажника распоряжался также самовластно, какъ въ его ватагѣ рабочихъ на учугахъ.

Вышло, однако, совсѣмъ наоборотъ. Варюшка была ему вѣрна и сама подбивала свататься. А когда молодой приказчикъ вдругъ открылся хозяину, что онъ стрѣлецкій сынъ, съ Москвы, Барчуковъ, а не Куликовъ, живетъ по чужому виду, да влюбленъ въ его дочь и сватается за нее, то Климъ, не говоря ни слова, велѣлъ любимца связать и отправить въ воеводское правленіе.

Не будь воевода въ Астрахани Ржевскій, а какой иной кровопійца и лютый законникъ, какихъ было много на Руси, то сидѣть бы и теперь Барчукову въ кандалахъ, въ ямѣ острожной.

— Все дѣло спѣхомъ испортилъ, — говорилъ Барчуковъ, выпущенный добрымъ Ржевскимъ на свободу, чтобы съѣздить и справить настоящій видъ.

И, будучи въ отсутствіи, Барчуковъ боялся пуще всего, что Варюша его забудетъ и разлюбитъ. Начнетъ отецъ ее выдавать замужъ, — пойдетъ она безпрекословно. А то и сама станетъ проситься замужъ; если отецъ опять будетъ медлить съ выборомъ зятя, сама начнетъ искать и выбирать. И найдетъ...

Возвратившійся теперь Барчуковъ узналъ совсѣмъ не то. Ананьевъ самъ выискалъ, наконецъ, себѣ зятя, да и какого еще? Лядащаго новокрещеннаго татарина! А Варюша крѣпко свою клятву сдержала, даже свято исполнила пообѣщанное возлюбленному, т. е. и впрямь бѣгала топиться и чуть на тотъ свѣтъ не попала.

Какимъ образомъ скромная, веселая и болтливая дѣвица, купеческая дочь, рѣшилась бѣжать изъ дома и не побоялась руки

на себя наложить,—трудно было понять. Откуда у нея прыть эта взялась?

Барчуковъ зашелъ на постоялый дворъ, пообѣдалъ и, забравшись на сѣновалъ, лихо выспался... Когда на дворѣ смерклось, онъ былъ уже снова на ногахъ.

— Увидаться. Хоть пропадать, а увидаться!—рѣшилъ онъ, горя нетерпѣньемъ влюбленнаго скорѣе обнять свою дорогую Варю.

Барчукову чудилось, что съ той минуты, какъ онъ узналъ отъ Настасьи о лихомъ поступкѣ дѣвушки, она будто стала ему вдвое дороже и милѣе. Дѣвушка доказала ему этимъ на дѣлѣ, а не на словахъ однихъ—свою крѣпкую любовь.

Стало быть, Варюша теперь на все пойдетъ. Убѣжать изъ дому со мной легче будетъ, чѣмъ одной... А коли Клима Егорыча отъ того втораго побѣга дочери совсѣмъ расшибетъ кровь горячая,— то, почитай, тѣмъ лучше.

И, не будучи злымъ, Барчуковъ усмѣхнулся при мысли, какъ горячая кровь Ананьева вскипятится въ немъ и, въ первый разъ своротивъ ему всю рожу на сторону, во второй совсѣмъ прихлопнетъ. Не будучи корыстолюбивъ и жаденъ, Барчуковъ, всетаки, подумывалъ и о послѣдствіяхъ такой случайности, т. е. будетъ ли по закону бѣглая дочь наслѣдницей умершаго скоропостижно отца?

— Эхъ, законовъ-то я вотъ не знаю. Надо бы справиться прежде въ приказной палатѣ... Зайду завтра къ Перышкину повытчику. Онъ всю уложенную грамоту наизусть знаетъ.

И черезъ минуту малый думалъ, сожалѣя:

— И зачѣмъ это законы эти писаны, только смущенье отъ нихъ одно людямъ. Хочешь что сдѣлать и опасаешься, можетъ, не по закону выйдетъ. А какъ ихъ всѣ знать! Хорошо еще, если бъ всѣ законы были подходящіе, а то вѣдь есть совсѣмъ чудесные законы. Вотъ смертоубивство всѣми какъ есть законами воспрещается. Это обыкновеніе хорошее и понятное. А то есть дѣла, которыя не грѣхъ и не обида никому, а, глядишь, однимъ какимъ закономъ воспрещено. И знай его, хоть онъ и одинъ только. А то еще хуже того. И закона нѣтъ запретнаго на иное поступленье, а судьи — правители соврутъ, что есть и засудятъ нашего брата, темнаго человѣка.

Барчуковъ, однако, чувствовалъ, что напрасно причисляетъ себя къ темнымъ людямъ. Его жизнь на Москвѣ и все, что онъ видѣлъ и испыталъ въ своихъ долгихъ странствованіяхъ по всей Россіи,— многому научили его. Отъ природы смѣлый, иногда даже дерзкій въ исполненіи задуманнаго, онъ разумомъ и опытомъ былъ, конечно, смышленѣе и изворотливѣе многихъ городскихъ и слободскихъ астраханцевъ, начиная съ властей, въ родѣ Ржевскаго, и до тупоумной, разнописьменной и разноязычной толпы, наполнявшей городъ.

Идти тотчасъ ко двору Ананьева, пробраться въ домъ его, хотя бы и со взломомъ, проникнуть въ горницу Варюши и увидѣться съ ней послѣ долгой разлуки — было рѣшено Барчуковымъ безповоротно. Что тамъ ни будь!

Да и опасаться ему особенно было нечего. Самъ хозяинъ былъ человѣкъ глупый, не прыткій, легко терялся при всякой нечаянности, да ко всему еще теперь прибавилась у него и хворость. Рабочіе, ночующіе у Ананьева въ домѣ, числомъ трое, были на подборъ глуповатые инородцы: юртовскій татаринъ, башкиръ и армянинъ. Они же, вдобавокъ, привыкли издавна видѣть въ лицѣ Барчукова своего непосредственнаго главу и начальника. Съ разу теперь они и не сообразятъ ничего.

XI.

Въ девять часовъ вечера молодой малый сидѣлъ уже верхомъ на заборѣ, отдѣлявшемъ дворъ Ананьева отъ улицы.

— Признаютъ ли они меня? А ну — нѣтъ?.. спрашивалъ онъ себя уже въ третій разъ, какъ бы не рѣшаясь спрыгнуть внутрь... .

Только теперь вспомнилъ онъ, что на дворѣ ночью всегда спускались съ цѣпи два огромныхъ пса какой-то персидской породы. Собаки хорошо знали его и любили, но онъ соображалъ, что долгая разлука и на вѣрную собачью природу имѣетъ вліяніе.

— Коли забыли меня — разорвутъ, — думалъ Степанъ. — Ужъ лучше на глаза Ананьеву попасть и палки его отвѣдать, чѣмъ быть загрызенному собаками до полу-смерти.

Недолго продолжались сомнѣнья молодца.

Онъ свиснулъ тихонько, потомъ замяукалъ. Собаки на-сторожѣ услыхали, бросились чрезъ весь просторный дворъ въ его сторону и раза два тявкнули, чуя ночное посѣщеніе чужаго человѣка.

Подскакавъ къ забору, оба огромные пса залились громкимъ и злобнымъ лаемъ.

— Сейка! Михоръ!.. окликнулъ ихъ Барчуковъ въ полголоса.

Собаки смолкли сразу и стали какъ бы въ недоумѣніи, задравъ головы на заборъ, гдѣ сидѣло нѣчто, какъ имъ казалось, чужое и родное вмѣстѣ, и будто новое и давно будто извѣстное.

Нѣсколько словъ ласки со стороны Барчукова заставили собакъ жалобно взвизгнуть, и одна изъ нихъ, махая хвостомъ, положила лапы на заборъ и потянулась къ нему... Барчуковъ спрыгнулъ во дворъ, и собаки тотчасъ завертѣлись вокругъ него съ радостнымъ визгомъ отъ неожиданнаго счастья.

— Цыцъ, поганыя! Ну, васъ!.. по неволѣ прикрикнулъ на друзей Барчуковъ.

Онъ приблизился къ дому... Все было тихо и все спало сладкимъ сномъ, такъ какъ въ домѣ ватажнаго купца всегда всѣ ло-

жились спать еще до захода солнца и вставали за то далеко до зари.

Барчуковъ толкнулся въ главныя двери и съ радостью нашелъ ихъ отпертыми... Онъ вошелъ въ корридоръ и тихо двинулся въ темнотѣ по хорошо знакомому дому. Въ началѣ широкой лѣстницы онъ наступилъ, однако, на что-то мягкое и податливое подъ ногой какъ тюфякъ.

— Что жъ это у нихъ предъ лѣстницей раскладывать стали!— подумалъ Барчуковъ и ступилъ далѣе...

Вздохъ и мычанье тотчасъ раздались изъ предполагаемаго тюфяка... Онъ, очевидно, наступилъ на грудь или на животъ спавшаго на полу работника.

— Ну, знать, умаялся за день на ватагѣ!.. невольно усмѣхнулся про себя молодецъ и полѣзъ вверхъ.

Чрезъ нѣсколько минутъ онъ былъ у двери горницы Варюши, и тутъ въ первый разъ только застучало въ немъ влюбленное сердце. Дверь уступила и подвинулась подъ дрогнувшей отъ волненья рукой. Онъ былъ въ горницѣ, небольшой, темной, съ двумя ма́ленькими окнами, гдѣ чуть брезжилъ свѣтъ ночнаго беззвѣзднаго неба... Но въ этомъ дорогомъ уголкѣ дома Ананьева онъ зналъ все наизусть...

Барчуковъ пріостановился и прислушался. Тихое и ровное дыханье послышалось въ правомъ углу, гдѣ были образа и стояла всегда кровать дѣвушки...

Долго простоялъ Барчуковъ, не двигаясь, хотя горѣлъ огнемъ. Сколько не видался онъ съ ней, сколько вытерпѣлъ мукъ отъ сомнѣнья, ревности и всякихъ бурь душевныхъ! И, наконецъ, онъ опять здѣсь около нея. А она за время разлуки только пуще доказала ему свою неизмѣнную любовь.

Но что дѣлать?

Барчуковъ сообразилъ тотчасъ, что, если Варюша спитъ, то, стало быть, Настасья ни слова не сказала ей объ его возвращеньѣ и намѣреніи быть ночью въ домѣ... Или она сказала все, но Варюша рѣшила, что милому добраться до нея будетъ невозможно, даже отваги не хватитъ, и потому преспокойно заснула.

— Если разбудить ее и въ темнотѣ заговорить съ ней, — а она ничего не знаетъ объ его возвращеньѣ? — то вѣдь это значитъ напугать ее на смерть. — Пустое! Настасья все сказала. Если бы я ее даже упросилъ утромъ молчать обо мнѣ, то она все бы разсказала, не утерпѣла порадовать! — рѣшилъ молодецъ.

Барчуковъ приблизился къ кровати, нагнулся надъ спящей и сразу, тихо обхвативъ ее въ объятья, сталъ цѣловать...

— Варюша... Варюша... я... я тутъ! Степанъ! — заговорилъ онъ, перемѣшивая слова съ поцѣлуями.

— А!! Ай!! — громко, дико пронеслось на весь домъ, оглушило даже молодца и, казалось, раздалось по всей слободѣ, по всему городу, вплоть до кремля.

— Варюша! Варюша! Я... оробѣлъ Барчуковъ, ожидая, что весь домъ поднимется на ноги и прибѣжитъ. Вся Астрахань встрепенется и отзовется.

Варюша, съ просонокъ отъ дѣвичьяго крѣпкаго сна, обхваченная въ темнотѣ чьими-то руками, цѣлуемая въ щеки, губы и глаза, только обомлѣла и оцѣпенѣла отъ перепуга и ужаса, но, прійдя въ себя, собиралась опять заголосить на весь міръ Божій.

— Степанъ!.. Я... Перебудишь... тревожно повторялъ Барчуковъ ей на ухо.

Варюша узнала голосъ, все поняла, ахнула и стихла, порывисто и страстно прильнувъ къ другу.

Черезъ мгновенье послышался плачъ дѣвичій. Варюша горько плакала отъ счастья.

Но среди темноты горницы раздался голосъ, сердитый вопросъ. И два сердца ёкнули въ это мгновенье такъ, какъ рѣдко приходится на долю людскимъ сердцамъ.

— Варюша, чего горланишь?.. спрашивалъ Климъ Егорычъ изъ тьмы ночной, стоя на порогѣ дверей.

Послѣ долгой паузы, Ананьевъ снова произнесъ, не отходя отъ порога.

— Варюша!.. Ты заорала, аль нѣтъ? Варюша! Спишь ты, аль нѣтъ? Отвѣчай, коли спишь.

Еще пауза... У Варюши языкъ прилипъ къ гортани отъ втораго сугубаго и горшаго перепуга уже не за себя, а за милаго...

— Тьфу! Почудилось во снѣ. Эки сны дурацкіе стали приходить! — заворчалъ Ананьевъ.

И, по скрипу пола въ горницахъ, стало понятно, что босоногій хозяинъ вернулся къ себѣ въ спальню.

Нескоро Варюша пришла въ себя отъ втораго перепуга.

Что̀ было бы, если бъ отецъ вошелъ въ комнату съ огнемъ и нашелъ около нея молодца, выгнаннаго изъ дому и котораго онъ считалъ уже ушедшимъ за тридевять земель?!

Барчуковъ тоже смутился и оробѣлъ сильно. Ничего бы ватажникъ ему сдѣлать не могъ. Драться онъ былъ самъ не въ состояніи, а отъ рабочихъ его молодецъ отдѣлался бы одной прытью. Схватилъ бы въ руки что потяжелѣе да и отмахался бы. Степана пугала мысль о новой разлукѣ. Ужъ второй и третій разъ не пролѣзъ бы онъ въ домъ. Всюду наставилъ бы сторожей обозлившійся купецъ.

— Охъ, Господи, чуть не померла я отъ радости и отъ перепуга двукратнаго! — шепотомъ заговорила Варюша, прижимаясь къ милому.

— Какъ же ты меня не обождала? Вѣдь я Настасьѣ наказывалъ тебя упредить, что буду ночью. Хорошо—дверь была не заперта!—сталъ малый попрекать дѣвушку.

— Сказывала она мнѣ, да я не повѣрила. Думала, какъ ты пройдешь! Нельзя. Двери у насъ строго наказано родителемъ запирать, да не слушаютъ батраки, на собакъ надежду имѣютъ. Ну, да что ужъ тутъ... Говори лучше... Разсказывай, что ты и какъ? Здоровъ ли? Соскучился ли по мнѣ? А я-то... Знаешь... Я вѣдь топилась... Если бъ не татаринъ съ калмыкомъ, — была бы на томъ свѣтѣ теперь... Я тебѣ все разскажу про Затылъ Иваныча, про загадку родителя, что загадалъ мнѣ съ этимъ сватовствомъ... Да я въ водѣ разгадала. Все развязала—какъ топиться замыслила. Теперь бросилъ онъ и думать о Затылѣ новокрещеномъ... Ну, ну, говори ты, все сказывай! На Москвѣ былъ? Письменный видъ справилъ... Коли справилъ, мы попытаемъ опять удачи. Можетъ, родитель смилуется...

И Варюша, упрашивая любаго разсказывать о себѣ все, черезъ что онъ прошелъ... не давала ему говорить и, перебивая, сама сбиваясь, урывками, начавъ съ конца, разсказала Барчукову все происшествіе, розыгравшееся въ домѣ за его отсутствіе. Она вышла изъ бѣды только случайно, тѣмъ, что топилась и не утонула. Иначе она была бы теперь неминуемо женой новаго астраханскаго перекрестя изъ татаръ или на погостѣ.

Влюбленные бесѣдовали, а время шло и шло... Съ минуты, когда Барчуковъ вошелъ въ домъ, и до разсвѣта, много, казалось, времени было,—часовъ восемь... А между тѣмъ вдругъ Варюша стала различать во мракѣ комнаты черты лица своего возлюбленнаго Степушки. И она ахнула отъ радости, ибо до тѣхъ поръ только слышала, но не видѣла его около себя...

Но Барчуковъ тоже ахнулъ, приглядѣвшись... Лице милое онъ радъ былъ увидѣть, да сообразилъ въ ту же минуту, что пора уходить изъ дому.

— Надо бѣжать, дорогая... Сейчасъ проснутся батраки.

— Да... Да... Надо!.. Скорѣе!.. Обожди токмо самую малую толику. Дай поглядѣть на себя...

И снова говоръ, шепотъ, да и поцѣлуи долгіе...

А еще свѣтлѣе на дворѣ... Разсвѣтаетъ.

— Пора. Прости родная. Ночью будущей опять проберусь.

— Если двери будутъ на запорѣ, ты отъ сосѣда Качурова лѣсенку перетащи и къ окну моему приставь,—объяснила Варюша.— У нихъ маляры домъ красятъ и стремянки свои на ночь оставляютъ. Понялъ?

— Понялъ. Прости.

— Ну, прости. Съ Богомъ. Авось-то...

Но въ ту же минуту внизу кто-то чихнулъ.

Молодые люди переглянулись... Наступила пауза смущенья. Они поняли, что сплоховали, затянувъ свиданіе.

— Можетъ, во снѣ, — сказала Варюша.

— Во снѣ не чихается. На яву. Бѣда. Если пойдешь, да увидитъ... Кричать примется... Эхъ-ма... И я тоже, что малый ребенокъ. Давно бы пробраться по темнотѣ...

Внизу громко зѣвнулъ кто-то... разъ и два... Прошамкалъ сладко:

— Господи Іисусе Христе! — а затѣмъ уронилъ что-то на полъ.

— Бѣда, Варюша! Что теперь дѣлать! — проговорилъ молодецъ. — Я и ума не приложу. Какъ это мы этакъ наребячили!

Варюша смотрѣла на друга тревожными глазами и недоумѣвая... Она придумывала и ничего придумать не могла...

Выйдти теперь изъ дому было невозможно.

— Спрячься. Укройся гдѣ въ домѣ до ночи! — вымолвила она вдругъ. — Днемъ я тебѣ хлѣба добуду тайкомъ.

— И то правда! Да гдѣ?!..

— На чердакѣ. Кто туда пойдетъ за день! Одна развѣ Настасья...

— Вѣрно. Отлично. Умница ты, Варюша! — воскликнулъ Степанъ. — Какъ лихо надумала. Еще лучше, чѣмъ уходить... Я эдакъ недѣлю могу прожить съ тобой въ домѣ. Ей-Богу. День на чердакѣ, а ночь здѣсь. То-то диво!

И друзья пришли въ новый восторгъ отъ надуманной хитрости и снова беззаботно усѣлись рядкомъ и заболтали о своихъ дѣлахъ.

Ходъ на чердакъ былъ почти рядомъ съ горницей Варюши, и пробраться молодцу туда нужна была одна минута.

XII.

Былъ уже день на дворѣ, часовъ семь, когда рано поднявшійся Климъ Егорычъ тихонько гулялъ около своего дома по пустырю и по огороду, пользуясь утренней прохладой... Рабочіе, три человѣка, чинили сѣти около сарая, женщины шмыгали по дому и по двору съ хозяйскими заботами и хлопотами. Молодая сударушка, дочь хозяина, еще почивала. Ананьевъ заходилъ въ горницу дочери, когда собрался отъ себя внизъ, и поглядѣлъ, какъ дѣвица сладко спитъ и сопитъ.

— Кричала она во снѣ ночью, или мнѣ померещилось? — раздумывалъ теперь Ананьевъ. — Или кто изъ энтихъ олуховъ со сна оралъ?..

Ананьевъ, послѣ ужаснаго приключенія съ дочерью, любилъ ее, казалось ему, больше прежняго, но, всетаки, ему было обидно и «досадительно» все происшедшее. Мысленно онъ попрекалъ дочь за то, что она своимъ поступкомъ причинила ему ударъ. Отъ перепугу захворалъ онъ.

— И вотъ нынѣ все рыло такъ перекосило, что людей совѣстно! — думалъ и говорилъ онъ.

Выдать дочь за понравившагося ему хитраго перекрестя, съ прозвищемъ Затылъ-ватажникъ, уже не надѣялся, но вообще усовѣстить дочь «бросить мысли» о пропавшемъ безъ вѣсти Барчуковѣ — онъ крѣпко надѣялся.

— Пройдетъ еще съ полгода, — мечталъ Ананьевъ: — и я свадебку отпраздную. Пора! Долго ль мнѣ съ эдакимъ рыломъ жить. Сказываютъ люди, что коли хватитъ еще разъ, либо два, — то и ложись до страшнаго суда.

Гуляя тихонько и раздумывая тоже неспѣшно, раскидывая мыслями о своихъ обстоятельствахъ, Климъ Егорычъ все приглядывался къ одному чудному обстоятельству, чтò лѣзло на глаза и въ мысли...

— Что за диковина? — вымолвилъ онъ, наконецъ.

Обстоятельство дѣйствительно было незаурядное. Такого ничего никогда у ватажника въ домѣ не было, за всю его долгую и безхитростную жизнь.

На чердакѣ дома водилось много голубей — и сизыхъ, и бѣлыхъ, и пестрыхъ. Были и лохмачи, и турманы, и лыцари... Ананьевъ былъ страстный охотникъ до кроткой птицы, «коей изображенъ и Духъ Святый», и много ея развелъ у себя. И вотъ теперь, гуляя по двору, онъ замѣтилъ среди любимцевъ нѣкоторое необычное волненіе, нѣкоторый переполохъ...

Что-то межъ нихъ неладно! Всякій голубь то подлетитъ къ слуховому окну и выскочитъ тотчасъ обратно, а то даже шарахнется и шаркнетъ въ сторону, не влетая на чердакъ. Всѣ, наконецъ, размѣстились по крышѣ, ходятъ, будто переговариваются и разсуждаютъ, другіе разсѣлись по сараямъ на дворѣ и по заборамъ и поглядываютъ озабоченно. Видимое дѣло, боятся они своего обиталища. Пугаетъ ихъ что-то тамъ, на чердакѣ. Рубаху, что ль, красную сушить бабы повѣсили. Либо чужой котъ пробрался случайно на вышку...

— Что за притча! — досадливо проговорилъ Ананьевъ и тотчасъ распорядился, отправивъ на чердакъ одного рабочаго поглядѣть, чтò пугаетъ голубковъ.

Рабочій, глупый юртовскій татаринъ слазилъ на чердакъ, вернулся къ хозяину и добросовѣстно, но и простодушно доложилъ нѣсколько словъ, которыя какъ громъ поразили Ананьева.

— На вышкѣ сидитъ Степанъ Васильевичъ, — сказалъ татаринъ, и очень жалится, проситъ не говорить объ себѣ хозяину.

Разумѣется, чрезъ полчаса Барчукова достали и свели съ чердака рабочіе ватажника. Ананьевъ былъ внѣ себя отъ гнѣва. Поднявшаяся Варюша плакала и умоляла отца не губить ея милаго, но все было напрасно. Ананьевъ разсвирѣпѣлъ и грозился

кандалами и даже плахой молодцу, а дочери приказывалъ готовиться къ постриженью въ монастырѣ.

Часовъ въ семь утра, Степанъ былъ скрученъ по рукамъ и по ногамъ, въ ожиданіи конвоя стрѣльцовъ изъ воеводскаго правленія, а уже въ девять часовъ всѣ сосѣднія улицы знали, что въ домѣ ватажника Ананьева пойманъ ночью разбойникъ съ аршиннымъ ножищемъ, сказывали, что разбойника подослалъ калмыцкій ханъ изъ-за спора и тяжбы по поводу двухъ учуговъ, отбитыхъ у него ватагой Ананьева.

О парнѣ, котораго всѣ знали, никто и не поминалъ, а толковали о какомъ-то громадномъ чудищѣ, душегубѣ, проникнувшемъ въ домъ ночью, чтобы вырѣзать всю семью. Слухъ выросъ изъ мухи въ слона въ нѣсколько минутъ, какъ бывало всегда. Тѣ, кто зналъ, что пойманъ ватажникомъ молодецъ, бывшій его приказчикъ, всетаки, ради какого-то страннаго удовольствія приврать, подробно описывали ужасное лицо пойманнаго душегуба.

Въ десять часовъ, показались, наконецъ, стрѣльцы и при нихъ офицеръ московскаго полка Палаузовъ. Команда въ двѣнадцать вооруженныхъ на дворѣ ватажника ясно свидѣтельствовала о томъ, что вышло какое-то нелѣпое недоразумѣніе. И дѣйствительно Палаузовъ, узнавъ, что надо вести въ кремль одного человѣка, да еще двадцатипятилѣтняго малаго, извѣстнаго по имени всѣмъ домочадцамъ, былъ крайне удивленъ. Слухъ, бѣгавшій по Астрахани, достигъ, оказалось, кремля уже совершенно въ иномъ видѣ. Уже онъ былъ не слонъ изъ мухи, а допотопное сказочное чудище.

Воеводѣ Ржевскому доложили, что въ домѣ его знакомаго ватажника Клима Егоровича накрыли и заперли цѣлую шайку вооруженныхъ киргизовъ. Разумѣется, ихъ приходилось брать въ домѣ Ананьева не иначе, какъ приступомъ, съ перестрѣлкой. Кто, когда и какъ изъ Степана Барчукова сдѣлалъ разбойную шайку киргизовъ, разумѣется, и узнать было невозможно.

Между стрѣльцами пошелъ хохотъ. Робочіе изъ ватаги, дожидавшіеся на дворѣ ради любопытства, какъ поведутъ въ острогъ судить и пытать ихъ бывшаго главнаго приказчика, также весело отнеслись къ недоразумѣнію.

Въ домѣ ожидали, что пришлютъ двухъ стрѣльцовъ, чтобы конвоировать сомнительнаго преступника, такъ какъ собственно никакого преступленія онъ не совершилъ, а тутъ вдругъ цѣлая команда пришла ловить киргизовъ и брать штурмомъ домъ.

Степана взяли изъ коморки, гдѣ онъ сидѣлъ скрученный, и развязали ему ноги, чтобы онъ могъ самъ идти. Барчуковъ вышелъ на крыльцо и тоже изумленно оглянулъ всю стражу, собранную для его препровожденья къ начальству. Но смѣтливый малый на этотъ разъ далъ маху, не сообразилъ въ чемъ дѣло.

Барчуковъ не понялъ, что вышло недоразумѣніе. Видя цѣлую команду съ офицеромъ, онъ дѣйствительно вообразилъ, что совершилъ тяжкое преступленіе. Не даромъ онъ не зналъ законовъ и боялся этого незнанія. Можетъ быть, украсть и убить вовсе не такое великое преступленіе, какъ сдѣлать то, что онъ сдѣлалъ? Какъ же иначе объяснить такой злосчастный ему почетъ со стороны воеводы? Барчуковъ тотчасъ поблѣднѣлъ, и даже связанныя руки сильно задрожали.

— Ну, иди, киргизъ! — выговорилъ офицеръ Палаузовъ, смѣясь: — гдѣ же твоя команда?

Барчуковъ, ничего не понимая, молчалъ.

— Знать бы, кто это наболталъ, на дыбу поднять. Розгами этихъ болтуновъ не проймешь.

Ананьевъ, вышедшій тоже на крыльцо, обратился, нѣсколько смущаясь, къ Палаузову и сказалъ нѣсколько словъ, которыя успокоили и утѣшили Барчукова сразу.

— Доложите воеводѣ, государь мой, что я тутъ не причемъ. Зачѣмъ стану врать и безпокоить его высокорожденіе? Я велѣлъ сказать, что вотъ бывшій мой приказчикъ дерзостно пролѣзъ ночью въ домъ, а ужъ кто эдакій переплетъ сотворилъ и донесъ о разбойникахъ киргизахъ, — мнѣ невѣдомо. Доложите Тимоѳею Ивановичу, что очень все прискорбно, что васъ безпокоили. А молодцамъ стрѣльцамъ я отъ себя въ вечеру два боченка самыхъ лучшихъ сельдятъ пришлю.

— Много благодарны,—отвѣчалъ одинъ изъ стрѣльцовъ, сѣдобородый старикъ.—Мы твоихъ сельдятъ и по буднямъ не ѣдимъ. А нынче въ вечеру подъ праздничный день лучше бы гривны четыре деньгами прислалъ намъ.

— Ладно, и на это согласенъ. Ну, а тебя, головорѣзъ и озорникъ..... обратился Ананьевъ къ Степану, и языкъ его, вообще съ трудомъ двигавшійся послѣ удара, сразу какъ бы прильнулъ къ гортани. Со времени болѣзни у Ананьева въ минуты волненія, досады или гнѣва языкъ какъ бы нѣмѣлъ. Онъ хотѣлъ погрозить Барчукову, но отъ гнѣва не могъ вымолвить ни слова, и только поднялъ кулакъ къ самому лицу парня и слегка ткнулъ его въ подбородокъ.

— Ну, въ походъ, вы! — крикнулъ Палаузовъ.

Офицеръ пошелъ впередъ, за нимъ двинулись попарно нѣсколько человѣкъ стрѣльцовъ, затѣмъ связанный арестантъ и снова нѣсколько паръ стрѣльцовъ. Когда они отошли отъ крыльца на нѣсколько шаговъ, то въ догонку раздалась угроза Ананьева, сказанная шепеляво и съ запинкой:

— Я тебя въ колодку! На Москву ходатаевъ пошлю! Въ каторгу тебя упеку!

Степанъ слышалъ, но не обернулся. Оборачивавшіеся на крикъ старика стрѣльцы усмѣхались.

Барчуковъ вдругъ тутъ только понялъ, что не можетъ быть такого закона, который бы счелъ его поступокъ преступленіемъ. Не можетъ быть, чтобы его стали судить съ пристрастіемъ за такое дѣло, которое сплошь и рядомъ случается повсюду. Забрался молодецъ къ своей любезной повидаться послѣ разлуки,—что за важность такая!

Однако, пройдя нѣсколько шаговъ и уже выйдя изъ воротъ дома Ананьева, Степанъ сталъ звать офицера:

— Что тебѣ?—откликнулся Палаузовъ добродушно и даже ласково.—Руки, что ли, развязать? И то правда. За что его связывать?—Развяжи, ребята, освободи.

И въ одну минуту веревки, перерѣзанныя ножемъ, упали съ рукъ, посинѣвшихъ отъ тугаго узла.

— Я не про то,—заговорилъ молодецъ, невольно расправляя руки и двигая пальцами.—Я про то, господинъ, скажи, сдѣлай милость, что мнѣ за это будетъ?

— За что?

— А вотъ за мое переступленіе закона.

Офицеръ на ходу обернулся къ арестанту и удивленно взглянулъ на него, потомъ разсмѣялся.

— Какого тутъ лѣшаго, переступленія! Вѣдь тутъ все вранье одно. Аль ты думаешь съ тобой и не вѣсть что учинять въ воеводскомъ правленіи? Мнѣ указъ былъ собрать команду, идти къ Ананьеву брать шайку киргизовъ, или что тамъ найду. Найди я хоть бѣлугу, такъ долженъ ее съ конвоемъ препроводить къ воеводѣ. Насъ высылали на разбойниковъ, а оказался ты одинъ! А я, всетаки, указъ исполняй! Ну, вотъ я тебя съ такимъ почетомъ и веду.

— Я это понялъ, да спрашиваю, мнѣ что будетъ?

Всѣ стрѣльцы, шедшіе впереди Степана съ офицеромъ и шедшіе сзади, гулко расхохотались.

— Что будетъ?—разсмѣялся ихъ командиръ.—Будетъ тебѣ, братъ, ужасть какъ плохо! Выйдетъ Тимоѳей Ивановичъ, доложимъ мы ему о побоищѣ съ киргизами, о раненыхъ и убитыхъ, а послѣто примется онъ за тебя и учнетъ надъ тобой, знаешь, что дѣлать?

— Нѣту,—отозвался Барчуковъ тревожно.

— Учнетъ онъ надъ тобой хохотать до смерти. Вотъ, что братъ, съ тобой будетъ.

И снова весь конвой разсмѣялся шуткѣ своего командира.

Барчуковъ совсѣмъ ожилъ и бодро зашагалъ среди своихъ стражниковъ. Сначала ему казалось обиднымъ идти по городу, гдѣ многіе знали его въ лицо, въ сопровожденіи такой свиты, но теперь дѣло повернулось совсѣмъ иначе. У всей стражи видъ былъ

веселый. Всякій прохожій могъ замѣтить, что тутъ что-то да не такъ, вышло какое-то смѣхотворное колѣно. Да и самъ преступникъ поглядывалъ такъ бойко и весело, что вовсе не смахивалъ на будущаго колодника и острожника.

Миновавъ слободу, базарную площадь, хивинскій караван-серай, команда съ плѣнникомъ повернула въ каменный городъ, къ Краснымъ воротамъ и скоро была въ кремлѣ, передъ воеводскимъ правленіемъ.

Воевода оказался не въ своей канцеляріи, а на заднемъ дворѣ, гдѣ разглядывалъ поданнаго ему на лопатѣ за ночь околѣвшаго чапурёнка изъ его выводка.

Дѣло было важное, даже страшное дѣло, и воевода былъ смущенъ. Чапурёнокъ околѣлъ невѣдомо какъ и почему. Тутъ воеводѣ въ первый разъ пришло въ голову все то, что онъ слыхалъ о невозможности имѣть выводокъ чапуръ. Что, какъ теперь одинъ за другимъ, да всѣ дѣтеныши переколѣютъ? Каждую-то ночь вотъ эдакъ по одному будутъ ему на лопатѣ подносить.

Стрѣлецъ, докладывавшій воеводѣ, что привели подъ конвоемъ со двора ватажника одного молодца, а киргизовъ никакихъ не оказалось, не сразу привелъ воеводу въ себя, и не сразу властный человѣкъ бросилъ думать и болѣть сердцемъ о подохшемъ чапуренкѣ. Наконецъ, судья и правитель махнулъ рукой на лопатку, которую держалъ въ рукахъ дворникъ и отвернулся, чтобы идти въ домъ. Стрѣлецъ по дорогѣ снова въ третій разъ подробно доложилъ, въ чемъ дѣло, а равно—въ чемъ заключается недоразумѣніе.

— Да киргизы-то гдѣ! Убѣжали, ушли! То-то вы, дармоѣды, вѣчно упустите!—крикнулъ воевода.

— Никакъ нѣтъ, Тимоѳей Ивановичъ, и не было ихъ никакихъ киргизовъ,—десятый разъ повторялъ стрѣлецъ.

— А ну, тебя къ чорту, ничего не пойму. Зови офицера.

Когда воевода былъ снова въ своемъ большомъ креслѣ, за большимъ столомъ, передъ нимъ появилось трое: офицеръ Палаузовъ, арестованный Барчуковъ и одинъ стрѣлецъ съ оружіемъ наготовѣ, ради исполненія закона, вышней властью повелѣннаго «колоть и рубить» допрашиваемаго преступника въ сомнительномъ случаѣ.

Здѣсь теперь тоже не сразу объяснилъ офицеръ московскаго полка властителю астраханскому, въ чемъ собственно заключалась вся чепуха. Воевода и у него, офицера, спросилъ снова два раза:

— Да гдѣ же киргизы-то?

И Палаузовъ мысленно проговорилъ:

— Эхъ чучело гороховое. Тьфу, ты пропасть. Заладилъ про своихъ киргизовъ.

И онъ прибавилъ вслухъ:

— Да не было, не было, не было. Извольте разсудить, Тимоѳей Ивановичъ. Не было ихъ, киргизовъ. И во снѣ ихъ ночью тамъ никто не видалъ.

— Кто же это намъ донесъ про нападеніе на городъ? Какъ смѣлъ Ананьевъ врать и меня безпокоить?

— Онъ тутъ не причемъ. Онъ проситъ прощенія, что обезпокоилъ васъ. Онъ требовалъ къ себѣ лишь одного стрѣльца.

— Кто же тогда? Подавай мнѣ болтуна!

— Нѣтъ его, Тимоѳей Ивановичъ.

— Болтуна тоже нѣтъ? Нѣтъ его?

— Да кто же его знаетъ, кто болталъ? Невѣдомо. Вся Астрахань болтала. Кого ни спроси, говорятъ, киргизы. Теперь часа черезъ два скажутъ—цѣлое калмыцкое войско Астрахань приступомъ брало. Вамъ самимъ вѣдомо, какъ у насъ народъ вретъ.

— Кто же виноватъ теперь у меня будетъ?—выговорилъ вдругъ Ржевскій. И, не смотря на свою всегдашнюю лѣнь, воевода, къ удивленію Палаузова и Барчукова, стукнулъ кулакомъ по столу.— Подай мнѣ виноватаго! Жить не хочу безъ виноватаго! Гдѣ онъ? Подавай!

И воевода еще разъ треснулъ по столу и побагровѣлъ. Зоркій и смѣтливый человѣкъ, который бы тутъ случился и зналъ хорошо, въ чемъ все дѣло, прочелъ бы на душѣ добраго воеводы причину его гнѣва. Не Ананьевъ и Барчуковъ его прогнѣвали, не болтовня астраханская. Гнѣвъ пришелъ изъ-за обиды, а обида была кровная. Вѣдь эдакъ за всякую ночь теперь по одному чапуренку околѣетъ. Черезъ двѣ недѣли объ выводкѣ и помину не будетъ!

— Ну, гдѣ, говорю тебѣ, виноватый?—снова повторилъ Ржевскій послѣ паузы.

Офицеръ слегка пожалъ плечами и вымолвилъ нерѣшительно:

— Что жъ? Вотъ, всетаки, онъ виноватъ.

И, совѣстясь отчасти, Палаузовъ показалъ рукой на Барчукова.

— Засужу, казнить велю!—закричалъ Ржевскій на весь домъ и начиналъ уже не багровѣть, а чернѣть отъ натуги.—За такія дѣла казнь лютая присуждается. Говори злодѣй, въ чемъ виноватъ! Го-во-ри!..

Барчуковъ начиналъ снова смущаться. Онъ двинулъ языкомъ, но ничего сказать не могъ и, наконецъ, проговорилъ тихо и жалобно.

— Что же я? Я не знаю. Я не воръ, я не воровать лазилъ, я вѣдь сватался, всѣмъ вѣдомо. Отказъ получилъ, но, все же таки, сватался.

— Сватался!—закричалъ воевода.—А?!—строго протянулъ онъ.— А? Видишь!—и онъ будто хотѣлъ крикнуть еще сильнѣе, но вдругъ закрылъ широко разинутый ротъ и смолкъ. Гнѣвъ его сталъ спа-

дать, кровь отливала отъ головы черезъ толстую воловью шею, мозгъ начиналъ дѣйствовать свободнѣе.

— Одинъ, не доказательство, да одинъ чапуренокъ куда ни шло, можетъ, всѣ другіе живы останутся, — мелькнуло въ головѣ, воеводы-птицевода. Вмѣстѣ съ тѣмъ Ржевскій начиналъ смекать, что въ дѣлѣ Барчукова что-то совсѣмъ запутано, и прежде чѣмъ грозить казнью, надо, всетаки, узнать, чтò запутанница такая.

— Говори, что сдѣлалъ? Толково и коротко!—мягче произнесъ онъ.—Вѣдь я тебя знаю давно. Былъ ты малый хорошій. Подъ чужимъ именемъ жилъ. Ну, да это что. У насъ четверть Астрахани, поди, съ чужими письмами гуляетъ. Ну, а теперь что жъ ты? Ну, говори.

Мягкость и снисходительность въ голосѣ воеводы, гнѣвъ котораго прошелъ какъ гроза по небу, обнадежили снова Барчукова, и онъ началъ нѣсколько подробно, но толковато разсказывать все, что случилось.

А случилось дѣло самое простое.

— Ну, и потомъ-то что же?—выговорилъ Ржевскій, когда Барчуковъ сказалъ все.—Потомъ-то, что же ты натворилъ?

— Да ничего...

— Какъ ничего?

— Ей-Богу, ничего. Вотъ они всѣ очевидцы. Связали меня до ихъ прихода, и вотъ они развязали.

— И больше ничего ты не сдѣлалъ?

— Да какъ есть ничего,—заговорилъ уже офицеръ.—Все это такъ потрафилось, все одно празднословье.

Воевода задумался, насупился, нагнулся надъ столомъ, и водворилось молчаніе. Офицеръ и стрѣлецъ почтительно ждали рѣшеніе судьи. Барчуковъ, будто чуя бѣду, опять слегка оробѣлъ.

— Чего же тутъ думать,—вертѣлось у него въ головѣ.—О чемъ же разсуждать? Не убійцу взяли, отпустилъ бы съ Богомъ—и конецъ.

Но вдругъ, къ удивленію всѣхъ трехъ, воевода поднялъ голову, сморщилъ брови и проговорилъ важнымъ судейскимъ голосомъ:

— По должности моей и власти, а также и по закону, по регламенту, мнѣ повелѣнному, по уложенной грамотѣ и по судебнику и по всякимъ такимъ... Ну, что тебѣ, дураку, разсказывать, почему и зачѣмъ. А дѣло твое такое, братецъ, что иди ты въ острожную яму, чтò подъ судной избой.

Всѣ трое чуть не ахнули. Барчуковъ затрепеталъ, даже офицеръ слегка вздрогнулъ и изумленными глазами впился въ пухлое лицо воеводы.

— Чего дуритъ?—думалось ему.

— Помилосердуй!—проговорилъ черезъ силу Барчуковъ.

— Нѣтъ, братецъ, нѣтъ милости такимъ Каинамъ, какъ ты. Я это дѣло теперь смекнулъ. Это дѣло погубительное. Если эдакіе молодцы, какъ ты, разведутся у меня въ Астрахани, тогда житья не будетъ не одной семьѣ. Я, бестія ты эдакая, понимаю, въ чемъ была твоя затѣя и въ чемъ ухищреніе. Тебѣ отъ Ананьева арбузъ былъ, отказъ, прогнали тебя со двора, такъ ты ночью залѣзъ прямо въ дѣвичью опочивальню. Хотѣлъ на свой образецъ дѣло повершить, затѣмъ чтобы волей, неволей, на сватовство твое согласіе родителя было и состоялось вѣнчаніе церковное. Нѣтъ, сударикъ, эдакихъ какъ ты пролазовъ я въ Астрахани и во всей округѣ терпѣть не буду. Веди его подъ судную избу.

— Помилосердуй, Тимофей Ивановичъ,—вымолвилъ Барчуковъ, знавшій по слухамъ то мѣсто, куда его посылалъ воевода.

— Нишкни, нишкни, цыцъ, собака! Веди его! — строго приказалъ воевода.

— Иди, что ль! — проговорилъ стрѣлецъ и, толкнувъ въ плечо Барчукова, направилъ къ дверямъ.

— Ну, Шемяка ты! — думалъ Палаузовъ, тоже выходя отъ воеводы.

XIII.

«Яма подъ судной избой» — были страшныя слова, и всякаго отъ нихъ дрожь пробирала. Помереть, казалось, не такъ страшно, какъ въ «яму» попасть. И мѣсто заключенія, назначенное воеводой теперь новому преступнику, было хорошо извѣстно не только во всемъ городѣ, но и за предѣлами его, во всѣхъ приписныхъ городахъ и посадахъ.

Судная изба, по названію старинному и укоренившемуся въ народѣ, была собственно большое каменное зданіе. Яма же, по прозвищу, была собственно огромный подвалъ, или рядъ подваловъ подъ сводами этого зданія, ниже уровня земли. Въ нѣкоторыя части этого подвала проникалъ небольшой свѣтъ изъ маленькихъ окошекъ, которыя скорѣе слѣдовало бы назвать отдушинами. На всемъ остальномъ пространствѣ царилъ мракъ, и днемъ бывало почти также темно, какъ и ночью. Здѣсь всегда пребывало отъ полутораста до двухсотъ человѣкъ всякаго званія, пола и возраста: и старики, и женщины, и дѣти, равно русскіе и инородцы-татары, часто и турки. Изрѣдка попадали и преступники иноземцы, матросы, голландцы или греки съ кораблей, плававшихъ по Каспійскому морю, на которыхъ всегда ихъ было много.

Яма была, конечно, «адъ кромѣшный». Только за мелкіе проступки, буянства, озорничество въ пьяномъ видѣ, грубость начальству, держали въ другомъ мѣстѣ, называемомъ «холодной».

Эта холодная, помѣщавшаяся на чердакѣ той же судной избы, заведенная по примѣру Москвы, была непріятна зимой, да и то не очень, такъ какъ морозы въ Астрахани не могли играть роль палача столь же свирѣпаго, какъ въ Москвѣ. Здѣсь вмѣсто страшныхъ морозовъ можно было бы наказывать лютой жарой и учредить для провинившихся «горячую».

За всѣ болѣе важные проступки, съ мѣстной точки зрѣнія, за воровство на учугахъ, опустошеніе на огородѣ, кражу мѣха, даже какой нибудь шкурки на базарѣ, за «мѣновое» мошенничество, при обмѣнѣ товаровъ въ каравансераяхъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, за всякое крупное преступленіе: денной голый грабежъ, звѣрское смертоубійство и разбой на большой дорогѣ, равно безъ различія сажали въ яму.

Такъ какъ дѣла подсудныя велись чрезвычайно медленно, уже какъ бы по обычаю, освященному преданіемъ и завѣтомъ предковъ, то преступники сидѣли безъ конца и часто находили смерть въ этой ямѣ. Болѣе всего жертвъ выпадало, конечно, на долю женщинъ и дѣтей.

Подобные подвалы для преступниковъ существовали почти во всѣхъ крупныхъ центрахъ, какъ въ Астрахани, такъ и въ какой нибудь Рязани или Калугѣ. Только на Москвѣ было нѣсколько лучше.

Среди мрака, духоты, смрада, кое-какъ въ повалку, на каменномъ полу или на нарахъ, на палатяхъ, подъ сводами помѣщались разнохарактерные преступники. Здѣсь могли очутиться рядомъ: мальчуганъ лѣтъ десяти, забравшійся въ воскресный день полакомиться арбузомъ или яблоками въ богатый огородъ, а около ребенка киргизъ, взятый съ бою при нападеніи и разгромѣ русскаго каравана. Киргизъ этотъ, прежде чѣмъ попасть сюда, своей шашкой изрубилъ, быть можетъ, человѣкъ десять. Съ женщиной, которая въ минуты вспышки погрозилась мужу или свекру ножомъ и причинила одну царапину, могъ очутиться убійца, уничтожившій цѣлое семейство, или душегубъ съ большой дороги, уложившій топоромъ до сотни проѣзжихъ ради ограбленія.

Въ сущности, всѣхъ этихъ людей, уже давно засаженныхъ и давно сидѣвшихъ въ ожиданіи своей очереди, трудно было бы назвать человѣками. Это были особенныя существа, худыя, зеленыя лицомъ, изможденныя, съ хриплыми голосами, часто съ гнойными глазами, съ цынгой и другими болѣзнями, часто покрытыя рубищемъ на язвахъ, причиненныхъ здѣсь тѣснотой и грязью. Конечно, всѣхъ этихъ острожниковъ кормили скупо, всѣ они были голодны. Изрѣдка нѣкоторыхъ выводили партіями въ двѣ-три дюжины, водили по городу ради сбора подаянія. Астраханцы, какъ и повсюду православный людъ, подавали всегда много этимъ злочастнымъ и «несчастненькимъ», но изъ собранныхъ денегъ половина и даже бо-

лѣе утягивалась стрѣльцами, водившими заключенныхъ по городу, или же самими подьячими, завѣдывавшими ямой.

Здѣсь же, въ этомъ аду подземномъ, постоянно совершались жесточайшія смертоубійства. Ежедневныя ссоры и драки изъ-за мѣста, гдѣ сѣсть или лечь, изъ-за куска хлѣба, изъ-за гроша, полушки, послѣ сбора подаянія, затѣвалась перебранка, затѣмъ драка среди тьмы. Всякое оружіе до послѣдняго маленькаго шила отбиралось у острожниковъ, но всегда будто чудомъ въ подвалѣ оказывалось многое удобное, чтобы зарѣзать человѣка.

Разъ въ недѣлю, по крайней мѣрѣ, заключенные громко требовали въ яму стрѣльцовъ, чтобы вынести умирающаго отъ раны, только что полученной, или уже убитаго. Кровь убитыхъ, конечно, не вычищали и не мыли, а оставляли на каменныхъ плитахъ высыхать само собой.

Понятно, что каждый оправданный и счастливо выбравшійся изъ ямы на свѣтъ Божій и на свободу, передавалъ свои свѣдѣнія объ ямѣ обывателямъ городскимъ, и понятно, какой ужасъ и трепетъ долженъ былъ проникнуть во всякаго при мысли попасть въ это помѣщеніе подъ судной избой.

— Хуже смерти, хуже казни!—говорили многіе, отзываясь объ ямѣ и были, конечно, правы.

Въ этотъ именно адъ кромѣшный послалъ Барчукова воевода за ужасное преступленіе, имъ самимъ вымышленное. Всякій посланный въ яму зналъ, конечно, что при судейской волокитѣ дѣло его какое бы ни было протянется никакъ не менѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, а то и весь годъ.

Когда желѣзная дверь ямы зазвенѣла и загрохотала, визжа на скобкахъ, Барчуковъ, стоявшій передъ ней, затрясся всѣмъ тѣломъ. Когда же двое стрѣльцовъ втолкнули его въ душную, кислую, горячую какъ въ печкѣ тьму, и дверь съ тѣмъ же грохотомъ гулко захлопнулась за нимъ, молодецъ чуть не лишился чувствъ. Передъ нимъ въ этой тьмѣ съ маленькимъ бѣлымъ лучомъ, пробивавшимся откуда-то сверху, хрипло, дико, озлобленно гудѣло нѣсколько десятковъ голосовъ на разныхъ нарѣчіяхъ. Ближайшій отъ него человѣкъ, кричавшій съ полу среди темноты и бранившійся, былъ турокъ.

Въ первый разъ въ жизни Барчуковъ ощутилъ въ себѣ какое-то двойное, новое для него чувство отчаянія и ужаса за свое положеніе и злобы неудержимой, всесильной, всесокрушающей, когда ей явится исходъ въ отмщеньѣ.

Чувствуя, что онъ не можетъ стоять на подгибающихся ногахъ, онъ опустился на полъ, въ полулежачемъ положеніи, у самой захлопнувшейся за нимъ двери.

— Изувѣры!—прошепталъ онъ.—Что я сдѣлалъ?!—и явное сознаніе окружающаго какъ будто покинуло его...

Прошло три дня.

Барчуковъ въ этой геенѣ государственной почти не помнилъ, какъ и когда онъ отъ двери перебрался въ другой уголъ, гдѣ проводилъ и дни, и ночи. Онъ помнилъ, что не самъ онъ попалъ въ это мѣсто. Его, какъ это бываетъ при движеніи толпы, независимо отъ воли смыло въ этотъ уголъ. За эти дни нѣсколько разъ начинался оглушительный гвалтъ въ ямѣ. Очевидно, были драки; точно также какъ и другихъ, его толкали полувидимыя имъ существа и понемногу сносили, какъ рѣка несетъ щепку съ одного мѣста на другое. Такъ очутился онъ въ углѣ подвала, по счастію, недалеко отъ маленькаго и узенькаго дневнаго луча, который онъ уже успѣлъ оцѣнить, какъ всякій заключенный.

На третій день, сидя на полу въ какомъ-то омертвеніи тѣлесномъ и умственномъ, Барчуковъ вдругъ слегка вздрогнулъ отъ радости, или, по крайней мѣрѣ, отъ пріятнаго толчка въ сердце. Среди неумолкаемаго говора заключенныхъ Барчуковъ услыхалъ звукъ голоса, ему знакомаго. Это былъ единственный не вполнѣ чуждый голосъ во всей ямѣ. Сразу Барчуковъ даже не могъ сказать себѣ, чей это голосъ, но почему-то на сердцѣ его шевельнулось хорошее чувство. Что-то въ родѣ надежды! Конечно, не надежда на освобожденіе, на правый и скорый судъ, а только на облегченіе своей участи.

Парень вскочилъ на ноги и двинулся впередъ, натыкаясь въ темнотѣ на стоящихъ и на сидящихъ. Нѣсколько человѣкъ стали ругаться, одинъ ударилъ его и толкнулъ на двухъ другихъ. Чуть не началась драка, но Барчуковъ сталъ просить прощенія искренно и горячо, и его не тронули. Мало того, въ этой темнотѣ узники, уже сидѣвшіе по нѣсколько мѣсяцевъ, признали въ просившемъ прощенія новаго заключеннаго. Голосъ у Барчукова былъ еще не такой, какъ у нихъ,—былъ еще человѣческій. Онъ еще не хрипѣлъ, какъ всѣ они.

— Брось его. Вновѣ онъ, Богъ съ нимъ,—рѣшилъ чей-то гнуслявый голосъ изъ темнаго угла.

Барчуковъ осторожнѣе и медленнѣе сталъ пробираться впередъ.

— Да куда ты? Чего не сидится!—раздалось снова около него.

— Мнѣ до землячка, пустите, ради Бога,—произнесъ Барчуковъ, не зная, какимъ образомъ пришла ему на умъ эта уловка и это слово.

Знакомый голосъ звучалъ уже ближе, оставалось пройдти шаговъ десять, но при этомъ, конечно, перешагнуть черезъ человѣкъ восемь, сидящихъ и лежащихъ. Но въ эту минуту Барчуковъ вспомнилъ, чей голосъ поднялъ его съ мѣста, и радостно кликнулъ:

— Партановъ!

— Эй!—отозвался голосъ.

— Партановъ! Лукьянъ!..

— Я. Кто меня зоветъ?—отвѣчалъ тотъ.

— Я, Барчуковъ Степанъ.

— Ой ли? Что за причта! Ты-то какъ сюда угораздилъ? — и Партановъ, очевидно, тоже натыкаясь на кого-то сидѣвшаго, прибавилъ:

— Да пропусти, полно. Я у тебя не мѣсто отнимать хочу. Ну, тебя совсѣмъ. Мнѣ къ пріятелю только пролѣзть.

Съ трудомъ и сопровождаемые бранью и ругательствами, оба молодца сошлись въ темнотѣ, затѣмъ пробрались въ тотъ уголъ, который занималъ передъ тѣмъ Барчуковъ, и усѣлись вмѣстѣ. Они встрѣтились и обрадовались теперь такъ, какъ могли бы повстрѣчаться только земляки на далекой чужбинѣ или родственники, или пріятели чуть не съ дѣтства, послѣ долгой разлуки.

— Ты какъ здѣсь?!..

— А ты какъ попалъ! за что тебя-то?

— Вотъ, Господи, диковина, что за причта! — перебивали оба молодца другъ друга разспросами, но, наконецъ, объяснились.

Партановъ разсказалъ о своемъ приключеніи, о томъ, какъ наканунѣ простая нечаянность сдѣлалась преступленьемъ въ глазахъ воеводы, и пояснилъ свое дѣло коротко. Хотѣлъ онъ подъ пьяную руку треснуть одного хивинца. Хивинецъ какъ-то увернулся, и на его мѣсто аккуратно и будто чудомъ подставилъ голову главный приказный дьякъ изъ приказной палаты. И какъ это вышло, — Богъ вѣдаетъ! Но, размахнувшись ради азіата, Партановъ далъ здоровую затрещину по дьяку. Тотъ завертѣлся, клюнулся да съ непривычки, что ль, къ битью чувствія и памяти своихъ лишился. Народъ собрался вокругъ, крикнули: «Бунтъ, властей бьютъ!». Ну, тамъ ужъ понятно... Яма!

— Вотъ тутъ и сижу, — кончилъ Партановъ.

Пріятели помолчали, повздыхали каждый о своемъ горѣ и, наконецъ, Лучка заговорилъ снова:

— Ну, братецъ ты мой, все это дѣло понятное, и нечего его тормошить, охать, да вздыхать. Надо намъ теперь съ тобой душа въ душу зажить и здѣсь совѣтъ держать ежечасно, какъ намъ отсюда выйдти.

— Что? — удивился даже Барчуковъ.

— Чего ты? Я говорю, надо надумать, какъ намъ освободиться.

— Да развѣ это можно?

— Что можно?

— Уйдти.

— Вотъ дурень человѣкъ. Что же мы, какъ вотъ эти всѣ «скотоподобные люди», какъ сказано въ писаніи, точно также сидѣть здѣсь будемъ, у моря погоды ждать до свѣтопреставленія. Чуденъ ты, парень. Знамо, дѣло наше теперь — надумать, какъ отсюда выйдти. Вѣдь если мы съ тобой просидимъ здѣсь мѣсяца два-три, такъ ты знаешь, что̀ съ нами будетъ? Полагаешь, мы эдакіе же будемъ?

Нѣтъ, я, братъ, тебѣ покажу двухъ—трехъ человѣкъ, въ какомъ они состояніи обрѣтаются, чтобы ты зналъ, каковъ ты будешь. У одного изъ нихъ, чтò здѣсь недалече лежитъ, только сердце стучитъ, а больше жисти никакой нѣтъ. Къ нему только ходятъ сосѣди пробовать, стучитъ, или не стучитъ сердечко,—потому что на его мѣсто охотники есть. Какъ перестанетъ у него стучать подъ душкой, такъ и потребуютъ стрѣльцовъ убрать его. А другой тутъ есть еще хуже, на четверенкахъ вѣкъ стоитъ и собакой лаетъ, ума рѣшился, сидючи здѣсь. Третій есть еще, такъ про него лучше и не сказывать. Меня даже дрожь беретъ, какъ объ немъ вспомню. Онъ вонъ въ энтомъ углѣ на цѣпи къ стѣнѣ прикованъ, и у него уже сосѣдей, братецъ, нѣтъ: отъ него всякій старается подальше лечь или сѣсть. Очень смрадно отъ его ранъ... И Партановъ сталъ объяснять пріятелю, что надо хоть тресни, хоть умирай, что нибудь надумать, чтобы какъ можно скорѣе освободиться. Конечно, не силой, а хитростью, или бѣгствомъ.

Были разные способы, какими могли удальцы освободиться изъ ямы. Одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ способовъ было бѣгство во время хожденія по городу за подаяніемъ. Но въ этомъ случаѣ стража имѣла право рубить и колоть бѣгуна.

Разумѣется, весь день и затѣмъ послѣдующіе дни два пріятеля только объ одномъ и толковали, какъ устроить свой побѣгъ. Но прошла недѣля, а заключенныхъ только однажды и въ числѣ только одной дюжины человѣкъ вывели на воздухъ. Партановъ и Барчуковъ не были въ ихъ числѣ. Проведя по двумъ слободамъ ради сбора подаяній, дюжину эту снова засадили обратно въ яму.

На этотъ разъ Барчуковъ замѣтилъ, что его пріятель сталъ будто нѣсколько смущеннѣе и тревожнѣе. Мечты какъ будто потухали, и на ихъ мѣсто явилось отчаяніе, ясное сознаніе объ ужасѣ и безъисходности положенія.

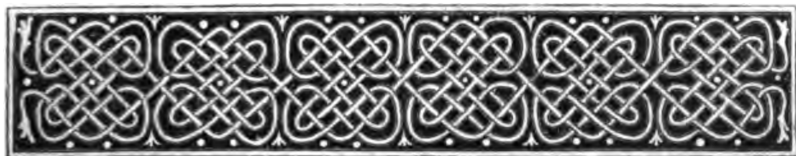
Упадокъ духа Лучки, молчаливость и частые вздохи смѣлаго и задорнаго молодца подѣйствовали на Барчукова убійственно. Онъ будто жилъ только надеждой на умѣнье, смѣтку и дерзость новаго пріятеля. Да на такого молодца и можно было понадѣяться. Партановъ за эти ужасные дни заключенія многое передалъ пріятелю о себѣ. Исповѣдался горячо и искренно. А онъ этого дѣлать не любилъ...

Исповѣдь эта поразила Барчукова.

Графъ Е. Саліасъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ ГРАФА В. А. СОЛОГУБА[1]).

II.

Павловскъ. — Императрица Марія Θеодоровна. — Бабушка Архарова, ея образъ жизни и выѣздъ ко двору и въ гости. — Проспeръ Сологубъ. — Семейство Голицыныхъ. — Семейство Шаррьеръ. — Евгеній Штеричъ. — Первое знакомство съ М. И. Глинкой. — Иванъ Петровичъ Архаровъ. — Николай Петровичъ Архаровъ. — Архаровскій полкъ. — Празднованіе именинъ бабушки. — Посѣщеніе императрицы. — Великій князь Александръ Николаевичъ. — Поѣздка въ Симбирское имѣніе. — Наше дорожное общество. — Н. А. Щепотьевъ. — Переправа черезъ Волгу. — Новыя ощущенія. — Пріѣздъ въ Никольское. — Встрѣча.

ВЪ ПОСЛѢДОВАТЕЛЬНОСТИ моихъ разсказовъ я нѣсколько увлекся впередъ по хронологіи событій. Возвращаюсь къ впечатлѣніямъ прежняго времени и останавливаюсь снова на мѣстности, игравшей важную роль въ моемъ дѣтствѣ, а именно на Павловскѣ. Павловскъ, привлекающій и нынѣ публику вокзаломъ, оркестромъ, дачами и прелестнымъ паркомъ, былъ во время оно собственностью и лѣтнимъ мѣстопребываніемъ императрицы Маріи Θеодоровны. Онъ имѣлъ видъ роскошнаго и цвѣтистаго оазиса, гдѣ со всѣхъ сторонъ чувствовалось присутствіе царственной владѣтельницы, бывшей у себя и заботливою помѣщицею, и гостепріимною хозяйкою, не уклоняясь, впрочемъ, отъ величія сана. При ея дворѣ соблюдались въ одно время и строгій этикетъ, и сердечное радушіе, такъ что въ Павловскѣ было и легко, и привольно. Собственно для себя императрица отдѣлила только небольшой цвѣт-

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXIII, стр. 43.

никъ, примыкавшій къ дворцу, а затѣмъ всѣ сады, всѣ парки, всѣ павильоны, всѣ гулянія, всѣ бесѣдки и шакаты были открыты для посѣтителей. На фермѣ и въ другихъ сельскихъ зданіяхъ стояли накрытые столы со многими яствами и чернымъ хлѣбомъ на случай, если гости проголодаются. Тутъ мы, дѣти, частенько лакомились. У розоваго павильона, густо обсаженнаго розами, стояли деревянныя горы для катанья, качели, гимнастическіе аппараты. И этимъ мы попользовались. Однажды, я даже вздумалъ сбѣжать съ деревянной горы, и въ то время какъ бѣжалъ, на меня налетѣлъ молодой князь Василій Репнинъ въ колясочкѣ. Но я всегда умѣлъ не терять присутствія духа въ минуту опасности. На всемъ бѣгу я угораздился прыгнуть, и вмѣсто того, чтобъ переломать себѣ ноги, отдѣлался ушибомъ въ пятку. Въ самомъ павильонѣ раздавались звуки эоловой арфы, поставлено было фортопіано для любителей музыки, находились разныя книги и даже открытый альбомъ, гдѣ каждому посѣтителю дозволялось записывать свои мысли. Въ немъ и была записана прекрасная басня «Василекъ» И. А. Крылова, имъ написанная въ то время, когда онъ гостилъ въ Павловскѣ. Императрица Марія Ѳеодоровна любила, чтобъ у нея гостили. Насъ водили къ проживавшимъ у нея лѣтомъ двумъ старушкамъ, изъ коихъ одна престарѣлая и худая была Перекусихина, нѣкогда любимица и наперстница Великой Екатерины, другая дородная и величавая баронесса, впослѣдствіи графиня и княгиня Ливенъ, воспитательница великихъ княженъ. Другія двѣ старушки, находившіяся постоянно при императрицѣ, — статсъ-дама Наталья Ѳедотовна Плещеева и камеръ-фрейлина Катерина Ивановна Нелидова, нѣкогда оклеветанная и остававшаяся вѣрнымъ другомъ императрицы, жили на своихъ дачахъ. Наконецъ, пятая старушка оставалась нѣсколько поодаль, но, тѣмъ не менѣе, пользовалась постоянно милостью ея величества. Нѣсколько разъ, втеченіе лѣта, она приглашалась къ высочайшему столу, что̀ всегда составляло чрезвычайное происшествіе. Я говорю про свою бабушку Архарову. Заблаговременно она въ эти дни наряжалась. Зеленый зонтикъ снимался съ ея глазъ и замѣнялся паричкомъ съ сѣдыми буклями подъ кружевнымъ чепцомъ съ бантиками. Старушка, грѣха таить нечего, немного подрумянивалась, особенно подъ глазами голубыми и весьма пріятными. Носъ ея былъ прямой и совершенно правильный. Лицо ея не перекрещивалось, не бороздилось морщинами, какъ заурядъ бываетъ у людей лѣтъ преклонныхъ. Оно было гладкое и свѣжее. Въ немъ выражалось спокойствіе, непоколебимость воли, совѣсти, ничѣмъ не возмущаемой, и убѣжденій, ничѣмъ не тревожимыхъ. Отъ нея, такъ сказать, сіяло привѣтливостью и добросердечіемъ, и лишь изрѣдка промелькивали по ея ласковымъ чертамъ мгновенныя вспышки, свидѣтельствовавшія, что кровь въ ней еще далеко не застыла и что она принимала дѣйствительное

участіе во всемъ, что около нея творилось. Изукрасивъ свой головной уборъ, она облекалась въ шелковый особой доброты халатъ или капотъ, къ которому на лѣвомъ плечѣ пришпиливалась кокарда Екатерининскаго ордена. Черезъ правое плечо перекидывалась старая желтоватая турецкая шаль, чуть ли не наслѣдственная. Затѣмъ ей подавали золотую табакерку, въ видѣ моськи, и костыль. Снарядившись ко двору, она шествовала по открытому коррилору къ каретѣ. Провожали ее, ею любуясь, жившія у нея, старая полковница Александра Николаевна, сироты-дворянки Анна Николаевна и Анна Антоновна, старшая горничная Степанида, двѣ младшія горничныя — Аннушка кривая и Маѳуша рябая. Вѣчно мрачный калмыкъ Тулемъ и крошечный карапузикъ, морщинистый карликъ Василій Тимоѳеичъ, всегда вязавшій чулокъ и, насупившись, ворчавшій на насъ какъ бульдогъ за наши придирки, глядѣли на шествіе нѣсколько самодовольно, какъ будто и на ихъ долю приходилось нѣсколько почета. Впереди, суетился курносый дворецкій, Дмитрій Степановичъ съ взъерошеннымъ хохломъ, въ бѣломъ жабо, округленномъ вѣеромъ подъ бѣлымъ галстухомъ. У кареты дожидались, въ трехъ-угольныхъ уродливыхъ шляпахъ, два ливрейные рослые лакея: бѣлый какъ лунь Ананій, годами старше бабушки и съ дѣтства при ней пребывавшій, и молодой парень Петръ, недавно привезенный изъ деревни. Бабушка садилась въ карету. Но, Боже мой, что за карета! Ее зналъ весь Петербургъ. Если я не ошибаюсь, она спаслась отъ московскаго пожара. Четыре клячи, въ упряжи простоты первобытной, тащили ее съ трудомъ. Форейторомъ сидѣлъ Ѳедотка... Но Ѳедотка давно уже сдѣлался Ѳедотомъ. Изъ ловкаго мальчика онъ обратился въ исполина и къ тому же любилъ выпить. Но должность его при немъ осталась навсегда, такъ какъ старые люди, вообще, перемѣнъ не любятъ. Кучеръ Абрамъ былъ болѣе приличенъ, хотя весьма худъ. Ливреи и армяки были сшиты на удачу изъ самаго грубаго сукна. На улицахъ, когда показывался бабушкинъ рыдванъ, прохожіе останавливались съ удивленіемъ, или весело улыбались, или снимали шапки и набожно крестились, воображая, что ѣдетъ прибывшій изъ провинціи архіерей. Впрочемъ, бабушка этимъ нисколько не смущалась. Какъ ее ни уговаривали, она не соглашалась увеличить ничтожнаго оброка, получаемаго ею съ крестьянъ. «Оброкъ азначенъ, — отговаривалась она: — по волѣ покойнаго Ивана Петровича. Я его не измѣню. Послѣ меня дѣлайте, какъ знаете. Съ меня довольно! А пустыхъ затѣй я заводить не намѣрена».

Вся жизнь незабвенной старушки заключалась въ разумномъ согласованіи ея доходовъ съ природною щедростью. Долговъ у нея не было, напротивъ того, у нея всегда въ запасѣ хранились деньги. Бюджетъ соблюдался строго, согласно званію и чину, но въ обрѣзъ, безъ всякихъ прихотей и непредвидѣнностей. Все, оставшееся, шло

на подарки и добрыя дѣла. Порядокъ въ домѣ былъ изумительный, благодаря уму, твердости и разсчетливости хозяйки. Когда она говѣла, мы подслушивали ея исповѣдь. Къ ней пріѣзжалъ престарѣлый о. Григорій, священникъ домовой церкви князя Александра Николаевича Голицына. Оба были глухи и говорили такъ громко, что изъ сосѣдней комнаты все было слышно.

— Грѣшна я, батюшка, — каялась бабушка: — въ томъ, что я покушать люблю...

— И матушка, ваше высокопревосходительство,—возражалъ духовникъ: — въ наши-то года оно и извинительно.

— Еще каюсь, батюшка, — продолжала грѣшница: — что я иногда сержусь на людей, да и выбраню ихъ порядкомъ.

— Да какъ же и не бранить-то ихъ, — извинялъ снова отецъ Григорій...—Они вѣдь неряхи, пьяницы, негодяи... Нельзя же потакать имъ въ самомъ дѣлѣ.

— Въ картишки люблю поиграть, батюшка.

— Лучше, чѣмъ злословить, — довершалъ отецъ Григорій.

Этимъ исповѣдь и кончалась. Другихъ грѣховъ у бабушки не было. Но великая ея добродѣтель была въ ней та, что она никого не умѣла ненавидѣть и всѣхъ умѣла любить. Когда, какъ я разсказывалъ выше, она ѣздила въ Павловскъ на придворный обѣдъ, весь домъ ожидалъ нетерпѣливо ея возвращенія. Наконецъ, грузный рыдванъ вкатывался на дворъ. Старушка, нѣсколько колыхаясь отъ утомленія, шла, упираясь на костыль. Впереди выступалъ Дмитрій Степановичъ, но уже не суетливо, а важно и благоговѣйно. Въ каждой рукѣ держалъ онъ тарелку, наложенную фруктами, конфектами, пирожками — все съ царскаго стола. Когда во время обѣда обносился дессертъ, старушка не церемонилась и, при помощи сосѣдей, наполняла двѣ тарелки лакомою добычею. Гофъфурьеръ зналъ, для чего это дѣлалось, и препровождалъ тарелки въ пресловутый рыдванъ. Возвратившись домой, бабушка разоблачалась, надѣвала на глаза свой привычный зонтикъ, нарядный капотъ замѣнялся другимъ, болѣе поношеннымъ, но всегда шелковымъ, и садилась въ свое широкое кресло, передъ которымъ ставился столъ съ бронзовымъ колокольчикомъ. На этотъ разъ къ колокольчику приставлялись и привезенныя тарелки. Начиналась раздача въ порядкѣ родовомъ и іерархическомъ. Мы получали плоды отборные, персики, абрикосы и фиги, и ѣли почтительно и жадно. И никто въ домѣ не былъ забытъ, такъ что и Аннушка кривая получала конфекту, и Тулемъ удостоивался кисточкою винограда, и даже карликъ Василій Тимоѳеичъ откладывалъ чулокъ и взыскивался сахарнымъ сухарикомъ. Когда я объ этомъ припоминаю, меня разбираетъ смѣхъ, и въ то же время на глаза навертываются слезы. Сколько наивнаго добродушія, сколько трогательной сердечности прошедшаго быта погибло теперь навсегда.

Отличительною чертою бабушки была неизмѣнность въ убѣжденіяхъ и привычкахъ. Никакихъ колебаній она не допускала и при всей своей гуманности относилась строго къ людямъ предосудительнаго поведенія. Когда рѣчь касалась человѣка безнравственнаго, она принимала строгій видъ и объявляла рѣзкій приговоръ. «Негодяй,—говорила она,—развратникъ»... а потомъ, наклонившись къ уху собесѣдника или собесѣдницы, присовокупляла шепотомъ «Galant»!.. Это было послѣднее слово порицанія. Сама она была, такъ сказать, ковчегомъ патріархальности и въ домѣ не допускала никакого отступленія отъ заведеннаго порядка. Само собою разумѣется, что она соблюдала церковныя правила, постилась по уставу, молилась въ урочное время, ѣздила въ приходскую церковь, пока хватило силъ. Вечернія службы совершались у нея на дому. Даже заутреня[1] передъ Свѣтлымъ Праздникомъ заблаговременно торжествовалась въ ея гостинной. Являлся престарѣлый отецъ Григорій съ дьячкомъ. Мы подходили къ его благословенію и спрашивали изъ шалости:

— Неужели Христосъ воскресъ такъ рано?

— Воскресъ, дѣти,—говорилъ старецъ, улыбаясь,—воскресъ, во всякое время воскресъ. Затѣмъ онъ облачался и обходилъ всѣ комнаты съ крестомъ. Во время службы не только всѣ члены семейства, но и настоящіе, и мнимые родственники и всѣ слуги обязывались находиться на лицо. Подлѣ бабушки становился Дмитрій Степановичъ, держа въ рукахъ блюдо съ нагроможденными на немъ красными яйцами. Старушка стояла у огромныхъ своихъ креселъ и, по окончаніи службы, со всѣми христосовалась по старшинству, вручая каждому красное яичко. Не были забыты ни калмыкъ, ни карликъ, ни Аннушка косая, ни рослый форейторъ, Ѳедотъ, ни всегда пьяный поваренокъ Ефимъ. При появленіи послѣдняго, и когда онъ лѣзъ цѣловаться съ бабушкой, старушка его останавливала и, взглянувъ на него грозно, говорила:

— А ты все пьянствуешь! Смотри, лобъ забрѣю. Въ солдаты отдамъ. Домъ срамишь. Побойся хоть Бога. Слышишь, что ли?

— Слушаю,—мычалъ Ефимка.

— То-то же,—добавляла бабушка.—Такъ помни же... Христосъ воскресе.

И она три раза цѣловала лоснящуюся рожу Ефимки и вручала ему яичко... а Ефимка продолжалъ пьянствовать и никогда въ солдаты отданъ не былъ.

Старушка любила, чтобъ ей читали русскіе романы. Юрій Милославскій ей очень понравился, но, когда герой подвергался опасности, она останавливала чтеніе съ просьбой: «Если онъ умретъ — вы мнѣ не говорите». Смерти она очень страшилась, а между тѣмъ скончалась съ необыкновенною твердостью. Когда она уже была при послѣднемъ издыханіи, ей доложили, что ее желаетъ

видѣть богомолка Елизавета Михайловна Кологривова, сестра князя А. М. Голицына.

— Не надо...—отвѣчала умиравшая.—Она пріѣхала учить меня. какъ надо умирать. Я и безъ нея съумѣю.

И дѣйствительно она опочила какъ праведница и память о себѣ оставила свѣтлую.

И теперь, когда столько лѣтъ уже прошло послѣ ея кончины, мнѣ все еще отрадно припомнить мельчайшія подробности ея глубоко поучительнаго и сердечно-наивнаго существованія.

Для утреннихъ прогулокъ у бабушки была низенькая телѣжка, или таратайка безъ рессоръ и съ сидѣньемъ для кучера. Выкрашенная въ желтую краску, она была похожа на длинное кресло, запрягалась въ одну лошадь изъ вороной инвалидной четверни и, разумѣется, слѣдовала тихимъ шагомъ. Отецъ мой, всегда подшучивавшій надъ бабушкой, за что̀ она, впрочемъ, никогда не сердилась, прозвалъ эту диковинную таратайку «труфиньономъ». Труфиньонъ имѣлъ значеніе легендарное, какъ принадлежность Павловска. И нѣкоторые доживающіе нынѣ мои современники вѣрно вспомнятъ о немъ съ удовольствіемъ. Труфиньонъ употреблялся не для одного катанья... Онъ служилъ и другимъ цѣлямъ. Во-первыхъ, онъ направлялся къ рощамъ, окружавшимъ Павловскъ, и въ мѣстахъ хорошихъ останавливался. Старушка брала изъ предосторожности возжи въ руки, хотя опасности отъ клячи не предвидѣлось, а кучеръ Абрамъ слѣзалъ съ козелъ и шелъ бродить, нагнувшись въ чащѣ деревьевъ. Вдругъ раздалось его радостное восклицаніе:

— Березовикъ, ваше высокопревосходительство.

— Смотри еще!—кричала бабушка.

Находка бѣлаго гриба была торжествомъ. Жатва укладывалась въ корзиночку, а, при возвращеніи домой, грибы отсылались на кухню съ приказаніемъ,—изжарить ихъ къ обѣду въ смѣтанѣ на сковородѣ. За обѣдомъ возникалъ другой эпизодъ. Грибы казались заманчивыми и вкусными. Но какъ только бабушка за нихъ принималась, вокругъ стола подымался семейный протестъ. Затѣмъ она, немного поспоривъ, уступала голосу разсудка и нехотя возвращала искусительную тарелку тоже встревоженному Дмитрію Степановичу. Прогулка въ труфиньонѣ служила тоже и для визитовъ, визитовъ весьма оригинальныхъ, въ виду приглашеній или справокъ. Подъѣдетъ бабушка къ знакомымъ и велитъ Абраму вызвать хозяевъ или, въ случаѣ ихъ отсутствія, слугу.

— Скажи, что старуха Архарова сама заѣзжала спросить, что, дескать, вы старуху совсѣмъ позабыли, а у нея завтра будутъ: ботвинья съ свѣжей рыбой и жареный гусь, начиненный яблоками. Такъ не пожалуютъ ли откушать!

И труфиньонъ двигался далѣе, заѣзжая къ больнымъ для свѣдѣній о здоровьѣ, къ бѣднымъ для подаянія помощи, къ сиротамъ для узнанія объ ихъ поведеніи. Много слыхалъ я и читалъ впослѣдствіи о гуманности, — но гуманность воплощенную, безъ хитрости-и причудъ, я видѣлъ только въ старой женщинѣ, далеко не образованной, но твердо умной и всецѣло преданной любви къ человѣчеству. Ей-то я обязанъ, что до сего времени люблю человѣчество, хотя самые люди все болѣе и болѣе отучивали меня ихъ любить. Теперь мнѣ кажется, что безъ патріархальности не можетъ быть гуманности иначе какъ на словахъ.

Павловскъ представлялъ, впрочемъ, для Архаровой нѣкоторыя неудобства. Во-первыхъ, столовая была слишкомъ мала. Широкому хлѣбосольству ставился по необходимости предѣлъ. Дача была просторная; боковые одно-этажные флигеля, въ видѣ покоя, вмѣщали съ одной стороны покои бабушки, съ другой стороны семейство Александры Ивановны Васильчиковой, нашей тетки. Поперегъ флигелей стояла большая теплица, но ее пришлось измѣнить на общую пріемную, между двухъ комнатъ, и съ настройкою въ видѣ мезонина. Числительность населенія въ домѣ была изумительна. Тутъ копошились штатъ Архаровскій, и штатъ Васильчиковскій, и разные пріѣзжіе, и даже постоянные гости особенно изъ молодыхъ людей. Я уже говорилъ, что Архарова своей роднѣ и счетъ потеряла. Бывало пріѣдетъ изъ захолустья помѣщикъ и прямо къ ней.

— Я къ вамъ, матушка Катерина Александровна, съ просьбой.

— Чѣмъ, батюшка, могу услужить? Мы съ тобой не чужіе. Твой дѣдъ былъ внучатымъ моему покойному Ивану Петровичу по первой его женѣ. Стало быть свои. Чѣмъ могу тебѣ угодить?

— А вотъ что, Катерина Александровна. Дѣтки подросли. Воспитаніе въ губерніи вы сами знаете какое. Вотъ я столько наслышался о вашихъ милостяхъ, что дѣтокъ съ собой привезъ, авось, Богъ поможетъ пристроить въ казенное заведеніе.

— На казенной счетъ? — спрашивала бабушка.

— Конечно, хорошо бы. Урожаи стали ужъ очень плохи.

— Родня, точно родня, близкая родня,—шептала между тѣмъ бабушка. — Я и бабку твою помню, когда она была въ дѣвкахъ. Они жили въ Москвѣ. Да скажи на милость, правду ли я слышала, что будто Петрушѣ Толстому пожалована Андреевская лента? А вотъ еще вчера, кажется, онъ ползалъ по полу безъ штанишекъ. Что жъ, похлопотать можно. А тамъ ты ужъ не безпокойся. Да вотъ что... пріѣзжай-ка завтра откушать. Не побрезгай моей кулебяки... да дѣтокъ съ собой привези. Мы и познакомимся.

И на другой день помѣщикъ пріѣзжалъ съ дѣтками, и черезъ нѣсколько дней дѣтокъ уже называли Сашей, Катей, Дуней и жу-

рили ихъ, если они тыкали себѣ пальцы въ носъ, и похваливали ихъ умницами, если они вели себя добропорядочно. Затѣмъ они разсовывались по разнымъ воспитательнымъ заведеніямъ, и помѣщикъ уѣзжалъ восвояси, благодарный и твердо увѣренный, что Архарова не морочила его пустыми словами и свѣтскими любезностями, и что она дѣйствительно будетъ наблюдать за его дѣтьми. Такъ и было. Мальчики обязывались къ ней являться по воскресеньямъ и по праздничнымъ днямъ и въ вакантныя времена, чтобъ не дать имъ возможности избаловаться на свободѣ. Замѣчательно, что такая обязанность исполнялась аккуратно и многихъ спасла отъ возможныхъ сумасбродствъ. Архарова относилась весьма серьёзно къ своимъ заботамъ добровольнаго попечительства. И въ Павловскѣ онѣ не забывались, но въ Петербургѣ принимали еще большіе размѣры и сплошь да рядомъ происходили визиты по учебнымъ заведеніямъ. Подъѣдетъ рыдванъ къ кадетскому корпусу, и Ананій отправляется отыскивать начальство. «Доложите, что старуха Архарова сама пріѣхала и проситъ пожаловать къ ея каретѣ». Начальникъ тотчасъ же является охотно и почтительно. Бабушка сажала его въ карету и начинала разспросы. Это называла она—дѣлать визиты. Рѣчь шла, разумѣется, о родственникѣ или родственникахъ, объ ихъ успѣхахъ въ наукахъ, объ ихъ поведеніи, объ ихъ здоровьѣ, а затѣмъ призывались и родственники и въ карету, и на домъ. Достойные удостоивались похвалы, виновные наказывались выговоромъ и угрозой написать отцу или матери. Однажды, мой отецъ получилъ письмо изъ Вильны отъ незнакомаго ему однофамильца Сологуба. Въ письмѣ выражалась просьба — оказать покровительство его двумъ сыновьямъ для поступленія на службу. Меньшой Юстинъ опредѣлился въ отдаленный кавалерійскій полкъ и уѣхалъ. Старшій Просперъ поступилъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и остался въ Петербургѣ. Бабушка разсудила, что онъ однофамилецъ ея зятя, слѣдовательно, не чужой, — и потому Просперъ былъ включенъ въ число молодыхъ родственниковъ и получилъ приказаніе являться по праздникамъ. Человѣкъ тихій, хорошій служака, всѣми уважаемый, Просперъ Сологубъ повиновался такъ же радушно, какъ радушно ему было объявлено предложеніе и, до самой кончины бабушки, онъ, чуть ли уже не въ чинѣ генерала, являлся въ урочные дни къ своей престарѣлой родственницѣ.

Въ Павловскѣ учебныхъ заведеній не было. Но въ Царскомъ Селѣ въ дворцовомъ флигелѣ славился на всю Россію знаменитый лицей, гдѣ воспитывались Пушкинъ, Дельвигъ, князь Горчаковъ и многія другія замѣчательныя личности. Въ Софіи процвѣталъ лицейскій пансіонъ, и въ немъ у бабушки было нѣсколько родственниковъ. Помню, во-первыхъ, долговязаго и оригинальнаго Алексѣя Коверина, родственника московскаго; Александра и Евгенія Сам-

соновыхъ, родственниковъ ярославскихъ, сердечныхъ товарищей. Всѣ трое жили у бабушки во время лѣтнихъ вакацій, но какъ и гдѣ помѣщались они, объяснить не берусь. Пріѣзжали Костя Булгаковъ, геніальный повѣса, прошутившій блистательныя способности; Розенъ, Стрекаловъ, Алопеусъ и многіе, многіе другіе. Въ Павловскѣ мы скуки не знали. Мы вели знакомство хотя неинтимное съ дѣтьми Н. М. Карамзина. Имъ были сшиты камлотовые оранжеваго цвѣта кафтанчики, отороченные чернымъ бархатомъ, что̀ казалось мнѣ послѣднимъ выраженіемъ щегольства, даже возбуждало во мнѣ зависть. Встрѣчались мы и съ Лонгиновыми. Но земнымъ раемъ казалась намъ въ Царскомъ Селѣ дача князя Ѳ. С. Голицына. Жизнь шла въ ней богато, раздольно, привѣтливо, раздробляясь въ 3-хъ или 4-хъ домахъ, расположенныхъ около сада, приспособленнаго къ играмъ и удовольствіямъ. Чего тутъ не было; лодочки на пруду, и сѣти, и качели, и гимнастики, и лошади, и лошадки, и всего не припомню. Хозяевами-товарищами были собственно пять молодцовъ, веселыхъ, ловкихъ сыновей отъ велика до мала. Старшій былъ Саша, отбившій у меня роль Амура на придворномъ праздникѣ, второй Сережа, нечаянно застрѣлившійся на охотѣ, третій Давыдъ, погибшій на переправѣ. Константинъ и Борисъ здравствуютъ [1]).

Отъ всего этого времени осталось въ моей памяти какое-то тихое, радужное впечатлѣніе. Не помню, учились ли мы въ Павловскѣ. Но должно быть, что учились, потому что къ намъ приставленъ былъ замѣнившій уѣхавшаго по слабости здоровья, симпатичнаго m-r Lalance, другой гувернеръ, тоже французъ, m-r Charrière.

Послѣ Нарышкинской дачи мы занимали дачу князя Волхонскаго, близь крѣпости. Садъ былъ большой и ягодъ было въ немъ много. По сосѣдству мы познакомились съ Евгеніемъ Штеричемъ. Поводомъ къ нашему знакомству послужило слѣдующее обстоятельство. Сестра нашего гувернера m-r. Charièrre была за мужемъ за гувернеромъ Штерича m-r Ferry de Pigny. Оба сходились на Фонтанкѣ въ квартирѣ старухи m-me Chrarrière, вышедшей замужъ за стараго m-r Bradt, и водили къ нимъ своихъ воспитанниковъ. У нихъ мы исполняли отрывки изъ Расиновской трагедіи Athalie, въ костюмахъ.

Штеричъ былъ единственнымъ сыномъ почтенной Серафимы Ивановны, не чаявшей въ немъ души, и оказывалъ большія способности, какъ піанистъ. У него гостилъ въ Павловскѣ молодой человѣкъ, поразившій меня своею оригинальностью. Онъ отличался весьма малымъ ростомъ и своеобразною физіономіею, то далеко не

---

[1]) Кромѣ ихъ, были еще двѣ дочери: Юлія, вышедшая замужъ за князя Куракина, и Александра, скончавшаяся въ малыхъ лѣтахъ.

красивою, то увлекательною. Черноволосый, съ короткимъ крупнымъ и прямымъ носомъ, съ выдвинутымъ подбородкомъ, онъ закидывалъ постоянно голову назадъ, носомъ вверхъ, по инстинктивному желанію казаться выше. Затѣмъ привычнымъ жестомъ онъ засовывалъ палецъ за скважину жилета подъ мышкой, что̀ еще болѣе его выпрямляло. Всего поразительнѣе въ немъ оказывались глазки, то неподвижные и задумчивые, то скверкавшіе искрами, то расширявшіеся и глубоко торжественные подъ наитіемъ вдохновенія сверхъестественнаго. Онъ обыкновенно молчалъ или шутилъ довольно рѣдко, на семинарскій ладъ. Часто садился онъ за фортепіано и погружался весь въ свою игру, не видя и не зная, что̀ около него творилось. Мы, дѣти, едва переводили дыханіе, и какъ-то изумленно и испуганно его слушали. Тогда онъ начиналъ пѣть. Голосъ его былъ глухой, слабый, непріятный. Сперва онъ шепталъ говоркомъ съ оттѣнками выраженія, которые я, конечно, началъ понимать только послѣ; потомъ, мало-по-малу оживляясь, переходилъ чуть не въ изступленіе и выкрикивалъ высокія ноты съ натугою, съ неистовствомъ, даже съ болью. Потомъ онъ вставалъ съ мѣста, заливался дѣтскимъ смѣхомъ и, засунувъ палецъ за жилетъ и закинувъ голову, начиналъ ходить пѣтушкомъ по комнатѣ, спрашивая: «А каковъ былъ грудной si bèmol»?

Мнѣ кажется, что съ этого времени я началъ глухо понимать, что геніальность и личность составляютъ два понятія совершенно разнородныя, совершенно независимыя другъ отъ друга. Геній можетъ горѣть въ человѣкѣ мимо и даже вопреки его личности. Кто слышалъ Глинку, тотъ понялъ, что можно быть пѣвцомъ потрясающимъ и величественнымъ, не имѣя къ тому никакихъ физическихъ средствъ. Я забылъ сказать, что припоминаю первую свою встрѣчу съ маленькою фигурою и колоссальнымъ талантомъ Михаила Ивановича Глинки. Въ Штеричѣ онъ потерялъ много. Штеричъ былъ для него не только меценатомъ, но другомъ и сотрудникомъ въ искусствѣ. Вмѣстѣ ѣздили они въ Италію, и Глинка при немъ началъ совершенствовать свое отличительное превосходство надъ всѣми извѣстными композиторами, умѣнье присвоивать себѣ музыкальную этнографію. Душа его, такъ сказать, впивалась, всасывалась не въ одни пріемы и формулы разнородныхъ стихій, а въ самую духовную суть ихъ источниковъ, въ самые сокровенные тайники ихъ сердечныхъ, мелодическихъ порывовъ. Такъ, напримѣръ, въ музыкѣ польской, онъ явился болѣе полякомъ, чѣмъ поляки, въ итальянской онъ становился дѣйствительнымъ итальянцемъ, въ испанской отъ него такъ и вѣяло Гвадалквивиромъ и обаяніемъ Севильи. Что же сказать о стилѣ русскомъ? До Глинки разработка русскаго стиля походила на лубочную каррикатуру. Глинка первый окунулся въ глубь океана русскаго чувства, и на самомъ днѣ нашелъ тайникъ русской радости, русскаго горя, рус-

ской любви, словомъ всей широкой русской жизни. Въ его звукахъ такъ и рисуются и береза, и сосна, и степь безконечная, и изба затворническая, и рѣка многоводная. Въ нихъ Русь живетъ, въ нихъ Русью дышетъ. Глинку недостаточно понять, его надо прочувствовать. Объ этомъ, если я успѣю, мнѣ придется поговорить еще подробнѣе. Скажу только, что у Глинки никогда не было ни няньки по искусству, ни наставника по роду жизни, ни сильнаго покровителя при геніальныхъ его попыткахъ. Что онъ не достигъ вполнѣ своей цѣли... въ томъ не онъ виноватъ. Его скрутила и замучила судьба. Много, повторяю я, потерялъ онъ съ Штеричемъ. Симпатичный юноша страдалъ чахоткою. Вскорѣ онъ умеръ, и Глинка остался одинъ.

Но возвратимся къ Павловску. Хотя мы жили отдѣльно, но находились почти постоянно на Архаровской дачѣ, всегда оживленной и привѣтливой. Старуха не любила отпускать насъ безъ обѣда. Эти обѣды мнѣ хорошо памятны. За столъ садились въ пять часовъ, по старшинству. Кушанья подавались попреимуществу русскія, нехитрыя и жирныя, но въ изобиліи. Кваса потреблялось много. Вино изъ рукъ вонъ плохое ставилось какъ рѣдкость. За столъ никто не садился, не перекрестившись. Блюда подавались отъ бабушки въ перепрыжку, смотря по званію и возрасту. За десертомъ хозяйка сама наливала нѣсколько рюмочекъ малаги или люнеля и подчивала ими гостей и тѣхъ изъ домашнихъ, которыхъ хотѣла отличить. Затѣмъ Дмитрій Степановичъ подавалъ костыль. Она подымалась, крестилась и кланялась на обѣ стороны, приговаривая неизмѣнно: «Сыто, не сыто... а за обѣдъ почтите. Чѣмъ Богъ послалъ». Не любила она, чтобъ кто нибудь уходилъ тотчасъ послѣ обѣда. «Что это,—замѣчала она, нѣсколько вспыливъ:—только и видѣли. Точно пообѣдалъ въ трактирѣ»... Но потомъ тотчасъ же смягчала свой выговоръ. «Ну, уже Богъ тебя проститъ на сегодня. Да смотри, не забудь въ воскресенье. Потроха будутъ». Послѣ обѣда она иногда каталась въ придворной линейкѣ, предоставленной въ ея распоряженіе, но, большею частью, на линейку сажали молодежь, а сама раскладывала гранпасьянсъ, посадивъ подлѣ себя на кресла злую моську, отличавшуюся висѣвшимъ отъ старости языкомъ.

При этомъ она разсказывала о прежнемъ житьѣ-бытьѣ, объ ужасахъ бывшей въ Москвѣ чумы, когда замаскированные и въ кожу обернутые люди разъѣзжали по вымершимъ кварталамъ и подбирали трупы. Самъ преосвященный Амвросій пріѣзжалъ къ намъ въ домъ наканунѣ своей лютой смерти. Народъ растерзалъ его за то, что онъ скрылъ чудотворную икону съ цѣлью прекратить стеченіе богомольцевъ, распространявшихъ заразу. Амвросія она хорошо помнила. Сама она родилась 12-го іюля 1752 года, въ

день гибели Лиссабона и рожденія французской королевы Маріи-Антуанетты.

О мужѣ своемъ Иванѣ Петровичѣ Архаровѣ она говорила съ глубокимъ чувствомъ. Онъ тоже, какъ кажется, былъ вполнѣ добрымъ, честнымъ, простымъ и откровеннымъ человѣкомъ. О немъ я слышалъ въ семьѣ двѣ забавныя выходки. Встрѣтивъ на старости товарища юности, много десятковъ лѣтъ имъ не видѣннаго, онъ всплеснулъ руками, покачалъ головою и воскликнулъ невольно: «Скажи мнѣ, другъ любезный, такъ ли я тебѣ гадокъ, какъ ты мнѣ?» Онъ имѣлъ слабость притворяться, что хорошо знаетъ французскій языкъ, хотя не зналъ его вовсе. Пріѣзжаетъ къ нему однажды старый пріятель съ двумя рослыми сыновьями, для образованія коихъ денегъ не щадили. «Я, — говоритъ онъ, — Иванъ Петровичъ, къ тебѣ съ просьбою. Проэкзаменуй-ка моихъ парней во французскомъ языкѣ. Ты вѣдь дока»... Иванъ Петровичъ подумалъ, что молодыхъ людей кстати спросить объ ихъ удовольствіяхъ, и сообразилъ фразу: «Messieurs, comment vous divertissez-vous?», но брякнулъ: «Messieurs, quoique vous averti». Юноши остолбенѣли. Отецъ сталъ бранить ихъ за то, что ничего не знаютъ, даже такой бездѣлицы, что онъ обманутъ и деньги его пропали, но Иванъ Петровичъ утѣшилъ его заявленіемъ, что самъ виноватъ, обратившись къ молодымъ людямъ съ вопросомъ еще слишкомъ мудренымъ для ихъ лѣтъ. Сама бабушка говорила иногда на французскомъ языкѣ собственнаго произведенія. Объ Иванѣ Петровичѣ, какъ я уже замѣтилъ, бабушка всегда говорила съ любовью еще не угасшею, но объ его братѣ, Николаѣ Петровичѣ, она говорила съ гордостью. Николай Петровичъ считался геніемъ исчезнувшаго рода. И дѣйствительно онъ былъ, какъ кажется, человѣкомъ вполнѣ государственнымъ. Императрица Екатерина II высоко его цѣнила какъ администратора, и нѣсколько собственноручныхъ писемъ государыни къ нему сохранялись у бабушки. Онъ занималъ поочередно должности оберъ-полицеймейстера въ Москвѣ и въ Петербургѣ и намѣстника въ Твери. Объ немъ осталось слѣдующее преданіе. Въ то время, какъ онъ управлялъ полиціею въ Москвѣ, въ Петербургѣ приключилась значительная покража серебряной утвари. По розысканіямъ возникло подозрѣніе, что похищенныя вещи направлены въ Москву, о чемъ немедленно и былъ увѣдомленъ Архаровъ. Но онъ отвѣчалъ, что серебро не было вовсе привезено въ Москву и находится въ Петербургѣ, въ подвалѣ подлѣ дома оберъ-полицеймейстера. Тамъ оно и найдено.

Бабушка разсказывала тоже иногда про Архаровскій полкъ, но что она разсказывала, къ сожалѣнію, не могу припомнить. Если не ошибаюсь, шефомъ полка былъ Иванъ Петровичъ, а не Николай Петровичъ, и въ строю считалось до 4,000 человѣкъ. Но когда полкъ былъ сформированъ и когда упраздненъ, принадлежалъ ли

онъ къ войскамъ регулярнымъ или къ милиціи, отчего онъ былъ Архаровскій, чѣмъ ознаменовалъ свою дѣятельность, всѣ эти свѣденія мнѣ неизвѣстны, хотя, можетъ быть, отыщутся безъ труда въ архивахъ. Достовѣрно то, что память объ архаровцахъ долго хранилась въ преданіяхъ Москвы и, быть можетъ, еще не исчезла совсѣмъ въ припоминаніяхъ нѣкоторыхъ старожиловъ.

День бабушкинъ неизмѣнно заключался игрою въ карты. Не даромъ каялась она отцу духовному. Картишки она дѣйствительно любила, и на каждый вечеръ партія была обезпечена. Только партія лѣтняя отличалась отъ партіи зимней. Зимой избирались бостонъ, вистъ, реверсы, ломберъ, а впослѣдствіи преферансъ. Лѣтомъ игра шла лѣтняя, дачная, легкая: мушка, брелакъ, куда и насъ допускали по пятачку за ставку, что̀ насъ сильно волновало. Въ одиннадцать часовъ вечеръ кончался. Старушка шла въ спальню, долго молилась передъ кіотомъ. Ее раздѣвали, и она засыпала сномъ ребенка. Въ постели она оставалась долго. Утромъ диктовала письма своему секретарю Аннѣ Николаевнѣ и обыкновенно въ нихъ коечто приписывала подъ титлами своей рукою. Потомъ она принимала доклады, сводила аккуратно счеты, выдавала изъ разныхъ пакетовъ деньги, заказывала обѣдъ и по приведеніи всего въ порядокъ одѣвалась, молилась и выходила въ гостинную и въ садъ любоваться своими розами. И день шелъ, какъ шелъ вчера, какъ долженъ былъ идти завтра. Являлись и труфиньонъ, и грибы, и визиты, и гости, и угощенье, и брелакъ. Въ этой нѣсколько затхлой, старческой атмосферѣ все дышало чѣмъ-то сердечно невозмутимымъ, убѣжденно спокойнымъ. Жизнь казалась доживающимъ отрывкомъ прошедшихъ временъ, прошедшихъ нравовъ, испарявшейся идилліей быта патріархальнаго, исчезавшаго навсегда. Архарова ни въ комъ не заискивала, никого не ослѣпляла, жила, такъ сказать, въ сторонѣ отъ общественной жизни, а между тѣмъ пользовалась общимъ уваженіемъ, общимъ сочувствіемъ. И старый, и малый, и богатый, и бѣдный, и сильный, и темный, являлись къ ней, и домъ ея никогда не оставался безъ посѣтителей. Особенно выдавались два дня въ году зимой въ Петербургѣ. 24-е ноября въ Екатерининъ день, а лѣтомъ въ Павловскѣ 12 іюля въ день рожденія старушки... Тутъ по недостатку помѣщенія въ комнатахъ гости собирались въ саду и толпились по дорожкамъ, обсаженнымъ розами разныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ. Вдругъ въ саду происходило смятеніе. Къ бабушкѣ летѣлъ стрѣлой Дмитрій Степановичъ. Старушка, какъ будто пораженная событіемъ, повторявшимся, впрочемъ, каждый годъ, поспѣшно подзывала къ себѣ все свое семейство и направлялась цѣлою группою къ дверямъ сада, въ то время какъ снаружи приближалась къ ней другая группа. Впереди шествовала императрица Марія Ѳеодоровна, нѣсколько дородная, но высокая, прямая, величественная, въ шляпѣ съ перьями,

оттѣнявшими ея круглое и, не смотря на годы, свѣжее, румяное и красивое лицо. Царственная поступью, привѣтливая улыбкою, она, какъ мнѣ казалось, сіяла, хотя я не зналъ, что Россія была ей обязана колоссальными учрежденіями воспитательныхъ домовъ, ломбардовъ и женскихъ институтовъ. Она держала за руку красиваго мальчика въ гусарской курточкѣ, старшаго сына великаго князя Николая Павловича, поздравляла бабушку и ласково разговаривала съ присутствовавшими. Бабушка была тронута до слезъ, благодарила за милость почтительно, даже благоговѣйно, но никогда не доходила до низкопоклонства и до забвенія самодостоинства. Говорила она прямо, открыто, откровенно. Честь была для нея, конечно, великая, но совѣсть въ ней была чистая, и бояться ей было нечего. Посѣщеніе продолжалось, разумѣется, недолго. Императрицѣ подносили букетъ наскоро сорванныхъ лучшихъ розъ, и она удалялась, сопровождаемая собравшеюся толпою. На другой день бабушка ѣздила во дворецъ благодарить снова, но долго затѣмъ разсказывала поочередно всѣмъ своимъ гостямъ о чрезвычайномъ отличіи коего она удостоилась. «Этимъ я обязана,—заключала она:—памяти моего покойнаго Ивана Петровича».

Молодой великій князь, державшій императрицу за руку, былъ призванъ принять впослѣдствіи многотрудный и многосвѣтлый санъ русскаго императора подъ именемъ Александра II. Онъ тоже гостилъ лѣтомъ у своей бабки вмѣстѣ съ сестрами, великими княжнами. Великія княжны жили въ Александровскомъ деревянномъ дворцѣ, примыкающемъ къ парку со стороны вольеры. Великій князь помѣщался въ кругломъ флигелѣ, нынѣ по ветхости разобранномъ. Товарищами его игръ были сперва Мердеръ, сынъ наставника его высочества, и недолго жившій Фредерици, сынъ павловскаго коменданта Фредерици, дожившаго въ Дерптѣ до глубокой старости. Впослѣдствіи прибавились Паткуль, Александръ Адлербергъ и Іосифъ Віельгорскій, скончавшійся въ молодыхъ лѣтахъ. Тутъ были и сошки, и ружья, и будки, и дѣтскія боевыя потѣхи, но главнымъ удовольствіемъ царственнаго ребенка была прелестная сѣрая въ яблокахъ лошадка. Живо помню, какъ онъ ѣздилъ на ней шагомъ по боковой аллеѣ проложеннаго ко дворцу широкаго пути. Лошадку велъ подъ уздцы конюхъ, а о-бокъ шла заботливая, дюжая нянька. Шествіе замыкалось толпою любопытствовавшихъ. Прошло болѣе полвѣка, но покойный государь не забылъ своей лошадки. Въ послѣднюю турецкую кампанію, въ Горномъ Студенѣ, въ то время когда гудѣла Плевненская канонада, его величество изволилъ за обѣдомъ въ общемъ шатрѣ ее припомнить и заявить, что она долго бережно сохранялась при Зимнемъ дворцѣ, гдѣ и издохла отъ старости.

Въ Александровскомъ дворцѣ повторялись довольно часто дѣтскіе балы, на которые братъ и я получали приглашенія. На этихъ

балахъ я началъ даже отличаться нѣкоторою ловкостью въ мазуркѣ. Къ сожалѣнію, эта ловкость впослѣдствіи исчезла.

Теперь я долженъ оставить на время и Петербургъ, и Павловскъ, чтобъ разсказать объ эпизодѣ, много повліявшемъ на всю мою жизнь.

Въ 1822 году, мы ѣздили въ Симбирскую губернію, гдѣ на имя матушки было куплено значительное имѣніе въ 26,000 десятинъ, село Никольское съ деревнями. О желѣзныхъ и шоссейныхъ дорогахъ и помина тогда не было. Поѣздка наша была не поѣздка, а экспедиція. Впереди насъ торопилась бричка съ французскимъ поваромъ Tourniaire, кухонною посудою и принадлежностями для ночлега. Главный поѣздъ состоялъ изъ нѣсколькихъ экипажей. При матушкѣ находились компаньонка Марья Ивановна и горничная Александра Семеновна. Къ намъ были приставлены гувернеръ m-r Charrière и дядька нѣмецъ Иванъ Яковлевичъ. При отцѣ состоялъ молодой живописецъ, ученикъ Петербургской академіи, Борисовъ, обладавшій значительнымъ юморомъ и немалымъ талантомъ. Онъ долженъ былъ снимать виды со всѣхъ достопримѣчательныхъ мѣстоположеній, имѣвшихъ встрѣтиться на пути. Нѣкоторые рисунки у меня сохранились. Они изображаютъ станцію Померанье, Валдай, Симоновъ монастырь и пруды въ Москвѣ, Муромъ, ночлегъ въ селѣ нашего каравана, сельскій праздникъ, домашній спектакль, садъ въ Никольскомъ. Контрастомъ Борисову сопутствовалъ намъ старый докторъ Кельцъ, оригиналъ большой руки. Одѣтъ онъ былъ дорогой въ старомъ фракѣ и сѣрыхъ брюкахъ, вдѣтыхъ въ гусарскіе сапожки, чуть ли не по образцу князя Александра Николаевича Голицына. На головѣ онъ носилъ старую круглую шляпу и сосалъ неутомимо нѣмецкую фарфоровую трубку изъ гнутаго флексибля, свойственнаго нѣмецкимъ мастеровымъ и буршамъ. Лицо его было красное, нравъ раздражительный и брюзгливый. Борисовъ трунилъ надъ нимъ неотвязчиво, что̀ его приводило въ бѣшенство, а насъ очень забавляло. На поляхъ рисунка изображающаго путевую стоянку, записанъ рукою отца весь путешествовавшій персоналъ. Въ спискѣ я нахожу имена слугъ, мною совершенно позабытыхъ, а именно: Алексѣй (камердинеръ), Евлампій, Петръ, Корнило, Дмитрій (кучеръ), Поликарпъ.

Въ Москвѣ мы останавливались нѣсколько дней у Посниковыхъ, гдѣ въ нашу честь была представлена на театрѣ маріонетокъ блистательная пантомима «Персей и Андромеда». Родители наши занимались болѣе серьёзными предметами, такъ какъ Захаръ Николаевичъ Посниковъ орудовалъ покупкою симбирскаго имѣнія.

Изъ Москвы мы направились тихимъ шагомъ, по не вспаханнымъ пространствамъ, именованнымъ столбовыми дорогами, къ цѣли нашего путешествія. Вечеромъ, мы останавливались на станціяхъ

или на постоялыхъ дворахъ, такъ какъ гостинницъ нигдѣ не было. Въ избѣ подавали намъ обѣдъ, уже изготовленный усердіемъ парижанина m-r Tourniaire, и раскладывали наши походныя кровати. Слухъ мой и умъ начали знакомиться съ бытомъ, съ рѣчами, съ движеніями для меня совершенно новыми. На улицахъ подымается отъ нашего прибытія страшная суматоха. Ямщики бѣгаютъ какъ угорѣлые и орутъ во все горло. Андрюха перекликается съ Петрухой, Ванька съ Степкой. Кто кричитъ про шлею, кто про совраску, кто про фонарь, кто зоветъ жребій метать. Каждый хлопочетъ и суетится, какъ будто совершаетъ Богъ знаетъ какое дѣло и, кромѣ его, на свѣтѣ никого нѣтъ. Кузнецъ катитъ на кузницу расшатавшееся колесо. Мальчишки шныряютъ и ссорятся. У крыльца нищенка-сирота проситъ Божьей милостыни. Божій человѣкъ, въ рясѣ странствующій по святымъ мѣстамъ, крестьянинъ-старецъ съ тарелкой и съ книгой, собирàющій на построеніе храма святому угоднику, шепчетъ на славянскомъ языкѣ о милосердомъ подаяніи. Старушки, съ повязанными на головѣ платками, подходятъ къ намъ, дѣтямъ и, сами не зная почему, просятъ у насъ позволенія поцѣловать ручку, чтò приводитъ насъ въ испугъ. На скамейкѣ сельскія дѣвушки въ шубейкахъ и сарафанахъ грызутъ арбузныя сѣмячки и ведутъ свой разговоръ. Наконецъ, въ отдàленіи толпится, опираясь на палки, группа сельскихъ стариковъ, шевелитъ бѣлыми бородами и совѣщается о томъ, чтò обозначаетъ диковинное нашествіе.

Для меня, мальчика баловня, постепенно становилось все болѣе понятно, что, кромѣ придворнаго міра, кромѣ міра свѣтскаго и французскаго, кромѣ даже міра благодушія бабушки, былъ еще міръ другой, міръ коренно-русскій, міръ простонародный и что этому міру имя громада...

Проѣхавъ черезъ Владиміръ, съ золотыми воротами и Дмитріевскимъ соборомъ, изукрашеннымъ іероглифами, до сего времени, кажется, не разгаданными, мы повернули на Клязьму и долго тащились по глубокимъ пескамъ Муромскихъ лѣсовъ. Въ ихъ мрачномъ величіи и безмолвіи на насъ пахнуло уже Русью сказочною, легендарною, разсказами объ Ильѣ Муромцѣ и Соловьѣ разбойникѣ. Тутъ я узналъ, что независимо отъ Корнелія Непота и Овидія, независимо отъ Расина и Мольера, существуетъ съ временъ незапамятныхъ своя поэзія въ преданіяхъ, источникахъ и пѣсняхъ, къ которымъ я сталъ охотно прислушиваться. Въ Муромѣ мы останавливались нѣсколько дней, потомъ направились на Арзамасъ, гдѣ снова ожидала меня неожиданность. Много видѣлъ я въ Москвѣ церквей, но въ Арзамасѣ, кромѣ церквей, ничего не видалъ. Коекакіе домишки исчезаютъ тамъ подъ торжественнымъ давленіемъ куполовъ, колоколенъ и башенъ. Арзамасъ попреимуществу городъ православія. Передъ нимъ русскому человѣку нельзя не перекре-

ститься. Мы двинулись затѣмъ къ симбирскому Ардатову, но, не доѣзжая до этого невзрачнаго городишка, остановились въ небольшомъ помѣстьѣ старца Николая Алексѣевича Щепотьева. Бабушка считала его, какъ я уже говорилъ, своимъ близкимъ родственникомъ по первой женитьбѣ Ивана Петровича и требовала непремѣнно, чтобъ мы у него остановились. Онъ, кажется, былъ гораздо старше бабушки. Принялъ онъ насъ родственно, радушно, сердечно и баловалъ насъ, сколько могъ. Жили у него сынъ, уже въ отставкѣ, и нѣсколько зрѣлыхъ дочерей. Въ ихъ деревянномъ домикѣ ничего не было излишняго, проглядывала даже нѣкоторая бѣдность, но всего нужнаго было вдоволь. Въ бытѣ старосвѣтскаго помѣщика того времени господствовало спокойствіе библейское. Старикъ, его дѣти, его слуги, его немногіе крестьяне образовали точно одну сплошную семью при разностепенныхъ правахъ. Все это произвело на меня сильное впечатлѣніе. Отъ Ардатова до Симбирска оставалось ѣхать недолго. Въ богатомъ Потемкинскомъ имѣніи, Промзино, мы переправились черезъ Суру, знаменитую стерлядями, и по гладкой, мягкой дорогѣ скоро прибыли въ приволжскій губернскій городъ. Симбирскъ тогда не отличался и нынѣ не отличается благообразіемъ. Напротивъ того, трудно вообразить себѣ что нибудь грустнѣе и однообразнѣе его прямыхъ, широкихъ, песчаныхъ улицъ, окаймленныхъ низенькими деревянными домиками и досчатыми тротуарами. Городъ замыкается искривленною площадью, гдѣ уже показываются зданія кирпичныя. Эта мѣстность называется «Вѣнецъ», и лучше назвать ее нельзя. Подъ «Вѣнцомъ» обрывается огромный земляной утесъ, упирающійся прямо въ Волгу. Тутъ открывается панорама восхитительная. Вправо и влѣво широко волнуется рѣка-богатырь. За рѣкой разстилается въ ширь и даль степь безпредѣльная, сливающаяся съ небосклономъ. Собственно о первомъ моемъ пребываніи въ Симбирскѣ я ничего не помню, гдѣ мы тамъ остановились, что тамъ дѣлали, кого тамъ видѣли, — рѣшительно не могу сказать. За то день переѣзда нашего изъ Симбирска въ Никольское оставилъ въ душѣ моей слѣды неизгладимые, если не по событіямъ, то по впечатлѣніямъ. Рано утромъ поднялись мы, и насъ разсадили по мѣстнымъ тарантасикамъ, то есть по доскамъ, качавшимся на 4-хъ низкихъ колесахъ. Мы начали осторожно спускаться съ «Вѣнца», по крутымъ поворотамъ длиннаго ухабистаго и размытаго пути, проведеннаго безъ хитрости, на авось. Сзади насъ постепенно подымалась стѣна, на которой разбросанно цѣплялись бѣлыя хаты и зеленые кусты. Спереди мы торчали надъ бездной, подпрыгивая по рытвинамъ. Такъ подвигались мы медленно къ Волгѣ, и чѣмъ ближе къ ней подъѣзжали, тѣмъ шире, тѣмъ огромнѣе, тѣмъ необъятнѣе казалась она во всѣ стороны. Время стояло весеннее. Рѣка была въ разливѣ. Впрочемъ, она была даже не рѣка и не море, видѣнное нами въ Петергофѣ,

а какая-то особая стихія, по которой плыла, волновалась, усердствовала и шумѣла русская трудовая жизнь. Наконецъ, мы добрались до берега. Тутъ на узкой и грязной чертѣ прибрежья бѣсновался хаосъ. Стояли обозы съ бочками и кулями. Обозчики кричали и бранились. Бабы торговки пискливо предлагали свой товаръ. У кабачковъ толпились и раскраснѣвшіеся мужички, и отставные солдаты въ разстегнутыхъ шинеляхъ, съ мутными глазами, въ фуражкахъ на затылкахъ, и нищіе, и изувѣченные, и глазѣвшіе, и ребятишки, и лошади, и волы, и всякая живность. Въ колоритѣ мелькали татары въ бѣлыхъ поярковыхъ шляпахъ, мордвины и чуваши въ длинныхъ холщевыхъ рубахахъ, расшитыхъ разноцвѣтными гарусами, взъерошенныя цыганки съ плаксивыми, обиженными лицами. Лодочники неотвязчиво предлагали свои услуги. Толстые подрядчики и вертлявые приказчики торговались безъ устали. Все это я распредѣлилъ въ умѣ, конечно, впослѣдствіи. Тутъ я только знакомился съ общимъ очеркомъ приволжскаго быта, приступалъ къ урокамъ русской практической жизни, что̀ было поучительнѣе лучшихъ трагедій Расина. Я приглядывался и прислушивался. На берегу стоялъ живой, неумолкный стонъ, смѣшанный съ говоромъ, плескомъ и живымъ журчаніемъ рѣчнаго прибоя. Такъ какъ мы были путники именитые, то наши экипажи были уже доставлены особымъ паромомъ на другой берегъ. Насъ ожидала широкая, простая лодка съ сидѣніемъ, покрытымъ русскимъ крестьянскимъ ковромъ. У руля почтительно стоялъ атаманъ. Въ веслахъ сидѣли бурлаки. Мы сѣли, отецъ приказалъ плыть, но мы еще не трогались. Атаманъ снялъ шляпу, перекрестился и промолвилъ: «Снимай шапки, ребята, призывай Бога на помощь». Обнажились головы, замелькало крестное знаменіе, послышался шопотъ молитвы. Опасности никакой не предвидѣлось. Стало быть, на Руси никакое дѣло безъ молитвы начинаться не должно. «Отваливай, ребята»! — весело кликнулъ атаманъ. Весла ударили. Лодка пошла колыхаться и качаться. Дулъ свѣжій весенній вѣтеръ, но солнце сверкало, играя и отражаясь въ трепещущихъ блесткахъ рѣчныхъ волнъ.

Сзади на гребнѣ «Вѣнца» бѣлѣли церкви и гудѣлъ благовѣстъ къ обѣднѣ. По бокамъ шевелилась зыбь безконечная. Спереди тоже бурлила водяная даль, едва видимо окаймленная очертаніемъ степи. При такой картинѣ душу, особенно душу русскую, охватываетъ чувство широкости и раздолья. Береговую трескотню замѣнило молчаніе, но молчаніе не мертвое, а напротивъ того, молчаніе неугомонное, жизнью созданное. Не даромъ Волга разсѣкаетъ Русь православную на двѣ половины. Волга трудится, Волга работаетъ, Волга кормитъ. На огромныхъ пространствахъ голосъ не долетаетъ до голоса, но всюду видно движеніе. Тутъ рыбаки закинули неводъ. Тамъ по теченію несутся на парусахъ нагруженныя

суда. Посреди рѣки исполинской важно останавливаются какіе-то исполинскіе корабли безъ мачтъ и снастей, но съ какими-то большими деревянными колесами на палубѣ. Впереди ихъ торопятся завозныя лодки съ длинными канатами, имѣющими завертѣться на палубномъ колесѣ. Что жъ это такое? Это недавно изобрѣтенныя Пуа-де-Баровскія машины. Принявъ точку опоры, онѣ снова тащатся къ сѣверу, буксируя гуськомъ нагруженныя зерномъ и мукою подчалки. Такъ шествуетъ товаръ отъ юга и степи къ Макарьевской ярмаркѣ.

Поперегъ рѣки взадъ и впередъ шныряютъ паромы... Какъ ни былъ я еще молодъ, но меня обуяло какое-то особенное невѣдомое мнѣ вдохновеніе свѣжести, раздолья, жизни. Вдругъ нашъ атаманъ затянулъ протяжную, словно задумавшись, заунывную пѣснь, и въ отвѣтъ ему громко гаркнулъ съ гиканіемъ хоръ гребцовъ, забубенно, разудало, но оканчивая каждое колѣно продолжительнымъ аккордомъ, постепенно замиравшимъ и намекавшимъ уже безъ словъ на что-то дальнее, таинственное, невыразимое. При живительныхъ звукахъ въ глубинѣ моей дѣтской души дрогнула и зазвенѣла вдругъ струна новой сердечной преданности, новой сыновней любви; я понялъ, что я самъ принадлежу этой пѣснѣ, этой Волгѣ, этому быту, этой красотѣ, этой береговой неурядицѣ, безобразной, но родной. Мнѣ стали понятны и грусть, и удаль русскаго чувства. Я угадалъ кровную связь свою и съ почвою, и съ населеніемъ. Счастье любви къ отечеству мнѣ становилось ясно, какъ будто солнце проглядывало изъ тумана.

Умомъ можно не признавать родины, но сердцу она само собою сказывается.

Между тѣмъ, мы приближались къ цѣли плаванія. По берегу бурлаки, навалившись всѣмъ туловищемъ на широкіе кожаные пояса, тяжело кряхтѣли и тащили вверхъ бечевою грузныя барки. На переправѣ снова стояли обозы и бранились обозчики, а поодаль стояли на пескѣ наши уже запряженные экипажи. Посреди ихъ, взгромоздившись на поклажу брички, поваръ Tourniaire съ удивленіемъ смотрѣлъ на предметы, не напоминавшіе ему ни берега Сены, ни берега Луары.

И вотъ мы снова пустились въ путь и мало-по-малу стали словно утопать въ степи. Живая картина дальняго движенія замѣнилась мертвымъ спокойствіемъ пустыни. Разстилается степь ковыльная на всѣ стороны ровно, гладко, широко и негдѣ остановить взора. Не видать ни селеній, ни лѣсовъ, ни кустика, ни одной травки выше другой. По небу ходятъ тучи. На землѣ, точно скованной въ однообразной твердынѣ, все дремлетъ и безмолвствуетъ. Жизни не видать. Шороха не слышно. Развѣ изрѣдка подымается встревоженный пернатый гигантъ, степной орелъ, бер-

кутъ; развернетъ саженныя крылья и поплыветъ съ негодованіемъ по воздуху.

Путемъ мы встрѣтили въ первые часы только одного путника. Недалеко отъ черты, обозначающей дорогу, стояла распряженная кибитка съ холщевымъ кузовомъ. Подлѣ нея паслась лошадка. Поодаль на разостланномъ коврикѣ стоялъ на колѣняхъ татаринъ, въ суконномъ халатѣ и въ золотой чибитейкѣ. Онъ молился, творя земные поклоны. На нашъ шумный поѣздъ онъ даже и не взглянулъ. Такихъ татаръ шныряетъ по степи немало. Они, большею частію, приказчики богатыхъ татарскихъ купцовъ и скупаютъ въ деревняхъ шерсть, хлѣбъ, сало, барановъ. Таково занятіе прежнихъ владыкъ Русской земли. Ѣдемъ мы далѣе. Молящійся татаринъ давно уже скрылся въ дали. Снова тянется степь ковыльная, одинокая, однообразная и какъ будто какое-то тяжелое чувство неволи и безнадежности ложится на душу. Но нѣтъ. Душа привыкаетъ. Привыкая, она погружается въ настроеніе смиренное и носится въ мірѣ необыкновенности, какъ бы по твердому морю безъ волнъ и береговъ. Вотъ оно спокойствіе въ силѣ, вотъ она воплощенная необходимость, а тамъ все степи, да степи сплошь до Урала, и въ добавокъ еще за Ураломъ вся Сибирь неразверстная до Камчатки и далѣе.

Проѣхавъ верстъ около тридцати,—ихъ никто еще не мѣрилъ,—мы увидали зелень усадебъ. Вправо находилось имѣніе Бориса Петровича Тургенева. Влѣво тѣсно примыкали другъ къ другу двѣ деревеньки: Колмогоръ Татарскій и Колмогоръ Русскій. Онѣ существовали миролюбиво, не смотря на рѣзкое различіе вѣроисповѣданій. Колмогоръ Русскій былъ выселкомъ села Никольскаго, слѣдовательно, уже принадлежалъ къ пріобрѣтенному имѣнію. Нѣсколько крестьянъ вышло къ намъ навстрѣчу. Нѣсколько избенокъ торчало криво и косо у черноземной, степной нови. Мы поѣхали далѣе. До Никольскаго оставалось, гадательно, верстъ около двадцати пяти. Снова потянулась степь. Но на полъ-дорогѣ видъ мѣстности началъ уже измѣняться. На обѣ стороны запестрѣли паханыя земли, посѣвы и всходы. Влѣво, все приближаясь, тянулась длинная цѣпь лѣсистыхъ холмовъ. Вдали дорогу перерѣзывала куща кустовъ, обозначающихъ теченіе рѣки Черемшана, а за ними на небосклонѣ чернѣлъ принадлежавшій помѣщику Кроткову боръ. Дорога шла уже по зеленымъ выгонамъ, поперекъ которыхъ стояла сколоченная изъ плетня околица. Ворота были отворены настежъ. У въѣзда поставленъ былъ столъ, покрытый бѣлою скатертью, съ завѣтнымъ хлѣбомъ и солью. У стола съ обнаженными бѣлыми лысыми головами стояли на колѣняхъ: бурмистръ, старосты и старики, вышедшіе за двѣ версты для привѣтствія новой помѣщицы.

Тутъ были и Дмитрій Ивановичъ Дегтеревъ, и Петръ Машта.

ковъ, и Иванъ Котомкинъ, и Разсказовъ, и Быстровъ, и многіе другіе, съ которыми я впослѣдствіи познакомился и слышалъ отъ нихъ разсказы о Пугачевѣ [1]). Меня поразила ихъ сановитость, спокойное выраженіе ихъ лицъ, задушевная простота ихъ пріема. Они скорѣе были похожи на ареопагъ греческихъ мудрецовъ, чѣмъ на мужицкую толпу. Въ рѣчахъ ихъ постоянно повторялась одна фраза: «Вы отцы наши, а мы дѣти ваши»; это говорилось твердымъ голосомъ, и ничего низкопоклоннаго, рабскаго при этомъ не выказывалось. А между тѣмъ, они стояли на колѣняхъ и прогулялись на старыхъ ногахъ болѣе четырехъ верстъ для того, чтобы привѣтствовать новыхъ помѣщиковъ.

Много есть теперь людей, воображающихъ, что во времена крѣпостнаго права, когда помѣщики встрѣчались съ своими крестьянами, то они тотчасъ начинали сѣчь крестьянъ и крестьяне издыхали въ мученіяхъ. Конечно, отъ меня далека мысль написать элегію объ утратѣ крѣпостнаго права,—изображать о немъ идилліи смѣшно и ложно,—но зачѣмъ же не сказать правды, зачѣмъ не вывести изъ видѣннаго, слышаннаго, испытаннаго, что, по мимо ужасающихъ злоупотребленій, бывшій порядокъ вещей поддерживалъ между помѣщиками и крестьянами близкую, такъ сказать, родственную связь.

На большой сельской площади у прекрасной каменной церкви дожидалась насъ другая встрѣча: старикъ священникъ въ облаченіи стоялъ съ крестомъ въ рукахъ на паперти. Колокола трезвонили. Густая масса пестраго мѣстнаго населенія, стоя на колѣняхъ, покрывала почти всю площадь. Мужики безъ шапокъ молчали, бабы всхлипывали, дѣти пищали. Вдругъ послышались возгласы: «Въ добрый часъ, архангельскій, мы вашей милостью довольны, добро пожаловать»! Приложившись къ мѣстнымъ образамъ, мы перешли къ близь лежащему господскому дому. За нами толпа повалила на господскій дворъ. Каждый несъ въ рукахъ какое нибудь приношеніе отъ своего усердія. Иной держитъ въ рукахъ индѣйку, или «курушу», по мѣстному выраженію, другой гуся или утку, кто тарелку съ медомъ, кто тарелку съ яйцами; женщины подносили расшитыя полотенцы. Еле живыя старушки подступали ко мнѣ и къ брату, протягивая пря-

[1]) Кстати о Пугачевѣ; мнѣ пришлось однажды услыхать проѣздомъ въ Новочеркасскѣ отъ одного казака-старожила слѣдующее весьма курьёзное замѣчаніе. Говоря о посѣщеніи государемъ, тогда наслѣдникомъ, въ 1852-мъ году, Донской области и Кавказскаго края, онъ наивно присовокупилъ: «Ужъ какъ мы были счастливы, какъ счастливы увидать его свѣтлыя очи, вѣдь съ тѣхъ поръ, что отцы видали царя Петра III-го (Пугачева?), мы больше царей не видали у себя!» Это доказываетъ, какъ еще смутно въ народѣ того края мнѣніе о самозванцѣ.

ники... «Возьми, касатикъ, возьми, красавчикъ — Господь привелъ взглянуть на васъ»! Изліяніямъ не было бы конца, если бы управляющій Василій Ильичъ Григоровичъ не крикнулъ, что пора намъ дать съ дороги отдохнуть. Толпа медленно разошлась, а мы начали осматривать нашу новую осѣдлость.

Графъ В. Сологубъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

343

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I ВЪ ЛОНДОНѢ ВЪ 1844 ГОДУ.

I.

Европа въ началѣ сороковыхъ годовъ.

ОСЛѢ БУРЬ и волненій, вызванныхъ въ 1840 году событіями на востокѣ, Европа начинала мало-помалу успокоиваться. Съ присоединеніемъ Франціи къ лондонской конвенціи 1 (13) іюля 1841 года, возстановилось такъ называемое европейское согласіе и на политической поверхности наступило полное затишье.

Но единомысліе великихъ державъ было лишь кажущимся. Въ дѣйствительности онѣ продолжали раздѣляться на два лагеря, образовавшіеся за десять лѣтъ передъ тѣмъ, въ силу условій, созданныхъ іюльскою революціею. На западѣ — «сердечное соглашеніе» между Великобританіею и Франціею; на востокѣ—союзъ трехъ консервативныхъ государствъ: Россіи, Австріи и Пруссіи. Иначе и быть не могло, пока власть въ Англіи находилась въ рукахъ виговъ. Лордъ Пальмерстонъ могъ уклониться въ сторону отъ своего обычнаго пути и войдти въ сдѣлку съ сѣверными державами противъ Орлеанской Франціи по отдѣльному вопросу, близко затрогивавшему интересы Англіи, каковымъ была турецко-египетская распря. Но такое уклоненіе являлось только временнымъ, и Пальмерстонъ, естественно, долженъ былъ возвратиться къ своимъ прежнимъ союзникамъ, хотя бы вслѣдствіе коренной противоположности его политическихъ воззрѣній съ нача-

лами, руководившими политикою трехъ державъ охранительнаго лагеря.

Обстоятельства измѣнились съ послѣдовавшимъ, осенью 1841 года, паденіемъ кабинета виговъ. Во главѣ новаго торійскаго министерства сталъ серъ Робертъ Пиль, а лордъ Абердинъ замѣнилъ Пальмерстона въ должности министра иностранныхъ дѣлъ.

За годъ до того произошла и во Франціи крупная министерская перемѣна. Кабинетъ, состоявшій подъ номинальнымъ предсѣдательствомъ стараго маршала Сульта, но душою котораго былъ Гизо, получившій въ немъ портфель внѣшнихъ сношеній, соединилъ въ одну правительственную партію всѣ консервативные элементы палаты депутатовъ, за исключеніемъ непримиримыхъ легитимистовъ, и, опираясь на нее, сталъ рѣшительно на сторону охранительныхъ началъ во внутренней политикѣ.

Казалось, общность политическихъ убѣжденій обоихъ правительствъ, англійскаго и французскаго, должна была бы упрочить узы взаимной ихъ дружбы и то «сердечное соглашеніе», которое болѣе десяти лѣтъ существовало между обѣими сторонами. На дѣлѣ вышло иначе.

Уже въ періодъ времени съ 1830 по 1840 годъ, соглашеніе это было «сердечнымъ» только по имени. Преданія французской политики, ея естественныя стремленія, не согласовались съ искусственнымъ направленіемъ, навязываемымъ ей ея новыми союзниками—англичанами. Всѣ усилія лорда Пальмерстона были устремлены къ тому, чтобы заставить Францію содѣйствовать ему въ преслѣдованіи чисто англійскихъ цѣлей. Результатъ этотъ и былъ достигнутъ вполнѣ въ Бельгіи и въ Испаніи, а какъ только правительство Людовика-Филиппа попыталось освободиться отъ англійской опеки и провести въ Египтѣ самостоятельную политику, оно было покинуто союзниками, не затруднившимися даже соединиться противъ него съ прочими великими державами и вовсе исключить его изъ общеевропейскаго соглашенія по восточному вопросу.

При самомъ вступленіи въ должность, на долю Гизо выпала трудная задача примирить Францію съ Европою и возвратить ей подобающее мѣсто въ совѣтѣ великихъ державъ. Задачу эту онъ исполнилъ съ замѣчательною ловкостью, безъ малѣйшаго ущерба для достоинства и даже для самолюбія своей страны. Но общественное мнѣніе во Франціи было слишкомъ раздражено противъ Англіи за недавнюю ея измѣну, чтобы раздраженіе это не отразилось на взаимныхъ отношеніяхъ обѣихъ державъ. Оно не замедлило выразиться въ отказѣ Гизо подписать изготовленный лордомъ Пальмерстономъ договоръ между великими державами о принятіи общихъ мѣръ для подавленія, осужденнаго еще вѣнскимъ конгрессомъ, торга африканскими невольниками.

Преемникъ Пальмерстона, лордъ Абердинъ, искренно желалъ

поддерживать съ Франціею самыя дружескія сношенія. Въ переговорахъ по наиболѣе щекотливымъ вопросамъ онъ обнаружилъ много умѣренности, доброй воли, снисходительности. Нѣтъ сомнѣнія, что и желанія Гизо согласовались съ намѣреніями его англійскаго товарища. Но обстоятельства были сильнѣе воли обоихъ министровъ. «Сердечное соглашеніе» Англіи съ Франціею попрежнему торжественно упоминалось каждый годъ въ тронныхъ рѣчахъ, которыми открывались и закрывались въ Лондонѣ и Парижѣ сессіи палатъ, но въ дѣйствительности оно болѣе не существовало.

Въ направленіяхъ, которыхъ англійское и французское правительства придерживались во внутренней политикѣ, было мало общаго, не смотря на консервативное знамя обоихъ. По остроумному выраженію Гизо, новые англійскіе министры были консерваторы, ставшіе либералами, французскіе же—либералы, начинавшіе обращаться въ консерваторовъ. Послѣдніе всѣми силами старались поддерживать существовавшіе во Франціи порядки и сопротивлялись нововведеніямъ, на необходимости которыхъ настаивала либеральная оппозиція. Въ Англіи, напротивъ, серъ Робертъ Пиль и его товарищи проявляли необыкновенную, едва ли не революціонную смѣлость въ своихъ финансовыхъ, торговыхъ и промышленныхъ преобразованіяхъ.

Сосредоточивая на внутренней политикѣ главную свою заботливость, торійское министерство тщательно избѣгало внѣшнихъ усложненій и искало жить въ мирѣ и дружбѣ со всѣми державами. Лишь на крайнемъ востокѣ пришлось ему продолжать войны, унаслѣдованныя отъ предшественниковъ. Въ Афганистанѣ экспедиція 1842 года отмстила за избіеніе въ предъидущемъ году англійскаго отряда опустошеніемъ всей страны и разрушеніемъ Кабула. Въ Китаѣ цѣлый рядъ побѣдъ былъ увѣнчанъ заключеніемъ мира, удовлетворившаго всѣмъ притязаніямъ Англіи. Событія эти высоко подняли значеніе англичанъ въ Азіи, подчинивъ эту часть свѣта преобладающему вліянію ихъ не только въ торговомъ, но и въ политическомъ отношеніи.

Франція съ завистью взирала на внѣ-европейскіе успѣхи своей недавней союзницы и постоянной соперницы. Исходъ турецко-египетской распри подорвалъ ея вліяніе въ Египтѣ. Она вознамѣрилась вознаградить себя за это распространеніемъ своего владычества въ другихъ частяхъ Африки. Назначая Бюжо генералъ-губернаторомъ Алжиріи, французское правительство поручило ему довершить покореніе всей этой области. Бюжо не ограничился изгнаніемъ изъ нея Абдъ-ель-Кадера съ остатками его полчищъ; онъ преслѣдовалъ его на мароканской территоріи и при Исли на голову разбилъ армію императора Марокко. Въ то же время французскій флотъ бомбардировалъ Тангеръ, и лишь благодаря посредничеству Англіи состоялся миръ между Марокко и Франціею. По-

слѣдствіемъ было усмиреніе возстанія кабиловъ, сдача самого Абдъ-ель-Кадера и упроченіе французскаго господства на всемъ сѣверо-африканскомъ берегу. Не только Марокко, но и Тунисъ подчинились вліянію Франціи.

Но этимъ не ограничилось министерство Гизо въ стремленіяхъ своихъ поднять французское значеніе въ Африкѣ. Упрочивъ его на сѣверѣ, оно рѣшилось водворить его и на западной и восточной сторонѣ этой части свѣта. Съ 1841 по 1844 годъ, французы заняли устья рѣкъ великаго Бассама, Ассаніи и Годона, впадающихъ въ Гвинейскій заливъ, подчинивъ возведенныя въ этихъ мѣстностяхъ укрѣпленія губернатору Сенегала. Тогда же они овладѣли въ Мозамбикскомъ заливѣ островами Маіотта и Насси-бей и заключили съ имамомъ Маскатскимъ договоръ, предоставлявшій ихъ морской торговлѣ значительныя преимущества въ этой части восточнаго побережья Африки.

Колоніальные замыслы французскаго правительства распространялись и на крайній востокъ. Въ Тихомъ океанѣ оно начало свои захваты занятіемъ Маркизскихъ острововъ и замѣною давняго протектората своего надъ Таити присоединеніемъ его къ своимъ владѣніямъ. Англія не могла равнодушно отнестись къ такому образу дѣйствій, который и вызвалъ между обоими правительствами раздражительныя пререканія, едва не окончившіяся разрывомъ.

Еще менѣе могли быть довольны въ Лондонѣ безпокойною дѣятельностью, проявляемою Гизо въ сношеніяхъ съ европейскими державами. Въ Турціи, по поводу возникшихъ на Ливанѣ смутъ, онъ предъявилъ снова притязаніе Франціи на исключительное покровительство римскимъ католикамъ на востокѣ. Въ Грецію былъ отправленъ имъ чрезвычайный уполномоченный, съ цѣлью поддержать и обнадежить французскую партію въ этой странѣ. Въ Испаніи тайная поддержка оказана партіи умѣренныхъ, успѣвшей побороть прогрессистовъ, тяготѣвшихъ къ Англіи, низвергнуть регента Еспартеро и возвратить въ Мадридъ мать королевы Изабеллы, вдовствующую королеву Христину, близкую родственницу и послушное орудіе тюльерійскаго двора. Наконецъ, съ Бельгіею начаты были переговоры о заключеніи таможеннаго союза, который былъ бы равносиленъ поглощенію этой страны Франціею въ отношеніяхъ промышленномъ и торговомъ.

Послѣднее притязаніе французскаго правительства вызвало единодушное противодѣйствіе не только Англіи, но и Пруссіи. Оба кабинета выразили мнѣніе, что включеніе Бельгіи въ таможенную систему Франціи противно постановленіямъ лондонской конференціи, провозгласившей Бельгію государствомъ независимымъ и нейтральнымъ. Впрочемъ, они предпочли дѣйствовать не на тюльерійскій дворъ, а на короля Леопольда, и успѣли убѣдить его пре-

рвать съ Франціею переговоры. Въ свою очередь, Гизо отплатилъ Англіи рѣшительнымъ отказомъ ратификовать упомянутый выше трактатъ, заключенный между великими державами, въ видахъ прекращенія торга невольниками, не взирая на то, что самъ же онъ разрѣшилъ французскому послу въ Лондонѣ подписать этотъ трактатъ, вскорѣ по вступленіи въ управленіе торійскаго министерства. Предлогомъ своего отказа онъ выставилъ нерасположеніе общественнаго мнѣнія Франціи къ праву осмотра, хотя и подтвержденному этимъ договоромъ, но установленнымъ еще англо-французскими трактатами 1831 и 1833 годовъ.

Отношенія между морскими державами, конечно, обострились бы еще болѣе, если бы не миролюбивое настроеніе лорда Абердина, въ помощь которому пришла личная дружба, установившаяся между царствующими домами англійскимъ и французскимъ, со времени воцаренія королевы Викторіи и въ особенности брака ея съ принцемъ Альбертомъ Саксенъ-Кобургскимъ. Тройная родственная связь, соединявшая Орлеанскую династію съ Кобургскимъ домомъ, при сильномъ вліяніи на королеву принца супруга, тѣмъ болѣе способствовала личному сближенію ея съ королемъ французовъ и его семействомъ, что Людовикъ-Филиппъ, въ долговременное пребываніе свое въ Англіи, былъ связанъ тѣсною дружбою съ герцогомъ Кентскимъ, отцомъ Викторіи. Начало дружественнымъ сношеніямъ между обоими дворами положено было посѣщеніемъ англійской королевской четы въ 1843 году принцемъ Жуанвильскимъ и герцогомъ Омальскимъ, а вслѣдъ затѣмъ сама королева и принцъ Альбертъ посѣтили французскую королевскую семью въ замкѣ Э въ Нормандіи. Сопровождавшій свою государыню лордъ Абердинъ имѣлъ при этомъ случай переговорить съ Гизо о текущихъ политическихъ вопросахъ и испытать на себѣ чарующее вліяніе искусныхъ и увлекательныхъ рѣчей умнаго своего собесѣдника. Тѣмъ недовѣрчивѣе и строже продолжалъ относиться къ политикѣ французскаго министерства глава кабинета, серъ Робертъ Пиль.

По мѣрѣ того, какъ ослабѣвала союзная связь между Англіею и Франціею, и во взаимныхъ отношеніяхъ трехъ сѣверныхъ державъ замѣтно было нѣкоторое охлажденіе, отсутствіе прежняго единомыслія и единодушія въ преслѣдованіи общихъ политическихъ цѣлей.

Возстановленіе тѣснаго согласія между Россіею, Австріею и Пруссіею на началахъ Священнаго союза было вызвано событіями 1830 года, перемѣною династіи во Франціи, возстаніемъ въ Бельгіи и Польшѣ, народными смутами въ Германіи и Италіи. Наканунѣ іюльской революціи кабинеты с.-петербургскій и вѣнскій находились въ самыхъ натянутыхъ отношеніяхъ другъ къ другу, причемъ берлинскій дворъ не высказывался въ пользу ни того, ни другаго, а искалъ сохранить дружественную связь съ обоими. Россія обна-

руживала расположеніе къ сближенію съ Франціею, Австрія — съ Англіею. Совпаденіе французскаго переворота съ переходомъ власти отъ торіевъ къ вигамъ разстроило эти зарождавшіяся политическія созвѣздія. Три сѣверныя державы снова сплотились для отраженія общаго врага-революціи и для противодѣйствія либеральнымъ стремленіямъ вновь заключеннаго англо-французскаго союза, къ которому въ 1834 году примкнули Испанія и Португалія. Соглашеніе между Россіею, Австріею и Пруссіею было скрѣплено личными свиданіями государей. Императоръ Николай видѣлся въ 1833 году съ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III въ Шведтѣ, а съ императоромъ Францомъ въ Мюнхенгрецѣ. Два года спустя, по вступленіи на австрійскій престолъ императора Фердинанда, всѣ три государя съѣхались въ Теплицѣ. При этихъ свиданіяхъ присутствовали и министры иностранныхъ дѣлъ, обсуждались текущіе политическіе вопросы и постановлялись общія рѣшенія.

Между тѣмъ опасность всеобщей европейской революціи, повидимому, миновала. Въ Германіи и Италіи умы успокоились и волненія утихли. Въ 1834 году, торіи опять вернулись къ власти, а въ 1837 году во Франціи образовалось подъ предсѣдательствомъ графа Моле министерство консервативное не только во внутренней, но и во внѣшней своей политикѣ. Князь Меттернихъ, всегда тяготившійся тѣмъ преобладаніемъ, которое естественно выпадало на долю Россіи въ союзѣ трехъ сѣверныхъ державъ, воспользовался этими перемѣнами, чтобы, не разрывая связей своихъ съ С.-Петербургомъ и Берлиномъ, завязать дружественныя отношенія и съ Лондономъ и Парижемъ. Но торіи не продержались у власти и года, а консервативное министерство Моле также скоро пало, подъ соединенными усиліями всѣхъ оттѣнковъ оппозиціи, и такимъ образомъ Австріи пришлось возвратиться въ сѣнь Священнаго союза.

Восточныя замѣшательства 1839—1840 годовъ застали Европу попрежнему раздѣленною на два противоположные лагеря: охранительный и либеральный. Но сознаніе своего безсилія въ противодѣйствіи Россіи на востокѣ побудило западныя державы предложить князю Меттерниху обще-европейское соглашеніе по турецко-египетскимъ дѣламъ, центромъ котораго была бы Вѣна. Австрійскій канцлеръ съ радостью принялъ это предложеніе. Онъ видѣлъ уже себя снова во главѣ совѣта великихъ державъ и былъ крайне удивленъ и огорченъ, когда с.-петербургскій кабинетъ отказался отъ участія въ предположенныхъ совѣщаніяхъ. Одновременно съ этимъ отказомъ Россія сдѣлала попытку войдти по восточному вопросу въ непосредственное соглашеніе съ Англіею, въ надеждѣ удалить ее отъ Франціи, если возможно снова привлечь на сторону консервативныхъ державъ и возобновить великій союзъ на началахъ Шомонскаго договора.

Для достиженія этихъ цѣлей Россія принесла тяжелыя жертвы.

Она поступилась своимъ исключительнымъ положеніемъ относительно Оттоманской имперіи, созданнымъ вѣками и обезпеченнымъ трактатами; она согласилась, по выраженію лорда Пальмерстона, «погрузить»Ункіаръ-Искелескій договоръ въ обще-европейское соглашеніе; она, наконецъ, вызвавъ вмѣшательство великихъ державъ въ дѣла востока, создала въ будущемъ правовое основаніе для посредничества Европы между нами самими и султаномъ. Но не смотря на эти жертвы, главная цѣль наша не была достигнута. Не только Англія, но и Австрія не допускали и мысли о возстановленіи направленнаго противъ Франціи союза четырехъ державъ, и не прошло года со времени подписанія первой лондонской конвенціи, исключившей парижскій кабинетъ изъ европейскаго соглашенія по дѣламъ востока, какъ второю конвенціею, также заключенною въ Лондонѣ, Франція снова примкнула къ этому соглашенію и заняла прежнее мѣсто въ совѣтѣ великихъ державъ. Босфоръ и Дарданеллы объявлены были закрытыми для военныхъ судовъ всѣхъ націй, а цѣлость и независимость Оттоманской имперіи провозглашены началомъ публичнаго права Европы.

Единственнымъ удовлетворительнымъ послѣдствіемъ нашей уступчивости было установленіе между кабинетами с.-петербургскимъ и лондонскимъ нормальныхъ отношеній, лишенныхъ той раздражительности и даже враждебности, которыми отличались они со времени вступленія лорда Пальмерстона въ завѣдываніе иностранными дѣлами. Замѣщеніе послѣдняго Абердиномъ могло лишь способствовать развитію если не согласія и дружбы, то, по крайней мѣрѣ, такого modus vivendi между Россіею и Англіею, который дозволилъ бы обѣимъ державамъ мирно заняться своими дѣлами, не опасаясь ежеминутнаго разрыва.

Австрія съ затаеннымъ неудовольствіемъ взирала на эти признаки улучшенія отношеній между Россіею и Англіею. Не смотря на личное сочувствіе, издавна питаемое къ ней лордомъ Абердиномъ, она не могла достигнуть исключительнаго сближенія съ торійскимъ министерствомъ въ ущербъ прочимъ державамъ. Тѣмъ предупредительнѣе отвѣчала она на заискиванія Гизо, съ самаго вступленія своего въ должность, старавшагося заручиться расположеніемъ князя Меттерниха. Неограниченному вліянію австрійскаго канцлера на молодаго короля Фридриха-Вильгельма IV была обязана Франція и перемѣнѣ къ лучшему въ отношеніяхъ ея къ Пруссіи. Съ одною Россіею они ухудшались съ каждымъ днемъ. Неумѣстная выходка французскаго представителя въ С.-Петербургѣ, по приказанію своего министра не явившагося ко двору въ день тезоименитства государя, едва не повлекла за собою полнаго прекращенія дипломатическихъ сношеній между Россіею и Франціею. Находившіеся въ отпуску послы не возвращались болѣе, русскій — въ Парижъ, а французскій — въ С.-Петербургъ, и съ конца 1841 года

вплоть до самаго паденія монархіи Людовика-Филиппа, сношенія между двумя правительствами поддерживались простыми повѣренными въ дѣлахъ.

При такихъ условіяхъ понятно было желаніе императора Николая сблизиться съ Англіею, путемъ откровенныхъ объясненій разсѣять вѣковыя предубѣжденія англійскаго двора, правительства и общества противъ Россіи и приписываемыхъ ей честолюбивыхъ замысловъ на востокѣ и тѣмъ подготовить соглашеніе съ лондонскимъ кабинетомъ на случай распаденія Турціи, казавшагося близкимъ и неминуемымъ. Къ этой цѣли направлены были всѣ усилія барона Бруннова со времени назначенія его въ концѣ 1839 года посланникомъ въ Лондонъ. Но государю не безъ основанія казалось, что одно личное его вмѣшательство въ дѣло могло обезпечить намъ скорый и прочный успѣхъ. Ему нерѣдко приходилось убѣждаться въ томъ чарующемъ впечатлѣніи, которое производила его царственная личность на сосѣдніе дворы австрійскій и прусскій. Силу своего обаянія онъ не прочь былъ испытать и въ Лондонѣ. Почетный пріемъ, оказанный тамъ въ 1839 году наслѣднику цесаревичу, а въ 1843 году великому князю Михаилу Павловичу, утвердилъ его въ намѣреніи при первомъ удобномъ случаѣ самому предпринять поѣздку въ Англію.

II.

Приготовленія къ путешествію.

Великимъ княземъ и двадцатилѣтнимъ юношею императоръ Николай въ первый разъ посѣтилъ Англію въ 1816 году. Онъ навѣстилъ тогда, между прочимъ, въ Клармонтѣ принцессу Шарлотту, дочь принца-регента, впослѣдствіи короля Вильгельма IV, будущую наслѣдницу англійскаго престола, недавно передъ тѣмъ вышедшую замужъ за принца Леопольда Саксенъ-Кобургскаго. Этому обстоятельству мы обязаны портретомъ великаго князя, мастерски начертаннымъ перомъ барона Стокмара, врача и довѣреннаго совѣтника молодой четы. Онъ изображаетъ его необыкновенно красивымъ, обольстительнымъ юношей, высокаго роста, неособенно худымъ, прямымъ какъ сосна, съ необыкновенно правильными чертами лица и открытымъ челомъ, твердо обрисованными бровями, прекраснымъ профилемъ, небольшимъ ртомъ и выточеннымъ подбородкомъ, и подробно описываетъ его нарядъ, состоявшій изъ темнозеленаго мундира съ краснымъ кантомъ, серебрянымъ приборомъ и эполетами, небольшою звѣздою на груди, бѣлымъ поясомъ (шарфомъ) и простою саблею безъ украшеній, на кожаной портупеѣ (вѣроятно, вице-мундиръ кавалергардскаго полка). Его

манеру держать себя Стокмаръ называетъ одушевленною, чуждою принужденности и натянутости и все же полною достоинства. «Онъ говоритъ пофранцузски, — продолжаетъ внимательный наблюдатель, — свободно и хорошо, сопровождая слова свои граціозными жестами. Если все сказанное имъ не отличалось искусствомъ, за то онъ во всякомъ случаѣ былъ чрезвычайно занимателенъ и, повидимому, обладалъ несомнѣннымъ талантомъ ухаживать за женщинами. Въ немъ проглядываетъ большая самонадѣянность, при совершенномъ отсутствіи притязательности».

Еще восторженнѣе отзывы о молодомъ, красивомъ великомъ князѣ англійскихъ придворныхъ дамъ. «Что за милое созданіе! — восклицаетъ г-жа Кемпбель, строгая и чопорная гофмейстерина принцессы Шарлотты: — онъ дьявольски хорошъ собою! Онъ будетъ красивѣйшимъ мужчиною въ Европѣ!»

Англичанъ видимо поразили спартанскія привычки великаго князя, его умѣренность въ пищѣ, воздержанность въ питьѣ. Дѣйствительно, онъ пилъ только воду, а вечеромъ слуги его внесли въ приготовленную для него въ Клэремонтѣ спальню набитый сѣномъ мѣшокъ, замѣнившій ему постелв. Англичанамъ показалось это афектаціею, а дамы нашли страннымъ, что великій князь поцѣловалъ руку у графини Ливенъ, жены русскаго посланника, хотя, — замѣчаетъ Стокмаръ, — каждая изъ нихъ была бы очень счастлива, если бы это случилось съ нею [1]).

Весьма естественно, что императоръ Николай вынесъ изъ первой поѣздки своей въ Англію весьма пріятныя впечатлѣнія. 11-го (23-го) января 1844 года, на балѣ въ Зимнемъ дворцѣ, выражая великобританскому повѣренному въ дѣлахъ Блумфильду признательность свою по поводу радушнаго пріема, оказаннаго въ Лондонѣ великому князю Михаилу Павловичу, государь прибавилъ, что и самъ онъ испыталъ бы живѣйшее удовольствіе снова увидать страну, о которой сохранилъ самыя лучшія воспоминанія.

Если вѣрить барону Бруннову, то по странному совпаденію, въ тотъ же самый день, за обѣдомъ у лорда Абердина сэръ Робертъ Пиль сказалъ нашему посланнику, что онъ не отчаявается въ надеждѣ, что императоръ Николай вторично посѣтитъ Англію. По полученіи въ Лондонѣ донесенія Блумфильда съ сообщеніемъ обращенныхъ къ нему словъ государя, лордъ Абердинъ поспѣшилъ доложить о нихъ королевѣ и представить ей, что присутствіе русскаго императора въ Англіи несомнѣнно произвело бы самое благопріятное впечатлѣніе. По приказанію ея величества, лордъ отвѣчалъ великобританскому представителю въ С.-Петербургѣ, что королева Викторія будетъ очень рада, если государь приведетъ свое намѣреніе въ исполненіе. Въ то же время первый министръ,

---

[1]) Stocmars Denkwürdigkeiten, стр. 96—99.

напомнивъ барону Бруннову о чести, оказанной ему личнымъ посѣщеніемъ великаго князя Михаила Павловича, снова повторилъ, что надѣется когда нибудь привѣтствовать въ Англіи и самого императора Николая. Слова эти нашъ посланникъ считалъ «случайными и преходящими», но, тѣмъ не менѣе, долгомъ счелъ довести ихъ до свѣдѣнія графа Нессельроде [1].

Не успѣло это донесеніе достигнуть С.-Петербурга [2]), какъ сэръ Робертъ Пиль воспользовался представившимся ему случаемъ всенародно провозгласить одушевлявшія его относительно Россіи чувства и пригласить русскаго императора личнымъ посѣщеніемъ Великобританіи закрѣпить установившееся доброе согласіе между кабинетами петербургскимъ и лондонскимъ.

19-го февраля (2 марта), въ London Tavern происходилъ ежегодный торжественный обѣдъ русской торговой компаніи; на обѣдѣ предсѣдательствовалъ главноуправляющій дѣлами компаніи Астель, а въ числѣ гостей присутствовали русскій посланникъ и первый лордъ казначейства. Послѣ обычнаго тоста за королеву и королевскую семью, предсѣдатель провозгласилъ здоровье императора всероссійскаго. Въ рѣчи своей онъ упомянулъ о постоянномъ благоволеніи русскихъ государей къ компаніи, припоминая, что императоръ Николай, въ бытность свою въ Англіи великимъ княземъ, удостоилъ принять данный ему компаніею обѣдъ, коснулся недавняго посѣщенія Лондона наслѣдникомъ цесаревичемъ и великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ и заключилъ указаніемъ на направленную къ развитію торговыхъ отношеній между Россіею и Великобританію и укрѣпленію между ними дружескихъ связей дѣятельность компаніи. Астелю отвѣчалъ баронъ Брунновъ, признавшій заслуги компаніи, выразившій отъ имени великаго князя Михаила Павловича благодарность за оказанный его высочеству сочувственный пріемъ и кончившій провозглашеніемъ здоровья предсѣдателя. Вслѣдъ за тѣмъ, посреди напряженнаго вниманія присутствующихъ, поднялся со своего мѣста сэръ Робертъ Пиль. «Нельзя,—сказалъ онъ,—обозрѣвать политическія отношенія обѣихъ великихъ имперій и не убѣдиться, что почти каждая точка соприкосновенія между ними указываетъ скорѣе на необходимость сердечнаго, дружественнаго и искренняго соглашенія, чѣмъ на какое либо чувство соперничества или ревниваго противодѣйствія. (Слушайте!). Я пребываю въ твердой надеждѣ, что сознаніе общей пользы и чувство взаимнаго уваженія положили основаніе задушевной и

[1]) Собственноручное частное письмо барона Бруннова графу Нессельроде, отъ 11—23 февраля 1844 года.

[2]) Корабль, на которомъ находился курьеръ, везшій экспедицію барона Бруннова отъ 11—23 февраля, былъ застигнутъ бурею на берегахъ острова Гельголанда, чѣмъ и замедлилось полученіе въ С.-Петербургѣ депешъ посланника.

постоянной дружбѣ между Великобританiею и имперiею Россiйской. (Радостныя восклицанiя)».

Упомянувъ о благопрiятномъ впечатлѣнiи, произведенномъ въ странѣ посѣщенiемъ великаго князя Михаила Павловича, первый министръ продолжалъ: «Надѣюсь, что отчетъ, данный о насъ его императорскимъ высочествомъ въ Россiи, послѣ двадцатипяти лѣтъ, истекшихъ со времени перваго его посѣщенiя, побудитъ еще болѣе знаменитаго члена императорскаго дома—самого императора всероссiйскаго, снова посѣтить эту страну (громкiя восклицанiя) и принять отъ насъ въ этихъ стѣнахъ сердечное выраженiе нашего уваженiя къ его величеству, къ его личному характеру и высокому положенiю, имъ занимаемому, а также желанiя, испытываемаго каждымъ англичаниномъ, скрѣпить съ нимъ чувства взаимнаго добраго согласiя (радостные крики)». Отдавъ справедливость усердiю и искусству, проявляемымъ барономъ Бруннозымъ въ заботахъ его объ установленiи и поддержанiи дружескихъ отношенiй между обѣими державами, сэръ Робертъ Пиль заключилъ рѣчь свою слѣдующими словами: «Я прошу позволенiя предложить вамъ тостъ, который согласуется съ чувствомъ, занесеннымъ въ хартiи этой компанiи, и будетъ,—я увѣренъ въ томъ,—принятъ вами съ выраженiемъ величайшей искренности и воодушевленiя: тостъ за вѣчную дружбу между Великобританiею и Россiею» [1].

Невозможно описать восторга, съ которымъ собранiе привѣтствовало единодушными рукоплесканiями слова перваго министра. На слѣдующiй же день газеты возвѣстили ихъ Англiи и всему мiру. Старые торiи, давнiе сторонники тѣснаго единенiя съ Россiею, приняли ихъ съ радостью. Еще бо́льшее впечатлѣнiе произвели они среди членовъ дипломатическаго корпуса. Австрiйскiй посланникъ баронъ Нейманъ не замедлилъ выразить барону Бруннову мнѣнiе, что, произнося свою рѣчь, Пиль имѣлъ въ виду «возстановить справедливое равновѣсiе между выраженiями дружбы, недавно поднесенными Францiи, и тѣмъ уваженiемъ, которымъ Англiя обязана въ отношенiи великихъ державъ, старыхъ и вѣрныхъ ея союзницъ». Прочiе германскiе министры раздѣляли этотъ взглядъ.

Посланникъ нашъ имѣлъ продолжительную бесѣду о рѣчи перваго министра съ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Лордъ Абердинъ признался, что сэръ Робертъ Пиль произнесъ ее безъ предварительнаго съ нимъ уговора, но что онъ одобряетъ все сказанное Пилемъ и счелъ даже долгомъ поздравить его съ его рѣчью. «Ничто не могло быть лучше словъ Пиля»,—увѣрялъ Абердинъ барона Бруннова:—«я очень радъ, что онъ такъ положительно высказался о нашемъ «сердечномъ соглашенiи» съ Россiею».

---

[1]) Рѣчи на обѣдѣ русской компанiи заимствованы изъ отчета газеты «Standart», отъ 20 февраля (2 марта) 1844 года.

Лордъ Абердинъ первый обратилъ вниманіе королевы на торжественное заявленіе главы ея кабинета. Узнавъ, что ея величество не читала еще его рѣчи: «Совѣтую вамъ прочесть ее,—сказалъ онъ ей: — ваше величество увидите, что сэръ Робертъ Пиль говоритъ о нашемъ сердечномъ соглашеніи съ Россіею, еще болѣе сердечномъ, чѣмъ съ Франціею. Онъ прекрасно поступилъ, сказавъ это. Наша политика не должна представлять ничего исключительнаго. Мы должны стараться жить въ добрыхъ и дружескихъ отношеніяхъ со всѣми».

Нельзя было сомнѣваться въ искреннемъ желаніи англійскаго правительства видѣть осуществленіе намѣренія государя посѣтить Англію. Посланникъ нашъ пожелалъ узнать, въ какое время года было бы всего удобнѣе королевѣ принять своего высокаго гостя. Лордъ Абердинъ отвѣчалъ, что, по словамъ принца Альберта, поѣздку слѣдовало бы предпринять, прежде чѣмъ ея величество, бывшая беременною, будетъ поставлена въ невозможность встрѣтить государя съ подобающею предупредительностью. Осенью королева намѣрена была предпринять морскія прогулки и, быть можетъ, посѣтить Ирландію, а потому наиболѣе удобнымъ временемъ представлялась весна. Министръ иностранныхъ дѣлъ высказалъ при этомъ личное мнѣніе свое, что, если императоръ дѣйствительно намѣренъ прибыть въ Лондонъ впродолженіе текущаго года и если дозволятъ это его другія занятія, то чѣмъ скорѣе онъ приведетъ это намѣреніе въ исполненіе, тѣмъ лучше. Впрочемъ, лордъ Абердинъ признался, что не знаетъ точно, когда именно королева должна разрѣшиться отъ бремени, и прибавилъ, что испроситъ ея приказаній.

На другой день онъ объявилъ барону Бруннову, что королева всего лучше желала бы принять императора Николая, въ концѣ мая или въ началѣ іюля новаго стиля, и что онъ напишетъ объ этомъ Блумфильду. По полученнымъ изъ С.-Петербурга свѣдѣніямъ, государь намѣревался въ будущемъ маѣ побывать на Рейнѣ, и слѣдовательно ему будетъ удобно оттуда переправиться черезъ проливъ. Баронъ Брунновъ полюбопытствовалъ узнать, какъ отнеслась королева къ извѣстію о предстоящемъ посѣщеніи императора. Абердинъ отвѣчалъ, что она встрѣтила его съ радостью и что, много слышавъ о государѣ, она очень желаетъ съ нимъ познакомиться лично. Сначала она была нѣсколько удивлена такою неожиданною вѣстью, но теперь уже съ величайшею заботливостью помышляетъ только о пріемѣ, обсуждая малѣйшія его подробности. Такъ она сказала Абердину, что ей угодно, чтобы императоръ остановился у нея въ Букингамскомъ дворцѣ, не смотря на то, что дворецъ этотъ представляетъ мало удобства и что ей почти совѣстно принимать въ немъ его величество. Министръ отвѣчалъ, что императоръ Николай не любитъ роскошной обстановки и предпочитаетъ ей

простой образъ жизни. Онъ приписывалъ большое значеніе желанію королевы поселить государя въ Букингамскомъ дворцѣ, почести, оказываемой обыкновенно лишь самымъ близкимъ родственникамъ, и заключалъ, что ея величество готовила наилучшій пріемъ своему гостю. Что же касается до принца Альберта, то Абердинъ признавался, что онъ боязливѣе королевы, что его смущаетъ мысль о пріемѣ государя, но что, по убѣжденію министра, смущеніе это пройдетъ скоро и что принцъ также понравится императору, какъ понравился онъ великому князю Михаилу Павловичу [1]).

Такъ говорилъ Абердинъ Бруннову, и послѣдній доносилъ въ С.-Петербургъ вице-канцлеру. Но теперь извѣстно, что сама королева съ неудовольствіемъ отнеслась сначала къ возвѣщенному ей намѣренію императора Николая посѣтить Англію и что, напротивъ, принцъ-супругъ убѣдилъ ее въ благопріятномъ значеніи этой поѣздки [2]).

Еще одно обстоятельство тревожило нашего посланника. Лѣтомъ 1844 года въ Англіи ожидали отвѣтнаго визита короля Людовика-Филиппа на посѣщеніе его, прошлою осенью, королевою Викторіею и ея супругомъ. Бруннованъ опасался, чтобъ пріѣздъ государя не совпалъ съ прибытіемъ короля французовъ. Лордъ Абердинъ успокоилъ его, сказавъ, что ничего еще не рѣшено относительно поѣздки Людовика-Филиппа, что послѣдній пріѣдетъ во всякомъ случаѣ не въ Лондонъ и что, вѣроятно, свиданіе его съ королевскою семьею произойдетъ въ Брайтонѣ.

Донося о всемъ вышеизложенномъ въ собственноручныхъ депешахъ и письмахъ, баронъ Брунновъ писалъ, между прочимъ, графу Нессельроде: «Мнѣ нѣтъ нужды говорить вамъ, какъ счастливъ буду я принять государя императора въ Англіи. Сердце бьется у меня отъ радости, не отъ страха, потому что я увѣренъ въ снисходительности, съ которою его величество удостоитъ отнестись къ вѣрнымъ моимъ услугамъ. Никто не можетъ содѣйствовать имъ лучше нашего добраго Абердина. Я въ восхищеніи и удивленіи отъ дѣятельности, проявляемой имъ въ настоящемъ случаѣ. Онъ вполнѣ увѣренъ въ благопріятномъ впечатлѣніи, которое произведетъ здѣсь присутствіе государя. Онъ сказалъ мнѣ по этому поводу: «Вы увидите, что одного этого присутствія будетъ достаточно, чтобы провалить всѣ польскія затѣи». Для такого сдержаннаго и иногда боязливаго человѣка, какъ Абердинъ, выказываемое имъ въ этотъ разъ довѣріе въ самомъ дѣлѣ крайне замѣчательно» [3]).

---

[1]) Баронъ Брунновъ графу Нессельроде, отъ 22—25 февраля (5—6 марта) 1844 года.

[2]) Королева Викторія королю Леопольду, отъ 30-го мая (11 іюля) 1844 года.

[3]) Баронъ Брунновъ графу Нессельроде, отъ 11 (23) февраля, 22—25 февраля (5—6 марта) 1844 года.

Первая экспедиція барона Бруннова отъ 11 (23) февраля, въ которой онъ сообщалъ о выраженной ему серомъ Робертомъ Пилемъ надеждѣ, что императоръ Николай удостоитъ вторично посѣтить Англію, была получена въ С.-Петербургѣ лишь въ половинѣ марта стараго стиля. По высочайшему повелѣнію, вице-канцлеръ отвѣчалъ, что государь крайне тронутъ словами перваго министра; что его величество съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаетъ всегда о своемъ путешествіи въ Лондонъ, въ года первой своей юности; что онъ сохранилъ о нихъ воспоминанія, возобновить которыя ему было бы пріятно, независимо отъ живѣйшаго удовольствія, съ коимъ онъ бы лично познакомился съ королевой. «Если бы когда нибудь представился случай, благопріятный для осуществленія этого двойнаго желанія», — заключалъ графъ Нессельроде, — «то англійское правительсто не должно сомнѣваться въ усердіи, съ которымъ нашъ августѣйшій государь поспѣшитъ имъ воспользоваться. Благоволите, любезный баронъ, дать въ томъ самое искренное завѣреніе серу Роберту Пилю» [1]).

Такія же увѣренія поручено было нашему посланнику передать первому министру, по поводу рѣчи, произнесенной имъ на обѣдѣ русской компаніи, но вице-канцлеръ высказался вполнѣ по вопросу о посѣщеніи Англіи государемъ лишь по полученіи второй экспедиціи барона Бруннова отъ 22 — 25 февраля (5 — 8 марта). «Не могу вамъ выразить»,—писалъ онъ ему,—«въ какой мѣрѣ его величество былъ тронутъ, узнавъ, что королева присоединилась къ манифестаціи англійскихъ министровъ. Увѣренность въ томъ можетъ лишь удвоить желаніе императора, какъ можно скорѣе отвѣтить на столь задушевное расположеніе, прибывъ лично для принесенія своей молодой союзницѣ выраженія искренней и живой дружбы, которую онъ всегда питалъ къ ней издалека. Ему, къ сожалѣнію, трудно принять нынѣ же точное рѣшеніе по этому предмету. Важныя дѣла требуютъ въ настоящую минуту присутствія его въ Россіи, но онъ не отказываетъ себѣ въ надеждѣ вознаградить себя впослѣдствіи за испытываемое имъ лишеніе, ибо онъ убѣжденъ, что присутствіе его въ Англіи можетъ лишь послужить къ укрѣпленію искренности взаимныхъ политическихъ отношеній, и онъ почитаетъ себя счастливымъ, что убѣжденія его въ этомъ случаѣ тождественны съ воззрѣніями англійскаго правительства. Мысль, которую нашъ августѣйшій государь по собственному почину высказалъ г. Блумфильду, не зная еще о желаніи, выраженномъ этимъ правительствомъ, остается въ полной своей силѣ, и онъ испытаетъ искреннее удовольствіе въ тотъ день, когда ему будетъ возможно осуществить ее. Мнѣ остается лишь просить васъ, г. баронъ, присовокупить увѣреніе въ томъ къ выраженіямъ признатель-

---

[1]) Графъ Нессельроде барону Бруннову, отъ 16 (28) марта 1844 года.

ности, которыя вамъ поручено въ моей сегодняшней экспедиціи передать отъ имени императора сэръ Роберту Пилю и лорду Абердину»[1]).

Итакъ, государь принималъ приглашеніе англійскаго двора и министерства, но не опредѣлялъ еще времени, когда намѣренъ воспользоваться имъ. Между тѣмъ, вѣсть о предстоящемъ посѣщеніи Англіи русскимъ императоромъ успѣла уже разнестись по всей Европѣ. Французскій посолъ въ Лондонѣ, графъ Сентъ-Олеръ, сообщилъ ее своему министру иностранныхъ дѣлъ 4 (16) февраля, т. е. тотчасъ по полученіи въ Foreign Office письма Блумфильда о разговорѣ его съ государемъ и за три дня до рѣчи Пиля на банкетѣ русской компаніи. Въ концѣ марта англійскія газеты стали гласно обсуждать крупную политическую новость. Члены дипломатическаго корпуса обратились съ запросами о ней къ лорду Абердину. Тотъ отвѣчалъ имъ, что ничего не знаетъ оффиціально о намѣреніяхъ императора Николая и что поѣздка его въ Англію пока не болѣе какъ предположеніе или вѣроятность. Впрочемъ, австрійскому посланнику онъ прямо заявилъ, что государю будетъ сдѣланъ «величественный» пріемъ. Передавая о томъ Бруннову, баронъ Нейманъ прибавилъ, «что онъ дорожитъ этимъ происшествіемъ, которое, если состоится, будетъ въ глазахъ его залогомъ постоянства къ общей выгодѣ упроченія узъ, связывающихъ Англію съ монархическою и охранительною системою европейскаго материка»[2]).

Тюльерійскій кабинетъ былъ извѣщенъ скорѣе прочихъ. Свѣдѣнія свои онъ получалъ изъ перваго источника, путемъ родственной переписки, доходившей изъ Лондона въ Парижъ чрезъ Брюссель. Быть можетъ, по наущенію Гизо, англійскій посолъ при французскомъ дворѣ, лордъ Коулей, предложилъ своему правительству пригласить одновременно съ русскимъ императоромъ и короля французовъ и устроить между ними свиданіе и примиреніе. Лордъ Абердинъ отвѣчалъ, что «объ этомъ нечего и думать, что это совершенно невозможно». Рѣшено было, что Людовикъ-Филиппъ пріѣдетъ въ Англію лишь осенью, въ сентябрѣ[3]). Инструкціи Гизо французскому представителю при с.-джемскомъ дворѣ были проникнуты горечью и досадою, худо скрываемыми подъ личиною равнодушія и даже насмѣшки: «Я имѣю причины думать,— говорилось въ нихъ,— что около конца мая императоръ Николай внезапно нагрянетъ въ Лондонъ, какъ путешественникъ, безцеремонно и неожиданно. Онъ разсказываетъ и распускаетъ слухъ, что, къ величайшему сожалѣнію, не можетъ прибыть въ этомъ году. Все указываетъ, однако, на то, что поѣздка его состоится. Онъ любитъ сюрпризы и эффекты такого рода». И далѣе: «Будьте сдержанны, съ оттѣнкомъ холодности. Люди недоброжелательные или только

[1]) Графъ Нессельроде барону Бруннову, отъ 18 (30) марта 1844 года.
[2]) Баронъ Брунновъ графу Нессельроде, мартъ 1844 года.
[3]) Баронъ Брунновъ графу Нессельроде, апрѣль 1844.

злокозненные очень бы хотѣли, чтобы насъ встревожило это путешествіе, или, по крайней мѣрѣ, нѣсколько разсердило. Этого не будетъ. Мы привыкли видѣть въ обстоятельствахъ лишь то, что они заключаютъ въ дѣйствительности, и недоступны дразненію. Императоръ ѣдетъ въ Лондонъ потому, что королева англійская пріѣзжала въ Э. Мы не находимъ его разборчивымъ въ выборѣ возмездія. Мы увѣрены, что онъ не поведетъ въ Лондонѣ съ англійскимъ кабинетомъ иной политики, чѣмъ та, которую мы хорошо знаемъ. Мы не только далеки отъ сожалѣнія о томъ, что онъ будетъ ухаживать за Англіею, а она получитъ вліяніе на него, мы даже этому очень рады. Что же касается до внѣшнихъ формъ, вамъ столько же, сколько и мнѣ самому извѣстны требованія нашего положенія: поступайте такъ, какъ они вамъ указываютъ, ни болѣе, ни менѣе. Ожидайте императорскія вѣжливости и принимайте ихъ съ уваженіемъ, подобающимъ ему, но на которое и сами вы имѣете право» [1]).

Въ свою очередь, и англійскій дворъ считалъ дѣломъ рѣшеннымъ посѣщеніе императоромъ Николаемъ Англіи предстоящимъ лѣтомъ. Въ половинѣ апрѣля, министръ внутреннихъ дѣлъ, сэръ Джемсъ Грахамъ, обратилъ вниманіе нашего посланника на то обстоятельство, что въ Лондонѣ въ большомъ числѣ проживаютъ политическіе выходцы всѣхъ странъ, въ особенности много поляковъ и что поэтому необходимо принять дѣятельныя мѣры къ огражденію государя отъ могущихъ быть предпринятыми ими покушеній на жизнь его. Баронъ Брунновъ счелъ долгомъ донести о предложеніи англійскаго министра въ С.-Петербургъ [2]) и получилъ въ отвѣтъ депешу графа Нессельроде, заслуживающую быть приведенною дословно, какъ выраженіе личныхъ взглядовъ и убѣжденій императора Николая по возбужденному сэръ Джемсомъ Грахамомъ вопросу.

«Секретная депеша, входившая въ составъ экспедиціи вашей, отъ 14-го (26-го) апрѣля, и приложенное къ ней частное письмо,— писалъ вице-канцлеръ,—должны были оба обратить на себя наше самое строгое вниманіе. Я начну съ выраженія всей признательности, возбужденной въ насъ дружественнымъ сообщеніемъ, сдѣланнымъ вамъ сэръ Джемсомъ Грахамомъ, и полнаго одобренія, которымъ государь императоръ почтилъ вашъ предварительный отвѣтъ. Что касается предмета, къ которому относится это сообщеніе, т. е. къ путешествію государя въ Англію, я не могу передать вашему превосходительству ничего окончательнаго, такъ какъ его величество самъ еще не рѣшилъ, до какой степени искреннее желаніе его посѣтить Лондонъ можетъ быть согласовано съ многосложностью его занятій и препятствій, которыя могутъ отъ нихъ произойдти. Во всякомъ случаѣ, не замысламъ нѣсколькихъ тем-

---

[1]) Гизо графу Сентъ-Олеру, 4-го (16-го) апрѣля 1844.

[2]) Баронъ Брунновъ графу Нессельроде, апрѣль 1844.

ныхъ личностей заставить его отказаться отъ осуществленія этого желанія, коль скоро исполненіе его будетъ рѣшено въ его умѣ. Вы знаете, что государь не разъ подвергался подобнымъ злоумышленіямъ и что онъ презиралъ менѣе неопредѣленныя опасности. Вамъ извѣстно, баронъ, мнѣніе императора о случайностяхъ такого рода. Его величество убѣжденъ, что жизнь государей въ руцѣ Божіей и что если Господу угодно опредѣлить ей предѣлъ по своему усмотрѣнію, — всякія мѣры, всякія человѣческія предосторожности безсильны предъ рѣшеніемъ Божественнаго Промысла. Но, не испытывая боязни за себя, императоръ вполнѣ понимаетъ, что не всѣ могутъ быть безбоязненны въ одинаковой степени. Его величество слишкомъ справедливъ, чтобы не оцѣнить чувства серьёзной отвѣтственности, которое при такихъ обстоятельствахъ должно тяготить совѣсть англійскихъ министровъ, и весьма естественнаго опасенія, ощущаемаго ими въ виду хотя бы самаго невѣроятнаго шанса покушенія, которымъ горсть презрѣнныхъ иноземцевъ могла бы поколебать предъ лицомъ всѣхъ народовъ справедливо установившуюся репутацію безопасности, которою всегда гордилось британское гостепріимство. Изъ этого вы заключите, что императоръ нисколько не намѣренъ противиться мѣрамъ предосторожности, принять которыя сочли бы нужнымъ англійскіе министры. Онѣ были приняты для прусскаго короля, во время недавно совершеннаго имъ путешествія въ Англію; ихъ принимаютъ ежедневно для самой королевы; онѣ не имѣютъ слѣдовательно ничего исключительнаго по отношенію къ государю. Впрочемъ, его величество разумѣетъ это такъ, что въ данномъ случаѣ ограничатся лишь самымъ необходимымъ и что мѣры, принятыя англійскими министрами для покрытія ихъ отвѣтственности, не будутъ нисколько бросаться ему въ глаза. Императоръ ничего не хочетъ знать о нихъ, ни видѣть ихъ. Ему было бы слишкомъ тяжко ходить окруженнымъ безпрерывно предосторожностями, и сэръ Джемсъ Грахамъ также точно, какъ и лордъ Абердинъ, сами поймутъ, что достаточно было бы одного этого сознанія, чтобы лишить его величество всякой свободы дѣйствій и испортить ему, въ его собственныхъ глазахъ, удовольствіе, которое сулитъ ему поѣздка въ Англію, если только ему будетъ возможно нынѣшнею весною предпринять ее.

«Таковъ, баронъ, отвѣтъ мой на вопросы, предложенные мнѣ вами по желанію англійскаго правительства. Мнѣ остается поручить вамъ еще разъ поблагодарить лорда Абердина и сэра Джемса Грахама за обязательную заботливость, внушившую имъ эти вопросы, и повторить, что обращенныя къ нимъ по тому предмету рѣчи ваши согласны съ чувствами и намѣреніями государя».

С. Татищевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ОДИНЪ ИЗЪ ЗАБЫТЫХЪ ЖУРНАЛИСТОВЪ.

(Изъ воспоминаній стараго литератора).

Въ ПОЛОВИНѢ октября 1837 года, я поступилъ въ Петербургскій университетъ, на первый курсъ, по юридическому факультету, перейдя сюда изъ Кіевскаго университета св. Владиміра, гдѣ уже лѣтомъ этого года показались признаки первыхъ безпорядковъ, заставившіе людей, желающихъ учиться серьёзно и имѣвшихъ нѣкоторыя средства, — пети въ другіе университеты.

Первымъ студентомъ, съ которымъ я случайно познакомился былъ Вас. Ал. Кологривовъ, поступившій тоже въ этомъ году на первый курсъ юридическаго факультета. Я скоро сблизился съ Кологривовымъ, и вначалѣ мы занимались вмѣстѣ по однѣмъ и тѣмъ же университетскимъ запискамъ.

Петербургскій университетъ лѣтомъ 1837 года былъ переведенъ изъ Семеновскаго полка, гдѣ онъ находился съ 1825 года, на Васильевскій островъ, въ зданіе двѣнадцати коллегій. Здѣсь ему была дана новая обстановка, но персоналъ профессоровъ ни въ чемъ не измѣнился. Въ числѣ студентовъ перваго курса юридическаго факультета находилось тогда нѣсколько молодыхъ людей, сдѣлавшихся впослѣдствіи извѣстными русскому обществу: Ап. Ник. Майковъ, Я. А. Соловьевъ, баронъ Будбергъ, два Энгеля, Балкашинъ, М. П. Заблоцкій-Десятовскій, Дудышкинъ, Кологривовъ и другіе.

Дудышкинъ, прибывшій изъ Витебска, гдѣ жили его родители, выглядѣлъ страшнымъ провинціаломъ, совершенно еще не обте-

саннымъ: смугловатый, рябой, въ свѣтло-зеленомъ мундирѣ, неповоротливый, мѣшковатый. Съ такою внѣшностью, конечно, трудно было Дудышкину сблизиться съ кѣмъ либо изъ тогдашнихъ студентовъ, тѣмъ болѣе, что студенты перваго курса были все народъ щеголеватый, развязный и бойкій, а потому Дудышкину приходилось держаться особнякомъ.

Первый я обратилъ вниманіе на Дудышкина, и вотъ по какому случаю. Я замѣтилъ, что онъ самымъ аккуратнымъ образомъ посѣщаетъ лекціи и бѣгло записываетъ ихъ въ своихъ длинныхъ тетрадяхъ въ листъ, изъ довольно сѣрой, толстой бумаги, самаго дешеваго сорта, и допускаетъ сокращенія извѣстныхъ, постоянно находящихся въ обиходѣ словъ. Это обстоятельство навело меня на мысль издать, при содѣйствіи Дудышкина, литографированныя лекціи нѣкоторыхъ профессоровъ, и въ особенности энциклопедіи законовѣденія.

Проѣзжая съ Фонтанки на Петербургскую сторону, я захватилъ у В. А. Кологривова записки лекцій по энциклопедіи законовѣденія, составленныя въ 1835 и 1836 годахъ. Изъ этихъ записокъ сдѣлано было до ста копій и за одну изъ нихъ Кологривовъ, поступивъ въ университетъ, заплатилъ 50 руб. асс. Это была огромная кипа бумаги, по меньшей мѣрѣ, изъ 200 до 250 писанныхъ листовъ.

Проѣзжая въ саняхъ черезъ Тучковъ мостъ, я не замѣтилъ, какъ эта груда бумаги, положенной мною въ ногахъ, при сильномъ толчкѣ вывалилась изъ саней. Не трудно себѣ представить мое положеніе, когда, пріѣхавъ домой, я хватился энциклопедіи. Я воротился назадъ, слѣдя по дорогѣ, ведшей по первой линіи Васильевскаго острова, за каждой выдающейся кучкой снѣга, вплоть до своей старой квартиры, — но записокъ не оказалось. Я сообщилъ Кологривому о случившемся, но онъ, какъ человѣкъ спокойный и не вспыльчивый, почесалъ только въ затылкѣ, сказавъ: — «эхъ ты провинція!» и тѣмъ дѣло кончилось. Купить новыя записки у меня не хватило бы денегъ, да и у Кологривова не было лишнихъ на этотъ предметъ. «Однако, что же мы будемъ теперь дѣлать!» — замѣтилъ Кологривовъ. Я сообщилъ ему мои намѣренія и виды, и на слѣдующій день мы явились въ университетъ до начала лекцій, когда Дудышкинъ, по обыкновенію, стоялъ одиноко у окна, выходившаго на биржевой складъ; мы подошли къ нему, и я началъ слѣдующую рѣчь:

— Я замѣтилъ, что вы аккуратно посѣщаете лекціи и аккуратно записываете ихъ. Мнѣ пришла мысль: нельзя ли намъ исправить наши записки и налитографировать ихъ. Мы не только имѣли бы сами хорошо составленныя записки лекцій, но и налитографировали бы ихъ въ количествѣ ста экземпляровъ, за каждый такой экземпляръ намъ охотно дали бы по 25 руб., и намъ

бы пришлось получить почти по 1,000 руб. на брата, тѣмъ болѣе, что наши товарищи—народъ весьма достаточный, денегъ бы не пожалѣли, при томъ же лекцій сами они не записываютъ.

Вслѣдъ затѣмъ я разсказалъ ему случай съ записками энциклопедіи законовѣдѣнія, за которыя Кологривовъ охотно заплатилъ 50 рублей, а 25 рублей каждый съ удовольствіемъ дастъ, чтобы приготовиться по нимъ къ экзамену. У Дудышкина при этихъ соображеніяхъ глаза разбѣжались и появилась краска въ лицѣ, когда я произнесъ, что на брата придется по 1,000 руб. асс. Но въ это время вошелъ профессоръ, и мы пустились въ запуски занимать свои мѣста.

Едва ушелъ профессоръ изъ аудиторіи, какъ мы втроемъ опять очутились у окна и продолжали нашъ разговоръ; но къ намъ уже подошло нѣсколько студентовъ узнать, о чемъ идетъ толкъ. Оказалось, однако, что мы умѣли сосчитать только выгоды отъ литографированныхъ записокъ, но какъ взяться за дѣло и во что намъ самимъ обойдется наше предпріятіе, никто изъ насъ не имѣлъ о томъ и малѣйшаго понятія. Антрактъ между лекціями былъ недологъ. Мы рѣшили, что тутъ продробно обсудить это дѣло невозможно; при этомъ Дудышкинъ сказалъ:

— Я долженъ прежде посовѣтоваться съ своимъ братомъ, а такъ какъ завтра воскресенье, то пожалуйте къ намъ завтра до обѣда, и мы потолкуемъ объ этомъ обстоятельнѣе. Я живу на Садовой, не доходя Сѣнной, по правую сторону, въ домѣ Дурышкина, на второмъ дворѣ, квартира № 65.

Дудышкинъ живетъ въ домѣ Дурышкина!—всѣмъ намъ это показалось забавно, присутствующіе переглянулись и улыбнулись... Я отвѣчалъ, что явлюсь завтра въ 11-ть часовъ утра.

На другой день, въ назначенный часъ, я очутился въ грязно содержимомъ и ужасно запущенномъ домѣ Дурышкина; уже на первомъ дворѣ приходилось путешествовать, закрывъ носъ платкомъ; на второмъ дворѣ нельзя было дохнуть: кучи навоза, неплотно закрытые люки, помойныя ямы и т. д. Квартира № 65 оказалась въ двухъ-этажномъ флигелѣ, покрытомъ снаружи сыростью; по отвратительной лѣстницѣ со щербатыми ступеньками я поднялся во второй этажъ и собирался позвонить, но колокольчика не оказалось, и дверь была неплотно притворена; толкнувъ наружную дверь, а затѣмъ вторую, я очутился въ большой темной кухнѣ, и на вопросъ: — «Здѣсь ли живетъ студентъ Дудышкинъ?» отвратительная и весьма плохо одѣтая стряпуха показала мнѣ на одну изъ дверей, сказавъ: — «Пожалуйте сюда», открыла двери и сообщила жильцу: — «Васъ спрашиваютъ».

Я вошелъ въ просторную, но тоже темную комнату съ однимъ окномъ, выходящимъ во дворъ противъ другаго флигеля, стоявшаго на разстояніи полутора аршина отъ перваго. Окошко это

было небольшое, со старыми тусклыми стеклами, такъ что въ комнатѣ былъ полумракъ. Дудышкинъ былъ одинъ и ожидалъ меня. Старшій братъ его, служившій приказчикомъ-агентомъ у какихъ-то порховскихъ купцовъ, торговавшихъ кожевеннымъ сапожнымъ товаромъ, котораго складъ находился по сосѣдству, въ рядахъ, примыкающихъ къ Екатерининскому каналу, по Апраксину переулку, завѣдывалъ этимъ складомъ, принималъ товаръ, приходившій изъ Порхова и Великихъ Лукъ, и отпускалъ его торговцамъ гуртомъ, нанималъ эту невзрачную квартиру, надо полагать, рублей за 8 въ мѣсяцъ, тутъ же далъ пріютъ и брату-студенту.

Обстановка квартиры была самая невзрачная и неопрятная. Это ужасно поразило меня; я первый разъ въ жизни видѣлъ подобную грязную и убогую обстановку... Братъ Дудышкина, Семенъ Семеновичъ, былъ человѣкъ религіозный и въ этотъ день отправился въ Александро-Невскую лавру послушать пѣвчихъ; мы, люди молодые, менѣе религіозные, занялись своимъ предпріятіемъ. Такъ какъ въ субботу были собраны необходимыя справки: что̀ будетъ стоить написать литографическими чернилами листъ и отлитографировать 200 листовъ, каждый въ количествѣ 120-ти экземпляровъ, то оказалось, что на тако̀е громадное предпріятіе у насъ не было средствъ, и проектъ надо было оставить безъ исполненія... Однако, знакомство съ Дудышкинымъ было мною сдѣлано и, проведя съ нимъ часа два, до появленія брата, я нашелъ его человѣкомъ, какъ говорится, ничего себѣ; знакомство наше продолжалось, но ограничивалось ежедневными рукопожатіями и толками о томъ, о семъ.

Въ то же время началъ сближаться съ Дудышкинымъ и А. Н. Майковъ. Онъ тоже побывалъ у него на квартирѣ, ужаснулся его обстановкѣ, и, разсказавъ дома обо всемъ, возбудилъ къ Дудышкину сочувствіе всего своего семейства, и его стали пригрѣвать и покровительствовать у Майковыхъ. Сначала его пригласили бывать у нихъ по воскресеньямъ и праздникамъ и старались его полировать.

У стариковъ Майковыхъ, родителей Ап. Ник., было довольно знакомыхъ молодыхъ людей, которые собирались къ нимъ по воскресеньямъ къ обѣду или вечеромъ; бывали и дамы. Все это былъ народъ comme il faut, и это была для Дудышкина первая школа, въ которой онъ бралъ уроки общежитія, и онъ дѣйствительно сталъ цивилизоваться и скоро усвоивалъ себѣ все хорошее.

Слѣдуетъ сказать здѣсь безъ преувеличенія, что Дудышкинъ всѣмъ обязанъ семейству Майковыхъ, добрыхъ и образованныхъ людей. Тутъ онъ познакомился съ Вл. Андр. Солоницынымъ, завсегдатаемъ Майковыхъ, бывшимъ правителемъ канцеляріи департамента внѣшней торговли и въ то же время помощникомъ О. И. Сенковскаго по редакціи «Библіотеки для Чтенія», съ И. А. Гон-

чаровымъ, служившимъ у Солоницына переводчикомъ, съ М. П. Заблоцкимъ-Десятовскимъ, П. М. Цейдлеромъ и другими лицами, родственными Майковымъ, которые впослѣдствіи имѣли вліяніе на всю его жизнь.

Сблизившись съ А. Н. Майковымъ, котораго тогда въ университетѣ отличалъ А. В. Никетенко, читая иногда на лекціяхъ его стихотворенія и разбирая ихъ, Дудышкинъ успѣлъ впослѣдствіи обратить на себя вниманіе и прочихъ лучшихъ и замѣчательнѣйшихъ товарищей по курсу, которые уже не обращали болѣе вниманія на его внѣшность и недостатки, а видѣли въ немъ студента прилежнаго и трудившагося надъ составленіемъ лекцій.

Войдя въ новую жизненную сферу, Дудышкинъ продолжалъ знакомство со мною, навѣщалъ меня почти еженедѣльно, когда я завѣдывалъ пансіономъ А. В. Полонскаго, въ которомъ приготовлялись молодые люди для поступленія въ институтъ корпуса путей сообщенія. Я пользовался его записками, а его снабжалъ иностранными книгами и журналами, которые тогда уже занимали меня.

Вполнѣ удовлетворительные отвѣты на репетиціяхъ и на переходныхъ экзаменахъ съ перваго курса на второй показали, что Дудышкинъ усердно и толково занимается своимъ дѣломъ. На него стали обращать вниманіе не только лучшіе студенты курса, но и профессора, которые въ началѣ замѣчали только, что этотъ невзрачный провинціалъ усердно записываетъ всѣ лекціи, а теперь знали уже его по успѣхамъ въ наукахъ и даже по имени. Въ это время съ нимъ особенно сдружился А. Н. Майковъ и старшій Соловьевъ, изъ оренбургскихъ казаковъ, извѣстный впослѣдствіи сенаторъ, сдѣлавшій свою карьеру въ царствѣ Польскомъ, какъ дѣятельный сотрудникъ и помощникъ Милютина при проведеніи въ царствѣ Польскомъ крестьянской реформы.

Старшій братъ Дудышкина, въ свою очередь, видя усердныя занятія въ университетѣ Степана Семеновича, охотнѣе сталъ дѣлиться съ нимъ послѣдними средствами, не жалѣлъ денегъ на книги и даже сшилъ ему новый темнозеленый мундиръ, въ которомъ онъ уже ничѣмъ не отличался по наружности отъ прочихъ товарищей. Степанъ Семеновичъ сталъ нѣсколько живѣе, не такъ угрюмъ и грустенъ, какъ въ первый годъ, сдѣлался развязнѣе, и его конуру посѣщало уже нѣсколько студентовъ.

Наконецъ, Майковы рѣшились отыскать ему какую либо ученую или литературную работу, которая доставляла бы ему хоть карманныя деньги. Дудышкинъ писалъ порусски правильно, говорилъ тоже, не допуская никакихъ провинціализмовъ, онъ могъ переводить съ французскаго, съ нѣмецкаго и даже съ англійскаго; первыми двумя языками онъ отлично занимался еще въ Витебскѣ, а послѣднимъ—въ Петербургѣ, и посѣщалъ лекціи англійскаго лектора, кажется, Шау.

Майковы приступили къ Вл. Андр. Солоницыну и стали просить у него для Дудышкина переводной работы въ «Библіотекѣ для Чтенія», но тамъ переводами съ французскаго занимался постоянно Амп. Ник. Очкинъ уже втеченіе девяти лѣтъ; съ нѣмецкаго почти ничего не переводилось, а главнѣйшіе переводы были съ англійскаго. Солоницынъ и предложилъ Дудышкину перевести для «Библіотеки для Чтенія» статью «Сравнительная наука древностей», предполагая, что ученую статью легче будетъ перевести, чѣмъ беллетристическую, или литературную вообще. Дудышкинъ занялся этимъ переводомъ и при содѣйствіи лексикона и, кажется, Ив. А. Гончарова, основательно знавшаго этотъ языкъ, доставилъ В. А. Солоницыну статью, которая пошла въ передѣлку О. И. Сенковскаго и была напечатана въ «Библіотекѣ для Чтенія». Это былъ первый и единственный учено-литературный трудъ Степана Семеновича во время его пребыванія въ университетѣ, потому что Дудышкинъ болѣе не переводилъ для «Библіотеки для Чтенія», или переводъ съ англійскаго доставался ему нелегко и требовалъ много времени, или Сенковскій нашелъ, что съ такими переводами надо много возиться, чтобы приготовить ихъ окончательно къ печати.

Втеченіе моего двухлѣтняго знакомства съ Степаномъ Семеновичемъ, я имѣлъ возможность узнать и удержать въ памяти многое изъ его разсказовъ, относящееся къ его біографіи, чѣмъ и считаю долгомъ подѣлиться теперь для уясненія этой личности, не позволяя себѣ ничего прибавлять къ тому, что я слышалъ и узналъ отъ него.

Дудышкинъ не былъ бѣлоруссъ, а чисто русскаго происхожденія, и, вѣроятно, происходилъ отъ заѣзжаго въ Западный край великоросса, судя по формаціи его фамиліи. Онъ родился 25-го декабря 1820 года. Отецъ Дудышкина былъ купцомъ, но проторговался, и семья съ трудомъ перебивалась, потому что отецъ, по старости лѣтъ и отсутствію всякихъ средствъ, ничего не могъ предпринять или же поступить къ кому либо приказчикомъ. Поэтому онъ ежедневно отправлялся къ витебскому гостинному двору, и тамъ на скамейкѣ или игралъ въ шашки, или просиживалъ все время до обѣда, какой Богъ посылалъ, а потомъ опять отправлялся туда же и оставался до поздняго вечера.

Мать Степана Семеновича была, судя по его словамъ, добрая, трудящаяся и горемычная женщина, которую онъ очень любилъ и которой писалъ изъ Петербурга не менѣе двухъ разъ въ мѣсяцъ, а впослѣдствіи, когда былъ въ состояніи, охотно помогалъ матери и двумъ сестренкамъ, которыхъ тоже крѣпко любилъ, но дѣлалъ это скрытно отъ старшаго брата.

У стариковъ Дудышкиныхъ было три сына: первый, имя котораго мнѣ неизвѣстно, былъ ими отданъ въ польскую витебскую шестиклассную школу, окончивъ которую съ полнымъ успѣхомъ,

былъ отправленъ въ Петербургъ въ медико-хирургическую академію, такъ какъ тогда у Дудышкиныхъ были еще средства; окончивъ академію, онъ избралъ карьеру военнаго доктора, и въ 1837 году, будучи уже въ чинѣ статскаго совѣтника, занималъ важный военно-медицинскій постъ въ арміи; но особенно отличался тѣмъ, что вовсе не хотѣлъ знать ни о своихъ родителяхъ, ни о братьяхъ, считая недостойнымъ своего высокаго положенія — знаться съ проторговавшимся и перешедшимъ изъ купеческаго сословія въ мѣщанское семействомъ. Степанъ Семеновичъ всегда съ негодованіемъ отзывался о самомъ старшемъ своемъ братѣ и, въ свою очередь, не хотѣлъ быть съ нимъ въ сношеніяхъ...

Второй братъ Семенъ Семеновичъ тоже получилъ образованіе въ польскомъ витебскомъ шестиклассномъ училищѣ, за неимѣніемъ тамъ русскихъ хорошихъ училищъ до 1832 года, и, желая быть полезнымъ своимъ объднѣвшимъ родителямъ, рано избралъ себѣ торговое поприще, поступилъ приказчикомъ сначала въ Витебскѣ, а потомъ сдѣлался, какъ уже сказано выше, агентомъ-приказчикомъ какого-то порховскаго торговаго дома и жилъ въ Петербургѣ, помогая и родителямъ и удѣляя малую толику на образованіе самаго меньшаго брата, который, получивъ начальное образованіе въ польскомъ училищѣ, при открытіи въ Витебскѣ гимназіи, поступилъ въ нее и окончилъ съ успѣхомъ курсъ гимназическихъ наукъ, послѣ чего только и бредилъ во снѣ и на яву — какъ бы попасть въ Петербургскій университетъ.

Семенъ Семеновичъ былъ человѣкъ молодой, здоровый, румяный, круглолицый, воздержный во всѣхъ отношеніяхъ и всею душою преданный интересамъ порховскаго торговаго дома, котораго былъ агентомъ. Это былъ человѣкъ необыкновенно аккуратный, необыкновенно дѣятельный, честный и трезвый; ни одного изъ Дудышкиныхъ я никогда не видалъ выпившимъ или предававшимся самому незначительному кутежу. На рукахъ у Семена Семеновича, ведшаго ввѣренное ему дѣло, съ умѣніемъ и полнымъ успѣхомъ, находилось по 30, 40 и болѣе тысячъ руб., которые онъ хранилъ въ величайшемъ секретѣ, такъ что и братъ никогда не зналъ, сколько у него собиралось денегъ и гдѣ онѣ находились; а потомъ отправлялъ ихъ въ Порховъ или уплачивалъ по приказамъ своихъ хозяевъ въ Петербургѣ. Этотъ-то почтенный Семенъ Семеновичъ, будучи человѣкомъ религіознымъ не на словахъ, а въ душѣ, дѣлалъ все, что только могъ, для своего обнищавшаго семейства.

Когда Степанъ Семеновичъ 30-го іюня 1837 года окончилъ съ успѣхомъ витебскую гимназію и написалъ брату о своемъ желаніи отправиться въ Петербургскій университетъ, Семенъ Семеновичъ, изъявивъ на то свое согласіе, выслалъ ему на экипировку и проѣздъ, на сколько хватило его средствъ, обѣщая подѣлиться съ нимъ въ

Петербургѣ послѣднимъ, пріютить его въ своемъ темномъ углу и покормить щами и кашей, т. е. чѣмъ Богъ пошлетъ.

Наконецъ, въ Витебскѣ были получены изъ Петербурга обѣщанныя братомъ деньги на экипировку; бѣлье и все остальное самое нужнѣйшее было сдѣлано; но на дорогу оставалось только два рубля серебромъ, на которые надо было доѣхать изъ Витебска въ С.-Петербургъ, разумѣется, на долгихъ. Долго думалъ Степанъ Семеновичъ, чтò ему дѣлать? — наконецъ, надумалъ, пошелъ отыскивать жидка-фактора и обѣщалъ ему полтинникъ, если онъ отыщетъ ему извозчика, который доставилъ бы его за полтора рубля въ Петербургъ. Бѣдный жидокъ бѣгалъ какъ угорѣлый цѣлый мѣсяцъ; ежедневно забѣгалъ къ Дудышкину съ отвѣтомъ, но скорѣе всего для того, чтобы справиться: не перебилъ ли ему кто дороги и не поживился обѣщаннымъ полтинникомъ. Наступилъ августъ, Дудышкинъ потерялъ всякую надежду попасть за полтора рубля въ Петербургъ; мать стала потихоньку плакать и кручиниться, чтò будетъ, если Степа не попадетъ во время въ Питеръ, а останется у нея на рукахъ въ Витебскѣ; уже получено было два письма изъ Петербурга отъ Семена Семеновича съ вопросомъ: чтò значитъ, что Степанъ не является въ столицу. Вдругъ 12-го августа въ 4 часа утра является жидокъ-факторъ, будитъ спавшаго Дудышкина, заявляя, что нашелъ извозчика, который берется доставить его въ Петербургъ за 1½ рубля. Дудышкинъ соскакиваетъ съ постели, весь домъ подымается на ноги, всѣ начинаютъ радоваться. Жидокъ чуть не заворотъ тащитъ Дудышкина на постоялый дворъ, гдѣ стояли извозчики, привезшіе изъ Петербурга товаръ, и сегодня же накладываютъ новый для доставки въ Петербургъ, и завтра въ 8 часовъ утра отправляются въ путь. Извозчики спрашиваютъ три рубля. Дудышкинъ даетъ полтора, жидокъ попрекаетъ извозчиковъ, что они измѣнили своему слову. Тѣ, наконецъ, машутъ руками и заявляютъ: — «Ну, нечего дѣлать, пожалуй, милый человѣкъ, завтра въ 7 часовъ утра, мы тебя предоставимъ въ Питеръ». Тогда жидокъ пристаетъ къ Дудышкину: — «господинъ, пожалуйте полтинникъ за коммиссію». Дудышкинъ серьёзно отвѣчаетъ: «завтра, въ семь часовъ, когда влѣзу въ эту кибитку, выдамъ тебѣ обѣщанный полтинникъ серебромъ, а до тѣхъ поръ ни слова». Жидокъ почесалъ въ затылкѣ, потрясъ ярмолкою, раскланиваясь съ заказчикомъ и поплелся домой. Дудышкинъ, въ свою очередь, отправился домой, гдѣ мать стала собирать въ путь его скарбъ, обливаясь горючими слезами и помышляя о томъ: какимъ манеромъ снабдить его провизіей, которой бы хватило до Петербурга...

Сколько бѣдная ни металась, я, всетаки, приходилось снять съ руки послѣднее обручальное колечко; заложивъ его, она снарядила

сына въ дорогу и сунула ему въ руки 50 копѣекъ мѣдяками. Вотъ какимъ образомъ Дудышкинъ попалъ въ Петербургъ къ брату.

Дудышкины, казалось, никогда не думали оставлять своего темнаго гнѣзда въ домѣ Дурышкина, и только по моему настоянію рѣшились поселиться въ болѣе приличномъ помѣщеніи, и вотъ по какому случаю. Перейдя на третій курсъ и желая основательно заняться своимъ дѣломъ, я рѣшился оставить пансіонъ Полонскаго и поселиться вмѣстѣ съ Дудышкиными, чтобы удалиться отъ всѣхъ соблазновъ міра и посвятить себя наукѣ; поэтому я убѣдилъ Дудышкиныхъ перемѣнить квартиру и зажить, какъ подобаетъ порядочнымъ людямъ. Семенъ Семеновичъ благосклонно принялъ мое предложеніе и ассигновалъ на квартиру 15 руб. сер., выговоривъ, что для нихъ обоихъ довольно будетъ одной комнаты. Я, въ свою очередь, ассигновалъ тоже 15 руб. сер., съ условіемъ имѣть одну свѣтлую, большую комнату; мы согласились держать кухарку и имѣть свой столъ.

Рѣшеніе это послѣдовало передъ самой масляницей 1840 года, а на масляницѣ мы съ Степаномъ Семеновичемъ стали искать подходящую квартиру, которую, наконецъ, нашли только въ концѣ недѣли, въ Средней Мѣщанской, въ домѣ Жандра, двѣ прекрасныя свѣтлыя комнаты, съ прихожей и кухней, во дворѣ, во второмъ этажѣ, выходящія на солнечную сторону и заключавшія въ себѣ шесть оконъ, за 20 руб. сер. въ мѣсяцъ. Въ послѣдній день масляницы, въ воскресенье, Семенъ Семеновичъ пошелъ самъ взглянуть что̀ мы нашли, и одобрилъ нашу находку; а на первой недѣлѣ поста мы уже переѣхали на новую квартиру. Семенъ Семеновичъ съ братомъ заняли заднюю комнату, а вторую—я. Обстановка нашей квартиры была небогатая, но приличная, и мы зажили хорошо.

Теперь насъ стали посѣщать всѣ наши общіе знакомые, а Семена Семеновича его немногочисленные друзья-земляки, переселившіеся тогда въ Петербургъ, кажется, порховскіе или великолуцкіе купцы Сысоевы, отецъ и три сына, хорошіе, честные и приличные люди, изъ которыхъ второй сынъ находился въ высшихъ классахъ гимназіи, затѣмъ поступилъ въ университетъ, по окончаніи котораго сдѣлался нотаріусомъ; затѣмъ Антонъ Ивановичъ, тридцать лѣтъ завѣдывавшій мѣховымъ магазиномъ Новинскихъ, витебскій однокашникъ Степана-Стригацкій и еще какой-то красильщикъ совсѣмъ простой, но честный и трезвый человѣкъ. Вотъ весь кружокъ знакомыхъ Дудышкиныхъ, которые посѣщали насъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, а иногда нѣкоторые изъ нихъ являлись вечеромъ съиграть въ вистъ, до котораго Семенъ Семеновичъ былъ охотникъ, и игра шла самая невысокая.

Для меня весьма интересны были знакомые Дудышкиныхъ, которыхъ мы съ Степаномъ Семеновичемъ и Ап. Ник. Майковымъ про-

звали византійцами, но о которыхъ до сихъ поръ я сохранилъ добрую память, какъ о простыхъ и добрыхъ русскихъ людяхъ, умѣвшихъ держаться съ достоинствомъ и обходиться со вниманіемъ съ молодыми людьми, стоявшими выше ихъ, и заслужить ихъ уваженіе. Наконецъ, со стороны Дудышкиныхъ было и то хорошо, что, войдя въ знакомство съ людьми хорошаго общества, они не гнушались и не пренебрегали своими земляками, теперь уже рознившимися отъ нихъ. Такъ прожили мы мартъ и апрѣль мѣсяцы, вполнѣ наслаждаясь нашимъ новымъ нестѣсненнымъ и независимымъ положеніемъ, и уже стали готовиться къ экзаменамъ, и нѣкоторые изъ нихъ сдали, какъ въ нашей новой жизни произошелъ неожиданный переворотъ, и совершенно случайно.

Живя съ Дудышкиными, я вспомнилъ, что мнѣ слѣдуетъ еще получить отъ Петра Ивановича Севастьянова, впослѣдствіи извѣстнаго нашего туриста и археолога, ознакомившаго Россію съ древностями Аѳонской горы,— сто руб. сер. за брата его Ивана Ивановича, которому онъ просилъ меня выдавать карманныя деньги не болѣе 100 руб. сер. въ мѣсяцъ. Написавъ Петру Ивановичу объ этомъ долгѣ, я получилъ довольно неопредѣленный отвѣтъ и потому, спустя нѣкоторое время, отправился къ Севастьянову на вечеръ, намѣреваясь въ то же время покончить съ нимъ и этотъ старый счетъ.

Петръ Ивановичъ радъ былъ меня видѣть, и послѣ первыхъ же привѣтствій у насъ пошли объясненія на счетъ слѣдуемыхъ мнѣ денегъ, которыхъ я, всетаки, не получилъ; расходиться же съ Петромъ Ивановичемъ изъ-за ста рублей я не желалъ.

Когда дѣло это кончилось для меня, такимъ образомъ, въ пустую, Севастьяновъ успокоился и сообщилъ мнѣ, что 25-го мая онъ ѣдетъ за границу. Пошелъ разговоръ на эту тэму. Я высказалъ, не размышляя долго, что очень желалъ бы отправиться тоже за границу вмѣстѣ съ нимъ.

— Прекрасно,—замѣтилъ онъ:—но на какія же средства вы поѣдете?

— Я могу уѣхать только на вакаціонное время и не далѣе конца октября. У меня есть, т. е. будетъ ко времени вашего отъѣзда 1,500 руб. сер., и я думаю, что этой суммы на пять мѣсяцевъ будетъ весьма довольно, считая по 300 рублей на мѣсяцъ.

— Но отпустятъ ли васъ за границу?—во-первыхъ, вы студентъ, а, во-вторыхъ—полякъ, да еще и молодой. Пожалуй, не позволятъ.

— Потому-то я и хочу ѣхать съ вами. Вы меня хорошо знаете, а въ прошеніи я напишу, что отправляюсь за границу вмѣстѣ съ статскимъ совѣтникомъ Севастьяновымъ. Генералъ-губернаторъ Эссенъ васъ лично знаетъ, и я болѣе чѣмъ увѣренъ, что препятствія не будетъ.

— Итакъ, дѣло рѣшенное,—произнесъ Севастьяновъ:—мы отправляемся съ вами за границу.

Пошли разные планы, предположенія и разсужденія. Пробило три часа и, такъ какъ на другой день у насъ былъ экзаменъ, то я поспѣшилъ домой. Лице мое пылало, глаза горѣли, въ головѣ происходило что-то необыкновенное, сердце билось усиленно, я не зналъ что̀ собственно со мною дѣлалось: какъ будто я совершилъ какое либо безразсудство или ужасную непростительную глупость.

Войдя въ квартиру, первымъ моимъ дѣломъ было разбудить Степана Семеновича и сообщить ему, что 25-го мая я отправляюсь за границу. Я едва растормошилъ его, и на вопросъ: — гдѣ это, сверхъ обыкновенія, я засидѣлся такъ долго? — отвѣтилъ ему почти по складамъ, что 25-го мая ѣду за границу. Дудышкинъ протеръ глаза, пристально посмотрѣлъ на меня и, убѣдившись, что я не пьянъ, сказалъ:

— Изъ-за этого-то ты меня разбудилъ... свинтусъ же ты порядочный!

И, во избѣжаніе дальнѣйшихъ объясненій, завернулъ голову въ одѣяло и повернулся къ стѣнѣ.

Грустно мнѣ стало, что не съ кѣмъ было раздѣлить своей радости, оставалось только броситься на диванъ и послѣдовать примѣру товарища. Мы обыкновенно вставали въ 8 часовъ утра, Степанъ всталъ нѣсколько раньше, и, вспомнивъ мои слова, разбудилъ меня, желая снять съ меня показаніе, что̀ со мною происходило ночью. Я тотчасъ проснулся.

— Скажи, на милость, что̀ вчера съ тобой было?

— Ничего, — я уѣзжаю за границу 25-го мая.

— Ты ѣдешь за границу... Тутъ Дудышкинъ пристально взглянулъ мнѣ въ глаза, потомъ быстро пошелъ въ другую комнату, гдѣ спалъ его братъ, и сообщилъ ему въ полголоса:

— Старчевскій, кажется, помѣшался...

Комнаты наши были невелики, и мнѣ отлично были слышны слова Степана. Я тотчасъ спрыгнулъ съ дивана, накинулъ на себя лѣтнее пальто, служившее мнѣ вмѣсто халата, и бросился въ комнату Семена Семеновича со смѣхомъ. Дудышкины испугались и приняли оборонительное положеніе... но дѣло вскорѣ объяснилось; они только развели руками... Начались объясненія, какъ быть съ квартирой; но ударило девять часовъ, и мы со Степаномъ, надѣвъ шпаги и треуголки, отправились на экзаменъ.

Насъ проэкзаменовали до 12-ти часовъ, а въ часъ я былъ уже въ кабинетѣ ректора П. А. Плетнева и подалъ ему прошеніе: разрѣшить мнѣ держать экзамены изъ предметовъ III курса раньше положенныхъ сроковъ, такъ, чтобы я имѣлъ возможность кончить всѣ экзамены къ 25-му мая, а потомъ просилъ уволить меня изъ университета на три мѣсяца для поѣздки въ Неаполь, гдѣ я желалъ ближе познакомиться съ рукописями, открытыми въ Помпеѣ.

Благороднѣйшій и внимательнѣйшій къ нуждамъ молодыхъ сту-

дентовъ П. А. Плетневъ, вполнѣ сочувствуя моей любознательности, тутъ же написалъ на моемъ прошеніи разрѣшеніе на то и другое и объявилъ мнѣ, что сегодня же сдѣлаетъ о томъ распоряженіе. Выйдя изъ кабинета ректора, я натолкнулся на Дудышкина, поджидавшаго меня у дверей, и когда я объявилъ ему, что все разрѣшено, то замѣтилъ, что Дудышкинъ поблѣднѣлъ и сталъ болѣе и болѣе убѣждаться, что я, дѣйствительно, рехнулся, такъ какъ все, что я дѣлалъ, могъ дѣлать одинъ только сумасшедшій.

Добывъ свидѣтельство о болѣзни и подавъ прошеніе генералъ-губернатору, я продолжалъ ежедневно отправляться съ Дудышкинымъ на экзамены, что̀ продолжалось до тѣхъ поръ, пока не было все покончено.

Двадцатаго мая я получилъ заграничный паспортъ, собралъ всѣ свои капиталы и превратилъ ихъ въ 300 полуимперіаловъ; мы съ Дудышкинымъ тщательно перемыли ихъ и, словно дѣти, любовались ихъ блескомъ. Это были первыя деньги въ такомъ необъятномъ количествѣ, какія намъ удалось видѣть.

25-го числа, Степанъ Семеновичъ Дудышкинъ и Аполлонъ Николаевичъ Майковъ, мои товарищи и сокурсники, проводили меня на Англійскую набережную, гдѣ противъ конторы Общества любекскаго пароходства я сѣлъ на пароходъ и вмѣстѣ съ П. И. Севастьяновымъ отправился въ Кронштадтъ, а оттуда за границу. Но С. С. Дудышкинъ, всетаки, былъ убѣжденъ, что голова моя не въ порядкѣ... и, удаляясь отъ набережной, я видѣлъ, что товарищи мои о чемъ-то толковали и странно улыбались...

Разставшись съ Дудышкиными и отправившись за границу, я до того былъ поглощенъ мыслью увидать Европу, что ни разу не подумалъ о томъ, что своимъ поступкомъ ставилъ братьевъ Дудышкиныхъ въ неловкое положеніе. У нихъ никогда не было въ разсчетѣ тратить на квартиру столько, сколько мы платили теперь. Поживъ три мѣсяца по-новому и въ иной атмосферѣ, чѣмъ прежде, имъ опять приходилось возвратиться къ старымъ порядкамъ, тѣмъ болѣе, что Степанъ Семеновичъ не имѣлъ ни уроковъ, ни переводовъ въ какомъ либо журналѣ, чѣмъ онъ хоть сколько нибудь могъ бы помогать брату. Все время моего пребыванія за границей, т. е. до 20-го октября, когда я возвратился въ Петербургъ, я не писалъ Дудышкину, будучи всецѣло поглощенъ диковинками европейской цивилизаціи. Дудышкинъ тоже не могъ корреспондировать со мною, такъ какъ я недолго оставался на одномъ мѣстѣ и онъ не зналъ, гдѣ и въ какое время я находился.

Не знаю, остались ли Дудышкины на той квартирѣ, на которой мы жили вмѣстѣ, потому что, возвратившись изъ-за границы, я остановился въ домѣ Севастьянова, что̀ въ Гороховой улицѣ, гдѣ, по приказанію Петра Ивановича, мнѣ отведена была комната въ его квартирѣ, никѣмъ не занятой, гдѣ я и оставался до второй моей поѣздки за границу, 20-го декабря того же года. Былъ ли я

у Дудышкиныхъ, теперь не могу вспомнить; наши отношенія нѣсколько измѣнились, и Дудышкинъ относился ко мнѣ холоднѣе, чѣмъ прежде; во время моего путешествія, онъ поступилъ на четвертый курсъ, а въ іюнѣ 1841 года окончилъ университетъ и вышелъ пятымъ или шестымъ кандидатомъ съ правомъ служить въ столицѣ, чѣмъ пользовались лишь первые десять кандидатовъ.

Въ 1841 году, я находился въ Берлинѣ, жилъ въ домѣ нашего посольства, приготовлялъ сыновей барона Мейендорфа, нашего посланника при берлинскомъ дворѣ, въ Пажескій корпусъ, посѣщалъ Берлинскій университетъ, корпѣлъ надъ собираніемъ иностранныхъ источниковъ русской исторіи и ни съ кѣмъ не переписывался изъ школьныхъ друзей, и вовсе не зналъ, что̀ съ ними дѣлается. Между тѣмъ, въ это время Степанъ Семеновичъ лишился брата, единственной подпоры и поддержки, а вскорѣ и самъ сильно заболѣлъ тяжкою болѣзнью.

Въ августѣ 1842 года, я возвратился изъ-за границы.

Мнѣ очень хотѣлось повидаться съ Дудышкинымъ, и я скоро напалъ на его слѣдъ: оказалось, что братъ его умеръ, а онъ жилъ на Литейной, въ домѣ Дренякиной. Дудышкинъ занималъ большую комнату въ два окна, во второмъ этажѣ, у старой, рябой и сердитой прачки, которая съ своею шестнадцатилѣтнею незаконнорожденною дочерью Катею помѣщалась въ кухнѣ.

Когда я поутру, часу въ одиннадцатомъ, вошелъ въ комнату Дудышкина, онъ больной, исхудалый, лежалъ на турецкомъ диванѣ; увидѣвъ меня, онъ растерялся, не зная: во снѣ ли онъ меня видитъ, или на яву, потомъ сильно покраснѣлъ и, когда я подошелъ къ нему и поздоровался, онъ протянулъ мнѣ руку и заплакалъ: ему пришло на память все прошлое... Успокоившись, онъ сталъ разспрашивать: какъ это я очутился въ Петербургѣ, и первый его вопросъ былъ: гдѣ я остановился. Я передалъ ему, что еще нигдѣ, и навѣрно не знаю, долго ли еще останусь въ Петербургѣ, тогда онъ замѣтилъ:

— Будемъ опять жить вмѣстѣ, а когда я выздоровѣю, отыщемъ другую, болѣе удобную для насъ квартиру.

Я согласился, и къ вечеру мой дорожный чемоданъ съ вещами и другой съ бумагами были уже на квартирѣ Дудышкина, а второй диванъ его, обитый краснымъ барканомъ, служилъ мнѣ временною кроватью. Оказалось, что онъ, хотя и окончилъ университетъ въ прошломъ году, но по настоящее время не можетъ найдти себѣ мѣста, не смотря на то, что многіе о немъ хлопочутъ, и что пока онъ существуетъ уроками, которые даетъ у А. Г. Теплякова, его дочери, у Н. А. Свиньиной[1]) и у князя Петра Ивано-

[1]) Вдовы извѣстнаго литератора двадцатыхъ годовъ Пав. П. Свиньина, перваго редактора-издателя прежнихъ «Отечественныхъ Записокъ». Н. А. Свиньина была родная сестра Н. А. Майкова, а старшая дочь ея вышла впослѣдствіи за А. Ѳ. Писемскаго, нашего романиста.

вича Шаховскаго. Всѣ эти лица принимали въ немъ горячее участіе, втеченіе его болѣзни навѣщали его и оказывали ему разныя услуги.

Прежнія его знакомства со смертью брата прекратились, византійцы почти не бывали у него, прочіе земляки тоже; Аполлонъ Николаевичъ Майковъ, по окончаніи университета, уѣхалъ въ Италію, поселился въ Римѣ, рѣдко писалъ оттуда, такъ что кругъ знакомства Дудышкина ограничивался посѣщеніемъ Валер. и Влад. Ник. Майковыхъ, Вл. Апол. Солоницына (Солика—тожъ) и Ив. Ал. Гончарова, съ которымъ Степанъ Семеновичъ свелъ дружбу и который, живя по сосѣдству на Литейной, ежедневно отправляясь на службу въ департаментъ внѣшней торговли, аккуратно заходилъ къ Дудышкину. За квартиру Дудышкинъ платилъ 12 рублей, а Катя приносила ему изъ кухмистерской обѣдъ, стоившій, кажется, 8 руб. сер. въ мѣсяцъ, чѣмъ мы оба и питались, находя, что одной порціи для двухъ молодыхъ людей вполнѣ достаточно.

Мой пріѣздъ, казалось, принесъ Дудышкину счастье, потому что, со дня моего переѣзда къ нему, онъ началъ поправляться, а въ половинѣ сентября сталъ уже ходить на уроки. Тутъ-то я познакомился впервые съ Ив. Ал. Гончаровымъ, съ княземъ Шаховскимъ и его дѣтьми. Вскорѣ мы рѣшили искать другую квартиру, сами искали ее, заставляли искать Дарью Трифоновну, съ которой не хотѣли разстаться и обидѣть старуху; однако, провели на старой квартирѣ не только святки, но и пасху слѣдующаго 1843 года, и лишь въ концѣ апрѣля отыскали квартиру вполнѣ намъ подходящую въ домѣ графини Ланской, извѣстномъ тогда своимъ огромнымъ дворомъ, выходящимъ на Мойку, рядомъ съ домомъ Монферрана, котораго впослѣдствіи я сдѣлался владѣльцемъ, чего тогда никакая — самая отчаянная цыганка не дерзнула бы предсказать мнѣ... Въ лѣвомъ флигелѣ корпуса, выходившаго въ Глухой переулокъ, во второмъ этажѣ, мы заняли квартиру въ двѣ комнаты, отдавъ кухню съ передней въ распоряженіе Дарьи Трифоновны и ея дочки Кати, продолжавшей носить намъ обѣдъ изъ сосѣдней кухмистерской. Здѣсь-то я приготовлялся къ экзамену на степень кандидата и получилъ первую работу для «Журнала министерства народнаго просвѣщенія», а Дудышкинъ продолжалъ давать уроки, по праздникамъ обѣдалъ у Майковыхъ, остальное время посвящалъ службѣ, получивъ, по ходатайству князя Шаховскаго, мѣсто въ коммиссаріатскомъ департаментѣ, которымъ тогда завѣдывалъ страшный генералъ Храпачевъ, бичъ коммиссаріатскихъ чиновниковъ.

Но намъ недолго пришлось жить вмѣстѣ; я получилъ троихъ учениковъ, работы по археографической коммиссіи и занятія по русскому отдѣленію библіотеки императорской академіи наукъ, и потому долженъ былъ поселиться за Чернышевымъ мостомъ, по нынѣшней Николаевской улицѣ въ домѣ Поспѣевой; Дудышкинъ

остался въ домѣ графини Ланской одинъ. Такъ прошелъ конецъ 1843 и начало 1844 года. Дудышкинъ изрѣдка посѣщалъ меня съ Валеріаномъ Майковымъ; онъ продолжалъ служить и давать уроки. Но, спустя годъ, мы рѣшились опять поселиться вмѣстѣ, но уже втроемъ.

Между тѣмъ Ап. Н. Майковъ еще пребывалъ въ Римѣ, Влад. Андр. Солоницынъ, помощникъ О. И. Сенковскаго по редакціи «Библіотеки для Чтенія», отъ усиленныхъ занятій заболѣлъ, отправился за границу лечиться и, спустя три мѣсяца, скоропостижно умеръ въ Бельгіи, въ вагонѣ на брюссельской желѣзной дорогѣ. Его племянникъ (Влад. Апол. Солоницынъ) остался сиротой послѣ дяди, такъ какъ родители его давно уже умерли, и мы съ Дудышкинымъ, не желая, чтобъ онъ опустился и погибъ, рѣшили поселиться втроемъ, прихвативъ и Солика, который уже пописывалъ стишки, иной разъ весьма недурные, но любилъ играть въ карты не по средствамъ.

Мы наняли квартиру въ Конногвардейскомъ переулкѣ, въ домѣ Трузсона, заняли третій этажъ во флигелѣ, параллельномъ корпусу, надъ Половцевыми, которыхъ мать и три сына жили во второмъ этажѣ этого флигеля; квартира наша состояла изъ четырехъ комнатъ большихъ, высокихъ, свѣтлыхъ, гдѣ мы опять зажили на аристократическую ногу,—каждый изъ насъ имѣлъ по отдѣльному рабочему кабинету и, кромѣ того, у насъ была общая гостиная въ три окна. Соликъ наслѣдовалъ послѣ дяди всякую домашнюю утварь, для храненія которой ему приходилось бы нанять большую кладовую, поэтому всю свою мебель перевезъ въ нанятую нами квартиру, и у насъ очутилась отличная мебель нѣмецкой работы изъ краснаго дерева.

Насъ стали навѣщать всѣ наши хорошіе знакомые и ихъ родственницы дамы, цѣлою компаніею. Наконецъ, возвратился изъ-за границы и А. Н. Майковъ, и Дудышкинъ, кромѣ службы и уроковъ у князя Шаховскаго, почти большую часть вечеровъ и праздники сталъ проводить у Майковыхъ. Въ это время и я сталъ бывать у Майковыхъ, особенно по праздникамъ, но довольно рѣдко, такъ какъ постоянно заваленъ былъ разными работами для «Журнала министерства народнаго просвѣщенія» и другими литературными подѣлками.

Здѣсь кстати сказать нѣсколько словъ о семействѣ Майковыхъ, служившемъ для Дудышкина лучшей школой, да не только для него, но и для многихъ другихъ молодыхъ людей, сдѣлавшихся впослѣдствіи извѣстными литераторами.

Это было во всѣхъ отношеніяхъ прекрасное и образцовое семейство въ родѣ тѣхъ, о какихъ мечтали во французскихъ и англійскихъ повѣстяхъ, гдѣ описывались семейства Ванъ-Дика, Чимарозы и другихъ. Семейство Майковыхъ состояло изъ шести чле-

новъ, но, начиная съ обѣда до поздней ночи, тамъ почти ежедневно собиралось порядочное общество. Глава семейства, сынъ извѣстнаго въ началѣ этого столѣтія директора императорскихъ театровъ Ап. Ал. Майкова, Николай Аполлоновичъ Майковъ, отставной гусарскій офицеръ, красивый брюнетъ, съ открытымъ добродушнымъ характеромъ, былъ женатъ на дочери московскаго золотопромышленника Гусятникова, Евгеніи Петровнѣ, стройной, красивой брюнеткѣ, съ продолговатымъ аристократическимъ лицомъ, на которую былъ чрезвычайно похожъ второй сынъ Валеріанъ. Н. А. Майковъ послѣ женитьбы вышелъ въ отставку и жилъ въ Москвѣ. Когда же пришло время воспитывать старшихъ сыновей, онъ переселился въ Петербургъ.

Еще въ Москвѣ Н. А. Майковъ сталъ заниматься живописью, какъ любитель-самоучка. Въ Петербургѣ онъ посвятилъ себя ей вполнѣ. Однажды онъ отправился на толкучку Апраксина двора, гдѣ прежде была масса деревянныхъ лавочекъ съ книгами, рисунками, картинками и картинами, писанными масляными красками, сталъ перебирать разные рисунки, и вдругъ ему попалась небольшая картинка, вырѣзанная на стали и представляющая извѣстную католическую Virgo immaculata, или что-то въ этомъ родѣ, гдѣ пресвятая Дѣва попираетъ ногою змѣя... Н. А. купилъ эстампъ и принялся писать съ него картину масляными красками. Вскорѣ готовъ былъ чудный образъ, который, не смотря на то, что въ живописи Н. А. проглядывалъ самоучка, былъ одобренъ государемъ Николаемъ Павловичемъ и помѣщенъ запрестольнымъ образомъ въ Троицкомъ соборѣ,—что̀ въ Измайловскомъ полку,—оконченномъ къ тому времени. Вотъ случай, окончательно сдѣлавшій Н. А. Майкова живописцемъ. Вскорѣ послѣ того, имъ были написаны еще нѣкоторые образа для Троицкаго измайловскаго собора и для Малой церкви Зимняго дворца, возобновлявшейся послѣ извѣстнаго пожара; наконецъ, ему было заказано исполненіе лѣваго иконостаса для Исакіевскаго собора. Колоритъ у него былъ неподражаемъ, и хотя рисунокъ и композиція грѣшили многимъ, но за колоритъ ему отдали работы по Исакіевскому собору.

Въ это время молодые Майковы, посѣщавшіе университетъ, приволокли въ свой домъ Дудышкина, желая сдѣлать изъ него общественнаго человѣка. Тогда Н. А. было уже подъ пятьдесятъ, супругѣ его Евгеніи Петровнѣ за сорокъ. Были они люди въ высшей степени радушные, симпатичные и гостепріимные. Старшій сынъ Ап. Ник. еще очень молодой человѣкъ, похожій на отца, только въ миніатюрномъ видѣ, рано обнаружилъ поэтическій талантъ, который доставилъ ему извѣстность впослѣдствіи. Второй сынъ Валеріанъ былъ надѣленъ большими публицистическими способностями, но тогдашнее время обрѣзало ему крылья, а затѣмъ случайная смерть погубила весьма даровитаго и способнаго юношу.

Третій сынъ, такъ называемый старичекъ, по своему тихому и спокойному нраву, — Владиміръ Николаевичъ, менѣе даровитый, былъ тогда еще гимназистомъ. Четвертый—Леонидъ Николаевичъ былъ тогда ребенкомъ.

Семейство Майковыхъ дополнялось еще слѣдующими лицами, младшій братъ Ник. Апол., Константинъ Апол., полковникъ Измайловскаго полка, завѣдывалъ библіотекой военной академіи, часто навѣщалъ брата и проводилъ у него цѣлые вечера съ молодыми людьми. Наталья Александровна Майкова, вдова одного изъ братьевъ Н. А., рожденная Измайлова, дочь извѣстнаго литератора, поэта и журналиста двадцатыхъ годовъ, дама превосходно образованная и воспитанная, одаренная внѣшними прекрасными качествами и остроуміемъ, — была инспектриссой Екатерининскаго института, лично извѣстна императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, при возможности посѣщала своего деверя и привозила съ собою нѣсколько класныхъ дамъ; затѣмъ слѣдовали люди, занимавшіеся наукою, искусствомъ и литературою. Вотъ каково было семейство Майковыхъ, въ которое введенъ былъ Степанъ Семеновичъ Дудышкинъ.

Прибавьте ко всему этому милое, свободное, но всегда приличное обращеніе, откровенность, юморъ, радушіе хозяевъ и умѣніе ихъ поддерживать разговоръ, переплетая его оживленными эпизодами и отступленіями, и тогда вы получите довольно приблизительное понятіе о томъ, какое значеніе имѣлъ въ свое время домъ Майковыхъ для молодыхъ людей, которымъ почему либо приходилось сблизиться съ его младшими членами. Въ этомъ кругу никогда не происходило ни пошлыхъ разговоровъ, не сообщалось двусмысленныхъ анекдотовъ, никто не осуждался, никто не осмѣивался; а между тѣмъ всѣмъ было весело, привольно, занятно, и постоянные посѣтители неохотно брались за шляпы въ три часа ночи, чтобы отправиться восвояси. Здѣсь Дудышкинъ былъ перевоспитанъ, отшлифованъ, набрался ума-разума, хорошаго обхожденія, выработалъ себѣ манеры, свое «tenue» и даже имѣлъ свой тонъ. Если вспомнить Дудышкина, пріѣхавшаго изъ Витебска, и сличить его съ Дудышкинымъ — сотрудникомъ «Отечественныхъ Записокъ», то это были два совершенно различные человѣка. Вотъ что дѣлаетъ общеніе съ образованными, благовоспитанными людьми въ ихъ тѣсномъ кружкѣ.

Въ семействѣ Майковыхъ, по вечерамъ, въ воскресенье и другіе праздничные дни, когда собиралось много молодежи, часто происходили чтенія чего нибудь выдающагося въ современной журналистикѣ, съ критическими и другими замѣчаніями, идущими къ дѣлу. Чтенія эти введены были покойнымъ Владиміромъ Андреевичемъ Солоницынымъ, о которомъ уже была рѣчь выше, но со смертью его чтенія эти почти прекратились, какъ вдругъ Иванъ Александ-

дровичъ Гончаровъ, написавъ свою «Обыкновенную исторію», заявилъ въ одинъ вечеръ, что прежде, чѣмъ отдать ее въ печать, желалъ бы прочесть свое первое произведеніе у Майковыхъ въ нѣсколько вечеровъ и выслушать замѣчанія именно молодаго, чуткаго, откровеннаго и ничѣмъ не стѣсняющагося поколѣнія; тѣмъ болѣе, что всѣ слушатели были его ближайшіе друзья и доброжелатели, и если бы въ чемъ нибудь замѣчанія ихъ оказались невѣрны, то ихъ тутъ же и опровергнутъ.

Въ тотъ же день я получилъ отъ Вл. Аполлон. Солоницына записку, въ которой онъ приглашалъ меня прійдти въ шесть часовъ вечера слушать сочиненіе Гончарова, о существованіи котораго до тѣхъ поръ никому не было извѣстно. Вотъ содержаніе этой записки:

«Евгенія Петровна (т. е. Майкова), Валерьянъ и я купно совѣтуемъ тебѣ прійдти слушать повѣсть Ив. Ал. (т. е. Гончарова), хотя къ 6-ти часамъ, иначе Ив. Ал. разсердится, тѣмъ болѣе, что онъ читаетъ повѣсть для тебя и Юліи Дмитріевны, которые не слыхали ея, а не для М—хъ (т. е. Майковыхъ), которые уже слышали ее дважды. Притомъ онъ, пожалуй, и не отдастъ ее въ твой журналъ (тогда я имѣлъ въ виду издавать «Русскій Вѣстникъ», который передавалъ мнѣ Сер. Ник. Глинка). Если ты не прійдешь, это его весьма обидитъ; ты знаешь, какъ онъ скрупулезенъ. Итакъ убѣдительно совѣтуемъ прійдти къ 6-ти часамъ. Отвѣтъ хоть словомъ.

«В. Солоницынъ».

На другой день я явился въ семь часовъ вечера къ Майковымъ и засталъ тамъ всѣхъ нашихъ знакомыхъ. Спустя четверть часа, Ив. Ал. началъ читать свою повѣсть. Всѣ мы слушали ее со вниманіемъ. Языкъ у него хорошъ; она написана очень легко и до чаю прочитано имъ было порядочно. Когда разнесли чай, начались замѣчанія, но они были незначительны и не существенны. Вообще повѣсть произвела хорошее впечатлѣніе. Чтеніе продолжалось нѣсколько вечеровъ сряду и по мѣрѣ ближайшаго знакомства съ повѣстью развивался и интересъ; все яснѣе и яснѣе выходили лица. Конечно, замыселъ ея незатѣйливъ, ничего сложнаго и запутаннаго не было; но по мѣрѣ ближайшаго знакомства съ дѣйствующими лицами, все чаще и чаще становились замѣчанія; но это были замѣчанія слишкомъ молодыхъ и неопытныхъ еще людей; дамы тоже дѣлали въ эти замѣчанія и свои вставки, также не имѣвшія никакого критическаго значенія; старики вовсе не высказывались.

Жаль, что тогда среди насъ не было ни одного человѣка съ опытомъ и авторитетомъ, который зналъ бы, на что слѣдовало обратить вниманіе, что измѣнить, сократить или развить. Не смотря,

однако, на самыя легкія замѣчанія молодежи, Ив. Ал. обратилъ вниманіе на нѣкоторыя замѣчанія самаго младшаго изъ насъ, Валеріана Майкова, и рѣшился сдѣлать измѣненія въ повѣсти «Обыкновенная исторія», сообразно съ указаніями молодаго критика. Конечно Ив. Ал. во время чтенія своей повѣсти при многочисленномъ обществѣ самъ лучше другихъ замѣчалъ, что̀ надобно измѣнить и исправить, и потому постоянно дѣлалъ свои отмѣтки на рукописи, а иногда и просто перечеркивалъ карандашемъ нѣсколько строкъ. Но все же передѣлка эта потребовала немного времени, потому что спустя нѣсколько дней опять назначено было вторично прослушать «Обыкновенную исторію» въ исправленномъ видѣ; я снова получилъ приглашеніе, но не могъ имъ воспользоваться, потому что редакторъ «Журнала мин. нар. просв.», Константинъ Степановичъ Сербиновичъ, прислалъ мнѣ какую-то спѣшную работу; а такъ какъ онъ былъ человѣкъ въ высшей степени аккуратный и всегда означалъ, къ какому дню статья должна быть готова и доставлена ему на домъ лично, поэтому я не былъ на вторичномъ чтеніи повѣсти Гончарова.

Героемъ для повѣсти Гончарова послужилъ его покойный начальникъ Вл. Андр. Солоницынъ и Адр. Парѳ. Заблоцкій-Десятовскій, братъ котораго, Михаилъ Парѳ., бывшій съ нами въ университетѣ и знакомый Ив. А—ча, близко познакомилъ автора съ этой личностью. Изъ двухъ героевъ, положительныхъ и черствыхъ, притомъ не послѣднихъ эгоистовъ, мечтавшихъ только о томъ, какъ бы выйдти въ люди, составить капиталецъ и сдѣлать хорошую партію, Ив. Ал. выкроилъ своего главнаго героя.

Племянничекъ съ желтыми цвѣтами составленъ изъ Солика (племянника В. Андр. Солоницына — Вл. Аппол. Солоницына) и Михаила Парѳеновича Заблоцкаго-Десятовскаго; а прощаніе съ матерью, приготовленіе къ отъѣзду и первое впечатлѣніе, произведенное на племянничка Петербургомъ — это описаніе своего отъѣзда изъ роднаго гнѣзда и пріѣздъ въ Петербургъ.

Антонъ Ивановичъ — это тоже лицо, мнѣ хорошо знакомое; для этого господина матеріаломъ послужилъ, во-первыхъ, Вл. Андр. Солоницынъ, а, во-вторыхъ, дѣйствительный Антонъ Ивановичъ, знакомый Дудышкина, цѣлыхъ сорокъ лѣтъ завѣдывавшій дѣлами Новинскихъ, торговцевъ мѣхами, и къ которому во всѣхъ дѣлахъ обращался за совѣтомъ Степанъ Семеновичъ Дудышкинъ, не придавая, однако, этимъ совѣтамъ большаго значенія.

Когда мы съ Дудышкинымъ и Соликомъ поселились въ домѣ Трузсона, Ст. Сем. продолжалъ служить въ своемъ коммиссаріатѣ, почитывалъ въ свободное время выходившіе толстые журналы, давалъ очень мало уроковъ и довольно часто проводилъ вечера у Майковыхъ.

Въ концѣ 1844 года, молодой отставной военный, Ѳедоръ Карловичъ Дершау, выхлопоталъ себѣ у правительства право издавать

толстый журналъ, подъ названіемъ «Финскій Вѣстникъ». Дершау не имѣлъ никакихъ данныхъ, чтобы быть редакторомъ; единственный его литературный трудъ: «Поѣздка по Финляндіи», былъ первымъ и довольно слабымъ, а затѣмъ и послѣднимъ литературнымъ трудомъ, такъ какъ онъ былъ осмѣянъ во всѣхъ тогдашнихъ газетахъ и журналахъ.

Дершау жилъ по сосѣдству съ Майковыми; А. Н. тогда уже возвратился изъ Италіи и давно печаталъ свои стихотворенія въ журналахъ. Дершау обратился къ нему съ просьбой образовать ему редакцію и взять на себя это дѣло. Послѣ должнаго обсужденія, молодые Майковы не только приняли на себя это дѣло, но хотѣли войдти и въ часть по изданію. Первая книжка «Финскаго Вѣстника» была редактирована ими, въ ней замѣчательнѣйшей статьей была статья Вал. Майкова: «Общественныя науки», обратившая на себя вниманіе въ тогдашнихъ литературныхъ кружкахъ. Вскорѣ оказалось, однако, что у Дершау не было никакихъ средствъ и что съ нимъ нельзя было сварить каши, и Майковы бросили «Финскій Вѣстникъ», но еще до этого просили они у меня какой либо исторической статьи, такъ какъ по этой части я занимался уже два года въ «Журн. мин. народн. просв.». Я охотно принялъ ихъ предложеніе и обѣщалъ имъ написать: «Очеркъ литературы русской исторіи съ древнѣйшихъ временъ до Карамзина». Предложеніе мое было принято, но я передалъ эту статью «Финскому Вѣстнику» уже въ то время, когда Майковы не имѣли съ нимъ сношеній.

Вторымъ литературнымъ трудомъ Дудышкина была тоже переводная статья: «Наблюденія Якова Гримма надъ составомъ славянскаго языка». Я былъ занятъ «Очеркомъ литературы русской исторіи», когда К. С. Сербиновичъ, редакторъ «Журн. мин. народн. просв.», потребовалъ отъ меня статьи историческаго или филологическаго содержанія. Мнѣ попалась подъ руку статья Гримма, которую я предложилъ Дудышкину перевести съ нѣмецкаго за тотъ гонораръ, который назначитъ редакція «Журн. мин. народн. просв.», но статья будетъ подписана моею фамиліею, потому что Сербиновичъ заказалъ ее мнѣ и я не могу передать ему статьи посторонняго лица. Дудышкинъ взялся за это дѣло, которое оказалось ему не подъ силу; на выручку явился къ нему Валеріанъ Майковъ, и оба они порядочно попотѣли надъ этимъ трудомъ. Статья была доставлена въ редакцію «Журн. мин. народн. просв.», набрана и К. С. велѣлъ послать корректуру къ Прейсу, профессору славянской литературы въ Петербургскомъ университетѣ, который передѣлалъ почти всю статью, да еще явился къ Галанину (помощнику редактора) и нажаловался, что ему задали такую страшную работу. Значитъ, и второй трудъ Дудышкина, какъ и первый, былъ неудаченъ. Это было по веснѣ 1844 года.

Въ началѣ лѣта извѣстный нашъ поэтъ князь Петръ Андреевичъ Вяземскій, у котораго я былъ своимъ человѣкомъ, уѣзжая въ Ревель на лѣто, при послѣднемъ нашемъ свиданіи передалъ мнѣ только что вышедшее тогда въ Берлинѣ сочиненіе его знакомаго, извѣстнаго Варнгагена фонъ-Энзе: «Фельдмаршалъ Кейтъ». —«Вотъ хорошо бы перевести эту книжку,—сказалъ князь П. А.,—а я охотно издалъ бы ее, по пріѣздѣ изъ Ревеля». Получивъ сочиненіе Варнгагена фонъ-Энзе, я пришелъ домой и обратился къ Дудышкину съ предложеніемъ: не хочетъ ли онъ этимъ заняться, или я передамъ этотъ трудъ кому либо другому. Дудышкинъ охотно принялся за дѣло, и къ половинѣ іюля переводъ былъ уже готовъ. Въ концѣ августа возвратился и князь Вяземскій. Переводъ показался ему неудовлетворительнымъ, и онъ не пожелалъ его издать; однако, Дудышкинъ получилъ свой гонораръ; переводъ же остался у меня до сей минуты ненапечатаннымъ; онъ весь написанъ рукой Дудышкина. Это былъ третій его литературный трудъ. Въ сентябрѣ 1845 года, мы опять разстались съ Дудышкинымъ: онъ съ Соликомъ остались въ домѣ Трузсона, а я поселился по сосѣдству съ редакторомъ «Финскаго Вѣстника» Ѳ. К. Дершау. Исторія съ переводомъ біографіи Кейта произвела холодность между нами. Но, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, мы помирились. Дудышкинъ снова началъ посѣщать меня, и даже довольно часто.

Въ концѣ 1845 года, В. Г. Бѣлинскій, крѣпко державшій въ своихъ рукахъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» отдѣлъ критики и библіографіи съ 1840 года, вздумалъ потребовать у А. А. Краевскаго увеличенія гонорара въ увѣренности, что Краевскій, сознавая всю важность для журнала отдѣла критики, удовлетворитъ его желаніе, тѣмъ болѣе, что замѣнить Бѣлинскаго въ «Отечественныхъ Запискахъ» въ то время было некѣмъ. Но Краевскій, какъ редакторъ чисто практическій, въ душѣ радъ былъ представившемуся случаю разстаться съ Бѣлинскимъ и отказался исполнить его желаніе не потому, что бы ему не хотѣлось платить Бѣлинскому довольно значительную въ то время сумму—Бѣлинскій требовалъ назначить ему за критическій отдѣлъ одной изящной словесности 6,000 р. с. въ годъ, а Краевскій хотѣлъ покончить съ такою критикой, какова была критика Бѣлинскаго во второй половинѣ 1844 и въ 1845 году, когда эстетическому разбору Пушкина посвящено было цѣлыхъ двѣнадцать громадныхъ статей, при томъ статей написанныхъ довольно тяжелымъ языкомъ и которыми вовсе не могло наслаждаться большинство публики: это были статьи, имѣвшія неоспоримое достоинство, но имѣвшія значеніе для людей съ высшимъ образованіемъ, присяжныхъ литераторовъ, профессоровъ, учителей гимназій и другой интеллигенціи, посвятившей себя спеціальному служенію, изученію и уясненію себѣ и другимъ, въ чемъ и гдѣ именно находились красоты произведеній

Пушкина, Лермонтова, Гоголя. Большинствомъ читателей эти статьи въ журналѣ не разрѣзывались. Но Краевскій еще не рѣшался разорвать съ Бѣлинскимъ и не зналъ, какъ ему приступить къ такому радикальному перевороту въ своемъ журналѣ. Случай выручилъ его. И. И. Панаевъ, шуринъ Краевскаго, работавшій въ его журналѣ «Отечественныя Записки», позавидовалъ его успѣху и задумалъ самъ издавать журналъ, который и арендовалъ у П. А. Плетнева. Журналъ этотъ былъ «Современникъ», основанный Пушкинымъ, по смерти котораго за изданіе это принялся Плетневъ; но талантливый литераторъ и критикъ оказался плохимъ журналистомъ, и «Современникъ» пришелъ въ самомъ скоромъ времени въ совершенный упадокъ. Дѣло стояло не за сотрудниками, такъ какъ у Плетнева былъ обширный кругъ знакомства съ литераторами и притомъ литераторами первостатейными и очень талантливыми, но у Плетнева не было матеріальныхъ средствъ, т. е. денегъ, съ которыми онъ непремѣнно сдѣлалъ бы дѣло. Выходя книжками въ 7, 8 печатныхъ листовъ, а иной разъ и того менѣе, журналъ напоминалъ собою періодическія изданія двадцатыхъ годовъ и не обращалъ на себя должнаго вниманія, хотя, надо правду сказать, всѣ статьи его имѣли литературное или ученое значеніе.

Заручившись журналомъ отъ Плетнева, И. И. Панаевъ сталъ внушать Бѣлинскому мысль потребовать отъ Краевскаго увеличенія гонорара за критику и испугать его тѣмъ, что Бѣлинскій можетъ перейдти въ новый журналъ, основанный прежними сотрудниками «Отечественныхъ Записокъ». Но, какъ извѣстно, это не подѣйствовало на Краевскаго, и «Современникъ» навязалъ себѣ Бѣлинскаго, который по болѣзни не могъ дать ему ходу и ничего не сдѣлалъ для журнала; притомъ же Бѣлинскій уже совершенно ослабѣлъ физически.

Рѣшивъ, по уходѣ Бѣлинскаго, раздѣлить отдѣлъ критики между нѣсколькими лицами, Краевскій въ самомъ концѣ 1846 года обратился ко мнѣ, чрезъ своего сотрудника г. Калайдовича, съ предложеніемъ, чтобы я взялъ на себя критическій отдѣлъ «Отечественныхъ Записокъ»; это имъ было сдѣлано, вѣроятно, на основаніи слѣдующихъ соображеній. Еще въ 1841—1842 годахъ, находясь въ Берлинѣ, я издалъ тамъ два тома «Сказаній иностранцевъ о Россіи XVI вѣка», на латинскомъ языкѣ. Изданіе это обратило на себя вниманіе заграничныхъ историковъ и нашихъ ученыхъ журналовъ. По возвращеніи изъ-за границы, я сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ съ 1843 года «Журн. мин. нар. просвѣщенія», гдѣ мнѣ былъ порученъ обзоръ журналовъ, статьи по славянскому міру, отдѣлъ исторической критики и оригинальныя статьи историческаго содержанія, такъ что имя мое не сходило съ обертки почти каждаго номера журнала втеченіе трехъ лѣтъ (съ 1843 по 1846 г.);

наконецъ, появившаяся въ 1846 году въ журналѣ «Финскій Вѣстникъ» огромная монографія, вышедшая въ то же время и отдѣльной книгой: «Очеркъ литературы русской исторіи съ древнѣйшихъ временъ до Карамзина», обратила на себя общее вниманіе литераторовъ, и самъ Бѣлинскій сдѣлалъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» отзывъ объ этой монографіи, какъ о книгѣ настольной и необходимой для каждаго русскаго литератора. Вотъ почему Краевскій обратился ко мнѣ съ предложеніемъ. Но, къ моему несчастью, я тогда, только что окончивъ «Жизнь Н. М. Карамзина», заболѣлъ воспаленіемъ печени и не могъ повидаться съ Краевскимъ, котораго вовсе не зналъ и никогда не видалъ. Однако, не смотря на сообщеніе Калайдовича о моей болѣзни, Краевскій настойчиво присылалъ его ко мнѣ освѣдомляться, когда я поправлюсь, и г. Калайдовичъ аккуратно навѣщалъ меня по два раза въ недѣлю; такъ дѣло продолжалось цѣлыхъ два мѣсяца; я никакъ не могъ оправиться отъ сильной простуды и лежалъ пластомъ.

Однажды, вечеромъ, Дудышкинъ пришелъ навѣстить меня, просидѣлъ довольно долго, и тутъ я, между прочимъ, сообщилъ своему университетскому другу о предложеніи, сдѣланномъ мнѣ Краевскимъ, и о постоянныхъ посѣщеніяхъ Калайдовича. Въ свою очередь, Дудышкинъ сообщилъ Майковымъ о томъ, что узналъ отъ меня.

Это подало поводъ Валеріану Майкову сдѣлаться также сотрудникомъ «Отечественныхъ Записокъ» по части критики. Семейство Майковыхъ уже давно было знакомо съ А. А. Краевскимъ; но въ передачѣ критическаго отдѣла въ руки Вал. Майкова главнымъ посредникомъ явился И. С. Тургеневъ. Онъ отрекомендовалъ Валеріана Николаевича Краевскому, какъ автора статьи «Обществен. науки», подававшаго большія надежды. Валеріану Николаевичу даны были работы, сначала по отдѣлу литературной лѣтописи. Вскорѣ и я, оправившись отъ болѣзни, побывалъ у Краевскаго, уговорился съ нимъ и получилъ для критики: 1) «Исторію смутнаго времени», Бутурлина, и 2) два тома «Юридическихъ актовъ, относящихся до Сибири», изданныхъ археографической коммиссіею. Разобравъ то и другое, я доставилъ свои статьи Краевскому, который остался ими очень доволенъ и напечаталъ ихъ безъ всякихъ поправокъ и сокращеній въ первой же іюньской и іюльской книжкахъ «Отечественныхъ Записокъ» 1846 года. Въ это время я узналъ, что и Вал. Майковъ тоже работаетъ для Краевскаго, и что онъ ввелъ туда и Дудышкина. Между тѣмъ мнѣ въ это самое время предложили редакцію «Справочнаго энциклопедическаго словаря», ставившую меня во главѣ важнаго ученаго предпріятія, обезпечивавшаго мнѣ содержаніе и дѣлавшаго меня ни отъ кого не зависящимъ; мнѣ предстояло выбрать то, что для меня выгоднѣе, и я рѣшилъ въ пользу принятія редакціи «Словаря»; но какъ отказаться у Краевскаго? Случай помогъ мнѣ въ этомъ, и совершенно неожиданно.

Въ началѣ 1846 года, до появленія ко мнѣ Калайдовича съ предложеніемъ Краевскаго, я былъ у А. В. Никитенки, своего стараго профессора, съ которымъ сношенія у меня никогда не прекращались до самой его смерти, и просилъ его: не можетъ ли онъ пристроить въ какомъ нибудь журналѣ мою монографію: «Жизнь Н. М. Карамзина». Никитенко съ радостью вызвался пристроить ее у Краевскаго, съ которымъ онъ былъ тогда въ наилучшихъ отношеніяхъ. Я передалъ ему большой свертокъ рукописи, который онъ, пробѣжавъ предварительно, передалъ Краевскому съ своей рекомендаціей. Краевскій, не читая рукописи, сказалъ Никитенкѣ, что охотно принимаетъ «Карамзина», который явится въ первой же книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ»; Никитенко тотчасъ сообщилъ мнѣ объ этомъ. Но я заболѣлъ, и мнѣ было не до Карамзина. Когда я оправился и былъ у Краевскаго для условій на счетъ критическаго отдѣла, то, уходя отъ него, спросилъ о судьбѣ моего Карамзина, на что̀ Краевскій отвѣтилъ, что онъ съ удовольствіемъ напечатаетъ его; но надо провести по всему сочиненію, что Карамзина вовсе не занимали соціальные вопросы.

— Что вы хотите этимъ сказать?—спросилъ я у Краевскаго.

— Повторяю—надо провести чрезъ всю его жизнь, что онъ вовсе не былъ соціологомъ.

— Вы, вѣроятно,—замѣтилъ я:—хотите этимъ сказать, что Карамзинъ не касался общественныхъ вопросовъ, не сочувствовалъ имъ, или и не подозрѣвалъ ихъ?

— Ну да, ну да,—замѣтилъ Краевскій:—онъ не касался вовсе общественныхъ вопросовъ.

— Но какъ же мы можемъ обвинять человѣка въ томъ, когда въ его время о соціальныхъ вопросахъ не было и помину; да это не было тогда и дѣломъ литературы. И въ наше время общественные вопросы проникаютъ въ современную литературу какъ контрабанда!..

— Да, да, но, всетаки, слѣдуетъ провести ту мысль, что Карамзинъ не былъ соціологъ, и я тотчасъ тисну вашу статью.

— Нѣтъ, Андр. Алек.,—возразилъ я:—возвратите мнѣ моего Карамзина, я его и не думаю передѣлывать, пускай себѣ лежитъ у меня въ шкапу; а обвинять человѣка въ томъ, въ чемъ онъ вовсе не повиненъ, я не могу; я нахожусь въ такихъ отношеніяхъ съ Карамзиными, что не въ состояніи рѣшиться на подобный поступокъ, да это и несправедливо.

Взявъ книги для критики и свою рукопись, я отправился въ Царское Село, гдѣ жилъ на дачѣ, поправляясь послѣ болѣзни, и, пріѣхавъ, не развертывая вовсе рукописи, бросилъ ее въ платяной шкапъ. Это обстоятельство и послужило для меня достаточнымъ поводомъ отказаться отъ предложенія Краевскаго, но, такъ какъ онъ навязалъ мнѣ впередъ 200 р. с. и я взялъ для критики

книги, то прежде надо было исполнить относительно его свои обязательства. Я привезъ свои разборы и засталъ у Краевскаго генерала Трескина. Краевскій только что пріѣхалъ съ дачи. Пошли разговоры о Бутурлинѣ, о Филаретѣ Никитичѣ, о которомъ у меня шла рѣчь въ разборѣ «историческихъ актовъ». Тогда была мода либеральничать, и Краевскій позволилъ себѣ при постороннемъ человѣкѣ столь рѣзкія выходки, что я поспѣшилъ уйдти, и съ тѣхъ поръ моя нога не появлялась болѣе въ его кабинетѣ. Возвратившись домой, я написалъ ему отказъ отъ критическаго отдѣла и принялъ редакцію «Справ. энц. словаря». Поздней осенью я зачѣмъ-то пошелъ въ шкапъ и, увидя рукопись о Карамзинѣ, развернулъ ее, сталъ перелистывать и въ трехъ мѣстахъ нашелъ отмѣтки карандашемъ, сдѣланныя почеркомъ Валеріана Майкова. Я былъ очень занятъ своимъ «Спр. энц. слов.» и до половины 1847 года не видался ни съ Вал. Майковымъ, ни съ Дудышкинымъ. Наконецъ, четвертаго іюля ко мнѣ пришелъ Валеріанъ Майковъ съ повинною. Я разсмѣялся и сказалъ, что знаю его вину, и ничего не имѣю противъ него. Это было въ пять часовъ, въ воскресенье, и чтобы показать ему, что я дѣйствительно не сержусь на него, я послалъ за бутылкою шампанскаго, и мы роспили ее съ нимъ вдвоемъ, затѣмъ я проводилъ его до Большой Морской, гдѣ жили его родители, и это былъ послѣдній разъ, что мы съ нимъ видѣлись: черезъ нѣсколько дней ко мнѣ зашелъ Достоевскій и объявилъ, что Валеріанъ утонулъ на дачѣ въ 50 верстахъ за Петербургомъ. Для меня это извѣстіе было не менѣе тяжело, чѣмъ для его родныхъ... Я очень любилъ В. Н., любилъ какъ брата и прощалъ ему увлеченія, такъ какъ по его молодости у него не могъ еще сформироваться характеръ...

Я потому пускаюсь въ эти подробности, что смерть Вал. Майкова послужила къ тому, что Дудышкинъ, съ осени 1846 года, занялъ его мѣсто въ «Отечественныхъ Запискахъ», но только какъ сотрудникъ по отдѣлу библіографіи, а впослѣдствіи и критики.

Съ семействомъ Майковыхъ Дудышкинъ попрежнему сохранилъ близкія отношенія и, нѣсколько лѣтъ спустя, женился на племянницѣ Е. П. Майковой, Н. С. Кашкаревой; но бракъ этотъ былъ несчастенъ, потому что, спустя годъ, Дудышкинъ лишился жены, умершей во время первыхъ родовъ; это несчастіе сильно повліяло на Дудышкина; чтобы разсѣяться, онъ отправился за границу; но тамъ ему совсѣмъ не понравилось: пробывъ двѣ недѣли въ Лейпцигѣ или въ Вѣнѣ, онъ быстро возвратился въ Россію.

Дудышкинъ, занимаясь своими отдѣлами, читалъ еще, по порученію Краевскаго, редакторскую корректуру «Отечественныхъ Записокъ», а потомъ сталъ читать и рукописи, доставляемыя въ редакцію. При постоянныхъ сношеніяхъ, онъ вскорѣ вполнѣ овладѣлъ Краевскимъ. Съ своей стороны, Краевскій, не будучи вовсе

избалованъ вниманіемъ со стороны своихъ сотрудниковъ и близко стоявшихъ къ нему лицъ, привязался къ Дудышкину, души въ немъ не слышалъ, стоялъ за него горою, почтилъ Дудышкина полнымъ своимъ довѣріемъ и былъ убѣжденъ, что лучше, образованнѣе, даровитѣе и талантливѣе помощника едва ли могъ онъ когда либо найдти, а тутъ еще Краевскій затѣялъ издавать ежедневную газету, на которой были сосредоточены всѣ его помыслы и надежды, и потому «Отечественныя Записки» были всецѣло переданы на попеченіе Дудышкина, на его личное усмотрѣніе, которому вполнѣ сочувствовалъ ихъ хозяинъ. Когда пошли у насъ разныя реформы и преобразованія, Дудышкинъ, находясь подъ разными вліяніями, совершенно растерялся и не зналъ къ чему оріентироваться. Онъ остановился на тѣхъ взглядахъ, съ которыми сталъ сотрудникомъ «Отечественныхъ Записокъ» въ 1846 году.

Краевскій не могъ не замѣчать постояннаго упадка журнала, но Дудышкинъ объяснялъ ему этотъ фактъ тѣмъ, что тогда все вниманіе публики было обращено на газеты, а не на толстые журналы, и Краевскій охотно тому вѣрилъ. Когда «Отечественныя Записки» стали падать, Краевскій, желая, чтобы Дудышкинъ употребилъ всѣ свои усилія для поправленія дѣлъ журнала, обѣщалъ ему половину чистаго дохода, но это не помогло, потому что, когда Дудышкинъ умеръ, то сестрѣ его Краевскій выдалъ всего 10,000 р. с.— половину дохода, скопившагося за нѣсколько лѣтъ. Поэтому, надо полагать, что въ шестидесятыхъ годахъ «Отечественныя Записки» не давали уже такого дохода, какимъ Краевскій пользовался, когда самъ велъ этотъ журналъ.

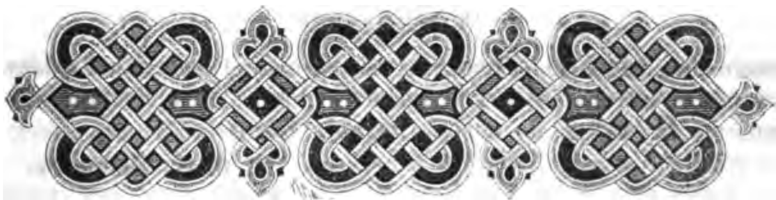
Дудышкинъ занимался въ «Отечественныхъ Запискахъ» пятнадцать лѣтъ какъ сотрудникъ и пять лѣтъ (съ 1861 года) какъ второй редакторъ, хотя de facto былъ главнымъ. Все имъ написанное и напечатанное въ этомъ журналѣ не представляло собою ничего особеннаго, выдающагося. Въ 1847 году, онъ тамъ напечаталъ статью о Фонвизинѣ; въ 1848 году, онъ напечаталъ въ «Современникѣ» разборъ сочиненій Кантеміра, а въ 1860 году введеніе къ Глазуновскому изданію сочиненій Лермонтова, въ которомъ изложена біографія и оцѣнка трудовъ поэта, сдѣланная на основаніи всего того, что̀ было напечатано о Лермонтовѣ. У Дудышкина не было таланта; онъ былъ знающій, грамотный, толковый журнальный сотрудникъ или работникъ, но не болѣе; оттого-то его въ свое время и называли литературнымъ чиновникомъ... Совсѣмъ другое дѣло представлялъ собою Валеріанъ Майковъ, котораго постигла такая печальная судьба. Дудышкинъ вовсе не имѣлъ административныхъ способностей, а быть помощникомъ, или и совсѣмъ редакторомъ, онъ былъ вовсе не способенъ; тѣмъ болѣе, что не умѣлъ составить вокругъ себя кружка

литераторовъ, которые могли бы служить ему хорошими совѣтниками.

Въ послѣдніе два года своей жизни Дудышкинъ ударился въ мистицизмъ и какъ будто предчувствовалъ близкую смерть, которая не заставила себя долго ждать, не давъ ему даже возвратиться съ дачи; онъ умеръ на 46-мъ году.

А. В. Старчевскій.

НЕОСУЩЕСТВИВШАЯСЯ ГАЗЕТА ПУШКИНА.

Ъ 1832 ГОДУ, Пушкинъ предполагалъ, для поправленія своихъ денежныхъ дѣлъ, издавать подъ своею редакціею политико-литературную газету. Онъ получилъ даже разрѣшеніе правительства на ея изданіе. Но не въ характерѣ нашего великаго поэта было завѣдываніе срочнымъ изданіемъ. «Необходимость ежедневнаго выхода передъ публикой,— говоритъ П. В. Анненковъ въ «Матеріалахъ для біографіи А. С. Пушкина»,—отдачи своей мысли по мелкимъ частямъ, все это было уже противно его природѣ. Не говоримъ о томъ, что Пушкинъ не могъ бы пріобрѣсть, даже съ помощью долгаго времени, той сноровки издателя газеты, которая замѣняетъ ему часто знаніе и размышленіе и такъ необходима въ его срочной работѣ»[1]). Поэтому Пушкинъ, по совѣту нѣкоторыхъ изъ своихъ друзей, сталъ искать лицо, которое пожелало бы принять на себя завѣдываніе предполагавшейся къ изданію газеты. Такимъ лицомъ явился Нарцисъ Ивановичъ Тарасенко-Отрѣшковъ (писатель 40-хъ годовъ). Онъ согласился совмѣстно съ Пушкинымъ завѣдывать изданіемъ газеты. Однако, задуманное дѣло такъ и осталось въ области предположеній. Лишь черезъ четыре года (въ 1836 году) Пушкинъ сталъ издавать «Современникъ».

Въ имѣющемся въ моемъ собраніи рукописей неизданномъ трудѣ Тарасенко-Отрѣшкова «О значеніи Пушкина въ русской словесности», написанномъ имъ въ 1855 году послѣ появленія въ свѣтъ «Матеріаловъ» П. В. Анненкова, между прочимъ, подробно раз-

[1]) П. В. Анненковъ, «Матеріалы для біографіи Александра Сергѣевича Пушкина». Сочиненія Пушкина, т. I, стр. 358.

сказано все это дѣло. Разсказъ объ этомъ Тарасенко-Отрѣшкова тѣмъ болѣе интересенъ, что въ немъ приведены почти дословно разговоры Пушкина по поводу изданія газеты.

Ѳ. А. Бычковъ.

«Въ 1832 году,—пишетъ Н. И. Тарасенко-Отрѣшковъ,—я лично познакомился съ Пушкинымъ и сейчасъ разскажу по какому случаю. До того только я встрѣчался съ нимъ.

«Э. П. Перцовъ, искренно любившій Пушкина, въ то время часто видался съ нимъ, часто говорилъ мнѣ о немъ, такъ что можно сказать, что мы другъ друга достаточно уже знали. По откровенности Пушкина къ г. Перцову, ему было извѣстно состояніе его денежныхъ дѣлъ. Въ началѣ 1832 года, Э. П. Перцовъ, пріѣхавъ ко мнѣ, сказалъ, что Пушкинъ желаетъ со мною познакомиться и посовѣтоваться. Дѣло было въ томъ, что оба они находили, что Пушкинъ, какъ знаменитый и любимый писатель, можетъ съ большою для себя выгодою и пользою для словесности издавать газету. Пушкинъ получилъ уже и предварительное дозволеніе отъ правительства издавать въ большомъ видѣ ежедневную газету политики и словесности.

«Опытъ предшествовавшихъ занятій Пушкина по изданію «Московскаго Вѣстника» и «Литературной Газеты» заставилъ друзей убѣдиться въ несвойственности природы Пушкина къ трудамъ постояннымъ и къ занятіямъ неизбѣжнымъ при изданіи журнала или газеты. Пушкинъ искалъ себѣ товарища и обратился ко мнѣ, по поводу чего въ томъ же 1832 году я имѣлъ нѣсколько совѣщательныхъ свиданій съ Пушкинымъ. Вотъ, между прочимъ, въ чемъ состоялъ нашъ разговоръ.

Пушкинъ. «Вы признаете, что теперь становится у насъ потребностію и публикѣ и словесности изданіе газеты, въ которой бы всѣ благонамѣренные отзывы находили мѣсто, въ которой бы безпристрастно оцѣнивались и свои, и иностранныя произведенія,—ну, словомъ, газеты, которая бы уважала свое собственное достоинство. Такая газета будетъ имѣть огромное вліяніе на установленіе правильныхъ понятій въ словесности. Конечно, для разнообразія и удовлетворенія нынѣшнихъ требованій читателей нужно, чтобы и политическій отдѣлъ нашей газеты былъ довольно полонъ и отчетливъ... Итакъ кончимъ. Это дѣло у насъ съ вами пойдетъ ладно. Перцовъ говорилъ, что вы находите нужнымъ имѣть для газеты собственную типографію? Но на это нужны большія деньги?»

Я. «Для изданія ежедневной газеты собственная типографія необходима. Перцовъ показывалъ мнѣ смѣту нужныхъ для того расходовъ. Сумма не велика. Если нужно, я готовъ ссудить конторѣ газеты до 2,000 руб. Она въ годъ или полтора, конечно, легко можетъ выплатить эту ссуду. Но дѣло не въ томъ»...

Пушкинъ. «Знаю. — Перцовъ сказывалъ мнѣ, что вы останавливаетесь войдти въ дѣло, потому что опасаетесь меня»...

Я. «Не васъ»...

Пушкинъ. «Ну, моего характера. — Вы полагаете меня неуживчивымъ, думаете, что я поведу со всѣми моими врагами страшную войну».

Я. «Въ дѣлѣ важномъ должно говорить откровенно. Вы даете мнѣ примѣръ, и я имъ пользуюсь. Да, я опасаюсь не васъ, не вашего характера, не даже вашихъ враговъ, но вашихъ друзей. Не знаю, есть ли у васъ враги личные, непричастные словесности. Но въ словесности,—назовите,—кто не отдаетъ вамъ полной справедливости, даже первенства? Согласитесь, что этимъ немногіе пользовались при жизни. Конечно, нѣкоторые изъ многочисленныхъ вашихъ друзей имѣютъ недруговъ въ словесности, они заведутъ безконечныя распри. Все это несовмѣстно съ назначеніемъ столь положительной газеты и ни къ чему доброму не доведетъ».

Пушкинъ. «Они для меня угомонятся. Мы будемъ ихъ унимать; а когда не уймутся, то скажу, что по уговору съ вами отъ меня вовсе не зависитъ помѣщеніе статей въ газетѣ... Я полагаю, мы раздѣлимъ такъ наши занятія: я возьму на себя все, что относится до словесности, а вы отдѣлъ политики и главное по всему завѣдываніе... Развѣ вы на это не согласны»?

Я. «Говоря откровенно, — нѣтъ. Для того, чтобы отдѣлъ словесности шелъ безостановочно, необходимы срочныя, постоянныя ежедневныя занятія. Это для васъ будетъ обременительно, затруднитъ ходъ газеты, возьметъ все ваше время, и русская словесность потеряетъ отъ того»...

Пушкинъ. «Какъ вы меня отдѣлали. Да какъ же вы полагаете это устроить»?

Я. «Я составлю программу газеты и всѣ смѣты. Вы пригласите съ своей стороны, а я съ своей сотрудниковъ; по полученіи вами отъ правительства окончательнаго разрѣшенія на изданіе газеты, мы съ вами составимъ законный актъ о правахъ каждаго изъ насъ по этому нашему предпріятію; необходимый капиталъ вношу я заимообразно. Для того же, чтобы не остановить предварительныхъ по сему дѣйствій, вы теперь же выдадите мнѣ законную довѣренность [1]).

«Когда же получится окончательное разрѣшеніе правительства, я возьму всѣ труды на себя. Вы не будете имѣть по газетѣ постоянныхъ занятій, и за все, что ни пришлете въ газету, будетъ и отъ русской словесности, и отъ газеты большое спасибо».

---

[1]) Помянутая довѣренность или полномочіе было выдано Пушкинымъ г. Тарасенко-Отрѣшкову. Она явлена законнымъ порядкомъ въ 1-мъ департаментѣ с.-петербургской гражданской палаты 14-го сентября 1832 года, подъ № 202.

Пушкинъ. «Да, это очень любезно. Но мнѣ совѣстно обременять васъ одного. По крайней мѣрѣ, я долженъ взять на себя разборъ вновь выходящихъ книгъ по предметамъ мнѣ знакомымъ».

Я. «Если вздумается вамъ разобрать какую книгу, тѣмъ лучше. Но возлагать на себя обязанность: разбирать и разбирать поспѣшно и срочно выходящія книги, даже по нѣкоторымъ частямъ словесности, будетъ для васъ весьма затруднительно и представляетъ то же неудобство».

Пушкинъ. «Вы рѣшительно меня бракуете».

Я. «Я рѣшительно берегу васъ для Россіи и берусь работать и за васъ, и за себя».

«Вслѣдъ за тѣмъ были сдѣланы нѣкоторыя предварительныя распоряженія. Требуемый въ подобныхъ случаяхъ правительствомъ примѣрный нумеръ газеты подъ заглавіемъ: «Дневникъ. Политическая и литературная газета», былъ набранъ въ типографіи и представленъ по принадлежности.

«Когда составленъ былъ помянутый примѣрный нумеръ «Дневника» и слухи распространились по городу объ изданіи его въ большомъ размѣрѣ, Пушкинъ сказалъ мнѣ, что онъ узналъ, что Н. И. Гречъ готовится встрѣтить новую газету сильными нападками.

«При первомъ послѣ того свиданіи моемъ съ Пушкинымъ я имѣлъ съ нимъ слѣдующій разговоръ:

Я. «Вы видите, что я былъ правъ, опасаясь только вашихъ друзей. Тотъ же день,—продолжалъ я,—заѣхалъ я къ Н. И. Гречу и показалъ ему примѣрный нумеръ нашей газеты. Онъ, конечно, зналъ уже подробности объ ея изданіи, но все остальное, вамъ сказанное, совершенно несправедливо».

Пушкинъ. «Могу увѣрить васъ, что въ подобномъ случаѣ, нельзя было показать бо̀льшаго добродушія, какъ показалъ Н. И. Гречъ».

Я. «Онъ искренно желаетъ вамъ лично всякаго успѣха, какъ знаменитому нашему писателю».

Пушкинъ. «Н. И. Гречъ даже далъ мнѣ хорошіе совѣты на счетъ выбора лучшихъ словолитень и наставленіе къ лучшему устройству собственной типографіи нашей газеты».

«Впослѣдствіи нѣкоторые друзья Пушкина неоднократно подвергали Н. И. Греча наговорамъ, но Пушкинъ всегда признавалъ ихъ несправедливость.

«Выше объясненныя противодѣйствовавшія обстоятельства, сопровождавшія и предшествовавшія изданію журналовъ «Московскаго Вѣстника» и «Литературной Газеты», явились и при этомъ нашемъ предпріятіи издавать «Дневникъ». Они же были причиною тому, что я при самомъ началѣ вовсе отстранился отъ предположеннаго изданія этой газеты.

«Послѣ того намѣреніе Пушкина издавать «Дневникъ» не имѣло дальнѣйшаго хода. Но, спустя четыре года, онъ снова обратился къ столь постоянно его преслѣдовавшей мысли: основать повременное изданіе,—на этотъ разъ только не въ видѣ газеты, а въ видѣ журнала или обозрѣнія (Revue). Пушкинъ при содѣйствіи друзей въ началѣ 1836 года, основалъ, наконецъ, подобный журналъ подъ названіемъ «Современникъ».

ПОСЛѢДНІЙ РОСТОВСКІЙ АРХІЕПИСКОПЪ АРСЕНІЙ IV, ВЕРЕЩАГИНЪ.

ВЪ ЯРОСЛАВСКОМЪ архіерейскомъ домѣ, въ Спасскомъ монастырѣ, находится замѣчательная, большихъ размѣровъ, картина, изображающая послѣдняго ростовскаго и перваго ярославскаго архіепископа Арсенія Верещагина и его свиту. На картинѣ этой, отчасти попорченной и покрытой плохимъ лакомъ, сверху, какъ бы въ клеймахъ, находятся слѣдующія надписи:

1.

«Экономъ Покр. игуменъ Порфирій; казначей іером. Игнатій; житен. іеромон. Аврамій; чашникъ монахъ Филимонъ; діаконъ Николай Сергѣевъ; діаконъ Петръ Игнатьевъ; хоронатъ діаконъ Симеонъ Егоровъ, басъ 1-й; ип. Яковъ Зоревскій, тен. 2-й; басъ 2-й Ив. Козьмодемьяновскій; тен. 1-й Михаилъ Вознесенскій; тен. 1-й Василій Никольскій; тен. 2-й Григорій Тропинскій; басъ 3-й Павелъ Тихановскій; басъ 3-й Николай Благовѣщенскій; пономарь Илья Дыбинскій, тен. 2-й; дишк. 1-й Василій Лазовскій; дишк. Ив. Воскресенскій; альтъ 1-й Димитрій Іерусалимскій; альтъ 2-й Григорій Отцовскій; дишк. 1-й Яковъ Благовѣщенскій; дишк. 1-й Миронъ Орлеянскій; дишк. 2-й Ив. Воронинскій; альтъ 1-й Петръ Ильинскій; альтъ 1-й Александръ Алексѣевскій; альтъ 1-й Николай Затѣйкинъ; пл. Димитрій Васильевичъ Верещагинъ; к. Василій Ѳедорычъ Морошкинъ; Петръ Алекс. Розовъ; фил. уч. Матвей Козьмичъ Нитскій; жив. Николай Лужниковъ;

2.

«И неба и земли
Владыко, намъ внемли.
Се предсѣдящій съ нами,
Отецъ между сынами,
Законъ твой откровенъ
Ліетъ намъ изъ устенъ.
Ты съ высоты святыя
Ему лей дни златыя
И всѣмъ даждь благодать
Тебя намъ познавать
Въ твоемъ священномъ чтеніи,
Что чтитъ и чтетъ Арсеній,

Сей братства есть портретъ
Единый здѣсь предметъ:
Божественное слово,
Ученіе Христово,
Здѣсь славится Творецъ
Отцевъ и чадъ Отецъ;
Его пріемлютъ пластырь
Пасомые и пастырь.
Владыко всѣхъ владыкъ,
Тебѣ поетъ сей ликъ.
Даждь намъ тебя узрѣти,
Молю и азъ, и дѣти».

Любопытны на этой картинѣ костюмы пѣвчихъ и учителей семинаріи: знаменіе времени съ пудреными париками и французскими кафтанами сказалось и въ духовной жизни, и свита владыки блистаетъ этими иноземными модами.

Архіепископъ Арсеній, въ мірѣ Василій Верещагинъ, родился въ 1736 году, въ городѣ Кашинѣ, Тверской губерніи. Обучался въ тверской семинаріи и въ 1756 году поступилъ въ Московскую духовную академію, по выходѣ изъ которой, въ 1761 году, опредѣлился въ учителя риторики въ тверскую семинарію. Затѣмъ чрезъ шесть лѣтъ принялъ постриженіе въ Желтиковѣ монастырѣ [1]). Въ 1768 году, былъ префектомъ тверской семинаріи и учителемъ философіи и богословія, потомъ ректоромъ и архимандритомъ Отроча монастыря, а въ 1771 году перемѣщенъ въ Троицкій Калязинъ монастырь [2]), съ оставленіемъ за нимъ ученыхъ должностей по тверской семинаріи.

Въ 1773 году, Арсеній былъ назначенъ епископомъ архангельскимъ. Обрядъ рукоположенія въ санъ епископа совершалъ надъ

[1]) Желтиковъ Успенскій 2-го класса монастырь, въ 4-хъ верстахъ отъ Твери, основанъ въ 1394 году св. Арсеніемъ, еп. тверскимъ, при вел. князѣ Михаилѣ Александровичѣ. Изъ трехъ церквей монастыря замѣчательна соборная во имя Успенія Богородицы, построенная въ 1637 году царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ; къ сожалѣнію, храмъ фундаментально возобновленъ и украшенъ какъ въ 1744 году, такъ и въ послѣдующее болѣе близкое къ намъ время. Здѣсь почиваютъ мощи основателя обители св. Арсенія; тутъ же погребенъ и тверской архіеп. Амвросій Протасовъ, знаменитый духовный писатель, о которомъ митрополитъ Платонъ сказалъ: «Если бы я писалъ такъ, какъ онъ, то меня сходилась бы слушать вся Россія».

[2]) Троицкій Калязинскій монастырь извѣстенъ въ исторіи подвигами князя Михаила Скопина-Шуйскаго. Въ 1610 году, ляхи взяли этотъ монастырь штурмомъ, убили воеводу Давида Жеребцова, защищавшаго обитель, игумена и иноковъ, раззорили и сожгли всѣ зданія, а серебряную раку преп. Макарія, даръ Бориса Годунова, разсѣкли на части и св. мощи изринули. При царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ все было вскорѣ возобновлено.

нимъ въ придворной церкви 22-го декабря с.-петербургскій архіепископъ Гавріилъ Петровъ, совмѣстно съ другими архіереями, бывшими тогда въ Петербургѣ. При хиротоніи присутствовала сама императрица, предъ которою Арсеній говорилъ рѣчь, «изображая ея щедроты, на него изліянныя, свое недостоинство и обѣщаніе быть вѣрнымъ долгу своего служенія» [1]). При отъѣздѣ Арсенія въ Архангельскъ Екатерина подарила ему архіерейское облаченіе и 2,000 рублей на путевыя издержки.

Не пробывъ и года въ Архангельскѣ, Арсеній былъ переведенъ въ Тверь, на мѣсто знаменитаго Платона Левшина, и на этотъ переѣздъ изъ Архангельска въ Тверь императрица выслала 1,000 рублей. Управляя втеченіе 8-ми лѣтъ Тверской епархіей, находящейся на пути между двумя столицами, Арсеній часто встрѣчалъ императрицу и всегда говорилъ ей, при ея проѣздѣ, привѣтственныя рѣчи.

Въ 1783 году, Арсеній былъ переведенъ въ Ростовъ и здѣсь 25-го марта 1785 года возведенъ въ санъ архіепископа.

На пятый годъ служенія Арсенія въ Ростовѣ, въ 1786 году, первенствующій членъ св. синода, архіепископъ Гавріилъ, предложилъ синоду, что государыня находитъ нужнымъ, для соглашенія предполагаемой пользы съ нынѣшнимъ устройствомъ Ярославской губерніи, перенести архіерейскую каѳедру изъ Ростова въ губернскій городъ Ярославль, и св. синодъ, въ исполненіе монаршей воли, указомъ поручилъ ростовскому архіепископу Арсенію «предварительно войдти въ разсмотрѣніе разныхъ обстоятельствъ по сему предмету и представить свѣдѣнія» [2]). Послѣ дальнѣйшей переписки, въ 1788 году, каѳедра была переведена изъ Ростова, послѣ 793-лѣтняго существованія, въ Ярославль, и первоклассный Спасо-Преображенскій монастырь былъ обращенъ въ архіерейскій домъ.

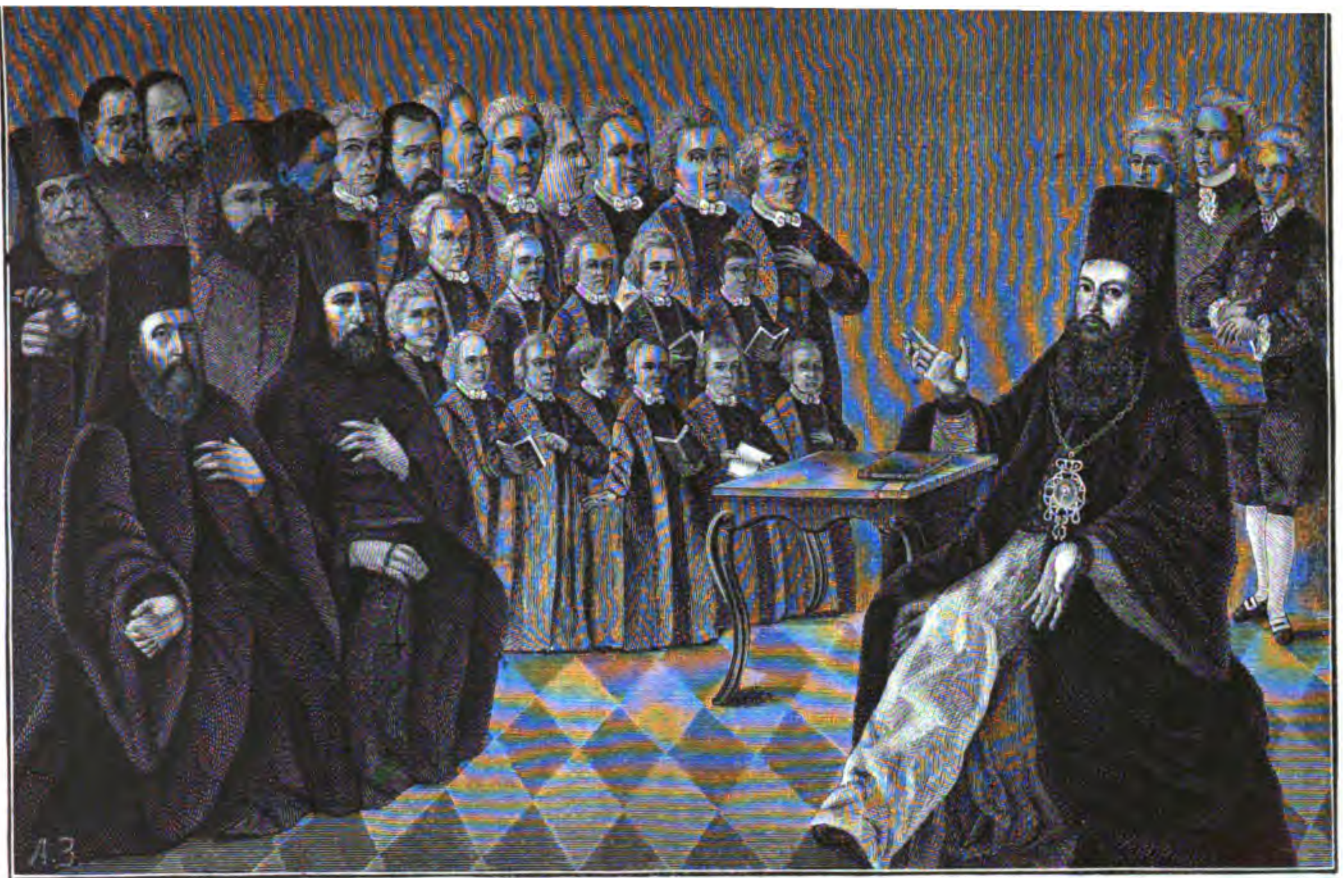
Въ 1797 году, Арсеній присутствовалъ при священномъ короновaніи императора Павла; въ 1798 году, съ епископомъ вологодскимъ Арсеніемъ открывалъ мощи преподобнаго Ѳеодосія Тотемскаго; въ 1797 году, назначенъ членомъ св. синода и пожалованъ орденомъ св. Александра Невскаго, а въ 1799 году—орденомъ Іоанна Іерусалимскаго большаго креста.

На каѳедрѣ ростовско-ярославской Арсеній былъ 16 лѣтъ. Находясь на чредѣ служенія въ С.-Петербургѣ, онъ скончался 23-го декабря 1799 года, 63-хъ лѣтъ отъ рожденія, и погребенъ согласно его завѣщанію, въ Троицкомъ Калязинскомъ монастырѣ Тверской епархіи.

Въ санѣ префекта, ректора тверской духовной семинаріи, а равно и въ санѣ тверскаго епископа, Арсеній всегда отличался

---

[1]) Іерархи Ростовско-Ярославской паствы, Ярославль, 1864, стр. 263.
[2]) Тамъ же, стр. 265.

Архіепископъ ростовскій Арсеній Верещагинъ и его свита.

Съ старинной картины, находящейся въ Ярославскомъ архіерейскомъ домѣ.

особою заботливостью о нуждахъ семинаріи и семинаристовъ и мягкою и нѣжною любовію къ ученикамъ. Онъ своимъ глубокимъ интересомъ ко всѣмъ успѣхамъ учениковъ и умѣньемъ поощрить ихъ за успѣшный трудъ соотвѣтствующею наградою вызывалъ семинаристовъ къ усиленной дѣятельности, такъ что тверская семинарія при немъ отличалась бодрымъ, здоровымъ и трудовымъ направленіемъ. Семинаристы часто не ограничивались одними школьными занятіями, и рвались къ труду добровольному, чему примѣровъ въ памятникахъ тверской семинаріи сохранилось множество [1]).

Изъ сочиненій Арсенія напечатаны слова: «На тезоименитство императрицы Екатерины II», М., 1773 г.; «На выборъ судей», М., 1781 г.; онъ также исправилъ переводъ Златоустовыхъ словъ «О покаяніи и праздничныхъ»: М., 1772, 1773, и К., 1777 г.

Не будучи самъ поэтомъ, Арсеній любилъ поэзію и покровительствовалъ ученикамъ, занимавшимся музами. Отъ его времени осталось множество стихотворныхъ произведеній не только учениковъ, но и церковно-служителей, положенныхъ иногда и на ноты. Часть сочиненій учителей и учениковъ ярославской семинаріи при Арсеніи отпечатана небольшою книжкою въ Ярославлѣ въ 1791 году, и носитъ заглавіе: «Оды, разговоры, надписи, канты, сочиненныя и говоренныя въ разныя времена въ Ярославлѣ». Въ нашемъ собраніи подъ такимъ же названіемъ находится рукопись (№ 694), современная Арсенію, наполненная подобнаго рода сочиненіями его учениковъ.

Гравированныхъ портретовъ Арсенія, какъ намъ извѣстно, нѣтъ. Снимокъ съ этой картины, при семъ приложенный, намъ подаренъ высокопреосвященнѣйшимъ Іонаѳаномъ, архіепископомъ ярославскимъ и ростовскимъ, который, при вступленіи своемъ на ярославскую каѳедру, открылъ картину въ 1877 году, въ архіерейскомъ домѣ, среди разнаго хлама и мусора и намѣренъ дать ей приличное помѣщеніе въ Ростовскомъ музеѣ церковныхъ древностей. Это изображеніе послѣдняго ростовскаго владыки будетъ однимъ изъ прекрасныхъ украшеній портретной галлереи, которую предполагается устроить въ Іонинской палатѣ музея.

А. Титовъ.

[1]) Изъ письма А. К. Ж—ва.

ПЕРВЫЕ ШАГИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКИ ВЪ РОССІИ.

Первые зачатки академіи наукъ. — Заботы о ней Петра I и Екатерины II. — Кунштъ-камера. — Живые и неживые монстры. — Куріозы и раритеты. — Переводчики и художники. — Сношенія съ иностранными учеными. — Запросы и экскузаціи иностранныхъ профессоровъ. — Уклончивые отвѣты академіи. — Прибытіе первыхъ профессоровъ и заботы о нихъ академіи. — Академія полна! — Прошенія студентовъ. — Программы профессорскихъ лекцій. — Взаимныя отношенія профессоровъ. — Отношенія академическаго начальства къ ученикамъ академіи. — Кипучая дѣятельность академіи; ея обширныя права и привиллегированное положеніе; ея разнообразныя обязанности. — Политическое значеніе академіи наукъ. — Недостатокъ въ средствахъ.

КАДЕМІЯ наукъ и академическая наука вообще явились въ Россіи совершенно также внезапно, какъ Аѳина, по греческому миѳу, родилась изъ головы Зевса-Юпитера. Сравненіе это можно провести еще далѣе: Аѳина родилась изъ головы Зевса во всеоружіи, вполнѣ готовою къ дѣятельности, со всѣми аттрибутами своего высокаго назначенія; академія наукъ тоже явилась въ новой столицѣ государства, едва вступившаго въ кругъ великихъ европейскихъ державъ, вполнѣ готовою къ своей многотрудной дѣятельности, вполнѣ способною войдти въ свою роль высшаго ученаго учрежденія и съ достоинствомъ поддержать эту роль въ кругу старѣйшихъ академій Европы. Можно сказать смѣло, что, въ данномъ случаѣ, обширный и проницательный умъ Петра Великаго вполнѣ замѣнилъ для Россіи прославленную голову олимпійскаго бога, подарившаго вселенную богинею мудрости.

Проницательность и практичность Петра Великаго, когда онъ задался мыслью о созданіи высшаго ученаго учрежденія для Рос-

сіи, сразу проявилась въ томъ, что онъ понялъ всю невозможность учрежденія въ Россіи такого высшаго, строго-ученаго учрежденія, которое «науки черезъ новые инвенты совершить и умножить тщится, а объ ученіи протчихъ никакого попеченія не имѣетъ». Петру, подъ общимъ названіемъ академіи наукъ, захотѣлось учредить нѣчто среднее между академіею и университетомъ, — «такое зданіе, черезъ которое бы не токмо слава сего государства для размноженія наукъ нынѣшнимъ временемъ распространилась, но и чрезъ обученіе и расположеніе оныхъ польза въ народѣ впредь была».

Исторія академіи наукъ въ Россіи ясно, весьма осязательными фактами, доказала всю справедливость воззрѣній Петра на науку, по отношенію къ современной ему Россіи, и только благодаря учрежденію Петромъ академіи, 30 лѣтъ спустя, оказалось возможнымъ основать въ Москвѣ первый русскій университетъ. Но первые шаги академической науки въ Россіи были трудны и сопряжены съ весьма тяжелою борьбою, которую академія могла выносить съ честью только въ силу того особаго, привиллегированнаго положенія, въ которое Петръ I и Екатерина I поставили академію, вполнѣ сознавая высокое значеніе науки для Россіи. Благодаря этому исключительному положенію академіи, ея исторія, втеченіе первой половины прошлаго вѣка, почти совпадаетъ съ исторіею нашего просвѣщенія и, слѣдовательно, имѣетъ для всѣхъ насъ весьма важное значеніе. Это значеніе давно уже сознано было у насъ и, благодаря этому сознанію, явилась въ свѣтъ обширная, прекрасно составленная «Исторія академіи наукъ», академика М. И. Сухомлинова.

Но исторія обобщаетъ факты, ставитъ событія въ одну общую связь и довольствуется выводами. Трудъ историка отодвигаетъ на задній планъ оцѣнку источниковъ, оцѣнку матеріаловъ, которые, сами по себѣ, имѣютъ иногда весьма важное значеніе для характеристики эпохи и выдвинутыхъ ею дѣятелей. Чтеніе историческихъ трудовъ Карамзина, Полеваго, Соловьева, Иловайскаго и Костомарова не только не исключаетъ важнаго значенія лѣтописей, грамотъ и мемуаровъ, но еще болѣе возвышаетъ значеніе этихъ памятниковъ. Точно также и самое изданіе въ свѣтъ «Исторіи академіи наукъ» не могло и не должно было исключить необходимости изданія въ свѣтъ «Матеріаловъ для исторіи императорской академіи наукъ», печатаніе которыхъ предпринято нынѣ по мысли г. президента академіи графа Д. А. Толстаго, и эта мысль заслуживаетъ полнѣйшаго одобренія со стороны всѣхъ просвѣщенныхъ русскихъ людей. Количество архивныхъ матеріаловъ для исторіи академіи такъ велико, что предпринимаемое изданіе ихъ должно составить цѣлый рядъ томовъ. Въ архивѣ академіи хранятся драгоцѣнныя свѣдѣнія и документы, касающіеся знаменитыхъ путешествій Крашенинникова, Миллера, Палласа, Лепехина

и другихъ ученыхъ, а также и перваго въ Россіи университета, существовавшаго при академіи, географическаго департамента, гравировальной палаты, кунсткамеры и т. п. Первый томъ, нынѣ явившійся въ свѣтъ, касается весьма незначительной первоначальной эпохи существованія академіи, съ 1716 по 1730 годъ[1]), но и онъ уже заключаетъ въ себѣ въ высшей степени любопытныя и важныя данныя «для исторіи образованности и распространенія знаній въ Россіи, а также для характеристики быта и нравовъ современнаго русскаго общества». Читатели наши легко убѣдятся въ этомъ изъ бѣглаго обзора, который мы думаемъ посвятить первому тому «Матеріаловъ» въ настоящей книжкѣ «Историческаго Вѣстника».

Первымъ важнымъ документомъ въ числѣ помѣщенныхъ въ первомъ томѣ «Матеріаловъ» слѣдуетъ, конечно, считать письмо Петра I въ Парижскую академію наукъ. Въ этомъ письмѣ онъ благодаритъ за избраніе его въ члены этого ученаго учрежденія и проситъ академію принять отъ него въ даръ карту Каспійскаго моря, которое тогда еще было очень мало извѣстно въ европейской географической наукѣ. Рядомъ съ этимъ письмомъ помѣщенъ и почтительный отвѣтъ академіи на письмо Петра I, довольно курьёзный, по способу передачи титуловъ и внѣшнихъ формъ вѣжливости французскаго оригинала; письмо это начинается такъ:

«Сире[2])!

«Королевская академія наукъ за чрезъобычайную честь приняла, что ваше императорское величество удостоилъ къ оной писать, а мнѣ повелѣла въ свое имя всенижайше благодарствовать. Оная ваше величество почитаетъ не токмо яко монарха перваго и сильнѣйшаго въ свѣтѣ, но и который свою великую власть употребляетъ науки производить въ свои пространныя государствы, въ которыя имъ прежде сего входу не бывало»... И заканчивается:

«Азъ пребываю съ нижайшимъ респектомъ,

«Сире!

«Вашего величества всенижайшій и послушный слуга

«Фонтенелъ».

Вслѣдъ за этими письмами отмѣтимъ въ высшей степени любопытный (и, кажется, впервые вполнѣ напечатанный) проектъ вновь учреждаемой академіи, представленный Петру будущимъ прези-

---

[1]) Не мѣшаетъ замѣтить, что къ 1716 году относится въ первомъ томѣ «Матеріаловъ» только одинъ документъ, къ 1718 и 1719—тоже по одному; къ 1720, 1721 и 1722—по два, и только съ 1723 года документы слѣдуютъ непрерывно одинъ за другимъ.

[2]) Такъ передалъ переводчикъ французское обычное: Sire—государь.

дентомъ ея, лейбъ-медикусомъ Блументростомъ. Въ этомъ проектѣ многіе пункты снабжены собственноручными и весьма вѣскими примѣчаніями государя. Такъ, напримѣръ, подъ тѣмъ пунктомъ, гдѣ говорится, что при каждомъ академикѣ желательно видѣть одного или двухъ молодыхъ студентовъ, «которые со всѣмъ прилежаніемъ обучались и академикамъ вспомогать имѣютъ», съ тою цѣлью, чтобы впослѣдствіи начинающихъ учиться «первымъ фундаментамъ наукъ обучать могли», — Петръ дѣлаетъ приписку: «Надлежитъ по два человѣка еще прибавить, которые изъ славянскаго народа, дабы могли удобно русскихъ учить, а какихъ наукъ, написать именно». Замѣчательно, что великій преобразователь Россіи уже и въ ту пору понималъ выгоды, которыя мы, даже и въ области просвѣщенія, могли бы извлечь отъ тѣснаго общенія съ славянами.

Проектъ Блументроста заканчивается весьма серьёзнымъ, по тому времени, выводомъ: «все тоё безъ 20,000 рублевъ зачать невозможно», и Петръ, не входя ни въ какія обсужденія, приписываетъ къ этому пункту: «Доходъ на сие определяется 24,912 рублевъ, которые збираются згородовъ: Нарвы, Дерпта, Пернова и Аренбурха, таможенныхъ и лицентыхъ». Всякій, мало-мальски знакомый съ финансовымъ положеніемъ Россіи въ петровское время, пойметъ, какую огромную и тяжелую жертву принесъ Петръ, предоставля эту часть государственныхъ доходовъ на пользу просвѣщенія.

Не смотря на выработанный Блументростомъ и разсмотрѣнный Петромъ проектъ, общее положеніе академіи, и въ особенности связанныхъ съ нею учрежденій, долгое время представлялось чрезвычайно неопредѣленнымъ. Первыми поступившими въ академію лицами были тѣ, которые уже состояли хранителями коллекцій, собранныхъ Петромъ въ его «кабинетѣ» и въ «кунштъ-камерѣ», такъ какъ эти коллекціи, собственно говоря, и легли въ основу будущаго музея академіи, явившагося ранѣе самой академіи. Въ «Матеріалахъ» находимъ любопытнѣйшія доказательства того, какъ туманно было это представленіе объ академическомъ музеѣ, въ который совершенно безразлично вносились всякіе «куріозы» и «раритеты», безъ малѣйшаго помысла о какой бы то ни было системѣ. Сюда привозили, съ «звѣроваго двора», умершаго слона и умершаго льва, для изготовленія ихъ чучелъ; сюда присылали со всѣхъ концовъ Россіи, въ силу указа, диковинки всякаго рода и нерѣдко весьма сомнительнаго достоинства [1]); сюда же ставили

---

[1]) Въ спискѣ диковинокъ, препровожденныхъ въ кунштъ-камеру, отмѣтимъ, между прочимъ, слѣдующія:

№ 6. 2 младенца, грудьми и животомъ сросшія. Изъ Ахтырокъ, отъ кн. Михайла Голицына.

№ 7. Младенецъ, у него рыбій хвостъ. Родился въ Москвѣ, на Тверской.

№ 8. Собачка, которая родилась отъ дѣвки, 60 лѣтъ. Изъ Ахтырокъ, отъ кн. Голицына.

скелетъ французскаго великана Буржуа, умершаго въ 1724 году, въ Петербургѣ, и рядомъ съ этимъ скелетомъ вѣшали выдѣланную скорнякомъ кожу злосчастнаго француза [1]); сюда же составляли всякихъ «монструмовъ», о содержаніи и храненіи которыхъ прилагались немалыя заботы. Но этого мало, являлись даже попытки обратить музей будущей академіи въ постоянную богадѣльню уродовъ, не только помѣщенныхъ въ банки со спиртомъ, но и живыхъ, и носящихъ на себѣ обликъ человѣка. Доказательствомъ такихъ попытокъ служитъ слѣдующее письмо хранителя музея къ Блументросту.

«Благородный г. архіатеръ [2])!

«Сего іюля 30-го дня, въ письмѣ вашего благородія ко мнѣ, написано, чтобъ живаго монструма Сампсона Филиппова принять мнѣ въ кунстъ-камеру и содержать противъ живыхъ монстровъ. И на оное вашему превосходительству объявляю: въ оной кунстъ-камерѣ содержатся только мертвые монструмы, а живымъ монструмамъ въ оной кунстъ-камерѣ мѣста не имѣется. Того ради благоволите оного монструма содержать по прежнему, какъ е. и. в. указъ повелѣваетъ. Впротчемъ пребываю

«Благороднаго г. архіатера охотнѣйшій слуга».

Рядомъ съ этими не всегда цѣлесообразными заботами о пополненіи музея академіи, идутъ задолго до открытія самаго учрежденія весьма разумныя и усердныя заботы объ устройствѣ академическаго дома, объ удобнѣйшемъ распредѣленіи его различныхъ помѣщеній и о размѣщеніи въ немъ антиковъ и другихъ произведеній искусствъ, также переданныхъ въ вѣдѣніе академіи. Начальство академіи видимо не жалѣло на это ни средствъ, ни труда. Одинъ изъ документовъ академическаго архива прямо на это указываетъ:

«Понеже академики [3]) (sic) въ разныхъ мѣстахъ разставлены, такожде и куріозныя вещи, за дорогую цѣны купленныя, въ непокойныхъ мѣстахъ имѣются, которымъ учиниться можетъ утрата,— того ради подлежитъ, до совершеннаго строенія академіи, а наипаче

---

[1]) Заботы о выдѣлкѣ кожи великана выразились цѣлымъ рядомъ документовъ. Вотъ одинъ изъ нихъ:

«Въ прошломъ 1724 году, маія 17 дня, скорняжнаго дѣла мастеру, иноземцу Еншоу, отдалъ библіотекарь Шумахеръ великана француза Буржуа снятую кожу выдѣлать, съ обѣщаніемъ денежнымъ награжденіемъ за его работу, безъ договору; понеже, онъ сказывалъ, такая вещь ему необычайна и такой ему не случалось работы» и т. д.

[2]) Архіатеръ, или употребительнѣе: архіаторъ — начальникъ, главный врачъ. «Слов. акад. Россійской». Изд. 1806 года.

[3]) Подъ академиками здѣсь разумѣются антики и академическія модели антиковъ.

обсерваторіумъ, астрономію, театрумъ анатомикумъ, дать нѣкоторую сумму подъ дирекцію академіи, чтобы какъ наискорѣе состроить».

Еще болѣе интересны заботы объ академической библіотекѣ, которая и тогда уже была довольно значительна. Начальство академіи, какъ оказывается, спѣшило къ этому приспособить и даже расширить пріобрѣтенный академіею домъ царицы Параскевы Ѳеодоровны, «понеже библіотекѣ не можно въ разстояніи быть отъ академіи, для учительныхъ людей, которымъ не меньшая нужда въ книгахъ бываетъ, такъ какъ и мастеровымъ людямъ въ инструментахъ».

Одновременно съ заботами о зданіи академіи наукъ и о подборѣ необходимаго персонала мастеровъ всякаго дѣла, начиная отъ грыдоровальщиковъ (граверовъ на мѣди) и до переводчиковъ, или толмачей, начальство академіи заводитъ обширнѣйшія сношенія съ заграничными учеными, приглашая ихъ въ Россію, для занятія профессорскихъ каѳедръ въ академіи. Многое въ этихъ сношеніяхъ чрезвычайно наивно и курьезно.

Осторожные нѣмецкіе ученые, въ отвѣтъ на весьма лестные и выгодные для нихъ офферты академіи, отвѣчаютъ рядомъ запросовъ относительно того, что̀ ожидаетъ ихъ въ Россіи; спрашиваютъ о правахъ профессоровъ, о размѣрахъ жалованья, объ условіяхъ климатическихъ и даже о цѣнахъ на предметы первой необходимости. И академическое начальство спѣшитъ удовлетворить ихъ, отвѣчая каждому, что

во-первыхъ, «профессоры отъ всѣхъ податей свободны суть»;

во-вторыхъ, «жалованье есть неровное: по тому, какъ слава человѣка, по тому и жалованье ему опредѣлится»;

въ-третьихъ, «академіи будетъ (учреждена) въ Петеръ-Бурхѣ, гдѣ климатъ еще здоровѣе, какъ въ Москвѣ есть»;

въ-четвертыхъ, «въ Петеръ-Бурхѣ дорого и дешево жить можно— потому, какъ кто оное начнетъ. А профессоръ и докторъ медицины можетъ съ фамиліею 1,000-ю или 800-ми рублями довольно себя содержать» и т. д.

Самая форма, принятая для нѣкоторыхъ соглашеній между начальствомъ академіи и приглашаемыми профессорами, довольно любопытна; такъ, напримѣръ, мы видимъ, что «господинъ-лейбъ-медикусъ господину Бернулли мѣсто механика, съ пенсіономъ 1,000 рублевъ и 300 рублевъ на дорогу, и прочими пріятствами, оферировалъ и ему показалъ, чтобы онъ для контракта и паспорта къ г. графу Головкину въ Берлинъ адресовался»...

Не смотря, однако же, на выгоды предлагаемаго положенія, многіе изъ нѣмецкихъ ученыхъ отказываются отъ поѣздки въ Россію, ссылаясь то на дальность разстоянія, то на слабость своего здоровья, то на ученые труды, требующіе окончанія.

...«Леопольдъ [1]), въ письмѣ отъ 15-го, экскузуется далѣе путь предпріять, понеже конституція тѣла его стужи снести, и онъ свой «театрумъ махинарумъ» въ Петербургѣ въ такое совершенство, какъ въ Лейпцигѣ, привить не можетъ»... Кстати, пользуясь удобнымъ случаемъ, тотъ же ученый сообщаетъ о неимѣніи средствъ для окончанія своего труда, и пишетъ, что «мошна его слаба есть такое пространное и драгое дѣло совершить, а для того принужденъ высокихъ потентатовъ о вспоможеніи просить, что они легко учинить могутъ»...

Почти въ тѣхъ же выраженіяхъ и «Доппельмайеръ (изъ Нюренберга) экскузовался оферты акцептовать, ибо его конституція не допускаетъ такъ дальній путь воспринять», а другой извѣстный ученый — Вольфъ отказывается, «взирая на жену свою, которая весьма меланхолической комплекціи есть, и никакъ къ пути согласить не хочетъ».

Въ противоположность упомянутымъ выше ученымъ, нѣкоторые сами навязываются академіи на приглашенія и тѣмъ возбуждаютъ ея справедливыя опасенія. Такъ въ одномъ изъ доношеній читаемъ:

...«Господинъ резидентъ Бетигеръ рекомендуетъ, яко профессора математики, господина фонъ-Слейбе, который письмо руки его при томъ приложилъ; но въ ономъ о себѣ столько обѣщаетъ, что опасно, что онъ не прямого сорту есть».

«Матеріалы» академіи даютъ намъ довольно ясное понятіе и о томъ скарбѣ, который привозили съ собою иноземные профессора, пріѣзжая въ Россію, и о тѣхъ заботахъ, которыя прилагались академіей для обезпеченія ихъ важнѣйшихъ, насущнѣйшихъ потребностей. Изъ таможеннаго объявленія, поданнаго въ академію наукъ, узнаемъ:

«Сего іюля 2-го дня профессоръ Лейтманъ пріѣхалъ съ своею фамиліею изъ Любека, на кораблѣ, именуемомъ «деръ шварце Адлеръ», съ шипоромъ Бронсъ. И на онемъ кораблѣ имѣются 11 сундуковъ большихъ и малыхъ, въ которыхъ книги, машины, всякіе мелкіе механическіе инструменты и протчіе домашніе пожитки, 4 погребца, 3 короба, въ которыхъ имѣются кушанья, перины. Того ради прошу, дабы повелѣли оные сундуки и протчее съ помянутаго корабля отпустить. Да въ ономъ же кораблѣ имѣются 2 куска сукна, мѣрою на двѣ пары, цѣна 22 рубля 30 коп., выбойки простой и бѣлой — цѣна 19 рублевъ 24 коп., четыре пары чюлковъ — цѣна 3 р., старые стѣнные часы».

Начальство академіи, предвидя затруднительность положенія ученыхъ иностранцевъ, пріѣхавшихъ въ Россію и незнакомыхъ съ условіями петербургской жизни, приняло на себя самыя усердныя

---

[1]) Профессоръ Леопольдъ — изъ Лейпцига.

заботы о томъ, чтобы облегчить для пріѣзжающихъ трудность ихъ новаго положенія, какъ это видно изъ слѣдующаго доношенія академіи «въ высокоправительствующій сенатъ»:

«Ея Величество именно приказали, чтобъ домъ академическій домашними потребами удостаточить и академиковъ недѣли три, или мѣсяцъ, не въ зачетъ кушаньемъ довольствовать; а потомъ подрядить за настоящую цѣну, нанявъ отъ академіи эконома, кормить въ томъ же домѣ. И дать ему въ зачетъ нѣсколько денегъ, которыя изъ трактамента академическихъ членовъ возвращены будутъ, по учрежденіи оной академіи; дабы, ходя въ трактиры и другіе мелкіе домы, съ непотребными обращаючись, не обучились ихъ непотребныхъ обычаевъ и въ другихъ забавахъ времени не теряли бъ бездѣльно. Ибо суть такіе образцы отъ многихъ иностранныхъ, которые въ отечествѣ своемъ добронравны бывши съ роскошниками и піяницами въ бездѣльничествѣ пропали и государственнаго убытку больше неже прибыли учинили».

Есть основанія думать, что такія правильныя заботы академическаго начальства были по достоинству оцѣнены пріѣзжими учеными, которые не преминули извѣстить и соотечественниковъ своихъ о томъ, что условія службы и жизни въ Петербургѣ весьма недурны, и академія стала наполняться учеными такъ быстро, что уже къ августу 1726 года всѣ мѣста въ академіи были заняты. Любопытнымъ свидѣтельствомъ въ пользу этого факта служитъ слѣдующій документъ:

«Хлѣбнаго дѣла мастеръ Яганъ Мартынъ Герлихъ [1]) объявилъ доношеніемъ: онаго де числа прибылъ къ нему отъ Любека, на торговомъ любскомъ кораблѣ «ди вейсе Пеликанъ» профессоръ Іостъ Тобіасъ Вагнеръ»... и наконецъ, «пріѣхалъ де онъ въ Санк-Питеръ-Бурхъ для воспріятія службы, который намѣренъ былъ принять мѣсто въ академіи наукъ. А понеже въ рѣченной академіи профессоровъ уже имѣется полное число, и помянутому Вагнеру повольно ѣхать отсюду съ пашпортомъ, куда онъ похочетъ».

Въ то время, какъ профессоровъ приходилось выписывать изъ-за моря и заманивать посулами льготъ, привиллегій и пенсій, составъ студентовъ подбирался самъ собою, и желающихъ обучаться въ новоучрежденной академіи нашлось «довольное число». Въ «Матеріалахъ» находимъ и краткія, и очень пространныя прошенія студентовъ о поступленіи, очень любопытныя по слогу и подробностямъ. Приводимъ образцы ихъ:

I) «Всемилостивѣйшая государыня императрица! прошу в. в. да повелитъ всемилостивѣйшимъ и высокимъ в. в. указомъ опре-

---

[1]) Обращаемъ вниманіе читателей на то, что первымъ элементомъ петербургской нѣмецкой колонизаціи является нѣмецъ-булочникъ, ранѣе нѣмца-академика, поселившійся въ новой столицѣ.

дѣлить меня, раба вашего, въ новосостоявшую академію наукъ студентомъ и студенту наложеннымъ трактаментомъ, дабы, къ ученію охоту и лѣта къ тому способныя имѣя, могъ еще въ потребномъ ученіи плодъ показать, такожде дабы иждивеніе в. в. вотще не явилось.

«В. и. в. нижайшій рабъ.
«Филиппъ Анохинъ».

II) «Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня и т. д.

«Бьетъ челомъ главнаго магистрата копіистъ Іаковъ Силинъ, а о чемъ мое прошеніе, тому слѣдуютъ пункты:

«1. Съ прошлаго 1720 года декабря съ 21-го дня, работаю я, всеподданнѣйшій, в. всемилостивѣйшему императорскому величеству въ главномъ магистратѣ, въ чинѣ копіиста, чюждъ всякаго вида подозрительнаго и порочнаго.

«2. Вашего всемилостивѣйшаго императорскаго величества указомъ обнародствовано, что всякаго чина людей, хотящихъ учитися, принимать въ академію сціенціарумъ неотказательно.

«3. Пока же ревность и хотѣніе имѣю къ наукамъ на латинскомъ языкѣ, а посредствія, чимъ ихъ доступить, за убожествомъ моимъ, весьма лишенъ; къ тому еще согласною, дабы въ незнанія тьмѣ лѣтъ моихъ туне не погубить.

«4. Того ради прошу в. всемилостивѣйшаго и. в., дабы повелѣно было мнѣ въ оной академіи сціенціарумъ быть ученикомъ; такожде и на содержаніе мое къ пропитанію и къ наукамъ учинить вашего всемилостивѣйшаго величества жалованье» и т. д.

Рядомъ съ этими прошеніями первыхъ русскихъ студентовъ находимъ и цѣлый рядъ интереснѣйшихъ программъ академическаго преподаванія на «публичныхъ лекціяхъ» [1]) и академическихъ разсужденій на «приватныхъ собраніяхъ». Программы эти важны для насъ не столько по своему научному значенію, сколько по тѣмъ чрезвычайнымъ усиліямъ, какія приходилось употреблять академическимъ переводчикамъ для созданія первыхъ основъ русской научной терминологіи. За примѣрами недалеко ходить; беремъ подъ 27 августа 1727 года: «Исчисленія всѣхъ дѣлъ, что профессоры... доселѣ произвели и что впредь въ тѣхъ же вещѣхъ произвести намѣрены» —и приводимъ оттуда наудачу двѣ выдержки:

«Яковъ Германъ, высшія математики профессоръ первѣйшій», между прочимъ, «въ приватныхъ собраніяхъ изслѣдованію протчихъ членовъ предложилъ разсужденіе: генеральная ѳеорія движенія тѣлесъ, родящагося отъ всякихъ мочностей, на тѣлеса дѣйствующихъ, когда сіи тѣлеса въ средствахъ сопротивляющихся обращаются. Въ прошедшемъ году, въ лекціяхъ своихъ, предавъ пра-

[1]) Термины—«публичныя лекція», «студентъ», и «профессоръ» непоколебимо устанавливаются у насъ съ Петровскаго времени.

вила простыя анализи и показавъ образъ употребленія ихъ въ рѣшеніи проблемъ, теперь счисленіе инфинимезимальное новѣйшихъ производить; свойства же сего и правила и употребленія ясно толкуетъ, по предводительству анализій безконечно-малыхъ сіятельнаго маршала Госпитолія».

«Іоаннъ Георгій Лейтманъ, профессоръ механики и оптики, въ лекціяхъ своихъ механику и оптику сціентифически и практически учитъ, и образъ совершеннѣйшій сферичности или окружности дѣланія стеклянныхъ вещей, которыя аглечанамъ, французамъ, голландцамъ и италіанцамъ не свѣдомъ былъ, доказываетъ»[1] и т. д.

Въ «Матеріалахъ» находимъ очень много интереснѣйшихъ фактовъ для выясненія отношеній, установившихся между профессорами академіи, съѣхавшимися съ разныхъ концевъ Европы, и убѣждаемся въ томъ, что ладить съ ними было нелегко. Съ одной стороны приходилось считаться съ непомѣрнымъ самомнѣніемъ ученыхъ иноземцевъ, съ другой стороны оберегать отъ нихъ «государственный интересъ», не допуская ихъ до разглашенія свѣдѣній о Россіи, которыя имъ надлежало сообщать сначала академіи, а черезъ академію и ея цензуру — Европѣ. Въ случаѣ нѣкоторыхъ недоразумѣній, академія вынуждена была прибѣгать даже къ выемкамъ и захватамъ, чтобы обезпечить за собою право на «куріозы и раритеты», собранные по ея иниціативѣ и на казенныя средства въ разныхъ отдаленныхъ краяхъ Россіи. Особенно характерна въ этомъ отношеніи исторія съ докторомъ Мессершмидтомъ, который, по возвращеніи изъ Сибири, почему-то медлилъ представленіемъ въ академію своихъ коллекцій. Академія нашла себя не только вынужденною отобрать у него его коллекціи, но, даже и отобравъ ихъ, относилась къ Мессершмидту съ большимъ недовѣріемъ и не выдавала ему паспорта на отъѣздъ за границу, «понеже опасно, ежели докторъ Мессершмидтъ отпущенъ будетъ въ свое отечество, чтобы онъ не публиковалъ о книгахъ, о писаніи и о куріозныхъ вещахъ. О чемъ медицинская канцелярія да благоволитъ взять съ него сказку, съ присягой, чтобъ объ ономъ не публиковалъ безъ повелѣнія медицинской канцеляріи». Мессершмидтъ отгова-

---

[1]) Мы едва ли ошибемся, сказавъ, что даже и эти первыя попытки создать русскую научную терминологію стояли выше современной терминологіи нѣмецкой, представлявшей пеструю смѣсь латинскихъ и французскихъ словъ. Любопытный образчикъ подобный смѣси заимствуемъ изъ помѣщеннаго въ «Матеріалахъ» спора Бернули съ Бильфингеромъ:

«Einmahl disputirte er (Бильфингеръ) so scharf mit hrn. Euler, dass potentia infinitissimo fractionis nicht infinita parva sey, und musste hr. Euler mit dem tort weg gehen, da es doch bekannt, dass sie nicht nur infinite parva oder infinities infinite parva, sondern sogar ein infinite parvum ordinis infinitissimi ausmacht. Diesen letzten fehler hab ich nicht selbst gehöret, sondern ist mir von hrn. Euler erzählt worden» и т. д.

ривался и отписывался, заявляя съ своей стороны разныя, по всѣмъ вѣроятіямъ, справедливыя требованія и претензіи, но академія настаивала на своемъ, чтобы доктора Мессершмидта «въ вышеписанномъ, что онъ у себя рисованныхъ плантовъ и ничего потребнаго до кунстъ-камеры не имѣетъ, обязать присягою. И оную учинить ему въ медицинской канцеляріи въ конторѣ».

Немалую трудность представляли для академіи и тѣ ссоры, перекоры и перебранки, которыя почти съ самаго начала академіи уже проявились между профессорами; ихъ приходилось мирить, разбирать ихъ претензіи, выслушивать ихъ жалобы и принимать мѣры противъ тѣхъ, которые не затруднялись прибѣгать между собою даже къ кулачной расправѣ[1]).

И всѣ эти трудности приходилось преодолѣвать, всѣ заботы на себя принимать при множествѣ другихъ серьёзныхъ и отвѣтственныхъ обязанностей, лежавшихъ на академіи наукъ. Дѣйствительно, дѣятельность новаго учрежденія была на столько обширна и разнообразна, что можно только удивляться изворотливости академическаго начальства, которое все успѣвало выполнить и ничего не упускало изъ вида, стараясь, главнымъ образомъ, о томъ, чтобы поддержать неприкосновенными права, дарованныя академіи великимъ преобразователемъ Россіи и его супругою. Не говоря уже о дѣятельности ученой, начинающейся почти съ перваго же дня существованія академіи, въ видѣ заботъ о «сочиненіи ландкартъ», въ видѣ посылки ученыхъ въ отдаленнѣйшіе края Россіи, въ видѣ постоянныхъ сношеній съ этими учеными въ Россіи и съ ихъ собратіями за границей,—академія увидѣла себя вынужденною сразу приступить къ обширной дѣятельности издательской и, кромѣ періодическихъ изданій спеціально-ученаго характера, должна была приняться и за изданіе курантовъ или «газетовъ», въ которыхъ сообщались важнѣйшія свѣдѣнія о русской политикѣ и современной русской жизни. Изданіе курантовъ было большою обузою для академіи, которая не столько должна была заботиться о собираніи свѣдѣній по различнымъ вѣдомствамъ[2]), но еще и объ опроверженіи клеветъ, взводимыхъ на Россію иностранною прессой. Это выясняется намъ весьма положительно напечатаннымъ въ «Матеріалахъ» отношеніемъ иностранной коллегіи, въ которомъ говорится:

«Понеже въ приходящихъ въ Санктъ-Петербурхъ на почтахъ иностранныхъ печатныхъ курантахъ многія являются о имперіи Россійской неосновательные пасажи, не только о маловажныхъ, но

---

[1]) См., напр., въ «Матеріалахъ», подъ № 926, «челобитную Штирмера на подмастерья (адъюнкта) Эстермана въ бою и въ безчестіи».

[2]) Подъ 1728 годомъ видимъ, что «академія наукъ покорно проситъ, дабы высокій сенатъ благоволилъ объявить въ коллегіяхъ и конторахъ указомъ его императорскаго величества, чтобъ отъ оныхъ всякія вѣдомости въ сообщеніе къ печатанію тѣхъ газетовъ присылали въ академію»...

и о нѣкоторыхъ знатныхъ дѣлахъ... того ради, вышепомянутыя разсѣянныя лжи всеконечному опроверженію подлежатъ»...

Издательская дѣятельность академіи приводила ее, конечно, и къ необходимости озаботиться о снабженіи изданій чертежными и художественными изображеніями, безъ которыхъ немыслима была, въ началѣ прошлаго вѣка, ни одна книга ученаго содержанія. Вотъ почему, съ первыхъ дней своего существованія, академія входитъ въ сношенія съ какою-то малярицею (художницею) Гезельшею, заключаетъ съ нею и ея мужемъ контрактъ на обученіе нѣсколькихъ учениковъ академіи «линовальному и тушевальному» мастерству и, сверхъ того, приглашаетъ нѣсколько рисовальщиковъ и граверовъ, которые и полагаютъ основаніе академической «Грыдоровальной палатѣ». Въ этой палатѣ изготовляются и гравируются русскія карты, первыя русскія гравюры (куншты) и чертежи; и академія слѣдитъ за выполненіемъ этихъ картъ и кунштовъ съ замѣчательнымъ тщаніемъ, задавая своимъ грыдоровальщикамъ иногда весьма мудреныя задачи для выполненія. Любопытнымъ примѣромъ можетъ служить слѣдующее, помѣщенное въ «Матеріалахъ» истолкованіе кунштa (гравированнаго титульнаго листа) къ атланту (атласу) Кирилова:

«На кунштѣ изображена есть прислонившаяся Россія къ непоколебимымъ провинціи столпамъ, которой Время открытіемъ завѣсы, висящей на окнѣ половины балкона, городы, замки, монастыри, горы, холмы, лѣса, на морѣ корабли и протчая показуетъ, яко такія вещи, около которыхъ географія обращается. На переднемъ основаніи лежатъ нужные инструменты, чрезъ которые собственное мѣстъ или городовъ положеніе опредѣлить можно. Россія простертою рукою знаменуетъ, что оное пріятно, и что къ большему географіи совершенству во всемъ помоществовать хощетъ; и для того она въ тонкое, подобранное платье облечена есть, дабы ни въ чемъ помѣшательства не имѣла.

«Время есть крылатое, для изъявленія всегдашняго его, во дни и въ нощи совершающагося теченія. Оное того ради съ однимъ крыломъ летучія мыши изображено есть, дабы купно и астрономическія обсерваціи изъявляло, которыя въ географіи зѣло великую пользу имѣютъ.

«Геніусъ, который карту о Европѣ разверчиваетъ, имѣетъ крылія Меркуріевы, который за охранителя путей и земель имѣется, чтобы онъ земли и государства скорѣе пробѣжати и почтарскую службу отправить могъ».

Успѣшная издательская дѣятельность академіи побуждала къ тому, что казна стала въ академію обращаться съ заказами, въ выполненіи которыхъ академическое начальство не могло отказать; такъ, напримѣръ, въ «Матеріалахъ» находимъ большую переписку съ В. Н. Татищевымъ по поводу грыдорованія рисун-

ковъ къ извѣстной «коронаціи» императрицы Анны Іоанновны,— книги, составляющей въ настоящее время большую библіографическую рѣдкость.

Вообще говоря, академическое начальство не жалѣло никакихъ заботъ и хлопотъ на то, чтобы поддержать молодое учрежденіе на извѣстной высотѣ и дать ему возможность съ честью занимать указанное ему положеніе. Въ этихъ видахъ начальство академіи зорко слѣдило за придворной политикой и за всѣми выдающимися событіями современной столичной жизни и при каждомъ удобномъ случаѣ старалось напомнить о «государственной» академіи. Поэтому мы видимъ, что гг. академики принимаютъ участіе во всѣхъ процессіяхъ и торжествахъ по поводу радостныхъ коронаціонныхъ празднествъ или печальныхъ событій. Мало того, академія при случаѣ смерти высочайшей особы спѣшитъ выразить свое сочувствіе и соболѣзнованіе торжественно-печальною латинскою одою, а при случаѣ вступленія на престолъ новаго монарха спѣшитъ принесть ему свои поздравленія въ видѣ торжественнаго латинскаго гимна или вычурной латинской подписи къ иллюминаціи. Такихъ одъ помѣщено въ «Матеріалахъ» нѣсколько; въ числѣ ихъ встрѣчаемъ даже, по поводу пріѣзда къ нашему двору въ 1730 году португальскаго принца, цѣлыхъ три привѣтственныя академическія оды: одну латинскую, оду нѣмецкую и одну русскую, начинающуюся такъ:

«Щастливый день сей быти, княже высочайши, проповѣдую вонь-же гостю предражайши,
Аки свѣтлоблестящая звѣзда въ землѣ нашеи
Возсія лучезарный зракъ свѣтлости вашеи» и т. д.

И эта готовность академіи участвовать въ торжествахъ и празднествахъ, въ печаляхъ и радостяхъ нашего двора, при весьма ловкой поддержкѣ отношеній къ нѣсколькимъ временщикамъ, весьма много способствовала тому, чтобы академія наукъ не утратила своего значенія и при ближайшихъ наслѣдникахъ Петра. Въ эту эпоху тяжелую и смутную, въ которую всѣмъ жилось такъ плохо, академическое начальство съумѣло провести свой корабль между опаснѣйшими подводными скалами, лишь изрѣдка и весьма осторожно напоминая «вышнему начальству»:

«По собственноручному блаженныя и вѣчно-достойныя памяти ея и. в. данному въ прошломъ 1726 году академическому регламенту, подтверждено, что

«Мы, академію наукъ въ особливое наше пріемше правительство, соизволяемъ, дабы оная, кромѣ насъ, въ верховномъ тайномъ совѣтѣ, никому не подлежала и никакими правами, или персонъ, или вещей касающимися, обязана, ниже каковыми тягостьми обременяема и утѣсняема не была бы; и дабы какъ самая академія, такъ и подлежащія ей, къ другому суду въ какомъ либо дѣлѣ,

или юстиціальномъ, или политическомъ, и подъ какимъ либо претекстомъ позываемые безъ вѣдома академіи ко оному суду явитися не были принуждены прежде, пока оная академія, уразумѣвъ дѣло, виноватыхъ имѣетъ къ суду отослать, куда надлежитъ».

И «вышнее начальство», принимая во вниманіе эти важныя привиллегіи академіи, дарованныя ей регламентомъ, относилось къ академическому персоналу осторожно и внимательно.

Главнымъ бѣдствіемъ академіи наукъ, въ первые годы ея существованія, былъ, конечно, тотъ недостатокъ въ деньгахъ, отъ котораго и донынѣ еще терпятъ многія изъ нашихъ ученыхъ учрежденій. Этотъ недостатокъ въ деньгахъ былъ весьма серьёзнымъ затрудненіемъ во всѣхъ академическихъ дѣлахъ и часто причинялъ академическому начальству большія непріятности, какъ это можно видѣть изъ слѣдующаго письма А. Дашкова къ президенту академіи:

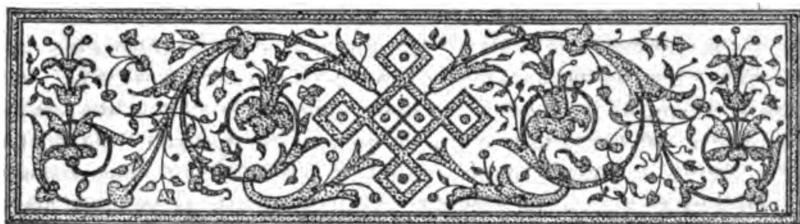
«Благородный и высокопочтенный господинъ!

«Паціенціи нашей прошло довольно время въ платежѣ отъ вашего благородія денегъ за постой двора моего... А изволите де экскузоваться въ томъ неимѣніемъ казны? И какъ о томъ вѣдать трудно, есть ли у васъ казны, или нѣтъ. Мы вѣдаемъ о томъ, что вы дали свое кавалерское, твердое въ платежѣ слово... Ежели бы я не зналъ васъ персонально, то бъ и съ другимъ не такъ поступилъ; а я, зная вашу генерозитетъ, не хочу здѣсь въ томъ на васъ жалобы произносить, надѣяся, что вы безъ того заплатить прикажете, на что буду ожидать отъ васъ отвѣту».

На это весьма настоятельное требованіе уплаты академія могла отвѣтить только, что «нынѣ во академіи наукъ денежной суммы ничего не имѣется», и обѣщать уплату въ «предбудущемъ 730 году».

Все, что мы успѣли, при нашемъ бѣгломъ обзорѣ «Матеріаловъ для исторіи академіи наукъ», извлечь и указать нашимъ читателямъ, достаточно свидѣтельствуетъ въ пользу того, что предпринятое академіею изданіе важно для исторіи нашего просвѣщенія и нашей науки. Желательно было бы, однако же, чтобы редакція послѣдующихъ томовъ была нѣсколько измѣнена въ пользу наглядности и удобства пользованія объемистымъ томомъ «Матеріаловъ». Говоримъ это потому, что при первомъ томѣ мы не нашли ни оглавленія, ни предметнаго указателя, ни самыхъ необходимыхъ объясненій многихъ неудобопонятныхъ рѣченій начала прошлаго вѣка. Не мѣшало бы также выставить надъ письмами заголовки, въ которыхъ бы значилось, отъ кого и къ кому они писаны, а къ документамъ на иностранныхъ языкахъ приложить переводъ.

П. П.

ВСЕОБЩАЯ ЛИТЕРАТУРА ВЪ НАШИХЪ УНИВЕРСИТЕТАХЪ [1].

Ъ ЯНВАРѢ мѣсяцѣ прошлаго года, въ Петербургѣ, на Васильевскомъ островѣ, въ скромной квартирѣ одного изъ работниковъ русской науки, за вечернимъ чаемъ собралось нѣсколько его товарищей по спеціальности и учениковъ. Въ томъ числѣ находился младшій товарищъ хозяина, начинающій, но подающій большія и вполнѣ основательныя надежды профессоръ классической, главнымъ образомъ греческой, филологіи. Говорили о послѣднихъ историко-литературныхъ работахъ хозяина.

— У меня къ вамъ просьба,—обратился къ нему молодой классикъ:—а кстати вотъ и присутствующіе помогутъ. До сихъ поръ я читалъ или практическіе курсы, или эпиграфику, надъ которой довольно долго работалъ за границей, а въ этомъ полугодіи взялъ на себя 2 часа исторіи греческой литературы. Пособія не вполнѣ удовлетворяютъ меня; я самъ плохо понимаю, чего отъ меня вправѣ ожидать студенты, и вотъ обращаюсь ко всѣмъ вамъ съ вопросомъ: что такое исторія литературы какъ наука, и что такое исторія литературы какъ предметъ университетскаго преподаванія? Вы работаете надъ матеріаломъ, такъ сказать, менѣе извѣстнымъ; вы менѣе подавлены ошибками, предразсудками и колебаніями предшественниковъ; вы должны обнимать факты разнообразные и разнородные, и вамъ это должно быть виднѣе.

---

[1]) Вступительная лекція, читанная въ Одесскомъ университетѣ 24-го сентября 1885 года.

Кромѣ хозяина, около 20 лѣтъ занимающаго каѳедру, здѣсь былъ еще одинъ уже не начинающій профессоръ того же предмета; былъ одинъ господинъ, по своимъ знаніямъ вполнѣ и давно уже готовый къ каѳедрѣ, но не занимающій ея только по русской безалаберности, и былъ, наконецъ, одинъ непосредственный ученикъ хозяина, уже выдержавшій магистерскій экзаменъ и въ настоящее время, по всей вѣроятности, уже преподающій въ качествѣ приватъ-доцента. Стало быть, были люди, въ которыхъ классикъ имѣлъ основаніе предположить готовность къ отвѣту. Тѣмъ не менѣе, столь прямо поставленный вопросъ ошеломилъ всѣхъ присутствующихъ, и нѣсколько мгновеній всѣ молчали. Потомъ, по русскому обычаю, заговорили чуть не всѣ разомъ, прерывая другъ друга.

Я не буду передавать рѣчи говорившихъ, во-первыхъ, потому, что особенно замѣчательнаго, чего нибудь такого, что освѣтило бы электрическимъ свѣтомъ темныя мысли вопросившаго, — чего онъ, впрочемъ, едва ли и ожидалъ, — не было сказано; во-вторыхъ, потому, что изъ этихъ рѣчей помню я весьма малую часть. Я помню только, что большинство, не давая прямаго отвѣта на вопросъ, указывало классику книги и статьи, въ которыхъ главные факты литературы извѣстнаго народа или извѣстный рядъ памятниковъ разбирались съ особеннымъ талантомъ и въ то же время согласно современному понятію объ исторіи литературы, какъ наукѣ. Классикъ благодарилъ за указанія и обѣщалъ ими воспользоваться.

Удивляться тому, что классикъ не получилъ краткаго и яснаго категорическаго отвѣта на свой запросъ, разумѣется, никто, имѣющій отношеніе къ современной наукѣ, не будетъ. Кому неизвѣстно, что всѣ краткія и ясныя опредѣленія наукъ, какъ и многихъ другихъ абстрактныхъ понятій, или представляютъ ничего не выясняющую тавтологію (А есть А, богословіе есть наука о Богѣ, языкознаніе—наука о языкѣ, фонетика—ученіе о звукахъ), или грѣшатъ односторонностью (поэзія есть мышленіе образами, прилагательное есть названіе признака, синтаксисъ — ученіе о сочетаніи словъ), или, наконецъ, состоятъ изъ набора «умныхъ» словъ и украшающихъ эпитетовъ, въ родѣ знаменитаго карамзинскаго опредѣленія: «Исторія въ нѣкоторомъ смыслѣ есть священная книга народовъ, главная, необходимая; зерцало ихъ бытія» и пр.

Если бы въ этомъ кружкѣ, о которомъ я говорю, случайно оказался страстный педагогъ, онъ сказалъ бы, что **исторія литературы извѣстнаго народа есть исторія его духовной жизни и умственнаго прогресса**, что̀, конечно, не было бы новостью для вопросившаго; если бы тамъ присутствовалъ ученикъ Лагарпова лицея и преподаватель французской литературы въ аристократическихъ пансіонахъ и институтахъ, онъ, вѣроятно, удивился бы невѣжеству и ненаходчивости русскихъ ученыхъ и, смотря по характеру, или расплылся бы въ красивыхъ словахъ, объясняющихъ

значеніе поэзіи и ея исторіи, или сказалъ бы, что исторія литературы, какъ это извѣстно и самой плохой изъ его ученицъ, есть хронологически расположенное собраніе свѣдѣній о писателяхъ и ихъ произведеніяхъ, съ характеристикою первыхъ и эстетическою критикою послѣднихъ.

Но классикъ, конечно, не удовлетворился бы его отвѣтомъ; онъ еще на ученической скамьѣ зналъ, что собраніе свѣдѣній и характеристикъ и есть собраніе свѣдѣній, а не наука; онъ еще студентомъ возмущался, если профессоръ или книга выдавали за исторію литературы массу именъ, годовъ и фактовъ (въ вѣкъ Антониновъ эпики были такіе-то, лирики такіе-то; они написали то-то и то-то; дошло до насъ то-то и то-то; издано тѣмъ-то и тамъ-то), фактовъ, весьма трудныхъ для заучиванія и во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ развѣ пріобрѣтенія диплома, безполезныхъ. По всякой литературѣ, а также и по всѣмъ литературамъ вмѣстѣ, есть сборники фактовъ, сборники, которые нѣмцы называютъ Handbücher и Grundrisse. Сочиненія эти очень полезны, какъ настольныя и справочныя книги, но стремиться усвоить ихъ содержаніе также нелѣпо, какъ учить наизусть словарь Кронеберга, а взять оттуда рядъ хотя бы крупнѣйшихъ и несомнѣннѣйшихъ фактовъ, развести ихъ субъективными разборами достоинствъ и недостатковъ произведеній и назвать это исторіей литературы значитъ обмануть слушателей или читателей. Классикъ, по всей вѣроятности, въ ранней юности, читалъ книгу Мунка и навѣрно былъ очень благодаренъ ея автору за превосходное изложеніе лучшихъ произведеній греческой поэзіи и прекрасный выборъ отрывковъ; можетъ быть, въ то время онъ и вѣрилъ, что ея заглавіе: «Исторія греческой литературы», соотвѣтствуетъ дѣйствительности, но съ тѣхъ поръ, какъ онъ узналъ, что Фридрихъ Шлегель еще въ концѣ прошлаго столѣтія опредѣлилъ историческую и логическую послѣдовательность эпоса, лирики и драмы и привелъ въ связь съ развитіемъ формы и содержанія греческой мысли не только политическую исторію Греціи, но и стили греческихъ колоннъ,—онъ уже не можетъ ни Мунковъ, ни Грессе считать историками литературы, а только авторами книгъ, занимательныхъ для чтенія или полезныхъ для справокъ.

Идея Шлегеля, что ходъ развитія греческой поэзіи въ дошедшихъ до насъ памятникахъ есть обязательная норма для всякой правильно развивающейся литературы, давно оставлена; самая исторія греческой поэзіи представляется теперь совсѣмъ иначе; но попытка выработать общую норму, стремленіе отойдти отъ случайнаго къ необходимому, отъ факта къ закону останется вѣчно памятнымъ, какъ краеугольный камень для возведенія зданія науки.

Собраніе частныхъ фактовъ, хотя бы и очень назидательныхъ, не есть наука, а только матеріалъ для науки. Наука должна обобщить ихъ, подвести подъ незыблемые законы, равно обязатель-

ные какъ для прошлаго, такъ и для будущаго. Наука должна предсказывать: въ вѣкъ разума она замѣняетъ собою пророковъ.

Исторіи литературы еще далеко до этого; до сихъ поръ сдѣланныя обобщенія часто не выдерживаютъ критики, законы только намѣчены, да и то не въ большомъ числѣ. Матеріаломъ извѣстнаго рода мы завалены; но матеріалъ, особенно нужный для серьёзной постановки дѣла, намъ еще приходится изъ земли выкапывать. На строго научный путь, не смотря на 2,000-тилѣтнюю древность своихъ «начатковъ», исторія литературы только теперь начинаетъ вступать. Тѣмъ труднѣе, но за то тѣмъ интереснѣе работать надъ нею.

На сколько многія лучшія книги, озаглавленныя исторіей литературы, не удовлетворяютъ понятію о наукѣ или даже законченномъ отдѣлѣ ея, постараюсь показать хоть на одномъ примѣрѣ. Года два назадъ въ превосходномъ русскомъ переводѣ вышелъ 1-й томъ «Исторіи испанской литературы» американца Тикнора. Тикноръ—человѣкъ чрезвычайно даровитый, съ большимъ историческимъ тактомъ, съ литературнымъ вкусомъ, съ замѣчательной ясностью мысли и выраженія. Дѣло свое онъ знаетъ прекрасно; въ классикахъ и англичанахъ имѣетъ обширный матеріалъ для сравненія; онъ на столько развитъ въ научномъ отношеніи, что имѣетъ ясное представленіе о народной, безличной поэзіи, отчетливо понимаетъ связь племенныхъ особенностей и исторіи страны съ духомъ и направленіемъ литературныхъ фактовъ. Короче сказать, онъ стоитъ вполнѣ на уровнѣ современной ему науки. Но современная ему наука — наука 40-хъ годовъ, и его безусловно добросовѣстная и талантливая книга можетъ претендовать только на названіе очерковъ изъ исторіи испанской литературы.

Тикноръ поступилъ такимъ образомъ: онъ отобралъ изъ испанской письменности всѣ, такъ называемыя, геніальныя и талантливыя, иначе сказать, выдающіяся произведенія, добросовѣстно перечиталъ ихъ, собралъ свѣдѣнія о личностяхъ ихъ авторовъ, расположилъ все это въ остроумномъ порядкѣ, отчасти хронологическомъ, отчасти по родамъ прозы и поэзіи, и постарался, гдѣ можно, указать взаимодѣйствіе «школъ» и періодовъ.

Что же получилось изъ этого? Красивое и грандіозное дѣйствіе машины, внутреннія пружины и колеса которой закрыты для насъ; мы видимъ, какъ вдругъ появляется какой нибудь поршень, который вытягиваетъ за собою полосу разноцвѣтныхъ нитей; эта полоса скрывается на нѣсколько минутъ и вдругъ снова появляется полотнищемъ пестрой матеріи, скрывается опять и показывается затканной цвѣтами. Зрѣлище красивое, но мало поучительное!

Историкъ литературы 40-хъ годовъ прежде всего эстетикъ. Онъ исходитъ изъ справедливаго, повидимому, убѣжденія, что, подобно тому, какъ зоологу нѣтъ нужды изучать всѣ особи извѣстнаго вида

животныхъ, ботанику — всѣ виды растенія, и для изображенія духовной жизни извѣстнаго народа нѣтъ никакой надобности брать всѣ ея факты, всѣ литературные памятники, что даже нелѣпо освѣщать ихъ всѣ одинаково ярко; поэтому онъ отбираетъ памятники, наиболѣе изящные, наиболѣе удовлетворяющіе его вкусу или вкусу его современниковъ (разница невелика), а факты некрасивые или вовсе исключаетъ, или осматриваетъ вскользь, такъ сказать, оптомъ.

Но что было бы съ зоологіей, если бы зоологи интересовались исключительно, или хоть главнымъ образомъ красивыми животными? съ ботаникой, если бы ея работники руководствовались эстетическимъ, иначе сказать, аристократическимъ принципомъ?

А между тѣмъ этотъ принципъ въ примѣненіи къ исторіи литературы всецѣло царитъ въ умахъ многихъ несомнѣнно образованныхъ людей не 40-хъ годовъ, а нашего времени, въ умахъ людей съ хорошей исторической подготовкой, работающихъ или работавшихъ надъ наукой. Такой историкъ никакъ не согласится отождествить исторію Рима съ извѣстной книгой «De viris illustribus urbis Romae» и вполнѣ убѣжденъ, что сказанія о достопамятныхъ подвигахъ славныхъ россіянъ не имѣютъ ничего общаго съ русской исторіей ни какъ съ наукой, ни какъ съ предметомъ университетскаго, ни даже гимназическаго преподаванія; а между тѣмъ онъ будетъ смѣяться надъ своимъ бывшимъ ученикомъ, когда тотъ увлечется какими нибудь патериками или мистеріями, и если ему дать власть, такой образованный человѣкъ можетъ сдѣлаться гасителемъ просвѣщенія, можетъ попытаться истребить изъ университетовъ нашу науку, замѣнивъ ее изученіемъ «изящныхъ» произведеній. Если человѣкъ, кое-что знающій, вообразитъ, что онъ все знаетъ, что онъ призванъ рѣшать всѣ вопросы, онъ можетъ оказаться вреднѣе круглаго невѣжды. Омаръ сжегъ Александрійскую библіотеку именно потому, что онъ хорошо зналъ коранъ. Итальянская пословица говоритъ: Guardati da colui, che non ha letto che un libro solo (берегитесь того, кто прочелъ одну книгу).

Но возвращаюсь къ Тикнору и ему подобнымъ. Какъ это ни странно сказать про лучшихъ людей 40-хъ годовъ, въ области литературы они жили старыми дореволюціонными понятіями: исторія для нихъ была исторіей массы, народа; но исторія литературы — исторіей духовной жизни лучшихъ людей. Вслѣдствіе этого аристократическаго взгляда множество фактовъ, самыхъ характерныхъ и знаменательныхъ, ускользаетъ отъ ихъ вниманія. Изложеніе по родамъ прозы и поэзіи вредитъ полнотѣ и связности ихъ картинъ гораздо болѣе, нежели это кажется съ перваго взгляда [1]). Такъ на-

[1]) Достаточно, напримѣръ, указать на такой наглядный примѣръ въ томъ же Тикнорѣ: хроника о Сидѣ отдѣлена отъ поэмы о Сидѣ цѣлымъ рядомъ главъ, трактующихъ о дѣятеляхъ средневѣковаго «просвѣщенія» въ Испаніи, и помѣщена въ одинъ отдѣлъ съ хроникою Альфонса XI!

зываемые эстетическіе разборы обыкновенно переходятъ въ наборъ красивыхъ словъ: искреннее чувство, неподдѣльное одушевленіе, высокій полетъ фантазіи, словъ, которыя ровно ничего, кромѣ какого-то туману, не оставляютъ въ головѣ читателя. Если только авторъ не обладаетъ выдающимся талантомъ обобщенія и изложенія, результатомъ работы является сухая номенклатура, наборъ фактовъ, болѣе или менѣе скрашенный отрывками и изложеніями содержанія, образовательный только въ томъ смыслѣ, въ какомъ нравоучительная дѣтская повѣсть считаетъ образовательными исторію и географію: долженъ же юноша помнить, что Александръ Македонскій не французскій актеръ, а древній царь, Калифорнія не сосѣдняя губернія, а страна въ Америкѣ. И будетъ читатель знать, что тогда-то жилъ лирикъ Манрико, который проявилъ въ своихъ стихотвореніяхъ искреннее чувство, а тогда-то прозаикъ Мендоза, весьма выдающійся человѣкъ. Но вѣдь это немногимъ полезнѣе, чѣмъ знать, что въ такомъ-то городѣ проживаетъ Петръ Иванычъ Бобчинскій.

Это говорю я не про Тикнора; но и у такихъ талантливыхъ «литераторовъ-историковъ» масса фразъ и повтореній, масса ненужнаго и масса недосказаннаго; и у нихъ мы видимъ явленія, не узнавая ихъ причины. Приведу 2—3 примѣра.

Тикноръ довольно много и хорошо говоритъ о зловредномъ вліяніи инквизиціи на испанскую литературу [1]), но эта инквизиція представляется у него откуда-то съ неба свалившейся, точно она принадлежитъ не тѣмъ же испанцамъ, точно идея, ее создавшая, не обусловлена всей предшествующей жизнью средневѣковаго и спеціально испанскаго общества.

Тикноръ приводитъ много интересныхъ фактовъ относительно вліянія Италіи въ эпоху возрожденія на Испанію XVI вѣка; но читателю непонятно, отчего это Испанія оказалась такъ воспріимчива именно въ это время; возрожденіе для него является продуктомъ исключительно итальянскимъ, результатомъ дѣятельности нѣсколькихъ выдающихся умовъ, которые почему-то предпочли умныя книги турнирамъ и воспѣванію прекрасныхъ очей.

Въ характеристикѣ одного писателя говорится, что онъ счастливо избѣгъ тогдашней манерности и пошлости, въ характеристикѣ другаго, что онъ способствовалъ паденію чистоты вкуса своею искусственностью и неискренностью. Но размышляющій читатель рѣшительно недоумѣваетъ, отчего же именно тогда явилась манерность и пошлость, или отчего это блестящая идея воспроизвести въ картинахъ жизнь средняго сословія именно только въ такомъ-то столѣтіи пришла въ голову такому-то писателю? Самыя представленія о прогрессѣ и регрессѣ въ извѣстномъ родѣ поэзіи или въ поэзіи вообще наводятъ его на печальныя размышленія: вся исто-

---

[1]) Русск. пер., I, 391.

рія литературы представляется ему Сизифовой работой: лучшіе умы усердно трудятся для поднятія умственнаго и эстетическаго уровня человѣчества, а новый литературный Амазисъ говоритъ, указывая на нихъ: чѣмъ выше они поднимаются, тѣмъ ниже потомъ опустятся; какъ только человѣчество дойдетъ до чего нибудь истинно прекраснаго, такъ сейчасъ же начинается паденіе чистоты вкуса. Какой безотрадный и какой антинаучный взглядъ! Не ясно ли въ немъ сказывается переживаніе отъ эпохи курсовъ краснорѣчія и поэзіи?

Въ настоящее время исторія литературы отдѣльнаго народа возможна какъ предметъ преподаванія, какъ извѣстная дисциплина; какъ наука, существуетъ только сравнительная или всеобщая исторія литературы. Ея матеріалъ — не только литературные памятники всѣхъ родовъ и видовъ, но и памятники юридическіе, археологическіе, языкъ, наконецъ, факты внѣшней, политической исторіи, по скольку во всемъ этомъ отражаются развитіе, взгляды, идеалы человѣчества. Виды матеріала, привлекаемаго къ дѣлу, тѣмъ разнообразнѣе, чѣмъ бѣднѣе развитіемъ и литературными памятниками эпоха. Отъ временъ финикіянъ каждый счетъ на забранный товаръ (если бы такой отыскался), каждый заурядный надгробный памятникъ, каждое слово для насъ драгоцѣнная находка. Дошедшее отъ германцевъ IX вѣка полупонятное заклинаніе, отрывокъ календаря съ нѣсколькими нѣмецкими словами изслѣдуются съ величайшею обстоятельностью. Для эпохи, близкой къ намъ, мы интересуемся прежде всего памятниками такъ называемой изящной литературы, но не потому, что они красивѣе другихъ, а потому, что въ нихъ это развитіе, убѣжденія, а въ особенности идеалы выражаются яснѣе. Но и въ исторіи литературы XIX вѣка изслѣдователь сдѣлаетъ непростительную ошибку, если совсѣмъ отрѣшится отъ движенія въ области политическихъ ученій и ихъ реальнаго выраженія, отъ движенія въ наукѣ, если онъ не обратитъ должнаго вниманія на произведенія, отнюдь не изящныя, но популярныя, а потому вліятельныя и характерныя. Едва ли нужно подтверждать это примѣрами; едва ли нужно доказывать, что тотъ, кто составитъ себѣ понятіе о Германіи въ началѣ нашего столѣтія исключительно по Гете и Шиллеру, получитъ объ ней понятіе одностороннее почти до лживости и рѣшительно не пойметъ, какимъ образомъ поколѣніе, воспитавшееся на этихъ великихъ поэтахъ и мыслителяхъ, могло сносить съ такой тупой покорностью безсовѣстную тираннію мелкихъ князей и цензуры, какъ могло оно восхищаться Менцелемъ, какъ могло оно такъ вести себя въ 30-мъ и 48-мъ годахъ. Часто литературные факты, не только не изящные, но положительно безобразные для изученія эпохи своего появленія на свѣтъ гораздо важнѣе, нежели произведенія геніальныя и безсмертныя. Что же дѣлать! Для историка, какъ и

для анатома и физiолога, не должно быть ничего отвратительнаго и ничего красиваго; наука не дама патронесса, которая помогаетъ только чистенькимъ бѣднымъ и миленькимъ сиротамъ.

Методъ изслѣдованiя нашей науки въ общемъ, какъ и методъ всѣхъ положительныхъ наукъ,—строго индуктивный, отъ факта къ выводу; въ частности,—такъ какъ одинъ фактъ здѣсь ничего не доказываетъ,—методъ сравнительный, отъ массы однородныхъ фактовъ къ выводу, общему не только для нихъ, но и для всѣхъ, имъ подобныхъ.

Методъ изученiя основнаго матерiала—литературныхъ памятниковъ, разумѣется, строго филологическiй. Знать памятникъ въ переводѣ, въ изложенiи значитъ не знать его, а имѣть объ немъ поверхностное понятiе, значитъ лишить себя возможности дѣлать изъ него непосредственные и стойкiе выводы.

Задача нашей науки — вывести общiе незыблемые законы, по которымъ совершается движенiе человѣческой мысли, внутреннiй прогрессъ человѣчества. Стало быть, эта наука есть отдѣлъ соцiологiи, и если не самый важный, то одинъ изъ важнѣйшихъ отдѣловъ. Съ другой стороны, та же наука входитъ и въ антропологiю, такъ какъ она доставляетъ наиболѣе цѣнный матерiалъ для изслѣдованiя законовъ мысли и творческой фантазiи, взаимодѣйствiя общества и личности, традицiи и стремленiя къ прогрессу, связи факта и идеала.

Исторiя литературы, естественно, имѣетъ собственную терминологiю, какъ средство кратко выражать извѣстныя сложныя понятiя. Нѣтъ добра безъ зла: въ старые годы монографiи по этому предмету писались обыкновеннымъ литературнымъ языкомъ; теперь ихъ пестрятъ техническiя выраженiя въ родѣ детерiорацiи, циклизацiи, эпическаго оптимизма; ихъ украшаютъ генеологическiя таблицы рукописей и редакцiй, чуть не алгебраическiя формулы. Техническiй языкъ есть внѣшнiй, не скажу, чтобы очень отрадный, но необходимый признакъ науки.

Какъ я сказалъ выше, исторiя литературы, какъ наука, еще въ младенчествѣ: до сихъ поръ почти исключительно собирали матерiалъ, да и то не всегда такъ, какъ нужно; но это младенчество не худосочное, а сильное и многообѣщающее. Матерiалу собрано такъ много, что работники волей неволей должны оставить извѣстные отдѣлы его въ сторонѣ, какъ бы въ нѣкоторомъ пренебреженiи, и исторiя всеобщей литературы, какъ предметъ университетскаго преподаванiя, по необходимости значительно съуживаетъ свои предѣлы.

Во-первыхъ, хотя незнакомство или слишкомъ поверхностное знакомство съ литературами двухъ классическихъ народовъ, съ которыми такъ тѣсно связана вся наша духовная цивилизацiя, не только вредитъ работѣ надъ литературой среднихъ вѣковъ и новаго времени, но дѣлаетъ эту работу поверхностной и слѣдовательно почти негодной, эти классическiя литературы такъ обширны, тре-

буютъ такой специальной подготовки и, наконецъ, въ университетахъ всего міра они имѣютъ столько даровитыхъ преподавателей, что профессоръ всеобщей литературы предполагаетъ ихъ извѣстными, пользуется фактами изъ нихъ только для сравненія или при изысканіи источниковъ для памятниковъ и направленій Новой Европы.

Литературы азіатскаго востока требуютъ знанія восточныхъ языковъ и, хотя послѣ знаменитаго введенія Бенфея къ Панчатантрѣ за источниками странствующихъ, по выраженію профессора Буслаева, повѣстей намъ все чаще и чаще приходится обращаться какъ на самый крайній, такъ и на болѣе близкій къ намъ востокъ, восточныя литературы, въ силу ограниченности человѣческихъ способностей, выдѣлены изъ этой каѳедры.

И a priori понятно, какую важную роль предназначено играть допетровской письменности Россіи и славянскимъ литературамъ въ разработкѣ средневѣковой старины Западной Европы. Мы получили непосредственно изъ Византіи и сохранили почти въ неприкосновенной чистотѣ то, что Западъ передѣлывалъ до неузнаваемости; мы сохранили до XVIII вѣка многое, заимствованное съ Запада, но тамъ почти безслѣдно пропавшее; наша народная поэзія богаче, свѣжѣе, интереснѣе всѣхъ нынѣ живущихъ или жившихъ съ XVI столѣтія западныхъ, вмѣстѣ взятыхъ; наконецъ, теорія литературнаго заимствованія указала въ Россіи путь, которымъ сказанія буддистовъ попадали въ Западную Европу. Но такъ какъ и русская, и славянскія литературы въ нашихъ университетахъ, естественно, составляютъ особыя каѳедры, онѣ въ исторію всеобщей литературы входятъ только для сравненія, эпизодически.

Такимъ образомъ исторія всеобщей литературы, какъ предметъ университетскаго преподаванія, обращается въ исторію западныхъ литературъ. Но и въ этомъ видѣ предѣлы ея на столько обширны, кругъ занятій такъ сложенъ, что во всѣхъ нѣмецкихъ университетахъ она распадается minimum на двѣ каѳедры: на каѳедру германскихъ литературъ и нарѣчій и каѳедру нарѣчій и литературъ романскихъ. Гдѣ есть научныя силы, существуетъ еще каѳедра англо-саксонскаго языка и староанглійской литературы. Иногда, кромѣ того, выдѣляются литературы и нарѣчія скандинавскаго сѣвера. Но у насъ, не смотря на зависимость нашей культуры отъ западной, такихъ раздѣленій не полагается. Что же дѣлать! Русскому человѣку еще со временъ Петра Великаго приходится за трехъ нѣмцевъ отвѣчать. Худо ли, хорошо ли, а отвѣчаемъ.

Обстоятельно доказывать филологамъ хотя бы даже 1-го семестра, что въ университетѣ немыслимо изученіе литературы германскихъ и романскихъ народовъ безъ изученія германскихъ и романскихъ нарѣчій, по малой мѣрѣ излишне. Полагать, что чте-

ніе Ульфиловской библіи или провансальскихъ текстовъ есть ненужная роскошь для русскаго филолога, занимающагося исторіей литературы, можетъ только или самомнительное невѣжество, или злонамѣренность, стремящаяся задержать развитіе русской науки, которая только что начала поднимать голову и обращать на себя вниманіе своихъ старшихъ сестеръ.

Также излишнимъ считаю распространяться о тѣсной связи каѳедры всеобщей литературы съ всеобщей исторіей: политическое состояніе извѣстнаго общества на столько же неотдѣлимо связано съ его воззрѣніями и идеалами, на сколько общественное положеніе отдѣльнаго человѣка и факты его внѣшней жизни съ его внутреннимъ міромъ.

Исторія литературы и исторія искусства — сестры-близнецы; въ пріемахъ ихъ много общаго; задача ихъ одна и та же; онѣ идутъ къ ней однимъ путемъ, рука объ руку, взаимно помогая и дополняя другъ друга.

Исторія церкви съ исторіей литературы Новой Европы связана еще тѣснѣе, еще неразрывнѣе, нежели съ такъ называемой исторіей политической. Можно ли, напр., понять реформацію, не зная, какъ она подготовлялась въ литературѣ конца среднихъ вѣковъ?

Такимъ образомъ исторія западныхъ литературъ въ своихъ общихъ курсахъ является одной изъ важнѣйшихъ историческихъ дисциплинъ; въ курсахъ спеціальныхъ это крупный предметъ чисто филологическаго характера, требующій солидной филологической подготовки, но за то закрѣпляющій и пополняющій ее въ важнѣйшихъ пунктахъ.

Здѣсь не мѣсто говорить о практическомъ примѣненіи этого предмета на поприщѣ педагогической или какой либо иной дѣятельности. Университетъ, по выраженію покойнаго профессора Московскаго университета Леонтьева не готовальня практиковъ того или другаго сорта; наука существуетъ въ немъ не ради утилитарнаго «оборота», который можно сдѣлать изъ нея, а ради цѣлостности знанія, ради внутренняго интереса, ради полноты освѣщенія извѣстной стороны человѣческой жизни и Божьяго міра. Молодъ сравнительно русскій университетъ, но и онъ имѣетъ свои почтенныя традиціи, онъ явился на свѣтъ не какъ спеціальная школа, а какъ высшеобразовательное учрежденіе. Уже съ первыхъ дней своего существованія онъ служилъ не потребностямъ минуты, а высшимъ культурнымъ интересамъ юнаго, только что возродившагося русскаго общества. Тѣмъ обязательнѣе для него эта миссія теперь, когда Западная Европа относится съ такимъ почетнымъ вниманіемъ къ нашей литературѣ, нашей наукѣ и нашей жизни. Будемъ надѣяться на свѣтлое будущее.

А. Кирпичниковъ.

СОВРЕМЕННАЯ КОРЕЯ.

Ъ ТОЙ ПОРЫ, какъ мы начали ссориться съ англичанами, у насъ все чаще и чаще упоминается имя Кореи. Между тѣмъ, страна эта только недавно открыла свои двери любопытнымъ иностранцамъ, и потому литература о ней до сихъ поръ даже за границей еще не выходитъ изъ скромныхъ обложекъ разныхъ изданій географическихъ обществъ. Книга г. Грифиса (Corea. The Hermit Nation. Ancient, modern and recent History etc.) едва ли не первое и самое капитальное сочиненіе о Кореѣ. Онъ самъ побывалъ въ этой отдаленной окраинѣ и, состоя профессоромъ японскаго университета, имѣлъ случай познакомиться съ ближайшими источниками исторіи ея. Отсылая интересующихся древней исторіей Кореи къ названной книгѣ, мы приведемъ изъ нея вкратцѣ новѣйшую исторію полуострова, какъ не лишенную нѣкотораго характернаго интереса.

Полуостровъ, — разсказываетъ г. Грифисъ, — врѣзавшійся въ Жолтое море между Россіей и Китаемъ, величиной съ Великобританію, получилъ еще отъ первыхъ мореплавателей вдоль его береговъ, португальцевъ, неправильное названіе Кореи. Сами жители этого полуострова величаютъ свое отечество именемъ Чо-Зенъ — «спокойное утро», по прозванію одной изъ провинцій, ставшей во главѣ корейской территоріи. Масса обитаемыхъ и пустынныхъ, зеленыхъ и безводныхъ острововъ на морѣ, давшихъ прибавку къ титулу властителя Кореи названіе государя десяти тысячъ острововъ, нѣсколько широкихъ рѣкъ и большое количество удобныхъ гаваней уже издавна привлекали къ Кореѣ глаза иностранцевъ; встарину ее навѣщали арабы во времена расцвѣта ихъ цивилиза-

ціи, затѣмъ Европа и Америка не разъ требовали равноправности на далекомъ полуостровѣ, а нынѣ Корея уже упоминается въ качествѣ спорнаго, лакомаго и стратегическаго пункта, грозя въ недалекомъ будущемъ сдѣлаться яблокомъ раздора между сосѣдями Россіей и Китаемъ, при пособничествѣ всесвѣтной британской политики. Жители Кореи, не смотря на географическое положеніе, столь благопріятствующее развитію международныхъ сношеній и попытки иностранцевъ завести таковыя, почти до послѣднихъ дней слѣдовали принципамъ китайцевъ, устраняясь отъ всякаго знакомства съ иностранцами и чужеземными дѣлами, на морѣ для этого отказавшись отъ постройки кораблей, а на сушѣ отдѣливъ свое государство огромной необитаемой полосой полукругомъ. Этотъ остракизмъ удачно охранялся цѣлые вѣка, такъ что корейцамъ принадлежитъ пальма первенства надъ всемірно извѣстной и прославленной китайской неподвижностью: даже самимъ китайцамъ чудны и удивительны костюмы корейцевъ, заимствованные изъ Китая нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ и оставшіеся по настоящій день безъ измѣненій. Повѣсть о попыткахъ разныхъ цивилизованныхъ странъ разрушить этотъ остракизмъ весьма поучительна, какъ доказательство, что не всегда туземцы виноваты въ стремленіи оградить себя отъ соприкосновенія съ цивилизаціей. Вотъ для примѣра краткая исторія этихъ попытокъ со времени присоединенія къ Россіи Уссурійскаго края, сдѣлавшаго русскихъ сосѣдями Кореи.

Это сосѣдство прежде всего не понравилось католическимъ миссіонерамъ, забравшимся въ Корею еще съ конца прошлаго столѣтія. Хотя сама мѣстная католическая епископія насчитываетъ нынѣ во всей Кореѣ не болѣе трехъ, четырехъ десятковъ тысячъ христіанъ, но проповѣдь православія и эмиграція многихъ христіанъ-корейцевъ на русскую территорію нагнали страхъ на католическій клиръ полуострова. Въ 1866 году, у береговъ Кореи появилось русское военное судно. Европа приняла появленіе его за рѣшимость Россіи выказать свое законное вліяніе на маленькаго и дикаго сосѣда. Газеты Запада стали увѣрять, что Россія выставила также цѣлую армію на сухопутной границѣ Кореи. Разумѣется, изъ Рима, Лондона и Парижа тотчасъ былъ данъ приказъ и совѣтъ проповѣдникамъ Христа въ Кореѣ—принять всѣ мѣры къ защитѣ этой страны отъ русскаго вліянія. Слѣдуя этимъ совѣтамъ, французъ-епископъ въ Кореѣ, Бернё, составилъ адресъ о необходимости для Кореи заключить союзъ съ Англіей и Франціей, какъ для гарантіи самостоятельнаго существованія государства рядомъ съ Россіей, такъ и для защиты «свободы совѣсти» на полуостровѣ, свободы, яко бы подвергающейся угрозѣ со стороны русскаго православія. Одинъ изъ знатныхъ и богатыхъ корейцевъ, Ѳома Кимъ, поднесъ таковой адресъ отъ лица всѣхъ корейскихъ христіанъ регенту-пра-

вителю Кореи. Эта католическая дипломатія, ловко построенная на почвѣ патріотизма, произвела должное впечатлѣніе. Дворъ, также испуганный сосѣдствомъ съ Россіей, рѣшилъ позвать иностранныхъ ксендзовъ на государственный совѣтъ. Бернё торжествовалъ побѣду, но судьбѣ было угодно жестоко наказать его за эту преждевременную радость. Какъ разъ въ эти дни въ Китаѣ совершилось кровавое злодѣйство—христіане европейцы были повсемѣстно перерѣзаны. Вѣсть объ этомъ злодѣйствѣ пришла въ столицу Кореи

Житель Кореи.

Сеулъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда регентъ собирался слѣдовать совѣту католическаго клира. Анти-христіанская партія, до сихъ поръ довольно сильная въ этой дикой странѣ, какъ опирающаяся на невѣжество народа, восторжествовала. Созванные на государственное совѣщаніе католическіе священнослужители были арестованы и подвергнуты смертной казни...

Наполеонъ III былъ тогда еще въ апогеѣ своего краткаго величія и, конечно, не могъ простить Кореѣ убійство французскихъ гражданъ-миссіонеровъ. Представитель Франціи въ Китаѣ г. Беллонэ, образчикъ императорской дипломатіи и французскаго хвастов-

ства, немедленно обратился къ правителю Небесной имперіи съ письмомъ, увѣдомляющимъ, что «день, когда король Кореи смочилъ свои руки въ крови моихъ несчастныхъ соотечественниковъ, былъ послѣднимъ днемъ царствованія этого короля». Маленькая французская эскадра направляется къ берегамъ Кореи, входитъ въ многоводную рѣку Ганъ и дѣлаетъ нападеніе на Кангъ-Ва, укрѣпленіе и дворецъ, отличающійся живописностью мѣстоположенія. Захвативъ тамъ восемнадцать ящиковъ серебра и архивы, французы подымаются выше по рѣкѣ, бьютъ еще нѣсколько разъ корейцевъ, наставившихъ по берегамъ массу соломенныхъ чучелъ, надѣясь въ наивной простотѣ устрашить ими врага. Наконецъ, французскіе моряки уже перестаютъ считать корейцевъ за людей, умѣющихъ драться, и переходятъ отъ бомбъ къ рукопашной. Тутъ, разумѣется, побѣда остается за туземцами. Въ это время флотъ получаетъ извѣстіе объ усложненіяхъ въ Европѣ (австро-прусская война) и уѣзжаетъ изъ Кореи. Корейцы тотчасъ отпраздновали побѣду, собрали всѣхъ христіанъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, и начали мыть ихъ кровью берега, оскверненные присутствіемъ чужеземцевъ. Этотъ праздникъ стоилъ тысячи невинныхъ жертвъ...

Только что кончилась неудачная, безплодная и кровопролитная экспедиція французскаго флота, какъ на сцену являются американцы и англичане. Американецъ Престанъ и англійская фирма Meadows and C° нагрузили корабль «Генералъ Шерманъ» разнымъ товаромъ и отправились въ Корею будто бы съ патріотической цѣлью для открытія новыхъ рынковъ для отечественной торговли. На самомъ дѣлѣ, цѣлью экспедиціи была «пинганская усыпальница» корейскихъ царей, по преданію погребенныхъ въ золотомъ гробу. Экипажъ судна былъ вооруженъ съ головы до ногъ, такъ что въ Китаѣ, откуда это судно вышло, сейчасъ же догадались о пиратскихъ намѣреніяхъ этихъ торговыхъ мореплавателей. Экспедиція окончилась, однако, полной неудачей, корейцы утопили судно и умертвили весь его экипажъ. Но аппетитъ на открытіе золотыхъ гробовъ не пропалъ у европейцевъ. Въ слѣдующемъ 1867 году, американскій еврей Оппертъ нанимаетъ пароходъ «Китай» въ шестьсотъ восемьдесятъ тонъ вмѣстимостью и другое паровое судно «Грета» въ шестьдесятъ тонъ, сажаетъ на нихъ восемь европейскихъ матросовъ, двадцать манильцевъ и сотню китайцевъ. Поднявъ сѣверогерманскій флагъ, Оппертъ изъ Китая плыветъ въ Нагасаки, гдѣ запасается водой, углемъ и массой оружія, а оттуда ѣдетъ прямо въ Корею. Команда по дорогѣ обучается военному ремеслу, а французскій католикъ-миссіонеръ служитъ праведникомъ экспедиціи. Входятъ въ заливъ св. Жерома и подымаются вверхъ по рѣкѣ. Въ сорока миляхъ отъ моря начинается корейское кладбище и среди его огромная могила. Не тутъ ли золото? — думаетъ еврей Оппертъ и отправляетъ съ парохода команду, вооруженную ружьями

и лопатами. Раскопали, нашли саркофагъ, но открыть его не хватило силъ. Корейцы, удивленные и оскорбленные такимъ нахальнымъ святотатствомъ пришлецовъ надъ могилами предковъ, напали на команду, но были отбиты... Далѣе еще нѣсколько попытокъ къ пиратству, выстрѣлы, смерть, раны и увѣчья для корейцевъ отъ цивилизованныхъ гостей... Корабли Опперта воротились въ Шанхай, оставивъ двухъ матросовъ убитыми въ Кореѣ.

Негостепріимная встрѣча корейцами двухъ пиратскихъ экспедицій была, конечно, вполнѣ справедлива, но экспепиціи эти совершались американскими торговцами; слѣдовательно, Сѣверо-Американская республика, всетаки, обязана наказать дикій народъ и научить его уважать американскаго гражданина даже во образѣ морскаго разбойника. И вотъ въ 1871 году маленькая американская флотилія подъ командой адмирала Роджерса подплываетъ къ корейскимъ берегамъ. Американскіе моряки народъ гостепріимный. Остановясь у первыхъ острововъ, они не только познакомились съ мѣстными корейцами, но стали даже угощать ихъ и дарить. Добродушный восточный народъ растаялъ отъ нѣжной дружбы, и одинъ изъ корейскихъ вельможъ позволилъ американцамъ снять съ себя фотографическій портретъ. Это была первая отъ сотворенія міра фотографія корейца, и небо зло посмѣялось въ ней надъ европейской цивилизаціей: американцы ради комизма сняли портретъ съ корейца, забравшаго подарки гостей — дюжину бутылокъ пива, водки и вина, а также и иллюстрированный американскій журналъ «Every Saturday», на которомъ нарисованъ одинъ изъ высокихъ гуманистовъ нашего вѣка — Карлъ Сомнеръ. «Странное совпаденіе! — замѣчаетъ по этому поводу г. Грифисъ, — удивительная смѣсь символовъ Европы! алькоголь, пиво и вино служили вездѣ первымъ клиномъ цивилизаціи»... Отдохнувъ въ дружбѣ и любви съ корейцами, флотилія вспоминаетъ, что она прислана наказывать, и плыветъ въ устье рѣки Ганъ. Тамъ начинается рядъ сраженій. На изгибѣ теченія выстроена масса укрѣпленій; корейцы даютъ изъ нихъ по маленькимъ судамъ американцевъ такой залпъ, что матросы чуть не умерли отъ страха, но остались невредимы — всѣ корейскія ядра и бомбы пролетѣли мимо, не задѣвъ никого. Американцы стрѣляли искуснѣе — они убили около тысячи корейцевъ, разрушили форты на рѣкѣ и, признавъ такое наказаніе достаточнымъ, уѣхали домой. Корейцы, разумѣется, поняли эту экспедицію въ томъ смыслѣ, что оффиціальная Америка отплачивала имъ за неудачное покушеніе ея гражданъ на грабежѣ...

Англичане не разъ пробовали войдти въ прямыя отношенія съ Кореей и, испытавъ неудачи, обратились, наконецъ, къ помощи китайцевъ и японцевъ. Нѣмцы впервые вошли въ Корею во время только что описанной американской экспедиціи. Наконецъ, сами американцы вступили въ договоръ съ Кореей при пособіи цивили-

зованной интеллигенціи Китая. Послѣдняя въ лицѣ своего ученаго мужа Куоинкенъ, совѣтника китайскаго посольства въ Японіи, послала въ 1881 году корейцамъ длинный мемуаръ, въ которомъ Кореѣ преподается совѣтъ бояться какъ огня вліянія «обжорливой (ravenous) Россіи» и искать дружбы съ американцами и англичанами. Въ 1878 году, корейцы открыли для иностранцевъ свой портовый городъ Фазанъ, въ 1880 году — портъ Гензанъ, въ 1882 году заключенъ американско-корейскій торговый договоръ, а въ 1885 году англичане взяли въ свое владѣніе корейскій портъ Гамильтонъ...

Словомъ, китайская стѣна разрушилась и Корея попала въ водоворотъ міровой жизни. Ея молодежь учится теперь въ Японіи и въ Китаѣ попреимуществу въ англійскихъ и американскихъ школахъ. Японія главная наставница Кореи. Плоды японской революціи 1868 года — конституція и управленіе страной при помощи либеральныхъ иностранцевъ — особенно смущаютъ юные умы корейцевъ, и авторъ книги разсказываетъ, что теперь на дикомъ полуостровѣ уже борются двѣ партіи — консервативно-патріотическая, идущая противъ обезьянства, имѣетъ своимъ главой бывшаго регента королевства; либералы, готовящіеся учредить въ Кореѣ парламентаризмъ, хвастаются дружбой съ молодымъ королемъ. Что выйдетъ изъ этой борьбы, неизвѣстно, ясно лишь то, что сосѣдняя съ Россіей Корея находится подъ сильнымъ вліяніемъ нашихъ политическихъ враговъ. Г. Грифисъ американецъ, и потому не поражаетъ предубѣжденностью по отношенію къ Россіи, однако и онъ предсказываетъ, что именно полуостровъ Корея, составляющій по японской поговоркѣ «губы китайскихъ зубовъ», послужитъ ареной русско-китайскаго спора и кровопролитія. Утѣшеніемъ въ этой печальной перспективѣ могутъ развѣ служить два свидѣтельства — о необыкновенной живописности полуострова и о такомъ богатствѣ его золотомъ, что миссіонеры уже давно и единогласно называютъ Корею азіатской Калифорніей. Корея въ административномъ отношеніи дѣлится на семь неравныхъ по населенію и территоріи провинцій, управляемыхъ губернаторами. Статистика, разумѣется, существуетъ въ Кореѣ самая проблематическая и удовлетворяющая лишь скромнымъ потребностямъ по собиранію податей и ратниковъ. Для первой цѣли ведется счетъ домовъ, для второй — мужчинъ, способныхъ носить оружіе. Провинція, соприкасающаяся съ русской территоріей, носитъ старинное названіе Гамъ-Кіунгъ, что̀ въ переводѣ означаетъ — «хорошій видъ», славится дѣйствительно дикой прелестью природы и полнымъ неудобствомъ для жизни. Огромныя горы и двадцать четыре рѣки, при бурѣ, вѣтрѣ, дождѣ и таяніи снѣговъ обращающіяся въ бурные, непроходимые потоки, гонятъ жителя этой провинціи къ морскому берегу, гдѣ и сосредоточиваются почти всѣ поселки провинціи. Впрочемъ, и тутъ, не смотря

на великое пространство, населеніе весьма немногочисленно: считается во всей провинціи около ста тысячъ домовъ, т. е., по щедрому предположенію, не болѣе полумилліона жителей обоего пола. Главные пункты провинціи—Гамъ-Гунгъ, резиденція губернатора, стоящая на полдорогѣ между русской границей и столицей Кореи, Сеуломъ. Разстояніе это, судя по картѣ, приложенной къ сочиненію Грифиса, не должно быть менѣе 400—500 верстъ. Еще южнѣе— верстахъ въ полутораста отъ Гамъ-Гунга портовый городъ Генза,

Вооруженный кореецъ.

по трактату 1880 года, открытый для торговли съ Японіей. Отсюда до послѣдней по прямому морскому пути всего триста миль. Жители этой провинціи, какъ и сосѣдней съ ней Пинганъ, занимаются попреимуществу рыбной ловлей и охотой. Существенная часть первой состоитъ китобойствѣ. Киты въ опредѣленныя времена года являются не вдалекѣ отъ корейскихъ береговъ, преслѣдуя стада сельдей; тутъ ихъ и ловятъ по обычному способу—гарпунами, общими у всего человѣчества. Царь великаго количества звѣрей, населяющихъ Корею, особенно ея малообитаемыя горныя провинціи, примыкающія къ материку, есть тигръ. Онъ служитъ для ко-

рейцевъ олицетвореніемъ силы и мужества, почему народъ чувствуетъ по отношенію къ тигру суевѣрный ужасъ, а правительство рисуетъ тигра съ крыльями на своемъ гербѣ и знамени. Тигровъ въ Кореѣ такая масса, что у китайцевъ сложилась даже поговорка—«въ Кореѣ полгода тигры поѣдаютъ жителей, а другіе полгода жители убиваютъ тигровъ». О величинѣ ихъ можно судить потому, что г. Грифисъ видѣлъ тигровыя шкуры, привезенныя въ Японію изъ Кореи, имѣвшія 12 футъ въ длину. Корейцы отплачиваютъ за насмѣшливую поговорку китайцевъ другой, подобной же. Желая выразить то, что мы подразумѣваемъ въ пословицѣ «на бѣднаго макара шишки валятся», корейцы говорятъ: «послѣ китайца тигръ». Вообще этотъ звѣрь несетъ большую службу корейскому лексикону. «Питать тигра» равносильно въ Кореѣ нашему выраженію» «вскормить змѣю»; «тигровый завтракъ» означаетъ обжорство, «тигръ съ переломленнымъ хребтомъ» олицетворяетъ одураченнаго хитреца, «дать тигру крылья» подразумѣваетъ придачу къ силѣ мудрости и т. д. Появленіе тигровъ на улицахъ, поселкахъ и нападеніе ихъ на людей не составляютъ въ Кореѣ явленія рѣдкаго или необыкновеннаго. Случается даже, что нѣсколько тигровъ выгоняютъ изъ поселка всѣхъ жителей, приневоливая ихъ къ переселенію изъ опаснаго сосѣдства. Порой само правительство вмѣшивается въ эту распрю звѣря съ человѣкомъ, организуя подъ предводительствомъ мѣстнаго начальства облавы на широкую ногу. Спеціальные охотники на тигровъ цѣнятся въ Кореѣ, какъ лучшіе и храбрѣйшіе воины. Французы во время ихъ удивительной экспедиціи въ 1866 году имѣли случай познакомиться съ этими воинами, и именно это знакомство разочаровало ихъ въ удовольствіи военной прогулки по дикой странѣ.

Новѣйшая исторія Кореи, кажется, вполнѣ оправдываетъ недобрыя предсказанія... Россія должна имѣть флотъ на Восточномъ океанѣ, куда во время Крымской войны англійскія плавучія батареи уже являлись къ намъ въ гости. Тогда нашей главной восточно-океанской военной гаванью былъ Петропавловскъ на полуостровѣ Камчаткѣ, воды котораго стоятъ замерзшими втеченіе доброй половины года. Вслѣдствіе этого климатическаго неудобства портъ былъ переведенъ изъ Петропавловска въ Владивостокъ, который хотя и находится на одиннадцать градусовъ южнѣе, но также покрывается льдомъ втеченіе нѣсколькихъ зимнихъ мѣсяцевъ. Между тѣмъ, въ двухъ стахъ миляхъ южнѣе Владивостока, на корейской малонаселенной территоріи, есть прекрасная и никогда не замерзающая бухта Браутона (Broughton Bay). Отъ этой бухты до японскаго берега тридцать шесть часовъ плаванія, и три-четыре дня до сѣверо-китайскихъ портовъ, между которыми англичане уже давно почти монополизировали все паровое судоходство. Иностранная пресса съ нѣкотораго времени весьма дружно утверждаетъ, что

Россія тайно добивается отъ Кореи уступки ей Браутоновскаго залива, куда и намѣрена, будто бы, перевести свой военный портъ изъ Владивостока... Англичане, увлеченные обычной паникой отечественнаго судоходства при малѣйшемъ слухѣ о недоразумѣніяхъ съ Россіей, занялись также разрѣшеніемъ вопроса, какъ лучше обезопасить англійское торговое мореходство въ Восточномъ океанѣ отъ русскихъ крейсеровъ, имѣющихъ стоянку въ Владивостокѣ или Браутоновской бухтѣ? Отвѣчая на этотъ вопросъ, совѣтъ британскихъ министровъ рѣшилъ блокировать русскій военный портъ въ Тихомъ океанѣ англійскими броненосцами и крейсерами, разсчитывая на каждое русское военное судно три военныхъ англійскихъ. Но для такой системы необходимо имѣть подъ рукой угольную станцію, ибо, по международнымъ законамъ, суда воюющихъ державъ не имѣютъ права запасаться топливомъ въ портахъ нейтральныхъ государствъ. Поэтому англійское правительство обратило вниманіе на группу островов Нанъ-Хау, извѣстныхъ подъ названіемъ порта Гамильтона. Эти острова занимаютъ прекрасную стратегическую мѣстность, находясь при входѣ въ Корейскій проливъ, соединяющій Японское море съ Китайскимъ, какъ разъ на срединѣ пути между Браутоновской бухтой и важнѣйшимъ китайскимъ торговымъ портомъ Шанхаемъ, въ трехъ стахъ миляхъ разстоянія отъ того и другаго. Такимъ образомъ портъ Гамильтонъ стоитъ какъ разъ на главномъ пути японско-китайскаго судоходства и можетъ легко сдѣлаться удобной и богатой коммерческой пристанью. Именно здѣсь и задумали англичане устроить новую каменноугольную станцію, такъ какъ ближайшая таковая станція до сихъ поръ у нихъ была въ Гонъ-Конгѣ за полторы тысячи миль отъ русскихъ портовъ. Портъ Гамильтонъ понравился англичанамъ еще потому, что острова его отстоятъ всего на 25 миль отъ материка Кореи, слѣдовательно даютъ полную возможность вліять на политику этого государства и при случаѣ обратить его даже въ союзника противъ Россіи. Наконецъ, и отъ японской второй столицы, Нагасаки, портъ Гамильтонъ—всего въ 150 миляхъ.

Острова Нанъ-Хау въ первый разъ обратили на себя вниманіе англичанъ уже сорокъ лѣтъ тому назадъ, когда адмиралъ Бельчеръ на кораблѣ «Samarang» посѣтилъ эти острова, нанесъ ихъ на карту и вскорѣ издалъ подробное описаніе ихъ подъ заглавіемъ: «Voyage of Samarang». Острова эти состоятъ изъ двухъ большихъ Содо и Санодо (Sodo and Sunhodo) и маленькаго островка между ними, которому Бельчеръ далъ названіе «Обсерваторскаго». Первые два острова населены корейцами въ количествѣ болѣе двухъ тысячъ душъ.

Англійская политика не ищетъ долго способовъ къ достиженію того, что ей нужно. На этомъ пути у нея всѣ средства дозволены, и не выросъ еще англичанинъ, который бы осмѣлился критиковать

эти средства съ нравственной точки зрѣнія. Британскіе золотые фунты управляютъ міровой политикой едва ли не успѣшнѣе всякой дипломатіи. Портъ Гамильтонъ былъ купленъ у Кореи тотчасъ, какъ онъ понадобился англичанамъ, и Обсерваторскій островъ сдѣлался центромъ новой британской военной гавани. Купленные корейскіе граждане, жители Гамильтона, оказавшіеся не имѣющими понятія о деньгахъ, сдѣлались рабочими англичанъ, а густой лѣсъ острововъ пошелъ на постройки. На Обсерваторскомъ островѣ теперь стоятъ прекрасные дома для военной команды и телеграфная станція для кабеля, проложеннаго англичанами сначала прямо по морскому дну до Шанхая, а теперь замѣненнаго кабелемъ до Saddle Jslands. Подходъ къ островамъ тщательно обложенъ торпедами...

Въ сентябрѣ прошлаго года пришлось, однако, сильно разочароваться въ качествахъ покупки: острова оказались подверженными столь сильнымъ тифонамъ, что постройки были разрушены силою смерча, а корабли были сброшены съ якорей и спаслись единственно благодаря неожиданно быстрому концу тифона. Британскіе моряки, назначаемые въ пустынный Гамильтонъ изъ веселыхъ портовъ Японіи, очень бранятъ корейскій климатъ и пр., такъ что теперь возникъ вопросъ—стоитъ ли удерживать Гамильтонъ, требующій для дѣйствительнаго укрѣпленія этой новой морской станціи милліонныхъ расходовъ? Въ скоромъ времени особая коммиссія британскихъ моряковъ и артиллеристовъ отправится на острова Нанъ-Хау и окончательно рѣшитъ этотъ вопросъ. Заявленія газетъ объ оставленіи англичанами порта Гамильтона поэтому преждевременны и для насъ нисколько не радостны: англичане задумываютъ нынѣ перемѣстить свою новую морскую станцію изъ Гамильтона на острова Цусима (Tsusima), которые, по разсказамъ англичанъ, ровно двадцать пять лѣтъ тому назадъ состояли въ фактическомъ владѣніи у Россіи, будучи заняты командой съ русскаго фрегата «Посадникъ» подъ начальствомъ капитановъ Лихачева и Бирилева.

Исторія этого занятія у насъ, кажется, совсѣмъ неизвѣстна публикѣ, и потому позволяю себѣ передать ее вкратцѣ со словъ Ратерфорда Алькова, бывшаго въ ту пору англійскимъ министромъ-резидентомъ въ Японіи.

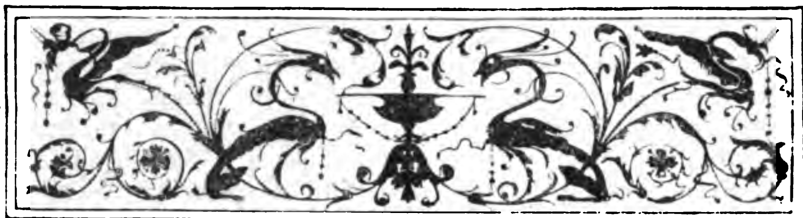
13-го марта нов. ст. 1861 года, черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ перваго появленія русской эскадры у береговъ Японіи, корветъ «Посадникъ» подошелъ къ Цусима и подъ предлогомъ починки высадилъ на берегъ команду, построивъ для нея на островѣ казармы, госпиталь и баню такой прочности, что японцы, а въ особенности англичане, испугались. Сначала они рѣшили сообща потребовать объясненій у русскаго командира корвета Бирилева, но онъ отказался отъ переговоровъ; русскаго агента въ Японіи тогда

еще не было. Британскій корабль «Ringdove» съ адмираломъ Гопомъ былъ посланъ въ Цусиму произвести слѣдствіе, удостовѣриться самолично въ дѣйствіяхъ русскихъ и узнать, что̀ они затѣваютъ. Адмиралъ Гопъ вступилъ въ переписку съ Бирилевымъ, утверждая, что присутствіе русскаго корабля грозитъ всѣмъ мѣстнымъ европейцамъ кровавымъ взрывомъ негодованія туземнаго населенія и т. д. Между тѣмъ, японское правительство, по указу г. Алькока, обратилось съ протестомъ противъ русскаго завладѣнія и потребовало черезъ «англійское министерство иностранныхъ дѣлъ» объясненій у Россіи... 1-го ноября того же 1861 года, англичане съ радостью получили извѣстіе, что «Посадникъ» забралъ съ берега Цусима всѣхъ своихъ людей и уплылъ изъ японскихъ водъ. Англичане, однако, до сей поры не забываютъ этого происшествія и тѣсно связываютъ съ нимъ нападеніе японцевъ на британское посольство въ іюлѣ 1862 года, закончившееся убійствомъ 23 душъ, доказывая, что японцы были возбуждены противъ европейцевъ «дерзкимъ нашествіемъ» русскаго флота...

Цусима находится на восточной сторонѣ Корейскаго пролива и имѣетъ гавань, которую, по величинѣ, глубинѣ и безопасности, г. Алькокъ сравниваетъ съ Севастополемъ.

А. Н. М.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ВЪ АНГЛІИ ВЪ КОНЦѢ ПРОШЛАГО ВѢКА.

I.

Значеніе Франціи въ культурной исторіи человѣчества.—Французскія идеи на англійской почвѣ. — Внѣшняя жизнь англійскаго общества въ послѣднія двѣнадцать лѣтъ XVIII столѣтія. — Процессъ Гастингса. — Лордъ-памфлетистъ. — Смерть послѣдняго Стюарта.—Помѣшательство Георга III.—Вопросъ о регентствѣ.—Насильственная вербовка.—Выходка Борка въ палатѣ общинъ.—Противоправительственныя общества. — Война съ Франціей. — Торговля невольниками.—Безпорядки въ войскѣ.—Бѣдствія народа.—Выздоровленіе короля и нелюбовь къ нему.—Финансовыя затрудненія.—Бунтъ во флотѣ.—Французы въ Ирландіи. — Сношенія съ Директоріей и генераломъ Бонапарте.

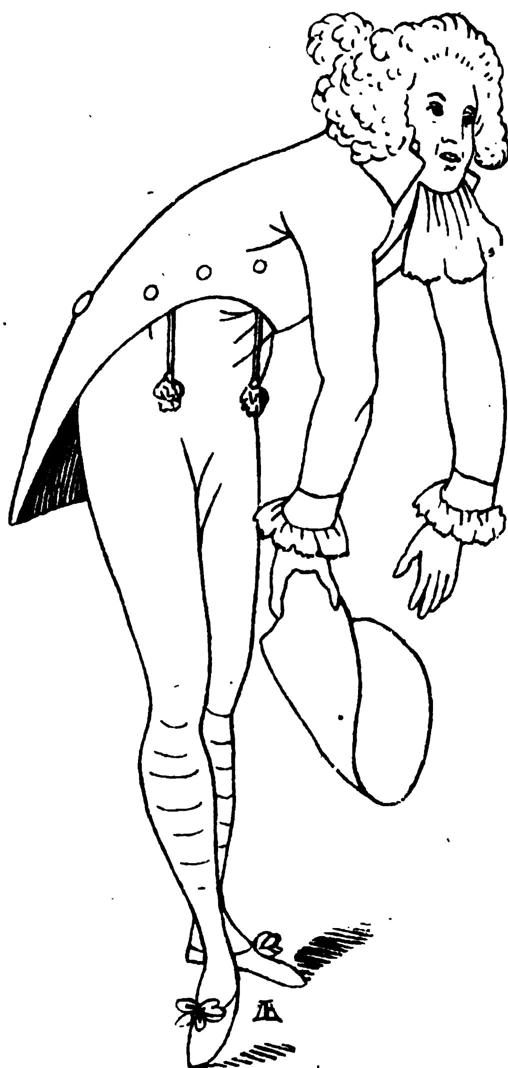
ЕВЯТНАДЦАТЫЙ вѣкъ приближается къ годамъ, въ которые сто лѣтъ тому назадъ произошелъ величайшій политическій переворотъ, имѣвшій огромное вліяніе и на внутренній строй тогдашняго общества, его взгляды, понятія, привычки; онъ измѣнилъ вѣковые обычаи, уничтожилъ то, что казалось незыблемымъ, установилъ то, что представлялось невозможнымъ. И какъ въ эпоху короля-солнца, когда Европа заимствовала у Франціи весь культурный складъ, или въ эпоху энциклопедистовъ, идеи которыхъ проникали въ самыя отдаленныя, едва цивилизованныя страны, воззрѣнія французской интеллигенціи, въ концѣ XVIII столѣтія, переходили въ сознаніе всѣхъ классовъ европейскаго общества. Не вездѣ, конечно, воззрѣнія эти усвоивались вполнѣ, какъ безусловный авторитетъ; другія расы переработывали ихъ сообразно съ

особенностями своей національности; но вездѣ онѣ оставляли замѣтный слѣдъ въ нравахъ и обычаяхъ образованныхъ сословій, въ образѣ жизни всѣхъ общественныхъ слоевъ. Менѣе всего переворотъ девятидесятыхъ годовъ XVIII вѣка отразился въ Англіи, гдѣ германская раса, изолированная на своемъ островѣ, жила всегда своеобразною жизнью. Для нея не были новостями политическія

Боркъ въ палатѣ общинъ.

событія, совершившіяся по ту сторону пролива. Ровно за 140 лѣтъ передъ тѣмъ, когда Франція составляла Фронду противъ королевской власти, Англія уже казнила своего короля и учредила республику. Но переворотъ 1789 года слабо отозвался въ культурной жизни Англіи, вслѣдствіе ея долгаго антагонизма и расовой вражды съ ламаншской сосѣдкой. Попытавшись представить особенности этой жизни во Франціи, въ послѣднихъ годахъ прошлаго вѣка (см. статью «Культурная исторія Директоріи» въ «Историч. Вѣстникѣ»,

Поклонъ принца Валлійскаго. (1788-й годъ).

Мода 1789 года.

1885 года, №№ 1, 2, 3, и 4), мы сочли интереснымъ сопоставить съ ней культурную жизнь Англіи въ ту же эпоху. Поводъ къ этому даетъ намъ книга Джона Аштона, появившаяся въ прошломъ году, подъ названіемъ «Старыя времена, картина общественной жизни въ концѣ восемнадцатаго столѣтія« (Old Times, a picture of social life at the end of the eigteenth century). Авторъ, извѣстный уже въ литературѣ сочиненіемъ «Общественная жизнь въ царствованіе королевы Анны», имѣвшимъ большой успѣхъ, совершенно справедливо замѣчаетъ въ предисловіи къ своему новому труду, что объ эпохѣ, которую онъ вздумалъ описать, есть много книгъ, касающихся не только политической исторіи, но и жизни высшихъ классовъ того времени. Нѣтъ только картины нравовъ и обычаевъ среднихъ и низшихъ классовъ англійскаго общества, и этотъ пробѣлъ онъ добросовѣстно пополняетъ въ своей новой книгѣ, которую мы беремъ въ основаніе нашихъ очерковъ, заимствуя изъ нея и любопытные рисунки, взятые, большею частью, изъ сатирическихъ листковъ и каррикатуръ той эпохи. Свѣдѣнія Аштона мы пополнимъ извѣстіями и изъ другихъ источниковъ, особенно тамъ, гдѣ авторъ говоритъ о явленіяхъ, понятныхъ для англичанъ, но которыя, безъ разъясненія, остались бы темными для русскихъ читателей. Мы представимъ сначала картину внутренней жизни англійскаго общества, потомъ перейдемъ къ его высшимъ культурнымъ проявленіямъ и отношеніямъ къ органамъ управленія. Политическихъ событій мы коснемся только въ той мѣрѣ, въ какой они служили предметомъ общественныхъ толковъ и злобою дня.

Послѣднія двѣнадцать лѣтъ прошлаго вѣка великихъ міровыхъ событій не прошли безслѣдно и въ общественной жизни Англіи. Въ то время, когда, въ 1788 году, начинался въ Парижѣ процессъ монархіи, въ собраніи генеральныхъ штатовъ, хотя и распущенныхъ въ декабрѣ того же года, въ Лондонѣ начался процессъ генералъ-губернатора Индіи, Варрена Гастингса, обвиненнаго въ грабежѣ Бенгальской провинціи, въ жестокихъ поступкахъ съ туземцами, въ обманѣ правительства. Судъ происходилъ въ Вестминстерѣ, гдѣ въ главной залѣ былъ поставленъ тронъ и противъ него мѣшокъ, набитый шерстью для лорда-канцлера. По сторонамъ трона были устроены двѣ ложи—одна для короля, другая для королевы, но король ни разу не являлся во время процесса, ни на тронѣ, ни въ ложѣ, а слушалъ по временамъ судебныя пренія въ залѣ инкогнито. Скамьи для членовъ палаты общинъ были обиты синей байкой, всѣ остальныя красной. Особыя мѣста были устроены для посланниковъ и дипломатическаго корпуса. Засѣданія начинались въ 11 часовъ со входомъ въ залу комитета, руководившаго обвиненіемъ. Члены комитета, во главѣ которыхъ стоялъ Боркъ, были въ парадныхъ костюмахъ, судьи — епископы, члены верхней палаты—лорды и перы Англіи являлись также въ длин-

Франтъ 1790 года.

ныхъ робахъ съ цѣпями на шеѣ; шлейфы королевской фамиліи несли пажи. Королева съ дочерьми часто присутствовали на засѣданіяхъ, но не въ своей ложѣ, а въ галлереѣ. Когда лордъ-канцлеръ входилъ послѣ всѣхъ въ залу суда, «носитель булавы» провозглашалъ три раза: oyez! oyez! oyez! и объявлялъ, что Варренъ Гастингсъ явился на судъ, и приглашалъ его обвинителей давать свои показанія. Процессъ этотъ принадлежитъ къ числу историческихъ «causes célèbres»; онъ кончился гораздо позже и гораздо счастливѣе, чѣмъ процессъ французской монархіи. Черезъ семь лѣтъ и три мѣсяца, не смотря на явныя улики и краснорѣчіе Борка, Фокса и Шеридана, Варренъ Гастингсъ былъ оправданъ, въ апрѣлѣ 1795 года. Другой процессъ былъ поднятъ въ 1788 году судомъ «Королевской скамьи» противъ лорда Джоржа Гордона за сочиненіе двухъ памфлетовъ противъ французской королевы и уголовнаго суда въ Англіи. Онъ былъ приговоренъ къ пятилѣтнему тюремному заключенію, уплатѣ 500 фунтовъ и секвестру имущества впродолженіе 14 лѣтъ. Отпуская явныя преступленія грабителямъ провинцій, англійское правосудіе строго карало памфлетистовъ. Лордъ не хотѣлъ подчиниться такому жестокому приговору и бѣжалъ въ Голландію, но былъ пойманъ и запертъ въ Ньюгетскую тюрьму, гдѣ умеръ въ заключеніи, въ 1793 году. Въ январѣ 1788 года, капитанъ Филлипсъ прибылъ въ Новый Южный Валлисъ съ первымъ транспортомъ изъ 561 преступника, 192 женщинъ и 18 дѣтей, осужденныхъ въ ссылку, и основалъ первую исправительную колонію, съ помощью 212 солдатъ. Таково было скромное начало колонизаціи Австраліи. Въ томъ же мѣсяцѣ англійскій королевскій домъ избавился отъ послѣдняго претендента на престолъ Англіи. Въ Римѣ умеръ 67-ми лѣтъ принцъ Карлъ-Эдуардъ, послѣдній потомокъ Стюартовъ, внукъ Якова II. Онъ оставилъ послѣ себя одну побочную дочь, которой далъ титулъ герцогини Альбани. Братъ его, кардиналъ Іоркскій, заявилъ, правда, свои права на тронъ и даже приказалъ выбить медаль со своимъ портретомъ и подписью «Генрихъ IX», но вскорѣ промѣнялъ ничего не приносящія претензіи на крупную пенсію, акуратно выплачивавшуюся ему до самой смерти Георгомъ III. Наконецъ, въ этомъ же году появились первые признаки помѣшательства короля. Газеты сначала называли болѣзнь кишечнымъ разстройствомъ, потомъ заговорили о необходимости регентства. Придворные медики перессорились между собою изъ-за методы, какой слѣдуетъ держаться при леченіи, пока докторъ Виллисъ не взялъ больнаго на свою отвѣтственность.

Морозы, начавшіеся въ ноябрѣ 1788 года, усилились въ январѣ 1789 до того, что Темза замерзла ниже Лондона, и народъ началъ на рѣкѣ устраивать разнаго рода увеселенія: травлю медвѣдя, катанье на конькахъ и пр. Изъ Дептфорда и Гравесенда поспѣшили уйдти суда, чтобы не засѣсть во льду. Билль о назначеніи регентомъ

Le beau 1791 года.

принца Валлійскаго былъ первоначально отвергнутъ въ парламентѣ: находили, что на престолѣ можно сидѣть и сумасшедшему. Лидеры двухъ враждующихъ партій, виговъ и тори, Питтъ и Фоксъ, спорили о томъ, имѣетъ ли принцъ «абсолютное право» на регентство, какъ утверждалъ послѣдній, или можетъ только предъявить «неоспоримое требованіе», какъ говоритъ первый. Но усилившіеся припадки безумія заставили снова внести билль, хотя съ нѣкоторымъ ограниченіемъ. Такъ надзоръ за королемъ былъ порученъ королевѣ; она же управляла придворнымъ вѣдомствомъ, раздавала всѣмъ мѣста; принцъ не имѣлъ права назначать пенсій, жаловать перами и пр. Эти ограниченія не могли, понятно, нравиться расточительному регенту, обратившемуся къ Питту съ письменнымъ протестомъ, поддержаннымъ 55-ю лордами герцогами. Но Питтъ твердо держался намѣченныхъ имъ условій, и принцъ долженъ былъ имъ подчиниться. Вдругъ разнеслось извѣстіе, что королю лучше, затѣмъ—что онъ совсѣмъ выздоровѣлъ. Въ апрѣлѣ онъ отправился въ торжественной процессіи, съ королевскимъ семействомъ, духовенствомъ и парламентомъ благодарить Бога за свое выздоровленіе въ церковь св. Павла. Въ слѣдующемъ году, когда въ Парижѣ происходили такія потрясающія событія, объ нихъ не упоминалось ни однимъ словомъ въ королевскихъ парламентскихъ рѣчахъ, и газеты занимались не ими, а разсказами о насильственномъ захватѣ людей всякаго званія въ королевскій флотъ. Служба на военныхъ англійскихъ корабляхъ была такъ тяжела, что въ нее никто не шелъ по доброй волѣ, и правительство для вербованія матросовъ прибѣгало къ мѣрамъ, которыхъ нельзя не назвать чудовищными. Ночью по лондонскимъ кварталамъ, гдѣ ютились бѣдняки, по ночлежнымъ и другимъ притонамъ отправлялись сильные отряды полиціи, захватывали массами всѣхъ, кто попадется, и связанными отправляли на корабли, въ устье Темзы; тамъ ихъ разбирали, годныхъ къ работѣ дѣлали матросами на всю жизнь и уходили съ ними въ морѣ. Сент-джемская газета говоритъ, что втеченіе трехъ дней, въ маѣ, въ Соутваркѣ, Ваппингѣ и другихъ кварталахъ Лондона было такимъ образомъ захвачено 2,100 человѣкъ и отправлено на королевскій флотъ. Этотъ примитивный способъ пріобрѣтенія вѣрныхъ слугъ отечеству, не смотря на неоднократное осужденіе его парламентомъ, практиковался во всей своей прелести до 1835 года, когда срокъ принудительной службы во флотѣ былъ ограниченъ пятью годами. Государственныя бумаги всегда падали, когда начиналась подобная вербовка, но это нисколько не интересовало лордовъ адмиралтейства. Въ этомъ же году поручикъ гвардіи Джонъ Фритъ, не смотря на популярность, какою пользовался король, бросилъ камнемъ въ карету, гдѣ онъ сидѣлъ съ адъютантомъ. Судьи нашли, что Фритъ поступилъ такъ въ припадкѣ сумасшествія, но заперли его, всетаки, въ Ньюгетъ.

Мода 1792 года.

Въ 1791 году, палата общинъ рѣшилась, наконецъ, составить комитетъ для обсужденія вопроса объ уничтоженіи торговли рабами въ англійскихъ колоніяхъ, хотя общество для этой цѣли было основано въ Лондонѣ еще въ 1787 году. Основатель его, Вильберфорсъ, краснорѣчиво доказывалъ въ парламентѣ всѣ ужасы этой торговли неграми, но большинство въ палатѣ общинъ отвергло этотъ билль.

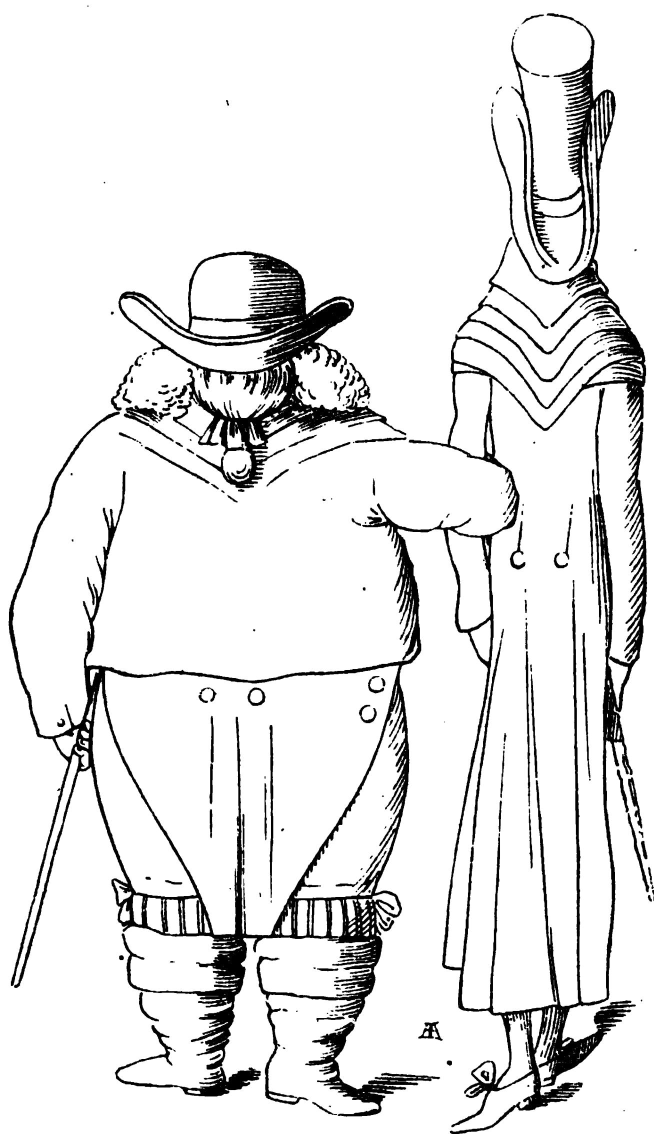
Кровавыя сцены 1792 года въ Парижѣ, заключеніе короля съ семействомъ въ Тампль, возбудили ненависть къ революціи въ англичанахъ, относившихся сначала сочувственно къ борьбѣ свободныхъ идей съ деспотизмомъ. Вражду къ революціонерамъ разжигали эмигранты, въ значительномъ числѣ прибывавшіе въ Англію. Между ними болѣе всего было духовенства, но немало было и всякаго рода воровъ и негодяевъ, которымъ плохо жилось на родинѣ, и это увеличеніе въ странѣ сомнительныхъ личностей или голодныхъ ртовъ сильно озабочивало правительство. Изданъ былъ билль, регулирующій положеніе иностранцевъ въ Англіи: кто не могъ представить письменные документы о своей личности, могъ быть во всякое время отправленъ въ колоніи. Во время преній объ этомъ биллѣ, Боркъ произнесъ пламенную рѣчь, прибѣгнувъ къ странному ораторскому пріему, котораго нисколько не оправдывало положеніе дѣлъ. Сообщая о слухѣ, что вмѣстѣ съ эмигрантами въ Лондонъ пріѣхало девятнадцать убійцъ, намѣревавшихся произвести покушеніе на жизнь всей королевской семьи, Боркъ, сказавъ, что убійцы явились съ цѣлью ввести французское братство между англичанами, бросилъ на полъ палаты общинъ кинжалъ и вскричалъ: «Вотъ это братство свободнаго народа! братство, которое они хотятъ вонзить въ сердце нашего монарха, въ сердце каждаго добродѣтельнаго англичанина, вѣрнаго своему королю и поклоняющагося своему Богу». Выходка эта не произвела, однако, впечатлѣнія, на которое разсчитывалъ ораторъ. Въ то время, когда одна часть членовъ палаты аплодировалала, другая смѣялась, потому что Шериданъ спросилъ: «Здѣсь брошенъ ножикъ, но гдѣ же вилка»? Но всякія насмѣшки прекратились, когда въ январѣ слѣдующаго года пришло извѣстіе о казни Людовика XVI. Дворъ объявилъ всеобщій трауръ, надѣясь, что къ нему присоединится весь народъ и станетъ готовиться къ войнѣ. Но непріязненныя дѣйствія начала Франція, наложивъ амбарго на англійскія суда, стоявшія во французскихъ гаваняхъ. Въ виду такого нарушенія международнаго права, король обратился съ посланіемъ къ парламенту и разрѣшилъ выдавать каперскія свидѣтельства англійскимъ судамъ. Стали принимать волонтеровъ во флотъ и въ армію, но, такъ какъ охотниковъ явилось немного, то пустили опять въ ходъ насильственную вербовку. Но, не смотря на войну съ Франціей, революціонныя идеи находили отголосокъ и среди англійскаго об-

Мода 1793 года.

щества. Въ Лондонѣ образовалось два общества: «Единомышленное» и «Конституціоннаго развитія», до того напугавшія правительство, что король заявилъ о зловредности ихъ въ посланіи къ парламенту и приказалъ захватить ихъ бумаги и брошюры. Арестовано было пять лицъ, но процесъ ихъ, длившійся три мѣсяца, кончился оправданіемъ всѣхъ подсудимыхъ. Съ тѣхъ поръ, правительство перестало преслѣдовать эти общества. Но въ то время, когда въ Лондонѣ формировали корпусъ волонтеровъ для защиты города, большинство населенія стояло за миръ. Въ палатѣ общинъ Вейтбридъ предложилъ подать адресъ королю съ выраженіемъ порицанія правительственной политики; такое же предложеніе графъ Гвильдфордъ внесъ въ палату лордовъ, но парламентъ отвергнулъ оба адреса. Не смотря на это, черезъ два мѣсяца герцогъ Бедфордъ въ верхней палатѣ и Фоксъ въ нижней возобновили мирныя предложенія. Бедфордъ просилъ даже, чтобъ его величество соизволилъ объяснить: какая была причина войны. Большинство палатъ не приняло этихъ предложеній, а побѣда лорда Гоуэ надъ французскимъ флотомъ, причемъ захваченный англичанами 74-хъ-пушечный фрегатъ «Le Vengeur» потонулъ съ 300-ми человѣкъ экипажа, заставила Англію забыть о мирномъ настроеніи. Лондонъ праздновалъ побѣду блистательной иллюминацiей, и чернь перебила всѣ окна во дворцѣ графа Стангопа, потому что онъ не освѣтилъ ихъ.

Мирныя попытки возобновлялись и въ слѣдующемъ 1795 году, не смотря на то, что Франція овладѣла Голландіей, и ея штатгальтеръ, принцъ Оранскій, долженъ былъ поспѣшно бѣжать съ своимъ семействомъ и въ открытой лодкѣ прибылъ въ Гарвичъ, избѣжавъ серьёзныхъ опасностей, а корпусъ англійскихъ войскъ, въ 35,000, отправленный въ Голландію, прибылъ въ Бременъ сухимъ путемъ, чтобы переправиться въ Англію, въ числѣ семи тысячъ человѣкъ. Не смотря на это, Грей предложилъ въ палатѣ заключить миръ съ Франціею. Питтъ отвѣчалъ, что миръ съ правительствомъ, которое еще не установилось, не можетъ быть проченъ. Предложеніе Грея было отвергнуто, но вмѣстѣ съ тѣмъ парламентъ отвергнулъ и билль, въ третій разъ внесенный Вильберфорсомъ, объ уничтоженіи торговли рабами. Патріотическое самоотверженіе шло объ руку съ купеческимъ барышничествомъ, наживавшимся отъ этой постыдной торговли. Народъ, однако, сильно страдалъ въ это время отъ дороговизны первыхъ предметовъ потребленія, и въ маленькихъ городахъ нерѣдко вспыхивали возстанія противъ продавцевъ муки и мяса. Противъ жадности этихъ лицъ поднималось даже войско. Такъ, оксфордская милиція, отправившись въ Ньюгавенъ и Сифордъ съ пушками и ружьями, захватила тамъ весь скотъ и запасы муки и продала въ свою пользу все, чего не съѣла. Это нарушеніе военной дисциплины было, однако, строго наказано двумя

Каррикатура на костюмы 1794 года.

полками, отправленными съ конной артиллеріей для прекращенія безпорядковъ. Но, такъ какъ они возобновлялись постоянно, то парламентъ принялъ мѣры къ пониженію цѣнъ на пшеницу, запретилъ курить вино изъ зерна и выдѣлывать крахмалъ изъ муки. Все это, однако, не облегчало бѣднаго народа, и онъ выразилъ свое недовольство противъ правительства незаконными средствами. Такъ, при возвращеніи изъ парламента короля и лордовъ, чернь встрѣчала свистками и криками герцоговъ Глочестерскаго, Портландскаго и графа Чатама; такому же оскорбленію подвергся и король, и въ карету его были брошены два камня, разбившіе одно стекло. Король поспѣшилъ войдти во дворецъ, тогда чернь стала бросать камни въ придворные экипажи, переранила нѣсколькихъ конюховъ и лошадей. Народъ кричалъ: хлѣба! миръ! Король утверждалъ, что стекло въ каретѣ было разбито пистолетнымъ выстрѣломъ; лордъ Вестморлендъ въ парламентѣ подтверждалъ это. На другой день король поѣхалъ въ Ковентгарденскій театръ, гдѣ былъ встрѣченъ аплодисментами и гимномъ: «God save the king», сыграннымъ два раза. Но когда публика потребовала повторенія гимна въ третій разъ, въ театрѣ раздались свистки. Двоихъ свистуновъ захватили и судили вмѣстѣ съ тремя лицами, обвиненными въ бросаніи камней въ короля. Осужденъ былъ только на пять лѣтъ каторги одинъ типографскій рабочій, уличенный въ томъ, что кинулъ камень. Король объявилъ о наградѣ въ тысячу фунтовъ тому, кто откроетъ виновниковъ или подстрекателей въ произведенномъ на него покушеніи. Никто не явился по этой публикаціи. Ее возобновили въ слѣдующемъ году, когда по дорогѣ въ Дрюриленскій театръ, въ карету, гдѣ ѣхалъ король съ королевой, былъ опять брошенъ камень, разбившій стекло и ранившій королеву въ щеку. Виновникъ покушенія остался неизвѣстенъ. Въ концѣ года отправленъ былъ въ Парижъ лордъ Мальмсбюри для переговоровъ о мирѣ, но Директорія не приняла предложеній Англіи, и онъ вернулся ни съ чѣмъ. Патріотизмъ Англіи выразился въ этомъ случаѣ въ быстрой подпискѣ на внутренній заемъ въ 18 милліоновъ фунтовъ, на государственныя надобности, покрытый втеченіе 15-ти часовъ послѣ подписки на него. Въ же время, на 1797-й годъ было призвано на службу въ армію и флотъ его величества до 300,000 рекрутъ. Сильныя бури свирѣпствовали всю осень этого года, а зимой морозъ доходилъ до 35 градусовъ.

Начало 1797 года было весьма печально въ финансовомъ отношеніи: война поглощала всѣ наличныя средства страны. Долгъ государства возросъ до громадныхъ размѣровъ. Питтъ такъ часто черпалъ изъ англійскаго банка, что, разсчитавъ всѣ выдачи, какія онъ долженъ былъ произвести въ этомъ году, банкъ убѣдился, что въ немъ не останется и десяти милліоновъ стерлинговъ. Тогда прекращена была уплата звонкою монетою, и парламентъ утвердилъ

билль, разрѣшающій банку производить уплату вмѣсто наличныхъ денегъ билетами, стоимостью въ 20 шиллинговъ. Эта мѣра спасла національный кредитъ. Но едва успѣли отклонить одну опасность, какъ возникла другая — сильный бунтъ во флотѣ. Историки въ одинъ голосъ сознаются, что надо было имѣть нечеловѣческую натуру, чтобы выносить тяжесть тогдашней морской службы. Матросы,

Французскій портной, одѣвающій Джона Булля. (Каррикатура 1794 года).

захватываемые, по большей части, насильственной вербовкой, исполняли непомѣрно тяжелыя работы на кораблѣ, не имѣли почти ни минуты свободной, получали ничтожное жалованье и подвергались жестокимъ наказаніямъ: отъ 50-ти до 500 ударовъ плетьми, часто за самые ничтожные проступки, по прихоти бѣшенаго капитана. Моряки испытали всѣ легальные пути для облегченія своего положенія: посылали петиціи въ адмиралтейство, въ парламентъ,

къ королю. На самыя убѣдительныя просьбы не было никакого отвѣта. Жалующихся обзывали бунтовщиками и обращались съ ними еще суровѣе. Тогда, доведенные до отчаянія, они положили перебить всѣхъ своихъ офицеровъ. Заговоръ былъ открытъ и, во избѣжаніе возмущенія въ гаваняхъ, флоту приказано выйдти въ

Дамскія моды 1789 года.

море. Матросы отказались повиноваться до тѣхъ поръ, пока жалобы ихъ не будутъ разсмотрѣны, и послали съ каждаго корабля двухъ депутатовъ въ адмиралтейство. Члены его совѣщались въ Портсмутѣ, и по окончаніи совѣта адмиралъ Брендпортъ, вернувшись на свой корабль, объявилъ экипажу, что справедливыя пре-

тензіи флота будутъ удовлетворены и что король милостиво прощаетъ виновныхъ. Это были, однакожъ, только одни обѣщанія, и, не видя никакой перемѣны въ своей судьбѣ, моряки, всетаки, отказались повиноваться, когда получено было вторичное приказаніе выйдти въ море. Но правительство къ этому времени приготови-

Котильонъ въ 1790 году.

лось уже принять мѣры противъ ослушниковъ. Начались кровавыя расправы, продолжавшіяся цѣлую недѣлю. Пострадало немало лицъ виновныхъ и невиновныхъ, но остальнымъ стало, всетаки, легче; они добились, между прочимъ, отставки нѣкоторыхъ нелюбимыхъ офицеровъ и, успокоившись, вышли въ море. Дольше сопротивлялись корабли, стоявшіе въ устьѣ Темзы; они устроили бло-

каду у входа въ рѣку, не позволяя судамъ ни входить въ нее, ни выходить; въ прорывавшихъ блокаду стрѣляли. Здѣсь прекращеніе бунта стоило бо̀льшихъ трудовъ, и глава его, Паркеръ, былъ повѣшенъ съ нѣсколькими сообщниками. Но, показавъ свою власть, правительство, всетаки, должно было значительно облегчить положеніе матросовъ и исполнить многія требованія. Въ февралѣ этого года французы сдѣлали попытку высадки на берега Англіи. Близь маленькаго городка, Гаверфордвеста, въ Пемброкскомъ графствѣ, стали на якорь два фрегата, корветъ и люгеръ съ 1,400 человѣкъ, но безъ пушекъ. На другой день по выходѣ на берегъ, отрядъ этотъ былъ окруженъ вооруженной чѣмъ попало толпой мѣстныхъ жителей и сдался имъ безъ сопротивленія. Но правительство, всетаки, сильно тревожило извѣстіе о готовящейся во Франціи высадкѣ въ Англію генерала Бонапарте, имя котораго съ тѣхъ поръ сдѣлалось извѣстно, какъ непримиримаго врага англичанъ.

Военныя издержки 1798 года заставили сдѣлать новый заёмъ въ 15 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ и установить налогъ на соль, чай, собакъ, лошадей, экипажи и гербы. Ирландія была въ полномъ возстаніи, и инсургенты упорно дрались съ правительственными войсками на всемъ островѣ, хотя вездѣ были разбиваемы. Бунтовщиковъ вѣшали и разстрѣливали сотнями; послѣ побѣды при Карлоу повѣшено двѣсти человѣкъ. На помощь ирландцамъ изъ Ларошели прибылъ генералъ Гумбертъ съ отрядомъ въ 1,100 человѣкъ; онъ занялъ городокъ Килласса, но былъ окруженъ регулярными англійскими войсками и принужденъ сдаться. Въ то же время на морѣ адмиралъ Варренъ разбилъ французскую эскадру, шедшую на помощь Гумберту. Въ этомъ возстаніи погибло болѣе 30,000 ирландцевъ, и парламентъ назначилъ милліонъ фунт. стерлинговъ, въ уплату землевладѣльцамъ, остававшимся вѣрными престолу и пострадавшимъ отъ возстанія,—это едва составляло треть понесенныхъ ими потерь. Въ февралѣ 1799 года, король обнародовалъ прокламацію, которою его подданные приглашались посвятить цѣлый день посту и молитвамъ о томъ, чтобы Господь простилъ ихъ грѣхи и далъ побѣду надъ врагомъ, въ войнѣ, поднятой за поддержаніе трона, защиту торговли и всѣхъ гражданскихъ и духовныхъ правъ народа. Особыя молитвы, съ причащеніемъ вѣрующихъ, читались въ церквяхъ утромъ и вечеромъ, и черезъ три мѣсяца послѣ этого покаяннаго дня, генералъ Бонапарте снялъ осаду Сен-Жан-д'Акра и, побросавъ въ море свою артиллерію, бѣжалъ во Францію. Уничтоживъ Директорію и сдѣлавшись первымъ консуломъ, Бонапарте, 25-го декабря, нарушивъ дипломатическій обычай, написалъ собственноручное письмо Георгу III, предлагая заключить миръ, такъ какъ война безполезно истощаетъ силы и рессурсы обѣихъ державъ. Лордъ Гренвиль отвѣчалъ на это только черезъ Та-

Герцогиня Іоркская. (Съ рисунка 1792 года).

лейрана, что англійское правительство сожалѣетъ о невозможности, при настоящемъ положеніи дѣлъ, войдти въ переговоры о мирѣ, который не можетъ быть прочнымъ. Но, дѣлая дѣйствительно гуманную попытку для прекращенія войны, генералъ Бонапарте поступалъ, однако, весьма негуманно по отношенію къ жертвамъ этой войны, отказавшись доставлять средства для содержанія въ Англіи французскихъ плѣнныхъ. Ихъ въ это время накопилось столько,

Прическа 1793 года.

что англійское правительство, опасаясь держать ихъ въ Плимутѣ, Портсмутѣ, Чатамѣ, Ливерпулѣ, Эдинбургѣ и другихъ городахъ, постановило отправить ихъ въ колоніи. По передачѣ ихъ въ переселенческое бюро, всѣхъ плѣнныхъ къ 31-му декабрю 1799 года, оказалось 25,646 человѣкъ. Англійское общество вступало въ новое столѣтіе безъ надежды на миръ и съ печальными предзнаменованіями.

II.

Переворотъ въ костюмахъ. — Принцъ Валлійскій, какъ законодатель модъ. — Парики и молодежь. — Фраки и галстуки. — Придворные костюмы. — Клубъ стриженыхъ. — Каррикатуры на модные наряды. — Женскія моды. — Герцогиня Іоркская. — Эксцентричные туалеты. — Головные уборы. — Страсть декольтироваться. — Банкротства. — Паденіе общественнаго кредита. — Друзья и враги Франціи. — Королевское семейство и свобода печати.

Вмѣстѣ съ политическимъ переворотомъ, въ концѣ прошлаго вѣка произошелъ переворотъ и въ костюмахъ. Фракъ былъ введенъ еще квакерами, но большинство носило его съ парикомъ. Законодателемъ модъ былъ въ это время принцъ Валлійскій, являвшійся на каждомъ придворномъ выходѣ, въ новомъ фантастическомъ костюмѣ. Свѣтская молодежь перенимала не только его нарядъ, но и всѣ его манеры, въ особенности его манеру кланяться. Въ этомъ поклонѣ, смѣшномъ для простаго смертнаго, современные придворные не найдутъ ничего особеннаго страннаго; онъ очень шелъ къ узкому фраку, съ стоячимъ воротничкомъ, обтянутымъ штанамъ и чулкамъ, и башмакамъ съ бантами, къ небольшому, пудреному парику, короткимъ манжетамъ и жабо, длиннымъ цѣпочкамъ отъ двухъ часовъ. Въ 1789 году, парикъ и жабо нѣсколько увеличились, также какъ и черный шелковый мѣшечекъ, въ который вкладывалась короткая коса, болтавшаяся на спинѣ, воротникъ фрака сдѣлался отложнымъ, на шеѣ повисъ двойной лорнетъ, пряжки на башмакахъ замѣнили банты. Въ слѣдующемъ году этотъ костюмъ явился въ новомъ измѣненномъ видѣ. Короткій фракъ, жабо, манжеты, брюки въ обтяжку, съ рядомъ пуговицъ до половины ноги, начиная отъ полосатыхъ чулокъ съ бантами; башмаки съ розеткой изъ лентъ; на парикѣ съ огромнымъ шиньономъ — безобразныя треуголки съ кокардами и плюмажемъ. Такихъ франтовъ называли «джессами». Это были безобидные, изнѣженные субъекты, занятые единственно собою и своею наружностью и своимъ туалетомъ, да ухаживаніемъ за женщинами. На жалованьѣ у лорда Скарбороу, дававшаго тонъ модному свѣту, было шесть парикмахеровъ, у лорда Эффингама — пять, занимавшихся только приведеніемъ въ порядокъ фризуры и костюма ихъ высокорожденныхъ лордствъ. Никакимъ спортомъ тогдашняя знатная молодежь не занималась: ни верховая ѣзда, ни охота, не входили въ программу ея времяпрепровожденія; усерднѣе всего она занималась послѣ обѣда опорожненіемъ бутылокъ. По ночамъ они отправлялись, съ толстыми дубинами, прогуливаться по лондонскимъ улицамъ, шумѣли и буйствовали, приставая къ женщинамъ, боксируя съ полиціей, приводя въ отчаяніе констеблей. Зонтики отъ дождя или солнца носили тогда только однѣ женщины. Джонъ Макдональдъ, оставившій записки о томъ

Моды 1793 года.

Каррикатура на женскіе костюмы 1794 года.

времени, говоритъ, что, привезя съ собой изъ Испаніи прекрасный шелковый зонтикъ, онъ не могъ показаться съ нимъ на улицахъ Лондона безъ того, чтобы не быть осмѣяннымъ насмѣшками уличныхъ мальчишекъ. Съ большимъ трудомъ зонтики вошли въ употребленіе въ Англіи, сначала у иностранцевъ. Лѣтопись сохранила даже имя перваго англичанина, никогда не выходившаго на улицу безъ зонтика. Это былъ филантропъ и путешественникъ Гонвей.

Французская революція произвела радикальный переворотъ въ костюмахъ. Виги въ малѣйшихъ деталяхъ подражали наряду революціонеровъ до тѣхъ поръ, пока не наступила эпоха терроризма. Съ 1793 года, парикъ окончательно исчезъ изъ костюма молодыхъ англичанъ, носившихъ ту же кличку: le beau, le merveilleux, какъ и ихъ заатлантическіе сосѣди. Полосатый, короткій фракъ яркаго цвѣта, темные брюки въ обтяжку, пестрые чулки, широкіе, мягкіе сапоги, высокая шляпа, съуживающаяся къ верху, палка и широчайшій батистовый галстукъ, нѣсколько разъ обмотанный вокругъ шеи, перенесенный въ Лондонъ прямо изъ Парижа, вмѣстѣ съ модными презрительными взглядами и жеманною походкою. Но чѣмъ радикальнѣе хотѣлъ казаться такой франтъ, тѣмъ короче стригъ онъ волосы, и въ печати даже было заявлено, впрочемъ, въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ, что его лордство герцогъ Бедфордъ остриженъ подъ гребенку. Старики и оффиціальныя лица продолжали еще носить парики, слегка напудреные; чтобы на нихъ держалась пудра, ихъ смазывали какимъ нибудь жирнымъ веществомъ или даже просто свѣчнымъ саломъ. Въ «Times» 1793 года долгое время, на видномъ мѣстѣ, красовалось объявленіе о продажѣ превосходнаго медвѣжьяго жира «настоящихъ русскихъ медвѣдей, особенно удобнаго и пріятнаго для смазыванія париковъ». Придворные наряды отличались, какъ всегда, роскошью и изяществомъ. Та же газета, описывая большой выходъ въ день рожденія короля, отличаетъ костюмъ Скеффингтона—темный, шелковый съ крапинками кафтанъ, такіе же брюки, бѣлый шелковый камзолъ, богато вышитый серебромъ, съ букетами цвѣтовъ, затканными шелкомъ, и усѣянными драгоцѣнными камнями; у другихъ придворныхъ были голубые, палевые, блѣдножелтые кафтаны; иные щеголяли брилліантовыми пуговицами. Окончательному паденію париковъ содѣйствовалъ введенный на нихъ въ 1795 году налогъ. Тогда же былъ основанъ «Клубъ стриженыхъ», подъ предсѣдательствомъ герцога Бедфорда. Около этого же времени и дамы начали появляться безъ париковъ. Нѣкоторые изъ членовъ «Стриженаго клуба», изъ ненависти къ парикамъ, за ношеніе которыхъ налагался большой штрафъ, даже брили головы, нося бархатныя шапочки. Были между ними и эксцентрики другаго рода. Такъ Робертъ Манвортъ являлся на гуляньяхъ въ фаэтонѣ, запряженномъ четверкой врядъ разношерстныхъ лошадей, подъ цвѣтъ которыхъ были выкрашены разною

Каррикатура 1795 года.

краскою четыре колеса экипажа; тѣхъ же разныхъ цвѣтовъ были огромныя кокарды на ушахъ лошадей. Въ 1792 году, модный фракъ сдѣлался еще уже, шляпа еще выше, цѣпочки отъ двухъ часовъ, засунутыхъ въ жилетные карманы, еще длиннѣе, пуговицъ на штанахъ еще больше. Необходимою принадлежностью франта явилась короткая и толстая дубинка. Въ слѣдующемъ году приверженцы французской моды и революціи замѣнили головной цилиндръ мягкою шляпою, съ широчайшими полями, стали носить фракъ и штаны гораздо шире, жилетъ короче; къ сапогамъ вмѣсто бантовъ прицѣпили шпоры, вооружившись длинною дубиною съ кисточками. На прогулкахъ, въ холодное время, носили длиннѣйшіе сюртуки, въ то время, когда пожилые люди являлись еще въ парикахъ и во фракахъ, что̀ представляло иногда контрастъ, служившій поводомъ къ каррикатурамъ, въ родѣ изображенной на рисункѣ 8. Другая каррикатура того же времени изображаетъ французскаго портнаго, примѣряющаго на Джонѣ Буллѣ модный костюмъ — широчайшій фракъ съ рукавами, поднимавшимися буффами, въ остроконечныхъ сапогахъ съ громадными кистями. Въ этомъ уродливомъ костюмѣ особенною новостью казались носки сапогъ, необычайной длины, но англичане забыли, что мода эта свирѣпствовала еще въ средніе вѣка, и въ Англіи актомъ парламента при Эдуардѣ III были, подъ страхомъ огромной пени, запрещены носки сапогъ длиннѣе четырехъ дюймовъ.

Поговоримъ теперь о женскихъ модахъ этой эпохи. Въ полномъ блескѣ онѣ проявлялись не при дворѣ, гдѣ праздники и балы были рѣдки и жизнь вели вообще очень скучную, а въ мѣстахъ, куда съѣзжались къ извѣстному сезону на воды, какъ въ Брайтонъ, Батъ и др. Въ женскомъ туалетѣ, въ началѣ этой эпохи, господствовали фижмы небольшаго размѣра, въ родѣ позднѣйшихъ кринолиновъ, высочайшія шляпки, съ цѣлымъ лѣсомъ перьевъ и лентъ на громадныхъ, пудреныхъ парикахъ, спускавшихся шиньонами съ затылка до половины спины; грудь закутывалась косынками изъ муслина и индійской кисеи. Безобразныя шляпы, круглыя, съ башней по рединѣ, сохранялись и во время танцевъ на большихъ балахъ, какъ показываетъ изображеніе котильона, въ 1790 году. Бальный костюмъ танцора: фракъ, брюки въ обтяжку, чулки, башмаки, жабо, манжеты и пудреный парикъ. Законодательницею модъ была герцогиня Іоркская, принцесса Фредерика-Шарлотта-Ульрика-Катерина прусская, вышедшая за герцога въ 1791 году. Она славилась особенно замѣчательной маленькой ножкой. Странная мода господствовала въ это время въ высшемъ кругу: замужнія женщины одѣвались такъ, чтобы казаться въ интересномъ положеніи. Болѣе скромны были моды 1793 года. У старухъ парики приняли гораздо меньшіе размѣры; молодыя женщины вовсе перестали носить ихъ, сохраняя букли на вискахъ и спуская

Моды 1796 года.

длинный, завитый локонъ на спину. Начали также открывать руки до локтей и шею, на которой носили ожерелья, бусы, медальоны. Прическа все еще была довольно высока и украшенная перьями, лентами, цвѣтами. Появлялись, конечно, и эксцентрическіе туалеты, но они осмѣивались въ печати и въ каррикатурахъ. Такова каррикатура 1794 года, на которой женскій нарядъ представленъ, конечно, въ преувеличенномъ видѣ, но, всетаки, съ сохраненіемъ всѣхъ его особенностей. Длинный капотъ, безъ таліи, со шлейфомъ, медальонъ, спускающійся на животъ на золотой цѣпи, громадный вѣеръ, такія же серьги въ формѣ колецъ, на головѣ широкій тюрбанъ съ пучкомъ перьевъ по срединѣ, вышиною въ полроста человѣка. Особенность этого головнаго убора составляетъ воткнутый въ тюрбанъ съ правой стороны султанъ изъ щетины, въ родѣ того, какой носили артиллеристы и инженеры на своихъ шапкахъ; шея, какъ у мужчинъ, завернута въ широкій галстукъ. Въ слѣдующемъ году платья стали носить еще уже, отчего худощавыя женщины казались еще тоньше. За то онѣ старались пополнить себя въ верхней части тѣла, нося рукава съ громадными буффами, окутывая шею широчайшими косынками, концы которыхъ приподнимались вверхъ посредствомъ обруча, высоко поднимавшагося надъ завитой прической съ лентами. Лѣсъ перьевъ и султанъ изъ щетины 1794 года замѣнились однимъ перомъ и легкимъ пучкомъ изъ соломы, какъ это видно на каррикатурѣ 1795 года, гдѣ даже не слишкомъ преувеличены всѣ части женскаго туалета того времени. Дороже всѣхъ частей этого туалета были шиньоны, продававшіеся, судя по объявленію въ «Times», у парикмахера Баумана до 6½ фунтовъ (болѣе 65 рублей). Моды 1796 года отличались такою же эксцентричностью. На прилагаемой каррикатурѣ изображены три костюма, чаще всего встрѣчавшіеся въ женскихъ туалетахъ. Одинъ изъ нихъ тотъ же, что и на предъидущемъ рисункѣ, съ тою только разницею, что у дамы, стоящей задомъ, вмѣсто перьевъ на головѣ громадный пучокъ щетины, расходящійся вѣеромъ; посрединѣ дама въ такъ называемомъ «извозчичьемъ балахонѣ» (waggoners frack), шея которой окутана длиннѣйшимъ шарфомъ, конецъ котораго, спускаясь по спинѣ, волочится по полу; на головѣ парикъ, отличающійся отъ извозчичьяго только тѣмъ, что въ макушку его воткнуто нѣсколько низкихъ перьевъ; третья особа отличается въ особенности прозрачностью своей блузы, обрисовывающей ея стройный станъ, верхняя часть котораго, въ противоположность нижнему, очень укутана; на головѣ огромный токъ съ перьями, а на спину спускается чудовищный шиньонъ. Шарфы, которыми женщины обертывали шею, въ слѣдующемъ году достигли такой длины, какую почти безъ преувеличенія изображаетъ рисунокъ 1797 года. Но длину этихъ кисейныхъ полосъ превзошла въ слѣдующемъ году въ головныхъ дамскихъ уборахъ вышина перьевъ. Нерѣдко они

Мода 1797 года.

достигали вышины человѣческаго роста. Понятно, что такія громадныя украшенія могли появляться только въ высокихъ залахъ дворцовъ и въ старинныхъ замкахъ немногихъ лордовъ. Но и тамъ для укрѣпленія и приведенія въ надлежащій порядокъ головной архитектуры дамъ отводились особыя комнаты, куда приглашенныя пріѣзжали съ перьями въ рукахъ, а не на головѣ, и тутъ уже утверждали ихъ на подобающемъ мѣстѣ. Но для дамъ, желающихъ явиться на балъ прямо изъ дому, во всеоружіи своего туалета, придуманы были особаго рода портшезы, въ которыхъ верхняя часть открывалась, какъ крышка табакерки, и въ нее проходило гигантское перо особы, сидѣвшей внутри экипажа, который несли два здоровыхъ лакея: на спинѣ шедшаго позади носилокъ былъ утвержденъ зонтикъ, прикрывавшій отверстіе портшеза и перо, качавшееся снаружи. Но больше всѣхъ этихъ эксцентричностей возбуждало насмѣшки печати и негодованіе публики чрезмѣрное декольтированіе дамъ, сдѣлавшееся господствующимъ явленіемъ въ Англіи въ послѣднихъ годахъ прошлаго столѣтія. Прозрачность во всѣхъ частяхъ дамскаго туалета и совершенная откровенность въ верхнихъ доходили въ это время до крайнихъ предѣловъ. Однажды, на праздникѣ въ Ранелагѣ, въ присутствіи всего двора, герцогиня Кингстонъ, рожденная Чадвейсъ, фрейлина королевы, явилась въ такомъ открытомъ лифѣ, что принцесса Валлійская бросила ей платокъ, для того, чтобы красавица прикрыла свою обнаженную грудь. Злословіе, впрочемъ, говорило, что платокъ,—конечно, въ фигуральномъ смыслѣ,—былъ уже давно брошенъ ей принцемъ Валлійскимъ. На большомъ балу, одна леди явилась въ слѣдующемъ нарядѣ: широкая газовая юбка на трикотѣльнаго цвѣта, приподнятая складками съ обѣихъ сторонъ, такъ что видны оба бедра, низкій лифъ, безъ рукавовъ, на головѣ шелковая шапочка, напоминавшая форму чулка, нижняя часть котораго, съ воткнутой въ нее брилліантовой застежкой, падала на плечи. Рисунокъ нашъ изображаетъ сцену, подмѣченную каррикатуристомъ Джильраемъ. Три дамы и кавалеръ, принадлежащіе къ высшему кругу, играютъ въ карты при свѣтѣ простыхъ свѣчей, употреблявшихся тогда и при дворѣ, и вдобавокъ такъ дурно выдѣлываемыхъ, что приходилось часто снимать нагаръ свѣтильни щипцами. Кавалеру, не участвующему въ игрѣ, поручено было заниматься этою операціею снимания со свѣчей. Но, стоя за кресломъ дамы и уже протянувъ руку со щипцами, онъ до того увлекся нескромнымъ туалетомъ леди, что, устремивъ взглядъ не туда, куда слѣдуетъ, вмѣсто сниманія нагара, перерѣзалъ пополамъ самую свѣчу. Дама, изображенная каррикатуристомъ,—знаменитая красавица того времени, леди Джоржіана Гордонъ, впослѣдствіи герцогиня Бедфордская. Замѣчательно въ дамскомъ туалетѣ той эпохи совершенное отсутствіе какихъ бы-то ни было кармановъ въ платьѣ; въ рукахъ также не принято было носить что нибудь, кромѣ вѣера.

А между тѣмъ, надо было имѣть при себѣ платокъ, перчатки, флаконъ съ духами, часы, кошелекъ съ деньгами. Придворныя дамы поручали все это носить за собою пажамъ, но въ частной жизни леди не могли имѣть пажей, и это постоянно ставило ихъ въ затруднительное положеніе, изъ котораго онѣ выходили только съ помощью услужливыхъ кавалеровъ, конечно, не безкорыстно оказывавшихъ подобнаго рода услуги.

Головной уборъ 1798 года.

Сумасбродныя моды стоили очень дорого, между тѣмъ, финансы государства и частныхъ лицъ были далеко не въ блестящемъ положеніи. Съ 1796 года начался рядъ значительныхъ банкротствъ, продолжавшихся до конца 1796 года. Первыми обанкротились четыре главныхъ торговыхъ фирмы, занимавшіяся также страхованіемъ и маклерствомъ по сношеніямъ съ Америкою и Вестъ-Индіею. У первой дефицитъ оказался въ 800 тысячъ фунтовъ стерлинговъ (8 милліоновъ рублей), у второй въ 500 тысячъ. Испуганные паденіемъ бумагъ, банки отказались дисконтировать ихъ. Пошатнулись даже такіе банки, какъ ньюкестльскій и манчестер-

скій, ихъ поддержали только крупные взносы вкладчиковъ. Общественный кредитъ почти совершенно упалъ, коммерческія конторы сотнями прекращали платежъ. Дѣловой міръ обратился къ Питту, прося пособія у правительства, и оно опредѣлило выдавать двѣ трети суммы подъ залогъ торговыхъ варрантовъ, кромѣ значительной ссуды банковымъ учрежденіямъ. Фонды упали до того, что канцлеръ объявилъ въ судѣ о невозможности признавать кого либо банкротомъ. Звонкой монеты было такъ мало въ обращеніи къ 1796 году, что, пріобрѣтая испанскіе доллары, ихъ тотчасъ же снова пускали въ ходъ, не перечеканивая, а ставя на нихъ только маленькій штемпель съ портретомъ короля. Высокій лажъ былъ не только на кроны, но и на шиллинги. Пятидесяти главнымъ банкамъ, просившимъ звонкой монеты для размѣна на банковые билеты, казначейство могло выдать только по тысячѣ гиней каждому. Банки въ Батѣ и Норвичѣ отказались вовсе отъ размѣна облигацій. Особенно рѣдко появлялось въ оборотѣ серебро, и лажъ на него было выше, чѣмъ на золото, въ 1797 году. За то въ обращеніи появилось множество фальшиваго серебра и золота. Немало было и поддѣльныхъ банковыхъ билетовъ. Больше всего отъ этого положенія дѣлъ страдалъ, конечно, средній классъ общества. Дурные финансы зависѣли, конечно, больше всего отъ дурной политики. Ирландія находилась въ полномъ возстаніи, и вмѣсто того, чтобы успокоить ее благоразумными мѣрами, правительство прибѣгало къ самымъ крутымъ средствамъ для потушенія возмущенія. Прежде всего, прибѣгли къ обузданію печати. До сорока редакторовъ, издателей газетъ, авторовъ, типографщиковъ, даже простыхъ продавцевъ періодическихъ листковъ, были подвергнуты строгимъ карамъ. Французская революція пугала англичанъ, и они не хотѣли видѣть у себя повторенія кровавыхъ сценъ. Они обвиняли всѣхъ французовъ въ стремленіи вездѣ водворить всемірную республику. Газеты жаловались на то, что въ знатныхъ домахъ много слугъ французовъ, и требовали установить особый налогъ на всѣхъ служащихъ изъ этой націи. Въ февралѣ 1793 года, сгорѣлъ въ Лондонѣ великолѣпный отель лордовъ Доверлей,—молва обвинила въ поджогѣ французовъ. Это не мѣшало, однако, составленію въ Англіи обществъ и клубовъ, согласныхъ съ французскими революціонерами и требовавшихъ уничтоженія торійскаго правительства. Недовольные имъ не стѣснялись въ выходкахъ и противъ короля, и его семьи, и приближенныхъ. Въ 1794 году, устроенъ былъ бракъ принца Валлійскаго съ брауншвейгскою принцессою и отправленъ былъ лордъ Мальмесбюри, который долженъ былъ совершить брачный обрядъ отъ имени принца, затѣмъ привезти принцессу въ Лондонъ. Но въ день, назначенный для бракосочетанія, съ лордомъ случился сильный припадокъ подагры, и обрядъ пришлось отложить. Въ «Times» появились по этому поводу стихи, въ которыхъ спрашивается, если представитель

принца явился къ невѣстѣ его съ подагрой, то что̀ же должна думать принцеса о томъ, кого представлялъ благородный лордъ? Королева усердно занималась женскими работами, и къ свадьбѣ принца вышила королю шелкомъ новый камзолъ изъ бѣлаго атласа. Для новорожденнаго ребенка принцессы вюртембергской, королева съ дочерями сшила весь дѣтскій гардеробъ. Къ особамъ женскаго пола изъ королевской семьи народъ относился если не съ любовью, то съ почтеніемъ. Но скаредность Георга III возбуждала всеобщее негодованіе: въ 1796 году, онъ приказалъ нѣсколькихъ лошадей придворной конюшни, возившихъ его много лѣтъ, но состарѣвшихся— продать на живодерню. «Times» напечаталъ по этому случаю письмо очевидца отправленія бѣдныхъ животныхъ къ живодерамъ и прибавляетъ, что король, конечно, ничего не знаетъ объ этомъ. Въ другой статьѣ газеты встрѣчаются очень прозрачные намеки на постоянныя ссоры и несогласія короля съ своимъ наслѣдникомъ. Это доказываетъ, какою свободою печати пользовалась и тогда англійская журналистика.

В. Зотовъ.

(Окончаніе будетъ).

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

К. Бестужевъ-Рюминъ. Русская исторія. Томъ II. Выпускъ первый. Спб. 1885.

ѢДКІЙ трудъ въ области русской исторической науки можно привѣтствовать съ такимъ сочувствіемъ, какъ книгу К. Н. Бестужева-Рюмина. Первый томъ его «Русской исторіи» вышелъ въ 1872 году; въ предисловіи къ новому тому авторъ заявляетъ, что по обстоятельствамъ «первые четырнадцать листовъ предлагаемаго выпуска, напечатанные уже болѣе десяти лѣтъ, лежали въ типографіи»; поэтому авторъ «не могъ пользоваться многими трудами, появившимися послѣ отпечатанія первыхъ листовъ», и выдаетъ ихъ въ свѣтъ безъ измѣненій, дополнивъ изложеніемъ событій до кончины царя Ивана Васильевича и обѣщая «сдѣлать въ одномъ изъ слѣдующихъ выпусковъ нѣкоторыя существенныя дополненія и поправки». Конечно, досадно, что книга, уже при самомъ появленіи въ свѣтъ, является нѣсколько устарѣлымъ трудомъ. Но и безъ этихъ дополненій и поправокъ трудъ почтеннаго профессора имѣетъ большую цѣну и долго будетъ служить путеводной нитью для учащихся и хорошимъ справочнымъ пособіемъ для всѣхъ работающихъ по русской исторіи. Цѣль труда, какъ объясняетъ ее самъ авторъ въ предисловіи къ первому тому, состоитъ въ томъ, чтобы «представить результаты, добытые русской исторической наукою въ полтораста лѣтъ ея развитія, указать на пути, которыми добывались и добываются эти результаты, и вмѣстѣ съ тѣмъ ввести въ кругъ источниковъ, доступныхъ въ настоящее время ученой дѣятельности». Какъ первый томъ, такъ и новый выпускъ являются прекраснымъ отвѣтомъ на поставленную задачу. Для того, кто ищетъ фактовъ, книга г. Бестужева-Рюмина даетъ критически освѣщенный матеріалъ, если не всегда подробно изложенный, то всегда съ указаніемъ на лучшія спеціальныя пособія; для того, кто хочетъ озна-

комиться съ положеніемъ какого либо историческаго вопроса въ научной литературѣ, въ книгѣ найдется или сжатая характеристика научныхъ мнѣній или просто бѣглое замѣчаніе, но во всякомъ случаѣ ищущій найдетъ надежную точку отправленія для спеціальныхъ изысканій. Въ этомъ заключается значеніе труда нашего автора и, при отсутствіи у насъ подобныхъ трудовъ, (нельзя же считать такимъ трудомъ, наполненную всевозможными претензіями и странностями, «Исторію русскаго самосознанія» г. Кояловича), книга г. Бестужева-Рюмина надолго останется необходимой и для учащагося, и для зрѣлаго работника науки.

Новый выпускъ «Русской Исторіи» заключаетъ въ себѣ исторію Литовско-Русскаго государства въ XIV и XV вѣкахъ и исторію Московскаго государства въ XV и XVI вѣкахъ (съ Ивана III до смерти Ивана Грознаго). Исторія Литвы начинается княженіемъ Гедимина. Съ обычнымъ своимъ пріемомъ—обходить давно и всѣмъ извѣстныя частности и съ осторожною краткостью касаться того, что заподозрѣно историческою критикою (напримѣръ, знаменитой битвы на Ирпени и взятія Гедиминомъ Кіева), — авторъ слѣдитъ за постепеннымъ ростомъ Литовскаго княжества на счетъ западнорусскихъ областей, за политикой литовскихъ князей относительно нѣмцевъ и Польши, за внутренними отношеніями этихъ князей. Унія съ Польшей 1386 года и крещеніе Ягайлы обращаютъ автора къ исторіи Польши; онъ даетъ сжатый очеркъ событій польской исторіи до 1386 года (стр. 8—32) и выясняетъ крайнюю степень нѣмецкаго вліянія на общественный строй Польскаго государства въ удѣльный періодъ польской исторіи. Отмѣчая далѣе противодѣйствіе этому вліянію со стороны польскихъ пановъ (понимавшихъ, однако же, удобства жить и владѣть на нѣмецкомъ правѣ), авторъ объясняетъ выборъ поляками литвина Ягайлы и соединеніе съ Литвой тѣмъ, что Польша въ уніи искала средствъ обезопасить себя и отъ самой Литвы, и отъ нѣмцевъ. Въ Литвѣ Польша получила сильнаго союзника и въ союзѣ съ нимъ почерпнула ту внѣшнюю силу, которая надолго обезпечила ея политическое существованіе. И Литва получила отъ уніи новыя силы для борьбы съ нѣмцами, но за то для нея унія принесла гибельныя послѣдствія: внутренній разладъ, парализовавшій силы молодаго государства и отдавшій его на жертву польскому вліянію. Еще въ самый моментъ уніи противъ нея сказался въ Литвѣ протестъ, потому что унія вводила въ Литву, во-первыхъ, католичество, противное большинству православно-русскаго населенія Литвы, а, во-вторыхъ, польскіе порядки, чуждые литовской жизни. Выразителемъ этого протеста явился Витовтъ, самая яркая личность литовской исторіи. При немъ Литва достигла наибольшей силы и блеска, при немъ же началось ея паденіе. Страницы, посвященныя въ трудѣ г. Бестужева-Рюмина личности и времени Витовта, при всей ихъ сжатости, столько даютъ для пониманія трагической судьбы лица и страны, что позднѣйшія монографіи о Витовтѣ, болѣе богатыя матеріаломъ (Барбашева: «Витовтъ», Спб., 1885; Дашкевича: «Замѣтки по исторіи Литовско-Русскаго государства», К., 1885), врядъ ли понятнѣе освѣщаютъ самую эпоху. Заканчивая обзоръ событій литовской исторіи временемъ Казиміра II († 1492), авторъ переходитъ къ очерку внутренняго состоянія Литвы въ XIV, XV и началѣ XVI вѣковъ. Говоря о борьбѣ въ Литовскомъ государствѣ началъ русскаго и польскаго, онъ отмѣчаетъ тѣ элементы общественной жизни, какіе созданы въ Литвѣ вліяніемъ русскимъ и польскимъ: «Въ наслѣдство отъ Руси Литва получила

роды удѣльныхъ князей, вѣчевое устройство городовъ, единство города и земли; Польша принесла въ нее понятіе шляхетскаго равенства, Магдебургское право городовъ, прикрѣпленіе крестьянъ» (стр. 53). Слѣдя за положеніемъ сословій и развитіемъ права, авторъ отмѣчаетъ взаимодѣйствіе этихъ элементовъ въ литовскомъ обществѣ. Но о борьбѣ польскаго и русскаго вліяній можно говорить только послѣ уніи 1386 года, когда явилось въ Литвѣ польское вліяніе. Раньше его нельзя принимать въ разсчетъ. «Въ началѣ Литва была совершенно русскою, а собственно литовскій элементъ не имѣлъ никакого значенія»,—замѣчаетъ авторъ о времени, предшествовавшемъ уніи. Позднѣйшіе спеціальные труды, надо замѣтить, не ставятъ такъ категорически вопроса объ отсутствіи національной борьбы въ первое время литовской исторіи и о мирномъ господствѣ русскаго элемента въ древнѣйшей Литвѣ. В. Б. Антоновичъ, извѣстный знатокъ литовской исторіи, видитъ этнографическую борьбу въ Литвѣ во время до Гедимина: смуты въ концѣ XIII и началѣ XIV вѣковъ онъ объясняетъ литовской реакціей противъ усиленія русскаго вліянія. Вопросъ о времени возникновенія національно-религіознаго разлада въ Литвѣ составляетъ одинъ изъ главнѣйшихъ полемическихъ пунктовъ въ новыхъ трудахъ Антоновича, Дашкевича, и, если бы въ книгѣ г. Бестужева-Рюмина исторія Литвы не была предъ нами въ давно обработанной редакціи, онъ удѣлилъ бы, конечно, больше вниманія этому существенному вопросу. Обзоръ внутренней жизни Литвы представляетъ цѣлое самостоятельное изслѣдованіе, оцѣнка котораго внѣ задачи краткой рецензіи. Конечный выводъ нашего автора о внутреннемъ бытѣ Литвы легко передается его же словами: «Вообще въ матеріальномъ отношеніи Литовское государство того времени (т. е. XIV—XVI вв.), ничѣмъ не отличалось отъ Московскаго, а въ нравственномъ, казалось, даже теряло, уступая польскому наплыву; отъ того, когда проснулось религіозное движеніе и потребовалось отложиться отъ Польши, Русь Западная должна была искать опоры и защиты въ Москвѣ» (стр. 141).

Переходя къ Руси восточной, авторъ даетъ обзоръ времени Ивана III, Василія III, Ивана Грознаго. Въ этомъ выпускѣ, однако, мы не находимъ цѣльнаго очерка московской жизни этого періода: авторъ даетъ только внѣшнюю исторію и характеристики дѣятелей; обзоръ внутренней жизни дастъ онъ, очевидно, въ послѣдующемъ выпускѣ. Благодаря такому расположенію матеріала, авторъ о многомъ умалчиваетъ. Въ очеркѣ княженія Ивана III нѣтъ, напримѣръ, и упоминанія о Судебникѣ; нѣтъ никакого отзыва о замѣчательномъ религіозномъ и церковно-общественномъ движеніи XV—XVI вѣковъ; вскользь касается авторъ вопроса о быстромъ ростѣ велико-княжеской власти въ Москвѣ... Поэтому очеркъ княженія Ивана III является, пока, не совсѣмъ полнымъ. За личностью самого Ивана III, авторъ признаетъ и большія способности, и государственный дѣятельный умъ: «Его-то дѣятельный умъ и управлялъ всѣми сложными и перепутанными нитами тогдашнихъ внѣшнихъ и внутреннихъ отношеній» (стр. 143),—говоритъ онъ и примѣромъ литовской политики Ивана III доказываетъ, что его дѣятельность шла въ уровень съ историческими потребностями только что образовавшагося Московскаго государства. Но, вполнѣ вѣрно и мѣтко оцѣнивая политику Ивана III, какъ государя великорусской народности, а не простаго удѣльнаго князя-хищника (таково мнѣніе Костомарова), авторъ мало цѣнитъ важный документъ того времени, лучше всего, быть можетъ, оправдывающій его взглядъ на Ивана III;

разумѣемъ духовное завѣщаніе этого князя. Въ этомъ памятникѣ, выдѣляя удѣлы своимъ младшимъ сыновьямъ, Іоаннъ вполнѣ сознательно передаетъ верховныя права надъ этими удѣлами старшему сыну—московскому князю, и тѣмъ сообщаетъ его власти государственный характеръ, низводя другихъ князей почти на степень простыхъ привиллегированныхъ вотчинниковъ. Этой особенности духовной Ивана III авторъ не отмѣчаетъ (стр. 173). Личность Василія Ивановича опредѣляется авторомъ согласно съ отзывомъ Карамзина: признавая за Василіемъ исторические заслуги, авторъ замѣчаетъ, что онъ напоминаетъ отца «суровыми его сторонами». Важное значеніе дано въ трудѣ автора личности и времени Грознаго. Обработанныя въ послѣднее время страницы объ Иванѣ Грозномъ представляютъ большой интересъ. Авторъ здѣсь какъ бы раздвигаетъ рамки труда, даетъ цѣлыя изслѣдованія, относится къ лицамъ и явленіямъ не съ обычной объективностью. Это объясняется тѣмъ, что личность Грознаго и его время разно понимаются изслѣдователями. Въ то время, какъ одни смотрятъ на личность и дѣятельность Грознаго, какъ на печальную историческую случайность, другіе видятъ въ немъ историческаго дѣятеля съ опредѣленными политическими взглядами и цѣлями. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ принадлежитъ къ послѣднимъ; его изложеніе поэтому проникнуто мыслью доказать свою точку зрѣнія: тѣ стороны дѣятельности Грознаго, и тѣ событія его эпохи, которыя не возбуждали полемики и признавались понятными и своевременными, авторъ излагаетъ, по своему обычаю, полно и немногословно (отношенія къ Казани, покореніе Сибири); за то литовская война, за которую памяти Грознаго много доставалось, отношенія Грознаго къ боярству, къ объясненію которыхъ ключъ лежитъ въ пониманіи самой личности царя, — эти вопросы со стороны автора вызываютъ спеціальныя изслѣдованія. Съ особеннымъ вниманіемъ относится онъ къ ливонской войнѣ, стараясь оправдать стремленіе Ивана IV къ завоеваніямъ на Западѣ. Взгляды автора на литовскую войну извѣстны уже публикѣ по его статьѣ, помѣщенной не такъ давно въ «Журналѣ Мин. Народн. Просвѣщенія». Усматривая большой историческій смыслъ въ внѣшней политикѣ Грознаго, авторъ готовъ видѣть историческое значеніе и въ борьбѣ его съ боярствомъ. Мотивы этой борьбы объясняются тѣмъ, что входившіе въ составъ боярства потомки удѣльныхъ князей помнили старинную власть своихъ предковъ и воспоминанія о ней противоставляли созрѣвавшему самодержавію московскаго царя въ видѣ такихъ политическихъ притязаній, съ которыми не могъ ужиться Иванъ. При такой оцѣнкѣ борьбы авторъ основывается на письмахъ Курбскаго. Курбскаго авторъ не любитъ, какъ не любитъ и извѣстнаго Сильвестра. Но, высказываясь очень опредѣленно и о лицахъ, и о событіяхъ, авторъ все же признаетъ, что «все это требуетъ новыхъ изысканій» (стр. 262). Новое изысканіе о столкновеніи Грознаго съ высшимъ классомъ московскаго общества произведено г. Ключевскимъ въ его «Боярской Думѣ», однако оригинальные взгляды этого труда не приняты въ разсчетъ г. Бестужевымъ-Рюминымъ: о книгѣ Ключевскаго онъ упоминаетъ только мелькомъ и по другому вопросу. Изъ изложенія фактовъ времени Грознаго авторъ извлекаетъ характеристику его личности и дѣятельности и ею заключаетъ настоящій выпускъ своего труда. Дѣятельность Грознаго онъ сравниваетъ съ дѣятельностію Петра Великаго, а личности ихъ противополагаетъ другъ друга,—любопытная параллель. По мнѣнію г. Бестужева-Рюмина, Грозный былъ человѣкомъ большаго ума, но

отвлеченнымъ и созерцательнымъ, не способнымъ и не склоннымъ къ практической дѣятельности. Нравственнаго паденія Грознаго онъ и не думаетъ отрицать.

Таково содержаніе труда г. Бестужева-Рюмина. Трудъ этотъ, солидный и прочный, безъ сомнѣнія, надолго сохранитъ свое значеніе.

И. Р.

Сборникъ статей, разъясняющихъ польское дѣло по отношенію къ Западной Россіи. Составилъ и издалъ С. Шолковичъ. Выпускъ I. Вильна. 1885.

Предстоящій въ 1895 году столѣтній юбилей присоединенія къ Россіи Сѣверо-Западнаго края подалъ одному изъ виленскихъ дѣятелей, члену мѣстной археографической коммиссіи, С. В. Шолковичу, мысль издать сборникъ статей, касающихся польскаго вопроса. О русско-польскихъ отношеніяхъ, о «недоразумѣніяхъ» между двумя родственными народами писалось и пишется еще донынѣ очень много. Писалось въ различныхъ направленіяхъ: то въ обличительномъ духѣ, порождавшемъ лишь взаимное недовѣріе, то въ примирительномъ, оказавшемся, однако, не отвѣчающимъ польскимъ требованіямъ и претензіямъ. Многія изъ работъ такого рода выяснили дѣло безъ всякихъ прикрасъ, безъ всякой фальши, но осязательныхъ результатовъ отъ всего этого, пока, не получилось никакихъ, и польскій вопросъ попрежнему остается открытымъ, составляя существенное препятствіе установленію правильнаго строя въ жизни нашихъ западныхъ губерній.

Будущій историческій юбилей 1895 года заставляетъ воскресить въ памяти русскаго общества пережитыя событія Западной Россіи. Въ сознаніи этой необходимости, никакъ нельзя признать лишнимъ возобновленіе въ печати трудовъ такихъ дѣятелей, какъ Гильфердингъ, Самаринъ, Сѣмашко, Кояловичъ, Антоновичъ и др., — трудовъ, которые по своему значенію, по своей правдивости и убѣдительности не лишены интереса и въ настоящее время. Нѣкоторыя изъ статей затрогиваютъ вопросы, не разрѣшенные понынѣ. Можно указать, напримѣръ, на дѣло введенія русскаго языка въ католическомъ богослуженіи Бѣлоруссіи и Литвы. Много ли сдѣлано по этому весьма важному вопросу? Мѣры, которыя въ этомъ отношеніи были предприняты въ началѣ, не были мѣрами административнаго вторженія въ церковную область иновѣрнаго исповѣданія. Дѣло касалось охраненія отъ ополяченія народности, не признающей себя поляками. Школу посѣщали дѣти католическихъ родителей, не-поляковъ. Нужно было дать имъ въ руки учебники по Закону Божію на языкѣ страны. По иниціативѣ тогдашняго попечителя учебнаго округа, П. Н. Батюшкова, были сдѣланы переводы на русскій языкъ, бывшій въ употребленіи народа, катехизиса и молитвенниковъ. Книги были приняты сочувственно учащимися и ихъ родителями, а ксендзы охотно взялись преподавать по нимъ свой предметъ. Естественнымъ послѣдствіемъ всего этого былъ переходъ русскаго языка изъ школы въ дополнительное богослуженіе костела. Дѣло пошло само собой, безъ всякихъ понужденій со стороны свѣтской власти, начавшись съ Самогитской епархіи и перейдя въ приходы Литвы и Бѣлоруссіи. Нужно было, при такихъ благопріятныхъ условіяхъ, ожидать развитія и упроченія дѣла, начавшагося

столь естественнымъ путемъ. Но этого не послѣдовало, и къ нашему времени вопросъ осложнился до крайности.

Немало въ жизни Западнаго края найдется и другихъ вопросовъ высокой важности. Для правильнаго ихъ разрѣшенія на почвѣ русскихъ государственныхъ интересовъ и съ пользою для народа должно служить, между прочимъ, обозрѣніе и возстановленіе въ памяти изслѣдованій и выводовъ людей, уже послужившихъ русскому дѣлу, въ томъ, напримѣръ, видѣ, какъ это сдѣлано нынѣ почтеннымъ издателемъ «Сборника».

Во второмъ выпускѣ «Сборника» издатель обѣщается помѣстить рядъ статей, касающихся частныхъ вопросовъ Западнаго края. Пожелаемъ ему успѣха въ предстоящемъ трудѣ, но считаемъ нужнымъ посовѣтовать при этомъ — въ статьяхъ, бывшихъ уже въ печати, сдѣлать ссылки на изданіе, въ которомъ онѣ были помѣщены, и, кромѣ того, пополнить ихъ соотвѣтственными примѣчаніями, когда давно прошедшее явленіе выставляется какъ бы современнымъ намъ. Въ разсматриваемомъ «Сборникѣ» недостатокъ этотъ ощущается, напр., при чтеніи статьи: «Мистификація папскихъ возгласовъ противъ Россіи», Кояловича, въ которой говорится о чудовищномъ, невѣроятномъ положеніи латинства при «нынѣшнемъ» направленіи дѣлъ въ Западной Россіи, о поразительномъ излишествѣ чиновъ латинской іерархіи и т. п., или высказывается сожалѣніе, что «недавно» вышедшее на французскомъ языкѣ сочиненіе гр. Д. А. Толстого «Римскій католицизмъ въ Россіи» не имѣетъ русскаго перевода. Не можемъ не посовѣтовать также строже выдерживать корректуру для избѣжанія опечатокъ, въ изобиліи вкравшихся въ первый выпускъ.

М. Городецкій.

Отчетъ императорской публичной библіотеки за 1883 годъ. Спб. 1886.

Отчеты публичной библіотеки занимаютъ весьма важное мѣсто въ числѣ книгъ, появляющихся на свѣтъ, ибо въ нихъ заключаются свѣдѣнія, имѣющія непосредственное отношеніе къ нашей умственной жизни, къ нашему прогрессу на пути серьёзнаго чтенія, столь важнаго при опредѣленіи умственнаго роста общества. Затѣмъ, подобный отчетъ представляетъ въ высшей степени интересныя статистическія данныя, которыя, хотя при настоящихъ условіяхъ нашего интеллектуальнаго развитія и положенія статистики, какъ науки, и не даютъ возможности прійдти къ какимъ бы то ни было опредѣленнымъ выводамъ; но, во всякомъ случаѣ, означенныя данныя невольно вызываютъ читателя отчета на вопросы, разрѣшеніе которыхъ, конечно, принадлежитъ не далекому будущему.

Само собой понятно, что мы не имѣемъ возможности подробно разсмотрѣть всѣ рубрики отчета, составляющаго весьма объемистый томъ, но коснемся только отдѣловъ, представляющихъ особый интересъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ.

Прежде всего укажемъ на сумму, составлявшую оборотный капиталъ библіотеки въ 1883 году, ибо деньги всегда были и будутъ самымъ живымъ нервомъ всякаго общественнаго учрежденія. Въ 1883 году, библіотека получила: 96,326 р. 16 к. Изъ этой суммы израсходовано: 92,460 р. 11 к. Нельзя

сказать, чтобы для подобнаго учрежденія такая сумма была особенно значительна.

Всего важнѣе, конечно, пріобрѣтенія библіотеки, составляющія ея умственный вкладъ, необыкновенно цѣнный для тѣхъ, для которыхъ дорого серьёзное, научное образованіе.

Самымъ крупнымъ пріобрѣтеніемъ за 1883 годъ безспорно является купленное на счетъ суммъ государственнаго казначейства у члена московской синодальной конторы, бывшаго епископа чигиринскаго Порфирія, собраніе рукописей церковно-славянскихъ и русскихъ, греческихъ, арабскихъ, грузинскихъ, сирійскихъ и на другихъ языкахъ, а также книгъ старо-печатныхъ церковно-славянскихъ (большею частью, въ отрывкахъ). Это собраніе составлено преосвященнымъ Порфиріемъ во время 18-тилѣтняго пребыванія его въ разныхъ странахъ христіанскаго востока и уже давно было извѣстно какъ отечественнымъ, такъ и заграничнымъ ученымъ. За собраніе, которому подобное составить теперь едва ли возможно, заплачено 15,000 рублей, съ разсрочкою уплаты ихъ на четыре года. Пріобрѣтеніе такой замѣчательной коллекціи за столь сравнительно скромную сумму отечественное книгохранилище единственно можетъ приписать желанію преосвященнаго Порфирія оставить свое собраніе въ Россіи, такъ какъ на поступавшія къ нему неоднократно предложенія отъ заграничныхъ библіотекъ и любителей онъ отвѣчалъ отказомъ. Въ виду важности собранія преосвященнаго Порфирія въ отчетѣ помѣщенъ краткій обзоръ этого собранія въ полномъ его составѣ.

Въ императорскую библіотеку поступаетъ немало рѣдкихъ изданій, какъ подарковъ. Изъ подаренныхъ книгъ наиболѣе замѣчательна слѣдующая брошюра: Dess Durchleuchtigsten Grossmechtigsten Fürsten unnd Herren, Herren Iwan Bassilowitz, Herrscher der Reussen etc. Und gross Fürsten zu Bladomir Moscaw unnd Nawgarten, etc. Credentz unnd ander schreiben, so seine Durchleuchtigkeit, bey Herren Kutzen Sachary Iwancobitz Pulersecky, Stathalter auff Weyssensee, unnd Herren Andreen Archibarschaff, Fürstlichen Moscowischen Ziacken unnd Secretario, sampt anderen Abgesanten, Röt: Kay: May: zu Regensdurg ubereichen lassen. На фронтисписѣ заглавнаго листа портретъ главнаго посла, на оборотѣ портретъ Монастырева, съ надписью: Fürstlicher Moscowischer Durchleuchtigkeit Cantz Ist, so den Fürstlichen Credentz Brieff getragen unnd Affannasiy Monastireff Michaels Son genant.

Первую часть этой весьма рѣдкой брошюры занимаетъ нѣмецкій переводъ грамоты Іоанна IV Васильевича къ императору Максимиліану II, помѣщенной въ памятникахъ дипломатическихъ сношеній древней Россіи, т. I, стр. 584. Со страницы 9-й начинается отвѣтъ Максимиліана «Regenspurg, den 24 Iülij, Im fünffzehen hunderten unnd sechs und sibenzigsten Jare». Этимъ отвѣтомъ, какъ видно изъ памятниковъ, послы не были довольны, такъ какъ въ немъ «писано государское имя безъ царскаго имени, да о Лифляндской землѣ, чтобъ государь не воевалъ», и начали 4-го августа переговоры объ его исправленіи. Слѣдствіемъ этихъ переговоровъ было то, что 2-го сентября 1576 года данъ былъ другой отвѣтъ, согласный съ желаніемъ нашихъ пословъ (памятники, стр. 660). Брошюра эта тѣмъ важнѣе для библіотеки, что послѣдняя уже имѣетъ фотографическій снимокъ съ современной гравюры, рѣзанной на деревѣ въ Прагѣ. Гравюра эта, состоящая изъ 5 большихъ листовъ, изображаетъ шествіе нашихъ пословъ на Регенс-

бургскомъ сеймѣ въ 1576 году съ подарками отъ царя Іоанна IV къ германскому императору. Оригиналъ гравюры находится въ музеѣ въ Висбаденѣ, и съ него снята, по желанію бывшаго директора графа М. А. Корфа, копія въ 1875 году, и подарена имъ библіотекѣ.

Не представляется возможности упомянуть о многихъ другихъ дорогихъ предметахъ, сдѣлавшихся достояніемъ библіотеки въ 1883 году, но въ общемъ выводѣ оказывается, что въ этомъ году поступило: а) печатныхъ книгъ, брошюръ и отдѣльныхъ листковъ 21,523 сочиненія въ 25,810 томахъ. Цифра почтенная, которой нельзя не порадоваться. Изъ означенной цифры: частныхъ приношеній отъ 197 разныхъ лицъ и учрежденій въ Россіи и за границей — 6,044 сочиненія въ 6,545 томахъ; куплено самою библіотекою — 3,268 сочиненій въ 4,860 томахъ.

Большой интересъ представляетъ цифра, показывающая число посѣтителей библіотеки. Въ 1883 году, выдано билетовъ для занятій въ библіотекѣ 12,337 (въ 1882 году 12,322). Читателей было въ общей читальной залѣ 121,896 (въ 1882 году 121,154). Если сравнить эти два года, то почти незамѣтно увеличенія числа читателей и занимающихся въ библіотекѣ. Во всякомъ случаѣ, движеніе медленное. Любопытно было бы сравненіе десятка лѣтъ. Изъ таблицы, приложенной къ отчету, видно, что въ числѣ читателей мужскаго пола преобладаютъ учащіеся: они составляютъ не много менѣе 1/3 всего числа читателей (31%); затѣмъ въ составѣ читателей довольно значительное число дворянъ, находящихся на частной службѣ и вовсе не служащихъ (13,6%), мѣщанъ и цеховыхъ (10,1%), гражданскихъ чиновниковъ (8,1%) и лицъ военнаго вѣдомства (6,2%); лица разныхъ другихъ званій и профессій являются лишь въ небольшомъ числѣ. Между читательницами процентъ лицъ учащихся еще значительнѣе (35%), и хотя онъ не самый крупный въ числѣ другихъ званій и профессій лицъ женскаго пола, посѣщающихъ библіотеку, ибо число женъ и дочерей дворянъ и чиновниковъ достигаетъ до 38%, — слѣдуетъ, однако, полагать, что число учащихся между посѣтительницами библіотеки еще выше, такъ какъ не всѣ читательницы, давая при полученіи билета на чтеніе свѣдѣнія о своемъ званіи, разъясняютъ свою профессію или свои занятія. Всѣ другія званія и профессіи женскія имѣютъ между посѣтительницами библіотеки лишь небольшое число представительницъ.

Если взглянуть на лицъ, взявшихъ билеты для занятій въ императорской публичной библіотекѣ, втеченіе 1883 года, по отношенію къ ихъ профессіямъ и званіямъ, къ которымъ эти лица принадлежатъ, то получаются слѣдующія цифры: 1) лицъ духовнаго званія православнаго исповѣданія — 98; лицъ военнаго вѣдомства — генераловъ и офицеровъ — 636; нижнихъ чиновъ — 66; гражданскихъ чиновъ — 834; профессоровъ и преподавателей разныхъ учебныхъ заведеній — 303; учащихся и окончившихъ курсъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ — 3,684; купцевъ — 334; мѣщанъ и цеховыхъ — 1,043; крестьянъ — 265.

Мы остановились только на званіяхъ и профессіяхъ, болѣе или менѣе заслуживающихъ особеннаго вниманія. Въ рубрикѣ учащихся и окончившихъ курсъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ кое-что говорятъ за себя цифры лицеистовъ и правовѣдовъ, взявшихъ билеты для занятій въ библіотекѣ втеченіе 1883 года. Первыхъ — 8; вторыхъ — 6.

Обращаютъ на себя вниманіе цифры купцовъ, мѣщанъ, цеховыхъ, крестьянъ и нижнихъ военныхъ чиновъ. Надъ ними дѣйствительно можно за-

думаться, но вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо принять въ соображеніе и то обстоятельство, что упомянутыя цифры только при томъ условіи могли бы бросить настоящій свѣтъ на умственныя требованія этихъ сословій, если бы можно было знать, какія именно книги обращались у нихъ въ чтеніи. Кромѣ того, при нашихъ совершенно своеобразныхъ общественныхъ условіяхъ, въ числѣ, напримѣръ, купцовъ и даже мѣщанъ, нерѣдко встрѣчаются лица, кончившія курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, и студенты университетовъ, не кончившіе курса, вслѣдствіе чего и обратившіеся въ первобытное состояніе, какъ не пріобрѣвшіе гражданскихъ правъ по мѣсту образованію. Въ этомъ случаѣ нашимъ будущимъ статистикамъ предстоитъ трудная и многосложная работа.

Лица женскаго пола распредѣляются по профессіямъ слѣдующимъ образомъ: женщинъ-врачей—13, учительницъ въ школахъ—63; домашнихъ учительницъ—87; акушерокъ—38; фельдшерицъ—21; артистокъ императорскихъ театровъ—2; слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ—438; педагогическихъ курсовъ—66; фребелевскихъ курсовъ—16; женскихъ врачебныхъ курсовъ—87; воспитанницъ гимназій и частныхъ школъ—70; учительскихъ семинарій—5; писательницъ 1; ремесленницъ—1; телеграфистокъ—1.

Невольно бросается въ глаза и цифра писательницъ, равняющаяся цифрѣ ремесленницъ и телеграфистокъ. Цифра писателей, о которой мы забыли упомянуть выше, не выдается по своей значительности, а именно—15. Въ числѣ лицъ женскаго пола, по отношенію къ званіямъ, выдаются мѣщанки и крестьянки, каковыхъ—134.

Всего болѣе требовались для чтенія учебники къ изученію новыхъ языковъ, а именно 7,800 сочиненій; руководства же къ изученію древнихъ классическихъ языковъ требовались въ числѣ 388.

Мы не дѣлаемъ никакихъ выводовъ, ибо на основаніи всѣхъ вышеупомянутыхъ данныхъ и не представляется возможнымъ прійдти къ какимъ бы то ни было положительнымъ выводамъ, но просто задаемъ вопросъ, обращаемъ вниманіе читателей на означенныя цифры, короче сказать: дѣлаемъ предположеніе—не указываетъ ли значительная цифра требованій учебниковъ къ изученію новыхъ языковъ на плохое преподаваніе этихъ языковъ въ учебныхъ заведеніяхъ и на являющуюся вслѣдствіе этого потребность дополнить свое образованіе въ упомянутомъ отношеніи и вообще пробудившуюся потребность знать новые языки, какъ ради дальнѣйшаго самообразованія, такъ и ради увеличенія матеріальныхъ средствъ къ жизни, которая дѣйствительно предъявляетъ требованія на знаніе этихъ языковъ.

Цифра требованій на руководства къ изученію древнихъ классическихъ языковъ говоритъ сама за себя. Цифры требованій книгъ для чтенія на иностранныхъ языкахъ вообще никакъ нельзя назвать значительными.

Кончая разсмотрѣніе отчета, считаемъ нужнымъ присовокупить, что если бы намъ позволилъ объемъ нашей статьи, то мы высказали бы нѣкоторые свои взгляды на необходимость подумать о формѣ статестическихъ данныхъ, сообщаемыхъ императорской публичной библіотекой, относительно чего мы сдѣлали выше нѣсколько намековъ, указывающихъ на то, что цифры, приводимыя по званіямъ и профессіямъ, не даютъ точнаго понятія о числѣ читателей и читательницъ въ извѣстномъ сословіи, при томъ условіи, что остается скрытымъ образовательный цензъ упомянутыхъ лицъ. Легко или трудно разрѣшить такой вопросъ — это дѣло другое, но думаемъ,

что, всетаки, вопросъ остается вопросомъ. Если положимъ, библіотеку посѣтили 50 крестьянъ и изъ нихъ 10 человѣкъ прошли полный или неполный гимназическій курсъ, то фактъ посѣщенія библіотеки крестьянами получаетъ иной свѣтъ. Но повторяемъ, что форма статистики библіотеки — дѣло будущаго.

И. В—ъ.

Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи. Эдуарда Гиббона. Перевелъ съ англійскаго В. Н. Невѣдомскій. Спб. 1885. Томъ VI.

Изданіе классическаго труда великаго англійскаго историка продолжается безостановочно. Втеченіе прошлаго года вышли томы IV и V, о которыхъ мы имѣли случай говорить, а въ концѣ декабря появился и VI. Даже одно печатаніе трехъ объемистыхъ томовъ (болѣе 600 страницъ въ каждомъ) должно было занять немало времени, но неутомимый издатель К. Т. Солдатенковъ, которому русская литература и наука обязаны появленіемъ въ свѣтъ столькихъ замѣчательныхъ произведеній (68), успѣлъ еще въ томъ же 1885 году познакомить русскихъ читателей съ такими капитальными сочиненіями какъ «Всеобщая исторія Георга Вебера» (томъ въ 850 страницъ), Рудольфа Гнейста «Исторія государственныхъ учрежденій Англіи» (томъ въ 870 страницъ), «Римская исторія» Моммсена, «Исторія эпохи открытій» Оскара Пешеля, «Титъ Ливій» Тэна и четыре тома Фрикена «Римскія катакомбы и памятники первоначальнаго христіанскаго искусства» (съ рисунками). Трудно встрѣтить болѣе усердную и плодотворную издательскую дѣятельность и о г. Солдатенковѣ, конечно, съ полнымъ уваженіемъ отзовется всякій, кому дороги успѣхи книжнаго дѣла въ Россіи. Новый томъ «Исторіи» Гиббона обнимаетъ собою исторію семи столѣтій отъ VII до XIII вѣка. Передъ читателями проходитъ рядъ изумительныхъ картинъ, блестящихъ подвиговъ, міровыхъ событій: завоеваніе арабами Персіи, Сиріи, Африки, Испаніи, распространеніе магометанства при халифахъ, упадокъ христіанства въ Африкѣ, благоденствіе Испаніи подъ управленіемъ мавровъ, разбитіе ихъ Карломъ Мартеломъ, неудачныя попытки овладѣть Константинополемъ, паденіе имперіи халифовъ вслѣдствіе междоусобныхъ войнъ и внутреннихъ раздоровъ. Широкою кистью рисуетъ историкъ картину Восточной имперіи въ X вѣкѣ, пышную обстановку и роскошь императоровъ, принимавшихъ рабское поклоненіе царедворцевъ и народа съ величіемъ азіатскихъ деспотовъ. Довольно подробно говоритъ историкъ и о сношеніяхъ Византіи съ русскими, о четырехъ набѣгахъ ихъ на Константинополь, о Святославѣ и разбитіи его Цимисхіемъ, о крещеніи Владиміра и женитьбѣ его на сестрѣ императора, принужденной «жить въ вѣчномъ изгнаніи на берегахъ Борисѳена или вблизи отъ полярнаго круга». Особая глава посвящена изложенію ученія секты Павликіанъ, отличающихся простотою ихъ вѣрованій и культа. Исторія венгровъ и болгаръ разсказана очень коротко. Венгровъ Гиббонъ производитъ отъ турокъ, о болгарахъ выражается какъ-то странно: «Ихъ однообразную, и семейную, и общественную жизнь не услаждали ни невинность, ни доведенная до совершенства система государственнаго управленія». Въ этомъ мѣстѣ, языкъ перевода, вообще ясный и правильный, становится загадочнымъ. Что это за невинность? и какой достигшей до совершенства прави-

тельственной системы ждалъ авторъ отъ болгаръ, когда и въ наше время ею не обладаютъ и вполнѣ цивилизованные народы? Послѣднія главы заключаютъ въ себѣ исторію столкновенія франковъ, грековъ и норманновъ въ Италіи, появленіе турокъ, покореніе ими Малой Азіи, крестовые походы, Іерусалимское королевство, расколъ между греками и латинами и вражда между ними, взятіе Константинополя крестоносцами. Всѣ эти событія разсказаны сжато, но рельефно, и даютъ полное понятіе о странной эпохѣ, о людяхъ, жившихъ и дѣйствовавшихъ въ тѣ смутныя времена, полныя злодѣяній и подвиговъ безумной храбрости...

В. З.

Отроческіе годы Пушкина. Біографическая повѣсть В. П. Авенаріуса. Спб. 1886.

Дѣтство и въ особенности отрочество великихъ людей служило всегда предметомъ изученія. Можно ли по первымъ годамъ развившагося отрока заключить о томъ, что̀ изъ него выйдетъ въ годы юности и возмужалости? Этотъ вопросъ занималъ серьёзно не одного мыслителя. Съ одной стороны насъ увѣряютъ, что способности и наклонности человѣка выказываются въ первые моменты его духовнаго и нравственнаго развитія; съ другой — наука убѣждаетъ насъ, что втеченіе своей жизни человѣкъ мѣняется нѣсколько разъ не только физически, но и нравственно, что въ немъ не только обновляется весь жизненный организмъ, но даже качества, идеи, стремленія, въ періодъ зрѣлости, бываютъ вовсе не тѣ, какія волнуютъ въ молодые годы. Не говоря уже о томъ, что обстоятельства въ жизни нерѣдко заставляютъ идти не по той дорогѣ, которая была намѣчена въ юности,—многіе ли подъ старость сохраняютъ убѣжденія и чувства этой золотой поры человѣчества? Но какъ ни часто видимъ мы вокругъ себя примѣры совершеннаго перерожденія лицъ, характеровъ и направленій, насъ всегда увлекаетъ желаніе, при видѣ выдающагося дѣятеля, на какомъ бы то ни было поприщѣ, прослѣдить за постепеннымъ развитіемъ его таланта, узнать, какимъ путемъ достигъ онъ извѣстной степени развитія. Вотъ почему исторія первыхъ подготовительныхъ лѣтъ всякаго замѣчательнаго дарованія служила предметомъ изслѣдованій, привлекала массу читателей. Но написать повѣсть для дѣтей, хотя бы и старшаго возраста, изъ жизни Пушкина не могло не казаться дѣломъ рискованнымъ, трудно выполнимымъ. Многіе несомнѣнно отнеслись недовѣрчиво къ предпріятію, изъ котораго, однако, скажемъ прежде всего, г. Авенаріусъ вышелъ съ честью. Въ повѣсти его, великій поэтъ нашъ, въ его отроческіе годы, обрисованъ не всесторонне, но она представляетъ, если не полное, то по возможности вѣрное изображеніе Пушкина, втеченіе пятилѣтняго отрочества, отъ 12-ти до 16-ти лѣтъ (1810—1814 гг.). Изъ 21-й главы повѣсти — 18 посвящены лицейской жизни, три первыя — подготовленію къ экзамену и поступленію въ лицей. Къ ученической жизни поэта, до мельчайшихъ подробностей вѣрной дѣйствительности, не относится только война 1812 года, разсказанная авторомъ, но она имѣла такое вліяніе на тогдашнюю молодежь, что эти эпизодическія главы не оказываются лишними. Все, что говоритъ и дѣлаетъ самъ Пушкинъ, характеристика его товарищей. гувернеровъ, учителей, прислуги лицея, директора Малиновскаго, дяди поэта, А. И. Тургенева, А. К. Разумовскаго и другихъ лицъ, — основано на доку-

ментальныхъ свидѣтельствахъ того времени. Такой же исторической и археологической точностью отличается описаніе лицея, его открытія, товарищескихъ бесѣдъ и шалостей, первыхъ литературныхъ попытокъ изданія лицейскихъ журналовъ, неудачной театральной попытки, заключенія поэта въ карцеръ съ пятью товарищами. Вся внѣшняя жизнь лицея передана совершенно вѣрно. Авторъ не избѣгалъ даже изображенія ея темныхъ сторонъ. Такъ хитрая и злобная фигура гувернера Пилецкаго, лицеиста-наушника Гурьева очерчены такъ, что возбуждаютъ антипатію. Авторъ выказалъ только нѣкоторое пристрастіе къ Горчакову, поставивъ его «геній» чуть не на ряду съ геніемъ Пушкина. Но лицейская жизнь, описанная г. Авенаріусомъ, все-таки, далеко не полна. Если рано было еще изобразить развитіе поэтическаго таланта Пушкина, то о его классныхъ занятіяхъ и вообще о томъ, что и какъ преподавалось въ лицеѣ, слѣдовало поговорить гораздо подробнѣе. Нѣсколько строкъ о Куницынѣ, Кошанскомъ и другихъ профессорахъ не замѣняютъ необходимаго разсказа о системѣ обученія въ лицеѣ. Правда, авторъ обѣщаетъ посвятить еще повѣсть второму юношескому періоду лицейской жизни Пушкина. Остается ждать появленія обѣщаннаго, безъ чего лицейская жизнь поэта остается, всетаки, неполной и неясной.

В. З.

Георгъ Веберъ. Всеобщая исторія. Переводъ со втораго изданія пересмотрѣннаго и переработаннаго при содѣйствіи спеціалистовъ. Томъ первый. Перевелъ Андреевъ. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1885.

Авторъ этой замѣтки хорошо помнитъ то время, когда имя Георга Вебера впервые получило широкую извѣстность въ Россіи. Пятидесятые года подходили къ концу, и новыя благія вѣянія стали давать себя замѣтно чувствовать въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. По всѣмъ предметамъ такъ называемыя «министерки», т. е. учебники, изданные департаментомъ министерства народнаго просвѣщенія, стали терять кредитъ и замѣняться болѣе или менѣе толковыми «записками» учителей и «вольными» книжками. Если учитель словесности и проходилъ въ силу необходимости по министеркѣ теорію прозы и поэзію, за то онъ подвергалъ ее такимъ сокращеніямъ и дополненіямъ, что въ ней живаго мѣста не оставалось. По всѣмъ предметамъ «вольные» учебники, построенные на новыхъ педагогическихъ началахъ, являлись десятками и радикально измѣняли существовавшій много лѣтъ порядокъ и духъ преподаванія, но бывшая въ нарочито строгомъ загонѣ исторія долго не могла найдти себѣ органа. Въ 3-мъ классѣ старозавѣтный учитель «ничто же сумняся» отчеркивалъ ногтемъ по маленькому (и количественно, и качественно) Устрялову; но въ 4-мъ классѣ мы попали въ руки молодаго, способнаго и горячо преданнаго своему дѣлу учителя, рано сошедшаго отъ чахотки въ могилу Владиміра Ивановича Собчакова (1-я московская гимназія), котораго всѣ его ученики, безъ сомнѣнія, вспоминаютъ добрымъ словомъ. Просто изстрадался нашъ бѣдный преподаватель съ учебниками: не говоря уже про пресловутаго Кайданова, самого Смарагдова совершенно справедливо считалъ онъ вполнѣ непригоднымъ: его, говоря попросту, *суконный* и въ то же время высокопарный языкъ отбивалъ у всякаго охоту къ пред-

мету; полное отсутствіе прагматизма и критики, крайняя научная отсталость почти лишали исторію педагогическаго значенія и требовали бездны поправокъ. Учитель предпочелъ Смарагдову краткій учебникъ Берте, заключавшій на какихъ нибудь 200 страницахъ всю всеобщую исторію отъ китайцевъ до Наполеона включительно; что Берте предназначался не для среднихъ, а для низшихъ школъ, явствовало уже изъ вопросовъ для повторенія, которые слѣдовали за каждой главою. Само собою разумѣется, что древняя исторія, проходимая по Берте, потребовала огромныхъ прибавленій. Перешли мы въ 5-й классъ, гдѣ полагалась средняя исторія. Къ счастію нашему, вышелъ въ это время учебникъ г. Стасюлевича, слишкомъ обширный для гимназій и непедагогично составленный, но за то вполнѣ приличный по содержанію. Черезъ годъ мы были въ 6-мъ классѣ и принимались за новую исторію; каково намъ было вновь очутиться лицомъ къ лицу съ тѣмъ же Смарагдовымъ, съ его суконнымъ языкомъ и шаблоннымъ содержаніемъ, послѣ университетскаго почти учебника Стасюлевича? Каково намъ было проходить параллельно (на исторію полагалось 4 урока, 2 на всеобщую и 2 на русскую) Смарагдова и Соловьева? Бѣдный нашъ преподаватель, вообще не любившій тратить время на болтовню съ учениками, такъ горько жаловался на Смарагдова, что у троихъ изъ его слушателей явилась курьезная идея самимъ составить учебникъ исторіи... Учебника, мы, конечно, не составили, но не безъ пользы перечитали массу хорошихъ историческихъ книгъ.

И вотъ въ то время, какъ учителя и ученики изнывали надъ злосчастнымъ Смарагдовымъ, разнеслась благая вѣсть о появленіи въ печати новаго переводнаго учебника, вполнѣ приспособленнаго къ гимназіямъ, учебника Георга Вебера; разумѣется, Смарагдовъ быстро канулъ въ Лету, и мы уже со втораго полугодія имѣли въ рукахъ красиво напечатанную 4-мя различными шрифтами, вполнѣ педагогичную и вполнѣ научную книжку нѣмецкаго историка. По ней окончили мы новую исторію; по ней повторили въ 7-мъ классѣ древнюю и среднюю. Что нужды въ томъ, что авторъ ея, какъ нѣмецъ, писавшій для нѣмцевъ, нисколько не поинтересовался исторіей славянъ, а исторіей Германіи наполнилъ $^2/_3$ средней и новой исторіи? Мы имѣли въ рукахъ учебникъ, а не пародію на него, имѣвшую смыслъ развѣ при царѣ Горохѣ.

Одновременно съ учебной книгой Вебера въ переводѣ Соколова, явился его же курсъ всеобщей исторіи въ 3-хъ большихъ томахъ, переведенный Е. Ѳ. и В. Ѳ. Коршами и уже въ 1860 году потребовавшій 2-го изданія. Это уже университетскій учебникъ; его мы готовили къ экзамену (кромѣ лекцій) покойному профессору Ешевскому; онъ служилъ настольной и справочной книгой у многихъ поколѣній студентовъ и преподавателей.

Въ томъ же 1860 году, если не ошибаюсь, въ переводѣ Ивашковскаго и Зуева, явилась и первая половина перваго тома многотомной «Всеобщей исторіи» Георга Вебера, далеко еще не оконченной въ то время и въ оригиналѣ. Дальше этого выпуска русскіе издатели не пошли. Теперь этотъ томъ, въ цѣломъ своемъ составѣ, вновь и, можно сказать, безукоризненно, переведенъ г. Андреевымъ по 2-му нѣмецкому изданію, только что начатому.

Георгъ Веберъ родился въ 1808 году въ Пфальцѣ, воспитывался въ Шпейерской гимназіи и поступилъ на богословскій факультетъ въ Эрлангенъ; но скоро измѣнилъ спеціальность и началъ заниматься исторіей и древней литературой; въ 1829 и 1830 годахъ, онъ жилъ въ Гейдельбергѣ и вошелъ въ

непосредственныя отношенія съ Карломъ Германомъ и знаменитымъ Шлоссеромъ. Получивъ мѣсто домашняго учителя при одномъ англійскомъ семействѣ, онъ имѣлъ досугъ для кабинетныхъ работъ и даже могъ посѣтить Швейцарію, Италію и Парижъ. Въ 1839 году, онъ получилъ мѣсто преподавателя въ высшемъ реальномъ училищѣ (höhere Bürgerschule) въ Гейдельбергѣ, а въ 1848 году сдѣлался въ немъ директоромъ и оставался въ этой должности до 1872 года безъ перерыва. Его курсъ «Всеобщей исторіи» въ 1880 году вышелъ уже 18-мъ изданіемъ, а его «Исторія нѣмецкой литературы» 11-мъ. Свою «Всеобщую исторію» онъ началъ въ 1857 году и окончилъ въ 15 большихъ томахъ только четыре года назадъ. Кромѣ того, онъ написалъ нѣсколько цѣнныхъ монографій, главнымъ образомъ по исторіи реформаціи.

Теперь почти 80-лѣтній старикъ принимается за переизданіе своего громаднаго труда, пріобрѣтшаго большую и почетную извѣстность, главнымъ образомъ благодаря строгой объективности и педагогическому такту автора. У публики должны явиться справедливыя опасенія, что онъ не успѣетъ окончить переизданія, надъ которымъ предстоитъ, вслѣдствіе успѣховъ исторической науки, много работы и хлопотъ. Но авторъ заявляетъ, что онъ принялъ мѣры, обезпечивающія на случай его смерти «доведеніе начатаго изданія до конца въ томъ же духѣ и по тому же методу» (стр. XIV), и такъ какъ это говоритъ аккуратный нѣмецъ, а не благодушный россіянинъ, то мы имѣемъ полное основаніе вѣрить ему.

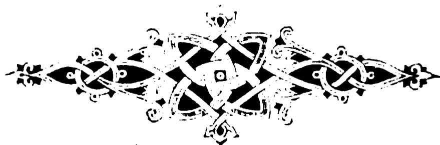
Русскій переводчикъ г. Андреевъ (мимоходомъ замѣтимъ, что литературнымъ дѣятелямъ съ такими распространенными фамиліями необходимо обозначать хоть буквами свои имена) въ краткомъ предисловіи указываетъ на двѣ слабыя стороны исторіи Вебера: наклонность къ трансцендентальной философіи, которую онъ, г. Андреевъ, усматриваетъ особенно въ «Введеніи», и пристрастіе къ своей націи.

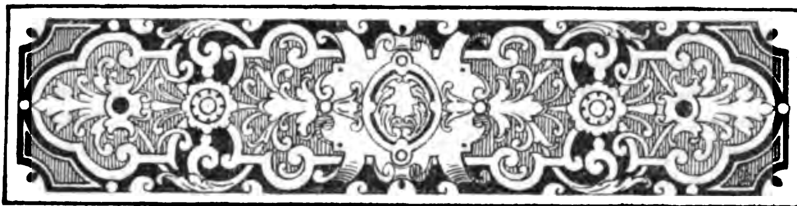
Пишущій эти строки имѣетъ претензію быть знакомымъ съ нѣсколькими томами исторіи Вебера и не можетъ признать, чтобы трансцендентальная или какая нибудь другая философія повліяла на такого строгаго и трезваго поклонника фактовъ, какъ Георгъ Веберъ. Что же касается до «Введенія», заключающаго въ себѣ всего 32 страницы, то я не могъ усмотрѣть въ нихъ ничего особенно трансцендентальнаго, а только наборъ общеизвѣстныхъ истинъ и полуистинъ, который безъ всякаго ущерба могъ бы быть выпущенъ въ русскомъ переводѣ. А такъ какъ переведенный г. Андреевымъ томъ заключаетъ въ себѣ только исторію востока, то въ предисловіи къ нему говорить о нѣмецкомъ патріотизмѣ автора излишне.

Если можно быть увѣреннымъ, что у нѣмецкой науки хватитъ силъ, чтобы благополучно довести до конца 20-е изданіе исторіи Вебера, съ такою же достовѣрностью можно сказать, что у К. Т. Солдатенкова хватитъ средствъ, чтобы довести до конца русскій переводъ ея. Уже по 1-му тому всякій увидитъ, что между многими полезными предпріятіями его это будетъ одно изъ самыхъ полезныхъ для нашей исторической литературы, которая довольно богата талантливо написанными оригинальными и переводными монографіями и болѣе или менѣе глубоко задуманными и хорошо исполненными общими aperçues, но, если не считать давно устарѣлаго Шлоссера, совершенно лишена объективнаго и строго фактическаго свода трудовъ по всеобщей исторіи. Трудъ Георга Вебера—лучшій сводъ, какой только можно придумать, сводъ, незамѣнимый даже для многоученой и слишкомъ богатой пособіями

Германіи; одинаково важный и для исторіи политической. и для исторіи культуры, и для исторіи литературы, одинаково полезный и для студента, и для учителя, и для всякаго интересующагося исторіей образованнаго человѣка. Достаточно будетъ, если мы укажемъ, что въ лежащемъ передъ нами томѣ читатель найдетъ болѣе подробное изложеніе Магабгараты и Рамаяны, чѣмъ въ какой бы то ни было другой русской книгѣ, найдетъ изложеніе Сакунталы и всѣхъ лучшихъ произведеній санскритской литературы, подробный разборъ Авесты, прекрасно сдѣланный сводъ всѣхъ важнѣйшихъ свидѣтельствъ греческихъ историковъ по исторіи Египта, Ассиріи, Вавилона, Индіи и проч. Короче сказать, по исторіи востока въ этомъ томѣ заключается весь нужный матеріалъ для студенческихъ работъ и упражненій. Ни Ленорманъ, ни Дункеръ, придающіе фактамъ свою окраску, не могутъ замѣнить объективнаго Вебера, между тѣмъ, какъ Веберъ, добросовѣстно воспользовавшійся при переработкѣ всѣми лучшими изслѣдованіями, можетъ въ значительной степени замѣнить и Дункера, и Ленормана, и многихъ другихъ. Исторія израильскаго народа, надъ которой Георгъ Веберъ еще вмѣстѣ съ Гольцманомъ работалъ спеціально, изложена самостоятельнѣе и полнѣе, нежели гдѣ бы то ни было. Авторъ въ предисловіи (стр. XVII) жалуется на «наше время», благопріятствующее или слишкомъ спеціальнымъ работамъ, или крайне популярнымъ красивымъ изданіямъ съ иллюстраціями. Стремленіе поражать красивою внѣшностью и популяризировать науку иллюстраціями, дѣйствительно, замѣчается даже въ Германіи и, пожалуй, въ ней еще сильнѣй, нежели гдѣ бы то ни было. Но будемъ надѣяться, что внутреннія достоинства монументальнаго труда Вебера пересилятъ моду и настроеніе минуты.

А. К.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Русская литература 1885 года въ оцѣнкѣ англійскаго журнала.—Три сочиненія объ отношеніяхъ Россіи къ Англо-Индіи. — Французы и графъ Л. Н. Толстой.— Мемуары маршала Вилларса и Маріи Манчини. — Церковь и государство во вторую половину III вѣка. — Онѣмеченіе заэльбскихъ славянъ. — Магистръ нѣмецкаго ордена. — Исторіи Карла V. — Австрійская политика въ первые годы XIX вѣка. — Европейское соглашеніе въ восточномъ вопросѣ.—Люди эпохи королевы Викторіи. — Джорджъ Гордонъ.

ЗВѢСТНЫЙ критическій журналъ Англіи «Athenaeum» помѣщаетъ въ послѣднемъ нумерѣ каждаго года обзоръ «Континентальной литературы» за тотъ годъ. Нынче этотъ обзоръ перенесенъ въ первый № журнала за 1886 годъ, и ему отведено довольно значительное мѣсто—болѣе 68-ми столбцовъ. Да и трудно было въ меньшемъ объемѣ упомянуть хотя о главнѣйшихъ произведеніяхъ по всѣмъ отраслямъ литературы и науки на четырнадцати европейскихъ языкахъ. Въ 1884 году обозрѣвалась литература только тринадцати странъ, теперь къ нимъ прибавлена еще Богемія, то есть Чехія. Недостаетъ только литературы сербско-хорватской, болгарской, румынской, португальской, финской и англійской; исторію послѣдней замѣняетъ самый журналъ «Athenaeum», представляющій дѣйствительно втеченіе года разборъ всѣхъ выдающихся произведеній Англіи, но безъ всякой системы и даже безъ указателя къ концу года. Нельзя сказать, чтобы отчеты объ иностранныхъ литературахъ представляли въ журналѣ полную и ясную картину того, что каждая страна создала замѣчательнаго въ области знанія и творческой фантазіи, втеченіе извѣстнаго времени. Такую картину и нелегко очертить на пяти столбцахъ, удѣленныхъ для каждой національности, но, всетаки, въ серьезномъ журналѣ хотѣлось бы видѣть болѣе серьезное отношеніе къ дѣлу. Мы не говоримъ о пропускѣ отзывовъ по многимъ

выдающимся книгамъ (такихъ пропусковъ особенно много въ перечисленіи историческихъ сочиненій), но многіе обзоры составлены слишкомъ небрежно, поверхностно, даже тенденціозно, упоминая не о томъ, что дѣйствительно заслуживаетъ вниманія, а о томъ, что нравится или просто попалось на глаза составителю обзора. Не слѣдовало бы также этимъ составителямъ говорить о своихъ собственныхъ произведеніяхъ, какъ это дѣлаетъ Вачковскій, называя, въ отчетѣ о чешской литературѣ, свою исторію этой литературы тщательно обработаннымъ (elaborate) трудомъ. Это хотя и справедливо, но лучше было бы, если бы это сказали другіе, а не самъ авторъ. Исторія русской литературы въ 1885 году разсказана Николаемъ Стороженко на восьми столбцахъ. За 1884 годъ обзоръ писалъ Михаилъ Ачкинази (см. «Историческій Вѣстникъ», т. XIX, стр. 448). Но отъ перемѣны автора, обзоръ не выигралъ ни въ ясности, ни въ полнотѣ. Авторъ замѣчательныхъ статей о Шекспирѣ, хорошей книгѣ о Робертѣ Гринѣ и другихъ произведеній на русскомъ языкѣ, не далъ себѣ труда, при составленіи отчета о родной литературѣ для иностранцевъ, познакомиться съ нею поближе и далъ объ ней очень смутное понятіе, когда, напротивъ, отчетъ этотъ для англичанъ слѣдовало бы обработать гораздо тщательнѣе. Мы упрекаемъ иностранцевъ, и не напрасно, что они плохо знакомы съ Россіей, а тутъ сами русскіе даютъ о своей литературѣ свѣдѣнія поверхностныя, очевидно, понадернутыя на скорую руку, откуда пришлось. Статья г. Стороженко начинается съ исчисленія потерь, понесенныхъ нами въ прошломъ году, но и здѣсь, не говоря о пропускѣ въ некрологѣ такихъ лицъ, какъ Карновичъ, говорится о поэтѣ Гербелѣ, умершемъ вовсе не въ прошломъ году и извѣстномъ вовсе не поэтическимъ дарованіемъ, и больше всего не о Кавелинѣ или Костомаровѣ, а о Терновскомъ, профессорѣ Кіевской духовной академіи (г. Стороженко, кажется, самъ кіевскій профессоръ), затѣмъ очень много говорится о другомъ кіевскомъ профессорѣ Кистяковскомъ. Собственно литературный отчетъ начинается съ извѣстія, что нашъ популярный сатирикъ Салтыковъ-Щедринъ выказалъ «особенную дѣятельность» (это въ прошломъ-то году, когда онъ больше шести мѣсяцевъ былъ боленъ!). Затѣмъ послѣ нѣсколькихъ словъ о Л. Н. Толстомъ, о Григоровичѣ, авторъ предсказываетъ великую и блестящую будущность г. Короленко и увѣряетъ, что «сильное впечатлѣніе» произвели повѣсти г. Муравлина (псевдонимъ молодаго писателя изъ самой аристократической фамиліи въ Россіи, — прибавляетъ г. Стороженко). Но если г. Короленко дѣйствительно обнаружилъ талантъ, то г. Муравлинъ произвелъ впечатлѣніе развѣ только бездарностью своихъ разсказовъ. Странно также называть поэтовъ Надсона и Фруга учениками Некрасова, будто бы берущихъ «соціальные вопросы предметомъ своихъ пѣснопѣній и выражающихъ благородныя стремленія возрастающаго поколѣнія». Но если еще пессимистъ Надсонъ, воспѣвающій личныя страданія и субъективныя ощущенія, касается иногда общественныхъ вопросовъ, то ужъ жидовствующаго Фруга, плачущаго постоянно о своемъ родномъ Сіонѣ, никакъ нельзя назвать представителемъ стремленій молодаго поколѣнія. Въ обзорѣ собственно историческихъ сочиненій не встрѣчается явныхъ неточностей, хоть и тутъ дѣло не обходится безъ пристрастія къ своему муравейнику, и для чего-то упоминается, что гг. Антоновичъ и Лучицкій—профессора кіевскіе, тогда какъ о другихъ не считается нужнымъ замѣчать, къ какому университету они принадлежатъ. Не мѣшало бы также автору наблюсти и за корректурой рус-

скихъ именъ, а то трудно узнать Грота и Чуйко въ писателяхъ Giot и Tchinko. Къ чему также такія восхваленія компиляціи еврея Бліоха о финансахъ Россіи? О книгахъ по отдѣлу философіи, путешествій, географіи, военныхъ наукъ, математическихъ, по естественнымъ наукамъ, изящнымъ искусствамъ, критикѣ — ни одного слова. Врядъ ли не только англичанинъ, но и коренной русскій вынесетъ какое нибудь опредѣленное понятіе о русской литературѣ въ 1885 году по статьѣ г. Стороженко.

— Англичане занимаются Россіей болѣе всего потому, что она теперь сосѣдка Индіи, конечно, посредствомъ Афганистана. Но эту страну Англія имѣетъ полное основаніе считать вассальною и принадлежащею къ Индійской имперіи, хотя называетъ покамѣстъ эмира только другомъ и союзникомъ. Объ отношеніи Россіи къ Индіи вышли три сочиненія, написанныя отъявленными руссофобами. Вамбери, въ сочиненіи «Наступающая борьба за Индію» (The coming strugle for India), предсказываетъ Англіи неминуемое вторженіе русскихъ въ англо-индійскія владѣнія, но успокоиваетъ ее тѣмъ, что русскія войска слабы и безсильны. Газеты очень довольны такимъ выводомъ и подтверждаютъ, что хотя русскіе солдаты храбро дерутся, но у нихъ нѣтъ ни хорошихъ полководцевъ, ни порядочной военной администраціи; поэтому они способны побѣждать только нецивилизованныя націи, а въ столкновеніи съ европейскими арміями всегда терпѣли и будутъ терпѣть пораженія. Газета «Spectator», выводя изъ этого заключеніе, что Россія не опасна ни Иондіи, ни Европѣ, снисходительно прибавляетъ, что, побѣждая дикарей, русскіе, всетаки, приносятъ пользу, принося побѣжденнымъ нѣкоторые плоды цивилизаціи. Другая брошюра о томъ же предметѣ, принадлежащая Марвину, написавшему уже 16 брошюръ о Россіи, называется «Русскія силы при нападеніи на Индію» (Russian's power of attacking India). Авторъ ея не съ такимъ оптимизмомъ, какъ Вамбери, относится къ индійскому вопросу и, признавая также неминуемость вторженія, приводитъ мнѣніе русскихъ генераловъ, будто бы говорившихъ ему: «У васъ, англичанъ, 75 тысячъ войска для поддержанія порядка между 250 милліонами туземцевъ, часть которыхъ ненавидитъ васъ. Въ случаѣ войны вы очутитесь между этими 250 милліонами враждебныхъ туземцевъ и 250-ти тысячною русскою арміею. Поэтому, при всей вашей храбрости, численное превосходство позволитъ намъ всегда проникнуть въ Индію». Для предупрежденія этого, Марвинъ совѣтуетъ своимъ соотечественникамъ, «по примѣру русскихъ, не соблюдающихъ никакихъ трактатовъ по принципу», немедленно занять Гератъ и силою воспротивиться дальнѣйшему движенію русскихъ, пока они еще не дошли до границъ Индіи. Третья книга Росселя «Опасности Индіи и обязанности Англіи» (India's danger and England's duty)—произведеніе спекуляціи. Это не болѣе какъ ходячія фразы, понадерганныя изъ газетныхъ статей о коварствѣ Россіи, ея страсти къ завоеваніямъ, о ея угрозахъ Индіи. Тутъ же историческіе и этнографическіе очерки Россіи, Индіи, Афганистана. Въ краткомъ біографическомъ очеркѣ покойнаго императора не упомянуто объ освобожденіи имъ крестьянъ, и въ Россіи насчитывается всего 60 милліоновъ жителей. Къ книгѣ приложены портреты Скобелева, генерала Комарова и Лемсдена.

— Французы продолжаютъ заниматься нашею литературою и въ особенности Л. Н. Толстымъ. Въ «Revue politique et littéraire» напечатано его «Дѣтство» и «Отрочество». Въ «Nouvelle Revue» помѣщена лекція лучшаго критика Франціи Сарсе, предварительно читанная имъ публично. Онъ гово-

рить, что молодежь сходить съума отъ новаго генія, и находитъ это совершенно естественнымъ. Сарсе сознается, что онъ никогда не читалъ ничего подобнаго. «Это сама жизнь широкая, разнообразная». Критикъ нѣсколько разъ повторяетъ, что русскіе очень добры, любятъ человѣчество, правду, имѣютъ идеалы, чужды мелочности. Для доказательства превосходства «Анны Карениной» передъ французскими романами, съ подобнымъ же содержаніемъ, онъ беретъ сцены изъ нихъ, сравниваетъ съ сценами русскаго романа и отдаетъ предпочтеніе Толстому. Переводъ «Карениной» разошелся въ Парижѣ въ огромномъ количествѣ экземпляровъ.

— Французское историческое общество издало «Мемуары маршала Виллларса» (Mémoires du maréchal de Villars), этого лучшаго французскаго полководца начала XVIII столѣтія, который былъ, правда, разбитъ и раненъ при Мальплаке, но, пожалованный Людовикомъ XIV герцогомъ и перомъ, спасъ Францію въ сраженіи при Дененѣ и принудилъ имперцевъ заключить Раштадтскій миръ. Мемуары его давно уже изданы въ трехъ частяхъ аббатомъ Маргонъ, но въ нихъ маршалу принадлежитъ только первая часть, остальныя составлены по различнымъ документамъ того времени. Теперь историческое общество собрало и возстановило подлинный текстъ мемуаровъ по найденнымъ автографамъ. Они начинаются 1670-мъ годомъ и оканчиваются 1743-мъ, за годъ до смерти Вилларса. Первая часть ихъ, заключающая въ себѣ любопытныя подробности о царствованіи Людовика XIV, составлена по воспоминаніямъ автора и историческимъ даннымъ, но, начиная съ 1715 года, мемуары представляютъ почти дневникъ, точный и подробный, всѣхъ событій, въ которыхъ маршалъ принималъ участіе. Издатель Вогюэ дополняетъ и исправляетъ въ примѣчаніяхъ многія извѣстія, сообщаемыя авторомъ, для чего пользуется его обширною корреспонденціею и другими достовѣрными источниками.

— Не менѣе интересны «Подлинные мемуары Маріи Манчини, принцессы Колонна» (Véritables mémoires de Marie Mancini, princesse de Colonna). Подложныя записки этой племянницы Мазарини, на которой чуть не женился Людовикъ XIV, вышли еще при жизни ея и короля, въ Кельнѣ, но, кромѣ двухъ-трехъ вѣрныхъ фактовъ, въ нихъ нѣтъ ничего историческаго: это не болѣе какъ разсказъ о многочисленныхъ любовныхъ похожденіяхъ героини, прославившейся веселою жизнью въ Неаполѣ; да еще бо̀льшая часть этихъ похожденій вымышлены. Въ самомъ изложеніи «Записокъ» видно явное подражаніе бывшему тогда въ модѣ эротическому памфлету «Любовная исторія Галліи». Вышедшіе теперь мемуары несомнѣнно подлинные, но страдаютъ другаго рода недостаткомъ: стараются всѣми средствами обѣлить героиню и представляютъ настоящую апологію, если не написанную, то внушенную самою Манчини. Понятно, что жена великаго конетабля Неаполя рисуетъ совершенно безупречною свою далеко не примѣрную жизнь, хотя Марія Манчини, умершая 76 лѣтъ, была, всетаки, лучше своихъ сестеръ: Гортензіи, разведенной съ своимъ мужемъ герцогомъ Мельере, и Анны, герцогини Бульонской, замѣшанной въ дѣлѣ объ отравленіяхъ 1680 года.

— Вышелъ вторымъ изданіемъ серьёзный трудъ Обе «Церковь и государство во вторую половину третьяго вѣка (L'église et l'état dans la seconde moitié du III siècle, 249—284). Авторъ беретъ эту эпоху за основаніе своихъ изслѣдованій потому, что въ это время рѣшился для государства вопросъ, быть ему или не быть христіанскимъ. О событіяхъ этой эпохи, ро-

ковой для язычниковъ, историки ихъ хранятъ почти абсолютное молчаніе; свѣдѣнія объ ней приходится почерпать только у гагіографовъ Кипріана, Сурія, Метафраста и у болландистовъ. Авторъ не считаетъ, впрочемъ, ихъ показаній неоспоримыми документами, но признаетъ за послѣдними преслѣдованіями христіанъ, при Траянѣ, Деціи, Валеріанѣ рѣшающее значеніе. Новая религія безспорно содѣйствовала разложенію Римской имперіи, но ее далеко не замѣнили основавшіяся на развалинахъ ея варварскія государства, хотя и принявшія христіанство. Авторъ строго критически относится къ изображаемой имъ эпохѣ, не увлекаясь никакимъ пристрастіемъ, представляя только несомнѣнныя и провѣренныя наукой данныя.

— Вышла первая часть интересной и для Россіи книги Георга Вендта, «Германизація странъ къ востоку отъ Эльбы» (Die Germanisierung der Länder östlich der Elbe). Страны эти, гдѣ теперь звучитъ исключительно нѣмецкая рѣчь, были еще въ историческія времена заселены сплошными славянскими племенами. Но съ тѣхъ поръ, какъ это засвидѣтельствовали Адамъ Бременскій, Гельмольдъ и другіе лѣтописцы, прошло много лѣтъ, и послѣдующіе историки говорятъ объ этихъ странахъ уже какъ о нѣмецкихъ, не упоминая о томъ, какъ онѣ постепенно онѣмечились. Лѣтъ десять тому назадъ Бётгеръ коснулся этого вопроса въ своемъ сочиненіи: «Епархіальныя и областныя границы сѣверной Германіи» (Diözesen-und Gaugrenzen Norddeutschland), но больше съ топографической и лингвистической стороны. Исторической точки зрѣнія коснулся только Вендтъ въ вышедшей нынѣ книгѣ. Изо всѣхъ наплывовъ германскаго элемента въ заэльбскія страны, авторъ признаетъ особенно важными переселенія нѣмцевъ, совершившіяся въ XII и XIII вѣкѣ, преимущественно въ послѣднемъ. Но авторъ утверждаетъ, что первоначально эти страны до Вислы въ I и II вѣкѣ были заняты германскими племенами, оставившими ихъ не потому, чтобы ихъ тѣснили славяне, но потому, что Римская имперія предлагала германцамъ болѣе цвѣтущія мѣстности въ своихъ владѣніяхъ. Въ IX вѣкѣ на прежнихъ нѣмецкихъ поселеніяхъ за Эльбой были уже одни славяне, дальнѣйшее распространеніе которыхъ къ западу остановилъ только Карлъ Великій. Но у славянскихъ племенъ того времени, жившихъ въ родовомъ союзѣ, не было никакой верховной власти и, только прійдя въ соприкосновеніе съ франками, славяне стали избирать себѣ вождей цѣлаго племени. Но, враждуя съ племенами, не признававшими надъ собою никакой твердо установленной власти, германцы до XII вѣка не заботились о распространеніи своего вліянія на земли, занятыя славянами. Только со смерти Лотара началось систематическое стремленіе нѣмцевъ подчинять своей власти заэльбскія племена, водворяя между ними нѣмецкія колоніи. На этой эпохѣ останавливается замѣчательное изслѣдованіе Вендта.

— Жизнь одного изъ дѣятелей на поприщѣ распространенія германства и христіанства въ XIII вѣкѣ разсказываетъ Адольфъ Кохъ въ своей біографіи «Германа фон-Зальца, магистра нѣмецкаго ордена» (Hermann von Salza, Meister des deutschen Ordens). Первоначальные подвиги этого нѣмецкаго крестоносца мало извѣстны. Исторія застаетъ его владѣтелемъ юго-восточной части Семиградья, уступленной ордену венгерскимъ королемъ Андреемъ, послѣ того, какъ она была опустошена дикими племенами Куmanовъ. Потомъ онъ участвовалъ въ крестовомъ походѣ въ Палестинѣ и Египтѣ, гдѣ, въ 1219 году, взялъ Даміетту; въ Италіи исполнялъ дипломатическія

порученій императора Фридриха IV. Герцогъ Кондрадъ Мазовецкій призвалъ его—защитить польскія земли отъ нападеній прусскихъ, то-есть славянскихъ язычниковъ. Оказавъ императору огромную услугу тѣмъ, что онъ примирилъ его съ папою, Зальцъ разбилъ язычниковъ и, уступая просьбамъ ордена Меченосцевъ въ Лифляндіи и Эстляндіи, которыхъ сильно тѣснилъ датскій король Вольдемаръ, произвелъ сліяніе этого ордена съ нѣмецкимъ. Но роль Зальца, какъ примирителя въ спорахъ имперіи съ церковью, гораздо значительнѣе.

— Исторія постоянно идетъ впередъ даже въ такихъ изслѣдованіяхъ, которыя кажутся вполнѣ исчерпаны и о которыхъ сказано послѣднее слово. Такъ, по отношенію къ Карлу V, классическій трудъ Робертсона, хотя и появившійся въ концѣ прошлаго столѣтія, считался достаточнымъ для опредѣленія характеристики этого императора и, однако, въ послѣднее время открыто столько новыхъ документовъ, относящихся къ его царствованію, что появившаяся въ концѣ прошлаго года «Исторія Карла V» (Geschichte Karls V) страсбургскаго профессора Германа Баумгартена оказывается далеко не лишнею. Вышелъ только первый томъ этого замѣчательнаго труда, обнимающій первыя двадцать лѣтъ XVI столѣтія. Авторъ начинаетъ съ изслѣдованія: была ли мать Карла, несомнѣнно безумная въ 1529 году, такою въ младенчество своего сына? Но ни этотъ вопросъ, ни оцѣнка событій, имѣвшихъ вліяніе на воспитаніе ребенка, не разъяснены окончательно и Баумгартеномъ. Но характеръ молодаго Карла, его неблагодарность къ кардиналу Именесу, его пренебрежительное отношеніе къ Испаніи, тронъ которой онъ готовился занять, не зная въ то время ни одного слова поиспански, его отношенія къ нидерландамъ и швейцарцамъ—все это авторъ изображаетъ вѣрно и рельефно, также какъ его избраніе и первыя шесть лѣтъ его управленія. Отдѣльныя характеристики личностей этой эпохи: Лютера, папы Льва X, Макіавелли, кардинала Вольсея—также удались автору. Много новаго сообщаетъ онъ о политическихъ затрудненіяхъ этого времени. Книга написана ясно и вполнѣ литературно.

— Государственные архивы, переставшіе быть государственною тайною только въ наше время, открылись для интересныхъ изслѣдованій вслѣдствіе обнародованія документовъ, сдѣлавшихся общимъ достояніемъ. Недавно вышла составленная Эдуардомъ Вертгеймеромъ «Исторія Австріи и Венгріи въ первое десятилѣтіе XIX столѣтія» (Geschichte Oesterreichs und Ungarns im ersten Jahrzehnt des 19 Jahrhunderts). Книга составлена по неизданнымъ источникамъ, хранящимся въ парижскомъ архивѣ, и заключаетъ въ себѣ собственно исторію отношеній Австріи къ Франціи. Не смотря на то, что объ этой эпохѣ имѣются уже два сочиненія: Беера «Десять лѣтъ австрійской политики 1800—1810») и Фурнье «Исторія австрійской дипломатіи отъ 1801 до 1805 года», Вертгеймеръ нашелъ въ архивахъ еще много интересныхъ и неизвѣстныхъ документовъ: главные изъ нихъ относятся къ характеристикѣ эрцгерцога Карла, котораго авторъ уже черезчуръ восхваляетъ, разсказывая съ излишнею подробностью о послѣднихъ стычкахъ, гдѣ участвовалъ эрцгерцогъ, и посвящая въ то же время сраженію при Маренго нѣсколько строкъ. Это еще было бы умѣстно въ отдѣльной біографіи эрцгерцога, а не въ «Исторіи Австріи». Нельзя также доказывать миролюбіе Наполеона и его желаніе жить въ дружбѣ съ Австріей депешами такихъ свидѣтелей, какъ Талейранъ и Іосифъ Бонапарте. Но, не смотря на

односторонность выводовъ и нѣкоторыхъ сужденій, книга Вертгеймера представляетъ въ новомъ свѣтѣ многія стороны дипломатическихъ сношеній въ началѣ нашего вѣка, двуличную политику Меттерниха, интриги Стадіона, Гаугвица и др. Свидѣтельство Меттерниха объ удивительныхъ способностяхъ эрцгерцога Карла, какъ великаго государственнаго дѣятеля, доказываетъ скорѣе придворное угодничество министра, нежели дѣйствительныя заслуги брата австрійскаго императора.

— «Европейское согласіе въ восточномъ вопросѣ» (The European Concert in the Eastern Question). Ни одна изъ книгъ въ послѣдніе мѣсяцы не возбудила столько благопріятныхъ отзывовъ въ англійской печати, какъ этотъ трудъ профессора Голланда. Газета «Times» посвятила передовую статью этой книгѣ—явленіе, составляющее въ лондонской прессѣ цѣлое событіе. Книга между тѣмъ представляетъ собственно лишь сборникъ трактатовъ, регулирующихъ такъ называемый восточный вопросъ, и краткое указаніе на исторію этого регулированія. Секретъ же радушнаго пріема книги британской публикой и печатью заключается въ томъ, что авторъ ея подборомъ трактатовъ и отдѣльныхъ статей, а также хроникой международныхъ переговоровъ, наглядно указываетъ на постепенный переходъ восточнаго вопроса въ руки Европы изъ рукъ Россіи. На насъ, конечно, такая исторія должна производить совершенно обратное впечатлѣніе, а англичане радостно поздравляютъ Голланда съ успѣшнымъ доказательствомъ, что теперь безпокойный восточный вопросъ попалъ уже окончательно въ зависимость отъ Европы. Книга подраздѣляется на отдѣлы, посвященные вопросамъ—греческому, критскому, египетскому, сирійскому и балканскому. Греческое возстаніе въ двадцатыхъ годахъ послужило намъ поводомъ впервые пригласить Европу обсудить нужды и просьбы греческаго народа. Нессельроде въ 1823 году предложилъ великимъ западнымъ державамъ изыскать средства къ «парализированію революціонной партіи въ Греціи», и въ слѣдующемъ году собралась въ Петербургѣ конференція представителей Россіи, Пруссіи Австріи и Франціи. Англія впослѣдствіи прислала въ Петербургъ герцога Веллингтона, съ спеціальной миссіей договориться съ Николаемъ I о рѣшеніи греческаго спора съ Турціей. Такимъ образомъ судьба Греціи съ перваго же возникновенія вопроса о воскресеніи греческаго народа была отдана по нашему почину въ руки Европы, которая и закрѣпила свое вліяніе надъ Греціей рядомъ международныхъ трактатовъ. Рѣшеніе участи Самоса и Крита въ 1830 году было поручено лондонской, т. е. общеевропейской конференціи. Владѣтель Египта Мехмедъ-Али въ 1832 году подступилъ побѣдоносно къ Константинополю. Россія спасла Порту, ея столицу и султана, заключивъ съ Турціей союзъ и назначивъ Мехмедъ-Али губернаторомъ Египта, Кандіи и Сиріи. Все это было условлено въ блистательномъ Ункіаръ—Скелесійскомъ договорѣ. Въ 1839 году, Мехмедъ-Али снова возсталъ противъ султана. Россія, Франція, Пруссія и Австрія устроили конференцію по египетскимъ дѣламъ въ Лондонѣ. Одновременно та же конференція въ Лондонѣ по почину Пальмерстона занялась организаціей Сиріи, находящейся и понынѣ подъ особымъ протекторатомъ Европы. На Балканскомъ полуостровѣ мы видимъ Австрію, дважды занимающую силой территорію Сербіи (1719 и 1799 г.г.), Турцію, стремящуюся потушить сербскую зарю свободы, и Россію, адріанопольскимъ договоромъ въ 1830 году, обезпечивающую автономію Сербіи и династію Милана Обреновича. Сербія попала въ руки Европы впервые только

на парижскомъ конгрессѣ послѣ севастопольскаго погрома. Конгрессъ этотъ объявилъ надъ Сербіей «коллективную гарантію державъ». Черногорія въ 1706 году сама отдала себя подъ покровительство Россіи; Австрія впослѣдствіи не разъ настаивала на принадлежности Черногоріи туркамъ. Этотъ споръ явился даже на парижскій конгрессъ и, наконецъ, въ 1858 году, Европа, учредивъ международную конференцію по черногорскому вопросу въ Константинополѣ, забрала въ свое вѣдѣніе и это орлиное гнѣздо балканскихъ славянъ. Наконецъ, наши и европейскія отношенія къ Болгаріи — еще не зажившая рана, и потому не требуютъ напоминаній.

Интересно, между прочимъ, сопоставленіе двухъ приговоровъ одного и того же европейскаго ареопага по вопросамъ объ устройствѣ болгарскаго народа и австрійской окупаціи Босніи и Герцеговины. Болгарія и Румелія, освобожденныя тяжкой жертвой русскаго народа, были еще заняты нашей арміей. Европа немедленно постановила на берлинскомъ конгрессѣ, что русское оккупаціонное войско не должно превышать 50 тысячъ солдатъ, состоящихъ изъ шести дивизій пѣхоты и двухъ дивизій кавалеріи, и что эта маленькая армія не имѣетъ права оставаться въ освобожденной ею странѣ долѣе девяти мѣсяцевъ. Между тѣмъ, тотъ же конгрессъ, благословляя Австрію на оккупацію Босніи и Герцеговины, ни однимъ словомъ не обмолвился, какое количество войскъ австро-венгерская держава имѣетъ право держать въ этихъ провинціяхъ и долго ли продолжится ея оккупація. Тутъ Европа отказалась даже отъ тѣни контроля, и назначила оккупацію безсрочную. Далѣе, единокровная и единовѣрная Россія, сражаясь за болгаръ, разумѣется должна была и устроить ихъ, а между тѣмъ, берлинскій конгрессъ тщательно опредѣляетъ, какимъ образомъ должны быть положены начала организаціи освобожденнаго Россіей народа, и вездѣ приставляетъ къ русской власти въ Болгаріи европейскихъ совѣтниковъ, блюстителей и контролеровъ. Австрія же входила въ Боснію и Герцеговину съ насиліемъ, поливая свою дорогу кровью туземнаго славянскаго населенія. Какъ католическая и нѣмецко-мадьярская держава будетъ устраивать судьбы православно-славянскаго народа?—Европа объ этомъ и не позаботилась. Въ заключеніе приводимъ изъ поучительной книги профессора Голланда существенную часть текста такъ называемой кипрской конвенціи въ качествѣ образчика безцеремонности англійской политики. Биконсфильдъ, за весьма сомнительную и больше платоническую помощь Турціи въ ея послѣднюю войну съ Россіей, взялъ въ благодарность прекрасный греко-турецкій островъ Кипръ. Конвенція объ этой уступкѣ имѣетъ слѣдующее юмористическое содержаніе: Англія обѣщаетъ союзъ противъ Россіи въ защиту азіатскихъ владѣній Порты, ни однимъ словомъ не опредѣляя своей будущей помощи Турціи; послѣдняя же обязуется совершить неизвѣстно какія реформы въ своемъ внутреннемъ управленіи и, въ видѣ гарантіи этихъ совершенно неопредѣленныхъ реформъ, вручаетъ въ полное владѣніе Англіи островъ Кипръ. Владѣніе это, впрочемъ, небезконечно: по шестой статьѣ дополнительной конвенціи Англія передаетъ Кипръ обратно Турціи, тотчасъ какъ Россія возвратитъ ей Карсъ и прочіе города, села и земли, завоеванные въ 1877—1878 году. Какой великій контрастъ между этой грубой шуткой, прикрывавшей самый несправедливый захватъ со стороны Англіи и нашей обычной чувствительностью къ мнѣнію и интересамъ Европы!

— «Люди нынѣшняго царствованія». (Men of the Reign). Томъ въ тысячу двадцать восемь страницъ мелкой печати, посвященныхъ тремъ тыся-

чамъ именъ людей, умершихъ въ пятидесятилѣтнее царствованіе королевы Викторіи и чѣмъ либо прославившихся въ качествѣ гражданъ Великобританіи,—служитъ прекраснымъ доказательствомъ, что широко развитая общественная жизнь въ государствѣ есть лучшее лекарство противъ безлюдья на всѣхъ аренахъ человѣческой дѣятельности. Авторъ этого словаря Уардъ готовитъ изданіе другаго тома столь же обширнаго, подъ заглавіемъ «Men of the time», содержащій въ себѣ также не менѣе трехъ тысячъ именъ выдающихся англійскихъ дѣятелей на поприщѣ искусства, науки и государствовѣдѣнія, благополучно пребывающихъ въ семъ мірѣ по сей день. Итого, въ одно полустолѣтіе Англія имѣла болѣе шести тысячъ своихъ гражданъ, чѣмъ либо добрымъ и полезнымъ въ общественной жизни обезпечившихъ по себѣ добрую память отечества: такое богатство «людьми»—самый ясный отвѣтъ на причины всемірнаго могущества британскаго вліянія. Уардъ пользуется почтенной извѣстностью въ качествѣ усерднаго и добросовѣстнаго труженика науки. Онъ собралъ въ названной книгѣ настоящую сокровищницу своей родины, давъ въ ней благодарнѣйшій матеріалъ для всякаго, желающаго ознакомиться съ прошедшимъ полустолѣтіемъ англійской исторіи. Краткіе біографическіе очерки людей этого полустолѣтія разсказываютъ въ лицахъ исторію и всѣ особенности англійскаго строя жизни. Напримѣръ, умершій въ 1883 году, Робертъ Мофа, простой садовникъ Манчестера, проникся желаніемъ служить меньшему брату, уѣхалъ въ дикія страны Африки, посвятилъ себя всецѣло христіанско-миссіонерской дѣятельности, проживъ съ этой цѣлью среди дикихъ племенъ двадцать три года безвыѣздно, и въ 1,870 году, разбитый, усталый и больной возвратился въ Англію. Какъ же встрѣтило его отечество? Эдинбургскій университетъ съ почетной депутаціей предложилъ Мофа дипломъ на степень доктора теологіи; библейское общество избрало его постояннымъ вице-президентомъ, а нація поднесла старику 5,800 фунтовъ (60 т. р.), т. е. полное обезпеченіе жизни, и, наконецъ, колоніальное правительство Англіи учредило въ Вечуанѣ семинарію туземныхъ пасторовъ, давъ ей на вѣчныя времена имя «училища Роберта Мофа»... Также щедро Англія относится къ своимъ національнымъ изобрѣтателямъ. Джонъ Руссель, инженеръ, умершій въ 1882 году, лѣтъ сорокъ тому назадъ задумалъ примѣнять къ кораблямъ машины по системѣ зубчатыхъ колесъ (Wave System); Англія дала ему средства для невѣроятнаго числа опытовъ— для двадцати тысячъ. За то и граждане умѣютъ служить отечеству. Такъ, Англія, конечно, никогда не забудетъ Смитовъ, основателей ея гордости—Британскаго музея, которому Смиты уступили богатѣйшія коллекціи за четверть ихъ стоимости, отказывая въ продажѣ ихъ чужимъ странамъ, предлагавшимъ огромныя деньги; трудно перечесть имена всѣхъ англичанъ, принесшихъ великія жертвы въ музеи и библіотеки ихъ отечества; самое громкое имя въ этомъ отношеніи принадлежитъ графу Эльджину, который издержалъ свое полмилліонное состояніе на вырытіе, покупку и перевозку скульптурныхъ древностей Греціи въ Англію. За это отечество обезсмертило его, давъ привезеннымъ мраморамъ названіе «эльджинскихъ», а на Востокѣ до сихъ поръ вспоминаютъ графа какъ главнаго разорителя мѣстныхъ сокровищъ древности. Теперь же сокровища эти — собственность Британскаго музея. Въ книгѣ Уарда не забыты и люди коммерціи, прославившіеся тѣмъ или другимъ общественнымъ дѣломъ. И купцы «націи торгашей» нерѣдко совершали совсѣмъ не барышническіе поступки. Робертъ Кодель, напримѣръ, издатель

романовъ Вальтеръ-Скотта, послѣ его смерти далъ его семьѣ на уплату долговъ 30 тысячъ фунтовъ, т. е. 300 тысячъ рублей на наши деньги.

— «Очеркъ Чарльса Джорджа Гордона» (A Sketch of Charles George Gordon). Недавно въ Лондонѣ торжественно открытъ домъ попечительства надъ бѣдными дѣтьми, выстроенный и учрежденный на деньги, собранныя по подпискѣ въ память генерала Гордона, убитаго при взятіи Хартума полчищами Махди. Популярнѣйшій скульпторъ Англіи Бэмъ выставилъ и ре красный мраморный бюстъ Гордона; правительство заказало грандіозный памятникъ Гордону, который поставятъ на одной изъ лучшихъ и центральнѣйшихъ площадей Лондона; фотографическія карточки Гордона во всѣхъ магазинахъ и во всѣхъ англійскихъ альбомахъ; наконецъ, начиная съ февраля въ каталогахъ заглавій вновь вышедшихъ книгъ, имя Гордона встрѣчается на каждой страницѣ. Маколей собралъ, все что написано и говорено о Гордонѣ, все, что писалъ и говорилъ онъ самъ и, съ двумя портретами «христіанскаго героя», снятыми въ молодости и незадолго до смерти, издалъ объемистую книгу. Англія не даромъ чествуетъ память покойнаго генерала. Судьба и личность его замѣчательны. Отецъ Гордона былъ извѣстный служака генералъ-лейтенантъ, мать—единственная дочь богатаго негоціанта, корабли котораго первыми явились подъ англійскимъ флагомъ въ Тихомъ океанѣ. Прадѣдъ Гордона, шотландецъ, служилъ при Петрѣ Великомъ въ Россіи. Жизнь Гордона мы уже очертили въ прошломъ году. Благотворительность Гордона была истинно христіанская и трогательная: онъ не засѣдалъ въ обществахъ, не говорилъ рѣчей, но, узнавъ о чьей нибудь нуждѣ, являлся и тотчасъ, безъ разсужденій помогалъ. Въ своемъ домѣ онъ пользовался лишь одной комнатой; въ прочихъ жили бѣдные, убогіе, больные и нѣсколько десятковъ мальчиковъ; съ послѣдними онъ занимался самъ, училъ грамотѣ; китайскій императоръ подарилъ Гордону огромную сумму. Онъ немедленно роздалъ ее своимъ бывшимъ войскамъ. Принимая постъ суданскаго губернатора, Гордонъ отказался отъ обычнаго жалованья въ 10 тысячъ фунтовъ, назначивъ себѣ только 2 тысячи. Въ Африкѣ и Суданѣ онъ употреблялъ всѣ силы для уничтоженія рабства, а въ Индіи не остался лишь потому, что не могъ согласиться съ чиновнической системой эксплоатаціи туземцевъ. А вотъ и образчикъ Гордоновскихъ воззрѣній на войну: «Народъ,—писалъ онъ,—къ сожалѣнію, имѣетъ черезчуръ слабое понятіе о томъ, что такое война. Это организованныя убійства, грабежъ и жестокость. Притомъ всѣ эти ужасы нерѣдко обрушиваются не столько на сражающихся, сколько на женщинъ, дѣтей и престарѣлыхъ. Война самое грубое и страшное дѣло». Гладстонъ провозгласилъ Гордона «христіанскимъ героемъ». Публика, заинтересованная трагической смертью генерала, быстро ознакомилась съ біографіей этой прекрасной личности и въ нѣсколько мѣсяцевъ было собрано болѣе 300 тысячъ рублей для увѣковѣченія памяти героя. Одна изъ крупныхъ суммъ подписки внесена китайскимъ императоромъ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Аудіенція архимандриту Петру при назначеніи его въ 1858 году настоятелемъ русской посольской церкви въ Константинополѣ.

РХИМАНДРИТЪ Петръ, въ мірѣ Платонъ Алексѣевичъ Троицкій, въ 1858 году изъ ректоровъ кіевской духовной семинаріи назначенъ былъ настоятелемъ русской посольской церкви въ Константинополѣ и предъ отправленіемъ туда вызванъ былъ въ Петербургъ, гдѣ и удостоился имѣть аудіенцію у покойнаго государя императора Александра Николаевича. Аудіенція эта описана самимъ архимандритомъ Петромъ и заслуживаетъ полнаго вниманія по тѣмъ взглядамъ и желаніямъ, какіе высказалъ покойный государь императоръ въ отношеніи грековъ и болгаръ Балканскаго полуострова и ихъ распрей между собою. Приводимъ самое описаніе этой аудіенціи, сдѣланное архимандритомъ Петромъ.

«8-го іюня 1858 года.

«Нынѣ мнѣ приказано было представиться его величеству государю императору и ея величеству государынѣ императрицѣ послѣ обѣдни.

«Такъ какъ государь императоръ послѣ обѣдни изволилъ производить смотръ полку черкесовъ, то меня позвали тотчасъ послѣ обѣдни въ Китайскую залу. Государыня, принявъ наскоро представлявшихся къ ней дамъ и какого-то посланника въ Китайской залѣ, благоизволила пригласить меня въ свою пріемную и здѣсь, разспросивши меня о моей должности и монастырѣ (древнихъ образахъ его) моемъ, изволила говорить о томъ, что константинопольскій патріархъ не такъ хорошо расположенъ къ Россіи, какъ другіе. Я одобрилъ другихъ патріарховъ. Она, намекнувши мнѣ о трудностяхъ положенія моего, благоизволила пожелать

мнѣ счастія и успѣха. Государыня удивительно быстро спрашиваетъ, едва успѣешь отвѣчать; говоритъ порусски хорошо, но нѣсколько затрудняется въ прінсканіи словъ. Чудная царица! Удивительно какъ кстати соединены въ ней доброта съ царственною серьёзностію.

«Послѣ пріема у государыни (продолжавшагося съ 1/4 часа), я былъ отведенъ въ пріемную государя императора. Тутъ я засталъ до 10 генераловъ. Половина изъ нихъ была принята прежде меня и очень скоро. Потомъ позвали меня. Государь быстро и крайне ласково подошелъ ко мнѣ и, взявши за руку, удостоилъ дозволенія поцѣловать его руку и поцѣловалъ мою. Затѣмъ непосредственно благоволилъ спрашивать меня: «Съ охотой ли я ѣду въ Стамбулъ?» Я отвѣчалъ: «Покоряюсь своему жребію». — «Вамъ лучше ѣхать; вы знаете Востокъ, вы знаете погречески—ихъ новый языкъ». Я отвѣчалъ: «Восемь лѣтъ безъ практики въ языкѣ я многое забылъ [1]) (государь посмотрѣлъ пристально)... но скоро могу научиться и вспомнить».—«Гдѣ вы были на Востокѣ?» Я пересчиталъ св. мѣста и города, къ нимъ относящіеся.—«Прекрасно, вы многое знаете, я на васъ, батюшка, надѣюсь» (я чуть не упалъ на колѣни). «Скоро ли ѣдете?»—Мой отвѣтъ: «Какъ только распорядятся моимъ отправленіемъ синодъ и министерство». Послѣ этого государь императоръ благоволилъ открыть предо мной дѣло въ длинной, живой, умной и искренней рѣчи. Ахъ, какъ жаль, что я не могу пересказать ее слово въ слово; виной тому, какъ осязательная важность и новость самыхъ мыслей, такъ и то, что непосредственно послѣ аудіенціи повели меня по всему дворцу, и я невольно развлекся... Главныя мысли этой рѣчи:

«А. Ваше положеніе, — такъ началъ государь, — весьма трудное и щекотливое:

«1) Надобно почтительно обходиться съ греками и покровительствовать славянамъ.

«2) Обстоятельства восточной церкви тяжелы и сомнительны: обижаютъ турки, раздражены до крайности болгары, подкапывается пропаганда, возмущая однихъ противъ другихъ. Турки двумъ послѣднимъ событіямъ очень радуются. Намекъ былъ.

«3) И на другія трудности, коихъ смолчанная мысль: Россія не имѣетъ уже того вліянія, какое имѣла до непріятной для насъ катастрофы войны восточной (эта мысль особенно мнѣ развита графомъ Адлербергомъ предъ аудіенціей у императора и какимъ-то прекраснымъ господиномъ предъ аудіенціей у императрицы).

«Б. Греки слишкомъ своеобразно понимаютъ дѣла церкви своей и этимъ раздражаютъ христіанъ (разумѣются православные) негреческаго происхожденія:

«1) Греки себя только считаютъ достойными должностей, почестей, а забываютъ другихъ;

«2) Стѣсняютъ образованіе лицъ негреческаго происхожденія;

«3) Много ищутъ своихъ пользъ и часто несправедливо и корыстолюбиво;

«4) Заняты своей національностью и оттого не понимаютъ своихъ общихъ истинныхъ пользъ и блага и спокойствія церкви.

«В. Мнѣ нужно единство церкви. (Эти слова три раза повторены впродолженіе рѣчи). Все это надобно, батюшка, вамъ внушать имъ

---

[1]) За восемь лѣтъ передъ тѣмъ архимандритъ Петръ путешествовалъ на Востокъ для поклоненія святымъ мѣстамъ. Примѣч. ред.

и дѣйствовать съ осмотрительностью и благоразуміемъ. Эта мысль раскрыта очень серьёзно и съ большими для меня уполномочіями. При этомъ я собирался возражать и опустилъ глаза. Государь, замѣтивъ это, орлинымъ полетомъ налетѣлъ на моё помышленіе и быстро спросилъ:—«Батюшка, понимаете ли вы, что я вамъ говорю?»—«Совершенно понимаю, ваше величество»,—былъ отвѣтъ мой. Затѣмъ опять легкое повтореніе главной мысли съ заключеніемъ: «Я надѣюсь, что все это вы постараетесь и съумѣете исполнить»—«Сколько силъ есть, буду стараться исполнять приказанія вашего величества,—отвѣчалъ я.

«и Г. Если греки не захотятъ понимать васъ во всемъ этомъ, то скажите имъ, что, какъ намъ извѣстно, пропаганда приготовила уже всѣ средства къ ослабленію и помраченію церкви греческой. Намъ непріятно будетъ видѣть торжество пропаганды. Надѣюсь, Богъ не допуститъ до этого. Прощайте, батюшка! Да благословитъ васъ Богъ! Желаю вамъ успѣха!»... (Опять цѣловались въ руку).

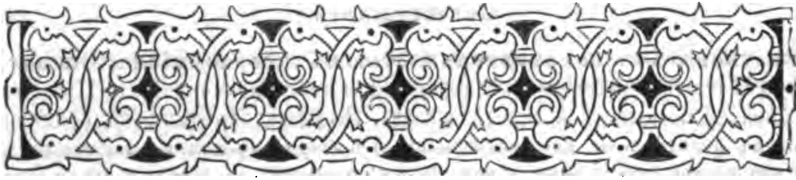
«Всѣ эти мысли были высказаны государемъ императоромъ въ такомъ полномъ и округленномъ образѣ выраженія и логическомъ ходѣ, что я боюсь, не согрѣшилъ ли, такъ разанализировавши его рѣчь. Во всю эту рѣчь я видѣлъ во взорѣ и лицѣ государя самаго искренняго, добрѣйшаго и нѣжнѣйшаго отца... Да благословитъ его Господь Богъ всѣми благословеніями благъ небесныхъ и земныхъ! Аминь.

«Тотчасъ послѣ аудіенціи приказано было вести меня по всему царскому дворцу и саду. Дворецъ во всей подробности показанъ мнѣ былъ услужливымъ и добрымъ гофъ-фурьеромъ; но отъ осмотра сада я рѣшительно отказался. Усталъ отъ столь разительныхъ, въ высшей степени пріятныхъ впечатлѣній.

«Да будетъ благословенъ Господомъ день сей!»

Сообщено Н. И. П.

СМѢСЬ.

БЩЕСТВО любителей древней письменности. Въ послѣднихъ засѣданіяхъ Общества любителей древней письменности, Д. Ѳ. Кобеко прочиталъ рефератъ «Русскія свѣдѣнія о Мервѣ, начиная съ XVII вѣка». Н. П. Барсуковъ представилъ иконописный складень, работы иконописца Галандскаго. На средней доскѣ этого складня изображенъ Покровъ Пресвятой Богородицы, а надъ нимъ изображеніе св. Троицы въ образѣ трехъ ангеловъ; на лѣвой доскѣ — св. великомученица Екатерина и ниже — Анна пророчица, а на правой — апостолъ Петръ и ниже св. мученица Ѳекла. А. П. Барсуковъ сдѣлалъ сообщеніе о рукописномъ сборникѣ XVII вѣка, вновь пріобрѣтенномъ графомъ С. Д. Шереметевымъ. Затѣмъ были представлены на разсмотрѣніе членовъ Общества Н. В. Султановымъ изготовленныя имъ для печати изображенія въ краскахъ изразцовъ церкви с. Останкина и Н. В. Покровскимъ — первые оттиски хромолитографическихъ списковъ съ византійскихъ эмалей коллекціи А. В. Звенигородскаго, подробное иллюстрированное описаніе которой печатается. Въ музей Общества поступили, между прочими, слѣдующія пожертвованія: отъ Ю. Б. Иверсена — оттиски съ 47-ми досокъ, собственноручно гравированныхъ императоромъ Николаемъ I; отъ Н. П. Барсукова — XXI выпускъ «Странствованій Василія Григорьевича Барскаго по святымъ мѣстамъ Востока съ 1723 по 1747 годъ», издаваемыхъ православнымъ палестинскимъ Обществомъ, подъ редакціею Н. П. Барсукова; отъ Н. В. Султанова — скорописныя купчая и отпускная второй половины XVII вѣка; отъ князя П. П. Вяземскаго — рукописная Александрія XVIII вѣка; пергаментный листокъ; пять изображеній всероссійскихъ патріарховъ; писанное красками на картонѣ изображеніе Богородицы и составленный П. А. Гильтебрандтомъ «Справочный и объяснительный словарь къ Новому Завѣту», шестая и послѣдняя часть котораго только что вышла изъ печати; отъ А. А. Васильчикова — старинный подносъ прошлаго столѣтія; фотографическій снимокъ съ писаннаго художникомъ Орловскимъ акварельнаго портрета великаго князя Константина Павловича и фотографическій снимокъ съ двухъ фрагментовъ хранящейся въ ризницѣ новгородскаго Знаменскаго собора золотой цѣпи, оставленной монастырю царемъ Иваномъ Грознымъ и его сыномъ Иваномъ Ивановичемъ въ 1572 году, въ память ливонскаго похода, какъ это значится въ надписи, сдѣланной на сохранившихся фрагментахъ; отъ П. А. Гильтебрандта — шесть серебряныхъ

монетъ, найденныхъ на пахатномъ полѣ близь села Ижморы, Керенскаго уѣзда, Пензенской губерніи.

Археологическое Общество. Въ послѣднемъ засѣданіи отдѣленія русскаго археологическаго Общества князь П. А. Путятинъ сообщилъ о произведенныхъ имъ нынѣшнимъ лѣтомъ раскопкахъ на восточномъ берегу Бологовскаго озера (Новгородской губерніи, Валдайскаго уѣзда). Указавъ на результаты изслѣдованій западно-европейскихъ ученыхъ въ области первобытной археологіи и палеонтологіи, референтъ не согласился признать начало превращенія видовъ, настойчиво проводимое въ археологическихъ изслѣдованіяхъ французскаго ученаго Мартилье, и, отрицая возможность превращенія обезьяны въ человѣка, обратилъ вниманіе на различіе въ строеніи человѣческаго черепа въ разныя эпохи его развитія. Референту удалось отыскать въ названной мѣстности слабо развитый черепъ первобытнаго человѣка и цѣлую массу полированныхъ и отбивныхъ орудій изъ кремня—стрѣлъ, наконечниковъ копій, скребковъ разнообразныхъ типовъ палеолитической и неолитической эпохъ, также глиняной посуды съ орнаментомъ, костей мамонта, костяныхъ орудій и проч. Второе сообщеніе профессора Н. И. Барсова имѣло своимъ предметомъ богослужебныя пѣснопѣнія раскольниковъ въ первой половинѣ XVIII вѣка. До большаго московскаго собора 1667 года расколъ жилъ преимущественно борьбою, усиліями остаться церковью; послѣ же этого собора начинается въ расколѣ организація общинной жизни, строеніе догматики, завершившееся поморскими отвѣтами, распространеніе разныхъ сочиненій и гимнологическое творчество. Начало этого творчества относится къ первой четверти XVIII вѣка, и первымъ раскольничьимъ гимномъ слѣдуетъ признать составленную около 1719 года стихиру на погребеніе Петра Прокопьева; изъ Выговскихъ скитовъ гимнологическое творчество перенесено было въ Москву. По своему содержанію гимнологія эта распадается на двѣ группы: въ однихъ пѣснопѣніяхъ проходятъ общехристіанскіе сюжеты, другія посвящены прославленію раскольническихъ святыхъ. По формѣ—одни прозаическія, представляющія пародіи гимнологическихъ типовъ православной церкви, другія—стихотворныя, иногда исполненныя поэтическаго чувства и обнаруживающія удачное приспособленіе къ обстоятельствамъ, вызвавшимъ ихъ составленіе. Для примѣра докладчикъ представилъ анализъ пѣснопѣній на погребеніе Андрея Денисова (на тему «Пріидите, ублажимъ Іосифа приснопамятнаго»), стихиръ на Рождество Христово, Пасху и другіе праздники, стихиры безпоповцу Ковылину, пѣтой при его погребеніи и отличающейся теплотою чувства и оригинальностью содержанія. Въ заключеніе профессоръ Барсовъ отмѣтилъ нѣсколько именъ раскольничьихъ пѣснотворцевъ: Скачкова, Григорія Иванова, Алексѣя Родіонова и Андрея Озерскаго, съ указаніемъ составленныхъ ими пѣснопѣній. Я. И. Зарницкій сообщилъ о древней деревянной церкви въ селѣ Кусяги, Новоладожскаго уѣзда, построенной въ XVII вѣкѣ. Не смотря на свою обветшалость и неоднократныя реставраціи, церковь эта сохранила въ себѣ слѣды древности въ устройствѣ средней части, сооруженной въ видѣ прямоугольнаго сруба, расширеннаго въ верхнихъ частяхъ, въ устройствѣ восьмискатной крыши и въ орнаментикѣ. Въ церкви уцѣлѣли нѣкоторыя принадлежности старинной утвари: свѣча поставная съ растительнымъ орнаментомъ XVII вѣка, хоругвь, оловянные сосуды, жестяные вѣнцы, напрестольный деревянный крестъ, церковныя одежды и проч. Въ восточномъ отдѣленіи этого Общества профессоръ Н. И. Веселовскій, возвратившійся изъ археологической поѣздки въ Туркестанскій край, сдѣлалъ очеркъ всеобщаго невѣжественнаго суевѣрія тамошняго мусульманскаго населенія, не исключая и мнимо-ученыхъ представителей этого населенія, муллъ. Однимъ изъ крайне грубыхъ знаковъ этого невѣжества служитъ распространенное употребленіе базубендовъ, т. е. амулетовъ, въ видѣ длиннаго свитка съ написанною на немъ молитвою, который въ особомъ футлярчикѣ носится на рукахъ, какъ браслетъ, или же на шеѣ. Въ предисловіи къ этой молитвѣ разсказанъ любопытный по нелѣпости чудесный случай объ одной жертвѣ двойнаго прелюбодѣянія, помилованной на томъ свѣтѣ, благодаря содѣйствію упомянутой молитвы, рекомендуемой всѣмъ, чающимъ избавленія отъ вѣчныхъ мукъ ада, а также отъ разныхъ непріятныхъ случаевъ въ здѣшней жизни. Затѣмъ А. М. Позднѣевъ, В. Д. Смирновъ и А. Я. Гаркави сдѣлали сообщеніе о содержаніи разнообразныхъ семи надписей: первый—китайско-

монгольской надписи на китайской пушкѣ, принадлежащей музею артиллерійскаго вѣдомства; второй—турецкой надписи на кольчужныхъ поручняхъ, хранящихся въ томъ же музеѣ, а третій—египетской надписи на древней печати, пріобрѣтенной В. С. Голенищевымъ во время его поѣздки въ Египетъ вмѣстѣ съ другими вещами временъ Камбиза. Въ этомъ же засѣданіи предъявлены были фотографическіе снимки съ надгробныхъ камней съ несторіанскими надписями, полученные изъ Пишпека.

Трость и картузъ Петра Великаго. Въ царицынской городской управѣ хранятся картузъ и трость, принадлежавшіе Петру I. Въ 1723 году, на возвратномъ пути изъ низоваго похода, Петръ проѣздомъ посѣтилъ Царицынъ. На принесенную гражданами жалобу о предполагаемомъ выселеніи ихъ изъ Царицына, императоръ, снявъ съ головы своей картузъ и вручая его дворянству и жителямъ города, сказалъ: «Какъ никто не смѣетъ картузъ сей снять съ головы моей, такъ никто не смѣетъ васъ изъ Царицына выводить». Въ то же время Петръ вручилъ царицынцамъ одну изъ традиціонныхъ дубинокъ при слѣдующихъ словахъ: «Вотъ вамъ трость. Какъ я управлялся ею съ друзьями своими, такъ вы обороняйтесь ею отъ враговъ вашихъ». Картузъ сшитъ изъ полутонкаго, сѣраго цвѣта сукна, на шелковой подкладкѣ. Фасонъ его напоминаетъ невысокую кучерскую шляпу, безъ полей, съ пришитыми къ ней наушниками и козырькомъ. Сукно на картузѣ, не смотря на свою древность, сохранилось довольно хорошо; только одинъ наушникъ, другой же, какъ передаютъ старожилы, украденъ вмѣстѣ съ козырькомъ. Злоумышленники, по словамъ старожиловъ, были пойманы, судимы и понесли заслуженное наказаніе. Но похищенныхъ наушника и козырька при нихъ не оказалось. Трость, чинароваго дерева, въ длину около 9 четвертей, діаметръ ея въ рукояткѣ около $^3/_4$, въ нижнемъ концѣ около $^1/_4$ вершка. Около рукоятки просверлена маленькая дырочка, пониже ея небольшой сукъ около трехъ вершковъ въ длину и немного менѣе полувершка въ поперечникѣ. Въ дырочку, вѣроятно, продергивался ремень или тонкая цѣпочка, а сучокъ служилъ вмѣсто крючка для шапки. Картузъ и трость Петра I, какъ драгоцѣнный памятникъ посѣщенія императоромъ города, хранятся въ особо устроенномъ шкафѣ, стоящемъ въ присутственной комнатѣ городской управы. Картузъ лежитъ подъ стекляннымъ колпакомъ на бархатной малиноваго цвѣта подушкѣ. Около подушки стоитъ трость.

Тамбовская архивная коммиссія. Въ послѣднемъ засѣданіи ученой тамбовской коммиссіи, предсѣдатель ея заявилъ, между прочимъ, что елатомскій землевладѣлецъ, г. Ломоносовъ, прислалъ въ коммиссію значительное количество весьма интересныхъ столбцовъ, писанныхъ въ XVII столѣтіи и началѣ XVIII. Эти столбцы тщательно списаны и описаны; въ одной склейкѣ указанныхъ столбцовъ заключается челобитная дѣвицы Анны Шиловской, осиротѣвшей послѣ конотопскаго погрома, царю Ѳеодору Алексѣевичу. Шиловская жалуется: «отца моего, государь, убили въ Конотопѣ, на твоей царской службѣ, а жеребья мнѣ по немъ не даютъ»... Въ другой склейкѣ говорится о нѣкоторыхъ повинностяхъ жителей села Любовникова въ самомъ началѣ XVIII вѣка: «села Любовникова съ 3-хъ дворовъ на строеніе избъ по Невѣ рѣкѣ взято по 4 алтына и по 5 денегъ со двора»... Много и еще сдѣлано мѣстными жителями приношеній въ архивную коммиссію; предсѣдатель ея имѣлъ возможность снять копію съ весьма интереснаго и рѣдкаго документа, съ челобитной ельчанъ на великаго боярина Ивана Никитича Романова, роднаго дядю царя Михаила Ѳеодоровича. Челобитная устанавливаетъ замѣчательнѣйшій и утѣшительнѣйшій фактъ того высокаго народнаго довѣрія къ безпристрастію и праведности царскаго суда. Бояринъ Иванъ Никитичъ Романовъ, старинный тамбовскій вотчинникъ, имѣвшій обширныя земли и угодья въ западной части нынѣшней Тамбовской губерніи, въ уѣздахъ Липецкомъ, Лебедянскомъ и Усманскомъ, и боярскую резиденцію въ Романовѣ городищѣ (нынѣ село Романово), слишкомъ широко, по обычаямъ XVII вѣка, пользовался своими боярскими и вотчинными полномочіями. Вслѣдствіе этого въ 1627 году отъ елецкихъ и окрестныхъ жителей послѣдовала на царское Михаила Ѳеодоровича и патріаршее Филарета Никитича имя соборная челобитная отъ чернаго и бѣлаго духовенства, отъ служилыхъ всякаго чина, торговыхъ и всѣхъ мірскихъ людей... Царь внимательно отнесся къ жалобѣ: посланы были царскіе думные люди и около года производили

слѣдствіе. Дѣло кончилось миромъ, нарушенная тишина возстановилась съ пользою для обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ.

Предсѣдатель упомянулъ также о челобитной на царское Петра Алексѣевича имя воронежскаго святителя Митрофанія, къ епархіи котораго принадлежала западная часть Тамбовской губерніи. Святитель жаловался царю на жителей тамбовскихъ селъ, въ особенности на жителей села Мокраго Боерака, что они его не слушаютъ и архіепископской его власти не признаютъ. И по этой челобитной велѣно было непокорныхъ жителей смирить и въ покорность воронежскому владыкѣ привести.

Въ приложеніяхъ къ журналу коммиссіи помѣщенъ любопытный списокъ 7208 (1699) года ноября съ грамоты патріарха Адріана Арзамасскаго Спасскаго монастыря архимандриту Павлу о розыскѣ по нѣкоторымъ неблаговиднымъ противъ нравственности поступкамъ духовенства и мірянъ города Темникова и его уѣзда.

Памятники старины Астраханской губерніи. Въ предѣлахъ Астраханской губерніи извѣстны три археологическія мѣстности, именно: колоссальное городище Сараева, около города Царева, городище Селитряное и такъ называемые Шареные Бугры, находящіеся выше села Хохлацкаго. Въ дѣйствительности, мѣстъ, имѣющихъ археологическое значеніе, несравненно больше, и они находятся какъ на лѣвой, киргизской, такъ и на правой, калмыцкой сторонѣ, а равно и въ границахъ дельты Волги. Такъ, на островахъ Волги можно указать немало мѣстъ, обслѣдованіе которыхъ весьма важно для исторіи края XVIII вѣка. Объ одномъ изъ здѣшнихъ озеръ (по мѣстному— ильмень) Шацы (Мухуръ-Шада) существуетъ преданіе, гласящее, что еще въ концѣ прошлаго столѣтія на мѣстѣ теперешняго огромнаго ильменя находились кочевыя мѣста калмыковъ. На лѣвой, киргизской сторонѣ находится между другими интересными мѣстами — гора Богдо, о которой существуетъ много разсказовъ среди калмыковъ. У одного изъ мѣстныхъ любителей рѣдкостей есть небольшая коллекція кремневыхъ осколковъ, носящихъ несомнѣнные слѣды искусственной обработки; всѣ эти остатки, кремневыя орудія человѣка, добыты въ недавнее время въ пескахъ около киргизской ставки Рынъ-Пески. Много слѣдовъ прошлой жизни встрѣчается и въ нагорной или калмыцкой сторонѣ, именно на окраинахъ теперешнихъ кочевокъ калмыковъ. Еще болѣе богата археологическими матеріалами юго-западная окраина калмыцкой степи, а именно мѣстность по Манычу. Здѣсь площадь на нѣсколько десятковъ верстъ усѣяна курганами различной величины, болѣе или менѣе однообразнаго вида. Преобладающая форма манычскихъ кургановъ яйцевидная, причемъ всѣ они своею заостренною, пологою стороной обращены на югъ. У нѣкоторыхъ изъ нихъ на верхушкахъ находятся небольшія возвышенія, у другихъ же, напротивъ, углубленія, на концѣ, на третьихъ, усѣченныхъ — площадь выложена битымъ бѣлымъ камнемъ (родъ известняка). Нѣкоторые изъ кургановъ имѣютъ до 10 саженъ высоты, а въ окружности около 100 саж., но есть курганы высотой въ аршинъ и въ окружности сажени двѣ-три. Манычскіе курганы стоятъ группами, въ числѣ 2—3 и болѣе, причемъ большіе курганы высятся среди множества малыхъ. По разсказамъ мѣстныхъ жителей, при разрываніи кургановъ, въ однихъ открывали глиняныя урны, въ другихъ склепы изъ тонкаго широкаго кирпича; на вершинахъ нѣкоторыхъ изъ кургановъ до послѣдняго времени стояли чаще зарытыя до половины въ землю, грубыя изваянія, сдѣланныя изъ бѣлаго камня. Изуродованные остатки подобныхъ изваяній можно видѣть въ селеніи Бислюрта, гдѣ находятся четыре громадные осколка, образовавшіеся изъ двухъ разбитыхъ статуй. Они добыты крестьянами изъ кургановъ въ окрестностяхъ селенія и теперь служатъ для разныхъ надобностей: на однихъ моютъ бѣлье, другими подпираютъ плетни.

Статуя Рамзеса. Въ египетскомъ городѣ Санѣ найдены недавно различныя части колоссальной статуи Рамзеса II. Судя по этимъ частямъ, эта статуя должна была быть больше всѣхъ, до сихъ поръ извѣстныхъ; украшена короною и гербомъ нижняго Египта и съ задней стороны обведена пилястромъ. По нѣкоторымъ частямъ тѣла, напримѣръ, по ушамъ, можно заключить, что этотъ колоссъ имѣлъ отъ ногъ до головы 98 футовъ высоты, считая же вмѣстѣ съ пьедесталомъ—около 115 футовъ, причемъ весь былъ высѣченъ изъ цѣльнаго куска. Большой палецъ на ногѣ былъ длиною въ 8 дюймовъ. Что

найденная статуя есть обелискъ изъ цѣльнаго камня,—въ этомъ не можетъ быть и сомнѣнія, такъ какъ въ древнія времена большія статуи всегда высѣкались изъ цѣльныхъ камней. Во всякомъ случаѣ, статуя эта величайшая и самая тяжелая, которую знали до настоящаго времени; по вычисленіямъ, одна фигура должна была вѣсить 700 тоннъ, вмѣстѣ же съ пьедесталомъ и прочими частями до 1.200 тоннъ, что можетъ показаться почти невѣроятнымъ. При Схезганкѣ III эта статуя была разсѣчена на куски и употреблена на постройку, вслѣдствіе чего и остались отъ нея только нѣкоторыя части.

† 3-го января въ Кіевѣ послѣдній изъ поэтовъ пушкинской эпохи Александръ Ивановичъ Подолинскій. Онъ родился въ 1806 году, въ Кіевѣ, гдѣ провелъ первые года молодости; воспитаніе получилъ въ благородномъ пансіонѣ при Петербургскомъ университетѣ, по выходѣ откуда вступилъ въ гражданскую службу, занимаясь въ то же время и литературой. Развитію страсти въ Подолинскомъ къ литературѣ и вообще къ искусствамъ послужили малорусскія сходки, на которыхъ видную роль игралъ М. И. Глинка. Первое произведеніе Подолинскаго — поэма «Дивъ и пери» — вышла въ свѣтъ въ 1827 году и была встрѣчена похвалами. Успѣхъ ея послужилъ къ сближенію поэта съ Пушкинымъ и Дельвигомъ. Мелкія стихотворенія Подолинскій помѣщалъ въ «Сѣверныхъ цвѣтахъ 1828—1830 г.». Въ 1830 году, вышла его поэма «Нищій», а въ 1829 году стихотворная повѣсть «Борскій». Въ 1831 году, онъ переѣхалъ, въ Одессу. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ помѣстилъ рядъ стихотвореній въ «Библіотекѣ для Чтенія» (Смерть Пери), въ «Сѣверной Пчелѣ» и «Одесскомъ Вѣстникѣ». Въ 1837 году, вышло въ свѣтъ собраніе сочиненій А. И. Подолинскаго подъ названіемъ «Повѣсти и мелкія стихотворенія». Поѣздка его въ Крымъ послужила къ цѣлой серіи стихотворныхъ пьесъ, помѣщенныхъ въ періодическихъ изданіяхъ. Съ 1839 года литературная дѣятельность Подолинскаго прекратилась, и только въ 1855 году онъ напечаталъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» стихотвореніе «Къ союзникамъ». Полное собраніе сочиненій А. И. Подолинскаго издано Устряловымъ въ 1860 году (въ 2-хъ томахъ).

† 19-го декабря, въ Петербургѣ знатокъ изящныхъ искусствъ и критикъ по художественной части Апполонъ Михайловичъ Матушинскій, 62 лѣтъ. Онъ родился въ Харьковѣ и былъ тамъ членомъ губернской земской управы, причемъ, съ другимъ членомъ той же управы, дважды являлся въ Петербургъ депутатомъ харьковскаго земства съ ходатайствомъ къ правительству о построеніи харьково-азовской желѣзной дороги. Съ 1870 по 1885 г. Матушинскій служилъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ начальникомъ отдѣленія въ департаментѣ общихъ дѣлъ (гдѣ были сосредоточены высшія дворянскія и земскія дѣла). Въ это время онъ сдѣлалъ нѣсколько поѣздокъ по Европѣ и напечаталъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» рядъ капитальныхъ статей о всемірныхъ художественныхъ выставкахъ въ Мюнхенѣ, Вѣнѣ и Парижѣ. Удостоенный званія почетнаго вольнаго общника, онъ на выставкѣ въ Парижѣ являлся въ качествѣ эксперта по присужденію наградъ экспонентамъ изящныхъ произведеній. Въ это же время велъ отдѣлъ художественной критики въ «Голосѣ» подъ псевдонимомъ «Эмъ» и напечаталъ рядъ писемъ о русскихъ художникахъ за границею въ «Правительственномъ Вѣстникѣ». Кромѣ того, въ послѣднее время, Аполлонъ Михайловичъ участвовалъ въ «Вѣстникѣ Изящныхъ Искусствъ». Три года назадъ онъ оставилъ службу, вслѣдствіе болѣзни провелъ цѣлый годъ въ Палермо и другихъ южныхъ городахъ Европы, лечился въ Карлсбадѣ и Виши и, выдержавъ въ Парижѣ тяжелую операцію въ печени, скончался отъ истощенія силъ, перешедшаго въ скоротечную чахотку. Въ послѣдніе годы онъ усердно работалъ, въ качествѣ члена особой коммиссіи при академіи художествъ, по дѣлу устройства музеевъ изящныхъ искусствъ въ городахъ Россіи вообще, въ Харьковѣ въ особенности, и кончилъ жизнь въ день опубликованія извѣстія, что труды этой коммиссіи увѣнчались успѣхомъ. Матушинскій свои богатыя собранія книгъ, картинъ и другихъ художественныхъ предметовъ, завѣщалъ родному своему городу Харькову.

† Въ Ялтѣ профессоръ церковной археологіи въ Московской духовной академіи, докторъ церковной исторіи Иванъ Даниловичъ Мансветовъ. Въ средѣ ученыхъ онъ пользовался извѣстностью, благодаря своимъ многочи-

сленнымъ трудамъ, посвященнымъ церковной исторіи и археологіи. Изъ трудовъ, изданныхъ имъ въ послѣднее время, въ особенности выдается «Церковный уставъ» (типикъ), доставившій автору званіе доктора церковной исторіи. Болѣе половины докторской диссертаціи написано было авторомъ уже пораженнымъ болѣзнью легкихъ, которая около года была на столько сильно развита, что лишала возможности покойнаго исполнять профессорскую обязанность и заставила его отказаться отъ обязанностей секретаря московскаго археологическаго Общества, въ извѣстіяхъ котораго втеченіе многихъ лѣтъ Мансветовъ помѣстилъ цѣлый рядъ изслѣдованій, касающихся церковной исторіи и отечественной археологіи.

† Заслуженный профессоръ Московскаго университета, членъ-основатель «императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи» и его бывшій пожизненный президентъ, Августъ Юліевичъ Давидовъ, 22-го декабря 1885 года, 62-хъ лѣтъ. Онъ родился въ Либавѣ. Первоначальное образованіе далъ ему отецъ его, докторъ медицины. Когда родители его переселились въ Москву, Августъ Давидовъ посѣщалъ классы института для оберъ-офицерскихъ дѣтей, при воспитательномъ домѣ, а въ 1841 г. поступилъ на физико-математическій факультетъ Московскаго университета, курсъ котораго окончилъ со степенью кандидата и съ золотой медалью. Въ 1848 г., представивъ въ факультетъ сочиненіе — Теорія равновѣсія тѣлъ, опущенныхъ въ жидкость», онъ получилъ званіе магистра математическихъ наукъ. Университетъ назначилъ его адъюнктомъ, и Давидовъ началъ преподавать теорію вѣроятностей. Въ 1851 году, онъ получилъ демидовскую премію за сочиненіе, степень доктора математическихъ наукъ и утвержденъ въ званіи профессора математики. Юбилей 35-лѣтней службы его показалъ, на сколько успѣшно и многосторонне развилъ онъ свою дѣятельность, въ качествѣ не только профессора, но и общественнаго дѣятеля. При его непосредственномъ содѣйствіи возникли и жили—политехническій музей и «Общество любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи», состоялись выставки политехническая и антропологическая и введена въ программу университетскаго образованія — антропологія. Помимо того, едва ли не большая часть учителей математики по среднимъ учебнымъ заведеніямъ Россіи — все бывшіе ученики профессора Давидова, а его учебники считаются лучшими. Это былъ, несомнѣнно, полезный общественный дѣятель.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Моимъ критикамъ.

Къ послѣднему труду моему, первому тому перевода Геродота съ предисловіемъ, критика въ различныхъ органахъ нашей печати отнеслась сочувственно, что въ значительной мѣрѣ я отношу на счетъ выдающихся достоинствъ переводимаго писателя.

Признаюсь, всегда я былъ того мнѣнія, что многія сочиненія такъ называемыхъ древне-классическихъ писателей могутъ, да и должны, имѣть интересъ не для однихъ только спеціалистовъ и учащейся молодежи: не даромъ на изученіе ихъ потрачено столько труда и талантовъ, не даромъ, наконецъ, европейская литература съ такимъ неослабнымъ усердіемъ старается знакомить съ ними образованную публику посредствомъ переводовъ. Съ другой стороны, высказываемое иногда опасеніе того, какъ бы переводы греческихъ и римскихъ писателей не мѣшали правильному и успѣшному занятію ими въ школахъ,—всегда казалось намъ большимъ недоразумѣніемъ. Вмѣсто всякихъ возраженій достаточно въ этомъ случаѣ замѣтить, что изученію древнихъ языковъ въ Западной Европѣ долженъ бы давно наступить конецъ, а нашъ классицизмъ долженъ бы цвѣсти пышнымъ цвѣтомъ, если бы въ опасеніи этомъ была хоть доля основательности. Очевидно, дѣло стоитъ какъ разъ наоборотъ: наличность въ обращенія удовлетворительныхъ

переводовъ есть одно изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ къ поддержанію и распространенію въ публикѣ подобающаго интереса къ древнимъ писателямъ, а разъ такой интересъ существуетъ въ старшемъ поколѣніи, у «отцовъ», поколѣніе младшее, «дѣти», никогда не станутъ относиться къ одному изъ важнѣйшихъ предметовъ школьнаго преподаванія съ тѣмъ предубѣжденіемъ, нерасположеніемъ и нѣкоторымъ даже страхомъ, каковыя чувства съ избыткомъ засвидѣтельствованы нашей школьной практикой.

Но непремѣннѣйшимъ условіемъ перевода греческаго или римскаго писателя на отечественный языкъ кажется намъ, помимо точности передачи оригинала, возможно большая ясность и чистота рѣчи въ переводѣ. Языкъ перевода въ стилистическомъ отношеніи долженъ отвѣчать возможно полнѣе требованіямъ читателя, не долженъ оскорблять его литературнаго вкуса и привычки къ свойствамъ рѣчи оригинальныхъ отечественныхъ произведеній. Въ противномъ случаѣ никакія, самыя пламенныя и настойчивыя увѣренія специалистовъ въ стилистической прелести греческаго или римскаго писателя не въ состояніи будутъ побороть тягостнаго чувства читателя и принудить его познакомиться съ переведеннымъ сочиненіемъ отъ начала до конца. Кому изъ читателей нужна текстуальная точность переводимаго сочиненія, тотъ обязанъ обратиться къ подлиннику и только тамъ искать подлинныхъ, требующихся для него выраженій писателя.

Далѣе, переводъ изъ древнихъ писателей не можетъ обойдтись безъ примѣчаній, частью критическихъ, частью объяснительныхъ; иногда примѣчанія такого рода по необходимости принимаютъ объемъ, значительно превосходящій объясняемое мѣсто оригинала.

Снабжать переводъ такими примѣчаніями въ случаѣ непрерывнаго комментарія, слѣдующаго подъ строками текста, представляетъ, по нашему мнѣнію, важное неудобство: они отвлекаютъ и утомляютъ вниманіе читателя, нерѣдко располагающаго запасомъ свѣдѣній, достаточнымъ для общаго пониманія текста; они способны ослабить и иной разъ совсѣмъ разрушить впечатлѣніе присущихъ тексту достоинствъ. Вотъ почему мы предпочли ограничиться въ текстѣ лишь самыми необходимыми выносками подстрочными и на поляхъ, дающими читателю возможность слѣдить за ссылками самого автора на другія мѣста сочиненія, относящіяся къ тому же предмету, а также имѣть передъ собою, на мѣстѣ, годъ упоминаемаго событія или предѣлы жизни исторической личности, если таковыя извѣстны намъ съ большею или меньшею достовѣрностью. Всѣ остальныя примѣчанія мы сочли болѣе цѣлесообразнымъ внести въ указатель, тѣмъ болѣе, что этотъ послѣдній обнимаетъ не одни имена, но и важнѣйшіе предметы. Мы стараемся, конечно, дать отвѣтъ въ указателѣ по возможности на всѣ важнѣйшіе вопросы, какіе могутъ возникать у читателя при чтеніи текста. Если такой способъ объясненій писателя окажется удовлетворительнымъ, то мы намѣрены держаться его и на будущее время, въ переводахъ Ѳукидида, Полибія, а, быть можетъ и нѣкоторыхъ другихъ еще греческихъ авторовъ. Предисловіе и указатель съ примѣчаніями кажутся намъ достаточными пособіями для уразумѣнія текста, разумѣется, не во всѣхъ подробностяхъ; для этой послѣдней цѣли существуютъ труды другаго порядка, прежде всего хорошія изданія съ обстоятельными подстрочными примѣчаніями. Правда, подобныхъ изданій въ русской литературѣ почти совсѣмъ не имѣется, но въ нихъ нуждающіеся, обыкновенно надлежаще знакомы съ иностранными языками.

Что касается ороографіи собственныхъ именъ, за которую упрекаетъ меня уважаемый наставникъ мой В. И. Модестовъ, то приношу повинную: строго выдержанной системы транскрипціи собственныхъ именъ, встрѣчающихся у Геродота, у меня нѣтъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ полагаю, что и невозможно въ этомъ дѣлѣ держаться съ неуклонною послѣдовательностью одной какой нибудь системы; иначе пришлось бы стать слишкомъ смѣлымъ новаторомъ въ начертаніи такихъ именъ, съ формами которыхъ давно освоились русскіе грамотные люди. Вѣдь недавно мы прочитали въ газетахъ, что инспекторъ одной изъ кіевскихъ прогимназій, «придерживаясь системы русскаго правописанія г. Иванова, водрузилъ такую вывѣску надъ гимназіей: V гvмназіе. По распоряженію попечителя Кіевскаго учебнаго округа вывѣска снята». Относительно двугласныхъ и th мы вообще предпочита-

емъ при транскрипціи греческихъ именъ т. н. древне-греческое, или эразмовское [1]) чтеніе, какъ болѣе отвѣчающее фонетикѣ древне-греческаго языка и принятое въ гимназіяхъ и университетахъ, но съ передачею въ большинствѣ случаевъ *ai* черезъ *е* или *э*. Относительно окончаній стараемся слѣдовать такому правилу: къ основамъ прибавляемъ русскія окончанія, откуда получаются Кипръ, Самъ, Делъ, Пелопъ и т. п., но не рѣшаемся писать ни Дій вм. Зевсъ, ни Хій вм. Хіосъ, ни Периклесъ вм. Периклъ, ни Аристофанесъ вм. Аристофанъ, ни многія другія. Имена I склоненія м. р. на *as* желалъ бы неизмѣнно передавать съ окончаніемъ *a*; но какъ рѣшиться написать Аристида вм. Аристидъ, Мильтіада вм. Мильтіадъ и другія на *ades*, *ides*? Если собственно русская орѳографія оказывается далеко не установившеюся, то орѳографія греческихъ именъ представляетъ несравненно большія трудности, во многихъ случаяхъ непреодолимыя. Впрочемъ, самъ В. И. Модестовъ настойчиво указываетъ на это обстоятельство въ своемъ предисловіи къ «Словарю классической древности», Любкера; а что касается предпочтенія моего формѣ Камбиса передъ формами: Камбисъ, или Камбизъ, будто бы не оправдываемой ни греческой, ни персидской этимологіей, то замѣчу только слѣдующее: въ персидскихъ надписяхъ имя это читаютъ Kambujiya, или, какъ Оппертъ, Kamboutchya, въ греческомъ языкѣ принадлежитъ оно къ т. н. первому склоненію, т. е. имѣетъ основу, на *a*: Cambysa [2]). Мнѣніе уважаемаго профессора, что «въ языкѣ употребленіе значитъ никакъ не меньше, чѣмъ теорія», я раздѣляю вполнѣ.

Въ заключеніе считаю долгомъ дать отвѣтъ ученому критику моего предисловія къ Геродоту, помѣстившему рецензію на него въ сентябрской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» прошлаго года, за подписью А. К.,—говорю, ученому, потому что авторъ въ небольшой статьѣ обличаетъ и разностороннія научныя свѣдѣнія, и мѣткое остроуміе: ex ungue leonem... Нашъ уважаемый критикъ не согласенъ съ тѣмъ положеніемъ, что греческая литературная проза имѣла свое собственное начало, независимое отъ поэзіи; проза,—говоритъ онъ,—была и у грековъ распустившейся поэзіей. Наоборотъ, мы утверждаемъ и теперь, что въ пользу нашего мнѣнія говорятъ самые факты. Если бы греческая проза не только хронологически,—противъ чего мы не споримъ,—но и генетически слѣдовала за поэзіей, то уцѣлѣвшіе немногіе образцы ея въ видѣ фрагментовъ древнѣйшихъ историковъ и философовъ, не отличались бы такою примитивною простотою въ расположеніи и соединеніи словъ, такимъ полнымъ отсутствіемъ того, что называется синтаксисомъ; и это въ то время, когда имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи произведенія греческой поэзіи гораздо болѣе древняго періода представляютъ уже образчики мастерскаго построенія періодической рѣчи; при возникновеніи изъ поэзіи проза унаслѣдовала бы хоть отчасти тѣ успѣхи, которые достигнуты были раньше поэзіей. Защищаемое нами мнѣніе, имѣющее, конечно, силу и относительно другихъ литературъ, дѣлаетъ понятными всѣ признаки первыхъ шаговъ или опытовъ, наблюдаемые въ образцахъ древнѣйшей греческой прозы. Вліяніе поэтической литературной рѣчи на прозаическую принадлежитъ позднѣйшему времени, когда сія послѣдняя стала прочно на ноги и усиліями своихъ представителей приблизилась къ состоянію рѣчи поэтической; слѣдовательно, для воспріятія такого вліянія потребовалась собственная подготовка прозы. Главнѣйшимъ источникомъ для древнѣйшихъ прозаическихъ писателей послужили тѣ же самые прозаическіе изустные разсказы, которые ходили въ народѣ и давали матеріалъ для древнѣйшихъ поэтическихъ композицій.

---

[1]) Намъ кажется, что древне-греческое и эразмовское чтенія—выраженія далеко не синонимическія. Эразмовское чтеніе есть прежде всего чтеніе нѣмецкое, а уже потомъ греческое, и сказать, что оно «болѣе отвѣчаетъ фонетикѣ древне-греческаго языка», чѣмъ традиціонное греческое чтеніе, нельзя уже потому, что оно въ большинствѣ случаевъ совершенно произвольно. Ред.

[2]) По этому, чисто искусственному, толкованію, надобно было бы писать: Алкивіада, а не Алкивіадъ, Мильтіада, а не Мильтіадъ. До сихъ поръ греческимъ окончаніямъ мужескихъ именъ на es никто еще не придавалъ женской формы на русскомъ языкѣ, и она не оправдывалась бы ровно ничѣмъ, кромѣ принесенія въ жертву смысла очень искусственной теоріи. Ред.

Изустная поэзія переходитъ въ письменную или литературную и становится предметомъ разработки и совершенствованія раньше, нежели прозаическая, разговорная рѣчь потому, что поэзія представляла собою уже на первыхъ порахъ нѣчто особенное, выдающееся надъ уровнемъ обыденной рѣчи, отличалась такими свойствами, благодаря которымъ ее стали считать продуктомъ божественнаго вдохновенія, а творцовъ ея божественными пѣснопѣвцами. Можно указать и много другихъ случаевъ, доказывающихъ, что обыденное, близкое каждому изъ насъ удостоивается серьёзнаго вниманія труднѣе и позже, нежели отдаленное отъ насъ и особенное, рѣдкое. Для возникновенія и развитія литературной прозы у грековъ требовалось накопленіе положительныхъ знаній. усиленіе серьёзнаго интереса къ окружающимъ предметамъ и къ прошлому независимо отъ достоинствъ поэтическаго изложенія, отъ прелести художественнаго вымысла; благопріятныя условія этого рода сложились въ той части древней Греціи, въ которой наираньше развилась торговля, завязались разнородныя сношенія съ сосѣдями и съ метрополіей, накопились разнообразныя положительныя знанія. Когда эта сторона жизни пріобрѣла въ обществѣ достаточный интересъ, когда для удовлетворенія возникающихъ отсюда потребностей поэзія оказалась непригодной, тогда стали появляться на свѣтъ прозаическія сочиненія болѣе или менѣе значительнаго объема. а не однѣ надгробныя надписи, списки жертвователей, жрецовъ и т. п. Такимъ образомъ началомъ прозы послужила не поэзія, съ самыхъ первыхъ зачатковъ своихъ занявшая привиллегированное мѣсто въ жизни и никогда не составлявшая обыденнаго явленія, но дѣловыя записи, отвѣчавшія житейскимъ нуждамъ и потребности знанія.

Правда, можно указать случаи, и почтенный критикъ ихъ указываетъ, когда прозаическое изложеніе какого нибудь сказанія или легенды слѣдовало за поэтической обработкой; но это обстоятельство свидѣтельствуетъ только о томъ, что на извѣстной степени развитія публика несравненно больше интересуется поэтическимъ изложеніемъ фабулы съ его художественными прелестями, нежели записью ея въ обыденной, разговорной рѣчи. Тѣмъ не менѣе, подлиннымъ источникомъ прозы остается простая разговорная рѣчь, а обработка ея въ литературѣ вызывается не успѣхами поэзіи, но накопленіемъ въ обществѣ потребностей, для сознательнаго удовлетворенія которыхъ нужна не поэзія, ласкающая слухъ, волнующая чувство и возбуждающая фантазію, но точная прозаическая рѣчь, хотя бы въ началѣ и гораздо менѣе совершенная, нежели вдохновенное слово поэтовъ.

Вотъ тѣ немногія замѣчанія, отъ которыхъ я не считалъ себя въ правѣ воздерживаться, въ виду появившихся въ печати отзывовъ о переводѣ Геродота.

Ѳ. Мищенко.

Дополненіе къ разбору «Поморскихъ Отвѣтовъ».

По напечатаніи рецензіи о «Поморскихъ Отвѣтахъ» въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (декабрь, 1885 г., стр.) 715 я получилъ сообщенія, не имѣвшіяся у меня ранѣе въ виду и которыя не лишены интереса. Такъ единовѣрческій протоіерей Верховскій (выѣхавшій тайно изъ Петербурга) не принималъ участія въ редакціи и изданіи «Поморскихъ Отвѣтовъ». Онъ прибылъ въ Мануиловскій монастырь, когда «Отвѣты» уже были изданы г. Швецовымъ. Протоіерей Верховскій не оставлялъ единовѣрческой церкви и донынѣ не присоединялся къ старообрядчеству. Въ Мануиловкѣ онъ остался только до мая 1885 года, а затѣмъ переселился въ Дрезденъ, гдѣ и живетъ въ настоящее время. Что касается до библіотеки г. Хлудова, то она не поступила на Рогожское кладбище, а находится въ Никольскомъ единовѣрческомъ монастырѣ (въ Москвѣ), въ которомъ проживаетъ Павелъ Прусскій. Передача библіотеки въ этотъ монастырь послѣдовала по завѣщанію г. Хлудова, выражавшаго подобное желаніе свое неоднократно еще при жизни своей.

П. У.

ИВАНЪ СЕРГѢЕВИЧЪ АКСАКОВЪ.

(Некрологъ).

Января 27-го, въ 7 часовъ вечера, скончался въ Москвѣ И. С. Аксаковъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ людей настоящаго столѣтія. Смерть подкралась къ нему почти незамѣтно и застигла его на томъ же боевомъ посту, на которомъ создалось его громкое имя и завидная слава.

Самъ И. С. не собирался такъ скоро покончить земные счеты, хотя и не забывалъ о бремени лѣтъ, надъ нимъ тяготѣвшихъ и подтачивавшихъ его крѣпкое здоровье. Но не въ его правилахъ было слагать оружіе, пока оставались силы для работы, т. е. для борьбы, потому что работа была для него борьбой — неустанной, кипучей, полной одушевленія и отваги, а эта борьба — работой, призваніемъ жизни, нравственнымъ долгомъ передъ родиной. Подкрѣпившись кратковременнымъ отдыхомъ въ Крыму, втеченіе весны и лѣта прошлаго года, И. С. по возвращеніи въ Москву съ обычною бодростью принялся за свое дѣло. Всѣмъ еще памятны его блестящія статьи о событіяхъ въ славянскомъ мірѣ, его филиппики противъ нашихъ дипломатовъ, его, исполненное достоинства, объясненіе съ цензурнымъ вѣдомствомъ... Все это было недавно и все это было живымъ свидѣтельствомъ, что И. С. остается тотъ же, какимъ былъ до болѣзни — съ своимъ неувядающимъ талантомъ, съ своею пламенною рѣчью, съ своимъ даромъ страстно увлекаться и увлекать.

Есть извѣстіе, что съ весны нынѣшняго года И. С. намѣревался поставить свое изданіе иначе, чтобы обезпечить себѣ большій досугъ для приведенія въ порядокъ своего об-

ширнаго семейнаго архива (почти за 75 лѣтъ) и для изложенія своихъ воспоминаній. Въ письмѣ къ одному изъ старыхъ друзей, харьковскому профессору Безсонову, незадолго до смерти, И. С., сообщая объ этихъ планахъ своихъ, прибавилъ: «если не будетъ войны» — до такой степени была ему чужда мысль, что вотъ онъ можетъ преспокойно снять съ себя боевые доспѣхи и отдаться дѣлу, хотя и не чисто личному, даже очень нужному, но въ сторонѣ отъ текущихъ злобъ дня.

Судьба рѣшила иначе. Не прошло и полугода послѣ крымскаго отдыха, какъ недуги Аксакова возобновились. Надломленное здоровье настоятельно требовало устраненія отъ срочной утомительной работы, требовало душевнаго покоя, а тутъ какъ разъ подоспѣли событія, глубоко взволновавшія весь славянскій міръ. И. С. не могъ въ такую минуту оставаться спокойнымъ зрителемъ, тѣмъ болѣе не могъ оставить дѣла, которое лежало на немъ одномъ. И этотъ яркій свѣточъ русской мысли догорѣлъ и погасъ почти внезапно, къ великой скорби всѣхъ мыслящихъ патріотовъ русской и другихъ славянскихъ земель...

И. С. Аксаковъ, второй сынъ извѣстнаго писателя Сергѣя Тимоѳеевича Аксакова, родился въ селѣ Надежинѣ, Куроѣдовѣ тожъ, Белебеевскаго уѣзда Уфимской губ., 26-го сентября 1823 г. Черезъ три года послѣ того, семья Аксаковыхъ перебралась въ Москву, гдѣ Сергѣй Тимоѳеевичъ нѣкоторое время служилъ сперва въ должности цензора, а потомъ — инспектора межеваго училища, преобразованнаго при его ближайшемъ содѣйствіи въ Константиновскій межевой институтъ. Какъ въ эти, такъ и въ послѣдующіе годы, семья Аксаковыхъ жила попреимуществу интересами литературы и искусства. Переводчикъ Мольера, знатокъ и любитель театра, отецъ Ивана Сергѣевича былъ въ тѣсной дружбѣ съ корифеями тогдашней московской сцены, начиная Щепкинымъ. Въ то же время сотрудничество въ тогдашнихъ московскихъ изданіяхъ («Московскій Вѣстникъ» Погодина, «Атеней» — Павлова, «Галатея» — Раича, «Молва» — Надеждина и «Труды Общества любителей россійской словесности») сблизило его со многими выдающимися писателями. Гоголь питалъ къ семьѣ Аксаковыхъ, можно сказать, родственныя чувства и былъ не рѣдкимъ гостемъ Сергѣя Тимоѳеевича. При чисто русскомъ благодушіи и хлѣбосольствѣ просвѣщеннаго хозяина, домъ Аксаковыхъ сталъ въ Москвѣ оживленнымъ центромъ образованности, ума, даровитости и изящнаго вкуса.

Таковы были особенности этой русской семьи, въ атмосферѣ которой слагались первыя мысли и первыя сознательныя стремленія дѣтей Сергѣя Тимоѳеевича Аксакова. Съ другой сто-

роны, въ семьѣ Аксаковыхъ крѣпко держались патріотическія преданія суворовскаго времени (мать И. С., Ольга Семеновна, была дочь Суворовскаго генерала Заплатина) и воспоминанія двѣнадцатаго года. Эти счастливыя условія первоначальнаго воспитанія, безъ сомнѣнія, играли важную роль въ послѣдующемъ направленіи дѣятельности Ивана Сергѣевича, какъ и его старшаго брата Константина. Богато одаренный природою, отъ младыхъ лѣтъ вращаясь среди писателей, артистовъ и художниковъ, съ молокомъ матери всосавши возвышенныя патріотическія чувства, И. С. очень рано угадалъ свое призваніе. Уже на 21 году своей жизни, онъ, какъ бы провидя будущее, въ энергическихъ строфахъ высказалъ (стихотвореніе «Колумбъ», 1-го ноября 1844 г.):

Пойду впередъ съ своимъ стремленьемъ,
Исторгну помыслъ изъ глуши,
Съ неколебимымъ убѣжденьемъ,
Залогомъ искреннимъ души!
И вѣрю я: наступитъ время,—
Хоть громъ греми и вѣтеръ вѣй,—
Но долетитъ святое сѣмя
До почвы избранной своей!..
Я не страшусь суда людскаго,
Я двину смѣло мысль впередъ,
И далеко отгрянетъ слово
И слухъ внимательный найдетъ!
Крикъ близорукаго участья
Меня не тронетъ, не смутитъ...
Я равнодушно жду несчастья,
Мнѣ тайный голосъ говоритъ:
Терпи, Колумбъ, терпи и вѣдай:
На зло сомнѣнью и врагамъ,
Ты увѣнчаешься побѣдой...
Но быть грозѣ, гремѣть бѣдамъ!

Образованіе Иванъ Сергѣевичъ получилъ въ Училищѣ Правовѣдѣнія, которое тогда только что было учреждено. Первоначальныя цѣли этого училища и идеи, смутно бродившія въ его преподавателяхъ и воспитателяхъ,—идеи суда справедливаго, неподкупнаго, о чемъ тогда можно было только мечтать,—тоже не остались безъ вліянія на впечатлительную душу И. С. По окончаніи курса въ Училищѣ, онъ поступилъ на службу (въ 1842 г.) въ одинъ изъ московскихъ департаментовъ сената. Эта судебная служба была своего рода чистилищемъ для будущаго писателя: здѣсь онъ впервые лицомъ къ лицу встрѣтился съ неказистою дѣйствительностью тогдашней Руси, и уже никогда не могъ излечиться отъ первыхъ впечатлѣній дореформеннаго суда. Въ послѣдній годъ своей жизни, какъ и при началѣ писательской карьеры, И. С. не могъ безъ содроганія вспоминать видѣнное на

судебной службѣ и не могъ безъ негодованія слушать или читать хвалебные дифирамбы судебнымъ порядкамъ по образу и подобію суда дореформеннаго, предлагаемымъ въ отмѣну и замѣну суда новаго.

Изъ сената, въ сентябрѣ 1848 года, И. С. перешелъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ и былъ командированъ въ Бессарабію по нѣкоторымъ раскольничьимъ дѣламъ, причемъ имѣлъ случай основательно ознакомиться какъ съ положеніемъ раскольниковъ, со складомъ ихъ отношеній между собой и ко внѣшнему міру, такъ и съ общимъ смысломъ раскола въ русской жизни. Вскорѣ затѣмъ, И. С. былъ командированъ въ Ярославскую губернію для ревизіи городскаго управленія, для обсужденія на мѣстѣ вопроса объ единовѣріи, введенію котораго противился ярославскій архіепископъ, а также для изученія, въ составѣ особой коммиссіи, секты бѣгуновъ или странниковъ. Эта командировка дала Аксакову случай близко ознакомиться съ условіями народной жизни въ Великороссіи. Едва ли не впервые И. С. съ поразительною ясностью увидалъ тогда жизненную антитезу, раскрытіе которой составляло потомъ одну изъ главнѣйшихъ заботъ и вмѣстѣ важнѣйшую заслугу его публицистической дѣятельности. Эта антитеза: самобытное и самородное, или земское, въ русской жизни и казенное, или «казенщина», какъ онъ выражался. Вотъ любопытный фактъ, съ которымъ, встрѣтился И. С. при ревизіи городскихъ управленій Ярославской губерніи и который онъ любилъ вспоминать какъ въ своихъ статьяхъ, такъ и въ устныхъ бесѣдахъ: по полученіи въ городѣ Мологѣ, Ярославской губерніи, Екатерининской жалованной грамоты городамъ и по торжественномъ, какъ слѣдуетъ, открытіи городской думы съ городскимъ головой и гласными, жители постановили секретный общественный приговоръ такого содержанія: такъ какъ вновь учреждаемая дума имѣетъ распоряжаться лишь доходами, указанными въ законѣ, расходовать на предметы, также указанные, вообще дѣйствовать на точномъ основаніи закона, подъ контролемъ начальства, то рядомъ и одновременно съ нею имѣть негласно прежнее общественное управленіе подъ завѣдываніемъ того же городскаго головы и тѣхъ же гласныхъ, и въ распоряженіе этого негласнаго управленія предоставить небольшой капиталъ, нарочно для сего и составленный по общей раскладкѣ. Такимъ образомъ съ 1786 по 1847 г., втеченіе 61 года, существовало два городскихъ самоуправленія: одно оффиціальное, казенное, съ 4 тысячами руб. дохода; другое тайное, но въ сущности настоящее, достигшее 20 тысячъ руб. дохода; по одному велись смѣты, отчеты представлялись губернскому правленію и казенной палатѣ, по другому ве-

Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ.

лись особыя книги, въ которыхъ отчетъ отдавался самому обществу. Городъ процвѣталъ, къ удивленію всѣхъ губернаторовъ, пока, наконецъ, начальство не узнало случайно причины процвѣтанія. Узнавъ, оно предало голову суду, прекратило неказенное самоуправленіе и отдало капиталы казенному. «Городъ пришелъ въ упадокъ и довольно скоро»,—прибавлялъ, обыкновенно, И. С. вмѣсто всякихъ выводовъ...

Изученіе секты бѣгуновъ дало матеріалъ для солиднаго труда «О бѣгунахъ». Въ печати появилась только заключительная глава этого сочиненія, замѣчательнаго въ особенности характеристикой причинъ, вслѣдствіе которыхъ возникла секта.

Въ 1852 году, И. С. вышелъ въ отставку и возвратился въ Москву, къ отцу и брату, которые около того времени усердно занимались литературой [1]). Литературная дѣятельность И. С. началась, какъ упомянуто, значительно раньше, а именно его первое напечатанное стихотвореніе («Колумбъ») появилось въ № 1 «Москвитянина» за 1845 г. Кромѣ другихъ стихотвореній, къ этому же времени относится и поэма «Бродяга», по поводу которой автору, ранѣе появленія ея въ печати, именно въ 1849 году пришлось держать отвѣтъ передъ III Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи, на письменно предложенный вопросъ: «почему онъ, Аксаковъ, безпаспортнаго человѣка выбралъ себѣ въ герои»... Эти непріятности въ связи съ литературными занятіями (напримѣръ, въ 1848 г. И. С. неизвѣстно за что былъ арестованъ на нѣкоторое время), вѣроятно, ускорили рѣшимость его оставить службу, такъ какъ выбора между службой и литературой, для него не представлялось по существу его стремленій и убѣжденій.

Въ самомъ началѣ пятидесятыхъ годовъ, именно около времени возвращенія И. С. къ отцу, въ Москвѣ сплотился литературный кружокъ такъ называемой славянофильской окраски. Кружокъ имѣлъ въ виду пропагандировать свои идеи путемъ печатнаго слова. Первымъ опытомъ изданій кружка былъ «Московскій Сборникъ», предпринятый въ 1852 году. И. С. былъ редакторомъ I тома, гдѣ, между прочимъ, появилась въ отрывкахъ и упомянутая поэма «Бродяга», но на томъ и остановилось предпріятіе кружка, впрочемъ, для «Сборника», а не для И. С. Аксакова: послѣднему, по выходѣ I тома «Московскаго Сборника», дальнѣйшее продолженіе этого изданія было запрещено, съ лишеніемъ права быть и впредь редакторомъ какого бы то ни было изданія.

---

[1]) С. Т. Аксаковъ издавалъ (1847 г.) «Записки объ уженьѣ рыбы», а К. С. печаталъ диссертацію свою о Ломоносовѣ (тоже 1847 г.).

Послѣ этого въ литературной дѣятельности И. С. послѣдовалъ значительный перерывъ, которымъ онъ воспользовался для ознакомленія съ народнымъ бытомъ въ различныхъ его формахъ и проявленіяхъ. Такъ, въ 1853 году, И. С. принялъ предложеніе русскаго географическаго Общества — описать торговлю на украинскихъ ярмаркахъ. Въ концѣ 1853 года, И. С. отправился въ Малороссію и провелъ въ разъѣздахъ по ней весь слѣдующій годъ. Результатомъ этой поѣздки явилось обширное «Изслѣдованіе о торговлѣ на украинскихъ ярмаркахъ», изданное впослѣдствіи географическимъ Обществомъ (въ 1859 году). Автору географическое Общество присудило за его изслѣдованіе большую Константиновскую медаль. Академія наукъ за то же изслѣдованіе удостоила И. С. половинной Демидовской преміи. Изслѣдованіе это основывалось на фактахъ, собранныхъ, большею частью, самимъ авторомъ, такъ какъ статистическіе матеріалы, имѣвшіеся въ то время, были ниже всякой критики. По свойству задачи И. С. не могъ ограничиться однѣми малороссійскими ярмарками, но долженъ былъ обнять почти все торговое и промышленное движеніе въ тогдашнихъ главныхъ центрахъ его, такъ какъ малороссійскія ярмарки имѣли важное значеніе не только для юга, но и для сѣвера Россіи. Изслѣдованіе это познакомило И. С. съ нашимъ торговымъ сословіемъ, съ характеромъ и нуждами русской торговли. Установленное имъ различіе великоросса и малоросса, по скольку тотъ и другой со своими особенностями проявляются въ торговлѣ и въ частности на ярмаркахъ, до сихъ поръ не утратило своего интереса и значенія.

Изъ Малороссіи И. С. вернулся въ Москву въ самый разгаръ Восточной войны и вызваннаго ею патріотическаго одушевленія. Онъ добровольно поступилъ въ ополченіе, именно въ Серпуховскую дружину, бывшую подъ начальствомъ князя Гагарина. Пылкая, прямая натура И. С. и здѣсь сказалась во всей силѣ. Начальникъ дружины очень не радъ былъ имѣть подъ своимъ начальствомъ такого человѣка. Серпуховская дружина дальше Бессарабіи не пошла и въ дѣлахъ противъ непріятеля участія не принимала. При первыхъ извѣстіяхъ о мирѣ, въ мартѣ 1856 года, И. С. вернулся въ Москву; но въ маѣ того же года онъ снова отправился на югъ, именно въ Крымъ, приглашенный княземъ Васильчиковымъ участвовать въ слѣдственной коммиссіи по дѣлу о злоупотребленіяхъ интендантства во время войны. Впрочемъ, конца слѣдствія И. С. не дождался. Въ декабрѣ 1856 года, онъ возвратился въ Москву.

Извѣстно, какое тогда наступало время, какіе вопросы были выдвинуты на очередь. И. С. всецѣло посвятилъ этимъ вопросамъ свои недюжинныя силы и свой блестящій талантъ.

Въ 1858 году, онъ принялъ на себя (неоффиціально) редакцію журнала «Русская Бесѣда», оффиціальнымъ редакторомъ котораго считался А. И. Кошелевъ. Вокругъ этого органа сплотились всѣ лучшія силы такъ называемаго славянофильскаго кружка. И. С. выпустилъ III и IV томы «Русской Бесѣды» за 1858 годъ и шесть книжекъ за 1859 годъ. Въ то же время сняли съ него запрещеніе быть редакторомъ, и И. С. Аксаковъ предпринялъ съ 1859 г. изданіе еженедѣльной газеты «Парусъ». По замыслу издателя, «Парусъ» долженъ былъ служить центральнымъ органомъ славянской мысли. Но этому изданію не посчастливилось: по выходѣ двухъ первыхъ №№, оно было прекращено за нарушеніе цензурныхъ правилъ. Цензурѣ не понравилось обозрѣніе событій предшествовавшаго года и нѣкоторыя изъ стихотвореній, въ томъ числѣ и принадлежавшія самому И. С.

Весь 1860 годъ, отчасти вслѣдствіе болѣзни брата Константина Сергѣевича, котораго врачи послали умирать на островъ Занте, И. С. провелъ въ заграничномъ путешествіи, главнымъ образомъ по славянскимъ землямъ, чтобы лично ознакомиться съ выдающимися политическими и литературными дѣятелями западнаго и южнаго славянства. Между прочимъ, это путешествіе И. С. ознаменовалось извѣстнымъ эпизодомъ въ Бѣлградѣ, куда онъ привезъ «Посланіе къ сербамъ», подписанное многими, частью людьми его кружка, частью сочувствовавшими лишь нѣкоторымъ изъ его взглядовъ. Незадолго передъ тѣмъ закончившаяся итальянская война, неудача Австріи и торжество идеи національнаго объединенія итальянцевъ,—все это отразилось сильнымъ броженіемъ въ славянскихъ земляхъ. Среди сербовъ и хорватовъ усилились освободительныя стремленія относительно Босніи, Герцеговины и Старой Сербіи. И. С. былъ встрѣченъ здѣсь съ распростертыми объятіями, хотя «Посланіе къ сербамъ» въ Бѣлградѣ не понравилось.

Возвратившись въ Москву, И. С. выхлопоталъ разрѣшеніе издавать подъ своей редакціей еженедѣльную газету «День». Газета была разрѣшена ему безъ политическаго отдѣла и съ тѣмъ, чтобы цензура имѣла особое наблюденіе за этимъ изданіемъ. «День» сталъ выходить въ концѣ 1861 года, при участіи того же славянофильскаго кружка, и сразу занялъ выдающееся положеніе. «День», конечно, отводилъ видное мѣсто славянскому міру и славянскимъ дѣламъ; тогда и внѣшній былъ поводъ, потому что въ Герцеговинѣ вспыхнуло возстаніе. Но едва ли не больше славянскихъ вопросовъ занимался «День» жгучими задачами начавшагося преобразованія Россіи, такъ какъ сразу на очередь стали вопросы о крупнѣйшихъ реформахъ, какъ-то: крестьянской, судебной, земской. Наконецъ,

около того же времени зашевелилась Польша, и польскій вопросъ занялъ немаловажное мѣсто въ ряду живыхъ интересовъ русскаго общества, хотя на первыхъ порахъ лишь въ академической постановкѣ. Все это давало «Дню» множество случаевъ высказать во всемъ блескѣ одушевлявшія его высокія стремленія и надежды, пылкій энтузіазмъ его руководителя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, непоколебимую вѣру въ Россію, въ ея особое призваніе. Голосъ Аксакова, мужественный, бодрый, увлекательный и всегда нѣсколько дерзновенный, не могъ оставаться гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Это былъ одинъ изъ самыхъ оживленныхъ періодовъ дѣятельности И. С.; за нимъ окончательно упрочилась слава талантливаго, честнаго, смѣлаго вождя славянофильской партіи. Имя Аксакова стало извѣстно всей образованной Россіи и Европѣ и, какъ нынѣ выражаются, сдѣлалось политическимъ знаменемъ. Личный, рыцарски безупречный, характеръ Ивана Сергѣевича стяжалъ ему не только горячія симпатіи друзей, но и общее уваженіе противниковъ.

Изданіе «Дня» шло довольно благополучно, если не считать сравнительно маленькихъ цензурныхъ непріятностей, напримѣръ, запрещенія отдѣльныхъ статей, вслѣдствіе чего газета нерѣдко выходила безъ передовой статьи съ помѣткой лишь даты: «Москва, N. N. числа». Въ 1862 году, послѣдовала, впрочемъ, болѣе крупная непріятность, именно временное отстраненіе Аксакова отъ редакторства. Случилось это, по объясненію самого И. С., единственно вслѣдствіе того, что онъ не счелъ для себя нравственно возможнымъ объявить, какъ отъ него требовалось, имя автора одной корреспонденціи. Въ виду положительнаго закона, И. С. предпочелъ принять на себя и понести за автора отвѣтственность, но это предложеніе не было принято, и И. С. на время былъ отстраненъ отъ редакторства, съ разрѣшеніемъ передать званіе редактора Ю. Ф. Самарину, хотя фактически оставался редакторомъ самъ же И. С. Это было въ іюнѣ 1862 года, а въ октябрѣ того же года И. С—чу вновь послѣдовало разрѣшеніе издавать «День» подъ собственной редакціей. «День» просуществовалъ до конца 1865 года, когда личныя обстоятельства заставили И. С. добровольно прекратить это изданіе. Его послѣдняя передовая статья въ «Днѣ» — прощальная — заканчивалась словами:

«Прощай, читатель, и да спасетъ тебя русская правда отъ всякой иноземной лжи, которою долго еще не перестанутъ — наши аристократы и демократы, доктринеры-чиновники и нигилисты и все это старое общество—мутить поверхность нашего могучаго, величаваго, глубокаго народнаго моря».

Одновременно съ изданіемъ «Дня», И. С. принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ учрежденнаго въ 1858 г. москов-

скаго славянскаго Комитета, — при жизни Погодина въ качествѣ ближайшаго его сотрудника, а послѣ смерти Погодина въ качествѣ его преемника, по званію предсѣдателя Комитета. Этого рода дѣятельность И. С. была очень разнообразна и порой хлопотлива, не говоря уже о постоянныхъ матеріальныхъ пожертвованіяхъ, съ которыми она связывалась для самого И. С—а. Тѣмъ не менѣе до конца дней своихъ И. С. не покидалъ ея, не смотря на всѣ послѣдующія перемѣны какъ въ собственныхъ его дѣлахъ, такъ и въ судьбѣ славянскаго Комитета.

Перерывъ издательской дѣятельности на поприщѣ журналистики продолжался для И. С. одинъ годъ. Его пылкая натура была какъ нельзя болѣе на мѣстѣ въ политической газетѣ, и въ 1867 г. онъ вновь предпринялъ изданіе газеты—«Москва». Это была одна изъ самыхъ замѣчательныхъ газетъ, когда либо возникавшихъ въ Россіи. Она просуществовала съ 1-го января 1867 года по 21-е октября 1868 года, т. е. менѣе двухъ лѣтъ, и втеченіе этого короткаго времени подверглась девяти предостереженіямъ и тремъ пріостановкамъ — на три, на четыре и, наконецъ, на шесть мѣсяцевъ. Другими словами, просуществовавъ неполныхъ два года, «Москва» болѣе года (13 мѣсяцевъ) была въ пріостановкѣ. Частью во время этихъ пріостановокъ ее замѣнялъ «Москвичъ», отличавшійся отъ «Москвы» только заголовкомъ, хотя выходившій подъ редакціей (номинальной, конечно) другаго лица. Главнымъ поводомъ административныхъ гоненій на «Москву» были статьи ея противъ генерала Потапова, удивительно управлявшаго Сѣверо-Западнымъ краемъ, и противъ тогдашнихъ порядковъ въ Прибалтійскомъ краѣ, гдѣ нѣмецкое меньшинство проводило политику онѣмеченія большинства, не стѣсняясь для того самыми крутыми средствами противъ населенія. Раздраженный этими гоненіями и придирками, И. С., конечно, не всегда соблюдалъ въ своихъ статьяхъ академическій стиль, а нерѣдко чувствительно затрогивалъ самолюбіе самого министерства, къ чему немало представлялось поводовъ, особенно въ неискренней политикѣ бюрократіи относительно земскихъ учрежденій и печати. Но въ общемъ «Москва» была газетой строго выдержанной въ томъ самомъ направленіи, которое всегда отличало такъ называемый «славянофильскій» кружокъ, и которое если чѣмъ прегрѣшало противъ взглядовъ правительственной среды, то единственно развѣ допущеніемъ критики о дѣйствіяхъ самихъ правительственныхъ лицъ, въ предположеніи, что и они могутъ ошибаться. Но этого-то и не прощали «Москвѣ» вмѣстѣ съ ея независимымъ отношеніемъ къ различнымъ текущимъ вопросамъ политики. Незадолго до своей смерти, по случаю новаго столкновенія съ цен-

зурой, И. С. припоминалъ въ «Руси», безъ сомнѣнія, съ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія, что въ вопросахъ, за которые больше всего пострадала «Москва», правительство въ настоящее время само стоитъ на точкѣ зрѣнія, которую тогда защищала «Москва» и за которую это изданіе въ концѣ концовъ было запрещено.

Запрещенію «Москвы» предшествовалъ безпримѣрный въ лѣтописяхъ нашей печати процессъ, который И. С. велъ въ сенатѣ противъ тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ, генералъ-адъютанта Тимашева. Послѣдній, пріостановивши «Москву» на 6 мѣсяцевъ, согласно нынѣ отмѣненной статьѣ законовъ 1865 года о печати, вошелъ въ сенатъ съ рапортомъ о необходимости, по его мнѣнію, вовсе прекратить изданіе «Москвы». Узнавъ объ этомъ, И. С. Аксаковъ подалъ въ сенатъ прошеніе съ просьбой допустить его къ представленію, въ свою защиту, объясненій противъ министерскаго рапорта, и прошеніе это было сенатомъ уважено. Тогда И. С. по каждой статьѣ обширнаго обвинительнаго рапорта представилъ объясненія и справки въ тѣхъ видахъ, чтобы опровергнуть основную мысль обвиненія, будто «Москва» — изданіе вреднаго направленія, и въ отношеніи этого главнаго пункта обвиненія И. С. выигралъ процессъ: изъ департамента за разногласіемъ дѣло было перенесено въ общее собраніе первыхъ трехъ департаментовъ и департамента герольдіи. Но и въ общемъ собраніи на сторонѣ генералъ-адъютанта Тимашева не получилось потребныхъ двухъ третей голосовъ. Разногласіе не устранилось и послѣ согласительнаго предложенія министра юстиціи, вслѣдствіе чего дѣло перешло на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, но и тамъ единогласіе не получилось, такъ что потребовалось перенести дѣло въ общее собраніе государственнаго совѣта. Здѣсь большинство согласилось съ мнѣніемъ министра внутреннихъ дѣлъ, но при окончательной редакціи мнѣнія большинства сдѣлана была оговорка въ томъ смыслѣ, что хотя газета и запрещается, однако же направленіе ея по существу нельзя признать вреднымъ.

Съ закрытіемъ «Москвы» И. С. въ отношеніи издательской дѣятельности на поприщѣ журналистики оставался подъ запрещеніемъ цѣлыхъ 12 лѣтъ. Всѣ хлопоты его и друзей его снять это запрещеніе не имѣли успѣха до самаго 1880 г., когда во главѣ общаго управленія поставленъ былъ графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ. Но этотъ продолжительный перерывъ въ издательскихъ трудахъ не былъ для И. С. періодомъ успокоенія отъ патріотической и общественной дѣятельности, или періодомъ отрѣшенія отъ политическихъ и вообще высшихъ интересовъ своего времени; такого успокоенія и отрѣшенія не могло быть ни по свойствамъ натуры И. С., ни по особенно-

стямъ его общественнаго положенія. Вотъ именно здѣсь мы и встрѣчаемся съ тѣмъ, совершенно исключительнымъ у насъ, явленіемъ, что человѣкъ частный, стоящій вдали отъ вліятельной оффиціальной среды, въ добавокъ пользующійся прямо неблагосклонностью этой среды, — человѣкъ, не имѣющій ни высокихъ чиновъ, ни какихъ либо особыхъ отличій въ условномъ смыслѣ, — наконецъ, человѣкъ, насильственно лишенный права голоса на той единственной аренѣ, которая отрыта у насъ частнымъ людямъ, въ печати, — И. С. Аксаковъ, не смотря на все это, сдѣлался не только виднымъ, но и несомнѣнно вліятельнымъ политическимъ центромъ, вокругъ котораго естественно совершался обмѣнъ симпатій и надеждъ между Востокомъ и Западомъ славянскаго міра... И случилось это какъ-то само собою, безъ всякихъ усилій со стороны И. С. Будучи членомъ, а потомъ и предсѣдателемъ славянскаго Комитета, И. С. дѣлалъ то, что требовало отъ него принятое на себя званіе, но онъ дѣлалъ это съ душой и по убѣжденію, онъ находилъ опору для этой дѣятельности въ себѣ самомъ, въ своихъ славянскихъ чувствахъ, вѣрованіяхъ, идеалахъ; увлекаясь самъ, онъ увлекалъ за собой и другихъ.

Когда на славянскомъ юго-востокѣ, въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ, появилось движеніе, перешедшее сперва въ герцеговинское возстаніе (1875 г.), а потомъ въ сербско-турецкую (1876 г.) и русско-турецкую или вторую Восточную войну (1877—1878 гг.), И. С. Аксаковъ выступилъ естественнымъ руководителемъ русскихъ общественныхъ симпатій. Московскій славянскій Комитетъ, имъ предсѣдательствуемый, превратился въ самое оживленное коммиссіонерское бюро, куда со всѣхъ концовъ Россіи стекались пожертвованія на славянское дѣло, распредѣлявшіяся Комитетомъ, т. е. въ сущности его предсѣдателемъ, черезъ особо довѣренныхъ людей. Наконецъ, потекли въ славянскія земли уже не рубли только, а и люди русскіе для помощи славянамъ личнымъ трудомъ и, если нужно, личнымъ пожертвованіемъ на полѣ брани... Объ этомъ времени И. С. вспоминалъ въ послѣдней статьѣ, вышедшей изъ-подъ его пера: «Пишущему эти строки привелось въ 1876 и 1877 годахъ быть не только свидѣтелемъ, но отчасти и практическимъ посредникомъ высокаго народнаго одушевленія, охватившаго Русскую землю; непосредственно изъ народныхъ рукъ (онъ) принималъ народныя лепты, не святѣе коихъ была лепта евангельской вдовицы; (передъ нимъ) живы до сихъ поръ образы мужиковъ заволжскихъ, новохоперскихъ и иныхъ отдаленныхъ мѣстностей Россіи, на колѣняхъ упрашивавшихъ, какъ о «Божеской милости», дарованія имъ способовъ «помереть», мученическій вѣнецъ пріять за освобожденіе братій-

христіанъ, сербовъ, черногорцевъ, болгаръ отъ бусурманскаго ига или нашествія». Нельзя не прибавить къ этимъ строкамъ, что тогдашнія рѣчи Ивана Сергѣевича въ славянскомъ Комитетѣ передавались изъ уста въ уста, облетали всю Россію, электризуя русскихъ людей своимъ энтузіазмомъ, зажигая одушевленіе высокой идеей «мученическаго вѣнца» за освобожденіе братьевъ по вѣрѣ и племени...

Отвѣтомъ народному движенію въ той же Москвѣ явились приснопамятныя слова покойнаго императора въ Кремлѣ къ представителямъ дворянства и купечества,—слова, говорятъ, неожиданныя для нашихъ дипломатовъ и не входившія въ ихъ планы, но которыя рѣшили дальнѣйшую судьбу славяно-турецкой распри. Впрочемъ, и послѣ того славянскому Комитету еще не была дана отставка. Преобразованный правительствомъ, въ началѣ 1876 г., въ «московское славянское Общество», онъ оставался у дѣлъ, и дѣла эти были посерьёзнѣй обычнаго благотворенія. Между прочимъ, славянское Общество, т. е. опять-таки главнымъ образомъ И. С. Аксаковъ, заготовило въ Германіи оружіе для болгарскихъ дружинъ, которыя первоначально предполагалось сформировать на сербской территоріи,—что-то около 20 тысячъ ружей, съ соотвѣтственнымъ количествомъ патроновъ, и 12 крупповскихъ орудій съ необходимыми къ нимъ снарядами... Всѣ эти запасы оружія, дѣйствительно, пошли на вооруженіе болгарскихъ дружинъ, хотя и не тѣмъ путемъ, какой предполагался въ началѣ. И донынѣ подарокъ московскаго славянскаго Общества не потерялъ цѣны для освобожденной Болгаріи...

Берлинскій трактатъ послѣ богатырскихъ подвиговъ русскаго солдата и въ награду за великія жертвы, понесенныя Россіей, — былъ для русскаго чувства нѣчто невмѣстимое, невозможное, и русское чувство прорвалось громовою рѣчью И. С. Аксакова въ томъ же славянскомъ Обществѣ... Эта рѣчь сдѣлалась цѣлымъ политическимъ событіемъ... И она, дѣйствительно, была именно событіемъ: она показала Европѣ, что за русскими дипломатами, умѣющими такъ очаровательно улыбаться, стоятъ русскіе люди, у которыхъ въ груди—не полированная фраза, а настоящее сердце, горячее, дерзновенное, живо чувствующее обиду и позоръ... и хотя славянское Общество былъ тотчасъ закрыто, даже безъ соблюденія установленныхъ на такіе случаи формальностей (капиталами, напримѣръ, распорядились даже безъ вѣдома жертвователей и т. п., словомъ: «съ отмѣннымъ упрощеніемъ формъ», какъ выразился И. С. незадолго до своей смерти...), а самъ И. С. былъ высланъ изъ Москвы въ деревню, но берлинскій трактатъ былъ принятъ Россіей не въ той оцѣнкѣ, какую дѣлали ему наши дипломаты, а въ той, какую дало ему патріоти-

ческое проклятіе Аксакова на собраніи славянскаго Общества...

Въ 1880 году, благодаря графу М. Т. Лорисъ-Меликову, И. С. Аксаковъ получилъ, наконецъ, разрѣшеніе издавать въ Москвѣ еженедѣльную газету «Русь», которой и посвятилъ остатокъ своей жизни, казалось, еще крѣпкой, бодрой не однѣми надеждами, но и силами. Пишущій эти строки имѣлъ случай познакомиться съ И. С. какъ разъ передъ выпускомъ первыхъ нумеровъ «Руси». Нужно было видѣть, съ какой свѣжестью чувства трактовалъ И. С. задачи своего новаго изданія; какъ вѣрилъ онъ въ силу твердаго, искренняго слова, съ какой отвагой смотрѣлъ впередъ. Онъ не ошибался на счетъ того, что «Русь» встрѣтятъ въ печати недружелюбно, онъ неособенно разсчитывалъ и на сочувствіе къ ней со стороны тогдашней правящей среды. Но онъ, всетаки, надѣялся имѣть вѣсъ въ рѣшеніи самоважнѣйшихъ вопросовъ русской жизни, которые были тогда поставлены на очередь. И. С. хорошо зналъ, что ему придется идти противъ теченія, но это не обезкураживало его,—напротивъ...

Когда черезъ три съ половиной мѣсяца по выходѣ «Руси» случилось позорное злодѣяніе 1-го марта, И. С., потрясенный вмѣстѣ со всѣми русскими людьми, почувствовалъ тѣсноту въ газетѣ и выступилъ съ торжественнымъ исповѣданіемъ «гражданскихъ и нравственныхъ задачъ и идеаловъ русскаго народа», въ собраніи с.-петербургскаго славянскаго благотворительнаго Общества, 22-го марта. Его блестящая рѣчь произвела огромное впечатлѣніе; то былъ страстный протестъ противъ увлеченія чужеземщиной и грозное предостереженіе, выраженное съ необычайною силою. «Не обольщайтесь тѣмъ,— говорилъ И. С.,—что великій народъ нашъ безмолвствуетъ. Онъ недоумѣваетъ. А понимаете ли, что значитъ недоумѣніе многомилліоннаго народа? Точно океанъ вздымается теперь его грудь, удрученная мрачнымъ раздумьемъ... Заныла вся душа его, изъязвлена совѣсть».

...«Это и скорбь, и горесть, и стыдъ, и ужасъ, какой-то торжественный, вѣщій ужасъ. Это судъ Божій творится надъ нами»...

Очертивъ затѣмъ вожделѣнія, которыми жила значительная часть нашей интеллигенціи, Аксаковъ съ полною прямотою и откровенностью заявилъ: «Нѣтъ, этому не бывать! отъ духа лестча, враждебенъ нашему народу и преуспѣянію его въ доброй христіанской нравственности тотъ либерализмъ, который сулитъ намъ политическія и соціальныя блага, проповѣдуя въ то же время презрѣніе къ политическому и духовному исповѣданію Русской земли!»

Эта пламенная рѣчь заканчивалась «исповѣданіемъ» положительной программы въ слѣдующихъ словахъ: «Нужно, необходимо, до крайности нужно припасть къ стопамъ Богомъ даннаго намъ царя и молить его, молить неотступно... да обновится вновь въ животворной силѣ и дѣйствіи старый союзъ царя съ народомъ, на началахъ любви, довѣрія, единенія духа и взаимнаго искренняго общенія»...

Мы съ подробностью остановились на этой замѣчательной рѣчи не только потому, что она обнимаетъ сущность всего, что проповѣдывалъ Аксаковъ въ своей долголѣтней публицистической дѣятельности, но и потому еще, что эта рѣчь была первымъ всенароднымъ исповѣданіемъ началъ, долгое время бывшихъ, такъ сказать, подъ опалой у «общественнаго мнѣнія». Аксаковъ лицомъ къ лицу предсталъ передъ обществомъ и имѣлъ мужество рѣзко высказать ему въ глаза то самое, за что общество будто бы отвернулось отъ людей Аксаковскаго направленія... И что же? — петербургское избранное общество проводило Аксакова, послѣ его рѣчи, съ настоящимъ тріумфомъ!..

«Русь» начала выходить 15-го ноября 1880 года и продолжала выходить по день смерти И. С., съ полугодовымъ перерывомъ въ 1885 году, по случаю болѣзни редактора. Въ 1883 году, «Русь» была преобразована въ двухнедѣльное изданіе, и два года выходила въ этомъ преобразованномъ видѣ. Но въ 1885 году И. С. вернулся къ первоначальной формѣ еженедельника. Газета эта, какъ и объяснялъ И. С., была его личнымъ органомъ, и значеніе ей давали главнымъ образомъ статьи самого редактора, имѣвшія несомнѣнно «громкій резонансъ», по любимому его выраженію, хотя матеріальнаго успѣха въ тѣсномъ смыслѣ «Русь» не имѣла, да Иванъ Сергѣевичъ и не искалъ такъ называемой популярности. У него былъ совершенно особый взглядъ на задачи журналиста, къ сожалѣнію, очень рѣдкій въ наше время. Вслѣдствіе этого взгляда онъ, напримѣръ, печаталъ нѣкоторыя статьи завѣдомо «для немногихъ читателей», но для такихъ, которые сами имѣютъ около себя значительную аудиторію или которые могутъ оказать, гдѣ нужно, давленіе въ желаемомъ направленіи. Къ печатному слову И. С. относился какъ къ дѣлу самому серьёзному, которое несомнѣнно даетъ человѣку въ руки могучее орудіе воздѣйствовать на общество и даже на ходъ событій, но съ которымъ связаны не одни права, а еще больше обязанностей. Иногда, подъ живымъ впечатлѣніемъ дѣйствительности, И. С. бросалъ слово сомнѣнія о пользѣ этого особаго служенія родинѣ путемъ печатнаго слова, но то были скоропреходящія минуты дурнаго настроенія, ибо служеніе Аксакова тѣмъ основнымъ началамъ, органомъ которыхъ была его

газета, столько же вытекало изъ глубокаго проникновенія этими началами съ молодыхъ лѣтъ, сколько изъ свѣтлаго взгляда на даровитость русскаго племени, изъ непоколебимой вѣры въ его высокое призваніе на міровой аренѣ.

Въ дополненіе этого бѣглаго очерка общественной дѣятельности Аксакова, нелишне упомянуть, что среди своихъ главныхъ занятій онъ находилъ досугъ и силы служить обществу и иными путями. Такъ, онъ былъ втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ товарищемъ предсѣдателя въ россійскомъ миссіонерскомъ Обществѣ, предсѣдателемъ въ московскомъ Обществѣ любителей россійской словесности и гласнымъ московской думы.

Значеніе И. С. Аксакова во всемъ объемѣ опредѣлилось лишь по случаю его кончины, и опредѣлилось не какой либо мѣткой формулой, обнимающей его заслуги передъ Россіей и славянствомъ, а самымъ фактомъ общественныхъ заявленій, вызванныхъ этою кончиною и сразу показавшихъ, что смерть Аксакова не что нибудь заурядное въ жизни стомилліоннаго народа русскаго, а цѣлое событіе — столько же горестное, сколько важное въ политическомъ и общественномъ смыслѣ. Не только въ Россіи, но и за границей именно такъ понята и оцѣнена утрата, понесенная нами въ лицѣ И. С. Аксакова.

Государь Императоръ соизволилъ почтить память покойнаго телеграммой, на имя его вдовы Анны Θедоровны, и съ трогательною сердечностью выразилъ общую русскую скорбь передъ этой тяжкой утратой въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Императрица и Я съ душевнымъ прискорбіемъ узнали о внезапной смерти вашего мужа, котораго уважали, какъ честнаго человѣка и преданнаго русскимъ интересамъ. Дай Богъ вамъ силъ перенести эту тяжелую сердечную потерю.

«АЛЕКСАНДРЪ».

Выраженіемъ соболѣзнованія почтили память И. С. Аксакова: князь Николай Черногорскій, великая княгиня Александра Петровна, сербскій митрополитъ Михаилъ, болгарскіе митрополиты Климентъ и Герасимъ со всѣмъ болгарскимъ духовенствомъ, общественныя учрежденія многихъ болгарскихъ городовъ, выдающіеся политическіе кружки Болгаріи, сербскій посланникъ Груичъ, бѣлградское ученое общество, славянская учащаяся молодежь Вѣнскаго университета, хорваты, галичане, галицко-русская печать—вотъ кто откликнулся на русско-славянскую утрату изъ заграничныхъ славянъ. Что же касается Россіи, то кончина Аксакова оплакивается всюду, гдѣ есть просвѣщенные патріоты, способные цѣнить истинныя заслуги передъ отечествомъ. Достаточно сказать, что од-

нѣхъ телеграммъ съ выраженіемъ соболѣзнованія по случаю этой кончины доставлено на имя вдовы покойнаго свыше 130, изъ того числа едва ли не большая часть колективныя— отъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій, отъ сословій, городовъ, ученыхъ корпорацій, учащейся молодежи, органовъ печати и т. д., и т. д. Здѣсь, въ Петербургѣ, высшіе чины государства — военные и гражданскіе — присутствовали на торжественныхъ панихидахъ по скончавшемся русскомъ гражданинѣ; петербургская городская дума особымъ постановленіемъ выразила уваженіе къ памяти И. С.; московская дума рѣшила поставить въ своей залѣ портретъ И. С., учредить стипендію его имени въ университетѣ и присутствовать въ полномъ составѣ на его похоронахъ. Почти всѣ органы печати столичной и провинціальной, независимо отъ направленій, посвятили памяти И. С. статьи, проникнутыя сознаніемъ, что смерть его — огромная потеря для Россіи. Московскія и нѣкоторыя петербургскія изданія, различныя общества и учрежденія возложили на гробъ И. С. вѣнки. Редакціи петербургскихъ изданій послали на похороны И. С. особую депутацію съ хоругвью, нарочно изготовленною для этого печальнаго торжества. Было много другихъ депутацій на похоронахъ отъ общественныхъ учрежденій и кружковъ. Похоронная процессія сама собой превратилась въ величавую общественную манифестацію; за гробомъ Аксакова шла вся Москва, въ лицѣ представителей всѣхъ классовъ московскаго населенія, а самый гробъ отъ университетской церкви до Ярославскаго вокзала несла на рукахъ университетская молодежь.

Тѣло И. С. Аксакова погребено въ Троицко-Сергіевской лаврѣ.

Можно бы составить цѣлую книгу изъ отзывовъ объ Аксаковѣ, появившихся какъ въ русской, такъ и заграничной печати по случаю его кончины. Для полноты нашего очерка, приводимъ лишь нѣкоторые изъ этихъ отзывовъ:

«Московскія Вѣдомости» высказали: «Скоропостижная кончина И. С. Аксакова — вотъ событіе, которое отзовется далеко. Его помянутъ повсюду».

«Новое Время»: «Не русскій талантливый писатель только скончался, скончался общественный трибунъ, обладавшій даромъ зажигать сердца, скончался искренній человѣкъ, человѣкъ высокой честности и правды, никогда, ни единымъ словомъ не измѣнявшій своему призванію. Онъ несъ свое знамя втеченіе многихъ лѣтъ твердою и непоколебимою рукою, ни разу не опуская его, несъ, какъ мужественный воинъ, съ вѣрою въ то дѣло, которому служилъ и котораго не оставилъ и тогда, когда смерть явно подкрадывалась къ нему».

«Journ. de St.-Petersbourg»: «Скончался великій патріотъ, человѣкъ безусловной честности».

«С.-Петербургскія Вѣдомости» видятъ особенную тяжесть утраты въ томъ, что Аксаковъ былъ русскій человѣкъ и журналистъ: «Аксаковъ, — сказали онѣ, — не только зналъ и любилъ Россію, — ее многіе знаютъ и любятъ, — но онъ былъ гордъ Россіею, онъ носилъ въ своей крови и въ мозгу сознаніе ея величія и силы, и когда громко въ его пламенной и образной рѣчи звучало это сознаніе, русскіе люди чувствовали себя бодрѣе, лучше, способнѣе для большаго національнаго дѣла».

«Современныя Извѣстія»: «Потеря невознаградимая! И. С. Аксаковъ былъ не только литераторъ, публицистъ, общественный дѣятель: онъ былъ знамя, онъ былъ общественная сила».

«Русскія Вѣдомости», называя смерть Аксакова «важной общественной утратой», замѣтили при этомъ: «Русское общество лишилось одного изъ наиболѣе видныхъ своихъ дѣятелей, честнаго и независимаго публициста, воплощавшаго въ своемъ лицѣ цѣлое самобытное направленіе, которое при немъ и чрезъ него не только приняло наиболѣе опредѣленныя формы, но и успѣло заявить себя рядомъ важныхъ фактическихъ результатовъ».

«Недѣля» сказала объ Аксаковѣ: «Это былъ «общественный дѣятель», въ полномъ смыслѣ слова. Чуждый всего казеннаго, онъ втеченіе всей жизни своей былъ силенъ только своимъ чисто общественнымъ значеніемъ. Основною чертою его природы было глубокое чувство «народности», вѣра въ русское народное начало, въ своеобразность и достоинство этого начала».

Въ томъ же смыслѣ высказалось большинство остальныхъ русскихъ газетъ. Русскіе политическіе органы, выходящіе на окраинахъ («Варшавскій Дневникъ», «Кіевлянинъ»; «Рижскій Вѣстникъ» и нѣк. др.) указали заслуги Аксакова и въ нелегкой борьбѣ русскаго государственнаго начала съ инородческой «опричиной»...

Наконецъ, и заграничная печать, въ особенности славянская, англійская и нѣмецкая, отозвалась на русское горе если не вся съ сочувствіемъ, то въ большинствѣ своемъ во всякомъ случаѣ съ уваженіемъ къ личности покойнаго главы «славянофиловъ» и «панславистовъ», какъ онѣ разумѣли Аксакова. Нѣкоторые изъ этихъ отзывовъ заслуживаютъ того, чтобы сохранить ихъ на память объ Иванѣ Сергѣевичѣ. Такъ, «Народные Листы», выражая безпредѣльное горе о новомъ жестокомъ ударѣ, постигшемъ сердце великой славянской семьи, между прочимъ, высказали: «Не только матушка-Москва, но и весь славянскій міръ глубоко опечаленъ кончиною Аксакова. Но голова его, нынѣ холодная и мертвая, недаромъ тру-

дилась, думала, стремилась къ своему идеалу. Идеи, волновавшія эту голову и переданныя ею человѣчеству, не окоченѣютъ и не истлѣютъ».

Англійская газета «Standard» называетъ смерть Аксакова «національной потерей» для Россіи.

Враждебный Россіи и, конечно, Аксакову, «Pesther Lloyd» сказалъ объ немъ, что «это былъ одинъ изъ могущественнѣйшихъ дѣятелей своего времени: онъ приводилъ въ движеніе монарховъ, народы и идеи».

Нѣмецкая печать худо скрыла злорадство по поводу кончины Аксакова и тѣмъ расписалась въ своемъ недоброжелательствѣ къ Россіи, какъ это было и по поводу смерти Скобелева. Въ Аксаковѣ видѣли врага и хотя объясняли это будто бы «враждебнымъ его отношеніемъ къ нѣмецкому элементу», но на самомъ дѣлѣ Аксаковъ, очевидно, потому считался врагомъ, что онъ былъ чуткимъ стражемъ русскихъ интересовъ и, по его выраженію, высоко держалъ русское національное знамя, не допуская и мысли, чтобы Россія принижалась передъ нѣмецкимъ могуществомъ. Его послѣдняя политическая статья оканчивается предупрежденіемъ противъ какихъ бы то ни было сдѣлокъ съ германскимъ міромъ для рѣшенія русско-славянскаго вопроса: «Не отъ щедротъ Германіи принимать намъ дары русско-славянской жизни. Мы добудемъ ихъ сами»... вотъ предсмертный завѣтъ Аксакова русскимъ людямъ, и вотъ откуда эта вражда къ нему нѣмцевъ: даже и въ могилѣ онъ кажется имъ опасенъ...

Русская печать въ Галиціи также обозначила себя въ оцѣнкѣ Аксакова: между тѣмъ какъ «Слово» и «Проломъ» присоединились къ согласному хору русскихъ газетъ, украинофильское «Діло» вмѣстѣ съ польскими и нѣмецкими газетами (любопытный союзъ!) обнажило,—правда, безвредное для покойнаго,—жало клеветы и двусмысленныхъ укоризнъ.

Упомянутыя выше телеграммы изъ разныхъ мѣстъ Россіи и изъ юго-и-западно-славянскихъ земель въ большинствѣ выражаютъ не одно соболѣзнованіе, но и оцѣнку И. С. и его дѣятельности, а также надежду, что сѣмя, имъ посѣянное, «не умретъ» и дастъ желанные плоды—на благо Россіи и всего славянскаго міра. Особенно знаменательны нѣкоторыя телеграммы, полученныя изъ славянскихъ земель. Такъ, «хорватскіе, словенскіе и болгарскіе студенты» Вѣнскаго университета въ своей телеграммѣ высказали:

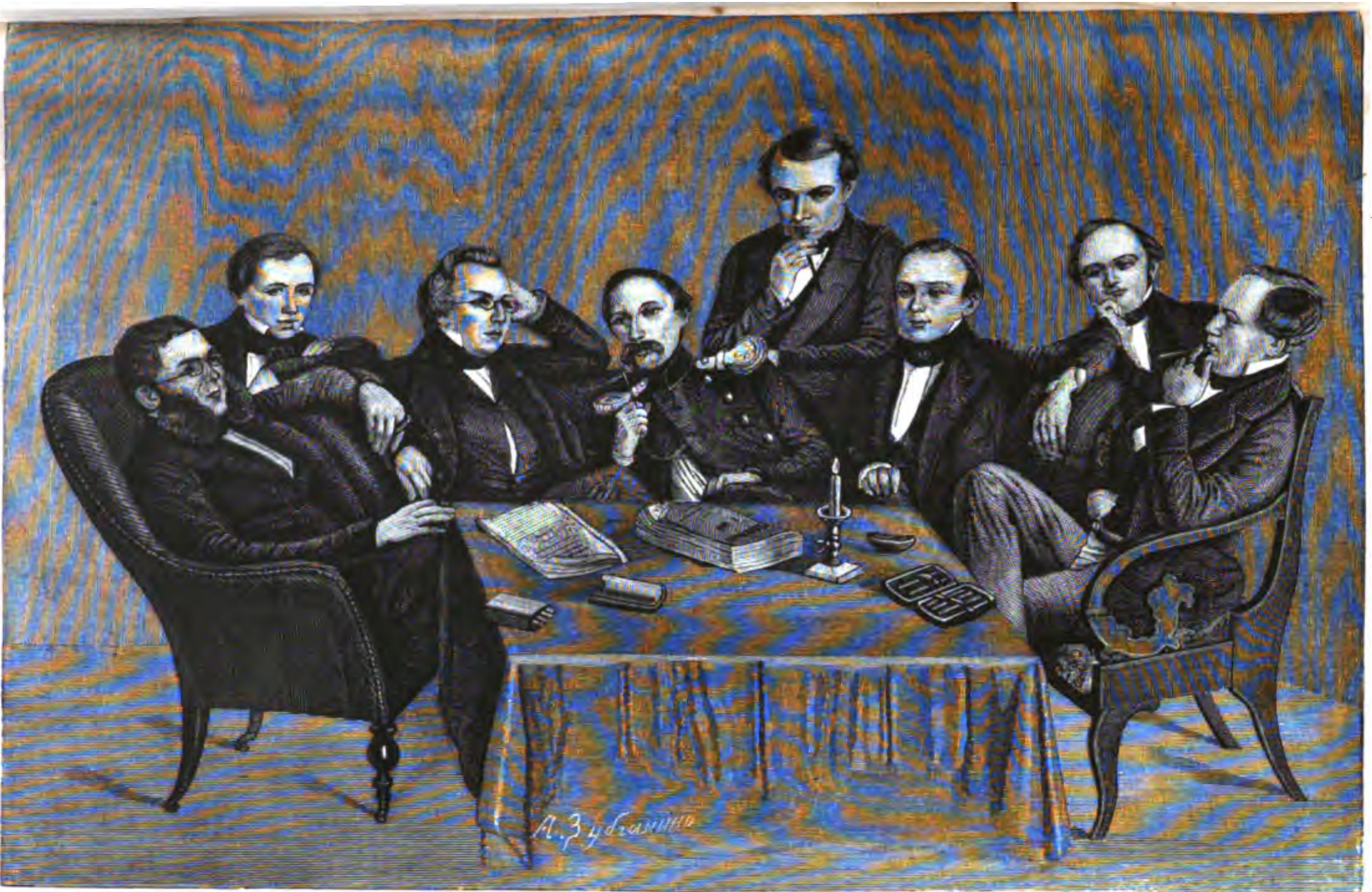
«Вѣсть объ утратѣ, понесенной русскимъ народомъ и всѣми славянами со смертію незабвеннаго Ивана Сергѣевича, поразила насъ, которымъ онъ всегда и въ самые роковые часы былъ неустрашимымъ защитникомъ. Утрата русскаго народа — утрата наша. Вмѣстѣ съ сильнымъ братскимъ наро-

домъ русскимъ мы плачемъ у одра безсмертнаго покойника, но надѣясь, что русскій народъ дастъ намъ преемника его идей и стремленій».

Эти подробности точнѣе всякихъ соображеній обозначаютъ размѣры событія, которое повергло въ скорбь всю мыслящую Россію. Въ могильной тишинѣ замеръ вѣщій голосъ, будившій наше національное самосознаніе. Померкла блестящая звѣзда на славянскомъ горизонтѣ, во мракѣ свѣтившая путь братскимъ Россіи народамъ. Не стало человѣка, который смѣлою и твердою рукой несъ передъ нами знамя самобытнаго политическаго и гражданскаго развитія,—знамя, на которомъ кровью сердца написанъ былъ столь еще необычный у насъ девизъ: уваженіе къ святымъ завѣтамъ нашей исторіи, довѣріе къ доблестному и даровитому народу русскому, и вѣра въ живыя творческія силы Земли, создавшей могущественное государство... Нѣтъ, недаромъ эта общая скорбь русскихъ людей передъ свѣжей могилой: другаго Аксакова не осталось съ нами!

А. Никольскій.

ДРУЖЕСКАЯ ГРУППА.

А. С. Хомутовъ. И. С. Аксаковъ. М. В. Авдѣевъ. А. В. Поповъ. Унковскій. Я. А. Купріяновъ.
Князь А. В. Оболенскій. Графъ Ю. И. Стенбокъ.

(Съ рисунка, сдѣланнаго съ натуры А. В. Поповымъ).

Н. А. ПОЛЕВОЙ И ЕГО ЖУРНАЛЪ „МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“.

ВЪ ИСТОРІИ русской литературы первой половины нашего столѣтія неоспоримое значеніе имѣетъ дѣятельность Н. А. Полеваго. Самымъ замѣчательнымъ памятникомъ этой кипучей дѣятельности служитъ журналъ «Московскій Телеграфъ», возбуждавшій живое сочувствіе въ современникахъ и оставившій яркіе и глубокіе слѣды въ литературѣ. Журналистика была истиннымъ призваніемъ Полеваго; журнальная струя пробивалась во всѣхъ его литературныхъ трудахъ и предпріятіяхъ. По замѣчанію Бѣлинскаго, во всемъ, что ни написалъ Полевой, даже въ «Исторіи русскаго народа», онъ былъ «журналистомъ, а не историкомъ». Таковъ былъ складъ его ума, таковы особенности его блестящаго дарованія. Въ этомъ заключалась тайна его вліянія на читателей; изъ этого же источника происходили и всѣ невзгоды, которыми такъ богата литературная дѣятельность Полеваго.

Что касается до вліянія, а слѣдовательно и значенія Полеваго, какъ журналиста, то всего умѣстнѣе привести отзывы писателей, бывшихъ свидѣтелями его упорной борьбы за существованіе и того впечатлѣнія, которое производили его статьи на образованнѣйшую часть тогдашняго общества. «Московскій Телеграфъ», — говоритъ Бѣлинскій, — былъ явленіемъ необыкновеннымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Съ первой до послѣдней книжки своей, издавался онъ съ тою постоянною заботливостію, съ тѣмъ вниманіемъ, съ тѣмъ неослабѣваемымъ стремленіемъ къ улучшенію, которыхъ источникомъ можетъ быть только призваніе и страсть. Первую мысль, которую

тотчасъ же началъ онъ развивать съ энергіею и талантомъ, которая постоянно одушевляла его, была мысль о необходимости умственнаго движенія, о необходимости слѣдовать за успѣхами времени, улучшаться, идти впередъ, избѣгать неподвижности и застоя, какъ главной причины гибели просвѣщенія, образованія, литературы... Полевой показалъ первый, что литература — не дѣтская забава; что исканіе истины есть ея главный предметъ... Журналъ Полеваго Телеграфъ, вѣрный своему названію, былъ полнымъ представителемъ своей эпохи. Въ немъ было много силы, энергіи, жару, стремленія, безпокойства, тревожности; онъ неусыпно слѣдилъ за всѣми движеніями умственнаго развитія въ Европѣ, и тотчасъ же передавалъ ихъ такъ, какъ они отражались въ его понятіи» [1]).

Говоря о ходѣ работъ своихъ по изученію и изданію Державина, академикъ Я. К. Гротъ съ большимъ сочувствіемъ упоминаетъ о Полевомъ и его заслугахъ. Въ своей, такъ сказать, литературной исповѣди, нашъ уважаемый ученый говоритъ слѣдующее: «Я сталъ читать Державина по смирдинскому изданію тридцатыхъ годовъ, съ помощью отдѣльныхъ къ нему объясненій, напечатанныхъ Остолоповымъ и Львовымъ. При этомъ позволю себѣ небольшое отступленіе, чтобы отдать справедливость слишкомъ забытому нынче писателю, въ свое время принесшему великую пользу литературѣ, именно Полевому. Его критическія статьи о русскихъ авторахъ, помѣщавшіяся сперва въ «Московскомъ Телеграфѣ», а потомъ составившія книгу: «Очерки русской литературы», при всемъ несовершенствѣ своемъ съ точки зрѣнія ученыхъ требованій, имѣли, однакожъ, очень благотворное дѣйствіе, распространяя въ обществѣ историко-литературныя знанія и возбуждая любознательныхъ къ дальнѣйшимъ занятіямъ. Ему былъ я обязанъ первымъ моимъ знакомствомъ съ названными двумя комментаріями къ Державину» [2]).

Правдивая лѣтопись литературныхъ невзгодъ Полеваго можетъ, въ свою очередь, представить много любопытныхъ чертъ, для обрисовки умственной и общественной жизни того времени. Обладая крупнымъ дарованіемъ и неутомимою энергіею, онъ отзывался на всѣ сколько нибудь замѣчательныя явленія окружавшей его дѣйствительности. Для исторіи литературы имѣютъ несомнѣнное значеніе журнальныя предпріятія Полеваго, и не только тѣ, которыя увѣнчались успѣхомъ, но также и тѣ, которымъ суждено было погибнуть въ самомъ зародышѣ. Весьма любопытны планы или программы литературныхъ изданій, предпринятыхъ Полевымъ въ раз-

---

[1]) Николай Алексѣевичъ Полевой. Сочиненіе В. Бѣлинскаго. 1846 г. Стр. 37—38, 41, 44—45.

[2]) Записка, составленная Я. К. Гротомъ въ 1868 году (рукопись).

ныя времена. Они наглядно знакомятъ съ тогдашними требованіями и вкусами, съ тогдашнимъ состояніемъ образованности. При изложеніи судьбы «Московскаго Телеграфа» и другихъ литературныхъ предпріятій Полеваго, мы пользовались прямыми и вполнѣ достовѣрными источниками, изъ которыхъ многіе впервые появляются въ печати.

Призваніе Полеваго обнаружилось чрезвычайно рано; еще ребенкомъ пытался онъ выступить на журнальное поприще. Будучи десяти лѣтъ отъ роду, онъ замышлялъ въ Иркутскѣ издавать газету «Азіатскія Вѣдомости» и журналъ «Другъ Россіи», въ подраженіе «Московскимъ Вѣдомостямъ» и «Московскому Меркурію», отъ котораго приходилъ въ восторгъ [1]). Мысль объ изданіи журнала постоянно занимала Полеваго во время его молодости. Въ началѣ двадцатыхъ годовъ, въ Москвѣ образовалось нѣсколько литературныхъ обществъ или кружковъ, и въ какомъ бы изъ нихъ ни появлялся Полевой, сейчасъ же заходила рѣчь объ изданіи журнала. Во время близкой пріязни съ Филимоновымъ, Н. А. Полевой составилъ планъ журнала, въ которомъ думалъ участвовать и Вердеревскій; но «они не могли согласиться ни въ планѣ, ни въ направленіи журнала» [2]). Вступивши въ литературное общество, членами котораго были Раичъ, Шевыревъ, Погодинъ и другіе, Полевой предложилъ издавать журналъ. Погодинъ замѣчаетъ по этому поводу: «Много толковъ было о журналѣ, котораго программу представилъ Н. А. Полевой, принятый въ наше общество. Она не понравилась намъ, и Полевой отстранился» [3]).

Завѣтной мысли Полеваго, наконецъ, суждено было осуществиться: онъ сдѣлался издателемъ самостоятельнаго журнала, которому предстояла блестящая будущность. О происхожденіи «Телеграфа» князь Вяземскій разсказываетъ слѣдующимъ образомъ: «Полевой былъ въ то время еще литераторомъ in partibus infidelium. Едва ли не противъ меня были обращены первыя дѣйствія его. По крайней мѣрѣ, ему приписывали довольно бранное посланіе на имя мое, напечатанное въ «Вѣстникѣ Европы», въ отвѣтъ на мое извѣстное, и также не слишкомъ вѣжливое, посланіе къ Каченовскому. Какъ бы то ни было, Полевой со мной познакомился и бывалъ у меня по утрамъ. Однажды, засталъ онъ у меня графа Михаила Вьельгорскаго. Рѣчь зашла о журналистикѣ. Вьельгорскій спросилъ Полеваго, что̀ онъ дѣлаетъ теперь. — Да покамѣстъ ничего, — отвѣчалъ онъ. — Зачѣмъ не приметесь вы издавать журналъ? — продолжалъ

---

[1]) Очерки русской литературы. Сочиненіе Николая Полеваго. 1839. Часть I, стр. XXX—XXXI.

[2]) Записки о жизни и сочиненіяхъ Н. А. Полеваго, составленныя братомъ его К. Полевымъ. 1860. Часть I, стр. 114—115.

[3]) Воспоминаніе о Степанѣ Петровичѣ Шевыревѣ. М. Погодина (изъ «Журнала министерства народнаго просвѣщенія»), 1869, стр. 7.

графъ. Тотъ благоразумно отнѣкивался за недостаткомъ средствъ и другихъ приготовительныхъ пособій. Юноша былъ тогда скроменъ и застѣнчивъ. Вьельгорскій настаивалъ и преслѣдовалъ мысль свою; онъ указалъ на меня, что я и пріятели мои не откажутся содѣйствовать ему въ предпріятіи его, и такъ далѣе. Дѣло было рѣшено. Вотъ какъ, въ кабинетѣ дома моего, зачато было дитя, которое послѣ надѣлало много шума на бѣломъ свѣтѣ. Я закабалилъ себя «Телеграфу». Журнальная дѣятельность была по мнѣ. Иная книжка «Телеграфа» была наполовину наполнена мною или матеріалами, которые я сообщалъ въ журналъ» [1]).

Нѣсколько иначе излагаетъ дѣло братъ издателя «Телеграфа», Ксенофонтъ Алексѣевичъ Полевой. «Было, — говоритъ онъ, — нѣсколько попытокъ издавать журналъ въ сообществѣ съ другими, но онѣ оканчивались ничѣмъ. Послѣ многихъ плановъ, думъ и раздумываній, въ половинѣ 1824 года, братъ рѣшился испросить позволеніе издавать журналъ отъ своего имени, а сотрудникомъ имѣть одного меня. Онъ составилъ программу, по которой въ будущій журналъ его могло входить все, кромѣ политики, все, — какъ выразился одинъ изъ его противниковъ, — начиная отъ безконечно-малыхъ въ математикѣ до пѣтушьихъ гребешковъ въ соусѣ. Мы не заготовляли никакихъ матеріаловъ и, правду сказать, не имѣли настоящаго понятія о томъ, что значитъ срочное изданіе. ¡Намъ казалось, что очень пріятно будетъ пописывать да отдавать въ печать свои юношескія сочиненія» и т. д. [2]). Но и К. А. Полевой признаетъ, что участіе князя Вяземскаго много содѣйствовало успѣху «Московскаго Телеграфа». По словамъ К. А. Полеваго, князь Вяземскій былъ радъ появленію новаго журнала и охотно вызвался быть въ немъ постояннымъ сотрудникомъ. К. А. Полевой называетъ князя Вяземскаго «главнымъ одушевителемъ редакціи» и приводитъ, въ ненапечатанной части своихъ Записокъ, очевидныя доказательства того, какъ издатель «Телеграфа» передѣлывалъ свои собственныя статьи по совѣту и указаніямъ князя Вяземскаго.

Право разрѣшать повременныя изданія принадлежало тогда министру народнаго просвѣщенія, а министромъ былъ въ то время А. С. Шишковъ. Представленное ему «предположеніе» объ изданіи журнала написано было Полевымъ такимъ образомъ, что не могло оскорбить литературныхъ понятій и вкуса писателя-министра. Издатель заявляетъ, что цѣль его — чтеніе серьёзное, а отнюдь не поверхностное и легкое; что просвѣщеніе и добродѣтель неразлучны и т. п. Названіе «Телеграфъ» объяснялъ тѣмъ, что журналъ долженъ служить для взаимнаго общенія русской литературы и науки,

---

[1]) Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго, 1878, томъ I, стр. XLVIII—XLIX.

[2]) Записки о жизни и сочиненіяхъ Н. А. Полеваго. 1860. Часть I, стр. 115.

съ умственною жизнію другихъ европейскихъ народовъ: «Телеграфъ» будетъ передавать читателямъ «изящное и полезное» въ области знаній, появляющееся въ Россіи и внѣ ея предѣловъ. Если иностранное названіе журнала могло и не понравиться отъявленному гонителю чужеземныхъ словъ Шишкову, то первыя строки программы должны были произвести на него самое пріятное впечатлѣніе: молодой издатель приводитъ выдержку изъ рѣчи при открытіи Бесѣды любителей россійскаго слова, надъ которою такъ подсмѣивались молодые литераторы.

Планъ «Телеграфа», какъ и планы другихъ изданій, составленные Полевымъ, служатъ весьма цѣннымъ матеріаломъ не только для исторіи журналистики, но и вообще для исторіи русской литературы того времени. Поэтому мы приводимъ ихъ съ совершенною точностью и полнотою, въ томъ самомъ видѣ, какъ сохранились они въ первыхъ источникахъ.

ПРЕДПОЛОЖЕНІЕ

объ изданіи съ будущаго 1825 года новаго повременнаго сочиненія подъ названіемъ „Московскій Телеграфъ“ [1]).

Nisi utile est quod facimus, stulta est gloria.
Федръ, кн. III, б. 17.

«Опытъ и здравое разсужденіе научаютъ насъ, что взглядъ на состояніе наукъ и словесности въ какомъ либо государствѣ есть вѣрный размѣръ его нравственной силы и могущества, и цвѣтущее состояніе наукъ и словесности есть вѣрное доказательство просвѣщенія народнаго: «Степень просвѣщенія,—сказалъ почтеннѣйшій нашъ писатель, открывая Бесѣду любителей русскаго слова,—опредѣляется большимъ или меньшимъ числомъ людей, упражняющихся и прилежащихъ къ полезнымъ знаніямъ и наукамъ».

«Сколь же пріятно сердцу русскому, обозрѣвая отечество, видѣть умножающуюся повсюду ревность къ ученымъ занятіямъ, къ упражненіямъ умственнымъ, утверждающимъ въ насъ вѣру въ Бога, любовь къ отечеству, вѣрность къ избранному Богомъ монарху нашему, ибо главнѣйшее основаніе просвѣщенія есть вѣра, добродѣтель и тщательное исполненіе обязанностей человѣка и гражданина: человѣкъ просвѣщенный есть человѣкъ добродѣтельный.

---

[1]) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія, дѣла 1824 года, № 114.

«Столь же и лестно для каждаго русскаго участвовать въ семъ великомъ дѣлѣ посильными своими способностями.

«Сими одушевляясь чувствами, нижеподписавшійся осмѣливается предположить, съ будущаго 1825 года, изданіе новаго повременнаго сочиненія.

«Въ настоящемъ состояніи наукъ и словесности въ Россіи, повременное сочиненіе, производя быстрое сообщеніе ученыхъ занятій, доставляя писателямъ удобный способъ сообщать свои сочиненія публикѣ и слышать мнѣнія просвѣщенныхъ особъ, предварительно прежде изданія оныхъ вполнѣ, въ то же время сообщая новѣйшія сочиненія, изысканія и открытія иностранныхъ ученыхъ мужей, представляя публикѣ чтеніе пріятное по самому разнообразію онаго, у насъ принесетъ пользы, конечно, болѣе, нежели въ каждомъ другомъ государствѣ. Все зависитъ отъ цѣли и намѣреній издателя.

«Нижеподписавшійся не поставляетъ цѣлью своего повременнаго изданія — легкое, поверхностное и забавное чтеніе, переводы летучихъ повѣстей, печатаніе мелкихъ стихотвореній и статей спорныхъ, гдѣ острота иногда замѣняетъ пользу.

«Избирая названіе «Московскаго Телеграфа», онъ желаетъ означить симъ названіемъ, что вниманіе его главнѣйше будетъ обращено на слѣдующее:

«1-е. Сообщеніе отечественной публикѣ статей, касающихся до нашей исторіи, географіи, статистики и словесности, которыя бы иностранцамъ показывали благословенное отечество наше въ истинномъ его видѣ.

«2-е. Сообщеніе также всего, что любопытнаго найдется въ лучшихъ иностранныхъ журналахъ и новѣйшихъ сочиненіяхъ, или что неизвѣстно еще на нашемъ языкѣ, касательно наукъ, искусствъ, художествъ вообще и словесности древнихъ и новыхъ народовъ.

«Вслѣдствіе сего «Телеграфъ» будетъ передавать взаимно изящное и полезное.

«Изъ «Телеграфа» исключаются: новости, извѣстія, замѣчанія и разсужденія политическія.

Въ «Телеграфѣ» не будетъ особеннаго раздѣленія статей, однакожъ, каждая книжка должна заключать сочиненія или переводы по слѣдующимъ четыремъ предметамъ.

I. Науки и искусства.

а) Исторія и археологія.

«Отрывки изъ классическихъ сочиненій — изслѣдованія о нравахъ, обычаяхъ, памятникахъ всѣхъ народовъ; историческая критика — разборъ лучшихъ историческихъ и археологическихъ со-

чиненій; извлеченія и переводы изъ древнихъ писателей греческихъ, латинскихъ, скандинавскихъ и славянскихъ, какъ-то: сербскихъ, польскихъ, богемскихъ.

«Главное мѣсто займетъ исторія отечественная, изслѣдованія о народахъ славянскихъ, народахъ сѣверныхъ, азіатскихъ, относительно Россіи: ихъ языкахъ, памятникахъ, лѣтописяхъ и проч., и проч.

«Непремѣнными и весьма обширными статьями въ «Телеграфѣ» будутъ слѣдующія:

«1-е Критическое обозрѣніе всѣхъ сочиненій, относящихся къ русской исторіи, отъ древнѣйшихъ временъ до нашего времени.

«2-е. Критическое обозрѣніе всѣхъ сочиненій, писанныхъ иностранцами о Россіи, кромѣ такихъ, гдѣ явная нелѣпость извѣстій не заслуживаетъ вниманія и опроверженія.

«Кромѣ того, нижеподписавшійся сообщитъ публикѣ многія, донынѣ малоизвѣстныя и вовсе неизвѣстныя рукописи и описанія древнихъ русскихъ памятниковъ, имѣя таковыя у себя уже готовыя и надѣясь на обѣщанія почтенныхъ любителей всего отечественнаго.

б) Географія и статистика.

«Кромѣ извѣстій географическихъ и статистическихъ о Россіи и описанія различныхъ многочисленныхъ обитателей нашего отечества, будутъ помѣщаемы лучшія географическія статьи изъ иностранныхъ журналовъ и новѣйшихъ сочиненій; изслѣдованія ученыхъ мужей и новыя путешествія по всѣмъ частямъ свѣта.

в) Эстетика. Изящныя искусства.

«Все, что можетъ служить къ утвержденію чистаго вкуса въ поэзіи и краснорѣчіи: древнія и новыя изслѣдованія писавшихъ о семъ предметѣ будутъ сообщаемы съ самымъ строгимъ выборомъ.

II. Словесность.

«Новѣйшія произведенія извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ писателей, во всѣхъ родахъ прозы, какъ-то: повѣсти, рѣчи, разговоры, описанія и проч.

«Отрывки изъ древнихъ классическихъ писателей. Нижеподписавшійся надѣется имѣть переводы съ языковъ: арабскаго, китайскаго, англійскаго и итальянскаго.

«Касательно стихотвореній, преимущественно будутъ помѣщаемы переводы изъ классическихъ авторовъ, или сочиненія, гдѣ

поэты изобразятъ русскія историческія событія или предметы нравственные. Рѣшительно въ «Телеграфъ» не будутъ принимаемы стихи нескромные и посредственные.

III. Библіографія и критика.

«Извѣстія о всѣхъ книгахъ, въ Россіи выходящихъ. Разборъ и замѣчанія на русскія книги по части изящной словесности, исторіи, географіи и статистики.

«Извѣстія о новыхъ иностранныхъ книгахъ вообще и разборъ примѣчательнѣйшихъ произведеній словесности французской, нѣмецкой, англійской и итальянской.

«Въ сихъ статьяхъ нижеподписавшійся обязанностію почтетъ: предлагать публикѣ сужденія безпристрастныя, тщательно соблюдая, чтобы не однѣ погрѣшности были замѣчены; но наиболѣе показаны достоинства сочиненій и разсуждаемо только о самыхъ сочиненіяхъ, не касаясь никакимъ образомъ до особы сочинителя.

«Посему антикритика и возраженія, гдѣ не соблюдено сіе правило, и вообще такія, гдѣ рѣчь идетъ о какихъ нибудь отношеніяхъ постороннихъ, а не объ настоящемъ дѣлѣ, помѣщаемы не будутъ.

«Кромѣ книгъ, будутъ разсматриваемы карты, рисунки и музыкальныя произведенія.

IV. Извѣстія и смѣсь.

«Собраніе небольшихъ статей, достойныхъ вниманія читателей, какъ-то: извѣстія иностранныя — не политическія; извѣстія отечественныя; анекдоты, жизнеописанія славныхъ или замѣчательныхъ современниковъ; новыя произведенія художествъ; выставки, засѣданія и задачи ученыхъ обществъ русскихъ и иностранныхъ; новыя открытія и изобрѣтенія; московскія событія, заслуживающія въ какомъ нибудь отношеніи быть извѣстными; извѣстія коммерческія; мелкія прозаическія сочиненія, какъ-то: мысли, притчи, нравоучительныя изрѣченія и проч.

«Для наполненія «Московскаго Телеграфа» нижеподписавшійся имѣетъ уже немалое количество статей разнаго содержанія и, предполагая выписать всѣ лучшіе журналы французскіе и нѣмецкіе, онъ отдѣляетъ значительную сумму на покупку новѣйшихъ сочиненій, которыя будутъ изданы въ слѣдующемъ году.

«Въ его трудахъ принимаютъ участіе многіе извѣстные русскіе писатели.

«Московскій Телеграфъ» будетъ состоять изъ 24 книжекъ въ годъ: черезъ двѣ недѣли, то-есть 1-го и 15-го чиселъ каждаго

мѣсяца, должна выходить одна книжка, содержащая отъ 5 до 4-хъ печатныхъ листовъ.

«Курскій 2-й гильдіи купецъ Николай, Алексѣевъ сынъ,

«Полевой».

Права Полеваго на изданіе журнала указаны въ слѣдующемъ представленіи попечителя Московскаго учебнаго округа министру народнаго просвѣщенія [1]).

«Курскій 2-й гильдіи купецъ Николай Полевой, желая съ генваря мѣсяца будущаго 1825 года издавать здѣсь въ Москвѣ повременное сочиненіе, подъ названіемъ: «Московскій Телеграфъ», проситъ позволенія на изданіе онаго. Касательно же ученія своего объявляетъ, что, не оставляя купеческаго званія, слушалъ онъ лекціи въ Московскомъ университетѣ въ 1811 и 1812, также въ 1820 и 1821 годахъ; изъ сочиненій же его и переводовъ многія статьи помѣщены въ «Вѣстникѣ Европы», «Сынѣ Отечества», «Сѣверномъ Архивѣ», «Русскомъ Вѣстникѣ», «Благонамѣренномъ» и въ трудахъ московскаго Общества любителей россійской словесности, къ сотрудникамъ коего причисленъ онъ въ 1822 году; а за разсужденіе подъ названіемъ: «Новый способъ спряженія русскихъ глаголовъ», въ томъ же году представленное въ императорскую россійскую академію, удостоенъ награжденія серебряною медалью.

«Церзурный при императорскомъ Московскомъ университетѣ комитетъ, основываясь на предписаніи предмѣстника вашего высокопревосходительства отъ 29-го іюня 1818 года, разсмотрѣвъ предположеніе о вышеозначенномъ повременномъ сочиненіи, не находитъ съ своей стороны никакого препятствія къ изданію «Московскаго Телеграфа».

«Представляя при семъ на благоусмотрѣніе вашего высокопревосходительства подробное изложеніе статей, планъ и цѣль означеннаго журнала, испрашиваю дозволенія вашего на изданіе сего журнала.

«Князь Андрей Оболенской».

Въ 1825 году, началъ выходить «Московскій Телеграфъ», журналъ литературы, критики, наукъ и художествъ. Первая книжка «Телеграфа» открывается статьею о призваніи журналиста. Въ числѣ важнѣйшихъ обязанностей для русскаго журналиста Полевой считаетъ безпристрастное наблюденіе за отечественною литературою, похвалу уму и знаніямъ и обличеніе невѣжества. Критика—пробный камень дарованій и добросовѣстности журналиста. Позволительна шутка надъ глупостью, но невыносимы личныя придирки и зависть къ таланту, пытающаяся avec respect enfoncer

[1]) Тамъ же.

le poignard. Хорошій актеръ негодуетъ на хлопанье райка; горе журналисту, если онъ нравится литературной черни [1]).

Въ первой книжкѣ «Телеграфа» появилось стихотвореніе Пушкина «Телѣга жизни» съ нѣкоторыми перемѣнами, сдѣланными княземъ Вяземскимъ:

Хоть тяжело подъ часъ въ ней бремя,
Телѣга на ходу легка;
Ямщикъ лихой, сѣдое время,
Везетъ, не слѣзетъ съ облучка.
Съ утра садимся мы въ телѣгу,
Мы погоняемъ съ ямщикомъ
И, презирая лѣнь и нѣгу,
Кричимъ: «валяй по всѣмъ по тремъ!»
Но въ полдень нѣтъ ужъ той отваги,
Порастрясло насъ, намъ страшнѣй
И косогоры, и овраги,
Кричимъ: «полегче, дуралей».
Катитъ попрежнему телѣга;
Подъ вечеръ мы привыкли къ ней
И, дремля, ѣдемъ до ночлега,
А время гонитъ лошадей.

Въ отдѣлѣ критики и библіографіи помѣщены: обозрѣніе русской литературы въ 1824 году и краткіе отзывы о различныхъ сочиненіяхъ на иностранныхъ языкахъ: французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ, итальянскомъ:

Минье — Histoire de la révolution française, и проч.

Шлоссера — Weltgeschichte in zusammenhängender Erzählung, и проч.

Narrative of a pedestrian journey, и проч. Описаніе путешествія пѣшкомъ черезъ Россію, отъ китайской границы до Ледовитаго моря и до Камчатки.

Osservationi intorno ai moderni sistemi sulli antichità Etrusche, и т. д.

Интересъ журнала вросталъ съ каждою новою книжкою. По замѣчанію одного изъ нашихъ писателей, со времени «Телеграфа» журналы стали преобладать въ нашей литературѣ, и только такія явленія, какъ поэма Пушкина или повѣсть Гоголя, могли обратить на себя всеобщее вниманіе и заставить, хотя на время, журналу предпочесть книгу.

Но чѣмъ сильнѣе былъ успѣхъ «Телеграфа», чѣмъ болѣе нравился онъ читателямъ, тѣмъ рѣшительнѣе выступали его противники, подвизавшіеся на журнальномъ поприщѣ. Въ высшей степени любопытны сужденія и взгляды, которые высказывались въ

---

[1]) «Московскій Телеграфъ» 1825 года, № 1, январь. Письмо издателя къ N. N., стр. 3—17; 49; 76—96.

тогдашней печати и литературныхъ кругахъ, а также и въ образованнѣйшей части общества.

Наиболѣе рѣзкія порицанія слышались въ журнальномъ мірѣ; чувство недоброжелательства весьма ясно обнаруживалось въ отзывахъ, и гласныхъ и негласныхъ, нѣкоторыхъ редакторовъ повременныхъ изданій, преимущественно «Сѣверной Пчелы». И самъ Полевой, и князь Вяземскій, предполагали и догадывались, что главная роль въ обвиненіяхъ, и притомъ не литературнаго свойства, принадлежала редакціи именно этой газеты. А такого рода обвиненія становились тѣмъ серьёзнѣе, что тогда еще живы были воспоминанія о роковомъ днѣ 14-го декабря со всѣми его послѣдствіями.

Помимо своекорыстныхъ разсчетовъ, дѣйствовали противъ Полеваго и другаго рода соображенія. Несочувствіе къ усвоенному имъ направленію выражали и писатели, не имѣвшіе ничего общаго съ людьми, прибѣгавшими къ навѣтамъ и доносамъ. Бывшій долгое время «одушевителемъ» «Московскаго Телеграфа» князь Вяземскій отшатнулся отъ него по причинамъ чисто-литературнымъ. По мнѣнію князя Вяземскаго, Полевой имѣлъ вредное вліяніе на нашу литературу въ томъ отношеніи, что онъ «у насъ родоначальникъ литературныхъ наѣздниковъ, какихъ-то кондотьери, низвергателей законныхъ литературныхъ властей. Онъ изъ первыхъ пріучилъ публику смотрѣть равнодушно, а иногда и съ удовольствіемъ, какъ кидаютъ грязью въ имена, освященныя славою и общимъ уваженіемъ, какъ, напримѣръ, въ имена Карамзина, Жуковскаго, Дмитріева, Пушкина» [1]). Прочитавши въ «Телеграфѣ» критику на исторію Карамзина, князь Вяземскій навсегда разстался съ издателемъ «Телеграфа». Нападки на Карамзина возбудили также негодованіе и въ Жуковскомъ, и въ Пушкинѣ. Даже Бѣлинскій, при всемъ своемъ сочувствіи къ критическимъ статьямъ и пріемамъ Полеваго, называетъ одною изъ важнѣйшихъ ошибокъ автора «Исторіи русскаго народа» отношеніе его къ историческому труду Карамзина. Бѣлинскій говоритъ: «Полевой напечаталъ въ своемъ журналѣ критическую статью объ «Исторіи государства Россійскаго». Статья была превосходно написана; мѣра заслугъ Карамзина оцѣнена въ ней была вѣрно, безпристрастно, съ полнымъ уваженіемъ къ имени знаменитаго писателя. Но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ явилось въ «Телеграфѣ» объявленіе о скоромъ выходѣ «Исторіи русскаго народа». Тогда появилась противъ Полеваго страшная буря: его статья объ исторіи Карамзина объяснялась его противниками, какъ предисловіе къ объявленію о подпискѣ на собственную исторію. Но всѣ эти вопли Полевому легко было сдѣ-

---

[1]) Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго, 1884 года, томъ IX, стр. 211.

лать ничтожными: ему стоило только всегда сохранять тонъ должнаго уваженія къ Карамзину, даже доказывая его ошибки. Но онъ не вытерпѣлъ, и досаду на своихъ противниковъ сталъ вымѣщать на исторіи Карамзина. Исторія русскаго народа явилась съ двойнымъ текстомъ: въ одномъ была исторія, а въ другомъ — довольно нехладнокровныя нападки на Карамзина, и каждому изъ этихъ текстовъ было отведено ровно въ полустраницѣ... Пожалѣемъ о слабости замѣчательнаго человѣка, но не будемъ оправдывать его слабости или называть ихъ добродѣтелью» [1]).

Въ обществѣ нашемъ, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторой его части, журналъ Полеваго возбуждалъ весьма оживленныя пренія и толки. Одни изъ выдающихся общественныхъ дѣятелей того времени высказывали большее или меньшее сочувствіе къ цѣли и направленію журнала; другіе относились къ нему весьма враждебно.

Московскій генералъ-губернаторъ князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ былъ почти постояннымъ защитникомъ Полеваго, стараясь нѣсколько смягчать карательныя мѣры противъ либеральнаго журналиста. Графъ Бенкендорфъ также принималъ иногда сторону Полеваго. Когда на Полеваго пало тяжкое обвиненіе въ распространеніи преступныхъ мыслей посредствомъ своего журнала, графъ Бенкендорфъ старался какъ бы выгораживать Полеваго. Послѣднее его объясненіе съ графомъ Бенкендорфомъ, въ въ присутствіи Уварова, требовавшаго запрещенія «Телеграфа», Ксеноф. Ал. Полевой описываетъ такимъ образомъ: «Вообще, какъ говорилъ мнѣ братъ мой, графъ Бенкендорфъ казался больше защитникомъ его, или, по крайней мѣрѣ, доброжелателемъ. Онъ не только удерживалъ порывы Уварова, но иногда подшучивалъ надъ нимъ, иногда просто смѣялся, и во все время страшнаго допроса, какой производилъ министръ просвѣщенія, шефъ жандармовъ старался придать характеръ обыкновеннаго разговора тягостному состязанію бѣднаго журналиста съ его обвинителемъ. Съ этой поры братъ мой составилъ себѣ мнѣніе о прекрасныхъ качествахъ души графа Бенкендорфа, который оправдалъ такое мнѣніе во всѣхъ послѣдующихъ сношеніяхъ съ нимъ» [2]). Не подобныя ли отношенія къ шефу жандармовъ послужили поводомъ къ тому, что Пушкинъ въ дневникѣ своемъ назвалъ Полеваго баловнемъ полиціи, умѣвшимъ увѣрить ее, что его либерализмъ пустая только маска [3])?

Враждебныя отношенія Уварова къ издателю «Телеграфа» братъ издателя объясняетъ колкими замѣчаніяніями, появлявшимися въ «Телеграфѣ» о календаряхъ, издаваемыхъ академіею наукъ, гдѣ

---

[1]) Николай Алексѣевичъ Полевой. Сочиненіе В. Бѣлинскаго, 1846 года, стр. 48.

[2]) Рукописныя записки Ксенофонта Алексѣевича Полеваго, часть II, глава VII, стр. 149.

[3]) Сочиненія А. С. Пушкина. Изданіе осьмое. 1882 года. Томъ V, стр. 233.

Уваровъ былъ президентомъ, и о «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», выходившихъ также при академіи.

Искреннимъ доброжелателемъ Полеваго былъ Н. С. Мордвиновъ, одинъ изъ замѣчательныхъ русскихъ людей своего времени. Вліяніе Мордвинова отражается и въ отношеніяхъ Шишкова къ издателю «Телеграфа». Лично для Шишкова особенно пріятно было то, что Полевой—коренной русскій человѣкъ, вышедшій изъ народа. Открывая русскому купцу возможность дѣйствовать въ литературѣ, Шишковъ былъ счастливъ тѣмъ, что даетъ ходъ чисто-русскому дарованію.

Намѣтивши въ общихъ чертахъ тѣ условія, при которыхъ дѣйствовалъ Полевой, представимъ нѣсколько наиболѣе крупныхъ и выдающихся данныхъ изъ исторіи его журнальной дѣятельности.

Прошло не болѣе двухъ съ половиною лѣтъ со времени появленія «Телеграфа», и Полевой нашелъ уже возможнымъ вмѣсто одного журнала издавать три повременныя изданія: газету—«Компасъ», литературный журналъ—«Московскій Телеграфъ» и ученый журналъ—«Энциклопедическія лѣтописи отечественной и иностранной литературъ». Въ іюлѣ 1827 года, Полевой представилъ въ цензурный комитетъ Московскаго университета планъ своихъ предполагаемыхъ изданій [1]):

«Предположивъ, въ концѣ 1824 года, издавать въ Москвѣ повременное сочиненіе, подъ названіемъ: «Московскій Телеграфъ», поставилъ я правиломъ для онаго: соединеніе полезнаго съ пріятнымъ и доставленіе отечественнымъ читателямъ разнообразнаго, и сколько поучительнаго, столько и занимательнаго, чтенія. Сего надѣялся я достигнуть, помѣщая въ «Телеграфѣ» статьи разнаго рода, изъ ученыхъ иностранныхъ новыхъ книгъ и журналовъ, присоединивъ къ тому: сочиненія отечественныхъ и иностранныхъ писателей, собственно къ словесности относящіяся; разныя современныя новости; критику на важныя или замѣчательныя явленія иностранныхъ литературъ и полное критическое обозрѣніе современной русской литературы, такъ что «Телеграфъ» составился изъ слѣдующихъ предметовъ: 1) науки и искусства; 2) критика и библіографія; 3) современныя происшествія; 4) словесность (стихи и проза); 5) смѣсь.

«Объемля сіи предметы, съ нѣкоторыми измѣненіями въ наружномъ расположеніи, втеченіе 1825 и 1826 продолжалъ я, и въ семъ 1827 году продолжаю, мое изданіе. Одобреніе трудовъ и занятій моихъ можетъ ручаться за нѣкоторый успѣхъ моего предпріятія. Имѣвъ честь удостоиться словесныхъ, письменныхъ и печатныхъ лестныхъ отзывовъ о «Телеграфѣ» отъ почтеннѣйшихъ особъ и литераторовъ отечественныхъ, изъ коихъ весьма многіе почтили «Те-

---

[1]) Архивъ с.-петербургскаго цензурнаго комитета, дѣла 1827 года, № 87.

леграфъ» своимъ участіемъ, я былъ, сверхъ того, удостоенъ принятія въ дѣйствительные члены московскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ, санктпетербургскаго Общества любителей словесности и казанскаго Общества любителей отечественной словесности. Осмѣливаюсь замѣтить, что «Телеграфъ» получилъ многія одобренія во французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ журналахъ и книгахъ. Статьи изъ онаго переводимы были съ похвалою въ иностранные журналы.

«Такое вниманіе отечественной и иностранной публики побуждало меня къ дальнѣйшему распространенію полезной цѣли моего изданія. Не смотря на нѣкоторый успѣхъ предпріятія, я видѣлъ, что цѣль моя достигнута не вполнѣ, ибо обзоры иностранныхъ литературъ были въ «Телеграфѣ» весьма недостаточны, обозрѣніе современныхъ происшествій неудовлетворительно, а также и обозрѣніе современной русской литературы.

«Главнѣйшимъ препятствіемъ былъ недостаточный размѣръ журнала; ибо, хотя число листовъ было увеличено мною, противъ обѣщаннаго въ программѣ, почти вдвое, я не могъ вмѣстить въ «Телеграфъ» ни одного отдѣленія вполнѣ, и весьма часто любопытныя и важныя статьи принужденъ былъ оставлять по недостатку мѣста. Многія извѣстія не могли имѣть цѣны новости, а желаніе ускорить сообщеніемъ вдругъ разнообразныхъ предметовъ замедляло появленіе книжекъ. Соображая все сіе, дабы составить полное обозрѣніе современнаго просвѣщенія и настоящія лѣтописи современной исторіи, нахожу я необходимымъ распространить и раздѣлить содержаніе моего журнала, и предполагаю издавать три слѣдующага содержанія изданія:

«1) Газету по два раза въ недѣлю, въ которой немедленно и кратко должны быть сообщаемы новости политическія и литературныя.

«2) Журналъ, въ которомъ должны заключаться ученаго и литературнаго содержанія статьи, сочиняемыя и переводимыя изъ лучшихъ иностранныхъ книгъ и журналовъ; критическіе разборы замѣчательныхъ произведеній, переводимые изъ иностранныхъ журналовъ, и критика отечественныхъ и иностранныхъ сочиненій, имѣющихъ временную занимательность, и, наконецъ,

«3) Журналъ совершенно ученаго содержанія, который могъ бы образовать собою авторитетъ русской ученой критики.

«Для выполненія такого полезнаго литературнаго предпріятія, предположено мною съ будущаго 1828 года, сверхъ «Телеграфа», еще изданіе газеты: «Компасъ», и журнала: «Энциклопедическія лѣтописи». Расположеніе какъ «Телеграфа», такъ и сихъ изданій предначертывается слѣдующее:

«Компасъ».

«Политическая и литературная газета должна выходить въ назначенные дни, два раза въ недѣлю, каждый разъ по одному листу, а всего 104 нумера въ годъ. Содержаніе оной:

«1) Извѣстія о современныхъ происшествіяхъ во всѣхъ частяхъ свѣта, извлекаемыя изъ иностранныхъ вѣдомостей.

«2) Извѣстія о разныхъ событіяхъ въ Россіи, важнѣйшихъ статистическихъ перемѣнахъ, ученыхъ и художественныхъ открытіяхъ, изобрѣтеніяхъ и проч.

«3) Ученыя извѣстія объ успѣхахъ наукъ и искусствъ въ другихъ государствахъ, объ ученыхъ обществахъ, біографическія и некрологическія извѣстія.

«4) Иностранная библіографія: извѣстія о произведеніяхъ иностранныхъ литературъ, съ краткими замѣчаніями.

«5) Отечественная библіографія: извѣстія о всѣхъ вновь выходящихъ въ Россіи книгахъ и журналахъ, географическихъ картахъ, важнѣйшихъ эстампахъ и нотахъ.

«6) Московскія записки: извѣстія о разныхъ событіяхъ московскихъ, увеселеніяхъ и проч.

«7) Театръ: извѣстія о новыхъ пьесахъ, представляемыхъ на с.-петербургскомъ и московскомъ театрахъ.

«8) Извѣстія коммерческія: о цѣнахъ товаровъ, вексельныхъ и денежныхъ курсахъ и другихъ предметахъ, касательно коммерціи отечественной и иностранной.

«По причинѣ скораго выхода сей газеты, осмѣливаюсь испрашивать разрѣшенія выпуска оной изъ типографіи, послѣ надлежащей цензуры, и не въ опредѣленные для собранія цензурнаго комитета дни.

«Московскій Телеграфъ».

«Журналъ словесности, критики, наукъ и искусствъ, который, на прежнемъ основаніи, долженъ выходить книжками два раза въ мѣсяцъ, а всего 24 № въ годъ. Содержаніе онаго:

«1) Литература. Статьи касательно теоріи и практики всѣхъ вообще знаній и наукъ (кромѣ богословія, медицины, математики, физики и химіи). Сочиненія и переводы въ стихахъ и прозѣ русскихъ литераторовъ.

«2) Критика. Разборы замѣчательныхъ явленій иностранныхъ литературъ, переводимые изъ иностранныхъ новыхъ книгъ и журналовъ. Разборы русскихъ сочиненій, составляемые иностранными критиками, съ замѣчаніями на оныя. Разборы произведеній отечественной и иностранной словесности, составляемые русскими критиками.

«3) Смѣсь. Переводныя и сочиняемыя статьи о нравахъ, обычаяхъ различныхъ народовъ; замѣчанія литературныя; разныя извѣстія.

«Энциклопедическія лѣтописи отечественной и иностранной литературъ».

«Сей журналъ долженъ состоять единственно изъ обширныхъ критическихъ разборовъ важнѣйшихъ произведеній русской, нѣмецкой, французской, англійской и итальянской литературъ,—такъ, какъ составляются извѣстные ученые журналы: Wiener Jahrbücher der Litteratur, Göllingische gelehrte Anzeigen, Quarterly Review, Journal des Savans и другіе.

«Разборы сіи будутъ обнимать всѣ отрасли знаній и будутъ составляемы извѣстнѣйшими учеными людьми нашего отечества, которые обѣщали, каждый по своей части, участвовать въ семъ совершенно новомъ въ Россіи, по содержанію своему, журналѣ.

«По составу и содержанію своему сей журналъ, требуя тщательной отработки и особеннаго внимательнаго занятія, будетъ выходить только четыре раза въ годъ, книгами отъ 15-ти до 20-ти печатныхъ листовъ каждая.

«Подкрѣпляемый вниманіемъ публики и участіемъ многихъ литераторовъ и ученыхъ мужей, осмѣливаюсь ласкать себя надеждою, что новыя предпріятія мои получатъ успѣхъ, при тѣхъ благотворныхъ содѣйствіяхъ, какими подкрѣпляются въ Россіи всѣ благія начинанія для пользы и чести отечества.

«Издатель «Московскаго Телеграфа»
«московскій 2-й гильдіи купецъ
«Николай, Алексѣевъ сынъ, Полевой».

На случай, если бы какія либо непредвидимыя обстоятельства воспрепятствовали, до истеченія годоваго срока, самому Полевому заниматься изданіемъ, онъ предоставлялъ право на всѣ три изданія члену-корреспонденту академіи наукъ Павлу Михайловичу Строеву, извѣстному многими учеными трудами. П. М. Строевъ изъявилъ полное согласіе продолжать, въ случаѣ надобности, дѣло начатое Полевымъ.

Главный цензурный комитетъ полагалъ дозволить Полевому изданіе журналовъ: «Московскій Телеграфъ» и «Энциклопедическія лѣтописи» и газеты «Компасъ»; что же касается политическихъ извѣстій и статей о театрѣ, то комитетъ представилъ это на разрѣшеніе министра. Министръ Шишковъ приказалъ снестись съ министромъ иностранныхъ дѣлъ на счетъ отдѣла полити-

ческихъ извѣстій. Сужденія о театральныхъ пьесахъ и объ игрѣ актеровъ не рѣшился дозволить на томъ основаніи, что «вопросъ о семъ остался неразрѣшеннымъ» и распоряженіе бывшаго министерства полиціи, запретившее печатать статьи объ игрѣ актеровъ, оставалось еще въ силѣ и даже вновь подтверждено въ 1824 году. «На прочее министръ изъявилъ свое согласіе». Но ему пришлось, неожиданно для него самого, перемѣнить свое рѣшеніе и, вмѣсто согласія, отвѣчать отказомъ. Такая перемѣна произошла вслѣдствіе того, что шефу жандармовъ Бенкендорфу представлено было нѣсколько записокъ, съ настойчивыми и весьма нехладнокровными обвиненіями Полеваго и его сотрудниковъ. Втеченіе пяти дней Бенкендорфъ получилъ три обвинительныя записки слѣдующаго содержанія:

I.

«19-го августа.

«Издатель журнала «Московскій Телеграфъ», купецъ Полевой, старается пріобрѣсть позволеніе на изданіе въ Москвѣ частной политической газеты, съ будущаго 1828 года. По сему случаю осмѣливаемся сдѣлать слѣдующія замѣчанія.

«1) Изданіе политической газеты даже въ конституціонныхъ государствахъ повѣряется людямъ, извѣстнымъ своею привязанностію къ правительству, опытнымъ и умѣющимъ дѣйствовать на мнѣніе. Въ политической газетѣ самое молчаніе о предметахъ, могущихъ произвести пріятное впечатлѣніе, и простой голый разсказъ о событіяхъ, представляющихъ власть въ видѣ превратномъ, могутъ волновать умы и посѣвать неблагопріятныя ощущенія въ читателяхъ. Цензура не можетъ заставить издателя разсуждать въ пользу монархическаго правленія, или говорить, гдѣ ему угодно молчать, а потому духъ газеты всегда зависитъ отъ образа мыслей издателя. Г. Полевой, по происхожденію своему, принадлежитъ къ среднему сословію, которое, по натурѣ вещей, всегда болѣе наклонно къ нововведеніямъ, обѣщающимъ имъ уравненіе въ правахъ съ привиллегированными классами: сей образъ его мыслей обнаруженъ въ поданномъ министру финансовъ мнѣніи московскаго купечества, въ концѣ царствованія блаженной памяти императора Александра. Мнѣніе сіе сочинено г. Полевымъ и въ свое время произвело большіе толки: тамъ и Вольтеръ, и Дидеротъ выведены на сцену для защиты правъ московскаго купечества. Въ «Московскомъ Телеграфѣ» безпрестанно помѣщаются статьи, запрещаемыя с.-петербургскою цензурою, и разборы иностранныхъ книгъ, запрещенныхъ въ Россіи. Въ нынѣшнемъ году помѣщались тамъ письма А. Тургенева изъ Дрездена, гдѣ явно обнаружено сожалѣніе о погибшихъ друзьяхъ и прошедшихъ златыхъ временахъ. Вообще духъ сего журнала есть оппозиція, и все, что запрещается въ Петербургѣ го-

ворить о независимыхъ областяхъ Америки и ея герояхъ, съ восторгомъ помѣщается въ «Московскомъ Телеграфѣ». Сіе замѣчено уже и генераломъ Волковымъ.

«2) Г. Полевой, по своему рожденію, не имѣя мѣста въ кругу большаго свѣта, ищетъ протекціи людей высшаго состоянія, занимающихся литературою, и, само по себѣ разумѣется, одинакаго съ нимъ образа мыслей. Главнымъ его протекторомъ и даже участникомъ по журналу есть извѣстный князь Петръ Андреевичъ Вяземскій, который, промотавшись, всѣми средствами старается о пріобрѣтеніи денегъ. Образъ мыслей Вяземскаго можетъ быть достойно оцѣненъ по одной его стихотворной пьесѣ: Негодованіе, служившей катехизисомъ заговорщиковъ, которые чуждались его единственно по его безхарактерности и непомѣрной склонности къ игрѣ и крѣпкимъ напиткамъ. Сей-то Вяземскій есть Меценатомъ Полеваго и надоумилъ его издавать политическую газету [1]).

«3) Москва есть большая деревня. Тамъ вещи идутъ другимъ порядкомъ, нежели въ Петербургѣ, и цензура тамъ никогда не имѣла ни постоянныхъ правилъ, ни ограниченнаго круга дѣйствія. Замѣчательно, что отъ временъ Новикова всѣ запрещенныя книги и всѣ вредныя, нынѣ находящіяся въ оборотѣ, напечатаны и одобрены въ Москвѣ. Даже «Думы» Рылѣева и его поэма Войнаровскій, запрещенныя въ Петербургѣ, позволены въ Москвѣ. Все запрещаемое здѣсь печатается безъ малѣйшаго затрудненія въ Москвѣ. Сколько было промаховъ по газетамъ и журналамъ, то всегда это случалось въ Москвѣ. Всѣ политическія новости и внутреннія происшествія иначе понимаются и иначе толкуются въ Москвѣ, даже людьми просвѣщенными. Москва, удаленная отъ центра политики, всегда превратно толковала происшествія, и журналы, даже статьи изъ петербургскихъ газетъ, помѣщаютъ их часто столь неудачно съ пропусками, что дѣла представляются въ другомъ видѣ. Вообще, московскіе цензоры, не имѣя никакого сообщенія съ министерствами, въ политическихъ предметахъ поступаютъ наобумъ и часто дѣлаютъ непозволительные промахи. По связямъ Вяземскаго, они почти безусловно ему повинуются.

«4) Г. Полевой, какъ сказано, состоитъ подъ покровительствомъ князя Вяземскаго, который, по родству съ женою покойнаго исторіографа Карамзина, находится въ связяхъ съ товарищемъ министра просвѣщенія Блудовымъ. Не взирая на то, что самъ Карамзинъ зналъ истинную цѣну Вяземскаго, Блудовъ, изъ уваженія къ памяти Карамзина, не откажетъ ни въ чемъ Вяземскому. Изъ угожденія Блудову, можно въ крайности позволить Полевому помѣщать

---

[1]) Эти обвиненія вскорѣ сдѣлались извѣстны князю Вяземскому и вызвали со стороны его горячія опроверженія въ письмахъ къ князю Д. В. Голицыну, напечатанныхъ въ «Полномъ собраніи сочиненій князя П. А. Вяземскаго» (томъ IX, стр. 99—106. См. также томъ II, стр. 98—102 и др.).

политику въ своемъ двухъ-недѣльномъ журналѣ «Московскомъ Телеграфѣ», но выдавать особую политическую газету въ Москвѣ невозможно, по причинамъ вышеизъясненнымъ и для предупрежденія зла, которое послѣ гораздо труднѣе будетъ истребить.

«Весьма полезно было бы, чтобы вообще позволеніе вновь издавать политическія газеты даваемо было не иначе, какъ съ высочайшаго разрѣшенія, какъ сіе дѣлается во Франціи.

II.

«21-го августа.

«Я на угадъ выбралъ по одной книжкѣ изъ первыхъ четырехъ мѣсяцевъ 1827 года. Въ прошлыхъ годахъ есть гораздо сильнѣйшія вещи, именно политическія.

«1) Если со вниманіемъ прочесть замѣченныя мѣста въ первой статьѣ № 1, то ясно обнаружится желаніе издателя — дать почувствовать читателямъ, что письмо сіе пишется Николаю Тургеневу подъ вымышленными буквами, явный ропотъ противу притѣсненія просвѣщенія, которое называютъ запретною розою, и сожалѣніе о погибшихъ друзьяхъ, на страницѣ 9, было всѣми понято и доставило большой ходъ журналу. Въ статьѣ все жалуются на два послѣдніе года, т. е. 1825 и 1826 — время отлучки Тургенева и ссылки бунтовщиковъ. Все такъ ясно изъяснено, что не требуетъ поясненій.

«2) Въ № 4, февраль, статья: Путешествіе въ Эрменонвиль, написана въ такомъ духѣ, что сочинитель Contrat Social представленъ первымъ и величайшимъ философомъ. Извѣстно, сколько зла надѣлалъ Руссо своими мечтаніями, а ему велятъ вѣрить! Стоитъ прочесть всю статью, что отмѣчено.

«3) Въ № 6, мартъ, статья: Философія исторіи, наполнена революціонныхъ правилъ. Стоитъ прочесть замѣченныя мѣста. Особенно достойно примѣчанія мѣсто на концѣ 113 и переносъ на 114 страницу. Спрашивается, что значитъ: «ученіе средины послѣдняго вѣка, которое навѣки пребудетъ убѣжищемъ всѣхъ избранныхъ душъ». Каждый школьникъ знаетъ, чему учили энциклопедисты въ половинѣ 18-го столѣтія.

«4) Въ № 7, апрѣль, приведено доказательство, какъ издатель умѣетъ въ рецензіи поэзіи примѣшивать политику. Замѣченныя мѣста содержатъ въ себѣ самый явный карбонаризмъ.

III.

«23-го августа.

«Издатель «Московскаго Телеграфа» Полевой самъ пріѣхалъ сюда хлопотать о позволеніи издавать съ будущаго 1828 года политическую газету: «Компасъ», т. е. указатель и руководитель

мнѣній. Полеваго покровительствуютъ всѣ такъ называемые патріоты, и даже Мордвиновъ. Всѣ замѣченные въ якобинизмѣ москвичи: Титовъ, Кирѣевскій, Соболевскій—сотрудники «Телеграфа». Покровители онаго князь Вяземскій и бывшій профессоръ Давыдовъ, самый отважный якобинецъ. Если свыше не взято будетъ мѣръ, то якобинство пріобрѣтетъ величайшую силу для дѣйствованія на умы. Дѣло о «Компасѣ» уже въ ходу, и всѣ русскіе такъ называемые патріоты торжествуютъ. Здѣсь ходатаемъ Полеваго нѣкто Нечаевъ, принадлежавшій къ союзу благоденствія, какъ то оказалось изъ добровольнаго сознанія тульскаго почтмейстера. Самъ Полевой нынѣ въ Петербургѣ; Нечаевъ возилъ его къ Мордвинову, и онъ уже похваляется согласіемъ Блудова и министра и говоритъ, что для него будетъ разрѣшено печатать извѣстія безъ сношенія съ министерствами.

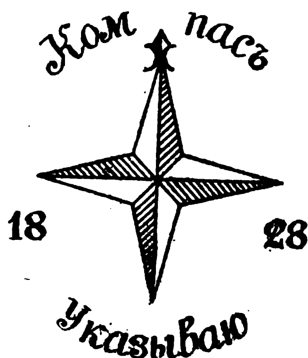
«Я счелъ непремѣннымъ долгомъ еще разъ обратить вниманіе на сей предметъ; ибо, по всѣмъ извѣстіямъ, духъ молодежи въ Москвѣ весьма дуренъ. Соболевскій, побочный сынъ Сойманова, замѣченный въ весьма либеральныхъ правилахъ и извѣстный по письму сомнительнаго содержанія къ Кирѣевскому, прибылъ сюда и остановился у кавалергардскаго офицера князя Трубецкаго, въ домѣ Устинова, у Семеновскаго моста.

«Кирѣевскаго также ожидаютъ.

«Т..овъ здѣсь служитъ въ иностранной коллегіи. Молодой человѣкъ развратныхъ правилъ.

«Вчера въ цензурномъ комитетѣ подписанъ журналъ о дозволеніи издавать въ Москвѣ: газету «Компасъ» (политическую) и журналъ «Энциклопедія». Какія заглавія одни!!

«Вотъ ихъ виньеты:

«Извѣстный Соболевскій (молодой человѣкъ изъ московской либеральной шайки) ѣдетъ въ деревню къ поэту Пушкину и хочетъ уговорить его ѣхать съ нимъ за границу. Было бы жаль. Пушкина надобно беречь какъ дитя. Онъ поэтъ, живетъ вообра-

женіемъ и его легко увлечь. Партія, къ которой принадлежитъ Соболевскій, проникнута дурнымъ духомъ. Атаманы — князь Вяземскій и Полевой; пріятели: Титовъ, Шевыревъ, Рожалинъ и другіе москвичи. Соболевскій водится съ кавалергардами».

Въ одной изъ приведенныхъ записокъ, стихотвореніе князя Вяземскаго «Негодованіе» называется катехизисомъ декабристовъ. Въ этомъ, весьма длинномъ, стихотвореніи, написанномъ въ 1818 году, поводомъ къ обвиненію автора послужили стихи въ родѣ слѣдующихъ [1]):

Бевстыдство предсѣдитъ въ собраніи вельможъ...
Зрѣлъ промышляющихъ спасительнымъ глаголомъ,
Ханжей, торгующихъ ученіемъ святымъ,
Въ забвеньи Бога душа — однимъ земнымъ престоламъ
Кадящихъ трепетно, однимъ богамъ земнымъ.
  Хранители казны народной,
  На правый судъ сберитесь вы;
Отвѣтствуйте: гдѣ дань отчаяной вдовы?
  Гдѣ подать сироты голодной?
Корыстною рукой заграбилъ ихъ развратъ.
Презрѣвъ укоръ людей, забывъ небесъ угрозы,
Испили жадно вы средь пиршескихъ прохладъ
Кровавый потъ труда и нищенскія слезы.
На хищный вашъ алтарь въ усердіи слѣпомъ
Народъ имущество и жизнь свою приноситъ...
...Загорится день, день торжества и казни;
Раздастся пѣснь побѣдъ вамъ, истины жрецы,
  Вамъ, други чести и свободы!
  Вамъ—плачъ надгробный, вамъ, отступники природы,
  Вамъ, притѣснители, вамъ, низкіе льстецы!..

По собственному свидѣтельству князя Вяземскаго, стихотвореніе «Негодованіе» написано имъ «не въ мятежномъ и не въ ниспровергающемъ, а въ либеральномъ и конституціонномъ духѣ, или законно-свободномъ, по выраженію императора Александра» [2]).

Статья «Московскаго Телеграфа», помѣщенная въ первой книжкѣ 1827 года, въ видѣ письма будто бы къ Николаю Тургеневу и будто бы сѣтующая о судьбѣ декабристовъ, въ дѣйствительности называется: Взглядъ на русскую литературу 1825 и 1826 годовъ, письмо въ Нью-Іоркъ, къ С. Д. П., т. е. къ Сергѣю Дмитріевичу Полторацкому, съ которымъ Полевой находился въ дружескихъ отношеніяхъ, начиная съ 1825 года [3]). Такъ какъ статья посвящена краткому обзору русской литературы 1825 и

---

[1]) Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго, 1880, томъ III, стр. 164—169.

[2]) Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго, 1879, томъ II, стр. XI.

[3]) Объ отношеніяхъ Н. А. Полеваго къ С. Д. Полторацкому говорится въ запискахъ Кс. А. Полеваго, 1860, ч. I, стр. 226—230.

1826 годовъ, то весьма естественно, что въ ней идетъ рѣчь именно объ этихъ годахъ. Обвиненіе въ порицаніи притѣснительныхъ мѣръ противъ просвѣщенія относится къ слѣдующему мѣсту статьи: «Со времени двухлѣтней отлучки твоей, съ тѣхъ поръ, какъ ты самъ пересталъ быть внимательнымъ наблюдателемъ литературы отечественной, участь ея мало перемѣнилась. Эта запретная роза остается попрежнему запретною: соловьи свищутъ около нея, но, кажется, не хотятъ или не смѣютъ влюбиться постоянно, и только рои пчелъ и шмелей высасываютъ медъ изъ цвѣточка, который ни вянетъ, ни цвѣтетъ, а остается такъ, въ какомъ-то грустномъ, томительномъ состояніи. Подумаешь, что русская литература выбрала девизомъ: впередъ не забѣгай, назади не оставайся и въ срединѣ не вертись». Весьма прозрачный намекъ на декабристовъ, немало способствовавшій успѣху журнала, видѣли въ словахъ статьи: «Смотрю на кругъ друзей нашихъ, прежде оживленный, веселый, и часто, думая о тебѣ, съ грустью повторяю слова Сади или Пушкина, который намъ передалъ слова Сади: Однихъ ужъ нѣтъ; другіе странствуютъ далеко»[1]).

Обвинительныя записки сдѣлали свое дѣло. Шишковъ долженъ былъ взять назадъ свое дозволеніе и, вопреки своему желанію и рѣшенію, отвѣчать цензурному комитету такимъ образомъ: «Я не могу изъявить своего согласія, во-первыхъ, потому, что въ составъ одного изъ сихъ сочиненій входятъ политическія извѣстія, которыя московскій цензурный комитетъ, не имѣя опредѣленнаго уставомъ о цензурѣ особаго наставленія, разсматривать и одобрять къ напечатанію безъ затрудненія не можетъ; и, во-вторыхъ, что для позволенія г. Полевому распространить кругъ дѣйствія своего, какъ повременному издателю, надлежитъ, на основаніи существующихъ узаконеній, имѣть правительству надежнѣйшее того обезпеченіе, которое признано достаточнымъ для издаванія одного только «Телеграфа». При семъ почитаю нужнымъ подтвердить г. Полевому, касательно издаваемаго имъ журнала, чтобы онъ при выборѣ помѣщаемыхъ въономъ статей, дѣйствовалъ съ величайшею осмотрительностію»[2]).

Враги Полеваго, торжествуя побѣду, поспѣшили заявить, куда, слѣдуетъ, о впечатлѣніи, которое произвелъ отрицательный отвѣтъ Шишкова. Они писали Бенкендорфу:

«Достойно замѣчанія, что за Полевымъ, намѣревавшимся издавать «Компасъ» и «Энциклопедію» въ Москвѣ, кромѣ своего «Телеграфа», пріѣхала въ Петербургъ цѣлая когорта москвичей, изъ коихъ самый дурной, сотрудникъ его, Соболевскій, а самый

[1]) «Московскій Телеграфъ», 1827, ч. XIII. Отдѣленіе первое, стр. 5—9.

[2]) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія. Дѣла 1825—1827 г., № 188 (127,219); 1-й столъ.

безтолковый и подозрительный цензоръ его Снигиревъ, который, имѣя порученіе визитировать школы въ Новгородѣ, заѣзжалъ въ Петербургъ. Полеваго сильно протежировали такъ называемые русскіе патріоты, или, какъ ихъ въ насмѣшку называютъ, русскіе думники. Первымъ протекторомъ былъ Н. С. Мордвиновъ. Блудовъ протежировалъ лишь по связи съ Вяземскимъ. Возилъ повсюду Полеваго извѣстный журналистъ Свиньинъ, который слыветъ подъ именемъ мѣднаго лба и patriote réchauffé. Кикинъ сильно дѣйствовалъ въ его пользу. Никто изъ нихъ не сомнѣвался въ успѣхѣ, и всѣ крайне удивились, когда Шишковъ объявилъ въ свое оправданіе, что запрещено свыше. Впрочемъ, Шишковъ, вѣроятно, видѣлъ предосудительныя мѣста въ «Телеграфѣ», ибо онъ былъ раздосадованъ на Полеваго и даже сказалъ: «Если бъ мнѣ порядочно досталось за этотъ журналъ, то въ первый разъ было бы подѣломъ!» Жена Шишкова говорила, что Н. С. Мордвиновъ сильно нападалъ на ея мужа, зачѣмъ онъ не отстоялъ Полеваго, ибо онъ купецъ и патріотъ, а намъ должно поддерживать русскія дарованія.

«Литераторы здѣшніе и даже многіе москвичи чрезвычайно рады этому запрещенію. Полевой приписываетъ князю Дмитрію Владиміровичу Голицыну сіе запрещеніе. Патріоты, такъ называемые думники, повѣсили носъ.

«Здѣсь получено извѣстіе, что Вяземскій переходитъ къ другой партіи и научаетъ молодыхъ людей: Михайлу Дмитріева, Писарева молодаго и еще нѣсколькихъ, испросить позволеніе на изданіе политической газеты въ Москвѣ. Ему непремѣнно хочется имѣть въ Москвѣ частную политическую газету».

Полученный отказъ и зловѣщее «подтвержденіе» послужили началомъ цѣлаго ряда мѣръ, направленныхъ противъ журнальныхъ предпріятій Полеваго. Не смотря на множество замѣчаній, выговоровъ, внушеній и совѣтовъ, имѣвшихъ обязательную силу приказаній, Полевой не падалъ духомъ и съ замѣчательною послѣдовательностью стремился къ достиженію намѣченной цѣли. Въ 1831 году онъ выступилъ съ новымъ проектомъ, который здѣсь и приводимъ [1]):

«Начертаніе «Московскаго Телеграфа» на 1832-й годъ.

«Не смотря на лестные отзывы и письменныя и печатныя похвалы мужей ученыхъ и достойныхъ всякаго уваженія, также постоянное вниманіе читающей публики, издатель «Московскаго Телеграфа» полагаетъ, что онъ не достигалъ вполнѣ своей цѣли.

---

[1]) Архивъ министерства народнаго просвѣщенія. Дѣла 1831 года. № 420. (147,081).

«Разнообразное, пріятное и полезное чтеніе имѣлъ издатель въ виду. Для чего соединялъ онъ въ каждой книжкѣ «Телеграфа» статьи самаго различнаго содержанія: ученыя, литературныя, сатирическія, стихотворенія, описанія модъ и проч.

«Но сіе соединеніе представляло болѣе пестроту, нежели систематическое разнообразіе. Статьи мѣшались одна съ другою, прерывались невольно, и всегда была теряема читателями послѣдственность предметовъ.

«Общій планъ для каждой книжки «Телеграфа», съ малыми измѣненіями, состоитъ въ семъ 1831 году въ слѣдующемъ:

«1) Статьи ученаго содержанія;

«2) Изящная словесность;

«3) Рецензіи;

«4) Библіографія;

«5) Матеріалы для наукъ и знаній;

«6) Статьи о театрѣ;

«7) Отечественныя извѣстія;

«8) Мелкія статьи и смѣсь.

«9) Особое прибавленіе сатирическаго содержанія подъ названіемъ: Новый живописецъ общества и литературы, и при немъ парижскія моды.

«Съ 1832 года издатель предполагаетъ издавать «Телеграфъ» въ трехъ разныхъ отдѣленіяхъ, а именно:

«1) Четыре большія книжки въ годъ, каждая черезъ четыре мѣсяца, подъ названіемъ: «Московскій Телеграфъ».

«2) Пятьдесятъ двѣ небольшія книжки въ годъ, каждая черезъ недѣлю, подъ названіемъ: Прибавленіе къ «Московскому Телеграфу».

«3) Сто четыре полулиста на французскомъ языкѣ подъ названіемъ: Journal des modes.

«На сіе послѣднее отдѣленіе подписка будетъ приниматься отдѣльно, а два первыя отдѣленія будутъ выдаваемы на подписку совокупно.

«Московскій Телеграфъ».

«Содержаніе его составятъ:

«1) Рецензіи на книги русскія и иностранныя. Содержаніе рецензій будетъ опредѣляться книгами, которыя составятъ предметъ критическаго разбора. А посему все, что только входитъ въ область литературы, наукъ, искусствъ, художествъ, знаній, даже ремеслъ, будетъ здѣсь заключаться въ обширныхъ систематическихъ статьяхъ.

«Исключаются только статьи о книгахъ духовныхъ, и вобще до богословія касающихся; также статьи касательно современной по-

литики. Но событія нашего времени въ исторической формѣ, то есть, когда они поступили въ область исторіи, а не составляютъ предмета политики, не исключаются. Такъ, напримѣръ, если бы встрѣтилась книга, заключающая въ себѣ описаніе послѣдней войны Россіи съ Турціею, она можетъ быть предметомъ рецензіи; но книги о событіяхъ 1830 и 1831 годовъ исключаются.

«2) Матеріалы для исторіи, географіи и статистики русской, какъ-то: грамоты, древнія сочиненія, описанія городовъ, областей русскихъ, и вообще историческія, географическія и статистическія изслѣдованія о Россіи, древней и новой.

«Прибавленіе къ «Московскому Телеграфу».

«1) Статьи оригинальныя и переводныя, о наукахъ, искусствахъ, художествахъ, знаніяхъ, даже ремеслахъ, всѣхъ безъ исключенія, съ исключеніемъ только статей духовныхъ, богословскихъ вообще, и касающихся современной политики, съ оставленіемъ историческихъ очерковъ современныхъ, когда они не заключаютъ въ себѣ ничего политическаго.

«2) Изящная словесность: сочиненія и переводы всѣхъ родовъ, въ стихахъ и прозѣ.

«4) Библіографія русская и иностранная.

«4) Статьи о театрѣ.

«5) Мелкія разныя статьи; сатирическія статьи; статьи о нравахъ, обществѣ, литературѣ; смѣсь и пр.

«Journal des modes.

«Содержаніе каждаго полулиста составятъ краткія замѣчанія о модахъ, модныхъ обычаяхъ, книгахъ, составляющихъ легкое чтеніе, смѣсь, анекдоты, словомъ: легкое чтеніе для дамъ.

«При каждомъ полулистѣ будетъ находиться картинка парижскихъ дамскихъ или мужскихъ модъ; иногда изображенія мебелей, экипажей и проч.

«При книжкахъ «Телеграфа» и «Прибавленія» будутъ иногда находиться портреты, картинки, ноты, карты географическія и проч.

«При такомъ расположеніи, можно надѣяться скорѣе удовлетворить какъ любознанію читателей, ищущихъ чтенія важнаго и систематическаго, такъ и охотѣ тѣхъ читателей, которые ищутъ только пріятнаго, занимательнаго чтенія и бѣглаго удовлетворенія любопытства новостью и пестротою статей журнальныхъ.

«Излишне было бы говорить здѣсь, что какъ донынѣ священною обязанностію поставлялъ издатель глубокое благоговѣніе къ священнымъ истинамъ религіи и государственныхъ постановленій,

такъ и впредь первымъ долгомъ себѣ поставитъ сію обязанность христіанина, гражданина и честнаго человѣка. Пламенное усердіе къ отечеству, руководствуемое вѣрноподданническою любовію къ престолу великаго монарха нашего, будетъ одушевлять все, что онъ мыслитъ и пишетъ. Послѣ сихъ основныхъ правилъ—возможное стараніе быть полезнымъ литературными трудами своими соотечественникамъ — такова цѣль его!

«Николай Полевой,

московскій 2-й гильдіи купецъ и кавалеръ, членъ совѣта московской практической коммерческой академіи, московскаго отдѣленія мануфактурнаго совѣта и ученыхъ обществъ: московскаго исторіи и древностей россійскихъ, московскаго любителей россійской словесности, с.-петербургскаго соревнователей благотворенія и просвѣщенія и казанскаго любителей россійской словесности».

Представляя въ главное управленіе цензуры проектъ Полеваго, предсѣдатель московскаго цензурнаго комитета князь С. М. Голицынъ счелъ нужнымъ присовокупить собственное свое мнѣніе, заключающееся въ томъ, дабы «журналъ «Московскій Телеграфъ», на предбудущее время, ограничивался одною только литературою, по той причинѣ, что неоднократно въ ономъ помѣщались такія статьи, которыя не совсѣмъ-то были одобряемы высшимъ начальствомъ, и что издатель онаго, купецъ Николай Полевой, не пользуется совершенною довѣренностію правительства». Министръ народнаго просвѣщенія князь Ливенъ представилъ государю программу предполагаемыхъ Полевымъ изданій. Императоръ Николай Павловичъ написалъ: «Не дозволять, ибо и нынѣ ничуть не благонадежнѣе прежняго». Рѣшеніе это послѣдовало въ Москвѣ 7 ноября 1831 года.

М. И. Сухомлиновъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ПОѢЗДКА ВЪ ЯСНУЮ ПОЛЯНУ.

(Помѣстье графа Л. Н. Толстаго).

ИЗЪ ПИСЬМА къ редактору: «Вы мнѣ предложили разсказать для читателей «Историческаго Вѣстника» о моемъ недавнемъ посѣщеніи Ясной Поляны, помѣстья графа Л. Н. Толстаго. Охотно беру изъ моей записной книжки, относительно этой поѣздки, то, что̀ въ правѣ былъ бы, не нарушая чужой скромности, разсказать всякій, посѣтившій жилище знаменитаго отечественнаго писателя».

Это было минувшею осенью. Стояла теплая, тихая погода. Легкія бѣлыя облачка рѣдѣли и таяли надъ зелеными холмами, долинами и желтѣющими лѣсами Крапивенскаго уѣзда, Тульской губерніи. Солнце готовилось выглянуть. Былъ полдень 22 сентября.

Скорый поѣздъ курской дороги, не доѣзжая Тулы, остановился на двѣ минуты у станціи Ясенки. Я вышелъ изъ вагона и пересѣлъ въ тарантасъ.

Каждый, кому дорого имя любимѣйшаго изъ русскихъ писателей, творца «Войны и мира» и «Анны Карениной», пойметъ, съ какимъ чувствомъ, получивъ на пути пригласительную телеграмму, я ѣхалъ навѣстить хозяина Ясной Поляны.

Иностранцы, въ особенности англичане, съ особенною любовью встрѣчаютъ въ печати описанія жилищъ и домашней обстановки своихъ писателей, художниковъ, общественныхъ и государствен-

ныхъ дѣятелей. Въ «Graphic», «Illustrated London News» и другихъ изданіяхъ давно помѣщены превосходныя фотогравюры и описанія деревенскихъ жилищъ Теннисcона, Диккенса, Гладстона, Вальтеръ-Скотта, Кòллинза и друг. Здѣсь изображены не только «рабочіе кабинеты», «пріемныя» и «столовыя» лучшихъ слугъ Англіи, но и мѣста ихъ обычныхъ сельскихъ прогулокъ, скамьи подъ любимыми деревьями, виды на поля и пруды и проч. Нельзя не пожалѣть, что наши художники еще не ознакомили русскаго общества съ видами помѣстьевъ Гоголя, Аксаковыхъ, Островскаго, Хомякова, Григоровича, Фета, Л. Н. Толстаго и другихъ. Это въ особенности приходитъ въ голову при посѣщеніи Ясной Поляны.

Ѣдучи въ это помѣстье, я невольно вспомнилъ и другое обстоятельство, а именно тѣ странные и противорѣчивые толки и слухи, которые въ послѣднее время возникли о гр. Л. Н. Толстомъ, не только въ обществѣ, но и въ печати. Еще недавно, въ изданной весною 1884 года, въ пользу литературнаго фонда, перепискѣ Тургенева, всѣ съ недоумѣніемъ прочли трогательное, предсмертное письмо карандашемъ автора «Дворянскаго гнѣзда» къ графу Л. Н. Толстому. Умирающій Тургеневъ обращался къ послѣднему (въ іюнѣ 1883 года, изъ Буживàля) съ такими загадочными, послѣдними словами: «Милый и дорогой Левъ Николаевичъ! другъ мой, вернитесь къ литературной дѣятельности!.. Другъ мой, великій писатель Русской земли, внемлите моей просьбѣ...». Разнообразные толки и пересуды о графѣ Л. Н. Толстомъ, какъ извѣстно, выросли, наконецъ, въ цѣлыя легенды. Иностранная печать подхватила эти толки и пошла еще далѣе. Въ одномъ изъ выпусковъ извѣстнаго парижскаго журнала «Le Livre» (№ 70, 1885 г., стр. 549) подъ заглавіемъ «Россія» явилось даже такое чудовищное извѣстіе: «Увѣряютъ, что графъ Левъ Николаевичъ Толстой постигнутъ умопомѣшательствомъ и что его должны подвергнуть заключенію». Въ этомъ извѣстіи удостовѣряется, между прочимъ, будто Л. Н. Толстой «бросилъ перо писателя, чтобы лично заняться усовершенствованіемъ обуви и одежды», и проч., и проч.

Намъ, русскимъ, не въ диковину подобныя разглашенія о людяхъ, съ самостоятельнымъ, сильнымъ умомъ, переживающихъ душевную борьбу. «Милліонъ терзаній» Чацкаго кончился извѣстною сценою:

«Съ ума сошелъ? — А, знаю, помню, слышалъ!
«Какъ мнѣ не знать? примѣрный случай вышелъ...
«Схватили, въ желтый домъ и на цѣпь посадили!
«— Помилуй! онъ сейчасъ здѣсь въ комнатѣ былъ, тутъ...
«— Такъ съ цѣпи, стало быть, спустили!».

Помню, что подъ впечатлѣніемъ подобныхъ же ложныхъ толковъ я ѣхалъ когда-то съ покойнымъ О. М. Бодянскимъ впервые къ Гоголю. Объ этомъ свиданіи я разскажу въ другое время. Надо

надѣяться, что извѣстный, острый эпизодъ съ отношеніями русской критики пятидесятыхъ годовъ къ Гоголю, по поводу его «Переписки съ друзьями» будетъ когда нибудь за-ново пересмотрѣнъ и рѣшенъ другимъ, болѣе спокойнымъ и безпристрастнымъ составомъ «присяжныхъ» цѣнителей. Былыя разглашенія о Гоголѣ, какъ и о Чаадаевѣ, въ сущности та же трагикомедія Чацкаго. Неудивительно, что злые пересуды коснулись и современнаго намъ, своеобразнаго русскаго писателя.

Рѣзвыя, сытыя лошадки, погромыхивая бубенцами, весело неслись съ холма на холмъ, между жнивьевъ и свѣжихъ озимей, по которымъ паслись овцы и скотъ.

— Что это за поселокъ? — спросилъ я на пути возницу.

— Кочаки.

— Помѣщичій?

— Купцы.

— А та, вонъ, вдали деревня, на взгорьѣ? чей домъ за лѣсомъ, съ зеленою крышей?

— Ясная Поляна... домъ графа Льва Николаевича.

Тарантасъ, свернувъ съ шоссе, понесся большою дорогой.

Скажу нѣсколько словъ о моей первой встрѣчѣ съ графомъ Л. Н. Толстымъ. Я съ нимъ познакомился въ Петербургѣ, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, въ семействѣ одного извѣстнаго скульптора-художника. Тогда авторъ «Севастопольскихъ разсказовъ» только что пріѣхалъ въ Петербургъ и былъ молодымъ и статнымъ артиллерійскимъ офицеромъ. Его очень схожій портретъ того времени помѣщенъ въ извѣстной фотографической группѣ Левицкаго, гдѣ вмѣстѣ съ нимъ изображены Тургеневъ, Гончаровъ, Григоровичъ, Островскій и Дружининъ. Графъ Л. Н. Толстой, какъ теперь помню, вошелъ тогда въ гостиную хозяйки дома, во время чтенія вслухъ новаго произведенія Герцена. Тихо ставъ за кресломъ чтеца и дождавшись конца чтенія, онъ сперва мягко и сдержанно, а потомъ съ такою горячностью и смѣлостью напалъ на Герцена и на общее тогдашнее увлеченіе его сочиненіями и говорилъ съ такою искренностью и доказательностью, что въ этомъ семействѣ впослѣдствіи я уже не встрѣчалъ изданій Герцена. Надо вспомнить, что это сужденіе было высказано задолго до поры, когда русское общество, а подъ конецъ и самъ Герценъ—разочаровались во многомъ, чему тогда такъ отъ души поклонялись.

Припоминается мнѣ и другой случай разногласія графа Л. Н. Толстаго съ признанными авторитетами былаго времени, гдѣ онъ опять явился побѣдителемъ. Это было лѣтъ десять спустя.

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, сперва въ отрывкахъ,—въ «Русскомъ Вѣстникѣ».—потомъ отдѣльнымъ, полнымъ изданіемъ, вышелъ въ свѣтъ знаменитый романъ графа Л. Н. Толстаго «Война и миръ». Вскорѣ затѣмъ въ «Военномъ Сборникѣ» явился разборъ этого произведенія А. С. Норова, подъ заглавіемъ: «Война и миръ, 1805—1812 гг., съ исторической точки зрѣнія и по воспоминаніямъ современника». Пріѣхавъ съ юга въ Петербургъ, я осенью 1868 года навѣстилъ въ Павловскѣ А. С. Норова, при которомъ, незадолго передъ тѣмъ, я служилъ въ качествѣ его секретаря. Онъ прочелъ мнѣ свой отзывъ о романѣ графа Л. Н. Толстаго.

Увлеченный достоинствами романа, я съ досадою слушалъ разборъ А. С. Норова и спорилъ съ нимъ чуть не за каждое его замѣчаніе. На мои возраженія Норовъ отвѣчалъ одно: — «Я самъ былъ участникомъ Бородинской битвы и близкимъ очевидцемъ картинъ, такъ невѣрно изображенныхъ графомъ Толстымъ, и переубѣдить меня въ томъ, что̀ я доказываю, никто не въ силахъ. Оставшійся въ живыхъ, свидѣтель Отечественной войны, я безъ оскорбленнаго патріотическаго чувства не могъ дочитать этого романа, имѣющаго претензію быть историческимъ». На это я отвѣтилъ Норову, что не всегда отдѣльные участники и очевидцы крупныхъ историческихъ событій передаютъ ихъ вѣрнѣе позднѣйшихъ изслѣдователей, хотя бы и романистовъ, получающихъ доступъ къ болѣе всестороннимъ и разнообразнымъ источникамъ, и что, между прочимъ, художественная правда произведенія графа Толстаго вовсе не зависитъ только отъ того, стояла ли именно такая-то колонна, во время описаннаго имъ боя, направо или налѣво отъ полководца и проч., и проч.

Болѣе всего Норовъ нападалъ на одно мѣсто въ романѣ.

— Графъ Толстой,—говорилъ онъ мнѣ:—разсказываетъ, ка̀къ князь Кутузовъ, принимая въ Царёвѣ-Займищѣ армію, болѣе былъ занятъ чтеніемъ романа Жанли̂съ—«Les chevaliers du Cygne», чѣмъ докладомъ дежурнаго генерала. И есть ли какое вѣроятіе, чтобы Кутузовъ, видя передъ собою всѣ арміи Наполеона и готовясь принять рѣшительный, ужасный съ нимъ бой, имѣлъ время не только читать романъ Жанли̂съ, но и думать о немъ?

— Но что же тутъ невозможнаго? — возразилъ я критику: — быть можетъ, это былъ разсчетъ со стороны Кутузова, чтобы видимымъ своимъ спокойствіемъ ободрить окружающихъ. Да, притомъ такъ свойственно всякому человѣку стремленіе, подчасъ, чѣмъ либо совершенно постороннимъ, чтеніемъ книги или неидущимъ къ дѣлу разговоромъ, успокоить потрясенныя свои чувства и, черезъ это внѣшнее отвлеченіе, хотя бы на мигъ оторваться отъ тяжелой и роковой дѣйствительности.

Я приводилъ Норову примѣры изъ жизни великихъ людей Цезаря, Петра I, Александра Македонскаго и друг. При этомъ

я ему напомнилъ, что Александръ Македонскій въ персидскомъ походѣ не разставался съ Гомеромъ и, среди столкновеній съ азіатскими кочевниками, переписывался съ своими друзьями въ Греціи, прося ихъ о высылкѣ ему произведеній греческихъ драматурговъ. Наконецъ, указывая Норову на описанія послѣднихъ дней приговоренныхъ къ смертной казни, я просилъ его вспомнить, что иные изъ нихъ, за нѣсколько часовъ до неминуемой смерти, искали бесѣды съ тюремщиками о театрѣ и другихъ новостяхъ дня или съ увлеченіемъ читали своихъ любимыхъ поэтовъ.

— Все это такъ, мой милый, все это могло случиться, но съ другими людьми и въ иныя времена!— возражалъ мнѣ Норовъ: — мы же въ двѣнадцатомъ году не были искателями приключеній, въ родѣ Цезаря или македонскаго героя, а тѣмъ паче производителями пышныхъ, шарлатанскихъ эффектовъ, на подобіе гильотинированныхъ во время французской революціи клубистовъ. До Бородина, подъ Бородинымъ и послѣ него, мы всѣ, отъ Кутузова до послѣдняго подпоручика артиллеріи, какимъ былъ я, горѣли однимъ высокимъ и священнымъ огнемъ любви къ отечеству и, вопреки графу Льву Толстому, смотрѣли на свое призваніе, какъ на нѣкое священнодѣйствіе. И я не знаю, какъ посмотрѣли бы товарищи на того изъ насъ, кто бы въ числѣ своихъ вещей дерзнулъ тогда имѣть книгу для легкаго чтенія, да еще французскую, въ родѣ романовъ Жанлисъ.

А. С. Норовъ, черезъ два мѣсяца послѣ напечатанія своего отзыва о романѣ гр. Толстаго, скончался. Въ январѣ 1869 года, послѣ его похоронъ, мнѣ было поручено составить для одной газеты его некрологъ. Каково же было мое удивленіе, когда, собирая источники для некролога, я въ семействѣ В. П. Поливанова, роднаго племянника покойнаго, случайно увидѣлъ крошечную книжку изъ библіотеки Норова «Похожденія Родерика Рандòма» («Aventures de Roderik Random, 1784») и на ея внутренней оберткѣ прочелъ слѣдующую, собственноручную надпись А. С. Норова: «Читалъ въ Москвѣ, раненый и взятый въ плѣнъ французами, въ сентябрѣ 1812 г.» («Lu à Moscou, blessé et fait prisonnier de guerre chez les français, au mois de septembre, 1812»).

То, что̀ было съ подпоручикомъ артиллеріи въ сентябрѣ 1812 года, забылось черезъ сорокъ шесть лѣтъ престарѣлымъ сановникомъ, въ сентябрѣ 1868 года, такъ какъ не подходило подъ понятіе, невольно составленное имъ, съ теченіемъ времени, о временахъ двѣнадцатаго года. Нельзя, разумѣется, утверждать, что романъ о Родерикѣ-Рандòмѣ Норовъ держалъ подъ подушкой у Царёва-Займища, гдѣ Кутузовъ читалъ романъ Жанлисъ. Но нельзя отвергать и предположенія, что Норовъ могъ читать романъ о Рандомѣ даже подъ самымъ Бородинымъ, какъ впослѣдствіи раненый онъ дочиталъ его, во время занятія Москвы французами, въ голицын-

ской больницѣ, изъ оконъ которой онъ, по его же словамъ, съ такимъ искреннимъ презрѣніемъ, смотрѣлъ потомъ во-очію на уходившаго изъ Москвы Наполеона.

Это обстоятельство я тогда же подробно записалъ и сообщилъ графу Л. Н Толстому.

Тарантасъ, миновавъ поселокъ Ясной Поляны, повернулъ между двухъ кирпичныхъ сторожевыхъ башенокъ влѣво и въѣхалъ въ широкую аллею изъ красивыхъ развѣсистыхъ березъ. На взгорьѣ, въ концѣ аллеи, обрисовалась графская усадьба.

Каменный въ два этажа яснополянскій домъ, въ которомъ теперь графъ Л. Н. Толстой живетъ почти безвыѣздно уже около вадцати пяти лѣтъ (съ 1861 г.), передѣланъ имъ изъ отцовскаго флигеля. Большой же отцовскій домъ, въ которомъ родился авторъ «Войны и мира» (въ 1828 г.), былъ имъ сломанъ. Мѣсто, гдѣ стоялъ этотъ старый домъ, лѣвѣе и невдали отъ новаго. Оно заросло липами, обозначаясь въ ихъ гущинѣ остаткомъ нѣсколькихъ камней былаго фундамента. Здѣсь подъ липами стоятъ простыя скамьи и столъ, за которыми въ лѣтнее время семья графа собирается къ обѣду и чаю. Колоколъ, прицѣпленный къ стволу стараго вяза, созываетъ сюда, подъ липы, изъ дома и сада, членовъ графской семьи.

У этого вяза обыкновенно, между прочимъ, собираются яснополянскіе и другіе окрестные жители, имѣющіе надобность—переговорить съ графомъ о своихъ деревенскихъ нуждахъ. Онъ выходитъ сюда и охотно бесѣдуетъ съ ними, помогая имъ словомъ и дѣломъ. Не всѣ, однако, сосѣди умѣютъ, какъ слышно, цѣнить вниманіе и щедрость графа. Онъ невдали отъ своего двора, лѣтъ пятнадцать назадъ, посадилъ цѣлую рощицу молодыхъ ёлокъ. Елки поднялись, почти въ два человѣческихъ роста, и немало утѣшали своего насадителя. Недавно графъ вздумалъ пройдти въ поле, полюбоваться ёлками, и возвратился оттуда сильно огорченный: болѣе десятка его любимыхъ, красивыхъ ёлокъ оказались безжалостно вырубленными подъ корень и увезенными изъ рощи. Онъ досадовалъ и на происшествіе, и на свое неудовольствіе. — «Опять вернулось мое былое, старое чувство, досада за такую потерю!» — говорилъ онъ и, узнавъ, что, по домашнимъ развѣдкамъ, виновникомъ дѣла оказался домашній воръ, тайно свезшій ёлки, подъ праздникъ, въ городъ,—просилъ объ одномъ, чтобы этотъ случай не былъ доведенъ до свѣдѣнія графини — его жены.

Тарантасъ, обогнувъ лѣвый уголъ дома, остановился у небольшаго крыльца, ведущаго въ сѣни нижняго этажа. Не успѣлъ я здѣсь, внизу, войдти въ переднюю, въ нее отворилась дверь изъ смежнаго графскаго кабинета, и на ея порогѣ показался графъ

Левъ Николаевичъ. Послѣ первыхъ привѣтствій, онъ ввелъ меня въ свой кабинетъ.

Давно не видя графа, я, тѣмъ не менѣе, сразу узналъ его — по живымъ ласково-задумчивымъ глазамъ и по всей его сильной и своеобразной фигурѣ, такъ художественно-схоже изображенной на извѣстномъ портретѣ Ив. Н. Крамскаго. Помню, какъ на Парижской всемірной выставкѣ, восемь лѣтъ назадъ, въ отдѣлѣ русской живописи, всѣ любовались этимъ портретомъ, гдѣ графъ Л. Н. Толстой написанъ, съ длинною темнорусою бородой и въ темной, суконной рабочей блузѣ. Съ такою же бородой и въ такой же точно блузѣ я увидѣлъ графа и теперь. Ему въ настоящее время пятьдесятъ семь лѣтъ, но никто, не смотря на сѣдину, проступившую въ его окладистой, красивой бородѣ, не далъ бы ему этихъ годовъ. Лицо графа свѣжо; его движенія и походка живы, голосъ и рѣчь звучатъ юношескимъ жаромъ.

При входѣ въ яснополянскій домъ, невольно вспоминаются всѣмъ извѣстныя картины «Дѣтства» и «Отрочества» его владѣльца: его покойная мать, въ голубой косыночкѣ,—жившій здѣсь когда-то его учитель Карлъ Ивановичъ, съ хлопушкой на мухъ,—дворецкій Ѳока, ключница Наталья Саввишна и ея сундуки, съ картинками внутри крышекъ, дядька Николай, съ сапожною колодкой, учительница музыки Мимѝ и юродивый Гриша, за ночною трогательною молитвой котораго дѣти, съ испугомъ и умиленіемъ, однажды наблюдали изъ темнаго чулана.

Графъ провелъ меня, черезъ переднюю часть своего кабинета, за перегородку изъ книжныхъ шкафовъ. Мы сѣли у его рабочаго стола,— онъ на своемъ обычномъ, рабочемъ креслѣ, я — на другомъ креслѣ, противъ него, за столомъ, оба закурили папиросы и стали бесѣдовать.

Опишу вкратцѣ кабинетъ графа.

Это свѣтлая высокая и скромно убранная комната; аршинъ 12 длины и около 6-ти аршинъ ширины. Два большихъ книжныхъ шкафа, изъ лакированной, бѣлой березы, раздѣляютъ эту комнату пополамъ — на нѣчто въ родѣ пріемной и уборной графа и на его рабочій кабинетъ. Окна и стеклянная дверь этой комнаты выходятъ на невысокое садовое, покрытое каменными плитами, крыльцо. Мебель въ обѣихъ половинахъ — старинная и, очевидно, не только отцовская, но и дѣдовская.

Въ пріемной — мягкій, широкій и длинный диванъ, покрытый зеленою клеенкой, съ зеленою сафьянною подушкой. Передъ диваномъ — круглый столъ, съ грудою разбросанныхъ на немъ англійскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ книгъ. У стола и возлѣ стѣнъ — съ полдюжины креселъ. На этажеркѣ — опять книги. Между дверью въ садъ и окномъ — умывальный столъ. Вправо отъ окна, въ углу, березовый комодъ, съ зеркаломъ. Надъ нимъ — оленьи рога, съ

брошеннымъ на нихъ полотенцемъ. На заднихъ стѣнахъ книжныхъ шкафовъ висятъ разныя вещи—верхнее платье, коса для кошенія травы и круглая мягкая шляпа графа. Въ углу, за этажеркой, нѣсколько простыхъ, необдѣланныхъ, съ суковатыми ручками, палокъ для прогулки. Стѣна надъ диваномъ увѣшана коллекціей гравированныхъ, фотографическихъ и акварельныхъ портретовъ родныхъ и знакомыхъ графа,—его жены, отца, братьевъ, старшей дочери и друзей. Между послѣдними — фотографическая группа Левицкаго, съ портретами Григоровича, Островскаго и др., и отдѣльные портреты Шопенгауэра, А. А. Фета, Н. Н. Страхова и другихъ. Въ стѣнной нишѣ — гипсовый бюстъ покойнаго старшаго брата графа, Николая. На окнѣ разбросаны сапожные инструменты; подъ окномъ—простой, деревянный ящикъ, съ принадлежностями сапожнаго мастерства,—колодками, обрѣзками кожи и проч.

Въ рабочемъ кабинетѣ, за перегородкою, направо—у другаго окна въ садъ, письменный столъ графа, налѣво—желѣзная кровать, съ постелью для гостей. Полки березовыхъ шкафовъ, съ стеклянными дверцами, обращенныя въ эту часть комнаты, снизу до верху уставлены старыми и новѣйшими, иностранными и русскими изданіями. За рабочимъ кресломъ графа, въ большой стѣнной нишѣ—открытыя полки, съ подручными книгами, справочниками, словарями, указателями и проч. Остальныя свободныя стѣны этой части комнаты также заняты полками съ книгами. Здѣсь, какъ и въ шкафахъ и въ нишѣ, виднѣются,—въ старинныхъ и новыхъ переплетахъ и безъ переплетовъ,—изданія сочиненій Спинозы, Вольтера, Гете, Шлегеля, Руссо, почти всѣхъ русскихъ писателей, затѣмъ—Ауэрбаха, Шекспира, Бенжамена-Констана, Де-Сисмонди, Іоанна Златоуста и другихъ, иностранныхъ и русскихъ, духовныхъ и свѣтскихъ мыслителей. Житія святыхъ, «Четьи-Минеи», «Прологъ», — переводъ на русскій языкъ «Пятикнижія» Мандельштамма, еврейскіе подлинники «Ветхаго Завѣта» и греческіе тексты «Евангелія», — «Міровоззрѣніе талмудистовъ» съ нѣмецкими, французскими и англійскими коментаріями,—уставлены на полкахъ, рядомъ съ извѣстными русскими проповѣдниками и русскими и иностранными, духовно-нравственными, дешевыми изданіями для народа [1]).

Простой письменный столъ графа, аршина въ два длины и въ аршинъ ширины, покрытый зеленымъ сукномъ и обведенный съ трехъ сторонъ небольшою рѣшоткой, извѣстенъ обществу по но-

---

[1]) Въ числѣ послѣднихъ виднѣются на полкахъ: «Progress and poverty, by Henry George» (1884); «God and the Bible, by Matthew Arnold» (1885 г.); «Israel Sack» (1885 г.); «A discourse of matters, partaining to religion, by Theodore Parker» (1875 г.).; «The twenty essays of Ralph W. Emersen» (1877 г.); «Litterature and Dogma, an essay towards a better apprehension of the Bible, by M. Arnold» (1877 г.) и др.

вѣйшему, прекрасному портрету графа, работы профессора Н. Н. Ге. На этомъ портретѣ, бывшемъ на передвижной выставкѣ, графъ изображенъ пишущимъ за этимъ именно столомъ. Справа и слѣва чернильницы разбросаны рукописи, книги и брошюры. Здѣсь лежатъ — «Новый завѣтъ» въ греческомъ переводѣ Тишендорфа и новѣйшее изданіе еврейскаго подлинника библіи. На окнѣ — нѣсколько портфелей, съ рукописями, и опять книги.

Верхъ окна прикрытъ зеленою шерстяною занавѣской. Передъ окномъ — лужайка, съ клумбами еще свѣжихъ, нетронутыхъ морозомъ цвѣтовъ. За цвѣтникомъ — столбъ, съ веревками, для такъ называемой игры «гигантскіе шаги». Кучка яснополянскихъ ребятишекъ, свободно проникая въ садъ, бѣгаетъ въ эту минуту у названнаго столба.

Изъ окна — видъ на садъ, спускающійся къ пруду, и на живописныя окрестности. Вправо изъ окна — виднѣются вершины густой, березовой аллеи, по которой дорога поднимается къ дому. Влѣво — аллея изъ старыхъ, громадныхъ липъ. Прямо — просторный, гладкій скатъ къ пруду, у котораго красиво зеленѣетъ нѣсколько высокихъ, живописно-разбросанныхъ елей. Между липовою и березовою аллеями, за низиной, въ которой прячется прудъ, видъ на шоссе, на дальнія поля, холмы и голубоватые лѣса, а между холмами и лѣсами — на полосу желѣзной дороги, по которой время отъ времени взвивается дымъ и проносятся московско-курскіе поѣзда.

У этого окна, въ дѣдовскомъ креслѣ, работы XVIII-го вѣка, съ узенькими, ничѣмъ необитыми подлокотниками и съ потертою, зеленою, клеенчатою подушкой, графъ Л. Н. Толстой писалъ свои знаменитыя произведенія. Здѣсь, на этомъ простомъ столѣ, днемъ, поглядывая на синѣющую даль, а вечеромъ и ночью — при свѣчахъ, въ старинныхъ, бронзовыхъ подсвѣчникахъ, — онъ писалъ исторію Наташи Ростовой, Андрея Болконскаго и Пьера Безухаго. Здѣсь же онъ разсказывалъ поэму любви Китти Щербацкой и Левина, рисовалъ образы Вронскаго и Стивы Облонскаго, набрасывалъ очерки лошади Фру-фру и собаки Ласки и съ такою глубиною разсказалъ полную трагизма судьбу Анны Карениной.

Бесѣду съ графомъ о прошломъ и настоящемъ прерываетъ, вбѣгая, красивая, рыжая, лягавая собака. Она ложится у ногъ хозяина.

— Это не Ласка? — спрашиваю я, вспоминая Анну Каренину.

— Нѣтъ, та пропала; эта охотится съ моимъ старшимъ сыномъ.

— А вы сами охотитесь?

— Давно бросилъ, хотя хожу по окрестнымъ полямъ и лѣсамъ каждый день... Какое наслажденіе отдыхать отъ умственныхъ занятій, за простымъ физическимъ трудомъ! Я ежедневно, смотря по времени года, копаю землю, рублю или пилю дрова, работаю косою, рубанкомъ или инымъ инструментомъ.

Я вспомнилъ о ящикѣ, съ сапожными колодками, подъ окномъ пріемной графа.

— А работа съ сохой!— продолжалъ графъ: — вы не повѣрите, что за удовольствіе пахàть! Не тяжкій искусъ, какъ многимъ кажется, — чистое наслажденіе! Идешь, поднимая и направляя соху, и не замѣтишь, какъ ушелъ часъ, другой и третій. Кровь весело переливается въ жилахъ, голова свѣтла, ногъ подъ собой не чуешь; а апетитъ потомъ, а сонъ?—Если вы не устали, не хотите ли пока, до обѣда, прогуляться, поискать грибовъ? Недавно здѣсь перепали дожди; должны быть хорошіе бѣлые грибы.

— Съ удовольствіемъ, — отвѣтилъ я.

Графъ надѣлъ свою круглую, мягкую шляпу и взялъ лукошко; я тоже надѣлъ шляпу и выбралъ одну изъ палокъ за этажеркой. Мы, безъ пальто, вышли съ передняго крыльца, невдали отъ котораго, у воротъ на черный дворъ, стоялъ станокъ для гимнастики.

— Это также для васъ? — спросилъ я графа, указывая на станокъ.

— Нѣтъ, это для младшихъ моихъ дѣтей; у меня здѣсь другія упражненія, — отвѣтилъ онъ, поглядывая за ворота, гдѣ виднѣлась груда свѣже-нарубленныхъ дровъ.

Неудивительно, что, при постоянномъ физическомъ трудѣ, графъ такъ сохранилъ свое здоровье. Этому, въ значительной степени, помогло и то обстоятельство, что бòльшую часть своей жизни Л. Н. Толстой провелъ въ деревнѣ. Лишившись въ ранніе годы матери, урожденной княжны Волконской, онъ 9 лѣтъ отъ роду, въ 1837 году, былъ увезенъ въ Москву, въ домъ бабки, потомъ опять жилъ въ деревнѣ, въ 1840 году поступилъ въ Казанскій университетъ, гдѣ былъ по восточному, затѣмъ по юридическому факультету, съ 1851 по 1855 года провелъ въ военной службѣ на Кавказѣ, на Дунаѣ и въ Севастополѣ, и съ 1861 года почти безвыѣздно, живетъ въ Ясной Полянѣ. Изъ 57 лѣтъ онъ, слѣдовательно, болѣе 35 лѣтъ провелъ—въ деревнѣ.

Пройдя черезъ смежный съ усадьбой, молодой плодовый садъ, насаженный графомъ, мы вышли въ поле и направились въ ближній лѣсъ. Отъ этого лѣса, за небольшимъ ручьемъ, виднѣлись другіе лѣски и поляны. Отъ одной лѣсной чащи, то взгорьемъ, то долинкой, мы переходили къ другой, останавливаясь и разговаривая. Солнце выглянуло и опять спряталось за легкія, пушистыя облачка. Свѣжій воздухъ былъ напоенъ лиственнымъ, влажнымъ запахомъ. Золотившійся листъ медленно сыпался съ деревьевъ. Ни одна вѣтка не шелохнулась въ безвѣтренной тишинѣ.

Я шелъ рядомъ съ графомъ, любуясь его легкою походкой, живостью его рѣчи и простотою и прелестью всей его такъ сохранившейся могучей природы. — «Боже мой, — думалъ я, глядя на него и слушая его: — его прославили потеряннымъ для искусства,

мрачнымъ, сухимъ отшельникомъ и мистикомъ... Посмотрѣли бы на этого мистика!»

Графъ съ сочувствіемъ говорилъ объ искусствѣ, о родной литературѣ и ея лучшихъ представителяхъ. Онъ горячо соболѣзновалъ о смерти Тургенева, Мельникова-Печерскаго и Достоевскаго. Говоря о чуткой, любящей душѣ Тургенева, онъ сердечно сожалѣлъ, что этому, преданному Россіи, высоко-художественному писателю пришлось лучшіе годы зрѣлаго творчества прожить внѣ отечества, вдали отъ искреннихъ друзей и лишенному радостей родной, любящей семьи.

— Это былъ независимый, до конца жизни, пытливый умъ, — выразился графъ Л. Н. Толстой о Тургеневѣ: — и я, не смотря на нашу когда-то мимолетную размолвку, всегда высоко чтилъ его и горячо любилъ. Это былъ истинный, самостоятельный художникъ, не унижавшійся до сознательнаго служенія мимолетнымъ потребамъ минуты. Онъ могъ заблуждаться, но и самыя его заблужденія были искренни.

Наиболѣе сочувственно графъ отозвался о Достоевскомъ, признавая въ немъ неподражаемаго психолога-сердцевѣда и вполнѣ независимаго писателя, самостоятельныхъ убѣжденій которому долго не прощали въ нѣкоторыхъ слояхъ литературы, подобно тому, какъ одинъ нѣмецъ, по словамъ Карлейля, не могъ простить солнцу того обстоятельства, что отъ него, въ любой моментъ, нельзя закурить сигару.

Коснувшись Гоголя, котораго Л. Н. въ своей жизни никогда не видѣлъ, и нынѣ живущихъ писателей, Гончарова, Григоровича и болѣе молодыхъ, графъ заговорилъ о литературѣ для народа.

— Болѣе тридцати лѣтъ назадъ, — сказалъ Л. Н.: — когда нѣкоторые нынѣшніе писатели, въ томъ числѣ и я, начинали только работать, — въ стомилліонномъ русскомъ государствѣ грамотные считались десятками тысячъ; теперь, послѣ размноженія сельскихъ и городскихъ школъ, они, по всей вѣроятности, считаются милліонами. И эти милліоны русскихъ грамотныхъ стоятъ передъ нами, какъ голодные галчáта, съ раскрытыми ртами, и говорятъ намъ: господа, родные писатели, бросьте намъ въ эти рты достойной васъ и насъ умственной пищи; пишите для насъ, жаждущихъ живаго, литературнаго слова; избавьте насъ отъ все тѣхъ же лубочныхъ Еруслановъ Лазаревичей, Милордовъ Георговъ и прочей рыночной пищи. Простой и честный русскій народъ стòитъ того, чтобы мы отвѣтили на призывъ его доброй и правдивой души. Я объ этомъ много думалъ и рѣшился, по мѣрѣ силъ, попытаться на этомъ поприщѣ.

. . . .

Мы стали возвращаться изъ лѣса, гдѣ графъ разсчитывалъ найдти много хорошихъ, бѣлыхъ грибовъ и гдѣ они уже отошли.

— Ка̀къ тепло и ка̀къ пахнетъ листво̀й! — сказалъ онъ, подходя къ ветхому, полуразрушенному мостику черезъ узкій ручей: — удивительная сила непосредственныхъ впечатлѣній отъ природы. И ка̀къ я люблю и цѣню художниковъ, черпающихъ все свое вдохновеніе изъ этого могучаго и вѣчнаго источника! Въ немъ единая сила и правда.

При этихъ словахъ графа, я вспомнилъ его разсказъ «Севастополь въ маѣ, 1885». — «Герой моей повѣсти, — сказалъ въ заключеніи этого разсказа Л. Н., — котораго я люблю всѣми силами души, котораго старался воспроизвести во всей красотѣ его и который всегда былъ, есть и будетъ прекрасенъ — правда».

Мы разговорились о различныхъ художественныхъ пріемахъ въ литературѣ, живописи и музыкѣ.

— Недавно мнѣ привелось прочесть одну книгу, — сказалъ, между прочимъ, графъ Л. Н., останавливаясь передъ бревнышками, перекинутыми черезъ ручей: — это были стихотворенія одного умершаго, молодаго испанскаго поэта. Кромѣ замѣчательнаго дарованія этого писателя, меня заняло его жизнеописаніе. Его біографъ приводитъ разсказъ о немъ старухи, его няни. Она, между прочимъ, съ тревогой замѣтила, что ея питомецъ нерѣдко проводилъ ночи безъ сна, вздыхалъ, произносилъ вслухъ какія-то слова, уходилъ при мѣсяцѣ въ поле, къ деревьямъ, и тамъ оставался по цѣлымъ часамъ. Однажды, ночью, ей даже показалось, что онъ сошелъ съума. Молодой человѣкъ всталъ, пріодѣлся въ потьмахъ и пошелъ къ ближнему колодезю. Няня за нимъ. Видитъ, что онъ вытащилъ ведромъ воды и сталъ ее понемногу выливать на землю; вылилъ, снова зачерпнулъ и опять сталъ выливать. Няня въ слезы: «спятилъ, малый, съ ума». А молодой человѣкъ это продѣлывалъ, съ цѣлью — ближе видѣть и слышать, ка̀къ въ тихую ночь, при лунномъ сіяніи, льются и плещутся струйки воды. Это ему было нужно для его новаго стихотворенія. Онъ въ этомъ случаѣ провѣрялъ свою память и заронившіяся въ нее, поэтическія впечатлѣнія — тою же природой, какъ живописцы, въ извѣстныхъ случаяхъ, прибѣгаютъ къ пособію натурщиковъ, которыхъ они ставятъ въ нужныя положенія и одѣваютъ въ необходимыя одежды. Читая своихъ и чужихъ писателей, я невольно чувствую, кто̀ изъ нихъ вѣренъ природѣ и взятой имъ задачѣ, и кто̀ фальшитъ. Инаго моднаго и расхваленнаго, особенно изъ иностранныхъ, не одолѣешь, съ первой страницы, ка̀къ ни усиливаешься. Даже угроза тѣлеснымъ наказаніемъ, кажется, не могла бы заставить меня прочесть инаго автора.....

Въ одной изъ критическихъ статей Н. Н. Страхова о «Войнѣ и мирѣ» говорится, что, если Достоевскій былъ психологъ-идеалистъ, то графа Л. Толстаго слѣдуетъ назвать психологомъ-реалистомъ. «Война и миръ», по выраженію почтеннаго критика, «по-

дымается до высочайшихъ вершинъ человѣческихъ мыслей и чувствъ, до вершинъ, обыкновенно недоступныхъ людямъ. Графъ Л. Толстой—поэтъ, въ старинномъ и наилучшемъ смыслѣ слова. Онъ прозрѣваетъ и открываетъ намъ сокровеннѣйшія тайны жизни и смерти. Его идеалъ—въ простотѣ, добрѣ и правдѣ. Онъ самъ говоритъ: нѣтъ величія тамъ, гдѣ нѣтъ простоты, добра и правды.—Голосъ за простое и доброе противъ ложнаго и хищнаго—вотъ существенный, главнѣйшій смыслъ «Войны и мира».—Кто умѣетъ цѣнить высокія и строгія радости духа, кто благоговѣетъ передъ геніальностью и любитъ освѣжать и укрѣплять свою душу созерцаніемъ ея произведеній, тотъ пусть порадуется, что живетъ въ настоящее время».

Бесѣдующій съ графомъ Л. Н. Толстымъ объ искусствѣ невольно вспоминаетъ эти выраженія его лучшаго истолкователя.

Мы приблизились обратно къ усадьбѣ, мимо молодыхъ, собственноручныхъ насажденій графа. Красивыя, свѣжія деревца яблонь и грушъ, съ круглыми, сильными кронàми вѣтвей, стояли въ шахматномъ порядкѣ на обширной плантаціи, невдали отъ усадьбы. Крестьянскія дѣвочки, съ серпами въ рукахъ, копались надъ чѣмъ-то въ бурьянѣ, у сосѣднихъ хлѣбныхъ скирдъ. Графъ разговорился съ ними, называя каждую по имени.

— Знаете ли, что̀ онѣ дѣлаютъ?—спросилъ онъ:—жнутъ крапиву, для обставки на зиму стволовъ плодовыхъ деревьевъ; это лучшее средство противъ зайцевъ и мышей, которые не любятъ крапивы и бѣгутъ даже отъ ея запаха.

Вотъ и домъ. Я взглянулъ на часы. Мы провели въ прогулкѣ около трехъ съ половиною часовъ и прошли пѣшкомъ не менѣе шестисеми верстъ. Графъ, послѣ такого движенія, смотрѣлъ еще болѣе молодцомъ и, казалось, былъ готовъ идти далѣе. Но былъ уже шестой часъ: жена графа, Софья Андреевна, возвратилась изъ Тулы, куда возила на почту просмотрѣнныя графомъ и ею корректуры новаго полнаго собранія его сочиненій, и насъ ждали обѣдать.

— Вы не устали?—спросилъ Л. Н., весело посматривая на меня и бодро всходя, по внутренней лѣстницѣ, въ верхній этажъ своего дома:—для меня ежедневное движеніе и тѣлесная работа необходимы, какъ воздухъ. Лѣтомъ въ деревнѣ, на этотъ счетъ, приволье; я пашу землю, кошу траву; осенью, въ дождливое время,—бѣда. Въ деревняхъ нѣтъ тротуаровъ и мостовыхъ,—въ непогоду я крою и тачаю сапоги. Въ городѣ тоже одно гулянье надоѣдаетъ;—пахàть и косить тамъ негдѣ,—я пилю и рублю дрова. При усидчивой, умственной работѣ, безъ движенія и тѣлеснаго труда, сущее горе. Не походи я, не поработай ногами и руками, втеченіе хоть одного дня, вечеромъ я уже никуда не гожусь; ни читать, ни писать, ни даже внимательно слушать другихъ; голова кружится, а въ глазахъ—звѣзды какія-то, и ночь проводится безъ сна.

Въ московскомъ, недавно купленномъ своемъ домѣ (въ Долгохамовническомъ переулкѣ), Л. Н. обыкновенно съ утра самъ рубитъ для печей дрова и, вытащивъ воды изъ колодезя, подвозитъ ее въ кадкѣ на саняхъ къ дому и къ кухнѣ.

— «А досужіе-то вѣстовщики, свои и чужіе, въ особенности свои?» — подумалъ я, слушая эти простыя откровенія знаменитаго писателя: — «чего они не наплели? и литературу-то онъ оставилъ, для шитья платьевъ и сапоговъ, и якшается съ чернью, подъ видомъ рубки дровъ на Воробьевыхъ горахъ!»

Верхній этажъ яснополянскаго дома занятъ семейнымъ помѣщеніемъ и столовою графа. По деревянной лѣстницѣ, на средней площадкѣ которой стоятъ старинные, въ деревянномъ футлярѣ, англійскіе часы, мы поднялись направо въ залъ. Здѣсь у двери стоитъ рояль, на пюпитрѣ котораго лежатъ раскрытыя ноты «Руслана и Людмилы». Между оконъ — старинныя, высокія зеркала, съ отдѣланными бронзой подзеркальниками. Посрединѣ залы—длинный, обѣденный столъ. Стѣны увѣшаны портретами прѣдковъ графа. Изъ потемнѣлыхъ рамъ глядятъ, какъ живые, представители восьмнадцатаго и семнадцатаго вѣковъ, мужчины — въ мундирахъ, лентахъ и звѣздахъ, женщины — въ робронахъ, кружевахъ и пудрѣ. Одинъ портретъ особенно привлекаетъ вниманіе посѣтителя. Это портретъ, почти въ ростъ, красивой и молодой монахини, въ схимѣ, стоящей въ молитвенной задумчивости передъ иконой. На мой вопросъ, графъ Л. Н. отвѣтилъ, что это изображеніе замѣчательной по достоинствамъ особы, жены одного изъ его предковъ, принявшей постриженіе, вслѣдствіе даннаго ею обѣта Богу. Въ комнатѣ графини, смежной съ гостинною, мнѣ показали превосходный портретъ Л. Н—ча, также работы И. Н. Крамскаго. Этимъ портретомъ семья Л. Н. особенно дорожитъ.

Вошла жена графа; возвратился съ охоты его старшій сынъ, Сергѣй, кончившій въ это лѣто курсъ въ Московскомъ университетѣ и нѣсколько дней назадъ пріѣхавшій изъ самарскаго имѣнія отца; собралась и остальная, наличная семья графа: взрослая, старшая дочь Татьяна, вторая дочь Марія и младшіе сыновья. Всѣ, въ томъ числѣ и маленькія дѣти, сѣли за обѣдъ. Всѣхъ дѣтей у графа нынѣ восемь человѣкъ (второй и третій его сыновья, въ мой заѣздъ въ Ясную Поляну, находились въ ученіи въ Москвѣ; младшій ребенокъ, сынъ, скончался въ минувшемъ январѣ). Нѣжный, любящій мужъ и отецъ, графъ Л. Н., среди своихъ взрослыхъ и маленькихъ, весело болтавшихъ дѣтей, невольно напоминалъ симпатичнаго героя его превосходнаго романа «Семейное счастье». Скромный въ личныхъ привычкахъ, Л. Н—чъ ни въ чемъ не отказываетъ своей семьѣ, окружая ее полною, нѣжною заботливостью. Занятія по домашнему хозяйству раздѣляютъ, между прочимъ, съ графиней и старшія дѣти графа.

Когда-то наша критика назвала великаго юмориста-сатирика Гоголя русскимъ Гомеромъ. Если кого изъ русскихъ писателей можно дѣйствительно назвать Гомеромъ, такъ это, какъ справедливо замѣтилъ А. П. Милюковъ, графа Л. Н. Толстаго. Въ «Иліадѣ» воспѣтъ воинственный образъ древней Греціи, въ «Одиссеѣ» — ея мирная, домашняя жизнь. Графъ Л. Н. Толстой въ поэмѣ «Война и миръ» одновременно изобразилъ бурную и тихую стороны русской жизни. Но главная сила графа Л. Н. Толстаго—въ изображеніи мирныхъ, семейныхъ картинъ. Въ отдѣльныхъ главахъ «Войны и мира» и «Анны Карениной» и въ цѣломъ романѣ «Семейное счастіе» онъ является истиннымъ и могучимъ поэтомъ тихаго, семейнаго очага.

Начало вечера было проведено въ общей бесѣдѣ. Подвезли со станціи продолженіе корректуръ новаго изданія графа. Его жена занялась ихъ просмотромъ. Мы же съ Л. Н. спустились внизъ, въ его пріемную. На мой вопросъ, онъ съ увлеченіемъ разсказалъ о своихъ занятіяхъ греческимъ и еврейскимъ языками,—благодаря чему, онъ въ подлинникѣ могъ прочесть Ветхій и Новый Завѣтъ,— о новѣйшихъ изслѣдованіяхъ въ области христіанства и пр. Зашла рѣчь объ «истинной вѣрѣ, фанатизмѣ и суевѣріи». Сужденія объ этомъ Л. Н—ча не новость, они проходятъ и отражаются по всѣмъ его сочиненіямъ, еще съ его «Юности» и исповѣди Коли Иртеньева. Коснувшись современныхъ событій, графъ говорилъ о послѣдней восточной войнѣ, о крестьянскомъ банкѣ, податномъ, питейномъ и иныхъ вопросахъ, и снова—о литературѣ. Мы проговорили за полночь...

Я затруднился бы, на ряду съ доступными для каждаго внѣшними чертами Ясной Поляны, передать подробно, а главное—вѣрно, внутреннюю сторону любопытныхъ и своеобразныхъ сужденій графа Л. Н. Толстаго по затронутымъ въ нашей бесѣдѣ вопросамъ.

Ясно и вѣрно вспоминаю одно, что я слушалъ рѣчь правдиваго, скромнаго, добраго и глубоко-убѣжденнаго человѣка.

Онъ, между прочимъ, удивлялся одному явленію въ нашей общественной жизни. Привожу его мысли по этому поводу, не ручаясь за точность ихъ изложенія.

...Вслѣдъ за видимымъ и кореннымъ погромомъ стариннаго, дворянско-помѣстнаго землевладѣнія, въ нѣкоторой части общества особенно горячо и искренно усиливаются поощрять и навязывать крестьянамъ покупку дворянскихъ и иныхъ земель. Но для чего? для того ли, чтобы вовсе не было на свѣтѣ помѣщиковъ? Оказывается, что отнюдь не въ тѣхъ видахъ, а чтобы сейчасъ же выдумать, искусственно сдѣлать новыхъ помѣщиковъ-крестьянъ. И мало того, — сюда втянули, кромѣ бывшихъ крѣпостныхъ, и недумавшихъ о томъ государственныхъ крестьянъ, обративъ ихъ изъ вольныхъ пользователей, оброчниковъ свободныхъ казенныхъ земель— въ подневольныхъ земельныхъ собственниковъ, т. е. опять-таки въ помѣщиковъ. Но кто поручится, что новымъ помѣщикамъ-крестьянамъ все это, съ теченіемъ времени, не покажется недостаточ-

нымъ и что они, за свой суровый сельскій трудъ и за свои деревенскія лишенія и тяготы, не станутъ справедливо добиваться былыхъ привилегій и, между прочимъ, стать дворянами?.. Забываютъ примѣръ Китая, Турціи и большей части древняго Востока. Тамъ вся земля казенная, государственная, и ею, за извѣстный оброкъ правительству, казнѣ, пользуются изъ всѣхъ сословій только тѣ, кто дѣйствительно, тѣмъ или другимъ способомъ, личнымъ трудомъ или капиталомъ, ее обработываетъ. Для такой цѣли выкупъ въ казну, и при посредствѣ казны, частныхъ земель имѣлъ бы скорѣе и свое оправданіе, и полезный для государства исходъ. На этотъ способъ пользованія землею давно обращено вниманіе западныхъ и въ особенности американскихъ ученыхъ, напримѣръ, Джорджа и другихъ. Это, безъ сомнѣнія, предметъ далекаго будущаго; но не слѣдуетъ, среди современныхъ европейскихъ доктринъ, забывать и того, чѣмъ живетъ и рядъ тысячелѣтій зиждется великій, древній Востокъ...

Я ночевалъ въ кабинетѣ графа, на кровати, за перегородкой изъ книжныхъ шкафовъ. Послѣ новой, утренней бесѣды, прогулки съ Л. Н. по парку и завтрака въ его семьѣ, я уѣхалъ въ его экипажѣ въ Тулу и далѣе по чугункѣ въ Москву.

Оставивъ Ясную Поляну, я съ отрадой разбиралъ и провѣрялъ свои впечатлѣнія. Графъ Л. Н. Толстой, послѣ этой новой нашей встрѣчи, остался въ моихъ мысляхъ тѣмъ же великимъ и мощнымъ художникомъ, какимъ его узнала и знаетъ Россія. Онъ вполнѣ здоровъ, бодръ, владѣетъ всѣми своими художественными силами и, внѣ всякаго сомнѣнія, можетъ еще подарить свою родину не однимъ произведеніемъ, подобнымъ «Войнѣ и миру» и «Аннѣ Карениной». Скажу болѣе. Какъ затишье и перерывъ, послѣ «Дѣтства», «Отрочества» и «Севастопольскихъ разсказовъ» (когда онъ занялся вопросами педагогіи и издавалъ «Яснополянскій журналъ»), были не апатіей и не ослабленіемъ его художественныхъ силъ, а только невольнымъ отдыхомъ, втеченіе котораго въ его душѣ зрѣли образы «Войны и мира»,—такъ и теперь, когда графъ Л. Н. Толстой, изучивъ въ подлинникѣ Ветхій и Новый Завѣтъ и Житія святыхъ, посвящаетъ свои досуги разсказамъ для народа,—онъ, очевидно, лишь готовится къ новымъ, крупнымъ художественнымъ созданіямъ, и его теперешнее настроеніе—только новая ступень, только приближеніе къ инымъ, еще болѣе высокимъ образамъ его творчества.

Г. Данилевскій.

2 февраля, 1886 г., Спб.

СВАДЕБНЫЙ БУНТЪ[1].

Историческая повѣсть.

(1705 г.).

XIII.

УКЬЯНЪ Партановъ, или всѣмъ хорошо извѣстный въ Астрахани «Лучка», былъ человѣкъ не простой...

Отчаянный буянъ и пьяница запоемъ, Партановъ былъ лихой, умный и добрый малый. Вдобавокъ, онъ былъ, какъ говорится, мастеръ на всѣ руки. Всѣ вѣрили, что Партановъ умѣетъ все сдѣлать. Не было дѣла, ремесла или промысла, которыхъ бы Партановъ не испробовалъ. Переходя по непостоянству характера отъ одного занятія къ другому, быстро усвоивалъ онъ всякое дѣло и быстро бросалъ. Все надоѣдало, прискучивало ему. Онъ будто вѣкъ искалъ дѣла по себѣ и не могъ найдти его.

Одно время, заработавъ довольно много денегъ, сдѣлавшись временно слесаремъ, онъ не пропилъ собранныхъ гривенъ, а купилъ диковинный калмыцкій инструментъ въ родѣ балалайки, скоро сталъ порядочно играть на ней и заткнулъ за поясъ самыхъ первыхъ искусниковъ. Лучку стали зазывать въ дома побренчать на его инструментѣ. Но и страсть къ музыкѣ продолжалась недолго. Онъ бросилъ ее и началъ цѣлые дни мазать углемъ по всѣмъ стѣнамъ и заборамъ, и вскорѣ вдругъ пошелъ въ маляры.

---

¹) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXIII, стр. 283.

Теперь въ Астрахани было много затѣйливо выкрашенныхъ ставней у слободскихъ домовъ, которые свидѣтельствовали о временномъ прилежаніи и даже искусствѣ временнаго живописца Лучки. Изъ этихъ ставней выглядывали на прохожихъ и яблоки, и арбузы, и рыбы, и всякіе узоры, яркія хитросплетенныя краски, въ родѣ тѣхъ, что̀ бываютъ на персидскихъ коврахъ.

Но всякое ремесло было прихотью, которая занимала Лучку запоемъ, и во сколько онъ любилъ новую затѣю впродолженіе нѣсколькихъ недѣль, во столько же ненавидѣлъ ее послѣ. Теперь, не смотря на безденежье, какія бы золотыя горы ни предлагалъ кто Лучкѣ, чтобы росписать ставни, онъ отвѣтилъ бы одной бранью. Къ тому же, странное дѣло, онъ и не могъ бы «живописать» теперь. Онъ бы не съумѣлъ, хотя бы и постарался, даже приблизительно, сработать такъ красками и мазкомъ, какъ безъ труда и усилій потрафлялось тогда.

Однажды Лучка пропалъ изъ Астрахани. Его считали погубившимъ себя, утонувшимъ иль зарѣзаннымъ въ степи ногаями, киргизами. Но потомъ оказалось, что Лучка нанялся въ ямщики около Красноярска къ юртовскимъ татарамъ, которые содержали ямъ или почтовое сообщеніе Астрахани съ городами Волги и Украины.

Затѣмъ Лучка объявился снова въ Астрахани, разсказывалъ, какъ онъ возилъ проѣзжихъ, какъ загналъ у юртовскихъ татаръ до десятка коней, ибо ѣздилъ также шибко, какъ звѣзда съ неба падаетъ. Татарскіе старшины его за это, конечно, прогнали.

Въ это же время бурей сорвало часть крыши съ колокольни собора и покосило крестъ. Надо было поправить. Два мѣсяца собирался митрополитъ Сампсонъ уничтожить соблазнъ для жителей, зрящихъ христіанскій и православный крестъ на боку.

Отъ этого покосившагося креста породилась куча всякихъ пересудовъ, толковъ и слуховъ. Инородцы говорили, что конецъ московскому правленію надъ Астраханью, что калмыцкіе ханы и ханши собираютъ войска, хотятъ объявить войну русскому царю, и такъ какъ онъ воюетъ со шведомъ за тридевять земель, то, конечно, вся прикаспійская округа сдѣлается вновь Астраханскимъ ханствомъ.

Покосившійся крестъ, угрожавшій паденіемъ, смущалъ и духовенство.

— Нехорошо, соблазнительно, колебанію умовъ способствуетъ,— говорили и повторяли на разные лады разные батюшки, дьячки, до послѣдняго астраханскаго звонаря.

А поправить дѣло было невозможно!

Гнѣвался владыко Сампсонъ, разсылалъ сыщиковъ во всѣ края, предлагалъ большія деньги всякимъ кровельщикамъ и другимъ лазунамъ. Нѣкоторые приходили, оглядывали, другіе пробовали лѣзть на остроконечную колокольню, и всѣ одинъ за другимъ от-

казывались наотрѣзъ, говоря, что всякому своя голова дороже денегъ.

— Слабодушные люди, — гнѣвался митрополитъ: — вѣдь кто нибудь да строилъ колокольню, кто нибудь да лазилъ и ставилъ крестъ!

Въ Астрахани находился въ это время москвичъ, присланный изъ Троицкой лавры, игуменъ Георгій Дашковъ. Онъ строилъ въ Астрахани монастырь, новую обитель, которая долженствовала получить тоже наименованіе Троицкой.

Дашковъ былъ чрезвычайно умный человѣкъ, уже пожилой, но юный лицомъ, характеромъ и разумомъ. За короткій промежутокъ времени, что жилъ въ Астрахани монахъ Троицкой лавры, онъ сталъ уже извѣстенъ всѣмъ обывателямъ. Всѣ любили и уважали его. Онъ уже имѣлъ вліяніе на самого митрополита Сампсона и на самого воеводу Ржевскаго и даже на чиновныхъ инородцевъ-мурзъ, завѣдывавшихъ караванъ-сераями въ качествѣ блюстителей порядковъ и правилъ, установленныхъ при обмѣнѣ товаровъ. Даже эти хивинцы, персиды или сомнительные азіатскіе выходцы, обозначаемые общимъ именемъ индійцевъ, всѣ равно съ уваженіемъ и довѣріемъ относились къ гостю московскому, т. е. къ Дашкову.

Астраханцы, любители присочинить, уже пустили слухъ, что быть Дашкову скоро митрополитомъ на мѣсто Сампсона.

Вотъ этотъ-то именно строитель Троицкаго монастыря, какъ человѣкъ дѣятельный, вмѣшивавшійся во всякое дѣло ради совѣта и помощи, иногда въ дѣло, совершенно до него не касавшееся, вмѣшался и въ дѣло о покосившемся крестѣ.

Соблазнъ, дѣйствительно, благодаря суевѣрію, былъ великъ.

— Здѣсь не на Москвѣ, — говорилъ Дашковъ митрополиту: — покосись крестъ на Иванѣ Великомъ или на Успенскомъ соборѣ, никто на это и вниманія не обратитъ. Дѣло простое, христіанскому вѣроученію не попрёкъ, не знаменіе какое Божье или чудо предупредительное для грѣшныхъ людей, чтобы опамятовались и покаялись. И на Москвѣ народъ умница, это сейчасъ пойметъ. Здѣсь татарва густа̀, здѣсь, гляди, и не Русь. Здѣсь такое простое учиненіе стихій природы съ крестомъ соборнымъ можетъ привести умы въ опасное смятеніе.

И Георгій Дашковъ, уже знавшій всѣ напрасныя хлопоты митрополита о томъ, чтобы найдти кровельщиковъ или какого искусстника, предложилъ простое, и потому умное дѣло: объявить черезъ всѣхъ священниковъ въ храмахъ и черезъ воеводскихъ приказныхъ людей на всѣхъ базарахъ, по всѣмъ слободамъ, что управленіе митрополичьяго двора вызываетъ охотниковъ исправить крестъ и кровлю, заранѣе объявляя, что отважный искусникъ, который поставитъ крестъ на мѣсто, получитъ сто рублей.

— Сто рублей!—ахнулъ владыко, но, однако, тотчасъ же согласился.

И въ три дня вся Астрахань уже знала и толковала объ объявленіи митрополита.

— Сто рублей!—ахнула тоже вся Астрахань.

— Сто рублей!—ахнулъ даже воевода Ржевскій.

Дѣйствительно, сто рублей по времени были деньги не большія, а огромныя,—маленькое состояніе.

— Сто рублей!—думало днемъ, а то и ночью, въ безсонницу много головъ отважныхъ, много молодцовъ-астраханцевъ, ища въ себѣ или уже чуя въ себѣ достаточно удали, чтобы отважиться на это похвальное, богоугодное, всѣмъ людямъ видимое, да къ тому же и выгодное дѣло.

— Сто рублей!—подумалъ про себя, покачивая головой, и тотъ молодецъ, который всегда брался за все и все исполнялъ толково и лихо, буянъ Лучка Партановъ. Разумѣется, молодецъ продумалъ недолго, отправился и объявилъ митрополиту, что берется поставить крестъ на мѣсто, а вмѣстѣ съ тѣмъ и исправить кровлю на колокольнѣ, такъ какъ онъ когда-то и этимъ мастерствомъ занимался.

Лучка только поставилъ условіемъ, чтобы, помимо награды въ сто рублей, ему отпустили необходимый матеріалъ для устройства затѣйливаго пути отъ колоколовъ до креста, на протяженіи двухъ съ половиной саженъ.

— Путь недальный,—сказалъ онъ митрополиту, усмѣхаясь:—отъ колоколовъ до креста-то сажени три, и тѣхъ нѣтъ. Путь идетъ снизу вверхъ, но коли оттуда продолжится нечаянно сверху да внизъ, такъ и ста рублей не придется получить. Развѣ контора духовная передастъ деньги въ соборъ, на поминъ души.

Митрополитъ, конечно, на все согласился, но послалъ отважнаго молодца къ Дашкову посовѣтоваться съ нимъ.

И два даровитыхъ человѣка, Дашковъ и Партановъ, придумали вмѣстѣ такой способъ влѣзть и исправить крестъ, что если и нужна была большая отвага, то не было особенной опасности. Въ крайнемъ случаѣ, Лучка, свернувшись на высотѣ нѣсколькихъ саженъ надъ землей, долженъ былъ повиснуть на воздухѣ и висѣть, покуда не стащутъ его снова къ колоколамъ.

Разумѣется, вся Астрахань собралась смотрѣть, какъ отважный молодецъ лазилъ къ кресту, какъ тамъ стряпалъ и хлопоталъ. Когда крестъ качнулся, выпрямился и сталъ на мѣсто, гулъ народный огласилъ всю площадь и всѣ слободы. Въ этотъ день вся Астрахань узнала, кто таковъ Лукьянъ Партановъ и каковъ онъ собой лицомъ. Если бы теперь кто отозвался, что ему невѣдомо, кто таковъ Лучка, то прямо бы попалъ въ дураки и олухи.

— Только въ русскомъ народѣ выискиваются такіе молодцы,—разсудилъ Георгій Дашковъ и... ошибся.

За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, въ Астрахани жилъ аманатъ, или заложникъ, отъ киргизъ-кайсацкаго хана въ обезпеченіе штрафнаго платежа за разгромъ въ степи русскаго каравана. Киргизскій аманатъ по имени Дондукъ-Такій прожилъ долго въ Астрахани. Хотя онъ былъ изъ ханскаго или княжескаго рода, но у отца его было очень много сыновей, а денегъ мало, и потому на родинѣ все собирались выкупать заложника.

Впрочемъ, въ Астрахани живало всегда изъ года въ годъ по нѣскольку аманатовъ отъ разныхъ инородцевъ. Ихъ не обижали, обращались хорошо, и имъ полагалось содержаніе и жалованіе изъ воеводскаго правленія. Нѣкоторые имѣли право на казенный счетъ держать при себѣ прислугу, иногда многочисленную, чуть не свиту.

Аманатовъ отпускали домой только послѣ аккуратной и полной уплаты «винныхъ» или штрафныхъ денегъ, что̀ случалось обыкновенно черезъ два, три года послѣ залога молодца. Иногда допускался вымѣнъ аманата, но не иначе, какъ съ условіемъ, чтобы новый, вновь присланный взамѣнъ молодецъ былъ не «худороднѣе» и не «подлѣе» перваго, дабы отъ обмѣна не произошло ущерба государственнымъ интересамъ.

Судьба Дондука-Такія была иная. О немъ будто бы забыли или не хотѣли выкупать, жалѣя денегъ. Явился онъ аманатомъ въ русскомъ городѣ двѣнадцатилѣтнимъ ханчикомъ со свитой въ пять человѣкъ, въ числѣ которыхъ былъ и сановникъ, нѣчто въ родѣ мурзы, для обученія его на чужбинѣ родной грамотѣ. Свита эта постепенно какъ-то разстаяла и, наконецъ, исчезла, а шестнадцатилѣтній князекъ гулялъ уже по Астрахани въ русскомъ платьѣ и одинъ-одинехонекъ. Наконецъ, минули ему всѣ двадцать лѣтъ, а изъ родины на его счетъ не было ни слуху, ни духу.

— Застрялъ, братъ, видно, судьба переходить въ нашу вѣру и въ наше христіанское состояніе,—говорили Дондуку-Такію со всѣхъ сторонъ его русскіе, но уже и давнишніе друзья.

Конечно, этимъ дѣло и кончилось. Киргизъ-кайсацкій ханчикъ, или князекъ, сдѣлался православнымъ, посадскимъ, съ именемъ Лукьянъ и съ фамиліею Партановъ, полученной отъ крестнаго отца, простаго хлѣбопека.

Такимъ образомъ, этотъ лихой малый, въ которомъ было такъ много характерныхъ чертъ русскаго удалаго парня, былъ чистокровный киргизъ-кайсакъ. И всякій невольно дивился этому или ошибался, какъ Дашковъ, считая Партанова россіяниномъ.

Впрочемъ, самъ Лучка дивился теперь, что онъ не природный русскій. Онъ даже обижался, когда ему кто напоминалъ про его происхожденіе.

— Что̀ во мнѣ кайсацкаго,—восклицалъ онъ:—помилуй Богъ!

И, будучи смѣтливымъ малымъ, онъ прибавлялъ полушутя, полусерьёзно:

— Я вотъ какъ, братцы, полагаю: былъ я махонькій сыномъ московскихъ бояръ, а меня киргизы выкрали, да за своего выдали, а тамъ, ради обмана властей, въ аманаты сдали. Вотъ Господь-то и вернулъ меня опять на истинный путь.

И трудно было сказать, шутитъ ли иной разъ Лучка, или дѣйствительно самъ вѣритъ въ свою выдумку.

Само собой понятно, что перекрестъ изъ киргизовъ былъ, все-таки, выбитый изъ жизненной колеи человѣкъ, который не могъ ужиться на свѣтѣ также, какъ и всякій другой. Въ его жизни завязался узелъ, который распутать было мудрено и его личной волѣ, и обстоятельствамъ. Родись онъ, вырости и живи въ Россіи бояриномъ или посадскимъ, или хоть простымъ крестьяниномъ, жизнь пошла бы проще, заурядпѣе, какъ бы направленная и указанная еще до рожденія.

А тутъ вышла нечаянность, несообразность, и киргизъ-кайсацкій князекъ, даровитый и пылкій нравомъ, пошелъ скачками на своемъ насилованномъ обстоятельствами жизненномъ пути и быстро свертѣлся. А причина, что изъ аманата и ханчика, пріѣхавшаго со свитой въ Астрахань, сдѣлался за пятнадцать лѣтъ уличный буянъ и пьяница, была, конечно, самая простая.

Покуда онъ жилъ въ городѣ аманатомъ на казенный счетъ, на полномъ продовольствіи и содержаніи изъ воеводскаго правленія, то, разумѣется, жилъ барченкомъ, ничего не дѣлалъ. Онъ проводилъ день въ томъ, что гулялъ и забавлялся, франтя въ красивомъ костюмѣ по улицамъ и базарамъ, распѣвалъ пѣсни киргизскія и русскія, да прельщалъ горожанокъ, и купчихъ, и боярынь и офицершъ своимъ красивымъ лицомъ. Многое и многое сходило ему съ рукъ!.. Вѣдь онъ аманатъ! Когда власти астраханскія стали догадываться, что ханчикъ выкупленъ не будетъ, что онъ брошенъ и застрялъ у нихъ, то содержаніе, конечно, сдѣлалось хуже, денегъ стали отпускать все менѣе. Затѣмъ изъ просторнаго дома въ татарской слободѣ перевели кайсацкаго аманата уже безъ свиты въ стрѣлецкую слободу. Вскорѣ и содержаніе прекратилось. Понемногу дѣло дошло до того, что кайсацкій князекъ сталъ голодать. Пришлось изворачиваться, чтобы достать средства на пропитаніе, такъ какъ подьячіе воеводскаго правленія утягивали и тѣ малыя деньги, которыя воевода изрѣдка, уже изъ жалости, приказывалъ выдавать на пропитаніе аманата.

Затѣмъ съ переходомъ въ православіе и съ записью въ астраханскіе обыватели, въ разрядъ «гулящихъ людей», т. е. не имѣющихъ никакой осѣдлости, началась и новая жизнь: будто «на юру», будто «съ боку-припёку».

За это именно время бывшій князекъ Дондукъ-Такій, подъ именемъ уже Лучки Партанова, сталъ кидаться на всякія ремесла и разныя затѣи ради требованія прихотливаго ума, но равно ради

зашибанія денегъ. Но, вмѣстѣ, съ тѣмъ, въ какой-то несчастный день, когда именно—самъ Лучка не помнилъ, онъ сталъ запивать, а запивъ, началъ буянить.

Теперь одно только удивительно было астраханцамъ, что Лучка, бывшій часто мертво пьянымъ, валявшійся на улицахъ иногда цѣлыя ночи, иногда и зимой, всетаки, во дни трезвости выглядывалъ молодцомъ и даже красавцемъ. Онъ могъ еще прельстить всякую астраханку. Къ нему даже засылали сватовъ отъ домовитыхъ и зажиточныхъ лицъ. И не одна дѣвушка мечтала выйдти замужъ за красавца буяна Лучку, надѣясь, что его исправитъ семейная жизнь и достатокъ.

Но Лучка былъ, очевидно, не изъ той породы, чтобы жениться, обзавестись семьей и начать жить мирно и порядливо.

Лучка объяснялъ, что пьетъ съ горя, бунтуетъ тоже съ горя, но онъ лгалъ. Этого горя у него не было, такъ какъ объ родинѣ онъ не жалѣлъ. Для него буйство и расправа подъ пьяную руку съ кѣмъ нибудь на улицѣ были какимъ-то лакомствомъ, доставляли какое-то наслажденіе.

XIV.

Рядомъ съ мѣстомъ заключенія, гдѣ томились люди въ ямѣ, въ большомъ каменномъ домѣ, который внѣшнимъ видомъ своимъ очень походилъ на судную избу, т. е. былъ такой же плотный, гладкій, изъ розоваго кирпича, съ такимъ же фронтономъ и подъѣздомъ, всѣ окна были отворены и всюду виднѣлись празднично одѣтыя фигуры военныхъ, духовныхъ и посадскихъ. Хозяинъ праздновалъ день своего рожденія и назвалъ гостей изъ самыхъ видныхъ и именитыхъ обывателей города. Въ домѣ этомъ жилъ полковникъ Никита Григорьевичъ Пожарскій, прямой начальникъ и комендантъ немногочисленнаго кремлевскаго войска.

Пожарскій былъ пожилой и женатый человѣкъ, но на видъ крайне моложавый, по нраву своему беззаботно веселый, подвижной, балагуръ и шутникъ. Какъ начальственное лицо въ городѣ, онъ былъ дѣятеленъ, строгъ и взыскателенъ, смѣлъ и рѣшителенъ во время.

Этотъ человѣкъ былъ прямая противоположность воеводы Тимоѳея Ивановича. Даже относительно склонности ко сну и отдохновенію они рѣзко отличались. Воевода спалъ, когда только могъ, даже сидя въ канцеляріи своей за зерцаломъ. Полковникъ Пожарскій наоборотъ хвастался, что ложится спать послѣдній въ городѣ передъ полуночію и поднимается вмѣстѣ съ солнцемъ круглый годъ. Если солнце запаздывало въ иное время года, то и Пожарскій позволялъ себѣ лишній часокъ потягиваться на кровати.

Въ городѣ къ полковнику всѣ относились съ уваженіемъ, отъ властей гражданскихъ и духовныхъ до всѣхъ именитыхъ инородцевъ. Пожарскій сталъ лишь недавно астраханскимъ должностнымъ лицемъ, ибо служилъ прежде въ Кіевѣ и числился офицеромъ полевой пѣшей команды, называвшейся уже московскимъ полкомъ. Онъ былъ лично извѣстенъ могущественному Александру Даниловичу Меншикову и теперь надѣялся скоро замѣнить очумѣвшаго отъ лѣни и тучности Ржевскаго, такъ какъ воеводство Астраханское было ему уже съ полгода обѣщано Меншиковымъ при первомъ случаѣ. Пожарскій нетерпѣливо желалъ и ожидалъ этого случая. Иногда онъ надѣялся, что Ржевскаго какъ нибудь разобьетъ параличъ, иногда же видя, что толстякъ не хочетъ ни болѣть, ни умирать, Пожарскій разсчитывалъ, что случится какая либо бѣда въ Астраханской округѣ, прогнѣвается строгій царь и непремѣнно укажетъ ссадить тотчасъ съ воеводства малоумнаго и лѣниваго воеводу.

— Вѣрно это. Вѣрнѣе смерти. Но какой у насъ быть здѣсь бѣдѣ? Нечему быть-то!—досадливо соображалъ полковникъ Никита Григорьичъ.—Труса или потопа отъ Каспія быть не можетъ. Гладъ или моръ — не бѣды! Воевательства какого или нашествія непріятельскаго быть не можетъ. Кто тутъ сунется? Не персидскій же шахъ! И не крымскій Гирей! Вотъ развѣ еще ханъ хивинскій соберется походомъ на Россію, такъ онъ до насъ не дойдетъ... Киргизы или калмыки тоже, какъ завсегда, разгромятъ по Волгѣ и раззорятъ нѣсколько приписныхъ городовъ и посадовъ и, награбивъ въ волю всякаго добра, уйдутъ опять во-свояси за Волгу. Смута какая народная — вотъ бы хорошо! Смуты частенько въ нашемъ краю бывали со временъ царя Грознаго по сіе мѣсто. А теперь случись колебаніе государственное, Тимоѳей нашъ Иванычъ такое колѣно отмочитъ или такой финтъ выкинетъ, по своей природной шалости разума, что ужъ неминуемо государь повелитъ его въ зашей гнать съ воеводскаго мѣста.

И немало удивились бы всѣ астраханцы — «знатные» люди, а равно и «подлый» народъ, если бы могли они заглянуть въ душу кремлевскаго военачальника и коменданта и увидѣть, чего этотъ власть имущій воинъ всѣмъ сердцемъ желаетъ. Да, ахнули бы обыватели, прочитавъ его мысли.

«Онъ» властный, а ему чѣмъ мутнѣе вода будетъ, тѣмъ больше рыбы въ руки перепадетъ. Ему, вишь, подай Боже хоть настоящій грабительскій и кровавый бунтъ. Коли на его счастье разгорится возмущеніе до того, что подлый народъ убьетъ воеводу, то онъ самъ себя въ воеводы произведетъ, потому что послѣ Ржевскаго онъ—первое лице въ городѣ и въ округѣ. Разумѣется, всѣ эти тайные помыслы Пожарскаго никому не могли быть извѣстны и даже женѣ его Агаѳьѣ Марковнѣ, женщинѣ веселой, слово-

охотливой и потому крайне болтливой. Полковникъ никогда не довѣрялся въ важныхъ вещахъ Агаѳьѣ Марковнѣ: сказать ей что нибудь было все одно, что на соборной колокольнѣ въ кремлѣ въ набатъ ударить и надѣяться при семъ, что никто ничего не услышитъ въ городѣ.

Въ обществѣ многіе еще не знали навѣрное объ обѣщаніи могущественнаго Александра Даниловича Меншикова, но догадывались, что быть Пожарскому неминуемо воеводою астраханскимъ послѣ Ржевскаго. Нѣкоторыя лица въ обществѣ этому очень радовались, а нѣкоторые, кто былъ поумнѣе и подальновиднѣе, загодя тревожились, ибо соображали и доказывали, что дѣятельный и живой на подъемъ человѣкъ, полковникъ Никита Григорьевичъ, будетъ во сто кратъ хуже и «погубительнѣе» для города и всей округи безобиднаго отъ тучности и снолюбія Тимоѳея Ивановича. Ржевскій былъ добрякъ, тихъ, не завидущъ и не корыстенъ, а за полковникомъ водился уже теперь лихой грѣхъ. На его мѣстѣ въ должности коменданта этотъ грѣхъ былъ чуть замѣтенъ, и отъ него терпѣли немногіе. А стань Пожарскій воеводой и властителемъ всего богатаго края, то грѣшокъ изъ вершковаго станетъ саженнымъ. Какъ многіе и многіе правители, властные или «знатные» люди, полковникъ Никита Пожарскій былъ на деньги жаденъ, былъ лихоимецъ изъ самыхъ отъявленныхъ. Теперь онъ тащилъ послѣдній алтынъ со всякаго, съ кого только по должности своей могъ тащить. Офицеры, ему подчиненные, не получали даже своего жалованія полностію, ибо у нихъ оттягивалъ полковникъ, что могъ. Даже въ деньгахъ на содержаніе и прокормленіе своей команды кремлевскій полковникъ урѣзывалъ, гдѣ, что и сколько могъ. За недолгое время, что Пожарскій былъ въ Астрахани, онъ уже успѣлъ скопить лишнюю тысячу. Сядь этотъ человѣкъ воеводой въ такомъ торговомъ краю, какъ Астрахань, гдѣ идетъ милліонный оборотъ товарамъ съ Европой и Азіей, гдѣ суда и караваны снуютъ вѣки вѣчные со всякимъ добромъ, а окрестность запружена промысломъ — рыбою! Стань этотъ человѣкъ правителемъ и судьей этого богатаго края! Получи онъ власть распоряжаться надъ инородцами, караван-сераями, надъ учугами и ватажниками!

— Да что же это будетъ? — спрашивалъ умный человѣкъ Георгій Дашковъ у своихъ собесѣдниковъ и прибавлялъ шутя:

— Вѣдь это будетъ погромный ясырь.

«Погромный ясырь» — мѣстное выраженіе немало смѣшило собесѣдниковъ Дашкова, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и вѣрно опредѣляло характеръ управленія краемъ будущаго воеводы астраханскаго.

Послѣ похода русскихъ войскъ на крымскаго хана или на калмыковъ и киргизовъ и погрома ихъ, весь край и городъ переполнялись всякой всячиной, дорогой и дешевой, въ полномъ изобиліи. Все, отъ глиняннаго горшка и шкурки мѣха, до дорогой пистоли и бу-

латнаго ятагана, отъ табуна коней до золотаго ожерелья, отъ стада барановъ курдюковъ или верблюдовъ до сотенной толпы уведенныхъ въ плѣнъ женщинъ и дѣтей ради продажи за грошъ въ рабство, весь этотъ награбленный движимый и живой товаръ носилъ общее названіе «погромнаго ясыря».

Умный монахъ вѣрно понялъ Пожарскаго. Хорошій кремлевскій полковникъ, дѣятельный, распорядительный и строгій, сдѣлался бы кровопійцей и людоѣдомъ ради своего ненасытнаго корыстолюбія, попавъ на мѣсто властителя всего богатаго края. Только однажды въ году тратился полковникъ, скрѣпя сердце, накупалъ всякихъ сластей, доставалъ изъ подваловъ и кладовыхъ разнаго вина и всякой провизіи... Это бывало въ день его рожденія.

— Сія есть неукоснительная должность всякаго человѣка праздновать день сей со своими благопріятелями и угощать своихъ добродѣевъ,—говорилъ Пожарскій, какъ бы оправдываясь предъ своей совѣстью скряги и смягчая чувство жалости ко всему гостями уничтоженному, безполезно съѣденному и зря выпитому.

— А потому собственно должно сей день праздновать, — разсуждалъ, вздыхая, Пожарскій: — что если бы ты, человѣкъ, не родился на свѣтъ Божій, то ничего бы и не пріобрѣлъ. Былъ бы неимущъ, ибо самъ не былъ бы.

Это философское разсужденіе собственнаго сочиненія скряга-хозяинъ буквально изъ году въ годъ повторялъ своимъ гостямъ, убѣдительно сзывая ихъ къ себѣ на пированіе. Теперь онъ то же самое объявилъ гостямъ, когда всѣ съѣхались.

Въ числѣ полсотни лицъ, прибывшихъ къ полковнику, находились, конечно, и всѣ власти. На почетномъ мѣстѣ сидѣлъ митрополитъ Самсонъ, уже дряхлый старикъ, добродушный, слегка подслѣповатый, по природѣ глуповатый, но, тѣмъ не менѣе, въ пору зрѣлыхъ лѣтъ извѣстный своей плутоватостью. Говорили, что митрополитъ, будучи еще архимандритомъ, плутнями своими навлекъ на себя гнѣвъ даже «тишайшаго» царя Алексѣя Михайловича и былъ удаленъ съ царскихъ глазъ. Вслѣдъ за митрополитомъ верхомъ на пѣгенькой лошадкѣ пріѣхалъ недавній временный житель Астрахани, игуменъ Дашковъ, строитель новаго Троицкаго монастыря.

Возлѣ Самсона сидѣлъ и отдувался и отъ жары, и отъ невольнаго передвиженія въ гости тучный добрякъ Тимоѳей Ивановичъ. Здѣсь же въ числѣ именитыхъ посадскихъ людей былъ и «законникъ» Кисельниковъ. Онъ держался съ достоинствомъ, обращался вѣжливо и предупредительно со всѣми, но, всетаки, слѣдилъ за тѣмъ, чтобы ему не наступали на ногу. Охотникамъ намекнуть посадскому богатому человѣку, явившемуся сюда гостемъ, на пословицу: «не въ свои сани не садись», Кисельниковъ напоминалъ нѣчто подобное пословицѣ: «мала птичка, да ноготокъ во-

стеръ». Онъ умѣлъ такъ отрѣзать, что шутникъ уже второй разъ не пробовалъ соваться съ своею вольностію. Причина, по которой посадскій очутился въ средѣ именитыхъ гостей и властей, была простая и всѣмъ даже извѣстная. Полковникъ былъ долженъ Кисельникову нѣсколько сотенъ рублей. Но, кромѣ того, что было еще никому неизвѣстно, даже самому Кисельникову, полковникъ собирался еще призанять нѣсколько сотенъ. И Кисельниковъ, человѣкъ очень богатый, а отъ природы щедрый, конечно, съ удовольствіемъ и радостію готовъ былъ въ подобномъ случаѣ размахнуться особенно широко, къ полному удовольствію полковника. На это были у него свои важныя причины, никому неизвѣстныя, кромѣ жены его. Богачъ посадскій имѣлъ свою слабость, свой грѣхъ, какъ и Пожарскій. Если этотъ былъ корыстолюбивъ до страсти, то посадскій человѣкъ темнаго происхожденія былъ честолюбивъ до страсти.

У честолюбца была дочь, очень неказистая по имени Маремьяна... У корыстолюбца былъ дальній племянникъ, офицеръ Московскаго полка Палаузовъ... Посадскому человѣку уже давно мерещилось, какъ въ одно прекрасное утро хорошо бы могли зажить въ его домѣ дочь съ зятемъ, а потомъ внучата по фамиліи Палаузовы, по званію офицерскія, а не посадскія дѣти. Молодой родственникъ должника уже бывалъ часто въ домѣ Кисельникова. А барыня Пожарскаго, полковничиха, бывала въ гостяхъ у посадской жены Кисельниковой, и женщины ладили втихомолку сватовство для сочетанія безъалтыннаго офицерства съ зажиточнымъ посадствомъ.

— Чѣмъ посадская—не дѣвица? Все у ней, что требуется дѣвицѣ,—есть,—говорила одна сторона.

— Офицерское званіе великое дѣло, но на его поддержаніе—иждивеніе требуется!—говорила другая сторона.

Кисельниковъ не зѣвалъ и давалъ деньги взаймы, но по мелочамъ, самой полковничихѣ, и ждалъ, высматривая зорко, что будетъ? «Клюнетъ рыбка или сожретъ червячка и вильнетъ на дно»!

Въ этотъ день намѣченный посадскимъ женихъ для неказистой Маряши былъ тутъ же въ числѣ гостей.

— Кафтанъ-то на тебѣ, милый человѣкъ, совсѣмъ не праздничный. Да и сапоги хлѣба просятъ,—соображалъ Кисельниковъ, оглядывая небогатаго офицера.—Поженились бы вы—я тебѣ двѣ пары платья состроилъ бы хоть до вѣнца. Съ кармазиномъ бы состроилъ!

Умный, разсудительный и степенный Кисельниковъ потому намѣтилъ себѣ въ зятья Палаузова, что видѣлъ ясно въ немъ особенное добронравіе и добродушіе.

— Этотъ драться не будетъ съ женой и меня въ уваженіи соблюдетъ,—рѣшилъ онъ.

Кромѣ того, въ числѣ разныхъ гостей всякаго званія и состоянія были тутъ еще двѣ сомнительныя личности: первый, хорошо и давно всѣмъ знакомый, даже пріятель, нѣкто Осипъ Осиповичъ Гроднеръ, съ острымъ лицемъ, длиннымъ носомъ, клинообразной бородой, черный какъ смоль и съ буклями на вискахъ—сказывался нѣмцемъ. Второй—недавно допущенный въ общество властителей и офицеровъ церковный староста, князь Макаръ Ивановичъ Бодукчеевъ, который еще за шесть мѣсяцевъ предъ тѣмъ былъ магометаниномъ и простымъ слободскимъ татариномъ по имени Гильдей Завтылъ Бодукчей. Явился онъ въ Астрахань чуть не босикомъ нѣсколько лѣтъ назадъ, изъ Ногайскихъ степей, никуда не показывался и княземъ не назывался. Но къ недавнему его преображенію всѣ уже успѣли привыкнуть.

Сомнительный нѣмецъ былъ теперь съ большими деньгами, нажитыми на глазахъ у всѣхъ,—но какъ, никто не зналъ. Сомнительный князь и церковный староста былъ теперь богатъ по простымъ и законнымъ причинамъ, такъ какъ на его родинѣ умеръ какой-то дядя и оставилъ ему большое наслѣдство, за которымъ Бодукчей съѣздилъ въ Ногайскую степь, но едва не оставилъ тамъ своей шкуры отъ членовредительнаго пріема, сдѣланнаго ему тамошними родственниками, съ которыми пришлось дѣлить наслѣдство.

Здѣсь же былъ, наконецъ, извѣстный ватажникъ Климъ Егоровичъ Ананьевъ, но держался смирно въ уголкѣ и даже виду не показывалъ, что онъ въ гости пріѣхалъ.

— Ну, что подшибленный? Здорово! Перекосило, братъ—тебя! Поцѣлуемся хоть и въ кривую рожу!—встрѣтилъ Ананьева хозяинъ, когда онъ въ числѣ первыхъ смущенно появился въ домѣ.— Ну, что она, рожа-то? Совсѣмъ не хочетъ на мѣсто стать?

— Нѣтъ, на мѣсто ужъ гдѣ же,—отвѣчалъ добродушно глупый Ананьевъ.—А хоть малость бы самую передвинулась къ прежнимъ мѣстамъ, и то бы радъ былъ.

Усадивъ гостя въ углѣ горницѣ, какъ несмѣлаго и стѣснявшагося въ обществѣ властителей, Пожарскій подошелъ къ племяннику и Кисельникову, бесѣдовавшимъ у окна «о дѣвичьихъ ухваткахъ въ предметѣ мытья себя въ банѣ».

— Вотъ, гляди,—сказалъ полковникъ:—Ананьева разшибло совсѣмъ. Все рыло гдѣ-то въ уѣздѣ. Ничего не найдешь. Одинъ глазъ спитъ, а другой кричитъ: горимъ, братцы. Носъ, что крюкъ завернулся на сторону, того гляди, зацѣпитъ тебя и платье испортитъ. Ротъ на третье ухо смахиваетъ. Бѣда сущая... А здоровый былъ. А вотъ кому бы надо расшибиться давно на тридевять частей, лопнуть да развалиться,—тотъ живетъ и все у него на мѣстѣ...

— Да-съ! И самъ на мѣстѣ!—съострилъ какъ изъ-подъ земли

выросшій Георгій Дашковъ.—Добраго здоровья. Мое почтеніе хозяину и гостямъ!

Пожарскій даже оробѣлъ отъ намека остраго монаха и, начавъ разсыпаться предъ нимъ мелкимъ бѣсомъ, повелъ его сѣсть на почетное мѣсто около митрополита Самсона.

— Да-съ. Эта ухватка дѣвичья,—говорилъ Кисельниковъ чаемому зятю:—держать себя въ неукоснительной чистотѣ, особливо дѣвицѣ. Дѣвица любитъ и уважаетъ баню всѣмъ сердцемъ. Мою Маремьяну изъ бани не выгонишь, такъ бы тамъ вѣкъ свѣковала.— И Кисельниковъ думалъ про себя: «Мотай, братъ, себѣ на усъ».

— Бываютъ дѣвицы красавицы писанныя,—продолжалъ Кисельниковъ свою атаку на жениха.—Но, подь, человѣкъ, глянь-ко поближе... А отъ нея, отъ иной запахъ, козлятиной отшибаетъ. Опять скажу, здоровье—великое дѣло. Больная жена, что худая мошна, ни денегъ, ни дѣтей съ такими не наживешь... Моя вотъ Маремьяна вся въ мать. Здорова—ахтительно. А все отъ баннаго прилежанія.

— Эта повадливость къ самоочищенію—доброе дѣло!—отозвался, наконецъ, офицеръ Палаузовъ, понимая отлично намеки посадскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ думалъ: «Что жъ, я бы на твоей Маремьянѣ не прочь жениться, какъ наускиваетъ меня полковница, только бы ты ей денегъ далъ побольше. А коли грязна, это не помѣха. Послѣ вѣнца самъ вымыть на-чисто могу».

Когда гости были всѣ въ сборѣ, хозяинъ усадилъ всѣхъ за столъ, и началось угощеніе. Черезъ часъ всѣ уже закусили плотно и выпили немало—повеселѣли и загорланили. Одинъ Ананьевъ, сидя на концѣ стола около пріятеля и своего незадачливаго зятя, перекрестя-князя, мало говорилъ и больше слушалъ другихъ. Громче всѣхъ раздавались голоса самого хозяина, остряка и умницы Дашкова и одного офицера, родомъ кандіота. Грекъ, по имени Варваци, офицеръ, явился, когда уже всѣ сидѣли за столомъ, прямо съ караульной службы и долго извинялся передъ хозяиномъ за невѣжество. Варваци говорилъ за столомъ громче всѣхъ, но не потому, чтобы желалъ заставить всѣхъ слушать свои разсужденья, какъ хозяинъ, или свою какую остроту, какъ игуменъ, а потому что совершенно не могъ тихо говорить по особенному устройству груди и горла. Грекъ этотъ былъ забавникъ и потѣшникъ всего общества, ибо умѣлъ свистать соловьемъ, токовать по тетеревиному, шипѣть кунгуромъ, ревѣть бѣлугой и особенно умѣлъ изумительно вѣрно передразнивать и подражать голосамъ своихъ знакомыхъ. Кромѣ того, отлично говоря порусски, онъ загадывалъ дивныя загадки, показывалъ всякіе финты-фанты и пѣлъ сотни пѣсенъ на всѣхъ языкахъ, отъ голландскаго до калмыцкаго. Но въ разговорѣ голосъ его былъ сущее наказаніе для собесѣдниковъ, ибо гремѣлъ громче предполагаемаго трубнаго гласа при кончинѣ міра.

— Не ори! Оглушилъ!—то и дѣло останавливали его. Óнъ принимался шептать и шипѣть могучимъ шепотомъ, но чрезъ нѣсколько мгновеній забывалъ сдерживаться и снова ревѣлъ благимъ матомъ на весь домъ.

— Эхъ, кабы этого офицера Варваци, да обернувъ вверхъ ногами, повѣсить на моей строящейся колокольнѣ!—заявилъ теперь Дашковъ на ухо сосѣду своему воеводѣ.

— Зачѣмъ? Господь съ тобой?—спросилъ, удивляясь, Ржевскій.

— И чтò бы это, воевода, за гулъ да звонъ пошелъ на всю округу твою. И Боже мой! Звончѣй всякаго Ростовскаго колокола.

— Не гоже!.. Грѣхъ... рѣшилъ воевода укоризненно, не понявъ шутки и повѣривъ, что строитель троицкой обители способенъ повѣсить за ноги грека, вмѣсто колокола.

На этотъ разъ гости, развеселясь, тоже попросили Варваци потѣшить ихъ своимъ «искусничествомъ». Офицеръ съ удовольствіемъ согласился и какъ всегда добродушно спросилъ: «что угодно?».

Засвиставъ неподражаемо соловьемъ, онъ залился въ страстныхъ треляхъ... Казалось весной запахло вдругъ въ столовой горницѣ Пожарскаго, теплынью ночнаго звѣзднаго неба, зеленью муравы и дубравы повѣяло на гостей среди іюньской духоты, стоявшей въ Астрахани... Но вдругъ очарованье изчезло!.. Вмѣсто соловья заголосило что-то дикое, нелѣпое, грубое и, хотя ясно сказалась жгучая боль и слышался вопль страданья, но онъ не могъ тронуть сердца человѣка и не вызывалъ жалости или сочувствія... Заревѣла бѣлуга и шибко, но мягко шлепала хвостомъ по песку... Раскатистый хохотъ гостей даже заглушилъ эту бѣлугу. Затѣмъ хозяинъ попросилъ Варваци «одолжить» и мигнулъ на другую горницу... Офицеръ вышелъ. Гости притихли и стали прислушиваться. Въ сосѣдней горницѣ послышалась бесѣда:

— Полагательно надо думать, что это раскольничье дѣло. Я бы, по вашей ввѣренной вамъ власти въ краѣ семъ, всѣхъ сихъ отщепенцевъ подъ судную избу отправилъ!—говорилъ одинъ голосъ.

— Безпремѣнно укажу... Я давно на нихъ глазъ имѣю... Да все вотъ недосугъ...

— Время дорого, воевода... Колебаніе народное произойдти можетъ.

— Завтра же я укажу... А то послѣзавтрева—безпремѣнно.

И снова общій смѣхъ заглушилъ слова этихъ двухъ собесѣдниковъ въ сосѣдней горницѣ... сидѣвшихъ, однако, тутъ же за столомъ и захохотавшихъ надъ собой пуще другихъ... И Ржевскій съ Дашковымъ дивились пуще всѣхъ... Они сами не могли бы такъ «сходственно» заговорить. Да и самый характеръ предполагаемой бесѣды былъ вѣрно подмѣченъ офицеромъ.

Гости пировали долго и поздно засидѣлись у новорожденнаго.

Воевода успѣлъ разъ шесть соснуть крѣпко, но домой, всетаки, не собрался, чтобы не обижать хозяина. Добродушный Ржевскій, конечно, и не воображалъ, что полковникъ мѣтитъ на его мѣсто — воеводы.

Уже ввечеру, когда изъ всѣхъ гостей Пожарскаго оставалось не болѣе десяти человѣкъ, бесѣда перемѣнилась и приняла болѣе дѣльное направленіе. Въ числѣ засидѣвшихся были Дашковъ и Кисельниковъ, и они-то двое и были виновниками, и руководителями важныхъ матерій, обсуждаемыхъ послѣ цѣлаго дня болтовни. Дашковъ разсказалъ, между прочимъ, что къ нему на постройку часто навѣдываются разные обыватели и спрашиваютъ: «Будетъ ли оное созиданіе православнымъ монастыремъ, или нѣмецкой киркой, какъ ходитъ слухъ?». Разговоръ перешелъ на любимую тэму Кисельникова. Говорить объ астраханскихъ слухахъ — матерія была для него неисчерпаемая: посадскій не умолкалъ битый часъ и все помянулъ, чуть не за сто лѣтъ. Онъ вспомнилъ даже слухъ объ индѣйскомъ идолѣ, святомъ болванѣ, который вдругъ забеременѣлъ и родилъ чудомъ въ разъ: морскаго верблюда, трехъ костромскихъ бабъ, дюжину Гишпанскихъ лягухъ и глиняный горшокъ съ яхонтовой ручкой.

Дашковъ передъ прощаніемъ заявилъ, что намѣренъ жаловаться воеводѣ письменной бумагой на пономаря Никольской церкви Бесѣдина за распространеніе смутительнаго слуха о строящейся обители.

Наконецъ, домъ Пожарскаго опустѣлъ, потемнѣлъ и стихъ. Уже засыпая, полковникъ заявилъ женѣ:

— Эхъ, Агаѳья Марковна, кабы бы я былъ воеводой теперь, всю бы нонѣшнюю затрату въ одно утро вернулъ!

XV.

Однажды, около полудня, два стрѣльца отворили желѣзную дверь ямы и стали звать двухъ заключенныхъ къ допросу. Они выкрикивали изъ всей мочи два имени.

— Васька Костинъ! Степка Барчуковъ!

Нескоро во меракѣ и за гуломъ голосовъ заключенныхъ отыскались двое, отвѣтившіе на призывъ.

— Ну, прости, бѣдняга. Держись крѣпче. Не наговаривай на себя... произносилъ грустнымъ голосомъ Партановъ, обнимая пріятеля.

— Что жъ дѣлать-то?.. Дѣлать что? Научи! — бормоталъ растерявшійся Барчуковъ.

— Ничего не подѣлаешь. Милосердія проси не проси — не выпросишь, — отвѣчалъ Лучка. — А сказываю тебѣ, на дыбѣ иль отъ инаго

какого пристрастья, не малодушествуй и не наговаривай на себя попусту. Оно легче на время, отпустятъ пытать, а помѣтивши чернилами на бумагѣ твое якобы сознанье въ винахъ своихъ, опять примутся за тебя.

— Степка Барчуковъ! Лѣшій треклятый! — оралъ стрѣлецъ среди мрака. — Ищи его, вы! Толкай его сюда, дьяволы вы эдакіе!..

— Сейчасъ! — крикнулъ Партановъ. — Идетъ... И онъ снова заговорилъ быстро пріятелю:

— Вѣстимое дѣло, тебя на допросъ вызываютъ. Начнутъ пытать. Стой на своемъ: невиноватъ. Изломаютъ — да что жъ дѣлать. А начнешь на себя наговаривать отъ ломоты въ костяхъ — совсѣмъ пропалъ. Ну, иди...

— Ахъ Господи... Да за что жъ все это!.. взмолился молодой малый и чуть не всплакнулъ.

— Барчуковъ! Степанъ! Чортово колесо! Аль тебя бердышемъ пойдти разыскивать? — крикнулъ уже ближе разсерженный голосъ.

— Иду! Иду!.. отозвался Степанъ и двинулся ощупью среди тьмы и рядовъ сидящихъ на полу.

Стрѣльцы, при его приближеніи, начали ругаться и желать парню всякой всячины — и треснуть, и лопнуть, и подохнуть, и провалиться сквозь землю.

Дверь снова загудѣла и захлопнулась, а два стрѣльца и двое арестантовъ стали подниматься по каменной лѣстницѣ, на которой съ каждымъ шагомъ становилось свѣтлѣе и какъ-то радостнѣе на душѣ отъ воздуха. На мгновенье, даже забывъ страхъ ожидаемой пытки, Барчуковъ жадно вдыхалъ полной грудью чистый воздухъ, какъ жаждущій пьетъ воду. Онъ даже пріободрился и поглядѣлъ на своего спутника, товарища по заключенью. Это былъ низенькій и приземистый человѣкъ, казалось, не старый, а весь сѣдой. Судя по зеленоватому лицу и по тому, какъ онъ щурилъ гнойные глаза отъ дневнаго свѣта,—видно было, что онъ уже давно сидитъ въ ямѣ. Онъ двигался медленно и пошатывался, какъ пьяный.

— Не могу! — хрипливо проговорилъ онъ, наконецъ, и вдругъ присѣлъ на ступени, почти упалъ...

Стрѣльцы остановились, не отвѣчая и почти не оборачиваясь на упавшаго. Они привыкли къ этому явленію. Надо было обождать. Это случалось постоянно. Спасибо еще, если, посидѣвъ, арестантъ встанетъ и самъ пойдетъ. Случалось, что, отсидѣвъ въ смрадной тѣснотѣ и темнотѣ мѣсяца два-три, заключенный не могъ идти совсѣмъ... И свѣтъ бьетъ въ глаза, заставляя жмуриться съ отвычки, и ноги какъ плетки подкашиваются и не несутъ легкаго, изможденнаго голодомъ тѣла.

Барчуковъ съ трепетомъ на сердцѣ глядѣлъ и на сидящаго, и на выходъ. Здѣсь былъ образчикъ того, чѣмъ можетъ сдѣлаться человѣкъ, заключенный долго въ ямѣ. А тамъ... Тамъ была дверь

въ судную горницу, гдѣ чинится допросъ виновному съ дыбой, плетьми, конькомъ... гдѣ ломаютъ кости и спускаютъ кожу съ живыхъ людей...

Барчуковъ замѣтилъ, что у него стучатъ зубы...

— Зачѣмъ меня?.. Куда меня?.. чрезъ силу выговорилъ онъ.

Стрѣльцы равнодушно оглянули парня.

— Не давно сѣлъ?.. спросилъ одинъ.

— Десять дней... Семь ли... Забылъ...

— За что?.. Убилъ?

— Нѣтъ, зря... Даже не воровалъ.

— Всѣ вы—зря... Васъ послушай...

— Ей Богу... Что жъ... Куда меня теперь указано?.. Въ пытку?

— Нѣтъ. Тебя къ подъячему Копылову... Должно, что нибудь особливое.

— Хуже пытки? — воскликнулъ испуганно Барчуковъ.

Стрѣльцы разсмѣялись голосу парня...

— А ты что, разстрига... Тебя и не узнаешь... сказалъ одинъ изъ стрѣльцовъ постарше, обращаясь къ старику.—Я тебя, помню, водилъ какъ-то зимой въ допросъ. Ты вѣдь разстрига изъ дьяконовъ, кажись?

— Да, — отозвался сидящій и чуть-чуть пріоткрылъ глаза, начинавшіе сносить кой-какъ свѣтъ.

Наступила пауза.

— Ну, скоро ль... Пробуй... Не до вечера же сидѣть... Вставай!— крикнулъ старшій изъ стрѣльцовъ.

Разстрига поднялся и тронулся снова за стражей, слегка швыряясь, какъ пьяный... Барчуковъ вздохнулъ глубоко и тоже двинулся.

— Что же со мной будетъ! Не въ судную избу, а къ подьяку... Что же это?—повторялъ онъ мысленно.

Они вышли на улицу... Свѣтъ, солнце... Бѣлыя облачка на синемъ небѣ... Движенье и говоръ мимоидущихъ прохожихъ, всѣ голоса которыхъ показались Барчукову веселыми. Офицеръ, проѣхавшій на гнѣдомъ конѣ... Трое ребятишекъ, дравшихся шибко изъ-за найденнаго клочка бумаги. Все съ разу увидѣлъ и перечувствовалъ Барчуковъ. Все это радостное, счастливое, чудное, послѣ всего того, что пережилъ онъ за нѣсколько дней тамъ, подъ землей, въ смрадѣ и тьмѣ.

— Ну, сведи своего въ судную, да ворочайся въ правленье!— сказалъ старшій стрѣлецъ товарищу, указывая глазами на разстригу... За этимъ, гляди, дольше простоимъ у подьяка.

— Я живо...

Стрѣльцы и острожные раздѣлились. Барчуковъ со старшимъ двинулся къ знакомому подъѣзду воеводскаго правленія.

Когда Барчуковъ вошелъ въ прихожую, гдѣ еще недавно ждалъ

воеводу, чтобы подать свой выправленный якобы въ Москвѣ письменный видъ, — ему бросилась въ глаза знакомая фигура, сидѣвшая на ларѣ.

Онъ ахнулъ невольно.

Фигура поднялась и, добродушно ухмыляясь, подошла къ нему. Это была Настасья.

— Что Варвара Климовна? — воскликнулъ парень.

— Что... Ничего. Слава Богу. Убивается только шибко. А вотъ тебѣ... Отъ нея... На поминъ по ней...

И Настасья передала Барчукову красный шелковый платокъ, который хорошо зналъ молодецъ. Его всегда носила на шеѣ Варюша. Любимая вещь была прислана съ Настасьей, какъ доказательство, что она помнитъ... не забыла... мучается...

Барчуковъ понялъ этотъ восточный обычай, пробравшійся въ полу-татарку Астрахань и уцѣлѣвшій еще отъ ханскихъ временъ. Молодецъ взялъ платокъ, засунулъ за пазуху, и слезы показались на его глазахъ.

— Скажи... Скажи ей... началъ было молодой малый, но махнулъ рукой и выговорилъ: — да, что говорить... Вотъ что вышло...

— Богъ милостивъ. Ты не кручинься... Сударушка указала тебя обнадежить. Скажи, говоритъ, ничего не пожалѣю для Степана... Хоть опять топиться побѣгу, и ужъ второй разъ не выудятъ изъ рѣчки.

Это утѣшенье плохо подѣйствовало на молодца и не ободрило его.

Между тѣмъ стрѣлецъ уже давно велѣлъ доложить подьяку объ острожномъ.

Вышелъ, наконецъ, какой-то худой и кривой калмыкъ и крикнулъ картаво:

— Котолый — тутъ Балсюковъ?

— Балсюкова нѣту, а вотъ Барчукова бери? — пошутилъ стрѣлецъ.

— Ну, сагай за мной, воловское сѣмя, — сказалъ важно калмыкъ и повелъ Барчукова чрезъ длинный корридоръ, гдѣ онъ еще никогда не бывалъ.

Въ концѣ этого темнаго и грязнаго корридора, который, однако, показался Барчукову послѣ ямы свѣтлѣе и чище бѣленаго полотна, — калмыкъ остановился и ткнулъ въ дверь пальцемъ.

— Плоходи... Здѣсь подьякъ. Я плиду, когда позовёсь.

Барчуковъ вошелъ въ горницу, низенькую и маленькую, въ одно окно со шкафами и скамьями по стѣнамъ. По срединѣ стоялъ столъ, какъ у воеводы, а на немъ лежали книги и исписанныя тетради.

Подьякъ Копыловъ сидѣлъ за этимъ столомъ, нагнувшись, уткнувъ носъ въ бумагу, и, сопя какъ кузнечный мѣхъ, выри-

совывалъ старательно и медленно, поскрипывая перомъ, крупныя литеры.

— Степанъ... Ты?.. Барчуковъ?—строго выговорилъ Копыловъ, не подымая ни головы, ни глазъ на вошедшаго.

— Я...

— Гдѣ жилъ до заключенія?

— Только что вернулся было въ городъ изъ Москвы.

— Прежде-то гдѣ жилъ.

— У ватажника Ананьева.

— Варвару Климовну знаешь?..

Барчуковъ пробормоталъ что-то... Вопросъ этотъ былъ для него сомнительнымъ, ибо былъ, казалось ему, страннымъ голосомъ произнесенъ.

— Ну, то-то... гусь!—проворчалъ Копыловъ, какъ бы получивъ уже требуемый отвѣтъ. — То-то, крапива!

Подьякъ заткнулъ перо за ухо, выпрямился и, глянувъ на стоящаго у дверей парня, выговорилъ, ухмыляясь:

— Подойди... Ближе. Небось... Ближе.

Барчуковъ подвинулся.

— Въ ямѣ тѣсновато у васъ. А?

Барчуковъ развелъ руками. Что жъ было на это сказать. Всякій астраханецъ знаетъ, что такое яма.

— Да. И темненько. Зги не видно,—продолжалъ подьякъ.—Мѣсто совсѣмъ не спокойное и не утѣшное... Ну, говори, на волю хочешь?

Барчуковъ даже не понялъ вопроса.

— Хочешь освобожденіе получить? Ну, слушай, да въ оба слушай и въ оба гляди. Проворонишь и проморгаешь мою рѣчь, то набалванишь, и твоя же спина виноватая будетъ. А я чистъ и правъ.

И затѣмъ подьякъ толково и даже подробно объяснилъ Барчукову, что черезъ часъ ихъ, острожниковъ, въ числѣ трехъ дюжинъ поведутъ по городу ради сбора милостыни, и онъ можетъ воспользоваться прогулкой, чтобы бѣжать. Барчуковъ, озадаченный и подозрѣвая западню, хотѣлъ было заявить судейскому крючку о своихъ намѣреніяхъ дожидаться правильнаго суда и законнаго освобожденія. Но Копыловъ прикрикнулъ на молодца:

— Цыцъ, щенокъ! Коли я такъ научаю, такъ, стало, тому и быть слѣдуетъ. Что, ты будешь меня учить? Я эдакихъ, какъ ты, еженедѣльно выпускаю на волю. И, слава Богу, ни они на меня не злобствуютъ за то, что на свѣтъ Божій выскочили, ни я еще своему начальству не попадался въ просакъ. А за что я тебя хочу освободить отъ плети, покуда не твое дѣло. Послѣ самъ узнаешь.

Объяснивъ Барчукову, что онъ долженъ сговориться съ кѣмъ нибудь изъ острожниковъ, съ двумя—тремя, Копыловъ пояснилъ

ему, что его одного онъ выпустить не можетъ, дабы не было подозрѣнія. Надо, чтобы человѣка три самыхъ разношерстныхъ бѣжало вмѣстѣ.

— Я чаю, у тебя уже есть пріятели въ ямѣ?—спросилъ онъ.

— Есть,—нерѣшительно отвѣтилъ Барчуковъ, и, конечно, тутъ же сердце ёкнуло въ немъ при мысли, что онъ можетъ спасти и Партанова.

— Ну, вотъ сговоритесь вмѣстѣ и бѣжите.

— А стрѣльцы?—выговорилъ Барчуковъ.

— Не твое дѣло, дуракъ. Ты пень, что ли, совсѣмъ? Коли я тебѣ приказываю бѣжать, то, стало быть, понятно, и стрѣльцамъ, что нибудь прикажу. Ей-Богу, пень совсѣмъ малый. Ну, теперь слушай во всѣ уши. Теперь самая главная суть.

И подьякъ снова подробно объяснилъ Барчукову, что онъ долженъ черезъ два дня, если желаетъ быть на свободѣ, прійдти въ то же воеводское правленіе и повалиться въ ноги воеводѣ, отдаваясь опять во власть начальства. Барчуковъ невольно вытаращилъ глаза.

— Вѣрно я сказываю,—выговорилъ Копыловъ, слегка усмѣхаясь.—Совсѣмъ малый пень. Если бѣжать тебѣ такимъ способомъ, можешь ты въ Астрахани жить припѣваючи? Вѣдь не можешь, долженъ скрываться отъ насъ, или уходить изъ города. Коли хочешь такъ, иное дѣло. А вѣдь ты, пойди, пожелаешь жить около Варвары Ананьевой, вольнымъ человѣкомъ, отъ нашихъ глазъ не укрываться. Ну, стало быть, и дѣло долженъ наладить на законный путь. Вотъ когда ты въ ногахъ поваляешься у воеводы Тимоѳея Ивановича, да онъ тебя проститъ, то будешь уже ты не бѣглый. Понялъ ты, пень?

— А коли не проститъ и опять въ яму отправитъ?—проговорилъ Барчуковъ.

Подьячій треснулъ кулакомъ по столу.

— Экій куликъ проклятый. Знай все свое пищитъ. А хочешь сейчасъ въ яму идти, еще того проще? Коли я посылаю къ воеводѣ и по совѣсти, по душѣ, научаю, какимъ способомъ его ублажить, то, стало, такъ и слѣдуетъ. Не подводить же я тебя хочу. Смотри, что я съ тобой словъ зря потерялъ. Ну, пошелъ къ чорту.

И подьякъ снова взялся за перо.

— Куда же идти?—выговорилъ Барчуковъ съ радостнымъ чувствомъ на сердцѣ.

— Вѣстимо, въ яму. Тамъ сговоритесь. Еще двухъ—трехъ подъищи, вмѣстѣ въ кучу становитесь какъ выведутъ. А какъ увидите, что стрѣльцы зазѣвались, то стало, такъ и знай. Въ это мановеніе и пользуйся.

— А зѣвать-то ты ужъ имъ укажешь?—выговорилъ Барчуковъ.

— Пошелъ къ дьяволу. Дура! — крикнулъ подьякъ уже сердито.

Когда Барчуковъ былъ въ дверяхъ, Копыловъ прибавилъ:

— Тамъ въ прихожей стрѣлецъ отведетъ тебя въ яму. А черезъ часъ за вами придутъ.

— Господи помилуй! Господи помилуй!—взмолился Барчуковъ, крестясь и шибко двигаясь по корридору. — Вотъ обрадую Лучку...

XVI.

Въ тотъ же день, въ то время, когда благовѣстили къ вечернѣ, четыре человѣка вмѣстѣ скрывались въ грядахъ большаго огорода въ Шипиловой слободѣ. Это были бѣжавшіе изъ-подъ стражи Барчуковъ, Партановъ, Костинъ и неизвѣстный имъ человѣкъ. Доброму Барчукову изъ жалости такъ захотѣлось спасти вмѣстѣ съ собой несчастнаго разстригу, что онъ рисковалъ самъ не уйдти. Костинъ еле двигался на ногахъ. Барчуковъ вмѣстѣ съ пріятелемъ долженъ былъ въ минуту бѣгства подхватить маленькаго человѣчка подъ руки и чуть не волочить за собой.

Четвертый самъ присталъ къ бѣглецамъ, догадавшись, въ чемъ дѣло. Это былъ рослый и широкоплечій богатырь, по имени Шелудякъ, просидѣвшій восемь мѣсяцевъ въ ямѣ, но не побѣжденный ею. Здоровье его устояло и выдержало мракъ, тѣсноту и голодъ. Шелудякъ былъ извѣстный разбойникъ, грабившій и убивавшій проѣзжихъ между Краснымъ Яромъ и Астраханью. Онъ сидѣлъ уже въ ямѣ два раза и два раза бѣжалъ. Теперь былъ третій побѣгъ.

Узнавъ, кто ихъ случайный сотоварищъ по освобожденію, друзья пригорюнились. Этотъ злодѣй могъ какъ нибудь ихъ дѣло испортить, ибо могъ въ ту же ночь кого нибудь убить на улицахъ Астрахани. Воевода тогда озлится, подниметъ на ноги всѣхъ стрѣльцовъ и ужъ, конечно, не проститъ бѣглецовъ, а отправитъ снова въ заключеніе.

Бѣжали всѣ четверо, конечно, очень просто, такъ какъ два стрѣльца, шедшіе около нихъ, не только зазѣвались, а даже просто зашли въ кабакъ. Если бы выведенные острожники захотѣли разбѣжаться или могли бы бѣжать на своихъ отсиженныхъ ногахъ, то отъ всѣхъ выведенныхъ на прогулку за прошеніемъ подаянія, конечно, не осталось бы дюжины человѣкъ.

Спрятавшись теперь на огородѣ, четыре бѣгуна совѣщались, какъ быть, куда дѣваться. Партановъ, всегда живой, смѣтливый, былъ такъ радъ и доволенъ полученной свободѣ, что ничего придумать не могъ.

— У меня отъ радости гудитъ въ головѣ, — рѣшилъ онъ.

Отъ счастья очутиться на волѣ даже изморенный и изможденный разстрига оживился и глядѣлъ бодро. Онъ меньше щу-

рился и голосъ его какъ будто успѣлъ окрѣпнуть. Онъ горячо благодарилъ Барчукова за помощь. Теперь, сидя на грядѣ около огромной тыквы, маленькій человѣкъ заговорилъ:

— За то, ребята, что вы меня изъ жалости увели съ собой, я теперь васъ тоже отблагодарю. Есть у меня такой человѣкъ въ городѣ, который дастъ мнѣ пріютъ. Богобоязненный, добрый человѣкъ. Я пойду къ нему и попрошу принять всѣхъ насъ четверыхъ, денька на два укрыть у себя. А тамъ видно будетъ.

Такъ какъ Барчуковъ не передалъ своимъ товарищамъ по бѣгству о томъ, что приказалъ ему сдѣлать черезъ два, три дня самъ подьякъ, то Костинъ и не зналъ, чтò предполагалъ молодецъ сдѣлать.

— Какъ чуточку стемнѣетъ,— продолжалъ разстрига:— я схожу къ этому человѣчку доброму и попрошу его насъ укрыть. Его домъ тутъ шагахъ въ двухстахъ отъ насъ. Но только уговоръ, ребята. Святое слово вы всѣ скажете, что не будетъ ему отъ васъ никакого худа. Хорошее ли дѣло, если онъ насъ укроетъ, да мы же ограбимъ или убьемъ его?

— Что ты, Господь съ тобой!— воскликнулъ Барчуковъ.

— Я вотъ на счетъ этого,— выговорилъ Костинъ, указывая на Шелудяка.— Въ ямѣ всѣмъ вѣдомо, что онъ за человѣкъ. Онъ можетъ въ неурочный часъ и хозяина дома и насъ троихъ прирѣзать однимъ махомъ.

Шелудякъ сталъ клясться и божиться, что, хотя онъ и душегубъ по большимъ дорогамъ, но что эдакаго поганаго дѣла, чтобы своихъ товарищей или укрывателя убить не только онъ, но самый распропоганый индѣецъ не сдѣлаетъ.

— Да мнѣ только до вечера передохнуть, съѣсть хлѣбца малость, а за ночь я домой проберусь.

— Куда?— спросилъ Пархановъ.

— Домой, подъ Красноярскъ.

— То-то,— усмѣхнулся Пархановъ:— не въ городъ и подъ городъ, на большую дорогу. Тамъ у тебя домъ-то.

Шелудякъ расхохотался богатырски. Пархановъ покачалъ головой.

— Чудной народъ. Только что спасся и опять завтра за душегубство, чтобы черезъ два, три мѣсяца въ яму опять попасть. Диковина!

— Что подѣлаешь,—страннымъ голосомъ выговорилъ богатырь.— Развѣ я бы не радъ, человѣче, стать хоть бы посадскимъ или купцомъ въ своемъ домѣ на слободѣ жить. Да что же? Ты мнѣ домъ подаришь или жену съ дѣтьми? Одинъ я какъ перстъ, ни кола, ни двора, вида письменнаго даже не имѣю. А работать не могу! Про работу,— и онъ грозно поднялъ кулакъ,— не смѣй мнѣ никто и сказывать. Убью за это. Не хочу я работать,—заоралъ онъ вдругъ,

выходя изъ себя и мѣняясь въ лицѣ.—Слышите вы, черти, не хочу я работать. Я самъ себѣ судья и воевода, почище вашихъ намѣстниковъ и митрополитовъ. Не хочу работать, и коли безъ работы жить нельзя, такъ я на большихъ дорогахъ ножемъ работаю и дубиной молочу.

Что-то диковинное, полубезумное сказалось и въ словахъ, и въ голосѣ, и въ лицѣ разбойника. Три товарища его пристально смотрѣли на разсвирѣпѣвшаго вдругъ безъ всякой причины душегуба.

Послѣ маленькой паузы, во время которой разстрига колебался, идти ли ему къ своему покровителю и вести ли туда душегуба, тотъ же разбойникъ Шелудякъ продолжалъ, какъ бы догадавшись.

— Слышь-ка ты, разстрига. Я звѣрь лютый, но Бога знаю и помню. Вѣдомо мнѣ, что буду я передъ Господомъ Богомъ отвѣтъ держать, когда мнѣ на Астрахани отрубитъ голову палачъ. Но вотъ я тебѣ скажу, не робѣй и безъ всякой опаски веди меня только до вечера, къ своему человѣку. Мухи я у него не трону и крохи хлѣба безъ его спросу въ ротъ не положу. Вотъ тебѣ, на, убей меня Мати Божія.

И разбойникъ началъ креститься, поднимая глаза на небо. Голосъ звучалъ искренностью и чувствомъ.

Къ сумеркамъ Костинъ былъ уже нѣсколько крѣпче на ногахъ и, уйдя съ огорода, пропалъ на цѣлый часъ. Потомъ онъ вернулся и позвалъ съ собой троихъ дожидавшихся его товарищей.

— А все же скажи, къ кому ты насъ ведешь?—проговорилъ Партановъ, какъ бы смущаясь, чтобы разстрига не наглупилъ.

— Зачѣмъ тебѣ? Сказано, добрый человѣкъ, укроетъ на два дня. Чего же еще?

— Нѣтъ, все же таки, говори, а то не пойду,—сказалъ Партановъ. — Я въ Астрахани всѣхъ знаю, стало и твоего добродѣтеля знаю. Къ предателю не заведи насъ.

— Изволь, скажу: — Грохъ.

— Вона какъ!—воскликнулъ Шелудякъ.

Бурчуковъ тоже удивился. Ему показалось страннымъ, что извѣстный въ городѣ посадскій человѣкъ Носовъ, такой важный, сумрачный на видъ, такой законникъ, и вдругъ способенъ укрывать у себя бѣглыхъ изъ ямы людей.

— Ну, не судьба,—выговорилъ разбойникъ.—Ступайте, братцы, я останусь.

— Что такъ? — отозвались товарищи.

— Не могу я къ Гроху идти, онъ мнѣ на это запретъ положилъ. Я ему божбу далъ, что никогда черезъ его околицу не переступлю, не перелѣзу ни днемъ, ни ночью, ни за добрымъ, ни за злымъ дѣломъ. Ступайте, а я тутъ какъ нибудь проваляюсь до ночи, а тамъ темнотой и хвачу изъ огорода. Только вотъ если бы кто нибудь изъ васъ, ради Христа, Сына Божія, прислалъ мнѣ сюда съ ка-

кимъ нибудь ребеночкомъ краюшку хлѣба, а то отощалъ сильно. Мнѣ вѣдъ верстовъ пятьдесятъ идти безъ передышки.

— Пришлю,—выговорилъ Партановъ.—А некого будетъ—самъ въ вечеру, какъ стемнѣетъ, принесу и хлѣба, и воды.

Трое бѣглыхъ двинулись огородами и пустыремъ, а разбойникъ остался и снова залегъ между двухъ высокихъ грядъ.

Бѣглые вошли въ дворъ дома Носова съ задняго хода, черезъ пустырь и пришли прямо въ клѣть, гдѣ было заперто нѣсколько барановъ. Не прошло и получасу, какъ къ нимъ медленной, степенной походкой пришелъ самъ хозяинъ Грохъ. Пристальнымъ и проницательнымъ взглядомъ оглядѣлъ онъ онъ обоихъ товарищей разстриги и, казалось, въ одно мгновеніе узналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Онъ какъ будто прочелъ у каждаго насквозь все, что у него было на душѣ.

— Я тебя видѣлъ,—проговорилъ онъ тихо, обращаясь къ Партанову.

— Какъ не видать, и я тебя знаю, хозяинъ. Тысячу разовъ въ Астрахани встрѣчались.

— Э, я помню, — аманатъ.

Партановъ слегка вспыхнулъ. Онъ не любилъ, когда ему напоминали это.

— Да, былъ, да уже давно сплылъ и пересталъ быть,—проговорилъ онъ угрюмо.

— Ну, что же оставайтесь у меня денька два, а тамъ видно будетъ, что̀ вамъ дѣлать.

— Да мы, хозяинъ, знаемъ, что намъ дѣлать,—сказалъ Барчуковъ и тутъ же просто и искренно разсказалъ Носову все, что ему было приказано Копыловымъ. Носовъ, выслушавъ, усмѣхнулся, что бывало съ нимъ чуть ли не разъ въ мѣсяцъ, и улыбка его, будто отъ непривычки губъ, была какая-то особенная, злая. На этотъ разъ Грохъ дѣйствительно злобно усмѣхнулся.

— Сотни людей загубляютъ пыткой,—думалось ему:—тысячи людей погибаютъ у нихъ въ ямѣ отъ сидѣнья, безвинно, зря, а захотятъ, тоже зря выпускаютъ, кого вздумается, сами побѣгъ устраиваютъ. Правители!!

И онъ прибавилъ уже вслухъ:

— Да, правители!

Разспросивъ бѣглецовъ подробнѣе, кто они и что намѣрены дѣлать послѣ полнаго освобожденія, то есть прощенія воеводы, Носовъ узналъ, что четвертый бѣглецъ не пошелъ къ нему, и что это разбойникъ Шелудякъ. Грохъ поникнулъ головой, задумался, даже засопѣлъ, а черезъ мгновеніе вздохнулъ глубоко и проговорилъ вслухъ, но какъ бы самъ себѣ:

— Да, душегубъ, Каинъ, дьяволово навожденіе на землѣ, а, гляди, въ иныхъ дѣлахъ прямодушнѣе и достойнѣе самихъ нашихъ

правителей. Вотъ что, молодецъ,—обратился Грохъ къ Партанову:— ты вызывался сбѣгать снести ему хлѣба и воды. Такъ уже все одно, сбѣгай за нимъ и веди сюда. Скажи ему, что я съ него клятву сымаю, пускай идетъ. Что за дѣло было между нами, какой переплетъ былъ, то, скажи, Грохъ запамятовалъ и его нынѣ хоть недѣлю цѣлую укрывать будетъ. Когда самъ Господь Іисусъ Христосъ на крестѣ разбойника простилъ, такъ я уже, грѣшный человѣкъ, истомленный тоже будто на крестѣ, гдѣ мнѣ сердце распинаютъ, могу тоже разбойника лютаго простить и къ себѣ въ домъ взять.

Голосъ Гроха при этихъ словахъ звучалъ такъ диковинно, что трое бѣглецовъ поняли, какая въ груди хозяина буря поднялась. Будто вспомнилъ онъ что-то и злоба заклокотала въ немъ.

Въ этотъ же вечеръ четверо бѣжавшихъ каторжниковъ сидѣли въ небольшой горницѣ въ подвальномъ этажѣ дома Носова. Они уже сыто поѣли. Разстрига давно дремалъ и клевалъ носомъ, но за то другіе трое вели тихую бесѣду осторожно и вполголоса съ самимъ хозяиномъ, сидѣвшимъ передъ ними. Грохъ вышелъ изъ дому, объявивъ домочадцамъ, что идетъ въ гости, а самъ, обойдя пустырь, проникъ въ подвалъ къ своимъ гостямъ, изъ которыхъ понравились ему особенно двое... Многіе знакомцы и друзья Гроха въ городѣ, знавшіе его, какъ угрюмаго и молчаливаго человѣка, подивились бы, какъ словоохотливо и красно толковалъ теперь Грохъ Партанову о томъ, что порядки на Руси таковы, при коихъ доброму человѣку житья нѣтъ, а ложись да умирай.

Часа три пробесѣдовали новые знакомые и разстались чуть не друзьями.

— Славныхъ два молодца попались мнѣ,—думалъ Грохъ, уходя отъ гостей и пробираясь тѣмъ же пустыремъ.—Если мнѣ начать счетъ сводить, то изъ всѣхъ двухъ сотенъ, что я подобралъ, эти будутъ изъ лучшихъ. Да, ребята хорошіе.—И, подумавъ, Носовъ прибавилъ:

— А домъ-то, всетаки, продаешь, изъ гнѣзда бѣжишь, потому что, всетаки, подѣлать ничего не можешь.

Грохъ вздохнулъ, остановился и, поднявъ голову, сталъ глядѣть на звѣздное ночное небо.

— Какъ тамъ у васъ-то, звѣздочки, ладно да хорошо,—шепнулъ онъ самъ себѣ.—А у насъ-то, у насъ что творится! Ржевскій—воеводой, правителемъ, а я вотъ, Грохъ, посадскій, а, гляди, черезъ мѣсяцъ и вовсе шатуномъ буду по всей Руси.

XVII.

Черезъ два дня по освобожденіи, какъ было указано подьякомъ, Варчуковъ, а вмѣстѣ съ нимъ, конечно, и Партановъ, отправились

оба въ кремль, около полудня, прямо въ воеводское правленіе. Барчуковъ смущался и все повторялъ:

— А ну, какъ онъ насъ въ яму пошлетъ?

Партановъ, наоборотъ, былъ совершенно спокоенъ и увѣренъ, что это все ихнія судейскія хитросплетенія.

— Воры они и алтынники, Степушка, — говорилъ Партановъ пріятелю. — Гляди, не мы первые эдакъ-то выпущены изъ ямы. Но живъ я не буду, покуда не разузнаю, какъ и за что тебя подьякъ освободилъ. Это, братецъ ты мой, хитрая хитрость. Ужъ кто нибудь тебя да выкупилъ. А спасибо тебѣ, и я на волю попалъ.

Барчуковъ давно уже думалъ, что Варюша этому дѣлу причастна, что не даромъ онъ видѣлъ въ прихожей воеводы Настасью. Но, не смотря на новыя дружескія отношенія съ Партановымъ, молодецъ, всетаки, не хотѣлъ признаться и передать ему свои соображенія. Даже имя возлюбленной онъ ни разу не упомянулъ въ ямѣ при бесѣдѣ съ Лучкой. Онъ подробно и не разъ передалъ ему всѣ свои приключенія, но, всетаки, Ананьевыхъ не поминалъ.

Разстрига остался дома и не пошелъ съ ними къ воеводѣ просить прощенія, такъ какъ чувствовалъ себя совсѣмъ скверно и чуть не собирался уже умирать. Хорошая пища въ волю, свѣтъ и воздухъ подѣйствовали на изнуреннаго заключеніемъ пожилаго человѣка, казалось, какъ бы ядовито. Онъ совершенно разнемогся и лежалъ, изрѣдка впадая въ бредъ.

Шелудякъ и подавно не захотѣлъ показываться воеводѣ на глаза, такъ какъ зналъ, что его уже никакъ власти не простятъ и послѣ третьяго побѣга засадятъ въ яму уже на цѣпи. Партановъ и менѣе смѣтливый Барчуковъ оба равно смекали, что между Грохомъ и душегубомъ есть что-то чудное, загадочное. Грохъ странно обращался съ этимъ разбойникомъ, у котораго на совѣсти было много человѣческихъ жизней. Какъ-то особенно холодно и ласково вмѣстѣ, свысока, но внимательно, будто духовникъ священникъ съ своимъ духовнымъ сыномъ, грѣхи котораго онъ знаетъ наизусть и котораго по неволѣ долженъ прощать.

Войдя въ кремль и приблизившись къ воеводскому правленію, друзья еще издали увидали на крыльцѣ самого воеводу. Тучный Тимоѳей Ивановичъ сидѣлъ на вынесенной лавочкѣ въ прохладѣ, такъ какъ крыльцо дома было въ тѣни. Онъ сидѣлъ молча и недвижно, упершись куда-то взоромъ, въ небо или на куполъ сосѣдней церкви, или же просто, закинувъ голову, дремалъ, какъ всегда. Тутъ же на лавочкѣ стоялъ, около него, кувшинчикъ съ квасомъ и стаканъ. Вокругъ вился рой мухъ и лазалъ по стакану, лавкѣ, по рукамъ и лицу властителя.

Площадь передъ правленіемъ была пустынна. Въ эту пору, благодаря жарѣ и часу отдохновенія большинства обитателей города, повсюду на улицахъ становилось тихо. Оба молодца подошли къ

самому крыльцу и оба чувствовали сильное смущеніе. Вѣдь отъ этого дремлющаго, очумѣвшаго отъ сна и бездѣлья человѣка зависитъ ихъ судьба, ихъ жизнь, проснется онъ сейчасъ, невѣдомо, какъ разсудитъ дѣло, зря разозлится и зря пошлетъ ихъ обратно въ яму.

Оба молодца, приблизившись къ ступенькамъ крыльца шагахъ въ пяти отъ сидящаго воеводы, упали на колѣни. Теперь только они разглядѣли вблизи, что глаза воеводы прищурены, можетъ быть, отъ дремы, а можетъ, просто отъ жары, а то и отъ лѣни глядѣть...

— Прости насъ, помилуй, помилосердуй, Тимоѳей Ивановичъ,— произнесъ Барчуковъ.

— Прости, помилуй, — прибавилъ и Партановъ на распѣвъ.

Оба они поклонились въ землю и приподняли снова головы отъ нижней каменной ступени, ожидая рѣшенія участи. Но воевода молчалъ, и они услышали вдругъ легкій сапъ. Воевода крѣпко спалъ, сидя.

— Ишь идоломъ какимъ раскапустился, — произнесъ Партановъ вслухъ, чуть не въ лицо заснувшему. Барчуковъ даже обмеръ отъ страху.

— Ей-Богу, идолъ. Гляди, Степа, рыло-то какое.

— Полно, — шепнулъ Барчуковъ.

— Чего полно, — громко говорилъ Партановъ. — Нешто, ты думаешь, этого идола разбудишь? Его теперь палкой по макушкѣ — и то не сразу въ чувство приведешь. Рыло-то, сдается, какъ у мертваго...

— Полно, ей-Богу, съ тобой бѣда, — шепталъ Барчуковъ.

Партановъ разсмѣялся и началъ умышленно кашлять. Но воевода все спалъ и сопѣлъ.

— Что жъ это? Пѣтухомъ, что ль, закричать?

И прежде, чѣмъ Барчуковъ успѣлъ пальцемъ двинуть, чтобы остановить пріятеля, Партановъ, какъ настоящій искусникъ и не хуже Варваци, такъ дивно прокричалъ «кукуреку» на всю площадь, что воевода раскрылъ глаза и мутнымъ взоромъ озирался вокругъ себя. Не даромъ онъ любилъ домашнихъ птицъ. Казалось, даже во снѣ воевода какъ знатокъ смекнулъ, что кричитъ самый породистый цицарскій пѣтухъ.

— Прости, помилосердуй, — заговорилъ Барчуковъ съ самымъ жалобнымъ лицомъ, и оба пріятеля снова повалились въ землю.

Не сразу Ржевскій сообразилъ въ чемъ дѣло. Ему уже, конечно, доложили, что изъ-подъ стражи бѣжало четыре человѣка, изъ которыхъ извѣстный разбойникъ Шелудякъ бѣжалъ уже не въ первый разъ. Воевода шибко злился; но пуще всего онъ былъ золъ за побѣгъ извѣстнаго въ краю душегуба, такъ какъ изъ-за него ему уже разъ былъ выговоръ съ Москвы. Если опять подъ

Краснымъ Яромъ начнутъ гибнуть проѣзжіе, опять пойдутъ жалобы, опять будетъ нахлобучка воеводѣ.

Такимъ образомъ, благодаря Шелудяку, бѣгство Партанова, Барчукова, а тѣмъ паче разстриги, неизвѣстно даже за что сидѣвшаго въ ямѣ, было Ржевскому—трынъ-травой. Наконецъ, воевода призналъ лица молодцевъ, хорошо ему знакомыхъ.

— А, вы, бѣгуны! Чего на глаза лѣзете! — проговорилъ, наконецъ, Тимоѳей Ивановичъ, какъ бы совсѣмъ приходя въ себя.

— Прости, помилуй,—сказалъ Барчуковъ и повторилъ слово въ слово то, что приказывалъ ему подьякъ. Совѣсть мѣшала ему оставаться на свободѣ и потому пришелъ онъ просить воеводу или милосердно простить его вину, или же по волѣ своей властной, государской, отправить его опять въ яму. То же повторилъ, почти тѣми же словами, и Партановъ.

Воевода сопѣлъ и молчалъ... Затѣмъ, онъ налилъ себѣ квасу, выпилъ стаканъ, потомъ налилъ другой и отпилъ еще половину, а остатокъ выхлестнулъ въ лице Барчукова. Шутка властителя свидѣтельствовала о томъ, что дѣло обстоитъ благополучно. Воевода, дѣйствительно, уже собирался сказать: «Ну, васъ, Богъ съ вами», но вдругъ повелъ какъ-то бровями и проговорилъ:

— Ладно, приведите мнѣ сообщника Шелудяка, и тогда я васъ прощу и освобожу.

— Гдѣ же его теперь найдти? Вмѣстѣ съ вѣтромъ бѣгать, не съищешь,—заговорилъ Партановъ.—Онъ и бѣжалъ-то не съ нами, мы въ одну сторону, а онъ въ другую. Помилосердуй, гдѣ же намъ найдти его.

— Мое слово воеводино крѣпко,—заговорилъ Ржевскій.—Пошли, ищите душегуба, гдѣ хотите—по всей Астрахани, по всей округѣ, по всѣмъ приписнымъ городамъ астраханскимъ, хоть на Веницейское море идите, а словите мнѣ разбойника. Приведите вотъ сюда и получите прощеніе всѣмъ своимъ злодѣйствамъ. А покуда не смѣть на глаза мнѣ казаться. Не смѣть никакихъ воротъ кремлевскихъ переступать. Увижу, въ яму отправлю и на цѣпь посажу.

Къ удивленію Барчукова, Партановъ вдругъ согласился за обоихъ, сталъ даже благодарить воеводу и объявилъ, что они все свое усердіе приложатъ съ пріятелемъ, чтобы скорѣйше розыскать и привести душегуба Шелудяка.

— Ну, вотъ ладно, ступайте.

Когда друзья отошли на нѣкоторое растояніе отъ крыльца воеводскаго правленія, то Барчуковъ невольно воскликнулъ:

— Что ты очумѣлъ, что ли? Нѣшто можно? Хоть онъ и разбойникъ, а, всетаки, воля твоя, у меня сердца не хватитъ пріидти вотъ, свалить его, взять и тащить въ яму. Зачѣмъ ты пообѣщался? Все же таки, это—предательство. Ужъ лучше застрѣлить его, чѣмъ

предавать воеводѣ, лучше голову отрубить, чѣмъ онъ заживо сгніетъ въ ямѣ.

— Дурень, ты дурень, Степка. Нѣшто я выдавать буду Шелудяка? Ты пойми, что̀ воевода надумалъ. Выпустилъ насъ на волю не гуляющими людьми безъ алтына въ карманѣ, безъ крова, безъ хлѣба, а выпустилъ насъ якобы своими на службѣ у него состоящими повытчиками или сыщиками. Понялъ ты это, или нѣтъ? Мы вѣдь теперь сыщики, во всякій домъ влѣзать можемъ, всякаго добра требовать. Хочешь, вотъ сейчасъ въ любомъ домѣ я намъ обѣдать потребую. Сыщики де пришли отъ Тимоѳея Ивановича. Намъ де отъ него государскій указъ разыскивать двухъ или трехъ бѣжавшихъ разбойниковъ! Пойми, что намъ всюду дорога теперь, всюду, почетъ и страхъ. Мы съ тобой, братъ Степка, не только на волѣ, а мы важные люди. А когда-то бы душегуба разыщемъ, да когда-то къ воеводѣ приведемъ, то невѣдомо. Будетъ это, братецъ мой, можетъ какъ разъ дня за два, за три до свѣтопреставленія.

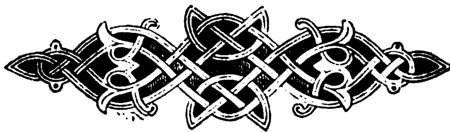
— А коли попадемся ему на глаза?—спросилъ Барчуковъ.

— Что же, попадемся,—заоретъ на насъ, а мы въ отвѣтъ: ищемъ, молъ. Да и опять же, братецъ мой, утро вечера мудренѣе. Что̀ черезъ недѣли двѣ будетъ съ нами или въ Астрахани, кто про то вѣдать можетъ. Можетъ, вся Астрахань къ тому времени провалится въ тартарары. Что впередъ-то загадывать!

Барчуковъ ничего не отвѣтилъ пріятелю, но рѣшилъ, однако, мысленно въ тотъ же вечеръ или на другой день повидать Копылова, или подослать къ нему кого нибудь, чтобы узнать, какъ быть въ виду указа воеводы. Вернувшись къ Носову, друзья узнали, что Шелудякъ уже изчезъ, вѣроятно, уйдя домой, т. е. на большую дорогу, къ Красному Яру.

Графъ Е. Саліасъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ ГРАФА В. А. СОЛЛОГУБА [1].

III.

Никольское. — Горнозаводчикъ Твердышевъ. — Н. И. Дурасовъ. — В. И. Григоровичъ. — Декабристъ Ивашевъ и Камилла Ledentu. — Докторъ Кельцъ. — Исторія семейства Кротковыхъ. — Праздникъ въ Никольскомъ. — Перемѣна въ образѣ жизни отца. — А. Л. Нарышкинъ. — Возвращеніе въ Петербургъ. — С. А. Еропкина. — П. С. Яковлевъ. — Дядя графъ Л. И. Соллогубъ и его семья. — Князь А. М. Горчаковъ. — Князь Г. С. Голицынъ. — Семейство Шуазель-Гуффье. — Князь Сергѣй (Ѳирсъ) Голицынъ и его чудачества. — 14 декабря 1825 года. — Императоръ Николай Павловичъ. — Мое поступленіе въ Дерптскій университетъ. — Образъ жизни русскихъ студентовъ. — Семейство Золотаревыхъ. — Знакомство съ Гоголемъ и Пушкинымъ. — Окончаніе курса въ Дерптскомъ университетѣ и возвращеніе въ Петербургъ. — Прискорбное недоразумѣніе съ М. Е. Салтыковымъ (Щедринымъ).

ДОМЪ въ Никольскомъ былъ огромный и построенъ на вѣка — изъ кирпича и желѣза. Онъ состоялъ изъ главнаго корпуса и четырехъ флигелей по угламъ. Передъ главнымъ фасадомъ, обращеннымъ къ красивой рѣкѣ Черемшану, располагался за железной рѣшеткой цвѣтникъ, безъ цвѣтовъ. Съ другой стороны у противоположнаго фасада устроенъ былъ въѣзжій дворъ съ окружающимъ его каменнымъ заборомъ. За заборомъ тянулся на нѣсколько десятинъ огромный садъ — паркъ, раздѣляющій село на двѣ половины. Въ саду находились значительныя каменныя теплицы, но за то не было ни ве-

---

[1] Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXIII, стр. 321.

селой растительности, ни зеленыхъ лужаекъ, ни вѣковыхъ дёревьевъ, ни живописныхъ видовъ; садъ былъ желтоватый, суровый, скучный, точно всегда отцвѣтающій. Вотъ что было тому причиною. Русло Черемшана песчано до безобразія, на берегахъ его лежатъ большія пространства сыпучаго песку, напоминающія африканскую Сахару; при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра песокъ вздымается и носится по воздуху тучами, не допуская ни свѣжести, ни свободы произрастанія. Мысль основать тутъ сады при огромной усадьбѣ была практическою нелѣпостью, но она возникла слѣдующимъ образомъ. Никольскимъ долгое время владѣлъ извѣстный въ свое время горнозаводскій промышленникъ милліонеръ Твердышевъ. Отъ него пошли богатства Казицкихъ (княгиня Бѣлосельская-Бѣлозерская и графиня Лаваль), Пашковыхъ, Дурасовыхъ. Твердышевъ владѣлъ и Никольскимъ и окружающими его вотчинами. Въ пунктѣ центральномъ онъ воздвигнулъ цѣнную усадьбу, причемъ вальяжность и обширность имѣлись несравненно болѣе въ виду, чѣмъ уютность и красота. Церковь, хоромы съ флигелями, манежъ и конный заводъ возникли каменные съ желѣзными связями, выписанными изъ уральскихъ собственныхъ заводовъ.

Главная осѣдлость приняла основаніемъ рѣку, не смотря на неудобство ея береговъ. Все приняло размѣры купеческаго широкаго распоряженія. Громадный лѣсъ, чуть не въ 10,000 десятинъ, остался въ нѣсколькихъ верстахъ отъ дома, рига и гумно отбросились версты на полторы. Къ амбарамъ надо было ѣхать на лошадяхъ; то, что въ другихъ имѣніяхъ отдѣляется саженями, тутъ отдѣлялось верстами. Я отъ того такъ подробно описываю Никольское, что я имъ отъ матушки наслѣдовалъ, и оно безсмысленнымъ, неудобнымъ расположеніемъ, своею несимпатичностью, много повліяло на мою судьбу. Впрочемъ, самъ Твердышевъ, какъ кажется, никогда не жилъ въ Никольскомъ и врядъ ли даже когда нибудь бывалъ въ немъ. Туда изрѣдка наѣзжалъ его преемникъ, Николай Алексѣевичъ Дурасовъ, человѣкъ тоже весьма богатый и чрезвычайно хлѣбосольный. Въ Москвѣ долго славилась его баснословная стерляжья уха, подаваемая въ честь «голубенькихъ» и «красненькихъ», то есть въ честь Андреевскихъ и Александровскихъ кавалеровъ. Въ Никольскомъ въ то время были еще другія затѣи, свой доморощенный театръ, своя доморощенная музыка. Къ Дурасову съѣзжалось дворянство трехъ губерній, и онъ устроивалъ пиры уже съ черемшанскими стерлядями, давно теперь разбѣжавшимися отъ устройства мельницы. Послѣ Дурасова Никольское перешло въ руки братьевъ Обрѣзковыхъ, отъ которыхъ оно и было пріобрѣтено на имя матушки черезъ посредничество Захара Николаевича Посникова. Нашъ управляющій Василій Ильичъ Григоровичъ былъ, что называется, мастеръ своего дѣла; я поговорю о немъ подробно, потому что онъ родитель Дмит-

рія Васильевича Григоровича, составившаго себѣ громкую извѣстность и на литературномъ, и на художественномъ поприщѣ. Василій Ильичъ былъ человѣкъ очень типическій, своеобразный.

Онъ былъ не великъ ростомъ, сухопарый, крѣпко сложенный, гладко выбритый и подстриженный; во всей его фигурѣ проглядывалъ отставной кавалеристъ, чѣмъ онъ и былъ въ дѣйствительности. Здоровья онъ былъ изумительнаго и дѣятельности необычайной.

Едва займется заря, ужъ онъ на конѣ скачетъ на работы, приказываетъ, распоряжается, журитъ. Крестьяне его побаивались, но обращались къ нему за совѣтами по своему собственному хозяйству, что̀ для крестьянскаго упрямаго самолюбія образуетъ высшую степень уваженія. Живо помню, какъ вечеромъ Василій Ильичъ въ сѣромъ застегнутомъ по военному сюртукѣ приходилъ въ кабинетъ отца бесѣдовать о хозяйствѣ. Говорилъ онъ отрывисто и дѣльно. Родомъ онъ былъ изъ малороссійскихъ дворянъ, долго служилъ въ кавалеріи, дослужился до чина полковника и вышелъ въ отставку по непреодолимой страсти къ сельскому хозяйству; онъ любилъ агрономію, какъ музыкантъ любитъ музыку и живописецъ живопись. Женатъ былъ Василій Ильичъ на Сидоніи Петровнѣ Ledentu, дочери почтенной Madame Ledentu, воспитательницы дочерей богатаго симбирскаго помѣщика генерала Ивашева. Ростомъ Сидонія Петровна была высокая, худая, отчего держалась немного сгорбленно, но лицо имѣла очень пріятное и умное; мы ее, какъ и мужа ея, очень любили. Во время нашего пребыванія въ Никольскомъ, къ Сидоніи Петровнѣ пріѣзжала ея младшая сестра, Камилла Петровна, прелестная дѣвушка лѣтъ шестнадцати, призванная, увы! къ очень романической и очень печальной судьбѣ. Я сказалъ выше, что г-жа Ledentu воспитывала дочерей генерала Ивашева. Единственный сынъ Ивашевыхъ, служившій въ Петербургѣ, навѣщалъ своихъ родныхъ въ деревнѣ; онъ влюбился въ Камиллу Петровну, но старики на этотъ бракъ не согласились; такъ прошло около года. Вдругъ на Ивашевыхъ обрушился ударъ громовый, молодой человѣкъ оказался участникомъ въ заговорѣ 14-го декабря; судъ приговорилъ его въ ссылку на каторгу. Тогда Камилла Петровна заявила, что она готова за нимъ слѣдовать. Старушка мать отвезла ее въ Сибирь, гдѣ и состоялась ихъ свадьба. Оба умерли въ Сибири, оставивъ трехъ дѣтей, которыя впослѣдствіи возвратились въ Россію.

Въ Никольскомъ, во время управленія Василія Ильича, царствовало благоустройство, составившее даже эпоху въ исторіи имѣнія, но не было, какъ во многихъ тогда помѣстьяхъ, ни школъ, ни больницъ. Добрѣйшій отецъ мой особенно огорчался этимъ послѣднимъ и рѣшилъ немедленно этому горю помочь. Для больницы былъ очищенъ деревянный удобный домъ, служившій до того времени вотчинной конторой. Контора же перенеслась къ Черемшану, въ

одинъ изъ флигелей господскаго дома. Больница распредѣлилась на двѣ половины — мужскую и женскую, по срединѣ возникла аптека съ должными принадлежностями. Изъ Симбирска выписаны были кровати и вся нужная утварь. Устройствомъ больницы орудовалъ нашъ домашній докторъ Кельцъ. Скоро все пришло въ надлежащій порядокъ. Больницу освятили и привезли перваго больнаго. При этомъ приключилось забавное обстоятельство, характеризующее тогдашніе нравы. Первый больной рѣшительно не понималъ, что̀ хотятъ съ нимъ дѣлать, сталъ чего-то страшиться и тосковать. Когда мой отецъ посѣтилъ его, онъ вскочилъ съ кровати на полъ и повалился отцу въ ноги.

— Батюшка, ваше сіятельство, — завопилъ онъ: — будьте отцомъ роднымъ, прикажите за себя вѣчно Богу молить! Позвольте меня домой отправить, человѣкъ я женатый, хозяйка моя горюетъ, ребятишки мои плачутъ. А я на свое мѣсто пришлю меньшаго брата, парень онъ еще холостой, здоровый!

Должно предполагать, что этотъ диковинный больной видѣлъ въ больницѣ новый видъ барщины. Другой случай оказался уже не забавный, а отвратительный, и не по невѣжеству мужика, а по безчеловѣчности просвѣщеннаго врача. Привезли еще другаго больнаго съ сильнымъ воспаленіемъ на ногѣ. Осмотрѣвъ его, отецъ спросилъ Кельца:

— Не поставить ли больному піявки?

— Непремѣнно поставить, — отвѣтилъ докторъ.

На другой день отецъ вернулся и съ досадой замѣтилъ, что больному гораздо хуже и что нога его страшно распухла. На вопросъ—ставили ли ему піявки?—онъ отвѣтилъ, «что одна приходила, немного покусала и ушла прочь». Оказалось, что изъ разумной экономіи не піявки были принесены къ больному, а больной былъ посланъ къ піявкамъ, то есть въ рѣку, гдѣ онъ и просидѣлъ нѣсколько часовъ въ водѣ и піявкамъ не понравился.

Послѣдствіемъ такого дешеваго способа леченія было изгнаніе доктора Кельца изъ Никольскаго. Онъ исчезъ съ своимъ сѣрымъ фракомъ и гусарскими сапожками, и я никогда болѣе о немъ не слыхивалъ; его замѣнилъ при матушкѣ другой врачъ, имени котораго не припомню.

Между тѣмъ знакомство съ ближайшими сосѣдями установилось. Симбирская губернія была въ то время—губернія преимущественно дворянская. Отдаленность отъ Москвы при первобытности путей сообщенія была причиной, что богатые помѣщики лѣтомъ проживали въ своихъ имѣніяхъ, а на зиму переселялись съ семьями въ губернскій городъ, то есть Симбирскъ. Дворянство симбирское считалось образованнымъ, вліятельнымъ и богатымъ. Здѣсь я услыхалъ впервые имена Ивашевыхъ, Тургеневыхъ, Ермоловыхъ, Бестужевыхъ, Столыпиныхъ, Кротковыхъ, Киндяковыхъ, Татарино-

выхъ, Родіоновыхъ и многихъ другихъ. Между ними были люди замѣчательно просвѣщенные, но и встрѣчались также оригиналы, или, скорѣе, самодуры большой руки.

Сосѣдъ нашъ Дмитрій Степановичъ Кротковъ принадлежалъ ко второму разряду, то есть самодуровъ, и въ домѣ его происходили разныя безобразія. Онъ былъ человѣкомъ уже преклонныхъ лѣтъ, старшимъ братомъ Степана Степановича и Ивана Степановича, какъ и онъ самъ, богатыхъ симбирскихъ помѣщиковъ. Дмитрій Степановичъ слылъ хорошимъ хозяиномъ и былъ по природѣ человѣкомъ не дурнымъ, семейнымъ, чадолюбивымъ, хлѣбосольнымъ, но оборотная сторона медали была отвратительная. Имѣніе его Городище отстояло отъ Никольскаго всего въ двухъ верстахъ и представляло для помѣщичьей усадьбы несравненно болѣе удобства, чѣмъ наше помѣстье. Домъ, хотя и деревянный, стоялъ весело на холмѣ, его окружала почва растительная, твердая. Вблизи зеленѣла роща съ пчельниками, сзади темнѣлъ боръ; внизу извилисто текла рѣчка Черемшанъ. На дворѣ торчали кривые сѣрые амбары, лаяли гончія собаки, суетились съ бѣльемъ прачки, шлепали истоптанными башмаками комнатныя дѣвушки и въ числѣ ихъ самоварщица, исключительно приставленная къ самовару. Весь обиходъ скорѣе походилъ на цыганскій таборъ, чѣмъ на господскій дворъ. Въ домѣ, вправо отъ прихожей, располагалась половина барина. Въ первой комнатѣ, сколько мнѣ помнится безъ мебели, шевелилась на полу какая-то уродливая масса, безобразная, страшная... Это лежала въ убогихъ отрепьяхъ, едва прикрывающихъ ея голыя ноги, старая, грязная, смуглая, широколицая, сумасшедшая калмычка Стешка. Подлѣ нея на полу стоялъ ушатъ съ квасомъ. Какъ пойманный хищный звѣрь, она водила вокругъ комнаты озлобленными глазами, что-то бѣшено мурлыкала и поминутно встряхивала нечесанными и еще черными какъ смола волосами, висѣвшими клочьями вокругъ ея огромной головы. Около нея егозила и подпрыгивала другая дура Аришка съ бѣльмомъ на глазу и въ чепчикѣ, украшенномъ вербными цвѣточками. Грязное ея платье отличалось претензіями на щегольство и моду. Она болтала безъ умолку, перемѣшивая французскія слова съ русскими площадными. Была еще третья дура, имени которой не припомню, и два дурака. Днемъ они служили потѣхою, а ночью несли службу нелегкую. Отъ безпрерывнаго своего возбужденія спиртными напитками баринъ могъ спать только урывками, безпрестанно просыпаясь и волнуясь. У кровати сидѣли дураки и дуры съ обязанностью говорить, шумѣть, ссориться и даже драться между собою; тутъ же сидѣлъ и кучеръ съ арапникомъ. Какъ только отъ усталости и дремоты шумъ утихалъ, кучеръ долженъ былъ «поощрять» задремавшихъ арапникомъ, — гвалтъ начинался снова, и баринъ опять засыпалъ. Таковы бывали барскія ночи.

Чтобы не возвращаться болѣе къ Кротковымъ, забѣгу впередъ и передамъ еще о нѣкоторыхъ случаяхъ, приключившихся впослѣдствіи. Дмитрію Степановичу принадлежало еще другое богатое помѣстье «Шигоны», на горной сторонѣ Черемшана; тутъ онъ выстроилъ великолѣпную каменную церковь. Обошлась она весьма дорого. Освященіе церкви воспослѣдовало торжественное, но хозяина, какъ разсказывали, привели подъ руки и на самое короткое время. Затѣмъ онъ въ Городище болѣе не возвращался, а жилъ или въ Шигонахъ, или въ Симбирскѣ, въ собственномъ домѣ. Управленіе Городищемъ онъ передалъ своему старшему сыну, Михаилу, неглупому и даже недурному малому, но, къ сожалѣнію, наслѣдовавшему слабости и привычки отца. Я въ то время по желанію матушки часто наѣзжалъ въ Никольское; это было, сколько я припоминаю, въ 1836-мъ году. Онъ затѣялъ съ нами тяжбу и для разрѣшенія оной предложилъ мнѣ поѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ Шигоны въ его экипажѣ. Я согласился и ничего не видѣлъ возмутительнѣе этой поѣздки. Ѣхали мы въ тарантасѣ, степью, и, къ счастью, никого не повстрѣчали, а то я бы умеръ со стыда. Съ нами сидѣли казачокъ съ фляжкой и кисетомъ черезъ плечо и нѣмой рослый дуракъ въ длинномъ балахонѣ сѣраго солдатскаго сукна; на капюшонѣ балахона торчали большіе сѣрые же суконные рога, а на спинѣ было грубо вышито краснымъ сукномъ слово «дуракъ». Михаилъ Дмитріевичъ во время пути то и дѣло командовалъ казачку: «въ зубы!» — это обозначало набить и подать ему трубку. Онъ то и дѣло также требовалъ водки, причемъ казачекъ наливалъ и подавалъ серебряную чарку. Михаилъ Дмитріевичъ чарки не выпивалъ до дна и остаткомъ водки брызгалъ дураку въ лицо, и тѣшился потомъ его гримасами. Когда же мы переправлялись черезъ Волгу и уже причаливали къ берегу, гребцамъ онъ отдалъ приказаніе бросить дурака въ воду. Я пришелъ въ негодованіе, — дѣло было въ исходѣ сентября, — но приказаніе, всетаки, было исполнено. Дуракъ барахтался, мычалъ, перепугался до полусмерти; когда его вытащили, онъ совсѣмъ было окоченѣлъ. Михаилъ Дмитріевичъ много этому смѣялся, смѣялись и гребцы.

Съ тѣхъ поръ я Михаила Дмитріевича болѣе не видѣлъ; не по силамъ ему было подражать отцу; онъ занемогъ горловою чахоткою и умеръ въ Симбирскѣ. При этомъ произошелъ случай знаменательный: когда его положили въ гробъ, то старика Кроткова привели проститься къ тѣлу сына; онъ зарыдалъ и громко воскликнулъ: «Миша, Миша, встань Миша! Пойдемъ, выпьемъ!» Нѣтъ юмористическаго писателя въ мірѣ, который осмѣлился бы придумать подобный драматическій эффектъ.

Кротковская легенда окончилась самымъ трагическимъ образомъ. Шигоны поступили во владѣніе третьяго сына, Дмитрія Степановича. Крестьяне взбунтовались, сожгли господскую усадьбу и бро-

сили молодаго помѣщика въ пламя! Само собою разумѣется, что, по прибытіи моихъ родителей въ Никольское, не могло бы установиться между ними и городищенскимъ помѣщикомъ дружественныхъ отношеній, если бы въ его домѣ не было другаго совершенно противорѣчащаго ему элемента. Женская половина его семейства была европейски образованная и, на сколько было возможно, скрывала безобразный образъ жизни главы семейства. Супруга Дмитрія Степановича, Марья Ѳедоровна, неразъ бывала въ Петербургѣ и Москвѣ.

Уже въ лѣтахъ немолодыхъ, она сохранила остатки красоты, выписывала наряды съ Кузнецкаго моста изъ Москвы, выказывала нѣкоторую свѣтскость и любила, чтобы у нея веселились. Хотя и говорили, что при ней состояла тоже собственная дура, но это, видимо, допускалось «келейно», только въ угоду старинѣ, при свидѣтеляхъ же сохранялось тонкое приличіе, и городищенскіе съѣзды отличались радушіемъ, хлѣбосольствомъ и тономъ хорошаго общества. Тому много способствовало присутствіе въ домѣ замѣчательно умной, живой и образованной гувернантки француженки Mademoiselle Jeny, дѣвушки уже немолодой. Ея руководству поручалось воспитаніе трехъ дочерей Кротковыхъ: Александры, Елизаветы и Софіи.

Александрѣ Дмитріевнѣ минулъ въ то время семнадцатый годъ; она восхищала стройностью уже развитаго стана и миловидностью свѣжаго личика; когда впослѣдствіи я её увидѣлъ снова, я её ужъ не могъ узнать. Она вышла замужъ за А. В. Бестужева и, послѣ учащенныхъ родовъ, страшно растолстѣла. Вообще, въ то время деревенская халатная жизнь помѣщиковъ чрезвычайно содѣйствовала скорому утучненію прекраснаго пола; дворянки не уступали въ вѣсѣ купчихамъ. Другая сестра, Елизавета Дмитріевна, не отличалась здоровьемъ, и вскорѣ послѣ замужества съ П. С. Мельгуновымъ угасла еще въ очень молодыхъ лѣтахъ. Софья же Дмитріевна, въ дѣтствѣ тщедушная, обратилась въ роскошный типъ русской Матроны, вышла замужъ за М. П. Татищева, то же обзавелась семействомъ немалочисленнымъ и впослѣдствіи долго жила по зимамъ въ Москвѣ. Для брата и меня ничто не могло быть пріятнѣе общества двухъ меньшихъ сестеръ Кротковыхъ, почти намъ ровестницъ.

Знакомство завязалось самое дружеское — видались мы почти каждый день; по воскресеньямъ у Кротковыхъ устроивались танцы, домъ дрожалъ отъ кадрилей, вальсовъ, мазурокъ; я въ особенности отличался въ гроссъ-фатерѣ, стучалъ каблуками, билъ въ ладоши, доходилъ до изступленія; мой братъ былъ всегда несравненно сдержаннѣе, но тоже сильно веселился. По вечерамъ старикъ Дмитрій Степановичъ не показывался; онъ тѣшился, какъ я описалъ выше, со своими дураками и дурами. Въ то время къ Кротковымъ

пріѣзжали ихъ старшіе сыновья — Михаилъ, о которомъ я уже упоминалъ, и Николай. Оба служили въ армейской кавалеріи юнкерами; Михаилъ держалъ себя еще пристойно, а Николай былъ даже серьёзенъ, читалъ хорошія книги и нѣсколько философствовалъ; Гегель начиналъ тогда входить въ моду.

Между тѣмъ, отецъ мой не захотѣлъ отстать въ гостепріимствѣ и затѣялъ устроить въ Никольскомъ домашній спектакль.

Живописецъ Борисовъ оказалъ при этомъ чудеса; въ короткое время возникъ очень хорошенькій театръ съ декораціями, занавѣсью и всѣми нужными принадлежностями. Нашъ наставникъ Шарьеръ, всегда любившій блеснуть знаніемъ древней исторіи и классическихъ языковъ, присвоивалъ греческія именованія разнымъ мѣстамъ, пріуроченнымъ къ Никольскому. Такъ одинъ оврагъ онъ прозвалъ «Сижé», рощу онъ наименовалъ «Каллироэ»; Борисовъ этимъ воспользовался. По двумъ сторонамъ театральнаго портала, онъ изобразилъ двѣ статуи — одну съ подписью «Сижè», другую съ подписью «Каллироэ», что̀ возбудило общій хохотъ. Спектакль удался великолѣпно. Отецъ игралъ и пѣлъ превосходно. Отличалась и гувернантка Кротковыхъ m-lle Jeny, и старшая ихъ дочь Александра Дмитріевна. Исполнялась, во-первыхъ, сколько мнѣ помнится, пьеска Скриба «Ida» и еще двѣ другія.

17-го сентября, отецъ задалъ другой пиръ. Между церковью и господскимъ домомъ разставлены были столы для угощенія крестьянъ. Подъ балкономъ гремѣла выписанная полковая музыка. Изъ уѣзднаго города Ставрополя прибылъ съ офицерами полковникъ донскаго казачьяго квартировавшаго тамъ полка. Съѣхалось все сосѣдство, праздникъ вышелъ блистательный. Даже крестьянки — и тѣ принарядились для этого празднества, и на сохранившихся у меня рисункахъ Борисова, изображающихъ праздникъ, я вижу расшитые золотомъ кокошники и яркіе сарафаны. Крестьянки еще въ тѣ времена строго придерживались національнаго убора; впослѣдствіи, въ самомъ Никольскомъ, въ церкви, мнѣ случилось увидать жену зажиточнаго мужика въ розовомъ кисейномъ платьѣ и въ кринолинѣ. Празднованіе 17-го сентября было послѣднимъ днемъ пышности моего отца. Съ того дня онъ вдругъ измѣнилъ привычки своего широкаго барства. Онъ сдѣлалъ то, что немногіе сдѣлали въ Россіи; онъ остановился на краю окончательнаго раззоренія. Онъ имѣлъ твердость отказаться отъ фамильныхъ преданій, отъ личныхъ глубоко вкорененныхъ привычекъ. Никто такъ скоро, такъ равнодушно и такъ безтолково не раззоряется, какъ русскій человѣкъ. На моемъ вѣку я зналъ владѣтелей огромныхъ помѣстій, вельможныхъ дворцовъ, переполненныхъ сокровищами; я присутствовалъ на ихъ ослѣпительныхъ празднествахъ, изумляясь ихъ богатствамъ, и тѣхъ же самыхъ людей видѣлъ черезъ короткое время безъ пристанища, въ рубищахъ, чуть не просив-

шихъ милостыни, чтобы не умереть съ голода. Таковы примѣры Сергѣя Дмитріевича Полторацкаго, барона Крюднера, Похвистнева и многихъ, многихъ другихъ. И даже тѣ, которые не раззоряются, почти постоянно, не смотря на ихъ громадныя состоянія, нуждаются въ деньгахъ. Я много, въ первой молодости, слыхалъ отъ матушки разсказовъ о тароватости роднаго дяди моего отца, Александра Львовича Нарышкина, но, чтобы дать понятіе, во что обходилась ему эта тароватость, приведу къ примѣру слѣдующій случай: праздникъ, устроенный имъ на его дачѣ по Петергофской дорогѣ, праздникъ, описанный въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» того времени, былъ чудомъ великолѣпія. Государь Александръ I, присутствовавшій на этомъ праздникѣ, полюбопытствовалъ узнать, во что онъ обошелся.

— Ваше величество, въ 36,000 рублей,—отвѣтилъ Нарышкинъ.

— Неужели не болѣе!—съ удивленіемъ отозвался государь.

— Ваше величество,—замѣтилъ Нарышкинъ:—я заплатилъ только 36,000 рублей за гербовую бумагу подписанныхъ мною векселей!

Мнѣ говорили,—не знаю, насколько это вѣрно,—что нѣсколько времени спустя императоръ прислалъ Нарышкину альбомъ, или, скорѣе, книгу, въ которую вплетены были 100,000 рублей ассигнаціями. Нарышкинъ, всегда славившійся своимъ остроуміемъ и находчивостью, поручилъ передать императору свою глубочайшую признательность и присовокупилъ: «что сочиненіе очень интересное и желательно бы получить продолженіе». Говорятъ, государь и вторично прислалъ такую же книгу съ вплетенными въ нее ста тысячами, но приказалъ прибавить, что «изданіе окончено».

Впрочемъ, Александръ Львовичъ не раззорился и, хотя сильно разстроилъ свои дѣла, всетаки, оставилъ своимъ сыновьямъ Кириллу и Льву Александровичамъ большое богатство. Къ сожалѣнію, не могу сказать того же о нашемъ имуществѣ; отъ громаднаго Сологубовскаго состоянія уцѣлѣла только сумма, на которую пріобрѣтено было Никольское. Дядя мой графъ Левъ Ивановичъ Сологубъ управлялъ общимъ съ братомъ—моимъ отцомъ—послѣднимъ оставшимся у нихъ имѣніемъ, впрочемъ, еще значительнымъ, и состоявшимъ изъ 17,000 душъ, пріуроченныхъ къ извѣстному мѣстечку «Горы-Горки», въ Могилевской губерніи. Онъ пожелалъ откупить долю отца, но такъ какъ имѣніе было уже заложено, то дополнительная отъ казны ссуда могла быть выдана только съ соизволенія самого императора. Таковое соизволеніе воспослѣдовало, и, какъ я уже говорилъ, Никольское было куплено на имя матушки. Вотъ почему, со дня возвращенія нашего изъ деревни въ Петербургъ, нашъ образъ жизни совершенно измѣнился. Пріемы, обѣды, выѣзды прекратились и замѣнились тѣснымъ кругомъ семейной жизни. Домъ на набережной былъ проданъ. Васильчиковы

же купили домъ на Большой Морской, такъ какъ ихъ состояніе увеличилось вслѣдствіе наслѣдства, полученнаго послѣ кончины графа Разумовскаго. Въ этотъ домъ они и переѣхали, а мы ихъ замѣнили въ общемъ помѣщеніи съ бабушкой Архаровой, для чего былъ нанятъ на Моховой пространный бель-этажъ дома Мальцова. Удобства здѣсь было много: прекрасная домовая церковь, обширный садъ, въ которомъ мы играли съ дѣтьми сосѣдей Мартыновыхъ. Въ квартирѣ, между прочимъ, была и теплица для тропическихъ растеній, но тропическихъ растеній у бабушки не оказалось; купить ихъ старушка, всегда разсчетливая, не захотѣла, а съ свойственнымъ ей добродушіемъ замѣтила своимъ знакомымъ, что они могли бы каждый поднести ей по «горшечку» зелени на новоселье. На другой же день оранжерея обратилась въ цвѣтущій садъ. Во времена пребыванія нашего въ Мальцовскомъ домѣ, я припоминаю нѣсколько оригинальныхъ личностей.

Во-первыхъ, помню старую дѣву, Софью Алексѣевну Еропкину, монументальную старуху, лѣтъ семидесяти. Она отличалась тѣмъ, что гнушалась экипажей и во всякую погоду двигалась пѣшкомъ. Шляпокъ она тоже не допускала и ходила по улицамъ въ чепчикѣ, съ огромнымъ бантомъ на самомъ темени; зимой поверхъ чепца, она надѣвала шерстяной вязанный платокъ. Подъ оборками чепца располагались симметрично взбитыя и бѣлыя какъ лунь букли; лицо Софьи Алексѣевны, не смотря на ея лѣта, было еще свѣжее, румяное, съ правильнымъ носомъ и обликомъ бурбоновскаго типа. Въ молодости она слыла красавицей, когда же мы ее знали, голова ея тряслась безостановочно, но ходила она еще бодро, опираясь на высокій костыль. Бывало, бабушка еще разъѣзжаетъ въ своемъ знаменитомъ рыдванѣ по городу, а Еропкина уже заблаговременно и величественно приплелась къ обѣду. Сидитъ она одна у стола въ гостиной и еще бойко вяжетъ шерстяной чулокъ, всегда что-то припоминаетъ и сама съ собою разговариваетъ. О дѣятеляхъ великаго екатерининскаго времени она говорила какъ о людяхъ, съ которыми встрѣчалась вчера. Бывало, зайдетъ въ то время рѣчь о видныхъ и модныхъ тогда молодыхъ людяхъ: о Строгановыхъ (братья Сергѣй и Александръ Строгановы), Шуваловыхъ, Горчаковѣ, Пушкинѣ и другихъ; Софья Алексѣевна молча слушаетъ, потомъ вдругъ крикнетъ своимъ басомъ:

— Нѣтъ, ужъ не говорите, противъ «нашего свѣтлѣйшаго» всѣ они дрянь!

Ей отвѣчаютъ, что князь Потемкинъ давно умеръ, а она смотритъ недовѣрчиво, точно не вѣря, что такой человѣкъ, какъ онъ, могъ умереть!

Въ самые цвѣтущіе дни своей молодости и во время силы и славы Потемкина, она была ему представлена на какомъ-то празднествѣ въ Москвѣ, и онъ произвелъ на нее неизгладимое впечат-

лѣніе на всю ея жизнь. А то бывало сидитъ Еропкина тихо и вдругъ ударитъ кулакомъ объ столъ и закричитъ:

— Боже мой! какъ эта свадьба долго тянулась!

— Чья свадьба, Софья Алексѣевна?—спросятъ у нея.

— Да вотъ Марковой Анны Ивановны, что̀ на верху живетъ,— отвѣтитъ Еропкина.

Маркова эта была тоже старушка лѣтъ подъ восемьдесятъ и такая притомъ ветхая, что не только о своей свадьбѣ, но и обо всемъ остальномъ на свѣтѣ, казалось, давно перезабыла. Главнымъ и любимѣйшимъ нашимъ развлеченіемъ бывали обѣды, даваемые въ то время другой старушкой, тоже пріятельницей бабушки, графиней Апраксиной. Сколько мнѣ помнится, ихъ было двѣ сестры, обѣ суетливыя, неугомонныя, вѣчно жалующіяся на судьбу. Бывало, пригласятъ насъ двухъ съ братомъ, гувернера, приживалокъ бабушки и еще другихъ кого нибудь обѣдать. Подадутъ обѣдъ прекрасный; хозяйка въ концѣ обѣда спроситъ, хорошо ли угощеніе? Мы всѣ станемъ разсыпаться въ похвалахъ; вдругъ Апраксина разрыдается и заголоситъ:

— Да, вотъ обѣдъ хорошъ, а представьте — заплатить за него нечѣмъ, нечѣмъ.

Этотъ эпизодъ повторялся почти за каждымъ обѣдомъ. Помню также хорошо небольшаго очень чистенькаго старичка, большаго пріятеля бабушки, Платона Степановича Яковлева; родомъ онъ, кажется, былъ москвичъ, любилъ острить и выражаться собственнымъ языкомъ.

— Какова погода?—спроситъ его бабушка.

— Да нехорошо,—отвѣтитъ онъ:—совсѣмъ что-то размокропогодилось.

— А что же ты такъ давно не былъ?—опять спроситъ его бабушка.

— Служба одолѣла, Екатерина Александровна.

Онъ служилъ подъ главнымъ начальствомъ всесильнаго тогда графа Аракчеева.

— У насъ новый приказъ отданъ, что каждый усердный чиновникъ долженъ заниматься служебными обязанностями, по крайней мѣрѣ, 24 часа въ день, а кто можетъ—тотъ и болѣе!

Платонъ Степановичъ былъ любимый партнеръ бабушки для карточной игры; онъ игралъ превосходно во всѣ игры, что̀ не мѣшало ему шутить и балагурить во время игры; когда преферансъ сталъ входить въ моду и у него была хорошая игра въ червяхъ, онъ обыкновенно объявлялъ «семь въ сердцахъ», то есть въ червяхъ, вольнымъ переводомъ. — «Ну, ну, перестань, батюшка,—что за прибаутки»,—шутя журитъ, бывало, его бабушка. —«И, матушка Екатерина Александровна, отчего же и не побаловать себя, коротка-то вѣдь жизнь».

Въ домѣ Мальцова мы прожили недолго и переѣхали въ домъ Голубцова, бывшій угловой домъ противъ Михайловскаго манежа; здѣсь родители мои прожили, если я не ошибаюсь, лѣтъ десять. Въ домъ Голубцова къ намъ переѣхала жить моя двоюродная сестра, дочь моего дяди графа Льва Ивановича, Наталья Львовна. Скажу нѣсколько словъ о семьѣ дяди, съ которою я до старости сохранилъ дружескія отношенія. Графъ Левъ Ивановичъ былъ женатъ, какъ я уже сказалъ выше, на княжнѣ Аннѣ Михайловнѣ Горчаковой, сестрѣ впослѣдствіи знаменитаго канцлера, и имѣлъ съ нею шестеро дѣтей. Горчаковы были небогаты, и жена принесла дядѣ самое ничтожное приданое; самъ же дядюшка, какъ я уже сказалъ выше, раззорился окончательно вслѣдствіе несчастныхъ спекуляцій. Матушка очень любила своихъ племянницъ по мужу и, сколько могла, старалась доставлять имъ всякія удовольствія и развлеченія. Съ переѣздомъ къ намъ Натальи Львовны домъ нашъ снова оживился. Двоюродная сестра моя была красавица и въ свѣтѣ имѣла успѣхъ громадный. Она вскорѣ вышла замужъ за Обрѣзкова, который впослѣдствіи долгое время занималъ лестный постъ россійскаго посла при дворѣ короля Обѣихъ Сицилій въ Неаполѣ. Вдова его послѣ кончины мужа навсегда тамъ поселилась, и долго послѣ я имѣлъ случай съ нею тамъ снова свидѣться и познакомился съ ея милыми дочерьми, которыя обѣ вышли замужъ за итальянцевъ. Вторая дочь дядюшки была также замѣчательно хороша собою, звали ее Надежда, она долгое время была фрейлиной великой княгини Елены Павловны, а потомъ вышла замужъ за Алексѣя Свистунова. Двѣ другія младшія вышли замужъ одна за Паншина, другая за Энгельгардта. Сыновья Левъ и Николай служили оба въ военной службѣ. Левъ былъ женатъ на румынкѣ, д-цѣ Розновано, и имѣлъ съ нею дочь, вышедшую замужъ за графа Олсуфьева. Николай женатъ на М. Н. Скуратовой, живетъ постоянно въ Москвѣ, его бѣговыя лошади славятся въ Россіи. Тетка моя, графиня Анна Михайловна, жила послѣдніе годы своей жизни въ деревнѣ, ей принадлежащей, кажется, въ Тверской губерніи; она была очень хороша собою, но еще въ молодости необычайно растолстѣла. Братъ ея, князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ, лицомъ очень походилъ на нее; онъ часто бывалъ у насъ по выходѣ своемъ изъ царскосельскаго лицея, и я его живо помню. Онъ былъ красивый и ловкій молодой человѣкъ, очень сдержанный и скромный, и въ ту пору, вѣроятно, никто не предугадывалъ, какая блистательная будущность ожидала его. Его часто сопровождалъ баронъ Дельвигъ, прелестный поэтъ, такъ рано унесенный смертью.

Родная сестра моего отца, княгиня Екатерина Ивановна Голицына, умерла въ молодыхъ годахъ, оставивъ дочь, вышедшую замужъ за графа Шуазель-Гуффье, и пять сыновей. Мужъ моей тетушки, князь Григорій Сергѣевичъ, былъ едва ли не одинъ изъ

замѣчательнѣйшихъ самодуровъ своего времени. Въ своемъ помѣстьѣ подъ Москвой онъ учредилъ нѣчто въ родѣ маленькаго двора изъ своихъ «подданныхъ», какъ выражались въ тѣ времена. Были у него и «камеръ-юнкеры», и «гофмаршалы», и «фрейлины», была даже «статсъ-дама» — необыкновенно толстая и красивая вдова попадья, къ которой «дворъ» относился съ большимъ уваженіемъ. Дядюшка выпрашивалъ у моей матушки и у другихъ своихъ родственницъ ихъ поношенныя атласныя и бархатныя платья. Эти платья обшивались дешевыми золотыми позументами, и въ нихъ облекались дебѣлыя «придворныя дамы» Голицына. Въ праздники совершались выходы; эти выходы, по словамъ очевидцевъ, были послѣднимъ словомъ сумасбродства. У дядюшки былъ свой собственный «придворный уставъ», котораго онъ строго придерживался. Балы въ домѣ отличались особеннымъ этикетомъ; нечего и говорить, что на этихъ балахъ присутствовала только меньшая братья и «придворные». Въ великолѣпной ярко освѣщенной залѣ размѣщались приглашенные и, когда всѣ уже были въ сборѣ, подъ звуки тріумфальнаго марша вступалъ торжественно въ залу дядюшка, опираясь на плечо одного изъ своихъ «гофмаршаловъ». Балъ открывался полонезомъ, причемъ дядюшка велъ «статсъ-даму» — попадью, которая принимала лестное приглашеніе, предварительно поцѣловавъ князеву руку. Князь также удостоивалъ и другихъ «дамъ» приглашеніемъ на танецъ; причемъ онѣ всѣ прежде подобострастно прикладывались къ его рукѣ. Балъ завершался галопадомъ, который, увы! всегда превращался въ бѣшеную присядку. На эти-то причуды да на стаи гончихъ и удалыхъ троекъ ушло не только Голицынское состояніе, но и приданое моей тетки, очень значительное. Мнѣ говорили, что губернаторъ, немного смущенный этими причудами, намекнулъ издалека объ этомъ князю и даже донесъ въ Петербургъ, но въ Петербургѣ этому только посмѣялись: въ тѣ времена въ Россіи мудрено было удивить сумасбродствомъ. Сыновья князя Голицына были всѣ люди умные и способные, а дочь его, графиня Варвара Григорьевна Шуазель,—одна изъ милѣйшихъ женщинъ, какихъ я когда либо встрѣчалъ. Мужъ ея былъ сынъ эмигранта графа Шуазель-Гуффье и долгое время состоялъ адъютантомъ фельдмаршала князя Воронцова, тогда графа, намѣстника кавказскаго и одесскаго генералъ-губернатора. Онъ былъ человѣкъ очень любезный пріятный въ обществѣ, но хотя въ тѣ времена въ военной службѣ требовались дисциплина и формальность самая строгая, позволялъ себѣ иногда нѣкоторыя не совсѣмъ удачныя отступленія. Такъ однажды, сопровождая своего начальника въ заграничномъ путешествіи, онъ былъ удостоенъ приглашеніемъ къ столу короля прусскаго (родителя императрицы Александры Ѳеодоровны). Шуазель явился въ превосходно сшитомъ и щегольски сидѣвшемъ на

немъ мундирѣ, но въ такихъ фантастическихъ сапожкахъ, что король, прекрасно знавшій русскія военныя формы, выразилъ Воронцову свое удивленіе. Нечего и прибавлять, какъ, возвращаясь домой изъ дворца, начальникъ намылилъ голову своему адъютанту. Графиня Шуазель, овдовѣвъ, жила постоянно у Воронцовыхъ, но кончила свою жизнь начальницей сестеръ милосердія въ Одессѣ. Она всегда была очень набожна; по этому поводу я припоминаю одинъ случай, надѣлавшій ей много горя, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣвшій свою весьма комическую сторону. Свою единственную дочь графиня Шуазель выдала замужъ за одного родственника своего мужа, имени его теперь не припомню, француза легитимиста. Свадьба состоялась въ Баденѣ, гдѣ, какъ извѣстно, нѣтъ православной церкви русской; ее замѣняетъ греческая церковь, построенная княземъ Стурдзой; въ ней и обвѣнчали молодую чету; священникъ, разумѣется, грекъ сказалъ новобрачнымъ подобающее слово, и вслѣдъ затѣмъ мы направились въ католическую церковь, гдѣ аббатъ-нѣмецъ совершилъ обрядъ вѣнчанія и также сказалъ молодымъ рѣчь.

Возвращаясь домой, графиня Шуазель залилась слезами.

— Какъ я несчастна, Боже мой! Какъ несчастна,—обратилась она ко мнѣ: — всю мою жизнь я старалась воспитать свою дочь въ самой теплой вѣрѣ, и вотъ сегодня, въ этотъ величайшій шагъ въ ея жизни, ее вѣнчали два раза, и оба раза ни она, ни ея мужъ, ни я, мы, ни слова не поняли; никто изъ насъ не говоритъ понѣмецки и, разумѣется, не понимаетъ погречески, и мы стояли какъ истуканы!

Я старался какъ могъ утѣшить свою разогорченную родственницу, но, признаюсь, не могъ удержаться отъ смѣха.

Братъ ея Сергѣй Голицынъ, по прозванью «Ѳирсъ», сохранилъ о себѣ память умнаго и веселаго собесѣдника, но шутника и шалуна легендарнаго; приведу одну изъ его шалостей, жертвою которой сдѣлался лично я.

Дѣло было, сколько припоминаю, въ 1835 или 1836 году. Матушка посылала меня въ Никольское, откуда я, окончивъ дѣла, выѣхалъ въ началѣ декабря въ Москву. Морозы стояли жестокіе; я утомился и наскучился долгой дорогой и, верстъ сорокъ не доѣзжая Бѣлокаменной, оставилъ съ поклажей и экипажемъ своего стараго камердинера Тита Ларіоновича дожидаться лошадей на станціи, а самъ сѣлъ въ легкія саночки и пустился въ Москву, куда и пріѣхалъ очень скоро, часовъ около девяти утра. Я всегда былъ неразсчетливъ, а тогда къ тому же былъ еще очень молодъ и потому, пріѣхавъ въ Москву, очутился въ шубѣ, мѣховой шапкѣ и валенкахъ, а мои чемоданы могли опоздать до вечера. Къ счастью, у пріятеля, у котораго я остановился, отыскалось мое бѣлье и платье, но не оказалось сапоговъ; мать же природа одѣ-

лила меня такими стопами, что мнѣ всегда приходится заказывать свою обувь, о покупкѣ сапоговъ нечего было и думать. Я вспомнилъ, что мой двоюродный братъ Сергѣй Голицынъ долженъ былъ находиться въ это время въ Москвѣ и что у него почти такія же большія ноги, какъ и мои, и я послалъ къ нему человѣка моего пріятеля.

Голицынъ, разспросивъ его подробно обо всемъ, принялъ самый серьёзный видъ и сказалъ слугѣ, что онъ ошибается, что онъ, правда, Голицынъ, но не тотъ, къ которому онъ посланъ за сапогами, и назвалъ ему того Голицына, у котораго онъ могъ получить сапоги. Въ то время Москвой управлялъ, въ Москвѣ царствовалъ, если можно такъ выразиться, князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ, одинъ изъ важнѣйшихъ въ то время сановниковъ въ Россіи. Это былъ въ полномъ смыслѣ настоящій русскій вельможа, благосклонный, привѣтливый и въ то же время недоступный. Только люди, стоящіе на самой вершинѣ, умѣютъ соединять эти совершенно разнородныя правила. Москва обожала своего генералъ-губернатора и въ то же время трепетала передъ нимъ. Къ этому-то всесильному и надоумилъ Ѳирсъ послать моего человѣка. Тотъ, только что взятый отъ сохи парень, очень спокойно отправился въ генералъ-губернаторскій домъ и, нисколько не озадаченный видомъ множества служителей, военныхъ чиновъ и такъ далѣе, велѣлъ доложить Голицыну, что ему нужно его видѣть (Ѳирсъ строго на строго приказалъ ему требовать—видѣть самого князя), къ немалому удивленію присутствующихъ (я, впрочемъ, забылъ сказать, что мой посланный объявилъ, что онъ пришелъ отъ графа Сологуба и что Голицынъ былъ съ моимъ отцемъ въ лучшихъ отношеніяхъ), — и такъ, къ немалому удивленію присутствующихъ, Голицынъ самъ къ нему вышелъ въ переднюю.

— Что надо?—спросилъ генералъ-губернаторъ.—Ты отъ графа?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе,—отвѣтилъ мой посланный:—отъ ихняго сыночка, графа Владиміра Александровича.

Голицынъ посмотрѣлъ на него съ крайнимъ изумленіемъ.

— Да что нужно?—повторилъ онъ еще разъ.

— Очень приказали вамъ кланяться, ваше благородіе, и просятъ одолжить имъ на сегодняшній день пару сапогъ!

Голицынъ до того удивился, что даже не разсердился, даже не разсмѣялся, а приказалъ своему камердинеру провести моего дурака въ свою уборную или свою гардеробную и позволить ему выбрать тамъ пару сапогъ. Надо замѣтить, что Голицынъ былъ малъ ростомъ, сухощавъ и имѣлъ крошечныя ноги и руки; увидавъ цѣлую шеренгу сапоговъ, мой человѣкъ похвалилъ товаръ, но съ сожалѣніемъ замѣтилъ, что «эти сапоги на насъ не полѣзутъ». Камердинеръ генералъ-губернатора съ ругательствами его прогналъ.

Надо вспомнить время, въ которое это происходило, то глубокое

уваженіе, почти подобострастіе, съ которымъ вообще обходились съ людьми высокопоставленными, чтобы отдать себѣ отчетъ, до чего была неприлична выходка моего двоюроднаго брата.

Возвратясь домой, слуга, какъ съумѣлъ, разсказалъ о случившемся. Все объяснилось. Я въ тотъ же день ѣздилъ къ генералъ-губернатору извиниться, разумѣется, всю бѣду сваливъ на ни въ чемъ невиноватаго слугу; Ѳирса я чуть не прибилъ, а онъ все смѣялся и отшучивался, идя со мной и предостерегая меня отъ острыхъ камней московской мостовой, которая могла бы потереть подошвы его сапоговъ, въ которые я былъ обутъ.

Зима 1825—1826 года прошла для насъ, или, скорѣе, для нашихъ родителей, очень тягостно. Осенью матушка неутѣшно оплакивала кончину императора Александра I, всегда, какъ я уже имѣлъ случай неоднократно высказать, особенно благоволившаго къ нашей семьѣ; потомъ какъ громовой ударъ разразилось возстаніе 14-го декабря. Многіе изъ самыхъ близкихъ друзей моего отца были замѣшаны въ бунтъ, и не проходило дня, не проходило, можно сказать, часа, чтобы мы не узнавали о новомъ несчастьѣ, постигшемъ какого нибудь изъ дружественныхъ намъ семействъ. Я не стану описывать возстаніе 14-го декабря: все, что можно было о немъ сказать, давно уже сказано; да и хотя я былъ очевидцемъ происходившаго, но былъ еще слишкомъ молодъ, чтобы хорошо понимать все, что оно обозначало; могу сказать только одно, что, по мнѣнію людей истинно просвѣщенныхъ и искренно преданныхъ своей родинѣ, какъ въ то время, такъ и позже, это возстаніе затормозило на десятки лѣтъ развитіе Россіи, не смотря на полный благородства и самоотверженія характеръ заговорщиковъ. Оно вселило въ сердце императора Николая I навсегда чувство недовѣрчивости къ русскому дворянству и потому наводнило Россію тою мелюзгою фоновъ и берговъ, которая принесла родинѣ столько неизгладимаго на долгое время вреда. Я хочу сказать нѣсколько словъ о личномъ характерѣ императора Николая Павловича, о которомъ многіе, по незнанію, составили себѣ превратное понятіе. Правда, государь былъ одаренъ желѣзной волей и твердостью неуклонной, но въ глубинѣ его души была доброта неисчерпаемая, а его свѣтлый умъ все постигалъ и,—что̀ покажется многимъ съ моей стороны безсмысленнымъ утвержденіемъ,—все прощалъ. Приведу въ примѣръ нѣсколько случаевъ изъ его частной жизни.

Проживая лѣтомъ въ сороковыхъ годахъ въ одномъ изъ загородныхъ петербургскихъ дворцовъ, государь часто ѣздилъ присутствовать на ученіи; у дороги, по которой слѣдовалъ императоръ, штрафованные солдаты рыли канаву; завидѣвъ царскую коляску, солдаты вытягивались въ шеренгу, снимали шапки и безмолвно дожидались, пока государь проѣдетъ, чтобы снова приняться за свою работу; съ ними, какъ съ наказанными, государь не могъ здоро-

ваться; это мучило его до того, что однажды, проѣзжая мимо штрафованныхъ, онъ не выдержалъ и своимъ зычнымъ голосомъ крикнулъ имъ:

— Здравствуйте, шалуны!

Нечего прибавлять, какимъ восторженнымъ «здравія желаемъ, ваше императорское величество» отвѣчали умиленные солдаты.

Государь имѣлъ привычку на масляницу во время качелей въѣзжать на Марсово поле и объѣзжать шагомъ весь квадратъ; однажды, среди общаго ликованья подгулявшаго народа, толпа крестьянскихъ дѣтей подбѣжала къ его санямъ и, не зная государя, запищала:

— Дѣдушка, покатай насъ, дѣдушка!

Стоявшіе подлѣ будочники кинулись было разгонять дѣтей, но государь грозно на нихъ крикнулъ и, разсадивъ, сколько умѣстилось дѣтей въ саняхъ, обвезъ ихъ вокругъ Марсова поля.

Въ 1831 году, когда холера впервые посѣтила Москву, императоръ, извѣщенный эстафетомъ, рѣшился тотчасъ туда ѣхать. Императрица Александра Ѳедоровна, напуганная невѣдомой и страшной болѣзнью, умоляла государя не подвергать себя опасности. Государь остался непреклоненъ; тогда императрица привела въ кабинетъ государя великихъ княженъ и великаго князя Константина Николаевича, тогда ребенка трехъ лѣтъ, думая, что видъ его дѣтей убѣдитъ болѣе императора.

— У меня въ Москвѣ 300,000 дѣтей, которыя погибаютъ, — замѣтилъ неуклонно государь и въ тотъ же день уѣхалъ въ Москву.

Посѣтивъ въ первый разъ послѣ польскаго возстанія Варшаву, государь присутствовалъ на балѣ у генералъ-губернатора, то есть намѣстника. Въ тотъ же вечеръ былъ открытъ заговоръ о покушеніи на жизнь императора (извѣстіе это впослѣдствіи оказалось невѣрнымъ), и государя просили въ виду предосторожности не подходить къ окну, такъ какъ вся площадь передъ дворцомъ была запружена народомъ; государь открылъ окно, сталъ къ окну спиною и болѣе часа простоялъ такимъ образомъ, разговаривая съ окружавшими его сановниками.

Я современемъ еще приведу десятки подобныхъ случаевъ, свидѣтельствующихъ о личной неустрашимой храбрости, а также безконечной добротѣ императора Николая Павловича. Но онъ вынужденъ былъ, такъ сказать, къ той неуклонной строгости, замкнутости, которою ознаменовалось все его царствованіе, именно обстоятельствами, предшествовавшими его восшествію на престолъ.

Трауръ по кончинѣ императора Александра I, судъ надъ декабристами, значительныя измѣненія въ высшихъ административныхъ сферахъ, заняли умы Петербурга на всю зиму 1825—1826 года. Но, какъ и всегда въ жизни, тучи прошли, наступило полное затишье, и въ августѣ 1826 года дворъ послѣдовалъ въ Москву, гдѣ

22-го августа совершилось съ пышностью необыкновенной коронованіе императора Николая Павловича на престолъ. Все способствовало блеску празднества: временное повсемѣстное спокойствіе въ Европѣ, водворившійся порядокъ въ самой Россіи, наконецъ, — и всего болѣе, — восторгъ, который вселяла въ народѣ молодая императорская чета. Императрица Александра Ѳеодоровна была тогда въ полномъ расцвѣтѣ своей красоты, она олицетворяла, такъ сказать, идеалъ русской царицы, соединяя въ себѣ царственность осанки съ безконечной привѣтливостью и добротой. О наружности самого императора мнѣ распространяться нечего, она сдѣлалась, такъ сказать, легендарной по всей Россіи; онъ представлялся народу чѣмъ-то въ родѣ сказочнаго богатыря, и по этому поводу я припоминаю разсказанный мнѣ однажды очевидцемъ анекдотъ.

Государь въ 1838 году производилъ огромный кавалерійскій смотръ въ Вознесенскѣ (Херсонской губерніи); въ то время въ Новороссійскомъ краѣ не только, разумѣется, о желѣзныхъ путяхъ, но и о шоссейныхъ дорогахъ не было помина. Къ пріѣзду императора починили мосты и кое-какъ привели въ порядокъ почтовыя дороги. Какъ всегда водилось, впереди высочайшихъ экипажей скакалъ на бѣшеной тройкѣ мѣстный исправникъ, наблюдая за порядкомъ. Однажды, не доѣзжая какой-то станціи, плотина, по которой едва успѣлъ пронестись царскій экипажъ, рухнула. Исправникъ помертвѣлъ и оглянулся на государя — бѣда миновала благополучно; вечеромъ за картами у знакомыхъ исправникъ разсказалъ постигшій его случай.

— Что же государь сказалъ? — со страхомъ допрашивали его присутствовавшіе.

— Помиловалъ, — отвѣтилъ крестясь исправникъ: — пальцемъ только мнѣ погрозилъ, а палецъ у него вотъ какой! — и исправникъ почти на аршинъ измѣрилъ руками.

Но возвращусь къ коронаціи. Отецъ мой, какъ я уже сказалъ выше, считался въ званіи оберъ-церемоніймейстера и въ силу этого сопровождалъ дворъ въ Москву. Мы съ братомъ, разумѣется, были еще слишкомъ молоды, чтобы присутствовать на блестящихъ празднествахъ, но всюду и вездѣ имѣли уголокъ, откуда все могли видѣть очень хорошо. Живо помню въѣздъ въ Москву и въ особенности выходъ императорской четы изъ Воскресенскаго собора; императрица — молодая, прекрасная, величественная, съ сіяющей короной на темныхъ волосахъ, облеченная въ драгоцѣнныя бѣлыя одежды, объ руку съ государемъ, котораго въ эту минуту описывать не берусь. Только Юпитеръ въ воображеніи древнихъ, снисходящій съ Олимпа съ громомъ и молніей въ десницѣ, могъ быть сравнимъ съ нимъ въ это мгновенье. Съ тѣхъ поръ прошло болѣе полувѣка, я пережилъ много горя и радостей, видалъ много зрѣлищъ поразительныхъ, но ничто не можетъ сравниться съ тѣмъ

впечатлѣніемъ восторга и почти ужаса, которое обуяло меня. Я до того кричалъ, билъ въ ладоши, топалъ ногами и кидалъ свою шапку вверхъ, что кончилъ, наконецъ, тѣмъ, что свалился съ подмостковъ, на которыхъ мы съ братомъ стояли, подъ надзоромъ гувернера, и упалъ на толпу мужиковъ, стоявшихъ на площади; я ужасно испугался, вообразивъ себѣ почему-то, что они станутъ меня бить, но они нисколько на меня не разсердились, а одинъ изъ нихъ, я какъ теперь его вижу, рослый дѣтина, лѣтъ подъ сорокъ, съ огромной разноцвѣтной бородой, посадилъ меня къ себѣ на руки и съ той особенной суровой ласковостью, которая присуща только простому русскому народу, проговорилъ:

— Сиди, малецъ, ужъ больно хорошо, здорово кричишь ты!

Празднества смѣнялись празднествами и отличались, какъ водится въ этомъ случаѣ, необыкновеннымъ великолѣпіемъ. Въ тѣ времена имена свѣтскихъ красавицъ не были еще достояніемъ газетчиковъ и упоминать о нихъ въ газетахъ считалось бы верхомъ неприличія, но въ устахъ всѣхъ были слышны имена графини Завадовской, графини Фикельмонтъ, рожденной графини Тизенгаузенъ, дочери въ то время извѣстной въ петербургскомъ свѣтѣ Елизаветы Михайловны Хитрово, одной изъ пяти дочерей фельдмаршала Кутузова, фрейлины княжны Урусовой и дѣвицы Нарышкиной, впослѣдствіи княгини Юсуповой. Всѣ четыре были красавицы писанныя, всѣ четыре звѣзды первой величины тогдашняго петербургскаго большаго свѣта. По окончаніи празднествъ, дворъ вернулся въ Царское Село, и мы также возвратились на обычную зимовку въ Петербургъ. Жизнь наша потекла обычнымъ порядкомъ: занятіе съ учителями, прогулки, обѣды у бабушки Архаровой и т. д. Я уже начиналъ пописывать кое-какую дрянь, къ которой, увы, относились слишкомъ снисходительно. Такъ прошло три зимы. Наконецъ, въ мартѣ 1829 года, къ крыльцу Голубцовскаго дома подъѣхала кибитка, въ которую сѣлъ мой отецъ и посадилъ меня подлѣ себя. Меня везли въ Дерптъ, для приготовленія къ студентскому экзамену и поступленію въ университетъ. Дѣтство наше рушилось. Г-нъ Массонъ отбылъ на родину; братъ мой поступилъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ, помѣщавшуюся у Синяго моста, на мѣстѣ, гдѣ теперь находится Маріинскій дворецъ. Въ то время воспитаніе было направленіемъ къ единственной цѣли — служебной. О братѣ было рѣшено между моими родителями, — такъ какъ въ то время родные рѣшали о будущности своихъ дѣтей, и дѣти этому безпрекословно подчинялись, — что братъ мой надѣнетъ солдатскую шинель въ виду генеральскаго чина, хотя это поприще не было согласно ни съ его вкусами, ни даже съ его здоровьемъ.

Въ бытность нашу въ Парижѣ въ 1822 году, насъ ежедневно водили гулять въ Тюльлерійскій садъ; тамъ, однажды, братъ мой

съ разбѣга ударился головой о мраморную статую и такъ сильно ушибся, что пролежалъ нѣсколько часовъ въ безпамятствѣ; я нисколько не сомнѣваюсь, хотя въ то время онъ и поправился, что этотъ ушибъ произвелъ въ его головѣ сотрясеніе мозга и былъ первой причиной его преждевременной кончины.

Итакъ братъ поступилъ въ военную службу, меня же рѣшено было помѣстить въ Дерптскій университетъ и приготовить меня къ блестящей дипломатической карьерѣ, къ чему я ни по моему характеру, ни по моимъ наклонностямъ не былъ пригожъ. Матушка сѣтовала о томъ, что мы съ братомъ въ нашемъ дѣтствѣ были пріучены къ роскоши, которой, по наступившимъ обстоятельствамъ дѣлъ моего отца, мы не могли имѣть въ будущемъ и отъ которой она всячески старалась насъ отучить. Вотъ почему отецъ не нанялъ мнѣ квартиры, не окружилъ меня, какъ это водилось въ тѣ времена, полдюжиной крѣпостныхъ людей, не приставилъ ко мнѣ ментора, а помѣстилъ меня у профессора X. [1]) и приставилъ ко мнѣ наемнаго камердинера старика, лѣтъ шестидесяти, Тита Ларіоновича, который и находился при мнѣ не только все время моего пребыванія въ университетѣ, но и долго послѣ этого. Отецъ остался въ Дерптѣ недолго, а я, послѣ его отъѣзда, сталъ серьёзно работать и пріучаться къ скромному обиходу студенческой жизни.

Скажу нѣсколько словъ о тѣхъ изъ моихъ товарищей, съ которыми впослѣдствіи я сохранилъ дружественныя отношенія. Изъ нихъ первое мѣсто занимаетъ знаменитый нашъ хирургъ Пироговъ; потомъ Иноземцевъ, сдѣлавшійся тоже впослѣдствіи извѣстнымъ врачемъ въ Москвѣ; сыновья писателя и историка Карамзина — Андрей и Владиміръ; наконецъ, извѣстный всему Петербургу Иванъ Ѳедоровичъ Золотаревъ, съ которымъ мы позже были сослуживцами на Кавказѣ и навсегда остались друзьями близкими. Потомъ нѣсколько курляндцевъ, Липгарты, Таль и другіе. Поэта Языкова я уже не засталъ, но о немъ въ студенческомъ кружкѣ сохранилась лучезарная легенда. О разгульныхъ пирахъ его времени, о попойкахъ гомерическихъ, въ наше время не было и помина; всѣ мы были скромненькіе, ужъ впрямь «отецкіе сыны»; всѣ мы болѣе или менѣе серьёзно работали и, кромѣ того, усердно посѣщали «свѣтъ», состоявшій въ то время въ Дерптѣ изъ нѣсколькихъ семействъ богатыхъ курляндскихъ бароновъ и семействъ профессоровъ университетскихъ. Скромности нашей способствовало и то, что родители выдавали намъ на наши удовольствія очень мало денегъ. Такъ я, напримѣръ, считался богачемъ, имѣя всего на всего 50 рублей ассигнаціями въ мѣсяцъ; правда, матушка платила отдѣльно за мою квартиру и столъ. Самымъ большимъ расходомъ, самой бѣшеной

[1]) Имя пропущено.

шалостью, почиталось провести вечеръ въ кондитерской, гдѣ мы истребляли невѣроятное количество плохихъ бутербродовъ и сладкихъ пирожковъ и запивали ихъ прескверным виномъ или пивомъ. За то мы щеголяли платьемъ и бѣльемъ; о бородахъ и усахъ между студентами тогда еще, разумѣется, не было и помина. Весной мы устраивали «пикники», разумѣется, въ скромныхъ размѣрахъ, на которые приглашали дамъ; послѣ завтрака на лужайкѣ или въ лѣсу устраивались танцы, на которыхъ мы наперерывъ отличались. Одинъ изъ этихъ пикниковъ ознаменовался очень прискорбнымъ для меня приключеніемъ. Такъ какъ никто изъ насъ не былъ Крезомъ, то обыкновенно наканунѣ праздника распорядитель получалъ отъ каждаго изъ насъ нужную сумму для складчины; у меня въ тотъ день капиталу оказалось всего 11 рублей; я захотѣлъ попытать счастье въ первый разъ въ жизни въ карты и проигралъ Карамзину всѣ свои деньги; горе было непоправимое, раздобыть у одного изъ товарищей нужные рублей двадцать не оказалось возможности, а мое огорченіе было тѣмъ болѣе велико, что въ то время я безнадежно и трепетно былъ влюбленъ въ жену одного дерптскаго чиновника, которая въ видѣ исключенія допускалась въ наше общество. Впослѣдствіи я увидалъ свой «предметъ» и ужаснулся своему безвкусію, но тогда я пылалъ самой почтительной и самой нѣжной страстью. Я сказался больнымъ и, разумѣется, остался дома. Пока товарищи мои «блаженствовали», я излилъ свое горе въ слѣдующемъ стихотвореніи, за которое заранѣе прошу прощенія у читателей; мое единственное оправданіе состоитъ въ томъ, что мнѣ было тогда 17 лѣтъ. Вотъ первые куплеты:

Ахъ, Настасья Еремѣевна,
Видно, суждено мнѣ такъ:
Ты на балѣ какъ царевна,
А я дома какъ дуракъ.

Пригласятъ тебя тамъ франты
На «англезы», на куранты,
Можетъ статься, на «тампетъ»,
А ты нюхай мой букетъ!..

И въ такомъ родѣ куплетовъ десять. Когда Золотаревъ возвратился съ пикника, такъ какъ онъ былъ повѣренный моей любви, я прочелъ ему мое произведеніе; онъ нашелъ, что стихи «хороши», но слишкомъ «вольны»!.. Золотаревъ былъ типъ добронравнаго благодушнаго юноши, воспитаннаго въ благочестивомъ домѣ. Отецъ его, человѣкъ зажиточный, былъ нотаріусомъ въ Москвѣ; кромѣ Ивана Ѳедоровича, у него были еще сынъ и дочь—красавица, выданная замужъ противъ воли за одного изъ богатѣйшихъ купцовъ въ Москвѣ и вскорѣ послѣ этого умершая; ея свадьба, на которой

я присутствовалъ, послужила впослѣдствіи мнѣ сюжетомъ для одной изъ моихъ повѣстей. Братъ Ивана Золотарева тоже умеръ въ молодыхъ годахъ отъ чахотки. На сколько я уже начиналъ быть неряшливъ, на столько Золотаревъ былъ аккуратенъ и разсудителенъ. У него были, однако, двѣ слабости: первая изъ нихъ состояла въ томъ, что онъ ежедневно отправлялся на почту освѣдомляться, нѣтъ ли для него писемъ — ему никто никогда не писалъ, но это его не обезкураживало, и онъ, всетаки, каждый день ходилъ на почту; вторая его слабость была менѣе игриваго свойства. Онъ былъ страстный охотникъ играть на скрипкѣ, а природа отказала ему рѣшительно въ музыкальныхъ способностяхъ; мы жили на одной квартирѣ, и читатели легко могутъ себѣ представить мой ужасъ, постепенно превращавшійся въ негодованіе, какъ только въ комнатѣ моего сосѣда начинали раздаваться жалобные звуки терзаемаго неопытной рукой инструмента. Возвратясь съ лекціи и зайдя, разумѣется, предварительно на почту, Золотаревъ снималъ свое новое платье, облекался въ старенькій сюртучекъ и принимался пилить гаммы на скрипкѣ; работа эта иногда длилась часа три; особенно гнусно выходилъ у него одинъ переходъ въ минорный тонъ, который никакъ ему не удавался, при этомъ я часто врывался въ комнату моего трудолюбиваго пріятеля, съ бѣшенствомъ выхватывалъ у него скрипку и осыпалъ его ругательствами. Онъ отвѣчалъ съ обычной своей добродушной улыбкой: «Ну, полно, Владиміръ, вѣдь я тебѣ не мѣшаю»! И чего мы не выдѣлывали съ этой злополучной скрипкой. И прятали ее, и швыряли на улицу, однажды, даже продали ее за полтора рубля ассигнаціями какому-то бродягѣ музыканту, и что же?—въ заведенный часъ опять раздавались ненавистные звуки; Золотаревъ какимъ-то тайнымъ чутьемъ розыскивалъ свое достояніе вездѣ. Главнымъ удовольствіемъ, завѣтной мечтой являлись, разумѣется, поѣздки на вакаціи лѣтнія и рождественскія къ роднымъ. Для меня двѣ изъ этихъ поѣздокъ остались незабвенными навсегда, такъ какъ мнѣ пришлось увидѣть и узнать, бывши студентомъ, двухъ гигантовъ русской литературы—Пушкина и Гоголя. Я прошу у читателей прощенія, если мнѣ придется повторяться, говоря объ этихъ двухъ великихъ русскихъ людяхъ; въ 1874-мъ году, я напечаталъ въ газетѣ «Русскій Міръ» нѣкоторыя изъ своихъ воспоминаній относительно Пушкина и Гоголя, но, во-первыхъ, «Русскій Міръ» не имѣлъ обширнаго круга читателей, во-вторыхъ, лучше сказать два раза, чѣмъ умолчать что либо, что относится къ нимъ. Итакъ лѣтомъ, сколько припоминаю въ 1832-мъ году, я пріѣхалъ къ своимъ родителямъ въ Павловскъ на вакаціи; поздоровавшись съ ними, я переодѣлся и отправился, какъ и слѣдовало, на поклонъ къ бабушкѣ Архаровой; время для бабушки уже было позднее, она собиралась спать. — «Пойди-ка къ Александрѣ Степановнѣ (ея приживалка), тамъ у Васильчиковыхъ

при Васѣ студентъ какой-то живетъ, говорятъ, тоже пописываетъ,—такъ ты пойди, послушай»,—сказала мнѣ бабушка, отпуская меня. Я отправился къ Александрѣ Степановнѣ; она занимала на дачѣ у бабушки небольшую довольно низенькую комнату; кровать стыдливо была загорожена ширмами, у стѣны стоялъ старомодный обтянутый ситцемъ диванъ, передъ нимъ круглый столъ, покрытый красной бумажной скатертью; на столѣ подъ темно зеленымъ абажуромъ горѣла лампа. Столъ былъ высокъ, а сидѣнья, то есть диванъ и стулья, низки, и потому лица присутствующихъ были ясно освѣщены пламенемъ лампы. Подлѣ Александры Степановны на диванѣ сидѣла другая приживалка бабушки, Анна Семеновна, тутъ же находилась третья старушка, призрѣнная Васильчиковыми, тоже какая-то дворянка, имени ея не помню; всѣ три старухи вязали чулки, глядя снисходительно поверхъ очковъ на тутъ же у стола сидѣвшаго худощаваго молодаго человѣка; старушки поднялись мнѣ навстрѣчу, усадили меня у стола, потомъ Александра Степановна, предварительно глянувъ на меня, обратилась къ юношѣ:

— Что же, Николай Васильевичъ, начинайте!

Молодой человѣкъ вопросительно посмотрѣлъ на меня; онъ былъ бѣдно одѣтъ и казался очень застѣнчивъ; я пріосанился.

— Читайте,—сказалъ я нѣсколько свысока:—я самъ «пишу» (Читатель, я былъ такъ молодъ!) и очень интересуюсь русской словесностью, пожалуйста, читайте.

Въ вѣкъ мнѣ не забыть выраженія его лица! Какой тонкій умъ сказался въ его чуть прищуренныхъ глазахъ, какая язвительная усмѣшка скривила на мигъ его тонкія губы. Онъ все также скромно подвинулся къ столу, не спѣша, развернулъ своими длинными худыми руками рукопись и сталъ читать. Я развалился въ креслѣ и сталъ его слушать; старушки опять зашевелили своими спицами. Съ первыхъ словъ я отдѣлился отъ спинки своего кресла, очарованный и пристыженный, слушалъ жадно; нѣсколько разъ порывался я его остановить, сказать ему, до чего онъ поразилъ меня, но онъ холодно вскидывалъ на меня глазами и неуклонно продолжалъ свое чтеніе. Когда онъ кончилъ, я бросился къ нему на шею и заплакалъ. Что онъ намъ читалъ, я и сказать не съумѣю теперь, но я, не смотря на свою молодость, инстинктомъ, можно сказать, понялъ, сколько таланта, сколько высокаго художества было въ томъ, что онъ намъ читалъ. Молодаго этого человѣка звали Николай Васильевичъ Гоголь, и черезъ нѣсколько лѣтъ ему суждено было занять въ отечественной литературѣ первое мѣсто послѣ великаго Пушкина. У тетки Васильчиковой было пятеро дѣтей: два сына, двѣ дочери и третій сынъ слабоумный съ дѣтства, впрочемъ, рано умершій; къ этому-то сыну въ видѣ не то наставника, не то дядьки и былъ приглашенъ Гоголь для того, чтобы по мѣрѣ возможности стараться, хотя немного развить это бѣдное существо. На другой день послѣ

чтенія я пошелъ опять къ Васильчиковымъ и увидалъ слѣдующее зрѣлище: на балконѣ, въ тѣни, сидѣлъ на соломенномъ низкомъ стулѣ Гоголь, у него на колѣняхъ полулежалъ Вася, тупо глядя на большую развернутую на столѣ, стоявшемъ передъ ними, книгу; Гоголь указывалъ своимъ длиннымъ худымъ пальцемъ на картинки, нарисованныя въ книгѣ, и терпѣливо разъ двадцать повторялъ слѣдующее:

— Вотъ это, Васинька, барашекъ—бе...е...е, а вотъ это корова—му...у...му...у, а вотъ это собачка — гау...ау...ау...

О Гоголѣ мнѣ придется говорить много, такъ какъ впослѣдствіи я былъ съ нимъ въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ. Гоголь у Васильчиковыхъ, впрочемъ, оставался недолго, и хотя впослѣдствіи онъ не любилъ припоминать того незавиднаго положенія, въ которомъ находился въ ихъ домѣ, но нѣтъ сомнѣнія, что его будущей извѣстности, независимо, разумѣется, отъ его громаднаго таланта, много также способствовали знакомства, пріобрѣтенныя въ домѣ Васильчиковыхъ; вездѣ, а въ особенности въ Россіи, и въ тѣ времена только таланту, какъ бы великъ онъ ни былъ, трудно было пробиться на свѣтъ Божій. Кажется, въ слѣдующую же зиму послѣ моего знакомства съ Гоголемъ, я въ первый разъ, уже будучи взрослымъ, встрѣтилъ Пушкина; за вѣрность годовъ, впрочемъ, не ручаюсь, такъ какъ я смолоду былъ страшно безтолковъ и всю жизнь перепутывалъ и числа, и года. Вотъ какъ это было: я гостилъ у родныхъ на Рождественскихъ праздникахъ и каждый вечеръ выѣзжалъ съ отцомъ въ свѣтъ не на большіе балы, разумѣется, но къ нашимъ многочисленнымъ роднымъ и близкимъ знакомымъ.

Однажды, отецъ взялъ меня съ собою въ русскій театръ; мы помѣстились во второмъ ряду кресселъ; передъ нами въ первомъ ряду сидѣлъ человѣкъ съ некрасивымъ, но необыкновенно выразительнымъ лицомъ и курчавыми темными волосами; онъ обернулся, когда мы вошли (представленіе уже началось), дружелюбно кивнулъ отцу, потомъ сталъ слушать пьесу съ тѣмъ особеннымъ вниманіемъ, съ какимъ слушаютъ только, что̀ называютъ французы, «les gens du metier, то есть люди сами пишущіе. — «Это Пушкинъ», — шепнулъ мнѣ отецъ. Я весь обомлѣлъ... Трудно себѣ вообразить, что это былъ за энтузіазмъ, за обожаніе толпы къ величайшему нашему писателю, это имя волшебное являлось чѣмъ-то лучезарнымъ въ воображеніи всѣхъ русскихъ, въ особенности же въ воображеніи очень молодыхъ людей. Пушкинъ, хотя и не чуждъ былъ той олимпійской недоступности, въ какую окутывали, такъ сказать, себя литераторы того времени, обошелся со мною очень ласково, когда отецъ послѣ того, какъ занавѣсъ опустили, представилъ меня ему. На слова отца, «что вотъ этотъ сынишка у меня пописываетъ», онъ отвѣчалъ поощрительно, припомнилъ, что

видѣлъ меня ребенкомъ, играющимъ въ одеждѣ маркиза на скрипкѣ, и приглашалъ меня къ себѣ запросто быть, когда я могу. Я былъ въ восторгѣ и, чтобы не ударить лицомъ въ грязь, все придумывалъ, что̀ бы сказать что нибудь поумнѣе, чтобы онъ увидѣлъ, что я уже не такой мальчишка, какимъ, всетаки, не смотря на его любезность, онъ меня считалъ; надо сказать, что въ тотъ самый день, гуляя часовъ около трехъ по полудни съ отцомъ по Невскому проспекту, мы повстрѣчали нѣкоего Х., тогдашняго моднаго писателя. Онъ былъ человѣкъ чрезвычайно надутый и заносчивый, отецъ его довольно близко зналъ и представилъ меня ему, онъ отнесся ко мнѣ довольно благосклонно и пригласилъ меня въ тотъ же вечеръ къ себѣ.— «Сегодня середа, у меня каждую середу собираются, — произнесъ онъ съ высоты своего величія, — все люди талантливые, извѣстные, пріѣзжайте, молодой человѣкъ, время вы проведете, надѣюсь, пріятно». Я поблагодарилъ и, разумѣется, тотчасъ послѣ театра разсчитывалъ туда отправиться. Впродолженіе всего втораго дѣйствія, которое Пушкинъ слушалъ съ тѣмъ же вниманіемъ, я, благоговѣйно глядя на его сгорбленную въ креслѣ спину, сообразилъ, что спрошу его во время антракта, «что онъ, вѣроятно, тоже ѣдетъ сегодня къ Х.». Не можетъ же онъ, Пушкинъ, не бывать въ домѣ, гдѣ собираются такіе извѣстные люди—писатели, художники, музыканты и т. д. Дѣйствіе кончилось, занавѣсъ опустился, Пушкинъ опять обернулся къ намъ.—«Александръ Сергѣевичъ, сегодня середа, я еще, вѣроятно, буду имѣть счастливый случай съ вами повстрѣчаться у Х.»,—проговорилъ я почтительно, но вмѣстѣ съ тѣмъ стараясь придать своему голосу равнодушный видъ, «что вотъ дескать къ какимъ тузамъ мы ѣздимъ». Пушкинъ посмотрѣлъ на меня съ той особенной ему одному свойственной улыбкой, въ которой какъ-то странно сочеталась самая язвительная насмѣшка съ безмѣрнымъ добродушіемъ.—«Нѣтъ,—отрывисто сказалъ онъ мнѣ:—съ тѣхъ поръ, какъ я женатъ, я въ такіе дома не ѣзжу»! Меня точно ушатомъ холодной воды обдало, я сконфузился, пробормоталъ что-то очень неловкое и стушевался за спину моего отца, который отъ души разсмѣялся; онъ прекрасно замѣтилъ, что мнѣ передъ Пушкинымъ захотѣлось прихвастнуть, и что это мнѣ не удалось. Я же былъ очень разочарованъ; уже заранѣе я строилъ планы, какъ я вернусь въ Дерптъ и стану разсказывать, что я провелъ вечеръ у Х., гдѣ собираются самые извѣстные, самые талантливые люди въ Петербургѣ, гдѣ даже самъ Пушкинъ... и вдругъ такой ударъ! Нечего и прибавлять, что въ тотъ вечеръ я къ Х. не поѣхалъ, хотя отецъ, смѣясь, очень на этомъ настаивалъ. На другой день отецъ повезъ меня къ Пушкину—онъ жилъ въ довольно скромной квартирѣ на... улицѣ [1]); самого хозяина не было дома, насъ

[1]) Имя улицы пропущено въ рукописи.

приняла его красавица-жена. Много видѣлъ я на своемъ вѣку красивыхъ женщинъ, много встрѣчалъ женщинъ еще обаятельнѣе Пушкиной, но никогда не видывалъ я женщины, которая соединила бы въ себѣ такую законченность классически правильныхъ чертъ и стана. Ростомъ высокая, съ баснословно тонкой тальей, при роскошно развитыхъ плечахъ и груди, ея маленькая головка, какъ лилія на стеблѣ колыхалась и граціозно поворачивалась на тонкой шеѣ; такого красиваго и правильнаго профиля я не видѣлъ никогда болѣе, а кожа, глаза, зубы, уши? Да это была настоящая красавица, и не даромъ всѣ остальныя даже изъ самыхъ прелестныхъ женщинъ меркли какъ-то при ея появленіи. На видъ всегда она была сдержанна до холодности и мало вообще говорила. Въ Петербургѣ, гдѣ она блистала, во-первыхъ, своей красотой и въ особенности тѣмъ виднымъ положеніемъ, которое занималъ ея мужъ,—она бывала постоянно и въ большомъ свѣтѣ, и при дворѣ, но ее женщины находили нѣсколько странной. Я съ перваго же раза безъ памяти въ нее влюбился; надо сказать, что тогда не было почти ни одного юноши въ Петербургѣ, который бы тайно не вздыхалъ по Пушкиной; ея лучезарная красота рядомъ съ этимъ магическимъ именемъ всѣмъ кружила головы; я зналъ очень молодыхъ людей, которые серьёзно были увѣрены, что влюблены въ Пушкину, не только вовсе съ нею незнакомыхъ, но чуть ли никогда собственно ее даже не видѣвшихъ! Живо помню одинъ балъ у Бутурлиныхъ и смѣшную сцену, на которой я присутствовалъ. Это было, сколько припоминаю, въ зиму съ 1835-го на 1836-й годъ; я уже въ то время вышелъ изъ университета; Бутурлинъ этотъ былъ женатъ на дочери извѣстнаго богача Комбурлея; онъ имѣлъ двухъ дѣтей—дочь, вышедшую потомъ замужъ за графа Павла Строгонова, и сына Петра; этому сыну было тогда лѣтъ тринадцать, онъ еще носилъ коротенькую курточку и сильно помадилъ себѣ волосы. Такъ какъ въ то время балы начинались несравненно раньше, чѣмъ теперь, то Петинькѣ Бутурлину позволялось (его по-тогдашнему родные очень баловали) оставаться на балѣ до мазурки. Онъ, разумѣется, не танцовалъ, а сновалъ между танцующими. Въ тотъ вечеръ я танцовалъ съ Пушкиной мазурку и, какъ только оркестръ проигралъ ритурнель, отправился отыскивать свою даму: она сидѣла у амбразуры окна и, поднеся къ губамъ сложенный вѣеръ, чуть-чуть улыбалась; позади ея, въ самой глубинѣ амбразуры, сидѣлъ Петинька Бутурлинъ и, краснѣя и заикаясь, что-то говорилъ ей съ большимъ жаромъ. Увидавъ меня, Наталья Николаевна указала мнѣ вѣеромъ на стулъ, стоявшій подлѣ, и сказала: — «Останемтесь здѣсь, всетаки, прохладнѣе»; я поклонился и сѣлъ. — «Да, Наталья Николаевна, выслушайте меня, не оскорбляйтесь, но я долженъ былъ вамъ сказать, что я люблю васъ, — говорилъ ей, между тѣмъ, Петинька, который до того по-

терялся, что даже не замѣтилъ, что я подошелъ и сѣлъ подлѣ,— да, я долженъ былъ это вамъ сказать,—продолжалъ онъ,—потому что, видите ли, теперь двѣнадцать часовъ, и меня сейчасъ уведутъ спать!» Я чуть удержался, чтобы не расхохотаться, да и Пушкина кусала себѣ губы, видимо, силясь не смѣяться; Петиньку, дѣйствительно, безжалостно увели спать черезъ нѣсколько минутъ.

Но возвращусь въ Дерптъ, куда послѣ вакацій я пріѣзжалъ съ немного помутившейся головой и не сразу могъ приниматься за работу. Впрочемъ, надо сказать, что то спокойствіе, которое царствовало въ Дерптѣ, скоро разсѣявало чадъ петербургскихъ удовольствій.

Годы проходили, между тѣмъ, и мы ревностно приготовлялись къ послѣднему экзамену. Тутъ случилось обстоятельство, повліявшее на мою будущность. Человѣкъ шесть изъ моихъ самыхъ близкихъ товарищей вознегодовали на одного изъ нашихъ профессоровъ, человѣка, въ самомъ дѣлѣ, очень непріятнаго и всячески насъ притѣснявшаго; я негодовалъ столько же, сколько они, но говорилъ, по обыкновенію, еще съ большимъ жаромъ. Однажды, послѣ веселаго ужина, они, проходя мимо квартиры профессора, швырнули ему въ окно нѣсколько камней; стекла разлетѣлись въ дребезги, поднялся шумъ, крикъ, профессоръ послалъ за полиціей, но товарищи мои успѣли уже убѣжать. Я не только не былъ въ ихъ обществѣ въ этотъ вечеръ, но меня, кажется, вовсе даже въ тотъ день не было въ Дерптѣ; тѣмъ не менѣе, въ городѣ распространился слухъ, что Сологубъ началъ безчинствовать, бить у начальства окна и т. д. Профессоръ, который меня терпѣть не могъ и слышать не хотѣлъ, что я не находился въ ватагѣ, причинившей ему убытокъ и непріятности, и на выпускномъ экзаменѣ такъ возстановилъ своихъ собратовъ и вообще университетское начальство противъ меня, такъ, что называется, «затормошилъ» меня на экзаменѣ, что вмѣсто кандидатскаго диплома, на который я сильно разсчитывалъ, я скромно окончилъ курсъ съ званіемъ дѣйствительнаго студента, къ великому неудовольствію моихъ родителей. Я покинулъ Дерптъ, который долженъ былъ въ будущемъ играть важную роль въ моей семейной жизни, и отправился къ роднымъ въ Петербургъ. Нѣсколько разъ мнѣ случилось въ моей жизни быть, какъ и въ Дерптѣ, безъ вины виноватымъ. Однажды, какой-то шутникъ распустилъ слухъ, что я застрѣлилъ на дуэли— измѣннически убилъ сына одного изъ моихъ ближайшихъ пріятелей и родственниковъ, князя Аркадія Суворова; между тѣмъ, я ни разу, въ бытность мою на Кавказѣ, не дрался на дуэли, а Аркадій Суворовъ здравствуетъ до сихъ поръ, и я со всей его семьей въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ. Этотъ нелѣпый и лишенный всякаго основанія слухъ до того было укоренился, по возвращеніи моемъ изъ Тифлиса въ 1858 году, что только милостивыя

слова, снизошедшія съ высокихъ устъ, положили ему предѣлъ. Другая, также лишенная основанія, выдумка причинила мнѣ большое неудовольствіе и навсегда возстановила противъ меня человѣка, расположеніемъ котораго я, конечно, дорожилъ. Я всегда высоко цѣнилъ талантъ и уважалъ характеръ Салтыкова (Щедрина) и находился съ нимъ въ отношеніяхъ хорошаго знакомства. Однажды, послѣ довольно долгой разлуки, я встрѣтился съ нимъ, кажется, въ какомъ-то ресторанѣ и съ радушной улыбкой и протянутой рукой подошелъ къ нему; онъ меня встрѣтилъ такъ недружелюбно, такъ рѣзко отвѣчалъ на мои привѣтствія, что я, разумѣется, озадаченный, тотчасъ же отретировался; въ тотъ же вечеръ я съ досадой разсказалъ выходку Салтыкова одному изъ нашихъ общихъ знакомыхъ.

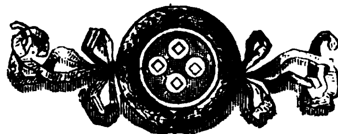
— Да, какъ же вы удивляетесь этому, графъ, — замѣтилъ мнѣ знакомый, — вѣдь вы сами подали къ этому поводъ...

— Какъ? Чѣмъ?! — воскликнулъ я.

Оказалось, что снисходительная всероссійская молва приписывала мнѣ слѣдующее: я будто бы написалъ очеркъ, повѣсть, статью, пасквиль, ужъ не помню что, гдѣ въ самыхъ черныхъ краскахъ изобразилъ — «вывелъ» Щедрина; нечего и прибавлять, что я никогда ничего подобнаго не писалъ, что̀, однако же, не помѣшало ни Щедрину, ни многимъ другимъ быть увѣренными въ справедливости взведенной на меня сплетни до сихъ поръ. Что же сказать о моемъ второмъ бракѣ? Тутъ уже дѣйствовала не сплетня, эта зіяющая рана русской жизни, а злоба ненасытная, и такъ какъ дѣло шло отъ людей, если, увы, мнѣ и не дорогихъ, но близкихъ, то я вынужденъ былъ изложить, описать подробно мою женитьбу въ моихъ воспоминаніяхъ, озаглавленныхъ «Исторія моей жизни»; воспоминанія эти моя жена напечатаетъ послѣ моей кончины, когда ей заблагоразсудится; боюсь только, что съ свойственнымъ ей великодушіемъ она захочетъ пощадить людей, которые такъ мало щадили ее самоё.

Графъ В. А. Соллогубъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I ВЪ ЛОНДОНѢ ВЪ 1844 ГОДУ[1].

III.

Пребываніе въ Англіи.

ВЪ ДЕСЯТЫХЪ числахъ мая стараго стиля, императоръ Николай выѣхалъ изъ Царскаго Села. Его сопровождала малочисленная свита, во главѣ которой находился генералъ-адъютантъ графъ Орловъ. Вице-канцлеръ графъ Нессельроде, обыкновенно сопутствовавшій его величеству при посѣщеніи имъ дворовъ австрійскаго и прусскаго, на этотъ разъ оставленъ былъ въ Петербургѣ.

Государь прибылъ въ Берлинъ въ Троицынъ день, 14-го (26-го) мая поутру, и остановился въ домѣ русскаго посольства. Въ посольской церкви шла обѣдня и читались молитвы съ колѣнопреклоненіемъ. Императоръ остался у входа и, сдѣлавъ знакъ, чтобъ никто не вставалъ, самъ опустился на колѣни. Разсказъ объ этомъ мы читаемъ въ письмѣ къ женѣ прусскаго посланника при лондонскомъ дворѣ, барона Бунзена, находившагося въ то время въ отпуску въ Берлинѣ и закончившаго письмо слѣдующими размышленіями: «Путешествіе царя будетъ имѣть громадныя послѣдствія. Все въ рукѣ Божіей. Сегодня пятидесятница, и мы празднуемъ величайшее изъ чудесъ» [2]).

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXIII, стр. 343.

[2]) Баронъ Бунзенъ женѣ, 14-го (26-го) мая 1844 года.

Къ обѣду въ Шарлотенбургѣ въ честь русскаго императора были приглашены лица его свиты, посланникъ нашъ при берлинскомъ дворѣ баронъ Мейендорфъ, прусскій министръ иностранныхъ дѣлъ, нѣсколько генераловъ и ученыхъ и въ числѣ послѣднихъ Александръ Гумбольдтъ. Король Фридрихъ-Вильгельмъ IV представилъ государю передъ обѣдомъ и Бунзена не только въ качествѣ министра при королевѣ великобританской, но и какъ своего личнаго друга. «Я надѣялся встрѣтить васъ въ Лондонѣ»,—сказалъ ему императоръ. За столомъ разговоръ шелъ между королемъ и учеными его собесѣдниками о произведеніяхъ древней греческой словесности, между прочимъ, объ евменидахъ Еврипида. Государь не принималъ въ немъ участія и только спросилъ:—«Что такое евмениды?»—Король отвѣчалъ ему въ шуточномъ тонѣ: «Это превосходительства, получившіе чистую отставку и казенную квартиру за городомъ и т. д.». Государь, разсѣянно выслушавъ это объясненіе, продолжалъ свою бесѣду съ присутствовавшими генералами о военныхъ предметахъ. Не смотря на такое равнодушіе его къ классической древности, онъ произвелъ на Бунзена сильное впечатлѣніе.—«Въ каждомъ вершкѣ видѣнъ въ немъ императоръ»,—писалъ о немъ прусскій дипломатъ своей женѣ [1]).

Въ Духовъ день государь выѣхалъ изъ Берлина, а въ Англіи еще ничего не знали о скоромъ прибытіи его. Лишь въ четвергъ 18-го (30-го) мая пришло туда извѣстіе, что его величество, посѣтивъ по пути короля нидерландскаго, прибудетъ въ Лондонъ въ субботу 20-го мая (1-го іюня) вечеромъ. Извѣстіе это застало англійскій дворъ въ расплохъ. Для приготовленій къ пріему оставалось не больше сутокъ, и они усложнялись еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ одинъ день съ русскимъ императоромъ ожидали и короля саксонскаго. По приказанію королевы, для высокихъ посѣтителей отведены были покои въ Букингамскомъ дворцѣ.

Высадясь на берегъ въ Вульвичѣ, въ 10 часовъ вечера, государь ровно въ полночь прибылъ въ Лондонъ. Онъ не пожелалъ воспользоваться гостепріимствомъ двора и прямо пріѣхалъ въ Ashburnham House, гдѣ помѣщалась русское посольство. Оттуда онъ написалъ принцу Альберту собственноручное письмо, въ которомъ выражалъ желаніе свое какъ можно скорѣе имѣть свиданіе съ королевой.

На другой день, въ 10 часовъ утра, принцъ-супругъ явился къ императору и пробылъ у него около часу. Въ половинѣ втораго онъ снова пріѣхалъ въ посольство и сопровождалъ его величество въ Букингамскій дворецъ. Королева Викторія встрѣтила своего державнаго гостя на нижней ступени лѣстницы. Онъ завтракалъ съ королевскою семьею, посѣтилъ тетокъ королевы, герцогинь Кем-

---

[1]) Баронъ Бунзенъ женѣ, 14-го (26-го), 15-го (27-го), 16-го (28-го) мая 1844 года.

бриджскую и Глостерскую, и сдѣлалъ визитъ герцогу Веллингтону. Обѣдъ состоялся во дворцѣ, а ночевать государь возвратился въ домъ своего посольства.

Въ понедѣльникъ 22-го мая (3-го) іюня, императоръ утро посвятилъ прогулкѣ въ Риджентъ-паркѣ и по главнымъ улицамъ Лондона, а затѣмъ посѣщенію нѣсколькихъ знатныхъ лицъ. Онъ навѣстилъ леди Гейтесбюри, леди Пемброкъ, леди Кланрикардъ, занимавшихъ высшія должности при дворѣ королевы, а также перваго министра сера Роберта и леди Пиль. Къ завтраку въ посольствѣ приглашенъ былъ герцогъ Девонширскій, бывшій чрезвычайный посолъ при коронаціи 1826 года. Въ 6 часовъ вечера, государь отправился въ Виндзоръ, гдѣ на станціи желѣзной дороги снова встрѣтилъ его принцъ Альбертъ.

Въ Виндзорскомъ замкѣ императоръ Николай провелъ цѣлые четыре дня. Красота и великолѣпіе этого древняго жилища англійскихъ королей произвели на него пріятное впечатлѣніе.—«Оно достойно васъ, государыня»,—замѣтилъ государь королевѣ. Ея величество была на седьмомъ мѣсяцѣ беременности, и къ тому же англійскій дворъ носилъ трауръ по герцогѣ Саксенъ-Кобургъ-Готскомъ, отцѣ принца-супруга, а потому въ честь русскаго императора и короля саксонскаго нельзя было дать бала. Но въ развлеченіяхъ для высокихъ посѣтителей все же не было недостатка. Поутру происходили смотры, скачки, охоты. Вечеромъ многочисленное общество собиралось къ обѣду, происходившему въ большой Ватерлосской залѣ замка. На послѣдніе два обѣда гости были приглашены въ мундирахъ, по желанію государя, признавшагося королевѣ, что ему неловко во фракѣ, къ которому онъ не привыкъ. Съ военнымъ же мундиромъ,—прибавилъ онъ,—онъ до того сроднился, что разставаться съ нимъ ему также непріятно, «какъ если бъ съ него сняли кожу». И въ Виндзорѣ онъ не разстался со своими спартанскими привычками. По свидѣльству біографа принца Альберта, «первымъ дѣломъ его слугъ было по входѣ въ его спальню послать на конюшню за нѣсколькими снопами чистой соломы, чтобы набить его холщевой мѣшокъ, составлявшій матрацъ походной кровати, на которой онъ постоянно почивалъ» [1]).

Проводя весь день въ обществѣ королевы, императоръ Николай избѣгалъ, однако, разговоровъ съ нею о политикѣ. За то, онъ не упускалъ ни одного случая, чтобы вступать въ подобные разговоры съ принцемъ Альбертомъ и главными министрами: серъ Робертомъ Пилемъ, лордомъ Абердиномъ, герцогомъ Веллингтономъ, находившимися въ числѣ приглашенныхъ къ королевскому столу. Весѣды эти бывали очень продолжительны и длились иногда по нѣскольку часовъ. Собесѣдниковъ государя поражала необыкновенная прямота

---

[1]) Th. Martin: «The life of the Prince Consort», I, стр. 215.

и откровенность его рѣчей. «Я знаю, — говорилъ онъ имъ, — что меня принимаютъ за притворщика, но неправда. Я искрененъ, говорю, что думаю и сдерживаю данное слово» [1]).

24 мая (5 іюня), въ Виндзорскомъ паркѣ происходилъ большой парадъ. Войска и толпа собравшихся зрителей привѣтствовали русскаго императора восторженными кликами. Его величество оставилъ королеву лишь на нѣсколько минутъ, чтобы проѣхать вдоль фронта, и, возвратясь къ ней, благодарилъ ее за доставленный ему случай снова повидаться «со своими старыми товарищами». Похваливъ быстроту и точность движеній англійской артиллеріи, государь, обратясь къ королевѣ, сказалъ: «Прошу, ваше величество, разсчитывать и на мои войска, какъ на свои собственныя». Въ заключеніе всѣ бывшія на парадѣ части прошли церемоніальнымъ маршемъ мимо королевы и императора. Во главѣ войскъ ѣхалъ престарѣлый главнокомандующій, герцогъ Веллингтонъ, а впереди своего полка—принцъ Альбертъ, салютовавшій ихъ величествамъ [2]).

На слѣдующій день были скачки въ Аскотѣ, національный праздникъ для всей Англіи. Пріемъ, сдѣланный императору безчисленными толпами народа, былъ еще шумнѣе и торжественнѣе, чѣмъ наканунѣ. Всеобщее вниманіе было устремлено на него. «Гдѣ онъ ни показывается, — писала мужу баронесса Бунзенъ, — всюду встрѣчаютъ его громкими восклицаніями. Статный и красивый мужчина всегда нравится Джону Булю, — такова національная его слабость. Кромѣ того, Джонъ Буль польщенъ столь высокимъ посѣщеніемъ, такимъ знакомъ вниманія, оказаннаго его королевѣ и ему самому. На скачкахъ государь причинилъ большое безпокойство своей свитѣ, отдѣлясь отъ нея и быстрыми шагами направившись одинъ въ самую середину толпы. Графъ Орловъ, баронъ Бруновъ напрасно пытались послѣдовать за нимъ. Хотя онъ и отдѣлялся отъ окружавшаго его народа высокимъ своимъ ростомъ и блестящимъ мундиромъ, но съ трудомъ пролагалъ себѣ путь въ толпѣ. Когда онъ возвратился къ своей свитѣ и замѣтилъ ея смущеніе, то засмѣялся и сказалъ: «Что съ вами? Эти люди не причинятъ мнѣ никакого зла!» Всякій со страхомъ вспомнилъ, — замѣчаетъ баронесса Бунзенъ, — о томъ, что̀ могли предпринять поляки [3])».

По мѣрѣ того, какъ императоръ Николай сближался со своими державными хозяевами, онъ все болѣе и болѣе располагалъ ихъ въ свою пользу. Государь былъ въ высшей степени предупредителенъ и любезенъ съ королевою, дружественно ласковъ съ принцемъ Альбертомъ, нѣженъ и привѣтливъ съ королевскими дѣтьми.

---

[1]) Stockmars Denkwürdigkeiten, стр. 400.

[2]) Королева Викторія королю Леопольду, 30 мая (11 іюня) 1844 года. Ср. Guizot: Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps, VI, стр. 209.

[3]) Баронесса Бунзенъ мужу, 26 мая (7 іюня) 1844 года.

«Вотъ сладкія минуты нашей жизни»,—говорилъ онъ, указывая на нихъ ея величеству. Онъ бралъ дѣтей на руки, цѣловалъ ихъ, игралъ съ ними. О принцѣ Альбертѣ онъ отзывался съ крайнею похвалою. «Невозможно,—сказалъ онъ королевѣ,—представить себѣ бóльшаго красавца, видъ его такъ благороденъ и добръ». Самому принцу онъ выразилъ надежду, что они когда нибудь встрѣтятся оба въ однихъ рядахъ на полѣ сраженія. Наконецъ, лорду Абердину его величество замѣтилъ, что хотѣлъ бы быть отцомъ такого сына, каковъ принцъ Альбертъ, а серу Роберту Пилю—что пожелалъ бы всякому германскому государю обладать способностями и умомъ супруга королевы [1]).

Въ пятницу, 26 мая (7 іюня), дворъ возвратился въ Лондонъ. Въ этотъ разъ государь остановился уже въ Букингамскомъ дворцѣ. Онъ сдѣлалъ нѣсколько визитовъ женамъ министровъ и другимъ знатнымъ дамамъ, посѣтилъ леди Лондондери, леди Грахамъ и леди Канингъ и прогулялся по Гайдъ-парку. Обѣдъ происходилъ во дворцѣ, гдѣ вечеромъ былъ блестящій пріемъ, на которомъ собралось до 260 приглашенныхъ. Его величество, смѣясь, замѣтилъ королевѣ, что его смущаетъ представленіе незнакомыхъ ему лицъ, но представленіе все же состоялось: дамъ своего двора представляла императору сама королева, кавалеровъ—принцъ Альбертъ [2]).

На томъ же вечерѣ представлялся его величеству дипломатическій корпусъ. При этомъ встрѣтилось затрудненіе, какъ поступить относительно представителей государей, либо не признанныхъ Россіею, либо такихъ, съ которыми были прерваны наши дипломатическія сношенія. Въ подобномъ положеніи находились министры бельгійскій, испанскій и португальскій. Императоръ согласился допустить и ихъ къ пріему и особенно ласково обошелся съ французскимъ посломъ, графомъ Сентъ-Олеромъ. Впрочемъ, милостивыя слова его величества относились лично къ послу и въ разговорѣ съ нимъ онъ даже ни разу не упомянулъ имени короля Людовика-Филиппа [3]).

Утромъ, 27 мая (8 іюня), государь возобновилъ свои прогулки по Лондону, заѣзжалъ въ военный клубъ (United service club) и осматривалъ работы воздвигаемаго новаго зданія парламента, а потомъ отправился въ замокъ Чисвикъ, принадлежащій герцогу Девонширскому, давшему въ честь его блестящій праздникъ. Другой знатный членъ англійской аристократіи, также бывшій посолъ въ С.-Петербургѣ, лордъ Кланрикардъ, просилъ его величество удо-

---

[1]) Королева Викторія королю Леопольду, 23 и 30 мая (4 и 11 іюня) 1844 года. Ср. Th. Martin: «The life of the Prince Consort», стр. 218, съ Stockmars Denkwürdigkeiten, стр. 397.

[2]) Королева Викторія королю Леопольду, 30 мая (11 іюня) 1844 года.

[3]) Ср. Stockmars Denkwürdigkeiten, стр. 396 и Guizot: Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps, IV, стр. 210.

стоить своимъ посѣщеніемъ балъ, предположенный на слѣдующій понедѣльникъ 29 мая (10 іюня), но государь не принялъ этого приглашенія, такъ какъ отъѣздъ его былъ назначенъ на слѣдующій день, въ воскресенье. Въ Чисвикѣ онъ увидалъ лорда Мельбурна, бывшаго много лѣтъ главою министерства виговъ, столь враждебно относившагося къ Россіи. Въ тотъ же день за обѣдомъ во дворцѣ королева замѣтила, что лично министръ этотъ питаетъ глубокое уваженіе къ императору. «И я тоже очень уважаю лорда Мельбурна,—отвѣчалъ государь,—всѣ, кто служитъ вашему величеству, мнѣ дороги». Вообще, онъ былъ очень доволенъ сдѣланнымъ ему въ Чисвикѣ пріемомъ, съ похвалою отзывался о великолѣпіи и роскоши праздника и о большомъ числѣ присутствовавшихъ на немъ красавицъ [1]).

Приближался часъ разставанія. Отводя королеву подъ руку изъ-за стола въ гостиную, государь сказалъ: «Сегодня, къ несчастію, послѣдній вечеръ, когда я пользуюсь ласкою вашего величества, но воспоминаніе о ней вѣчно запечатлѣется въ моемъ сердцѣ. Я васъ, вѣроятно, больше не увижу». Королева Викторія возразила, что онъ легко можетъ снова посѣтить Англію. «Вы знаете, какъ трудно намъ предпринимать подобныя путешествія»,—воскликнулъ императоръ. «Но я поручаю вамъ дѣтей моихъ»,—прибавилъ онъ, съ грустью въ голосѣ [2]).

Вечеръ субботы окончился въ оперномъ театрѣ. Хотя тамъ и не ожидали королевы и ея августѣйшихъ гостей, но встрѣтили ихъ громомъ рукоплесканій. Не смотря на настояніе ея величества, государь не хотѣлъ занять мѣсто впереди ея. Тогда королева взяла его за руку и подвинула впередъ, при оглушительныхъ восклицаніяхъ публики [3]).

Въ день отъѣзда, приходившійся въ воскресенье, государь выслушалъ обѣдню въ церкви русскаго посольства и сдѣлалъ прощальные визиты первому министру и своему представителю при лондонскомъ дворѣ. За завтракомъ у королевы, онъ снова въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ выразилъ ей свою признательность и присовокупилъ: «Я уѣзжаю, съ чувствомъ глубочайшей преданности къ вашему величеству и къ тому (взявъ руку принца Альберта), кто сталъ для меня какъ бы братомъ».

Прощаніе императора съ королевскою семьею было задушевно. И гость, и хозяева казались растроганными. Сойдясь другъ съ другомъ ближе, они научились взаимно цѣнить и уважать одинъ другаго. «Я узнала императора,—писала королева Викторія дядѣ своему королю Леопольду,—а онъ узналъ меня». Въ дневникѣ своемъ

---

[1]) Королева Викторія королю Леопольду, 30 мая (11 іюня) 1844 года.
[2]) То же письмо.
[3]) То же письмо.

ея величество такъ описываетъ трогательную картину разставанья:

«Незадолго до пяти часовъ, мы спустились внизъ, чтобы ждать съ дѣтьми въ малой гостиной. Вскорѣ послѣ того вошелъ императоръ и началъ говорить съ нами. Затѣмъ, онъ сказалъ со вздохомъ и съ чувствомъ, смягчивъ всю строгость его осанки: «Я уѣзжаю отсюда, государыня, съ грустью въ сердцѣ, проникнутый вашею ласкою ко мнѣ. Вы можете всегда и вполнѣ положиться на меня, какъ на самаго преданнаго вамъ человѣка. Да благословитъ васъ Богъ!» Онъ снова поцѣловалъ и пожалъ мою руку, а я поцѣловала его. Онъ обнялъ дѣтей съ нѣжностью и сказалъ: «Богъ да благословитъ ихъ, вамъ на счастье». Онъ не хотѣлъ, чтобы я провожала его, говоря: «Умоляю васъ! Не идите дальше! Я упаду къ вашимъ ногамъ! Позвольте мнѣ отвести васъ въ ваши покои» [1])! Но, конечно, я не соглашалась и подъ руку съ нимъ направилась къ сѣнямъ... На верху немногихъ ступеней, ведущихъ въ нижнія сѣни, онъ снова крайне ласково простился со мною, и голосъ его обличалъ его смущеніе. Онъ поцѣловалъ мою руку, и мы обнялись. Увидавъ, что онъ дошелъ до двери, я спустилась съ лѣстницы, и онъ изъ кареты просилъ меня не оставаться тутъ; но я осталась и видѣла, какъ онъ съ Альбертомъ уѣхалъ въ Вульвичъ» [2]).

Въ Вульвичѣ государь осмотрѣлъ знаменитые доки и строящіяся на нихъ суда, и въ 7 часовъ вечера, простясь съ принцемъ Альбертомъ, отплылъ на англійскомъ кораблѣ «Black Eagle». Баронъ Брунновъ сопровождалъ его величество до Гревесенда, гдѣ государь вручилъ своему министру знаки ордена св. Андрея для принца Валлійскаго. Всѣ состоявшіе при императорѣ чины англійскаго двора были щедро одарены золотыми табакерками и другими богатыми подарками.

Передъ отъѣздомъ государь пожертвовалъ значительныя суммы на различныя патріотическія и благотворительныя цѣли. Независимо отъ приза, основаннаго имъ на англійскихъ скачкахъ, онъ велѣлъ препроводить отъ своего имени по 500 фунтовъ стерлинговъ герцогамъ: Веллингтону — на памятникъ Нельсону и Рутланду—на памятникъ самому Веллингтону. Такая же сумма была выдана, по его приказанію, для раздачи бѣднымъ англиканскаго прихода св. Георгія, въ чертѣ котораго находилось русское посольство; 1,000 фунтовъ стерлинговъ назначено обществу вспомоществованія неимущихъ иностранцевъ, а 100 фунтовъ на содержаніе учрежденной для иностранцевъ больницы [3]).

[1]) Королева была, какъ замѣчено выше, на седьмомъ мѣсяцѣ беременности. 25-го іюля (6-го августа) 1844 года, она разрѣшилась отъ бремени сыномъ-принцемъ Альфредомъ, герцогомъ Эдинбургскимъ.

[2]) Изъ дневника королевы Викторіи, въ «Th. Martin: The life of the Prince Consort», I, стр. 221—222.

[3]) Баронъ Брунновъ графу Нессельроде, 1-го (13-го) іюля 1844 года.

На другой день по отъѣздѣ его величества долженъ былъ состояться балъ, ежегодно устраиваемый въ пользу проживающихъ въ Лондонѣ бѣдныхъ польскихъ выходцевъ. Государь разрѣшилъ барону Бруннову сдѣлать отъ своего имени приношеніе и отправить его къ стоявшей во главѣ предпріятія герцогинѣ Сомерсетской при письмѣ, въ которомъ посланникъ нашъ объявлялъ, что государю угодно видѣть въ покровительствуемомъ ею балѣ лишь дѣло благотворительности, а не политическую демонстрацію [1]).

По собственному выраженію королевы Викторіи, посѣщеніе Англіи императоромъ Николаемъ было «великимъ событіемъ и большою вѣжливостью» [2]). Всѣ были крайне польщены имъ, не только дворъ и министерство, но даже и оппозиція. Лордъ Пальмерстонъ писалъ по этому поводу: «Надѣюсь, что русскій императоръ останется доволенъ пріемомъ. Важно, чтобы онъ унесъ благопріятное впечатлѣніе изъ Англіи. Онъ могущественъ и во многихъ случаяхъ можетъ дѣйствовать или въ нашу пользу, или намъ во вредъ, смотря потому, хорошо или дурно онъ расположенъ къ намъ; и если мы можемъ пріобрѣсти его благоволеніе вѣжливостью, не жертвуя національными интересами, то было бы глупо не поступить такъ. Впрочемъ, я могу сказать, что онъ будетъ принятъ прекрасно, ибо извѣстно, что личность его, обхожденіе и манеры привлекательны» [3]).

Простота, непринужденность, ласковость въ обращеніи государя окончательно расположили въ его пользу и дворъ, и все англійское общество. Каждое появленіе его въ публикѣ вызывало восторженныя восклицанія. Но самую трудную побѣду одержалъ онъ надъ предубѣжденіями королевы Викторіи, до личнаго съ нимъ знакомства имѣвшей о немъ весьма неправильное представленіе, сложившееся подъ вліяніемъ предвзятыхъ и врожденныхъ взглядовъ на Россію и ея государя, бывшихъ въ то время въ ходу въ Западной Европѣ. Въ письмѣ, написанномъ тотчасъ по его пріѣздѣ къ королю бельгійцевъ, ея величество подробно изложила первое впечатлѣніе, произведенное на нее ея высокимъ гостемъ. Въ отзывѣ ея хотя и слышится кое-гдѣ, какъ бы отголосокъ прежнихъ предубѣжденій, но выражается прежде всего глубокое уваженіе къ личнымъ качествамъ русскаго императора.

«Видъ его, — писала королева, — безъ сомнѣнія поражаетъ; онъ все еще очень хорошъ собою; профиль его прекрасенъ, а манеры — полны достоинства и граціи. Онъ очень вѣжливъ, его внимательность и любезность даже внушаютъ опасеніе. Но выраженіе очей его строго, и не походитъ ни на что, прежде видѣнное мною. Онъ производитъ на Альберта и на меня впечатлѣніе человѣка несча-

---

[1]) Та же депеша. Ср. Guizot: Mèmoires, IV, стр. 209.

[2]) Королева Викторія королю Леопольду, 23-го мая (4-го іюня) 1844 года.

[3]) Лордъ Пальмерстонъ Вильяму Темплю, 24-го мая (5-го іюня) 1844 года.

стливаго, котораго давитъ и мучитъ тяжесть его безмѣрнаго могущества и положенія. Онъ рѣдко улыбается, а когда и улыбнется, выраженіе его улыбки несчастливое. Онъ очень простъ въ обхожденіи» [1]).

Въ другомъ письмѣ къ королю Леопольду королева продолжала: «Онъ (императоръ) былъ очень растроганъ, разставаясь съ нами, и искренно и непритворно тронутъ пріемомъ и пребываніемъ здѣсь, простота и спокойствіе которыхъ указываютъ на привязанность его къ семейной жизни. Привязанность эта дѣйствительно очень велика». И далѣе: «Теперь, разсказавъ все, что произошло, я передамъ вамъ мои мнѣнія и чувства объ этомъ предметѣ, которыя, смѣю сказать, раздѣляются и Альбертомъ. Я была очень настроена противъ посѣщенія, опасаясь стѣсненія и тягости, и даже въ началѣ оно мнѣ нисколько не нравилось. Но, проживъ въ одномъ домѣ вмѣстѣ, спокойно и нестѣснительно (въ томъ и состоитъ, какъ весьма справедливо полагаетъ Альбертъ, великое преимущество такихъ посѣщеній, что я не только вижу этихъ высокихъ посѣтителей, но и узнаю ихъ), я узнала императора, а онъ узналъ меня. Въ немъ есть многое, съ чѣмъ я не могу помириться, и я думаю, что надо разсматривать и понимать его характеръ такимъ, каковъ онъ есть. Онъ суровъ и строгъ, вѣренъ точнымъ началамъ долга, измѣнить которымъ не заставитъ его ничто на свѣтѣ. Я не считаю его очень умнымъ, умъ его не обработанъ. Его воспитаніе было небрежно. Политика и военное дѣло — единственные предметы, внушающіе ему большой интересъ; онъ не обращаетъ вниманія на искусства и на всѣ болѣе нѣжныя занятія; но онъ искрененъ, я въ этомъ не сомнѣваюсь, искрененъ даже въ наиболѣе деспотическихъ своихъ поступкахъ, будучи убѣжденъ, что таковъ единственно возможный способъ управлять. Я увѣрена, что онъ не подозрѣваетъ ужасныхъ случаевъ личнаго несчастія, столь часто имъ причиняемыхъ, ибо я усмотрѣла, изъ различныхъ примѣровъ, что его содержатъ въ невѣдѣніи о многихъ дѣлахъ, совершаемыхъ его подданными въ высшей степени продажными путями, тогда какъ онъ считаетъ себя чрезвычайно справедливымъ. Онъ помышляетъ объ общихъ мѣрахъ и не входитъ въ подробности; и я увѣрена, что многое никогда не достигнетъ до его слуха, да и не можетъ достигнуть, если пристально вглядѣться въ дѣло... Я готова сказать даже, что онъ слишкомъ откровененъ, ибо онъ говоритъ открыто передъ всѣми, чего бы не слѣдовало, и съ трудомъ сдерживаетъ себя. Забота его о томъ, чтобы ему вѣрили, очень велика, и я должна признаться, что сама расположена вѣрить его личнымъ обѣщаніямъ. Его чувства очень сильны. Онъ простъ, чувствите-

[1]) Королева Викторія королю Леопольду, 23-го мая (4-го іюня) 1844 года.

ленъ и ласковъ, а любовь его къ женѣ и своимъ дѣтямъ, и ко всѣмъ дѣтямъ вообще очень велика»[1]).

Королеву поразили мысли, высказанныя императоромъ о воспитаніи дѣтей и объ отношеніяхъ ихъ къ родителямъ. «Имъ слѣдуетъ внушать,—говорилъ онъ ей,—чувства возможно бо̀льшаго почтенія, но также вселять въ нихъ и довѣріе къ родителямъ, а не страхъ». Про свое воспитаніе онъ замѣтилъ, что оно было очень строго и что онъ выросъ въ постоянной боязни передъ матерью. Не безъ удивленія услыхала ея величество изъ устъ русскаго самодержца выраженіе его глубокаго убѣжденія, «что въ настоящее время члены царственныхъ домовъ должны стремиться стать достойными своего высокаго положенія, чтобы помирить съ нимъ народное чувство». Взглядъ этотъ нашелъ себѣ задушевный отголосокъ въ сердцѣ принца Альберта,—замѣчаетъ его біографъ[2]).

Въ письмахъ къ королю Леопольду королева неоднократно возвращалась къ описанію наружности русскаго императора. «Онъ несчастливъ, и меланхолія, проглядывающая въ его внѣшности, по временамъ наводила на насъ грусть. Суровость его взгляда исчезаетъ въ значительной степени, по мѣрѣ того, какъ знакомишься съ нимъ, и измѣняется сообразно тому, владѣетъ ли онъ собою, или нѣтъ (его можно привести въ большое смущеніе,—замѣчаетъ въ скобкахъ королева), а также когда онъ разгоряченъ, такъ какъ онъ страдаетъ приливомъ крови къ головѣ. Онъ никогда не пьетъ ни единой капли вина и ѣстъ чрезвычайно мало. Альбертъ полагаетъ, что онъ слишкомъ расположенъ слѣдовать душевному импульсу или чувству, что̀ заставляетъ его часто поступать несправедливо. Его восхищеніе женскою красотою очень велико... Но онъ остается вѣренъ тѣмъ, кѣмъ онъ восхищался двадцать восемь лѣтъ тому назадъ»[3]).

Эта послѣдняя черта въ характерѣ государя не ускользнула отъ вниманія и барона Стокмара. «Императоръ,—пишетъ онъ въ своихъ «Запискахъ»,—все еще великій поклонникъ женской красоты. Онъ выказалъ большое вниманіе всѣмъ англичанкамъ, бывшимъ прежде предметами его почитанія. Все это въ соединеніи съ повелительною его осанкою и предупредительною любезностью въ отношеніи прекраснаго пола, конечно, побѣдило большинство дамъ, съ которыми онъ былъ въ сношеніяхъ. Мужчины хвалили его чувство собственнаго достоинства, тактъ и точность, отличавшіе его въ обществѣ»[4]).

Кратковременное пребываніе императора Николая въ Англіи несомнѣнно сдѣлало его крайне популярнымъ во всемъ Соединен-

---

1) Королева Викторія королю Леопольду, 30-го мая (11-го іюня) 1844 года.
2) Изъ дневника королевы Викторіи.
3) Королева Викторія королю Леопольду, 30-го мая (11-го іюня) 1844 года.
4) Stockmars Denkwürdigkeiten, стр. 400.

номъ королевствѣ. О такомъ результатѣ его поѣздки баронъ Бруновъ писалъ графу Нессельроде въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Посѣщеніе Англіи нашимъ августѣйшимъ государемъ увѣнчало всѣ наши желанія и осуществило всѣ надежды. Невозможно дать вамъ вѣрное понятіе о глубокомъ впечатлѣніи, произведенномъ въ этой странѣ присутствіемъ императора. Чувства дружбы, выраженныя ему ея величествомъ королевой, усердная заботливость о немъ принца Альберта, полныя довѣрія бесѣды его съ главными членами великобританскаго кабинета, воодушевленіе, съ которымъ встрѣтили его всѣ сословія англійскаго народа, наконецъ, искреннее удовольствіе, которое онъ испыталъ, увидавъ себя снова въ средѣ большаго числа лицъ, почтенныхъ его милостивымъ вниманіемъ во время перваго посѣщенія имъ Англіи, — всѣ эти обстоятельства въ совокупности вполнѣ отвѣчали справедливымъ ожиданіямъ нашего августѣйшаго государя» [1]).

Успѣхъ императорской поѣздки былъ единогласно признанъ и при другихъ иностранныхъ дворахъ. Австрійскій посланникъ въ Лондонѣ баронъ Нейманъ выразилъ по этому поводу свое удовольствіе барону Бруннову, а княгиня Меттернихъ, жена канцлера, занесла въ свой дневникъ, что, «повидимому, лондонская публика, не смотря на то, что она не была сначала расположена оказать императору Николаю хорошаго пріема, кончила тѣмъ, что помирилась съ нимъ и даже дошла до энтузіазма» [2]). Наконецъ, такой личный недоброжатель русскаго императора, какимъ былъ Гизо, вынужденнымъ нашелся признать обаяніе «государя-царедворца, прибывшаго съ цѣлью явить свое величіе и любезность, плѣнить королеву Викторію, ея министровъ, дамъ, аристократію, народъ, всѣхъ въ Англіи» [3]).

Но личнымъ успѣхомъ государя не исчерпывалось значеніе предпринятаго имъ путешествія. Оно имѣло важныя политическія послѣдствія, заслуживающія подробнаго изложенія.

IV.

Политическіе переговоры.

Въ Европѣ, предпринятой русскимъ императоромъ поѣздкѣ въ Англію единогласно приписывали большое политическое значеніе. Мы познакомились уже съ предположеніями, высказанными по поводу ея главою французскаго кабинета. Въ Берлинѣ терялись въ

---

[1]) Баронъ Брунновъ графу Нессельроде, 1-го (13-го) іюня 1844 года.

[2]) Mémoires de Metternich, t. VII, p. 6.

[3]) Guizot, Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps, t. VI, p. 208—209.

догадкахъ, тѣмъ болѣе, что въ проѣздъ свой чрезъ этотъ городъ государь, повидимому, не счелъ нужнымъ открыть свои намѣренія королю Фридриху-Вильгельму. По крайней мѣрѣ, ближайшій другъ и довѣренный совѣтникъ короля, Бунзенъ, въ письмахъ къ женѣ своей, не высказывая ничего положительнаго, ограничивался соображеніями чисто гадательнаго свойства.

«Чего хочетъ императоръ»?—спрашивалъ онъ самъ себя.—«Во-первыхъ, онъ хочетъ сдѣлать непріятность королю Людовику-Филиппу; во-вторыхъ, подражать королю Фридриху-Вильгельму IV въ его царственной любезности относительно обладательницы Британскихъ острововъ; въ-третьихъ, расположить въ свою пользу королеву Викторію, Пиля, Веллингтона и отстранить ихъ отъ Франціи. Эта послѣдняя цѣль—единственная разумная: она вдохновляетъ с.-петербургскій кабинетъ и составляетъ основаніе политики Бруннова». По мнѣнію Бунзена, это было нужно для осуществленія плановъ, касающихся близкаго будущаго, причемъ для Россіи важно было, чтобы Англія не дѣйствовала заодно съ Франціею. Въ этихъ видахъ, императоръ Николай, вѣроятно, подтвердитъ англійскимъ министрамъ то, въ чемъ они убѣждены и безъ того, а именно, что самъ онъ никогда не протянетъ руки Франціи для заключенія съ нею союзнаго договора, какъ того желали бы всѣ прочіе русскіе государственные люди (?), съ тѣмъ, чтобы подѣлить Турцію, не спрашиваясь ни Англіи, ни Германіи. Замѣчательно, что эта боязнь непосредственнаго соглашенія Россіи съ Франціею по восточнымъ дѣламъ одинаково свойственна англійскимъ и нѣмецкимъ министрамъ и дипломатамъ и не разъ находила себѣ выраженіе въ ихъ рѣчахъ и письмахъ.

«А потомъ?»—продолжаетъ спрашивать Бунзенъ.—«Потомъ? Ахъ! вотъ гдѣ міръ замкнутъ въ загородкѣ, мѣшающей ему видѣть суть вещей. Англія не даетъ условныхъ обѣщаній, не принимаетъ на себя условныхъ обязательствъ; среди ея нынѣшнихъ государственныхъ людей нѣтъ ни одного, кто былъ бы въ состояніи задумать относительно Турціи предусмотрительную политику и схватить топоръ за рукоятку; но если бы такой и нашелся, то онъ вынужденъ былъ бы отложить свои рѣшенія до наступленія кризиса, и не могъ бы ихъ принять въ виду будущаго. И такъ, въ концѣ концовъ, капризъ самодержца внушилъ ему мысль этого путешествія, во всякомъ случаѣ смѣлую мысль!» [1]).

Бунзенъ ошибался. Цѣль государя была и проще, и шире. Она состояла въ томъ, чтобы разсѣять укоренившіяся въ Англіи при дворѣ, въ правительствѣ, въ парламентѣ, въ общественномъ мнѣніи, предубѣжденія противъ русской политики, внушить довѣріе къ себѣ, къ своему личному характеру и откровеннымъ обмѣномъ

[1]) Баронъ Бунзенъ женѣ, 15 (27) мая 1844 года.

мыслей по главнымъ европейскимъ вопросамъ попытаться достигнуть искренняго и прочнаго соглашенія съ великобританскимъ кабинетомъ. Желаніе это раздѣлялось и главою этого кабинета серомъ Робертомъ Пилемъ, и министромъ иностранныхъ дѣлъ лордомъ Абердиномъ, такъ много потрудившимися надъ осуществленіемъ императорской поѣздки, устраненіемъ всѣхъ представлявшихся ей препятствій.

Избѣгая политическихъ разговоровъ съ королевой, императоръ Николай не скрывалъ отъ нея, однако, что прибылъ въ Англію въ надеждѣ улучшить отношенія свои къ ея правительству. «Государямъ,—говорилъ онъ ей,—не мѣшаетъ время отъ времени взглянуть на положеніе дѣлъ собственными глазами, такъ какъ не всегда можно довѣрять дипломатіи. Личныя свиданія и переговоры возбуждаютъ въ нихъ чувства взаимной дружбы, сознаніе взаимныхъ пользъ; къ тому же въ простой бесѣдѣ каждому несравненно удобнѣе объяснить свои впечатлѣнія, намѣренія и побужденія, чѣмъ въ цѣлой массѣ посланій или писемъ» [1]. Коснувшись общаго состоянія Европы, государь утверждалъ, что главная его забота поддерживать хорошія отношенія съ Англіей, но отнюдь не въ ущербъ прочимъ державамъ, «лишь бы вещи оставались, каковы онѣ теперь». Не вдаваясь въ подробности и не разспрашивая королеву ни о чемъ, онъ упомянулъ только объ опасеніяхъ, внушаемыхъ ему востокомъ и внутреннимъ положеніемъ Австріи [2].

Гораздо обстоятельнѣе и откровеннѣе былъ императоръ въ бесѣдахъ своихъ съ принцемъ Альбертомъ и съ членами кабинета. Съ ними онъ подвергалъ полному и всестороннему обсужденію всѣ главные насущные политическіе вопросы, и если не всегда успѣвалъ переубѣдить ихъ, за то не оставлялъ въ нихъ ни малѣйшаго сомнѣнія относительно своего прямодушія, чистоты намѣреній, твердости и непреклонности убѣжденій.

Англійское правительство и въ особенности дворъ были немало озабочены прерваніемъ дипломатическихъ сношеній между Россіею и Бельгіею. Молодое королевство со дня своего основанія пользовалось расположеніемъ сентъ-джемскаго кабинета, считавшаго его какъ бы своимъ созданіемъ. Кромѣ того, узы самой тѣсной дружбы и родства связывали королеву Викторію и ея супруга съ дядей ихъ, королемъ бельгійцевъ. Естественно было воспользоваться пребываніемъ въ Англіи императора Николая, чтобы возбудить съ нимъ вопросъ о возобновленіи прерванныхъ съ Бельгіею сношеній. Мысль эта была внушена лорду Абердину барономъ Стокмаромъ, неусыпнымъ блюстителемъ пользъ и выгодъ кобургскаго дома. По

---

[1]) См. Th. Martin: «The life of the Prince Consort», I, p. 215.

[2]) Изъ письма королевы Викторіи къ королю Леопольду, отъ 30-го мая (11-го іюня) 1844 года, тамъ же, стр. 223.

просьбѣ англійскаго министра иностранныхъ дѣлъ, графъ Орловъ взялся предупредить о томъ государя.

Его величество имѣлъ съ лордомъ Абердиномъ продолжительную бесѣду 23-го мая (4-го іюня), на другой день по прибытіи своемъ въ Виндзорскій замокъ. Прежде чѣмъ министръ успѣлъ направить разговоръ на интересовавшій его предметъ, «вы хотите говорить со мною о Бельгіи?»—воскликнулъ съ живостью государь. «Хорошо. Давайте говорить о ней сейчасъ. Сядемте. Я забуду, что я императоръ; вы забудьте, что вы англійскій министръ. Будемте просто, я—Николай, вы—Абердинъ. Итакъ, вы говорите, что королева желала бы видѣть меня на дружеской ногѣ съ Леопольдомъ. Я самъ искренно желаю того же, я всегда любилъ и уважалъ дядю королевы, и былъ бы отъ души радъ возвратиться къ прежней нашей дружбѣ; но, пока польскіе офицеры останутся на службѣ короля,—это совершенно невозможно. Согласно нашему условію мы обсуждаемъ дѣло не какъ императоръ и министръ, а какъ джентельмены. Поляки были и остаются мятежниками. Позволительно ли джентельмену принимать къ себѣ на службу людей виновныхъ въ мятежѣ противъ его друга? Леопольдъ взялъ мятежниковъ подъ свое покровительство. Что̀ бы сказали вы, если бы я сталъ покровительствовать О'Коннелю, вздумалъ назначить его своимъ министромъ? Что касается Скржинецкаго, это не такъ важно, онъ ранѣе оставилъ нашу службу, но Крушевскій—совсѣмъ другое дѣло, случай непростительный. Онъ былъ адъютантомъ брата моего Константина. Леопольдъ назначилъ его на довѣренный постъ, произвелъ въ генералы. Можетъ ли джентельменъ поступать такъ относительно другаго джентельмена? Скажите вашей королевѣ, что въ тотъ самый день, когда ея величество дастъ мнѣ знать, что поляки оставили службу короля бельгійцевъ, министръ мой получитъ приказаніе какъ можно скорѣе отправиться въ Брюссель».

«Я не призналъ бельгійской революціи, — продолжалъ государь,—и никогда ея не призна̀ю. Впослѣдствіи, однако, я призналъ Бельгійское королевство. Я умѣю держать свое слово, уважаю договоры и свято исполняю ихъ. Я долгомъ считаю отнынѣ охранять существованіе Бельгіи, какъ и всякаго другаго установленнаго государства въ Европѣ. Я желаю преуспѣянія Бельгіи, какъ и всѣхъ прочихъ державъ» [1]).

На этомъ и остановилось дѣло. Въ виду категорическаго заявленія государя, англійскій министръ далѣе не настаивалъ. Лишь

[1]) Сохраненіемъ этого замѣчательнаго разговора императора Николая съ лордомъ Абердиномъ, а также приводимыхъ ниже разговоровъ его съ тѣмъ же Абердиномъ и серъ Робертомъ Пилемъ, мы обязаны барону Стокма́ру, записавшему ихъ со словъ англійскихъ министровъ. Своеобразные обороты, свойственные государю, не оставляютъ сомнѣнія въ подлинности означенныхъ рѣчей его. См. Stockmars Denkwürdigkeiten, стр. 394 и слѣд.

гораздо позже, а именно въ 1852 году, когда Бельгійскому королевству угрожали завоевательныя стремленія возстановленной имперіи во Франціи, и ему важно было заручиться поддержкою Россіи, король Леопольдъ рѣшился удалить бывшихъ въ его службѣ польскихъ офицеровъ. Вѣрный слову, данному лорду Абердину за восемь лѣтъ передъ тѣмъ, императоръ Николай тотчасъ возобновилъ дипломатическія сношенія съ бельгійскимъ дворомъ.

Также рѣшительно и откровенно высказалъ государь лорду Абердину взглядъ свой на положеніе дѣлъ во Франціи и на правительство, народившееся въ ней изъ іюльскихъ баррикадъ. «Людовикъ-Филиппъ,—заявилъ онъ,—оказалъ Европѣ большія услуги, я признаю это. Лично, я никогда не буду его другомъ. Говорятъ, его семья примѣрна и вполнѣ заслуживаетъ похвалы; но самъ онъ,— что онъ сдѣлалъ? Чтобы основать, укрѣпить свое положеніе, онъ искалъ подкопать мое, подорвать достоинство мое, какъ русскаго императора. Я никогда ему этого не прощу». Впрочемъ, главнымъ препятствіемъ къ сближенію Россіи съ Франціею въ глазахъ государя былъ самый принципъ іюльскаго правительства, принципъ революціонный, прямо противоположный и чувствамъ его, и политикѣ. Но, признавъ, въ 1830 году, Людовика-Филиппа, онъ не искалъ вредить ему, не давая врагамъ его ни малѣйшей поддержки. «Я не карлистъ, — говорилъ онъ лорду Абердину: — за нѣсколько дней до обнародованія указовъ, іюля 1830 года, я предостерегъ Карла X противъ всякой попытки совершить государственный переворотъ, я велѣлъ предсказать ему его послѣдствія; онъ далъ мнѣ честное свое слово, что и не помышляетъ о такомъ переворотѣ, и тотчасъ же приказалъ обнародовать указы. Я никогда не стану поддерживать Генриха V. Когда меня спросили подъ рукою, можетъ ли онъ посѣтить меня, я велѣлъ ему отвѣчать, что приму его, но только какъ частное лицо; а что въ виду того, что такой пріемъ могъ бы повредить его дѣлу въ глазахъ Европы, обезнадежить его друзей и сторонниковъ, лучше было бы, по моему мнѣнію, не возбуждать о немъ и рѣчи».

Государь замѣтилъ, что не одобряетъ «комедіи», разыгранной графомъ Шамборомъ въ Англіи; что послѣдній можетъ сохранять убѣжденіе, что онъ законный король Франціи, но что изображать изъ себя претендента—нелѣпо. Перейдя къ оцѣнкѣ современныхъ французскихъ государственныхъ людей, его величество прибавилъ: «Я совсѣмъ не люблю Гизо. Онъ мнѣ нравится еще меньше Тьера. Тьеръ хоть и фанфаронъ, но откровененъ; онъ гораздо менѣе вреденъ и опасенъ, чѣмъ Гизо, который такъ недостойно поступилъ съ Моле, самымъ честнымъ человѣкомъ во Франціи». О тѣсномъ союзѣ Англіи съ Франціей государь отозвался, что не жалѣетъ о немъ нисколько и желаетъ ему продолжаться какъ можно долѣе, хотя и не вѣритъ въ его долговѣчность. Первая буря въ палатѣ

разнесетъ его. Людовикъ-Филиппъ попытается сопротивляться, но если не почувствуетъ себя достаточно сильнымъ, самъ станетъ во главѣ движенія, чтобы спасти свою популярность [1]).

Такія откровенныя рѣчи императора о нерасположеніи его къ существующему во Франціи порядку вещей вызвали горячія возраженія со стороны принца Альберта, а серъ Робертъ Пиль прямо заявилъ, что политика его направлена къ тому, чтобы по смерти короля Людовика-Филиппа французскій престолъ перешелъ безъ сотрясеній ближайшему законному наслѣднику Орлеанской династіи. «Я не имѣю ничего противъ этою, — отвѣчалъ государь.—Я желаю какъ можно больше счастія французамъ, но безъ спокойствія они не достигнутъ счастія. Они не должны производить взрывовъ внѣ своихъ предѣловъ. А потому будьте увѣрены, что я нимало не ревную васъ къ нимъ за ваше доброе согласіе съ Франціею, оно можетъ имѣть лишь благія послѣдствія для меня и для Европы. Вы пріобрѣтаете чрезъ него вліяніе, которое можете употребить съ пользою».

«Впрочемъ,—добавилъ его величество,—я пріѣхалъ сюда не съ политическою цѣлью. Я хочу завоевать ваше довѣріе, хочу, чтобы вы научились вѣрить, что я человѣкъ искренній, честный человѣкъ. Вотъ почему я открываю вамъ мои мысли объ этихъ предметахъ. Нельзя депешами достигнуть желаемаго мною результата».

Напомнивъ, что бывшій англійскій посолъ въ Петербургѣ, лордъ Дургамъ, скоро отрѣшился отъ прежнихъ предубѣжденій своихъ противъ него и Россіи, государь выразилъ увѣренность, что успѣетъ въ томъ же и относительно своего собесѣдника и Англіи вообще. «Надѣюсь,—воскликнулъ онъ съ жаромъ,—что личныя наши сношенія разрушатъ всѣ предразсудки, ибо я крайне дорожу мнѣніемъ англичанъ; но я не забочусь о томъ, что̀ говорятъ обо мнѣ французы, мнѣ плевать на ихъ слова» [2]).

На что было нужно государю довѣріе англійскаго правительства? Очевидно, не для осуществленія какихъ либо своекорыстныхъ плановъ на востокѣ, а для мирнаго разрѣшенія восточнаго вопроса путемъ общеевропейскаго соглашенія. Начало этому соглашенію уже было положено, въ 1833 году, въ Мюнхенгрецѣ, Россіею и Австріею, условившимися дѣйствовать сообща въ случаѣ распаденія Оттоманской имперіи. Къ этому условію примкнулъ берлинскій кабинетъ. Но успѣхъ его можно было считать обезпеченнымъ лишь съ той минуты, когда къ нему присоединилась бы и Англія. Въ такомъ случаѣ Франціи оставалось бы или безпрекословно подчиниться рѣшеніямъ прочихъ четырехъ великихъ державъ, или же дѣйство-

---

[1]) См. тамъ же, стр. 395 и 397, и Гизо, Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps, VI, pp. 210—211.

[2]) См. Stockmars Denkwürdigkeiten, стр. 398.

вать одиноко противъ нихъ, очевидно, безъ малѣйшихъ шансовъ на успѣхъ.

Ровно за годъ до поѣздки государя въ Лондонъ, графъ Нессельроде жаловался князю Меттерниху на подозрительность с.-джемскаго кабинета, основанную на распространенной въ Англіи традиціонной идеѣ, будто Россія силою или хитростью стремится вызвать паденіе Оттоманской имперіи, съ цѣлью найдти въ ея развалинахъ средство къ собственному расширенію [1]). Дабы разсѣять это предубѣжденіе, мы испрашивали согласія вѣнскаго кабинета на сообщеніе великобританскому правительству мюнхенгрецкой конвенціи по восточнымъ дѣламъ, но князь Меттернихъ нашелъ это неудобнымъ, ибо Англія могла бы спросить, почему актъ этотъ не былъ сообщенъ ей тотчасъ по вступленіи торіевъ въ министерство, и предложилъ взять на себя объявить лондонскому двору, что въ Мюнхенгрецѣ Россія и Австрія торжественно обязались другъ передъ другомъ поддерживать существующій порядокъ вещей въ Турціи [2]). Предложеніе это не только не отвѣчало намѣреніямъ императора Николая, но прямо противорѣчило имъ, а потому и было отклонено. Государь рѣшился самъ взять на себя трудное дѣло разсѣять предубѣжденія Англіи и побудить ее идти рука объ руку съ нами на востокѣ. Съ этой минуты поѣздка его въ Лондонъ была рѣшена.

Восточный вопросъ былъ главною тэмою разговора императора Николая съ министрами королевы. Глубоко убѣжденный въ неминуемости и близости распаденія Оттоманской имперіи, не смотря на искреннія усилія всѣхъ великихъ державъ, и въ числѣ ихъ и Россіи, поддержать ея существованіе, его величество приложилъ все стараніе, чтобы заставить главныхъ членовъ великобританскаго кабинета раздѣлить этотъ взглядъ.

«Турція умираетъ, — говорилъ онъ лорду Абердину: — сколько бы мы ни старались спасти жизнь ея, мы въ этомъ не успѣемъ. Она умретъ, не умереть ей нельзя. Это будетъ критическая минута. Я предвижу, что мнѣ придется двинуть мои арміи. Австрія сдѣлаетъ то же. Въ этомъ кризисѣ я опасаюсь одной Франціи. Чего она захочетъ? Я ожидаю ее на многихъ пунктахъ: въ Африкѣ, въ Средиземномъ морѣ, далѣе, на востокѣ. Припомните ея экспедицію въ Анкону. Почему же ей не предпринять такой же въ Кандію, въ Смирну? При подобныхъ обстоятельствахъ развѣ Англія не должна будетъ перенести на востокъ всѣ свои морскія силы? Итакъ, въ этихъ странахъ встрѣтятся: русская армія, австрійская армія, большой англійскій флотъ. Сколько пороховыхъ бочекъ вблизи огня! Кто помѣшаетъ искрамъ взорвать ихъ?».

---

[1]) Гр. Нессельроде гр. Медему, 8-го (20-го) мая 1843 года.

[2]) Князь Меттернихъ гр. Нессельроде, 29-го мая (10-го іюня) 1843 года.

Еще откровеннѣе и гораздо опредѣленнѣе высказался государь въ разговорѣ своемъ съ первымъ лордомъ казначейства.

«Турція разрушается, — утверждалъ онъ: — дни ея сочтены. Нессельроде отрицаетъ это, но я въ этомъ убѣжденъ. Султанъ, хотя и не геній, но все же человѣкъ. Допустите, что съ нимъ случится несчастіе, что̀ увидимъ мы̀ послѣ его смерти? Ребенка и регентство! Я не хочу единаго вершка турецкой земли, но не позволю и другимъ державамъ присвоить себѣ хотя бы единый вершокъ».

Его величество говорилъ съ такимъ воодушевленіемъ, такъ громко, стоя у открытаго окна, что серъ Робертъ Пиль поспѣшилъ закрыть его изъ опасенія, чтобы слова государя не были услышаны на улицѣ. Онъ отвѣчалъ своему высокому собесѣднику, что Англія находится въ такомъ же точно положеніи относительно востока. Политика ея нѣсколько измѣнилась лишь въ одномъ пунктѣ: въ Египтѣ. Англія не согласится на установленіе въ этой странѣ слишкомъ сильнаго правительства, которое могло бы отказать въ проходѣ индійской почтѣ.

Императоръ продолжалъ:

«Теперь нельзя условиться о томъ, что̀ дѣлать съ Турціею въ случаѣ ея смерти. Подобный договоръ ускорилъ бы ея паденіе. Я сдѣлаю все отъ меня зависящее, чтобы сохранить настоящее положеніе. Но слѣдуетъ взглянуть честно, разумно на возможность разрушенія Турціи. Необходимо условиться на справедливыхъ основаніяхъ, установить вполнѣ искренно добросовѣстное соглашеніе, подобное тому, которое уже существуетъ между Россіею и Австріею» [1]).

Государь, очевидно, имѣлъ при этомъ въ виду тайную конвенцію, заключенную съ вѣнскимъ дворомъ въ 1833 году въ Мюнхенгрецѣ. Актомъ этимъ оба императорскіе кабинеты обязывались всѣми силами поддерживать существованіе Порты, но въ случаѣ ея распаденія ничего не предпринимать безъ предварительнаго соглашенія другъ съ другомъ [2]). Почти въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ опредѣлялось взаимное отношеніе Россіи и Англіи къ восточному вопросу въ меморандумѣ, излагавшемъ сущность происходившихъ въ Лондонѣ переговоровъ между императоромъ Николаемъ и великобританскими министрами и переданномъ барономъ Брунновымъ лорду Абердину вскорѣ по возвращеніи государя въ Петербургъ. Исходя изъ того положенія, что сохраненіе Турціи, ея независимости и цѣлости составляетъ общій интересъ какъ Россіи, такъ и Англіи, русскій дворъ приходилъ къ слѣдующему заключенію:

---

[1]) Stockmars Denkwürdigkeiten, стр. 396—399.

[2]) Тайная мюнхенгрецкая конвенція по восточнымъ дѣламъ напечатана Мартенсомъ въ его собраніи трактатовъ и конвенцій, т. IV, ч. I.

«1) искать продлить существованіе Оттоманской имперіи въ ея настоящемъ положеніи, доколѣ эта политическая комбинація окажется возможною»;

«2) если мы (т. е. дворы с.-петербургскій и лондонскій) предвидимъ, что она должна разрушиться, то войдти въ предварительное соглашеніе относительно установленія новаго порядка вещей, имѣющаго замѣнить нынѣ существующій, и наблюдать сообща за тѣмъ, чтобы перемѣна, состоявшаяся во внутреннемъ положеніи этой имперіи, не посягала ни на безопасность ихъ собственныхъ владѣній и правъ, обезпеченныхъ каждому изъ нихъ договорами, ни на поддержаніе европейскаго равновѣсія» [1]).

Въ приведенныхъ здѣсь заключительныхъ словахъ русскаго меморандума нельзя не замѣтить старанія согласовать осторожную до боязливости политику графа Нессельроде съ личнымъ взглядомъ государя на неизбѣжность и близость паденія Оттоманскаго владычества въ Европѣ. Меморандумъ долженъ былъ неминуемо ослабить впечатлѣніе, произведенное въ Лондонѣ гораздо болѣе категорическимъ утвержденіемъ императора Николая по тому же предмету. Если вѣрить Бунзену, то государь прямо заявилъ англійскимъ министрамъ, что въ Россіи существуютъ два мнѣнія относительно Турціи: одни утверждаютъ, что она при смерти, другіе, что уже умерла. «Перваго мнѣнія,—продолжалъ его величество,—придерживается Нессельроде, самъ я держусь втораго».

Не подлежитъ сомнѣнію, что попытка нашей дипломатіи сгладить опасенія, которыя могли вызвать въ англійскомъ правительствѣ столь опредѣленныя слова государя, не была удачна. Она не только не разсѣяла свойственной англичанамъ подозрительности по отношенію ко всему, что касается дѣйствій Россіи на востокѣ, но даже дала ей новую пищу, подчеркнувъ противорѣчія между заискивающею дипломатическою фразою меморандума и прямодушною откровенностью рѣчей государя. Она устранила, такимъ образомъ, всѣ выгодныя послѣдствія этой откровенности и того благопріятнаго впечатлѣнія, которое всегда производитъ правдивое слово, сказанное въ сознаніи права, силы и достоинства. Ничего не можетъ быть вреднѣе въ политикѣ старанія прикрыть коренную противоположность интересовъ двухъ державъ разглагольствованіями о мнимомъ ихъ тождествѣ. Если иногда и удастся такимъ путемъ отдалить на нѣкоторое время столкновеніе, то совершенно устранено оно можетъ быть лишь при условіи открытаго признанія вышеупомянутой противоположности. Тогда является возможность, посредствомъ взаимныхъ уступокъ, не согласовать несогласуемое, какъ любятъ выражаться дипломаты, а уравновѣсить взаимныя пользы и выгоды. Именно эту цѣль и имѣлъ въ виду импе-

[1]) Тайный меморандумъ графа Нессельроде, іюль 1844 г.

раторъ Николай, отправляясь въ Лондонъ, и достигнулъ ее лишь отчасти, прійдя къ соглашенію [1]) по частному средне-азіатскому вопросу. Къ сожалѣнію, услужливый тонъ меморандума графа Нессельроде лишилъ его плодовъ его царственной откровенности.

Положеніе, занятое Англіею десять лѣтъ спустя, въ виду несогласій нашихъ съ Турціею по дѣлу о святыхъ мѣстахъ, и дѣятельное участіе ея въ Крымской войнѣ, служатъ тому безспорнымъ доказательствомъ.

С. Татищевъ.

---

[1]) Сущность этого соглашенія изложена бывшимъ дипломатомъ въ его Etude diplomatique sur la guerre de Crimée, I, стр. 15. Послѣ напечатанія въ декабрской книжкѣ «Наблюдателя» 1885 года русскаго перевода первой главы этого изслѣдованія, стало извѣстно, что подъ псевдонимомъ «бывшаго дипломата», пишетъ старшій совѣтникъ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ баронъ А. Г. Жомини.

И. С. АКСАКОВЪ ВЪ ЯРОСЛАВЛѢ.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

I.

Въ ЯНВАРѢ 1851 года, пріѣхалъ я въ Ярославль на службу въ качествѣ младшаго чиновника по особымъ порученіямъ при тогдашнемъ военномъ губернаторѣ Алексѣѣ Петровичѣ Бутурлинѣ. Попалъ я въ самый развалъ губернскаго зимняго сезона; общество дворянское на славу веселилось, и мнѣ, лишь два года тому назадъ сошедшему съ университетской скамейки, почти юношѣ и страстному танцору, удалось въ одну недѣлю перезнакомиться со всѣми и втянуться въ общій вихрь удовольствій. Жилось тогда вообще очень весело; само собою разумѣется, что въ юношескіе годы живется всегда веселѣе, чѣмъ въ 60 лѣтъ, но независимо оттого и веселиться умѣли тогда лучше, чѣмъ теперь. Дворянство было еще цѣло, а въ этомъ и была вся тайна этого искусства. Горяиновы, Шишкины, Левашовы, Осокины, Хомутовы, Волковы, Шубины, Татищевы — такія богатыя ярославскія фамиліи имѣли еще тогда въ полномъ смыслѣ барскую обстановку и не скупились на вечера и балы.

Среди молодежи встрѣтилъ я въ Ярославлѣ троихъ своихъ университетскихъ товарищей — В. Н. Никольскаго, А. Е. Львова и Н. А. Гладкова, всѣхъ троихъ профессорами Демидовскаго лицея; товарищескія отношенія наши возстановились, и такъ какъ моло-

дые профессора были въ Ярославлѣ уже второй годъ и познакомились съ мѣстнымъ міркомъ довольно близко, то при ихъ содѣйствіи мнѣ удалось вскорѣ въ немъ оріентироваться и за блестящею стороною его удовольствій увидать совсѣмъ иную подкладку. Ярославское начальство, какъ я узналъ, обрѣталось не въ авантажѣ, по случаю пребыванія въ губерніи особой слѣдственной коммиссіи, командированной сюда министромъ внутреннихъ дѣлъ графомъ Перовскимъ для разслѣдованія крупныхъ злоупотребленій городской и земской администраціи.

Исторія состояла въ слѣдующемъ. Алексѣй Петровичъ Бутурлинъ, свиты генералъ-маіоръ, когда-то кавалергардъ, рубака и герой турецкой и польской войнъ, а затѣмъ блестящій танцоръ придворныхъ баловъ, женившійся на любимой фрейлинѣ императрицы, графинѣ Ольгѣ Павловнѣ Сухтеленъ, взятый въ свиту, дослужившись до генеральскаго чина, получилъ губернаторское назначеніе въ Ярославль и тутъ впервые поставленъ былъ въ необходимость учиться дѣлу. Грамота эта, однако, ему не далась и больше всего помѣшало тому особое стеченіе обстоятельствъ въ самой губерніи. На должности вице-губернатора нашелъ онъ Валеріана Николаевича Муравьева (брата гр. Н. Н. Амурскаго), человѣка умнаго, честнаго, благонамѣреннаго, но, какъ всѣ Муравьевы, совсѣмъ цѣльнаго. Бутурлинъ, вполнѣ довѣряя его опыту, отдалъ себя его руководству, а на этомъ-то, къ сожалѣнію, они разошлись, такъ какъ вице-губернаторъ черезчуръ многаго потребовалъ отъ самолюбія своего старшаго и пустился чуть его не перевоспитывать; отношенія дружескія замѣнились вскорѣ колкими, раздражительными и черезъ какіе нибудь полгода они сдѣлались заклятыми врагами. А въ это время, какъ обыкновенно водится, явилось между ними третье лицо, подливавшее масло въ огонь и успѣвшее вполнѣ осѣдлать Бутурлина. То былъ правитель его канцеляріи, Александръ Ивановичъ С., посѣдѣлый во взяточничествѣ, кляузѣ и крючкотворствѣ іезуитъ, всегда невозмутимый, улыбающійся, ходившій неслышными шагами и успѣвшій забрать въ свои руки всю губернію. Концы свои хоронилъ онъ съ необыкновеннымъ искусствомъ. Всѣмъ было извѣстно, напримѣръ, что въ Любимскомъ уѣздѣ сидѣлъ исправникъ Л., фаворитъ С., пристанодержатель и тайный атаманъ цѣлой разбойничьей и мошеннической шайки; но гусю этому все сходило съ рукъ, и всѣ доносы на него, даже въ Петербургъ, парализовались искусною рукою правителя канцеляріи. Бутурлинъ, въ ребяческой невинности своей по части дѣлъ, ничего подобнаго не подозрѣвалъ, въ С. души не чаялъ и подписывалъ все, что тотъ ему ни подавалъ, а досуги посвящалъ ухаживанію за прекраснымъ поломъ. Тутъ онъ былъ въ своей сферѣ и великимъ мастеромъ.

Но вотъ случилось ему поѣхать, однажды, зачѣмъ-то на 28 дней въ Петербургъ; Муравьевъ вступилъ въ губернаторскую должность

и тотчасъ же представилъ министру истинную картину положенія губерніи. Графъ Перовскій привскакнулъ на своемъ курульномъ креслѣ, прочитавъ донесеніе, и назначилъ въ Ярославль особую слѣдственную коммиссію подъ предсѣдательствомъ графа Юлія Ивановича Стенбока-Фермора, поручивъ ей разслѣдованіе и по дѣламъ раскола въ Ярославской губерніи, а въ члены и сотрудники далъ ему Ивана Сергѣевича Аксакова; другой же членъ, А. Н. Поповъ, взятъ былъ изъ ярославскихъ чиновниковъ, по указанію Муравьева. Не успѣлъ Бутурлинъ вернуться изъ Петербурга, какъ коммиссія нагрянула и при первыхъ своихъ дѣйствіяхъ обнаружила всѣ злоупотребленія, а тѣмъ временемъ Муравьевъ, получивъ другое назначеніе, уѣхалъ и вмѣсто него прибылъ изъ Петербурга новый вице-губернаторъ, З. А. Богдановъ.

Между коммиссіей и Бутурлинымъ, благодаря С.,. съ самаго начала сложились отношенія самыя натянутыя, и въ этотъ именно моментъ мнѣ и пришлось попасть въ Ярославль. Лицомъ самымъ выдающимся въ коммиссіи былъ, конечно, Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ; товарищи мои, профессора, были съ нимъ уже знакомы и вскорѣ познакомили и меня.

Иванъ Сергѣевичъ жилъ у коллеги своего по училищу правовѣдѣнія, князя Андрея Васильевича Оболенскаго, товарища предсѣдателя уголовной палаты, котораго я зналъ еще по Петербургу, и это облегчило мнѣ сближеніе съ Аксаковымъ.

Съ тѣхъ поръ прошло тридцать пять лѣтъ; послѣдній разъ мнѣ привелось встрѣчаться съ Иваномъ Сергѣевичемъ въ 1883 году; но годы ни на іоту не измѣнили свѣжесть и чистоту его нравственнаго облика, съ молоду до конца своей жизни былъ онъ неутомимымъ борцомъ за правду.

Началъ службу свою Аксаковъ по министерству юстиціи и дослужился уже до званія оберъ-секретаря, что̀ въ молодые годы было очень успѣшно; но вдругъ, неожиданно для всѣхъ, вышелъ въ отставку; поводомъ было крайне пристрастное рѣшеніе сената по дѣлу, которое онъ докладывалъ. Дѣло это было князя Ч. съ актрисой Аршиновой совсѣмъ вопіющее: дѣвушка сдѣлалась жертвою самаго безобразнаго разврата и насилія, послѣ чего послѣдовала ея смерть. Тутъ замѣшано было нѣсколько негодяевъ изъ тогдашней jeunesse dorée, дѣйствовали большія деньги, за нихъ отецъ продалъ свою дочь, и она погибла послѣ одной отвратительной оргіи. Словомъ, то была cause célèbre; князь Ч. содержался на гауптвахтѣ, и, казалось, каторги ему не миновать, но знатность, родство и опять же деньги взяли свое, и сенатъ оставилъ его въ сильномъ подозрѣніи. Иванъ Сергѣевичъ плюнулъ и тотчасъ же ушелъ изъ министерства юстиціи, а Перовскій поспѣшилъ пригласить его въ свое министерство. Новая дѣятельность представила Аксакову большой интересъ, и онъ вполнѣ ей отдался.

Въ тотъ вечеръ, какъ мы познакомились, онъ вернулся изъ уѣзда и привезъ собранный имъ матеріалъ по сектѣ бѣгуновъ, или странниковъ. Онъ первый ее открылъ, и весь вечеръ мы слушали отъ него подробности объ этомъ удивительномъ толкѣ. Свѣдѣнія о расколѣ вообще почерпнутыя тутъ были для меня совершенно новы, да вѣдь и мало кто тогда зналъ, что численность раскольниковъ дошла уже до громадной цифры и все болѣе прогрессируетъ и что въ нѣкоторыхъ сектахъ, какъ, напримѣръ, у бѣгуновъ, подкладка политическая. Министерство относилось съ большимъ вниманіемъ къ трудамъ Ивана Сергѣевича и оказывало ему въ нихъ живое содѣйствіе.

За первымъ вечеромъ пошли для меня и другіе; я часто посѣщалъ этотъ кружокъ и по мѣрѣ того, какъ знакомился съ Аксаковымъ, всею душою къ нему привязывался. Помимо дѣловой, раскрылась мнѣ и самая чарующая его сторона, какъ поэта, и я всегда оставался при томъ мнѣніи, что эта область была исключительнымъ его призваніемъ; онъ разсуждалъ только иначе, чѣмъ нашъ великій поэтъ, рожденный «не для житейскаго волненья, не для корысти, не для битвъ» и т. д., а весь отдался битвамъ и житейскимъ волненьямъ, въ особенности на поприщѣ публициста. Конечно, когда нибудь соберутъ и напечатаютъ всю массу неизданныхъ его поэтическихъ произведеній, и тогда вполнѣ обозначится образъ поэта въ молодые годы. Мнѣ привелось многія изъ нихъ читать, я могъ ихъ даже тогда списать; но, къ сожалѣнію, не сдѣлалъ этого. «Бродяга», напримѣръ, никогда не появлялся во всей цѣлости, а тамъ, что ни сцена, что ни эпизодъ, все было прелестно. О «Чиновникѣ», другой его поэмѣ, совсѣмъ уже позабыли, а многіе ее даже не знаютъ, но и она была чрезвычайно оригинальна и мѣстами безподобна.

Разскажу здѣсь вкратцѣ ея содержаніе. Герой поэмы, кончившій курсъ, талантливый, прекрасно учившійся и вынесшій самые возвышенные идеалы студентъ, очутился за стѣнами университета совершенно одинокимъ на перепутьѣ жизни практической. Онъ человѣкъ бѣдный, долженъ трудомъ пролагать себѣ путь; а потому выборъ его составляетъ самый существенный покуда вопросъ, и въ этотъ моментъ являются къ нему два генія—добрый и злой. Добрый доворитъ: «Учись, отдай всѣ силы своей души наукѣ, нужда не должна тебя смущать, борьба съ нею будетъ тебѣ подвижничествомъ, спаси свой талантъ, не зарывай его въ землю. Но если область науки будетъ тебѣ не по силамъ, избирай всякое другое общественное поприще и служи на немъ только добру и правдѣ и отнюдь не своимъ личнымъ интересамъ, больше же всего бойся мертвящей все рутины; кого втягиваетъ она въ себя, тотъ навсегда погибъ для живаго, плодотворнаго дѣла». Злой духъ, между тѣмъ, коварно шепчетъ ему: «Все это лишь громкія слова и вздоръ.

Учился ты уже довольно и знаній у тебя достаточно, чтобы выдвинуться изъ толпы. Идеалами своими сытъ не будешь, плюнь ты на всю эту ахинею, міра не передѣлаешь; погляди, какъ онъ хорошъ, а для тебя найдется въ немъ не послѣднее мѣсто. Ты бѣденъ, иди служить; чиновники такіе, какъ ты, нужны. Брось мечты, дорожи своею молодостью; она сулитъ тебѣ много наслажденій, умѣй лишь извлекать средства для жизни, учись практикѣ. Рутиной не брезгуй, она во многомъ облегчитъ тебѣ пути».

Герой борется между этими двумя внушеніями геніевъ; но онъ слабъ, шопотъ злаго генія тлетворно дѣйствуетъ на его душу, и онъ, махнувъ на все рукою, вступаетъ въ храмъ чиновничества и промозглой рутины.

Далѣе изображается канцелярія. Хоръ чиновниковъ поетъ на мотивъ духовъ въ «Робертѣ». Они говорятъ, что имъ здѣсь живется прекрасно, что міръ бюрократіи доставляетъ имъ полное наслажденіе и что они ничего лучшаго для себя не желаютъ. Хоръ этотъ исполненъ юмора и сарказма.

И вотъ онъ служитъ и служитъ усердно. Повышенія идутъ своимъ чередомъ, его замѣтили, черезъ 10 лѣтъ онъ начальникъ отдѣленія, лицо совсѣмъ уже видное и много обѣщающее въ министерствѣ. Но какъ-то однажды, послѣ обѣденнаго стола, лежа на кушеткѣ, онъ переносится мыслію въ свое прошлое, и ему припоминается добрый геній. За десять лѣтъ нѣкоторые изъ его товарищей, далеко менѣе даровитые, чѣмъ онъ, успѣли уже составить своему имени извѣстность въ ученомъ мірѣ, о нихъ говорятъ, пишутъ, молодежь сдѣлала ихъ своими кумирами. Ну, а его-то работа чѣмъ обозначилась втеченіе этихъ десяти лѣтъ? Вопросъ этотъ наводитъ на него ужасъ. Что онъ можетъ на него отвѣтить? Писалъ, писалъ, писалъ, исписалъ сотни, тысячи стопъ... и никакого слѣда. Былъ значитъ машиной, автоматомъ. Сознаніе такого собственнаго ничтожества приводитъ его въ отчаяніе, и онъ взываетъ къ доброму генію. Тотъ является на его вызовъ и говоритъ ему: «Не отчаявайся, но не теряй ни минуты, брось все и примись за свое призваніе. Ты все еще наверстаешь».

Голосъ добраго генія его воодушевляетъ; онъ рѣшился раздѣлаться со своимъ чиновничествомъ, оно ему теперь противно; онъ беретъ листъ гербовой бумаги, пишетъ прошеніе объ отставкѣ и собирается его послать; но въ этотъ моментъ раздается звонокъ, входитъ курьеръ и подаетъ ему конвертъ, а въ немъ оказывается Анна съ короной. При видѣ этой цацы, все позабыто, и его тѣшитъ одна только мысль, что товарищъ его, тоже начальникъ отдѣленія, имѣетъ всего лишь Станислава въ петлицѣ. Какъ онъ ему теперь дастъ почувствовать свое превосходство!

Съ большею ретивостію отдается онъ теперь культу бюрократіи и дѣлается крайнимъ гонителемъ всякаго проблеска живой мы-

сли и высшаго образованія, называя ихъ вольнодумствомъ и неблагонадежностью. Спустя нѣкоторое время, онъ женится на богатой, окруженъ семьей, получающей модное воспитаніе. Вотъ пошли и звѣзды, служебное положеніе его очень высокое, но онъ спитъ и видитъ о бо́льшемъ еще повышеніи. И вдругъ... случается что-то очень скверное: хватилъ его кондрашка. Организмъ его надорвался. Хилый, окруженный лекарствами, лежитъ онъ въ креслѣ, мысль его переносится опять назадъ въ отдаленныя времена молодости и вызываетъ трагическое состояніе души и полное безсиліе вернуть утраченное. Но онъ, всетаки, призываетъ добраго генія. Тотъ появляется печальный и говоритъ ему, что теперь уже поздно, онъ ничѣмъ не можетъ помочь ему.

Эпилогъ. Великолѣпныя похороны. Пѣвчіе, духовенство съ епископомъ во главѣ идутъ впереди, регаліи несутъ на нѣсколькихъ подушкахъ, катафалкъ запряженъ шестерикомъ, лошади покрыты чернымъ сукномъ съ гербами. Гробъ золотой глазетовый, сверху его шляпа съ плюмажемъ. Каретъ и народу масса, среди народа идутъ толки,—между прочимъ, кричитъ старуха, которую чуть не задавили. Улица совсѣмъ запружена и черезъ нее съ трудомъ пробирается молоденькій, кавалерійскій офицеръ. У буточника онъ спрашиваетъ: «кого хоронятъ?» Такого-то, ваше благородіе,—называетъ бутарь.—«А кто онъ такой, помѣщикъ, купецъ?»—Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, чиновникъ.—«Чи-но-вникъ»!—говоритъ на распѣвъ офицеръ:—«такъ, должно быть, мошенникъ».

Занавѣсъ опускается.

Изъ произведенія этого, каково бы оно ни было по своей художественности, ясно видно, на сколько Иванъ Сергѣевичъ и тогда уже не возлюбилъ духъ чиновничества и бюрократіи и не скрывалъ этихъ чувствъ ни передъ кѣмъ. Теперь нельзя вспомнить безъ улыбки, что все, написанное имъ тогда, онъ думалъ печатать и посылалъ въ цензуру, а оттуда получалъ свои рукописи обратно съ сплошными зачеркиваніями красными чернилами. «Бродягу» и «Чиновника» мы читали именно въ такомъ видѣ. Это ужасно огорчало поэта, онъ понять не хотѣлъ, что гг. цензора совершенно иначе относятся къ объектамъ, ему ненавистнымъ, и громко роп-талъ. Произведенія его списывались, ходили по рукамъ и, конечно, немало ему вредили. Въ томъ же самомъ Ярославлѣ, жандармскій полковникъ принадлежалъ къ числу усердныхъ ихъ чтецовъ и препровождалъ ихъ аккуратно въ III Отдѣленіе. Въ особенности помню, что одно изъ стихотвореній считалось очень вреднымъ. Оно кончалось слѣдующими строфами:

«Слабѣйте силы, вы не нужны,
Усни ты, духъ, давно пора,
Разсѣйтесь всѣ, кто были дружны
Во имя правды и добра».

А правда и добро, по убѣжденіямъ Ивана Сергѣевича, состояли въ честномъ служеніи землѣ, народу русскому и царю, но только не путемъ мертвящаго все живое бюрократизма и созданнаго имъ чиновничества.

II.

Девятнадцатилѣтнимъ юношей, со скамейки училища правовѣдѣнія попалъ Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ въ московскій сенатъ и съ тѣмъ вмѣстѣ вернулся въ лоно своей почтенной и высокодаровитой семьи. Кѣмъ были его отецъ, Сергѣй Тимоѳеевичъ, и старшій братъ, Константинъ, считаемъ излишнимъ говорить, они слишкомъ извѣстны русскому обществу, потому уже, что всецѣло принадлежали къ плеядѣ тѣхъ замѣчательныхъ людей, которыми имѣетъ право гордиться тогдашняя Москва. Хомяковъ, братья Кирѣевскіе, Погодинъ, Самаринъ, В. А. Поповъ, Валуевъ (оба послѣдніе рано похищенные смертью) и нѣсколько другихъ именъ, которыхъ теперь не припомню, считая въ средѣ своей и Аксаковыхъ, всѣ до одного располагая полнымъ арсеналомъ европейской науки, блюли во всей чистотѣ свое русское сердце и поставили себѣ задачею подъемъ русскаго національнаго дѣла во всѣхъ его отрасляхъ. Вокругъ нихъ стала быстро сгруппировываться и рости значительная часть тогдашной талантливой молодежи, и это явленіе не могло не вызвать протеста прежде всего среди самого общества, традиціонно воспитаннаго на европейскій ладъ. Корифеевъ русскаго дѣла иронически обозвали кличкой славянофиловъ и противъ нихъ выступили всѣ наличныя силы европейско-русскаго ареопага. Славянофилы назвали, въ свою очередь, противниковъ своихъ западниками, и отсюда началась извѣстная всѣмъ борьба, несомнѣнно принесшая громадную пользу для выясненія многихъ недоразумѣній и завершившаяся полнымъ торжествомъ русскаго національнаго дѣла.

Поэтическій талантъ Ивана Сергѣевича получилъ полный просторъ въ такой средѣ, а поверхностное образованіе училища, при воздѣйствіи той же среды, дополнилось имъ самимъ на столько, что, когда намъ привелось съ нимъ сойдтись, мы видѣли уже въ немъ человѣка съ обширнымъ и высокимъ образованіемъ.

Наши бесѣды охватывали собою самые жгучіе тогдашніе вопросы; но о конституціяхъ на европейскій ладъ у насъ и рѣчи никогда не заходило, мы и тогда уже, не смотря на сильныя вѣянія европейскія, ясно понимали значеніе русскаго самодержавія, какъ незыблемаго нашего устоя; но однимъ изъ главныхъ предметовъ чаще всего служилъ вопросъ крестьянскій. Иванъ Сергѣевичъ принадлежалъ къ числу тѣхъ лицъ, которыя думали, что этимъ дѣломъ нельзя медлить; между тѣмъ, общаго плана реформы ни у кого еще

не было, а все лишь одни отрывки, изъ которыхъ ничего не составлялось цѣлаго. Обязанные крестьяне князя Воронцова въ Муринѣ никого не удовлетворяли; порядки, заведенные Киселевымъ среди имѣній государственныхъ имуществъ, также какъ и порядки Перовскаго среди удѣльныхъ имѣній — сильно отдавали аракчеевщиной; смоленскихъ дворянъ съ княземъ Друцкимъ во главѣ считали завзятыми крѣпостниками; но la critique est aisée, mais l'art est difficile, и все сводилось къ тому, что, пеняя на медленность правительственную, никто ничего лучшаго его мѣропріятій не придумывалъ. Велись покуда одни толки и отнюдь не репетиловскаго пошиба, а имѣвшіе положительно полезную сторону тѣмъ уже, что вводили въ общее сознаніе неотложную необходимость отмѣны крѣпостнаго состоянія.

Когда все это припоминаешь теперь, нельзя не подивиться тому, какъ могло такъ глубоко запасть самое печальное недоразумѣніе между императоромъ Николаемъ и кружкомъ истыхъ русскихъ людей, называемыхъ славянофилами. Императоръ, самъ русскій человѣкъ до мозга костей, вступивъ на ступени трона при кровавомъ эпизодѣ 14-го декабря, пріуготовленномъ внутреннею и внѣшнею политикою предшествовавшаго царствованія, сознавалъ вполнѣ, что революціонное движеніе съ Запада можетъ быть остановлено однимъ лишь подъемомъ русскаго духа. Православіе, самодержавіе и народность — были его девизами, точно также какъ и славянофиловъ, а между тѣмъ онъ никогда славянофиламъ вполнѣ не довѣрялъ, и бывали моменты когда, подъ вліяніемъ разныхъ наговоровъ, конечно, нѣмецкихъ, видѣлъ въ нихъ революціонеровъ, а они, съ своей стороны, видѣли въ немъ поборника одной казенщины и тормазъ къ естественному ходу русскаго живаго дѣла. Это печальное недоразумѣніе лишило наше отечество многаго чрезвычайно важнаго и полезнаго. Что, если бы императоръ, втеченіе всего царствованія своего, думавшій только объ отмѣнѣ крѣпостнаго права, вмѣсто Киселевыхъ и Перовскихъ съ Байковыми, умѣвшихъ придумывать одни только пальятивы и замаскированныя видоизмѣненія того же самаго крѣпостнаго права, обратился къ кружку русскихъ людей, понимавшихъ это дѣло несравненно глубже, и поручилъ бы имъ, хотя конфиденціально, разработку его деталей? Тогда бы, по всему вѣроятію, вопросъ разрѣшился бы еще за время его царствованія.

Но, къ сожалѣнію, недоразумѣніе это глубоко сидѣло, а въ Иванѣ Сергѣевичѣ предубѣжденіе противъ императора Николая оставалось во всю жизнь, и въ этомъ немалую роль играло давленіе николаевской цензуры на его молодыя произведенія. Она отбила у него охоту оставаться въ строгой рамкѣ поэзіи; поэтъ смолкъ и при новомъ царствованіи появился публицистъ, молчавшій почти все время въ послѣдніе годы царствованія Николая.

Но предубѣжденіе къ Николаю было не поголовнымъ у славянофиловъ, и прежде чѣмъ познакомиться съ Иваномъ Сергѣевичемъ, я имѣлъ случай сойдтись съ Юріемъ Ѳедоровичемъ Самаринымъ въ Симбирскѣ и слышалъ отъ него совершенно иной отзывъ о величавой личности императора, удостоившаго его продолжительной бесѣды по поводу его рижскихъ писемъ. Императоръ прочелъ эти письма въ то время, какъ Самаринъ сидѣлъ за нихъ по донесенію князя Суворова въ крѣпости, вызвалъ его оттуда и, повторяемъ, долго бесѣдовалъ. Объ этомъ Самаринъ вскользь говоритъ въ предисловіи къ «Окраинамъ Россіи», но я слышалъ отъ него подробный разсказъ объ этой бесѣдѣ. Государь укорилъ его въ томъ, зачѣмъ онъ не поискалъ пути, которымъ бы могъ писать къ нему прямо, и въ наказаніе за то, что онъ далъ огласку такимъ письмамъ, сказалъ, что назначаетъ ему мѣстомъ ссылки его же симбирскую деревню. «Но я тебя не позабуду,—заключилъ государь,—и поручаю тебѣ передать твоему почтенному батюшкѣ искреннюю мою признательность за внушенныя имъ тебѣ прекрасныя чувства патріотизма».

И Николай не позабылъ своихъ словъ. Черезъ годъ съ небольшимъ, назначая Бибикова на должность кіевскаго генералъ-губернатора, онъ далъ ему правителемъ канцеляріи Самарина, въ виду чрезвычайно труднаго и сложнаго дѣла введенія инвентарей въ Юго-Западномъ краѣ.

Но возвратимся къ Ивану Сергѣевичу. Въ мартѣ пріѣхалъ въ Ярославль братъ его, Константинъ, и, прогостивъ недѣли двѣ, очень оживилъ наши бесѣды. То была совсѣмъ иная личность, въ высшей степени любовная, по мнѣнію моему (которое да простятъ мнѣ читатели), далеко не такая талантливая, какъ Иванъ Сергѣевичъ. Константинъ производилъ впечатлѣніе монашеское, да онъ и былъ непостриженнымъ монахомъ въ дѣйствительности. Онъ составлялъ дополненіе къ высокодаровитой личности отца, Сергѣя Тимоѳеевича, и, приглядываясь къ нему, можно было замѣтить въ немъ отсутствіе полной оригинальности и самостоятельности. Вѣдь Сергѣй Тимоѳеевичъ былъ, на самомъ дѣлѣ, очень крупный художникъ и человѣкъ замѣчательный. Сынъ его, Константинъ, стоялъ выше его, какъ ученый, но не какъ талантъ. Иванъ Сергѣевичъ же совмѣстилъ въ себѣ ихъ обоихъ и сохранилъ всецѣло свою собственную оригинальность.

Со мною, между прочимъ, вышло маленькое недоразумѣніе у Константина Сергѣевича. На одномъ изъ вечеровъ, когда онъ прекрасно и въ высшей степени интересно излагалъ взглядъ свой на крестьянскую общину, міръ, и необходимость сельскаго самоуправленія, я разсказалъ ему объ извѣстной мнѣ неудачной попыткѣ Ивана Петровича Мятлева (автора «Путешествій M-me Курдюко-

вой) ввести самоуправленіе у себя, въ симбирскомъ имѣніи, селѣ Порѣцкомъ. Исторія была такого рода.

Иванъ Петровичъ, очень богатый помѣщикъ, несчастливый въ супружествѣ, разъѣхался съ женой и отправился за границу искать развлеченія своему горю. Шляясь изъ угла въ уголъ, онъ заѣхалъ въ Шотландію, и здѣсь ему такъ понравилось все, что онъ прожилъ больше года въ какомъ-то деревенскомъ захолустьѣ, а въ это время пригладѣлся къ тамошнему самоуправленію. Альдермены, судьи, митинги, учитывающіе должностныхъ лицъ, все это было чрезвычайно просто и шло превосходно; любуясь такими порядками, онъ задумалъ ввести подобные имъ у себя, въ Порѣцкомъ, и, недолго откладывая, вернулся восвояси и принялся за дѣло. Иванъ Петровичъ, человѣкъ мягкій и добрѣйшій, притомъ надѣленный самымъ незлобивымъ юморомъ, далекъ былъ отъ угнетенія крестьянъ какими либо излишними поборами и тяжестями; такой же былъ у него и управляющій, Петръ Ивановичъ Кузьминъ. Призвалъ онъ прежде всего на совѣтъ Кузьмина, разсказалъ ему о предположеніи своемъ ввести сельское самоуправленіе, ни слова не намекая на его заморскій источникъ; Кузьминъ понялъ и одобрилъ, призвали батюшку и стариковъ; подолгу и не одинъ разъ обстоятельно толковали съ ними, и они, повидимому, поняли и одобрили, послѣ чего положено было ввести новое положеніе. Оно состояло главнымъ образомъ въ учрежденіи должности сельскаго старшины, съ помощниками, сельскаго суда изъ выборныхъ стариковъ судей и сельской сходки, вершающей всѣ важнѣйшіе вопросы.

Въ отличіе всѣхъ этихъ должностныхъ лицъ, Иванъ Петровичъ понавѣсилъ на нихъ различные знаки, въ видѣ мѣдныхъ бляхъ, и послѣ молебствія ввелъ положеніе въ дѣйствіе.

Какъ и почему не знаю, но только, не смотря на все стараніе барина и управителя, дѣло не пошло и вышла неимовѣрная путаница и чепуха. Два года бились Иванъ Петровичъ съ Кузьминымъ совершенно понапрасну, а въ заключеніе измаявшіеся крестьяне пришли сами и стали просить разрѣшенія возвратиться къ прежнимъ порядкамъ. Мятлевъ махнулъ рукой и сорвалъ досаду свою, написавъ тутъ же стихи на сельскую сходку. Они начинаются такъ:

«Ну, братцы, молодецъ нашъ староста Парфентій,
Ему ходить бы только въ лентѣ!
Ужъ мастеръ разсудить онъ каждаго изъ насъ!
Намедни дядюшка Тарасъ
Пришелъ къ нему въ субботу для разряду
И какъ-то»...

Дальше выходитъ непечатно, но дѣло въ томъ, что съ Тарасомъ и съ сельскою сходкою случилось общее несчастіе, отъ котораго пошелъ нехорошій запахъ, что̀ не помѣшало старостѣ Парфентію черезвычайно мудро разсудить дѣло Тараса, но

«Съ тѣхъ поръ по всей артели про старосту пошелъ пріятный слухъ,
А мы узнали народный русскій духъ!»

Когда я разсказалъ этотъ эпизодъ и передалъ стихи, Иванъ Сергѣевичъ смѣялся до слезъ, и было чему смѣяться. Мятлевъ, выведенный изъ терпѣнія неудавшейся затѣей, обругался, какъ то дѣлаетъ всякій русскій человѣкъ въ минуту досады, и обругался до того крѣпко, что самъ расхохотался и другихъ разсмѣшилъ.

Немного спустя послѣ этого разсказа, я простился и ушелъ домой, нимало не подозрѣвая того, что сдѣлалъ себѣ недовольнаго мною, но объ этомъ сообщилъ мнѣ на другой день В. Н. Никольскій, зайдя ко мнѣ утромъ.

— Константинъ Аксаковъ,—сказалъ онъ мнѣ:—страшно возмущенъ твоимъ разсказомъ, и когда ты вчера ушелъ, онъ выразилъ даже удивленіе Ивану, какъ могъ тотъ смѣяться такой пакости, какъ стихи Мятлева. Подобная ругань на народъ есть кощунство. Развѣ виноваты мужики, что самодуръ помѣщикъ вздумалъ дѣлать надъ нами свои праздные эксперименты?

Когда мнѣ передалъ эти слова Никольскій, я схватилъ шляпу и побѣжалъ къ Константину Аксакову. Мнѣ ужасно было грустно, что я возмутилъ его безъ всякаго намѣренія. Съ первыхъ же словъ извиненія, онъ меня заставилъ замолчать и горячо обнялъ.

— Не сомнѣваюсь въ томъ, что вы не въ состояніи сами кощунствовать на народъ; но, повторяя эти стихи, вы проглядѣли за смѣшной ихъ стороной глубоко кощунственный ихъ смыслъ въ устахъ досужаго и пустаго барина.

Мнѣ оставалось только увѣрить Константина Сергѣевича въ заблужденіи его относительно И. П. Мятлева, добрѣйшаго сердцемъ человѣка, глубоко несчастнаго своимъ семейнымъ горемъ и не способнаго тоже кощунствовать.

— Ну, такъ очень жаль за него, что онъ, не подумавъ хорошенько, такъ неловко сболтнулъ, да проститъ мнѣ Господь, что я его осудилъ.

Такъ говорилъ Константинъ Сергѣевичъ, замѣчательно чуткій ко всему, касающемуся народа, и прекрасный въ своемъ высокомъ идеализмѣ. А что бы онъ подумалъ, если бы ему сказали тогда, что черезъ двадцать пять лѣтъ послѣ освобожденія крестьянъ, дѣло ихъ самоуправленія недалеко будетъ стоять отъ мятлевскихъ порядковъ, и въ литературѣ нашей явятся писатели, изъ числа такъ называемыхъ народниковъ, пришедшіе послѣ своихъ долговременныхъ наблюденій къ такому грустному убѣжденію, что народъ нашъ есть не что иное, какъ безформенная масса...

Съ такими-то писателями и приходилось за послѣдніе годы Ивану Сергѣевичу нерѣдко считаться въ своей «Руси».

Но на этомъ мы остановимся. Мѣсяца черезъ четыре, мнѣ привелось уѣхать изъ Ярославля, гдѣ я оставилъ еще Ивана Сергѣевича, такъ какъ дѣятельность коммиссіи далеко была не окончена. Обстоятельства мои сложились такъ, что въ Ярославль я уже бо-

лѣе не возвращался; Ивана Сергѣевича встрѣтилъ я года два спустя въ Москвѣ, бросившаго уже службу. Я нашелъ его ужасно раздраженнымъ противъ нашей казенщины; особенно онъ негодовалъ на косвенное прикосновеніе къ нему III-го Отдѣленія; въ рѣчи его слышались приведенные нами выше стихи:

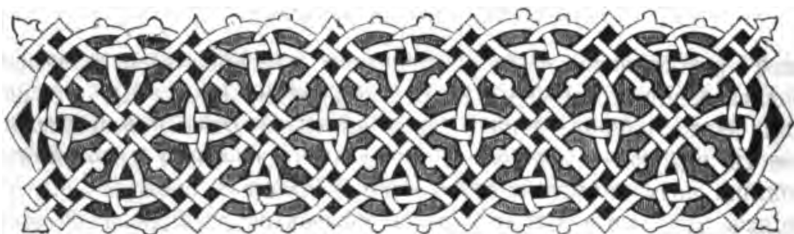
Слабѣйте силы, вы не нужны...

Вскорѣ послѣ того я уѣхалъ на Кавказъ и черезъ пятнадцать лѣтъ вернулся въ Москву, когда уже Иванъ Сергѣевичъ былъ на высотѣ своей дѣятельности публициста. Встрѣча наша произошла у Н. П. Колюбакина, и онъ съ особеннымъ удовольствіемъ припоминалъ времена нашего перваго знакомства въ Ярославлѣ.

Да будетъ на вѣки благословенна память этого прекраснаго русскаго человѣка, честно и неуклонно служившаго всю свою жизнь родинѣ, правдѣ и добру.

К. Бороздинъ.

ДРУЖЕСКАЯ ГРУППА.

А ДОВОЛЬНО высокомъ правомъ берегу Волги, въ 16-ти верстахъ отъ Ярославля, по дорогѣ отъ него въ Нерехту, расположено при ручьѣ Великорѣчкѣ знаменитое село Сопѣлки. Извѣстность свою оно получило потому, что здѣсь развилась и окрѣпла секта, прозванная «странническимъ согласіемъ», «согласіемъ бѣгуновъ» или даже просто «сопѣлковцами». Объ этой сектѣ давно уже носились слухи, но правительство обратило на нее особенное вниманіе только съ 1850 года, вслѣдствіе обстоятельства, нарушившаго обычный ходъ жизни въ Ярославской губерніи. Въ 1849 году, ярославскіе жандармы захватили большую шайку разбойниковъ, вмѣстѣ съ ихъ атаманомъ Пашкою. Шайка эта уже довольно времени хозяйничала въ Ярославскомъ уѣздѣ, но мѣстная полиція мирволила ей, извлекая свои выгоды изъ этого покровительства разбою [1]). Впрочемъ, въ тѣ времена не то бывало въ разныхъ углахъ Россіи. Можетъ быть, шайка Пашки не такъ скоро попалась бы въ руки правосудія, такъ какъ ей во время давали возможность укрываться отъ мѣръ, принимаемыхъ противъ нея высшею властью въ губерніи, но разбойники были выданы за денежное вознагражденіе любовницею атамана Пашки.

Пойманныхъ разбойниковъ предписано было изъ Петербурга судить военнымъ судомъ. Первоначально предполагалось находившихся въ близкихъ сношеніяхъ съ разбойниками бѣглыхъ крестьянокъ подвергнуть также наказанію по военному суду, но затѣмъ

---

[1]) См. «Труды ярославскаго статистическаго комитета», № 1, 1866 г.

такое предположеніе было измѣнено и найдено было полезнымъ предать женщинъ обыкновенному уголовному суду. Но, до назначенія надъ шайкою военнаго суда, признано было полезнымъ произвести подробное дознаніе о поводахъ образованія разбойничьяго скопища подъ начальствомъ атамана Пашки, а равно и о его дѣйствіяхъ. Для этого дознанія была образована въ Ярославлѣ особая слѣдственная коммиссія подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго совѣстнаго судьи. Надобно полагать, что тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Левъ Алексѣевичъ Перовскій, остался недоволенъ дѣйствіями ярославской коммиссіи, потому что онъ вдругъ счелъ необходимымъ поручить производство слѣдствія своему чиновнику особыхъ порученій, графу Юлію Ивановичу Стенбоку, который и былъ назначенъ предсѣдателемъ означенной коммиссіи. Очень можетъ быть, что до свѣдѣнія министра дошло о томъ покровительствѣ, которое уѣздная полиція оказывала шайкѣ Пашки. Извѣстно, что графъ Л. А. Перовскій соперничалъ во власти съ всемогущимъ тогда шефомъ жандармовъ, графомъ А. Ѳ. Орловымъ, и въ качествѣ генералъ-полицеймейстера (министра внутреннихъ дѣлъ) стремился даже одно время выказывать передъ императоромъ Николаемъ I несостоятельность жандармеріи.

Графъ Стенбокъ, незадолго передъ тѣмъ, перемѣнилъ блестящую форму гвардейскаго офицера на вицъ-мундиръ чиновника министерства внутреннихъ дѣлъ. Я имѣлъ случай познакомиться тогда съ нимъ въ домѣ Н. И. Греча. Послѣдній разсказалъ мнѣ при этомъ знакомствѣ одно происшествіе, бывшее на его глазахъ на минеральныхъ водахъ Германіи, гдѣ въ то время господствовала азартная игра въ рулетку. Графъ Стенбокъ, не обладавшій большимъ состояніемъ, подобно многимъ другимъ молодымъ людямъ, принялъ изъ любопытства участіе въ этой азартной игрѣ. Счастіе ему повезло необыкновеннымъ образомъ, и онъ выигралъ очень значительную, особенно по его состоянію, сумму. Всѣ русскіе стали его поздравлять.

— Нѣтъ, господа, не поздравляйте; офицеру русской гвардіи непристойно обогащаться подобнымъ способомъ.

— Что же вы сдѣлаете? Неужели вы откажетесь отъ подобнаго огромнаго выигрыша?

— Буду играть, пока все не проиграю.

И графъ Стенбокъ сдержалъ свое слово. Впослѣдствіи графъ Стенбокъ перешелъ на службу въ вѣдомство удѣловъ, былъ директоромъ императорскаго фарфороваго завода и скончался въ семидесятыхъ годахъ въ должности предсѣдателя департамента удѣловъ.

Графъ Стенбокъ повелъ въ Ярославлѣ слѣдствіе горячо, неутомимо. Въ то время онъ отличался энергіею, силою воли, почему и былъ выбранъ для этого порученія графомъ Перовскимъ. На допросахъ Пашка назвалъ себя «христовымъ человѣкомъ», уроженцемъ села Сопѣлокъ. Обратили вниманіе на это селеніе. Оказа-

лось, что оно служитъ притономъ многочисленныхъ безпаспортныхъ людей обоего пола, являющихся туда изъ разныхъ мѣстъ Россіи и пользующихся также покровительствомъ мѣстной полиціи, которая предупреждаетъ пришлое населеніе Сопѣлокъ о моментѣ наѣзда туда высшихъ губернскихъ властей. Безпаспортные удалялись на это время изъ Сопѣлокъ въ Заволжье, въ неприступные въ тогдашнее время пошехонскіе лѣса. Захваченные безпаспортные также называли себя «христовыми людьми», причемъ оказалось, что они составляютъ особую раскольничью секту бѣгуновъ или странниковъ и что главный центръ ея находится въ селѣ Сопѣлки.

Графъ Стенбокъ въ то время почти вовсе не былъ знакомъ съ русскимъ расколомъ. Хотя впослѣдствіи онъ былъ употребляемъ министромъ внутреннихъ дѣлъ по этимъ дѣламъ, особенно въ 1853 году, когда ему была поручена такъ названная тогда «статистическая экспедиція» въ Ярославской и Костромской губерніи съ цѣлью изслѣдованія, однако, не статистики, а современнаго положенія въ нихъ раскола, но до догматическаго, бытоваго, историческаго его значенія онъ не дошелъ въ той же мѣрѣ, какъ современный ему дѣятель по той же части, П. И. Мельниковъ. Съ Стенбокомъ, однажды, даже вышелъ любопытный курьёзъ. Графъ, принадлежавшій къ лютеранской религіи, усовѣщевалъ одного раскольника оставить его заблужденія и обратиться въ лоно православной церкви. Раскольникъ, изъ умныхъ и развитыхъ, молча слушалъ его и, наконецъ, брякнулъ:

— Да вы, ваше сіятельство, сами-то на какомъ же основаніи остаетесь въ расколѣ?

— Какъ въ расколѣ? Что за вздоръ?

— Да вѣдь вы, ваше сіятельство, Лютерова закона. Почему же васъ терпятъ, да и на царской службѣ еще держатъ. Вы бы намъ и показали собою примѣръ. Значитъ никоніанская вѣра не такъ правая, если и вы сами держитесь другаго толка.

Графъ Стенбокъ замолчалъ и прекратилъ свои увѣщанія.

Хотя для многихъ мѣстныхъ жителей Ярославской губерніи сопѣлковская секта бѣгуновъ давно была уже извѣстна, для графа Стенбока она, однако, оказалась такою неожиданною новостью, что онъ донесъ о томъ своему министерству. Въ Петербургѣ, повидимому, также не знали ее въ подробностяхъ, а потому на докладъ графа Стенбока предписали ему подробно и внимательно изслѣдовать вновь открытую имъ секту. Одновременно съ этимъ предписаніемъ сочтено было необходимымъ увеличить слѣдственную коммиссію графа Стенбока новымъ членомъ, присланнымъ въ Ярославль изъ Петербурга, именно состоявшимъ тогда на службѣ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ Иваномъ Сергѣевичемъ Аксаковымъ. Ему было, впрочемъ, поручено исключительно заняться изученіемъ вновь открытой секты, оказавшейся «страннической» со-

гласіемъ», или «согласіемъ бѣгуновъ». И. С. Аксаковъ, окончивъ данное ему порученіе и представивъ министру свою записку объ этой сектѣ, выѣхалъ изъ Ярославля. Коммиссія графа Стенбока произвела потомъ дополнительныя изслѣдованія о бѣгунахъ, плодомъ чего была особая записка графа Стенбока о нихъ. Вообще, коммиссія Стенбока окончила только въ началѣ 1851 года свои труды, вмѣстившіеся въ 86-ти томахъ. Она изъѣздила всю Ярославскую губернію, особенно же ея юго-востокъ, и имѣла обширныя полномочія, въ силу которыхъ производила аресты подозрительныхъ лицъ даже въ Шуйскомъ, Костромскомъ и Нерехотскомъ уѣздахъ.

Участники въ разбойничьей шайкѣ Пашки подверглись присужденнымъ имъ по суду наказаніямъ.

При изслѣдованіяхъ коммиссіею графа Стенбока, село Сопѣлки оказалось главнымъ притономъ бѣгуновъ, а потому всѣ дома этого селенія, до послѣдней ветхой избушки, были подвергнуты тщательному осмотру. Послѣдствіемъ его было открытіе въ селѣ: одиннадцати тайниковъ; семи подъизбицъ съ тайными входами; множество секретныхъ отверстій въ стѣнахъ, заборахъ; также немало ходовъ на крыши сосѣднихъ домовъ прямо изъ оконъ; большое число тайныхъ корридоровъ и лѣстницъ изъ одного дома въ другой; пять ямъ, закрытыхъ досками, одинъ тайный выходъ къ огородамъ и гумнамъ на берегу Волги и проч. Напримѣръ, въ одной избѣ, похожей по наружному своему виду и внутреннему расположенію на всѣ остальныя избы села, оказалось, что, въ сѣняхъ къ наружной стѣны былъ придѣланъ шкафъ, внутри котораго на полкахъ была расположена посуда, а низъ шкафа составлялъ полъ сѣней. Но къ лѣвому боку шкафа, подлѣ пола, внутри была прибита гвоздями планочка. Оказалось, что, если вынуть посуду изъ шкафа и оторвать означенную планочку, то можно поднять полъ, составляющій низъ шкафа, а тамъ открывался входъ въ яму, выходившую уже на дворъ. Другаго рода тайникъ былъ найденъ въ маленькомъ чуланѣ, гдѣ стоило поднять лавку, а вмѣстѣ съ нею и половницу и попасть въ спускъ, въ подземелье, выходившее на огородъ. Сопѣлковскіе крестьяне, умудрившіеся въ подобнаго рода сооруженіяхъ для сокрытія своихъ безпаспортныхъ единомышленниковъ, устраивали тайники даже въ супружескихъ кроватяхъ, имѣвшихъ выходы въ подземелья. Въ домѣ крестьянина деревни Дудкина, Логина Прокофьева, былъ устроенъ такой помѣстительный тайникъ между двойными стѣнами избы, что въ немъ удобно скрывались до тридцати человѣкъ. Секретный выходъ изъ подобнаго тайника сдѣланъ былъ подъ печку посредствомъ бревна, прилаженнаго на шалнерахъ, а изъ-подъ печи сдѣланъ былъ выходъ уже въ другую избу[1]).

---

[1]) См. «Труды ярославскаго статистическаго комитета», 1866 г.

Всѣ эти тайники можно было бы принять за вымыселъ пылкаго воображенія, если бы ихъ существованіе не было подтверждено оффиціальнымъ слѣдствіемъ. Въ то время между раскольниками фанатизмъ былъ въ большомъ ходу, особенно среди вредныхъ, грубыхъ толковъ безпоповщины. Сопѣлковскіе бѣгуны принадлежали къ подобнымъ фанатикамъ. Одинъ изъ подобныхъ фанатиковъ однажды съ горькимъ чувствомъ говорилъ покойному П. И. Мельникову: — «Нынче и царство-то небесное трудно получить, помучиться-то за Христа нельзя, все на деньгу пошло» [1]).

Порученіе, данное графу Стенбоку, естественно, обратило на него вниманіе тогдашняго образованнаго общества въ Ярославлѣ. Болѣе развитые люди группировались около графа Стенбока и И. С. Аксакова. Составился кружокъ близкихъ къ нимъ въ то время въ Ярославлѣ лицъ. Этотъ кружокъ, собиравшійся очень часто по вечерамъ на бесѣды у графа Стенбока, прозванъ былъ въ ярославскомъ обществѣ «братіею». Но къ «братіи» принадлежали не одни члены правительственной коммиссіи. Члены «братіи» представлены на приложенномъ къ этой статьѣ рисункѣ, снятомъ съ литографіи, сохранившейся въ ростовской библіотекѣ А. А. Титова и доставшейся ему отъ его дѣда, человѣка крайне любознательнаго, имѣвшаго большое книгохранилище. Мнѣ разсказывали, въ 1885 году, въ Ярославлѣ, что эта литографія отпечатана была въ типографіи ярославскаго губернскаго правленія, въ 1850 году, только въ числѣ 25-ти экземпляровъ, потому что тогдашній мѣстный губернаторъ Бутурлинъ почему-то разгнѣвался за подобный рисунокъ и приказалъ уничтожить литографическій камень съ этою группою [2]).

Литографія была исполнена съ рисунка, сдѣланнаго искуснымъ карандашемъ Александра Васильевича Попова (нынѣ вице-директора департамента государственнаго казначейства), изображеннаго стоящимъ позади всѣхъ съ карандашемъ въ рукѣ (четвертая фигура справа). Графъ Юлій Ивановичъ Стенбокъ изображенъ первымъ съ правой стороны, съ сигарою, въ креслахъ, которыя донынѣ сохранились у коменданта Царскаго Села, генерала-отъ-инфантеріи Степанова, командовавшаго тогда полкомъ въ Ярославлѣ, и недавно праздновавшаго свой полувѣковой юбилей. Подлѣ Стенбока сидитъ Яковъ Александровичъ Купреяновъ, бывшій предсѣдателемъ

---

[1]) См. его оффиціальный докладъ министру внутреннихъ дѣлъ «О современномъ положеніи раскола», въ 1854 году.

[2]) По словамъ одного лица, нынѣ сенатора, состоявшаго по особымъ порученіямъ при губернаторѣ Бутурлинѣ и проживавшаго въ Ярославлѣ съ 1850 года (т. е. съ послѣдняго періода занятій коммиссіи) до 1856 года, оно не слыхало объ уничтоженіи этого литографическаго камня по распоряженію губернатора. По мнѣнію этого лица, такъ какъ группа была сдѣлана для пріятелей, а не для продажи, то ее отпечатали въ маломъ числѣ экземпляровъ, а затѣмъ стерли съ самаго камня рисунокъ.

гражданскаго суда въ Ярославлѣ, потомъ губернскимъ прокуроромъ, а теперь состоящій сенаторомъ. За нимъ изображенъ г. Унковскій, бывшій прокуроромъ въ Ярославлѣ; затѣмъ поручикъ инженеровъ путей сообщенія Авдѣевъ, литераторъ, извѣстный своими романами, нынѣ уже умершій; подлѣ него Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ, скончавшійся 27-го января, а послѣдними двумя на лѣвой сторонѣ представлены Александръ Сергѣевичъ Хомутовъ (нынѣ членъ окружнаго суда въ Рыбинскѣ) и князь Андрей Васильевичъ Оболенскій (самый крайній), сидѣвшій при рисованіи въ креслахъ насупротивъ графа Стенбока.

Изъ всѣхъ восьми лицъ, изображенныхъ въ этой группѣ, гг. Авдѣевъ, Унковскій, Купреяновъ, князь Оболенскій, не принадлежа къ составу коммиссіи, были постоянными собесѣдниками графа Стенбока по вечерамъ; А. С. Хомутовъ и А. В. Поповъ были членами правительственной коммиссіи по назначенію ярославскаго губернатора, при которомъ они состояли тогда чиновниками особыхъ порученій, а И. С. Аксаковъ и графъ Стенбокъ назначены были со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ членами той же коммиссіи, оставшейся не безъ слѣда въ исторіи изслѣдованія раскола.

Пав. Усовъ.

ЧЕРТА ИЗЪ ЖИЗНИ И. С. АКСАКОВА.

ДИНЪ за другимъ, точно сговорились, покидаютъ насъ замѣчательные русскіе люди и сходятъ въ могилу, предоставляя нарождающемуся поколѣнію продолжать начатое ими дѣло; но, къ несчастью, жизнь все рѣже и рѣже, меньше и меньше, выставляетъ преемниковъ и продолжателей сшедшимъ въ могилу дѣятелямъ, и людямъ нашего времени, столь скуднаго талантами, остается одно — вспоминать съ признательностью объ усопшихъ «сѣятеляхъ добраго, вѣчнаго» и изъ ихъ дѣятельности почерпать идеалы, способные хоть немного освѣтить нашу будничную, малоплодную жизнь. Подобное воспоминаніе особенно умѣстно въ минуту тяжелой скорби, какую переживаетъ теперь вся мыслящая истинно русская Россія отъ потери великаго поборника національныхъ интересовъ, Ивана Сергѣевича Аксакова.

Я не имѣю въ виду, да и не располагаю средствами, чтобы говорить о покойномъ какъ о писателѣ-публицистѣ; я хочу лишь привести два факта изъ его частной жизни, ярко характеризующіе его горячее, любвеобильное сердце. Добрыя дѣла переживаютъ человѣка, являясь достояніемъ исторіи, но тѣ, которыя намѣренъ я передать, имѣютъ, кромѣ, такъ сказать, спеціальнаго значенія, особенное, касаясь отношеній и симпатій покойнаго къ наукѣ и литературѣ, нашедшимъ въ Иванѣ Сергѣевичѣ весьма крупнаго представителя.

Такіе факты ни одинъ честный человѣкъ не имѣетъ права держать подъ спудомъ.

Осенью 1880 года, будучи четверокурснымъ студентомъ Московскаго университета, я поселился на одной квартирѣ съ бывшимъ ученикомъ VII класса одной изъ московскихъ гимназій, человѣкомъ крайне даровитымъ, съ большой начитанностью, вышедшимъ изъ гимназіи лишь въ силу тяжелыхъ условій неприглядной семейной обстановки и вскорѣ прервавшимъ всякую матеріальную связь съ семьей.

Не имѣя призванія къ занятію репетиторствомъ и преподаваніемъ и обладая бойкимъ перомъ, мой сожитель тщетно толкался по разнымъ московскимъ редакціямъ, добиваясь или помѣщенія заготовленныхъ имъ беллетристическихъ вещичекъ, или сотрудничества по отдѣлу: «Театръ и музыка». Наконецъ, потерявъ терпѣніе выслушивать разныя обѣщанія и пресловутое: «навѣдайтесь недѣльки черезъ двѣ», онъ, по моему совѣту, рѣшился обратиться за работой къ Ивану Сергѣевичу, издававшему уже тогда газету «Русь». Послѣ долгихъ колебаній, отправились мы на Спиридоновку, гдѣ тогда помѣщалась редакція. Я, зная редакціонные порядки, остался дожидаться на улицѣ, ждалъ долго, отправился наконецъ домой, и только часа черезъ два кандидатъ въ литераторы возвратился. Оказалось, что всѣ мѣста въ редакціи заняты, но Иванъ Сергѣевичъ удержалъ хотѣвшаго откланяться просителя, распросилъ его біографію, приглашая быть вполнѣ откровеннымъ, и заказалъ полугодичное обозрѣніе репертуара Малаго театра, такъ какъ проситель хлопоталъ о работѣ въ области искусства. Дѣло прошлое, но, положа руку на сердце, могу завѣрить, что редактору «Руси» не было никакой надобности въ театральной хроникѣ, она не входила въ программу изданія, не вязалась съ обычнымъ матеріаломъ газеты и не могла, наконецъ, интересовать подписчиковъ «Руси», привыкшихъ къ серьёзному чтенію. Да, кромѣ всего, статья моего пріятеля была единственной статьей по театру въ «Руси» за все время ея пятилѣтняго существованія. Все это я, конечно, сознаю теперь, но тогда мы оба были очень юны (пріятелю было 19 лѣтъ), не знали жизни и вѣрили на вѣру въ то, чего намъ хотѣлось, и сожитель мой былъ увѣренъ, что его статья не менѣе любой передовицы необходима для такого изданія, какъ Аксаковское. Черезъ нѣсколько дней, когда работа была окончена, отнесена и прочтена лично редактору (замѣтьте, на это нужно время), Иванъ Сергѣевичъ очень расхвалилъ ее и далъ за нее 25 рублей, хотя она, сколько я помню, даже при пятачковомъ разсчетѣ за строку, стоила maximum 15 рублей. Но мы, разумѣется, не имѣя ни малѣйшаго понятія о редакціонномъ тарифѣ, приняли гонораръ съ легкимъ сердцемъ, какъ должное за труды.

Затѣмъ, не имѣя возможности дать своему неожиданному сотруднику настоящаго дѣла (я уже сказалъ, что составъ редакціи былъ полонъ), Иванъ Сергѣевичъ поручалъ ему, для просмотра при-

сылавшіяся во множествѣ въ редакцію разнообразнѣйшія произведенія, при первомъ взглядѣ на которыя опытный литераторъ, какъ покойный, могъ, не обинуясь, признать ихъ никуда негодными. Спрашивается, для чего все это дѣлалось? Да только для того, чтобы не отказать въ помощи и вмѣстѣ съ тѣмъ не задѣть юношескаго самолюбія, отказывая въ работѣ и предлагая прямую подачку, отъ которой, несомнѣнно, проситель отказался бы. Наконецъ, Иванъ Сергѣевичъ придумалъ новое дѣло для моего пріятеля—вести внутреннее обозрѣніе въ «Руси», или, вѣрнѣе, вырѣзать ежедневно изъ массы газетъ то, что ему казалось болѣе важнымъ. Не помню твердо, но, кажется, этотъ отдѣлъ въ «Руси» такъ и не привился, вѣроятно, по обилію текущаго матеріала и по недостатку мѣста (газета выходила два раза въ мѣсяцъ). Наконецъ, мой пріятель задумалъ жениться, и здѣсь не обошлось безъ самаго близкаго, реальнаго, или, точнѣе, матеріальнаго содѣйствія Ивана Сергѣевича. Вскорѣ затѣмъ мы разошлись съ пріятелемъ въ разныя стороны, и я знаю одно, что ему въ концѣ концовъ Иванъ Сергѣевичъ далъ мѣсто секретаря редакціи.

Это, такъ сказать, лицевая, показная сторона дѣла, а вотъ и закулисная. Каждый разъ въ бесѣдахъ съ своимъ сотрудникомъ Иванъ Сергѣевичъ наводилъ рѣчь на гимназію, говорилъ о необходимости для человѣка университетскаго образованія и eo ipso полученія аттестата зрѣлости, убѣждалъ готовиться къ выпускному экзамену при гимназіи и предлагалъ средства для жизни во время подготовленія къ экзамену. Мало того, чтобы лучше убѣдить юношу въ необходимости поступленія въ университетъ, Иванъ Сергѣевичъ обѣщалъ отправить его на свой счетъ изъ университета, или по окончаніи курса, за границу для конечныхъ занятій по избранной спеціальности, совѣтуя, если не ошибаюсь, заниматься философіей. Горячо и жарко говорилъ на эту тему Иванъ Сергѣевичъ, о необходимости широкаго образованія, знакомства съ европейской наукой и мыслью, если возможно въ самомъ ихъ родникѣ, дабы онѣ явились дѣйствительной, а не призрачной панацеей отъ многихъ и многихъ золъ человѣчества. Къ сожалѣнію, горячія слова Ивана Сергѣевича оказались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, и не онъ виноватъ, что ему не пришлось дать Россіи лишняго дѣятеля на національной почвѣ, въ сферѣ строго-русскихъ интересовъ. Онъ сдѣлалъ все, что̀ могъ.

Другой случай былъ лично съ пишущимъ эти строки.

Въ началѣ 1881 года, находясь въ критическомъ положеніи и опираясь на вышеописанный прецедентъ, я рѣшился обратиться къ Ивану Сергѣевичу съ просьбой о какой нибудь работѣ, тѣмъ болѣе, что въ писательствѣ въ это время я уже искусился. Выслушавъ мою просьбу и отвѣтивъ, что всѣ отдѣлы газеты заняты, Иванъ Сергѣевичъ тотчасъ же взялъ только что полученную и даже не

разрѣзанную книжку «Архива князя Воронцова» (на французскомъ языкѣ), спросилъ меня, владѣю ли я новыми языками, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, предложилъ сдѣлать выдержку изъ книги, или изъ отдѣльной статьи. Я помню, остановился на проектѣ Чичагова: «О причинахъ голодовки въ столицѣ (С.-Петербургѣ) въ 1806 г.», что̀ было тѣмъ болѣе удобно, что въ 1881 году хлѣбъ стоялъ въ цѣнѣ и часто встрѣчались случаи стачекъ хлѣбныхъ торговцевъ. «Такую работу,—закончилъ бесѣду, прощаясь, Ив. Сергѣевичъ,—я вамъ всегда могу предложить!» Это былъ мой первый и, къ сожалѣнію, послѣдній визитъ къ покойному редактору «Руси». Обстоятельства измѣнились, явились затормозившія работу причины, и я долженъ былъ возвратить книгу назадъ съ извинительнымъ письмомъ и лишь позднѣе напечаталъ краткое резюме упомянутой статьи въ газетѣ «Московскій Телеграфъ». Вотъ все, что я хотѣлъ сказать на свѣжей могилѣ Ивана Сергѣевича. Много ли найдется у насъ людей, которые бы, не говорю — сдѣлали доброе дѣло такъ охотно, но такъ горячо, скоро, рѣшительно и благородно поддержали нравственно молодаго человѣка? Многіе ли изъ представителей печати рѣшатся принять въ свой кружокъ, не говорю—лагерь, такого homo novus, какимъ былъ я, или мой товарищъ для покойнаго редактора «Руси?» А между тѣмъ этотъ пріемъ, это теплое, отечески-участливое отношеніе едва ли не имѣли рѣшающаго значенія для моего пріятеля и отчасти для меня, сообщивъ обоимъ горячую любовь къ текущей литературѣ и занятіямъ въ періодической печати. То обаяніе, ту теплоту и сердечность обращенія, которыя испытывалъ я, бесѣдуя съ Иваномъ Сергѣевичемъ, я испыталъ только одинъ разъ еще,—и это были лучшія минуты моей жизни,—въ бытность Ивана Сергѣевича Тургенева въ Москвѣ, на вечерѣ, данномъ въ 1878 году въ залахъ благороднаго собранія въ пользу недостаточныхъ студентовъ; но объ этой встрѣчѣ я разскажу когда нибудь въ другой разъ.

«Человѣкъ онъ былъ»! — повторю я слова, не разъ уже сказанныя объ И. С. Аксаковѣ, и думаю, что это самая лучшая оцѣнка его благороднѣйшей истинно-русской «широкой натуры» и чистѣйшей души.

Сергѣй Тимоѳеевъ.

ПАМЯТИ МУСОРГСКАГО.

АРТА 16-го исполнится пять лѣтъ со дня смерти Мусоргскаго, и мнѣ хочется дать отчетъ друзьямъ и почитателямъ этого великаго композитора нашего въ томъ, что̀ въ эти пять лѣтъ сдѣлано для его произведеній.

Мусоргскій умеръ 42-хъ лѣтъ, далеко не докончивъ всего того, что у него было задумано. Многое осталось послѣ него не доведеннымъ до конца; иное, если и было кончено, то не было еще напечатано, оставалось никому неизвѣстнымъ, а назначенное для театра не достигало еще сцены.

Теперь все, что оставалось сдѣлать, сдѣлано. Мнѣ хочется обозрѣть и разсказать это.

Я приведу сначала главныя черты изъ жизни нашего автора.

Модестъ Петровичъ Мусоргскій родился 16-го марта 1839 года, въ Псковской губеріи, въ имѣніи своихъ родителей, селѣ Каревѣ (Торопецкаго уѣзда), и прожилъ тамъ до 10-тилѣтняго возроста. Тогда его привезли въ Петербургъ и отдали въ Петропавловскую нѣмецкую школу. Въ 1852 году, онъ поступилъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и, по окончаніи полнаго учебнаго курса, выпущенъ оттуда, въ 1856 году, офицеромъ, въ Преображенскій полкъ. Но въ военной службѣ онъ пробылъ недолго: весною 1859 года онъ вышелъ въ отставку, чтобы посвятить все свое время музыкѣ и музыкальному сочиненію. Но онъ не въ состояніи былъ жить одними своими средствами, и черезъ четыре года вынужденъ былъ снова пойдти на службу. Съ 1863 по 1868 годъ, онъ прослужилъ чиновникомъ въ инженерномъ департаментѣ, потомъ, съ 1868 по 1879 годъ, чиновникомъ въ лѣсномъ департаментѣ министерства государственныхъ имуществъ, наконецъ, съ 1879 по 1880 годъ,

чиновникомъ въ департаментѣ государственнаго контроля. Послѣдній годъ своей жизни Мусоргскій провелъ внѣ службы и въ великой нуждѣ, такъ какъ до сихъ поръ въ Россіи музыка (кромѣ плохой) не составляетъ еще значительнаго спроса ни со стороны публики, ни издателей, и не можетъ кормить талантливыхъ композиторовъ. Постоянный недостатокъ, неудачи, наконецъ, снятіе съ театральнаго репертуара лучшаго его созданія, оперы «Борисъ Годуновъ»,—сломили его силы, потрясли здоровье. Мусоргскій тяжко заболѣлъ, и, недолго прохворавъ, умеръ 16-го марта 1881 года, въ Николаевскомъ военномъ госпиталѣ.

Вотъ и всѣ главныя событія жизни Мусоргскаго. Біографія коротка, печальна, безотрадна, какъ почти у всѣхъ лучшихъ нашихъ талантовъ. Умеръ рано. Далеко не свершилъ всего, къ чему былъ, повидимому, назначенъ своими богатыми силами, богатою своею природою. Почти всю лучшую пору жизни своей принужденъ былъ провести на службѣ, за чиновничьимъ столомъ. А когда, не смотря на всѣ безпощадныя трудности жизни, всетаки, создавалъ крупныя, великія произведенія, которыми, конечно, будетъ гордиться будущая Россія, всякій разъ, со стороны власть имущихъ въ музыкальныхъ дѣлахъ нашихъ, употребляемы были всевозможныя усилія для того, чтобы задавить эти произведенія, не дать имъ выглянуть на свѣтъ.

Немногіе, даже изъ ближайшихъ друзей и почитателей Мусоргскаго, знаютъ настоящую исторію его «Бориса Годунова»,—исторію о томъ, какъ эта опера была принята на нашу театральную сцену.

Одна изъ самыхъ горячихъ поклонницъ и цѣнительницъ Мусоргскаго, талантливая Ю. Ѳ. Платонова, писала мнѣ: «Когда, осенью 1870 года, Мусоргскій представилъ въ театрально-музыкальный комитетъ своего «Бориса», онъ получилъ отказъ. Режиссеръ русской оперы, Г. П. Кондратьевъ, далъ въ свой бенефисъ, въ началѣ 1873 года, три сцены изъ этой оперы (къ тому времени значительно пополненной многими новыми вставками), эти сцены имѣли громадный успѣхъ въ публикѣ, но, всетаки, дирекція отказывалась ставить оперу. Но я уже давно задалась мыслью поставить «Бориса» во что бы то ни стало, и рѣшилась на крайній шагъ. Лѣтомъ 1873 года, когда директоръ театровъ, Гедеоновъ, былъ въ Парижѣ, я по случаю возобновленія моего контракта писала ему о моихъ условіяхъ, изъ которыхъ первымъ нумеромъ было: я требую себѣ въ бенефисъ «Бориса Годунова», иначе контракта не подписываю и ухожу. Отвѣта отъ него не было, но я хорошо знала, что будетъ по-моему, такъ какъ дирекція не могла обойдтись безъ меня. Въ половинѣ августа Гедеоновъ пріѣхалъ, и первое его слово, обращенное къ Н. А. Лукашевичу (собственно начальнику костюмной и декораторской части, а на самомъ дѣлѣ—фактотому дирек-

тора, хорошему тогда пріятелю и моему, и Мусоргскаго), было: — «Платонова требуетъ непремѣнно «Бориса» въ бенефисъ, что мнѣ теперь дѣлать? Она знаетъ, что я не имѣю права поставить эту оперу, такъ какъ она забракована. Что же остается намъ? Развѣ вотъ что: соберемъ вторично комитетъ, пусть опять разсмотрятъ оперу (въ новомъ ея видѣ), для формы; можетъ быть, они теперь и согласятся пропустить «Бориса». — Сказано—сдѣлано. Комитетъ, по приказанію директора, вторично собирается и вторично бракуетъ оперу. Получивъ злополучный этотъ отвѣтъ, Гедеоновъ посылаетъ за Ферреро (бывшимъ контрабасистомъ), предсѣдателемъ комитета. Ферреро является. Гедеоновъ встрѣчаетъ его въ передней, блѣдный отъ злости.

— «Почему вы забраковали оперу?

— «Помилуйте, ваше превосходительство, эта опера совсѣмъ никуда не годится.

— «Почему не годится? Я слышалъ много хорошаго о ней!

— «Помилуйте, ваше превосходительство, его другъ, Кюи, насъ постоянно ругаетъ въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», еще третьяго дня... — при этомъ онъ изъ кармана вытаскиваетъ нумеръ газеты.

— «Такъ я вашего комитета знать не хочу, слышите ли! Я поставлю оперу безъ вашего одобренія! — кричитъ Гедеоновъ внѣ себя.

«И опера была разрѣшена самимъ Гедеоновымъ для постановки, — первый примѣръ, чтобы директоръ превышалъ свою власть въ этомъ отношеніи. На другой день Гедеоновъ прислалъ за мною. Сердитый, взволнованный, онъ подошелъ ко мнѣ и закричалъ:

— «Ну, вотъ, сударыня, до чего вы меня довели! Я теперь рискую, что меня выгонятъ изъ службы, изъ-за васъ и вашего «Бориса». И что вы только нашли въ немъ хорошаго, я не понимаю! Я вовсе не сочувствую вашимъ новаторамъ, и теперь изъ-за нихъ долженъ, можетъ быть, пострадать!

— «Тѣмъ больше чести вашему превосходительству,—отвѣчала я: — что, не сочувствуя лично этой оперѣ, вы такъ энергично защищаете интересы русскихъ композиторовъ.

«Казалось, теперь все благополучно. Да нѣтъ, новое препятствіе: г. **, ёжась и внутренно злясь, представилъ директору, что некогда дѣлать репетиціи, такъ какъ много другой работы. Тогда мы сговорились дѣлать репетиціи частныя, у меня на дому, подъ управленіемъ самого Мусоргскаго. Хоры, по приказанію директора, долженъ былъ учить Помазанскій. Такъ и сдѣлали. Ревностно мы принялись за дѣло, съ любовью разучивали восхищавшую насъ музыку, и въ одинъ мѣсяцъ были готовы. Явились къ капельмейстеру нашему Направнику, требуя оркестровой репетиціи. Морщась, онъ принялся и, конечно, съ обычною своею добросовѣстностью исполнилъ свое дѣло на славу. Вотъ, наконецъ, и состоялось пред-

ставленіе «Бориса» въ мой бенефисъ (24-го января 1874 года). Успѣхъ былъ громадный. Но на второмъ представленіи, послѣ «сцены у фонтана», ****, искренно преданный мнѣ, какъ другъ, но по наговору консерваторіи заклятый противникъ Мусоргскаго, подошелъ ко мнѣ въ антрактѣ со словами:

— «И вамъ нравится эта музыка! И вы взяли эту оперу въ свой бенефисъ!

— «Нравится, — отвѣчала я.

— «Такъ я вамъ скажу, что это позоръ на всю Россію, эта опера!! — крикнулъ мой собесѣдникъ чуть не съ пѣною у рта, повернулся и отошелъ отъ меня...».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, повально вся наша музыкальная критика (въ томъ числѣ даже критикъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», долгое время глашатай, пропагандистъ и защитникъ новой русской школы) не уставала нападать на «Бориса», какъ на произведеніе «незрѣлое», «спѣшное», созданіе «недоучившагося музыканта», «диллетанта», «безграмотно, грубо и дерзко попирающаго всѣ традиціи, всѣ привычки...».

При такомъ отношеніи музыкальнаго начальства и критики, «Борисъ» продержался на сценѣ недолго. Послѣ смерти великаго нашего пѣвца, О. А. Петрова, съ необычайною талантливостью исполнявшаго роль монаха Варлаама, опера просуществовала еще нѣсколько времени, тѣмъ болѣе, что мѣсто Петрова занялъ г. Стравинскій, достойный наслѣдникъ Петрова, и очень талантливо и типично выполнялъ роль знаменитаго Пушкинскаго монаха. Ѳ. П. Коммисаржевскій, превосходный въ роли Дмитрія Самозванца, И. А. Мельниковъ—въ роли Бориса, тоже оставались на сценѣ; а Ю. Ѳ. Платоновой, талантливой, незамѣнимой Марины Мнишекъ, хотя и не было уже болѣе на нашей сценѣ, — ее вытѣснили оттуда Богъ знаетъ по какимъ нелѣпымъ соображеніямъ (которыя однажды будутъ разсказаны въ печати), но, всетаки, опера смѣло могла держаться. Однако, этого не случилось. Не взирая на всѣ симпатіи къ ней публики, особенно молодежи, ее свергли и запретили, ее забраковали и сняли съ репертуара. И вотъ уже сколько теперь лѣтъ о ней нѣтъ ни слуху, ни духу! Вотъ какъ музыкальное начальство твердо знаетъ, что эта опера — «позоръ на всю Россію!». Но, мало того, даже пока опера еще терпима была на сценѣ, ее уродовали и коверкали съ полнѣйшимъ произволомъ. Начальство уничтожило всю послѣднюю картину 5-го акта, сцену народа съ бояриномъ Хрущевымъ, приходъ двухъ монаховъ, Варлаама и Мисаила, а потомъ двухъ іезуитовъ, въѣздъ Самозванца съ отрядомъ войска, славленье его народомъ, пожаръ города, наконецъ, «плачъ юродиваго»: эти господа считали, что это все нехорошо и неприлично по сюжету, да и плохо по музыкѣ. Иначе думали люди, понимающіе новую музыку и новый геніальный починъ Мусоргскаго: они признавали все, что такъ

храбро вычеркивала дирекція, высшими перлами русской музыкальной школы и нашими правами на крупную строку въ исторіи музыки. Въ то же время историкъ Костомаровъ, такъ талантливо и пристально изучавшій смутную эпоху междуцарствія, въ восхищеніи говорилъ, увидавъ «Бориса» Мусоргскаго на сценѣ: — «Да, вотъ эта опера — такъ настоящая страница исторіи!». Но этого у насъ не понимали, да и понимать не хотѣли власть въ оперѣ имущіе, и невѣжественный капельмейстеръ не только урѣзывалъ въ оперѣ все, что не имѣло чести нравиться его рутинному вкусу (напримѣръ, сцену Пимена, множество вещей въ 3-мъ и 5-мъ актѣ), но искажалъ самыя коренныя и характерныя намѣренія автора: онъ заставлялъ цѣлый хоръ или цѣлую группу хора произносить то, что назначено было для одного отдѣльнаго, индивидуальнаго дѣйствующаго лица. Этимъ онъ превращалъ реформаторскія нововведенія Мусоргскаго, эти маленькія отдѣльныя сценки въ средѣ массы хора, въ обыкновенные рутинные пріемы общепринятой оперы. Не больно ли было въ то время каждому понимающему истинную музыку, быть безсильнымъ свидѣтелемъ такого самоуправства? Не омерзительно ли было вспоминать, что ничего подобнаго не посмѣлъ бы сдѣлать въ Германіи съ операми Вагнера ни одинъ самый враждебный этому композитору капельмейстеръ, потому что съ него строго взыскала бы публика, и сказала бы: «Вы всѣ тамъ съ вашими личными вкусами какъ хотите, а намъ подавайте оперу точь-въ-точь такъ, какъ ее сочинилъ авторъ!». Но у насъ было иначе, и ремесленникъ-капельмейстеръ уродовалъ великое, недоступное его узкому умишку, созданіе какъ хотѣлъ, а въ заключеніе всего — опера и вовсе была выброшена вонъ съ репертуара, чего никогда не случалось ни съ одной изъ несчастныхъ оперъ Верди, ни съ одной изъ столько же несчастныхъ отечественныхъ оперъ, каковы «Демонъ», «Рогнѣда» и иныя.

Но когда, послѣ смерти Мусоргскаго, въ театральную дирекцію было представлено другое крупное созданіе Мусоргскаго, его посмертная опера «Хованщина», музыкальный комитетъ почти единогласно рѣшилъ, что эту оперу принимать на сцену не должно. Тотъ самый капельмейстеръ, который такъ безобразно, посвойски распоряжался съ «Борисомъ Годуновымъ», громогласно объявлялъ теперь, что «довольно дескать намъ и одной радикальной оперы». Члены комитета, товарищи и пріятели капельмейстера или подчиненные ему во всемъ пѣвцы и пѣвицы, придакивали своему запѣвалѣ и подавали голосъ противъ Мусоргскаго и его недоступнаго для нихъ созданія. Чего же и ожидать было отъ людей мало свѣдущихъ, вовсе не музыкальныхъ и музыкально необразованныхъ, а только практиковъ и рутинеровъ! Дѣло идетъ о новомъ родѣ и стилѣ музыки, а вопросъ о томъ, чтобъ «быть» или «не быть», врученъ для рѣшенія людямъ, которые и въ старомъ-то еще ничего

не разумѣютъ, не то что въ новомъ, вновь нарождающемся, еще не утвержденномъ привычкой и школой! Два члена комитета, настоящіе музыканты, Н. А. Римскій-Корсаковъ и Ц. А. Кюи, незадолго передъ тѣмъ приглашенные въ этотъ комитетъ, тотчасъ же вышли оттуда вонъ, говоря, что въ такомъ собраніи «имъ нечего дѣлать». И дѣйствительно, это была напрасная и странная попытка. Глубоко-понимающихъ, истинно-талантливыхъ художни-

ковъ мудрено привести къ одному взгляду, къ одному образу мыслей, къ одному понятію съ низменными рутинерами и ординарными «практиками». Телѣгу имъ не свезти вмѣстѣ: «лебедь рвется въ облака, ракъ пятится назадъ!» Истиннымъ музыкантамъ оставалось отряхнуть прахъ съ ногъ своихъ — и уйдти. Они такъ и сдѣлали.

Съ тѣхъ поръ прошло цѣлыхъ пять лѣтъ. Никто на казенной сценѣ и не подумалъ, что есть у насъ крупное талантливое созданіе, противъ котораго мы виноваты, которому надо же когда нибудь оказать справедливость, которое надо же вывести изъ позор-

ной тюрьмы, присужденной ему невѣжествомъ и неразуміемъ. Гдѣ, въ какомъ краю Европы, опять-таки спрошу я, мыслимо что нибудь подобное? Вездѣ жаждутъ, ищутъ, просятъ новыхъ созданій, жалуются на ихъ недостатокъ, а то бы сейчасъ вывели ихъ съ радостью и торжествомъ на свѣтъ божій,—а у насъ они и есть, да ихъ душатъ и запираютъ на замокъ, имъ не даютъ выглянуть изъ позорныхъ цѣпей и безумнаго изгнанія. Мыслимо ли, напримѣръ, чтобъ въ Германіи утаивали и упорно запрещали бы давать на сценѣ которую нибудь еще неигранную оперу Вагнера? У насъ это вполнѣ мыслимо, и никто не возмущенъ, никто не приходитъ въ негодованіе. Все въ порядкѣ. Капельмейстеры и безсмысленные анти-художественные комитеты могутъ дѣлать, что хотятъ.

Лишь съ великимъ трудомъ и усиліемъ удалось друзьямъ и почитателямъ Мусоргскаго поставить вторую оперу его, на сцену, но и то только на маленькую, частную, гдѣ дѣйствующія лица—все только любители, еще не владѣютъ, конечно, всѣми художественными силами и средствами и не имѣютъ возможности выполнить оперу много разъ, постоянно, для всей массы публики, для всѣхъ сословій, для всего народа.

Но великая слава и честь этимъ благороднымъ и великодушнымъ любителямъ, поднявшимъ громадный трудъ, рѣшившимся положить столько усилій, заботъ, даровитости на выполненіе такого созданія, которое вовсе не признано еще массами, которое есть попытка на новыя задачи и на новое ихъ выполненіе, которое, значитъ, представляется чѣмъ-то еще рискованнымъ, проблематичнымъ.

Опера «Хованщина» осталась послѣ смерти Мусоргскаго частью не конченною, частью неприведенною въ порядокъ. Товарищъ и другъ Мусоргскаго, Н. А. Римскій-Корсаковъ, въ первыя же минуты послѣ кончины его объявилъ всѣмъ остальнымъ товарищамъ своимъ, что приготовитъ къ изданію всѣ сочиненія Мусоргскаго, оставшіяся еще неизданными, а «Хованщину» приведетъ въ порядокъ, докончитъ и оркеструетъ. Это былъ трудъ громадный, это было самопожертвованіе истинно великодушное: надобно было оставлять въ сторонѣ собственныя свои сочиненія, прекратить на время собственную свою музыкальную дѣятельность, чтобы посвятить себя созданіямъ покойнаго своего друга. Но что значитъ великодушная рѣшимость, когда она соединяется съ талантливостью, знаніемъ и умѣньемъ! Римскій-Корсаковъ написалъ, скоро послѣ смерти Мусоргскаго, цѣлую оперу, «Снѣгурочку», одно изъ величайшихъ созданій русской музыкальной школы, но это не помѣшало ему издать въ то же время, въ 1882 и 1883 году, цѣлый рядъ романсовъ, хоровъ и инструментальныхъ сочиненій покойнаго своего друга. И что же! Въ числѣ произведеній Мусоргскаго, требовавшихъ пересмотра, приведенія въ порядокъ, наинструмен-

тованія для большаго хора, солистовъ и оркестра,—была тоже и цѣлая опера. Но Римскій-Корсаковъ все это выполнилъ, и вотъ теперь все кончено, все издано въ печати, все передано въ руки публики.

Но не забыта была и біографія Мусоргскаго. Мнѣ удалось, немедленно послѣ смерти Мусоргскаго, собрать отъ родныхъ, друзей и близкихъ ему людей весь потребный для того матеріалъ. Въ «Вѣстникѣ Европы» 1881 года (май и іюнь) я напечаталъ подробную біографію Мусоргскаго, на основаніи краткой собственноручной его автобіографической записки, его многочисленныхъ писемъ, а также воспоминаній какъ моихъ собственныхъ, такъ и многихъ другихъ личностей, и послѣ того наврядъ ли можно многое фактическое прибавить къ сообщеннымъ тутъ фактамъ. При этомъ, я старался изобразить всю особенность таланта Мусоргскаго, его художественную физіономію, новость его почина и оригинальность созданныхъ имъ новыхъ оперныхъ формъ, его глубину и народность, правду его типовъ и характеровъ, и, наконецъ, и весь тотъ музыкальный кружокъ новой русской школы, среди котораго выросъ, возмужалъ и разцвѣлъ талантъ Мугоргскаго.

Первый заговорилъ о монументѣ Мусоргскому, если не всенародномъ, на площади, то хотя надгробномъ—Рѣпинъ, великій пріятель и поклонникъ Мусоргскаго. За немного дней до его смерти, Рѣпинъ написалъ съ тяжко больнаго Мусоргскаго, у самой кровати его, въ Николаевскомъ военномъ госпиталѣ, тотъ чудно-выразительный, тотъ глубоко-талантливый портретъ, который есть теперь одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ перловъ Третьяковской галлереи въ Москвѣ. Предложивъ возвести Мусоргскому, надъ его могилой, на кладбищѣ Александро-Невской лавры, памятникъ, Рѣпинъ первый же внесъ самую крупную лепту на это: весь тотъ гонораръ, который ему назначенъ былъ за портретъ.

Друзья и поклонники Мусоргскаго тотчасъ же приняли предложеніе Рѣпина, сложились между собою и поставили тотъ памятникъ, который, вмѣстѣ съ надгробнымъ памятникомъ Глинки (на томъ же кладбищѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ могилы Мусоргскаго) есть, конечно, нашъ талантливѣйшій и художественнѣйшій надгробный памятникъ.

Между всѣми ревностными почитателями Мусоргскаго, участвовавшими въ сооруженіи ему монумента, талантливые художники приняли самое живое участіе.

Римскій-Корсаковъ отдалъ на памятникъ весь тотъ гонораръ, который слѣдовалъ ему отъ музыкальнаго театральнаго комитета, гдѣ онъ засѣдалъ вплоть до забракованія тамъ «Хованщины».

Лядовъ, стоявшій въ началѣ 80-хъ годовъ во главѣ петербургскаго музыкальнаго кружка и управлявшій его оркестромъ и хорами, далъ отъ имени этого кружка концертъ въ память Му-

соргскаго, весь составленный изъ его произведеній, и сборъ съ него внесъ на памятникъ Мусоргскаго.

Глазуновъ внесъ въ капиталъ на постройку памятника назначенную ему «неизвѣстнымъ» значительную премію за 1-ю его симфонію.

Богомоловъ, одинъ изъ лучшихъ нашихъ архитекторовъ, отказался отъ всякаго вознагражденія за сочиненный имъ съ великою талантливостью и оригинальностью проектъ памятника.

Гинцбургъ, молодой скульпторъ (ученикъ Антокольскаго), отказался отъ всякаго вознагражденія за вылѣпленный имъ, въ натуральную величину, портретъ-горельефъ Мусоргскаго, высѣченный потомъ изъ камня, вверху памятника. Такъ какъ Гинцбургъ не зналъ Мусоргскаго и работалъ съ фотографіи, то недостававшее въ сходствѣ пополнено было, еще на модели, Рѣпинымъ и Антокольскимъ, друзьями Мусоргскаго.

Даровитѣйшій изъ нашихъ граверовъ, Маттэ, отказался отъ всякаго вознагражденія за награвированные имъ видъ памятника и портретъ Мусоргскаго (первый — о-фортъ, второй — на деревѣ).

Гг. Ботта и Винклеръ, съ великою художественностью и стараніемъ исполнившіе, первый — каменную, второй — желѣзную работу для памятника, сами предложили взять, какъ вознагражденіе, лишь ту сумму, которая слѣдовала за матеріалъ и на уплату рабочимъ.

Наконецъ, гг. пѣвчіе хора Александро-Невской лавры, съ г. Львовскимъ въ главѣ, отказались отъ вознагражденія за пѣніе свое при панихидѣ во время открытія памятника, подобно тому, какъ они отказались отъ вознагражденія за пѣніе обѣдни и панихиды при погребеніи Мусоргскаго въ 1881 году.

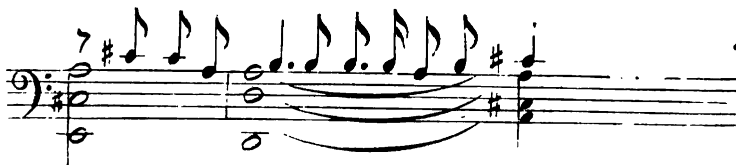
Памятникъ сочиненъ въ русскомъ стилѣ. Медальонъ съ портретомъ, окруженный лавровыми вѣтвями, и съ широкой надписью вверху:

МУСОРГСКОМУ

увѣнчанъ очень оригинальнымъ и изящнымъ фронтономъ, въ видѣ русскаго кокошника, упирающагося на маленькія русскія колонки.

Подъ портретомъ выдѣлана изъ камня клавіатура фортепіано. Этотъ инструментъ, всегдашній товарищъ композиторовъ, въ первый разъ является не только на надгробномъ, но и вообще на архитектурномъ и скульптурномъ памятникѣ. Надъ клавіатурой вырѣзанъ на камнѣ великолѣпный стихъ Пушкина, вложенный въ уста монаху Пимену и воспроизведенный Мусоргскимъ въ его «Борисѣ Годуновѣ»:

По сторонамъ памятника вырѣзаны на каменныхъ доскахъ, какъ бы на скрижаляхъ (по образцу старинныхъ русскихъ памятниковъ), названія всѣхъ главнѣйшихъ созданій Мусоргскаго, его оперъ, хоровъ, романсовъ.

На задней сторонѣ памятника написано выпуклыми буквами:

МОДЕСТЪ ПЕТРОВИЧЪ

МУСОРГСКІЙ.

Род. 16 марта 1839.
Сконч. 16 марта 1881.

Наконецъ, на необыкновенно-оригинальной и изящной рѣшоткѣ, окружающей памятникъ и сочиненной архитекторомъ Богомоловымъ, верхній фризъ составленъ изъ нотныхъ линеекъ, на которыхъ золотыми нотами написано нѣсколько темъ изъ сочиненій Мусоргскаго.

Ноты на надгробномъ памятникѣ въ первый разъ употреблены — для Глинки. Въ 1857 году, когда архитекторъ И. И. Горностаевъ сочинялъ проектъ того памятника, я ему присовѣтовалъ вырѣзать на камнѣ, вверху памятника, строчку нотъ изъ великаго хора Глинки: «Славься, славься, святая Русь». Эти же ноты повторены, впослѣдствіи, на пьедесталѣ мраморнаго бюста Глинки, стоящаго въ фойе Большаго театра. Изъ желѣза же ноты выкованы, въ первый разъ, на рѣшоткѣ памятника, Мусоргскому, по моему же предложенію.

Первая тема (налѣво отъ зрителя) есть тема хора «Іисусъ Навинъ»:

«Велѣньемъ Іеговы
Сокрушить Израиль долженъ
Аммореевъ нечестивыхъ...»

Вторая тема взята изъ речитатива Пимена, въ «Борисѣ Годуновѣ»:

при словахъ:

«Помысли, сынъ, ты о царяхъ великихъ!».

Третья тема есть начало пѣсни монаха Варлаама, тамъ же:

«Какъ во го-ро-дѣ бы-ло во Ка-за-ни...».

Четвертая тема принадлежитъ хору «Каликъ перехожихъ», тамъ же:

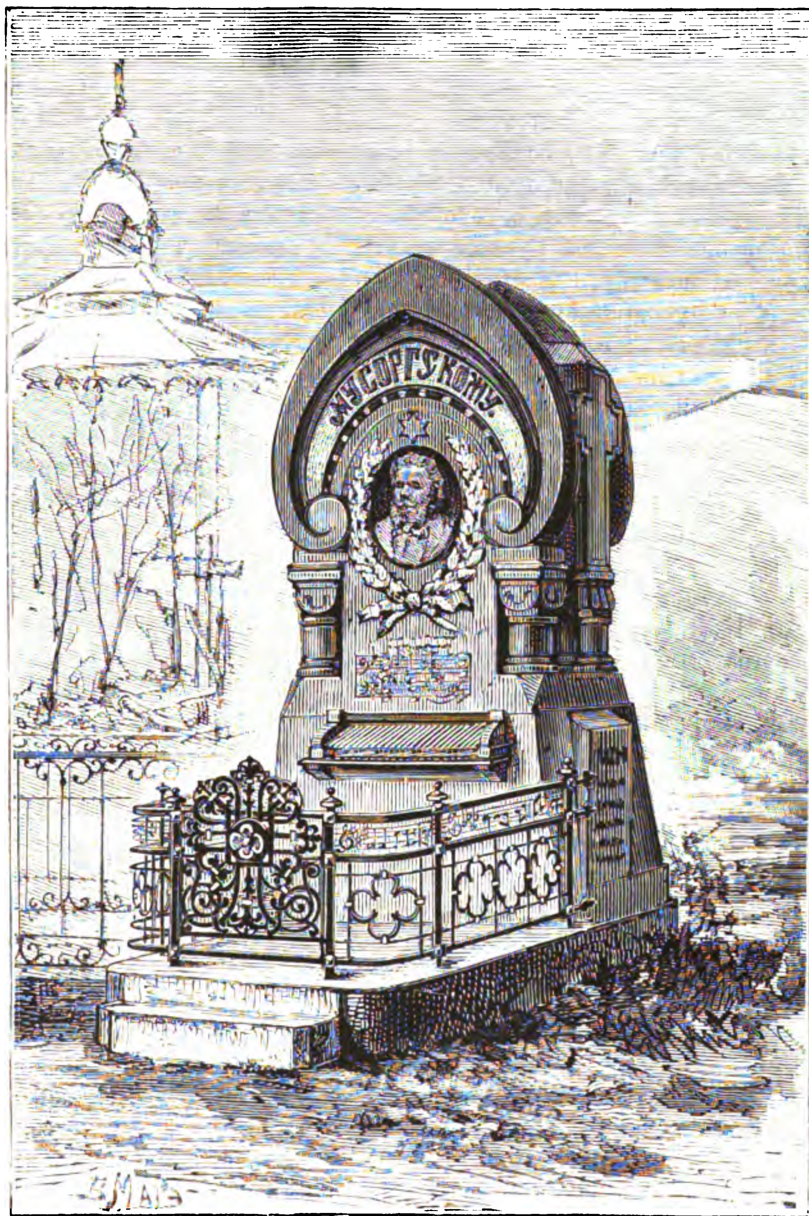

«Ангелъ Господенъ міру рекъ:
Поднимайтесь, тучи грозныя!..»

При выборѣ темъ требовалось не только выбрать такія, которыя были бы значительны въ музыкальномъ отношеніи, характерны и монументальны по тексту и музыкѣ, но которыя сверхъ того удовлетворяли бы особымъ требованіямъ желѣзной работы: такъ, напримѣръ, чтобъ ноты не выходили ни кверху, ни книзу изъ предѣловъ пяти нотныхъ линеекъ, чтобъ тутъ не было вовсе, или мало, точекъ и т. д. Это представило немало затрудненій.

Памятникъ Мусоргскому былъ открытъ его друзьями и почитателями въ 1885 году въ тотъ день, который играетъ особенно великую роль въ исторіи русской музыки:

27-го ноября.

Памятникъ Мусоргскому

на кладбищѣ Александро-Невской лавры.

Въ 1836 году, 27-го ноября, въ первый разъ на сценѣ дана была «Жизнь за царя», положившая основу русской музыкѣ и русской музыкальной школѣ. Шесть лѣтъ спустя, въ 1842 году, 27-го же ноября, въ первый разъ дана опера «Русланъ и Людмила», одно изъ величайшихъ созданій XIX вѣка, и, вмѣстѣ, геніальнѣйшее созданіе всей русской музыки.

Послѣ открытія и освященія памятника, произнесено было нѣсколько рѣчей: профессоръ А. П. Бородинъ, одинъ изъ ближайшихъ друзей Мусоргскаго, говорилъ о великомъ значеніи покойнаго композитора въ новой русской школѣ, и указывалъ на ту оригинальность, новизну, самостоятельность и глубокую національность, которыми Мусоргскій превзошелъ всѣхъ остальныхъ товарищей своихъ послѣдняго 25-лѣтія; П. С. Стасова указала на то, какъ Мусоргскій всю жизнь выполнялъ, при помощи могучаго и своеобразнаго таланта, свой великій девизъ: «Къ новымъ берегамъ!»; Н. Н. Римская-Корсакова возобновила въ памяти присутствующихъ воспоминаніе о поэтической, неотразимо-привлекательной для всѣхъ его знавшихъ, натурѣ Мусоргскаго. Наконецъ, я роздалъ присутствующимъ брошюру мою (отпечатанную въ 150 экземплярахъ), подъ названіемъ «Памяти Мусоргскаго»: къ ней были приложены портретъ его и видъ памятника, прекрасно награвированные граверомъ Маттэ.

Въ 1873 году, незадолго передъ постановкой «Бориса» на сценѣ Мусоргскій писалъ мнѣ: «Скоро на судъ! Бодро, до дерзости, смотримъ мы въ дальнюю музыкальную даль, что̀ насъ манитъ къ себѣ. И не страшенъ судъ. Намъ скажутъ: «Вы попрали законы божескіе и человѣческіе!» Мы отвѣтимъ: «Да!» и подумаемъ: «То ли еще будетъ!» Про насъ прокаркаютъ: «Вы будете забыты скоро и навсегда!» Мы отвѣтимъ: «Non, non et non, madame!» Глубоко вѣрую въ эти слова Мусоргскаго. Не вѣкъ же наши соотечественники все будутъ не понимать и чуждаться своихъ лучшихъ талантовъ! Мусоргскій одинъ изъ тѣхъ людей, которымъ потомство ставитъ монументы на площади.

Еще раньше, Мусоргскій писалъ мнѣ, въ 1872 г.: «Художественное изображеніе одной красоты — грубое ребячество, дѣтскій возрастъ искусства. Тончайшія черты природы человѣка и человѣческихъ массъ, вызываніе ихъ — вотъ настоящее призваніе художника. Къ новымъ берегамъ! Безстрашно, сквозь бурю, мели и подводные камни, къ новымъ берегамъ! Въ человѣческихъ массахъ, какъ и въ отдѣльномъ человѣкѣ, всегда есть тончайшія черты, ускользающія отъ хватки, никѣмъ не тронутыя: подмѣчать и изучать ихъ, въ чтеніи, наблюденіи, по догадкамъ, всѣмъ нутромъ изучать ихъ и кормить ими человѣчество, какъ здоровымъ блюдомъ, — вотъ задача-то, восторгъ и присно восторгъ!» Когда могучій, талантливый художникъ беретъ себѣ такія задачи для жизни, онъ рано или поздно окажется — однимъ изъ безсмертныхъ.

В. Стасовъ.

ПАРЛАМЕНТСКІЕ ВЫБОРЫ 1885 ГОДА ВЪ АНГЛІИ[1].

— Я хочу сдѣлать новое солнце, — что нужно знать для этого? — спрашиваетъ легкомысленный ученикъ своего профессора.

— Ты долженъ изучить солнечныя пятна, чтобы обойдтись безъ нихъ, — серьёзно отвѣтилъ профессоръ.

Изъ нѣмецкой мудрости.

I.

Въ ЯНВАРѢ 1885 года, на главныхъ артеріяхъ Лондона весело развѣвались красныя знамена, и за ними двигалась подъ звуки военнаго марша тысячная толпа средняго люда: рабочихъ, приказчиковъ и мелкихъ торговцевъ. Такія же процессіи совершались въ эти дни и въ другихъ городахъ Англіи, ибо населеніе ея праздновало утвержденіе палатой лордовъ реформы Гладстона о распространеніи права политическихъ выборовъ на бѣдный классъ жителей. Болѣе двухъ милліоновъ душъ получали впервые избирательное право и посредствомъ его участіе въ управленіи имперіей Велико-

---

[1]) Хотя авторъ, по обязанности спеціальнаго корреспондента «Новаго Времени», много писалъ въ эту газету о парламентскихъ выборахъ, но въ настоящемъ очеркѣ нѣтъ повтореній того, что было написано въ корреспонденціяхъ автора. Очеркъ разсказываетъ лишь о внѣшней сторонѣ выборовъ, не касаясь внутренней и внѣшней политики Англіи. На всѣхъ приложенныхъ къ очерку каррикатурахъ, заимствованныхъ изъ англійскихъ газетъ, государственные люди Англіи изображены съ поразительнымъ сходствомъ.

британіи, имѣющей около трехсотъ пятидесяти милліоновъ населенія и болѣе восьми съ половиною милліоновъ квадратныхъ миль пространства. Три четверти этихъ новыхъ избирателей принадлежитъ къ тѣмъ классамъ народа, который еще никогда не выражалъ активно своихъ политическихъ идеаловъ и симпатій, никогда также политическіе дѣятели страны не интересовались доселѣ о томъ, что и кто больше нравится этимъ классамъ въ вопросахъ внѣшняго и внутренняго направленія отечества. Вѣка жили рядомъ, сами, отцы, дѣды и прадѣды, встрѣчались, имѣли общія дѣла, бесѣдовали, разговаривали, и вдругъ оказалось, что съ политической точки зрѣнія совершенно не знаютъ другъ друга. Такимъ образомъ вопросъ о народѣ и народныхъ воззрѣніяхъ явился на англійскую общественную арену въ прошломъ году въ первый разъ и, какъ интересная новость, вызвалъ массу противорѣчивыхъ воззрѣній, догадокъ, объясненій, а также и массу проектовъ о томъ, какъ понравиться «невѣдомому избирателю». Поэтому вопросъ о народѣ былъ для послѣднихъ политическихъ выборовъ главнѣйшимъ изъ вопросовъ, тѣмъ «ovo», съ котораго въ Англіи начинался всякій политическій разговоръ втеченіе двухъ мѣсяцевъ законодательныхъ каникулъ и полуторыхъ мѣсяцевъ процедуры избранія, т. е. съ сентября по 15-е декабря.

Англійская свободная и вслѣдствіе этого богатая періодическая пресса всѣхъ цвѣтовъ немедленно отправила сотрудниковъ въ самые глухіе и забытые уголки своей родины, чтобъ тамъ, на мѣстѣ, познакомиться съ маленькимъ фермеромъ и зажиточнымъ батракомъ, а затѣмъ оповѣстить міру, какъ и что думаютъ о политикѣ эти невѣдомые доселѣ люди. Корреспондентовъ напутствовали прощальными ужинами съ шампанскимъ и крѣпко жали имъ руки, провозглашая тосты за успѣхъ ихъ миссіи, словно они уѣзжали не за три часа ѣзды отъ Лондона, а въ Лапландію или Австралію. Корреспонденты долго молчали; потомъ газеты долго не осмѣливались печатать ихъ письма, — содержаніе этихъ писемъ казалось даже обиднымъ, въ такомъ печальномъ видѣ изображались въ нихъ простодушныя и забитыя нуждой головы новыхъ земледѣльческихъ избирателей. Редакторъ «Daily News'a» возилъ набранныя корреспонденціи ко многимъ изъ главъ либерализма, которые и списывались по этому поводу съ Гладстономъ, путешествовавшимъ въ Швеціи и Норвегіи. Наконецъ, пришло разрѣшеніе печатать, и вотъ въ главнѣйшей либеральной газетѣ Англіи появился рядъ корреспонденцій подъ заглавіемъ «The New Democracy», въ которыхъ сообщалось, что великое большинство сельскаго населенія передовой страны Англіи, забытое всѣми руководителями и просвѣтителями, доселѣ безправное въ вопросѣ отечественной политики, живущее вѣка подъ страшнымъ гнетомъ маіоратства въ землевладѣніи, отстало на цѣлыя

Папаша—Салисбюри, мамаша—Гладстонъ, сынокъ—Чёрчиль. (Съ фотографіи).

столѣтія, не имѣетъ понятія о самыхъ элементарныхъ основахъ политическаго строя и даже не слыхало о тѣхъ радостяхъ и печаляхъ новѣйшей исторіи Англіи, которыя всѣ привыкли называть національными.

Авторъ этихъ статей, говоря о невѣжествѣ деревенскихъ избирателей, увѣряетъ, что, «если бъ я сказалъ кому либо изъ моихъ деревенскихъ знакомыхъ, что Тель-Эль-Кибиръ въ Австраліи, а Суданъ есть новое имя для мѣсяца, они повѣрили бы мнѣ... Я рѣдко встрѣчалъ, — продолжаетъ корреспондентъ, — крестьянина, знающаго что нибудь объ египетскомъ займѣ, о суданской войнѣ или афганскомъ вопросѣ». Консервативныя изданія дольше не рѣшались заговорить о новыхъ избирателяхъ; имъ казалось вплоть до начала выборовъ, что крестьяне, столь почтительно привыкшіе кланяться при встрѣчѣ съ землевладѣльцемъ-лордомъ, будутъ непремѣнно на сторонѣ послѣдняго. Это подозрѣніе въ почтительности распространялось даже на фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ, тоже нынѣ впервые въ нѣкоторой части облеченныхъ правомъ избранія. По общепринятому до 1885 года убѣжденію, Англія считалась страной, гдѣ наименѣе прививаются соціально-революціонныя идеи. На это жаловалась сама «интернаціоналка». Дѣйствительно, свобода слова, печати, митинговъ и ассоціацій, избавила рабочее населеніе Англіи отъ страстнаго отношенія къ рабочему вопросу, давъ широкую волю и длинное время на трезвое обсужденіе его. Притомъ же, особый складъ англійской общественной жизни, съ рѣзко отдѣленными другъ отъ друга кастами аристократіи, буржуазіи и необезпеченнаго населенія, не давалъ народу такихъ самозванныхъ учителей и пропагандистовъ, какъ Рошфоръ, Луиза Мишель и пр., имъ же нѣсть числа во Франціи. Здѣсь, напротивъ, рабочіе выдѣляли руководителей изъ собственной среды, которые при свободной организаціи представительства рабочихъ занятій, благодаря своимъ талантамъ и тѣмъ качествамъ, которыя особенно цѣнятся въ этой средѣ, выходили впередъ, дѣлались людьми извѣстными и олицетворяли собой рабочую массу. Качества, особенно цѣнимыя этой массой въ ея руководителяхъ, вовсе не мягкій и сладкій языкъ, а въ истинномъ смыслѣ слова примѣрная трудовая жизнь. Именно она давала этимъ руководителямъ вѣру въ нихъ рабочаго люда и такую силу, какой никогда не достигнетъ чужой человѣкъ для этой среды. Руководители-самородки не считали грѣхомъ богатѣть, и поэтому къ соціализму относились весьма равнодушно и, чтò вполнѣ естественно для трудоваго люда, свою безупречную жизнь облагораживали религіозной идеей, видя въ ней лучшее средство къ очищенію отъ пороковъ и потому стараясь неустанно проповѣдывать Евангеліе и Христа. Словомъ, коноводы англійскихъ рабочихъ до сей поры, выходя изъ среды рабочихъ, были не пропагандисты общественныхъ принциповъ, а скорѣе про-

повѣдники религіозныхъ догмъ. Этой особенности обязаны прочность мира и спокойствія въ огромныхъ мануфактурныхъ центрахъ, гдѣ каждый городъ изображаетъ производство на сотни и тысячи милліоновъ рублей. Свобода слова и сходки выводятъ наружу всякое мѣстное недовольство, а свободная организація и общеніе рабочихъ занятій не даютъ никому умирать съ голода въ дни безработицы. Фабриканты и заводчики знаютъ, къ кому обратиться за соглашеніемъ при спорѣ съ рабочими, и увѣрены, что рѣшеніе спора коноводами-проповѣдниками по правдѣ и евангелію будетъ безапел-

Маркизъ Салисбюри вытаскиваетъ Гладстона изъ Нила, т. е. изъ египетскихъ неудачъ. (Изъ a Diar. of the Gladst. Govern).

ляціонно принято массой народа... Такимъ образомъ и фабричные округа въ политическомъ отношеніи оказались terra incognita, о которой съ одинаковой осторожностью можно было доказывать и pro и contra...

Лидеры разныхъ партій и оттѣнковъ зорко слѣдили за наблюденіями прессы и часто собирали своихъ товарищей на обсужденіе. Увы, эти совѣщанія только запутывали дѣло, — никто, положительно никто, не обладалъ такими свѣдѣніями о народѣ, которыя бы дали перевѣсъ, авторитетъ и доказательность въ спорѣ.

Нѣкоторые изъ наиболѣе энергичныхъ политическихъ дѣятелей сами отправились въ экскурсію, или, говоря по общепринятому у насъ выраженію — «въ народъ». Чемберленъ, одинъ изъ передовыхъ членовъ бывшаго министерства Гладстона, выбралъ для своихъ наблюденій лондонскій докъ [1]) и описалъ это путешествіе съ полной наивностью человѣка, наткнувшагося на невиданное и диковинное зрѣлище — на бѣдныя семьи, живущія тяжкимъ трудомъ выгрузки и нагрузки судовъ, умѣющія не умирать съ голода, получая фунтъ стерлинговъ въ недѣлю на три-четыре души. Г. Чемберленъ въ названной выше книжкѣ, посвященной разсказу объ этой экскурсіи, сообщаетъ: чистыя или грязныя простыни и одѣяла у этихъ семей, искренне соболѣзнуя объ одной изъ нихъ, у которой дыры на одѣялѣ не заштопаны...

Не меньшей наивностью и удивленностью отличались наблюденія надъ народомъ противнаго лагеря—аристократовъ-торіевъ и консерваторовъ [2]). Тутъ главную роль приняли на себя супруги лордовъ, по поданному имъ примѣру госпожей Чёрчиль, бойкой, красивой и энергичной американкой. Упомянутая лэди Маннеръ, даровитая писательница и умная женщина, увидѣвъ въ первый разъ толпу рудокоповъ, была поражена и вывела изъ своихъ наблюденій, между прочимъ, дѣтское заключеніе: «Когда положеніе оратора не нравится рабочимъ, то они начиваютъ бурчать хоромъ, что̀, очевидно, доказываетъ ихъ долгую практику дѣйствовать сообща». Она же напечатала въ одномъ изъ самыхъ распространенныхъ и серьезныхъ журналовъ Англіи «The National Review», какъ неожиданное открытіе, что среди сельскихъ жителей есть много даже изъ обладающихъ, въ деревняхъ respectable positions, которые не умѣютъ ни читать, ни писать, потому что не учились, или чаще оттого, что забыли грамоту; дѣтей своихъ, — разсказываетъ леди-авторъ,—крестьяне берутъ изъ школы по достиженіи десятилѣтняго возроста, когда ребенокъ можетъ помогать въ хозяйствѣ семьи и пр. Результаты такихъ изслѣдованій прессы и путешествіе господъ въ народъ нисколько не выяснили, какъ мужикъ и рабочій полагаютъ на счетъ политики, и скорѣе привели къ убѣжденію, что мужикъ и рабочій еще ни до чего не додумались, что они — tabula rasa, на которой можно при стараніи написать какія угодно слова, или воскъ, изъ котораго можно сдѣлать любую фигуру. Консерваторы-лорды, на правахъ старыхъ владѣтелей земли, разумѣется, не только бравшихъ деньги съ фермеровъ, но порой благодѣтельствовавшихъ ихъ или сбавкой разсрочной платы, или постройкой школы, библіотеки etc., считали себя стоящими ближе къ народу и потому смѣлѣе принялись за лѣпку изъ него надлежащихъ полити-

---

[1]) The Radical Programme with a preface by I. Chamberlain.

[2]) My Election Experiences by lady John Manners.

ческихъ фигуръ. Вслѣдствіе этого въ первое время парламентскаго междуцарствія въ селахъ и деревняхъ устраивались только консервативные митинги и говорились только консервативныя рѣчи.

Либералы колебались. Умѣренной части ихъ было неловко слѣдовать примѣру торіевъ и призывать толпу во имя Господа Бога вотировать за нихъ. Такое обращеніе было бы противно принципамъ свободомыслія и позитивизма, — основамъ, на которыхъ зиждется на глазахъ у міра англійскій либерализмъ. Крайніе либералы поняли, въ свою очередь, что настало время на провозглашеніе соціализма главнѣйшимъ факторомъ государства, но, видя, съ какой самоувѣренностью консерваторы приступили къ лѣпкѣ изъ народа, трусили и задавались вопросомъ: а что, какъ народъ не захочетъ еще слышать о соціализмѣ и не пойметъ его значенія? До настоящихъ выборовъ слово соціализмъ не употреблялось ни однимъ изъ серьёзныхъ кандидатовъ въ законодатели [1]). Избиратели прошлаго времени имѣли сравнительно высокій цензъ, и потому представляли собой исключительно богатую и среднюю буржуазію. Слѣдовательно, въ прошлыя времена упоминаніе о соціализмѣ могло лишь испортить, а не помочь въ дѣлѣ избранія. Ибо для буржуазіи, напротивъ, требовалось увѣреніе въ душевной преданности кандидата правамъ собственности, капитала и торговли. Теперь же ясныя цифровыя и безспорныя данныя говорили, что избирательный центръ тяжести вырванъ навсегда изъ рукъ буржуазіи и попалъ въ распоряженіе тѣхъ, для кого на всемъ свѣтѣ разговариваютъ о соціализмѣ. Прошелъ цѣлый мѣсяцъ въ нерѣшительности, прежде чѣмъ крайніе либералы изобрѣли выходъ изъ опаснаго положенія: нельзя было имъ обойдтись безъ соціализма, но страшно было лишиться и старой буржуазной поддержки. Найденный выходъ изъ затрудненія былъ изображенъ въ толстой книгѣ подъ заглавіемъ «Радикальная программа». Собственно говоря, радикально въ ней было только одно—красный переплетъ, содержаніе же представляетъ печальную надежду—и невинность соблюсти, и капиталъ пріобрѣсти. Каждая страница этой программы начинается скромнымъ заявленіемъ, что мы де радикалы-соціалисты, и каждая страница кончается увѣреніемъ, что радикализмъ въ сущности ничѣмъ почти не отличается даже отъ консерватизма. Такая трусость передовыхъ общественныхъ и политическихъ дѣятелей Англіи есть лучшая иллюстрація ихъ невѣжества въ отношеніи знанія народа.

Эта двуличная программа, — какъ и слѣдовало ожидать, — была встрѣчена публикой крайне холодно. А между тѣмъ изъ консервативнаго лагеря шли самыя невеселыя вѣсти. Леди Маннеръ, напримѣръ, печатно разсказываетъ про свое удивленіе, что куда ни

[1]) См. статью Гейндмена въ ноябрской книжкѣ «The Nineteenth Century».

явится она съ лордомъ-супругомъ для митинговъ, вездѣ толпа простонародья привѣтствуетъ ихъ громкимъ крикомъ: «Red herrings!» (красныя селедки). Что это значитъ?—спрашиваютъ господа въ изумленіи; толпа молчитъ и, наконецъ, послѣ секретнаго изслѣдованія оказалось, что лордъ Маннеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ неосторожно выразился, что «красная селедка» съ хлѣбомъ вполнѣ достаточный завтракъ для рабочаго. Жалобы на новаго избирателя за то, что онъ началъ забываться, не попрежнему почтительно слушаетъ благородныя рѣчи, шумитъ и прерываетъ ихъ, быстро

Лордъ Чёрчиль науськиваетъ льва—Англію на медвѣдя—Россію, поражающаго афганца. (Изъ Com. Man.).

росли, и вопросъ о томъ, что же такое новый избиратель,—запутался еще болѣе. Въ это критическое время на сцену выступаетъ извѣстный лордъ Рандольфъ Чёрчиль, провозглашая себя вожакомъ рабочаго люда [1]). Чёрчиль по круглотѣ и простонародности формъ, а также по легкости словоизверженія, одинъ изъ первыхъ и популярнѣйшихъ ораторовъ Англіи. Въ рядахъ либераловъ Чёрчиль заслужилъ названіе «безсовѣстнаго», а консерваторы тревожатся его излишней подвижностью. Выйдя на трибуну настоящей черни, Чёрчиль провозгласилъ: «Наши меньшіе братья должны

[1]) The Speeches of Lord Randolph Churchill.

быть эмансипированы отъ пороковъ недостаточной цивилизаціи, какова невоздержанность, преступленіе и неустойчивая нравственность». Чернь внимала лорду съ величайшимъ вниманіемъ и съ восторгомъ привѣтствовала ея собственныя привычныя и вульгарныя шуточки и слова, вылетавшія изъ благородныхъ устъ Чёрчиля. Успѣхъ его превзошелъ всякія ожиданія пріятелей и недруговъ. Вся англійская печать разсказывала о шумныхъ оваціяхъ простонародья лорду Рандольфу, а въ Берлинѣ и Вѣнѣ начали уже предсказывать по этому поводу, что премьерство вскорѣ перейдетъ отъ Салисбюри въ руки счастливаго Чёрчиля. Никто не задавался, однако, вопросомъ, что̀ собственно прельщаетъ народъ въ рѣчахъ краснорѣчиваго лорда — внутреннее содержаніе ихъ, или ловкое краснобайство, услащенное простонародными пряностями, вплоть до нецензурныхъ словечекъ? Самъ Чёрчиль, разумѣется, всего менѣе былъ способенъ задать себѣ подобный вопросъ и успѣху приписывалъ идеальное значеніе. Такое самомнѣніе завлекло его такъ далеко, что онъ рѣшился выступить кандидатомъ въ рабочемъ Бирмингамѣ и соперникомъ стараго любимца-депутата этой мѣстности, маститаго и небезталантнаго старика, стяжавшаго европейскую извѣстность, Джона Брайта. Такимъ образомъ, тутъ еще разъ сказалось незнаніе государственныхъ коноводовъ Англіи ея народа...

Успѣхъ Чёрчиля встревожилъ либераловъ, въ особенности крайнихъ членовъ партіи Гладстона; имъ казалось, что виноградъ уже съѣденъ. Для нихъ, очевидно, оставалось единственное средство для борьбы съ храбрымъ лордомъ — опередить его въ обѣщаніяхъ народу благъ и удовольствій. Эту роль взялъ на себя опять Чемберленъ. Изъ трехъ главъ англійскаго радикализма, краснорѣчивы только двое — Чемберленъ и Дилькъ. Надъ послѣднимъ, какъ извѣстно, виситъ дамокловъ мечъ скандальнаго процесса о сожительствѣ съ женами подчиненныхъ чиновниковъ, и потому онъ жилъ какъ бы въ трауръ, и на долю одного Чемберлена выпала, такимъ образомъ, трудная, опасная и неблагодарная роль новой окраски британскаго либерализма. Чемберленъ говоритъ легко и умно, но въ немъ мало фантазіи, и онъ ничего не придумалъ лучшаго, какъ разсказать простонародію, что слѣдовало бы всю землю Англіи отнять отъ лордовъ и раздѣлить, чтобъ у каждаго крестьянина было три акра и корова [1]). Нѣкоторые слушатели его, къ сожалѣнію, совершенно упустили изъ виду условность такого положенія, понявъ попросту, что «три акра и корова» будутъ розданы каждому, если власть перейдетъ въ руки радикальной партіи. Газеты и журналы самымъ серьёзнымъ образомъ сообщали изъ различныхъ мѣстностей Великобританіи, что крестьяне отвѣчаютъ не-радикаламъ: «We can't vote for you, be-

---

[1]) The Speeches of M-r. J. Chamberlain.

cause a caw; you see, sir, would be so useful!» [1]). Словомъ, лозунгъ настоящаго соціализма былъ, наконецъ, произнесенъ и раздался по странѣ громкимъ эхомъ: «корова и три акра» сдѣлалось народной поговоркой и народнымъ pia desideria. Настоящая приманка была, наконецъ, отыскана, и вопросъ о томъ, кто такіе новые избиратели, разрѣшенъ. Во время выборовъ, торійскія газеты серьёзно заявляли, что въ Мидландѣ, напримѣръ, сельскіе жители, подавъ голосъ за радикаловъ, обращались потомъ къ мэру съ просьбой о немедленномъ награжденіи ихъ тремя акрами земли и коровой. Этимъ свѣдѣніямъ можно повѣрить, припоминая, что̀ разсказывали о народѣ его новѣйшіе изслѣдователи. Даже и въ судебной хроникѣ послѣднихъ дней немало свидѣтельствъ о наивности избирателей, и притомъ не захолустныхъ, а столичныхъ, лондонскихъ. Такъ, напримѣръ, въ лондонскомъ полицейскомъ судѣ Уоршипъ-стритъ дня черезъ два послѣ выборовъ нѣкто Бенжаменъ Айтонъ обвинялся въ томъ, что послалъ своего пріятеля подавать голосъ вмѣсто себя. Оба «преступника», Айтонъ и его пріятель, откровенно сознались, но никакъ не могли понять, за что̀ ихъ наказываютъ...

II.

Въ половинѣ ноября, за шесть недѣль до начала выборовъ, было объявлено о распущеніи стараго парламента, и настала горячая пора избирательной борьбы. Консерваторы приступили и къ ней, какъ къ новому избирателю, съ такимъ апломбомъ самоувѣренности, что въ публикѣ и дипломатіи имъ предсказывали несомнѣнную побѣду. Салисбюри принялъ во внѣшней политикѣ принципы либерализма, Чёрчиль проповѣдывалъ разрѣшеніе рабочаго вопроса, а военный министръ Смитъ говорилъ самые пламенные комплименты старой аристократіи. Такимъ образомъ, утверждали многіе, въ торійскомъ кабинетѣ каждый англичанинъ можетъ найдти рѣчь и человѣка по своему вкусу. Не смотря, однако, на такое, повидимому, великое противорѣчіе между членами одного и того же кабинета, консервативная партія оставалась однимъ компактнымъ цѣлымъ, безъ ссоры и спора внутри;— всѣ понимали, что идетъ «борьба» по вопросу «быть или не быть», и потому всѣ средства дозволены. Нѣтъ ничего легче, какъ перемѣна вѣтра во внѣшней политикѣ; если Чёрчилю удастся обойдти рабочихъ, тѣмъ лучше— они будутъ вотировать за консерваторовъ; а Смитъ перестанетъ говорить комплименты —сердиться, значитъ, не слѣдуетъ...

Совсѣмъ другую картину изображала собой либеральная партія. Главы ея до сихъ поръ были на подборъ изъ чистой аристократіи

---

[1]) Что значитъ: «Мы не можемъ вотировать за васъ, потому что корова, вы видите, сэръ, была бы очень полезна»... National Review, January, 1886.

мысли или крови; въ прошлую парламентскую сессію они, однако, пустили въ свою компанію трехъ сомнительныхъ людей—Дилька, Мурлея и Чемберлена, которые не будировали «господъ», держали себя тихо и скромно, не возбуждая вопроса, кто они и зачѣмъ они

Гладстонъ пляшетъ на цѣпочкѣ—Афганистанъ у медвѣдя—Россіи. (Съ фотографіи).

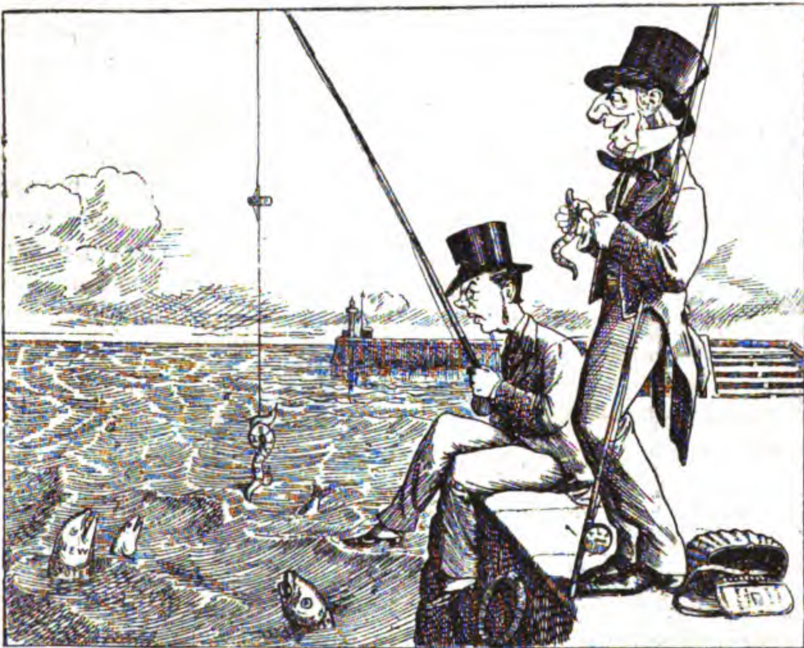
среди правительства. На такихъ условіяхъ сосѣдства съ названными лицами можно было согласиться, тѣмъ болѣе, что они не высказывали особыхъ талантовъ, поэтому никого не затемняли, а работали усердно, честно и добросовѣстно. Но теперь съ изобрѣтеннымъ девизомъ въ три акра съ коровой «радикальные члены ли-

беральной партіи» явились не только настоящими радикалами, демократами и даже соціалистами, но, главное, людьми, очевидно, разсчитывающими вознестись при помощи наивнаго новаго избирателя превыше всѣхъ другихъ членовъ гладстоновской партіи. Неудовольствіе, естественно, было велико противъ нихъ, и въ публикѣ, какъ и печати, стали ходить тревожные слухи, что у либераловъ расколъ, что ихъ партія трескается на части.

Кто же судья этихъ споровъ? Но это судья не такой, который зоветъ къ себѣ на судъ; онъ скромный и мирный человѣкъ, занимающійся собственными обыденными и мелкими дѣлишками, рѣдко, только въ крайнихъ случаяхъ отечественнаго горя или радости, вспоминающій о политикѣ и разсуждающій о государственныхъ дѣятеляхъ. Его надо вызвать изъ берлоги и, чтобъ вызвать, надо употребить самыя энергичныя средства. Средства эти общеизвѣстны—любезность, угощеніе избирателю, похвалы, рѣчи, митинги и статьи для своей партіи, также рѣчи, митинги и статьи съ прибавленіемъ каррикатуръ и даже статуй противъ политическихъ враговъ. Всѣми этими средствами Англія усерднѣйшимъ образомъ занималась втеченіе шести недѣль сряду. Мистеръ Брайтъ въ нынѣшніе выборы вышелъ даже изъ терпѣнія, глядя, съ какимъ подобострастіемъ и усердіемъ нѣкоторые кандидаты, а въ особенности ихъ добровольные поддерживатели, ухаживали за избирателями, и напечаталъ протестъ, говоря, что съ англійскимъ избирателемъ няньчатся какъ съ малымъ и неразумнымъ ребенкомъ...

Положеніе кандидата весьма не легкое и для кармана его очень тяжелое. Во сколько обходятся теперь выборы, сказать трудно. Новый законъ, обязывающій подъ страхомъ сильнаго наказанія не тратить на избраніе болѣе 900 фунтовъ (9 т. р.), заставляетъ молчать о суммѣ дѣйствительныхъ расходовъ. Въ прошлые выборы, однако, когда была полная слобода по этой части, мистеръ Джемсъ Лаузеръ въ Іоркширѣ, напримѣръ, израсходовалъ на выборѣ 6,111 фунтовъ (61,110 рублей), Джоржъ Элліотъ въ Дургамѣ—12,726 фун., т. е. болѣе 127 тысячъ рублей, и т. д. Вѣроятно, и нынѣ выборы стали лишь немного дешевле. Уменьшеніе расходовъ на выборы даетъ возможность кандидатуры для людей всѣхъ состояній и потому можетъ считаться мѣриломъ прогресса парламентскаго режима.. Съ этой точки зрѣнія наши дни ушли далеко впередъ сравнительно съ прошлымъ столѣтіемъ, когда, по свидѣтельству Маколея, избирательныя издержки и въ 100 тысячъ фунтовъ (милліонъ рублей) не считались экстраординарными. Угощеніе и любезность избирателю часто не обходятся безъ излишней фамильярности, непріятно щекотящей нервы и самолюбіе. Купцы, приказчики и простонародье превосходно понимаютъ, что они нужны кандидату, и экплоатируютъ его со всѣхъ сторонъ. Завтраки, обѣды

и ужины, угощеніе джиномъ въ «public houses», банкеты, митинги, балы, закладки разныхъ общественныхъ зданій и памятниковъ — все совершается на счетъ кандидата, причемъ онъ чествуется какъ первое лицо въ округѣ: до его пріѣзда не играетъ музыка, а на крыльцѣ ему говорятъ привѣтственныя рѣчи. Землевладѣльцамъ, желающимъ попасть въ парламентъ по выбору роднаго округа, кандидатура обходится еще дороже: фермеры требуютъ отъ нихъ пониженія ренты на десять, пятнадцать и даже двадцать процентовъ. Во весь періодъ выборовъ газеты ежедневно сообщаютъ, что

Іосифъ Чемберленъ ловитъ на приманку червячка — «соціализмъ» новыхъ избирателей — рыбъ. (Изъ Diar. o. t. Glad. Gov.).

такіе-то лорды на столько-то уменьшили платимую имъ сумму фермерами. Богатые владѣльцы разныхъ замковъ въ Англіи на эти шесть недѣль отказывались отъ всѣхъ удобствъ семейной жизни, обративъ свои залы въ трактиръ для простонародья, гостиныя — въ харчевню для бабъ, а прекрасные парки — въ луга для игры деревенскихъ ребятишекъ. Это безпокойство еще усугублялось ежедневной ужасной музыкой шести-восьми заѣзжихъ изъ Праги музыкантовъ. Изъ замковъ въ этотъ періодъ исчезъ ароматъ тонкихъ блюдъ и замѣнился острымъ запахомъ жаренаго сала и селедокъ, которыми графы и маркизы кормили мѣстную чернь. Цвѣты и

нѣжныя травки садовъ были затоптаны такъ, какъ будто по нимъ прошла непріятельская кавалерія; словомъ, жертвоприношенія собственнымъ спокойствіемъ богатыхъ людей въ пользу выборовъ превосходили всѣ прочія жертвы. По вечерамъ для простонародья приглашенные замками артисты играли разныя пьесы, увеселяя рабочій людъ пѣснями и декламаціей, въ паркахъ для молодежи устроивались танцы и фейерверки. Кромѣ того, леди, графини и баронессы занимали бабъ лотереями и аллегри. Наконецъ, для всего округа нѣкоторые кандидаты дѣлали великія дѣла благотворительности. Во многихъ городахъ Англіи, а также во многихъ частяхъ Лондона есть Hall'ы—огромныя зданія, вмѣщающія по нѣсколько тысячъ душъ, въ которыхъ бѣдный людъ находитъ дешевый доступъ на концерты, представленія и лекціи; тутъ же для народа даровая библіотека и читальня, а во время избирательной борьбы въ Hall'ахъ собираются многолюдныя сходки. Происхожденіе этихъ зданій почти вездѣ связано съ именемъ парламентскаго кандидата мѣстнаго округа — онъ или построилъ его на свой счетъ, или собралъ деньги, составилъ для него компанію на акціяхъ и т. п.

Второе средство—краснорѣчіе. Имъ занимались въ прошломъ году столь усердно, что графъ Кауперъ[1]) писалъ: «Мы имѣемъ несчастіе жить въ эпоху управленія болтовней, и если кто либо желаетъ принять участіе въ политической жизни, тотъ долженъ принять, прежде всего, участіе въ болтовнѣ. Надо жертвовать своимъ спокойствіемъ, отчасти даже самоуваженіемъ, но говорить надо до тѣхъ поръ и столько, сколько въ силахъ. Ораторская композиція, конечно, лучше посредственной рѣчи и послѣдняя лучше дурной, но въ настоящее время у насъ даже самая плохая рѣчь цѣнится неизмѣримо выше молчанія».

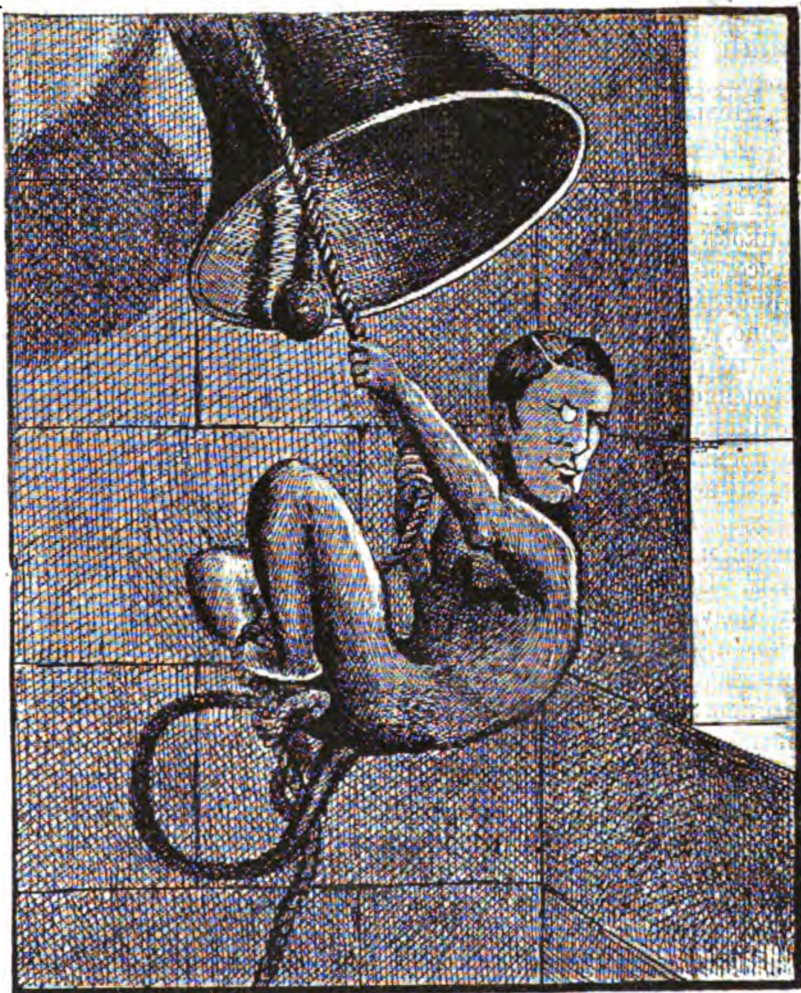
По разчету г. Трайля[2]), одни вожаки партій въ шестинедѣльный избирательный періодъ сказали 157 рѣчей, изъ нихъ 44 было консервативныхъ и 68 либеральныхъ; отчеты объ этихъ рѣчахъ заняли въ одной газетѣ «Таймсъ» 285 столбцовъ мелкой печати, среднимъ числомъ по полторы тысячи строкъ въ день; если разложить эти столбцы по землѣ, они заняли бы пространство въ 130 квадратныхъ футовъ! «Цѣлая страна,—заключаетъ авторъ этого вычисленія, — была погружена втеченіе двухъ мѣсяцевъ въ море словъ». Въ итогѣ оказалось, что на послѣднихъ выборахъ говорили въ пять разъ больше, чѣмъ на прошлыхъ, а говорящихъ кандидатовъ было въ десять разъ многочисленнѣе. Что населеніе чувствовало потребность въ рѣчахъ, о томъ свидѣтельствуетъ неизмѣнное переполненіе всѣхъ митинговъ. Народъ этими рѣчами учится

---

[1]) Статья «Что долженъ дѣлать умѣренный либералъ», въ «Nineteenth Century», 1885.

[2]) The plague of tongues by H. Traill, 1886.

и развивается лучше, чѣмъ воскресными школами, лекціями и чтеніями, но, конечно, нѣтъ на свѣтѣ добра безъ худа — многіе изъ кандидатовъ-ораторовъ злоупотребляли своимъ правомъ и вниманіемъ толпы. Такъ, нѣкоторые столь часто надоѣдали плохимъ

I. Чемберленъ въ видѣ обезьяны бьетъ ложную тревогу объ уничтоженіи всѣхъ привиллегій. (Съ фотографіи).

краснорѣчіемъ, говорили до того скучно и монотонно, что избиратели-слушатели приходили въ ярость и выпроваживали ихъ съ великимъ скандаломъ. Напримѣръ, жители городка Эльджиншира, по бóльшей части, рыбаки, добродушные и гостепріимные люди,

до того возмутились противъ либеральнаго кандидата сэра Джорджа Гранда, сказавшаго имъ подрядъ семь бездарныхъ и безцвѣтныхъ рѣчей, что въ восьмой разъ собрались съ громкими и длинными рупорами, какими въ частые туманы Ла-Манша рыбачьи лодки оповѣщають о своемъ присутствіи на водѣ проходящимъ пароходамъ. Трубными звуками изъ такихъ рупоровъ, отъ грома которыхъ могли бы рухнуть городскія стѣны, былъ встрѣченъ удивленный кандидатъ, ими прерывалось каждое его слово, ими же сопровождала толпа кандидата, когда онъ, понявъ значеніе столь оглушительной музыки, бѣжалъ изъ города...

Злоупотребленію словомъ, въ политическомъ смыслѣ, здѣсь придають очень малое значеніе. Каждое воскресенье въ обширныхъ паркахъ Лондона и другихъ городовъ нѣсколько десятковъ проповѣдниковъ соціализма, комунизма и анархіи свободно говорятъ рѣчи съ высоты маленькихъ скамеечекъ. Вокругъ нихъ толпа и, если кто нибудь среди ея захочетъ прерывать оратора, полицейскій, навѣрно, ухватитъ его за шиворотъ и оттащитъ прочь, чтобъ не мѣшалъ другимъ слушать. Такія рѣчи, разумѣется, не проходятъ совершенно безслѣдно, онѣ накапливаютъ въ головахъ бѣднаго люда горючій матеріалъ, но матеріалъ этотъ зажжетъ міръ только «въ свое время», ибо теперь англійская полиція состоитъ изъ великановъ, а неумолимо строгій судъ не знаетъ смягчающихъ обстоятельствъ, когда дѣло идетъ о нарушеніи порядка и благочинія, грозя за малѣйшій проступокъ нѣсколькими мѣсяцами каторжной работы. И такъ какъ въ Англіи избирательное право дано рабочему люду нынѣ впервые, при томъ же, по обычаю, выборы стóятъ дорого, а депутаты жалованья не получаютъ, то кандидатами и въ нынѣшній разъ явились почти исключительно богатые люди. Представители радикализма, напримѣръ, всѣ сплошь милліонеры. Они, понятно, совѣстились доходить до тѣхъ столповъ обмана и абсурда, какими угощаютъ народъ кандидаты во французскую палату, привыкшіе уже къ suffrage universel. При томъ же радикалы еще боялись натягивать нити, связующія ихъ съ либеральной партіей, и потому говорили, сравнительно, въ умѣренномъ тонѣ и обѣщали слушателямъ, сравнительно, немногое. Нѣтъ сомнѣнія, однако, что при дальнѣйшихъ повтореніяхъ и въ Англіи, подобно Франціи, выработается антипатичный классъ политиковъ, строящій личные разсчеты на обманномъ соблазнѣ толпы несбыточными утопіями. Руководители же рабочихъ, о которыхъ я разсказывалъ въ предъидущей главѣ, были очень молчаливы; они тоже впервые шли въ парламентъ и довольствовались пока своимъ прежнимъ довѣріемъ среди рабочей братіи. Словомъ, страхи за порядокъ и собственность совершенно не оправдались. А боявшихся и здѣсь, какъ бываетъ вездѣ, много. Они предсказывали, что демократизація выборовъ разрушитъ всѣ основы, и ошиблись — разрушеніе произойдетъ, но не теперь и не сразу.

Одной изъ главныхъ тэмъ какъ рѣчей, такъ и прессы, посвященныхъ избирательной борьбѣ, была, конечно, полемика партій. Разбивать чужіе доводы всегда легче, чѣмъ создавать собственные, а при низкомъ уровнѣ умственнаго развитія аудиторіи, занятіе бранью даже выгоднѣе, ибо скорѣе вызываетъ одобреніе и восторгъ. Оттого, вѣроятно, прочитавъ нѣсколько сотъ рѣчей лучшихъ ораторовъ и самыхъ извѣстныхъ дѣятелей Англіи, я не могъ бы разсказать, безъ страха за ошибку, какіе такіе положительные идеалы имѣются у здѣшнихъ радикаловъ, либераловъ и консерваторовъ. Они желаютъ реформъ, потребность которыхъ на столько назрѣла, что желаютъ ихъ всѣ партіи одинаково, расходясь между собой

Борьба лорда Чёрчиля съ І. Чемберленомъ по рабочему вопросу. (Изъ Com. Man.).

на весьма неопредѣленное число градусовъ. Таковы—реформы землевладѣнія, церкви, школы и мѣстнаго самоуправленія. За то брани, клеветѣ, критикѣ и каррикатурѣ было отведено широкое поле. Чтобъ ознакомить читателя, до какихъ геркулесовыхъ столбовъ доходила избирательная брань, беру нарочно рѣчи выдающихся ораторовъ. Вотъ для примѣра извѣстный и у насъ лордъ Чёрчиль; привожу нѣкоторыя его выраженія о знаменитомъ мужѣ англійскаго либерализма—Гладстонѣ. Этотъ премьеръ, по словамъ благороднаго лорда, «an unkenneled fox», «a poltroon and a traitor in the garb of a minister», «a purblind and sanctimonious pharisee», «evil and moonstruck minister»; про сына Гладстона (нынѣ члена парламента) Чёрчиль выразился: «the yelping, piping and screaming

of the small fry of the liberal party like M-r Herbert Gladstone» и т. д. [1]). Немногимъ менѣе досталось отъ сердитаго оратора другимъ коноводамъ вражеской партіи; про лорда Гартингтона онъ выразился: «an idiotic speaker», про Чильдерса — «the infaluated imbecility and drivelling idiocy of m-r Childers» и пр. [2]).

Гладстонъ, въ свою очередь, сказалъ однажды про партію консерваторовъ, на публичномъ митингѣ: «А земля?—вы хотите знать, безпокоятся ли о ея участи торіи? О, повѣрьте, имъ не то страшно, что церковь въ опасности, а то, что грозитъ ихъ поземельной монополіи! Они напоминаютъ мнѣ птицу потетупку, стратегія которой состоитъ въ томъ, что она кричитъ караулъ совсѣмъ не тамъ, гдѣ ей грозитъ опасность... Мнѣ невесело говорить это, но вотъ уже тридцать лѣтъ, какъ ложь сдѣлалась девизомъ торійской политики!» Чемберленъ на одномъ изъ митинговъ задался даже филологическими изслѣдованіями слова торіи и доказывалъ, что оно происходитъ или отъ ирландскаго слова, означающаго шайку разбойниковъ, или отъ кучерскаго крика «toree, toree!»

Въ другой рѣчи онъ самъ перечисляетъ нѣкоторыя любезности его политическихъ враговъ: «Одинъ торійскій кандидатъ заявилъ, что я дьяволъ во образѣ человѣка; другой—что меня слѣдуетъ повѣсить и что онъ съ удовольствіемъ присутствовалъ бы лично при этомъ зрѣлищѣ; третій называетъ меня атеистомъ; четвертый доказываетъ, будто я нажилъ состояніе самымъ безчестнымъ путемъ; пятый обвиняетъ меня въ томъ, что я сдираю кожу съ моихъ фермеровъ; шестой—въ томъ, что я вмѣстѣ со всѣмъ кабинетомъ министровъ, въ которомъ я участвовалъ, игралъ на повышеніе и пониженіе египетскихъ фондовъ» и т. д.

Чемберленъ же сострилъ какъ-то, что противъ либераловъ нынѣ возстало пять *p*, а именно: priests—попы, publicans—трактирщики, parsans—настоятели, parnellites—ирландцы-парнелиты и protectionists—протекціонисты. Чёрчиль на это немедленно отвѣтилъ, что Чемберленъ ошибся, не эти пять *p* мѣшаютъ либераламъ, а другія, составляющія основу радикализма: plunder—грабежъ, profanation—кощунство, prevarication—кривой путь, procrastination—медленность и pusillanimity—трусость.

Джаксонъ, либеральный кандидатъ въ Монмуширѣ, заявилъ своимъ слушателямъ—углекопамъ, будто маркизъ Салисбюри собирается наложить пошлину на привозную муку, вслѣдствіе чего де хлѣбъ вздорожаетъ непомѣрно. Бѣдному Салисбюри пришлось,

---

[1]) Эти выраженія въ переводѣ: «выгнанная изъ норы лисица», «трусъ и измѣнникъ въ мундирѣ министра», «близорукій пустосвятъ-фарисей», «преступный лунатикъ-министръ», «визжаніе, стоны и крики мелкой икры либеральной партіи, подобной Герберту Гладстону».

[2]) «Говорунъ-идіотъ» (про Гартингтона), «ослѣпленная глупость и бредъ идіотизма мистера Чильдерса»...

конечно, опровергать это извѣстіе во всѣхъ газетахъ. Сэръ Баррингтонъ-Сименъ, въ своей рѣчи на митингѣ, въ Шенклинѣ, сказалъ, что министры Салисбюри и Гикъ-Бичъ имѣли съ Парнелемъ тайное совѣщаніе въ курительной комнатѣ палаты лордовъ, выпили тамъ втроемъ нѣсколько стакановъ воды съ джиномъ и выкурили двѣ сигары. На другой день названные министры опровергаютъ это извѣстіе, а Салисбюри заявляетъ при этомъ, что онъ отъ роду не бывалъ въ курительной комнатѣ верхней палаты. Капитанъ Максуэль обвинялъ своего политическаго соперника О'Бріена въ возбужденіи убійствъ, грабежей и разбойничества... Стекольщикъ Лейсестеръ, избранный нынѣ въ члены парламента, однажды, на митингѣ рабочихъ говорилъ: «Я хочу попасть въ число законодателей, чтобъ научить засѣдающихъ тамъ, какъ надо работать съ пользой для народа, хотя тамъ и немало герцоговъ, думающихъ, что одно лицезрѣніе ихъ доставляетъ каждому честь и удовольствіе...». Либералъ Мильдской въ Девонширѣ заявилъ на митингѣ, будто Чёрчиль гдѣ-то сказалъ: «Новые избиратели не умнѣе того скота, которымъ они управляютъ на пашнѣ». Чёрчиль въ тотъ же день оповѣстилъ по телеграфу, что заявленіе это—«is a pure fabrication». Не смотря на эти образчики, всетаки, можно сказать, что либералы были умѣреннѣе на языкъ, но за то обѣ партіи преслѣдовали другъ друга съ совершенно одинаковой безцеремонностью и энергіей при помощи шрифта и рисунка[1]). Вотъ, напримѣръ, «Консервативный катехизисъ, или принципы организованнаго лицемѣрства», изданный одновременно въ двухъ самыхъ населенныхъ пунктахъ Англіи—Лондонѣ и Манчестерѣ. Въ этой брошюрѣ на шестнадцати страницахъ мелкаго шрифта идетъ рядъ вопросовъ и отвѣтовъ о всѣхъ подробностяхъ консервативнаго режима въ такомъ родѣ:

«Вопросъ. Въ чемъ заключается консервативная внутренняя политика?

«Отвѣтъ. Это совершенно зависитъ отъ положенія партіи, состоитъ ли она во власти, или въ опозиціи.

«Вопросъ. Въ чемъ же заключается политика консерваторовъ, когда они въ опозиціи?

«Отвѣтъ. Въ отрицаніи всѣхъ предлагаемыхъ либералами реформъ...

«Вопросъ. А когда они во власти?

«Отвѣтъ. Тогда они подражаютъ политикѣ ихъ оппонентовъ, заявляя, что они всегда были въ пользу тѣхъ мѣръ, противъ которыхъ кричали...

---

[1]) Предо мной имѣются: The Rall-Call by C. Yates; The Coming Man; Companion Pictures; A Diary of the Gladstone Governement; A Politlcal Humbug; Ioseph and his Brethren; A Word to Working Men; Songs for liberal Electors; Five Years of liberal Mis-Rule и The Conservative Catechism и пр.

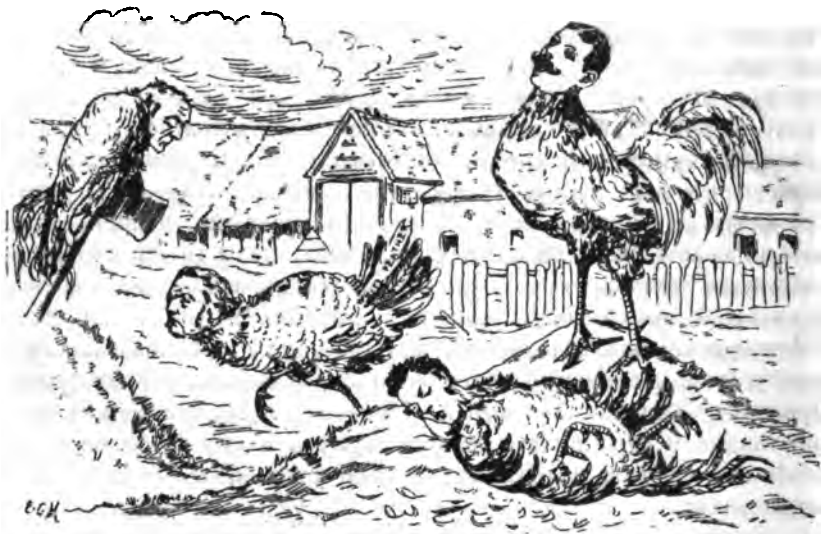
«Вопросъ. А нѣтъ ли какихъ нибудь вещей, которымъ консерваторы покровительствуютъ всегда, безразлично, во власти они или въ опозиціи?

«Отвѣтъ. Да. Они всегда покровительствуютъ продажѣ опьянительныхъ напитковъ и всегда идутъ противъ развитія образованія.

«Вопросъ. Почему же они противъ образованія?

«Отвѣтъ. Потому что образованіе и просвѣщеніе естественно приводитъ народъ къ неудовольствію противъ того оскорбительнаго порядка вещей, который терпѣливо переносился предками...

«Вопросъ. А почему они покровительствуютъ продажѣ опьянительныхъ напитковъ?

Побѣда лорда Чёрчиля надъ I. Чемберленомъ; Брайтъ убѣгаетъ, Гладстонъ опечаленный сидитъ на вѣточкѣ. (Изъ Comin. Man.).

«Отвѣтъ. Потому что распространеніе водочной продажи отнимаетъ у народа самоуваженіе, притупляетъ его чувства, разстроиваетъ его мыслительныя способности, держитъ его невѣжественнымъ, зависимымъ и безпомощнымъ...» и т. д.

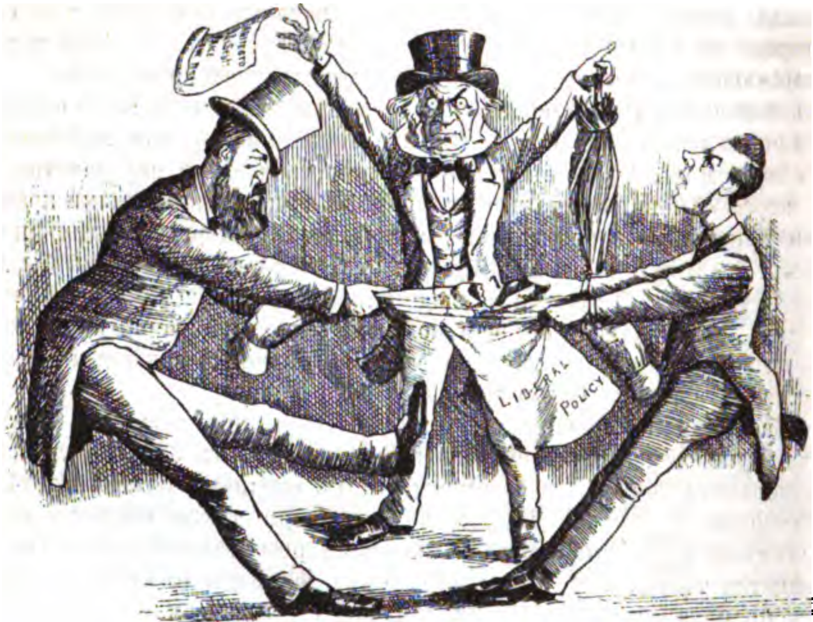
Консерваторы на этотъ обидный катехизисъ отвѣтили «Дневникомъ Гладстоновскаго правительства», въ которомъ по годамъ и днямъ за пять лѣтъ власти либеральнаго кабинета исчислили всѣ его дѣйствительные и мнимые промахи. Для ознакомленія съ содержаніемъ этой полемической брошюры выбираю изъ нея лишь то, что имѣетъ отношеніе также къ Россіи: «20-го декабря 1881 года. Избіеніе евреевъ русскими. В. Гладстонъ, который пылалъ негодованіемъ противъ болгарскихъ ужасовъ въ 1876 году, зажму-

рился на еврейскіе ужасы, потому что ихъ творили «святые русскіе», а не «отвратительные турки»...—15-го февраля 1884 года. Россія захватываетъ Мервъ, забравъ въ прошлое царствованіе либераловъ Бухару (1870) и Хиву (1873); за то «мистеръ Гладстонъ единственный иностранный государственный мужъ, на котораго въ Россіи смотрятъ съ довѣріемъ и уваженіемъ», какъ говоритъ г-жа Новикова въ ея книгѣ «Russia and England».—13-го марта 1885 года. Либеральный кабинетъ заявилъ о «соглашеніи», потомъ объ «обѣщаніи», наконецъ, о «священной клятвѣ», данной Россіей Англіи въ томъ, что она не двинется въ Афганистанъ... 31-го марта. Избіеніе пятисотъ афганцевъ русскими, которые при этомъ заняли Пендже. Въ 1879 году, В. Гладстонъ сказалъ: «Страхъ предъ территоріальнымъ расширеніемъ России не умнѣе страха старой бабы»,— и съ той поры Россія подвинулась на нѣсколько сотъ миль по направленію къ Индіи» и т. д. Всѣ же ошибки и неудачи либеральнаго правительства по внутреннимъ вопросамъ были перепечатаны изъ этого «Дневника» такимъ крупнымъ шрифтомъ, разными красками и на такихъ огромныхъ листахъ, что я впервые видѣлъ подобный размѣръ печати, и бумаги эти, гиганты-объявленія, были оттиснуты въ 400 тысячахъ экземпляровъ и налѣплены вездѣ на улицахъ, гдѣ только онѣ могли помѣститься, а по вечерамъ однимъ сплошнымъ листомъ этого объявленія заклеивались запертыя двери и окна магазиновъ. Содержаніе ихъ было таково:

«Засѣдали въ кабинетѣ Гладстона 16 министровъ, изъ которыхъ 8 перовъ; этотъ кабинетъ имѣлъ въ общемъ 341 т. фунтовъ поземельнаго дохода, и фермеры его въ среднемъ платили до 40 шиллинговъ за акръ... Кабинетъ Салисбюри также состоитъ изъ 16 лицъ и тоже изъ 8 перовъ, но общій поземельный доходъ ихъ равняется только 204 т. фунтовъ, и ихъ фермеры въ среднемъ выводѣ не платятъ болѣе 10 шиллинговъ съ акра земли... Съ каждаго фунта дохода англичане платили въ управленіе Дизраели 1 шиллингъ 8 пенсовъ, а въ управленіе Гладстона 3 шиллинга и полпенса; такимъ образомъ либералы втеченіе шести лѣтъ взяли со страны 41 милліонъ фунтовъ болѣе, чѣмъ въ такой же періодъ времени страна уплатила консервативному кабинету... Было израсходовано Гладстономъ съ 1880 года 526 мил. фунтовъ, т. е. 88 мил. въ годъ, или по 2 фунта 9 шиллинговъ съ каждаго жителя Великобританіи; а въ управленіе консерваторовъ только 472 мил. фунтовъ, т. е. лишь по 79 мил. въ годъ и не болѣе 2 фунтовъ 7 шиллинговъ съ головы... Втеченіе пятилѣтія либераловъ 1.312,207 англичанъ эмигрировали изъ отечества, а въ пятилѣтіе консервативнаго управленія эмигрировало только 622,515 душъ» и прочее...

Изъ полемическихъ брошюръ, личнаго содержанія, разумѣется, наибольшее число посвящено Гладстону, а послѣ него Чёрчилю и

Чемберлену. Первому достается даже за старость. «Въ 1868 году,— пишутъ консерваторы,—Гладстонъ отказалъ въ поддержкѣ Русселю на томъ основаніи, что покойному лорду было 76 лѣтъ отъ роду и потому что «послѣ 60 лѣтъ премьеръ можетъ сдѣлать очень мало», а теперь самъ почти 80 лѣтъ требуетъ себѣ власти перваго министра и руководителя партіи». Чёрчилю посвящена брошюра подъ заглавіемъ «Политическій хвастунъ, или полчаса бесѣды съ лордомъ Рандольфомъ Чёрчилемъ». Она написана въ такомъ духѣ: «Лордъ Рандольфъ Чёрчиль теперь министръ и, по хвастливому за-

Лордъ Гартингтонъ — представитель умѣреннаго либерализма и I. Чемберленъ — радикалъ рвутъ на части либеральную политику къ ужасу главы ея В. Гладстона. (Изъ D. of the Glads. Govern).

явленію его партіи, онъ политическая сила... Но чѣмъ же должны быть жрецы, когда у нихъ богъ—обезьяна? Каковы должны быть члены той партіи, у которой одинъ изъ главъ—отъявленный пасквилянтъ? И неужели способность лгать и клеветать есть качества, достаточныя для занятія одного изъ важнѣйшихъ государственныхъ постовъ?.. Лордъ Рандольфъ Чёрчиль выказалъ не разъ полнѣйшее невѣжество въ государственныхъ вопросахъ... онъ смыслитъ въ различныхъ общественныхъ задачахъ не болѣе любой мартышки... Этотъ лордъ, когда съ него снята маска честнаго человѣка, есть не болѣе какъ грубѣйшій клеветникъ, шумливый, безпринципный

и безобразный хвастунъ нашего времени». Благородному лорду достается даже за грѣхи его предковъ. «Кто такіе эти Чёрчили?— спрашиваетъ брошюра. —Это—фамилія, лишенная самой природой всего благороднаго; личность Джона Чёрчиля, перваго герцога Мальбро, была вся соткана изъ низости и безчестія... Онъ былъ человѣкъ, поднявшійся, благодаря обезчещенію его сестры, и былъ поддержанъ на высотѣ самой безстыдной, самой безнравственной кокоткой, вся жизнь которой была нескончаемымъ позоромъ и т. п.». Іосифу Чемберлену доставалось сильнѣе, чѣмъ его товарищамъ, потому что, какъ я говорилъ выше, именно на его долю выпала тяжелая задача дать опредѣленную окраску радикальной партіи, впервые въ англійской исторіи вступающей на шаткую еще почву соціальнаго демократизма. Естественно поэтому, что именно онъ сдѣлался главнымъ предметомъ ненависти многихъ, злой насмѣшки, каррикатуры и памфлета. Предо мной, напримѣръ, толстая книжка «Іосифъ и его братья», съ портретомъ Чемберлена на обложкѣ и со многими рисунками внутри. Книга написана прекрасными стихами; привожу маленькую частичку ихъ въ подстрочномъ переводѣ

.....Спитъ спокойно
Нашъ Іосифъ, и грезится ему будущее:
Въ тронной залѣ Виндзора
Собрались всѣ звѣзды государства,
Церкви, арміи и театра...
Королева стоитъ тутъ же и около нея
Принцъ Уэльскій... Твердыми шагами
Пришелъ туда Іосифъ и обратился
Къ августѣйшей и блестящей компаніи:
«Теперь, Вильямъ Гладстонъ,
Мадамъ Викторія Гвельфъ, вы,
Бывшій принцъ, мастеръ ложи массонской.
И вы, джентльмены, слушайте: съ этого дня
У насъ болѣе не существуетъ учрежденія, называемаго короной...
И если вы, мадамъ, имѣете что нибудь возразить,
То я къ вашимъ услугамъ, говорите скорѣе, прошу» и т. д.

Къ летучей избирательной литературѣ, съ образчиками которой въ прозѣ, стихахъ и рисункахъ мы познакомились, слѣдуетъ присоединить и повременную прессу, девять десятыхъ своихъ столбцовъ также посвящавшей избирательной борьбѣ. Развитіе и направленіе англійской прессы почти совпадало съ расширеніемъ избирательнаго права. Такъ, въ прошломъ десятилѣтіи въ Англіи было 680 періодическихъ изданій, теперь ихъ 1,177. Изъ нихъ, напримѣръ, въ Шотландіи въ 1874 году было 16 консервативныхъ и 67 либеральныхъ, а теперь 21 консервативныхъ и уже 84 либеральныхъ. Вообще же изъ 179 ежедневныхъ газетъ, имѣющихъ, конечно, наибольшее вліяніе на настроеніе умовъ массы, 74 дер-

жатся либеральнаго направленія, 41 консервативнаго и 64 независимаго (въ большинствѣ радикальнаго).

Изъ этихъ изданій сатирическіе журналы—«Punch», «Judy» [1]), «Fanny Folks», «Slaopers», «Moonshine», «The Penny Illustrated Paper», «Illustrated Bits» и пр., такъ много писали о выдающихся дѣятеляхъ англійскаго государства, такъ часто рисовали ихъ, что нельзя было не дивиться находчивости и разнообразію этого избирательнаго писательства и рисованія. Въ періодической прессѣ также мало церемонились съ великими міра сего, какъ и въ летучей литературѣ, награждая всѣми пороками политическихъ враговъ, изображаемыхъ и графически не иначе какъ уродами и глупыми животными, а политическихъ друзей возвеличивая блестящими качествами и эпитетами. Вотъ предо мной лежитъ, напримѣръ, послѣдній номеръ «Illustrated Bits» и въ немъ рисунокъ на цѣлой страницѣ, изображающій Ирландію въ видѣ свиньи во фракѣ, ведущую на веревкѣ прошлаго и нынѣшняго премьера; у обоихъ сквозь носъ продѣты кольца; Салисбюри въ горностаевой мантіи и маркизской коронѣ, а Гладстонъ ползетъ на четвереньках... Если бы вы, по русской привычкѣ, спросили англичанина, не обижается ли онъ печатной бранью или безобразной каррикатурой, — вы оскорбили бы его. Въ свободной странѣ,—скажетъ онъ,—всякое мнѣніе и слово свободно, хотя бы они казались кому либо чудовищными. Литераторъ и печать, по общераспространенному здѣсь мнѣнію, не только могутъ, но обязаны разбирать и критиковать, какъ умѣютъ, все, что творится подъ знаменемъ общественнаго дѣла, и всѣхъ, кто работаетъ подъ этимъ знаменемъ. За то двери въ кабинетъ, спальню и столовую любаго дѣятеля такъ же неприкосновенны въ Англіи для прессы, какъ и для полиціи. Признаюсь въ грѣхѣ—я, всетаки, думаю, что злоупотребленіе каррикатурой и печатной бранью можетъ затмить на время даже свѣтлую личность и золотое дѣло, какъ облака заслоняютъ на время солнечные лучи; а потому, вспоминая фразу Вольтера—«клевещите, въ концѣ-концовъ останется что нибудь», я обращался не разъ къ передовымъ людямъ Англіи съ щекотливымъ вопросомъ относительно моихъ сомнѣній. Мнѣ отвѣчали приблизительно слѣдующей тирадой:

—Да, если бъ только одного меня бранили и изображали въ смѣхотворномъ видѣ на рисункахъ,—это было бы плохо; но такъ какъ всѣхъ одинаково бранятъ и одинаково представляютъ на каррикатурахъ, то убытокъ у всѣхъ равный, или, вѣрнѣе нѣтъ ни для кого убытка... Наши общественные дѣятели служатъ не по назначенію отъ короны, не по протекціи, а единственно въ силу своего вліянія на народъ и въ мѣру народнаго довѣрія къ нимъ. Это

---

[1]) Punch, Judy и Toby—супругъ, супруга и ихъ собачка въ любимомъ народномъ представленіи куколъ, по-нашему называемомъ «петрушкой».

такія основы службы и дѣятельности, что едва ли величайшій геній можетъ пошатнуть ихъ при помощи стиха, прозы или рисунка... Остроуміе всѣмъ мило и даже тому, надъ кѣмъ оно разражается, а грубость... всѣ одинаково отворачиваются отъ нея, и она умираетъ безъ впечатлѣнія...

Вначалѣ выборовъ побѣда была на сторонѣ консерваторовъ, и потому, Салисбюри превозносится, а Гладстонъ падаетъ. (Съ фотографіи).

Наконецъ, къ услугамъ избирателей въ періодъ борьбы появилось въ свѣтъ нѣсколько весьма серьезныхъ трудовъ, посвященныхъ вопросамъ о выборахъ и партій. Нѣкоторые изъ этихъ из-

даній мы уже назвали въ примѣчаніяхъ къ тексту. Самая капитальная изъ такихъ книгъ носитъ названіе «Gladstone's House of Commons by O'Connor», въ которой на шестистахъ страницахъ по днямъ записаны всѣ выдающіяся событія парламентской жизни за послѣднее пятилѣтіе главенства Гладстона, и въ концѣ приложенъ алфавитный списокъ всѣмъ именамъ и вопросамъ, о которыхъ парламентъ имѣлъ разсужденіе [1]). Критика очень ловко выразилась о названной книгѣ, сказавъ, что едва ли на верховномъ судилищѣ того свѣта будетъ открыто по части грѣховъ и добродѣтелей гладстоновскаго парламента что либо такое, чего нѣтъ въ книгѣ г. О'Коннора. Въ этомъ почтенномъ трудѣ каждый интеллигентный избиратель могъ скоро и легко провѣрить дѣйствія и слова либеральнаго кабинета по любому интересующему его вопросу. «A handbook to political Question of the day by Sydney Buxton» принадлежитъ также, какъ и предъидущая книга, перу члену парламента и относится къ числу серьезныхъ изданій, держащихся нейтральной почвы, не склоняясь къ той или другой партіи. Въ этой книгѣ кратко и въ историческомъ порядкѣ разсказывается о проектахъ реформъ, заявленныхъ политическими ораторами или рекомендованныхъ вліятельными митингами. Въ этой книгѣ избиратель могъ легко оріентироваться по части будущаго и знать, что хотятъ его сограждане и что обѣщаютъ кандидаты отъ имени разныхъ партій. Затѣмъ слѣдуетъ рядъ партійныхъ изданій, каковы, напримѣръ, «The tory polici of the Morquis of Salisbury» г. Бадженола, «The Formation of political Opinion» А. Крампа и т. д. Наконецъ, слѣдуетъ цѣлый рядъ изданій для бѣднаго избирателя—прекрасныхъ изданій съ прекрасными рисунками и необыкновенно дешевой цѣны. Нужно замѣтить, что англійскія книги очень дороги сравнительно съ русскими; напримѣръ, упомянутая книга О'Коннора стоитъ на наши деньги семь рублей, Бакстона—три рубля и т. п. Вообще здѣсь пять-десять рублей средняя цѣна за серьезную и порядочную книгу. Тѣмъ рѣзче контрастъ въ цѣнѣ книгъ, изданныхъ партіями для народа. Укажу для примѣра на двѣ книги, обѣ подъ одинаковымъ заглавіемъ «Our political Leaders»; изъ нихъ одна посвящена біографіямъ коноводовъ либерализма, другая руководителей консервативной партіи. Въ каждой такой книжкѣ по 80 страницъ въ два столбца мелкаго шрифта и съ 20—25 очень хорошими портретами, а цѣна книги 25 копѣекъ. Или вотъ еще лучшій образчикъ такой литературы—«M-r Gladstone's Midlothian Speeches»—брошюрка въ 30 страницъ очень мелкой печати, съ прекраснымъ портретомъ Гладстона на обложкѣ; цѣна ей пенсъ,

[1]) Эта книга есть продолженіе еще болѣе обширнаго труда «A Diary of two parliaments», соч. г. Люси, бывшаго шефа парламентскихъ репортеровъ и въ нынѣшнемъ году назначеннаго главнымъ редакторомъ газеты «Daily News».

или 4 коп. на наши деньги. Въ ней приведены всѣ рѣчи Гладстона, сказанныя имъ за послѣднее время въ Мидлосіанѣ,—округѣ, уже много лѣтъ неизмѣнно избирающемъ почтеннаго старца своимъ представителемъ въ парламентѣ.

III.

Итакъ, англійскій избиратель былъ роскошно снабженъ газетами, книжками и рисунками, которые ему разсказывали и показывали всѣ грѣхи и добрыя дѣла людей, ищущихъ его голоса. Митинги довершаютъ вторую половину подготовки избирателя. Кто не видѣлъ собственными глазами англійскихъ митинговъ, тому трудно составить опредѣленное понятіе о нихъ. Большая часть жителей Великобританіи принадлежитъ къ какой нибудь фирмѣ клуба, товарищества, ассоціаціи, общества и т. п. Есть ассоціаціи ремеслъ, напримѣръ, поваровъ, кучеровъ, углекоповъ и т. п.; есть общества интеллигентныхъ профессій—аптекарей, докторовъ, учителей и пр.; есть товарищества потребленія, покупокъ, производствъ, есть, наконецъ, клубы извѣстныхъ кварталовъ и кружки какихъ нибудь оригинальныхъ вкусовъ. Учрежденіе кружковъ, обществъ и пр. въ Англіи совершенно свободно отъ какой либо оффиціальной регуляризаціи. Такая свобода имѣетъ за собой исторію, и потому масса обществъ, раскинутыхъ по государству и колоніямъ, часто устанавливаютъ въ Лондонѣ свое центральное учрежденіе, напримѣръ, рудокопы, какъ Англіи, такъ и Австраліи, соединили свои общества при помощи одного центральнаго комитета. Многія общества успѣли составить на столько прочное и выгодное положеніе, что не требуютъ отъ своихъ членовъ какихъ либо взносовъ или пожертвованій, платя имъ, напротивъ, дивиденды и барыши...

Такія общества, клубы, ассоціаціи и пр. играютъ чрезвычайно важную роль въ исторіи парламентской жизни; имъ обязана Англія, что ея обыватель не теряется, когда его отзываютъ отъ домашнихъ дѣлъ и разъ въ пять-шесть лѣтъ предлагаютъ высказать мнѣніе о внутренней и внѣшней политикѣ государства. Въ эти трудные дни многочисленная часть обывателей становятся дѣйствительными членами излюбленной корпораціи, усердно посѣщаютъ ея собранія и, проводя время въ разговорахъ на общественную тэму, будятъ въ себѣ и собесѣдникахъ тотъ общественный инстинктъ, который, увы, столь часто замираетъ въ человѣческомъ сердцѣ, подъ вліяніемъ печалей и радостей эгоистическаго свойства. Товарищи, болѣе способные и талантливые, становятся руководителями, и потому дѣло избранія получаетъ болѣе или менѣе опредѣленную окраску...

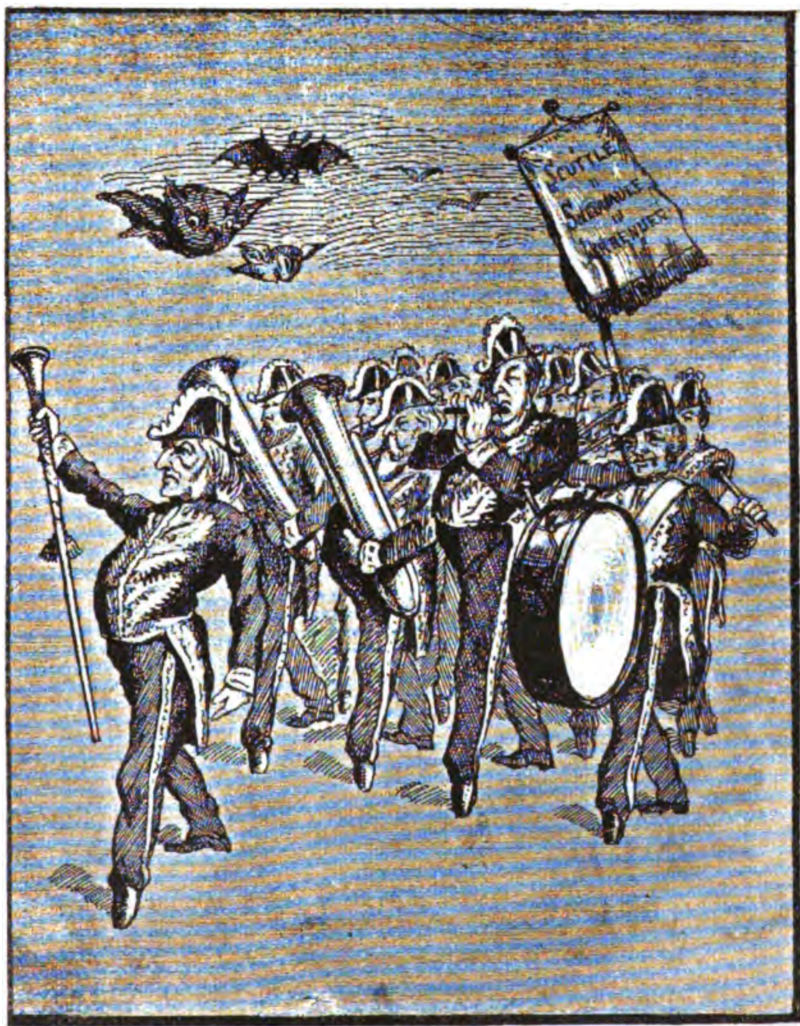
У каждаго клуба, общества, товарищества и т. п. есть свои знамена, картины-аллегоріи, часто свой оркестръ и традиціонные костюмы для процессій. Напримѣръ, въ ассоціаціи поваровъ, впе-

реди шествія на бѣлой лошади ѣдетъ одѣтый въ бѣлое платье и бѣлый колпакъ поваръ-президентъ, держа въ рукахъ огромную разливательную ложку. У нѣкоторыхъ обществъ есть значки для членовъ, у другихъ—ленты черезъ плечо, у третьихъ—нѣчто въ родѣ мундировъ. И вотъ, когда наступаетъ шестинедѣльный періодъ избирательной борьбы, общества, ассоціаціи и клубы, давно уже, по традиціи, поддерживающіе или виговъ, или торіевъ, а нынѣ и радикаловъ, сговорившись съ ораторами-кандидатами, назначаютъ часъ и мѣсто для митинга. Тутъ и самый индифферентный гражданинъ слѣдуетъ за толпой, ибо неловко отставать—товарищи идутъ. Въ Англіи почти не бываетъ митинговъ немноголюдныхъ—всѣ они импонируютъ величіемъ толпы.

Въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ, въ Англіи и Шотландіи еще нѣтъ зимы; бываютъ дни мрачные и сырые, но случаются и такіе радостные, теплые и солнечные, когда пахнетъ весной и на лугахъ, еще зеленыхъ, снова зацвѣтаютъ полевые цвѣты. И потому здѣсь нерѣдко устроивались избирательные митинги на открытомъ воздухѣ—въ паркахъ или пригородныхъ поляхъ. Въ назначенный часъ клубы, ассоціаціи, общества и кружки, поддерживающіе данную партію, ѣдутъ въ безконечномъ рядѣ открытыхъ дилижансовъ или двигаются, подобно войску, съ знаменами и картинами, развернутыми въ родѣ хоругвей, предводительствуемые оркестромъ духовой музыки, собственной или нанятой военной. Во время этого шествія обычная циркуляція по улицамъ прекращается. На мѣстѣ митинга секретари клубовъ, обществъ и пр. верхомъ и пѣшіе, съ особыми значками въ петлицахъ, разставляютъ въ порядокъ прибывающія группы и вообще распоряжаются на правахъ предсѣдателя, жандарма или полицейскаго. Оффиціальная полиція вмѣшивается лишь въ крайнемъ случаѣ. Прибывшіе экипажи и дилижансы ставятся въ нѣсколько круговъ лошадьми наружу; въ кругѣ самый высокій экипажъ служитъ каѳедрой, а на каждой такой импровизированной каѳедрѣ ораторъ. Толпа слушателей дѣлится по этимъ кругамъ, а кандидатъ, нерѣдко, находитъ въ себѣ столь привычный запасъ силъ, что говоритъ рѣчи каждому кругу по очереди. Часа черезъ два-три общества, ассоціаціи и пр. сваливаютъ свои знамена съ картинами въ экипажи и мирно расходятся по домамъ...

Другой, осенью и зимой болѣе распространенный, сортъ митинговъ совершается въ закрытыхъ зданіяхъ, роскошныхъ Hall'ахъ, въ концертныхъ салонахъ, театрахъ, бальныхъ залахъ, циркахъ, школахъ и т. п. Тутъ заранѣе назначается старшій изъ президентовъ присутствующихъ кружковъ для исполненія предсѣдательскихъ обязанностей, а особо избранная депутація привѣтствуетъ кандидата и блюдетъ за внутреннимъ порядкомъ. У такихъ митинговъ общій видъ торжественнѣе, имѣется настоящая каѳедра и пр.

Третье мѣсто для ораторскаго упражненія кандидатовъ—банкеты, на которыхъ присутствуетъ цвѣтъ и сливки мѣстныхъ сочувствователей. Банкеты даются какъ бы въ дополненіе къ народнымъ митингамъ, услащая вкуснымъ обѣдомъ и шампанскимъ коноводовъ толпы.

Побѣда либераловъ; впереди Гладстонъ, сзади его товарищи по кабинету; всѣ въ министерскихъ мундирахъ. (Съ фотографіи).

Наконецъ, рѣдко-рѣдко, въ противоположность Франціи, кандидату выпадаетъ счастливая доля сказать импровизацію съ балкона въ отвѣтъ на привѣтствіе восторженной толпы. Такими оваціями

удостоивается одинъ Гладстонъ и то не вездѣ и не всегда. Англичане на этотъ счетъ очень скупы и холодны...

Первое занятіе каждаго народнаго митинга—пѣніе хоромъ избирательныхъ пѣсенъ, которыя наполняютъ цѣлые сборники [1]). Вотъ образцы двухъ новѣйшихъ пѣсенъ—радикальной и либеральной:

1) Радикальный гимнъ:

Solo: Насталъ часъ проснуться для англійскаго народа,
Наша отвага дала намъ надлежащія силы,
И пришла пора народу перестать быть рабомъ.
Впередъ, друзья! Къ побѣдѣ надъ господами, чиновниками и мошенниками.

Хоръ. Этотъ зовъ мы слышимъ сердцемъ,
Онъ внушаетъ намъ надежду,
Мы готовы,
Крѣпки, сильны
Для сраженій и побѣдъ!

Solo: Наше право несомнѣнно,
Знамя Англіи, какъ слава ея, общее достояніе
И насъ, служащихъ и хозяевъ,
Соединимся же для свободы!

Хоръ: Этотъ зовъ мы слышимъ сердцемъ и т. д.

2) Воззваніе Гладстона.

Гладстонъ говоритъ милліонамъ англичанъ:

«Я освободилъ васъ отъ дворянскаго ига
И съ тріумфомъ къ побѣдѣ привелъ васъ,
Теперь власть торіевъ почти умерла!
Собирайтесь же вокругъ меня, часъ битвы наступилъ,
Вашъ старый полководецъ поведетъ васъ
Въ сраженье и снова побѣдитъ!

Полстолѣтія я работалъ для васъ,
Во имя справедливости и правды,
И, слава Богу, мы боролись не даромъ,
Теперь торіи снова разсѣятся!
Сбирайтесь же вокругъ меня, часъ битвы наступилъ,
Вашъ старый полководецъ поведетъ васъ
Въ сраженье и снова побѣдитъ!» и т. д.

Послѣ этихъ пѣсенъ, заученныхъ и дѣтьми, съ каѳедры произносится маленькая привѣтственная рѣчь «ширмана»—предсѣдателя, рекомендующая кандидата, и затѣмъ послѣдній начинаетъ свою адвокатуру. Къ концу митинга поспѣваютъ каррикатурные рисунки, сообразные результату происходящихъ выборовъ...

---

[1]) Напримѣръ, Songs for Liberal Electors, London, 1885; Liberal Election Songs for the present Crisis etc.

Девять десятыхъ различныхъ избирательныхъ митинговъ оканчивались мирно и благородно, но случались и такія собранія, въ которыхъ шумъ, драки и безпорядокъ превосходили всякую мѣру. Газеты и журналы, напримѣръ, Saturday Review, подъ впечатлѣніемъ такихъ безпорядковъ забывали иногда объ англійскомъ «Selphelp»,—помогай самъ себѣ,—и требовали у полиціи строгихъ мѣръ предосторожностей, а у судей—каторжной работы для нарушите-

Восходящее свѣтило радикаловъ Чемберленъ совершаетъ затмѣніе надъ блескомъ Гладстона.

лей тишины и порядочности на народныхъ сходкахъ. Для иллюстраціи такихъ безпорядковъ разскажу о происшествіи съ сэромъ Уаткиномъ Уиномъ, бывшимъ кандидатомъ консервативной партіи въ East-Denbighshire. Митингъ для него былъ приготовленъ въ мѣстной школѣ, но только что Уинъ вошелъ въ нее, какъ толпа, собравшаяся вокругъ школьнаго зданія, стала кидать въ окна камни и грязь. Нѣкоторые изъ присутствующихъ на митингѣ бросились

отбивать нападающихъ, но черезъ открытыя ими двери толпа ворвалась въ школу и стала кричать, что она убьетъ оратора. Уинъ хотѣлъ было побѣдить буяновъ презрѣніемъ, силясь продолжать рѣчь, но буяны пошли на каѳедру приступомъ; надо было бѣжать изъ школы заднимъ ходомъ и, пользуясь ночью, утекать по рельсамъ желѣзной дороги почти до самаго разсвѣта [1]).

У каждаго кандидата всегда есть нѣсколько агентовъ, обязанныхъ собирать свѣдѣнія объ избирателяхъ, просвѣщать ихъ на счетъ принциповъ партіи, устраивать митинги и пр. Если избирательный округъ городской, то на каждой улицѣ, если сельскій— то въ каждой деревнѣ, кандидатъ нанималъ комнату или магазинъ, гдѣ поселялись агенты, принимая заявленія избирателей, ведя имъ списокъ и распространяя между ними надлежащія свѣдѣнія, газеты, брошюры, книги и пр. Заявленіе избирателей порой были весьма курьёзны. Напримѣръ, въ Алингтонѣ, какъ разсказываетъ леди Маннеръ, одинъ крестьянинъ подалъ кандидату безконечный списокъ вопросовъ по всѣмъ отдѣламъ общественной жизни. Бывали случаи, что запасливые фермеры задавали кандидату чисто агрономическіе вопросы, требуя письменнаго отвѣта. Г. Чильдерса, между прочимъ, избиратели спрашивали, хорошо ли сдѣлала королева, принявъ въ свою семью принца Батенбергскаго? «Во имя любви молодой леди все простительно!» — отвѣтилъ галантный ораторъ, и толпа аплодировала ему. Эти вопросы и отвѣты—сущая мука для кандидатовъ и очень скользкій путь для нихъ, ибо толпа ничѣмъ такъ не интересуется, какъ отвѣтами на ея собственные вопросы; съ нѣкоторыми несчастливцами случалось даже, что впродолженіе цѣлаго митинга толпа пытала ихъ разными задачами, такъ что приготовленную рѣчь некогда было и сказать.

Затѣмъ, въ недѣли избранія, дома и заборы испещрены объявленіями кандидатовъ съ profession de foi, съ выраженіями въ родѣ: «справедливость для всѣхъ!», «богатые и бѣдные равны передъ закономъ», и т. п., иногда же просто съ одной фамиліей кандидата; напечатанной крупнѣйшими буквами.

До чего доходила манія на вывѣски, можно судить по слѣдующему примѣру. Въ Лембетѣ священникъ церкви св. Антолины предъявилъ искъ къ гг. Лауренсу и Артюру, двумъ мѣстнымъ

[1]) Другой случай подобнаго же безпорядка я разсказывалъ въ «Новомъ Времени»:

«Г. Дженкинсъ захотѣлъ посѣтить родной городокъ; помѣщеніе на пять тысячъ душъ было уже нанято и устроено, рѣчь озаглавлена въ тысячахъ расклеенныхъ и розданныхъ афишахъ очень интересно: «Политика прошлаго и будущаго!». Наконецъ и поѣздъ благополучно привезъ оратора въ Данди. Но только что заговорилъ г. Дженкинсъ, вдругъ, выражаясь языкомъ мѣстной газетки, «поднялась буря свиста, воя и стоновъ». Долго ораторъ старался перекричать толпу, но тщетно; слѣзъ съ каѳедры и кувыркомъ подъ акомпанементъ «бури свиста, воя и стоновъ» вылетѣлъ изъ залы».

кандидатамъ, такъ усердно оклеившимъ внѣшнія стѣны церкви избирательными бюллетенями, что одна очистка отъ нихъ стоила болѣе 30 рублей... Наканунѣ выборовъ избиратель получаетъ отъ каждаго кандидата по почтѣ открытое письмо, на обратной сторонѣ котораго красуется фамилія кандидата. Эти письма замѣняютъ при выборахъ избирательные бюллетени. Въ день выборовъ для избирателей готовы даровые экипажи и вагоны для поѣздки къ ближайшему мѣсту, гдѣ производится баллотировка. Въ каждомъ такомъ мѣстѣ сидитъ мэръ или его помощникъ, присутствуютъ депутаты партіи и у ящика стоитъ городовой. Избраніе производится въ разныхъ округахъ втеченіе мѣсяца, въ назначенные дни, отъ 8-ми часовъ утра до восьми вечера. Избиратель приходитъ, удостовѣряетъ предъ мэромъ свою личность и кладетъ въ ящикъ то или другое имя. Такимъ образомъ, избраніе совершается секретно; въ этомъ секретѣ и лежитъ причина провала на выборахъ многихъ мѣстныхъ магнатовъ. Народонаселеніе принимаетъ ихъ гостинцы, на словахъ обѣщаетъ подать голосъ непремѣнно въ ихъ пользу, но въ часъ баллотировки потихоньку выводитъ на свѣтъ собственныхъ кандидатовъ...

Въ восемь часовъ вечера дѣлается провѣрка голосовъ и публичное объявленіе о результатахъ выборовъ. Это самое тревожное время. Три мѣсяца пламенной полемики партій въ рѣчахъ и печати, огромные митинги съ тѣмъ электризирующимъ вліяніемъ толпы, которая выработала пословицу: «на людяхъ смерть красна» — все до такой степени увлекаетъ народъ, что едва ли въ эту пору найдется одинъ грамотный англичанинъ, спокойно разсуждающій о результатахъ выборовъ. Чтобъ удовлетворить этой возбужденной страсти, въ театрахъ, напримѣръ, въ Drury-Lane, въ Лондонѣ, въ дни выборовъ во время представленія выходилъ на сцену директоръ и читалъ вслухъ полученныя имъ спеціальныя телеграммы о результатахъ избранія, причемъ, конечно, публика встрѣчала нѣкоторыя имена счастливыхъ кандидатовъ свистками, другія аплодисментами. Женщины не отставали отъ мужчинъ въ страстности отношеній къ избирательной горячкѣ, и «Punch» вполнѣ справедливо описалъ такую сцену въ магазинѣ. Входитъ дама и требуетъ шляпку.

— Ваши политическія убѣжденія, мадамъ? — любезно спрашиваетъ ее приказчикъ.

— Это зачѣмъ?

— О, теперь мода слѣдуетъ за политикой, и есть покупательницы, которыя обижаются, когда имъ предлагаешь фасонъ à la Чемберленъ, а другія не хотятъ шляпокъ à la Чёрчиль!

Госпожа Шау-Лефевръ издавала карты дѣленій Англія на избирательные округа съ показаніемъ, кто и гдѣ получилъ большинство голосовъ; синяя краска, по традиціи, показываетъ консервативную территорію, красная — либеральную... Появились даже ноты

подъ заглавіемъ «Troubles of a candidate», комическая музыка которыхъ не разъ исполнялась въ различныхъ концертахъ во время избирательнаго періода.

Кромѣ того, у массы избирателей представленіе о побѣдѣ той или другой партіи связывалось въ умѣ непосредственно съ самыми близкими и эгоистическими интересами. Одинъ священникъ, напримѣръ, тотчасъ послѣ выборовъ собиралъ среди своихъ прихожанъ свѣдѣнія, почему они вотировали противъ либераловъ. Оказалось, что богатый купецъ подалъ голосъ за консервативнаго кандидата, потому что присутствіе въ либеральномъ кабинетѣ Чемберлена «составляетъ опасность для собственности»; капитанъ торго-

Леди везетъ къ мѣсту выборовъ избирателей ея мужа.

ваго корабля — потому что внѣшняя политика Гладстона черезчуръ безпокойна; ремесленникъ-плотникъ — потому что принципы свободы торговли отнимаютъ у него заработки, такъ какъ двери и рамы для домовъ привозятъ нынѣ въ Англію готовыми изъ Норвегіи; наконецъ, мелкій торговецъ высказалъ, что теперь дѣла у него идутъ плохо, и онъ хотѣлъ бы попробовать, не пойдутъ ли они лучше при консервативномъ кабинетѣ...

На грубую толпу особенно сильное вліяніе имѣли представители церкви, возставшіе на либераловъ изъ страха предъ обѣщанной послѣдними церковной реформой. Служители Христа, по обычаю, не отличались скромностью.

На консервативномъ митингѣ въ Биркенгедѣ, священникъ Вортингтонъ объявилъ, напримѣръ, что либеральная партія «порожденіе ехидны», которая повсемѣстно кладетъ яицы; «торіи обязаны

раздавить это адское сѣмя!» Архидіаконъ Таунтона публично выразился еще сильнѣе: «Если вы хотите чествовать Гладстона, — сказалъ онъ, — который предпочитаетъ свои выгоды обязанностямъ, долгу, отечеству и Богу, то вы съ одинаковымъ правомъ можете чествовать и дьявола». Консерваторы воспользовались этой эксцентричностью священнослужительскаго языка и попросили у него объясненій. Почтенный архидіаконъ въ отвѣтъ опубликовалъ цѣлую брошюру — «M-r Gladstone — fifty — five years — a retrospect and prospect by George Anthony Denison, archdeacon of Taunton», въ которой доказываетъ, что, слѣдя за дѣятельностью Гладстона втеченіе пятидесяти пяти лѣтъ, онъ, наконецъ, убѣдился, что знаменитый премьеръ Англіи не кто иной, какъ посланникъ дьявола и антихриста.

Если сложить воедино взаимные споры, брань и клевету партій съ невоздержной полемикой служителей церкви и разговорами о соціализмѣ, то нельзя удивляться длинному списку избирательныхъ безпорядковъ. Темный людъ съ горячимъ и наивнымъ сердцемъ билъ либераловъ тамъ, гдѣ больше вѣрилъ пасторамъ, и билъ консерваторовъ, гдѣ былъ соблазненъ радикализмомъ. Такъ въ Нотингамѣ рабочіе остались столь недовольны результатомъ выборовъ, что совсѣмъ потеряли разсудокъ. Цѣлыя сутки потомъ они бродили по городу, разбивая стекла и занимаясь грабежемъ лавокъ, торгующихъ съѣстными припасами. Полицейскіе, по англійскимъ обычаямъ, не имѣютъ права носить оружіе или пользоваться имъ при усмиреніи толпы, и потому Нотингамъ принялъ совершенно революціонный видъ: мирные жители ограждали улицы и переулки баррикадами и вступили съ буянами въ настоящую битву, которая кончилась пораженіемъ послѣднихъ и ста двадцатью ранеными съ обѣихъ сторонъ...

Въ Тьюкесбюри помѣщеніе избирательнаго комитета консерваторовъ спаслось отъ полнаго разгрома лишь тѣмъ, что сторожъ его Моссъ сталъ выливать изъ окна на толпу кипятокъ и посыпать буяновъ горячей золой изъ камина. Въ Ричмондѣ были разбиты всѣ дома либераловъ, въ особенности же поплатились — кабакъ либеральнаго цѣловальника, училище либеральнаго кандидата и дума. Въ Бильдестанѣ, напротивъ, пострадали консерваторы; ихъ мѣстный коноводъ, богатый фермеръ Ундервудъ, былъ сброшенъ толпой въ рѣку; въ East-Dorset'ѣ буяны вступили въ драку съ консервативнымъ кандидатомъ г. Бондъ, когда онъ пріѣхалъ въ мэрію посмотрѣть на баллотировку, и избили его. Небольшой городокъ Устморъ въ день выборовъ напомнилъ собой виды Судана: толпы подъ синимъ знаменемъ консерваторовъ и подъ краснымъ радикаловъ сошлись и начали сраженіе; разбитые радикалы ретировались въ кабакъ и заперлись тамъ; консерваторы выбили ихъ оттуда, почти изломавъ весь домъ, и съ тріумфомъ пошли на полицію;

разбили въ ней двери и окна и двинулись на квартиру коновода мѣстныхъ радикаловъ, проломили ему голову, изцарапали все лицо и переломали всю его мебель.

Въ Кембриджѣ въ день выборовъ въ 7¹/₂ вечера толпа народа собралась около клуба «Реформа», разбила всѣ его окна и бросилась штурмовать дома наиболѣе извѣстныхъ городскихъ либераловъ; ею же произведены безчинства въ редакціи мѣстной газеты «Indepen-

Джонъ Буль и его близнецы.

dent Press», причемъ студенты знаменитаго университета принимали дѣятельное участіе въ этомъ буйствѣ.

Въ Оксфордѣ большая толпа народа бросилась на залу либеральныхъ митинговъ и избила находившагося тамъ г. Кокса до того, что потомъ цѣлые сутки онъ лежалъ безъ чувствъ.

Въ Бридпортѣ агенты либеральныхъ кандидатовъ получили въ день выборовъ приговоры къ смерти на бланкахъ, на которыхъ нарисованъ гробъ.

Въ Довизесѣ двое батраковъ были приговорены судьей къ нѣсколькимъ мѣсяцамъ каторжной работы за то, что послѣ выборовъ выкупали въ канавѣ мѣстнаго учителя, оказывавшаго энергическую поддержку консервативному кандидату.

Въ Ньюбури, наконецъ, произведенное слѣдствіе удостовѣрило, что въ день выборовъ въ этомъ маленькомъ городкѣ было разбито оконъ на 30 фунтовъ стерлинговъ (300 руб.), и т. д.

Но все это было маленькой бурей, отъ которой пострадали мелкія лодочки, а большому кораблю она служила лишь попутнымъ вѣтромъ. Этотъ корабль, англійское представительство народа, спокойно вошелъ въ гавань, готовясь нынѣ къ мирной и полезной дѣятельности на пользу своего обширнаго отечества...

А. Молчановъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Томъ X. 1853—1878 г. Спб. 1886.

Ъ ВЫШЕДШЕМЪ нынѣ томѣ сочиненій князя Вяземскаго помѣщено окончаніе его записныхъ книжекъ, начавшихся печатаніемъ еще въ VIII томѣ, и переводъ знаменитаго въ свое время романа Бенжаменъ-Констана «Адольфъ». О романѣ, посвященномъ Пушкину, можно сказать только то, что переводъ его, сдѣланный почти 60 лѣтъ тому назадъ, читается, за исключеніемъ нѣсколькихъ сихъ и оныхъ, гораздо легче, чѣмъ труды многихъ современныхъ переводчиковъ. Что же касается до записныхъ книжекъ, то значеніе ихъ было выяснено «Историческимъ Вѣстникомъ» въ майской книжкѣ 1884 года, при разборѣ IX тома сочиненій покойнаго писателя. Въ отзывѣ этомъ было сказано, что замѣтки князя Вяземскаго весьма важны для изученія русскаго общества, но печатаются не вполнѣ, такъ какъ многое изъ нихъ еще не можетъ быть обнародовано. Оканчивающіяся въ нынѣ вышедшемъ томѣ замѣтки, обнимающія ближайшее къ намъ время, еще интереснѣе и не только для изученія русскаго общества, но вообще для оцѣнки и тогдашняго политическаго положенія дѣлъ. Затѣмъ, къ сожалѣнію, «невозможность обнародованія многаго» высказывается въ нихъ еще сильнѣе, такъ какъ изъ 25-ти лѣтъ, къ которымъ относятся замѣтки, о нѣкоторыхъ годахъ не говорится вовсе, а къ другимъ отнесены мелкія и незначительныя замѣчанія. Дневникъ этого тома начинается съ 1853 года; изъ Дрездена Вяземскій отправился въ Венецію, которую описываетъ довольно подробно и откуда черезъ Адлерберга онъ испросилъ разрѣшеніе у государя остаться за границей

послѣ объявленія войны. О нашей дипломатіи того времени Вяземскій отзывается съ негодованіемъ и особенно честитъ «тщедушнаго Брунова, въ которомъ нѣтъ ни капли русской крови, ни единаго русскаго чувства въ груди». Какъ всякій выскочка, онъ долженъ изгибаться передъ Пальмерстономъ; въ Ораніенбаумѣ онъ былъ пластрономъ у фрейлинъ, какимъ былъ въ Одессѣ у Воронцова, у Орлова и др. «У Нессельроде есть, по крайней мѣрѣ, русскіе мериносы на святой Руси, стало быть онъ прикрѣпленъ къ ней, а у Брунова этого нѣтъ». Самого Нессельроде авторъ считаетъ честнымъ человѣкомъ, но говоритъ, что весь восточный вопросъ, его обстановка и способъ, какимъ его вели, противорѣчили его понятіямъ и убѣжденіямъ. Тогда зачѣмъ же онъ оставался руководителемъ этого вопроса? Вяземскій, въ письмѣ къ нему, бранитъ его (онъ былъ съ нимъ на ты) за то, что онъ не разгадалъ этого лже-Наполеона, «курвина сына». Два другія письма къ нему же 1854 года на французскомъ языкѣ замѣчательны по указаніямъ на наши дипломатическіе промахи, но заключаются желаніемъ обнять Нессельроде. Князь защищаетъ его и въ письмѣ къ редактору «Journal des Débats», а между тѣмъ громитъ Киселева, Брунова и другихъ дипломатовъ, которые не могли дѣйствовать, конечно, иначе, какъ по инструкціямъ министра иностранныхъ дѣлъ. Бойкія замѣтки о дипломатіи перемѣшиваются съ интимными письмами къ Тютчевой, Блудовымъ, Сѣверину, Титову, Воейковой, Булгакову, Карамзиной и др. Чаще всего попадаются литературныя цитаты, анекдоты, мысли, воспоминанія, отзывы о книгахъ. Вяземскій записываетъ все, что слышалъ: остроты, каламбуры, иногда весьма рискованные, какъ характеристика круговой поруки одного губернатора съ губернаторшей, гдѣ мужъ беретъ; какъ Георгій, данный лицу, не бывшему въ дѣлѣ. Какъ пуристъ авторъ дѣлаетъ даже грамматическія замѣчанія. Такъ, въ манифестѣ о войнѣ онъ находитъ неправильнымъ выраженіе: «вручить престолъ. Вручается то, что принимаешь въ руки». О манифестѣ 20-го октября князь пишетъ: «Не желалъ бы я видѣть въ немъ слова: «тщетно европейскія державы старались увѣщеваніями поколебать закоренѣлое упорство султана». Къ чему это лицемѣріе словъ? Министры Англіи и Франціи явно обвиняли въ упорствѣ не султана, а царя». «Moniteur» даже прямо опровергалъ слова манифеста. Вяземскій съ желчью прибавляетъ: «До чего мы дожили? я всегда былъ того мнѣнія, что грамота намъ не далась. На письмѣ мы всегда будемъ въ дуракахъ». «Каждый разъ, когда мы прибѣгаемъ къ дипломатической уловкѣ,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—есть всегда въ поступкѣ нашемъ что-то ребяческое и неловкое». Возстаетъ онъ также и противъ того, что «мы слишкомъ уже начали промышлять чудесами: и въ спасеніи Одессы чудо, и въ крушеніи Тигра, и въ Соловецкомъ монастырѣ; даже въ измайловскомъ пожарѣ «Полицейскія Вѣдомости» нашли чудо, что не сгорѣлъ крестъ на мачтѣ». Почему же въ Бомарзундѣ не явилось чудо?—спрашиваетъ Вяземскій. О ходѣ военныхъ дѣйствій у князя Вяземскаго нѣтъ почти никакихъ замѣтокъ и вмѣсто разсказовъ о событіяхъ 1854 года онъ приводитъ цитаты изъ переписки Екатерины II съ прусскимъ королемъ. Но изъ трехсотъ страницъ дневника больше половины посвящены этому году и предыдущему. Въ іюнѣ 1855 года Вяземскій вернулся въ Россію. Въ этомъ же году онъ назначенъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, но не говоритъ въ дневникѣ ничего о своемъ управленіи, и 1856 годъ вовсе пропущенъ. Въ 1857 году, отмѣчено нѣсколько бесѣдъ съ государемъ и обѣими императрицами, но о предметѣ бесѣдъ ни-

чего не говорится. Сказано только, что «разговоръ вдовствующей императрицы разнообразный и свободный, но ее невѣрно цѣнятъ въ публикѣ». Встрѣчаются характеристическія замѣтки о нѣкоторыхъ лицахъ: «Чевкинъ первый явился съ доносомъ на цензуру. Когда ему думать о путяхъ сообщенія, если онъ роется, отыскивая дрязги въ старыхъ журналахъ». «Уваровъ часто подымаетъ носъ, а головы никогда не подыметъ» (слова Жуковскаго). Въ 1858—1859 году, Вяземскій былъ въ Швейцаріи, откуда писалъ императрицѣ Маріи Александровнѣ относительно даннаго ему порученія отыскать бумаги Лагарпа, что̀ ему, впрочемъ, не удалось. Очень мѣтки слова лорда Коулея о Луи-Наполеонѣ: «онъ никогда не говоритъ—и все лжетъ». Въ 1860 году—семь строкъ, въ 1861—1862 году — ни одной. Ни слова о великой реформѣ 19-го февраля. Начиная съ 1863 года замѣтки бѣдны и отрывочны. Граматическіе вопросы занимаютъ автора больше общественныхъ. «Почему говорится: евангеліе отъ Луки? вѣдь это все равно, что маіоръ отъ воротъ?» Любопытны отвѣты Погодину на его вопросы о Карамзинѣ; проскальзываютъ какъ вездѣ каламбуры: «Министромъ финансовъ назначенъ Гротъ. Для поправленія вашихъ финансовъ мало одного грота; нужно бы пріискать еще Эгерію». Въ письмѣ къ Погодину высказываются и литературныя мнѣнія: «У Тургенева, у Толстаго (Война и миръ) есть безъ сомнѣнія богатое дарованіе, но нѣтъ хозяина въ головѣ. Приверженецъ и поклонникъ Бѣлинскаго въ моихъ глазахъ человѣкъ отпѣтый, и просто сказать: пѣтый дуракъ». Въ семидесятыхъ годахъ любопытны только письма Маріи Ѳедоровны, когда она была еще принцессой Доротеею. Объ общественномъ движеніи этой эпохи — ни слова. Дневникъ заканчивается строгимъ сужденіемъ о Хемницерѣ. И, всетаки, не смотря на ошибочныя мнѣнія о многихъ людяхъ и фактахъ; не смотря на тенденціозное умолчаніе о многомъ, записная книжка князя Вяземскаго представляетъ драгоцѣнный вкладъ въ нашу литературу.

В. З.

Краткій очеркъ исторіи харьковскаго дворянства. Д. В. Иллящевича. Харьковъ. 1885.

Столѣтіе дарованія дворянской грамоты побудило автора, на основаніи данныхъ изъ мѣстныхъ дворянскихъ архивовъ, составить исторію сословія, къ которому онъ самъ принадлежитъ. Эта исторія, во многихъ отношеніяхъ общая для дворянства всей Россіи, именно на сколько важныя политическія событія увлекали его къ той или другой мѣрѣ, съ ходатайствомъ о своихъ сословныхъ интересахъ, съ тѣмъ вмѣстѣ содержитъ въ себѣ частности, присущія только одному харьковскому дворянству. Поэтому трудъ г. Иллящевича, сохраняя за собою преимущественно мѣстный интересъ, прочтется съ любопытствомъ и не одними дворянами.

Нынѣшняя Харьковская губернія образовалась изъ Слободской Украины, заселенной, въ свою очередь, въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича, выходцами изъ-за Днѣпра, ушедшими отъ стѣсненій польскихъ пановъ въ юго-западной части Россіи. Поселенцы основались преимущественно въ западной части Слободской Украины, почему западные уѣзды нынѣшней Харьковской губерніи болѣе населены, чѣмъ восточные и юго-восточные. Сосѣдство крымскихъ татаръ принуждало новыхъ поселенцевъ быть постоянно въ

готовности къ оборонѣ, вслѣдствіе чего изъ ихъ селеній образовались военныя слободы съ крѣпостями. Все ихъ населеніе, по образцу казачества, раздѣлилось на полки, находившіеся подъ управленіемъ полковниковъ, сотниковъ, эсауловъ и проч. Такому же дѣленію подверглись города Слободской Украины, въ которой военная организація существовала почти два столѣтія. Населеніе ея въ это время служило Россіи твердымъ оплотомъ отъ вторженія въ наши предѣлы враговъ.

Съ расширеніемъ предѣловъ Россіи на ея нынѣшнемъ югѣ, съ ослабленіемъ Крымской орды, послѣ первыхъ ударовъ, нанесенныхъ Турціи взятіемъ Очакова, и проч., оказалось, что слободское казачество, выполнивъ свое прежнее назначеніе передовой колонизаціи, отжило свой вѣкъ. Императрица Екатерина II постановила подчинить Слободскую Украину одинаковому съ остальными частями имперіи управленію и съ тѣмъ вмѣстѣ преобразовать казачьи полки въ регулярные гусарскіе. Это преобразованіе встрѣтило сопротивленіе со стороны казачьихъ начальниковъ, такъ что нѣкоторые изъ нихъ лишены были чиновъ и подверглись ссылкѣ. На преобразованіе Слободской Украины потребовалось около пятнадцати лѣтъ, и только въ 1780 году Слободская губернія переименована была въ Харьковское намѣстничество съ открытіемъ въ немъ всѣхъ губернскихъ учрежденій. При переформированіи съ 1765 года казачьихъ полковъ въ гусарскіе, слободскимъ полковникамъ, полковымъ старшинамъ, сотникамъ предоставлено было право поступать въ гусарскіе полки съ переименованіемъ въ армейскіе чины, но вся почти полковая и сотенная старшина выказала замѣчательное равнодушіе къ новоучрежденнымъ чинамъ. Поэтому, когда слободско-украинскому дворянству приказано было записаться въ книгахъ депутатскаго собранія, то изъ числа старшинъ нашлись такіе, которые сочли это излишнимъ и потому попали въ подушный окладъ. Такимъ образомъ, въ настоящее время въ средѣ бывшихъ казенныхъ крестьянъ можно встрѣтить фамиліи старинныхъ слободо-украинскихъ дворянъ, отъ которыхъ означенные крестьяне ведутъ свой родъ. Подобное равнодушное отношеніе къ дворянству объясняется озлобленіемъ казачьяго офицерства противъ преобразованія казачьихъ полковъ въ армейскіе гусарскіе.

Съ первыми дворянскими выборами предписано было носить мундиры не только служащимъ по выборамъ, но чтобы и въ одеждѣ жителей обоего пола соблюдалась установленная форма. Для устраненія излишней роскоши, каждому намѣстничеству присвоены были особыя цвѣта для платья. Харьковскому назначены были цвѣта палевый и зеленый (яблочный). Когда въ 1787 году императрица Екатерина посѣтила Харьковъ, то въ церемоніалѣ было указано, чтобъ «дамы и дѣвицы предстали въ мундирахъ Харьковскаго намѣстничества».

Исчисляя и приводя въ подлинникахъ грамоты дворянству различныхъ государей Россіи, преемниковъ Екатерины II, авторъ, между прочимъ, замѣчаетъ, что «царствованіе Александра II, продолжавшееся болѣе четверти столѣтія, замѣчательно по тѣмъ преобразованіямъ, которыя коснулись всѣхъ сторонъ внутренней жизни Россійской имперіи и которыя, служа обезпеченіемъ или упорядоченіемъ жизни всѣхъ, постепенно требовали отъ дворянства жертвъ. Замѣчательно также, что періодъ 1856—1881 годовъ представляется единственнымъ по совершенному отсутствію непосредственнаго обращенія высочайшей власти къ дворянству. Всѣ приведенныя мною выше обра-

щенія происходили или чрезъ посредство манифестовъ, объявленныхъ всенародно, или же чрезъ посредство рескриптовъ и указовъ, объявленныхъ подлежащимъ министрамъ или учрежденіямъ, но за время царствованія императора Александра II дворянство Харьковской губерніи не имѣло счастія получить ни одной всемилостивѣйшей грамоты, подобной грамотамъ императоровъ Николая и Александра I».

Взглядъ императора Николая Павловича на дворянство выразился, между прочимъ, и при слѣдующемъ случаѣ. Губернскій предводитель дворянства, Смирницкій, пригласилъ въ іюлѣ 1827 года уѣздныхъ предводителей и депутатовъ на собраніе и уже собирался открыть засѣданіе, когда въ присутствіе вошелъ жандармскій полковникъ Вуичъ и, сославшись на инструкцію, полученную отъ начальника жандармовъ, настоялъ на томъ, чтобы обсужденіе дѣлъ происходило въ его присутствіи. По докладу о томъ императору Николаю I, шефъ жандармовъ оффиціально увѣдомилъ г. Смирницкаго, 11-го августа, «что полковникъ Вуичъ не только не имѣлъ права войдти въ собраніе дворянства, но еще тѣмъ нарушилъ и данную ему инструкцію, по которой всѣ чиновники ввѣреннаго мнѣ корпуса должны болѣе всѣхъ строго сохранять порядокъ, а не нарушать его; никто изъ нихъ не имѣетъ права вмѣшиваться въ дѣла дворянскаго собранія и нарушать права, сему сословію августѣйшими монархами дарованныя, а нынѣ благополучно царствующимъ государемъ императоромъ подтвержденныя. При семъ его императорское величество изволилъ замѣтить, что ваше превосходительство весьма справедливо изволили поступить, требовавъ отъ Вуича, чтобъ онъ оставилъ собраніе, въ чемъ и слѣдовало настоять».

Г. Иллящевичъ довольно подробно коснулся участія харьковскаго дворянства въ подготовительномъ трудѣ, создавшемъ великую реформу 19 февраля 1861 года. Какъ извѣстно, въ главномъ комитетѣ по этой реформѣ мнѣнія членовъ, выбранныхъ изъ губерній, значительно раздѣлились, но харьковскіе депутаты, Хрущевъ и Шретеръ, вмѣстѣ съ тверскимъ депутатомъ Унковскимъ и ярославскими, Дубровинымъ и Васильевымъ, составляли то либеральное меньшинство, которое не только помогло правительству въ задуманной имъ реформѣ, но иногда шло даже далѣе самого правительства. Такъ, передъ выѣздомъ означенныхъ пяти депутатовъ изъ Петербурга, они представили всеподданнѣйшій адресъ, въ которомъ просили о нижеслѣдующемъ: «1) даровать крестьянамъ полную свободу съ надѣленіемъ ихъ землею въ собственность, посредствомъ немедленнаго выкупа, по цѣнѣ и на условіяхъ неразорительныхъ для помѣщиковъ; 2) образовать хозяйственное распорядительное управленіе, общее для всѣхъ сословій, основанное на выборномъ началѣ; 3) учредить независимую судебную власть, т. е. судъ присяжныхъ и гражданскія судебныя учрежденія, независимыя отъ административной власти, съ введеніемъ гласнаго и словеснаго судопроизводства, и съ подчиненіемъ мѣстныхъ должностныхъ лицъ непосредственной отвѣтственности передъ судомъ, и 4) дать возможность обществу, путемъ печатной гласности, доводить до свѣдѣнія верховной власти недостатки и злоупотребленія мѣстнаго управленія».

Какъ извѣстно, означеннымъ пяти депутатамъ за этотъ адресъ былъ объявленъ выговоръ чрезъ мѣстныхъ губернаторовъ, причемъ нѣкоторые изъ нихъ были оставлены подъ особымъ надзоромъ мѣстнаго начальства.

Въ Харьковской губерніи, подобно тому, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, замѣчается уменьшеніе дворянской нормальной собственности, отходящей къ другимъ сословіямъ. Съ 1856 по 1883 годъ, это уменьшеніе въ Харьковской губерніи составило 35%, а послѣ 1883 года онъ еще болѣе увеличится. Такъ какъ это явленіе находится въ исключительной зависимости отъ того, въ чьихъ рукахъ сосредоточиваются вновь нарождающіеся капиталы, пріобрѣтаемые трудомъ, а не кредитомъ, то подобнаго сокращенія дворянской поземельной собственности, по нашему мнѣнію, не остановятъ никакія кредитныя учрежденія.

П. У.

Монографіи по исторіи Западной и Юго-Западной Россіи. В. В. Антоновича. Томъ I. Кіевъ. 1885.

В. Б. Антоновичъ извѣстенъ, какъ замѣчательный знатокъ исторіи Западной Руси и Литвы. Въ настоящей книгѣ собрано нѣсколько весьма важныхъ его статей, помѣщенныхъ раньше въ «Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ», «Кіевской Старинѣ», и «Архивѣ Юго-Западной Россіи». Въ первой изъ этихъ монографій излагается исторія великаго княжества Литовскаго до смерти Ольгерда. Литовское племя до половины XIII столѣтія представляло разсыпанную массу небольшихъ волостей, управлявшихся независимыми вождями, безъ всякой политической связи другъ съ другомъ. Народы Литовскаго племени объединялись только общностью этнографическою и культурною: тождество происхожденія, языка, быта составляло между различными народами литовскаго племени связь этнографическую; тождество преданій, культа религіознаго служило связью нравственной; послѣдняя проявлялась и единственными внѣшними признаками народнаго единства: общими центральными для всего племени святилищами и общимъ сословіемъ жрецовъ, состоявшимъ подъ управленіемъ центральной жреческой коллегіи, кривитовъ, и ея начальника, Криве-Кривейто. Развиваясь постепенно, безъ сильнаго давленія извнѣ, литовское племя, по мнѣнію г. Антоновича, образовало бы изъ себя теократическій союзъ, но историческія внѣшнія условія, завоевательныя стремленія нѣмцовъ, поселившихся почти одновременно на двухъ противоположныхъ окраинахъ Литовской земли, заставили литовцевъ ускорить политическую организацію своего племени. Основателемъ княжества былъ Мендовгъ; его государство сложилось изъ двухъ этнографическихъ элементовъ, литовцевъ и русскихъ. Расширяя границы своихъ владѣній на Руси съ помощью литовскаго ополченія, Мендовгъ пріобрѣталъ въ покоренныхъ русскихъ земляхъ новыя силы, которыя давали ему возможность продолжать дальнѣйшія завоеванія на Руси и ставить въ зависимое отъ себя положеніе другихъ сосѣднихъ съ его владѣніями мелкихъ литовскихъ родоначальниковъ; группируя такимъ образомъ силы, Мендовгъ посредствомъ Литвы удерживалъ и пріобрѣталъ русскія земли и, опираясь на ополченія своихъ русскихъ областей, подчинялъ себѣ разрозненныя литовскія владѣнія. Но трудно было ожидать быстраго сближенія этихъ двухъ народныхъ началъ, послужившихъ для образованія новаго государства; уже при Мендовгѣ проявляются стремленія къ обособленію отдѣльныхъ областей, онъ самъ

сдѣлался жертвою заговора литовскихъ и русскихъ князей. Послѣ его смерти наступила продолжительная борьба двухъ народныхъ партій, пока, наконецъ, опасность отъ нѣмецкихъ рыцарей в Польши не пробудила сознанія, что для спасенія родины представителямъ княжества необходимо отказаться отъ исключительнаго преобладанія національныхъ литовскихъ началъ, и что они могутъ извлечь новыя силы для борьбы, только обратившись за помощью къ Руси, какъ вошедшей въ составъ великаго княжества Литовскаго, такъ и сопредѣльной съ нимъ. Это историческое призваніе выполнилъ новый родъ литовскихъ владѣтелей, вокняжившійся въ исходѣ XIII ст., въ лицѣ Витеня и его наслѣдника Гедимина. Князья эти умѣли соединить подъ своею властью силы, достаточныя для борьбы съ наступавшими на Литву сосѣдями; они успѣли остановить завоевательное движеніе Крестоносцевъ, расширили предѣлы своихъ владѣній присоединеніемъ къ нимъ многихъ русскихъ земель и образовали сильное государство, вошедшее, какъ новая политическая сила, въ число установившихся уже государственныхъ единицъ Европы. Болѣе двухъ третей территоріи княжества были заняты русскими, и такимъ образомъ оно, уже въ первой четверти XIV столѣтія, пріобрѣло значеніе сильнаго центра, около котораго должны были группироваться разрозненныя, болѣе слабыя русскія владѣнія; необходимымъ послѣдствіемъ такого значенія было въ будущемъ соперничество этого государства съ великимъ княжествомъ Московскимъ, образовавшимъ еще раньше другой центръ, стремившійся точно также къ притяженію болѣе слабыхъ русскихъ политическихъ единицъ. Но въ предстоявшемъ соперничествѣ оба государства имѣли неравномѣрные шансы успѣха: великое княжество Московское преслѣдовало болѣе однородныя политическія цѣли и не было принуждено развлекать свои силы по двумъ различнымъ направленіямъ: многочисленные инородцы финскаго племени, населявшіе территорію великаго княжества Московскаго, представляли пассивную массу, не вліявшую на политическія стремленія государства и не принимавшуюся во вниманіе въ развитіи государственной жизни страны. Политическія усилія правительства преслѣдовали исключительно русскія цѣли, какъ на западѣ—по отношенію къ мелкимъ русскимъ областямъ, такъ и на востокѣ—въ борьбѣ съ золотоордынскимъ ханомъ, единственнымъ грознымъ сосѣдомъ. Не таково было положеніе великаго княжества Литовскаго: кромѣ значительнаго числа русскихъ областей, въ составъ этого государства входили области чисто литовскія, населеніе которыхъ, положившее начало государству и выдвинувшее изъ своей среды княжившую въ немъ династію, отличалось значительною энергіей; оно не могло подчиниться безусловно русской народности и имѣло свои племенные интересы, между которыми на первомъ планѣ стояла борьба съ нѣмецкими орденами; отстаивать эти интересы были принуждены великіе князья литовскіе; потому вниманіе ихъ безпрестанно раздваивается между политикою объединенія русскихъ земель на восточной границѣ своего государства и усиленною борьбою съ Крестоносцами на западной; они могутъ только по временамъ, эпизодически, преслѣдовать свои цѣли на востокѣ, по отношенію къ русскимъ областямъ и, конечно, они не въ состояніи здѣсь бороться съ великими князьями московскими, устремившими все свое вниманіе на собираніе русскихъ земель и подвигавшимися къ этой цѣли медленно и терпѣливо, но безостановочно. При преемникахъ Гедимина это раздвоеніе интересовъ Литовскаго княжества выражается еще рѣзче, ведетъ къ фактическому раздѣленію великокняжеской власти: объеди-

неніе русскихъ земель Ольгердъ ставитъ своей личной задачей, защиту Литвы отъ рыцарей поручаетъ брату своему Кейстуту. Всю тяжесть борьбы съ орденами вынесло на своихъ плечахъ исключительно населеніе литовскихъ областей великаго княжества: Жмуди и коренной Литвы; руководителемъ этого населенія и героемъ борьбы съ Крестоносцами втеченіе почти полустолѣтія былъ Кейстутъ. Между тѣмъ какъ нѣмецкія лѣтописи переполнены свѣдѣніями о похожденіяхъ Кейстута, Ольгердъ упоминается въ нихъ рѣдко. Только въ болѣе рѣшительныхъ случаяхъ онъ являлся на помощь брату во главѣ ополченій русскихъ земель. Главные интересы Ольгерда сосредоточены на Руси: 1) онъ стремится пріобрѣсти и усилить свое вліяніе на Новгородъ, Псковъ и Смоленскъ; 2) онъ поддерживаетъ тверскихъ князей въ спорѣ ихъ съ великими князьями московскими и вступаетъ въ борьбу съ послѣдними; 3) стремится присоединить къ великому княжеству Литовскому области, входившія нѣкогда въ составъ княженій Черниговскаго и Кіевскаго, также Подольскую землю и для достиженія этой цѣли ведетъ удачную борьбу съ монголами; 4) поддерживаетъ брата своего Любарта въ борьбѣ съ Польшей за наслѣдіе галицко-володимірскихъ князей. Эта раздвоенность политическихъ цѣлей племенъ, вошедшихъ въ составъ княжества Литовскаго, и была причиной его быстраго ослабленія и упадка, два этнографическіе типа не успѣли слиться: связь между ними осталась чисто внѣшнею. Внутреннее безсиліе поражаетъ этотъ, повидимому, могучій политическій организмъ; едва онъ успѣлъ сложиться, онъ ищетъ уже посторонней точки опоры, подчиняется вліянію сосѣдняго государства, гораздо болѣе слабаго матеріально и совершенно ему чуждаго по культурѣ; подъ давленіемъ его медленно, почти безъ борьбы, Литовское княжество замираетъ, укладываясь въ бытовыя и общественныя формы, выработанныя на совершенно чуждыхъ ему началахъ, и при такихъ историческихъ условіяхъ, которыя не имѣли ничего общаго съ ходомъ его собственнаго развитія.

Второе изслѣдованіе въ сборникѣ г. Антоновича посвящено исторіи городовъ Юго-Западнаго края. Въ древнѣйшее время городъ имѣлъ значеніе центра общинной, вѣчевой жизни; послѣ занятія края литовскими князьями такое значеніе города значительно слабѣетъ и видоизмѣняется: вмѣсто общиннаго порядка устанавливается военно-феодальный. Литовскіе князья раздаютъ служилымъ людямъ во владѣніе отдѣльные участки земли, съ обязанностью доставлять по первому требованію опредѣленное количество вооруженыхъ людей и признавать свою верховную власть. Прежнее дѣленіе края на земли и земель на волости замѣняется новымъ дѣленіемъ на княжества и повѣты. Служилые люди выдѣляются изъ общины, примыкаютъ къ новому строю и стараются подчинить ему неслужилое сословіе, поставивъ его отъ себя въ экономическую зависимость и требуя, во имя государственныхъ цѣлей, чтобы оно несло, тѣмъ или инымъ путемъ, свою долю тягостей военнаго устройства, земской обороны. Неслужилыя сословія, уступая постепенно этимъ требованіямъ, стараются вмѣстѣ съ тѣмъ отстоять прежнія общинныя понятія въ другой сферѣ общественной жизни — они желаютъ удержать общинный самосудъ и внутреннее самоуправленіе, но отстоять эти прерогативы было невозможно. Въ борьбѣ съ военнымъ порядкомъ, общины не въ состояніи были ни ясно формулировать своихъ требованій, ни указать на письменный документъ, обезпечивающій ихъ, ни поддержать свой протестъ вооруженною силою и основаннымъ на ней значеніемъ въ государствѣ. Болѣе

всего содѣйствовало разрушенію общинныхъ привиллегій фактическое усиленіе власти старостъ, въ рукахъ которыхъ постепенно сосредоточилось большинство функцій управленія: староста былъ судьей служилаго сословія, начальникомъ полиціи, комендантомъ городской крѣпости, сборщикомъ государственныхъ податей. При такомъ обширномъ кругѣ дѣйствія старосты имѣли полную возможность вліять на городское самоуправленіе и мало-помалу имъ завладѣть. Это, конечно, должно было отозваться невыгодно и на матеріальномъ благосостояніи городовъ. Не смотря на всѣ заботы верховной власти о поддержаніи въ городахъ торговой и ремесленной дѣятельности, энергія труда, котораго производительность не гарантирована закономъ, ослабѣваетъ; мѣщане бѣднѣютъ, переходятъ къ сельско-хозяйственнымъ занятіямъ или расходятся, вслѣдствіе чего количество податей, платимыхъ въ пользу казны уменьшается. Обстоятельства эти заставляютъ правительство гарантировать города отъ произвола старостъ, на сколько это возможно было при общемъ строѣ государства. Но единственная гарантія — возстановленіе прежней общинной самостоятельности—была невозможна: для этого не доставало съ одной стороны выработанной юридической нормы, на которую правительство могло бы указать, какъ на образецъ устройства; съ другой стороны возстановленіе общины въ прежнемъ видѣ повлекло бы къ умаленію и ограниченію военнаго сословія, которымъ дорожило само правительство и которое пріобрѣло уже столько силы, что отнять у него разъ имъ присвоенныя права и владѣнія было немыслимо. Поэтому правительство и рѣшилось примѣнить къ южно-русскимъ городамъ другую мѣру, было введено для нихъ Магдебургское право, но эта мѣра оказалась далеко недѣйствительной: во-первыхъ, Магдебургское право давалось городамъ съ большими ограниченіями и, во-вторыхъ, оно было имъ совершенно чуждо и никогда не могло быть ими воспринято. Также мало принесли пользы городамъ разныя льготы, имѣвшія монопольный характеръ, устройство цеховъ оказалось даже крайне вреднымъ. Окончательный ударъ ихъ благосостоянію нанесли евреи: ошибочно думать, что польское правительство покровительствовало евреямъ; противъ нихъ употреблялись самыя суровыя мѣры, но сила ихъ заключалась въ кагальномъ строѣ, который поддерживался правительствомъ изъ фискальныхъ видовъ. Польша сознала вредъ, принесенный ей самой неразумной политикой по отношенію къ городамъ, но это случилось очень поздно, наканунѣ ея паденія, и поправлять дѣло пришлось уже Россіи.

Изъ другихъ статей, помѣщенныхъ въ разсматриваемой книгѣ, заслуживаютъ серьезнаго вниманія: «Кіевъ, его судьба и значеніе съ XIV по XVI столѣтіе», опровергающая мнѣніе нѣкоторыхъ ученыхъ о запустѣніи Кіевской области послѣ Батыева нашествія, «Очеркъ отношеній польскаго государства къ православію и православной церкви» и «Очеркъ состоянія православной церкви въ Юго-Западной Россіи съ половины XVII до конца XVIII столѣтія», дающія очень много весьма важныхъ фактовъ для характеристики притѣсненій, которымъ подвергалась православная церковь подъ владычествомъ Польши.

А. В—инъ.

Т. Моммсенъ. Римская исторія. Томъ пятый. Провинція отъ временъ Цезаря до временъ Діоклетіана. Переводъ В. Н. Невѣдомскаго. Изд. Солдатенкова. Москва. 1885.

Имя Моммсена одно изъ самыхъ извѣстныхъ и почтенныхъ именъ въ средѣ нѣмецкихъ историковъ нашего попреимуществу историческаго вѣка; въ немалочисленной семьѣ историковъ древности онъ, безъ сомнѣнія, занимаетъ первое мѣсто и пользуется наибольшею славою, такъ какъ съ безпримѣрной глубиной знаній, объективностью и рѣдкой критической способностью онъ соединяетъ и смѣлый синтезъ, и творчество историческое, и способность оживлять отдаленныя эпохи и ихъ дѣятелей, и замѣчательную силу и красоту изложенія. Не даромъ всѣ составители среднихъ и большихъ учебниковъ, не только въ Германіи, но и внѣ ея, характеризуютъ интереснѣйшія событія и ихъ главныхъ участниковъ выписками изъ «Римской исторіи» Моммсена; не даромъ столь небогатая переводами многотомныхъ и серьезныхъ сочиненій русская литература имѣетъ два перевода (Станкевича, 1858, и А. Н. Веселовскаго, 1880) первыхъ томовъ Моммсена.

Теодоръ Моммсенъ родился 30-го ноября 1817 года въ Шлезвигѣ, изучалъ въ Килѣ филологію и юриспруденцію, въ 1844—1847 объѣзжалъ Францію и Италію, занимаясь археологіей, а въ 1848 г. получилъ юридическую каѳедру въ Лейпцигѣ. Такимъ образомъ онъ какъ бы воскресилъ собою тѣ незабвенныя времена, ту героическую эпоху юриспруденціи, когда занятіе ею неразрывно соединялось съ изученіемъ древностей или національныхъ, или античныхъ,—эпоху, когда лучшіе юристы, нисколько не интересуясь практиканствомъ и казуистикой, создали науку исторіи и положили начало будущей соціологіи. Вслѣдствіе участія въ освободительномъ движеніи 1848 и 1849 годовъ онъ потерялъ свое мѣсто, но черезъ два года получилъ приглашеніе въ Цюрихскій университетъ на каѳедру римскаго права; изъ Цюриха перешелъ онъ въ Бреславль (1854 г.), а оттуда, наконецъ, въ 1857 году въ Берлинъ на каѳедру древней исторіи, которую и занимаетъ до настоящаго времени.

Кромѣ «Римской исторіи», которая въ Германіи къ 1882 году выдержала уже семь изданій, наибольшей извѣстностью пользуются его работы по римской эпиграфикѣ (онъ редактируетъ, по порученію Берлинской академіи Corpus inscriptionum latinarum) и его «Римское государственное право» (1-ое изд., 1871—1876 г., 2-ое, 1877). Какъ депутатъ палаты, онъ занимаетъ видное мѣсто въ рядахъ національно-либеральной партіи.

Пишущій эти строки, 14 лѣтъ назадъ слушалъ лекціи въ Берлинскомъ университета, раза 4—5 бывалъ «зайцемъ» на лекціяхъ Моммсена и неоднократно встрѣчался съ нимъ въ журнальномъ отдѣленіи придворной библіотеки, куда допускались только профессора и привиллегированные студенты изъ иностранцевъ. Моммсенъ тогда былъ сухощавый, полусѣдой, небрежно одѣтый небольшой человѣчекъ съ подвижнымъ и умнымъ, хотя немного суровымъ лицемъ. На его лекціяхъ бывало рѣдко болѣе пятидесяти человѣкъ, что̀ объяснялось необдѣланностью курса (въ этотъ семестръ, сколько я помню, онъ именно читалъ о состояніи римскихъ провинцій при послѣднихъ императорахъ, т. е. обдумывалъ ту работу, которая теперь явилась въ печати и вслѣдъ за тѣмъ въ русскомъ переводѣ). Говорили, что для студентовъ старшихъ семестровъ были чрезвычайно полезны его семинаріи, но мнѣ не удалось на нихъ присутствовать.

Въ предисловіи къ этому пятому тому авторъ объясняетъ, почему онъ позволилъ себѣ, такъ сказать, перескочить черезъ четвертый томъ: исторія утвержденія имперіи прекрасно изложена самими древними, а исторія императоровъ много разъ изложена въ новое время, между тѣмъ какъ исторія провинцій еще не была изслѣдована, и замѣнить эту часть «Римской исторіи» Моммсена нѣтъ возможности (въ русскомъ переводѣ здѣсь недосмотръ: въ строкѣ 10 вм. труднѣе слѣдуетъ читать легче. Мимоходомъ замѣчу, что совершенно напрасно переводчикъ сохранилъ въ переводѣ то мѣсто предисловія, гдѣ авторъ говоритъ о необходимости картъ при этомъ томѣ и благодаритъ за нихъ Кипперта; русскимъ читателямъ, не находящимъ этихъ картъ, приходится, такъ сказать, только облизываться). Въ небольшомъ «Введеніи» (стр. IX—XII) Моммсенъ высказываетъ свой взглядъ на высоту эллино-римской культуры и свое совершенно справедливое негодованіе на источники, которые говорятъ обстоятельно о томъ, «о чемъ не стоило говорить, и умалчиваютъ о томъ, что было необходимо разсказать». Онъ заканчиваетъ это введеніе такими словами:

«Здѣсь читатель не найдетъ ни привлекательныхъ подробностей, ни описанія общаго настроенія умовъ, ни характеристики отдѣльныхъ личностей... Эта книга написана съ самоотверженіемъ и читать ее слѣдуетъ также съ самоотверженіемъ».

И дѣйствительно: не смотря на славу имени Моммсена, не смотря на то, что талантъ его нисколько не ослабѣлъ съ годами,—хорошо, если въ самой многоученой Германіи найдется 200 — 300 человѣкъ, которые проштудируютъ (читать его нѣтъ возможности) съ начала до конца этотъ пятый томъ римской исторіи; у насъ же дай Богъ два десятка такихъ любителей. Спрашивается, стоило ли послѣ этого убивать на нее нѣсколько лѣтъ такой полезной жизни и стоило ли ее переводить на русскій языкъ? Конечно, стоило труда и то и другое: трудно доступная, крайне тяжелая для чтенія въ цѣломъ, эта книга частями найдетъ тысячи благодарныхъ читателей и окажется необходимой въ библіотекѣ каждаго, кто серьозно занимается исторіей.

Весь томъ дѣлится на 13 главъ; изъ нихъ первыя семь говорятъ о европейскихъ провинціяхъ Рима (сѣверныя границы Италіи, Испанія, Галлія, Германія, Британія, Придунайскія земли, Греція), четыре объ азіатскихъ (Малая Азія, Евфратская граница, Сирія, Іудея) и двѣ послѣднія о Египтѣ и провинціяхъ африканскихъ. Всѣ главы обработаны съ одинаково неустанной энергіей, и во всѣхъ нихъ авторъ располагалъ почти въ одинаковой степени неподходящимъ матеріаломъ. Цѣль автора въ каждой главѣ была не только изложить внѣшнюю исторію этой провинціи, но изобразить ея внутреннее состояніе: отношеніе къ государству, устройство самоуправленія, степень развитія культуры, такъ сказать, общественное самочувствіе ея жителей, а между тѣмъ объ этомъ-то именно и умалчиваютъ его источники; про пособія и говорить нечего: онъ ихъ почти не имѣетъ. Большую половину того, что говоритъ Моммсенъ объ устройствѣ гражданскаго управленія, объ остаткахъ и перерожденіяхъ ихъ автономіи, онъ создалъ самъ своей громадной ученостью, рѣдкой наблюдательностью и остроумной критикой. Это наиболѣе цѣнная часть его книги, хотя, безъ сомнѣнія, она-то и вызоветъ въ послѣдствіи наиболѣе опроверженій и обличеній въ неполнотѣ и поспѣшности выводовъ.

Для неспеціалиста, ищущаго лучшаго освѣщенія знакомыхъ фактовъ, всего интереснѣе 1-ая (съ стр. 33) и 4-ая главы, гдѣ Моммсенъ говоритъ о борьбѣ римлянъ съ вольными германцами (къ сожалѣнію, онъ считаетъ исторію Варовыхъ легіоновъ и Арминія заѣзженною, чтобы долго останавливаться на ней и приложить къ ней свой художественный талантъ), и глава 11-ая, гдѣ онъ излагаетъ исторію послѣднихъ лѣтъ и паденія Іудеи. Для спеціалиста не только по исторіи, но и по другимъ сроднымъ предметамъ, этотъ томъ будетъ важной справочной книгой, средствомъ ввести себя въ положеніе того уголка міра отъ I-го до IV-го столѣтія, который почему либо будетъ интересовать его.

Чтобы доказать, что синтетическій талантъ Моммсена не ослабѣлъ отъ лѣтъ, укажемъ на блестящую характеристику греческой жизни въ эту эпоху (стр. 244 и слѣд.).

Переводъ, какъ и всѣ переводы г. Невѣдомскаго, и изданіе, какъ и всѣ изданія г. Солдатенкова, вполнѣ удовлетворительны.

А. К.

Обзоръ дѣятельности учрежденной по высочайшему повелѣнію постоянной коммиссіи по устройству народныхъ чтеній въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ, съ 1-го іюля 1883 года по 1-е іюля 1885 г. Спб. 1886.

Труды, подобные настоящему, не требуютъ особенно большихъ рецензій, по причинѣ очень понятной: приводимыя въ нихъ цифры говорятъ сами за себя и изъ нихъ возможно сдѣлать тѣ или другіе выводы.

За отчетное время издательская дѣятельность коммиссіи, главнымъ образомъ, была направлена къ выполненію той программы, чтобы дать народу въ чтеніяхъ полный обзоръ главнѣйшихъ событій русской исторіи. За упомянутое время рукописныхъ чтеній пріобрѣтено 18 и издано 13 новыхъ книжекъ, попреимуществу о событіяхъ изъ русской исторіи.

Всего коммиссіей напечатано съ 1-го іюля 1883 года по 1-е іюля 1885 года 34 изданія, въ количествѣ 230,000 экземпляровъ. За этотъ же періодъ времени разошлось книгъ коммиссіи 200,461 экземпляръ на сумму 19,362 р. Изъ этой суммы поступило въ кассу коммиссіи 13,842 р., остальные 5,520 р., пошли въ расходъ на 30%, скидку книгопродавцамъ и на безплатную раздачу. Со времени учрежденія издательскаго Общества издано брошюръ и листковъ 199,000 экземпляровъ.

Разсмотрѣніе литературныхъ достоинствъ изданій постоянной коммиссіи по устройству народныхъ чтеній завлекло бы насъ слишкомъ далеко, но замѣтимъ только, что въ обзорѣ дѣятельности упомянутой коммиссіи почти совершенно не встрѣчаются книги, брошюры и листки, содержаніе которыхъ непосредственно относилось бы къ объясненію физическихъ явленій, съ каковыми явленіями, во всякомъ случаѣ, со многими изъ нихъ; крестьяне связываютъ множество суевѣрій.

Недавно намъ привелось читать гдѣ-то, что крестьяне ни за что не позволили тушить пожара, происшедшаго отъ удара молніи, на томъ основаніи, что тушеніе подобнаго пожара—дѣло грѣховное. А гигіеническіе, санитарные вопросы, примѣнимые къ народному быту? Какое огромное значеніе имѣетъ разрушеніе тяжкихъ по своимъ послѣдствіямъ суевѣрій, порождаю-

щихъ нерѣдко страшныя преступленія. Такъ, напримѣръ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, крестьяне въ одной изъ губерній и, сколько помнимъ, недалекихъ отъ Петербурга, сожгли вѣдьму! При допросахъ, на слѣдствіи и въ судѣ, подсудимые мужички видимо не понимали смысла совершеннаго ими преступленія и въ простотѣ души на обращенные къ нимъ вопросы, какъ нельзя болѣе простодушно, отвѣчали: «сожгли, батюшка, сожгли, да и какъ не сжечь вѣдьму». Вспоминается и другое дѣло, порожденное также суевѣріемъ: вырывъ изъ могилы недавно похороненнаго покойника, крестьяне вытопили изъ него сало, изъ котораго и приготовили свѣчу, ибо подобная свѣча дѣлаетъ вора невидимкой, во время совершенія воровства. Троньте только народную жизнь въ ея корнѣ, и будете поражены ея первобытностью, ея поразительнымъ духовнымъ мракомъ. Вотъ на такія-то темы и необходимо издавать книжки, назначенныя для обращенія въ народѣ. Само собой понятно, что не можетъ быть и рѣчи о величайшей важности книгъ религіознаго и историческаго содержанія, особенно первыхъ; но смѣемъ думать, что подобныя книги никакъ не могутъ исключать книгъ, имѣющихъ цѣлью указывать народу на нѣкоторыя гигіеническія мѣры, обусловливающія сохраненіе здоровья и имѣющія цѣлью разрушеніе суевѣрій, вполнѣ охватившихъ жизнь народа. Въ числѣ первыхъ мы, нашли въ «Обзорѣ» только одну книгу, а именно: «Бесѣды о здоровьѣ и о болѣзняхъ. Доктора Перфильева», которая, впрочемъ, касается многихъ вопросовъ, относящихся къ задачамъ гигіены. Относительно же міра суевѣрій, мы не встрѣтили въ «Обзорѣ» ни одной книги или брошюры. Подобный пробѣлъ нельзя не назвать очень замѣтнымъ.

И. В—ъ.

Юнія Ювенала сатиры, въ переводѣ и съ объясненіями А. Фета. Москва. 1885.

Всякій поэтъ имѣетъ въ головѣ своей опредѣленное количество идей, воплощенныхъ въ образахъ,—иной больше, иной меньше, иной въ силахъ воспринимать и претворять въ свою собственность то, что даетъ ему жизнь его народа и его эпохи, другой можетъ выразить только то, что принесъ съ собою въ міръ; но творящія силы духа человѣческаго ограничены, и самый чуткій къ явленіямъ жизни поэтъ станетъ подъ конецъ долгой литературной карьеры повторяться или, насилуя свою фантазію, выжимать изъ нея полуживые, туманные образы; проще сказать, всякій поэтъ долженъ когда нибудь исписаться. Всего легче исписываются такъ называемые лирики, въ актѣ творчества которыхъ субъективный, личный элементъ играетъ большую роль, нежели объективный, фактическій. Благо тому изъ нихъ, кто, исполнивъ свое призваніе, во время закроетъ свою мастерскую и не будетъ возбуждать сожалѣнія бывшихъ своихъ поклонниковъ и почитателей. Но что же дѣлать ему съ своимъ развитымъ, тонкимъ вкусомъ, съ своимъ искусствомъ владѣть языками и стихомъ? Грустно, если онъ пренебрежетъ этими рѣдкими дарами, зароетъ свой талантъ въ землю, и отрадно видѣть, если онъ приложитъ его къ дѣлу, къ мастерской передачѣ созданій иноязычной поэзіи, къ художественнымъ переводамъ. Задача его въ такомъ случаѣ немногимъ уступаетъ его прежней задачѣ — творчеству, а выше творчества ничего и въ свѣтѣ нѣтъ.

Selbst Erfinden ist schön, doch glücklich von Andern Gefundnes
Fröhlich erkannt und geschützt, nennst du das weniger Dein?

говоритъ Гёте въ Ксеніяхъ (I, 167) [1]).

На такую добрую дорогу попалъ когда-то прославленный, потомъ по нашему непохвальному обычаю освистанный даровитый лирикъ А. Фетъ [2]), и, какъ хорошій филологъ, избралъ себѣ спеціальность, чрезвычайно трудную, но за то плодотворную—римскихъ поэтовъ [3]). Извѣстно, что наша читающая публика въ этомъ отношенія совершенно не воспитана, и въ значительномъ большинствѣ случаевъ не только порицатели, но даже и защитники классицизма имѣютъ объ немъ самое поверхностное понятіе; даже люди, мнящіе себя латинистами, знаютъ изъ латинскихъ поэтовъ немного больше того, что зналъ Евгеній Онѣгинъ, да и при доброй волѣ лишены возможности узнать болѣе. А. Фетъ не можетъ пожаловаться на невниманіе къ своимъ трудамъ лучшей части нашего общества: академія наукъ присудила ему, и только ему одному, за его переводъ Горація полную пушкинскую премію. Теперь онъ вновь выступаетъ съ переводомъ поэта столь же извѣстнаго по имени, еще менѣе плодовитаго, но за то болѣе труднаго—Ювенала.

Переводу своему А. Фетъ предпосылаетъ небольшое, но, если можно такъ выразиться, крайне притязательное предисловіе.

«Трудно рукѣ (,) долго и тщательно подбиравшей за мастеромъ камневерженцемъ (литоболомъ) камень за камнемъ, чтобы швырнуть ихъ въ далекій римскій его огородъ, трудно, повторяемъ (,) такой рукѣ порой не ошибиться, и не запустить камня въ ближайшій, намъ современный огородъ, благо въ поводахъ къ тому, даже по отношенію къ обнародованію настоящаго труда, недостатка нѣтъ. Тѣмъ не менѣе воздержимся отъ соблазна»...

Не трудно угадать, что соблазнъ слишкомъ великъ и что авторъ не исполнитъ обѣщанія; и дѣйствительно, въ томъ же предисловіи (стр. 10) А. Фетъ указываетъ въ нашемъ обществѣ цѣлый рядъ явленій, безусловно тождественныхъ съ тѣми, которыя такъ зло и мѣтко обличалъ римскій сатирикъ. За это, разумѣется, никто не посѣтуетъ на г. Фета; но вотъ за что мы имѣемъ право сѣтовать: какъ мы, «по причинамъ, отъ насъ не зависящимъ», ни изловчались читать между строкъ, все же есть предѣлъ нашему провидѣнію; слѣдовало или не упоминать объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ обнародованіе перевода, или намекнуть о нихъ яснѣе.

Мы совершенно согласны со всѣмъ, что говоритъ почтенный переводчикъ о значеніи литературнаго образованія для насъ и о значеніи Ювенала, какъ поэта сильнаго, съ опредѣленнымъ понятіемъ объ идеалѣ, поэта нравственнаго, не смотря на кажущійся цинизмъ своей рѣчи. Мы готовы, съ извѣстными ограниченіями, согласиться и въ томъ, что вѣрность, буквальность есть первая задача переводчика; но находимъ, что все это могло бы быть выражено проще и не съ такими претензіями на ювеналовскую или тацитовскую силу. Этотъ высокій штиль и эти претензіи немало вредятъ и ясности небольшой критико-библіографической главы «Жизнь и творенія

---

[1]) Прекрасное дѣло изобрѣтать, но изобрѣтенное другими, а тобою радостно признанное и оцѣненное—развѣ ты менѣе своимъ назовешь?

[2]) Псевдонимъ, Ибнъ-Фетъ, какъ его называлъ покойной памяти Кузьма Прутковъ.

[3]) Сколько помнимъ, изъ произведеній новой литературы онъ брался только за Фауста—и безъ большаго успѣха.

Ювенала». Но все это, конечно, мелочи сравнительно съ существенною частію книги — переводомъ сатиръ. Г. Фетъ перевелъ всѣ дошедшія до насъ 15 съ половиною сатиръ, но девятой [1]) не напечаталъ, по всей вѣроятности, по обстоятельствамъ, отъ него не зависящимъ; перевелъ, добросовѣстно поработавъ и надъ усвоеніемъ оригинала, и надъ передачею его,—трудъ почтенный, который, надѣемся, нѣтъ необходимости передавать «черезъ головы одного или многихъ поколѣній» (см. стр. 11). Найдутся люди, которые скажутъ переводчику спасибо и много раньше, нежели онъ сдѣлается покойникомъ.

Но уваженіе къ труду А. Фета не должно намъ мѣшать видѣть недостатки его книги, а таковые имѣются, хотя мы ихъ нашли не въ томъ, въ чемъ ожидали. Считая переводчика диллетантомъ въ классической филологіи, мы предполагали встрѣтить въ его трудѣ неточности, слѣдованіе легковѣснымъ французскимъ комментаторамъ и переводчикамъ; но за то мы были увѣрены въ изяществѣ гекзаметра, въ ясности (конечно, по мѣрѣ возможности) слога, наконецъ въ опрятности изданія. Оказалось какъ разъ наоборотъ: изданіе, не смотря на дорогую цѣну (3 рубля за 245 страницъ разгонистой печати), крайне небрежное, переполненное опечатками; гекзаметръ мѣстами удаченъ, но за то мѣстами этотъ почтенный размѣръ подвергается такимъ мученіямъ, передъ которыми прокустово ложе — мягкая перина; слогъ мѣстами такъ труденъ, что даже посредственному латинисту легче понять Ювеналовскій оригиналъ, чѣмъ Фетовскій переводъ, за то добросовѣстность изученія и вѣрность пониманія автора, за весьма немногими исключеніями, такова, что А. Фету можно присудить почетную ученую степень.

Чтобы не быть голословными, приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Уже съ 3-го стиха первой сатиры А. Фетъ начинаетъ огорчать любителей русскаго гекзаметра:

Иль безнаказанно мнѣ вонъ тотъ все драмы читаетъ.

Здѣсь на три дактиля приходится три хорея, что противно законамъ гекзаметра новыхъ языковъ.

А извольте, напр., проскандировать 425-й стихъ 6-ой сатиры:

Удручены. Наконецъ вся красненькая она входитъ.

Или 338-й стихъ той же сатиры:

Поломъ, чѣмъ Цезаревы два свертка Антикатона.

И такихъ случаевъ сотни. Любопытно бы знать, какъ самъ А. Фетъ скандируетъ подобные гекзаметры. О насиліяхъ надъ русскимъ удареніемъ, которыя встрѣчаются на каждой страницѣ, послѣ этого и говорить не стоитъ.

А есть ли какая нибудь возможность понять безъ оригинала подъ руками—комментарія недостаточно—слѣдующее мѣсто той же 6-ой сатиры:

Но другія въ то время, когда отдыхаютъ завѣсы,
Да при пустыхъ и закрытыхъ театрахъ гудятъ только рынки,
И отъ игрищъ плебейскихъ до Мегалесій далеко,
Съ грустію держатъ и маску, и тирсъ и надъ фартикомъ пышутъ.

Легко ли догадаться, что здѣсь рѣчь идетъ о женщинахъ, которыя во время театральныхъ ваканцій скучаютъ, поневолѣ услаждая себя аксесуарами сцены.

---

[1]) О грязныхъ связяхъ кліентовъ съ патронами.

Близость къ подлиннику едва ли должна доходить до такой степени; едва ли А. Фетъ былъ бы благодаренъ нѣмецкому переводчику своихъ стихотвореній, переводъ котораго было бы можно понять, только справившись въ оригиналѣ.

Правда, такихъ мѣстъ немного, но десятка два наберется.

На сколько переводчикъ старательно отнесся къ изученію текста, на сколько онъ вѣрно понялъ его, всего лучше можно видѣть изъ сравненія. Въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія» за 1884 годъ (апрѣль) г. Благовѣщенскій, такъ сказать, присяжный классикъ, бывшій профессоръ, напечаталъ прозаическій переводъ 3-й сатиры Ювенала; возьмемъ для сравненія нѣсколько стиховъ Ювенала изъ первой части сатиры, такихъ стиховъ, въ передачѣ которыхъ два русскіе переводчика расходятся; всегда правъ г. Фетъ. Напр., Ювеналъ говоритъ про голодныхъ грековъ, что они

Viscera magnarum domuum dominique futuri (стр. 72) — «будущій потрохъ домовъ роскошныхъ и домовладѣльцевъ»,—переводитъ А. Фетъ; «все это нутро знатныхъ домовъ и наши будущіе властелины»,—переводитъ г. Благовѣщенскій. Не нужно быть спеціалистомъ, чтобы отдать предпочтеніе переводу Фета: Ювеналъ не могъ дойдти до такого явнаго преувеличенія; довольно и того, что проходимецъ—грекъ сдѣлается владѣтелемъ дома въ Римѣ; владѣтелемъ Рима онъ и не мечталъ быть. Или 5-ю строками ниже:—

omnia novit
Graeculus esuriens; in coelum, jusseris, ibit (по изд. Россбаха).

У Фета: все голодный
Знаетъ греченокъ; велишь, онъ даже на небо взберется.

Вмѣсто взберется лучше и ближе къ тексту было бы сказать: полѣзетъ, что мы и находимъ въ переводѣ г. Благовѣщенскаго; но мы недоумѣваемъ, по какому тексту, несомнѣнно плохому, слова graeculus esuriens г. Благовѣщенскій сдѣлалъ подлежащимъ во второмъ предложеніи вмѣсто перваго.

Или 12-ю стихами ниже:—qua (voce) deterius nec
Ille sonat, quo mordetur gallina marito.

У г. Благовѣщенскаго: онъ удивляется крошечному голосу, не хуже котораго кудахтаетъ и пѣтухъ, когда онъ въ качествѣ мужа топчетъ свою курицу. Во-первыхъ, про пѣтуха не говорятъ, что онъ кудахтаетъ; во-вторыхъ, во время акта, о которомъ говоритъ г. Благовѣщенскій, пѣтухъ не издаетъ звуковъ, которые можно было бы сравнить съ пѣніемъ хотя бы и вполнѣ негоднаго пѣвца, а, въ-третьихъ, такой переводъ совсѣмъ не оправдывается оригиналомъ. А. Фетъ переводитъ несравненно короче, сильнѣе и вполнѣ вѣренъ тексту:

Удивляется голосу съ хрипомъ, какого нѣтъ хуже
И у того, кто курицу въ чинѣ супруга кусаетъ.

Короче сказать, если можно 2—3 страницы исписать мѣстами, неудачно переведенными у г. Фета, то понадобится не одинъ десятокъ ихъ, чтобы перечислить всѣ стихи труднѣйшаго изъ знаменитыхъ римскихъ поэтовъ, переданные съ замѣчательной вѣрностью и силой. Честь и слава диллетанту классицизма!

А. К.

Виленскій календарь на 1886 годъ. Вильна. 1885. Кіевскій календарь на 1886 годъ. Кіевъ. 1885.

Областныя календарныя изданія имѣютъ свою цѣнность и значеніе. Помимо календарныхъ свѣдѣній, приспособленныхъ къ интересамъ извѣстнаго края и удовлетворяющихъ потребностямъ мѣстныхъ жителей, такіе календари иногда представляютъ собою сборники статей и монографій, касающихся историческихъ судебъ области. Нѣкоторыя изъ провинціальныхъ изданій подобнаго рода получили даже въ этомъ отношеніи извѣстность, какъ, напримѣръ, Холмскій греко-уніатскій мѣсяцесловъ, издававшійся втеченіе 1867—1875 гг. и сдѣлавшійся нынѣ библіографическою рѣдкостью; такимъ сборникомъ продолжаетъ быть и Холмскій народный календарь, выходящій съ 1885 года.

Вотъ почему небезъинтересно иногда бываетъ обозрѣніе провинціальныхъ календарей, изъ числа которыхъ мы имѣемъ теперь предъ собой упомянутыя выше два изданія.

Въ Виленскомъ календарѣ однимъ изъ интересныхъ отдѣловъ можетъ быть признанъ «Дневникъ за 1885 годъ». Здѣсь въ хронологическомъ порядкѣ изложенъ цѣлый рядъ событій сѣверо-западнаго края. Ново-изданныя правительственныя распоряженія, погребеніе кого либо изъ мѣстныхъ дѣятелей, вступленіе на каѳедру новаго православнаго владыки, празднованіе тысячелѣтія славянскихъ первоучителей, выдающіяся мѣстныя бѣдствія и т. п. — все это отмѣчается въ хроникѣ изо дня въ день съ необходимыми подробностями. Если нужна справка, относящаяся къ жизни Виленскаго края за извѣстный годъ, стоитъ обратиться только къ Виленскому календарю, который избавитъ отъ кропотливыхъ изысканій по газетамъ.

Еще большій интересъ составляютъ слѣдующія статьи историческаго содержанія: «Бракъ Ягелла съ Ядвигой», «Обращеніе литвы въ католическую вѣру», «Русскій воевода и русскій герой XVII вѣка" (князь Даніилъ Мышецкій, казненный поляками 30-го ноября 1661 года въ Вильнѣ за преданность русскому царю и русской вѣрѣ), «Іосифъ, митрополитъ литовскій, какъ поборникъ русскихъ интересовъ въ сѣверо-западномъ краѣ». Исторически вѣрно и краснорѣчиво изложенныя статьи этого рода даютъ всю окраску календарю, какъ хорошо составленному русскому областному изданію. Наконецъ, слѣдуетъ указать на болѣе или менѣе подробные некрологи замѣчательныхъ русскихъ дѣятелей сѣверо-западнаго края и на полезную для сельскихъ хозяевъ статью: «Необходимыя условія для прибыльнаго земледѣлія въ Россіи».

Къ календарю приложены портреты императрицы Маріи Ѳеодоровны и покойнаго архіепископа литовскаго Александра (Добрынина); но изъ нихъ только послѣдній портретъ, по сходству и выполненію, сколько нибудь удаченъ, первый же совершенно неудовлетворителенъ.

Всѣ тѣ положительныя особенности и качества, которыя мы встрѣтили въ Виленскомъ календарѣ, совершенно отсутствуютъ въ другомъ, поставленномъ рядомъ съ нимъ изданіи.

Названо оно «Кіевскимъ» календаремъ, но календарь этотъ могъ бы быть названъ и московскимъ, и одесскимъ, и тобольскимъ — какимъ угодно, потому что ничего, относящагося до Кіевскаго края, до юго-западной Россіи, мы въ немъ не нашли, если не считать адресъ-календаря г. Кіева и

простаго перечня событій, громко названнаго «Историческимъ календаремъ города Кіева». Литературная его часть состоитъ изъ статей и замѣтокъ, имѣющихъ общее значеніе. «Афганскій вопросъ», «Развитіе и уничтоженіе крѣпостнаго права на Руси», и изъ смѣси—«Вазелинъ», «Пишущія машины»... неужели въ Кіевѣ не нашлось ничего относящагося къ мѣстной жизни? Какъ будто южная Россія перестала быть историческимъ краемъ, обѣднѣла на столько, что нечѣмъ замѣстить страницы мѣстнаго календаря?

Но вотъ еще одна особенность. На ряду съ православнымъ церковнымъ календаремъ, помѣщенъ католическій и... на польскомъ языкѣ! а далѣе идетъ перечень католическихъ святыхъ — тоже на польскомъ языкѣ. Для кого и для чего это все въ русскомъ календарѣ? Почтенный издатель упустилъ изъ виду, что польскіе календари, въ изобиліи издающіеся въ Варшавѣ, въ особенности лучшій и старѣйшій изъ нихъ—Яворскаго пріобрѣтаются каждымъ грамотнымъ полякомъ, куда бы ни занесла его судьба. И потомъ гдѣ это обрѣтаются такіе поляки, которые охотно покупаютъ русскіе календари и пользуются ими?

Среди текста календаря помѣщено три портрета: генерала Комарова, инженера Лессара и генерала Лемсдена, но и тутъ похвалить нельзя: портреты такъ искажены затертыми штрихами старыхъ, избитыхъ клише, что въ нихъ нельзя узнать героевъ Афганистана.

Сопоставляя приведенныя два изданія областной печати, мы по справедливости должны признать первенствующее значеніе за тѣмъ изъ нихъ, которое появилось въ городѣ, не дожившемъ еще до открытія въ немъ университета.

М. Г-р-д-цкій.

Интеллигенція и народъ въ общественной жизни Россіи. I. И. Каблицъ (I. Юзовъ). Спб. 1886.

Лежащая передъ нами книжка не велика, но одолѣть ее чрезвычайно трудно. Читаете вы одну страницу, другую, третью и съ удивленіемъ замѣчаете, что ваше пониманіе идетъ книзу. О чемъ говоритъ г. Каблицъ, съ кѣмъ полемизируетъ, наконецъ, чего онъ хочетъ для интеллигенціи и для народа? Ничего, рѣшительно ничего, въ волнахъ не видно! На одной страницѣ г. Каблицъ противъ тѣхъ, кто стоитъ за интеллигенцію и ея права надъ народомъ, на другой опять противъ тѣхъ, кто собирается разнуздывать народъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ восхваляетъ безпристрастіе и непогрѣшимость коллективной мысли цѣлаго народа, а въ другомъ—увѣряетъ, что единственнымъ судьей прогресса можетъ быть только обособленная личность. Въ концѣ концовъ, нашъ философъ говоритъ, что не знаетъ разницы между эгоизмомъ и альтруизмомъ и не имѣетъ критерія. Разумѣется, дочитавъ до этого мѣста (стр. 80), мы закрыли книгу и можемъ только по оглавленію сообщить читателю, что далѣе г. Каблицъ въ національные вопросы Россіи включаетъ и еврейскій вопросъ. Какъ онъ рѣшаетъ эти вопросы «эгоистически-альтруистически, безъ всякаго критерія», или иначе, не знаемъ, но позволяемъ себѣ думать, что читатель немного потеряетъ, если избавитъ себя отъ труда ближе познакомиться съ этими рѣшеніями.

Но за всѣмъ тѣмъ, не можемъ въ облегченіе себѣ не замѣтить, что намъ рѣдко когда попадалась въ руки такая безтолковая книга, какъ эта книга г. Каблица.

А—тъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Русская имперія съ французской точки зрѣнія. — Жиды въ Россіи. — Рѣшеніе балканскаго вопроса сербами и пруссаками. — Будущее завоеваніе Россіи нѣмцами. — Исторія французской цивилизаціи. — Біографія актрисы. — Мемуары имперіалиста и стараго писателя. — Новый англійскій историческій журналъ. — Историческій очеркъ распредѣленія земли въ Англіи. — Старое англійское дворянство.

ВЪ ТО ВРЕМЯ, когда французы такъ усердно переводятъ и коментируютъ русскихъ писателей, въ той же Франціи появляются книги о Россіи, приводящія положительно въ изумленіе не только русскихъ, но и французскихъ читателей, сколько нибудь знакомыхъ съ нашимъ отечествомъ. Еще въ романахъ въ родѣ недавно вышедшаго «Василія Самарина», можно понять допущеніе, эффекта ради, всякаго вздора, хотя бы превращенія нигилиста въ нигилистку, но когда является книга съ претензіями на серьёзность, какъ «Русская имперія въ 1885 году» (L'empire russe en 1885), не знаешь, чему приписать аномалію такого явленія. Французъ Комбъ писатель уже не молодой: ему теперь 70 лѣтъ. Есть у него и недурныя книги, какъ «Аббатъ Сугерій», «Исторія германскихъ нашествій на Францію», «Корреспонденція великаго пенсіонарія Іоанна де Витта», есть и плохія, какъ «Россія по отношенію къ Константинополю», «Всеобщая исторія европейской дипломатіи» или его драмы «Екатерина Медичи» и «Конетабль Монморанси», но какъ же рѣшиться написать такое «сочиненіе» о Россіи послѣ трудовъ Леруа-Болье, Луи Леже, Альфреда Рамбо, Легреля и другихъ соотечественниковъ автора! И еще авторъ увѣряетъ, что онъ лично отправился въ Россію, не зная вовсе ея языка, для того, чтобы «изучить крестьянскую общину, этотъ зародышъ общества, и земства». И авторъ представляетъ картину всѣхъ классовъ русскаго общества: дворяне, довольные и беззаботные, смѣются, когда имъ говорятъ о будущности Россіи; они живутъ внѣ дома, только для своего удовольствія, а свои капиталы проигрываютъ въ карты; семейная

жизнь не имѣетъ для нихъ никакой цѣны, какъ и вообще для русскаго человѣка: женщина у него не подруга жизни, а любовница, или кухарка. Денегъ у нихъ—куры не клюютъ, а когда жить нечѣмъ, дворянину всякій даетъ въ займы. Всѣ чиновники берутъ «на чай» и обижаются, когда даютъ мало. Помѣщики—прекрасные люди, гостепріимны, угощаютъ блинами, но жаль, что спятъ на диванахъ (?). Самый интеллигентный классъ въ Россіи—купцы (coupiets), но, къ сожалѣнію, всѣ они—первой, второй и третьей гильдіи (третья-то гильдія въ 1885 году!)—нечисты на руку, оттого, что профессора читаютъ имъ политическую экономію по Адаму Смиту, а не по Жан-Баптисту, Сею и Бастіа. Сожалѣетъ также Комбъ, что крестьяне вовсе не понимали его, когда онъ заговаривалъ съ ними о свободѣ (на какомъ языкѣ?). Впрочемъ, разночинцы въ отношеніи свободомыслія еще подаютъ кое-какія надежды. Крестьяне заражены всѣми пороками; въ общинѣ господствуетъ крѣпостное право, «міръ» ссылаетъ въ Сибирь даже должниковъ, грабитъ бѣднаго въ пользу богатаго. Подобныя сужденія встрѣчаются на каждой страницѣ, и авторъ не перестаетъ повторять, что онъ отлично знаетъ Россію. Только мода на все русское и могла заставить издателя выпустить въ свѣтъ такую невѣжественную болтовню. Но у французовъ сойдетъ съ рукъ еще и не такая дребедень.

— Совершенно другое значеніе имѣетъ книга «Жиды въ Россіи, историческій, законодательный и соціальный этюдъ» (Les juifs en Russie, étude historique, législative et sociale). Авторъ пишетъ: les juifs, потому что выраженіе les hébreux относится только къ древнимъ евреямъ; только въ Россіи, и то съ недавняго времени, начали почему-то называть евреями современныхъ жидовъ, совершенно непохожихъ на ихъ ветхозавѣтныхъ праотцевъ. Авторъ этой книги, долгое время жившій въ Россіи, знаетъ и русскій языкъ, и русское законодательство. Книга его написана съ полнымъ знаніемъ предмета. Онъ изслѣдуетъ положеніе жидовъ съ перваго появленія ихъ въ Россіи въ XVI вѣкѣ, и оканчиваетъ послѣдними антиеврейскими движеніями въ южной и западной Россіи. Нѣкоторыя изъ этихъ сценъ онъ описываетъ какъ очевидецъ. Много интересныхъ фактовъ и данныхъ сообщаетъ это во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательное изслѣдованіе.

— Балканскій вопросъ, не рѣшенный еще дипломатіей, давно уже рѣшается въ газетахъ и отдѣльныхъ брошюрахъ, конечно, на разный ладъ, смотря потому, къ какой національности принадлежитъ авторъ. Болѣе другихъ обратили на себя вниманіе въ послѣднее время двѣ брошюры французская и нѣмецкая. Первая «Рѣшеніе восточнаго вопроса Европою или Портою?» (Solution de la question d'Orient par l'Europe ou par la Porte?) написана сербскимъ публицистомъ Матвѣемъ Баномъ, извѣстнымъ уже прежними сочиненіями по тому же вопросу: «Политическая реорганизація Востока на основаніи равновѣсія племенъ» и «Этюды по восточному вопросу». Въ новой брошюрѣ прежде всего высказывается національность автора. Онъ вступается за своихъ соотечественниковъ и считаетъ несправедливымъ негодованіе, возбужденное войною, объявленною Сербіею болгарамъ. «Воинственный задоръ болгаръ угрожалъ цѣлости Сербіи» (только угрожалъ, а сербы прямо заявили притязанія на Виддинъ и другія части болгарской территоріи). Сербы заслуживаютъ больше вниманія и участія: они нѣсколько вѣковъ сряду боролись за свою независимость, тогда какъ болгаръ освободила Россія, и они только воспользовались счастливымъ стеченіемъ обстоя-

тельствъ и тотчасъ же оказались неблагодарными къ державѣ, освободившей ихъ, и къ Сербіи, бывшей ихъ добрымъ сосѣдомъ. Это, пожалуй, такъ, кромѣ того обстоятельства, что Сербія выказала тоже неблагодарность къ Россіи и перестала быть добрымъ сосѣдомъ, сдѣлавшись вассаломъ Австріи. Для водворенія мира на полуостровѣ, державы должны отказаться отъ завоеваній на немъ и предоставить его самому себѣ. Прежде всего необходимо рѣшить вопросъ религіозный, ограничить власть болгарскаго экзарха, изъять изъ-подъ его власти Македонію и передать въ управленіе сербскаго экзархата и константинопольскаго патріарха. Все это Банъ говоритъ pro domo sua, считая Македонію сербскою провинціею, тогда какъ большинство населенія въ ней болгарское. Кромѣ того, онъ требуетъ отдать Сербіи Виддинъ, Самаковъ, Брезникъ и Трнъ — и затѣмъ ужъ милостиво разрѣшаетъ соединить Румелію съ Болгаріею, а Черногоріи и Греціи отдать всю территорію, присужденную ей берлинскимъ конгрессомъ, но до сихъ поръ не отданную Портой. Другое рѣшеніе можетъ сдѣлать сама Порта, составивъ лигу изъ государствъ Балканскаго полуострова, ставъ во главѣ ея и разграничивъ сербскіе, болгарскіе и греческіе интересы. Само собою разумѣется, что это рѣшеніе еще невозможнѣе перваго. Другое рѣшеніе балканскаго вопроса еще проще: полуостровъ не остается за Турціей и не долженъ достаться ни Россіи, ни Австріи,—его должна взять Германія, или, вѣрнѣе, Пруссія, потому что авторъ брошюры «Германія на Востокъ!» (Deutschland nach Osten!) пруссакъ Пауль Денъ. Идеи его высказывались уже въ первой его брошюрѣ: «Германія и желѣзныя дороги на востокѣ», гдѣ онъ совѣтовалъ Германіи взять эти дороги въ свои руки, и въ сочиненіи «Германія и востокъ, въ ихъ экономическихъ и политическихъ отношеніяхъ», гдѣ онъ говоритъ прямо: «Русскіе умѣютъ только освобождать и порабощать, англичане—только эксплоатировать, австрійцы же ровно ничего не умѣютъ. Одна Германія способна просвѣщать и организовать безкорыстно». Та же мысль проводится и въ новой брошюрѣ. Добрыя стороны характера балканскихъ народовъ, ихъ способность къ культурѣ происходятъ оттого, что въ жилахъ ихъ много германской крови, такъ какъ на полуостровѣ съ греками и славянами смѣшивались геты, вандалы, готы, то есть тѣ же германцы. Германія устроила Грецію, давъ ей Оттона (котораго, однако, пришлось прогнать, потому что онъ и на греческомъ престолѣ оставался такимъ же нѣмцемъ, какъ Батенбергъ на болгарскомъ); только при Гогенцоллернахъ Румынія получила полную независимость, и Батенбергъ обѣщаетъ быть для юго-славянъ тѣмъ же, чѣмъ для сѣверныхъ славянъ былъ Рюрикъ, пришедшій съ нѣмецкихъ береговъ Сѣвернаго моря (какое глубокое знаніе исторіи и географіи!). Панславизмъ выдуманъ въ Вѣнѣ. Слѣдуетъ объединить не только всѣхъ болгаръ, но и всѣхъ сербовъ. Правда, часть ихъ находится въ австрійскихъ владѣніяхъ, но Австрія «мало умѣетъ удовлетворять народнымъ стремленіямъ». Однихъ этихъ словъ было бы достаточно для объясненія, что брошюра прусской фабрикаціи и принадлежитъ къ тѣмъ пробнымъ шарамъ, которые нерѣдко вылетаютъ изъ канцеляріи канцлера, не скрывавшаго, впрочемъ, и въ послѣдней своей рѣчи объ изгнаніи поляковъ изъ Познани своего нерасположенія къ державѣ, находящейся въ «теснѣйшемъ дружескомъ союзѣ» съ Германіей.

— Въ то время, когда брошюра Дена высказываетъ такія дружественныя отношенія къ одному союзнику Германіи, другой публицистъ чертитъ

откровенно планъ будущей кампаніи противъ втораго союзника. Въ Ганноверѣ вышла брошюра «Отъ Вислы до Днѣпра» (Vom Weichsel bis Dnieper), принадлежащая военному дѣятелю, пишущему подъ псевдонимомъ Sarmaticus. Этотъ писатель лично побывалъ въ Привислянскомъ краѣ и убѣдился, что походъ туда не представляетъ никакихъ затрудненій, особенно теперь, когда уже рѣшено замѣнить прусскую артиллерію и обозъ орудіями и приспособленіями болѣе легкой конструкціи. Укрѣпленія Варшавы, Ивангорода и Новогеоргіевска не смущаютъ Сарматикуса. Опираясь на отличную базу: Кенигсбергъ, Данцигъ, Торнъ и Познань, германскія войска могутъ вторгнуться въ Польшу съ запада и съ сѣвера. Дѣйствуя въ послѣднемъ направленіи, прусская армія можетъ совершенно изолировать русскую армію, прервавъ ея сообщенія въ восточномъ направленіи, и принудить къ сдачѣ крѣпостей съ ихъ гарнизонами. Авторъ увѣренъ, что, благодаря медленности нашей мобилизаціи и быстротѣ прусской, значительные успѣхи будутъ достигнуты, прежде чѣмъ русскія войска будетъ приведены въ военное положеніе. Наступленіе на Москву не представляетъ никакихъ затрудненій; Петербургъ авторъ оставляетъ въ сторонѣ; это не центръ Россіи. «Русскій колоссъ перестал быть грознымъ, — такъ заканчиваетъ Сарматикусъ: — даже новый пожаръ Москвы не можетъ лишить нашу армію средствъ къ существованію. Пусть помнитъ русская воинственная партія, что война съ Германіей разоритъ Россію на нѣсколько десятковъ лѣтъ». Такое откровенное изложеніе плановъ «добраго сосѣда» во всякомъ случаѣ любопытно, и принять его къ свѣдѣнію не мѣшаетъ, хотя къ сильнымъ угрозамъ прибѣгаетъ обыкновенно тотъ, кто не считаетъ себя особенно сильнымъ на дѣлѣ.

— Профессоръ исторіи Альфредъ Рамбо, извѣстный своими трудами и о Россіи, какъ «Французы и русскіе» (1877), «Эпическая Россія» (1876), «Исторія Россіи» (1878), издалъ «Исторію французской цивилизаціи» (Histoire de la civilisation française). Цѣль книги выражена авторомъ слѣдующими словами: «Исторія должна представить картину всей націи, всѣхъ ея элементовъ, показать, какъ сформировались — аристократія, духовенство, буржуазія, горожане и сельчане, какъ составились — государство, администрація, судъ, армія, дипломатія, финансы, какими путями развивались земледѣліе, промышленность, торговля, науки, искусства, какъ жили наши предки и подготовляли для насъ ту лучшую жизнь, какою мы теперь живемъ». Такая исторія замѣняетъ понемногу вездѣ прежнюю исторію, разсказывавшую только о сраженіяхъ, герояхъ и монархахъ, но написать ее нелегко. Нельзя сказать, чтобы и книга Рамбо вполнѣ удовлетворяла требованіямъ, заявляемымъ наукою къ подобнымъ сочиненіямъ: есть въ ней и пробѣлы, и мѣстами неясное изложеніе, но она составлена вполнѣ добросовѣстно и тщательно, хотя довольно сжато, такъ какъ вся цивилизація Франціи умѣстится въ двухъ томахъ. Въ первомъ вышедшемъ томѣ три отдѣла: первобытныя времена, Галлія независимая, римская, христіанская и франкская; средніе вѣка и феодальная Франція: аристократія, церковь, народъ, королевская власть; столѣтняя война; средневѣковая цивилизація. Въ отдѣльныхъ главахъ изложена исторія развитія литературы, наукъ, промышленность, жизнь военная: измѣненіе въ вооруженіи со введеніемъ огнестрѣльнаго оружія; жизнь гражданская: положеніе различныхъ классовъ, женщины, семьи, судебная процедура, казни, полиція, рабство, общественная помощь; жизнь частная: одежда, мебель, игры, свадебные и похоронные обряды, обычаи,

предразсудки, колдовство. Третій отдѣлъ заключаетъ въ себѣ исторію монархической Франціи: эпоху возрожденія, войны за религію, царствованіе Генриха IV, Людовика XIII и оканчивается Фрондой, этимъ послѣднимъ возмущеніемъ феодальной Франціи противъ королевской власти, сдѣлавшейся съ тѣхъ поръ неограниченною. Факты изложены ясно и безпристрастно. Книга, когда она окончится, дастъ если не подробное, то достаточно полное понятіе о ходѣ цивилизаціи во Франціи.

— Послѣ біографіи Софіи Арну, о которой мы уже говорили, Эдмондъ Гонкуръ очертилъ жизнь другой актрисы Сент-Гюберти (Madame Saint-Huberty). Разсказанная литературнымъ языкомъ жизнь эта кажется романомъ, тогда какъ, излагая ее, авторъ ни на шагъ не отступаетъ отъ исторіи. Какъ пѣвица Сент-Гюберти восхищала Парижъ, въ предреволюціонную эпоху, въ роляхъ Армиды, Химены, Альцесты, Федры, Пенелопы, Дидоны, внушала страстную прозу Шатобріану и нѣжные стихи артиллерійскому поручику Бонапарте. Какъ женщина, она испытала много треволненій и трагически кончила молодую жизнь. Похищенная 19-ти лѣтъ какимъ-то авантюристомъ, Сент-Гюберти, она должна была сдѣлаться его женою, на третій же день брака была имъ побита, обокрадена и брошена. Кочуя изъ Берлина въ Варшаву, потомъ въ Вѣну, играя съ успѣхомъ на тамошнихъ театрахъ, она была ангажирована Глюкомъ въ Парижъ и вышла тамъ на сцену въ «Армидѣ», въ 1777 году. Публика приняла ее сочувственно, хотя она была нехороша собою. Но негодяй мужъ не оставилъ ее въ покоѣ и, являясь къ ней по временамъ, обиралъ ее, потомъ скрывался неизвѣстно куда. Это, наконецъ, ей надоѣло, и она потребовала развода. За мошенническія продѣлки мужа засадили въ тюрьму, и бракъ уничтожили. Въ 1782 году, она сдѣлалась свободна и достигла громкой извѣстности, исполняя роль Дидоны въ оперѣ Пиччини. Характера капризнаго и своенравнаго, она вдругъ иногда отказывалась пѣть безъ всякой причины, не смотря на то, что зала театра была полна публикою, громко требовавшей появленія на сценѣ своей любимицы. Одинъ разъ, директору королевской оперы пришлось даже предложить на выборъ пѣвицѣ: выйдти на сцену или отправиться въ тюрьму. Эдмондъ Гонкуръ прекрасно передалъ всю эту жизнь артистки, полную тріумфовъ, интригъ, закулисной борьбы, любовныхъ похожденій. Сначала, слушаясь только голоса сердца, она любила скромнаго бѣдняка Сент-Альбена, потомъ тщеславіе заставило ее выйдти замужъ за прогорѣвшаго, но блестящаго графа д'Антрегъ. Артистическая карьера ея кончилась. Вскорѣ кончилась и самая жизнь. Въ 1812 году, въ Лондонѣ, лакей графа итальянецъ Лоренцо, забравшись ночью въ его спальню, чтобы ограбить своего господина, закололъ кинжаломъ графа и его жену. Всю эту бурную жизнь Гонкуръ возстановилъ въ малѣйшихъ подробностяхъ по письмамъ, замѣткамъ современниковъ, придавъ ей еще большій интересъ мастерскимъ изложеніемъ.

— Французская историческая литература изобилуетъ какъ всегда мемуарами. Вышли «Воспоминанія имперіалиста. Журналъ десяти лѣтъ» (Souvenirs d'un imperialiste. Journal de dix ans). Авторъ Евгеній Луденъ, скрывшійся подъ псевдонимомъ Fidus, разсказываетъ не исторію второй имперіи, порядочно уже истрепанную всякаго рода «Записками», но не менѣе любопытную исторію попытокъ возстановить этотъ образъ правленія во Франціи, которую онъ покрылъ позоромъ и несчастіемъ. Начинаясь съ 1871 года, «Воспоминанія» Фидуса возобновляютъ въ памяти читателя весь длин-

ный рядъ интригъ, заговоровъ, подкуповъ, какими имперіализмъ пытался вновь захватить управленіе въ свои руки. Авторъ, конечно, приверженецъ наполеонидовъ и старается представить ихъ въ возможно блестящемъ видѣ, но всѣ его усилія облагородить, представить интересными эту шайку авантюристовъ, не имѣющихъ корней во Франціи и принесшихъ ей столько вреда, остаются напрасны. Книга оканчивается смертью императорскаго принца въ іюнѣ 1879 года, въ которой видна рука Немезиды. — Академикъ Эрнестъ Легуве издалъ «Шестьдесятъ лѣтъ воспоминаній. Часть первая. Моя молодость». (Soixante ans de souvenirs. Première partie. Ma jeunesse). Эта часть начинается съ 1813 года и доходитъ до 1834 года. Первыя воспоминанія относятся къ отцу академика, Габріелю Легуве, умершему въ 1812 году, 48-ми лѣтъ, въ припадкѣ сумасшествія, извѣстному своею поэмою «Le mérite des femmes», имѣвшею до сорока изданій въ короткое время, хотя написанною тяжелыми стихами. (У насъ Василій Анастасѣвичъ перевелъ эту поэму въ 1808 году, подъ названіемъ «Слава прекраснаго пола», но съ польскаго перевода, не зная пофранцузски). Легуве отецъ также оставилъ свои «Воспоминія», переведенныя и порусски въ Москвѣ Д. Глѣбовымъ въ 1823 году, и нѣсколько трагедій «Смерть Авеля», «Неронъ и Эпихариса», «Этеоклъ», «Смерть Генриха IV». Объ этихъ, теперь уже забытыхъ, произведеніяхъ подробно разсказываетъ Легуве-сынъ, которому теперь уже 80-й годъ. Онъ, конечно, расхваливаетъ поэму и трагедіи отца, приводитъ изъ нихъ выписки, но вмѣстѣ съ тѣмъ сообщаетъ и любопытныя подробности о тогдашней эпохѣ, постановкѣ пьесъ на сцену, тогдашнихъ писателяхъ и актерахъ. «Смерть Авеля» дана была въ эпоху терроризма, когда въ виду девиза: свобода, равенство и братство — или смерть! — было довольно опасно напоминать, что первое братство кончилось братоубійствомъ. Но представленіе «Нерона» едва не стоило жизни автору. Казалось бы, что республиканцамъ пріятно видѣть смерть тирана, которою оканчивалась трагедія, но дѣло въ томъ, что пьеса была дана въ разгаръ вражды Робеспьера съ Дантономъ, и когда въ трагедіи народъ кричалъ: «смерть тирану!» — Дантонъ и его друзья, сидѣвшіе въ оркестрѣ, разразились рукоплесканіями и обратились съ поднятыми кулаками къ ложѣ, гдѣ сидѣлъ Робеспьеръ. Тотъ поблѣднѣлъ и готовъ былъ, разсчитавшись съ Дантономъ, приняться за Легуве, когда погибъ самъ 9-го термидора. Третью трагедію «Смерть Генриха IV» авторъ читалъ самъ въ 1806 году Наполеону и тотъ одобрилъ ее, приказавъ вычеркнуть только одно слово Генриха въ разговорѣ съ Сюлли: «я трепещу!» Напрасно авторъ доказывалъ, что боязнь Генриха — историческій фактъ. — Все равно! — отвѣчалъ императоръ: — монархъ можетъ бояться, но не долженъ никогда этого высказывать. Подобныхъ любопытныхъ подробностей много въ мемуарахъ Легуве, гдѣ хороши характеристики Лемерсье, Жуи, Делавинья, Рекамье, Малибранъ, Беранже, Берліова, Сю и др.

— Англійская историческая литература обогатилась новымъ журналомъ «Англійское историческое Обозрѣніе» (The english historical review), подъ редакціей Манделля Крейтона, профессора церковной исторіи въ Кембриджскомъ университетѣ. Редакторъ обѣщаетъ полное безпристрастное отношеніе въ своемъ журналѣ по всѣмъ мнѣніямъ. Первая книга составлена интересно. Въ ней помѣщены: очеркъ историческихъ школъ въ Германіи, древняя исторія Греціи по Гомеру, «Тираны Британіи, Галліи и Испаніи въ V вѣкѣ», «Домъ Бурбоновъ», разборъ мемуаровъ Гревиля и другихъ истори-

ческихъ книгъ. Помѣщено также много мелкихъ замѣтокъ по историческимъ фактамъ и перечень иностранныхъ историческихъ журналовъ, между которыми приводится содержаніе «Русской Старины» и «Историческаго Вѣстника», за іюль, августъ и сентябрь прошлаго года съ указаніемъ лучшихъ статей. Обзоръ этотъ составленъ В. Морфиллемъ, которому принадлежитъ замѣчательная статья о русской литературѣ въ послѣднемъ выпускѣ «Британской энциклопедіи». Мы вернемся еще къ этой статьѣ.

— «Историческій очеркъ распредѣленія земли въ Англіи» (Historical Sketch of the Distribution of Land in England). Профессоръ Бирбекъ разсказываетъ исторію англійскаго землевладѣнія, стараясь отвѣтить на интересный вопросъ: когда зародилась въ Англіи основа ея настоящаго исключительно крупнаго землевладѣнія и нигдѣ въ другихъ странахъ не привившагося права первородства? Вопросъ этотъ, относящійся къ области исторіи, имѣетъ и современное значеніе для политиковъ разныхъ партій, управляющихъ Англіей. Въ ней поэтому является много изданій, трактующихъ объ исторіи землевладѣнія, написанныхъ профессорами и учеными, но цѣль которыхъ повліять въ пользу того или другаго политическаго направленія. Одни приписываютъ аристократическую привиллегію поземельнаго богатства въ Англіи вліянію лордовъ на конституцію страны, другіе—слабости королей. Бирбекъ излагаетъ источники и ходъ вопроса. Первая перепись земли въ Англіи была произведена лишь въ 994 году. Раньше нѣтъ точныхъ данныхъ о положеніи землевладѣнія въ странѣ. Самая распространенная по этому поводу гипотеза принадлежитъ нѣмецкому ученомуНазе, который доказывалъ, что въ Англіи нѣкогда существовали вольные крестьяне-земледѣльцы и даже свободныя общины. Бирбекъ признаетъ эту гипотезу ошибочной, доказывая, что Назе былъ введенъ въ заблужденіе обычаемъ складчины несвободныхъ земледѣльцевъ для общей восьмиволовой пахоты на земляхъ аристократовъ. Земля уже въ англо-саксонскій періодъ исторіи принадлежала крупными участками крупнымъ людямъ военнаго и духовнаго сословія и коронѣ. Жившіе на этой землѣ и обработывавшіе ее были или рабы, или крѣпостные, обязанные извѣстной службой и работой. Естественно, что и прикрѣпленіе къ землѣ тоже даетъ извѣстныя привиллегіи—господинъ не можетъ прогнать крестьянина или совсѣмъ лишить его земли. Эти привиллегіи рабства нѣкоторыми учеными принимались за привиллегіи въ истинномъ смыслѣ этого слова, и отсюда выводилось заключеніе о большей обезпеченности древняго поселенца на землѣ аристократа. Что касается обычая наслѣдованія, то Бирбекъ полагаетъ, что переходъ недвижимаго имущества въ руки одного сына изъ всей семьи также обычай древній, англо-саксонскаго періода. У саксонцевъ сѣверной Германіи и Вестфаліи до сей поры сохраняется стародавній обычай перехода наслѣдства къ младшему брату предпочтительно передъ старшими. Германское правительство въ настоящее время изготовляетъ проектъ объ уничтоженіи этого народнаго обычая. Переходъ недвижимаго имущества къ младшему или старшему брату могъ видоизмѣняться, сообразно тому, кто изъ этихъ братьевъ по законамъ страны отправлялъ воинскую повинность. Для историка важно свидѣтельство, что обычай перехода наслѣдства въ руки одного изъ братьевъ безраздѣльно существовалъ у такой-то національности. Остатки древнихъ законовъ не противорѣчатъ гипотезѣ Бирбека. Переходя ко временамъ норманскаго завоеванія, онъ говоритъ, что потребности военной защиты только освятили ста-

ринный обычай; были возведены замки на стратегическихъ пунктахъ, вассалы были обязаны натуральной воинской повинностью, но старая саксонская система крупнаго землевладѣнія и рабства осталась неприкосновенной. Тутъ авторъ съ особенной настойчивостью опровергаетъ обычную ошибку производства рабства изъ феодализма. «Рабство, — говоритъ онъ, — въ дѣйствительности, чисто земледѣльческое, а феодализмъ чисто военное учрежденіе». Въ самомъ дѣлѣ, рабство существовало же въ Россіи, Египтѣ и другихъ странахъ, гдѣ исторія не давала мѣста даже для зачатковъ феодализма, который сдѣлался основой англійскаго строя въ первое столѣтіе вслѣдъ за нашествіемъ норманновъ. Основы феодализма требовали военной службы старшаго члена семьи, который и былъ поэтому единственнымъ наслѣдникомъ земли. Сначала это относилось къ вассаламъ, которые попрежнему не пользовались правомъ свободнаго перехода во владѣніе другаго лорда. Черезъ два столѣтія послѣ покоренія норманнами, вышелъ законъ, признающій право первородства для всѣхъ сословій, за исключеніемъ нѣкоторыхъ городскихъ, искони практиковавшихъ равномѣрный раздѣлъ наслѣдства. Шотландія, принявъ впослѣдствіи феодальный строй, одобрила вмѣстѣ съ тѣмъ и принципъ первородства. Конституція, озабочиваясь положить предѣлъ самоуправству верховной власти, узаконила обычное право землевладѣнія и обычныя отношенія полусвободныхъ земледѣльцевъ къ ландлордамъ. Не измѣнили ихъ существенно и послѣдніе законы Эдуарда I, снискавшаго въ исторіи титулъ англійскаго Юстиніана. Эти законы, строго опредѣляющіе права наслѣдства и недробимости земли (не только для владѣльца, но и для воздѣлывателя), по мнѣнію Бирбека, чрезвычайно способствовали прогрессу земледѣлія. Въ дальнѣйшей исторіи Англіи земля не разъ служила орудіемъ борьбы между знатью и верховной властью. Такъ, Генрихъ VII далъ всѣмъ владѣльцамъ земли право распоряжаться землею съ полнѣйшей свободой. Но парламентъ всегда отстаивалъ ограниченное право наслѣдованія. Полное же закрѣпленіе земли за аристократіей и уничтоженіе полусвободнаго земледѣльческаго класса произошло въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія, вслѣдствіе парламентскаго приказа о размежеваніи. Такая мѣра увеличила пространство посѣвовъ, но за то убила мелкое землевладѣніе. Крестьяне, лишенные стараго права рубки дровъ и пастьбы на «общихъ пустыряхъ и лѣсахъ», получивъ по размежеванію нѣсколько акровъ, теряли возможность держать скотъ и вести самостоятельное хозяйство. Система первородства и крупнаго землевладѣнія становится теперь въ Англіи на первую очередь внутреннихъ реформъ, и даже консервативное министерство Салисбюри заготовило проектъ закона о свободѣ владѣнія и наслѣдованія. Такая реформа произведетъ огромный переворотъ во всей внутренней жизни Великобританіи. Теперь, по исчисленію Бакстона (A Handbook to political Questions of the day 1885), въ Англіи изъ 33 милліоновъ жителей только 180 тысячъ владѣютъ землей въ размѣрѣ отъ 3 десятинъ (10 акровъ) и болѣе. Свобода продажи земель разоритъ многіе аристократическіе роды и разовьетъ поземельную жадность въ богатой буржуазіи. Но земледѣльцу едва ли будетъ отъ этого лучше на первыхъ порахъ...

— «Наше старое дворянство» (Our Old Nobility). Авторъ этой книги Эвенсъ разсказываетъ подробно генеалогію каждой изъ аристократическихъ фамилій Великобританіи, подсчитывая, когда и какимъ способомъ составились поземельное богатство фамиліи и ея титулы. Авторъ нисколько не церемо-

нится съ предками сіятельныхъ особъ и, какъ Маколей, разсказываетъ о вѣхъ пятнахъ прошлаго, которыя теперь кажутся намъ ужасными, а въ старину считались только маленькими грѣшками. Пэры и лорды давно привыкли къ такой безцеремонности историковъ. Интересно, что и Дизраэли, пока не сдѣлался Биконсфильдомъ, доказывалъ также, что британское лордство имѣетъ своимъ источникомъ «или ограбленіе церкви, или продажу совѣсти Стюартамъ». Приведемъ исторію рода нѣсколькихъ англійскихъ аристократическихъ фамилій, извѣстныхъ и въ Россіи. Фамилія Чёрчиль принадлежитъ къ роду герцоговъ Марльбороу. Первый членъ этой фамиліи, получившій герцогскій титулъ, былъ молоденькій офицеръ Джонъ Чёрчиль при дворѣ Карла II. Его сестра была любовницей герцога Іоркскаго, а самъ Чёрчиль исполнялъ обязанности альфонса при герцогинѣ Клевеландъ. Благодаря этимъ связямъ, офицеръ быстро шелъ въ гору и въ 37 лѣтъ сдѣлался генералъ-лейтенантомъ. Тутъ, почувствовавъ, что сила переходитъ на сторону принца Оранскаго, Чёрчиль бросилъ своего благодѣтеля Карла II и отъ Вильгельма Оранскаго получилъ за это герцогскій титулъ. Впослѣдствіи, во время войны съ Франціей, новоиспеченный герцогъ проявилъ блестящія способности полководца. Королева Анна награждала его съ особенной щедростью—за одну побѣду 50 тысячъ руб. пенсіи изъ почтовыхъ доходовъ, за другую—20 тысячъ пенсіи изъ дворцовыхъ капиталовъ, за третью—40 тысячъ пенсіи ему и потомству изъ государственнаго бюджета и т. д. Послѣдняя пенсія уплачивалась роду Чёрчилей ровно 173 года и недавно выкуплена за уплату казной единовременно милліона шестидесяти тысячъ рублей. Конецъ жизни знаменитаго герцога нѣсколько омрачился изобличеніемъ въ полумилліонной взяткѣ съ поставщиковъ провіанта на армію. Парламентъ долго хлопоталъ о производствѣ слѣдствія, но, конечно, не могъ ничего добиться. Въ настоящее время старшій потомокъ Джона Чёрчиля, герцогъ Марльбороу, владѣетъ почти 28 т. акровъ земли и считается однимъ изъ очень бѣдныхъ аристократовъ Англіи. Его младшій братъ лордъ Чёрчиль былъ министромъ по индійскимъ дѣламъ. Такова же исторія происхожденія и другой извѣстнѣйшей аристократической фамиліи—графовъ Дерби. Одинъ изъ основателей этого рода Джонъ Станлей измѣнялъ послѣдовательно Ричарду II, Генриху Болингброку и Генриху IV, получая, впрочемъ, отъ каждаго дары, щедрость которыхъ въ наше мелкое время по истинѣ изумительна. Напримѣръ, за усмиреніе мятежа въ Ирландіи Станлей получилъ отъ государства въ подарокъ цѣлый островъ Мэнъ, заключающій въ себѣ 170 тысячъ акровъ (около 60 т. десятинъ). Впослѣдствіи казна выкупила островъ обратно за нѣсколько десятковъ милліоновъ рублей. Такіе выкупы практикуются въ Англіи съ незапамятныхъ временъ. Другой предокъ графовъ Дерби, Томасъ Станлей, отличался подобными же способами наживы. Во время «Войны розъ» онъ перешелъ на сторону іоркширцевъ, потомъ перешелъ въ ряды ланкастерцевъ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Екатерина II въ Курской губерніи.

Въ «ИСТОРИЧЕСКОМЪ ВѢСТНИКѢ» прошлаго года (№№ 7—9) было помѣщено въ высшей степени любопытное изслѣдованіе г. Брикнера о путешествіи Екатерины II въ Крымъ въ 1787 году. О ея пребываніи въ Курской губерніи на обратномъ пути, у г. Брикнера сказано только, что жители Курской губерніи: дворяне, мѣщане и казенные поселяне, изъявили передъ нею желаніе поставить монументъ въ память такого славнаго событія, какъ шествіе ея величества черезъ Курскую губернію. Екатерина великодушно отклонила это предложеніе курскихъ патріотовъ и просила обратить назначенную для монумента сумму на заведеніе запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ въ губерніи [1]).

Больше о Курской губерніи не сказано у г. Брикнера ничего; вслѣдъ за этимъ онъ прямо переходитъ къ Орлу и разсказываетъ о дальнѣйшемъ путешествіи императрицы къ Москвѣ.

Въ дополненіе къ статьѣ г. Брикнера, я могу сообщить болѣе подробное описаніе шествія императрицы Екатерины черезъ Курскую грбернію. Описаніе это составлено на основаніи народныхъ преданій, сохранившихся еще въ Курскомъ краѣ и небольшой замѣтки г. Вокната о томъ же предметѣ, появившейся въ № 75 мѣстной газеты («Курскій Листокъ») за 1885 годъ.

Къ пріему императрицы въ Курской губерніи начали готовиться еще задолго до ея пріѣзда. По распоряженію властей, на южной границѣ губерніи были построены большія каменныя тріумфальныя ворота, украшенныя гербами всѣхъ уѣздовъ. За нѣсколько дней до пріѣзда императрицы сюда, къ этимъ воротамъ съѣхались 15 уѣздныхъ предводителей дворянства и вмѣстѣ съ ними 15 дворянскихъ депутацій (по 8 человѣкъ отъ каждаго уѣзда), для привѣтствія дорогой путешественницы и сопровожденія ея въ видѣ почетнаго конвоя, въ предѣлахъ губерніи. Сюда же прибылъ, разумѣется, и начальникъ

[1]) «Историч. Вѣстникъ», 1885 г., кн. 9, стр. 503.

губернія, и губернскій предводитель дворянства Василій Аристархович Похвисневъ, который былъ выбранъ дворянствомъ главнымъ распорядителемъ торжественной встрѣчи и пріема императрицы и утвержденъ въ этомъ званіи тогдашнимъ курско-орловскимъ генералъ-губернаторомъ.

Встрѣча царственной гостьи произошла съ большой помпой, при громадномъ стеченіи народа, который собрался для встрѣчи «матушки» частію по приказу начальства, частію добровольно, чтобы поглазѣть на невиданное торжество. И было, дѣйствительно, на что̀ посмотрѣть. Уже не говоря объ императрицѣ и ея свитѣ, одни только курскіе дворяне способны были произвести величайшій эффектъ. Всѣ они были, большею частью, изъ отставныхъ военныхъ и одѣты въ мундиры разныхъ цвѣтовъ—кавалеристы въ синихъ, пѣхотинцы—въ свѣтлозеленыхъ; «штафирки» же, штатскіе, служившіе въ гражданской службѣ, были въ мундирахъ алаго цвѣта. Дворяне всѣ были верхами и ѣхали вслѣдъ за возкомъ императрицы особымъ «отрядомъ», съ своимъ «предводителемъ» во главѣ. Весь путь, по которому слѣдовалъ императорскій поѣздъ, былъ усыпанъ травою и цвѣтами, которыхъ нанесли для этого крестьяне, согласно распоряженію мѣстнаго начальства. Когда проѣзжали мимо селеній, дѣти выбѣгали на дорогу съ цвѣточными вѣнками и бросали ихъ подъ царскій поѣздъ. Екатерина кланялась имъ, улыбалась и собственноручно бросала деньги на обѣ стороны дороги.

По пути до Курска, въ предѣлахъ губерніи, Екатерина проѣхала чрезъ деревни Борщову, Череношное, Бѣлгородъ, Озерово, Ильинское, хуторы Покровскій, Обоянь, Медвяной Колодезь и Селиховы Дворы.

Въ Бѣлгородѣ императрица посѣтила Троицкій соборъ, гдѣ у входа въ церковь и была встрѣчена преосвященнымъ Ѳеоктистомъ, который сказалъ ей прочувствованное привѣтственное слово. Въ соборѣ было устроено для нея особое царское мѣсто, осѣненное великолѣпнымъ балдахиномъ. Здѣсь Екатерина прослушала обѣдню и молебенъ, въ ознаменованіе чего бѣлгородцы повѣсили въ своемъ соборномъ храмѣ портретъ Екатерины, который просуществовалъ, какъ говорятъ, до 1832 года и затѣмъ былъ снятъ по приказанію начальства.

Въ подгородной слободѣ Ямской, лежащей подъ самымъ Бѣлгородомъ, намъ разсказывали, между прочимъ, слѣдующій анекдотъ, относящійся къ описываемому нами времени:

«Проѣзжала здѣсь матушка царица Катерина. Старики наши тогда казенную ямщину держали. И отъ губернатора имъ вышелъ такой приказъ: «доставить для царицы что ни на есть лучшихъ лошадей». А лошади въ то время были кормныя, хорошія, потому сѣна было вволю, нужды въ этомъ не знали. Представили подъ царицу такихъ лошадей, что угоришь. И ямщики что ни на есть лучшіе сѣли на козлы. — «Ну, говорятъ, матушка, держись только не вылети, не ушибись, родная!» Да какъ припустятъ своихъ лошадей—свѣту вольнаго не стало видно. Живой рукой долетѣли до первой станціи. А тутъ и спрашиваютъ царицу: «Что, матушка-царица, хочешь новыхъ лошадей перемѣнить, или на нашихъ поѣдешь дальше-то?»—«Да вѣдь ваши, говоритъ, не довезутъ?»—«Довезутъ, ваше царское величество. Мы такое слово знаемъ, что довезутъ».—«Ну, а коли, говоритъ, вы такое слово знаете, такъ везите. Я васъ, говоритъ, награжу за это».—Сѣли наши ребята опять на козлы, присвистнули, пригаркнули—и опять скорехонько доскакали до станціи. Тутъ царица имъ по чаркѣ водки велѣла дать, да по 10 рублей деньгами. — «А на

деревню, говоритъ, на вашу, жалую лѣсу 800 десятинъ, за то, что вы ямщики ужъ очениз хорошіе...» [1]).

На сколько этотъ разсказъ справедливъ, мы не знаемъ, но во всякомъ случаѣ онъ передается среди крестьянъ Ямской слободы изъ поколѣнія въ поколѣніе, и здѣшній крестьянинъ никогда не упуститъ случая, чтобы не разсказать о томъ, какъ ихъ «дѣды царицу возили».

Проѣзжая черезъ селенія, Екатерина останавливалась иногда, какъ будто бы для того, чтобы напоить заморившихся лошадей и вступала въ разговоры съ крестьянами, разспрашивая ихъ о томъ, какъ имъ живется, хорошо ли родится хлѣбъ и т. п. Такимъ путемъ она узнала, что послѣдній урожай былъ весьма плохой, вслѣдствіе чего сдѣлала распоряженіе о выдачѣ крестьянамъ хлѣба изъ казенныхъ запасныхъ анбаровъ и, кромѣ того, пожаловала 10,000 руб. изъ кабинета для покупки хлѣба на продовольствіе курскихъ крестьянъ. Она лично совѣтовала также крестьянамъ переселяться въ плодородный вновь завоеванный Новороссійскій край, говоря, что «имъ будутъ тамъ рады» и земли дадутъ сколько кому угодно. Куряне, какъ извѣстно, воспользовались этимъ совѣтомъ и до конца 50-хъ годовъ настоящаго столѣтія цѣлыми массами переселялись въ благодатные черноморскіе края.

Въ Курскѣ императрица встрѣчена была съ невиданнымъ торжествомъ, при звонѣ колоколовъ и громѣ пушекъ. По распоряженію властей, отъ самой городской заставы до Херсонскихъ воротъ, по обѣ стороны дороги разставлены были крестьянскія дѣвушки въ мѣстныхъ, разноцвѣтныхъ и довольно красивыхъ уборахъ; отъ Херсонскихъ же воротъ до Георгіевской площади стояли дѣвушки-горожанки, купеческія и мѣщанскія дочки, разодѣтыя въ лучшія свои платья. Въ рукахъ дѣвушекъ были букеты цвѣтовъ, которые они бросали на дорогу, подъ царскій поѣздъ.

Императрица проѣхала на Красную площадь и остановилась здѣсь во «дворцѣ». Дворецъ этотъ былъ выстроенъ въ 1765 году, когда учреждена была Курская губернія, и предназначался для жительства намѣстника и для пріема высокихъ гостей. Въ немъ, между прочимъ, былъ большой залъ, въ которомъ стоялъ богато убранный императорскій тронъ; здѣсь по торжественнымъ табельнымъ днямъ намѣстникъ принималъ дворянъ и почетныхъ лицъ города. Здѣсь же, сидя на тронѣ, Екатерина принимала на другой день пріѣзда знатныхъ дворянъ и военныхъ и «нѣкоторыхъ изъ нихъ удостоила милостиваго разговора».

Въ Курскѣ императрица производила смотръ войскамъ, квартировавшимъ въ то время въ городѣ, обозрѣвала окрестности, причемъ нѣкоторыя мѣста ей такъ понравились, что она подолгу любовалась ими, а слободу Стрѣлецкую, лежащую подъ горою и искрещенную заводями рр. Сейма и Тускари, она назвала даже Венеціей. Между прочимъ, она посѣтила также курскій мужской монастырь, гдѣ сдѣлала значительныя пожертвованія на духовенство, именно: архимандриту монастыря съ братіею приказала выдать единовременно 1,000 руб., затѣмъ курскому и бѣлгородскому женскимъ монастырямъ—600 руб., изъ которыхъ 400 руб. опредѣлила на монахинь, а 200 р. — игуменьямъ. Кромѣ того, Екатерина пожаловала на курское духовное училище 200 руб. и на бѣлгородскую духовную семинарію—800 рублей.

---

[1]) Въ сокращенномъ видѣ разсказъ этотъ помѣщенъ нами также и въ «Сборникѣ стат. свѣд. по Бѣлгородскому уѣзду». Курскъ, 1886, стр. 169.

Екатеринѣ очень понравился нашъ курскій женскій костюмъ, состоящій изъ особаго рода кокошника, сплошь расшитаго позументомъ, сарафана и рубахи, вышитыхъ шелками, и она выразила городскому головѣ свое желаніе имѣть такой уборъ. Желаніе это, разумѣется, сейчасъ же было исполнено, и купчиха Сушкова доставила ей полный уборъ курской красавицы. Въ благодарность за это императрица подарила ей золотыя серьги, которыя, какъ намъ сказывали, и до сихъ поръ сохраняются въ семействѣ Сушковыхъ.

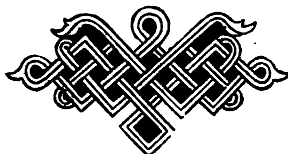
Преданіе разсказываетъ, что одинъ изъ крестьянъ подгородной слободы Казацкой поднесъ Екатеринѣ нѣсколько яблоковъ изъ своего сада, прекрасно сохранившихся втеченіе зимы. Милостивая гостья пожаловала ему за это 100 руб. и въ разговорѣ, между прочимъ, назвала его «добрымъ крестьяниномъ». Съ тѣхъ поръ, говорятъ, и начали называть этотъ сортъ яблоковъ «добрымъ крестьяниномъ» (одна изъ разновидностей извѣстной «антоновки»).

Бывшіе въ свитѣ императрицы сенаторы графъ Шуваловъ и тайный совѣтникъ Стрекаловъ, по приказанію Екатерины, произвели въ Курскѣ ревизію намѣстническаго управленія и нашли все въ замѣчательномъ порядкѣ. Когда довели объ этомъ до свѣдѣнія императрицы, то она пожаловала многочисленныя награды всѣмъ служащимъ чиновникамъ.

Награждая духовенство и чиновниковъ, Екатерина не забыла также и горожанъ. Городу она пожаловала каменную мельницу на р. Тускари, а также и всѣ доходы, какіе получались казною отъ Коренной ярмарки. Это послѣднее пожалованіе оказалось особенно цѣннымъ для города, такъ какъ въ то время Коренная ярмарка была въ цвѣтущемъ состояніи и приносила громаднѣйшіе доходы. Кромѣ всего этого, Екатерина пожертвовала на «главное народное училище» и на простыя народныя школы 2,200 рублей.

Екатерина пробыла въ Курскѣ около двухъ сутокъ и выѣхала отсюда лишь на третій день. Путь ея лежалъ по направленію на сѣверъ, по орловскому тракту. У Московской заставы для ея выѣзда были заранѣе устроены тріумфальныя ворота, на личныя средства городскаго головы [1]) и курскаго купечества. До самой границы губерніи императрицу сопровождалъ кортежъ изъ 120 дворянъ. Ночевала императрица въ с. Ольховаткѣ, лежащемъ въ Фатежскомъ уѣздѣ, почти на самой границѣ Курской губерніи, верстахъ въ 80 отъ Курска. На другой же день утромъ она была уже въ предѣлахъ Орловской губерніи.

Сообщ. **Н. А. Добротворскимъ.**

[1]) Городскимъ головою былъ въ то время Иванъ Ларіоновичъ Голиковъ, который извѣстенъ тѣмъ, что вмѣстѣ съ рыльскимъ купцомъ Шелеховымъ устроилъ Россійско-Американскую компанію.

СМѢСЬ.

ОРЖЕСТВЕННОЕ собраніе географическаго Общества. 29-го января, географическое Общество привѣтствовало возвратившагося изъ послѣдняго путешествія по Центральной Азіи Николая Михайловича Пржевальскаго. Чествованіе было необыкновенно торжественно. Для собранія открытъ былъ дворецъ великой княгини Екатерины Михайловны. Члены царской фамиліи, самая избранная публика, министры, военные, дипломаты, ученые и всѣ члены географическаго Общества наполнили великолѣпную залу. Между гостями былъ и митрополитъ сербскій Михаилъ. Вице-президентъ географическаго Общества П. П. Семеновъ открылъ собраніе рѣчью, въ которой сказалъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Сегодня въ четвертый разъ русское географическое Общество въ торжественномъ собраніи привѣтствуетъ Н. М. Пржевальскаго, возвратившагося изъ своего четвертаго путешествія изъ мѣстъ Центральной Азіи. Во второй разъ географическое Общество въ полномъ своемъ составѣ занимаетъ покои дворца, гостепріимно открывшіеся для чествованія путешественника, прошедшаго 30,000 верстъ пѣшкомъ и верхомъ, пространство въ 10 разъ большее площади Франціи, пространство, большая часть котораго мало обитаема и представляетъ безплодныя песчаныя пустыни и только меньшая часть обитаема и орошается рѣками, текущими съ вѣчно снѣжныхъ вершинъ большихъ горныхъ хребтовъ. При всемъ томъ, пространство это — центральный материкъ между тремя громадными имперіями (Россія, Британія и Китай) — особенно интересно для насъ. Съ него спускались во всѣ стороны свѣта племена, образовывавшія сильныя государства; въ немъ и теперь въ глубинѣ высится тронъ Далай-Ламы, полновластнаго владыки 400 милліоновъ жителей Азіи. Эта страна интереснѣе чѣмъ центральная Африка, и сдѣлалась цѣлью изслѣдованій путешественниковъ раньше ея. Но только Н. М. Пржевальскому удалось избороздить эту часть Азіи своими маршрутами. Наука слагается изъ кропотливой мозаики мелочей, но прежде всего нуждается въ такихъ піонерахъ, которые проникаютъ въ неизвѣданныя страны и собираютъ тамъ для нея матеріалы. Необходимыя для этого сила воли, отвага,

научная подготовка, умѣнье привлечь къ себѣ симпатіи, богатый запасъ физическихъ и нравственныхъ силъ—все нашло осуществленіе въ лицѣ Н. М. Пржевальскаго, заслуги котораго и оцѣнены по достоинству».

Свое сообщеніе Н. М. Пржевальскій началъ съ краткаго изложенія результатовъ всѣхъ четырехъ своихъ путешествій. Первое путешествіе началось въ 1871 году и продолжалось три года—до 1873 года. Ему сопутствовали всего 3 человѣка, средства были ничтожныя, путешественникъ едва ли имѣлъ въ карманѣ около 200 рублей. Однако, экспедиція достигла до верховьевъ Голубой рѣки и впервые изслѣдовала часть Центральной Азіи, пройдя болѣе 11,000 верстъ. Вторая экспедиція, уже при лучшихъ условіяхъ, съ выданными на нее 24,000 руб., состоялась въ 1876 году и прошла черезъ Тяньшань и Таримъ. Третье путешествіе началось въ 1878 году и шло отъ озера Зайсана въ Цайдамъ, причемъ изслѣдованы верховья Желтой рѣки. Экспедиція не дошла только 300 верстъ до Хлассы, гдѣ пребываетъ незримый для простыхъ смертныхъ Далай-Лама, не дошла потому, что туземцы усердно просили вернуться, ибо распущенъ былъ слухъ, что русскіе идутъ украсть Далай-Ламу.

Послѣдняя экспедиція отправилась изъ Кяхты въ половинѣ 1883 года. Участвовали въ ней 21 человѣкъ, средства даны были богатыя. Помощниками начальника экспедиціи были: поручикъ Роборовскій и вольноопредѣляющійся Козловъ. Небольшой отрядъ состоялъ изъ отборныхъ стрѣлковъ. Иногда по 3 мѣсяца не приходилось встрѣчать ни одного человѣка. Жилищемъ служили лѣтомъ—парусинныя палатки, зимой—войлочныя юрты. Пищу доставляла охота, а когда ея не было, довольствовались кирпичнымъ чаемъ, свареннымъ съ солью и жиромъ медвѣжьимъ или бараньимъ, и это, на неприхотливый вкусъ, по увѣренію Н. М., было не слишкомъ противно. Хлѣбъ замѣняла «замба», туземная жареная мука. Всѣ жили вмѣстѣ, спали на одномъ войлокѣ, ѣли изъ одной чашки, но, не смотря на это, во всемъ отрядѣ царствовала дисциплина; всѣ 20 человѣкъ составляли какъ бы одну душу. Вооруженіе экспедиціи, кромѣ холоднаго оружія, составляли винтовки Бердана, съ значительнымъ, въ нѣсколько тысячъ, запасомъ патроновъ.

Изъ Кяхты экспедиція пошла караваномъ до Урги, гдѣ были куплены за дорогую цѣну 57 монгольскихъ верблюдовъ, выдержавшихъ двухлѣтнее путешествіе; 30 изъ нихъ вернулись назадъ. Хорошій верблюдъ—дѣло первостепенной важности, онъ легко подымаетъ вьюкъ въ 12 пудовъ, бодро переноситъ и голодъ, и жажду. Чтобы не изнурить верблюдовъ путешествіемъ по жаркой странѣ, Н. М. направилъ экспедицію кружнымъ путемъ, правда, холоднымъ, но за то, пройдя къ Тибету, животныя были хорошо сохранены. Изъ Урги путь шелъ до Алашана, и затѣмъ экспедиція вступила въ пустыню Гоби. Здѣсь (80,000 кв. мил.) только сѣверная и восточная ея часть плодородны, а центральная вмѣстѣ съ Джунгаріей составляетъ безплодное и безводное пространство. Южная часть на сотни верстъ—одни сыпучіе пески. И климатъ, и почва—все неблагопріятно для жилья человѣка. Морозы жестокіе, жары тропическіе, весной страшныя бури. Путешествіе черезъ пустыню продолжалось 2 мѣсяца при страшномъ холодѣ—ртуть замерзала въ термометрѣ. Ближе къ югу стало теплѣе. Въ январѣ днемъ на солнцѣ было по Цельсію 20 град. выше нуля, ночью—столько же ниже. И, не смотря на такія страшныя перемѣны, никто изъ людей не пострадалъ. Ни на одну минуту экспедиція не оставалась безъ караула—днемъ 1 часовой, ночью—трое. Такимъ образомъ, кромѣ обыкновенныхъ трудностей пути, отрядъ обременялся еще тяжелой караульной службой. 50 дней употреблено на проходъ черезъ Гоби. Въ началѣ января были у Алашана. Алашанскій князь, самый могущественный изъ туземныхъ князей, встрѣтилъ путниковъ дружелюбно. Достигнувъ нагорнаго Тибета, части Цайдама, богатой и благодатной страны, путешественники могли отдохнуть послѣ тяжелаго пути. Туземцы оказывали

благопріятный пріемъ, но китайцы, по обыкновенію, вели себя криводушно. Китайскіе начальники въ глаза юлили, а исподтишка старались дѣлать всякія гадости. Главной задачей экспедиціи было изслѣдовать истоки Жолтой рѣки,—кормилицы Китая. Но цайдамскій князь, наученный китайцами, объявилъ, что не дастъ ни проводниковъ, ни верблюдовъ. Что было дѣлать? Чтобы не потерять престижа среди населенія, Пржевальскій приказалъ посадить подъ арестъ князя и его помощника и объявилъ, что онъ, всетаки, туда поѣдетъ, а проводникомъ возьметъ князя, который въ наказаніе пойдетъ пѣшкомъ. Это подѣйствовало, и черезъ 3 дня были и проводники, и верблюды.

Истоки Жолтой рѣки совершенно невѣдомы. Тамъ, у сліянія двухъ рѣчекъ находится высокая гора, гдѣ приносятся жертвоприношенія китайцами Разъ въ годъ приходитъ весной посольство изъ Пекина и совершаетъ у истоковъ Жолтой рѣки жертвоприношенія. Не смотря на чинимыя китайцами препятствія, поднялись на гору. У верховья Жолтая рѣка имѣетъ всего саженъ 15—18 ширины, но, разливаясь на югъ и востокъ, достигаетъ громадныхъ размѣровъ. У истоковъ совсѣмъ нѣтъ человѣческаго обиталища. Отрядъ затѣмъ поспѣшилъ на югъ—дойдти до Голубой рѣки. Прошли черезъ высокія, но проходимыя горы. Здѣсь между горныхъ долинъ, не тревожимыя человѣкомъ, пасутся громадныя стада яковъ; они ходитъ тысячами. Черепа яка не пробиваетъ пуля изъ берданки. Большой ростъ, страшная сила дѣлали бы это животное очень опаснымъ, но, незнакомое съ человѣкомъ, оно бѣжитъ прямо на стрѣлка, по одному направленію. Кромѣ яковъ, здѣсь множество красивыхъ антилопъ разгуливаютъ тысячными стадами. Случалось, что караванъ проходилъ спокойно посреди ихъ стада. При такихъ условіяхъ жалко было и охотиться на нихъ. Здѣсь же есть множество медвѣдей, тоже нрава кроткаго. Къ югу идетъ горная альпійская страна, чѣмъ дальше, тѣмъ больше лѣсовъ. Пройдя верстъ 150, экспедиція оказалась среди враждебныхъ племенъ тангутовъ, дѣлавшихъ засады. Переправиться черезъ Голубую рѣку оказалось невозможнымъ, и экспедиція вернулась и принялась изслѣдовать озера Жолтой рѣки, названныя одно—первое—Озеромъ Экспедиціи, второе—Русскимъ. На верховьяхъ Жолтой рѣки и внизу кочуютъ племена, не подчиненныя Китаю—тангуты. Они дважды нападали на экспедицію. Одинъ разъ ночью чуть не врасплохъ напали на лагерь, изъ засады, но путники выскочили изъ юртъ въ бѣльѣ и открыли убійственный огонь. Другой разъ Пржевальскій нарочно вызвалъ нападеніе днемъ, такъ какъ тогда лучше прицѣливаться, и цѣлая толпа—сотни всадниковъ, на быстрыхъ коняхъ, съ свирѣпыми лицами, съ развѣвающимися по вѣтру плащами, съ крикомъ несясь развернутой линіей на горсть путниковъ (8 человѣкъ, остальные были при лагерѣ, на нихъ тоже было нападеніе другаго полчища), отступила передъ ихъ мѣткими и стойкими выстрѣлами, и повернула назадъ. Послѣ этого дѣла Пржевальскій всѣхъ своихъ нижнихъ чиновъ произвелъ въ урядники и унтеръофицеры. Тангуты выпускаютъ массу пуль камышевыхъ, облѣплѣнныхъ свинцомъ, изъ скверныхъ притомъ ружей, но потерь никакихъ не причинили, только отъ стрѣльбы половина лошадей сорвалась и ускакала. Раненыхъ своихъ и убитыхъ тангуты подхватываютъ чрезвычайно ловко, ни за что не оставятъ, а то духъ будетъ безпокоить живущихъ.

Всѣ три мѣсяца въ Тибетѣ дождь шелъ каждый день. Отъ южнаго Цайдама Пржевальскій пошелъ къ западному. Пройдя верстъ 800, встрѣтились непроходимыя болота и неисчислимыя количества фазановъ. Экспедиція шла по Тибетскимъ горамъ (Куэнь-Лунь) и достигла хребта Алтынъ Тога, куда еще не ступала нога европейца. Пройдя большое протяженіе по безводной странѣ, экспедиція нашла только два обильныя ключевой водой урочища. Экспедиція открыла 3 неизслѣдованные горные хребта, которымъ всѣмъ Пржевальскій далъ русскія названія, а выдающіяся вершины ихъ назвалъ «Москва»,

«Кремль» и «Шапка Мономаха» (въ вѣчно снѣговомъ хребтѣ). Изслѣдована лежащая между ними «Долина вѣтровъ». Въ восточномъ Туркестанѣ, населеніе, не смотря на китайцевъ, встрѣчало русскихъ почти съ восторгомъ. Почва въ высокой степени плодородна, зимы нѣтъ, плодовъ изобиліе.

Въ концѣ января 1885 года, спустились на озеро Лобъ-Норъ въ восточномъ Туркестанѣ. Масса рѣчекъ образуетъ здѣсь рѣку Таримъ, въ свою очередь, образующую большое озеро Лобъ-Норъ, верстъ на 100 длиной, шириной верстъ 25. Обитатели береговъ, всего человѣкъ 400, занимаются ловлей рыбы, живутъ въ тростниковыхъ шалашахъ, доброе честное племя. Всѣ свои богатства они зарываютъ въ землю и, когда ихъ беку подарили часы и другія вещи, онъ мгновенно ускакалъ и затѣмъ, вернувшись, объявилъ, что зарылъ все такъ хорошо, что никто не найдетъ. 20-го марта экспедиція пошла въ оазисъ Черченъ, лежащій на высотѣ 3,800 фут. на Черченъ-Дарьѣ. Китайцы всячески старались мѣшать русскимъ, но населеніе встрѣчало ихъ съ большимъ сочувствіемъ и только спрашивало, скоро ли Бѣлый Царь освободитъ ихъ отъ китайцевъ? Лобъ-Норъ служитъ станціей для пролета птицъ весенней порой. Онѣ здѣсь останавливаются по пути изъ Индіи въ ожиданіи, когда начнетъ таять снѣгъ въ привольныхъ мѣстностяхъ Сибири. Теперь почти пустынная страна Таримъ, съ бѣдной флорой, въ далекія времена, прежде усѣяна была цвѣтущими городами.

По всему Тариму экспедиція встрѣчала самый радушный пріемъ. Туземцы выходили навстрѣчу и вездѣ выражали самое пламенное желаніе поскорѣе быть русскими подданными. Это и понятно. Китайцы настоящіе разбойники, безчинствуютъ, грабятъ, а рядомъ лежитъ западный Туркестанъ, гдѣ 20 лѣтъ назадъ было то же самое, а теперь подъ русскимъ владычествомъ — полное спокойствіе. Обаяніе русскаго Бѣлаго Царя, престижъ русскаго имени — стоятъ здѣсь высоко. «Если будетъ война съ Китаемъ, мы всѣ возстанемъ какъ одинъ человѣкъ», — говорили туземцы.

Вдали экспедиція видѣла новый горный хребетъ, который названъ «Русскимъ», а высшая точка его «Горой Царя Освободителя».

Выйдя изъ Черчена, экспедиція провела цѣлое лѣто въ горахъ Киріискихъ. Здѣсь необыкновенно богатая почва, растительность, и дешевизна баснословная. Пудъ превосходнаго винограда 20 коп., персики на 10 коп. 240 штукъ. Интересны затѣмъ путь къ Потану и столкновеніе съ китайцами. За побои, нанесенные въ крѣпости проходившимъ русскимъ казакамъ, Пржевальскій послалъ отрядъ изъ 12 человѣкъ прогуляться съ пѣснями въ городъ и отдохнуть подъ окнами губернаторскаго дома, что̀ и было выполнено. Двѣнадцать человѣкъ промаршировали среди разступавшейся тысячной толпы, позавтракали плодами подъ окнами губернатора и возвратились съ пѣснями; кромѣ этого, Пржевальскій настоялъ, чтобы губернаторъ пріѣхалъ извиниться, что̀ и было исполнено. Разъ подученный китайцами мѣстный начальникъ нарочно повелъ экспедицію по полямъ, чтобы уронить русскихъ въ глазахъ жителей, ибо тамъ поля священны и неприкосновенны. Пржевальскій, узнавъ объ этомъ, привязалъ къ столбу на площади начальника и заставилъ китайцевъ просить объ его освобожденіи. Такимъ образомъ, китайцамъ не удавалось одурачить путешественниковъ. Экспедиція, прибывъ въ Ансу, прослѣдовала затѣмъ въ Вѣрный и вступила на родную землю, вспоминая проведенные дни среди простора и приволья природы.

Общество любителей древней письменности. Въ послѣднемъ засѣданіи сообщены свѣдѣнія о двухъ расколоучителяхъ, Даніилѣ Викуловѣ (род. 1654 г.) и Андреѣ Денисовѣ (род. 1674 г.), по поводу доставленныхъ графомъ С. Д. Шереметевымъ Обществу двухъ хорошо исполненныхъ гравированныхъ портретовъ этихъ расколоучителей; портреты эти относятся ко времени Екатерины II. Затѣмъ кіевскій археологъ, Кибальчичъ, представилъ выставку своихъ работъ и находокъ по части народной орнаментики, старыхъ гравюръ

и предметовъ, найденныхъ имъ при раскопкахъ. Прежде всего было обращено вниманіе на орнаментъ старыхъ южно-русскихъ полотенецъ; они были вышиваемы въ старину монахинями женскихъ монастырей и постоянно бывали на южно-русскихъ рынкахъ, какъ свидѣтельствуетъ и Бопланъ. Въ числѣ гравюръ XVII—XVIII вѣка находятся довольно замѣчательныя, какъ, напримѣръ, гравюра, изображающая Мазепу въ рыцарской одеждѣ, или гравюра: «Пришествіе иконописцевъ изъ Царьграда въ монастырь Печерскій». Выставленныя въ Обществѣ южно-русскія гравюры важны и по сохранившимся на нихъ именамъ граверовъ: Кончаковскій, Семигиновскій, Козачковскій и др. Относительно раскопокъ Кибальчича въ Кіевѣ на Глубочицѣ и въ Гальчинѣ слѣдуетъ сказать, что найденные предметы представляютъ значительный интересъ. Такъ, на Глубочицѣ (въ Кіевѣ), въ усадьбѣ Егорова и смежныхъ съ нею, были найдены кремневыя орудія вмѣстѣ съ костями мамонта, имѣющія признаки нѣкоторой ихъ отдѣлки; одинъ кремень съ дентритами. При раскопкѣ городка Гальчина, расположеннаго при впаденіи рѣки Пустохи въ рѣку Гуйву, которая была произведена по приглашенію волынскаго губернатора, точно также были найдены вещи сравнительно недавнія и въ то же время изъ очень отдаленнаго періода; сначала, напримѣръ, въ верхнемъ слоѣ были найдены здѣсь польскія монеты XVII вѣка, а въ нижнемъ оленьи рога, кремневый ножъ и другія вещи. Ѳ. Н. Бергъ прочелъ любопытныя свѣдѣнія о зрѣлищахъ въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ, почерпнутыя имъ какъ изъ первыхъ источниковъ, такъ и изслѣдованій ученыхъ по этому вопросу. Докладчикъ сгруппировалъ эти свѣдѣнія и представилъ историческій очеркъ зарожденія и возростанія театра на Руси. Какъ ни старалось духовенство подавить эти зрѣлища и при Алексѣѣ Михайловичѣ добилось того, что они были воспрещены царскимъ указомъ, но театральное дѣло, имѣющее свое основаніе въ естественной потребности народа, зачатки коего восходятъ къ играмъ старинныхъ скомороховъ и достигшее извѣстной степени развитія съ прибытіемъ въ Москву нѣмецкой труппы Іоганна, при Алексѣѣ Михайловичѣ, не могло уже погибнуть. Царевна Софія возобновила любительскіе спектакли при своемъ дворѣ, въ которыхъ иногда и сама принимала участіе. Главную роль въ этихъ спектакляхъ играла Арсеньева; въ нихъ участвовали князья: Барятинскій, Хованскій, Черкасскій, Щербатовъ, графъ Шереметьевъ и другіе. Кромѣ духовныхъ драмъ: «Алексѣй Божій человѣкъ», «Екатерина Великомученица» (о которой упоминаетъ Карамзинъ), были даны: «Илья-Муромецъ» и «Соловей-разбойникъ», «Шемякинъ судъ» и друг. При Алексѣѣ Михайловичѣ труппою Іоганна были даны въ селѣ Преображенскомъ представленія: «Отсѣченіе головы Олоферна», «Адамъ и Ева» и «Орфей». Раньше того, еще при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, были слѣдующія представленія: «Въѣздъ на осляти», «Пещное дѣйство» и «Распятіе Іисуса Христа». Археологъ г. Кибальчичъ преподнесъ Обществу снимокъ съ иконы IX вѣка (съ греческою надписью), снимокъ съ иконы XI вѣка, находящейся въ Никольскомъ кіевскомъ монастырѣ и друг.; г-жа Нечаева поднесла Обществу желѣзные наконечники, найденные на Куликовомъ полѣ.

Гигантскіе скелеты. Въ мѣстечкѣ Каваньо, близъ Сан-Піетро, въ Италіи, въ настоящее время возводится укрѣпленіе. Когда рабочіе для закладки фундамента вырыли яму въ 6 метровъ глубины, они наткнулись на 200 скелетовъ необыкновенной величины, изъ которыхъ два длиною около 3 метровъ. Всѣ эти гигантскіе скелеты лежали рядомъ, раздѣленные лишь разстояніемъ въ 30 сантиметровъ. Около нихъ лежало различное оружіе изъ желѣза и бронзы, булавки, богато украшенныя серьги и нѣчто въ родѣ клещей, все почти изъ одной бронзы. Тамъ же найдены кости собакъ, оленьи и бычачьи рога, зубы мамонта и какія-то челюсти, длиною въ полтора фута. Многія кости, содержавшія мозгъ, были расколоты, подобно тѣмъ, какія найдены въ Даніи и близъ Нѣмецкаго моря.

† Въ Тифлисѣ извѣстный изслѣдователь Кавказа, предсѣдатель археографической коммиссіи, при кавказскомъ управленіи, **Адольфъ Петровичъ Берже.** Воспитанникъ института восточныхъ языковъ при азіатскомъ департаментѣ, одного изъ первыхъ выпусковъ; за превосходные успѣхи командированный въ распоряженіе князя М. С. Воронцова, А. П. Берже съумѣлъ обратить на себя вниманіе князя и пріобрѣсти его расположеніе. Въ молодыхъ годахъ онъ былъ командированъ княземъ въ Персію для разъясненія многихъ спорныхъ вопросовъ по армянскимъ дѣламъ. Въ эту поѣздку онъ посѣтилъ Исфаганъ, резиденцію армянскаго архіепископа обѣихъ Индій, Матесса, и по возвращеніи представилъ результатъ своихъ изслѣдованій въ докладной записке князю Воронцову, которая частію появилась въ печати въ вышедшей въ пятидесятыхъ годахъ книжкѣ «Нынѣшніе армяне». Вслѣдъ за его возвращеніемъ изъ Персіи былъ учрежденъ отдѣлъ кавказской археографической коммиссіи, редакторомъ трудовъ которой былъ назначенъ, не смотря на молодые годы, А. П. Берже; онъ сдѣлалъ весьма много для изученія Кавказа, какъ въ его прошломъ, такъ и въ настоящемъ. Большая часть его трудовъ издана въ Тифлисѣ. Изъ нихъ главные: «Прикаспійскій край» (1856), «Краткій обзоръ горскихъ племенъ на Кавказѣ» (1858), «Матеріалы для описанія нагорнаго Дагестана» (1858), «Чечня и Чеченцы» (1859), «Исторія Адагенскаго народа» (1861), «Акты, собранные кавказскою археографическою коммиссіею», подъ редакціею Берже (нѣсколько томовъ). «Кавказъ въ археологическомъ отношеніи» (1874). Берже, кромѣ того, завѣдывалъ вмѣстѣ съ Бакрадзе изданіемъ записокъ Общества любителей кавказской археологіи. Онъ помѣстилъ немало своихъ работъ въ «Русской Старинѣ». Въ 1865 году, по отдѣленію физической географіи русскаго географическаго Общества, Берже получилъ награду «за постоянную и безвозмездную помощь редакціи «Словаря» Общества въ отношеніи исправленія и составленія статей, до географіи Кавказа относящихся». Въ службу вступилъ онъ въ 1851 году, въ 1868 году получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, въ 1871 году ему пожаловано 2,000 десятинъ земли въ Ставропольской губерніи. Въ 1882 году онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ, поднести государю послѣдній выпускъ своихъ работъ. Онъ закончилъ порученный ему трудъ временемъ вступленія князя Воронцова въ управленіе кавказскимъ намѣстничествомъ. Покойному было шестьдесятъ лѣтъ. Уроженецъ Франціи, онъ обладалъ веселымъ и живымъ характеромъ.

† 11-го января, на 63 году, инспекторъ Петербургскаго учебнаго округа, членъ учебнаго комитета и преподаватель Екатерининскаго женскаго института **Василій Иннокентьевичъ Лапинъ.** Онъ родился въ 1823 году въ Пермской губерніи, гдѣ отецъ его былъ управляющимъ откупами. Обучался В. И. въ казанской 2-й гимназіи и былъ во всѣхъ классахъ первымъ ученикомъ. Въ 1843 году, онъ поступилъ въ Казанскій университетъ по словесному (филологическому) факультету, а по окончаніи курса вступилъ на государственную службу, сначала въ казанскую казенную палату, потомъ служилъ при синодѣ, перешелъ въ министерство народнаго просвѣщенія и назначенъ директоромъ виленскаго реальнаго училища. Съ 1872 года, Лапинъ состоялъ членомъ ученаго комитета при министерствѣ просвѣщенія по разсмотрѣнію книгъ для народнаго чтенія; былъ окружнымъ инспекторомъ школъ петербургскаго учебнаго округа и въ этихъ должностяхъ онъ состоялъ до смерти, оставаясь въ то же время преподавателемъ исторіи въ Екатерининскомъ институтѣ. Лапинъ занимался литературою и, еще въ молодыхъ годахъ, поставилъ на петербургскомъ театрѣ трагедію «Покореніе Казани». Большимъ его трудомъ была книга: «Откуда пошла Русская земля и какъ стала быть», начатая Разинымъ, но за смертью его оконченная В. И. Лапинымъ, и его «Разсказы изъ Священной Исторіи», для дѣтей и народа. Одно время (въ 1877 г.) В. И. состоялъ редакторомъ дѣтскаго журнала «Задушевное Слово», а также со-

ставлялъ чтенія для народа; изъ нихъ извѣстны его: «Русская правда», «Ледовое побоище», «Татарскій погромъ», «Покореніе Казани», «Ермакъ, покоритель Сибири», и другіе. Онъ сотрудничалъ также и въ журналѣ «Дѣтское Чтеніе».

† **Михаилъ Чайковскій (Садыкъ-паша)**, революціонеръ, писатель, дипломатическій агентъ, турецкій паша и на склонѣ лѣтъ помѣщикъ, посвящавшій свои досуги литературнымъ занятіямъ. Чайковскій покончилъ съ скитальческою жизнью выстрѣломъ изъ револьвера на 78 году жизни. Родился онъ въ Гилчинецѣ, Бердичевскаго уѣзда, въ 1808 году. Пылкій и даровитый юноша принялъ участіе въ первомъ польскомъ возстаніи, послѣ штурма Варшавы бѣжалъ въ Парижъ. Здѣсь онъ началъ свою литературную дѣятельность, доставившую ему извѣстность «Казацкими разсказами» и историческою повѣстью «Wernyhora». Эти лучшія произведенія покойнаго вышли въ 1837 г. и были переведены на всѣ европейскіе языки. Французское правительство, заигрывавшее съ поляками, послало Чайковскаго въ концѣ сороковыхъ годовъ тайнымъ политическимъ агентомъ въ Константинополь. Въ турецкой столицѣ Чайковскій вскорѣ снискалъ довѣріе правительственныхъ кружковъ; въ 1849 году, Порта назначила его политическимъ комисаромъ для переговоровъ съ руководителями венгерскихъ гонведовъ, бѣжавшихъ въ Турцію. Вскорѣ затѣмъ Чайковскій принялъ исламъ и поступилъ на турецкую службу. Въ крымскую кампанію Садыкъ-паша командовалъ въ Дубруджѣ отрядомъ польскихъ волонтеровъ, которыхъ окрестилъ «казаками султана». Съ 1856 года Чайковскій проживалъ въ Константинополѣ и хотя былъ любимцемъ султана Абдулъ-Азиса, но служить Турціи во имя фантастическаго возстановленія Польши ему подъ конецъ наскучило. Въ 1873 году, Чайковскій принесъ повинную русскому правительству, былъ прощенъ и получилъ разрѣшеніе вернуться на родину. Въ семидесятыхъ годахъ польскій-патріотъ, много видѣвшій на своемъ вѣку, много испытавшій и совершенно изъвѣрившійся въ пользѣ отъ «помощи» Западной Европы и Турціи польскому дѣлу, не разъ обращался къ полякамъ съ политическими посланіями, глубоко продуманными и прочувствованными. Голосъ Чайковскаго производилъ впечатлѣніе на извѣстную часть польскаго общества, не потерявшую способности считаться съ дѣйствительностью: онъ убѣждалъ поляковъ не довѣряться никакимъ приманкамъ иностранныхъ державъ и основывать свое возрожденіе на полномъ примиреніи съ Россіею. Нѣсколько статей покойнаго въ этомъ духѣ и направленіи были помѣщены въ «Новомъ Времени», но ненависть и преслѣдованія его соотечественниковъ, не позволявшихъ книгопродавцамъ и издателямъ продавать и перепечатывать даже сочиненія его первой молодости, лишили престарѣлаго Чайковскаго послѣднихъ средствъ къ жизни, довели до отчаянія и заставили его самоубійствомъ прекратить жизнь и безъ того приближавшуюся къ восьмому десятку.

† 11-го января, въ больницѣ св. Николая, **Захаръ Захаровичъ Дуровъ**, преподаватель исторіи церковнаго пѣнія въ петербургской консерваторіи. Окончивъ курсъ въ одномъ изъ московскихъ военно-учебныхъ заведеній, покойный поступилъ въ московскую консерваторію, гдѣ увлекся лекціями по исторіи церковнаго православнаго пѣнія Д. В. Разумовскаго. Плодомъ занятій Дурова этимъ предметомъ были какъ «Общій очеркъ исторіи музыки въ Россіи», напечатанный въ приложеніи къ «Исторіи музыки» Доммера, изданной г. П. Юргенсономъ въ 1884 году, такъ и обширное сочиненіе по исторіи православнаго пѣнія, удостоенное преміи академіи наукъ и долженствовавшее выйдти изъ печати еще лѣтомъ минувшаго года, но появленіе котораго было задержано болѣзнью автора. Книга совершенно готова къ печати, но Дуровъ умеръ, еще въ молодыхъ годахъ, страдая разстройствомъ нервной системы.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Крестъ и евангеліе, на которыхъ присягалъ Богданъ Хмѣльницкій на вѣрноподданство Россіи.

Извѣстно, какъ мы относимся къ нашей старинѣ, и мы, переяславцы, знали, что въ нашемъ древнемъ и нѣкогда славномъ городѣ Переяславѣ не сохранилось ничего, что напоминало бы о его древности и славѣ. Извѣстно, напримѣръ, что въ Переяславѣ Богданъ Хмѣльницкій съ малороссійской войсковой старшиной присягалъ на вѣрность русскому царю, и каждый, любитель или не-любитель даже старины, посѣщающій ту церковь, гдѣ совершалась присяга, невольно спроситъ: «а гдѣ же крестъ и евангеліе, которые цѣловалъ Богданъ Хмѣльницкій?» До сихъ поръ на этотъ вопросъ, съ разными варіаціями, впрочемъ, обыкновенно отвѣчали такъ: «а Богъ его вѣдаетъ, гдѣ этотъ крестъ и евангеліе!» Та церковь, гдѣ была принесена присяга, сгорѣла еще въ прошломъ столѣтіи; вскорѣ затѣмъ вовобновленная, она опять гор ѣла въ тридцатыхъ годахъ нашего столѣтія, и построенная затѣмъ вновь, почему-то была упразднена въ пятидесятыхъ годахъ. (Прочное зданіе этой церкви стоитъ и до сихъ поръ). При всѣхъ этихъ событіяхъ, однако, какъ извѣстно документально, церковная утварь была сохраняема; а по упраздненіи церкви, утварь была размѣщена по разнымъ церквямъ города Переяслава; но описи розданной утвари не сохранилось, или таковая не была даже и составлена. По устному преданію, извѣстно также, что евангеліе, украшенное драгоцѣнными каменьями и будто бы съ надписью о присягѣ Хмѣльницкаго, было взято изъ этой церкви, въ пятидесятыхъ годахъ нашего столѣтія, въ городъ Полтаву, извѣстнымъ любителемъ старины епископомъ полтавскимъ и переяславскимъ Наѳанаиломъ. Изъ всей утвари упраздненной церкви сохранилось въ настоящее время маленькое евангеліе и два креста одинъ большой, другой малый, хранящіеся въ переяславской кладбищенской церкви. Зная все это и не разъ безуспѣшно допытываясь: гдѣ же крестъ и евангеліе, на которыхъ присягалъ Хмѣльницкій? — я былъ весьма удивленъ, прочитавъ въ статьѣ покойнаго Н. И. Костомарова «Поѣздка въ Переяславъ» («Историческій Вѣстникъ», декабрь 1885 г.) описаніе креста и евангелія, на которыхъ присягалъ Хмѣльницкій съ малороссійской старшиной, и что къ этому кресту и евангелію, какъ говоритъ г. В. Горленко въ статьѣ своей «Двѣ поѣздки съ Н. И. Костомаровымъ» («Кіевская Старина», январь 1886 г.), «набожно приложился историкъ эпохи Хмѣльницкаго».

Дѣйствительно ли это тотъ самый крестъ и то самое евангеліе, которые цѣловалъ Хмѣльницкій? Изъ уваженія къ памяти покойнаго Н. И. Костомарова, я считаю нужнымъ изложить нѣкоторыя обстоятельства, давшія, вѣроятно, поводъ ввести въ заблужденіе почтеннаго историка.

Въ 1878 или 1879 году, я встрѣтился въ Переяславѣ съ археологомъ Т. В. Кибальчичемъ, который, по порученію его императорскаго высочества великаго князя Владиміра Александровича, пріѣхалъ въ Переяславъ, для изслѣдованія предполагаемыхъ остатковъ старинной церкви, гдѣ присягалъ Хмѣльницкій. Осмотрѣвъ вмѣстѣ съ г. Кибальчичемъ упраздненную церковь, мы отправились въ домъ къ настоятелю этой церкви протоіерею Т. (хотя церковь упразднена, но церковный причтъ существуетъ, такъ какъ церковь

эта располагаетъ значительнымъ имѣніемъ подъ Переяславомъ, кажется, въ 400 или 500 десятинъ земли), куда отецъ протоіерей приказалъ принести сохранившуюся церковную утварь упраздненной церкви, ибо осмотръ этой утвари входилъ тоже въ задачу, возложенную на г. Кибальчича. Къ отцу протоіерею собрались также гг. члены существовавшаго въ то время въ Переяславѣ комитета по постройкѣ новой церкви на мѣстѣ старой упраздненной. Ожидая принесенія церковной утвари, всѣ, конечно, надѣялись увидѣть прежде всего крестъ и евангеліе, на которомъ присягалъ Хмѣльницкій. Дѣйствительно изъ кладбищенской церкви принесли все, что сохранилось изъ церковной утвари: два креста—одинъ маленькій, другой большой, аршина въ два, серебряный, вызолоченный (съ надписью «1650 г.» и съ именемъ жертвователя) и маленькое евангеліе въ темнозеленомъ бархатномъ переплетѣ, львовской печати 1654 года. «Гдѣ же евангеліе и крестъ, на которыхъ присягалъ Хмѣльницкій?»—спросилъ г. Кибальчичъ; но на этотъ вопросъ никто не могъ отвѣтить.

Тогда не помню кто опять повторилъ извѣстное сказаніе, что подлинное евангеліе съ надписью о присягѣ Хмѣльницкаго взято въ Полтаву преосвященнымъ Наѳанаиломъ, а гдѣ крестъ—неизвѣстно; можетъ быть, который нибудь изъ этихъ двухъ, а можетъ быть и нѣтъ. Намъ всѣмъ стало немножко стыдно, если не за себя, то за людей, не умѣвшихъ сохранить столь драгоцѣнныхъ и священныхъ предметовъ. Значительную долю этого стыда, казалось, испытывалъ протоіерей Т. за своихъ предшественниковъ, священниковъ упраздненной церкви. Г. Кибальчичъ не безъ ироніи замѣтилъ: «за неимѣніемъ ничего другаго, приходится признать, что это то евангеліе, на которомъ присягала войсковая старшина!» Что же касается креста, то здѣсь предстоялъ выборъ между двумя крестами, большимъ и малымъ. Г. Кибальчичъ, зная археологическія тонкости, не могъ не признать, что малый крестъ позднѣйшей работы, а потому пришлось остановиться на большомъ крестѣ; причемъ слѣдуетъ допустить, что большой крестъ, во время присяги, кто нибудь держалъ на манеръ жезла, или алебарды, и присягавшіе подходили цѣловать его. Такое объясненіе не удовлетворило, конечно, никого, и меньше всего г. Кибальчича. Въ самомъ дѣлѣ, оставляя даже въ сторонѣ сказаніе о взятомъ въ Полтаву евангеліи, нельзя допустить, чтобы въ главной церкви Переяслава, во времена Хмѣльницкаго бывшей военнымъ соборомъ страны, гдѣ все населеніе было военное, не имѣлось другаго евангелія, кромѣ этого малаго евангелія, уцѣлѣвшаго до нашихъ дней. Нельзя также допустить, чтобы такое торжественное событіе, какъ присяга на вѣрность русскому царю, для котораго пріѣзжали послы отъ царя, долженствовавшіе также цѣловать крестъ и евангеліе, Хмѣльницкій или его приближенные не постарались обставить извѣстной пышностью и торжественностью, на что они довольно насмотрѣлись въ Польшѣ; а при всей скромности и простотѣ домашней обстановки, богатое оружіе и богатая церковная утварь составляли единственную пышность и роскошь нашихъ предковъ. И такъ, если допустить даже, что это скромное евангеліе находилось тогда уже въ Переяславѣ (на евангеліи годъ печати означенъ 1654, а присяга совершилась въ 1656 г.), то не можетъ быть, чтобы оно было положено на аналой для торжественной присяги, и чтобы въ Переяславѣ не нашлось другаго болѣе роскошнаго и бо̀льшаго евангелія, если даже это скромное евангеліе было единственное въ церкви, гдѣ совершалась присяга. Не можетъ быть также, чтобы крестъ для

цѣлованія не былъ положенъ на аналой рядомъ съ евангеліемъ, а его держалъ кто нибудь въ рукахъ на манеръ жезла; на аналоѣ же онъ бы не умѣстился.

Итакъ, къ какому же кресту и евангелію набожно приложился историкъ эпохи Хмѣльницкаго?

Дѣло это, повидимому, объясняется такъ. Покойный историкъ, знавшій, конечно, какъ обращаются со стариною и сохраняютъ ее, но не допускавшій, вѣроятно, возможности, чтобы крестъ и евангеліе, на которыхъ присягала малороссійская старшина, были бы утеряны въ сердцѣ Малороссіи, въ самомъ Переяславѣ, попросилъ показать эти священные предметы; а настоятель церкви протоіерей Т*, помня обстоятельства разсмотрѣнія утвари въ присутствіи г. Кибальчича, не имѣлъ духа сказать г. Костомарову прямо: «а Богъ его знаетъ, гдѣ тотъ крестъ и евангеліе!» и показалъ ему единственно уцѣлѣвшій крестъ и евангеліе, и такимъ образомъ при смягчающихъ обстоятельствахъ ввелъ въ заблужденіе почтеннаго историка.

Нужно пожелать, чтобы теперь протоіерей Т* для исправленія своего невольнаго прегрѣшенія употребилъ всѣ усилія для розысканія подлиннаго евангелія и креста. Опросомъ переяславскихъ старожиловъ (и въ особенности лицъ, принадлежавшихъ къ церковному причту упраздненной церкви), разсмотрѣніемъ архивовъ, какъ въ переяславскихъ церквяхъ, такъ и въ церкви при полтавскомъ архіерейскомъ домѣ, быть можетъ, удастся напасть на слѣдъ и возвратить Переяславу подлинное евангеліе. Такъ, напримѣръ, недавно въ 1885 году, съ благословенія теперешняго епископа полтавскаго и переяславскаго была уступлена изъ переяславской Покровской церкви рѣдкая икона (послѣдній остатокъ старины въ Переяславѣ), и слѣдъ объ этомъ распоряженіи остался въ церкви, въ видѣ телеграммы епископа; очень можетъ быть, что нибудь подобное: записка, письменное приказаніе, запись какая нибудь, найдется и относительно утеряннаго евангелія и креста. Но если эти священные предметы и не будутъ розысканы, то во всякомъ случаѣ не слѣдовало бы, вольно или невольно, вводить кого бы то ни было въ заблужденіе относительно подлинности креста и евангелія, которые цѣловалъ Хмѣльницкій. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не высказать пожеланія, чтобы было издано узаконеніе, которымъ воспрещалось бы—что бы то ни было брать, уступать, продавать изъ церквей, такъ какъ очень часто взятые изъ церквей рѣдкіе предметы попадаютъ въ руки отдѣльныхъ лицъ и пропадаютъ безслѣдно.

И. Ильяшенко.

СМЕРТЬ АГРИППИНЫ

ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ

В. П. БУРЕНИНА

ПРИЛОЖЕНІЕ
къ
ИСТОРИЧЕСКОМУ ВѢСТНИКУ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11 — 2

1886

СМЕРТЬ АГРИППИНЫ.

Драма въ пяти дѣйствіяхъ.

ОТЪ АВТОРА.

Матеріаломъ для предлагаемой драмы послужили: Светоній, Тацитъ, нѣсколько новѣйшихъ сочиненій объ эпохѣ цезарей, затѣмъ двѣ-три пьесы нѣмецкихъ и французскихъ драматурговъ. Предоставляя нашимъ строгимъ и просвѣщеннымъ критикамъ указанія заимствованныхъ частностей, авторъ смѣетъ думать, что въ цѣломъ его пьеса представляетъ трудъ самостоятельный.

ЛИЦА:

НЕРОНЪ, цезарь.
АГРИППИНА, его мать.
ПОППЕЯ.
АКТЕЯ, пѣвица.
ПАРИСЪ, актеръ.
ТИГИЛИНЪ.
СЕНЕКА.
СТАРИКЪ, христіанинъ.
АНИЦЕТЪ.
ВАТИНІЙ.
АЦЕРРОНІЯ.
СПОРЪ, **ЭПАФРОДИТЪ**, **ФАОНЪ** — любимцы цезаря.
ЛАЛА́ГА, хозяйка гостиницы.
ЭГЛА, раба.
ТРИБУНЪ.
ЦЕНТУРІОНЪ.

Граждане, гости Нерона, рабы, преторіанцы, танцовщицы, музыканты, хоръ.

Дѣйствіе въ Байѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Берегъ моря. Направо, на первомъ планѣ, группа деревьевъ; подъ ними каменная скамья и столъ; на второмъ планѣ скалы, спускающіяся къ морю. Налѣво веранда передъ входомъ въ таверну; скамьи и столы. Ночь. Луна.

СЦЕНА I.

Актея, Старикъ.

СТАРИКЪ, поднимаясь съ каменной скамьи подъ деревьями.

Ну, я пойду... Ужъ время, дочь моя...

АКТЕЯ.

Постой... еще тебѣ сказать хотѣла
О чемъ-то я... Да, вотъ о чемъ: съ тѣхъ поръ,
Какъ ты мнѣ душу просвѣтилъ ученьемъ
Любви и правды, скорбь меня томитъ...
Чтò сталося со мной, — сама не знаю:
О родинѣ покинутой моей,
О дняхъ невинныхъ дѣтства я тоскую
И хочется уйдти мнѣ отъ всего,
Что прежде здѣсь казалось мнѣ веселымъ
И заглушало память о быломъ...
Тебѣ растолковать я не умѣю
Того, что въ сердцѣ у меня, но ты
Поймешь и такъ...

СТАРИКЪ.

Дитя, я понимаю,
Я знаю скорбь сердечную твою:
Ты жаждущая. Ободрись душою:
Я укажу тебѣ источникъ тотъ,
Откуда почерпнешь ты утоленье
Небесной жажды: онъ струится тамъ,
Гдѣ крестъ за насъ страдавшаго воздвигся.

АКТЕЯ.

О, мой отецъ, слова твои темны
Для бѣдной дѣвушки, но утѣшенье

Звучитъ мнѣ въ нихъ: я вѣрю, что меня
Ты выведешь изъ тьмы моихъ печалей,
И солнце радости заблещетъ мнѣ...

СТАРИКЪ.

Да, солнце радости небесной, вѣчной!
Вѣрь, дочь моя: людей спасаетъ вѣра...
Сегодня къ полуночному моленью
Приди, куда я говорилъ тебѣ,
И многое откроется чудесно
Твоимъ очамъ... Господь съ тобой... Прощай.

АКТЕЯ.

Я провожу тебя до поворота
Береговой дороги.

СТАРИКЪ.

Проводи.

Уходятъ за скалы.

СЦЕНА II.

Лалага, потомъ Парисъ.

ЛАЛАГА, выходя изъ дверей таверны.

Актея! Актея! Да гдѣ же ты? Куда запропастилась? Боги, что это за сумасшедшая дѣвушка! То сидитъ, какъ вкопанная, слова отъ нея не добьешься, тоскуетъ, хмуритъ брови. То вдругъ убѣжитъ и слоняется у моря... Ну, вотъ гдѣ теперь она? Поди ищи!.. Актея! Актея!

ПАРИСЪ выходитъ справа.

Э-э, старуха, что это ты раскаркалась? Кого ты зовешь?

ЛАЛАГА.

Кого мнѣ нужно.

ПАРИСЪ.

А кого тебѣ нужно?

ЛАЛАГА.

Не тебя. Ты мнѣ не нуженъ.

ПАРИСЪ.

Знаю, что не нуженъ. Вотъ, если бы ты была помоложе лѣтъ на пятьдесятъ, можетъ, тогда бы я тебѣ понадобился.

ЛАЛАГА.

Ну, и ступай къ молодымъ, коли ты имъ нуженъ.

ПАРИСЪ.

Экая ты какая сердитая. А ты не сердись, скажи-ка лучше вотъ что: эта таверна называется «Орѣхъ»?

ЛАЛАГА.

«Орѣхъ».

ПАРИСЪ.

Ты вѣрно ея хозяйка?

ЛАЛАГА.

Ну, да, хозяйка.

ПАРИСЪ.

А какъ тебя зовутъ?

ЛАЛАГА.

Видно, ты не здѣшній, коли спрашиваешь. Кто же не знаетъ, что хозяйку «Орѣха» зовутъ Лалагой.

ПАРИСЪ.

Ну, извини, почтенная фурія,—я хотѣлъ сказать,—почтенная Лалага, извини, что твоя слава не дошла до меня. Я дѣйствительно не здѣшній: недавно изъ Рима. Такъ вотъ что, прекрасная Лалага, скажи-ка, въ твоемъ заведеніи найдется какое нибудь вино получше ватиканской кислятины?

ЛАЛАГА.

Для хорошихъ гостей и фалернское найдется.

ПАРИСЪ.

Право? Ну, я хорошій гость, потому что хорошо заплачу. Принеси-ка мнѣ твоего фалернскаго. Да не сюда — тутъ у тебя порядочная грязь, а вонъ туда, подъ деревья. Поторопись же, восхитительная Лалага, лети, вотъ тебѣ крылья.

Бросаетъ монету.

ЛАЛАГА.

Въ одну минуту, патрицій.

Уходитъ въ таверну.

ПАРИСЪ.

Вотъ что значитъ золото, показалъ его и сейчасъ же сталъ патриціемъ.

Переходитъ направо и садится на скамью подъ деревьями.

Поотдохну немного, я усталъ...
Охъ, эти мнѣ влюбленныя матроны,
На склонѣ лѣтъ играющія въ страсть!
Вотъ нынче данъ приказъ отъ Агриппины:
Чуть на небѣ Діаны лучъ блеснетъ —
Близь этихъ скалъ я долженъ ждать свиданья.
Я предпочелъ бы, право, ночь проспать
Спокойно у себя, да что же дѣлать?
Божественная Августа ко мнѣ
Изволитъ быть отмѣнно-благосклонной,
А я актеръ... Положимъ, славенъ я,
Положимъ, Римъ и цезарь самъ въ восторгѣ
Отъ дивнаго таланта моего:
Тѣмъ хуже для меня. Покойникъ Мнестеръ
Не менѣе былъ славенъ и великъ,
Однако же, когда онъ Мессалинѣ
Понравился и не хотѣлъ дѣлить
Ея любовь, то попросту бѣднягу
Посѣкли розгами, чтобъ былъ умнѣй
И слушался. Примѣръ я этотъ помню;
Вотъ почему — для цезаря я другъ,
Для Агриппины я и для Поппеи —
Любовникъ тайный... Что жъ такое я
Для самого себя? Не знаю, право,
Но ясно мнѣ одно: изъ всѣхъ ролей,
Съ какими я справлялся на театрѣ,
Труднѣйшую приходится теперь
Разыгрывать мнѣ на житейской сценѣ.

ЛАЛАГА выходитъ изъ дверей таверны съ виномъ.

Вотъ и фалернское. Повѣрь, патрицій, такого не сыщешь даже у цезаря. Попробуй, скажешь спасибо старой Лалагѣ.

ПАРИСЪ.

Хорошо, хорошо. Ну, вотъ что, почтенная Лалага, такъ какъ мы немножко познакомились, — скажи, кого это ты кликала, когда я подошелъ?

ЛАЛАГА.

Актею.

ПАРИСЪ.

А кто эта Актея?

ЛАЛАГА.

Дѣвушка, пѣвица.

ПАРИСЪ.

Римлянка?

ЛАЛАГА.

Нѣтъ, она издалека. Есть рѣка, Таго прозывается. Такъ она изъ тѣхъ мѣстъ. Сирота. Мать-то пришла въ Римъ счастье искать, да нашла только бѣдность и смерть. Тутъ у меня и померла, а дѣвочка-то осталась.

ПАРИСЪ.

И отца у ней нѣтъ?

ЛАЛАГА.

Есть, да со стороны, не настоящій: мать съ нимъ прибрела сюда. Ватиніемъ зовутъ: фигляръ и пьяница.

ПАРИСЪ.

Онъ и воспиталъ дѣвочку?

ЛАЛАГА.

Какое онъ! Онъ только пить да балагурить умѣетъ. Я воспитала. Одиннадцати годковъ она осталась послѣ смерти матери-то. Я пять лѣтъ поила, кормила. Выросла такая, просто заглядѣнье: красавица. И какъ поетъ.

ПАРИСЪ.

А гдѣ же она теперь? Покажи-ка мнѣ ее, Лалага.

ЛАЛАГА.

Да вотъ ушла. Вѣрно, гуляетъ у моря. А безъ нея бѣда просто. Время ночное: того гляди, гости въ таверну забредутъ. Сейчасъ и пойдетъ: «Гдѣ Актея? Гдѣ пѣвица? Подавай пѣвицу!» Любятъ ея пѣсни. Такая дѣвушка — просто сокровище.

ПАРИСЪ.

Жаль, что ея нѣтъ; послушалъ бы и я ея пѣсни. Вотъ тебѣ, почтенная Лалага, за твое фалернское.

ЛАЛАГА.

Благодарю, патрицій. Ничего еще не требуется?

ПАРИСЪ.

Ничего.

Лалага уходитъ въ таверну.

Пора идти, однако. Агриппина
Навѣрное подъ сумракомъ ночнымъ
Въ закрытой лодкѣ мчится по заливу
Къ прибрежнымъ скаламъ... Ну, Парисъ, мой другъ,
Готовься къ роли древняго Париса,
Разыгрывай комедію любви
Съ Еленой новой...

Зѣваетъ.

Это кто, о боги!
Ужели цезарь?.. Онъ идетъ сюда...
Мнѣ надо скрыться... поздно... невозможно:
Меня замѣтилъ онъ, узналъ меня...

СЦЕНА III.

Неронъ, Парисъ, потомъ Актея.

Парисъ? Вотъ неожиданная встрѣча!
И какъ я радъ ей, Полуксомъ клянусь!
Что дѣлаешь ты здѣсь въ ночное время?
Любовное свиданье у тебя
Съ красавицей — я отгадалъ, не такъ ли?

ПАРИСЪ.

Да, цезарь, я красавицей прельщенъ
И на свиданье съ нею вышелъ къ морю,
Но только та красавица, увы,
Не женщина.

НЕРОНЪ.

Такъ кто жъ она?

ПАРИСЪ.

Богиня.

НЕРОНЪ.

Вотъ какъ! Давно ль, великій нашъ артистъ,
Ты сталъ плѣнять, какъ древніе герои,
Безсмертныхъ обитательницъ небесъ?

До этихъ поръ я думалъ, признаюся,
Что ты своимъ талантомъ и лицомъ
Сводилъ съ ума патриціанокъ Рима;
Но ты шагнулъ повыше — на Олимпъ!..
Съ какою же богиней на свиданье
Сегодня вышелъ ты?

ПАРИСЪ.

Съ богиней ночи.

НЕРОНЪ.

А, вотъ въ чемъ дѣло. Ну, представь, Парисъ,
Съ тобою мы на этотъ разъ сошлися:
Я тоже тихой, чудной красотой
Твоей богини обольстился нынче
И бросилъ стѣны душныя дворца,
Чтобъ подышать ея дыханьемъ сладкимъ,
Чтобъ увидать ея волшебный ликъ
Подъ тканью серебристою тумана...
Пойдемъ же вмѣстѣ на свиданье съ ней:
Она къ обоимъ будетъ благосклонна
И намъ видѣнья, можетъ быть, пошлетъ
Чудесныя...

Актея появляется на одной изъ скалъ, озаренная луною.

Да вотъ ужъ посылаетъ:
Смотри, Парисъ, смотри: тамъ на скалѣ —
Ты видишь — кудри разметавъ по плечамъ,
Стоитъ наяда, вся озарена
Лучемъ луны кристальнымъ, будто чайка,
Прильнувшая надъ каменнымъ утесомъ
Крылами серебристыми... смотри!..
Ты видишь?..

ПАРИСЪ.

Да.

НЕРОНЪ.

Клянусь я Аполлономъ!
Въ ней красота изящная слилась
Съ какимъ-то дикимъ волшебствомъ... Откуда
Такое чудное дитя?.. Постой —
Ты слышишь — что-то говоритъ она,
И странный лепетъ жалобныхъ рѣчей
Сливается съ неяснымъ, тихимъ плескомъ
Вечерняго прилива... Тише... Мы
Подслушаемъ мечтаніе наяды.

СЦЕНА IV.

Тѣ же, Актея.

АКТЕЯ, на скалѣ.

Плѣнительной отчизны берега,
Во снѣ я васъ, иль наяву видала?..
Мерещется мнѣ часто блескъ и свѣтъ
Лучей горячихъ солнца и сверканье
Лазурныхъ волнъ, тимпановъ рѣзвый звукъ
И смѣхъ, и пляски дѣвушекъ нарядныхъ
Въ вечерній часъ... И матери моей
Печальныя ласкающія пѣсни
Припоминаю я... Давно, давно
Все это было... Для чего судьбою
Я брошена въ далекій, чуждый край,
Какъ роза горъ, оторванная вихремъ
Съ родимаго куста?.. О, мать моя,
Насъ встрѣтила съ тобою на чужбинѣ
Не радость—нѣтъ... Съ голодной нищетой
Боролась ты недолго и погибла
Въ ея жестокихъ, роковыхъ когтяхъ,
Предсмертными слезами обливая
Покинутую дѣвочку свою...

НЕРОНЪ.

Какою жалобой печальной полонъ
Прелестный голосъ! Какъ груститъ она!..
Несчастное дитя...

ПАРИСЪ.

Ты видишь, цезарь,
Обманчива фантазія твоя:
То не богиня синихъ волнъ — наяда.
Сейчасъ лишь только говорила мнѣ
Хозяйка старая таверны этой,
Что есть у ней пѣвица съ береговъ
Далекихъ Таго: отъ ея таланта
Въ восторгѣ всѣ гуляки здѣшнихъ мѣстъ...
Увѣренъ я, мы видимъ это чудо
Передъ собой.

НЕРОНЪ.

Пѣвица, ты сказалъ?
Тѣмъ лучше. Дивные искусства перлы
Нерѣдко и въ грязи находимъ мы.
Ее хочу я видѣть...

Актея сходитъ со скалы.

Вотъ съ утеса
Она спускается... идетъ сюда...
Какая стройная нога! Походка
Божественная нимфы... Нѣтъ, Парисъ,
Красотка эта изъ таверны, право,
Похожа на богиню. Я сейчасъ
Заговорю съ ней... Милая малютка,
Скажи мнѣ, съ кѣмъ бесѣду ты вела
На той скалѣ? Съ шумящимъ тихо моремъ,
Или съ лучемъ серебрянымъ Діаны?

АКТЕЯ.

Не все ль равно тебѣ?

НЕРОНЪ, Парису.

Каковъ отвѣтъ?

Садится на каменную скамью.

Не все ль равно, моя богиня?.. Нѣтъ:
Я знать хочу души невинной тайну.

АКТЕЯ.

Ты хочешь многаго. Завѣтныхъ тайнъ
Не выдаю я никому.

НЕРОНЪ.

Однако,
Я знаю ихъ.

АКТЕЯ.

Коль знаешь, для чего
Ко мнѣ ты обращаешься съ вопросомъ?

НЕРОНЪ.

Ты повѣряла грусть свою волнамъ,
Ты имъ шептала тайныя печали
О родинѣ покинутой своей,
О бѣдной матери... Но волны моря
И холодны, дитя, и безучастны,

И утѣшенья сердцу не даютъ;
А я—какъ знать—быть можетъ, я могу
Тебя утѣшить въ горѣ.

АКТЕЯ.

Мнѣ не нужны
Пустыя утѣшенья. У людей
Къ чужимъ печалямъ души холоднѣе
И безучастнѣй темныхъ моря волнъ.

НЕРОНЪ.

Вѣдь ты почти дитя—и такъ печальны
Твои слова. Я слышать бы желалъ
Не жалобы изъ этихъ устъ прекрасныхъ,
Но пѣснь веселья, беззаботный смѣхъ.

АКТЕЯ.

Когда хочу, смѣюсь я; и печалюсь,
Когда хочу.

НЕРОНЪ.

Скажи, не правда ль, ты
Пѣвица изъ таверны?

АКТЕЯ.

Да, патрицій.

НЕРОНЪ.

А какъ зовутъ, красавица, тебя?

АКТЕЯ.

Актея.

НЕРОНЪ.

Ты мнѣ нравишься, Актея.

АКТЕЯ, смѣется.

Благодарю.

НЕРОНЪ.

Чему смѣешься ты?

АКТЕЯ.

Я нравлюсь всѣмъ.

НЕРОНЪ.

Вотъ какъ! Послушай, хочешь
Богатой быть, Актея?

АКТЕЯ.

Я богата.

НЕРОНЪ.

А, ты богата... Хорошо. Но все жъ
Вѣдь ты желаешь быть еще богаче?

АКТЕЯ.

Нѣтъ, не желаю.

НЕРОНЪ, Парису.

Милое дитя,
Она въ своей наивности прелестна!
Ты много, стало быть, имѣешь?

АКТЕЯ.

Много:
Свободу.

НЕРОНЪ.

Къ этому прибавь еще
И красоту, и молодость. Клянуся
Я Полуксомъ! ты правду говоришь:
Твои сокровища безцѣнны, съ ними
Богаче ты властительныхъ царицъ!
Да, вѣнчана ты діадемой чудной,
И въ ней сіяютъ три волшебныхъ камня,
Но, всетаки же, къ нимъ еще одинъ
Прибавить надобно—и я прибавлю
Тотъ дивный камень—счастіе любви!..
Ты поняла меня?

ЛАЛАГА, въ дверяхъ таверны.

Актея, съ кѣмъ ты
Болтаешь тамъ? Иди сюда.

АКТЕЯ.

Патрицій,
Меня зовутъ.

Поспѣшно уходитъ въ таверну.

СЦЕНА V.

Неронъ, Парисъ.

НЕРОНЪ.

Постой!.. Ушла... Парисъ,
Я въ восхищеньѣ! Съ красотою дикой
Въ ней грація слилась и тонкій умъ
Блеститъ въ ея рѣчахъ живыхъ и смѣлыхъ,
А взглядъ сверкающихъ и темныхъ глазъ
Какой-то властью роковою полонъ...
Я говорю тебѣ, пѣвица эта—
Цвѣтокъ прелестный, брошенный судьбой
Въ притонѣ грязномъ: онъ цвѣсти достоинъ
У цезаря въ саду, и я его
Возьму къ себѣ и буду наслаждаться,
Его красы вдыхая ароматъ...
Пойдемъ за ней и кончимъ это дѣло:
Та вѣдьма, что̀ звала ее сейчасъ,
Конечно, намъ за золото уступитъ
Охотно дѣвушку, коль мы съ тобой
Не будемъ скупы... Ну, идемъ же.

ПАРИСЪ.

Цезарь,
Постой... Смотри: сбирается толпа
Къ дверямъ таверны. Насъ замѣтить могутъ,
Узнать тебя.

НЕРОНЪ.

Ты правъ. Мы подождемъ
Здѣсь въ сторонѣ отъ нихъ. Посмотримъ кстати
На пьяную компанію. Люблю
Я видѣть черни грубое веселье
И слушать откровенный разговоръ;
Какъ цезарь, чернь въ душѣ я презираю,
Но, какъ артистъ, ея восторгъ живой
Внимаю съ наслажденьемъ я порой...

СЦЕНА VI.

Тѣ же, толпа гражданъ, Ватиній, Лалага, потомъ Актея.

Толпа разсаживается за столами на террасѣ.

ГОЛОСА.

Лалага, эй! Сюда!—Скорѣе!—Гости
Къ тебѣ пришли.—Ну, вѣдьма, выходи!
— Вина! Вина!

ПЕРВЫЙ ГРАЖДАНИНЪ.

Сабинскаго и кости!
Сыграемъ.

ВТОРОЙ ГРАЖДАНИНЪ.

Время будетъ впереди:
Сначала выпьемъ.

ПЕРВЫЙ ГРАЖДАНИНЪ.

Хорошо.

ГОЛОСА.

Лалага!

Лалага выходитъ въ сопровожденіи служанки, несущей вино.

ПЕРВЫЙ ГРАЖДАНИНЪ.

Да что жъ вина?!

ЛАЛАГА.

Ну, не кричи: несутъ.

Ставитъ вино на столъ.

ВТОРОЙ ГРАЖДАНИНЪ.

А вотъ она, божественная влага!
Давай, давай.

Наливаетъ.

ВТОРОЙ ГРАЖДАНИНЪ.

И ты, Ватиній, тутъ?

ВАТИНІЙ, подсаживаясь къ нимъ.

Какъ мнѣ не быть—я тамъ всегда, гдѣ пьютъ.

ПЕРВЫЙ ГРАЖДАНИНЪ, наливаетъ ему.

Что новаго? Недавно ты изъ Рима:
Какъ поживалъ тамъ цезарь нашъ Неронъ?

ВАТИНІЙ.

Да правилъ, какъ всегда, неутомимо...
Конями въ циркѣ правилъ онъ.

Многіе смѣются.

А Римъ въ большомъ восторгѣ отъ Нерона,
Да и нельзя не восхищаться имъ:
Онъ такъ забавенъ въ маскѣ гистріона,
И пляшетъ такъ искусно, точно мимъ.

НЕРОНЪ, тихо Парису.

Ты слышишь?.. Похвалу я принимаю
Изъ устъ толпы. Веселый этотъ шутъ
Мнѣ нравится.

ПЕРВЫЙ ГРАЖДАНИНЪ.

Вотъ къ намъ пріѣхалъ въ Байю:
Гляди, какъ въ Римѣ тоже здѣсь пойдутъ
Потѣхи всякія.

ВАТИНІЙ.

Пойдутъ навѣрно:
Быть цезаремъ безъ этого нельзя жъ.

ВТОРОЙ ГРАЖДАНИНЪ.

Да это ничего, что цезарь нашъ
Паяцемъ хочетъ быть, а вотъ что скверно:
Молва идетъ, — онъ часто сгоряча
Пускаетъ въ ходъ сѣкиру палача.

ВАТИНІЙ.

Э, вѣдь не ваши головы-то рубитъ—
Патриціевъ: его на это власть.

ПЕРВЫЙ ГРАЖДАНИНЪ.

А насъ, плебеевъ, цезарь очень любитъ
И игры намъ даетъ какія—страсть!

ВТОРОЙ ГРАЖДАНИНЪ.

Ну, нѣтъ, не говори, сталъ подбираться
И къ намъ, плебеямъ, помаленьку онъ:
Толкуютъ, по ночамъ затѣялъ шляться
Съ ватагою друзей и нашихъ женъ
И дочерей ловить, да для забавы
Таскать къ себѣ.

ТРЕТІЙ ГРАЖДАНИНЪ.

Вотъ это не резонъ.

НЕРОНЪ, смѣется.

А что, Парисъ, вѣдь негодяи правы?

ЛАЛАГА, подходя къ разговаривающимъ.

Эхъ, мелете вы вздоръ, по-моему:
Сталъ цезарь подбираться къ вашимъ женамъ—
Вотъ невидаль, подумаешь, ему!

ВАТИНІЙ.

А ты сойдись-ка съ цезаремъ Нерономъ:
Онъ и въ тебѣ отыщетъ, можетъ, толкъ...
Да, впрочемъ, знай, почтенная Лалага:
Вѣдь о тебѣ идетъ серьёзный толкъ
У цезаря: онъ, видишь, добылъ мага,
Что̀ обращаетъ женскій полъ въ мужской,
И магъ признался: первый опытъ, тетка,
Имъ будто бы продѣланъ надъ тобой:
Смотри, какая у тебя бородка!

Всѣ смѣются.

ЛАЛАГА, толкаетъ его.

У, старый шутъ...

ВАТИНІЙ.

Да не конфузься, эхъ!
Скажи: тебя въ мужчину обращая,
Волшебникъ начиналъ съ какого края?

ГОЛОСА.

Скажи, скажи, Лалага?!

ЛАЛАГА, отходя.

Ну, васъ всѣхъ!

ПЕРВЫЙ ГРАЖДАНИНЪ.

Потѣшилъ ты, Ватиній, славно право...
Давай-ка, выпьемъ.

Пьютъ.

Да, я такъ сужу
О цезарѣ: веселаго онъ нрава,
Артистъ, въ душѣ артистъ.

ВТОРОЙ ГРАЖДАНИНЪ.

Ну, не скажу...

ПЕРВЫЙ ГРАЖДАНИНЪ.

Однако же, гремитъ повсюду слава:
Онъ музыкантъ, художникъ и поэтъ;
А голосъ, что за голосъ у Нерона!—
Его призналъ пѣвцомъ великимъ свѣтъ.

ВТОРОЙ ГРАЖДАНИНЪ.

Ужъ голосъ—просто каркаетъ ворона!

НЕРОНЪ, внезапно бросается на него и хватаетъ его за горло.

Лжешь, негодяй! Презрѣнный варваръ, лжешь!
И если ты сейчасъ не отречешься
Отъ лжи своей—клянусь, я поступлю
Съ тобою такъ, какъ нѣкогда съ Терситомъ
Мудрѣйшій царь Итаки поступилъ!

ВТОРОЙ ГРАЖДАНИНЪ, вырываясь.

Ой, помогите, братцы, помогите!

ГОЛОСА.

Откуда этотъ бѣшеный? Кто онъ?
— Патрицій. — Штука важная патрицій!
Какъ смѣетъ онъ разбойничать и драться?
— Мы Рима граждане — мы съ нимъ равны,
У насъ права такія жъ по закону!

Наступаютъ на Нерона.

— Схватить его! Связать!

ПАРИСЪ.

Остановитесь:
Предъ вами цезарь!

ВСѢ.

Цезарь!

Общій испугъ.

НЕРОНЪ.

Что же вы
Такъ испугались? Мы равны правами:
Вы Рима граждане, вамъ данъ законъ —

Онъ выше императора, я знаю,
И по закону съ вами поступлю:
За оскорбленье цезаря виновныхъ
Постигнетъ казнь и ликтора топоръ
Имъ головы отрубитъ... Приговоромъ
Довольны вы?

ВАТИНІЙ.

Божественный властитель,
Ты справедливъ въ рѣшеніи своемъ:
Всѣ головы виновныхъ предъ тобою
Должны упасть... Но—вымолвить дозволь—
Вѣдь справедливый приговоръ закона
Нельзя исполнить..

НЕРОНЪ.

Почему же, шутъ?

ВАТИНІЙ.

А потому, могущественный цезарь,
Что трудно эти головы найдти:
Онѣ потеряны у всѣхъ отъ страха
И отъ вина, которое и есть
Причина болтовни виновной нашей.

НЕРОНЪ.

Фиглярь, я вижу, въ шутовскую рѣчь
Съумѣлъ ты смыслъ вложить довольно здравый...
Я ихъ прощаю...

Ватиній и остальные преклоняются; въ это время въ дверяхъ таверны появляется Актея.

Ихъ, но—не тебя:
Ты головы не потерялъ отъ страха
Предъ цезаремъ, и потому ее
Палачъ найдетъ легко. Ну, что ты скажешь—
Я правосуденъ?

ВАТИНІЙ.

Цезарь, власть твоя:
Казни меня, коль я достоинъ казни;
Лишь объ одномъ дерзаю я просить:
Дозволь мнѣ съ дочерью моей проститься.

НЕРОНЪ.

Такъ у тебя есть дочь?.. А гдѣ жъ она?

ВАТИНІЙ, показывая на Актею.

Вотъ, цезарь, эта дѣвушка.

НЕРОНЪ.

Актея?!.
Ты, шутъ, солгалъ! Нѣтъ, не повѣрю я,
Чтобъ такъ могла природа издѣваться:
Столь дивнаго созданія творцомъ
Ты не достоинъ быть.

ВАТИНІЙ.

Твой разумъ, цезарь,
И взоръ божественный все проницаетъ:
Ты правъ—я названный отецъ ея,
А не родной.

НЕРОНЪ, Парису.

Нѣтъ, каково, Парисъ:
Меня не обманулъ инстинктъ артиста!

Актеѣ.

Дитя прекрасное! Поди сюда:
Вотъ этотъ негодяй дерзнулъ назваться
Твоимъ отцомъ...

АКТЕЯ.

Его отъ дѣтскихъ дней
Сама отцомъ всегда я называла...

Становится на колѣни передъ Нерономъ.

И въ память матери моей, молю,
Прости его, великодушный цезарь.

НЕРОНЪ, поднимая ее.

Довольно. Встань, Актея.

Ватинію.

Ты прощенъ.
Всѣ прощены.

ВСѢ.

Да здравствуетъ Неронъ,
Да здравствуетъ великій нашъ властитель!

НЕРОНЪ.

Я пиръ даю вамъ въ эту ночь...

Ватинію.

Ну, шутъ,
Смотри, теперь будь веселѣе вдвое:
Есть отчего тебѣ веселымъ быть —
Вѣдь ты избѣгнулъ смерти.

ВАТИНІЙ.

Императоръ,
Ты видѣлъ, смерти испугался я
Не за себя: мнѣ было жаль покинуть
Актею бѣдную...

Лукаво.

А если бъ ты,
По милости божественной, взялъ дочку
Подъ покровительство свое, то я...
То я, пожалуй, умеръ бы съ охотой...

НЕРОНЪ, пристально посмотрѣвъ на него, Парису.

Не правда ль, онъ мерзавецъ... но уменъ,
Онъ съ подлымъ ясновидѣньемъ читаетъ
Желанья тайныя чужой души,
И потому... мнѣ нравится.

Ватинію.

Тебя
И дочь твою прекрасную беру
Я во дворецъ. Ты будешь шутъ Нерона;
Она...

Ватиній хочетъ говорить.

Молчи! Ни слова!

Окружающимъ.

Эй, за мной
Въ таверну всѣ! Мои вы нынче гости:
Пируйте, веселитеся!

ВСѢ.

Виватъ
Божественному цезарю Нерону!

НЕРОНЪ.

Парисъ, идемъ.

АКТЕЯ.

Прелестное дитя,
Ты показать свое искусство въ пѣньѣ
Должна предъ цезаремъ... Идемъ, идемъ.

Всѣ уходятъ вслѣдъ за Нерономъ въ таверну.

СЦЕНА VII.

Тигилинъ, потомъ Парисъ.

ТИГИЛИНЪ, выходитъ изъ-за скалы.

Ну, разыгралася душа артиста!..
Теперь властитель, полубогъ Неронъ
Передъ толпою грязною плебеевъ
Готовъ за чашей пьяной веселиться,
Плѣняя сволочь грубой простотой...
Въ чемъ шутовства подобнаго причина:
Безумье власти тутъ, ея капризъ,
Иль скука пресыщенія величьемъ —
Мнѣ все равно. Но если цезарь въ грязь
Бросаетъ пурпуръ свой потѣхи ради —
Его поднять я долженъ, чтобы снова
Властитель въ этомъ пурпурѣ сіялъ
Передъ толпой. Вотъ почему слѣжу я
За цезаремъ повсюду, будто тѣнь.
Обязанность постыдная, положимъ,
Обязанность раба: такъ говоритъ
Молва глупцовъ... Ну, да: я рабъ Нерона!
Однако же, властитель міра онъ,
А я — я прихотей его властитель;
Кто жъ больше тутъ слуга, иль господинъ?...
Но, впрочемъ, это все пустыя бредни,
А вотъ что важно для меня теперь,
О чемъ подумать надобно серьёзно:
Не слишкомъ ли Нерономъ завладѣлъ
Красавецъ нашъ Парисъ, любимецъ новый?
Безстыдный плутъ, лукавый гистріонъ,
Хитро онъ вкрался къ цезарю въ довѣрье,
И тотъ готовъ забыть изъ-за шута
И Тигилина, и... Поппею даже...
Опасный, хоть ничтожный человѣкъ:
Всѣмъ нравиться умѣетъ; до безумья
Доводитъ женщинъ; циникъ и талантъ;
Въ немъ легкомысліе слилось съ разсчетомъ
И дерзостью... опасный человѣкъ...
А вотъ и онъ... Посмотримъ, что-то будетъ!..

Парисъ выходитъ изъ таверны; Тигилинъ, замѣтивъ его, скрывается за деревья.

ПАРИСЪ, тревожно осматриваясь.

Мнѣ удалось подъ шумъ попойки дикой
Уйдти тихонько... Что мнѣ предпринять?
Покинуть цезаря?.. Нѣтъ, невозможно...
И думать нечего... А между тѣмъ
Здѣсь явится, пожалуй, Агриппина...
Вотъ будетъ кстати... Ну, попался я
Межъ Сциллой и Харибдою... Что тамъ?..
Я слышу плескъ... То лодка Агриппины?..
Скорѣй, скорѣй предупредить ее...

Къ берегу подплываетъ лодка; Агриппина поспѣшно выходитъ изъ нея.

СЦЕНА VIII.

Агриппина, Парисъ.

АГРИППИНА, бросается въ объятія идущаго къ ней навстрѣчу Париса.

Парисъ, мой милый, дорогой!

ПАРИСЪ.

Тс... тише!
Здѣсь цезарь...

АГРИППИНА.

Цезарь? Что ты говоришь?
Гдѣ цезарь?

ПАРИСЪ.

Тамъ — въ тавернѣ.

АГРИППИНА.

Какъ въ тавернѣ?!
Ты бредишь...

ПАРИСЪ.

Онъ съ плебеями пируетъ...
Должна ты удалиться... поспѣши...

АГРИППИНА.

О, да, уйдемъ, уйдемъ скорѣй, Парисъ...

ПАРИСЪ.

Я не могу: мнѣ нужно тутъ остаться.

АГРИППИНА.

Зачѣмъ?

ПАРИСЪ.

Но цезарь хватится меня:
Какъ объяснить ему, куда ушелъ я?

АГРИППИНА.

Ты лжешь... меня ты хочешь обмануть...

ПАРИСЪ.

Властительница, для чего же лгать мнѣ?

АГРИППИНА.

Ты выдумалъ все это для того,
Чтобъ отъ меня отдѣлаться... Не цезарь
Тамъ ждетъ тебя, тамъ у тебя свиданье
Съ какой нибудь гетерою безстыдной...
О, знаю я тебя...

ПАРИСЪ.

Клянусь богами,
Я подозрѣній не пойму твоихъ...
Я правду, Августа, сказалъ: тамъ цезарь;
Плѣнился онъ пѣвицей изъ таверны
И пожелалъ ея послушать пѣнье...

АГРИППИНА.

Пѣвицей?.. Отчего жъ ты такъ смущенъ?..
О, я разоблачу обманъ твой низкій!..
Ты говоришь — тамъ цезарь? Я туда
Пойду сама...

ПАРИСЪ, удерживая ее.

Тебя я умоляю,
Остановись, властительница...

АГРИППИНА, вырывается.

Нѣтъ,
Тебѣ не удержать меня, притворщикъ:
Хочу я видѣть, на какую тварь
Ты промѣнялъ императрицу Рима!..

ПАРИСЪ.

Ахъ, ты меня погубишь и себя...

Агриппина бросается къ дверямъ таверны и встрѣчается съ Нерономъ, выходящимъ оттуда. Парисъ прячется за верандой таверны.

СЦЕНА IX.

Неронъ, Агриппина.

НЕРОНЪ, пьяный, съ чашей въ рукѣ.

Парисъ, куда ты скрылся?.. Да, я помню...
Съ богинею свиданье у тебя...

Увидѣвъ Агриппину.

А это что за женщина?.. Посмотримъ...

Хватаетъ ее за руку и вглядывается.

Мать! Августа!.. Клянусь я, греза сна
Передо мной, хоть, кажется, не сплю я...

АГРИППИНА.

Неронъ!

НЕРОНЪ.

Ну, что жъ такъ испугалась ты?
Да, я Неронъ, твой сынъ... Я въ опьяненьѣ
Здѣсь веселюсь... Вотъ видишь эту чашу?
Возьми ее и, если ты не призракъ,
То выпей влагу свѣтлую: она
Намъ радость въ душу проливаетъ...

АГРИППИНА.

Цезарь...

НЕРОНЪ.

Не цезарь я теперь... Нѣтъ, въ эту ночь —
Я Діонисій, дивный богъ веселья...
Повѣрь мнѣ, мать, нѣтъ въ мірѣ ничего
Отраднѣй опьяненья даромъ Вакха.
Вѣдь жизни цѣль — забвеніе печалей
Существованья нашего, а чѣмъ
Забыться можемъ мы вполнѣ, — подумай?
Любовь и власть — два высшихъ наслажденья;
Я ихъ извѣдалъ: на землѣ никто
Въ любви и власти съ цезаремъ Нерономъ
Сравниться не дерзнетъ, и сами боги
Должны сознаться, что я равенъ имъ
Въ могуществѣ моей всесильной власти
И въ упоеньѣ сладостью любви!

Но все же въ нихъ я полнаго забвенья
Земныхъ печалей не нашелъ, о нѣтъ!..
Любовь есть бредъ тревожный сладострастья,
А власть — порывъ мучительный души
Отяготѣть надъ слабостью другихъ
Своею силой. Тутъ боренье воли,
Тревога чувствъ, таящая страданье,
Тутъ нѣтъ забвенья... А волшебный сокъ
Отъ гроздій винограда благодатныхъ
Вливаетъ въ сердце свѣтлое забвенье,
Всѣ боли жизни обращая въ радость:
Сомнѣнья муку — въ сладкую надежду,
Печали тьму — въ веселья яркій свѣтъ...
Да, говорю тебѣ я: намъ богами
Ниспослано одно блаженство здѣсь:
Вакхическій восторгъ отъ опьяненья...
Такъ будемъ, будемъ упиваться имъ!

АГРИППИНА.

Неронъ, опомнись... Ты забылъ свой санъ:
Величье императора постыдно
Предъ грубой чернью унижаешь ты.

НЕРОНЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, не понимаешь ты Нерона!
Я богъ, властитель радости земной,
И потому я не могу унизить
Величіе мое передъ людьми:
Кто бъ ни были они, я къ нимъ спускаюсь
Съ недостижимой высоты небесъ
И имъ дарю привѣтъ мой благосклонный.

АГРИППИНА.

Ты — отрасль цезарей. Обязанъ ты
Достоинство державныхъ предковъ помнить.

НЕРОНЪ.

Не вспоминай, о мать моя, о предкахъ,
Молчи о нихъ! Я доблести ихъ знаю...
Не дядюшку ли Клавдія мнѣ взять
За образецъ величья? Идіотомъ
Не даромъ онъ прославился повсюду...
Калигула былъ шутъ и злой палачъ;
Тиверій — жалкій лицемѣръ въ сѣдинахъ,

Запачканныхъ и кровью, и распутствомъ;
Великій Августъ власти роль игралъ,
Какъ гистріонъ безсовѣстный; а Юлій...

Смѣется.

Веселые плебеи здѣсь въ тавернѣ
Мнѣ пѣли пѣсню славную сейчасъ
Про Юлія... Не хочешь ли послушать?

Поетъ.

Цезарь въ Галліи прославилъ
Власть свою и мечъ побѣдъ;
Ну, а Цезаремъ-то правилъ
Царь виеинскій Никомедъ.

Нарумяненной матроной,
Вздѣвъ на лысину вѣнокъ,
На кровати золоченой
Граціозно цезарь легъ...

АГРИППИНА.

Довольно, сынъ мой... Прекрати позоръ
Безумной шутки!.. За тебя мнѣ стыдно.

НЕРОНЪ.

Вотъ, видишь ли, не нравится тебѣ,
Что я смѣюсь и веселюся съ чернью,
А мнѣ не нравится, что ты за мной
Слѣдишь повсюду, что въ мое веселье,
Какъ и въ дѣла правленія, всегда
Мѣшаешься. Вѣдь цезарь я — не ты!
Запомни это, Августа.

АГРИППИНА.

Я помню,
Какъ помню то, что цезаря я мать,
А ты забылъ, что ты мнѣ сынъ и цезарь!
И если въ опьяненьѣ свой дворецъ
Ты покидаешь, для вертеповъ грязныхъ
Пренебрегая трономъ, — охранять
Я этотъ тронъ обязана и буду
Я охранять.

НЕРОНЪ.

Излишняя забота!
Всѣ матери, какъ ты, понять не могутъ,

Что дѣти выростають, и всегда
Считають ихъ ребятами, мечтая
Ихъ волей править... Посмотри: я выросъ.

АГРИППИНА.

Я вижу. Но хотя бы до небесъ
Ты выросъ и челомъ своимъ сравнялся
Съ вершинами гигантскихъ Альпъ, а все жъ
Я та земля, съ которой поднялся ты
Такъ высоко и ты на ней стоишь.
Я родила тебя... О, лучше бъ было,
Чтобъ, какъ Орестъ, ты черепъ мнѣ разсѣкъ
Своимъ мечомъ, чѣмъ видѣть мнѣ теперь,
Что отъ моей груди ты оторвался
И бросился въ безстыдныя объятья
Наложницъ подлыхъ, какъ твоя Поппея!
Любовью ихъ продажной замѣнилъ
Ты матери любовь: ну, вотъ взгляни,
Куда пришелъ ты, что̀ въ безумьѣ пьяномъ
Ты дѣлаешь теперь!..

НЕРОНЪ.

Что̀ бъ я ни дѣлалъ, —
Одинъ я властелинъ своихъ поступковъ.
Я не хочу, чтобы рука иная —
Будь это матери рука — вела
Меня на поводу. Одно желаю
Я отъ тебя наслѣдовать — твою
Упорную и дерзостную волю.

АГРИППИНА, съ презрѣніемъ.

Къ чему она тебѣ? Для шутовства
На цезарскомъ престолѣ.

НЕРОНЪ, разбивая чашу объ полъ.

Для того,
Чтобы разбить, какъ эту чашу я
Сейчасъ разбилъ, оковы чуждой власти,
Дерзающей въ могуществѣ своемъ
Съ божественнымъ Нерономъ поровняться.

АГРИППИНА.

Такъ вотъ что ты задумалъ! Берегись:
Я власть тебѣ дала и раздѣлять

Ее съ тобой всегда по праву буду,
И если ты пойдешь противъ меня...
Тебѣ я мать; но матерью бываетъ
И дикая тигрица. Говорилъ
Мнѣ сторожъ цирка, что она, порою,
Дѣтенышей, не нравящихся ей,
Когтями разрываетъ безпощадно.

НЕРОНЪ.

О, ты ужаснѣе тигрицы... да,
Ты убиваешь тѣхъ, кого ты любишь.

АГРИППИНА.

Да убиваю, если на любовь
Не отвѣчаютъ мнѣ.

НЕРОНЪ, съ ужасомъ отступая отъ нея.

Въ безумьѣ злобномъ
Не сознавайся, затаи его
Въ своей душѣ, чтобъ не возстали тѣни
Загубленныхъ тобою жертвъ.

АГРИППИНА.

Меня
Не ужасаютъ тѣни, что̀ выходятъ
Изъ нѣдръ могилъ; какъ лающихъ собакъ,
Я прочь гоню докучную ихъ стаю.
Ты говоришь, безумна въ злобѣ я?
Нѣтъ, ты безумный трусъ, когда со страхомъ
Сторонишься отъ матери своей...
Нерона ужасаетъ Агриппина,
Какъ фурія; но Клавдій былъ отравленъ
Затѣмъ, чтобъ сдѣлать цезаремъ Нерона!
А сколько страшныхъ мертвецовъ еще
Вокругъ меня въ своихъ мечтахъ ты видишь?
Они вѣдь всѣ погибли для того,
Чтобъ пурпуръ твой, окрашенный ихъ кровью,
Ты могъ спокойно на плечахъ носить!..
О, не блѣднѣй! Бояться мертвыхъ глупо;
Но, если бы не умерли они,
Быть можетъ, ты бы съ высоты престола
Давно упалъ въ ту бездну роковую,
Куда низвергла я твоихъ враговъ!

НЕРОНЪ.

Ты ошибаешься: не трепетъ страха
Передъ тобою чувствуетъ Неронъ —
Ты мнѣ забавна. Вотъ сейчасъ въ тавернѣ
Я ужиналъ, и мнѣ хозяйка счетъ
Подаетъ за ужинъ; точно такъ и ты
Счетъ преступленьямъ подаешь. Ну, что же,
Я заплатить могу по счету.

АГРИППИНА.

Да,
Ты можешь заплатить: судьбы рукою
Карающей ты будешь пораженъ
За подлую твою неблагодарность
Предъ матерью.

НЕРОНЪ.

Безумныя слова!
Ты ль говоришь ихъ? Какъ! ты признаешься
Открыто въ преступленіяхъ, а мнѣ
Грозишь возмездіемъ? Угрозы этой
Нелѣпое пророчество смѣшно:
Когда бы правда на землѣ царила,
То казнь тебя постигла бы давно!
Но правды нѣтъ, а есть слѣпая сила;
Добро и зло — пустой и лживый сонъ,
Игра случайности... Нѣтъ, я не вѣрю
Ни въ торжество добра, ни въ кару зла!

АГРИППИНА.

Надменныя и глупыя мечтанья!
Они тебя отъ Рока не спасутъ
Въ день гибели твоей; тогда, очнувшись,
Раскаешься ты горько, что презрѣлъ
Ты матери спасительную волю.

НЕРОНЪ.

Послушай, мать, ужель мечтаешь ты,
Что откажусь я отъ своихъ желаній,
Власть раздѣлю съ тобою пополамъ
И подчинюсь твоей жестокой волѣ?
Изъ-за чего жъ? Изъ-за того, что ты
Убила мужа и еще кого-то?..

Ты сдѣлала все это для меня,
Я вѣрю. Но теперь я повелитель
Одинъ надъ Римомъ, — цезарь я по праву,
Какъ внукъ Германика; и я могу,
Коль захочу, привлечь на судъ сената
Убійцу Клавдія. О, берегись,
Чтобъ этого съ тобою не случилось.

АГРИППИНА.

Тебя бояться мнѣ?! Не цезарь ты —
Комедіантъ, флейтистъ, ночной кутила,
Потѣшникъ грязной черни и наложницъ,
У ногъ которыхъ ты забылъ свой тронъ!
Ты внукъ Германика? Да, это правда,
Къ несчастію; но я — я дочь его!
Въ тотъ день, какъ умеръ Клавдій, къ легіонамъ
Кто вышелъ, передъ кѣмъ гремѣлъ привѣтъ
Центуріоновъ и легатовъ? Ты ли
Внималъ ихъ кликамъ?.. Ну, а если я
Теперь пойду къ нимъ снова и скажу имъ:
Низвергните Нерона, онъ насильно
Сталъ Цезаремъ, онъ выродокъ, фигляръ,
Позорящій родъ Юліевъ, убійца
Британика!.. Ты думаешь, что мать
Не можетъ это сдѣлать? — Агриппины
Еще не знаешь ты! Борьбы со мной
Не выдержалъ никто, а ты — созданье
Моей же прихоти — бороться хочешь?
Иди впередъ по этому пути,
Возьми себѣ для помощи Поппею
И выбрось мать съ позоромъ изъ дворца
На улицу для посмѣянья черни!
Попробуй!.. Я пойду къ преторіанцамъ
Искать защиты и тогда, клянусь,
Отъ зданія могущества Нерона
И камня не останется на камнѣ!
Какъ женщина, которая, стыдясь
Рожденнаго ребенка, убиваетъ
Въ смятеніи его и голый трупъ
Выбрасываетъ въ сточную канаву,
Такъ устыжусь и брошу я тебя,
Домиція презрѣнное отродье!

Въ гнѣвѣ быстро уходитъ туда, гдѣ ея лодка.

СЦЕНА X.

Неронъ, потомъ Парисъ и граждане.

НЕРОНЪ, смотритъ въ слѣдъ уходящей Агриппины.

О, злобная Медея... Но могу
И я Орестомъ стать... Твои угрозы
Проникли въ душу мнѣ и тайный страхъ
Обвѣялъ холодомъ мой лобъ горячій.
Я отрезвѣлъ... Чтò было тутъ, когда
Она пришла?.. А, вспомнилъ... Гдѣ жъ Парисъ?..

ПАРИСЪ, выходя изъ-за террасы таверны.

Я здѣсь, властитель.

НЕРОНЪ, стараясь успокоиться.

Здѣсь? А я подумалъ,
Что ты, наскучивъ грубостью толпы,
Ушелъ отъ насъ.

Беретъ его за руку и пристально смотритъ ему въ лицо.

Ты слышалъ
Угрозы Агриппины? Слышалъ?.. Что же
Ты скажешь?.. Надобно ея беречься,
Не правда ли?.. Какъ фурія, за мною
Она слѣдитъ, и даже ночи мракъ
Отъ глазъ горящихъ этой злой пантеры
Не можетъ скрыть меня... Что ты сказалъ?..

ПАРИСЪ.

Я ничего не говорилъ...

НЕРОНЪ.

Вотъ видишь,
Какъ незавидна доля властелина:
Ему грозитъ не только скрытый ножъ
Измѣнниковъ, но даже мать... Прошу я
Тебя все это въ тайнѣ сохранить,
Коль любишь ты меня.

ПАРИСЪ.

Клянуся, цезарь...

НЕРОНЪ.

Не нужно клятвъ. Я вѣрю... Ну, теперь
Ни слова болѣе объ этомъ. Время
На ложе сна.

Кричитъ, обращаясь къ дверямъ таверны.

Эй, факеловъ сюда!

Изъ таверны выходитъ Ватиній и граждане съ факелами.

Свѣтите намъ. Ватиній, ты Актею
На утро приведешь ко мнѣ.

Къ Парису.

Идемъ.

Гражданамъ.

Веселую мнѣ пѣсню на дорогу.
Запойте,—ту, что̀ пѣли вы сейчасъ:
О Юліѣ... Да не жалѣйте глотокъ.

ГРАЖДАНЕ, хоромъ.

Цезарь въ Галліи прославилъ
Власть свою и мечъ побѣдъ,
Ну, а Цезаремъ-то правилъ
Царь виѳинскій Никомедъ...

Неронъ уходитъ, окруженный толпою гражданъ, освѣщающихъ ему дорогу. Пѣсня замираетъ въ отдаленіи.

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Садъ императорской виллы.—Направо мраморная лѣстница, ведущая въ порталъ виллы. На пьедесталахъ, украшенныхъ барельефами, канделябры и вазы съ цвѣтами. Внизу лѣстницы изваянія сфинксовъ. Дикій виноградъ и плющъ обвиваютъ порфировыя колонны портала и образуютъ свѣшивающіяся между ними гирлянды. — Налѣво бесѣдка въ видѣ портика. Задняя сторона портика представляетъ стѣну, расписанную фресками, изображающими любовныя похожденія Юпитера; боковыя стороны состоятъ изъ архитрива, поддерживаемаго каріатидами, обвитыми розами; между каріатидами опущенныя драпировки изъ индійской ткани; сторона, обращенная къ зрителямъ, открытая, такъ что вся внутренность бесѣдки видна; вмѣсто потолка пурпуровая ткань, подхваченная золотыми шнурами. Внутри бесѣдки кушетка изъ слоновой кости, украшенная драгоцѣнными камнями и золотыми орнаментами; въ головахъ кушетки треножникъ съ курильницей; неподалеку столъ; на немъ серебряное зеркало и опахало.—На второмъ планѣ, посрединѣ сцены, фонтанъ, окруженный цвѣтникомъ и статуями.—Дальній планъ сцены—скалы и море.—Ясное утро. Садъ залитъ солнцемъ.

СЦЕНА I.

Поппея, **спитъ на кушеткѣ;** Эгла, **въ глубинѣ сцены.**

ПОППЕЯ, **во снѣ.**

Парисъ... мой милый... такъ... цѣлуй... цѣлуй....
Какое наслажденье... о, Венера...
Нѣтъ, я не вынесу... умру.... умру...

Просыпается.

Ахъ, это сонъ!.. Утомлена прогулкой,
Я задремала здѣсь, и чары грезъ
Ко мнѣ слетѣли такъ волшебно-живы,
Какъ будто наяву... Казалось мнѣ:
Въ ночь первую календъ апрѣльскихъ я

Въ священной рощѣ. Подъ навѣсомъ миртовъ
Прекрасныхъ женъ и юношей толпа;
Они, сплетаясь бѣлыми руками,
Поютъ Венерѣ гимнъ и вкругъ богини,
Увѣнчанной гирляндами изъ розъ,
Танцуютъ быстрымъ, рѣзвымъ хороводомъ.
Сквозь тонкія, прозрачныя туники,
При свѣтѣ факеловъ, мелькаютъ формы
Прекрасныхъ женскихъ тѣлъ, и, разгораясь,
Становится все сладострастнѣй танецъ,
И пары, покидая хороводъ,
Уходятъ въ сумракъ рощи, подъ деревья...
Я въ сторонѣ стою одна, смотрю
На шумное веселье и все жду я,
Чтобъ пылкій юноша увлекъ меня
Туда, туда за ними... Но напрасно:
Никто меня не замѣчаетъ... Вотъ
Замолкли пѣсни... Факелы погасли,
Всѣ пары разошлись, и въ темной рощѣ
Лишь слышится кругомъ: то шопотъ страстный,
То смѣхъ прерывистый, то стоны нѣги...
Кумиръ Венеры, весь въ цвѣтахъ, облитъ
Лучемъ луны серебрянымъ, безмолвно
Сіяетъ предо мной подъ сѣнью темной
Деревьевъ, тихо шепчущихъ... и смотритъ
Она съ улыбкой странной на меня...
Вдругъ вижу я: богини образъ принялъ
Лицо Париса, съ алтаря она
Сошла ко мнѣ и мраморныя руки
Раскинула и обняла меня
Такимъ объятьемъ жаркимъ, что невольно
Я вся затрепетала: мнѣ казалось,
Въ порывѣ нѣги гаснетъ жизнь моя!..
О, грезы ночи дивныя! зачѣмъ
Исчезли вы? Дѣйствительность смѣняетъ
Печальнымъ сожалѣньемъ ваши чары...
Ахъ, если бы я сонъ волшебный свой
Могла продлить и наяву забыться
Безпечнымъ счастьемъ... Тщетная мечта!
Съ лучами утра яркими мнѣ въ душу
Врывается тяжелая забота
О лицемѣрьѣ, о двойномъ притворствѣ:
Къ Парису я должна любовь скрывать,
Выказывать должна любовь Нерону...

Ударяетъ въ ладоши. Эгла подходитъ.

ЭГЛА.

Привѣтъ мой госпожѣ. Да ниспошлетъ
Ей радость благосклонная Аврора.

ПОППЕЯ.

Дай зеркало.

Эгла беретъ зеркало и, опустившись на колѣна, подставляетъ его Поппеѣ.

Сегодня я блѣдна...

ЭГЛА.

Весеннихъ розъ нѣжнѣе твой румянецъ,
Твой взоръ горитъ и меркнетъ сквозь рѣсницы,
Какъ томная вечерняя звѣзда,
А кудри, будто волны золотыя,
По плечамъ упадаютъ. Ты прекраснѣй
Всѣхъ римлянокъ... и красотѣ твоей
Лишь одного не достаетъ убора...

ПОППЕЯ.

Какого же убора?

ЭГЛА.

Діадемы..

ПОППЕЯ, вздрогнувъ.

Какъ смѣла ты, безумная раба,
Сказать слова такія? Какъ дерзнула
Подумать ты...

Вырываетъ изъ косы Эглы длинную головную булавку и колетъ ею рабыню въ плечо.

ЭГЛА, подавляя стонъ.

О, пощади, прости...

ПОППЕЯ.

Будь осторожнѣй въ болтовнѣ своей, —
Иная лесть неловкая больнѣе
Булавки острой колетъ...

Отталкиваетъ ее.

Прочь!.. Уйди.

Эгла уходитъ.

Не достаетъ мнѣ діадемы... Въ этомъ
И мука для меня, и жизни цѣль.
Всѣ римлянки завидуютъ Поппеѣ,
Но ей самой судьба ея жалка!
Вѣдь все же я — наложница Нерона,
Наложница любимая — не больше!
И ею буду я, пока волчица,
Чтò цезаря вскормила, между нимъ
И мной стоитъ. Невольно я читаю
Въ ея надменныхъ, мстительныхъ глазахъ:
«Ты завладѣла цезаря любовью,
Ты вырвала изъ жадныхъ лапъ моихъ
Добычу власти — берегись, Поппея»!
Она права. Я начала игру,
Поставивъ красоту свою на ставку,
И выиграла я любовь Нерона;
Но мало этого, поставить надо
И смерть, и ненависть... и лишь тогда
Я выиграю санъ императрицы!

СЦЕНА II.

Поппея, Тигилинъ.

ТИГИЛИНЪ, выходитъ справа.

Привѣтъ прекраснѣйшей изъ римскихъ женщинъ.
Я очень радъ, что боги мнѣ послали
Съ тобою встрѣчу: вѣсти у меня
Есть важныя, Поппея.

ПОППЕЯ.

Я готова
Ихъ выслушать.

ТИГИЛИНЪ.

Постой, одни ли мы?

Идетъ въ глубину сцены, осматривается и возвращается.

Я говорить хочу объ Агриппинѣ
И человѣкѣ, очень дорогомъ
Ея душѣ.

ПОППЕЯ.

О цезарѣ, конечно?

ТИГИЛИНЪ.

Нѣтъ, ты не угадала: о Парисѣ.

ПОППЕЯ, встревоженно.

Давноль Парисъ для матери Нерона
Сталъ дорогимъ? О томъ не знала я.

ТИГИЛИНЪ.

И я не зналъ. Лишь со вчерашней ночи
Открылось все.

ПОППЕЯ.

Но что жъ открылось?

ТИГИЛИНЪ.

Слушай.
Прошедшей ночью цезарю пришла
Одна изъ тѣхъ фантазій сумасшедшихъ,
Какимъ все чаще поддается онъ:
Въ полночный часъ, Неронъ дворецъ покинулъ
И по морскому берегу бродилъ,
Любуясь красотою ночи лунной...
Конечно, я тайкомъ слѣдилъ за нимъ...
Случайно повстрѣчался онъ съ Парисомъ
Вблизи одной береговой таверны,
Гдѣ всякій сбродъ кутитъ въ ночное время...

ПОППЕЯ.

Съ Парисомъ повстрѣчался... А Парисъ
Тамъ былъ зачѣмъ?

ТИГИЛИНЪ.

Вотъ въ этомъ-то и дѣло.
Сейчасъ узнаешь. Цезарь увидалъ
Пѣвицу изъ таверны, молодую
Испанку, и, плѣнясь ея красой,
Сталъ съ чернью пировать и любовался
Искусствомъ дѣвушки въ хмѣльномъ восторгѣ...

ПОППЕЯ.

Какъ эту дѣвушку зовутъ?

ТИГИЛИНЪ.

Актея;
Онъ взять ее намѣренъ во дворецъ...

ПОППЕЯ.

И я должна переносить все это!
И мнѣ клянется онъ въ своей любви,
Когда готовъ на всякую дѣвчонку
Поппею промѣнять!.. Дивлюся я,
Какъ въ ту же ночь не потащилъ къ себѣ онъ
Каприза жертву новую и съ нею
Ватагу пьяной черни.

ТИГИЛИНЪ

Можетъ быть,
Оно бы такъ и вышло, да Нерону
Нежданно помѣшала Агриппина,
А ей Неронъ.

ПОППЕЯ.

Загадка для меня
Твои слова.

ТИГИЛИНЪ.

А смыслъ ея нетруденъ:
Туда, гдѣ цезарь, Вакхомъ опьяненъ,
Съ плебеями безпечно веселился,
И Августа, опьянена любовью,
Пришла на полуночное свиданье.

ПОППЕЯ.

Свиданіе?.. У Агриппины?.. Съ кѣмъ?

ТИГИЛИНЪ.

Съ Парисомъ.

ПОППЕЯ, вздрогнувъ.

Ты смѣешься надо мною...
Съ Парисомъ?

ТИГИЛИНЪ.

Да.

ПОППЕЯ.

О, нѣтъ, не можетъ быть...
Ошибся ты.

ТИГИЛИНЪ.

Какъ могъ я ошибиться,
Когда я видѣлъ ихъ, когда самъ цезарь
Чуть не засталъ влюбленныхъ? Но Парисъ
Успѣлъ сокрыться во время, а пьяный
Неронъ подумалъ, что императрица
Пришла къ тавернѣ ночью, чтобъ слѣдить
За шалостями вѣнчаннаго сына.

ПОППЕЯ.

Она... съ Парисомъ... Такъ увѣренъ ты,
Что между ними...

ТИГИЛИНЪ.

Несомнѣнно это.
Комедіантъ красивый обольстилъ
Мать цезаря; за нимъ она безумно
Гоняется, какъ старая волчица
За молодымъ самцемъ... Поппея, ты
Блѣднѣешь... Что съ тобой? Ты нездорова?

ПОППЕЯ.

Нѣтъ, ничего... Зной утомилъ меня...
Дай опахало мнѣ...

Онъ подаетъ опахало.

Благодарю...
Такъ ты сказалъ... Она была съ Парисомъ?

ТИГИЛИНЪ.

Я говорю тебѣ, когда бъ Неронъ
Минутой раньше вышелъ изъ таверны, —
Онъ могъ бы видѣть — трогательный видъ! —
Императрицу-мать въ объятьяхъ мима.
Но если этимъ зрѣлищемъ ему
Не удалось вчера полюбоваться, —
Мнѣ кажется, что мы должны теперь
Ему шепнуть...

ПОППЕЯ.

У цезаря сегодня
Ты былъ?

ТИГИЛИНЪ.

Сейчасъ я отъ него. Онъ въ гнѣвѣ
На Агриппину. Онъ не могъ заснуть
Взволнованный. Безумныя угрозы —
Я ихъ подслушалъ — бросила вчера
Въ лицо Нерону Августа... Поппея,
Не нужно медлить. Цезарю пора
Открыть глаза на тайную интригу:
Быть можетъ, мы избавимся заразъ
Отъ Агриппины и комедіанта...

ПОППЕЯ.

Да... но Парисъ... я думаю, что онъ
Не виноватъ... къ тому жъ и не опасенъ...

ТИГИЛИНЪ, подозрительно.

Ты, кажется, его жалѣешь?

ПОППЕЯ.

Я?
Мнѣ все равно... Но осторожно надо
Намъ дѣйствовать и, я прошу тебя
Не торопиться... Тутъ нужна уловка
И хитрость женская... Ты предоставь
Мнѣ это дѣло.

ТИГИЛИНЪ.

Я желалъ того же...
Но ошибаешься, Поппея, ты,
Коль думаешь, что этотъ мимъ лукавый
Намъ не опасенъ: цезаремъ совсѣмъ
Онъ завладѣлъ; Неронъ позабываетъ
Любовь Поппеи, увлекаясь дружбой
Къ красивому актеру; съ Агриппиной
Его интрига...

ПОППЕЯ, замѣтивъ Париса, сходящаго съ лѣстницы виллы.

Тише... это онъ
Идетъ сюда.

ТИГИЛИНЪ,

Я ухожу. Съ Парисомъ
Будь осторожна: онъ не долженъ знать,
Что мы владѣемъ тайной...

ПОППЕЯ.

Не тревожься...

Тигилинъ уходитъ. Поппея, смотря на приближающагося Париса, который не замѣчаетъ ее.

О, низкій человѣкъ! Предъ Тигилиномъ
Я чуть себя не выдала, когда
Онъ мнѣ открылъ твою измѣну... Боги!
Зачѣмъ въ такой прекрасный образъ вы
Вложили душу, полную притворства?..
Не стану я скрываться передъ нимъ:
Онъ долженъ оправдать себя...

СЦЕНА III.

Поппея, Парисъ.

ПАРИСЪ, увидѣвъ Поппею.

Поппея!
Какъ счастливъ я свиданіемъ нежданнымъ!
Не даромъ твой прекрасный ликъ всю ночь
Мнѣ грезился.

ПОППЕЯ.

Мы сходны въ сновидѣньяхъ:
Я видѣла сама тебя во снѣ.
Не странно ль это?

ПАРИСЪ.

Почему же странно?
Мечтами другъ о другѣ мы полны,
Такъ мудрено ль, что даже въ сонныхъ грезахъ
Мы неразлучны?

ПОППЕЯ.

Да, а наяву
За то выходитъ иначе... Скажи мнѣ,

Какъ ты меня во снѣ, мой милый, видѣлъ,
А я потомъ свой сонъ тебѣ скажу.

ПАРИСЪ.

Казалось мнѣ... что мы съ тобою въ саду
Укрылися въ какомъ-то тайномъ гротѣ
И отдаемся ласкамъ безъ конца...
Отрадный сонъ!

ПОППЕЯ.

Да; мой не такъ отраденъ:
Я видѣла, что ты ушелъ тайкомъ
Въ полночный, тихій часъ на берегъ моря
И ждешь свиданья тамъ... но не со мной —
Съ другою женщиной; а я ревниво
Слѣжу тебя, укрывшись за скалой,
И думаю: о, нѣтъ, неправда это,
Онъ ждетъ меня, а не ее. Парисъ
Ко мнѣ любовью искренною полонъ,
Обманывать не можетъ онъ меня.

ПАРИСЪ.

Благодарю, что даже въ сонныхъ грезахъ
Моей любви ты вѣришь. О, клянусь,
Обманывать тебя Парисъ не можетъ:
Тебя одну онъ любитъ и любить
Всегда онъ будетъ!

ПОППЕЯ.

Повтори, мой милый,
Твои слова и повтори съ тѣмъ взглядомъ,
Какой сейчасъ ты бросилъ на меня:
Ахъ, этотъ взглядъ, я знаю, непритворенъ,
Какъ и признанья сладкія твои...
Меня одну ты любишь?

ПАРИСЪ.

Да, Поппея,
Одну тебя!

ПОППЕЯ, играя опахаломъ.

Вотъ видишь, иногда
Я ревностью тревожусь. Вѣдь не можетъ
Знать женщина навѣрное, что въ сердцѣ

Таитъ мужчина; остается намъ
Одно лишь только: вѣрить слову, взгляду;
А взгляды и слова нерѣдко лгутъ...
Пусть ты не лжешь; въ твоихъ глазахъ прекрасныхъ
Я вижу непритворную любовь;
Однако, молодъ ты и сколько женщинъ
Прельщается твоею красотой...
Невольныя сомнѣнія, порою,
Томятъ мнѣ душу.

ПАРИСЪ.

Отгони ихъ прочь
И не волнуй себя докучной мукой
Пустой мечты. Ты для меня богиня,
Ты съ высоты Олимпа низошла,
Чтобъ дать мнѣ счастіе любви безсмертныхъ!
Могу ль на женщинъ я другихъ смотрѣть,
Когда тебя я видѣлъ?.. О, презрѣннымъ,
Неблагодарнымъ былъ бы я глупцомъ,
Когда бъ тебѣ я измѣнилъ...

ПОППЕЯ, ударяетъ его по лицу опахаломъ.

Безчестный
И наглый лжецъ! Ты самъ свой приговоръ
Сказалъ себѣ! Да, ты глупецъ презрѣнный,
Неблагодарный!.. Говори: вчера,
Въ полночный часъ, ты не былъ на свиданьѣ
Съ другою женщиной? Ну, отвѣчай!

ПАРИСЪ, въ смущеніи.

Твое несправедливо подозрѣнье...
Ты въ заблужденіи... Не знаю я,
О комъ ты говоришь...

ПОППЕЯ.

А, ты не знаешь!
Такъ я скажу тебѣ: объ Агриппинѣ!
Ты поблѣднѣлъ?.. Безстыдный, жалкій трусъ!
Отъ трусости ты позабылъ искусство
Комедіанта. Розыграй же роль,
Какъ ты игралъ ее сейчасъ!.. Ты думалъ,
Сквозь маску лживую не разгляжу я
Лица обманщика? Ты скрыть хотѣлъ
Свою измѣну отъ Поппеи? Видишь,

Какъ это удалось тебѣ, глупецъ!..
Что жъ ты молчишь? Оправдывайся, лги,
Вымаливай прощенье... Все же легче
Мнѣ будетъ это, чѣмъ твое молчанье
Трусливое! Иль ты найдти не можешь
Рѣчей притворныхъ? Или въ самомъ дѣлѣ
Та злая фурія въ тебѣ зажгла
Огонь нелживой страсти и не смѣешь
Ты мнѣ сказать: «я съ нею роль игралъ»?..
Парисъ — Эндиміонъ и Агриппина —
Діана!

Нервно смѣется.

ПАРИСЪ.

Выслушай меня, прошу...

ПОППЕЯ.

Что выслушать? Что можешь ты сказать мнѣ?
Чему могу повѣрить я изъ устъ
Притворщика? Лишь одному признанью,
Что разомъ двухъ ты обманулъ?..

ПАРИСЪ.

Тебя
Я не обманывалъ... О, вѣрь, Поппея:
Не знаешь ты...

ПОППЕЯ.

Я знаю все! Посмѣй
Отречься предо мной, что съ Агриппиной
Не дѣлишь ты постыдную любовь?

ПАРИСЪ.

Клянусь, ты ошибаешься. Послушай:
Возможно ли, чтобъ добровольно я
Ея любовь дѣлилъ? Ужель прельстился
Я ласками старухи? Только страхъ, —
Я сознаюсь, постыдный страхъ — принудилъ
Меня къ свиданью...

ПОППЕЯ.

Не лукавь! Тебя
Я знаю хорошо: твой нравъ порочный
Наклоненъ къ перемѣнамъ, и мечты

Честолюбивыя тебя смущають.
Она, императрица; красотой. —
Хоть и поблеклой, все жъ она гордится
И для тебя, продажнаго фигляра,
Не такъ она ничтожна и стара,
Чтобъ не увлекся связью ты съ безстыдной
И сладострастной Клавдія убійцей!
Кто мнѣ поручится, что вмѣстѣ съ ней
Ты не смѣялся надо мной, что въ тайнѣ
Не замышляли вы сгубить меня
И цезаря...

ПАРИСЪ.

Поппея...

ПОППЕЯ.

Я заставлю
Тебя признаться, обнаружу я
Всѣ ваши замыслы передъ Нерономъ,
Я головы твоей не пощажу!..
Не думаешь ли ты, что Агриппина
Спасти тебя своей любовью можетъ?
О, ты узнаешь, чтò сильнѣе: месть
Отвергнутой, обманутой Поппеи,
Иль Агриппины жалкая любовь!

ПАРИСЪ.

Ты въ гнѣвѣ мнѣ бросаешь обвиненья
Ужасныя... У ногъ твоихъ клянусь
Любовью нашей...

Бросается передъ ней на колѣни и беретъ ее за руку.

ПОППЕЯ, отталкивая его.

Прочь, обманщикъ подлый!
Съ мольбами лицемѣрныхъ клятвъ иди
Къ той фуріи, съ которой надругался
Ты надъ моей любовью!.. Низкій трусъ,
Ты столько жъ гадокъ мнѣ теперь, какъ прежде
Былъ дорогъ для меня... Не унижайся
Передо мною новой ложью. Прочь!

Порывисто уходитъ.

СЦЕНА IV.

Парисъ, потомъ Тигилинъ, Ватиній, Актея.

ПАРИСЪ.

Игра моя открыта. Кѣмъ?—не знаю.
Быть можетъ—случай... Или Тигилинъ
Вмѣшался тутъ?.. Теперь не въ этомъ дѣло:
Подумать надо, какъ спасти себя,
Какъ вынырнуть между двумя волнами,
Что̀ въ ярости, упавъ на грудь мою,
Меня низвергнуть могутъ въ бездну смерти.
Вотъ мигъ, когда необходимъ разсчетъ...

Задумывается. Изъ глубины сцены выходятъ: Тигилинъ, Ватиній и Актея.

ТИГИЛИНЪ.

Дожидайтесь здѣсь. Я предупрежу цезаря о вашемъ приходѣ.

Уходитъ въ виллу.

ВАТИНІЙ.

Ну, дочка, пробрались мы во дворецъ,
Намъ явно помогаютъ боги,
Теперь всѣмъ бѣдствіямъ конецъ,
На доброй мы стоимъ дорогѣ.

Осматривается.

Эхъ, если бы я не былъ тѣмъ, что есть,
То, право, сдѣлаться Нерономъ
Почелъ бы за большую честь:
Отлично жить въ чертогѣ золоченомъ,
Не дѣлать ничего, день цѣлый пить и ѣсть,
Спать по ночамъ спокойно, а не спится, —
Съ красавицами веселиться...

Увидѣвъ Париса.

А, вонъ Парисъ, великій нашъ актеръ...

Подходитъ къ нему съ поклономъ. Актея остается въ глубинѣ сцены.

Собратъ! пусть боги каждый атомъ
Въ тебѣ хранятъ...

ПАРИСЪ.

Съ которыхъ поръ
Ты, негодяй, Парису сталъ собратомъ?

ВАТИНІЙ.

Что спрашивать, самъ вѣдаешь о томъ,
Съ вчерашней ночи.

ПАРИСЪ.

Почему же?

ВАТИНІЙ.

Вчера я сдѣланъ цезаря шутомъ,
А чѣмъ же шутъ комедіанта хуже?

ПАРИСЪ.

Ты дерзокъ.

ВАТИНІЙ.

Полуксомъ клянусь,
Для шутки — дерзость острая приправа.

ПАРИСЪ.

Быть можетъ. Не на мой лишь вкусъ.

ВАТИНІЙ.

А цезарь вотъ инаго нрава:
На дерзости мои вчера смѣялся онъ.

ПАРИСЪ.

Ну, другъ, не радуйся: Неронъ
Наклоненъ часто къ перемѣнамъ;
Случалось, съ вечера обласканныхъ шутовъ
Поутру онъ бросалъ на кормъ муренамъ.

ВАТИНІЙ.

Ай, ай, неужто онъ таковъ?
Одобрить не могу подобную манеру.

ПАРИСЪ, смѣется.

Что такъ? Не нравится?

ВАТИНІЙ, съ гримасой.

Охъ, нѣтъ!

ПАРИСЪ.

Вотъ видишь. Потому запомни мой совѣтъ:
Шути, пріятель, здѣсь... но въ мѣру...

Киваетъ головою на Актею:

Актею ты привелъ?

ВАТИНІЙ.

Вчера
Такъ цезарь повелѣлъ мнѣ.

ПАРИСЪ.

Знаю.
О ней онъ спрашивалъ съ утра...
Ну, счастія тебѣ и ей желаю.

Уходитъ.

ВАТИНІЙ.

Однако же, порядки здѣсь не тѣ,
Какихъ я ожидалъ. Примѣрно
Я думалъ такъ: по простотѣ
Должна съ дворцомъ сойдтись таверна.
Не очень вѣренъ мой разсчетъ,
Коль правда то, что я сейчасъ услышалъ.
Вотъ такъ всегда: ты загадалъ впередъ,
А боги...

АКТЕЯ, подходитъ къ нему.

Тише. Цезарь вышелъ.

Неронъ выходитъ изъ портала виллы.

СЦЕНА V.

Тѣ же, Неронъ.

ВАТИНІЙ, цѣлуя полу одежды Нерона.

Привѣтъ властителю. Твое велѣнье
Исполнено: я дѣвушку привелъ.

НЕРОНЪ.

Ты сдѣлалъ хорошо, хоть могъ бы лучше
Ты сдѣлать, если бъ рядомъ съ красотой
Твой образъ шутовской не выдвигался.

Дѣлаетъ ему знакъ уйдти. Ватиній уходитъ. Неронъ беретъ Актею за руку.

Милое мое дитя,
Приди ко мнѣ, дай мнѣ налюбоваться
Твоей красой при свѣтѣ яркомъ солнца.

Увлекаетъ ее въ бесѣдку.

О, ты прекрасна! Въ красотѣ твоей,
Какъ въ ароматѣ нерасцвѣтшей розы,
Есть нѣга тихая: она влечетъ
Неполнымъ упоеньемъ, обѣщая
Дать несравненно болѣе потомъ...
Ты родилась въ Испаніи?

АКТЕЯ.

Да, цезарь.

НЕРОНЪ.

Счастливая, хоть дикая страна!
Искусства свѣтъ волшебными лучами
Еще не озарилъ ея, но въ ней
Сама природа создаетъ такъ много
Изящнаго: ея чудесный даръ —
Твоя краса, твой нѣжный, сладкій голосъ.
Скажи, дитя, гордишься ими ты?

АКТЕЯ.

Ты говоришь, природѣ — не себѣ
Обязана я лучшими дарами,
Такъ чѣмъ же тутъ гордиться?

НЕРОНЪ.

Если ты
Не лжешь, какъ лгутъ всѣ женщины, — вдвойнѣ
Прекрасна ты.

АКТЕЯ.

Но для чего же лгать мнѣ?

НЕРОНЪ.

Чтобъ цѣну скромной прелести своей
Набавить больше: такъ всегда бываетъ,
Когда продать себя хотятъ.

АКТЕЯ.

За что жъ
Меня ты оскорбляешь? Ты властитель,
Я бѣдная раба; но не для торга

Постыднаго пришла я во дворецъ:
Ты пожелалъ мои услышать пѣсни...

НЕРОНЪ.

Искусствомъ дивнымъ пѣнія ты будешь
Мой тѣшить слухъ, изящной красотой —
Мои глаза; но надо же и сердце
Утѣшить также. Я хочу, Актея,
Твоей любви и думаю, что мнѣ
Ее отдашь охотно ты.

АКТЕЯ.

Могу я
Отдать тебѣ лишь то, что я имѣю:
Ты можешь жизнь пѣвицы бѣдной взять,
Но надъ любовью ты моей не властенъ.

НЕРОНЪ.

Какъ! я не властенъ? Но вѣдь я — Неронъ!
Могущество мое непобѣдимо,
И я не зналъ отказа никогда
Въ желаніяхъ. Ты ставишь добродѣтель,
Какъ честнаго и стойкаго бойца
Въ борьбѣ со мною: это возбуждаетъ
Во мнѣ сильнѣй желаній пылкихъ жаръ.
Хоть женщины умѣютъ горячо
Любить безъ добродѣтели, я знаю,
Но добродѣтель побѣдить пріятно...

АКТЕЯ.

Зачѣмъ тебѣ искать такихъ побѣдъ
Вдали дворца? Ты окруженъ толпою
Красавицъ Рима; что̀ предъ ними я —
Рабыня жалкая? Ужели мало
Тебѣ любви и обожанья тѣхъ,
Кто вознесенъ счастливою судьбою
До высоты престола твоего?

НЕРОНЪ.

Молчи, дитя!.. Сама не сознавая,
Ты растравляешь рану моего
Измученнаго сердца. О, когда бы
Вокругъ себя привѣтъ любви я видѣлъ,
Такой любви, какою тщетно жажду
Я насладиться!.. Нѣтъ, я одиноко

На высотѣ могущества стою,
Кругомъ меня лишь ненависть царитъ;
Подъ маской улыбающейся лести
Она мнѣ кажетъ свой зловѣщій ликъ,
Подобный лику страшному Горгоны!
И каменѣетъ у меня душа
Подъ взглядами чудовища и гаснетъ
Въ ней пламень жизни, гаснетъ свѣтъ любви.
Могущество безъ счастія не можетъ
Наполнить жизнь. Повѣрь, мое дитя,
Твой жребій, незамѣтный въ этомъ мірѣ,
Счастливѣй моего, хотя судьбой
Превознесенъ я надъ людьми высоко:
Вѣдь ты была любима? Не скрывай
Тревогу сердца, мнѣ отрадно слышать
Ласкающій и нѣжный голосъ страсти,
Подобный ропоту кристальныхъ волнъ.

АКТЕЯ.

Мнѣ нечего скрывать передъ тобою,
Властитель. Я была любима... да...
Меня любила мать; ея любовью
Жила я въ годы дѣтства и теперь
Привѣтнымъ я живу воспоминаньемъ
О той любви.

НЕРОНЪ.

Вотъ видишь, я былъ правъ,
Когда сказалъ, что твой завиденъ жребій:
Ты знала матери любовь... Скажи,
Тебя любила мать не изъ разсчета,
Что, выростивши дочь, пріобрѣтетъ
Тѣмъ выгоду, какъ ростовщикъ проценты
Пріобрѣтаетъ жадно съ должника?

АКТЕЯ.

Она меня любила безкорыстно,
Любила сердцемъ. Развѣ можетъ мать
Любить иной любовію?

НЕРОНЪ.

Бываютъ
Такія матери: святое чувство,
Природою имъ вложенное въ душу,
Разсчетъ холодный убиваетъ въ нихъ;

Онѣ лелѣютъ своего ребенка,
Тая надежды, что, возросши, онъ
Имъ принесетъ, какъ выгодную плату
За ласки и заботы, власти даръ;
Ихъ соблазняетъ демонъ властолюбья,
Ужаснѣйшій изъ демоновъ, когда
Онъ поселится въ слабомъ женскомъ сердцѣ;
Предъ нимъ и демонъ сладострастья даже
Смиряется... О, нѣтъ предѣловъ зла,
Которыхъ женщина не переступитъ, -
Соблазномъ властолюбья увлекаясь!..
Но ты меня не понимаешь, ты
Смущаешься, такія слыша рѣчи?
Счастливица! судьба тебѣ дала
Удѣлъ прекрасный: какъ цвѣтокъ, въ часъ утра
Расцвѣтшій тихо, ты была согрѣта
Привѣтнымъ солнцемъ кроткихъ, нѣжныхъ ласкъ
Простой и доброй матери, любившей
Въ тебѣ рожденье милое свое.

АКТЕЯ.

Ахъ, эти ласки я недолго знала,
И солнце, что̀ согрѣло мой расцвѣтъ,
Смѣнилось мрачной и холодной ночью
Несчастія... Ты, цезарь, разбудилъ
Печальныя во мнѣ воспоминанья
О матери... я не могу сдержать
Невольныхъ слезъ...

НЕРОНЪ.

Твои понятны слезы...

Съ участіемъ смотритъ на нее. Короткое молчаніе.

Ты тронула меня. Я пощажу
Твою красу и молодость. Для жертвы
Желаній страстныхъ,—вижу я,—дитя,
Еще ты не созрѣла... Ну, довольно
Грустить о прошломъ: что взяла судьба —
То невозвратно. Озари улыбкой
Свой милый ликъ, дай насладиться мнѣ
Гармоніей божественной искусства:
Спой пѣсню милой родины твоей...

Входитъ Ацерронія.

АЦЕРРОНІЯ.

Привѣтъ цезарю. Императрица послала меня спросить, можешь ли ты принять ея посѣщенье?

НЕРОНЪ, съ нетерпѣньемъ.

Что нужно отъ меня императрицѣ?

АЦЕРРОНІЯ.

Она желаетъ говорить съ тобой.

НЕРОНЪ.

Скажи, что цезарю теперь не время:
Онъ отдыхаетъ отъ заботъ правленья.

Ацерронія уходитъ.

Пойдемъ, Актея: у прибрежныхъ скалъ,
Гдѣ волны плещутъ радостно, сверкая
Лазурью яркой, ты подъ шопотъ ихъ
Споешь мнѣ пѣсню, будто Нереида
Прекрасная... Пойдемъ, мое дитя.

Уходятъ.

СЦЕНА VI.

Агриппина, Ацерронія, потомъ Сенека.

АГРИППИНА.

Какъ онъ отвѣтилъ — повтори? Быть можетъ,
Ослышалася я?

АЦЕРРОНІЯ.

Нахмуривъ взоръ,
Воскликнулъ онъ: «Скажи императрицѣ,
Что цезарю не время, отъ заботъ
Правленія теперь онъ отдыхаетъ».

АГРИППИНА.

Онъ отъ заботъ правленія усталъ!
Онъ пьянствовалъ всю ночь въ тавернѣ грязной
Съ плебеями, онъ цѣлые часы
Съ какой-то тварью уличной проводитъ,
А матери своей, императрицѣ,
Не можетъ удѣлить одной минуты!
Да развѣ это цезарь? Это шутъ
На цезарскомъ престолѣ.

АЦЕРРОНІЯ.

Осторожнѣй.
Божественная Августа, смотри,
Сюда подходитъ, кажется, Сенека...

Сенека выходитъ изъ портала виллы.

АГРИППИНА.

Да, это онъ. Мудрецъ явился кстати:
Я у него спрошу, какъ онъ находитъ
Поступки своего ученика
Безумнаго.

СЕНЕКА, приблизившись къ ней.

Привѣтствую тебя,
Императрица.

АГРИППИНА.

Ты идешъ къ Нерону?

СЕНЕКА.

Да, Августа.

АГРИППИНА.

Зачѣмъ? Чтобы плясать
Съ гетерами? Или играть на флейтѣ?
Я думала, что для такихъ фиглярствъ
Достаточно Фаона или Спора
Близъ цезаря; но вижу я тепѐрь,
Что и мудрецъ Сенека можетъ также
Потворствовать Нерону, какъ рабы.

СЕНЕКА.

Я, Августа, тебя не понимаю...

АГРИППИНА.

А между тѣмъ понять немудрено.
Ты выбралъ время очень неудачно,
Коль къ цезарю приходишь для того,
Чтобъ говорить съ нимъ о дѣлахъ правленья:
Онъ ихъ давно уже не хочетъ знать,
Онъ занятъ пѣньемъ, пляскою, распутствомъ...
Вотъ мой совѣтъ: отнынѣ правь одинъ
Дѣлами государства, иль къ Поппеѣ
Ты обратись: я слышала, она

Внушаетъ цезарю, чтобъ онъ эдиктомъ
Изъ Капитолія перемѣстилъ сенатъ
Въ Субуру.

СЕНЕКА.

Августа, какія рѣчи!
Неронъ — властитель Рима...

АГРИППИНА.

Да, властитель —
Вполнѣ достойный васъ, его рабовъ!
Онъ ночью пьянствуетъ въ тавернахъ съ чернью,
Днемъ тѣшится, какъ уличный фигляръ
Игрой на флейтѣ.

СЕНЕКА.

Не суди такъ строго,
Божественная Августа, о сынѣ:
Онъ молодъ, увлекается, его
Веселыя искусства обольщаютъ
И красота...

АГРИППИНА.

И наглость, и развратъ
Безстыдной сволочи, продажныхъ тварей,
Съ которыми онъ забываетъ Римъ!

СЕНЕКА.

Однако же народъ благословляетъ
Его правленіе.

АГРИППИНА.

Да, потому,
Что не въ его рукахъ была забота
О государствѣ. Но теперь, когда
Онъ хочетъ править самъ, какъ полагаешь,
Кто станетъ ближе у кормила власти:
Сенека, иль распутная Поппея?

СЕНЕКА.

Я не боюсь соперниковъ такихъ!
Минуютъ заблужденья молодыя:
Онъ сердцемъ благороденъ и великъ
И вновь къ добру воротится, когда
Устанетъ отъ безумныхъ увлеченій.

АГРИППИНА.

Вы стоики спокойно и легко
Все объясняете... Сѣдой философъ,
Ты закрывать глаза давно привыкъ:
Пускай передъ тобой идутъ событья
Своей дорогой — ты ихъ выжидаешь...
Ты счастливъ, ты доволенъ, что престолъ
Твой ученикъ наслѣдовалъ? Но помни,
Разсчетливый мудрецъ, что Клавдій жизнь
Покончилъ не для одного Нерона!

СЕНЕКА.

Для Рима это сдѣлано...

АГРИППИНА.

Уволь
Меня отъ фразъ. Быть можетъ, въ самомъ дѣлѣ
Ты хочешь быть фигляромъ и рабомъ
Любовницы Нерона — унижаться
Ты воленъ какъ угодно. Но пойми,
Что я къ подобной роли неспособна!..
Или и ты играешь въ руку тѣмъ,
Кто хочетъ отстранить меня отъ сына?

СЕНЕКА.

Божественная Августа, ужель
Могла подумать ты...

АГРИППИНА.

Чтобъ не могла я
Подумать такъ, обязанъ ты, наставникъ
Безумнаго ученика, взять власть
Надъ совѣстью его и сохранить
Для Агриппины сына и для Рима
Властителя... Ты понялъ ли меня?
Я не такая женщина, что можно
Меня легко столкнуть съ ступени той,
Которую я заняла у трона!
И если ты, и цезарь, и змѣя
Лукавая, чтò хитрыми сѣтями
Опутала васъ тайно, — если вы
Разбудите мой гнѣвъ, то берегитесь!
Я, какъ Медея, приготовлю вамъ
Волшебное питье, и вы упьетесь

Отравою моей, я въ томъ клянусь!..
Вотъ надобно тебѣ о чемъ подумать,
Философъ осторожный. Не забудь
Моихъ совѣтовъ и внуши Нерону,
Чтобъ съ матерью онъ не игралъ въ игру
Опасную. Счастливаго успѣха.

Уходитъ вмѣстѣ съ Ацерроніей.

СЕНЕКА.

Она почуяла, что конь ея,
Изъ-подъ узды, на волю дико рвется;
Она его пытается сдержать
Рукою властной: тщетная попытка!
Онъ закусилъ не даромъ удила:
Онъ вырвется и полетитъ какъ вѣтеръ.
Куда его примчитъ безумный бѣгъ?
Въ стремленьѣ бѣшеномъ своемъ, быть можетъ,
Онъ насъ растопчетъ всѣхъ и цѣлый Римъ
И самъ, дрожа отъ бѣшенства и страха,
Низвергнется въ зіяющую пропасть...
Легко сказать: останови Нерона
И на его порывы наложи
Оковы разума... Нѣтъ, поздно, поздно...
Онъ сталъ теперь на роковомъ пути
И насъ влечетъ съ собой. Совѣтовъ мудрыхъ
Прошла пора: настала власть безумья...

Помолчавъ.

А, всетаки, она права: мой долгъ
Предъ разумомъ, предъ Римомъ побуждаетъ
Сказать ему свободной правды слово...
Вотъ онъ идетъ задумчивый и грустный.
Гдѣ бродитъ мысль его? О чемъ тоска?

СЦЕНА VII.

Неронъ, Сенека.

СЕНЕКА.

Я счастливъ, что судьба посылаетъ мнѣ случай привѣтствовать божественнаго цезаря.

НЕРОНЪ.

Здравствуй, мудрецъ. Я не такъ счастливъ: встрѣча съ твоей мудростью помѣшала моему хорошему настроенію. Что тебѣ нужно?

СЕНЕКА.

Властитель, когда ты былъ моимъ ученикомъ, ты слушался моихъ совѣтовъ. Могу ли я тебѣ объ этомъ напомнить?

НЕРОНЪ.

Конечно, если только ты не собираешься снова посадить меня за школьную скамейку и учить по складамъ.

СЕНЕКА.

Когда-то твоей обязанностью было—учиться. Обязанности различны въ каждомъ возрастѣ и званіи. Теперь ты повелитель Рима.

НЕРОНЪ.

До сихъ поръ я мало давалъ это чувствовать... Да, у каждаго свои обязанности. Ты—философъ. Будь же послѣдователенъ и заботься только о своихъ обязанностяхъ.

СЕНЕКА.

Я исполняю свои обязанности, цезарь.

НЕРОНЪ.

Ты играешь роль, которая тебѣ выпала на долю.

СЕНЕКА.

Я не играю. Я желаю быть тѣмъ, чѣмъ я долженъ быть.

НЕРОНЪ.

Неужели? А я думалъ, что ты актеръ. Вѣдь мы всѣ въ жизни актеры и всѣ притворяемся. Я объ этомъ догадался недавно. Твоя мудрость учитъ, что человѣкъ долженъ быть достоинъ званія человѣка, не такъ ли?

СЕНЕКА.

Совершенно справедливо, властитель.

НЕРОНЪ.

Хорошо. Однако, въ сердцѣ человѣка нѣтъ такого уголка, гдѣ бы ты не натолкнулся на грязь и подлость, на алчность и тщеславіе, на жажду зла и мести, на развратъ и зависть... О, если бы у человѣчества была одна голова, я желалъ бы отрубить ее однимъ ударомъ... Говорю тебѣ: мы всѣ притворяемся, всѣ играемъ роль.

СЕНЕКА.

Пусть такъ: мы играемъ. Играй же роль цезаря, и народъ будетъ рукоплескать тебѣ. Ищи для себя общество властителей, а не комедіантовъ и черни. Проходи по свѣту какъ тріумфаторъ, въ торжественной колесницѣ, а не блуждай ползкомъ, какъ нищій. И если ты не желаешь быть одинокимъ...

НЕРОНЪ.

О, конечно, не желаю...

СЕНЕКА.

Тогда пусть тебѣ сопутствуетъ и держитъ надъ твоею головою вѣнокъ богиня славы. Прости меня, цезарь: ты поступаешь не такъ. Римъ опечаленъ твоимъ поведеніемъ, народъ недоволенъ...

НЕРОНЪ.

Не слѣдуетъ ли мнѣ на будущее время спрашиваться у народа, что я долженъ ѣсть? Въ такомъ случаѣ, мудрый совѣтникъ, отведи меня лучше на невольничій рынокъ и продай первому покупателю.

СЕНЕКА.

Не гнѣвайся, повелитель. Я сказалъ правду, которую мнѣ внушають мой долгъ и опытность...

НЕРОНЪ.

Народъ мной недоволенъ. Агриппина мной недовольна. Ты недоволенъ. Сколько недовольныхъ! Въ самомъ дѣлѣ, должно быть, я плохо играю роль цезаря: я слишкомъ мало пользуюсь властью и не укрощаю недовольныхъ. Вотъ отчего недовольные кричатъ, что я къ комедіямъ склоненъ больше, чѣмъ къ правленію. О, я люблю веселыя комедіи! Я это докажу тебѣ сейчасъ. Эй!

Хлопаетъ въ ладоши. Входитъ Тигилинъ.

Тигилинъ, приведи сюда Ватинія, позови Париса, Спора, Фаона, Эпафродита, всѣхъ! И пусть рабы принесутъ тогу, обшитую пурпуромъ. Скорѣе!

Тигилинъ уходитъ.

Сейчасъ, мой мудрый наставникъ, я доставлю тебѣ поучительное зрѣлище.

СЕНЕКА.

Властитель, я заранѣе благодарю тебя, если оно дѣйствительно будетъ поучительнымъ для меня.

НЕРОНЪ, смѣясь и потирая руки.

Навѣрное, навѣрное! Вотъ ты увидишь.

СЦЕНА VIII.

Неронъ, Сенека, Тигилинъ, Ватиній, Парисъ, Споръ, Эпафродитъ, Фаонъ, придворные и рабы.

Впродолженіе этой сцены приближается гроза. Порою слышатся отдаленные раскаты грома.

НЕРОНЪ, Сенекѣ, указывая на Ватинія.

Посмотри на этого человѣка: онъ кажется смѣшнымъ въ своей шутовской одеждѣ рядомъ съ тобою. А между тѣмъ, онъ можетъ дать больше, чѣмъ ты. Можешь ли ты съиграть роль шута?

СЕНЕКА.

Цезарь, я могу лишь одно: быть вѣрнымъ слугою цезаря и Рима.

НЕРОНЪ.

Ты повторяешь одно и то же. И я повторю тебѣ: это твоя роль. Ты умѣешь ее играть: я это знаю. Но вотъ этотъ шутъ умѣетъ играть и роль шута, и всякія другія роли. Онъ можетъ съиграть намъ тебя. Ватиній, съумѣешь ты представить Сенеку?

ВАТИНІЙ.

Для меня это очень легко, повелитель.

НЕРОНЪ.

Почему же легко?

ВАТИНІЙ.

Потому, великій цезарь, что я дуракъ. А всякій дуракъ—прирожденный мудрецъ.

НЕРОНЪ, смѣется.

Хорошо. Представь же намъ Сенеку. Рабы, надѣньте на него тогу.

Рабы одѣваютъ Ватинія въ тогу.

СЕНЕКА.

Не унижай, великодушный цезарь,
Въ моемъ лицѣ сенатъ. Въ былые дни
Склонялись предъ сенаторами Рима
Властители...

НЕРОНЪ.

А въ наши дни пускай
Склоняется сенатъ передо мною...
Но о политикѣ оставимъ споръ:
Займемся представленіемъ веселымъ.

Ватинію.

Будь остроумнѣй: передъ самимъ Сенекой
Играешь ты.

Окружающимъ.

А васъ, мои друзья,
Я ставлю судьями его искусства:
Почтимъ рукоплесканьями шута,
Коль онъ того окажется достойнымъ.

СЕНЕКА.

Позволь мнѣ, цезарь, удалиться...

НЕРОНЪ, удерживая его.

Какъ,
Уйдти ты хочешь? Но сейчасъ не ты ли
Мнѣ говорилъ, что будешь очень радъ,
Коль я тебѣ доставлю поученье
Веселымъ зрѣлищемъ?

Ватинію.

Ну, къ дѣлу, шутъ!

ВАТИНІЙ, голосомъ Сенеки.

О римляне! поймите: добродѣтель
Есть благо высшее изъ благъ;
Я въ томъ судья вамъ и свидѣтель:
Безъ добродѣтели я въ жизни ни на шагъ.
Чтобъ добродѣтелью въ сей жизни наслаждаться,
Ненадобно заботиться о злѣ:
Кто можетъ на конѣ кататься,
Тотъ не поѣдетъ на ослѣ.
Вотъ почему, къ добру направивъ думы,
Отъ зла стараюсь уклоняться я:
Съ казны сбираю кругленькія суммы,
И сладко пью, и сладко ѣмъ, друзья.

Неронъ апплодируетъ, остальные тоже.

НЕРОНЪ, Сенекѣ.

Онъ недурно схватилъ самую суть твоей философіи, но у него не достанетъ ума сдѣлать настоящее заключеніе. Я попробую это за него.

Декламируетъ голосомъ Сенеки.

Мой кодексъ мудрости, конечно,—внѣ сомнѣній:
Я имъ руководился вѣкъ
И въ цѣломъ рядѣ сочиненій
Отлично доказалъ, что я, Сенека Энній,
Изъ римлянъ—первый человѣкъ!
Я даже превзошелъ Нерона:
Я правлю Римомъ за него!
Что будетъ, если вдругъ я удалюсь отъ трона,
О, римляне, скажите?

ВАТИНІЙ.

Ничего!

НЕРОНЪ.

Онъ хорошо сказалъ.

ВАТИНІЙ.

На мѣсто Сенеки, великодушный цезарь, ты можешь поставить меня. Вѣдь ужъ доказано: мудрецъ и дуракъ одно и то же.

НЕРОНЪ.

Клянусь я Полуксомъ! ты правъ, Ватиній:
Калигула для лошади своей
Считалъ достойнымъ консульское званье,
Такъ почему жъ не могъ бы я теперь
Облечь шута сенаторскою тогой?

Сенекѣ.

Ты добродѣтель благомъ признаешь
И пользуешься ею въ жизни ловко,
А у меня иное благо — сила,
И пользоваться силой я хочу!
Пришла пора: моей могучей волей
Я больше не позволю вамъ играть.
Я цезарь, а не ты, не Агриппина!
Вы съ нею всюду шепчете: Неронъ
Комедіантъ, онъ къ власти неспособенъ,
Мы правимъ за него. А, хорошо!
Вы предъ собой увидите Нерона
Властителя.

Ударъ грома.

Ты слышишь ли, старикъ,
Раскаты грома: то гроза подходитъ;
Лазурь небесъ заволоклася тьмой,
И вмѣсто радостной улыбки солнца
Изъ нѣдръ грозящихъ тучъ блеститъ огонь
Кровавой молніи. Вотъ образъ вѣрный
Моей души: веселая безпечность
Въ ней смѣнится ужасною грозой,
И вы, дрожа и ползая во прахѣ,
Преклонитесь предъ силою моей!

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Атріумъ. Ряды колоннъ. Пролеты между колоннами задняго ряда закрыты драпировкой. Драпировка въ среднемъ пролетѣ приподнята и на дальнемъ планѣ видѣнъ садъ, скалы, море. На второмъ планѣ фонтанъ и статуя Клавдія. Ближе къ авансценѣ мраморныя скамьи и золоченыя кресла.

—

СЦЕНА I.

Агриппина, Ацерронія.

АГРИППИНА.

Нѣтъ, вижу—здѣсь я лишняя совсѣмъ:
Здѣсь властвуютъ гетеры съ ихъ царицей,
Поппеей ненавистной!.. О, Неронъ,
Ты унижаешь мать, ты даже тѣни
Того могущества, что̀ принесла
Тебѣ я въ даръ, не хочешь мнѣ оставить!
Смотри, твоя рискованна игра:
Ты самъ какъ тѣнь безжизненная можешь
Нежданно, вслѣдъ за Клавдіемъ, сойдти
Въ подземный Тартаръ, и туда дорогу
Я укажу тебѣ!..

АЦЕРРОНІЯ.

О, перестань,
Божественная Августа... Ты въ гнѣвѣ
Позабываешь, что полна любовью
Къ рожденному тобой: какая мать
Для сына больше сдѣлала?

АГРИППИНА.

Объ этомъ
Не вспоминай мнѣ. Я люблю его...
Но развѣ не люблю своей руки я?
Чтобъ нѣжность ей предать и бѣлизну,
Я въ молокѣ ослицъ ее купаю,
Я украшаю кольцами ее,
Запястьями изъ золота... Такъ что же?
Я дѣлаю все это потому,
Что въ ней рабу послушную я вижу:
Ея движенья возвѣщать должны
Властительную волю Агриппины!

АЦЕРРОНІЯ.

Твоя рука прекрасная ведетъ
Дорогой славы цезаря Нерона,
И цѣлый Римъ твоей покоренъ волѣ.

АГРИППИНА.

Такъ было прежде. Но теперь все это
Перемѣнилось. Отъ моихъ оковъ
Освободился цезарь и стремится
Повелѣвать онъ матерью... Зачѣмъ
Я только мать Нерону!..

АЦЕРРОНІЯ.

Но кого же
Обязанъ больше императоръ чтить,
Кого любить онъ болѣе обязанъ?

АГРИППИНА.

Ахъ, Ацерронія, ты молода
И судишь ты легко. Какъ ни гордится
Мужчина грубой силою своей,—
У женщины на привязи онъ вѣчно.
Ребенкомъ онъ за матерью идетъ,
Потомъ, возросши, отдается сердцемъ
Любимой женщинѣ; а та, кому
Онъ жизнію обязанъ,—позабыта!
Онъ ищетъ наслажденья красотой
И юностью—что мать ему? Помѣха
Его страстямъ... О, если бъ не была
Я матерью Нерона,—я могла бы
Поппеи не бояться. Развѣ я

Не привлекла бы нѣжною улыбкой
И взоромъ обольстительнымъ его
Измѣнчиваго сердца? Но природа
Мнѣ это запрещаетъ. Почему?
Что мнѣ за дѣло до ея закона?
Не уступлю я сына молодой
Соперницѣ, хотя бы мнѣ пришлося
Нарушить всѣ законы!.. Кто испилъ
Напитокъ власти сладостный однажды,
Тотъ не отклонитъ жадныхъ устъ своихъ
Отъ чаши очарованной, покуда
Ея не вырвутъ!..

Поппея съ опущеннымъ покрываломъ выходитъ въ сопровожденіи Тигилина.

Посмотри, кто тамъ
Выходитъ съ Тигилиномъ? Узнаешь ли
Ты сладострастныя ея движенья
И головы кокетливый наклонъ
Подъ складками полупрозрачной палы?
Клянусь богами мрачнаго Аида,
Я не могу сдержаться...

СЦЕНА II.

Агриппина, Поппея, Тигилинъ, Ацерронія.

АГРИППИНА.

Тигилинъ!

ТИГИЛИНЪ.

Что угодно, властительница?

АГРИППИНА.

Кого это ты ведешь къ цезарю? Какимъ дѣломъ ты занялся? Скоро сирійскіе торговцы невольницами станутъ проклинать тебя за то, что ты отбиваешь у нихъ выгодное ремесло.

ТИГИЛИНЪ.

Божественная Августа, та, кого я сопровождаю, достойна почтенія, подобающаго женщинѣ, которую приблизилъ къ себѣ императоръ.

АГРИППИНА.

Стало быть, твоя красавица—одна изъ новыхъ любовницъ цезаря? Это любопытно. Нельзя ли мнѣ взглянуть на эту куколку? Кто она такая? Хорошенькая невольница? Веселая дѣвушка съ римской улицы, надушенная какъ лавка продавца благовонныхъ товаровъ?

ПОППЕЯ.

Нѣтъ, это слишкомъ... Тигилинъ, я жду...

АГРИППИНА.

Какое нетерпѣніе!.. Постой-ка,
Моя красавица: дай посмотрѣть
Твое лицо?

Быстро подступаетъ къ Поппеѣ и срываетъ съ нея покрывало.

А, это не раба,
Не уличная тварь!.. Я не узнала
Супругу благородную Криспина,
Чтò перешла къ Отону и его
Легко покинула; я не узнала
Подругу всѣхъ, кто цѣнитъ красоту,
Прелестницу, любимую Нерономъ,
И кѣмъ еще?

ПОППЕЯ.

Императрица—мать
Въ веселомъ настроеніи, я вижу?
Но, кажется, вѣдь мы не на пиру,
Гдѣ пьяный такъ себя ведетъ, какъ будто
Имѣетъ право съ грубымъ шутовствомъ
Смѣяться надъ другими.

АГРИППИНА.

Ты ошиблась,
Царица красоты,—вѣдь такъ зовутъ
Тебя льстецы Нерона?—Ты ошиблась:
Я не пьяна, нѣтъ, я трезвѣй васъ всѣхъ!
Трезвѣе цезаря, чтò одурманенъ
Твоими ласками, трезвѣй тебя,
Чья голова вскружилась отъ тщеславья
Своимъ кокетствомъ!.. Да, я вижу все
На вашихъ оргіяхъ, малѣйшій слышу шопотъ;
Я проникаю даже въ тайну думъ
Такихъ красивыхъ куколъ, какъ Поппея:

Волненіе ихъ сердца, и печаль,
И честолюбья скрытаго мечтанья
Безумныя, смѣшныя — все я знаю!

ПОППЕЯ.

Напрасно стрѣлы острыя свои
Въ меня бросаешь ты: онѣ отскочатъ
И въ сердце злобное твое вонзятся!
Тебѣ завидно, что меня зовутъ
Царицей красоты; но въ цѣломъ Римѣ
Прославилася ты царицей злобы:
Такъ будь довольна славою своей,
Старайся скрыть свои дѣла въ минувшемъ
И думой черной не гадай о томъ,
Что въ будущемъ я сдѣлаю.

АГРИППИНА.

Не надо
Тутъ быть отгадчицей: твой видѣнъ путь,
Ты хочешь сдѣлаться императрицей
И погубить меня.

ПОППЕЯ.

А сколькихъ ты
Сама сгубила? Сосчитай, припомни
И замолчи! Не то я разверну
Передъ тобою тотъ ужасный свитокъ,
Гдѣ кровью ты вписала имена
Убитыхъ жертвъ... Меня двумя мужьями
Ты попрекаешь: сколько у тебя
Ихъ было?.. А любовниковъ? — безъ счета!
Вѣдь ты, какъ трутней, убивала ихъ,
Безстыдно одного другимъ смѣняя.

АГРИППИНА.

Свои дѣла я знаю. Не тебѣ
Меня судить. Чтò бъ я ни совершила,
На высотѣ престола я стою
Передъ тобой, презрѣнной лицемѣркой,
Ничтожной выскочкой, чьихъ подлыхъ дѣлъ
И преступленій жалкихъ міръ не знаетъ,
Лишь потому, что ты ползешь во тьмѣ.
Какъ гадина, ты вылѣзла изъ грязи,
И жалишь тайно, разливая ядъ.

Я отъ рожденья призвана къ величью:
Я дочь Германики! А ты... кто ты?
Какія ты права на власть имѣешь?

ПОППЕЯ.

Не говори мнѣ о твоихъ правахъ:
Ихъ знаетъ цѣлый Римъ. Ты Мессалину,
Въ своихъ сѣтяхъ запутавъ, подвела
Безжалостно подъ мечъ преторіанца,
Ты — злая дочь великаго отца —
Вступила въ бракъ съ его безумнымъ братомъ
И осквернила ложе Гименея
Кровосмѣшеньемъ! А потомъ, когда,
Въ твоемъ обманѣ убѣдившись, Клавдій
Раскаялся, — ты поднесла ему
Отраву на пиру.

Указываетъ на статую Клавдія.

Смотри убійца,
Вонъ тамъ стоитъ его изображенье:
Не кажется ль тебѣ, что этотъ ликъ
Становится блѣднѣе и суровѣй
И тайный ужасъ взоръ его мрачитъ,
И мертвый мраморъ, рѣчь мою внимая,
Киваетъ въ знакъ согласья головой?
А, ты блѣднѣешь! Совѣсти укоры
Еще доступны и твоей душѣ?
Ты чувствамъ человѣческимъ подвластна?
Ты — Агриппина!

АГРИППИНА.

Глупая мечта!
Когда бъ всѣ слезы и потоки крови
Погибшихъ мертвецовъ ты на меня
Навѣяла, какъ вѣтеръ навѣваетъ
Порою дождь, — повѣрь, я и тогда
Не поблѣднѣла бы, внимая бреднямъ
Болтуньи лицемѣрной! Я блѣдна
Не отъ укоровъ совѣсти и страха, —
Отъ гнѣва я блѣдна. Какъ смѣешь ты
Такъ дерзко говорить съ императрицей,
Какъ смѣетъ твой языкъ позорить мать
Властителя?

ПОППЕЯ.

Властитель онъ для Рима
И для тебя; а для меня онъ — рабъ,
Моей любви покорный; я владѣю
Его душою болѣе, чѣмъ мать,
Наскучившая и ему, и Риму.

АГРИППИНА бросается къ ней.

Умолкни, тварь бездушная, не то
Я заклеймлю пощечиной позорной
Гетеру бѣлокурую!

Сдерживается и отступаетъ.

Змѣя
Коварная и злая! какъ пиѳоны,
Что̀ душатъ Трои стараго жреца,
Вкругъ сына моего ты обвилася!..
Ты думаешь, спокойно буду я
Смотрѣть но это, буду ждать, покуда
Изъ сердца сына къ матери любовь
Ты высосешь своимъ змѣинымъ жаломъ?
О, наготовѣ я держу топоръ,
Старинный, римскій, съ плоской рукояткой
И острымъ лезвіемъ; я разсѣку
Тебя двумя ударами и, корчась,
Ты, гадина, смѣшаешь съ прахомъ кровь!
Ты возмечтала, что совсѣмъ со мною
Покончила? Нѣтъ, я еще жива!
И пусть не такъ я молода, какъ прежде,
Не такъ красива, — все же растоптать
Могу тебя я: ты увидишь это!..
Ну, а теперь — иди и обольщай
Притворнымъ сладострастьемъ взоръ Нерона.
Я высказала все тебѣ и, вѣрь,
Все сдѣлаю я такъ, какъ обѣщала!

Дѣлаетъ знакъ Ацерроніи и быстро уходитъ; Ацерронія слѣдуетъ за ней.

СЦЕНА III.

Тигилинъ, Поппея.

ПОППЕЯ.

Зачѣмъ я хороша? О, боги, боги,
Возьмите красоту мою: пускай
Я буду отвратительнѣе Гарпій,
Но съ острыми когтями, какъ онѣ,
Чтобъ растерзать могла я Агриппину!..
Она со мною обошлась какъ съ дѣвкой
Продажною!.. Вотъ что приноситъ мнѣ
Твоя любовь, Неронъ!..

ТИГИЛИНЪ.

Я говорилъ тебѣ, что надо дѣйствовать. Она поклялась тебя погубить. Иди къ цезарю: у него ты найдешь защиту отъ твоей оскорбительницы. Она сама играетъ тебѣ въ руку. Стоитъ только подтолкнуть Нерона, и онъ возмутится противъ матери. Да еще какъ возмутится: вѣдь онъ достойный ея сынъ... Бьюсь объ закладъ, пройдетъ еще нѣсколько дней, и ты будешь властвовать въ Римѣ, а Агриппина...

ПОППЕЯ.

Какимъ бѣшенствомъ полна моя душа противъ этой женщины! Она становится на моей дорогѣ, она хочетъ отнять у меня все: цезаря, власть и даже... Я задыхаюсь отъ злобы...

ТИГИЛИНЪ.

Успокойся. Не смотри такъ сердито. Блѣдность гнѣва не пристала твоему лицу. Иди къ цезарю. Покажись ему угнетенной, кроткой страдалицей. Жалуйся ему, умоляй: это его тронетъ и еще больше усилитъ его любовь... Вотъ онъ приближается. Приготовься его встрѣтить.

Уходитъ.

СЦЕНА IV.

Поппея, Неронъ, Тигилинъ.

НЕРОНЪ.

Поппея, отчего ты такъ грустна?
Клянусь я Стиксомъ! нынче день печали:
Всѣ плачутъ и тоскуютъ во дворцѣ...
У скалъ береговыхъ гулялъ я утромъ
Съ созданьемъ кроткимъ, нѣжнымъ и прекраснымъ —
Съ испанской дѣвушкой: передо мной
О матери лила, бѣдняжка, слезы
И пѣла пѣсню родины своей
Такъ жалобно, какъ для царицы розы
Поетъ пѣвецъ печали соловей.
Она ушла... но грустной пѣсни звуки
Отозвались во всемъ: и плескъ волны,
И шумъ деревъ — казалось мнѣ — полны
Какимъ-то ропотомъ и стономъ муки...
Я думалъ: твой, всегда привѣтный, взоръ
Развѣетъ грусть и дастъ мнѣ радость снова;
Но ты встрѣчаешь цезаря сурово,
Въ твоихъ глазахъ читаю я укоръ.
Чѣмъ ты встревожена?

ПОППЕЯ.

Невольной думой
О томъ, какъ участь женщины жалка:
Когда мужчина нѣгой нашей страсти
Пресытился, — мы годны лишь на то,
Чтобъ утѣшать его въ невольной скукѣ...
Что дѣлать: я какъ смирная овца
Такой судьбѣ готова покориться;
Я цезаря не смѣю упрекать,
Когда ночныхъ онъ ищетъ приключеній
Съ пѣвицами, съ танцовщицами...

НЕРОНЪ.

Ты
Меня ревнуешь?.. Успокойся. Цезарь,
Величьемъ утомленный, иногда
Желаетъ быть хоть ночь одну плебеемъ.

Тому, кто постоянно пьетъ вино,
Вода простая кажется пріятной...
Я только для сравненья говорю,
Но, ты вѣдь знаешь, пью всегда охотно
Я сладкое вино твоей любви.

Хочетъ ее обнять.

ПОППЕЯ, отстраняясь.

Благодарю за лестное сравненье...
Однако, вотъ что странно: отъ воды
Пьянѣетъ цезарь больше и безумства
Готовъ онъ дѣлать всякія...

НЕРОНЪ.

Такъ что жъ!
Вотъ видишь ли: весь Римъ — притонъ безумныхъ,
Вся наша жизнь — помѣшаннаго бредъ!
И самая природа сумасшедшей
Мнѣ кажется порой: зачѣмъ она
Во слѣдъ улыбкѣ солнца посылаетъ
Сверкающую молнію и громъ?

ПОППЕЯ.

То гнѣвъ Юпитера для смертныхъ страшный.

НЕРОНЪ, смѣется.

Не для меня. Юпитеру я равенъ:
Онъ повелитель неба, я — земли,
И мы другъ съ другомъ превосходно ладимъ.

ПОППЕЯ.

О, не шути. Земли властитель ты,
Но надъ твоей могучей властью могутъ
Смѣяться даже во дворцѣ твоемъ.

НЕРОНЪ.

Что ты сказала? Что за мысль таится
Въ твоихъ словахъ?

ПОППЕЯ.

Я правду говорю.
Твоя любовь — почетъ. Ты удостоилъ
Меня такимъ почетомъ; между тѣмъ,
Ругаясь надо мною, оскорбляютъ
Въ моемъ лицѣ твою любовь и власть.

НЕРОНЪ.

Кто могъ, кто смѣлъ себѣ позволить это?

ПОППЕЯ.

Кто могъ? Кто смѣлъ? Та, передъ кѣмъ Неронъ
Смиряется со страхомъ.

НЕРОНЪ.

Агриппина!

ПОППЕЯ.

Вотъ здѣсь, сейчасъ, съ меня сорвавши палу,
Какъ уличную дѣвку, какъ рабу,
Она меня позорила безстыдно!
Она грозила топоромъ отсѣчь
Мнѣ голову, коль я тебя не брошу...
Ты хмуришь брови, твой сверкаетъ взоръ?
Ты сердишься? За что? Ужъ не за то ли,
Что я тебѣ все это говорю?
Ну, хорошо: я замолчу. Покорность
Мой жалкій долгъ. Безмолвно буду я
Сносить всѣ оскорбленія и муки,
Покуда не замолкну навсегда...
Она грозила топоромъ покончить...
Къ чему топоръ? Есть и другія средства:
Есть ядъ, кинжалъ... Когда я упаду
Къ твоимъ ногамъ холоднымъ, блѣднымъ трупомъ,
Въ кровавыхъ ранахъ, — можетъ быть, тогда
Ты пожалѣешь обо мнѣ и скажешь:
Она была добра и хороша,
Ея, простертыя недвижно, руки
Меня сжимали въ пламенныхъ объятьяхъ,
Ея нѣмыя, блѣдныя уста
Меня такъ нѣжно, страстно цѣловали,
Она меня любила и погибла
Отъ рукъ убійцы за свою любовь!

НЕРОНЪ.

Покуда живъ Неронъ, клянусь, Поппея,
За каждый звукъ твоихъ печальныхъ жалобъ,
За каждую слезу твою она
Заплатитъ мнѣ! Надменнымъ оскорбленьямъ
Я положу конецъ. Послѣдній рабъ
Въ своей семьѣ покой и власть имѣетъ;

А я, властитель Рима, не могу
Сравняться съ нимъ: безумною враждою
Она вездѣ преслѣдуетъ меня
И власть мою и тѣхъ, кого люблю я!..

ПОППЕЯ.

Да, цезарь, положеніе твое
Невыносимо. Надобно смириться
Предъ властью Агриппины, и тогда
Спокоенъ будешь ты и безопасенъ
Въ своемъ дворцѣ.

НЕРОНЪ.

Смириться передъ ней?
Я—я смириться долженъ?!

ПОППЕЯ.

Что же дѣлать?
Ужасенъ гнѣвъ ея и, можетъ быть,
Не мнѣ одной грозитъ ударъ кровавый
Руки, привыкшей мстить и убивать...
Ахъ, вижу я, необходима жертва,
Чтобъ цезаря спасти, — и принесу
Себя я въ жертву...

НЕРОНЪ.

Перестань, Поппея...

ПОППЕЯ.

Нѣтъ, дай сказать мнѣ все: изъ-за меня
Она тебя преслѣдуетъ враждою,
Она боится, что моя любовь
Преграду замысламъ ея поставитъ,
И гонитъ прочь меня. Она права:
Мнѣ надо удалиться. Что такое
Я во дворцѣ? Наложница твоя!
Ужель не стоитъ честь моя дороже?

НЕРОНЪ.

Поппея, вѣрь, твою любовь цѣню
Я больше императорскаго сана...

ПОППЕЯ.

Что пользы въ томъ?.. Непостояненъ ты,
И каждый день доказываетъ это.
Вотъ и сегодня... Нѣтъ, прошу тебя:
Исполни матери своей желанье
И отъ Поппеи откажись.

Со слезами.

Позволь
Мнѣ къ мужу возвратиться. Тамъ найду я
Спокойствіе, утраченное мной.
Мой благороденъ мужъ, меня онъ любитъ,
Онъ приметъ вновь виновную жену
И мнѣ проститъ безумье увлеченья
Тобой, мой цезарь... Отпусти меня...
Разстанемся... хоть тяжело разстаться, —
Разстанемся: такъ суждено судьбой,
Такъ намъ повелѣваетъ Агриппина...

НЕРОНЪ.

Довольно... слезъ томительныхъ не лей...
Или я врагъ себѣ, что уступлю я
Тебя судьбѣ и матери моей?
Отдамъ имъ счастье жизни, угождая
Безумнымъ ихъ капризамъ? Никогда!
Спокойна будь. Я оградить съумѣю
Тебя отъ оскорбленій...

За сценой шумъ и голоса народа: Цезаря! Цезаря!

Что за шумъ?

Входитъ Тигилинъ.

Что тамъ случилось, Тигилинъ? Я слышу
Народа крикъ?

ТИГИЛИНЪ.

Ты, повелитель, правъ:
Народъ волнуется. Когда отсюда
Та дѣвушка, пѣвица, выходила,
Въ толпѣ народной, у дворца, ее
Старикъ какой-то встрѣтилъ, христіанинъ;
Онъ сталъ пѣвицу спрашивать: зачѣмъ
Она попала во дворецъ? Актея
Отвѣтила ему. Тогда старикъ,
Какъ изступленный, началъ дерзкой рѣчью
Мутить толпу...

НЕРОНЪ.

Что жъ онъ сказалъ?

ТИГИЛИНЪ.

Не смѣю
Я повторить, властитель...

НЕРОНЪ.

Говори.

ТИГИЛИНЪ.

Онъ поносилъ позорными словами
Твое величіе. Народъ, услышавъ
Безумца рѣчи, бросился къ нему,
А дѣвушка, обнявъ его, съ мольбой
Хотѣла защитить. Толпа обоихъ
Убила бы на мѣстѣ, если бъ я
Не приказалъ тотчасъ преторіанцамъ
Ихъ удалить отъ черни.

НЕРОНЪ.

Гдѣ жъ теперь
Та дѣвушка?

ТИГИЛИНЪ.

Она и христіанинъ
Подъ стражей, здѣсь. Озлобленный народъ
Ихъ смерти требуетъ; онъ въ дикомъ буйствѣ
Кричитъ: пусть цезарь судитъ христіанъ!
Дворецъ мятежной осажденъ толпою...

НЕРОНЪ.

А, подлые бунтовщики! Они
Хотятъ властителя заставить силой
Творить расправу. Хорошо. Впусти
Сюда толпу и приведи Актею
И старика безумнаго.

Тигилинъ уходитъ.

ПОППЕЯ.

Неронъ,
Повѣрь мнѣ, этотъ бунтъ не такъ случаенъ,
Какъ кажется. Подозрѣваю тутъ
Я мстительную руку Агриппины.

НЕРОНЪ.

Сейчасъ узнаемъ.

СЦЕНА V.

Неронъ, Поппея, Тигилинъ, старикъ, Актея, народъ, стража.

НЕРОНЪ, Тигилину, указывая на старика.

Этотъ человѣкъ
Передъ народомъ бранными словами
Позорилъ цезаря?

ТИГИЛИНЪ.

Да, повелитель.

НЕРОНЪ.

Пусть подойдетъ онъ ближе.

Старикъ подходитъ въ сопровожденіи двухъ преторіанцевъ. Неронъ пристально смотритъ ему въ лицо. Старикъ держится прямо и гордо.

Развѣ ты
Привѣтствовать властителя не можешь?
Колѣни преклони!

СТАРИКЪ.

Передъ тобою—
Предъ человѣкомъ преклонить колѣни?

НЕРОНЪ.

Предъ императоромъ твоимъ, старикъ.

СТАРИКЪ.

Я преклоняюсь только передъ Богомъ.

НЕРОНЪ.

Ты въ бога вѣруешь?

СТАРИКЪ.

Да, вѣрую въ Него.

НЕРОНЪ.

Кого же изъ боговъ ты почитаешь:
Юпитера? иль Марса? или Весту?

СТАРИКЪ.

Нѣтъ, это—суетные боги: имъ
Я не служу.

ГОЛОСА ВЪ НАРОДѢ.

Казни безумца, цезарь!
Онъ богохульствуетъ!

НЕРОНЪ, повелительно.

Молчите!

Старику.

Ты
Вѣдь молишься кому нибудь?

СТАРИКЪ.

Молюся.

НЕРОНЪ.

Кому же?

СТАРИКЪ.

Человѣческому сыну
И вмѣстѣ Сыну Божію.

НЕРОНЪ, Поппеѣ.

Есть смыслъ
Въ его отвѣтѣ. Да, для человѣка
Лишь человѣкъ быть долженъ божествомъ.
Вотъ почему весь Римъ благоговѣйно
Божественность Нерона признаетъ...
Не понимаю, отчего считаютъ
Ихъ секту нечестивою: они
О многомъ судятъ очень справедливо.

ПОППЕЯ.

Что говоришь ты, цезарь: волшебствомъ
Полно ученье ихъ...

НЕРОНЪ.

Ты суевѣрна
Была всегда, Поппея. Таковы
Всѣ женщины.

Старику.

Послушай, другъ, свободу
Я возвращу тебѣ, но поклянись,
Что вѣришь ты въ божественность рожденья
Нерона-цезаря.

СТАРИКЪ.

Нѣтъ! ты рожденъ
Изъ персти, какъ и я. Земнымъ владыкой
Поставленъ ты и въ гордости своей
Равняться съ божествомъ небесъ дерзаешь!
Безумная мечта! Ты сынъ грѣха,
Ты служишь злу, какъ рабъ; ты наполняешь
Надменностью и блудодѣйствомъ міръ!
Убійца ты людей! Тебя погубитъ
Твое высокомѣріе. Во прахъ
Пади лицомъ, молись Тому, Кто держитъ
Твою судьбу въ своей десницѣ сильной,
Молись, чтобы Создатель надъ тобой
Умилосердился, пока не поздно!

НЕРОНЪ, презрительно.

Я говорю съ тобой, старикъ, — и я,
По твоему, высокомѣренъ!

НАРОДЪ.

Цезарь,
На крестъ измѣнника! Казни его!

НЕРОНЪ, къ народу.

Молчите!

Старику.

Кто же, объясни, безумецъ,
Сынъ человѣческій, кого ты чтишь?
Не бунтовщикъ ли онъ? О, если такъ —
Твоя надежда на него напрасна:
Онъ не спасетъ тебя, и ты умрешь...
Чего же отъ него ты ожидаешь?

СТАРИКЪ.

Хочу ему уподобиться.

ПОППЕЯ.

Онъ
Желаетъ божеству уподобиться:
Вотъ странная причуда.

ТИГИЛИНЪ.

Повелитель,
Не время ли окончить съ нечестивцемъ:
Онъ забывается...

НАРОДЪ.

На крестъ, на крестъ его!

НЕРОНЪ.

Терпѣнье, граждане. Быть можетъ, скоро
Онъ уподобится тому, кого
Мечтой безумной создалъ.

СТАРИКЪ.

О, когда бы,
Какъ Онъ, я принялъ на крестѣ страданье
И умеръ за Его завѣтъ святой!

ПОППЕЯ.

Твое желаніе легко исполнить.

СТАРИКЪ, вдохновенно.

Господь! Ужель желанный часъ насталъ —
И я Тебѣ послѣдую и буду,
Какъ Ты, висѣть на древѣ и сносить
Съ терпѣніемъ и кротостію муку,
Подъятую за этотъ грѣшный міръ...
Да озаритъ меня священный свѣтъ,
Въ Твоихъ очахъ сіявшій въ то мгновенье,
Когда Ты, умирающій, изрекъ
Глаголъ любви святой и всепрощенья!
О, если бы, Спаситель мой, я могъ
Подняться до Тебя и мукой крестной
Стяжать блаженство вѣчности небесной!

НЕРОНЪ.

Ты хочешь на крестѣ висѣть, старикъ?
Я это удовольствіе доставлю
Безумью твоему. Ты высоко
Сбираешься летѣть съ земли на небо,
Такъ пусть повыше вознесется крестъ.

СТАРИКЪ, въ мистическомъ восторгѣ.

Да, онъ превыше міра вознесется,
Небеснымъ свѣтомъ озаряя тьму,
И благодать креста на міръ прольется,
И люди всѣ поклонятся ему!
И царство новое любви и правды
Воздвигнетъ Богъ, страдавшій на крестѣ,

И призоветъ къ Себѣ рабовъ и нищихъ,
Униженныхъ, трудомъ обремененныхъ,
И облегчитъ ихъ бремя, уврачуетъ
Страдальцевъ истомленныя сердца
И жаждущихъ покоя и свободы
Изъ чаши жизни вѣчной напоитъ!..
Спаситель міра, кровью искупившій
Его грѣхи! Тебя я вижу тамъ,
На небесахъ: вѣнцомъ блистаютъ звѣзды
Вокругъ престола Твоего, хвалу
Тебѣ возносятъ сонмы серафимовъ!
Иду къ Тебѣ съ послѣднею мольбой:
Страданьемъ правду Твоего Завѣта
Запечатлѣть готовъ я до конца:
Прими меня, Богъ истины и свѣта,
На лоно Твоего предвѣчнаго Отца!

С молитвой упадаетъ на колѣни.

ПОППЕЯ.

Твое величье, цезарь, побѣдило
Упрямаго безумца.

ТИГИЛИНЪ.

Онъ мечталъ,
Какъ будто видѣлъ Аполлона въ блескѣ
Его лучей.

ПОППЕЯ.

Нерона видѣлъ онъ!

НЕРОНЪ.

Да, ты сказала правду. Я воздвигну
Колоссъ изъ мѣди: пусть, какъ новый богъ,
Изображенный имъ, мой образъ будетъ
Надъ Римомъ возноситься.

Христіанину.

Ну, старикъ,
Хоть мнѣ и жаль тебя, но по закону
За поношенье цезаря принять
Ты долженъ казнь.

НАРОДЪ.

На крестъ, на крестъ его!

СТАРИКЪ.

Не къ смерти — къ новой жизни я иду:
Я на крестѣ спасенье обрящу...

АКТЕЯ, бросается къ старику.

Ты не одинъ умрешь!

СТАРИКЪ.

О, дочь моя!

АКТЕЯ, Нерону.

Молю тебя и заклинаю, цезарь,
Дай повелѣнье и меня казнить:
Я христіанка также. Онъ наставилъ
Меня въ завѣтахъ новаго ученья:
Я вѣрю въ Бога истины, какъ онъ,
И отвергаю ложные кумиры,
Которыхъ прежде чтила за боговъ.

НЕРОНЪ.

Актея, перестань. Твои слова —
Порывъ мечты ребяческой. Для жизни
Ты создана и глупо умирать
Тебѣ, дитя, изъ-за нелѣпыхъ бредней
Безумнаго бродяги. Онъ тѣмъ больше
Достоинъ казни, что смущаетъ юность
И красоту нечестіемъ своимъ.

СТАРИКЪ.

Да, дочь моя, живи. Еще не время
Тебѣ принять страданье. Укрѣпляй
Въ святыхъ завѣтахъ молодую душу
И, день настанетъ, — воззоветъ Господь
Тебя на подвигъ благостный, какъ нынѣ
Воззвалъ онъ недостойнаго раба.

НАРОДЪ.

Смерть христіанкѣ! Въ циркъ ее! звѣрямъ!

ПОППЕЯ.

Народъ разумно судитъ: христіанка
Виновна столько жъ, какъ и тотъ старикъ...

НЕРОНЪ.

Кто изъ людей виновенъ, кто невиненъ, —
Судьба, казня и милуя, о томъ
Не спрашиваетъ насъ. Таковъ и цезарь!

Тигилину.

Ты отвѣчаешь, Тигилинъ, за жизнь
И безопасность дѣвушки. Пусть стража
Ее хранитъ отъ черни. Во дворцѣ
Она останется, или уйдти захочетъ, —
Исполни по ея желанью.

НАРОДЪ.

Нѣтъ,
Смерть христіанкѣ! Миловать ее
Ты, цезарь, не имѣешь права! Намъ
Отдай ее!

НЕРОНЪ.

Я не имѣю права,
Я—цезарь вашъ! Какъ смѣете, глупцы,
Вы буйствовать предъ вашимъ властелиномъ?
Мнѣ стоитъ сдѣлать знакъ одинъ—и вы
Падете подъ мечомъ преторіанцевъ,
Какъ падаютъ колосья подъ серпомъ!
Я такъ хочу, и этого довольно!
Довольно для меня, для васъ, для всѣхъ.
На жертву вашей ярости безумной
Сѣдаго изувѣра отдалъ я:
Ступайте наслаждаться представленьемъ,
Чтò благосклонно цезарь вамъ даритъ.
Пора окончить это.

Стражѣ.

Уведите
И старика, и дѣвушку.

Стража окружаетъ старика и Актею.

СТАРИКЪ, благословляя Актею.

Прощай,
О, дочь моя! Въ иномъ блаженномъ мірѣ
Мы свидимся съ тобою. Будь тверда
Въ завѣтахъ слова Божія!..

АКТЕЯ.

Отецъ мой,
Прощай, прощай...

Рыдая, замираетъ у него на груди. Стражи разлучаютъ ихъ и уводятъ въ разныя стороны. Народъ слѣдуетъ за старикомъ.

СЦЕНА VI.

Неронъ, Поппея, Тигилинъ.

НЕРОНЪ.

Послушай, Тигилинъ:
Не нравится мнѣ это своевольство
Безумной черни. Я люблю, порой,
Веселье грубое плебеевъ видѣть,
Но не люблю ихъ дерзости. Народъ
Предъ властелиномъ долженъ преклоняться
И почитать его, какъ божество.
Тебѣ принять необходимо мѣры...

ТИГИЛИНЪ.

Великодушный цезарь, что̀ могу
Я сдѣлать, если твоего величья
Не уважаютъ предъ народомъ тѣ,
Кто раздѣляетъ власть твою надъ Римомъ...

НЕРОНЪ.

О комъ ты говоришь?

ТИГИЛИНЪ.

Объ Агриппинѣ.

НЕРОНЪ.

Опять она! И тутъ она! Проклятье!..

ТИГИЛИНЪ.

Прости меня, властитель, что дерзаю
Я правду высказать: императрица
Народъ смущаетъ, осуждая вслухъ
Предъ нимъ дѣянья цезаря...

НЕРОНЪ.

Клянуся,
Ты на нее клевещешь, или я
Тебя не понимаю.

ТИГИЛИНЪ.

Повелитель,
Я преданный твой рабъ. Въ моихъ словахъ
Нѣтъ клеветы.

НЕРОНЪ.

Когда же это было?

ТИГИЛИНЪ.

Сейчасъ. Когда мятежная толпа
Передъ дворцомъ шумѣла и у стражи
Актею порывалася отбить,
Императрица вышла на террасу
И, это зрѣлище увидѣвъ, вдругъ
Сказала громко передъ всѣми съ гнѣвомъ:
«Вотъ до чего довелъ себя Неронъ!
Народъ, его дѣлами оскорбленный,
Предъ цезарскимъ дворцомъ творитъ расправу
Съ его... съ его»... Я цезарь не дерзну
Слова тѣ вымолвить...

НЕРОНЪ.

Хочу я слышать
Все до конца. Ну, говори!

ТИГИЛИНЪ.

«Съ его
Безстыдными любовницами».

ПОППЕЯ.

Видишь,
Меня предчувствіе не обмануло,
Я угадала сердцемъ: Агриппина
Замѣшана...

НЕРОНЪ, гнѣвно.

Она сказала это!
Она осмѣлилась!.. Она... Клянусь,
Я положу конецъ ея безумью

И злобѣ мстительной! Иначе мнѣ
Тронъ уступить придется Агриппинѣ
И стать рабомъ ея. Она, иль я—
Нѣтъ выбора. Мы жить не можемъ вмѣстѣ.

Тигилину.

Иди и волю объяви мою
Императрицѣ: я повелѣваю
Ей удалиться въ Анціумъ

Поппеѣ.

Она
Оттуда не вернется: окружу я
Преторіанцами ее, смотрѣть
За нею будутъ крѣпко.

ТИГИЛИНЪ.

Повелитель,
Позволишь ли сказать мнѣ...

НЕРОНЪ.

Говори.

ТИГИЛИНЪ.

Небезопасно это. Агриппина
Преторіанцевъ возмутитъ, повѣрь...
Ты замысловъ ея не знаешь тайныхъ:
Когда и здѣсь, вблизи тебя, она
Измѣну замышляетъ и не только
Волнуетъ чернь, вступаетъ съ ней въ союзъ,
Но даже и друзей твоихъ коварно
Любовью обольщаетъ, чтобы ихъ
Противъ тебя возстановить...

ПОППЕЯ, торопливо перебивая его.

Онъ правъ:
Ты долженъ мужествомъ вооружиться
И быстрою рѣшимостью...

НЕРОНЪ.

Мечомъ
Вооружиться долженъ я: онъ скоро
И вѣрно поражаетъ... Тигилинъ,
Что ты объ этомъ скажешь?

ТИГИЛИНЪ.

Повелитель,
Я думаю, что нужно поискать
Инаго средства... Въ Капуѣ однажды
Я былъ въ театрѣ. Сцену всю водой
Наполнили. Красивая галера
Съ пурпурнымъ флагомъ по волнамъ плыла,
Но вдругъ, предъ изумленною толпою,
Ея корма раскрылась, точно пасть,
Медвѣдей, львовъ и пестрыхъ тигровъ стаю
Выбрасывая изнутри. Въ борьбѣ
Между собой жестокой, съ дикимъ воемъ,
Они тонули въ безднѣ темныхъ водъ;
Потомъ корма закрылась вновь безъ шума...
Всѣ зрители пришли въ восторгъ, театръ
Дрожалъ отъ криковъ и рукоплесканій...

НЕРОНЪ.

Постой, зачѣмъ разсказываешь ты
Мнѣ этотъ вздоръ?

ТИГИЛИНЪ.

Великодушный цезарь,
Послушай терпѣливо до конца:
Со мною вмѣстѣ былъ тогда въ театрѣ
Пріятель мой давнишній Аницетъ...

НЕРОНЪ.

Начальникъ надъ Мизенскою эскадрой?

ТИГИЛИНЪ.

Да, цезарь, онъ. Понравилась ему
Галера эта съ раздвижной кормою
И онъ купилъ ее себѣ. Теперь
На ней онъ часто плаваетъ въ заливѣ...

НЕРОНЪ.

Ну, что жъ замолкъ ты? Продолжай разсказъ.

ТИГИЛИНЪ.

Я кончилъ, цезарь.

НЕРОНЪ, пристально смотря ему въ глаза.

Кончилъ?

ТИГИЛИНЪ.

Мнѣ сдается,
Императрица въ Анціумъ отплыть
Могла бы въ той галерѣ съ Аницетомъ.

НЕРОНЪ.

А!

Молчаніе.

Что задумалась, Поппея, ты?

ПОППЕЯ.

Я думаю о томъ, что море часто
Хоронитъ и пловцовъ, и корабли,
Что море глубоко и молчаливо.

НЕРОНЪ.

Да, ты права. Несчастія порой
Случаются на морѣ и предвидѣть
Никто не можетъ ихъ... Когда бъ она
Внезапно потонула—это случай,
Не болѣе...

ПОППЕЯ.

Стастливый для тебя:
Судьба, пославъ его, твою погибель
Предупредитъ.

НЕРОНЪ.

Зачѣмъ такой цѣной
Ужасною купить себѣ я долженъ
Спокойствіе! Зачѣмъ тяжелый санъ
Властителя ниспосланъ мнѣ богами!

ПОППЕЯ.

Да, слишкомъ кротокъ сердцемъ ты, Неронъ,
Для цезаря. Ты покарать боишься
Преступный умыселъ на власть твою —
Власть императора: вѣдь Агриппина
Ее похитить хочетъ у тебя;
А ты.. ты не рѣшаешься измѣну
Предотвратить.

НЕРОНЪ.

О, нѣтъ, клянуся Стиксомъ,
Я накажу ужасно и жестоко

Измѣну государству!.. Если Брутъ
Казнилъ дѣтей за это преступленье,
То сыновья могли казнить отца,
Будь онъ измѣнникомъ. Какъ ты разсудишь
Объ этомъ, Тигилинъ?

ТИГИЛИНЪ.

Я слишкомъ простъ,
Чтобъ разрѣшать подобные вопросы.
Спроси объ этомъ цезарь у Сенеки:
Вѣдь онъ мудрецъ.

НЕРОНЪ.

Ты хорошо сказалъ.
Хотѣлъ бы я такой доставить случай
Для мудрости его: пускай свой лобъ
Онъ хмуритъ надъ нежданною задачей.

Смѣется.

Забавно это будетъ... Но твое
Я, всетаки, желаю слышать мнѣнье.

ТИГИЛИНЪ.

Я, цезарь, не умѣю разсуждать,
Я исполнять умѣю лишь приказы...

НЕРОНЪ.

Однако же, совѣты ты даешь,
И страшные совѣты. Было бъ лучше,
Когда бы, не совѣтуя, ты прямо
Свершилъ свой замыселъ. Но — все равно:
Кто далъ совѣтъ — его исполнить долженъ.
Пусть Аницетъ галеру приготовитъ;
Запомни только: ты отвѣтишь мнѣ
Своею головою за случайность
Съ императрицей на морѣ!

ТИГИЛИНЪ.

Властитель,
Какъ повелишь понять твои слова?

НЕРОНЪ.

Какъ я желаю. Ну, ступай и дѣлай,
Что приказалъ я.

Тигилинъ уходитъ.

ПОППЕЯ, ласкаясь къ нему.

О, Неронъ, будь твердъ
Въ твоемъ рѣшеньѣ.

НЕРОНЪ, обнимаетъ ее.

Милая Поппея,
Мое рѣшенье — приговоръ судьбы.
Тебѣ я повторяю: успокойся,
Забудь свои тревоги...

Подходитъ къ среднему пролету между колоннами и отстраняетъ драпировку.

Посмотри,
Какъ хорошо! Гроза прошла, и солнце
Все озаряетъ радостнымъ лучемъ —
И выси скалъ, и море голубое!
Онѣ все тѣ же, тѣ же, какъ во дни
Привѣтливые золотаго вѣка,
Когда не вѣдалъ преступленья міръ
И люди не томилися враждою...
О, еслибъ мирнымъ пастухомъ я жилъ
Во времена невинныя Сатурна!
Я для любви, для счастія рожденъ,
Для сладкихъ гимновъ, мирнаго веселья...

Хлопаетъ въ ладоши. Входятъ рабы.

Рабы! Танцовщицъ, музыку сюда!
Пусть тѣшатъ намъ весельемъ слухъ и взоры.

Рабы уходятъ.

Моя возлюбленная! будемъ жить
Мгновеньемъ настоящаго прекраснымъ:
Сзовемъ друзей, виномъ наполнимъ чаши!
Пусть дѣвушекъ сирійскихъ хороводъ
Проходитъ передъ нами въ рѣзвой пляскѣ,
Подъ звуки флейтъ, исполненные ласки;
Пусть хоръ пѣвицъ Эроту гимнъ поетъ:
Онъ властелинъ любви и наслажденья,
Отрадны чары жгучія его...
Ахъ, въ этотъ мигъ я жажду одного:
Забвенья, сладострастнаго забвенья!

Увлекаетъ Поппею на одну изъ мраморныхъ скамеекъ и склоняетъ къ ней голову на грудь. Во время послѣднихъ словъ Нерона изъ глубины сцены появляются танцовщицы. Музыка и танцы.

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Площадка, ведущая къ пристани. Посрединѣ широкія ступени, спускающіяся къ морю. Налѣво группа деревьевъ. Направо часть портика съ лѣстницей. На пьедесталахъ балюстрады, окружающей площадку, и на треножникахъ между колоннами портика горятъ огни. На дальнемъ планѣ видъ залива.—Ночь.—Луна.

СЦЕНА I.

Тигилинъ, Аницетъ, входятъ.

ТИГИЛИНЪ.

Такъ все готово у тебя?

АНИЦЕТЪ.

Готово:
Галера ждетъ съ гребцами.

ТИГИЛИНЪ.

Хорошо.
Распорядись сюда причалить. Время.
Отплытьемъ не замедлитъ Агриппина,
А тамъ... ты дѣло сдѣлаешь свое
И море тайну похоронитъ. Помни:
Себѣ и цезарю ты въ эту ночь
Окажешь драгоцѣнную услугу.

АНИЦЕТЪ.

Я помню... но...

ТИГИЛИНЪ.

Послушай, Аницетъ:
Въ дѣлахъ подобныхъ не бываетъ «но».

Когда властитель намъ повелѣваетъ,
То, не колеблясь, говорятъ: «исполню».

АНИЦЕТЪ.

Да; только повелѣнія такія,
Какъ то, что выполнить придется мнѣ,
Изъ устъ властителя я долженъ слышать.

ТИГИЛИНЪ.

На это вотъ что я тебѣ скажу:
Морякъ ты старый, а какъ мальчикъ судишь.
Морскія бури сѣдины твои
Развѣяли и вѣрно вмѣстѣ съ ними
Твой вывѣтрили умъ. Иль хочешь ты,
Чтобъ цезарь вслухъ тебѣ повѣрилъ тайну,
Которую сказать боится онъ
И самому себѣ?

АНИЦЕТЪ.

Ее, однако,
Тебѣ повѣрилъ онъ? Такъ почему же...

ТИГИЛИНЪ.

Онъ повторять не станетъ словъ своихъ;
А тотъ, кто разъ узналъ объ этой тайнѣ
И цезаря желанья не исполнилъ, —
Рискуетъ головою. Можетъ быть,
Жизнь Агриппины для тебя дороже,
Чѣмъ собственная, другъ мой? Можетъ быть,
Ты ей простилъ въ душѣ всѣ оскорбленья,
Чтò вынесъ отъ нея, и позабылъ
Былую ненависть?

АНИЦЕТЪ.

Я позабуду
Ту ненависть, когда умру.

ТИГИЛИНЪ.

Зачѣмъ
Откладывать такъ долго? Можно раньше:
Когда погибнетъ Агриппина. Вѣрь,
Судьба даетъ тебѣ хорошій случай
Покончить счеты старые, а ты
Колеблешься.

АНИЦЕТЪ.

Ты правъ, клянусь Нептуномъ!
Рѣшился я.

ТИГИЛИНЪ.

Вотъ это мужа рѣчь —
Не мальчика. Иди. Поторопись.
Твоей услуги цезарь не забудетъ
И почестями наградитъ тебя.
Довѣрься парусамъ твоей галеры
И въ гавань счастія примчишься ты,
Когда баластъ повыбросишь излишній.
За дѣло, другъ.

АНИЦЕТЪ.

Иду.

Уходитъ.

ТИГИЛИНЪ.

Сѣдой глупецъ,
Ты испугался. Мудрено ль? — я самъ
Невольно трушу. Кто пойметъ Нерона?
Вчера онъ сдѣлалъ роковой намекъ,
Пылая злобой къ матери, а нынче
Назначилъ праздникъ въ честь ея отъѣзда,
Ей расточаетъ преданность и ласки
Сыновнія. Вошелъ ли, какъ артистъ,
Онъ въ роль свою и ловкимъ лицемѣрьемъ
Укрыть желаетъ умыселъ въ глазахъ
И матери, и Рима, иль проснулась
Въ немъ нѣжность къ Агриппинѣ? — вотъ вопросъ...
Ну, какъ бы ни было: коль онъ задумалъ
Остановиться, отступить, то я
Не отступлю. Она должна погибнуть.
Пусть бездна моря черная поглотитъ
Такую жъ душу черную: тогда
Мы всѣ вздохнемъ свободнѣе...

Въ глубинѣ сцены появляется Неронъ.

Кто это
Идетъ сюда, прикрывъ свое лицо?
Неронъ!

Отходитъ въ сторону.

СЦЕНА II.

Неронъ, Тигилинъ.

НЕРОНЪ, блѣдный, въ глубокой задумчивости подходитъ медленными шагами, не замѣчая Тигилина.

Ужели это совершится?
Пройдетъ еще одинъ короткій часъ,
И матери не будетъ у Нерона!..
О, блѣдная, безмолвная луна!
Ужасное и роковое дѣло
Ты въ эту ночь увидишь съ вышины.
Съ тѣхъ поръ, какъ въ грудь преступной Клитемнестры
Орестъ вонзилъ свой ножъ, — не видѣлъ міръ
Такого дѣла... Глубина морская!
Ты въ эту ночь услышишь крикъ предсмертный:
Юппитеръ грохотомъ своихъ громовъ
Не могъ бы такъ потрясть земли основы
И мѣдный сводъ въ небесныхъ высотахъ,
Какъ этотъ крикъ, послѣдній крикъ проклятья
Изъ материнскихъ устъ убійцѣ-сыну!
Ему внимая, море всколыхнется
Въ соленыхъ нѣдрахъ, и въ испугѣ, съ воемъ
Отпрянутъ волны на вершины скалъ!
О, если боги въ небесахъ царятъ
И ихъ существованіе не сказка
Мечтателей безумныхъ, — къ небесамъ
Дойдетъ тотъ крикъ...
Но развѣ сами боги
Подобныхъ дѣлъ ужасныхъ не свершали?
Юпитеръ, что̀ теперь вселенной правитъ,
Низвергнулъ съ трона своего отца...
Я богъ — и слѣдую примѣру бога!
Вотъ оправданье мнѣ... Слова, слова!..
Нѣтъ, я не богъ... Но все жъ земли владыка;
На мнѣ проклятье власти: кто дерзнулъ
Противиться моей могучей волѣ,
Тотъ долженъ умереть... Вотъ оправданье?..
Опять слова пустыя: власть и жизнь
Она дала мнѣ... мать... А я?.. Ужасно!..
Нѣтъ, этого не будетъ. Отмѣню

Свое рѣшенье, подожду. Быть можетъ,
Сама судьба...

Замѣтивъ Тигилина, въ испугѣ вскрикиваетъ.

А! Кто тамъ?

ТИГИЛИНЪ.

Это я,
Великій цезарь.

НЕРОНЪ.

Я за привидѣнье
Тебя въ испугѣ принялъ. Тигилинъ,
Ты не забылъ приказъ мой?

ТИГИЛИНЪ.

Все готово.
Божественный властитель. Аницетъ
Съ своей галерою сейчасъ прибудетъ...

НЕРОНЪ.

Я спрашиваю не о томъ. Приказъ
Вчерашній ты не позабылъ?

ТИГИЛИНЪ.

Могу ли
Я позабыть...

НЕРОНЪ.

Ты долженъ позабыть
Сегодня то, что говорилъ вчера я.
Пусть охраняетъ Аницетъ ее,
Какъ самого меня. Ты понялъ?

ТИГИЛИНЪ.

Цезарь...

НЕРОНЪ.

Не возражай... Смотри, подходитъ кто-то?

ТИГИЛИНЪ, всматривается.

Парисъ съ императрицею.

НЕРОНЪ.

Парисъ?
И съ нею? Тише. Скроемся туда.

Скрываются за колоннами портика.

СЦЕНА III.

Агриппина, Парисъ.

АГРИППИНА.

Наединѣ хочу я хоть минуту
Передъ разлукой провести съ тобой,
Сказать тебѣ хоть слово на прощанье...

ПАРИСЪ.

Насъ могутъ, Августа, замѣтить...

АГРИППИНА.

Нѣтъ,
Не бойся: тамъ всѣ заняты весельемъ,
Всѣ пиршествомъ увлечены. Неронъ —
Я видѣла — покинулъ садъ: съ Поппеей
Онъ удалился во дворецъ. Никто
Намъ здѣсь не помѣшаетъ. Дай взглянуть мнѣ
Въ твои глаза, дай хоть одно мгновенье
Мнѣ насладиться красотой твоей,
Мой милый, дорогой Парисъ! Быть можетъ,
Мы долго не увидимся съ тобой...
Меня, ты видишь, изгоняетъ Цезарь...
Я уступила, но не потому,
Чтобъ не могла бороться. Нѣтъ, мой милый,
Есть замыселъ великій у меня.
Тебѣ, лишь одному тебѣ открою
Я эту тайну: тамъ, въ дали отъ нихъ,
Вѣрнѣй я подготовлю ихъ паденье...

ПАРИСЪ.

Паденье... чье?

АГРИППИНА.

Безумца, что̀ возсталъ
На мать родную, жалкаго злодѣя,
Который вздумалъ власть мою смирить,
Унизить Агриппину... передъ кѣмъ?
Предъ куртизанкой подлой, предъ Поппеей!
Я отомщу ему и ей за все.
Я страшно отомщу! Клянусь въ томъ клятвой
Всѣхъ оскорбленныхъ матерей...

ПАРИСЪ.

Твой гнѣвъ,
Божественная Августа, напрасенъ:
На праздникѣ сегодняшнемъ къ тебѣ
Такъ благосклоненъ цезарь, и съ Поппеей
Ты примирилась: предъ тобой она
Склоняется покорно, съ уваженьемъ.

АГРИППИНА.

Ахъ, ты не понимаешь ничего,
Мой ненаглядный, ничего не видишь...
Все это — лицимѣріе одно,
Притворство злобное: они обиду
Изгнанья, униженія хотятъ
Предательскою увеличить лаской...
О, я проникла въ душу ихъ! Они
Глумятся надо мною, торжествуютъ
Свою побѣду. Хорошо. Пускай.
Настанетъ время, и оно, повѣрь мнѣ,
Не далеко: я къ нимъ вернусь. Тогда
Ихъ торжество замѣнятъ вопли смерти...
Есть у меня приверженцы и ждутъ
Они велѣній Агриппины въ тайнѣ:
Я знакъ подамъ...

ПАРИСЪ.

Прости, императрица,
Я не могу внимать такимъ рѣчамъ...

АГРИППИНА.

Чего боишься ты? Для счастья нужно
Отважнымъ быть. Коль любишь ты меня —
Мой замыселъ со мною ты раздѣлишь:
Судьба поможетъ мнѣ, и вознесу
Я высоко тебя. Когда надъ Римомъ
Одна царить я буду,—что тогда
Не сдѣлаю я для тебя, мой милый,
Мой дорогой!.. Но схорони въ душѣ
Покуда эту тайну... Предъ разлукой
Я не могла сдержаться и тебѣ
Открылася невольно. Жди и помни:
Я удаляюсь, чтобъ вернуться вновь
Въ могуществѣ и силѣ и обрушить
На головы враговъ мой гнѣвъ и кару!..
Ну, а теперь, мой дорогой, прощай.

Какъ ни хотѣлось бы съ тобой остаться,
Но надо поспѣшить. Прощай, Парисъ.

Обнимаетъ его.

Дай мнѣ поцѣловать тебя... Ахъ, сколько
Пройдетъ ночей томительныхъ и дней,
Покуда вновь не свижусь я съ тобою.
Прощай, мой милый...

ПАРИСЪ, освобождаясь изъ ея объятій.

Августа, тебя
Богами заклинаю: осторожнѣй...
Насъ могутъ увидать... Прощай.

АГРИППИНА.

Прощай.

Еще разъ страстно его цѣлуетъ и быстро удаляется. Парисъ уходитъ въ другую сторону.

СЦЕНА IV.

Неронъ, Тигилинъ.

НЕРОНЪ, выходитъ изъ-за колонны.

Ты слышалъ?

ТИГИЛИНЪ.

Слышалъ. Замыселъ ужасный!

НЕРОНЪ.

Дай руку мнѣ. Я весь дрожу... Иди
И повтори приказъ мой Аницету.

ТИГИЛИНЪ.

Чтобъ онъ берегъ императрицу?

НЕРОНЪ.

Рабъ!
Ты надо мной смѣешься? Слушай: если
Морская бездна Агриппины трупъ
Не похоронитъ въ эту ночь,—ты самъ
На утро будешь трупомъ: я ручаюсь
Въ томъ словомъ цезаря.

ТИГИЛИНЪ.

Дозволишь ли совѣтъ
Подать тебѣ, властитель: съ Агриппиной
Не худо бы отправить и Париса,
Чтобъ проводить ее въ пріятный путь;
Вдвоемъ имъ, вѣрно, будетъ веселѣе
На днѣ морскомъ.

НЕРОНЪ.

Довольно. Замолчи.
Парисъ судьбы не избѣжитъ... Но послѣ
О немъ подумаемъ.

Въ глубинѣ сцены показывается медленно подплывающая галера, разукрашенная цвѣтами и пурпурными парусами и вымпелами.

А, вотъ она,
Галера Аницета! Какъ изящно
Ее онъ разукрасилъ: паруса
Изъ пурпура... Цвѣтъ крови... Предвѣщанье!..
Идемъ. Пора. Императрицу надо
Съ почетомъ въ путь счастливый проводить...
Проводимъ мы, а тамъ... тритоны встрѣтятъ...
Ха, ха, ха, ха!..

Поспѣшно уходитъ; Тигилинъ слѣдуетъ за нимъ.

СЦЕНА V.

Споръ, Фаонъ, Эпафродитъ.

Входятъ, продолжая разговоръ.

ФАОНЪ.

Помилуй, праздникъ былъ великолѣпенъ...

СПОРЪ.

Да, танцы—чудо, безподобенъ хоръ,
А все не весело.

ЭПАФРОДИТЪ.

Я съ нимъ согласенъ,
Да и могло ль быть весело, когда
За пиршествомъ скучалъ самъ цезарь явно?

СПОРЪ.

Онъ вообще сталъ мраченъ въ эти дни.

ФАОНЪ.

Постой, теперь съ отъѣздомъ Агриппины
Все перемѣнится: блеснетъ опять
Лучъ свѣта и тепла сквозь тьму и холодъ,
Которые навѣяла на насъ
Императрица.

СПОРЪ.

Гарпія,—хотѣлъ ты
Сказать, мой другъ?

ЭПАФРОДИТЪ.

Горгона.

ФАОНЪ.

Какъ она
За ужиномъ глядѣла на Париса:
Вы не замѣтили?

ЭПАФРОДИТЪ.

А что?

ФАОНЪ.

Да такъ...
Клянусь я Полуксомъ, мнѣ показалось,
Что между ними что-то есть. Парисъ
Старался избѣгать привѣтныхъ взглядовъ,
Она жъ его глазами просто ѣла,
Какъ будто не актеръ былъ передъ ней,
А блюдо устрицъ вкусныхъ.

Смѣются.

ЭПАФРОДИТЪ.

Если вѣрно
Замѣтилъ ты, то жалко, что она
Не проглотила нашего красавца.

СПОРЪ.

И имъ не подавилась.

Въ это время выходитъ Ватиній; они не замѣчаютъ его.

ЭПАФРОДИТЪ.

Не люблю
Я этого холоднаго фигляра...

СПОРЪ.

Теперь есть сотоварищъ у него:
Ватиній. На пиру онъ нестерпимо
Дурачился, смѣялся надъ гостями...

ФАОНЪ.

Да, этотъ новый шутъ — какъ всѣ шуты.
Съ запасомъ старыхъ глупостей...

ВАТИНІЙ, подходя.

Которымъ,
Однако же, смѣялся очень ты
И гости всѣ смѣялись хоромъ.

ФАОНЪ.

Надъ глупостями дурака
Смѣяться на пиру — прилично,
А все же честь тому не велика,
Кто глупостью смѣшитъ публично.

ВАТИНІЙ.

Согласенъ. Но замѣть, Фаонъ,
Какъ странны глупости бываютъ:
Коль ими восхищается Неронъ, —
Онѣ другихъ тотчасъ же восхищаютъ!
Обычай что ли здѣсь таковъ,
Иль цезарь — богъ, но только разомъ
Онъ возвышаетъ дураковъ
И признавать въ нихъ заставляетъ разумъ.
Вотъ хоть бы ты, Эпафродитъ и Споръ, —
Я говорю, конечно, для примѣра...

ЭПАФРОДИТЪ, перебивая.

И по привычкѣ говоришь ты вздоръ...

СПОРЪ, сердито.

Оставь насъ, шутъ.

Ватиній отходитъ, смѣясь.

Смотрите, вонъ галера
Для Агриппины.

ФАОНЪ.

Старый Аницетъ,
Я вижу, постарался.

ЭПАФРОДИТЪ.

Да, не дурно...

СПОРЪ.

Какъ чудно отливаетъ лунный свѣтъ
На ткани парусовъ пурпурной.

За сценой музыка.

Что это: цезарь съ Агриппиной?

ЭПАФРОДИТЪ.

Да,
Они подходятъ.

ФАОНЪ.

Часъ насталъ отплытья...

СПОРЪ, комически вздымая руки къ небу.

Теперь примусь боговъ молить я
О томъ, чтобъ Агриппина... никогда
Не возвращалась болѣе сюда.

СЦЕНА VI.

Неронъ, Агриппина, Поппея, Тигилинъ, Парисъ, Аницетъ, Ацеронія; толпа гостей Нерона.

Неронъ выходитъ съ Агриппиной на авансцену, остальные располагаются въ глубинѣ сцены.

НЕРОНЪ.

Напрасно, матушка, спѣшишь. Дозавтра
Твое отплытье можно отложить.
Ужъ поздно. Отдохни-ка послѣ пира
Въ опочивальнѣ.

АГРИППИНА.

Нѣтъ, мой милый сынъ,
Я отдохну въ пути. Благопріятна
Для плаванья погода: ночь тиха,
Діана свѣтитъ въ небѣ...

Увидѣвъ галеру.

Ахъ, какая
Прекрасная галера! Паруса
Пурпурные сіяютъ, точно крылья
У лебедя, когда онъ по волнамъ
Скользитъ, облитый розовымъ сіяньемъ
Авроры восходящей.

НЕРОНЪ.

Я велѣлъ
Галеру разукрасить, чтобъ достойна
Она была императрицы Рима.
Мы примирилися: пусть видятъ всѣ,
Какъ чту тебя.

АГРИППИНА.

Благодарю... Однако жъ,
Меня ты удаляешь, а Поппея...
Она съ тобою остается здѣсь...

НЕРОНЪ.

Не упрекай меня. Пойми: разлука
Короткая необходима намъ.
Будь снисходительна. Ты знаешь, скоро
Проходятъ увлеченія мои...
Когда вернешься ты, — я обѣщаю, —
Не будетъ никого между тобой
И сыномъ вѣтрянымъ твоимъ.

АГРИППИНА.

Пусть боги
Тебя въ рѣшеньѣ добромъ укрѣпятъ!
Повѣрь, Неронъ, ничья любовь не можетъ
Сравниться съ материнскою любовью...

НЕРОНЪ.

Я это знаю.

АГРИППИНА.

Даже самый гнѣвъ
Такой любви — тревожная забота
О дѣтищѣ родномъ... Скажи, кому
Довѣрилъ ты галеру?

НЕРОНЪ.

Аницету.

АГРИППИНА.

Какъ Аницету? Этотъ человѣкъ
Всегда ко мнѣ былъ полонъ непріязнью.

НЕРОНЪ.

Я порученіемъ такимъ ему
Хотѣлъ дать случай непріязнь былую
Услугой новою загладить. Онъ
Немного грубъ, но опытенъ на морѣ,
Ты имъ довольна будешь въ этотъ разъ.

АГРИППИНА.

Не знаю почему, но я внезапно
Почувствовала слабость...

НЕРОНЪ, *смотритъ пристально ей въ глаза.*

Если такъ,
То отложи отплытіе дозавтра.

АГРИППИНА.

Нѣтъ, нѣтъ... къ чему... Не надо поддаваться
Капризу нервовъ... Что хотѣла я?..
Да...

Оглядывается и подзываетъ Ацерронію знакомъ.

Ацерронія, ты говорила
Мнѣ поутру, что мой любимый дроздъ
Тревожно бился въ клѣткѣ?

АЦЕРРОНІЯ.

И кричалъ онъ:
«Не уѣзжай! не уѣзжай!» такъ долго,
Какъ прежде не случалось. Никогда
Въ такомъ волненьѣ странномъ эту птичку
Я не видала.

АГРИППИНА.

Бѣдная, она
Предчувствовала долгую разлуку
Съ своей хозяйкой...

АЦЕРРОНІЯ.

Августа, позволь
Поправить твой вѣнокъ: онъ распустился.

АГРИППИНА, снимаетъ вѣнокъ.

Пора и снять его... Ахъ, этихъ розъ
Пріятенъ ароматъ и блескъ ихъ нѣженъ...

НЕРОНЪ.

То розы Пестума.

АГРИППИНА.

Онѣ цвѣтутъ
Два раза въ годъ, — не правда ли?

НЕРОНЪ.

Два раза.

АГРИППИНА.

Подумаешь: какъ любятъ жизнь онѣ!..

Отдаетъ вѣнокъ Ацерроніи.

Ну, дорогой мой сынъ, простимся. Время.

НЕРОНЪ, съ внезапнымъ порывомъ.

Прощай, о матушка!

Обнимаетъ Агриппину и нѣсколько разъ цѣлуетъ ее въ лобъ, грудь и губы.

АГРИППИНА.

Прощай, Неронъ.

Неронъ подаетъ руку Агриппинѣ и ведетъ ее въ глубину сцены къ галерѣ; за ними слѣдуютъ всѣ остальные. Рабы съ факелами сопровождаютъ шествіе; Аницетъ и Тигилинъ отстаютъ отъ прочихъ.

ТИГИЛИНЪ, торопливо, шопотомъ.

Такъ помнишь уговоръ: лишь то свершится...

АНИЦЕТЪ, также.

Я тотчасъ въ лодку — и плыву сюда.

ТИГИЛИНЪ.

Ты цезарю доставишь самъ извѣстье:
Тогда вѣрнѣй награда. Ну, смотри,
Рѣшительнѣе и умнѣе дѣйствуй,
И да помогутъ, Аницетъ, тебѣ
Всѣ боги Тартара! Идемъ скорѣе...

Уходятъ за другими. Всѣ группируются около галеры, въ глубинѣ сцены. Агриппина еще разъ прощается съ Нерономъ, съ Поппеей и прочими и всходитъ на галеру въ сопровожденіи Ацерроніи и Аницета. Музыка. Крики: «Счастливый путь, божественная Августа»! Галера медленно уплываетъ.

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Терраса надъ моремъ, огражденная баллюстрадой. Налѣво часть лѣстницы, ведущей внизъ. Направо колоннада. Посрединѣ столы и ложи съ шелковыми подушками. На столахъ кубки, чаши, фрукты и проч. Зажженные канделябры и курильницы. — Ночь. Яркое лунное освѣщеніе.

Неронъ, Поппея, Тигилинъ, Парисъ, Споръ, Эпафродитъ, Фаонъ, гости.

Всѣ возвращаются по лѣстницѣ на террасу, въ сопровожденіи рабовъ съ факелами. Рабы уходятъ. Неронъ ложится на ложе, ближайшее къ авансценѣ; рядомъ съ нимъ Поппея; остальные располагаются на другихъ ложахъ. Тигилинъ стоитъ у баллюстрады террасы и всматривается въ даль.

НЕРОНЪ, блѣдный, снимаетъ вѣнокъ съ головы.

Какъ я усталъ... Что, Тигилинъ, галера
Еще видна?

ТИГИЛИНЪ.

Она летитъ впередъ,
Пурпурными сверкая парусами,
Какъ будто призракъ.

НЕРОНЪ, вздрогнувъ.

Что, что ты сказалъ?
Гдѣ призракъ, гдѣ?

ТИГИЛИНЪ.

Я говорю, властитель,
Галера скрылась въ сумракѣ ночномъ,
Подобно призраку.

НЕРОНЪ.

Да, съ нею скрылась...

Поппеѣ, шопотомъ.

Теперь ее ужъ больше никогда
Я въ жизни не увижу. Океаномъ
Межъ мной и матерью моей легло
Пространство узкое воды, что могъ бы
Легко пловецъ хорошій переплыть...
Я дорого бы далъ, чтобы скорѣе
Все кончилось.

ПОППЕЯ.

Зачѣмъ себя терзать
Тревогою о томъ, что неизбѣжно
Должно случиться?

НЕРОНЪ.

Ахъ, мой гнѣвъ погасъ
И ненависть прошла. Остались муки
Воспоминанья горькаго о томъ,
Какъ я въ послѣдній разъ припалъ къ груди,
Къ челу ея, къ устамъ. Ребенкомъ я
Когда-то также цѣловалъ... О, нѣтъ,
Не такъ я цѣловалъ тогда... Ужасно
Объ этомъ думать.

Закрываетъ лицо руками.

ПОППЕЯ.

Перестань, очнись...
На насъ глядятъ.

ТИГИЛИНЪ, подходитъ къ Нерону, тихо.

Не падай, цезарь, духомъ.

НЕРОНЪ.

Дай мнѣ вина... и пусть всѣ гости пьютъ,
Пусть звукъ веселыхъ пѣсенъ заглушаетъ
Мою тоску...

Тигилинъ даетъ знакъ рабамъ, они подносятъ чаши цезарю и гостямъ. Общее оживленіе. Изъ колоннады выходитъ хоръ и располагается въ глубинѣ сцены.

ХОРЪ.

Молодая, золотая
Прилетѣла къ намъ весна,—
Подъ веселымъ солнцемъ мая
Вся природа, расцвѣтая,
Пробудилася отъ сна.

***

На коврахъ луговъ зеленыхъ
Взорамъ нѣжный шлютъ привѣтъ
Розы юныя въ коронахъ
И нарцисъ, и первоцвѣтъ.

***

Изумрудною листвою
Вязъ покрылся и, обвитъ
Виноградною лозою,
Клонитъ вѣтви надъ рѣкою,
Что сверкаетъ и журчитъ...

***

Воздухъ полонъ ароматомъ
И среди густыхъ вѣтвей
Несмолкаемымъ раскатомъ
Трель заводитъ соловей.

***

Молодая, золотая
Прилетѣла къ намъ весна;
Подъ веселымъ солнцемъ мая
Вся природа, расцвѣтая,
Пробудилася отъ сна!

По знаку Нерона, хоръ смолкаетъ.

НЕРОНЪ, знакомъ подозвавъ Тигилина, тихо.

Какъ думаешь, теперь
Окончилося все?

ТИГИЛИНЪ.

Властитель...

НЕРОНЪ, вскочивъ съ ложа.

Что ты
Глядишь, какъ на убійцу, на меня?
Зачѣмъ ты поблѣднѣлъ? Не я убійца,
А ты!..

ПОППЕЯ.

Неронъ, опомнись... Тише...

НЕРОНЪ.

Да, тише, тише... Пусть теперь настанетъ
Такая тишина, чтобъ ночь могла
Услышать звукъ малѣйшій... тамъ, на морѣ.

Подходитъ къ краю террасы; Поппея слѣдуетъ за нимъ. Онъ долго всматривается въ даль. Общее смущеніе. Гости слѣдятъ за цезаремъ и перешоптываются.

ПОППЕЯ, трогая его за руку.

Любуешься ты, цезарь, видомъ моря?

НЕРОНЪ, шопотомъ.

Прислушайся... какъ страшно ночь молчитъ...
Нѣмая тьма... и больше ничего!
О, если бы я могъ услышать смерти
Ужасный крикъ! Онъ для моихъ ушей
Отрадой будетъ, онъ смиритъ біенье
Изнемогающаго въ мукахъ сердца!

ПОППЕЯ.

Дай руку, цезарь. Успокойся. Ты
Дрожишь. Будь тверже. Гдѣ жъ твоя рѣшимость?

НЕРОНЪ.

Я все готовъ снести: услышать шопотъ
Безчувственныхъ убійцъ, послѣдній вопль
Молящей жертвы, плескъ волны холодной,
Влекущей въ бездну роковую трупъ,—
Все это было бы мнѣ легче пытки
Такого ожиданья...

ПОППЕЯ.

Долженъ ты
Взять власть надъ сердцемъ, затаить волненье...

НЕРОНЪ.

Да, затаить, похоронить я долженъ
И сердце самое въ груди, смотрѣть
Спокойно всѣмъ въ глаза, не понимая
Пытливаго ихъ взгляда: «ты убійца?».

ПОППЕЯ.

Безумными мечтами самъ себя
Пугаешь ты напрасно.

НЕРОНЪ.

Тамъ, во мракѣ,
Простершемся надъ моремъ,—тамъ теперь
Моя судьба... Что если вдругъ обманетъ
Соленая волна и возвратитъ
Мнѣ снова мать?..

ПОППЕЯ.

Не бойся, дѣло будетъ
Исполнено: ручался Аницетъ...
Забудь объ этомъ, возвратись къ гостямъ.
Ты на себя вниманье обращаешь
Рѣчами странными. Пойдемъ. Развлечься
Тебѣ весельемъ надо.

НЕРОНЪ.

Ты права.

Возвращается на ложе.

Простите мнѣ, друзья, что пиръ веселый
На мигъ смутилъ я мрачностью своей:
Разстроенъ нынче я... недугъ какой-то
Меня томитъ. Прошу васъ, оживите
Нашъ праздникъ въ часъ недолгій передъ сномъ
Пріятною бесѣдой и виномъ...
Рабы! цвѣтовъ, цвѣтовъ намъ принесите:
Разсыпьте ихъ узорчатымъ ковромъ
У нашихъ ногъ: пусть нѣжныхъ розъ дыханье
Льетъ въ воздухѣ ночномъ благоуханье!..

Рабы разсыпаютъ цвѣты; другіе разносятъ чаши гостямъ. Неронъ поднимаетъ чашу.

Пью за здоровье дорогихъ гостей!

Пьетъ.

ТИГИЛИНЪ.

Здоровье цезаря!

ВСѢ, поднимая чаши.

Виватъ! виватъ!
Да здравствуетъ божественный нашъ цезарь!

ТИГИЛИНЪ, подойдя къ Фаону, тихо.

Неронъ не веселъ что-то. Попроси
Его съиграть трагедію: быть можетъ,
Онъ этимъ развлечется.

ФАОНЪ.

Хорошо.

Подходитъ къ Нерону и преклоняется передъ нимъ.

Чтобъ праздникъ этой ночи увѣнчать,
Доставь намъ удовольствіе, властитель,
Изъ устъ твоихъ божественныхъ услышать
Трагедію: ее недавно ты
Такъ дивно декламировалъ...

НЕРОНЪ, разсѣянно.

Какую
Трагедію, Фаонъ?..

ФАОНЪ.

Ты сочинилъ
Ее для состязанія съ Парисомъ
И выразилъ съ искусствомъ страшнымъ въ ней
Мученія, гонимаго богами,
Убійцы матери Ореста...

НЕРОНЪ, въ ужасѣ поднимается съ ложа, глухимъ шопотомъ.

Рабъ,
Что говоришь ты?—матери убійца!..

ГОЛОСА ГОСТЕЙ.

Цезарь, осчастливь своихъ гостей—
Дай насладиться намъ плодомъ чудеснымъ
Поэзіи твоей. Дай намъ увидѣть
Высокій, несравненный твой талантъ
Въ трагедіи.

НЕРОНЪ, съ еще большимъ ужасомъ.

И вы? Вы сговорились!..
Проклятіе!.. Но кто жъ вамъ право далъ
Пытать меня?.. Пусть сдѣлалъ я злодѣйство,
Но я вѣдь цезарь вашъ...

ПОППЕЯ, взявъ его за руку.

Неронъ! Неронъ!..

НЕРОНЪ, приходя въ себя.

А? что сказала ты?

ПОППЕЯ, настойчиво.

Гостей желанье
Исполнить долженъ ты...

Тихо.

Коль ты совсѣмъ
Разсудка не лишился...

НЕРОНЪ.

Да, я долженъ...
Ты правду говоришь.

Съ внезапнымъ порывомъ отчаянія.

Подайте лиру!

Фаонъ подаетъ лиру. Неронъ играетъ мрачную прелюдію. Потомъ начинаетъ декламировать.

«Да нанесенъ ударъ! Да, я убійца,
Убійца матери! Я отнялъ жизнь
У той, кто жизни даръ мнѣ подарила,
Я погасилъ свѣтильникъ, чей огонь
Зажегъ во мнѣ существованья пламень!
Нѣтъ большаго злодѣйства!.. Осужденъ
Я буду въ памяти временъ грядущихъ
Проклятьемъ страшнымъ: матери убійца!
Меня клеймить имъ будутъ вѣчно, вѣчно»!

Рыдаетъ, закрывъ лицо руками.

ГОЛОСА ГОСТЕЙ.

Какое дивное искусство! — Слава
Поэту — цезарю!

Апплодируютъ.

НЕРОНЪ, продолжаетъ декламацію.

«Я мать убилъ... Но вѣдь она убійцей
Была сама. Вкругъ трона моего
Катились волны крови. Преступленья
Ужасный путь судьбой указанъ мнѣ...
За что жъ меня караютъ дѣвы мщенья,
Зачѣмъ меня преслѣдуютъ онѣ?
О мать моя! тебя я умоляю:
Не вызывай ужасныхъ эвменидъ!
Толпа ихъ изступленная летитъ
Ко мнѣ, ко мнѣ... Я вопли ихъ внимаю,
Я вижу ихъ, мертвящій душу, взглядъ,

Ихъ волоса съ шипящими зміями!
Онѣ, схвативъ меня костлявыми руками,
Низвергнуть въ бездну тартара хотятъ»!

Блѣдный въ ужасѣ, упадаетъ на ложе.

ГОЛОСА ГОСТЕЙ.

Чудесно! — Несравненно! — Цезарь — богъ
Трагедіи!

ПОППЕЯ, Тигилину тихо.

Какъ поблѣднѣлъ онъ: будто
Его схватилъ недугъ. Боюсь я,
Чтобъ въ обморокъ онъ не упалъ.

ТИГИЛИНЪ, тихо.

Не бойся:
Смотри, опять къ нему вернулись силы.

НЕРОНЪ.

«О, боги! чья рыдающая тѣнь
Выходитъ изъ ужасной бездны Стикса?
Какъ страшенъ этотъ помертвѣлый ликъ
И неподвижный взоръ съ нѣмымъ укоромъ!
Тѣнь матери моей! Она идетъ
Судить меня, судить убійцу-сына»!..

Въ это время на ступеняхъ лѣстницы показывается Агриппина; она медленно приближается, закутанная въ темную палу. Неронъ, внезапно увидѣвъ ее, съ дикимъ крикомъ ужаса бросается къ Поппеѣ.

Смотри, смотри! Ты видишь... тамъ?... Она
Изъ волнъ морскихъ возстала!.. Защитите,
Спасите цезаря!.. Я умираю...

Падаетъ безъ чувствъ. Общее смятеніе. Всѣ окружаютъ упавшаго цезаря.

СЦЕНА II.

Тѣ же, Агриппина.

АГРИППИНА, подходитъ къ Нерону, лежащему въ обморокѣ. Всѣ разступаются передъ нею.

А, ты не ждалъ, что возвращусь я снова
На твой чудовищный, преступный пиръ,
Что я твое нарушу ликованье

О смерти матери! Ты думалъ, я
Лежу теперь холоднымъ трупомъ въ морѣ?
Нѣтъ, я избѣгла подлой западни,
Меня спасли отъ страшной смерти боги, —
И ты валяешься у ногъ моихъ,
Какъ жалкій трусъ, испуганный видѣньемъ
Нечистой совѣсти!.. Меня ты принялъ
За тѣнь могильную? Ошибся ты:
Передъ тобой живая Немезида,
Грозящая тебѣ отмщеньемъ мать!

Къ окружающимъ.

И вы, рабы, сообщники Нерона,
Шептавшіе ему и день, и ночь:
«Сгуби ее, сгуби!» — и вы не ждали,
Что выйду я изъ темной бездны волнъ,
Куда столкнуть задумали вы тайно
Императрицу вашу... Предо мной
Стоите вы теперь, дрожа отъ страха,
И ждете казни...

ТИГИЛИНЪ.

Августа...

АГРИППИНА.

Молчи,
Коварный песъ, злодѣй! Ты это дѣло
Ужасное внушилъ Нерону, ты —
Вотъ съ этой хитрой лицемѣркой вмѣстѣ!

Указываетъ на Поппею и въ ярости грозитъ ей и Тигилину.

Но и тебѣ, и ей недолго ждать
Возмездія за умыселъ преступный:
Я передъ цѣлымъ Римомъ обнаружу,
Какъ извести меня хотѣли вы,
Проклятые и подлые убійцы!..

Внезапно ослабѣвшимъ голосомъ.

Мнѣ силы измѣняютъ... я слабѣю...
Гдѣ Ацерронія?.. Ахъ, вѣдь они
Ее убили въ голову баграми —
Я видѣла...

Содрогается.

Ужасно!.. Неужель
Нѣтъ никого теперь близь Агриппины,
Кто былъ бы другомъ ей?..

Замѣтивъ среди окружающихъ Париса, бросается къ нему.

Парисъ! Парисъ!
Дай руку мнѣ... Укрой меня, укрой
Отъ злобы ихъ... молю тебя...

Уходитъ, опираясь на руку Париса. Всѣ стоятъ пораженные. Короткое молчаніе. Поппея, опомнившись, даетъ гостямъ знакъ удалиться; они уходятъ.

СЦЕНА III.

Неронъ, Поппея, Тигилинъ, потомъ Аницетъ.

НЕРОНЪ, очнувшись, дико озирается.

Гдѣ я? Что было тутъ? Чей страшный голосъ
Я слышалъ?

ПОППЕЯ.

Успокойся, цезарь: ты,
Трагедію играя, взволновался
И въ обморокъ упалъ.

НЕРОНЪ.

Я видѣлъ призракъ
Ужасный Агриппины...

ТИГИЛИНЪ.

Повелитель,
То былъ не призракъ: то была сама
Императрица.

НЕРОНЪ, въ испугѣ вскакиваетъ съ ложа.

Что? Императрица?!

ТИГИЛИНЪ.

Она жива... Вотъ Аницетъ идетъ —
Онъ намъ разскажетъ, какъ случилось это

Входитъ Аницетъ.

НЕРОНЪ, Аницету.

Она спаслась?

АНИЦЕТЪ.

Властитель...

НЕРОНЪ.

Отвѣчай:
Она спаслась?

АНИЦЕТЪ.

Спаслась...

НЕРОНЪ, садится; по нѣкоторомъ молчаніи.

Какъ это было?

АНИЦЕТЪ.

Отплыли мы отъ берега. Луна
Свѣтила ясно. Тихо шла галера.
На шелковыхъ подушкахъ Агриппина
Покоилась, любуясь блескомъ моря.
Задумчиво у ногъ императрицы
Сидѣла Ацерронія... Какъ вдругъ
Діаны лучъ померкъ подъ облаками,
Я подалъ знакъ — и палуба раскрылась:
Онѣ упали въ море...

Неронъ содрогается.

Но тотчасъ же,
Изъ черной бездны вынырнувъ, одна
На помощь стала звать, крича: «спасите
Императрицу вашу»! Мы ее
Прикончили скорѣй...

НЕРОНЪ.

О, ужасъ, ужасъ!..

АНИЦЕТЪ.

То Ацерронія была...

НЕРОНЪ.

А та?

АНИЦЕТЪ.

Отъ нашихъ глазъ сокрыта темной ночью,
Она спаслась на берегъ.

За сценой шумъ и крики народа.

НЕРОНЪ, вскочивъ съ ложа.

Негодяи
Трусливые! я вижу вашъ обманъ!
Она спаслась... Вы это злое дѣло
Устроили и вы мнѣ за него
Отвѣтите!

Аницетъ въ ужасѣ отступаетъ передъ взглядомъ Нерона. Въ это время входитъ трибунъ и говоритъ въ глубинѣ сцены съ Тигилиномъ. Шумъ и крики за сценой усиливаются.

ТИГИЛИНЪ, подходитъ къ Нерону.

Ты гнѣваешься, цезарь,
На вѣрныхъ слугъ за нашу неудачу?
Что жъ, если ты находишь это нужнымъ —
Пожертвуй нами; но спѣши: теперь
Не мы одни — и ты рискуешь жизнью!
Вотъ выслушай, что говоритъ трибунъ.

Дѣлаетъ трибуну знакъ; тотъ подходитъ.

ТРИБУНЪ.

Народъ толпою къ берегу сбѣжался.
Едва я могъ пробраться сквозь ряды
Собравшихся людей... Они узнали,
Что волею боговъ императрица
Избѣгла гибели въ пучинѣ моря...
Ты слышишь, цезарь, шумъ и крикъ: они
Привѣтствуютъ спасенье Агриппины
И осуждаютъ тѣхъ, кто былъ виной
Крушенія галеры, угрожаютъ
Возстаніемъ тебѣ...

НЕРОНЪ, гнѣвно.

Ты былъ обязанъ
Смирить мятежныхъ крикуновъ...

Входитъ поспѣшно центуріонъ.

ЦЕНТУРІОНЪ.

Властитель,
Народъ, волнуясь, окружилъ дворецъ,
Императрицу онъ желаетъ видѣть,
Съ ней говорить, ей выразить привѣтъ
И радость...

НЕРОНЪ, еще съ большимъ гнѣвомъ.

Разогнать толпу оружьемъ!

Трибунъ и центуріонъ уходятъ. За сценой усиленный шумъ; затѣмъ все стихаетъ. Неронъ прислушивается, потомъ обращается къ Тигилину.

Гдѣ Агриппина?

ТИГИЛИНЪ.

Въ свой покой она
Ушла сейчасъ...

ПОППЕЯ.

Она грозила смертью
И мнѣ, и Тигилину, и тебѣ!
Она сказала, что предъ цѣлымъ Римомъ
Насъ обвинитъ въ преступномъ покушеньѣ...

НЕРОНЪ, блѣдный, бросается на ложе и хватается за голову.

А, я погибъ! погибъ!

ПОППЕЯ.

Да, если ты
Не примешь мѣръ спасти себя.

ТИГИЛИНЪ.

Властитель,
Напрасно ты тревожишься: скажи
Одно лишь слово, знакъ подай безмолвный...

НЕРОНЪ, съ отчаяніемъ.

Вы это дѣло начали и вы
Должны окончить...

Входитъ Парисъ.

СЦЕНА IV.

Тѣ же, Парисъ.

ПАРИСЪ.

Цезарь, Агриппина
Меня послала...

НЕРОНЪ.

Какъ! ты отъ нея
Пословъ пришелъ?!

ПАРИСЪ.

Прости мнѣ, повелитель.
Чужую волю исполняю я.
Императрица проситъ снисхожденья:
Она теперь къ тебѣ прійдти не можетъ:
Ей нездоровится, покой и сонъ
Необходимы ей, и умоляетъ
Она свиданье отложить дозавтра.

НЕРОНЪ, близко подходитъ къ Парису, пристально смотритъ ему въ глаза и вдругъ роняетъ изъ-подъ одежды кинжалъ.

Что это выронилъ ты изъ-подъ тоги?
Быстро наклоняется и поднимаетъ кинжалъ.
Оружіе!... Предатель! ты подосланъ
Убить меня! Ты Агриппины другъ,
Ты въ заговорѣ съ нею!

ПАРИСЪ, потерявшись отъ страха.

Цезарь, я...

НЕРОНЪ.

А, подлый рабъ! Нерона продалъ ты
За ласки матери его и думалъ
Съ ней власть дѣлить... Не вѣренъ твой разсчетъ:
Для цезаря готовилъ ты кинжалъ,
Но онъ вонзится въ грудь твою, предатель.
Закалываетъ его. Парисъ падаетъ.

ПОППЕЯ, съ крикомъ ужаса бросается къ Нерону и хватаетъ его за руку.

Неронъ, о, что ты сдѣлалъ?!

НЕРОНЪ.

Ничего.
Убилъ предателя.
Тихо ей.
Онъ былъ ея
Любовникомъ. Я это знаю.

ПОППЕЯ.

Боги!

НЕРОНЪ.

Она ему тронъ цезаря сулила,
И если бы онъ трупомъ не лежалъ
Теперь передо мной, какъ знать, быть можетъ,
Онъ снялъ бы съ трупа моего вѣнецъ
И на себя надѣлъ...
Подходитъ къ тѣлу Париса, увлекая за собой Поппею, наклоняется и внимательно разсматриваетъ его.
Онъ былъ красавецъ,
Не правда ли, Поппея, и артистъ?
Смотри жъ теперь, какъ смерти дикій ужасъ

Его лицо прекрасное и взоръ
Обезобразилъ вдругъ... Ужель она
Его любила?... Ты дрожишь, блѣднѣешь?...
Да, смерть ужасна, и кругомъ себя
Я чувствую теперь ея дыханье
Холодное... Сказала правду ты:
Чтобъ не погибнуть самому, я долженъ
Свершить велѣнье грозное судьбы!

Обращаясь къ Тигилину и Аницету.

Вы видѣли: подосланъ былъ убійца
Отъ матери моей. Я цезарь вашъ:
Вы защищать меня должны. Объ этомъ
Подумайте. И если жизнь моя
Для васъ священна, если дорожите
Вы собственною жизнью, — то вѣрнѣй
Теперь ударъ направите.

ТИГИЛИНЪ, обнажая мечъ.

Властитель!
Вотъ видишь этотъ мечъ: я имъ клянусь,
Еще на небѣ блѣдный ликъ Діаны
Угаснуть не успѣетъ, — ты вздохнешь
Свободнѣе!...

НЕРОНЪ.

Довольно. Словъ не надо:
Я дѣла жду отъ васъ... Идемъ, Поппея.

Уходитъ съ Поппеей.

ТИГИЛИНЪ.

Ну, Аницетъ, теперь для насъ съ тобой
Нѣтъ выбора. Покончить съ Агриппиной
Необходимо, чтобы насъ самихъ
На утро цезарь не покончилъ. Видишь,
Расправа у Нерона коротка
Становится.

Указываетъ на трупъ Париса.

Онъ былъ любимцемъ, другомъ —
И вотъ теперь...

АНИЦЕТЪ.

Ужасно!... Не могу
Я видѣть этотъ ликъ и взглядъ застывшій...

Набрасываетъ на тѣло свою тогу.

ТИГИЛИНЪ.

Оставь его, не до него теперь.
Онъ былъ актеромъ въ жизни и предъ смертью
Гримасу сдѣлалъ цезарю, чтобъ тотъ
При этомъ оцѣнилъ его искусство...
Не будемъ медлить больше: цезарь ждетъ
Услуги нашей.

Хочетъ идти.

АНИЦЕТЪ, удерживая его.

Стой! смотри, смотри:
Кто тамъ идетъ?

ТИГИЛИНЪ.

Она! Тсс... тише!
Укроемся.

Прячутся за одну изъ колоннъ.

СЦЕНА V.

АГРИППИНА, медленно входитъ съ зажженной луцерною.

Нѣтъ сна... Какъ въ гробѣ темномъ,
Мнѣ душно, тѣсно въ комнатахъ дворца,
Хочу дохнуть я воздухомъ...

Ставитъ луцерну на столъ.

Какъ долго
Ночь эта тянется. Я никогда
Разсвѣта не ждала съ такой тревогой...
Мнѣ страшно... но чего жъ боюся я?
Они теперь, терзаясь преступленьемъ,
Должны въ невольномъ страхѣ трепетать:
Они въ моихъ рукахъ и не посмѣютъ
На новое злодѣйство покуситься...
А все мнѣ страшно и тоскливо сердце
Предчувствіемъ томится роковымъ,
И каждый шорохъ, звукъ въ ночномъ молчаньѣ
Мнѣ кажется ужаснымъ, и во тьмѣ
Мерещутся убійцы...

Подходитъ къ краю террасы.

Какъ спокойно
И молчаливо море...

Содрогается.

Надо мной
Оно бы также было молчаливо
И неподвижно, если бъ тамъ, на днѣ,
Лежала я холоднымъ, блѣднымъ трупомъ.
Ужасное воспоминанье! Дрожь
Невольно въ душу проникаетъ... Боги!
Ужели вы спасли меня затѣмъ,
Чтобы отдать Поппеѣ и Нерону
На жертву снова?.. Эта мысль опять
Ко мнѣ вернулася, она, какъ демонъ,
Меня терзаетъ. Нуженъ мнѣ покой,
Я вся измучилась, я истомилась
И тѣломъ, и душой...

Подходитъ къ ложу.

Быть можетъ, здѣсь
Я задремлю подъ ласковымъ дыханьемъ
Ночной прохлады...

Склоняется на ложе.

Богъ привѣтный сна!
Молю тебя: о, дай хоть на мгновенье
Забыться мнѣ, услышь мою мольбу:
Закрой мои пылающія вѣки
И утоли тревоги тайной боль...

Засыпаетъ. Долгая пауза. Тигилинъ и Аницетъ показываются изъ-за колонны и осторожно крадутся къ ложу. Вся сцена шопотомъ.

ТИГИЛИНЪ.

Она заснула... вотъ удобный мигъ.

АНИЦЕТЪ.

Какъ — сонную?..

ТИГИЛИНЪ.

Такъ что же? Меньше будетъ
Хлопотъ и крика...

АНИЦЕТЪ, удерживая его.

Подожди. Ужель
Рѣшишься ты?

ТИГИЛИНЪ.

Чего же больше ждать...
Пусти меня...

АНИЦЕТЪ.

Молчи, молчи!.. Ты слышишь,
Она пошевелилась... застонала...

Оба замираютъ на мѣстѣ и прислушиваются.

АГРИППИНА, во снѣ.

О, не смотри померкшими глазами...
Не проклинай... Тебя убила я
Для сына... Прочь!.. Ты, блѣдный, мертвый призракъ,
А сынъ мой живъ... Онъ цезарь... Не сжимай
Моей руки холодною рукою...
Оставь меня... Оставь...

Съ крикомъ просыпается, вскакиваетъ съ ложа и въ ужасѣ оглядывается кругомъ.

Ахъ, это сонъ...
Какъ бьется сердце... О, когда же, боги,
Меня покинетъ страждущая тѣнь
Загубленнаго Клавдія?.. Иль вѣчно
Меня и мертвый будетъ мучить онъ
Своимъ безумнымъ взглядомъ, какъ при жизни?
Онъ каждой ночью къ ложу моему
Приходитъ проклинать и въ темный тартаръ
Зоветъ онъ за собою...

ТИГИЛИНЪ.

Въ эту ночь
Туда за нимъ сойдешь ты, Агриппина!

АГРИППИНА, съ ужасомъ.

Убійцы!.. О, спасите, помогите!

ТИГИЛИНЪ.

Напрасный зовъ: твой смертный часъ насталъ.

АГРИППИНА, узнавъ его.

А, это ты злодѣй! Ужели рокомъ
Мнѣ отъ тебя погибнуть суждено...
Иль нѣтъ здѣсь никого, кто бъ Агриппину
Могъ защитить...

Какъ бы внезапно вспомнивъ, въ отчаяніи.

Парисъ!.. Парисъ!..

ТИГИЛИНЪ.

Къ чему
Кричишь ты громко такъ: онъ не услышитъ,
Хоть онъ и близко отъ тебя... Смотри —
Вотъ онъ лежитъ!..

Открываетъ труппъ Париса.

АГРИППИНА, бросается къ трупу.

О, ужасъ! ужасъ!
Они тебя убили... да... Злодѣи!..
Убили!.. Ахъ, теперь и мнѣ осталось
Одно лишь въ этомъ мірѣ — умереть.

ТИГИЛИНЪ.

Да, это правда,—умереть должна ты:
Такъ цезарь повелѣлъ.

АГРИППИНА.

Ты лжешь, ты лжешь!
Неронъ мой сынъ: онъ повелѣть не могъ
Убійства матери.

ТИГИЛИНЪ, хватаетъ ее за руку.

Тебѣ докажетъ
Ударъ меча, что правду я сказалъ.

АГРИППИНА, вырывается, отступаетъ и въ отчаяніи подставляетъ грудь.

Такъ бей же въ грудь, вскормившую Нерона!

Тигилинъ закалываетъ ее. Агриппина падаетъ.

ТИГИЛИНЪ, отирая кровь съ меча.

Окончена работа... Аницетъ,
Что жъ ты стоишь? Иди сюда...

Аницетъ подходитъ.

Однако,
Ты струсилъ, другъ, порядкомъ!

АНИЦЕТЪ.

Я не могъ...
Она вѣдь дочь Германика...

ТИГИЛИНЪ.

Любезный,
Совсѣмъ не кстати вздумалъ вспоминать
Объ этомъ ты... Ну, все равно!... теперь
Одно осталось: отнести Нерону
Желанное извѣстіе. Идемъ.

Уходятъ.

СЦЕНА VI.

Неронъ, Поппея, Тигилинъ.

ПОППЕЯ, удерживая Нерона.

Неронъ, остановись!...

НЕРОНЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, ее
Хочу я видѣть... Успокоить это
Моей души волненье.

Подходитъ къ трупу матери.

Вотъ она
Лежитъ безмолвная... Богини мщенья!
Вы знаете, что вынужденъ былъ я
На это дѣло страшное...

Наклоняется, разглядывая трупъ.

Желѣзо
Пронзило грудь ей, острое желѣзо...
А этой грудью вѣдь она меня
Вскормила, я склонялся къ этой груди
Съ любовью...

Упадаетъ передъ трупомъ на колѣни.

Мать! прости меня, прости!
Молчишь ты и глядишь померкшимъ взоромъ
Въ мои глаза... изъ раны кровь течетъ...
Та кровь, что̀ и во мнѣ... О, горе, горе
Тебѣ, Неронъ! ты собственную кровь
Въ безумьѣ пролилъ!... Какъ зіяетъ рана!
Какъ будто бы отверзтыя уста,
Что̀ вопіютъ о мщеньѣ и взываютъ
Къ неумолимымъ, страшнымъ судіямъ

Подземнаго, невѣдомаго міра!..
Я слышу: приближаются они
И взорами сверкають роковыми
И грознымъ голосомъ гремятъ: «Гдѣ онъ,
Убійца матери своей?» — и люди
Указываютъ мстителямъ: «Онъ здѣсь»!..

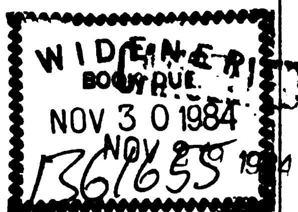
Рыдаетъ.

Да, горе мнѣ! Въ безумьѣ я низвергъ
Природы строй, возсталъ я противъ чувства,
Чтò свойственно ничтожной твари даже,
Какъ жизнь сама. Мной пролитая кровь
Огонь любви священной загасила —
Любви къ источнику существованья,
И тьма теперь кругомъ меня легла,
И все въ душѣ угасло, кромѣ муки
Отчаянья и роковаго страха
Предъ Немезидою, грозящей мнѣ!
Я сдѣлалъ то, что сдѣлать не рѣшалось
Донынѣ человѣческое сердце:
Ни на землѣ, ни у боговъ небесныхъ
Прощенія такому дѣлу нѣтъ!

Съ плачемъ припадаетъ къ трупу матери.

ЗАНАВѢСЪ.

WIDENER
BOOK DUE
NOV 3 0 1984